

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

I. ШЕРРА

ПЕРЕВЕДЕНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. ПЫПИНА

Изданіе **О. Вакста**

П Р И Л О Ж Е Н І Е

ОБЗОРЪ

ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

А. Н. ПЫПИНА и В. Д. СПАСОВИЧА

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ О. И. ВАКСТА, СТРЕМЛЯНАЯ, № 14

1865

ОБЗОРЪ
ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРЪ

А. Н. ЦЫПИНА и В. Д. СПАСОВИЧА

ИЗДАНИЕ О. И. БАКСТА

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФИИ О. И. БАКСТА

СТРЕМЕНИА, № 14

1865

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 марта 1865 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первымъ поводомъ къ составленію настоящей книги было желаніе дополнить русское изданіе «Всеобщей исторіи литературы» I. Шерра, — пока единственной книги этого рода на русскомъ языкѣ, — изложеніемъ исторіи славянскихъ литературъ, слишкомъ недостаточно переданной нѣмецкимъ писателемъ. Нашъ очеркъ задуманъ былъ сначала въ объемѣ довольно короткомъ, но, при выполненіи его, новостъ предмета въ нашей литературѣ заставила войти въ болѣе подробный разсказъ.

Послѣ перваго цѣльнаго, впрочемъ почти только библиографическаго, обзора славянскихъ литературъ Шафарика (1826), и послѣ опытовъ Тальви (1837, 1850) и г. Григоровича (1841, 1843), — опытовъ и въ свое время неполнѣ удовлетворительныхъ, — до сихъ поръ не было книги, которая бы выполняла подобную задачу для нашего времени, — хотя предметъ пріобрѣлъ съ тѣхъ поръ больше интереса для большинства и ученая разработка подробностей значительно расширилась. Я желалъ бы хотя приблизительно восполнить этотъ недостатокъ, слишкомъ замѣтный не только въ нашей, но и вообще въ цѣлой славянской литературѣ, и по свойству дѣла долженъ былъ имѣть въ виду двоякую цѣль: дать общій обзоръ для читателей-неспециалистовъ, и вмѣстѣ руководство, указаніе фактовъ и пособій изученія, для желающихъ познакомиться съ предметомъ ближе. Славянскій вопросъ, вообще говоря, извѣстенъ у насъ мало и принимается нашимъ обществомъ довольно равнодушно или слишкомъ на-вѣру, но онъ безъ сомнѣнія способенъ возбудить большой историческій интересъ, и, поставленный въ извѣстномъ социальномъ смыслѣ, можетъ быть и очень близкимъ для насъ общественнымъ вопросомъ. Знакомство съ цѣлымъ его объемомъ мо-

жетъ навести на правильное рѣшеніе частныхъ вопросовъ того же свойства, которые могутъ представиться и въ самомъ дѣлѣ представляются въ современной русской дѣйствительности. Извѣстная часть нашей литературы старается особеннымъ образомъ связать нашъ общественный вопросъ съ славянскимъ; она проповѣдуетъ извѣстное панславянское сліяніе раздѣленныхъ народовъ въ одну національную массу и принимается благодѣтельствовать «славянскимъ братьямъ», не спрашиваясь ихъ самихъ—съ своей собственной точки зрѣнія; мы желали бы, чтобы факты, которые читатель найдетъ въ этой книгѣ, дали ему понятіе о томъ, каково должно быть въ этомъ смыслѣ наше разумное отношеніе къ «братьямъ». Ограничиваясь указаніемъ данныхъ, мы должны предоставить ближайшіе выводы собственнымъ заключеніямъ читателя.

Изложеніе исторіи польской литературы должно было занять важное мѣсто въ этой книгѣ, и потому мнѣ пріятно было воспользоваться содѣйствіемъ В. Д. Спасовича, которому принадлежитъ въ книгѣ глава о польской литературѣ и компетентность котораго въ этомъ предметѣ безъ сомнѣнія будетъ оцѣнена читателемъ.

Нѣкоторыя неполноты въ изложеніи, которыя будутъ можетъ быть замѣтны специалистамъ, и очень естественныя въ подобной работѣ, между прочимъ происходятъ и отъ весьма элементарной, но существенной причины: это—трудность составить у насъ достаточную славянскую библіотеку и почти совершенное отсутствіе книгопродавческихъ сношеній съ южными и западными славянскими землями, — обстоятельство, иногда лишавшее насъ возможности пользоваться нѣкоторыми любопытными книгами.

А. П.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Введеніе	1—49
1. Данніа этнографическіа и статистическіа, стр. 3—14.	
2. Историческая судьба славянскаго племени. Вопросъ о національномъ единствѣ, стр. 14—33.	
3. Христіанство и грамота, стр. 33—42.	
4. Народная поэзіа, стр. 42—49.	
Глава первая. Болгарія	50—90
(Историческій обзоръ, стр. 50—53).	
1. Древніа времена. (Литература церковно-византійская; византійскія повѣсти и сказанія; болгарскія суевѣрія и богомилство; ложныя книги; поль Іерезія; состояніе языка), стр. 53—80.	
2. Новая литература. (Упадокъ народа и литературы; турецкое иго и фаларіоты; признаки возрожденія; Великий; новѣйшіе писатели; церковный вопросъ), стр. 80—87.	
3. Народная поэзіа болгарь. (Сборники пѣсенъ; болгарскій эпосъ), стр. 87—90.	
Глава вторая. Сербія	91—169
(Историческій обзоръ, стр. 91—100).	
1. Собственная Сербія въ древнемъ періодѣ. (Сербскія редакціи старославянскихъ произведеній церковныхъ; сербскіе писатели—Стефанъ первоначальный, Савва, Дометіанъ и пр.; лѣтописи; Законникъ Стефана Душана; сербскія редакціи византійско-болгарскихъ повѣстей; ложныя книги), стр. 100—109.	
2. Дубровникъ и Далмація. (Историческое положеніе Дубровника и Далмаціи; элементы римско-итальянскій и славянскій; четыре азбуки; кириллица и ея памятники; глаголическія книги; буква; латинское письмо; дубровницкая литература съ 15-го вѣка: Марко Маруличъ и пр.; цвѣтущій періодъ далматинской поэзіи: Златаричъ, Гундуличъ, Пальмотичъ и пр.; упадокъ съ 18-го вѣка; Андрія Качичъ; новѣйшіе писатели), стр. 109—130.	

3. Хорватская литература. (Историческія отношенія хорватскаго племени; первая литературная попытка въ эпоху реформации; католическая реакція; новое движеніе со второй половины 17-го вѣка: Витезовичъ; новѣйшіе писатели: Тома Миклушичъ и др.; слѣзаніе съ «иллиризмомъ»), стр. 130—132.
4. Хорутанская литература. (Историческія отношенія племени; древніе памятники: «фрейзингенскіе отрывки»; дѣятельность времени реформации: Труберъ, Унгнадъ; католическій періодъ: 17—18-е столѣтіе; новое движеніе: Поглинь, Водникъ; новѣйшіе писатели; современный упадокъ), стр. 132—138.
5. Новая сербская литература. (Первая попытка возрожденія съ конца 18-го вѣка; Досиеей Обрадовичъ; Вукъ Караджичъ; дѣятельность сербскихъ писателей въ австрійской Сербіи,—въ княжествѣ,—въ Червоторіи: владыка Петръ Петровичъ Нѣгошь,—въ Далмаціи), стр. 138—151.
6. «Иллирійское» возрожденіе. (Его политическій и панславистскій характеръ; отношеніе Хорватовъ къ Венграмъ; Людевитъ Гай и другіе дѣятели того времени: Станко Вразъ, Вукотиновичъ, Мажураничи и пр.; современные писатели: Кукулевичъ-Сакцинскій, Боговичъ, Ткаладъ и пр.), стр. 151—163.
7. Народная поэзія Сербовъ, стр. 163—169.

Глава третья. Русское племя 170—241

1. Русская литература. (Древнія связи съ южнымъ славянствомъ; византійскій характеръ литературы; два ея слоя: официально-церковный и простонародный; ереси; литература народныхъ суевѣрій; 17-е столѣтіе: вліяніе юго-западной схоластики; никоновское исправленіе; народная старина, выказавшаяся въ расколѣ; народная поэзія;—реформа Петра; развитіе литературы въ привилегированныхъ классахъ подъ европейскими вліяніями, съ Кантемира и Ломоносова; новое движеніе съ конца 18-го вѣка: Радищевъ, Новиковъ; Пушкинъ, Гоголь и Бѣлинскій; національныя отношенія русской литературы къ славянству), стр. 170—206.
2. Малоруссы. (Спорныя мнѣнія о малорусскомъ языкѣ и народности; Русь западная и южная подъ вліяніемъ Польши; борьба политическая и религіозная;—первая литературная проявленія малорусскихъ народныхъ элементовъ съ конца 18-го столѣтія: Котляревскій, Квитка, Шевченко; новѣйшіе писатели; народная поэзія), стр. 206—231.
3. Галицкіе Русины. (Историческое положеніе Галицкой Руси; литературное возрожденіе съ 1830 годовъ), стр. 232—241.

Глава четвертая. Чешское племя 242—347

(Историческій обзоръ, стр. 242—251).

1. Древній періодъ чешской литературы. (Национальная поэзія: «Судъ Любуши», «Кратедворская рукопись»; нѣмецкое романтическое вліяніе; упадокъ народныхъ элементовъ; поэзія аллегорико-сатирическая и рыцарская: Смилъ изъ Пардубицъ; лѣтописцы; старое чешское право), стр. 251—267.
2. Гусситское движеніе и «золотой» вѣкъ чешской литературы. (Продолженіе прежняго направленія и начало по-

- ваго; первые признаки реформаторскаго движенія: Ома Штитный, Милчъ и Матвѣй изъ Янова; ученіе Виклефа и споры въ пражскомъ университетѣ; дѣятельность Гуса, — его личность и сочиненія, латинскія и чешскія; національный характеръ его дѣятельности; его послѣдователи и враги; умѣренный гусситизмъ и таборитство; радикальныя секты таборитовъ, ихъ литературная дѣятельность. — Книгопечатаніе и классическое возрожденіе; католическая реакція; чешское право: Викторинъ, Цтиборъ и др. Хельчицкій и основаніе Братской общины. — «Золотой» вѣкъ, матеріальное распространеніе литературной дѣятельности и недостатокъ внутренней силы; вѣкъ Велеслава, стр. 267—315.
3. Періодъ паденія. (Реакція послѣ Вѣлгорской битвы; эмиграція и упадокъ чешской націи; истребленіе книгъ; литература эмиграціи: Янъ Амосъ Коженскій), стр. 315—320.
 4. Возрожденіе литературы и народности. (Первые признаки возрожденія; правленіе Юсифа II; заботы о народномъ образованіи; аббатъ Добровскій; возстановленіе національныхъ преданій; основаніе чешскаго музея; панславянскія стремленія; Ганка, Шафарикъ, Палацкій, Юнгманъ; Копитаръ; Колларъ, Челяковскій; другіе писатели того времени; политическое движеніе 48—49 года: Гавличекъ; новѣйшіе писатели), стр. 321—340.
 5. Словацкая литература. (Прежнее единство съ литературой Чеховъ; новое стремленіе къ отдѣльности: Бернолакъ, Янъ Голый; Людевитъ Штуръ; Гурбанъ, Годжа; новѣйшіе писатели), стр. 340—347.

Глава пятая. Лужицане — Верхніе и Нижніе. (Историческое положеніе лужицкаго племени; первая литературная попытка со временъ реформаци; 17-е столѣтіе: Михайль Бранцель; 18-е столѣтіе: Авраамъ Бранцель и другіе писатели; церковныя книги у Верхнихъ и Нижнихъ Лужичанъ; новѣйшее движеніе: Любенскій, Зейлеръ, Смогерь; лужицкая Матица; Нижніе Лужицане)

348—360

Глава шестая. Польская литература
(Историческій обзоръ, стр. 361—366).

361—492

1. Періодъ съ древнѣйшихъ временъ до 16-го столѣтія. (Латинскія школы и схоластика; господство латинской поэзіи: Сарбѣвскій; первые памятники польскаго языка), стр. 366—371.
2. Золотой вѣкъ Сигизмундовъ. (Состояніе общества; шляхетскіе права; вліяніе западной образованности; Рѣй изъ Налловиць, Кохановскій; поэзія буколическая: Шимоновичъ; сатира: Кленовичъ; шляхетская исключительность; іезуитская пропаганда: Скарга), стр. 372—403.
3. Періодъ іезуитско-макароническій. (Вліяніе іезуитовъ на воспитаніе и литературу; макаронизмъ, краснорѣчіе и риторство; поэзія: Потоцкій; псевдоклассицизмъ: Морштынъ; историографія; положеніе общества въ 18-мъ столѣтіи; литература мемуаровъ), стр. 404—423.

4. Періодъ Станислава Августа Понятовскаго. (Начало обновленія и реформы—въ литературѣ: Яблоновскій, Станиславъ Лещинскій,—въ народномъ воспитаніи: піары, Коварскій, Залускій; дворъ Понятовскаго и Чарторыжскихъ; Эдукаціонная Коммиссія; вліяніе французской литературы 18-го вѣка; сатира: Венгерскій, Трембецкій, Красицкій, Нарушевичъ; историческій трудъ Нарушевича; развитіе театра), стр. 423—456.
5. Періодъ Лелевеля и Мицкевича. (Трудность изложенія новѣйшей польской литературы; демократическое измѣненіе общества и отраженіе этого въ литературѣ; романтизмъ и общественное движеніе, украинская школа поэтовъ: Мальческій, Загѣскій, Гоциньскій; Лелевель; Мицкевичъ; литература эмиграціи), стр. 456—492

Глава седьмая. Возрожденіе и панславизмъ. (Причины, вызвавшія славянское движеніе; историческій и общественный смыслъ панславизма и его утопіи; заключеніе), стр. 493—530

Указатель стр. 531—536.

ВВЕДЕНИЕ.

Не можетъ быть спора о томъ, что славянскія литературы, съ точки зрѣнія культурной исторіи, далеко не имѣютъ такого важнаго значенія, какое принадлежитъ главнѣйшимъ литературамъ западной Европы. Еще до очень недавняго времени Славяне были почти совершенно удалены отъ движенія общечеловѣческаго развитія, дѣятелями котораго были западные народы: они играли роль или чисто подчиненную, и не имѣли возможности дѣйствовать въ общечеловѣческомъ интересѣ мысли, или роль подражательную, не дававшую возможности создать что нибудь самобытное, сообщить этой мысли новую силу или новое плодотворное направленіе. Уже Гердеръ, одинъ изъ первыхъ писателей, начавшихъ защищать историческое право славянскаго племени, и поэтому весьма популярный у западно-славянскихъ патріотовъ, замѣтилъ, что «славянскіе народы занимаютъ больше мѣста на землѣ, чѣмъ въ исторіи,» — и былъ совершенно правъ. Ихъ историческая дѣятельность представлялась двумя явленіями: поддержаніемъ своей національной особенности, поставленной историческими событіями въ опасность или погибнуть совсѣмъ или затеряться въ чужой народности; и распространеніемъ извѣстной цивилизаціи, — черезъ посредство русскаго племени, — на европейскій и азіатскій востокъ. Очевидно, что относительно западной цивилизаціи эти явленія имѣли только пассивное значеніе. На западѣ, гдѣ именно и шло главнымъ образомъ европейское историческое развитіе, ихъ дѣятельность не простиралась: тѣ національныя качества, за которыя восхваляютъ славянское племя ревностныя защитники славянской народности, эти качества, противопоставляемые мнимой испорченности запада, въ сожалѣнію не подвигали впередъ дѣла образованія, да въ сущности не устроили и собственнаго внутренняго благосостоянія племени. Славянскіе патріоты думаютъ, напротивъ, что Славяне уже приносятъ въ міръ свою цивилизацію съ иными, высшими началами, которая должна замѣнить современную европейскую цивилизацію, будто разъѣдающую славянскія натуры, — какъ нѣкогда образованіе христіанское замѣнило собой образованіе греко-римское. Нечего говорить, что эти увѣренія очень далеки отъ дѣйствительности, — тѣмъ больше, что и нѣтъ нужды истреблять евро-

пейскую цивилизацию: она еще съ полнымъ правомъ остается цивилизаціей господствующей, она не сказала еще своего послѣдняго слова, — и то, что уже сказано ея лучшими представителями. современный результатъ ея мысли, еще далеко не подорвано другой теоріей, а тѣмъ менѣе теоріей славянской. Наконецъ, славянская теорія еще и не успѣла опредѣлится исторически, какъ что нибудь единое, цѣльное и культурно-дѣятельное: исторія знаетъ Славянъ вѣчно раздѣленными на нѣсколько отдѣльныхъ народностей, съ весьма различнымъ характеромъ образованія и дѣятельности, и вовсе еще не выставившихъ особеннаго, общаго имъ вѣмъ культурнаго принципа.

Поэтому, исторія славянскихъ литературъ имѣетъ интересъ болѣе частный, нежели общечеловѣческій; интересъ ея ограничивается предѣлами частной славянской исторіи, она дополняетъ эту исторію изображеніемъ умственной и поэтической дѣятельности племени, результаты которой сосредоточиваются въ нынѣшнемъ состояніи славянской культуры.

Тѣмъ не менѣе однако, если своей матеріальной силой и дѣятельностью славянскіе народы имѣли непосредственное вмѣшательство въ исторію Европы и внесли свою долю вліянія въ ея политическую судьбу, то и въ исторіи литературы этого племени мы также найдемъ факты, гдѣ славянскіе элементы участвовали въ движеніи европейскихъ идей, или даже факты вполне самостоятельной дѣятельности, имѣющіе глубокое значеніе въ исторіи цивилизаціи. Для примѣра намъ достаточно указать — самый крупный фактъ въ средне-вѣковой славянской культурѣ — гусситское движеніе, поставившее первую дѣятельную и энергическую оппозицію средневѣковой религіозной традиціи и послужившее первымъ твердымъ основаніемъ для послѣдующаго разъясненія понятій религіозныхъ и общественныхъ. Этого одного факта было бы достаточно, чтобы дать славянской литературѣ принадлежащую ей долю въ исторіи цивилизаціи. Этотъ примѣръ энергической мысли — въ эпоху, когда Европа еще такъ мало была на нее способна, — указываетъ достаточно, что въ славянскомъ племени мы имѣемъ дѣло съ племенемъ, дѣйствительно культурнымъ, слѣдовательно, исторически интереснымъ. Правда, такихъ широкихъ проявленій дѣятельной и передовой мысли было не много, но мы увидимъ, что въ славянскомъ племени выказывалась однако способность смѣлаго вывода и смѣлаго отрицанія, которая можетъ быть хорошимъ предзнаменованіемъ. Внѣшняя историческая судьба славянскаго племени была замѣчательно неудачна. Только одно изъ славянскихъ племенъ создало сильное, независимо развивающееся государство; многія племена погибли, потерявши свою народность; другія до сихъ поръ должны бороться за свое національное существованіе; но мы увидимъ, что при всемъ томъ славянское племя сохранило много здоровыхъ силъ, и даже въ народахъ, еще не вдувшихъ далѣе непосредственнаго патріархальнаго быта, эти силы высказались въ замѣчательно свѣжей и жизненной народной поэзіи; у другихъ, принявшихъ уже формы европейской цивилизаціи, — особенно Русскихъ и Поляковъ, — литература представляетъ въ своихъ лучшихъ талантахъ высокую степень поэтическаго и литературнаго значенія.

Въ новѣйшее время для славянскихъ народовъ наступилъ новый оригинальный періодъ ихъ развитія, когда въ раздѣленныхъ до того племенахъ, почти совершенно забывшихъ другъ о другѣ, обнаружилось стремленіе къ единству и сосредоточенію, стремленіе къ обособленію цѣлой славянской національности (панславизмъ); это явленіе защитники славянской народности и считаютъ началомъ той новой цивилизаціи, которой представителями должны быть славянскіе народы.

Въ своемъ изложеніи мы постараемся по возможности сказать, въ какихъ формахъ совершалась исторически духовная жизнь этого громаднаго племени, какія начала успѣла она выразить въ своемъ болѣе счастливыхъ времена и у болѣе счастливыхъ отраслей этого племени, какой смыслъ имѣеть его новое возрожденіе, и наконецъ, въ какомъ отношеніи вся культура славянскаго племени стоитъ къ европейской культурѣ.

1. ДАННЫЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ.

Имѣя въ виду только очеркъ литературы славянскихъ племенъ, мы не имѣемъ нужды останавливаться долго на древнѣйшей судьбѣ этого племени, и ограничимся только очеркомъ его древняго разселенія и его нынѣшняго состоянія ¹⁾. Въ обширномъ смыслѣ, исторія литературы имѣеть тѣсную связь со всей нравственной физиономіей народа, его національной стариной, преданіями и т. п., слѣдовательно, съ его мифологіей, археологіей и т. д., но

¹⁾ Изъ общихъ сочиненій по славянскимъ древностямъ, этнографіи, языку и литературѣ, могутъ быть особенно названы слѣдующія книги:

— Dr. Anton, Erste Linien eines Versuchs über der alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse, Leipz. 1783—89, 2 т.; — Schläger, Nord. Geschichte, Halle 1771; — Z. D. Chodakowski, O Słowiańszczyźnie przed Chrzescianstwem (1818, потомъ) Krakow 1835; — W. Surowiecki, Sledzenie początku narod. Słowiańskich, Warszawa 1824 (русскій переводъ въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи и Древн.“); — П. Шафарикъ, Ueber die Abkunft der Slawen nach Surowiecki, Ofen 1828; — Шафарикъ, Slovanské starožitnosti, Прага 1836 (съ подробными указаніемъ литературы слав. древностей; переводъ Бодянскаго: Слав. Древности, въ 6 кн., М. 1848); — W. A. Maciejowski, Historia prawodawstw Słowiańskich, 2-е изд. Warsz. 1868—62 (рус. переводъ въ „Чтеніяхъ“); — П. Шафарикъ, Slovanský národopis (съ этнографич. картой), 3-е изд. Прага 1849. — Ami Boué, La Turquie d'Europe, Paris 1848, 4 т.; — Cyprien Robert, Les Slaves de Turquie, 2 v. Paris 1843; — Hippolyte Despres, Les peuples de l'Autriche et de la Turquie, Paris 1850, 2 т.; — Les Slavs Occidentaux, Paris, Franck, 1859; — Czwoernig, Die Vertheilung der Völkerstämme in Oesterreich (съ этнографич. картой), Вѣна 1856; — Brachelli, Statistik der Oesterr. Monarchie, Вѣна 1857; — Dr. A. Ficker, Bevölkerung der Oesterr. Monarchie, 1860; — П. Кёппель, Этнографическая карта Европ. Россія, изд. Георг. Общ. Спб. 1851.

— Труды по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ Боппа, Потта, Гримма, Шлейхера и др.; — Miklosich, Vergleichende Grammatik der Slawischen Sprachen, — Lautlehre, Wien 1852, — Formenlehre, Wien 1856; — Fr. L. Čelakovski, Čtení o srovnávací mluvnici slovańské, Прага 1863.

— П. Шафарикъ, Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, Ofen 1826 (особенно съ библиографической точки зрѣнія); — Тальви (т-жа Робинсонъ): Historical view of the Slavic language in its various dialects. From the Biblical Repository, conducted by Edw. Robinson, D. D. Andover (въ сѣв. Америкѣ) 1834; 2-е изданіе: Historical view of the languages and literature of the Slavic nations; with a sketch of their popular poetry, New-York 1850 (нѣм. переводъ:

мы имѣемъ въ виду только собственно литературную дѣятельность славянскихъ племенъ, — въ особенности новѣйшую, а для нея изслѣдованіе доисторическихъ временъ, по нашему мнѣнію, не представляетъ особенной важности.

Первымъ историческимъ событіемъ, которое ясно освѣщаетъ для насъ исторію славянскихъ племенъ, было христіанство. Главная эпоха его введенія была для Славянъ въ 9—10-мъ столѣтіяхъ, — хотя оно отчасти появляется и раньше этого времени (у западныхъ Славянъ) и получило окончательное господство уже въ болѣе поздніе вѣка (особенно у Славянъ русскихъ). Эти вѣка были также временемъ образованія государствъ, или по крайней мѣрѣ, болѣе тѣснаго политическаго сплоченія племенныхъ массъ, занимавшихъ и въ тѣ времена приблизительно тѣ же самыя мѣста, какія занимаютъ они теперь. Въ памятникахъ 9—10 вѣка, при болѣе близости языка къ его первоначальной формѣ, мы однако имѣемъ уже возможность отличать и тѣ главныя нарѣчія, на которыя славянскій языкъ распадается въ наше время. Однимъ словомъ, историческая жизнь застаётъ эти племена уже развившимися въ отдѣльные славянскіе типы, разнообразіе которыхъ достаточно объясняется разнообразіемъ естественныхъ условій ихъ географическаго распредѣленія. — отъ сѣверныхъ новгородскихъ пустынь до цвѣтущихъ земель балканскаго полуострова и адриатическаго приморья, — и разнообразіемъ ихъ историческихъ столкновеній съ племенами крайняго востока Европы, и съ другой стороны съ племенемъ германскимъ, съ Римомъ и Византіей.

Какимъ образомъ произошло расселеніе славянскаго племени, послѣ неизвѣстно когда случившагося ихъ прихода въ Европу, остается до сихъ поръ неясно. Русскіе сохранили только темную память о приходѣ изъ-за Дуная; Чехи помнили только, что ихъ предки пришли въ чешскую землю черезъ три рѣки; Сербы и Хорваты знали только о приходѣ своемъ изъ Бѣлой Сербіи и Хорватіи за Карпатами, ... но какъ жили они на своихъ прежнихъ мѣстахъ, откуда появились они въ тѣхъ мѣстахъ, этого, кажется, не знали они и въ то отдаленное время, до котораго достигаютъ наши памятники. Съ тѣхъ поръ и до нынѣ, какъ мы сказали, происходили большей частью только незначительныя частныя передвиженія, — исключая только племя русское, захватившее съ тѣхъ поръ громадныя земли на востокѣ, и племя балтійскихъ Славянъ, изчезнувшее въ борьбѣ съ нѣмцами.

Uebersichtliches Handb. einer Gesch. der slaw. Spr. etc. übert. von B. H. Brühl. Leipz. 1851); — E. v. O. (Olbrecht), Geschichtliche Uebersicht der slaw. Sprache in ihren versch. Mundarten und der slaw. Literatur (по Шафарику и Тальви), 1837; — [Мицкевичъ, Vorlesungen über slaw. Literatur und Zustände, пер. съ франц., Загряда, 1843—45, 4 т.]; — В. Григоровичъ, Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ (въ Учен. Зап. Каз. Унив. 1841, кн. 1) и: Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ, Казань 1843; — Wurzbach v. Tannenbergl. Bibliographisch-statistische Uebersicht des Oester. Kaiserstaates (отчеты за 1853—1854 годы), Wien 1856. — Jordan и J. E. Schmalzer (Смолець), Jahrbücher für slaw. Literatur, Kunst und Wissenschaft, 1843 и слѣд. 1862; — Fr. Miklosich und J. Fiedler, Slawische Bibliothek, 2 Bde, Вѣна 1851—58; — Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ, Спб. 1852 и слѣд. — Fr. L. Rieger, Slovnik Naučný, Прага 1859 и слѣд.

По своимъ этнографическимъ особенностямъ и языку, а за тѣмъ и по историческимъ условіямъ, цѣлая масса славянства распадается на два главные отдѣла: Славянъ восточнаго племени и Славянъ западныхъ. Къ первому принадлежатъ Русскіе — съ ихъ подраздѣленіями (Великоруссы, Малоруссы и Бѣлоруссы), за тѣмъ Болгары и Сербы — съ ихъ подраздѣленіями (Сербы, Хорваты и Словинцы, или Хорутане). Къ западнымъ: Ляхи, или Поляки, племя чешское съ его подраздѣленіями (Чехи, Мораване, Словаки); Лужичане (верхіе и нижніе, или горные и дольные) и исчезнувшее племя Славянъ полабскихъ и балтійскихъ. Это отличие двухъ славянскихъ вѣтвей и ихъ подраздѣленій все больше обозначалось въ теченіи исторической жизни племенъ, которая ставила ихъ въ различныя условія, давала разное направленіе ихъ національнымъ свойствамъ, и тѣмъ еще сильнѣе отъѣнила первоначальныя племенные видоизмѣненія.

Русское племя, централизованное сначала въ Полянѣхъ, въ южной кievской Руси, мало по малу, вслѣдствіе собственной подвижности и принудительныхъ историческихъ обстоятельствъ, расширилось на сѣверъ и востокъ далеко за тѣ границы, въ которыхъ заключались его первоначальныя жилища. Этотъ единственный примѣръ широкаго распространенія славянскаго племени объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что здѣсь, на востокѣ, Славяне русскіе встрѣчались съ племенами, которыя стояли ниже ихъ по культурному значенію или также и по матеріальной силѣ. Это распространеніе русскаго племени продолжается до самаго 19-го столѣтія. Въ этомъ растяженіи племени, вѣроятно, скрывается и тотъ недостатокъ интензивности, который отличаетъ русскую исторію стараго періода, и мѣшало ему до самаго 18-го столѣтія собрать свои племенные силы и начать свое внутреннее развитіе въ смыслѣ развитія европейскаго... Когда происходило это движеніе на востокъ, совершавшееся въ племени великорусскомъ и имѣвшее центромъ Москву, на западѣ обособились другіе типы этого цѣлага, племя малорусское, или русинское и Русь западная. На долгое время, самая исторія ихъ отъѣлилась отъ великорусской, потому что они стали въ зависимость сначала отъ Литвы, потомъ Польши; послѣ паденія Польши, они перешли въ составъ великорусской имперіи или германской Австріи. Мы не будемъ указывать границъ разселенія великорусскаго племени, такъ какъ эти границы достаточно извѣстны, и сошлемся только напр. на этнографическія данныя, сообщаемыя Шафэрикомъ и Кеппеномъ. Малоруссы (Украинцы, Южноруссы, Черкасы, Запорожцы, въ Галиціи—Русины, Галичане, Русняки [Визніасу у Поляковѣ], карпатскіе Русины, Гуцулы и Бойки въ горной части Галиціи) занимаютъ въ западномъ краѣ Россіи небольшую часть Гродненской и Минской губерній, всю Волынскую и Каменецъ-Подольскую, въ южномъ краѣ всю Херсонскую, Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую губернію, части Курской и Воронежской, Екатеринославскую, третью часть Таврической губерній и землю Кубанскаго Черноморскаго войска; въ Польшѣ они занимаютъ половину Люблинской губерній, наконецъ въ Австріи -- большую часть Галиціи и кромѣ того, болѣе

или менѣе многочисленными поселеніями живутъ въ Венгріи (карпатская, угорская Русь), Буковинѣ и по южной австрійской границѣ ²⁾. Бѣлоруссы, по раздѣлѣ Польши снова входящіе въ составъ великорусской имперіи, занимаютъ значительную часть такъ называемыхъ западныхъ губерній: Могилевскую, Минскую, большую часть губерній Витебской и Гродненской, часть губерній Виленской и, по новымъ извѣстіямъ, — Августовской въ Польшѣ. Наконецъ, отдѣльные выселенцы великорусскаго племени живутъ въ прусскихъ и австрійскихъ раскольниковыхъ колоніяхъ (филипоны и липованы), въ турецкой Добруджѣ (некрасовцы) и даже въ Малой Азіи.

Другая вѣтвь восточнаго славянства, Болгары, занимали въ древніи времена болѣе обширное пространство, чѣмъ теперь: въ цвѣтущую эпоху стараго болгарскаго царства, до прихода Венгровъ, Половцевъ и Печенѣговъ въ Паннонію и Трансильванію, славянское племя занимало и эти страны на сѣверъ отъ Дуная, въ Валахіи, Трансильваніи и нынѣшней Венгріи до Песта и съ другой стороны до Карпатъ, у истоковъ Тиссы, — въ земляхъ, гдѣ теперь господствуютъ Венгры и Валахи. Но Славяне распространены были, еще до времени болгарскаго царства, и дальше этихъ предѣловъ: первыя поселенія ихъ на балканскомъ полуостровѣ, начинающіяся исторически съ 5 — 6-го вѣка, шли, кромѣ Фракіи и Македоніи, въ Фессалію, Эпиръ, Грецію и даже Пелопоннезъ, гдѣ до сихъ поръ уцѣлѣло много мѣстныхъ славянскихъ названій. Здѣсь они не удержались впрочемъ, окруженные чужими племенами (Греками, Валахами, Арнаутами), но оставили свой слѣдъ въ образованіи новогреческой народности ³⁾. Приходъ Венгровъ и постепенный упадокъ болгарскаго царства сократили и границы племени, — которое однако и въ настоящее время занимаетъ огромное пространство отъ р. Тимока, на сербской границѣ, и устья Дуная съ одной стороны, до Солуна и границъ Албаніи съ другой — т. е. древнюю Мизію, Фракію и Македонію; болгарскія селенія доходятъ до самаго Константинополя. Кромѣ этихъ старо-болгарскихъ земель, значительная часть этого племени живетъ въ сосѣднихъ земляхъ Дунайскихъ княжествъ и Россіи, куда заставляло ихъ бѣжать турецкое угнетеніе. Незначительное число болгарскаго населенія находится также въ Банатѣ и Трансильваніи.

На западъ отъ Болгаръ распространилось сербское племя, доходящее до Адриатическаго моря и составляющее сплошное, непрерывающееся населеніе западной части балканскаго полуострова и юга нынѣшней Австріи. Нѣкогда

²⁾ Основа, 1861, май; 1862, январь. Названныя мѣстности, конечно, не сплошнымъ образомъ заселены Малоруссами: въ Галиціи и Люблинской губерніи высшій классъ и горожане большей части Поляки, также какъ почти всѣ помѣщики и отчасти мѣщане въ западныхъ и Киевской губ.; въ южныхъ губ. живутъ Нѣмцы-колонисты, Болгары, Сербы и пр.; въ Харьковской много поселенцевъ русскихъ; по всему западному краю много Евреевъ, въ Курской и Воронежской губ. Малоруссы мѣшаются съ населеніемъ русскимъ. Въ этой границѣ Малоруссы живутъ слободами и поселеніями въ Саратовской и Самарской губ. и другихъ мѣстахъ.

³⁾ Объ этихъ греческихъ Славянахъ см. въ особенности сочиненія Фалльмера: *Geschichte der Halbinsel Morea*. Stuttg. 1830, 2 т.; *Ueber die Entstehung der heut. Griechen*, Stuttg. 1835; *Fragmente aus d. Oriente*. Stuttg. 1845, 2 т.; Гильфердингъ, *Письма объ ист. Сербовъ и Болгаръ*, М. 1855—59.

это племя составляло нѣсколько свободныхъ, независимыхъ владѣній (царство сербское, королевство хорватское, далматинскія республики и т. д.); но поставленныя сначала между Греками, а потомъ Турками, Венеціей, Венгріей и Германіей, всѣ эти свободныя сербскія земли должны были сначала ограничить предѣлы своего распространенія, и потомъ совершенно потеряли свою самостоятельность, за исключеніемъ небольшой Черногоріи, къ которой въ нынѣшнемъ столѣтіи присоединилась другая свободная земля этого племени, княжество Сербія. Все остальное сербское населеніе занимаетъ вполнѣ или въ значительной степени разныя провинціи Турціи и Австріи. Собственные Сербы занимаютъ кромѣ княжества и Черногоріи Босну, Герцеговину, турецкую Кроацію, Далмацію, часть Истріи, Славонію, Военную границу, Сремъ, Бачку и Банатъ, и заходятъ далеко въ самую Венгрію, куда направилось въ 17-мъ столѣтіи сербское переселеніе съ патриархомъ Арсеніемъ Черновицемъ, ухившееся отъ турецкаго угнетенія: это — Сербы, Босняки, Герцеговинцы, Черногорцы, Далматинцы, Дубровчане, Чичи (въ Истріи), Ускоки и т. д. (Сербы есть также и за границами этихъ земель: сербскія колоніи въ Херсонской губерніи (потомки переселенцевъ изъ Славоніи и южной Венгріи въ 1751—53), въ Турціи между Болгарами и Арбанасами. Другая сербская вѣтвь, Хорваты, или Кроаты, занимаютъ въ собственной Хорватіи столицы Вараждинскую и Крижевецкую и значительную часть Загребской, Саладской и Шомодской; кромѣ того ихъ поселенія также заходятъ въ собственную Венгрію, западную, до самаго Пресбурга, отличающагося нѣсколько по языку отъ собственныхъ Хорватовъ. Имя Хорватовъ шло, впрочемъ, гораздо дальше границъ ихъ собственного племени, потому что оно обозначаетъ также сербскихъ жителей турецкой Хорватіи и жителей сѣвернаго адриатическаго Приморья и острововъ. Третье сербское племя, Хорутане (Винды, Словинцы, Штайерцы, Краинцы и пр.) занимаютъ часть Штиріи, Каринтіи, почти весь Крайнь, земли иллирскаго Приморья, часть собственной Кроаціи, Истрію. Крайніе слѣды славянскихъ поселеній въ этомъ направленіи дошли до южной Италіи *).

Западная половина славянскаго племени распространилась въ болѣе тѣсномъ и непосредственномъ содѣйствіи германскаго племени (къ которому восточные Славяне имѣли болѣе отдаленныя отношенія), и это обстоятельство отразилось и на разселеніи западной половины славянства, на его культурѣ и на его историческихъ судьбахъ. Славянское племя заняло въ западной Европѣ земли, только что оставленныя германскимъ племенемъ во время народнаго переселенія, и повидимому распространилось сначала даже дальше границы нѣмецкаго племени: славянское населеніе доходило до Фульдскаго монастыря, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже до Рейна. Встрѣча была враждебная: напоръ Славянъ былъ отброшенъ нѣмецкой національностью, орудіемъ которой было въ этомъ случаѣ римское христіанство, вводимое съ мечемъ въ рукахъ

* Славянскія поселенія въ Неаполитанской королевствѣ, въ „Чтесіяхъ Моск. Общ.“ 1858.

ревностными нѣмецкими миссіонерами. Эпоха Карла Великаго уже охарактеризовала собой то вѣчное соперничество и ненависть, которыя раздѣляютъ, съ тѣхъ поръ и до нынѣ, племена славянское и германское; тогда положено было и начало германизациі, которая до сихъ поръ составляетъ постоянный характеръ нѣмецкой политики относительно славянства. Племя Славявъ полабскихъ и прибалтійскихъ, самое близкое къ Нѣмцамъ, уже въ средніе вѣка стало жертвой международной ненависти: нѣкогда сильное и многочисленное, развивавшее обширную торговую и мореходную дѣятельность (знаменитый городъ балтійскихъ Славявъ Юлиль, или Винета), раньше всѣхъ другихъ племень создавшее извѣстную культуру, еще съ языческимъ характеромъ, оно было уже давно или истреблено почти окончательно, или потеряло народность. Мѣстныя названія сѣверной прибалтійской Германіи до самаго Люнебурга до сихъ поръ носятъ слѣды славянскихъ топографическихъ названій, и, какъ говорить, въ тѣхъ мѣстахъ существуютъ даже немногіе исчезающіе остатки и стараго народа ⁵⁾).

Самое многочисленное изъ западныхъ племень — польское. Его столкновенія съ германскимъ племенемъ не были такъ часты и опасны, оно сохранило свою національную самобытность, своей культурой и католицизмомъ вошло въ рядъ народовъ европейской цивилизациі. Дальнѣйшая судьба его извѣстна: оно имѣло свою блестящую исторію, широко распространило нѣкогда свое политическое господство, обнимавшее земли отъ Чернаго моря до Балтійскаго, но затѣмъ поставленное между сильными сосѣдями и не выработавшее прочныхъ социальныхъ отношеній, оно кончило свою политическую независимость въ 18-мъ столѣтіи, нѣсколькими послѣдовательными раздѣлами. Въ настоящее время, кромѣ собственнаго Царства, Поляки составляютъ значительную часть населенія въ русскихъ западныхъ губерніяхъ, въ Галиціи, австрійской Силезіи, Буковинѣ, затѣмъ въ Помераніи, Познани и прусской Силезіи. Это — Великополяне, Малополяне, Поморяне, Мазуры, Куяване, Слезяки и т. д. Польское племя представляетъ мало частныхъ мѣстныхъ отличій; одни только Кашубы, старое польское племя, почти затерявшееся въ Помераніи, значительно отличаются языкомъ отъ кореннаго польскаго типа ⁶⁾. Польское населеніе

⁵⁾ См. Шафарика, Slov. Narodopis, стр. 107—109. Отъ языка ихъ остались немногіе сборники словъ и молитвенныхъ формулъ изъ 17-го столѣтія. Объ ихъ исторіи см. Гильфердинга, Исторія Балтійскихъ Славявъ, т. 1855;—Schwartz, Einleitung zur Geogr. der nord. deutsch-slav. Nation. Greifsw. 1745;—Lützwow, Versuch einer pragm. Geschichte von Meklenburg, Berl. 1827—35;—Barthold, Geschichte von Rügen und Pommern. Hamb. 1839—45, 4 т.;—Giesebrecht, Wendische Geschichte. Berlin 1843, 3 т. Объ языкѣ этихъ племень, кромѣ замѣчаній Шафарика, укажемъ сочиненіе Бурмейстера, Ueber die Sprache früher in Mecklenburg wohnenden Obotriten-Wenden, переведенное въ „Трудахъ Росс. Академіи“ (1841, IV, стр. 1—52) и Гильфердинга, Памятники нарѣчій Зальбскихъ Древланъ и Гланявъ. Слб. 1856. Опытъ о восточномъ балтійскомъ нарѣчьи — Воцели: Pamatky Lutických Slovanův v Sas. Č. Mus. t. XXIII. Паконедъ, литературныя свѣдѣнія о языкѣ полабскихъ Славявъ въ статьѣ Гануша, въ Slawische Bibliothek 2, стр. 109—140.

⁶⁾ См. Шафарика, Narodopis, стр. 84—85. Цейнова, Trze rozprawy wóros kile slov wó Kaszobach e jich zemji, Браковъ 1850. Гильфердингъ, О нарѣчьи Померанскихъ Словянцевъ и Кашубовъ, — въ Извѣстіяхъ т. 8, стр. 41—56.

этих мѣсть не вездѣ является однако плотнымъ населеніемъ: напр. въ русскіхъ западныхъ губерніяхъ оно составляетъ только одинъ слой на Ѳлорусско-литовской основѣ, въ большей части Галиціи также одинъ слой между Русинами. Въ прусской Польшѣ, въ область польской народности начинается больше и больше проникать нѣмецкое населеніе, условію котораго помогаетъ преднамѣренная административная система.

Другое обширное западное племя, чешское (Чехи, Мораване и Словаки), также съ первыхъ поръ своей исторіи стало въ близкое сосѣдство и враждебныя отношенія къ Нѣмцамъ. Первоначальное славянское христіанство и здѣсь, какъ въ Польшѣ, должно было уже рано уступить римскому католицизму; чешская земля вступила и въ тѣсную политическую связь съ нѣмецкой имперіей и въ сильной степени, уже въ средніе вѣка, подверглась влияніямъ нѣмецкой культуры. Это вліяніе раздѣляли съ ней потомъ и Мораване, въ древнемъ царствѣ которыхъ начиналось было славянское христіанство временемъ Кирилла и Мефодія. Мораване и Словаки одинаково имѣли своихъ дѣятелей въ чешской литературѣ, и до послѣдняго времени связь племенная поддерживалась, несмотря на политическое раздѣленіе. Въ настоящее время, чешское племя остается приблизительно въ тѣхъ же предѣлахъ, въ какихъ оно существовало въ древности, обнимая большую часть Богеміи и Моравіи, сѣверозападную часть Венгріи и югозападный уголъ прусской Силезіи. Чехи занимаютъ центръ и большую часть Богеміи, окруженные съ сѣверозапада нѣмецкимъ населеніемъ и значительно перемѣшанные съ Нѣмцами въ городахъ; нѣкоторое число ихъ находится также въ нижней Австріи и Военной Границѣ. Мораване, кромѣ собственной Моравіи, гдѣ также, какъ Чехи, имѣютъ значительное число нѣмецкихъ сосѣдей, имѣютъ свою доли въ австрійской Силезіи (Мораване, Гораци, Ганнаки, Валахи и т. д.). Словаки распространены главнымъ образомъ въ сѣверозападной Венгріи; нѣкоторое число ихъ есть также въ Моравіи, Войводинѣ, Банатѣ и нижней Австріи.

Особую, незначительную вѣтвь западнаго славянскаго племени составляютъ Лужичане, или Сербы или Венды Лужицкіе, обломки прежняго обширнаго племени полабскихъ Сербовъ, языкъ котораго распространялся отъ Сазы черезъ Эльбу до Одера, и которое оѣмечено было почти совсѣмъ: отъ него остались только немногіе представители, раздѣленные на два нарѣчія (горнолужицкое и долинолужицкое).

Этнографическая статистика славянскаго племени до сихъ поръ составляетъ для ученыхъ камень преткновенія и, дѣйствительно, трудно назначить цифры, которыя бы вѣрно опредѣлили его статистическія отношенія: съ одной стороны, разные вѣтви его находятся въ условіяхъ весьма неблагопріятныхъ для статистическаго изслѣдованія, напр. Болгары и Сербы; съ другой стороны, когда эта цифра опредѣляется научно и официально, возможно сомнѣніе въ ея достовѣрности. Въ такомъ положеніи находятся Славяне ав-

стрийскіе, цифра которыхъ — по словамъ собственно славянскихъ этнографовъ — навѣрнѣно сокращается правительственной статистикой, желающей уменьшить значеніе славянскихъ народностей относительно господствующаго нѣмецкаго племени. Мы покажемъ дальше примѣры подобныхъ статистическихъ недоразумѣній. Невѣрность цифръ, приводимыхъ до сихъ поръ статистикой, напр. для Болгаріи, весьма возможна потому, что никто до настоящаго времени не имѣлъ возможности заняться точнымъ ихъ изслѣдованіемъ. До послѣдняго времени не были даже извѣстны всѣ топографическія отношенія болгарскаго племени. Австрійское славянство было высчитано уже много разъ: съ одной стороны, представилъ свои цифры Шафарикъ, съ другой — болѣе или менѣе официальные статистики, Чёрнигъ и Брахелли⁷⁾. цифры которыхъ, въ особенности перваго, сокращаютъ количество отдѣльныхъ славянскихъ населеній иногда до 20%. Мы предпочитаемъ однако цифры Шафарика, и вообще находимъ большія цифры болѣе вѣроятными, такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что правительственная статистика старается уменьшить цифру славянскаго населенія и относить къ числу Нѣмцевъ каждаго Славянина, у котораго есть нѣсколько значительное нѣмецкое образованіе. Есть дѣйствительно цѣлый неопредѣленный слой населенія, полу-славянской, полу-нѣмецкой (преимущественно въ городахъ), который одинаково можетъ входить въ обѣ категоріи: національные статистики удерживаютъ этотъ слой (состоящій изъ чиновниковъ, торговцевъ и т. п. людей, которые по необходимости знаютъ нѣмецкій языкъ) въ числѣ Славянъ, правительственные относятъ къ числу Нѣмцевъ, — и кто изъ нихъ правъ, собственно говоря, рѣшить очень трудно, потому что германизация пріобрѣтаетъ въ разныхъ индивидуумахъ весьма различную степень прочности. Выбирая вообще скорѣе точку зрѣнія національныхъ статистиковъ. — мы и относительно этого сомнительнаго слоя также становимся скорѣе на сторонѣ статистики неофициальной, потому что изъ опыта извѣстно, что упомянутая нами германизация не всегда была такой прочной, какой предполагало ее правительство: первоначальная и коренная національность этихъ людей брала верхъ, когда могла связываться безпрепятственно, и когда обстоятельства возвращали ей общественное значеніе. Такъ въ 48—49 годахъ, Прага вдругъ оказалась такъ мало нѣмецкой, что этого не предвидѣли и сами Чехи. Такимъ образомъ, статистика имѣетъ полное право предпочитать — конечно съ извѣстными ограниченіями — національность коренную прививной.

Цифра болгарскаго племени до сихъ поръ не опредѣлена сколько нибудь положительно. Въ 20-хъ годахъ, Шафарикъ считалъ ихъ только до 600,000⁸⁾; впоследствии, эта, явно ошибочная цифра была доведена у Ами-Буэ до 4¹/₂ милліоновъ, — что казалось невѣроятнымъ Шафарику. Въ 1842 г. самъ онъ счи-

⁷⁾ Slov. Narodpis, изд. 1849, цифры—1842 года; Czörnig, Die Vertheilung etc. 1856; Brachelli, Statistik 1857; Ficker, Bevölkerung etc. 1860.

⁸⁾ Gesch. der slaw. Sprache, 1826, стр. 26.

такъ 3.587,000, изъ которыхъ $3\frac{1}{2}$ относились въ турецкія владѣнія, 80,000 къ Россіи, 7,000 къ южной Венгріи (у Чёрнига: въ Банатѣ — 22,780; въ Трансильваніи — 207; у Брахелли: въ Войводинѣ — 27,000; въ Транс. — 205). Но люди, спеціально интересующіеся болгарскимъ племенемъ, считаютъ его въ настоящее время несравненно обширнѣе, полагая его одни до 6, другіе до 7-ми или даже $7\frac{1}{2}$ миллионъ, — цифра, выставленная самими Болгарами въ прошеніи ихъ депутатовъ къ султану въ 1856 году *). Въ религіозномъ отношеніи они распредѣляются по Шафарыку такимъ образомъ: 3.287,000 православныхъ, 50,000 католиковъ и 250,000 потурченныхъ Болгаръ-магометанъ, сохранившихъ однако свой языкъ.

Сербское племя вообще Шафарикъ считаетъ въ 7.246,000, изъ которыхъ 4.546,000 находится въ Австріи, 2.600,000 — въ княжествѣ и турецкихъ провинціяхъ, 100,000 — въ Россіи; и которые въ религіозномъ отношеніи распредѣляются такъ: 3.803,000 — римскихъ католиковъ, 2.880,000 — православныхъ, 13,000 — протестантовъ и 550,000 — потурченныхъ Сербовъ, и незначительное количество униатовъ въ Далмаціи, Кроаціи и Славоніи.

Затѣмъ три частныя распредѣленія сербскаго племени, собственные Сербы, Хорваты, и Хорутане, представляютъ слѣдующія цифры:

Число собственныхъ *Сербовъ* доходитъ до 5.294,000. Въ турецкихъ областяхъ — 2.600,000, и именно:

въ княжествѣ	950,000
— Босніѣ, Герцеговинѣ и другіхъ турецкихъ провинціяхъ	1.552,000
— Черногоріи	100,000

Въ Россіи — 100,000.

Въ Австріи — 2.594,000 (у Чёрнига — круглыми цифрами — только 1.427,000; у Брахелли — безъ войска — 1.554,000), и именно:

въ Войводинѣ и Банатѣ	532,000
— Славоніи и Славонской границѣ	738,000
— Кроаціи и Кроатской границѣ	629,000
— южномъ Крайнѣ	40,000
— Истріи и венгерскомъ Приморьѣ	254,000
— Далмаціи	391,000

Въ религіозномъ отношеніи собственные Сербы имѣютъ:

православныхъ (въ Австріи, Сербіи и Турціи)	2.880,000
католиковъ (въ Австріи и Турціи, именно въ Босніѣ и Герцеговинѣ)	1.864,000
магометанъ (въ Босніѣ, Герцеговинѣ и древней Расѣ)	550,000

Эти послѣдніе удерживаютъ впрочемъ сербскій языкъ.

Племя *хорватское*, исключительно римскіе католики въ Австріи, имѣетъ по Шафарыку 801,000, но по Чёрнигу (Словено-хорваты, Сербо-хорваты и

*) Палаузовъ въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1860, № 120; Slovník Národní Riečera, статья Bulhaří; Раковскій, Показалець или Руководство и пр. Одесса, 1859, ч. I, стр. 28.

Дадматянскіе Кроаты) 1.330,000; по Брахелли, въ томъ же объемѣ, какъ у Чёрнига (но безъ войска) 1.554,000.

Племя *Словинцевъ*, *Виндовъ* или *Хорутанъ* Шафарикъ считаетъ въ 1.151,000, по Чёрнигу однако 1.172,000, по Брахелли (безъ войска) 1.248,000, и въ этомъ случаѣ, какъ и относительно Хорватовъ, послѣднія цифры должны быть вѣрнѣ показаній Шафарика: разница отчасти должна быть отнесена къ различію времени счета (1842. 1851. 1854) и разности къ опредѣленію национальностей, здѣсь часто не рѣзко одна отъ другой отдѣленныхъ. Въ томъ числѣ считается:

въ Штиріи	378,000
— Хорутанія	84,000
— Брайвъ	398,000
— иллирскомъ Приморьѣ	247,000
— Фуравніи	22,000
— Венгріи	52,000

Всѣ они католики, за исключеніемъ 13,000 протестантовъ въ западной Венгріи.

Относительно чешскаго племени, показанія официальной статистики опять гораздо ниже чиселъ, приводимыхъ Шафарикомъ. Въ цѣломъ, число чешскаго племени, по Шафарику, доходитъ до 7.167,000 (изъ нихъ 44,000 въ прусской Силезіи, и затѣмъ 6.223,000 католиковъ, и 944.000 протестантовъ), тогда какъ по Чёрнигу чешское племя въ цѣломъ не превышаетъ 5.854,000, по Брахелли (безъ войска) 6.278,000.

Тоже различіе оказывается, конечно, и относительно подраздѣлений племени: мы приведемъ ихъ, потому что эти цифры въ особенности были предметомъ чешской национальной ревности, такъ какъ уменьшеніе ихъ правительственной статистикой казалось Чехамъ прямымъ оскорбленіемъ ихъ национальности.

Собственныхъ *Чеховъ* Шафарикъ считаетъ 3.016.000, тогда какъ Чёрнигъ насчитываетъ всѣхъ Чеховъ 2.635,000, Брахелли—въ одной Богеміи, не считая нѣсколькихъ тысячъ, разбѣянныхъ по имперіи— 2.847,000. Въ 1857 г., официальная статистика опредѣляла число жителей Богеміи въ 2.925.982 Чеховъ, 1.766,372 Нѣмцевъ и 86,339 Евреевъ ¹⁰⁾.

Далѣе, число *Моравянъ*, по Шафарику, 1.354,000, по Чёрнигу, Моравянъ въ Моравіи и австрійской Силезіи — 1.278,000, по Брахелли таже цифра опредѣляется въ 1.481,000.

Въ религіозномъ отношеніи. Чехи и Мораване (въ томъ числѣ 44,000 прусскихъ) представляютъ, по Шафарику, 4.270,000 кат., и 144,000 прот.

Племя *словацкое*, по Шафарику, имѣетъ до 2.753,000, изъ которыхъ 1.953.000 католиковъ, остальные 800,000 протестанты; по Чёрнигу и по Брахелли, только до 1.900,000 всего, круглымъ счетомъ.

¹⁰⁾ См. Slovník Naučný, ст. Čechy.

Лужицкіе Сербы, по Шафарику, представляютъ въ цѣломъ до 142,000, распредѣляясь слѣдующимъ образомъ: горные или верхніе Лужицане—98,000 (60,000 въ Саксоніи, и 38,000 въ Пруссіи), изъ которыхъ 88,000 протестантовъ и 10,000 католиковъ; дольные или нижніе Лужицане въ Пруссіи—44,000, исключительно протестанты.

Новѣйшія данныя, сообщаемыя Богуславскимъ, представляютъ слѣдующія общія цифры:

въ Верхнихъ-Лужицахъ:

— саксонскихъ 50,000

— прусскихъ 37,000

(въ этомъ числѣ до 10,000 католиковъ)

въ Нижнихъ-Лужицахъ, въ Пруссіи 60,000

Съ прибавленіемъ Сербовъ, живущихъ внѣ собственныхъ Лужицъ, среди нѣмецкихъ поселеній, цѣлая цифра доходитъ до 167,500.

Число Поляковъ Шафарикъ для 1842 г. опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: общая цифра 9.365,000, изъ которыхъ въ Россіи—4.912,000 (въ Царствѣ 3.728,000, и въ западныхъ губерніяхъ 1.184,000); въ Австріи, безъ Краковской области, 2.341,000 (въ Галиціи 2.149,000, въ Силезіи 192,000), въ Краковской области—130,000; въ Пруссіи—1.982,000. Изъ всего этого числа 8.923,000 католиковъ и 442,000 протестантовъ.

Статистика Кольба (русскій перев. Спб. 1862, 1, стр. 179) считаетъ Поляковъ въ Царствѣ и западныхъ губерніяхъ до 5.250,000. Цифры западныхъ губерній въ послѣднее время представляютъ новыя спорныя данныя, на что мы можемъ только указать читателю¹¹⁾.

Чёрный число австрійскихъ Поляковъ полагаетъ въ 2.056,000; Брахеми (безъ войска) въ 2.224,000.

Съ уменьшеніемъ славянской цифры, правительственные статистики, какъ мы уже сказали, увеличиваютъ цифру нѣмецкаго населенія: такъ напр. цифра нѣмцевъ въ Богеміи, полагаемая Шафарикомъ въ 1842 г. въ 1.145,000, въ официальныхъ показаніяхъ 1857 года доходитъ уже до 1.766,000.

Наконецъ, обширнѣйшее славянское племя, русское, Шафарикъ опредѣляетъ въ 1842 г. въ 51.184,000, которые распредѣляются между Россіей (48.410,000) и Австріей (2.774,000), и по религіи представляютъ 47.844,000 православныхъ, 2.990,000 униатовъ и 350,000 католиковъ.

Число собственныхъ *Великоруссовъ* Шафарикъ считалъ въ 35.314,000. Въ настоящее время цифра опредѣляется выше, и въ ней считается до 11.000,000 раскольниковъ; впрочемъ, статистика Кольба, переведенная г. Корсакомъ, полагаетъ число *Великоруссовъ* въ 34.000,000; число *Малоруссовъ*, о которыхъ мы скажемъ дальше, въ 12.000,000 (въ Россіи); и *Бѣлоруссовъ* въ 4.000,000.

¹¹⁾ См. объ этомъ показанія Ряттиха, Эркерта, и польскія данныя.

Племя *малорусское* по Шафарыку представляет 13.144,000, изъ которыхъ въ Россіи 10.370,000; въ Австріи 2.774,000 —

и именно: въ Галиціи	2,149,000
— Венгріи	625,000

Новѣйшіе статистики южно-русскаго племени считаютъ общую его цифру въ 14.300,000 ¹²⁾.

По Чёрныгу, круглая цифра русскаго племени въ Австріи опредѣляется (Русины Галицкіе, карпатскіе, Гуцулы и т. д.) въ 2.940.000. Эта цифра распредѣляется у него такимъ образомъ:

на Галицію—собственные Русины (Червоноруссы), горные Русины (Бойки, Гуцулы и пр.)	2.280,000
— Буковину	142,000
— Венгрію (угорскіе Русины, Леммаки, Личаки)	440,000
— Войводину	6,700
— войско	65,900
Наконецъ, великорусскихъ лицованъ въ Буковинѣ	2,300

По Брахелли, эти цифры имѣютъ такой видъ:

въ Галиціи	2.510,000
— Буковинѣ	165,000
— Венгріи	487,000
— Войводинѣ	7,500
всего (безъ войска).	3.160.000

Въ религіозномъ отношеніи, малорусское племя представляетъ, по Шафарыку, 10.154,000 православныхъ и 2.990,000 униатовъ (2.774,000 въ Австріи и 216,000 въ Польшѣ).

Племя *бѣлорусское* Шафарыкъ считаетъ въ 2.726,000, — почти исключительно православныхъ (350,000 католиковъ, по Платеру и др.).

2. Историческая судьба славянскаго племени. Вопросъ о національномъ единствѣ.

И такъ, уже въ очень древнюю эпоху славянство было разбито на столько отдѣльныхъ народностей, разсѣяно было на такомъ огромномъ пространствѣ, перепутано и поставлено въ политическія связи съ такими разнообразными чужими племенами, что уже въ то время раздѣльность славянскихъ племенъ была чрезвычайно велика, не смотря на то, что національныя свойства и языкъ, въ значительной степени, сохраняли первобытное сходство. Историческая жизнь еще больше увеличила эту раздѣльность: восточные Славяне (за исключеніемъ далматинскихъ Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ) приняли восточное, византийское христіанство; у Славянъ западныхъ приобрѣло нераздѣльное господство христіанство римское.

¹²⁾ Основа, 1861, май.

Христіанство, вводимое изъ двухъ разныхъ источниковъ. Византія и Римъ, произвело сильное раздѣленіе племени, разбивъ его на два религіозно-враждебные лагеря. Религіозное различіе способно вообще раздѣлить, въ общественномъ смыслѣ, даже части одного и того же народа; здѣсь это различіе должно было имѣть еще болѣе рѣзкія слѣдствія. Религіозное различіе повело за собой два различныя направленія въ общественномъ и политическомъ развитіи славянскихъ племенъ; само собою разумѣется, что оба эти направленія, обусловленныя извнѣ пришедшимъ религіознымъ и политическимъ вліяніемъ, нарушали вмѣстѣ съ тѣмъ и старый порядокъ славянской жизни. Византія, вмѣстѣ съ своимъ каноническимъ правомъ, передавала восточному славянству и обычай своего политическаго права, которые, конечно, играли большую роль въ упадкѣ стариннаго демократическаго устройства славянскихъ общинъ. Византійскія понятія объ авторитетѣ политической власти привились такъ сильно на славянской почвѣ, что ихъ невозможно обойти, если мы хотимъ говорить о такъ называемыхъ началахъ славянской старины. Болгарія и Сербія, послѣ этого вліянія, стали до извѣстной степени копіей византійскаго управления и византійскаго двора, и «славянскія начала» были въ нихъ уже сильно попорчены. На западѣ, римское католичество и отношенія къ Нѣмцамъ привели къ развитію феодализма, который нашелъ ревностныхъ приверженцевъ въ домашней славянской аристократіи и мало по малу совершенно отдѣлилъ ее отъ народа. Такимъ образомъ, совершенно исчезла вполнѣ чешская аристократія: она окончательно обнѣмчилась. Кромѣ того, нѣмецкіе элементы дѣйствовали и другимъ образомъ: оказывало свое дѣйствіе нѣмецко-латинское образованіе; цѣлыя колоніи Нѣмцевъ, иногда призываемыя самими славянскими властителями, поселялись между Славянами и приносили съ собою упорную привязанность къ своей національности, которая кончала тѣмъ, что пускала крѣпкіе корни въ славянскую почву. Нѣмецкій элементъ, съ нѣмецкимъ городскимъ правомъ, былъ силенъ даже въ Польшѣ, стоявшей, сравнительно съ Чехами, въ болѣе выгодныхъ условіяхъ. Въ литературныхъ попыткахъ западнаго славянства господствовала церковно-латинская столастива: одни только Чехи успѣли создать національную литературу; у Поляковъ ея не было до самаго 15-го столѣтія; у другихъ Славянъ, напр. Хорватовъ и Хорутанъ, начатки ея являются только съ реформаціей; у далматинскихъ Сербовъ, литературное движеніе начинается только съ половины 15-го вѣка.

Это разъединеніе не обѣщало славянскимъ племенамъ національной побѣды надъ пренятствіями, которыя окружали ихъ развитіе, и уже рано оказало свои вредныя послѣдствія на судьбѣ славянскихъ народностей. Славяне полабскіе, не поддержанные соплеменниками, даже совершенно исчезли или превратились въ Нѣмцевъ. Въ концѣ среднихъ вѣковъ это разъединеніе было еще усилено историческими обстоятельствами, вслѣдствіе которыхъ Славянамъ приходилось бороться за самое существованіе: Русскіе должны были бороться сначала съ Татарами, потомъ съ Литвой и Польшей; Болгары и Сербы —

съ Византіей и Турками, въ 15-мъ столѣтіи они были покорены и таже борьба перешла въ наслѣдство къ другому славянству, жившему по границѣ турецкихъ завоеваній — Хорватамъ и Сербамъ нынѣшней Австріи: у Чеховъ національности грозила Нѣмцы. У Славннъ, покоренныхъ Турками, отнята была всякая возможность интеллектуальнаго развитія: всѣ другіе заняты были каждымъ своимъ дѣломъ, въ которомъ, для каждаго, былъ вопросъ о существованіи. Национальное единство разрывалось болѣе и болѣе, и съ тѣхъ поръ славянство уже окончательно пошло въ разныя стороны.

Въ смыслѣ духовныхъ принциповъ и литературной дѣятельности это раздѣленіе было столько же сильно, какъ въ политическомъ отношеніи; литературная жизнь развивалась только тамъ, гдѣ народное существованіе сколько нибудь обезпечивалось. Литература восточнаго славянства образовалась подъ византійскимъ вліяніемъ, и кончившись въ южно-славянскихъ государствахъ съ ихъ паденіемъ въ 14—15-мъ столѣтіяхъ, продолжалась довольно слабо на Руси. Другая литература, подъ латинско-европейскими вліяніями, развивалась въ особенности въ Чехіи, Польшѣ и свободномъ Дубровникѣ. Славянскіе ученые напрасно старались указать извѣстную параллельность между этими различными литературами, — потому что и здѣсь движеніе шло въ совершенно различномъ смыслѣ: въ то время, когда на Руси все еще младенчески повторилась византійскія и южно-славянскія традиціи, въ Польшѣ господствовала католическо-шляхетская литература съ европейской окраской: Чехія упорно боролась за религіозную и общественную реформу, а Дубровникъ подпадалъ вліяніямъ Италии, изъ которыхъ мало вынесъ положительныхъ результатовъ для дальнѣйшаго успѣха своей народности... Впослѣдствіи, когда средніе вѣка окончились, положеніе опять измѣняется: чешская литература прерывается, послѣ политическаго паденія націи въ 17-мъ столѣтіи; литература далматинская дѣлается въ большинствѣ бесплоднымъ подражаніемъ латинско-итальянскимъ образцамъ, изрѣдка попадая на національную дорогу; русская литература, въ 18-мъ столѣтіи въ первый разъ пріобрѣтаетъ культурное значеніе, оставивши, вслѣдствіе реформы, преданія исключительной національности и знакомясь съ содержаніемъ европейской науки... Еще разъ славянскіе народы оказались въ совершенно различныхъ положеніяхъ: они почти не подозрѣвали взаимно своего существованія; связи ихъ, если и бывали иногда, имѣли чисто случайный характеръ, ограничиваясь ближайшимъ сосѣдствомъ, и во всякомъ случаѣ совершенно лишены единства національной идеи.

Тѣмъ не менѣе новѣйшіе славянскіе патріоты постоянно настаиваютъ на этомъ единствѣ. Сознаваясь, что внѣшняя судьба народностей была различна (какъ будто это различіе ограничивалось одной внѣшностью), они утверждаютъ постоянно, что единство имѣю и имѣть однако достаточно оснований въ единствѣ языка, народныхъ преданій, обычаевъ и общественныхъ понятій. **И** это, развившись въ настоящее время, оно будетъ триумфомъ славянскаго **и**. Эта идея о наступающемъ торжествѣ до такой степени проникаетъ

новѣйшія литературы славянскаго племени, съ тѣхъ поръ какъ началось ихъ «возрожденіе»; славянскіе патриоты такъ часто говорили о ней и такъ согласно видѣли въ ней весь смыслъ славянской исторіи, что мы не можемъ не коснуться этого вопроса, при самомъ началѣ нашего изложенія.

Конечно, никому не придетъ въ голову утверждать, чтобы въ указанныхъ отношеніяхъ Славяне не представляли сходства. Но вопросъ въ томъ, насколько это сходство можетъ имѣть дѣйствительнаго, т. е. практическаго значенія. Языки французскій и итальянскій имѣютъ чрезвычайно много сходнаго, не меньше даже, чѣмъ нѣкоторыя славянскія нарѣчія между собою; но никому не приходитъ въ голову, что это сходство можетъ быть основаніемъ для національнаго единства Италіи и Франціи. Филологическое родство языковъ говорить только о прежнемъ единствѣ, но не составляетъ достаточнаго средства объединенія въ такую эпоху, когда, въ практическомъ употребленіи, эти языки уже непонятны одинъ другому, и когда положеніе народовъ опредѣляется многими другими, болѣе важными силами. Быть можетъ, даже исторически могъ бы быть въ извѣстной степени указанъ національный инстинктъ, сближавшій отчасти разныя славянскія племена; но этотъ инстинктъ никогда не былъ въ ихъ прошедшей исторіи яснымъ опредѣленнымъ сознаніемъ.

Какимъ же образомъ опредѣляются указанные нами причины этого инстинкта: языкъ, поэзія, преданья и пр.?

Въ первыя, исторически извѣстныя, времена, *славянскіе языки* дѣйствительно были несравненно ближе одинъ къ другому, чѣмъ теперь. Мы легко можемъ видѣть это на тѣхъ памятникахъ, какіе остались отъ ихъ древняго періода: болгарскій языкъ «Остромирова Евангелія» вовсе не такъ далекъ отъ чешскаго «Суда Любуши», хорутанскихъ «Фрейзингенскихъ отрывковъ» и т. д., какъ далека теперь эти нарѣчія, почти уже непонятны одно другому. Но тѣмъ не менѣе и тогда существовали значительныя отличія въ языкѣ, замѣтныя въ первыхъ древнихъ памятникахъ разныхъ славянскихъ нарѣчій. Съ теченіемъ времени, съ полнымъ историческимъ разединеніемъ племенъ, усиливалось постепенно и разединеніе нарѣчій. Первобытное богатство формъ исчезаетъ, и въ каждомъ нарѣчій замѣняется новыми формами различнаго образованія, которыя все дальше и дальше расходились отъ первоначальнаго центра. Въ концѣ этихъ постепенныхъ измѣненій, славянскія нарѣчія представляютъ большое разнообразіе вокализма, флексій, синтаксиса, удареній. Въ своихъ послѣднихъ результатахъ, это разнообразіе отдѣльныхъ нарѣчій часто не даетъ уже для непривычнаго глаза никакихъ признаковъ первоначальнаго единства, — которое восстанавливается только историческимъ изученіемъ. Столько же измѣнился и словарь: изъ прежняго общаго запаса словъ одни нарѣчія сберегали одно, другія другое, каждое находило новый источникъ словъ у тѣхъ сосѣдей, которыми надѣяла ихъ исторія: когда русскій языкъ принималъ слова восточныя, болгарскій и сербскій принимали турецкія, чешскій — нѣмецкія, хорватскій — венгерскія и

т. д. Въ новѣйшее время, возрожденіе славянскихъ литературъ привело новый источникъ лексическаго разнообразія: образованіе новаго литературнаго языка произвело множество новыхъ словъ для новыхъ понятій, не существовавшихъ въ языкѣ патриархальныхъ временъ, и эти слова опять въ каждомъ нарѣчій сочинялись по своему.... Степень разьединенія славянскихъ нарѣчій въ настоящую минуту характеризуется тѣмъ, что когда представители разныхъ племенъ, большей частью люди, изучавшіе родственныя народности, собрались на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, руководимые идеей единства, они увидѣли, что не могутъ понимать другъ друга.

Въ сущности, они не могутъ непосредственно понимать другъ друга и въ остальныхъ отношеніяхъ.

Если единство языка становится вполне ощутительно для славянскаго наблюдателя только послѣ научнаго изученія, то въ сущности тоже надобно сказать и о *народной поэзіи*, совмѣщающей въ себѣ народную мифологию, преданія и обычаи. Панслависты и защитники національной идеи вообще придаютъ особенную цѣну этому элементу національности, и мы остановимся на немъ нѣсколько дольше.

О народной славянской поэзіи мы судимъ большею частію уже по новѣйшимъ собраніямъ, я, за недостаткомъ памятниковъ отъ древней эпохи, должны замѣнять факты предположеніями. Нѣтъ сомнѣнія впрочемъ, что народная поэзія древнѣйшаго времени представляла у разныхъ племенъ то же тѣсное родство, которое мы указывали въ языкѣ. Въ это первое время были еще живы воспоминанія о первобытныхъ національныхъ мифахъ цѣлаго племени, и содержаніе народной поэзіи необходимо должно было встрѣчаться на однихъ темахъ... но это было только въ первое время.

Общія формы славянской поэзіи были эпическая и лирическая пѣсня; драма является только въ позднѣйшее время и въ искусственной формѣ, — заимствованная съ запада. Мифологическія представленія, служившія основаніемъ славянскаго эпоса, состояли въ пантеистическомъ обожаніи природы, какъ у всѣхъ европейскихъ племенъ; но эта славянская мифология, сколько извѣстно, была развита несравненно меньше, чѣмъ напр. германская. Личности языческихъ божествъ, въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, далеко не имѣютъ опредѣленной физіономіи, — у нихъ нѣтъ той поэтической исторіи, которая наполняетъ мифологию другихъ народовъ дѣяніями боговъ и даетъ ей извѣстное характерное содержаніе: повидимому, языческая славянская культура шла довольно медленно, чтобы дать своему мифологическому міру полную организацію. Народное преданіе сохранило только немногія указанія на божества старой мифологіи; ихъ мало знаетъ и славянская исторія: Перунъ, Святovidъ, Дажьбогъ и т. п. остаются для насъ темны; только по немногимъ слѣдамъ, напр. по упоминаніямъ «Слова о Полку Игоревѣ» о Велесѣ, Стрибогѣ и т. п. мы можемъ судить о существованіи мифической генеалогіи языческихъ божествъ. Немногія черты древней языческой космогоніи также неясны и перепутаны съ позднѣйшими представленіями христиан-

скими и апокрифическими преданіями, заходящими изъ чужихъ источниковъ. Такова напр. дуалистическая исторія о твореніи міра двумя началами, добрымъ и злымъ, которая извѣстна была въ болгарскомъ богомильствѣ и нашла отголосокъ и въ народныхъ пѣсняхъ; таково и смутное сказаніе объ упавшей съ неба «Голубиной Книгѣ». Множество другихъ понѣрій и преданій, жившихъ въ народѣ, напр. о чудодѣйственной силѣ разныхъ вещей, о необыкновенныхъ существахъ и т. п., были очевидно новѣйшаго и даже иноземнаго происхожденія и не относятся къ первобытной старинной мѣологіи. Такимъ образомъ, заходили къ намъ черезъ Грековъ и Болгаръ и другими путями клочки мѣологическихъ преданій, иногда извѣстныхъ и всей средневѣковой Европѣ.

Мѣологическій эпосъ славянскихъ племенъ остается для насъ темнъ и потому, что мы имѣемъ народные памятники почти исключительно изъ позднѣйшаго періода, знаемъ эту мѣологію по народнымъ пѣснямъ, собраннымъ только новѣйшими изслѣдователями. Славянская народная поэзія не представляеть почти ни одного древняго памятника, въ параллель къ Эддѣ, Нибелунгамъ и подобнымъ произведеніямъ средневѣковаго германскаго эпоса: наше «Слово о Полку Игоревѣ» и «Краледворская рукопись» очень поздны по своему содержанію и только случайно касаются мѣологическихъ подробностей. И тотъ источникъ нашего знакомства съ древней мѣологіей, который заключается въ народномъ эпосѣ, только въ настоящее время изслѣдуются должнымъ образомъ. Пѣсни, собранныя Рыбняковымъ, открываютъ много новаго даже въ русской народной поэзіи, изученной болѣе другихъ; болгарскія пѣсни стали записывать только въ послѣднее время... Но при этихъ новыхъ открытіяхъ славянская мѣологія и космологія все еще остаются темны и отрывочны. Ясно, кромѣ того, что чѣмъ больше славянскіе патриоты восхищаются новыми открытіями въ этой области, намекающими на древнее единство, тѣмъ больше они сознаются въ слабости *непосредственнаго* единства и вообще въ слабости «національнаго» сознанія племени.

Славянскій эпосъ есть по преимуществу уже эпосъ героическій, въ которомъ элементы мѣологіи являются только какъ дополненіе къ героическому сюжету. Но и этотъ героическій эпосъ, сложившійся у разныхъ племенъ въ разное время, сохранился далеко не у всехъ Славянъ и также почти вездѣ лишень письменныхъ памятниковъ: только «Слово о Полку Игоревѣ», «Краледворская рукопись» и «Судъ Любуши» даютъ намъ непосредственное понятіе о древнемъ эпосѣ у Русскихъ и у Чеховъ. Затѣмъ, мы знакомимся съ нимъ только въ новой устной передачѣ, сохранившейся въ теченіе столѣтій въ народной памяти... Эта народная эпопея вообще сберегается всего живѣе тамъ, гдѣ народъ остается болѣе вѣрнъ патриархальной старинѣ и бываеть меньше тронутъ цивилизаціей, которая даетъ ему новыя формы жизни, ставить новые вопросы для мысли и, однимъ словомъ, выводитъ его изъ круга его консервативной исключительности; тамъ, гдѣ вліяніе цивилизаціи дѣйствовало сильнѣе, древній эпосъ забывался и исчезалъ иногда почти безслѣдно. Поэтому, народный славянскій эпосъ вообще гораздо лучше со-

хранился у восточных племенъ, которымъ (именно Сербамъ) и принадлежать его замѣчательнѣйшіе образцы. Въ эпосѣ народъ запоминаетъ именно ту героическую эпоху, гдѣ онъ дѣйствовалъ самъ, какъ народъ. — такъ, что существованіе эпоса отъ извѣстнаго періода народнои исторіи указываетъ кромѣ проявленія цѣльной народнои дѣятельности и патріархальныя свойства быта. Такіе періоды были именно у восточнаго славянства, которое почти одно и представляетъ памятники древней народнои эпопеи.

Въ этомъ пунктѣ славянскіи племена представляютъ уже весьма крупное отсутствіе единства.

Русскій героическій эпосъ остановился главнымъ образомъ на временахъ князя Владиміра, и богатыри этого цикла проходятъ черезъ всѣ періоды народнои жизни и не забываются народомъ, который счумѣлъ приурочить ихъ къ позднѣйшимъ богатырямъ — напр. Ермаку и Стенькѣ Разину. Эпосѣ гораздо рѣже останавливается потомъ на другихъ историческихъ эпохахъ, — татарскаго нашествія и московскаго царства; новая исторія остается ему почти совершенно чуждой. Это вполне соответствуетъ степени народнаго участія въ исторіи, потому что собственно народная дѣятельность заслоняется потомъ княжеской дружиной и высшимъ классомъ. Эпосѣ возраждается опять — и въ старыхъ формахъ — когда народная дѣятельность снова нашла представителей въ Ермакѣ, Стенькѣ Разинѣ и другихъ «удалыхъ атаманахъ» и «разбойничкахъ». Новое, еще болѣе централизованное государство, чѣмъ московская Русь, совершенно остановило продолженіе народнаго эпоса. Онъ выражался только немногими историческими пѣснями. Другая отрасль русскаго племени, Малоруссы нашли въ эпоху своей борьбы съ Татарами и Поляками новый періодъ самобытнои народнои дѣятельности, и старое эпическое преданіе о Владиміровомъ циклѣ было забыто почти безслѣдно: оно было заслонено новымъ героическимъ эпосомъ, вызваннымъ народнои войной малороссійскаго казачества въ 16 и 17-мъ столѣтіяхъ. Знаменитыя малорусскія «думы» создали себѣ и новую форму эпоса, удержавши отъ старины только его общія основанія. Ясно, что между этой поэзіей Малоруссовъ и великорусскои нѣтъ уже настоящаго единства: ихъ идеалы разрознились, какъ разрознились характеры народностей.

Болгарская народная поэзія, особенно героическая, до сихъ поръ мало извѣстна: но изъ того, что было записано новѣйшими собирателями, легко видѣть, что она также имѣла свое живое время. Современная пѣсня сохранила отчасти воспоминаніе даже о старыхъ болгарскихъ царяхъ и иногда имѣетъ однихъ героевъ съ сербскимъ эпосомъ, героевъ народнаго богатырства и борьбы съ Турками. Но всего сильнѣе этотъ героическій эпосъ, эпосъ дѣятельнои народнои жизни, и слѣдовательно, частныхъ народнои интересовъ, развился въ сербскомъ племени, которое въ своихъ пѣсняхъ представляетъ всю національную исторію, особенно со временъ Косовскои битвы и до настоящаго времени. Сербскій народъ сохранилъ въ себѣ больше энергии противъ турецкаго угнетенія, и борьба съ Турками оставалась національнымъ сю-

жетомъ поэзіи, не терявшимъ своего интереса. Сербскій эпосъ — единственный славянскій эпосъ, сберегшій до послѣдняго времени свою творческую силу. Условіями его жизни были именно — присутствіе народной исторической дѣятельности, которая, при всемъ патріархальномъ консерватизмѣ быта и преданій, удерживавшемъ народъ въ традиціонной колеѣ, создала для него исключительную, ему только принадлежащую, область поэтическихъ идеаловъ и національныхъ стремленій. Древнія основы эпоса отступаютъ на задній планъ передъ его новымъ частно-народнымъ содержаніемъ, и единство разрушается снова.

Съ другой стороны, западные Славяне — Поляки, Чехи и т. д. — почти окончательно забыли свой старій народный эпосъ, и это очень естественно. Они очень рано замѣшаны были въ разнообразныя событія и шумная дѣятельность отрывала народъ отъ воспоминаній старой мѣлологии. Въ чешской Краледворской рукописи еще собраны преданія старыхъ временъ, и поэзія, за подвигами Ярослава, еще не забывала о подвигахъ Забоя и Славоя; но мѣлологическая древность терялась изъ народной памяти уже и въ это время. Въ 15-мъ столѣтіи чешская старина окончательно заслонена была бурными событіями гусситскаго движенія, эта старина забывалась — и никто не имѣетъ права обвинить чешскій народъ 15-го вѣка за его забвеніе — передъ новыми идеями, охватившими мысль этой замѣчательнѣйшей героической эпохи Чеховъ; народная дѣятельность была самая напряженная, но въ ней не было уже никакихъ патріархальныхъ свойствъ, и на сцену въ первый разъ являются развитыя требованія личности — противныя свойствамъ и условіямъ народнаго эпоса. Въ настоящее время чешскій народъ уже совершенно не знаетъ преданій героическаго эпоса, въ настоящемъ смыслѣ этого слова: они забылись совершенно. Подобное явленіе произошло и въ Польшѣ: народъ, угнетенный и лишенный самобытной дѣятельности, не могъ создать эпоса и терять смыслъ даже и въ прежнихъ преданіяхъ; высшее сословіе должно было забыть ихъ еще скорѣе, потому что уже очень рано подверглось влиянію латинской образованности, которая, конечно, не была благопріятна для сохраненія наивной поэтической старины. Если, какъ можно видѣть изъ летописцевъ, событія и вызывала эпическую дѣятельность массъ, эта дѣятельность ограничилась отдѣльными поэтическими попытками, не имѣющими характера народнаго эпоса.

У этихъ народовъ, потерявшихъ свой мѣлологическій и героическій эпосъ, почти единственной поэтической формой осталась лирика, легче примѣняющаяся къ измѣнчивымъ народнымъ судьбамъ. Пѣсни бытовыя и обрядныя существуютъ въ огромной массѣ у всѣхъ славянскихъ народовъ, и сберегли большую живучесть и тамъ, гдѣ всего меньше уцѣлѣлъ первобытный составъ народнаго поэзія. Тамъ не менѣе однако, разнѣе национальныхъ характеровъ и исторій, обнаруживающееся на судьбѣ эпоса, оказывается и здѣсь. Племена, наиболѣе вѣрныя патріархальной старинѣ, вѣрнѣе сохранили и древнюю лирику, съ ея мѣлологической подкладкой и

древне-бытовой обстановкой; другія, болѣе затронутыя историческимъ движеніемъ, даютъ своей мнѣической пѣсни новый оттѣнокъ, вовсе не архаическаго свойства. Если, напримѣръ, народное творчество продолжалось у Чеховъ, то ихъ новая лирика отличается особенностями, которыхъ конечно не было въ древней: любовная пѣсня дѣлается слегка фривольной и даже скандальной. У Русскихъ, народная пѣсня начинаетъ пропадать тамъ, гдѣ сельскій бытъ подчиняется вліянію городскаго, и вмѣсто народной пѣсни появляются въ селахъ искаженія книжныхъ романсовъ, и народный напѣвъ уступаетъ мотивамъ романсовъ и напѣвамъ цыганскимъ.

Это явленіе, упадокъ старинной народной поэзіи, представляетъ слишкомъ много примѣровъ въ разныхъ славянскихъ краяхъ, — и мы скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Любители народности и патриоты, обыкновенно, оплакиваютъ это явленіе, и готовы вопіять противъ развращающаго вліянія цивилизаціи; но на дѣлѣ это явленіе конечно вовсе не такъ печально, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Замѣтимъ прежде всего, что выборъ въ этомъ случаѣ вполнѣ находится въ распоряженіи самихъ «людей народа»; ихъ никто не заставляетъ измѣнять народной поэзіи и принимать на ея мѣсто городскія нововведенія. Если понятно, что народная поэзія можетъ быть забыта образованными классами, создающими себѣ болѣе сознательную и широкую поэзію, то и народъ не совершаетъ преступленія, когда перестаетъ удовлетворяться традиціонной поэзіей. Образованнымъ классамъ больше нравится цивилизованная поэзія и искусство, — и совершенно справедливо, потому что въ народной поэзіи слишкомъ много инстинктивнаго, бессознательнаго, наивнаго, — что не можетъ мириться съ цивилизованнымъ складомъ понятій. И это вовсе не бываетъ отрицаніемъ народности: народный сюжетъ и складъ пѣсни продолжаютъ нравиться намъ, въ ихъ новой художественной обработкѣ (напр. у Кольцова, Некрасова), народный мотивъ продолжаетъ нравиться намъ въ музыкѣ Глинки, — и мы предпочитаемъ послѣднихъ, потому что въ народный матеріалъ, наивный и непосредственный, они вносятъ сознательную мысль, и ведутъ ее дальше и глубже, чѣмъ народная пѣсня, ограниченная своими традиціями. Когда народъ покидаетъ свою пѣсню, — это значитъ только, что для него начинается тотъ же переходъ. Если этотъ переходъ обнаруживается въ формахъ довольно грубыхъ (каковы напр. цыганскіе романсы), то также случилось и съ литературой, которая, прежде чѣмъ достигла осмысленнаго національнаго содержанія, должна была пройти періодъ безвкуснаго подражанія. Этотъ переходъ кончается тѣмъ, что народъ, оставивъ традиціонную пѣсню, находитъ себѣ новаго поэта, своего Беранже или Дюпона. Нѣтъ сомнѣнія, что первое нѣсколько разумное и нѣсколько обширное распространеніе грамоты именно усиливъ этотъ переходъ народа отъ его поэтической традиціи къ той новой поэзіи, которая вѣрнѣе выразитъ его новыя жизненныя стремленія и укажетъ ему новые идеалы. Мы полагаемъ, что современная русская поэзія, какъ ни бѣдна

она въ цѣломъ, нѣкоторыми своими сторонами дастъ намъ залогъ такого будущаго, которое сблизитъ поэтическій интересъ народа съ интересомъ общественнаго развитія.

Но нѣтъ сомнѣнія также, что эта новая поэзія, народная поэзія будущаго русскаго Беранже, отдалитъ народъ отъ такъ называемыхъ «народныхъ началъ». Въ новой поэзіи содержаніе будетъ уже специально русское; въ немъ не будетъ уже старыхъ мнѳологическихъ лохмотьевъ, которые собственно и составляютъ орудіе единства.

И такъ, въ настоящемъ своемъ положеніи народная славянская поэзія уже подверглась значительному развѣдненію: ученые, конечно, могутъ еще отыскать въ ней много общихъ мотивовъ, оставшихся отъ старины, но это будетъ такимъ же ученымъ отырытіемъ, какъ отырытіе филологическаго единства. Оно не прибавитъ много къ фактическому сближенію славянства.

Если мы приходимъ къ подобному заключенію о славянской народной поэзіи, это значитъ, конечно, что тоже самое развѣдненіе происходитъ и въ цѣломъ кругѣ народныхъ идей, для которыхъ поэзія служитъ отголоскомъ и выраженіемъ. Сказать, что народная поэзія приняла различныя направленія, что ея содержаніе стало уже слишкомъ частнымъ народнымъ содержаніемъ, что она перестаетъ служить пунктомъ національнаго соединенія, значить сказать, что разошлись и самые идеалы народностей, ихъ жизненныя народныя идеи.

Мы убѣждаемся въ этомъ и на другихъ элементахъ славянской народной жизни, *обычаяхъ и общественныхъ понятіяхъ*. Новѣйшія изслѣдованія, еще далеко, впрочемъ, недостаточныя, показываютъ, что въ известной намъ древности славянскія племена значительно сближались между собой въ своихъ бытовыхъ понятіяхъ и нравахъ: иначе говоря, въ тѣ времена славянскіе народы еще въ значительной степени сохранили тотъ первобытный типъ общественнаго устройства, который составлялъ древнѣйшую черту цѣлаго племени. Типъ этотъ былъ, повидимому, общино-демократическій, съ княземъ во главѣ, съ народными собраніями, патріархальнымъ управленіемъ въ семьѣ и юридической солидарностью общинъ (*hopiva, újezd* у Чеховъ; *opole* у Поляковъ; «*околина*» у Сербовъ; *вервь* у Русскихъ). Юридическія понятія, господствовавшія въ обычномъ правѣ славянскихъ племенъ и сохранившіяся въ древнѣйшихъ славянскихъ законодательствахъ (Русская Правда, Законникъ царя Душана, Викторинъ изъ Вшегордъ и проч.), представляютъ много аналогій, объясняемыхъ общими происхожденіемъ. Таковы были, наприимѣръ, понятія объ отношеніяхъ семейныхъ, о положеніи женщины, которая въ древнѣйшія времена пользовалась известной самостоятельностью и равноправностью, объ общей порукѣ, о денежной пенѣ за уголовныя преступленія и т. п. Поэтому, древнія славянскія законодательства удобно объясняются одно другимъ, и тамъ, гдѣ патріархальная жизнь не была много передѣлана историческими событіями, народныя обычаи славян-

скихъ племенъ до сихъ поръ обнаруживаютъ значительное сходство. Эта родственность простирается и на массу другихъ, не юридическихъ явленій быта, праздниковъ, обрядовъ, увеселеній и т. п., первоначальнымъ источникомъ которыхъ были религіозныя понятія стараго язычества: славянская этнографія до сихъ поръ впрочемъ еще не раскрыла хорошенько всего объема этой родственности.

Но и здѣсь опять съ большою силой дѣйствовало то историческое разединеніе, которое мы видѣли въ судьбѣ языка и народной поэзіи. Славянскія племена съ самаго начала поставлены были въ самыя разнообразныя историческія условія, и юридическая идея первобытнаго славянства, собственно говоря, нигдѣ не нашла своего настоящаго развитія: она или была подавлена чужими общественными или политическими началами, или, даже и въ свободныхъ славянскихъ земляхъ, должна была уступить другимъ идеямъ. Въ южныхъ славянскихъ царствахъ эта идея не развилась, потому что самыя царства не сохранили политической самостоятельности; а во времена свободы она уступала передъ византійскимъ вліяніемъ. Въ древней Руси, старое общественное право, выразившееся въ вѣчахъ, общинномъ самоуправленіи, избраніи князя, судебныхъ обычаяхъ и т. д., упало вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ цѣлая земля изъ демократической общины превращалась въ централизованное по своему царство: на мѣсто народнаго авторитета сталъ авторитетъ княжескій, обычный законъ измѣнился радикально, сначала подъ вліяніемъ византійства, потомъ московскаго царства. У Чеховъ, то же народное право уступало передъ феодальными нововведеніями; Поляки и западная Русь принимали цѣлкомъ нѣмецкое магдебургское право и т. п. Вообще, въ западномъ славянствѣ отклоненія отъ первоначальнаго славянскаго типа юридическихъ народныхъ понятій были еще сильнѣе; восточные Славяне также удержали его далеко не въ той степени, какъ увѣряютъ приверженцы «народныхъ началъ». Въ послѣднее время, «правильныя законодательства» тѣхъ странъ, въ которыхъ жили славянскія племена, вообще слишкомъ мало руководились народными юридическими понятіями: они руководствовались и феодальными традиціями старой Европы, и обломками римскаго права, и новѣйшими бюрократическими изобрѣтеніями, и здравыми понятіями, прибрѣтенными европейскимъ развитіемъ, — но не юридическими и общественными понятіями народа, и всего менѣе его патриархальными преданіями. — о которыхъ собственно и идетъ рѣчь. И славянство, не только на западѣ, но и на востокѣ (въ Россіи), должно было подчиняться юридическимъ началамъ, въ выработкѣ которыхъ не участвовало. На югѣ, оно должно было просто подчиняться беззавѣду и произволу турецкаго господства и магометанскаго фанатизма... Народныя юридическія понятія, если гдѣ и сохранились, то сохранились чисто случайно, въ отдѣльныхъ обычаяхъ народнаго быта, гдѣ они бывали забыты законодательствомъ.

Таковъ теперь порядокъ вещей, относительно юридической идеи славян-

скаго племени. И пусть не думают приверженцы народности, что эти народныя понятія такъ легко возстановить, такъ легко поднять ихъ изъ неразвитаго элемента въ принципъ цѣлаго законодательства, — потому, между прочимъ, что влияние чужихъ элементовъ, виной самаго народа, вошло уже въ исторію, стало также достояніемъ и чертой народности: это влияние должно было войти въ кровь. Если это возвышеніе народныхъ юридическихъ началъ крайне затруднительно, или даже невозможно, въ западномъ славянствѣ (напр. у Чеховъ, принявшихъ столько цѣмцакаго и австрійскаго), то оно не менѣе затруднительно и у восточныхъ (т. е. у насъ). Славянофильство можетъ толковать о самоуправленіи, и при настоящихъ реформахъ можетъ вспоминать о древней общинѣ, даже намекать на думы и соборы, — но оно можетъ быть положительно увѣрено, что «земскія учрежденія» взяты не изъ древней русской жизни, а изъ новыхъ бюрократическихъ соображеній, и что если бы даже явились у насъ и соборы, источникомъ ихъ была бы не память о народной старинѣ, а необходимость современной политической жизни, сознанныя мимо всякихъ археологическихъ затѣй. Славянофильство и западный панславизмъ заблуждаются и въ томъ отношеніи, что не назначаютъ степени давности тѣхъ народныхъ началъ, которыя выдаются ими за національный идеалъ племени; относительно Руси, всего чаще припоминаютъ при этомъ времена московскаго царства, — но есть достаточно оснований думать, что эти времена были уже порядочнымъ упадкомъ «народныхъ началъ». потому, между прочимъ, что это были времена прикрѣпленія крестьянъ — факта самаго противно-народнаго.

Вообще говоря, древне-славянскій общественный строй совершенно упалъ уже въ старыя времена: вмѣсто демократическихъ общинъ, являются въ заключеніе государства съ центральной властью, сословіями и т. д., и все не въ силу того, что славяне «измѣняли» своей старинѣ (какъ утверждаютъ крайніе приверженцы народности, считающіе, напримѣръ образованіе сословій явленіемъ чужимъ, принесеннымъ), а просто въ силу того, что премія общественныя основы не имѣли достаточной внутренней силы противъ притязаній монархіи и централизаціи, и, составляя принадлежность патриархальнаго быта, не были достаточны для болѣе сложныхъ отношеній развивавшагося общества...

Мы уже указали, какъ радикально славянскія племена были кромѣ того раздѣлены *религіозными* отличіями. Во имя «единства», цѣлый разрядъ славянскихъ патриотовъ отвергалъ это дѣленіе, въ томъ смыслѣ, что оно незаконно, что славянское племя должно возвратиться теперь къ тому же религіозному единству, которое до извѣстной степени соединило славянскій міръ прежде. когда христіанство распространилось въ немъ преимущественно изъ Византіи, когда Византія, кромѣ южныхъ Славянъ и древней Руси, имѣла свои корни у Чеховъ и даже въ Польшѣ. Славянскіе патриоты, этого разряда, утверждаютъ, что римскій католицизмъ по своей сущности есть анти-славянская религія, и что онъ долженъ пасть... Относительно этого му-

дреннаго вопроса, мы ограничимся здѣсь только замѣчаніемъ, что съ римскимъ католицизмомъ многія славянскія племена прожили все свое историческое существованіе, и что въ это время онъ успѣлъ сообщить имъ черты, которыя въ настоящее время составляютъ ихъ народное качество. Католицизмъ могъ быть анти-славянскимъ, но онъ сдѣлался въ нѣсколькихъ славянскихъ племенахъ давнимъ качествомъ народности, и слѣдовательно, въ настоящую минуту это опять новый фактъ противъ единства, — по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какъ желаютъ этого единства славянофилы.

При всѣхъ обстоятельствахъ, нами указанныхъ, трудно ожидать конечно, чтобы славянская исторія представляла какія нибудь доказательства въ пользу славянскаго единства. Племена дѣйствительно жили раздѣльною жизнью, разорванныя въ самомъ началѣ въ своихъ интересахъ и стремленіяхъ, окруженныя совершенно разнохарактерными условіями. Образовалось множество «видовъ» славянскаго типа, которые вполнѣ отразили въ себѣ это разнообразіе условій, и наконецъ, стали въ самое отдаленное отношеніе къ своему первоначальному источнику, въ которомъ соединяло ихъ единство происхожденія. Ограничиваясь народной массой, мы найдемъ, что трудно возстановить общій типъ, соединяющій бѣлорускаго крестьянина, великорускаго мужика, далматинскаго усюка и т. д. Переходя въ образованный классъ, намъ столько же трудно совмѣстить въ какое нибудь славянское единство современныя общественныя стремленія Русскаго, Поляка, Чеха, Сербъ и т. д.: единство ихъ можетъ быть не столько славянское, сколько европейское, единство образованія и политическаго развитія; мѣстные же интересы совершенно своеобразны и очень часто противорѣчны.

Не смотря на то, приверженцы славянскаго единства утверждали не рѣдко, что славянская исторія, при всей раздѣльности, представляетъ единство, доказывающіе силу славянской идеи, сознанія племенной родственности и т. д. Но достаточно всмотрѣться ближе въ общій характеръ мѣстной славянской исторіи, чтобы убѣдиться именно въ обратномъ. Съ другой стороны, увѣряютъ, что мысль о славянскомъ единствѣ была сильна во многихъ сильныхъ умахъ, которые еще въ старину сознавали солидарность племенъ, составляющую предметъ стремленій новѣйшаго панславизма. Къ сожалѣнію, и это обстоятельство нельзя принять за несомнѣнный фактъ. Мы остановимся на нѣсколькихъ примѣрахъ. Историки указывали напр. то отчетливое знаніе славянскихъ племенъ, которое замѣчается въ разсказѣ лѣтописца Нестора. Народныя названія, которыя даетъ онъ славянскимъ племенамъ, показываютъ, что они знакомы были ему не книжнымъ образомъ, — иначе онъ могъ бы, пожалуй, и не знать ихъ племеннаго родства съ его собственной народностью: — слѣдовательно, у него было живое сознаніе племеннаго родства. Этнографическое знаніе Нестора дѣйствительно любопытно, но мы не придаемъ ему особеннаго значенія, въ смыслѣ панславизма. Во первыхъ, его этнографическое знаніе распространяется точ-

но такъ же и на народы не славянскіе: онъ такъ же хорошо знаетъ Свевъ, Урманъ и даже Англичанъ; онъ знаетъ дорогу отъ Рима до Новгорода, — это было уже, конечно, не панславянскимъ инстинктомъ, а книжнымъ знакомствомъ съ современной географіей Европы, какъ у Аванасія Никитина было знакомство съ географіей южной Азии. Что это было явленіе, до известной степени исключительное, можно думать изъ того, что современные Нестору писатели и лѣтописцы другихъ Славянъ мало обнаруживаютъ подобнаго знакомства съ распределеніемъ своего племени. Всѣ они, и даже болѣе поздніе писатели, напротивъ, крайне рѣдко вспоминаютъ своихъ соплеменниковъ, или, даже называя ихъ, не подозреваютъ своей родственности съ ними, если эти соплеменники были слишкомъ далекимъ народомъ. Далматинскіе поэты цвѣтущей эпохи вспоминаютъ иногда о родственныхъ славянскихъ племенахъ, даже съ известнымъ чувствомъ національной гордости. — но все это слишкомъ случайно и рѣдко, и знакомы имъ почти исключительно одни ближайшіе сосѣди, которыхъ они знали по непосредственнымъ сношеніямъ. Однимъ изъ самыхъ доказательныхъ примѣровъ панславянскаго сознанія въ старыя времена могъ бы служить известный сербъ Юрій Крижаничъ, пріѣхавшій въ Россію въ 17-мъ столѣтіи и въ своихъ сочиненіяхъ старавшійся пробудить въ Русскихъ сознаніе своей славянской національности, напомнить имъ о единоплеменникахъ, подчиненныхъ иноземцамъ, и указать имъ роль освободителей и соединителей славянскаго племени. Крижаничъ — примѣръ дѣйствительно любопытный; но его панславизмъ — вовсе не непосредственное сознаніе, которое могло бы имѣть для насъ историческую цѣну въ настоящемъ случаѣ; это — чисто ученый панславизмъ, почти въ томъ родѣ, какъ онъ сталъ появляться съ конца 18-го столѣтія. Его исключительность доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что стремленія Крижанича были мало понятны, или занимательны для тогдашнихъ Русскихъ. Въ нашей литературѣ 17-го вѣка онъ стоитъ совершенно одинокимъ явленіемъ. Русскіе въ то время такъ законопатили себя отъ всей Европы, что рѣчи Крижанича, безъ сомнѣнія, были бы совершенно непривычны и дикы для ихъ слуха; и ссылка Крижанича въ Сибирь едва ли не имѣла своего основанія въ томъ, что онъ показался правительству вздорнымъ фантазеромъ. Что Крижаничу могли придти въ голову панславянскіе замыслы относительно Россіи, это весьма естественно для человѣка, который самъ лично хорошо зналъ западныя славянскія земли, слышалъ о сильномъ московскомъ царствѣ и потомъ, увидѣвъ его самъ, могъ убѣдиться, что при своихъ средствахъ оно могло бы въ самомъ дѣлѣ оказать помощь страдавшимъ единоплеменникамъ. Но эта мысль была не для всѣхъ доступна и доказательствомъ можетъ служить другой примѣръ — кроатскій поэтъ конца 17-го и начала 18-го вѣка, Вптезовичъ, современный Петру Великому и написавшій ему стихотворный панегирикъ. Известно, что имя Петра Великаго значительно разнеслось по славянскимъ землямъ. Когда Россія

вошла въ связи съ европейскими государствами и обратила на себя вниманіе гораздо сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде, въ славянскихъ народахъ сказалась впервые та инстинктивная надежда, съ которой они послѣ такъ часто думали о Россіи и русскомъ заступничествѣ. Можно бы было ожидать, что славянскій поэтъ того времени, пишущій панегирикъ Петру Великому, именно остановится на этой сторонѣ предмета, что прославленіе русскаго царя затронетъ въ немъ національный интересъ племени, наведетъ на ту мысль, которая гораздо раньше, и при менѣе благоприятныхъ условіяхъ, овладѣвала Крижаничемъ. Но панегирикъ Витезовича все не отвѣчаетъ этимъ ожиданіямъ: онъ остается совершенно гладкокровень къ племенному родству. Если славянскіе поэты и патріоты иначе стали относиться къ идеѣ племеннаго единства впоследствии, — это имѣло свой источникъ уже въ обстоятельствахъ иного свойства: къ идеѣ единства обратились не изъ врожденной склонности, а изъ чувства самосохраненія.

Намъ скажутъ, что было однако много историческихъ фактовъ, которые указываютъ на важную роль племеннаго родства въ ходѣ славянской исторіи. Скажутъ напримѣръ, что съ этимъ родствомъ связано одно изъ важнѣйшихъ событій древней славянской исторіи — введеніе христіанства, которое явилось къ разнымъ славянскимъ племенамъ, какъ въ одну семью, и распространилось изъ Болгаріи на Русь, какъ изъ одной части одного и того же племени въ другую его часть: Русскіе приняли болгарское письмо и болгарскія книги, какъ свои. Намъ укажутъ, какъ долго длилась эта взаимность православной Руси съ православнымъ южнымъ славянствомъ, взаимность, до сихъ поръ продолжающая между ними родственную связь и симпатію. Намъ укажутъ на другіе факты, на связь Чеховъ съ Польшей въ средніе вѣка и въ эпоху гусситскаго движенія; укажутъ на труды славянскихъ послѣдователей реформы въ 16-мъ столѣтіи, дѣйствовавшихъ въ югозападныхъ племенахъ славянства, у Хорватовъ и Словинцевъ; укажутъ на родственную связь далматинскихъ Славянъ съ ихъ единоплеменниками въ Турціи: укажутъ, наконецъ, новѣйшіе факты родственнаго сочувствія, съ которыми населеніе балканскаго полуострова принимало русскія войска, сражавшіеся съ Турціей, съ какими Далматинцы встрѣчали отряды нашего флота, появлявшіеся на Адриатическомъ морѣ и т. д. и т. д.

Всѣ эти факты дѣйствительно существовали, но они относятся къ общественымъ и политическимъ причинамъ иного рода, чѣмъ чистая идея національнаго единства. Отношенія древней Руси къ южному славянству определялись, конечно, на близости племенныхъ свойствъ; Русскіе могли принять болгарскія книги, потому что эти два языка были въ то время очень близки одинъ къ другому; въ первое время, Русскимъ по той же причинѣ удобно было принимать и самыхъ болгарскихъ священниковъ. Но сущность этихъ отношеній, ихъ прочность и продолжительность объясняются не національнымъ, а религіознымъ принципомъ: его вліянію и

должна быть приписана известная связь, которая долго держалась и еще держится между православной частью славянского мира. Религиозный принцип действует совершенно независимо от национальных условий — и в самом деле, здесь он сначала только воспользовался удобными национальными условиями (т. е. близостью наречий), но за тем, национальные обстоятельства остались совершенно в стороне, и религиозное единство соединило Русских с Болгарами и Сербам точно так же, как с византийскими Греками, и с последними соединило в сущности даже больше. Южное славянство осталось близко нам не столько потому, что было с нами единоплеменно, сколько потому, что было единовѣрно. Иначе, мы должны были бы чувствовать ту же иждность и къ босанскимъ католикамъ (тѣмъ же Сербамъ) или къ католическимъ Далматинцамъ и Хорватамъ (также Сербамъ) и проч., но этой иждности никогда не оказывалось. Теоретически несомнѣнно, что религиозный принципъ въ сущности вредитъ и противорѣчитъ национальному, когда разныя части одного народа держатся различныхъ религиозныхъ системъ. И въ самомъ дѣлѣ, если Русскіе были близки въ старину и послѣ къ единовѣрнымъ Сербамъ и Болгарамъ, они крайне удалились отъ всего остального славянства только потому, что оно было католическимъ. Въ тѣ времена, когда наша историческая жизнь была еще свободна отъ всякихъ чужихъ культурныхъ вліяній, и руководилась непосредственными внушеніями патріархальныхъ понятій, Русскіе были какъ нельзя больше далеки отъ своихъ соплеменниковъ, которые были къ нимъ даже гораздо ближе Сербовъ и Болгарь, но виноваты были въ католицизмѣ. Таковы были, напримѣръ, отношенія древней Руси къ «Литвѣ», т. е. къ Вѣлорусамъ: они были еретиками, съ которыми, конечно, не могъ имѣть дѣла русскій православный человекъ 16—17-го вѣка. — онъ отрекся бы даже отъ нихъ, не только отъ другихъ славянскихъ католиковъ, если бы кто нибудь сталъ требовать отъ него братскаго сочувствія къ нимъ и единенія.

Тѣми же религиозными поводами объясняются связи между Чехами и Поляками, сначала въ эпоху введенія христіанства, потомъ въ эпоху гусситскаго движенія и реформацій. Въ первое время и здѣсь национальное средство играло иждоторую роль, какъ оно обнаруживалось и въ дѣятельности славянскихъ апостоловъ и ихъ учениковъ на Моравѣ и въ Болгаріи. Но затѣмъ, существеннымъ рычагомъ отношеній сталъ чисто религиозный принципъ: гусситизмъ проникалъ въ Польшу, и двѣ страны соединялись въ известной степени подъ одной реформаціонной идеей не потому, что они были единоплеменны, а потому, что находились въ аналогическомъ культурномъ положеніи. Известный успѣхъ гусситизма въ Польшѣ оказался не потому, что онъ шелъ отъ Чеховъ, а потому что католицизмъ въ обѣихъ странахъ доводилъ дѣло до реакціи; и реакція, начавшись въ одномъ мѣстѣ, могла сообщиться и другому. Принципъ религиозный становится вообще выше національнаго въ такія эпохи, когда религія вообще владѣеть умами. Чешскіе гусситы заботились только о пропагандѣ своего религиоз-

наго убѣжденія и были слишкомъ равнодушны къ національному вопросу цѣлаго племени. Когда извѣстные «чешскіе братья» старались отыскать историческія основы своего ученія, они послали своихъ довѣренныхъ ученыхъ людей къ Вальденсамъ западной Европы и въ Азію, гдѣ надѣялись отыскать первыхъ христіанъ, въ мнимомъ царствѣ пресвитера Іоанна; и эти союзники были для нихъ, конечно, дороже всякихъ славянскихъ единоплеменниковъ.

Приложивши вообще эту точку зрѣнія къ вопросу національнаго единства, мы увидимъ, что цѣнность національнаго начала значительно падаетъ, въ сравненіи съ вліяніемъ начала религіознаго, совершенно безразличнаго въ національномъ смыслѣ, или, въ другихъ случаяхъ, съ вліяніемъ культурныхъ отношеній, т. е. съ вліяніемъ образованія, промышленной дѣятельности и т. п. — Само собою разумѣется, что если потомъ, въ 18-мъ столѣтіи, опять начала вспоминаться у насъ связь съ южными славянствомъ, то здѣсь снова играло важную роль то же религіозное единство, подогрѣтое дипломатическими соображеніями. Къ возобновенію воспоминаній немало послужили турецкія войны; войны эти велись изъ чисто-русскихъ интересовъ, но присутствіе православныхъ славянскихъ населеній было выгодно для интересовъ войны и потому въ число поводовъ, оправдывавшихъ войну, входила и защита самаго славянства. Но и здѣсь постоянно говорилось о «единонѣрныхъ», которые страдали подъ турецкимъ игомъ; «единоплеменность» или оставалась неизвѣстной, или стояла на второмъ планѣ.

Далѣе, указанные нами примѣры національныхъ сближеній или совместнаго дѣйствія двухъ народностей ограничивались почти всегда ближайшимъ сосѣдствомъ. Въ такомъ сосѣдствѣ была нѣкогда Русь съ землей болгарской, Болгары съ Сербями, Чехи съ Поляками; — ясно, что это родство обнаруживалось слишкомъ наглядно; близкое сосѣдство должно было показать это родство той и другой сторонѣ. Дальніе соплеменники были вообще неизвѣстны: Русскіе едва знали о Чехахъ или Хорватахъ; Чехи едва ли подозрѣвали о существованіи Болгаръ. Нечего и говорить, что не могло быть и рѣчи о сознаніи какого нибудь славянскаго единства.

Такъ это велось въ старину, когда не было сдѣлано искусственнаго, учено-археологическаго изобрѣтенія славянскаго единства, изобрѣтенія, которое берется изобразить намъ славянское племя одной семьей любящихъ братьевъ и пророчить этимъ братьямъ такое завидное будущее. Когда славянскія племена не знали еще этого изобрѣтенія и довольствовались тѣми понятіями о своемъ родѣ-племени, какія давала непосредственная дѣятельность, — имъ въ голову не приходили панславянскія мечты, они считали другъ друга родственными, но разными народами, поддерживали политическія отношенія, когда были политическими сосѣдями, какъ Россія съ Польшей, питали религіозное сочувствіе, когда принадлежали къ одному исповѣданію, какъ Россія съ Болгарами и Сербями, — и только. Во всемъ

они считали себя чужими другъ другу, и были дѣйствительно чужими. Народности нынѣшней Австрійской имперіи (Чехи, Хорваты, Галичане, Словинцы) почти всѣ были единовѣрны, т. е. были католиками, но это обстоятельство не дало имъ и религіозной связи: общій центръ, въ которомъ они сближались,—римскій папа,—былъ центръ слишкомъ отдаленный, и относясь къ нему, они не имѣли нужды сближаться между собою, и дѣйствительно не сближались. Отсюда и вышло то странное явленіе, что имперія, представляющая значительное меньшинство Нѣмцевъ, называется лѣмцкой и въ свое удовольствіе управляетъ огромнымъ большинствомъ Славянъ. Въ настоящее время, славянскіе патріоты съ негодованіемъ возстаютъ противъ этого факта, но не замѣчаютъ, что возставать смѣшно, потому что австрійское славянство и теперь осталось такимъ же, какъ прежде, и что, за недостаткомъ его политическаго развитія, Нѣмцамъ все еще не остается ничего больше, какъ распорядиться имъ по своему вкусу.

Но въ заключеніе этой исторіи, длившейся многіе вѣка, мысль о единствѣ снова является на сцену, и уже сознательно. Это совершилось въ такъ называемомъ панславизмѣ. Въ нашемъ изложеніи, мы остановимся подробнѣе на этомъ національномъ движеніи славянскаго племени, и теперь указываемъ его—вмѣстѣ съ тѣми данными, на которыхъ оно опирается—чтобы обозначить условія, опредѣлившія историческое развитіе славянскаго образованія и литературы, и точнѣе понять то явленіе, которому славянскіе патріоты предсказывали міровое господство. И на этотъ разъ, Славяне разныхъ племенъ пришли къ идеѣ панславизма различными путями. Прежде всего, она была почти ученымъ открытіемъ, въ родѣ открытія единства индоевропейскаго: ученые изслѣдованія, въ которыхъ началось первое зарожденіе панславистской идеи, шли совершенно ощупью,—и представители ея прежде всего являются въ тѣхъ народностяхъ, гдѣ возможно была ученая дѣятельность и гдѣ, кромѣ того, сильнѣе чувствовалась потребность въ этой идеѣ. Это было у Чеховъ (Добровскій, Шафарикъ, Колларъ и др.) Панславистская идея дѣйствительно имѣла свои историческія данныя. Конецъ 18-го и 19-е столѣтіе ознаменовываются въ славянской литературѣ всеобщимъ, хотя и въ разной степени сильнымъ, возрожденіемъ славянскихъ народностей,—но въ этомъ возрожденіи еще не было панславизма: оно появлялось просто вслѣдствіе большаго распространенія образованія и гуманныхъ идей прошлаго вѣка. Панславизмъ, какъ опредѣленное направленіе, является уже значительно позднѣе. Когда, вмѣстѣ съ потребностью народнаго образованія, явилась и потребность политическихъ правъ народности (освобожденіе Сербіи; стремленіе къ народной равноправности съ Нѣмцами—у Чеховъ, съ Мадырами—у Словаковъ и Хорватовъ; съ Греками—у Болгаръ), то народы невольно оглядывались на свое прошлое и искали себѣ нравственной поддержки въ мысли о цѣломъ племени: слабые сами по себѣ, они надѣялись на силу этого цѣлаго племени, археологія подтверждала ихъ прежнюю самобытность и единство съ этимъ цѣлымъ, и—

самый восторженный панславизм былъ готовъ. Самые рьяные панслависты, или виновники панславизма, были археологами; археологами дѣлались даже поэты панславизма, какъ напр. Колларъ. Такимъ образомъ, у каждаго племени панславянское стремленіе происходило отъ чисто-мѣстныхъ, практическихъ и потому относительно новыхъ причинъ; его напряженность была соразмѣрна съ большей или меньшей силой ихъ дѣйствія; когда эти практическія причины дѣйствовали особенно сильно, панславянское движеніе могло обнаруживаться почти внезапно, какъ было напр. у Хорватовъ. Въ томъ цѣломъ, къ которому старались прикинуть эти безправныя народности, первую роль по своей силѣ играла конечно Россія, — и съ этого времени въ особенности она приобретаетъ между Славянами популярность, какой не имѣла никогда прежде. Панславизмъ нашелъ своихъ защитниковъ и здѣсь, но здѣсь они руководились уже другими основаніями: въ нихъ задѣто было національное самолюбіе, и желаніемъ ихъ всего чаще бывало то, чтобы «славянскіе ручьи сливались въ русское море», — о чемъ собственно и не думали западные панслависты, по крайней мѣрѣ лучшіе.

Въ этомъ своемъ видѣ, т. е. въ видѣ неяснаго инстинкта и археологическаго открытія, панславизмъ хотя и подавалъ надежды тѣмъ политическимъ стремленіямъ, которыя стали пробуждаться въ южномъ и западномъ славянскомъ мѣрѣ, но онъ все еще не давалъ для политическаго прогресса никакой положительной поддержки. Вся разница исторической жизни, которая легла въ цѣлыя столѣтія между славянскими племенами, не уничтожалась отвлеченнымъ открытіемъ панславянской идеи. На дѣлѣ, они продолжаютъ оставаться чужды другъ другу. Литературная «взаимность», о которой такъ много говорилось въ 30-и 40-хъ годахъ, мало помогаетъ дѣлу, тѣмъ больше, что до сихъ поръ она существуетъ въ размѣрахъ самыхъ ограниченныхъ; славянскія народности — взятая въ цѣломъ — почти также мало какъ прежде, понимаютъ другъ друга, потому что до сихъ поръ не имѣютъ общаго интереса политическаго и интереса общественнаго; а въ немъ, конечно, и заключается единственная возможность единства и взаимности. Разбитые на нѣсколько государствъ, изъ которыхъ одно только вполне самостоятельно, славянскіе народы поглощены совершенно различными заботами и почти вездѣ до такой степени лишены всякой свободной общественной инициативы, что не могутъ дать другъ другу никакой положительной помощи, еслибы даже мысль о ея необходимости и вопли въ нихъ созрѣла. Чѣмъ могъ бы Чехъ помочь Болгарину или Русскій Словаку или Хорвату?... Ихъ раздѣляетъ и весьма различный уровень и направленіе общественной культуры: для однихъ, какъ для Болгаръ и Сербовъ, вопросъ идетъ о какомъ нибудь спасеніи отъ азіатскаго произвола и фанариотскаго грабежа; для другихъ, какъ для Чеховъ и другихъ австрійскихъ Славянъ, онъ заключается въ сохраненіи народности, угрожаемой ненавистной германизацией, т. е. притязаніями нѣмецкой цивилиза-

ціи, чувствующей свое интеллектуальное и матеріальное превосходство; для значительной массы третьихъ, Поляковъ, вопросъ о національномъ развитіи принимаетъ опять особое направленіе, и у значительной части общества не отдѣляется отъ европейскаго радикализма, отъ котораго всѣми силами отвергивались Чехи, и который совершенно непонятенъ для другихъ Славянъ; наконецъ, для Русскихъ этотъ вопросъ поглощенъ дѣломъ собственной организаціи и стремленіемъ установить разумнымъ образомъ внутреннія отношенія. Такимъ образомъ, уровень общественнаго интереса весьма различенъ и интересъ этотъ направленъ на весьма различные предметы, такъ что отдѣльныя народности, призываемыя панславизмомъ къ единству и взаимности, должны ограничиться только отвлеченными симпатіями; настоящаго общаго практическаго дѣла у нихъ еще нѣтъ. Оно будетъ возможно только тогда, когда въ отдѣльныхъ народностяхъ достаточно объединится общія руководящія начала общественнаго развитія, когда политическое освобожденіе несвободныхъ славянскихъ племенъ дастъ имъ полную свободу дѣйствія. Но какъ пойдетъ тогда славянскій прогрессъ,—будетъ ли онъ слѣдовать тѣмъ принципамъ славянской старины, которые были отысканы археологами, и которые, по надеждамъ славянофиловъ, должны представить міру новую невиданную славянскую цивилизацію, — или же этотъ прогрессъ пойдетъ уже открытымъ путемъ, и сдѣлается прогрессомъ европейскимъ,—рѣшить конечно исторія... Мы находимъ только, что для высокѣйшаго провозглашенія «новой» цивилизаціи еще не предвидится достаточно данныхъ, и что усвоеніе и продолженіе европейскаго прогресса вовсе не кажется намъ дѣломъ антипатичнымъ славянской природѣ.

3. ХРИСТИАНСТВО И ГРАМОТА.

Принятіе христіанства, какъ мы уже замѣтили, было первымъ важнымъ событіемъ въ культурной исторіи славянства ¹²⁾. Съ него начинается и

¹²⁾ Для знакомства съ древнимъ періодомъ старо-славянской письменности и языка, и съ дѣятельностью Кирилла и Мефодія, могутъ служить слѣдующія книги:

— I. Добровскій: *Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*, Vind. 1822 (русскій перев. Шевырева и Погодина, 1833 — 34, 2 ч.); *Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon der slav. Sprache*, Prag 1813; *Slavin*, Прага 1808, 2-е изд. Ганки, 1884; *Slovakia*, ib. 1814—15;—А. Востоковъ: *Разсужденіе о славянскомъ языкѣ* и пр. въ „Трудахъ Общ. Люб. Росс. Слов. при Моск. Унив.“ 1820, ч. 17; его же статьи въ „Библиогр. Листахъ“ П. Кѣрлена, Сиб. 1827 (объясненія къ Фрейзингенской рукописи); *Описание рукописей Румилдовскаго Музеума*, Сиб. 1842; *Остромирово Евангеліе*, Сиб. 1843; *Словарь церковно-слав. языка* (въ акад. Извѣст. и отдѣльно);—Barth. Soritar: *Glagolita Clozanius*; В. К-га Kl-mere Schriften, herausg. von Miklosich, Wien 1857;—П. Шафарикъ, *Rozkvět slov. literatury v Bulharsku*, въ *Čas. Česk. Mus.* 1848; *О древне-слав. кирилловскихъ типографіяхъ* (переводъ въ „Чтеніяхъ“ 1846);—Фр. Миклошичъ: *Radices linguae Slovenicae veteris dialecti*, Лейпц. 1845; *Lexicon l. Slov. vet. dial.*, Вѣна 1850; *Monumenta linguae Palaeoslov. e codice Suprasliensi*, Вѣна 1851; *Lautlehre der altslovenischen Sprache*, Вѣна 1850; *Formenlehre der altslov. Spr.*, Вѣна 1850, и друг.;—А. Schleicher, *Die Formenlehre der Kirchenslav. Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt*, Bonn 1852;—

первая славянская грамота, первое образованіе, открывшее возможность литературнаго развитія, — потому что о *чертагъ* и *ръзагъ*, которыми писалось у Славянъ до христіанства, неизвѣстно ровню ничего. Мы не будемъ разсказывать исторіи проповѣди христіанства между Славянами: мы предполагаемъ, что читателямъ нашимъ достаточно извѣстна дѣятельность Кирилла и Меѳодія, съ именами которыхъ связано изобрѣтеніе славянской азбуки и первый переводъ св. писанія и церковныхъ книгъ на славянскій языкъ; извѣстна дѣятельность Меѳодія между паннонскими и моравскими Славянами и отношенія его къ Риму и римскому духовенству. Мы считаемъ возможнымъ опустить эти не существенныя для насъ подробности тѣмъ больше, что вопросъ о введеніи христіанства и о грамотѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе разработанныхъ пунктовъ славянской старины. Достаточно упомянуть, что въ переводахъ св. писанія и другихъ церковныхъ книгъ православные Славяне получили первые общіе памятники литературнаго языка и первые основы ихъ общей религіозной культуры.

Языкъ, на который впервые было переведено у Славянъ св. писаніе, былъ народный языкъ Славянъ болгарскихъ, — историческое значеніе перевода заключается въ томъ, что болгарскій языкъ въ первый разъ пріобрѣлъ въ немъ литературную обработку: при тогдашней близости славянскихъ нарѣчій между собою, этотъ языкъ былъ легко доступенъ другимъ славянскимъ племенамъ и сталъ общимъ церковнымъ языкомъ православнаго славянства; и такъ какъ первая писательская дѣятельность посвящалась всего больше церковному догматическому ученію и церковной морали, то тотъ же церковный языкъ сталъ и языкомъ литературнымъ. Формы

В. Григоровичъ, Статьи, касающіяся древняго Слав. языка, Казань 1856;—Ө. Буслевъ, О вліянніи христіанства на слав. языкъ, опытъ исторіи языка по Остромирову Евангелію, М. 1848;—К. Калайдовичъ, Іоаннь, Экзархъ Болгарскій, Спб. 1824;—Физаретъ (еп. рижскій), Кирилль и Меѳодій, слав. просвѣтителі, въ „Чтеніяхъ“ 1846, кн. 4;—С. Палаузовъ, Вѣкъ болгарскаго царя Симеона, Спб. 1852;—О. Бодянский: О времени происхожденія славянскихъ писемъ (съ обширнымъ разборомъ литературы вопроса), М. 1855; Кирилль и Меѳодій. Собраніе памятниковъ, до дѣятельности св. первоучителей и просвѣтителі слав. племенъ относящихся, въ „Чтеніяхъ“ 1863, кн. 2 слѣд.;—Franjo Rački, Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda, Загребъ 1857;—П. Лавровскій, Кирилль и Меѳодій, какъ правосл. проповѣдники у запада. Славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между Востокомъ и Западомъ, Харьковъ 1863.

Литература вопроса о глаголицѣ подробно указана у Шафарика, въ изданіи глг. памятниковъ (р. LV—LVI) и въ изслѣдованіи о времени изобрѣтенія слав. азбуки, Бодянского. Мы назовемъ только главныя сочиненія: І. Добровскій, Glagolitica, Пр. 1807; 2-е изд. 1832;—В. Копитаръ: Gramm. der slav. Sprache in Krain etc., Laibach 1808; Glagolita Clozianus, Vind. 1863;—Fr. Miklosich, Zum Glagolita Clozianus, Wien 1860; (таже Извѣст., т. 9-й);—Добровскій: Institutiones; Slavin in Slovanka;—Я. Гриммъ, рецензія Glag. Cloz. Копитара въ Gött. Gel. Anzeig. 1836, № 33—36;—П. Прейсъ, въ Журн. М. Нар. Просв. 1843, кн. 8;—Н. Срезневскій, ib 1848, кн. 7, и въ академич. Извѣстіяхъ;—В. Григоровичъ, Очерки путешествія по Евр. Турціи, Каз. 1848; въ „Извѣстіяхъ“, и въ Журн. М. Н. Пр. 1852, кн. 8;—В. Гаякъ, Остатки славянскаго богослуженія у Чеховъ. Пр. 1859;—П. Шафарикъ: Pámátky blahoslávneho písemnictví. Прага 1853;—Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus, Прага 1858 (разборъ мѣтвѣи Шафарика, Викторова, въ Лѣтоп. рус. Литер. и Древн.);—I. Berčić, Chrestomathia linguae veteroslovenicae caractere glagolitico, Прага 1859.

его господствовали въ произведеніяхъ писателей болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ, и держались, при всѣхъ усліяхъ народныхъ нарѣчій приобрѣсть литературную независимость, очень долго, — въ церковной литературѣ его вліяніе отзывается и до сихъ поръ.

Изобрѣтеніе славянской азбуки относятъ къ 861—862 году. Но крѣпѣ этой азбуки, — кирилловской, — существовала, также съ очень древняго времени, другая славянская азбука, такъ называемая глаголическая или глаголица, имѣющая во многихъ отношеніяхъ сходство съ кирилловской; но совершенно своеобразная, искусственная и довольно вычурная по формѣ своихъ знаковь. Глаголица въ древности была въ большомъ употребленіи у Славянъ южныхъ, особенно у Болгаръ и далматинскихъ Хорватовъ; глаголическія рукописи находимы были также въ Россіи и даже въ Чехіи. Но происхожденіе этой азбуки покрыто совершеннѣйшимъ мракомъ невѣдѣнности: поэтому и мнѣнія о ея древности и началѣ сильно раздѣлились, такъ что иные (Конитаръ, Григоровичъ, Шафарикъ) считали глаголицу древнѣе кирилловской азбуки, утверждали даже, что она и была настоящимъ изобрѣтеніемъ Кирилла, которое потомъ упрощено было Климентомъ, и впоследствии, въ новомъ своемъ видѣ, неправильно приняла названіе кириллицы. Далѣе, одни родиной ея считаютъ Болгарію, другіе приморскую Хорватію, гдѣ глаголица всего больше была въ ходу впоследствии. Кромѣ совершеннаго отсутствія всякихъ положительныхъ историческихъ указаній, запутанность вопроса увеличивается тѣмъ, что глаголица существовала у Болгаръ и Хорватовъ одновременно съ кирилловской азбукой, что и то и другое письмо передавало одинъ переводъ священныхъ книгъ, что обѣ азбуки смѣшивались иногда въ одной и той же рукописи. Самое вѣроятное изъ всѣхъ мнѣній объ этомъ предметѣ то, которое считаетъ, что глаголица была изобрѣтеніемъ Славянъ далматинскихъ, что это изобрѣтеніе (можетъ быть, вслѣдствіе гоненій на славянскую литургію, приводившихъ далматинцевъ къ православнымъ Болгарамъ) занесено было и въ Болгарію, гдѣ также нашло вѣроятно не мало прозелитовъ; у этихъ далматинскихъ Славянъ оно и сохранилось исключительно впоследствии. Глаголическія книги заключали въ себѣ первоначально списки съ кирилловскихъ текстовъ св. писанія и церковныхъ книгъ; но впоследствии, когда православная литургія подверглась въ Далмаціи запрещеніямъ и преслѣдованіямъ, эти книги были измѣнены въ духѣ римской церкви, богослуженіе стало совершаться по римскому обряду; и въ этомъ новомъ видѣ глаголическія книги, уже не опасныя больше для католическаго духовенства, остаются до сихъ поръ церковными книгами въ значительной массѣ Сербохорватовъ Далмаціи, — хотя впрочемъ число глаголитовъ въ послѣднее время сильно уменьшается.

Глаголиты были такимъ образомъ единственные католики, сохранившіе (хотя въ измѣненномъ видѣ) славянское богослуженіе. Но общимъ правиломъ было то, что славянское богослуженіе и кирилловская азбука при-

надлежали православнымъ; у Славянъ католическихъ господствовала латынь въ богослуженіи и латинская азбука въ славянскомъ письмѣ.

Двойная азбука, славянская (главнымъ образомъ кирилловская, и только отчасти глаголица) и латинская, соответствовала двойному характеру славянского христіанства.

Христіанство распространилось между Славянами изъ двухъ источниковъ, византійскаго и римскаго: первое распространилось на Славянъ восточныхъ, Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ, соединялось съ литургіей на народномъ языкѣ; второе господствовало у западныхъ племенъ, у Славянъ прибалтійскихъ, Чеховъ, Поляковъ, западныхъ Сербовъ и Хорутанъ, и приводило съ собою католическую латынь. Первоначально, грековосточное христіанство имѣло впрочемъ болѣе обширную область, и кромѣ Моравіи, гдѣ дѣйствовали Кириллъ и Меѳодій, оно простиралось также на Польшу и Чехію, куда оно проникло сначала также изъ византійскаго источника. Впослѣдствіи, даже очень скоро, это грековосточное христіанство вытѣснено было изъ Польши, Чехіи и самой Моравіи католическимъ духовенствомъ. Притязанія католицизма не ограничились и этимъ: южные Славяне, Болгары и Сербы (не только въ Далмаціи, но и въ самой Сербіи и Босніи), были постоянно подъ вліяніемъ Рима. Это вліяніе Рима въ южныхъ земляхъ началось еще до раздѣленія церквей, когда папы старались включить эти земли въ составъ своей епархіи, — вліяніе продолжалось и послѣ раздѣленія церквей, когда отношенія папъ къ Византіи становились чисто враждебными: славянскіе князья, цари Болгаріи, краи Сербіи, князья Босніи, очень часто дѣлали религіозный вопросъ католицизма и грековосточнаго православія просто вопросомъ политики и переходили на сторону Рима, когда нужно было его вліяніе, когда желательно было получить титулъ и церковное освященіе власти. Въ теченіи очень долгаго времени южно-славянское христіанство было спорнымъ между Римомъ и Византіей. Мы не имѣемъ достаточно точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ собственно смотрѣла на это народная масса, — но результатомъ было то, что въ Болгаріи и Сербіи перевѣсъ остался на сторонѣ православія, хотя въ нихъ были и послѣдователи католичества; въ Босніи число этихъ послѣдователей было уже весьма значительно (католицизмъ играетъ въ ней роль и до сихъ поръ); наконецъ въ Далмаціи — перевѣсъ католичества былъ рѣшительный.

Нѣтъ сомнѣнія, что это религіозное раздѣленіе оставило большіе слѣды и на цѣлой исторіи племени, — потому что усилило его разъединеніе; и на отдѣльныхъ народностяхъ, — потому что давало различное направленіе первымъ зародышамъ образованія, которые уже съ того времени должны были развиваться въ нихъ подъ различными вліяніями, или Рима, или Византіи. Но конечно очень странно было бы давать этому различію въ религіозномъ направленіи то фатальное значеніе, какое даютъ ему нѣкоторые ревнители древняго славянства, особенно изъ школы московскаго панславизма. Забывая, что Славяне нѣкогда были даже вовсе язычниками, что

народныя свойства и понятія старыхъ Славянъ, уже имѣвшіе отдѣльными народности, выработались еще въ далекій до-христіанскій періодъ; что въ слѣдствіе консерватизма медленно развивающейся народно-патріархальной среды даже и въ наше время этнографія нападаетъ иногда въ народѣ на слѣдъ языческаго пантеизма; забывая наконецъ и факты дальнѣйшей исторіи, — эти исторіи выдаютъ намъ одну форму христіанства за непремѣнное условіе славянской природы и народности, другую за послѣднюю гибель этой природы. Первая изъ этихъ формъ, по ихъ мнѣнію, — православное христіанство; вторая — христіанство римское: истинная славянская народность должна необходимо соединяться съ православіемъ; та, которая не соединится съ нимъ, есть народность не настоящая, а испорченная. На этомъ положеніи строится затѣмъ вся исторія славянскаго племени, имъ объясняются всѣ прошедшія и настоящія его судьбы: одной религіозной формѣ приписываются нравственныя и общественныя достоинства восточнаго славянства, сохранившаго будто бы древнія народныя начала; другой, заключавшей въ себѣ преклоненіе передъ ложнымъ авторитетомъ, — потеря народности и всѣ гибельныя явленія въ жизни славянства западнаго, его ненормальныя общественныя отношенія, отдѣленіе аристократіи отъ народа, униженіе массъ, феодализмъ, паденіе общины и т. д. Важнѣйшее событіе религіозной исторіи западнаго славянства, гусситизмъ, возставшій противъ католичества, изображается въ этой школѣ именно «національно-славянскимъ» протестомъ противъ Рима, протестомъ, которому будто бы Чехія только и обязана спасеніемъ отъ окончательной гибели ея народности и т. д. Эта исключительная точка зрѣнія проводится на всѣ явленія славянской исторіи; на ея оснваніи, вся исторія западнаго славянства представляется грѣхомъ, за который оно терпитъ въ настоящее время униженіемъ своей народности и своего политическаго значенія: западное славянство можетъ возвратитъ свою нравственную силу только полнымъ возрожденіемъ, возвращеніемъ къ выше указаннымъ непремѣннымъ условіямъ истинно славянской народности.

Мы могли бы, собственно говоря, оставить въ сторонѣ мнѣнія, объясняющія славянскую исторію такимъ одностороннимъ фатализмомъ, но люди этихъ мнѣній въ особенности часто берутся въ нашей литературѣ объяснить судьбы славянскаго племени, и обойти ихъ было бы невыгодно въ интересѣ читателя. Притомъ этими мнѣніями пытается школа, которая и въ исторію нашей собственной народной жизни вносятъ тѣ же односторонности и странности... Мы уже замѣтили, что религіозныя отношенія славянства имѣли безъ сомнѣнія значительное вліяніе на его исторію, но никакъ не думаемъ, чтобы дилемма, выставленная школой, могла имѣть такія крайнія слѣдствія. Кромѣ религіозныхъ отношеній, славянская исторія устроилась множествомъ другихъ отношеній: племена занимали извѣстныя мѣстности, которыя дѣйствовали на характеръ ихъ культуры своими естественными свойствами; пріобрѣтали разныхъ сосѣдей, часто самымъ положительнымъ образомъ опредѣлявшихъ направленіе ихъ развитія (напр.

соѣдство Чеховъ съ Нѣмцами, далматинскихъ Сербовъ съ Италіей и проч.), становились въ разныя культурныя условія. Матеріальное подчиненіе, независѣвшее отъ нравственныхъ качествъ народности, одинаково уничтожало свободу развитія, каковы бы ни были условія религіозныя (положеніе подчиненныхъ Болгаръ и Сербовъ, и положеніе белорусскаго и великорусскаго вѣрнопостнаго въ прежнія времена); близость культурнаго народа могла дѣйствовать независимо отъ религіозныхъ отношеній, и чужая культура иногда связывалась съ самымъ живымъ сознаниемъ своей народности (Гусь и его послѣдователи); извращеніе общественныхъ отношеній совершилось также совершенно независимо отъ религіозныхъ условій: рядомъ съ феодализмомъ германскимъ можетъ быть поставленъ феодализмъ византійскій, рядомъ съ не національно разившейся аристократіей Поляковъ и Чеховъ могутъ быть вкюпѣ поставлены боярство русское и старое южно-славянское; положеніе народной массы было одинаково въ государствахъ по нѣмецки-феодалномъ и въ московскомъ царствѣ 17-го вѣка и т. д. Гдѣ больше терялся характеръ народности, гдѣ больше народъ становился тяжелой на подъемъ массой, — выбрать трудно. Однимъ словомъ, странно приписывать одной религіозной формѣ значеніе исключительнаго условія истинной славянской національности и къ ней одной сводить не только славянское прошедшее, но и будущее. Славянство восточное и западное одинаково представляло въ своемъ прошедшемъ много печальныхъ примѣровъ народнаго упадка, которыхъ никакъ не объяснить исключительно клерикальная точка зрѣнія. Если школа указываетъ на внутренній упадокъ нравственныхъ началъ и представленій народности, совершившейся будто бы въ католическомъ славянствѣ, и бывший будто бы источникомъ вѣшняго общественаго упадка, то и здѣсь опять является передъ нами та же параллельность явленій, не рѣшающая вопроса: если католическій Римъ требовалъ поклоненія религіозному авторитету, онъ давалъ—въ противодѣйствіе ему — и значительную долю умственнаго развитія, смягчавшую крайности этого поклоненія; у Славянъ восточныхъ не было правда этого именно авторитета, но за то народное невѣжество поддерживалось литературнымъ застоємъ. Умственное развитіе восточнаго славянства во всѣ средніе вѣка, и почти и до нашего времени, всегда стояло ниже, чѣмъ у Славянъ западныхъ. Отрицаніе одинаково является въ славянствѣ восточномъ и западномъ, только въ первомъ формы его были несравненно грубѣе и неразвитѣе: таковы съ одной стороны еретическія движенія восточнаго славянства—богомилство у Болгаръ и Сербовъ, стригольничество и жидовство, ересь Башкина и т. д. у Русскихъ; таковы съ другой стороны, въ западномъ славянствѣ знаменательное движеніе гусситовъ въ Чехіи и замѣчательный успѣхъ протестантства въ цѣломъ чешскомъ племени, у Хорватовъ и Хорутанъ, и даже у Поляковъ. Первые не могли создать никакой положительной доктрины, хотя и не лишены были значенія для своей частной среды; смѣлая мысль гусситовъ стала культурнымъ

явленіемъ великой исторической важности... Наконецъ, и сами послѣдователи панславянской школы должны согласиться, что общественное развитіе новаго времени совершается уже независимо отъ возрѣній, господствовавшихъ въ средніе вѣка, и потому средневѣковая мѣрка уже не прилагается къ фактамъ новой общественной и политической жизни.

По мнѣнію школы, римскій католицизмъ подкапывалъ самыя основы славянской народности, такъ что послѣдняя можетъ быть теперь отыскана только въ русской землѣ, и преимущественно въ московской губерніи; что католицизмъ истребилъ весь тотъ запасъ народныхъ взглядовъ и убѣжденій, обычаевъ и преданій, который составляетъ то, что называютъ народностью; что поэтому у Славянъ восточныхъ она сохраняется чище и невредимѣе... Эти понятія о славянской народности, очевидно, основаны на недоразумѣніи. Неизмѣнимыхъ народностей не бываетъ на свѣтѣ,—они не измѣняются, по крайней мѣрѣ скоро и замѣтно, только у народовъ ведущихъ жизнь чисто животную; но во всякомъ народѣ, имѣющемъ сколько нибудь собственной мысли и живой дѣятельности, такъ называемая народность измѣняется съ каждымъ періодомъ его исторической жизни. Если намъ говорить о подлинной русской православной народности, выдавая ее за коренную славянскую, мы въ полномъ правѣ не считаемъ ее таковою, потому что коренная народность уже измѣнилась самымъ фактомъ принятія христіанства. Затѣмъ и послѣ русская народность нѣсколько разъ видоизмѣнилась событіями—татарскимъ нашествіемъ, московскимъ царствомъ, крѣпостнымъ состояніемъ, реформами Петра и т. д., которые всѣ опять положили на нее новыя черты, неизвѣстныя прежде и конечно не принадлежавшія первобытной славянской народности. Изъ того, что русская народность самая обширная по своей численности, никому конечно не вздумается выводить, что она есть и самая подлинная славянская народность... Если русское племя далеко не сохранило своего прежняго характера, — хотя имѣло для того всѣ удобства по своему уединенному положенію, — естественно, что и другія народности также могли видоизмѣняться по своимъ историческимъ условіямъ: разница только въ обстоятельствахъ, а не въ сущности явленія. Правда, въ западномъ славянствѣ сильнѣе сказались вліяніе элементовъ чуженародныхъ, но если они были имъ переработаны и усвоены безъ потери своей національной особенности, то въ этомъ мы видимъ только новую форму, какую способна была принять славянская племенная природа; если же народность терялась при этомъ, перерождаясь въ чужую національность высшей культуры, то и это собственно не представляетъ ничего особенно печальнаго, потому что народность оказывается въ такомъ случаѣ слабой и неспособной... Защитники славянской расы оплакиваютъ обыкновенно въ западномъ католическомъ славянствѣ упадокъ стараго славянскаго преданія и обычая, мнѣвъ народной поэзіи и т. д.; — но эти сожалѣнія опять не убѣдительно исторически. Въ чемъ состоитъ это затерянное богатство мнѣвъ и т. п.? Оно состояло въ запасѣ фантастическихъ представленій патриархальнаго быта, запасѣ, который съ

теченіємъ времени потерялъ уже всякій дѣйствительный смыслъ и сохранилъ непосредственную прелесть только для неразвитаго воображенія, незанятаго болѣе зрѣлымъ поэтическимъ содержаніемъ. Если мы сами имѣли нѣкоторое право не сожалѣть о потерѣ вѣры въ народную мифологию, то съ тѣмъ же правомъ можно не жалѣть и о народѣ, который перестаетъ вѣрить въ фантастическія пугала своего дѣтства, и замѣняетъ ихъ болѣе здравыми понятіями. Защитники народности обыкновенно замѣчаютъ на это, что отъ этого много теряетъ народная поэзія: теряетъ конечно, потому что съ прекращеніемъ мифологической вѣры и поэзія ея забывается народомъ, который начинаетъ искать себѣ поэзіи, болѣе отвѣчающей его дѣйствительному настоящему. Если только народная жизнь развивается свободно, народъ создаетъ себѣ новую поэзію, какъ создали ее напр. Малоруссы въ 15—17 столѣтіяхъ... Наконецъ, сбереженіе тысячелѣтнихъ мифовъ мы не считаемъ для народа особеннымъ преимуществомъ: археологу и этнографу конечно пріятно встрѣтиться съ ними черезъ такой длинный промежутокъ времени, но сохраненіе ихъ едва ли не показываетъ, что этотъ длинный промежутокъ прошелъ для народа совершенно даромъ, не остановивши его вниманія никакимъ новымъ предметомъ. Исторія конечно заключается не въ этой неподвижной традиціи народности (которую такъ восхваляютъ въ восточномъ славянствѣ его приверженцы), а въ широтѣ ея опыта и продуманнаго содержанія, въ живой и развивающейся дѣятельности ея матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, — что собственно и даетъ ей значеніе въ исторіи культуры.

Такимъ образомъ, съ самаго начала славянское племя пошло двумя разными путями. Западное славянство приняло католицизмъ, взявшій здѣсь верхъ надъ грековосточнымъ христіанствомъ, и вслѣдствіе своихъ географическихъ условій стало въ непосредственныя отношенія къ средневѣковому европейскому западу. Чехія, Польша, югозападные сербскія племена, не говоря о затерявшихъ свою народность Славянахъ прибалтійскихъ, вовлечены были въ исторію средневѣковой средней Европы, и за исключеніемъ Польши и крайняго югозапада, вошли даже въ составъ нѣмецкой римской имперіи. Наиболѣе характеристично было состояніе Чехій: католическая латынь не помѣшала въ ней явиться замѣчательнымъ народно-поэтическимъ произведеніемъ, отъ 9—10 до 13-го столѣтія; впоследствии, народное направленіе литературы ослабѣваетъ, но вовсе не отъ вліянія латыни, а отъ вліянія нѣмецкаго, не религіознаго, а культурнаго. Такимъ образомъ, если народная литература долго не развивалась въ Польшѣ, пользуясь языкомъ латинскимъ, этого нельзя приписывать специфическому вліянію католицизма, который и тогда не мѣшалъ бы обработкѣ народнаго языка, какъ не мѣшалъ впоследствии въ той же Польшѣ, и какъ не мѣшалъ у Чеховъ. Латынь, получившая въ средніе вѣка и надолго послѣ, господство у Чеховъ, Поляковъ, далматинскихъ Сербовъ, была именно латынь тогдашняго образованія, схоластической

науки. Она вводила мысль западнаго славянства въ кругъ европейскіихъ идей, и въ этомъ не было никакой измѣны славянскимъ началамъ, потому что другой, собственно-славянской науки, не существовало вовсе, и научное стремленіе необходимо попадало на эту дорогу: на ту же дорогу попало, только поздѣе, и восточное славянство, именно въ русской литературѣ 17-го вѣка. Въ тѣ старыя времена, эта наука, средневѣковая схоластика, говорила на латинскомъ языкѣ, и онъ водворился у Славянъ, какъ водворился у самихъ Нѣмцевъ, не отставшихъ отъ него и тогда, когда они уже отстали отъ католицизма. Эпоха «возрожденія» дала ему новую силу.

Посредствомъ латыни, западное славянство непосредственно соединилось съ европейскими литературными центрами, — такъ что отдѣльные племена не имѣли собственно поводовъ къ спеціальному сближенію: ихъ уже соединило общее отношеніе къ европейскому образованію. Они совершали свою исторію отдѣльно и независимо...

Восточное славянство представляетъ больше этого спеціального сближенія отдѣльныхъ племенъ, хотя впрочемъ оно и не произвело особенныхъ культурныхъ результатовъ. Мы уже сказали, что ихъ соединяло единство церкви и единство церковно-литературнаго языка. На всѣхъ этихъ племенахъ легло сильное, хотя и въ различной степени, вліяніе Византіи, приходившее или черезъ прямыя церковныя сношенія, или черезъ литературу. Болгары, Сербы и Русскіе приобрѣтаютъ одно общее образованіе церковно-византійскаго характера. Древній періодъ ихъ литературы, до самаго 14-го столѣтія, представляетъ полное единство по своему основному содержанію: общія церковныя книги; частыя церковныя сношенія, приводившія къ Русскимъ болгарское и сербское духовенство; связи съ Аеономъ, гдѣ каждое изъ этихъ племенъ имѣло свои монастыри и своихъ представителей, подвижниковъ и писцовъ книгъ; единство условнаго старо-славянскаго языка, ставшаго языкомъ ихъ общей литературы, — все это позволяетъ до значительной степени соединять всѣ три литературы подъ одну общую точку зрѣнія. Болгарская литература, въ то время самая богатая изъ всѣхъ, была общимъ достояніемъ Сербовъ и Русскихъ; произведенія ея были для нихъ одинаково доступны, — каждому племени приходилось только слегка измѣнять языкъ книги по формѣ своего нарѣчія: странствованіе рукописей произвело наконецъ чрезвычайное смѣшеніе формъ языка, который не могъ установиться въ одно общеприняемое цѣлое. Господствующей формой остались впрочемъ тѣ-же основныя черты такъ называемаго старо-славянскаго языка.

Къ сожалѣнію, византійское образованіе, или даже клочки его, доставшіяся на долю восточнаго славянства, принесло ему мало пользы. Это было образованіе совершенно выродившееся: въ числѣ элементовъ его были и остатки славной древней литературы Греціи, но они не визались съ настоящимъ; вмѣсто живой мысли господствовала риторическая фразеологія, ставшая наконецъ всеобщимъ условнымъ языкомъ; недостатокъ собствен-

ной мысли дѣлалъ византійцевъ тѣхъ временъ компиляторами или вздорными энциклопедистами, въ родѣ Михаѣла Пселла. Это и было естественно при томъ извращенномъ порядкѣ общества, какой представляла византійская исторія того времени: эта исторія разлагающейся имперіи была плохимъ примѣромъ для свѣжихъ славянскихъ племенъ, которымъ пришлось принять первые уроки цивилизациі отъ византійскихъ Грековъ. Правда, въ византійской литературѣ сохранялось еще знаніе классическихъ произведеній славной древности, — но во первыхъ, настоящее развитіе этого знанія относится болѣе къ эпохѣ возрожденія, а во вторыхъ — и это главное, — классическая литература осталась чужда славянскому образованію, которое было еще слишкомъ дѣтски-неопытно, чтобы интересоваться философіей Платона. Изъ византійской культуры славяне вынесли довольно бѣдное количество отрывочныхъ византійскихъ знаній, наводнявшее потомъ «хромографы», «азбукovníки», «сборники» и т. п. Преобладающимъ характеромъ образованія была исключительная церковность; литература была по большей части повтореніемъ и подражаніемъ византійской, — только одна лѣтовисъ (и то почти одна русская) была самостоятельнымъ литературнымъ направленіемъ. Народные элементы поэзіи, такъ великолѣпно разившіеся въ древней Чехіи при всемъ ея латинствѣ, здѣсь, за единственнымъ почти исключеніемъ Слова о полку Игоревѣ, совершенно молчали въ восточномъ славянствѣ, и если образовалась потомъ отрывочная литература повѣстическихъ сказаній народного свойства, то въ сущности это была только помѣсь изъ разрозненныхъ народныхъ мѣвовъ и остатковъ византійской литературы, которая не всегда даетъ выгодное повѣіе о повѣстическомъ вкусѣ времени и не могла похвалиться развивающимъ содержаніемъ. Подъ конецъ эта легендарная литература больше и больше забывалась и держится теперь какъ обрывокъ фантастическихъ суевѣрій, исчезающій передъ сколько нибудь разумнымъ обученіемъ...

Общая литературная жизнь восточнаго славянства, соединеннаго однимъ церковно-литературнымъ языкомъ и одними книгами, идетъ до 14-го столѣтія, когда южныя славянскія царства кончили свое независимое существованіе и потеряли всякую возможность образованности. Русская народность продолжала неизмѣнно двигаться въ томъ же направленіи, до половины 17-го вѣка, когда — черезъ юго-западный край — стали проникать изъ Польши латинская схоластическая ученость и первыя попытки европейскаго образованія, предшествовавшія реформѣ Петра.

4. народная поэзія.

При томъ состояніи славянскихъ литературъ, въ какомъ находятся они въ настоящую минуту, при тѣхъ взглядахъ на національное возрожденіе, какіе господствуютъ между славянскими патріотами, исторія славянскихъ

литературъ неизбѣжно должна дать особенное мѣсто народной поэзіи ¹⁴). Эту народную поэзію, какъ выраженіе народности, новѣйшіе славянскіе патріоты понимаютъ не только какъ важную отрасль современной, національной внутренней жизни,—но, какъ ея глубочайшую идею и источникъ, изъ котораго должно быть почерпнуто національное развитіе. Есть и ученые, которые готовы видѣть весь объемъ этого развитія въ объемѣ принциповъ и идеаловъ народной поэзіи, и которые весь успѣхъ литературнаго развитія ставятъ въ зависимость отъ возвращенія къ источникамъ, скрытымъ въ идеяхъ народной поэзіи. Такъ говорили обыкновенно энтузіасты новаго славянскаго движенія; въ этомъ родѣ говорятъ многіе и теперь... Съ этой точки зрѣнія, едва ли не существенный предметъ литературной исторіи славянства состоялъ бы именно въ изученіи народной поэзіи.

Это значеніе ея явно преувеличено. Сколько бы мы ни признавали историческое значеніе народной поэзіи, но видѣть въ ней содержаніе національной жизни, обязательное; такъ сказать, и для послѣдующихъ поколѣній, было бы конечно крайне неисторической односторонностью. Это преувеличеніе могло впрочемъ явиться очень естественно у людей, взявшихъ на себя защиту славянскаго національнаго вопроса. Когда панславизмъ поднималъ свое національное знамя противъ чужихъ цивилизацій и европейскаго вліянія вообще, онъ не могъ выставить противъ нихъ никакого иного культурнаго принципа, кромѣ понятія «славянской народности», въ которой главнымъ образомъ играла роль народная поэзія. Очевидно, что народная поэзія, какъ представительница народности, была почти единственнымъ оружіемъ, которымъ можно было съ удобствомъ воспользоваться. При случаѣ, патріоты охотно брались и за болѣе осязательныя доказательства славянскаго превосходства: древнія общественныя идеи и учрежденія, мягкость и миролюбіе славянскихъ нравовъ, свободу славянской женщины, демократическій характеръ славянскаго общества, судъ присяжныхъ (будто-бы по преимуществу славянское учрежденіе), даже кирилловскую азбуку, будто бы совершеннѣйшую изъ всѣхъ европейскихъ азбукъ и т. п.,—хотя эти вещи оказывались или не совсѣмъ достаточными, или и вовсе проблематическими. Преувеличенная идея о славянской народности стала любимымъ аргументомъ, на который ссылались славянскіе патріоты, «народность» сдѣлалась лозунгомъ панславизма западнаго и восточнаго, и народная поэзія есте-

¹⁴) О народной словесности существуетъ, кромѣ самыхъ сборниковъ, обширная, но большей частью довольно мелкая литература—разработка, болѣе или менѣе серьезная, частныхъ подробностей и ни одного цѣлаго сочиненія, которое бы обвѣло предметъ съ достаточной полнотой или достаточной научной критикой. Назовемъ нѣсколько болѣе извѣстныхъ книгъ:

О. Бодянский, О народной поэзіи славянскихъ племенъ, Москва 1887;—Talvi, Historical view и пр. (Sketch of the popular poetry of the Slavic nations; p. 315—404);—Ludovít Štur, O národních písních a pověstech plemen Slovanských, Прага 1853;—Буслаевъ, Историческіе очерки и проч.;—И. Костомаровъ, Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи, Харьковъ 1843;—П. Безсоновъ, Болгарскія пѣсни и пр. (Эпосъ сербскій и болгарскій, стр. 1—136).

ственно должна была сдѣлаться альфой и омегой національной мечтательности и надеждъ.

Къ этому вызывала повидимому и современная наука, которая съ особеннымъ интересомъ обратилась въ нынѣшнемъ столѣтіи къ языкознанію и этнографіи. Когда эта наука стала съ чрезвычайной настойчивостью исследовать этнографическіе элементы исторической жизни народовъ, ихъ мѣлологію и поэтическія преданія, когда она ввела цѣлый новый отдѣлъ въ историческое знаніе, славянскіе патриоты и ревнители подумали, что этотъ отдѣлъ и составляетъ всю науку. Если наука говорила, что въ народной мѣлологіи высказывалось содержаніе народнаго мышленія, что въ народной поэзіи собраны народныя идеалы; приверженцы національности думали, что это мышленіе и идеалы заключены здѣсь навсегда, что они не могутъ быть иными и что народная жизнь падаетъ, когда удаляется отъ нихъ. Это недоразумѣніе поддерживалось тѣми стремленіями исключительной національности, о которыхъ мы упоминали выше; широкое опредѣленіе важности народно-поэтическаго матеріала нравилось тѣмъ, кто поставялъ въ немъ свой національный палладіумъ, и такимъ образомъ недоразумѣніе выработалось въ цѣлую исключительную теорію. Эта теорія часто сталкивалась съ опровергающими фактами новой исторической дѣйствительности, и, не умѣя совладѣть съ ними, по неволѣ убѣгала въ старину и въ ней одной искала спасенія.

Стремленіе къ старинѣ, къ которой были отнесены мною вѣчные народныя идеалы, составляетъ весьма отличительную черту панславянскихъ энтузіастовъ. Въ этой старинѣ заключаются для нихъ и идеалы поэтическіе, и идеалы общественнаго устройства; этотъ романтизмъ питаетъ явную антипатію къ новымъ учрежденіямъ и перѣдко становился прямо ретрограднымъ, потому что новыя явленія жизни никакъ не укладывались въ средневѣковую раму.

Въ чемъ же состоитъ истинное положеніе дѣла?

Народная поэзія должна конечно найти мѣсто въ литературной исторіи, только это мѣсто вовсе не исключительное и не господствующее. Народная поэзія входитъ въ эту исторію съ двухъ точекъ зрѣнія: во первыхъ, какъ произведеніе эпохи, которая была исходной точкой литературнаго образованія, — хотя впрочемъ въ большинствѣ случаевъ, какъ увидимъ, народная поэзія не была въ славянскихъ племенахъ источникомъ литературнаго развитія, которое приходило обыкновенно извнѣ и совершалось подъ чужими вліяніями; во вторыхъ, какъ предметъ новѣйшаго изученія народности, стоящаго въ связи съ національнымъ движеніемъ послѣдняго времени. Говоря выше о стремленіяхъ къ славянскому единству, мы уже имѣли случай указывать, въ какомъ отношеніи славянская народная поэзія находится къ идеѣ единства, какъ уже въ первыя, исторически доступныя времена, содержаніе народной поэзіи у разныхъ славянскихъ народовъ разбивается на отдѣльныя мѣстныя направленія съ отдѣльной исторической судьбой. Съ этой стороны,

содержаніе славянской народной поэзіи уже не удовлетворяетъ желаніямъ тѣхъ славянскихъ патріотовъ, которые хотѣли бы видѣть въ ней звѣно, соединяющее разбѣдиненныя племена, и источникъ будущей панславянской цивилизаціи. Въ древнѣйшія основы, изъ тѣхъ временъ, когда она представляла дѣйствительно общее достояніе всего славянства по своей мифологіи, космогоніи и общественнымъ идеямъ, эти основы забывались уже при самомъ началѣ раздѣльной жизни племенъ, и вся историческая жизнь племенъ все больше и больше отдаляла ихъ другъ отъ друга. Единство и полнота мифологіи должны были затеряться уже очень рано, вѣроятно еще задолго до принятія христіанства. Когда племена окончательно установились въ отдѣльныя географическія и этнографическія группы, и наконецъ въ отдѣльныя политическія общества, и съ введеніемъ христіанства, сильно нарушившаго древній бытъ, народная поэзія безвозвратно потеряла свое первобытное единство.

Съ тѣхъ поръ она развивается въ мѣстныхъ условіяхъ отдѣльныхъ племенъ. Съ дѣленіемъ племенъ, съ принятіемъ христіанства, окончательно порвались старыя національныя традиціи и существенно измѣнился весь характеръ народной поэзіи. Даже въ границахъ отдѣльнаго племени народная поэзія не могла быть хранилищемъ неизмѣнныхъ народныхъ идеаловъ и преданій. Первоначально, эти идеалы и преданія были чисто языческой мифологіей; — теперь эта мифологія радикально измѣнилась подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, отчасти исчезла и забылась совсѣмъ, отчасти переодѣлась въ новую одежду, которая едва давала узнавать первоначальныя черты. Такимъ образомъ напр. русская или сербская поэзія 14—15-го вѣка была уже нѣчто совершенно иное, чѣмъ русская и сербская поэзія 8—9-го вѣка. Въ границахъ одного племени, народная поэзія измѣнилась опять также сильно, какъ измѣнилась она въ періодъ этнографическаго обособленія племенъ. Если ученые и отыскиваютъ теперь много слѣдовъ старины и язычества и въ народной поэзіи позднѣйшихъ христіанскихъ временъ, то нѣтъ однако никакого сомнѣнія, что христіанская эпоха уже наложила на нее свою печать и что народное сознаніе уже измѣнилось въ цѣломъ. Превжій пантеизмъ изглаживался и сохранившіяся формулы его дѣлались совершенно безсознательными, т. е. лишились своего основнаго смысла. Если бы историки народной поэзіи, вмѣсто того, чтобы искать въ ней однихъ обломковъ старины, стали напротивъ искать въ ней постепеннаго наплыва новыхъ особенностей, то стало бы совершенно ясно, что въ народной поэзіи хранится гораздо меньше такъ называемыхъ «исконныхъ» элементовъ народности, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Историческое изученіе памятниковъ народной поэзіи и ея новѣйшаго состоянія убѣждаетъ, что въ ней мы имѣемъ дѣло съ такимъ же переходящимъ явленіемъ, какъ всякое историческое явленіе и что она также имѣла свои предѣлы во времени, дальше которыхъ идти не можетъ. Если для народа наступаетъ пора другихъ понятій, она должна уступить имъ мѣсто и забыться, или измѣниться снова.

Такъ это и было уже въ исторической судьбѣ народнаго развитія. Когда

оканчивается первая пора непосредственного патриархальнаго быта, народная поэзія этого быта, если она не подчиняется новому порядку, или забывается или даже становится предметом гоненія: культурные элементы, входящіе въ народную жизнь, всегда стоятъ къ ней въ известной оппозиціи, и винить ихъ за это было бы совершенно безразсудно. Вводимое христіанство преслѣдуетъ «бѣсовскія пѣсни и игрища», въ 17-мъ столѣтіи правительственная власть гонитъ народныя повѣрья, 18-й вѣкъ пренебрегаетъ народную поэзію какъ вульгарную. Однимъ словомъ, культурные элементы постоянно стремятся подчинить себѣ и даже истребить народную поэзію — т. е. остатки прежняго содержанія народной мысли, и обыкновенно они успеваютъ въ этомъ.

Этому какъ будто противорѣчить то обстоятельство, что современное образованіе напротивъ дорожитъ народной поэзіей; патриоты и ученые собираютъ пѣсни, наблюдаютъ обряды, записываютъ сказки и пословицы, — но въ сущности дѣло этимъ нисколько не поправляется. Въ то время, какъ отдѣльные любители гоняются за произведеніями народной поэзіи, самъ народъ больше и больше забываетъ ихъ по мѣрѣ того, какъ на него начинаетъ дѣйствовать образованіе, исходящее изъ городовъ. Мало по малу забывается все то, что уже мало находитъ себѣ соотвѣтствія въ современной дѣйствительности, и возвратитъ эту забывающуюся старину не поможетъ никакое искусственное подогрѣванье.

Таковъ историческій смыслъ судьбы народной поэзіи. Какимъ же образомъ, въ такомъ случаѣ, нужно понимать то обращеніе къ народности, которое составляетъ господствующую черту современнаго славянскаго движенія, и которое хочеть однако въ народной поэзіи, и въ народности, искать теперь элементовъ національнаго возрожденія? Явленіе это довольно сложное, и было вызываемо разными обстоятельствами.

Обращеніе къ народности имѣло, во первыхъ, общеевропейскую культурную причину. Конецъ прошедшаго столѣтія принесъ существенное измѣненіе господствующихъ понятій литературныхъ и общественныхъ. Старое общество и старый условный классицизмъ были подорваны философіей 18-го столѣтія и романтизмомъ: общественная жизнь искала новыхъ началъ и находила ихъ въ демократизмѣ; литературные вкусы, впадавшіе въ 18-мъ вѣкѣ въ идиллію Бернардена де Сень-Шьера, искали теперь непосредственной природы въ средневѣковомъ романтизмѣ и въ «простодушной» народной поэзіи. Замѣчательно, что славянская поэзія указана была однимъ изъ первыхъ нѣмцемъ Гердеромъ (который съ тѣхъ поръ пользуется доброй памятью въ литературѣ панславизма); Гёте въ свое время цѣнилъ новооткрытыя пѣсни Сербовъ едва ли не лучше, чѣмъ ихъ славянскіе единоплеменники. Однимъ словомъ, въ этомъ обширномъ смыслѣ славянское обращеніе къ народности было явленіемъ общеевропейскаго происхожденія, хотя большинство славянскихъ патриотовъ и не сознавало этого.

Это общее явленіе обособилось въ славянскихъ племенахъ своими исклю-

чительными подробностями. Если въ понятіяхъ Гердера и Гёте, отражающихъ собой цѣлое европейское воззрѣніе, этотъ интересъ къ народной поэзіи былъ космополитическаго характера, — то въ славянскомъ движеніи онъ выросъ въ національную исключительность, которая до сихъ поръ продолжаетъ отличать это движеніе.

Мы уже упоминали выше, какимъ образомъ «народность», старина и народная поэзія стали предметомъ ученаго любопытства и вмѣстѣ оружіемъ національной гордости — за неимѣніемъ другаго, лучшаго оружія. Если национальность сильна другими средствами и богата другими проявленіями, она не имѣетъ нужды прибѣгать къ погонѣ за стариной. Таковы напр. національныя стремленія современной Італіи. Въ славянскомъ мірѣ положеніе было иное: въ большинствѣ племенъ чужое господство и чужая культура грозили самому существованію національности, и стѣсненный національный инстинктъ произвелъ наконецъ реакцію: не имѣя силъ бороться противъ болѣе сильной культуры равными средствами, онъ сталъ отвергать самую культуру и утѣшалъ себя тѣмъ, что гораздо высшіе культурные элементы заключались въ самой непосредственной славянской народности.

Всѣ эти литературныя и общественныя явленія — европейское опредѣленіе демократическихъ принциповъ, литературная реакція противъ классицизма, успѣхи этнографіи и языковѣдѣнія, наконецъ практическія отношенія самихъ славянскихъ племенъ — дали поводъ искать въ народности литературную и общественную панацею. Ясно, что на тему народности могли высказываться самыя разнородныя тенденціи, и что обращеніе къ ней имѣло въ литературѣ различныя послѣдствія, смотря по степени развитія ея литературныхъ представителей. Изученіе народной поэзіи давало извѣстную свѣжесть литературнымъ идеаламъ, освобождая ихъ отъ прежней отжившей рутины и указывая поэзіи новое содержаніе въ жизни народа; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это изученіе породило исключительность и односторонность литературныхъ понятій, вредную самому дѣлу. Если съ одной стороны общеевропейскіе, философскіе элементы новаго направленія приводили къ болѣе глубокому пониманію народа, его правъ и потребностей, съ другой, исключительная національность приводила къ узкой ограниченности культурныхъ понятій. Въ этомъ смыслѣ стремленія къ «народности» соединяютъ въ себѣ и благородныя симпатіи къ народу и серьезное желаніе изучить требованія массы, и философскій туманъ и мистицизмъ, и самоотверженный демократизмъ, и полную ретроградность. Всѣ эти свойства отражаются очень ясно въ представителяхъ современнаго славянскаго движенія: національныя стремленія вызвали серьезное изученіе въ Шафарикѣ, національное фантазерство въ Колларѣ и Хомяковѣ, мистическій туманъ въ Кирѣевскомъ, непосредственный патриотизмъ въ Караджичѣ и Смолерѣ, мистическій демократизмъ въ К. Аксаковѣ, мистицизмъ реакціонный въ Шевыревѣ и т. д., но вообще стремленіе къ народности, мало понимаемой, даетъ людямъ и теоріямъ извѣстный консерватизмъ,

который къ сожалѣнію слишкомъ часто сталкивается враждебно съ требованіями времени и здраваго развитія.

Послѣ этого можно видѣть, что, ссылаясь на непосредственное вліяніе «народности» и въ особенности народной поэзіи на современное литературное развитіе и приписывая имъ въ этомъ особенную мистическую силу, энтузиасты «народности» смѣшиваютъ въ одно явленіе, совершенно различныя и даже независимыя вовсе отъ самой «народности». Народная поэзія только рѣдко давала непосредственное вдохновеніе замѣчательнѣйшимъ славянскимъ поэтамъ новаго времени; и если говорить напр. о родствѣ съ ней Кольцова или Шевченка, то на дѣлѣ народная поэзія оказывала на нихъ скорѣе формальное вліяніе, чѣмъ давала имъ самое содержаніе. Если намъ указываютъ поэтовъ, которые стояли съ ней въ болѣе непосредственной связи, то они бывали только пересказчиками ея, не прибавляя въ литературѣ ничего новаго: такъ и дѣйствительно повторяютъ ее множество второстепенныхъ поэтовъ, у всѣхъ славянскихъ народовъ. Если же въ нашей и славянской литературѣ больше имѣютъ теперь силы народные элементы, если, другими словами, поэзія и литература чаще говорятъ за народный интересъ, за народныя права и потребности, то причина симпатическаго отношенія къ народу заключается въ развитіи собственно общественныхъ понятій, а это развитіе принесено вовсе не изученіемъ народной поэзіи, а вліяніемъ европейскихъ идей. Если бы напр. русская литература увлекалась народностью въ томъ смыслѣ, какъ увлекается ею славянско-патріотическая теорія, мы увидѣли бы безъ сомнѣнія иные результаты этого явленія, — между прочимъ увидѣли бы больше интереса къ другимъ славянскимъ народностямъ: на дѣлѣ, этого интереса вовсе нѣтъ, или онъ принадлежитъ только одному извѣстному кружку. Изученіе народности могло помочь поднять вопросъ, дать средство познаться съ тѣмъ народомъ, національность котораго требовала защиты, съ его образомъ мыслей, и тѣмъ языкомъ, какой для него понятенъ и какимъ можно говорить съ нимъ; отвлеченная народность могла быть предметомъ толковъ, когда не были доступны вопросы болѣе опредѣленные; но разъ сдѣлавши это знакомство, — литературѣ странно было бы довольствоваться прежней отвлеченностью и прежнимъ мистицизмомъ.

Въ настоящую минуту эта теоретическая народность уже сдѣлала свое дѣло, и продолжать настаивать на томъ, что еще имѣло извѣстный смыслъ въ 30-хъ годахъ, теперь совершенно безплодно. Національное дѣло, и дѣло славянскаго развитія требуетъ уже иныхъ средствъ — оно должно обратиться къ средствамъ общественной дѣятельности и средствамъ политическимъ.

Между современными славянскими дѣятелями есть уже люди, для которыхъ эта истинна не подлежитъ сомнѣнію. Старыя увлеченія и односторонности для нихъ уже понятны, и сближеніе съ народомъ, изученіе его внутренней жизни для нихъ не есть уже средство возвращать идиллическую старину. Они полагаютъ, что еслибы славянская національность пріобрѣла наконецъ всѣ свои права, она не стала бы тратить времени на фан-

тастическіе планы новой цивилизаціи, а постаралась бы усвоить себѣ тѣ культурные результаты, которые уже достигнуты цивилизаціей европейскою. Понятно, что идеалы народной поэзиі получаютъ для нихъ смыслъ чисто археологическій...

Припоминая сказанное выше и ставя литературный вопросъ въ связь съ явленіями общественными, мы находимъ такимъ образомъ, что обращеніе къ народу, въ обширномъ смыслѣ этого явленія, стоитъ въ несомнѣнной связи съ развитіемъ новаго европейскаго демократизма, и въ самыхъ славянскихъ литературахъ было слѣдствіемъ новаго характера общественныхъ стремленій, пробуждавшихъ симпатію къ народу (напр. у насъ — давно уже появившихся стремленій къ уничтоженію крѣпостнаго права). Защитники народности повиновались этимъ стремленіямъ, но къ сожалѣнію, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, повиновались безсознательно. Отдавшись своему спеціальному интересу, они увлеклись имъ и не сознавали истиннаго смысла начинавшагося дѣла, и въ томъ, что было только виѣшнимъ обнаруженіемъ серьезнаго общественного сочувствія къ массамъ, они стали искать всей сущности и цѣли дѣла. Отсюда — крайнія народно-литературныя школы, національная исключительность, ненависть къ мнимо-ненародному и, вслѣдствіе того, ненависть къ скептической критикѣ и знанію «запада», надѣванье поддевокъ и сермягъ и пр. Забывая или не понимая настоящую важность явленія, выразившагося въ обращеніи къ народности, эти защитники ея полагаютъ, что общественная и народная жизнь должна совершаться только въ предѣлахъ, допускаемыхъ преданіями этой народности. То, что было средствомъ, они сдѣлали цѣлю; они не понимали, что изученіе «народности» опредѣляетъ только мѣстныя условія, а вовсе не самое содержаніе и источникъ развитія, что «народность» есть переходящая форма, способная къ улучшенію только подъ вліяніемъ знанія и общественного улучшенія...

Эта безсознательность, указанная нами, и была поводомъ ко многимъ недоразумѣніямъ, которыя и у насъ, и въ другихъ славянскихъ литературахъ, мѣшали вѣрному пониманію дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ и самому уснѣху этого дѣла.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

БОЛГАРІЯ.

Въ настоящее время, болгарская литература почти не существуетъ, — она едва обнаруживаетъ признаки жизни. Но въ первую эпоху славянской культуры ея роль была иная: это была первая литература православнаго славянства — и по времени, и по историческому значенію для національнаго образованія ¹⁾. Впрочемъ, эта первая эпоха еще очень темна: историческія бѣдствія народа, его продолжительное одичаніе подъ турецкимъ игомъ, истребили множество памятниковъ его литературы, и наконецъ совершенно перервали всякую литературную традицію. Въ новѣйшее время, въ эпоху

¹⁾ — Рачъ, *Исторія разныхъ слав. народовъ*, наипаче же Болгаръ и проч. Вѣна 1794, Пестъ 1823; — Engel, *Geschichte der Bulgaren in Moesien*, Halle 1797; — Гильфердингъ, *Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ*, М. 1855—59; — В. Григоровичъ, *Очеркъ путешествія по Европ. Турціи*, Казань 1848.

— Ami Boué, C. Robert см. выше; — Юкичъ, *Pregled turskog carstva v Evropi*, Zagreb 1850; — A. Blanqui, *Voyage en Bulgarie*, Paris 1848; — Bulharsko, въ «*Наука. Слов.*» Ригера; — этнограф. карта Ами Буэ въ *Physikal. Atlas*, Берггауза, 8-е отд., № 19; — этн. карта Лезана въ *Этнограф. Сборн. Geogr. Общ.*, вып. VI, Сиб. 1864; — см. также *Unsere Zeit*, Брокгауза, 1858, 2, 99—121, и *Oesterr. Revue*, 1864.

— Неофитъ, *Болгарска граматика*, Крагуевацъ 1835; — А. и Д. Цанковы, *Gramm. der bulgar. Sprache*, Wien 1852; — Миллошичъ, *Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen*, Wien 1856; — Найденъ Геровъ, *Русско-болгарскій словарь* (въ *акад. „Извѣст.“*).

— Юрій Венелинъ: *Древніе и нынѣшніе Болгаре въ ихъ отношен. къ Россіянамъ* и пр. т. 1-й, М. 1829; т. 2-й, М. 1841, изд. 2-е, М. 1856; *О зародышѣ новой болгарской литературы*, книжка первая (только), М. 1838; *Влахо-болгарскія грамматы*, Сиб. 1840; — В. Априловъ, *Денница ново-болгарскаго образованія*, Одесса 1841; — С. Палаузовъ: *Вѣкъ б. п. Симеона* (см. выше); *Грамота патриарха Каллиста, какъ новый источникъ исторіи болгарской церкви*, въ *акад. „Извѣст.“* (т. 7-й); *Синодикъ царя Бориса, во Временникѣ Моск. Общ.* 1855, № 21; *статья о болгарскомъ религіозномъ движеніи*, въ *Сѣв. Пчелѣ* 1860, № 120, 122, 132, 142; 1861, № 22, 82; — *Отвѣтъ Русскому Вѣстнику по болгарскимъ дѣламъ*, Сиб. 1858; — *По вопросу о болгарскомъ патриаршествѣ*, Берлинъ 1860, 45 стр. (книжка, вышедшая изъ продажи, и вмѣстѣ съ первой, представляющая тупую защиту фанариотовъ противъ болгарскаго движенія); — И. Срезневскій, *о болгарской литер.* въ *Saz. Cesk. Mus.* 1847, II, вып. 2; — Безсоновъ, *Эпосъ сербскій и болгарскій* (въ «*Болг. пѣсняхъ*»).

общаго оживленія славянскихъ племень, у Болгаръ также обнаружилась признаки жизни, но слабѣе, чѣмъ у кого бы то ни было изъ другихъ Славянъ. Болгарскій народъ до сихъ поръ остается наименѣ движущимся славянскимъ народомъ, наименѣ развитымъ въ духовномъ отношеніи. Мы увидимъ, что на это были свои достаточныя историческія причины.

Сначала нѣсколько словъ о народѣ. Болгарское племя составилось и отдѣлилось въ отдѣльную семью послѣ покоренія первобытнаго славянскаго населенія нынѣшней Болгаріи народомъ «болгарскимъ» собственно, народомъ бродячимъ, алтайскаго происхожденія. Первые нападенія и начало покоренія относится къ 7-му вѣку, но главнымъ образомъ власть чужаго племени надъ балканскими Славянами установилась только съ 9-го вѣка; наконецъ, покоренное населеніе собралось въ болгарское царство, имѣвшее свою бурную исторію, запутанное въ между-національную вражду съ сосѣдними Сербами и другими народами, соединявшее иногда съ ними свою судьбу, дѣлавшее завоеванія и терявшее ихъ, наводившее страхъ на Византію и само страдавшее отъ нея. Въ половинѣ 9-го вѣка болгарскій князь Борисъ принялъ христіанство; эпоха его сына, перваго царя болгарскаго, *Симеона* (892—927), была блестящимъ временемъ болгарскаго просвѣщенія.

Историческая судьба болгарскаго народа въ политическомъ и культурномъ смыслѣ опредѣляется отношеніями съ Византіей. Отъ нея Болгары приняли первые залоги своей культуры—въ христіанствѣ. Греки не въ состояніи были противоdѣйствовать болгарскимъ нашествіямъ оружіемъ, и для обезпеченія себя рѣшились подdѣйствовать на нихъ религіей. Византійское христіанство дѣйствительно бросило сильныя корни въ народѣ, но вмѣстѣ съ религіей вошли въ болгарскую культуру и «тѣ начала перерожденной (т. е. выродившейся) свѣтской образованности Ромео-Грековъ, которая отрицательно отозвалась на государственномъ организмѣ Болгаріи. Эти-то начала не могли не подточить своеобразнаго развитія народа. Начиная съ двора, принимавшаго напыщенный и ненужный церемоніалъ византійскихъ кесарей, вся административная часть Болгаріи, на сколько сохранились въ этомъ отношеніи слѣды въ древнихъ лѣтописяхъ, приняла характеръ чисто византійскій»²⁾. Эти выродившіяся начала греческой цивилизаціи безъ сомнѣнія должны были разрушительно дѣйствовать на свѣжую народность, — и этому можно приписать то обстоятельство, что болгарскій народъ не успѣлъ внослѣдствіи выработать себѣ прочныя основъ, которыми бы поддержали его цѣльное, независимое существованіе. Болгарія въ одномъ только отношеніи обнаружила свой протестъ противъ этого убивающаго вліянія — въ стремленіи къ религіозной свободѣ, къ самобытности болгарской церкви. Это стремленіе начинается на самыхъ первыхъ порахъ болгарскаго христіанства: Борисъ уже вскорѣ послѣ крещенія обращался къ папѣ (церковнаго разрыва еще не было, и папа безпрестанно вѣшивался въ дѣла православнаго славянства, — явленіе, надолго

²⁾ С. Палаузовъ.

удержавшееся въ исторіи югозападныхъ Славянъ), жалуюсь на злоупотребленія греческаго духовенства, и для большаго укрѣпленія новой вѣры и большаго церковнаго порядка просилъ назначить для Болгаріи патріарха. Папа Николай отказалъ на томъ основаніи, что Болгарія еще не была вполне обращена. Церковный расколъ при Фотіи заслонилъ дѣло о болгарскомъ патріаршествѣ, но отношенія оставались тѣ же, и войны царя Симеона съ Греками имѣли не только политическій, но и религіозный характеръ: греческій патріархъ Николай, въ письмахъ къ Симеону, упрекаетъ его, что онъ «изгоняетъ изъ своей державы цариградскихъ священниковъ и ставитъ своихъ». Нѣтъ сомнѣнія, что причиной были тѣ же злоупотребленія, на которыя жаловался и Борисъ. Особенное значеніе получаютъ эти стремленія Симеона потому, что этотъ царь, самъ имѣвшій византійское образованіе, еще лучше зналъ Грековъ и вѣроятно еще сознательнѣе желалъ іерархическаго отдѣленія Болгаріи отъ Константинополя. Мы увидимъ впоследствии, что тѣ же стремленія къ независимой отъ Константинополя патріархіи существовали и были достигнуты у Сербовъ: кромѣ политическаго разсчета, здѣсь былъ вѣроятно и разсчетъ внутренняго религіознаго порядка.

Юридическимъ основаніемъ для этихъ требованій религіозной независимости было, безъ сомнѣнія, то, что еще во времена Юстиніана даны были права независимой, автокефальной іерархіи архіепископству въ Охридѣ, въ югозападной части тогдашняго болгарскаго царства. Независимая іерархія и дѣйствительно основалась. При царѣ Петрѣ Симеоновичѣ, въ первой половинѣ 10-го вѣка, въ достоинство болгарскаго патріарха возведенъ былъ Даміанъ, съ согласія императора Романа Лакапина и съ утвержденія императорскаго синклита: это право независимости болгарскаго духовенства было такъ сильно, что «автокефальные» архіепископы сохраняются въ Болгаріи и въ то время, когда она въ 11-мъ столѣтіи была покорена византійцами, при императорѣ Василіи Болгарохтонѣ. Они упоминаются и въ 12-мъ вѣкѣ.

Въ 1019 году царство болгарское пало: войны съ Греками кончились перевѣсомъ греческой стороны и императоръ Василій, прозванный Болгарохтономъ («Болгаробойцемъ», убійцей Болгаріи), ввелъ ее въ число греческихъ провинцій. Началось господство византійцевъ: патріаршество было уничтожено, славянское развитіе должно было упасть. Впрочемъ, паденіе Болгаріи не было полное: постоянно происходили отдѣльные возстанія недовольныхъ, и наконецъ, черезъ полтора столѣтія рабства, двумя братьями, Асѣню и Петру, удалось возстановить болгарское царство (1186), которое при ихъ преемникѣ Іоаннѣ Асѣнѣ II опять возвысилось до небывалаго прежде могущества: болгарскіе цари назывались съ того времени царями «всѣмъ Болгаромъ и Грекомъ». Но и это новое царство не принесло прочныхъ залоговъ національнаго развитія: оно имѣло свои блестящіе моменты въ 13-мъ столѣтіи, когда оно было страшно для Грековъ, но вообще судьба его не удалась; предѣлы становились тѣснѣе, оно по слабости поддавалося вліянію сосѣдей, нѣсколько лѣтъ даже зависѣло отъ Татаръ, потомъ подчинилось силь-

нымъ Сербамъ и наконецъ, безъ большаго сопротивленія покорено было Турками (1392).

Второе болгарское царство продолжало тѣже стремленія къ церковной независимости, и на этотъ разъ достигло ея еще болѣе положительнымъ образомъ: мысль о самобытности возвращалась такимъ образомъ каждый разъ, когда народъ чувствовалъ себя сильнѣе политически. Теперь положеніе его было весьма выгодно: византійскій императоръ, перенесшій свою столицу въ Никею изъ Константинополя, занятаго крестоносцами, искалъ помощи у царя болгарскаго, вступилъ съ нимъ въ родственныя связи и долженъ былъ соглашаться на его требованія. Старое болгарское сказаніе такъ изображаетъ царя, обновившаго болгарское патріаршество—это типическое изображеніе стариннаго южно-славянскаго царя, въ которомъ не трудно видѣть черты византійскаго происхожденія: «Іоаннъ Асѣнъ, царь великій и благочестивый, сынъ стараго Асѣна, имѣвшій великую любовь къ Богу, прославившій и просвѣтившій болгарское царство больше всѣхъ царей, прежде него бывшихъ, соорудившій монастыри, украсивъ ихъ златомъ, и бисеромъ, и камнями многоцѣнными, и всѣ святыя и божественныя церкви одарившій дарами многими, объявилъ имъ чистую свободу; и весь священническій чинъ: архіереевъ, іереевъ и дьяконовъ наградившій великими почестями, но болѣе всего прославившій себя тѣмъ, что съ пламеннымъ желаніемъ обновилъ патріаршество болгарскаго царства». Патріаршество основано было въ новой столицѣ болгарскаго царства, Терновѣ, и утверждено грамотами императорскаго совѣта и вселенскихъ патріарховъ: первымъ терновскимъ патріархомъ былъ Іоакимъ, избранный и рукоположенный въ Лампсакѣ въ 1234 году. Рядъ ихъ тянется потомъ до конца 14-го столѣтія; послѣднимъ патріархомъ терновскимъ былъ Евѣмій, занявшій терновскій престолъ во время турецкаго завоеванія.

Съ турецкимъ нашествіемъ кончилось и политическое существованіе Болгаріи и ея религіозная независимость, и началось двойное рабство: трудно сказать, которое было страшнѣе для національнаго существованія — угнетеніе ли отъ турецкаго произвола, или угнетеніе отъ іерархической власти константинопольскихъ фанаріотовъ, которые сумѣли взять въ свои руки болгарскую іерархію и отнимали у народа послѣднее достояніе. Греческая іерархія, занятая своими денежными интересами, не думала конечно заботиться о духовномъ развитіи или по крайней мѣрѣ о сохраненіи прежняго, и Болгарія впадаетъ въ крайнюю матеріальную и нравственную нищету. Этотъ порядокъ вещей, наступившій тотчасъ послѣ турецкаго покоренія, составлялъ до послѣдняго времени существенную черту въ положеніи Болгаріи. Ея новѣйшее возрожденіе, начинающееся съ 20—30-хъ годовъ, только теперь начинаетъ сознательно думать объ освобожденіи отъ турецкаго ига и отъ ига константинопольскихъ фанаріотовъ, которое бы дало возможность прочнаго національнаго развитія.

1. ДРЕВНІЯ ВРЕМЕНА.

Литературныя попытки Болгарь были первыи литературными попытками православнаго славянства. Здѣсь являются древнѣйшіе писатели на томъ языкѣ, которому даютъ теперь названіе старо-славянскаго и который до сихъ поръ остается церковнымъ языкомъ славянскаго православія.

По смерти Меодія въ Моравіи (885), преслѣдованіе заставило учениковъ его, извѣстныхъ подъ именемъ св. Седмичисленниковъ, удалиться въ Болгарію, гдѣ дѣятельность ихъ была началомъ широкаго развитія старо-славянской литературы. Особенно дѣятельнымъ изъ этихъ учениковъ былъ Климентъ. Въль царя Симеона считается золотымъ вѣкомъ болгарской письменности. Самъ Симеонъ былъ воспитанъ въ Византіи и получилъ даже названіе полугрека за свою византійскую ученость; въ Византіи онъ привыкъ конечно быть и ревностнымъ христіаниномъ. Онъ покровительствовалъ новому просвѣщенію своего народа, приглашалъ къ себѣ Климента на совѣтъ, вызывалъ богословскіе труды, переводы съ греческаго и т. п.: современники его, какъ напр. составитель извѣстнаго Симеонова (Святославова) «Изборника», уже сплетаютъ ему похвалы, напыщенные по византійски.

Время Симеона какъ нельзя лучше пришло, слѣдовательно, для дѣятельности Климента и другихъ церковныхъ писателей. Сочиненія ихъ подходятъ болѣе или менѣе подъ одинъ общій характеръ: это были поученія, проповѣди, пересказы житій святыхъ и «похвалы» имъ, компіляція изъ византійцевъ. Исключеніемъ могутъ быть развѣ проповѣди Климента, «написанныя, — по словамъ его жизнеописанія, — языкомъ простымъ и яснымъ, такъ что каждый болгаринъ могъ понимать ихъ»: — потому что уже въ эту первую эпоху старо-славянскаго писанья, въ него уже въ сильной степени проникли качества византійскихъ образцовъ, т. е. крайняя напыщенность и совершенно ненужная ухищренность выраженія, слѣвавшая наконецъ эти книги почти непонятными для вѣрующаго читателей. Клименту между прочимъ принадлежатъ житія Кирилла и Меодія и «похвалы» имъ.

Другой плодотворный писатель времени Симеона былъ Іоаннъ, извѣстный подъ именемъ «экзарха болгарскаго», которому принадлежатъ: переводъ богословія Дамаскина подъ названіемъ *Небеса*; *Шестодневъ*, заключающій толкованіе первыхъ главъ Моисея о твореніи міра; переводъ греческой грамматики Дамаскина, приуроченный къ славянскому языку; переводъ его же діалектики, или философіи, и наконецъ нѣсколько поучительныхъ словъ. У Іоанна очевидно преобладаютъ ученныя стремленія: Шестодневъ, до нѣкоторой степени самостоятельная работа его, составленъ по византійскимъ источникамъ и образцамъ и совершенно сохраняетъ ихъ манеру; онъ не прочь цитировать и языческихъ мудрецовъ Греціи, напр. Платона, Аристотеля, Фалеса, Діогена и т. д., но для того только, чтобъ обличать ихъ ложныя языческія понятія объ излагаемомъ имъ предметѣ. Манера ссылаться на фи

лософовъ древности была у него чистымъ подражаніемъ византіянамъ. Конечно, ученые труды эвзарха были слишкомъ скороспѣлымъ явленіемъ для тогдашней письменности, но вѣроятно люди того времени ожидали для нея обширной дѣятельности въ будущемъ.

Такіе же церковно-византійскіе были труды епископа Константина и пресвитера Григорія, переводчика византійскаго лѣтописца Мадлы, — которыхъ называютъ въ числѣ дѣтелей вѣка Симеона. Назовемъ еще монаха Храбра, котораго статья «о письменехъ» сдѣлалась классической для старинныхъ букварей и даетъ намъ древнѣйшее свидѣтельство объ изобрѣтеніи и характерѣ древнѣйшей славянской азбуки: онъ писалъ въ то время, когда «были еще живы люди, видѣвшіе Кирилла и Меводія», слѣдовательно въ 10-мъ столѣтіи; — и пресвитера Козьму, объявшаго, какъ мы увидимъ дальше, сильно распространенную въ Болгаріи ересь богомиловъ.

Были безъ сомнѣній и другіе писатели, но ихъ имена неизвѣстны; остались и нѣсколько другихъ сочиненія, которыя могутъ принадлежать этой первой эпохѣ, но они идутъ въ томъ же византійскомъ направленіи и не имѣютъ общей характеристикъ.

Этимъ собственно и кончается единственно живая эпоха болгарской письменности. Прошло немного поколѣній послѣ Симеона, и царство болгарское, потрясенное сначала русскимъ княземъ Святославомъ, было разрушено византійцами (1019).

Прошелъ длинный періодъ времени, прежде чѣмъ явилось новое болгарское царство, освободившее народъ отъ греческаго политическаго и іерархическаго гнета. Снова является возможность національной дѣятельности въ литературѣ. Намъ однако чрезвычайно мало извѣстна фактическая исторія памятниковъ этого позднѣйшаго времени, такъ называемаго средне-болгарскаго періода. За вѣдомъ Симеона свѣдѣнія почти прекращаются: извѣстны имена только немногихъ писателей до конца болгарской независимости (14—15 в.), до болгарина родомъ Григорія Цамблака, имя котораго вносятъ обыкновенно въ исторію русской литературы, и до послѣдняго терновскаго патріарха Евхимія, оставившаго нѣсколько сочиненій, житій и посланій, еще нигдѣ не напечатанныхъ. Между тѣмъ рукописи, въ особенности старыя русскія рукописи, представляютъ множество памятниковъ — отечниковъ, поученій, новѣстей, житій, апокрифовъ, народныхъ преданій, византійскихъ историковъ (Амартолъ, Малала, Манассія, — послѣдній переведенъ уже въ 14-мъ столѣтіи), — которые или несомнѣнно извѣстны за болгарскіе, или по крайней мѣрѣ носятъ слѣды южно-славянскаго происхожденія и иногда замѣчательнымъ образомъ сохраняютъ древнюю старо-славянскую форму. Самые болгарскіе прототипы этихъ произведеній очень рѣдки, потому что болгарскія рукописи затерялись или даже были нацѣленно истребляемы Греками со времени турецкаго покоренія; но множество этихъ памятниковъ сохранилось въ русскихъ спискахъ, которые вѣстѣ съ тѣмъ даютъ намъ возможность судить о распространеніи старо-болгарской литературы по всей области стара-

го православнаго славянства. Большею частью мы незнаем и хронологіи этихъ памятниковъ, такъ что вообще средне-болгарскій періодъ можетъ быть опредѣленъ пока только самыми общими чертами.

Характеръ его въ сущности тотъ же, какой болгарская литература получила у своихъ первыхъ писателей—церковно-догматическій, легендарный, историческій, въ византійскомъ, строго сохранившемся смыслѣ. Это были всего чаще простые переводы церковныхъ писателей греческихъ или же собственныхъ произведенія въ той же общей манерѣ, которая большею частію не даетъ возможности открыть какія нибудь спеціальныя народныя черты писателя. Церковный языкъ, устоявшійся прочно послѣ трудовъ первыхъ болгарскихъ писателей, дѣлалъ эти произведенія общедоступными для всѣхъ грамотниковъ славянскаго православія: такимъ образомъ, масса произведеній переходила готовыми къ Сербамъ и Русскимъ. Церковныя сношенія Русскихъ, собѣдство Сербовъ съ Болгарами и съ Аеономъ, облегчали этотъ переходъ рукописей. Аеоны играли чрезвычайно важную роль въ этой литературной взаимности: его славянскіе монастыри (Зографъ и Хиландарь) были предметомъ благочестивыхъ странствій, собирали значительныя вклады и приношенія и принимали дѣятельное участіе въ литературномъ движеніи; здѣсь собиралось и переписывалось множество рукописей, отсюда расходился онѣ въ разныя славянскія земли; Аеоны, кромѣ того, имѣли и нѣсколько своихъ писателей.

Не приводя церковно-византійскихъ памятниковъ, которые принадлежали этой литературѣ, сохранившись въ болгарскихъ или русскихъ спискахъ, и характеръ которыхъ достаточно извѣстенъ, мы укажемъ здѣсь только особый разрядъ произведеній старо-болгарскихъ, которыя точно также сдѣлались достояніемъ и сербской, и русской письменности того времени. Это—повѣсти и сказки, героическаго и романическаго содержанія, источникъ которыхъ также была Византія, и которыя почти безъ исключенія принадлежать средневѣковому циклу «странствующихъ разсказовъ». Этотъ запасъ поэтическихъ исторій, составившійся изъ восточныхъ и западныхъ сказаній, существовалъ въ извѣстной мѣрѣ и въ греческой литературѣ,—и черезъ нее многія изъ нихъ перешли въ литературу южныхъ Славянъ. Таковы были, напримѣръ: *жизни Олександра*, извѣстная псевдо-Каллисѣенова исторія объ Александрѣ Македонскомъ, породившая въ Европѣ цѣлый рядъ героическихъ романовъ. Старѣйшій списокъ этихъ «книгъ» внесенъ въ хронографъ Маламы въ списокъ 15-го вѣка, переписанномъ съ рукописи 1261 года, и произведеніе это во всякомъ случаѣ древнее:—изъ этой и изъ другой сербской редакціи эта баснословная исторія перешла и въ русскія рукописи, идущія до самаго 18-го столѣтія. Даже особенная редакція баснословной исторіи о Троицкой войнѣ или *Притчи о краелѣ*, вставленная въ ватиканскомъ списокѣ средне-болгарскаго перевода Манассіи (половины 14-го вѣка), и въ многочисленныхъ русскихъ спискахъ носящая названіе: «повѣсть о созданіи и плѣненіи Тройскомъ и о конечномъ»

разореніи» и проч., — эта история, отличная от Дареса и Диктиса, знаменитых в средние века, представляет, по мнению Востокова, пересказ троянской истории на народном языке, и имена героев передаются иногда в ней в славянском переводе. Затѣмъ, любопытная сказка из Тысячи в одной ночи: *Синагрия, царь Адоровъ и маливскія страны* (въ новыхъ русскихъ спискахъ «Слово о премудромъ Авирѣ»), находившаяся въ томъ сборникѣ 14—15-го столѣтія, который сохранилъ намъ Слово о полку Игоревѣ; другой извѣстный списокъ этого памятника, изъ 15-го столѣтія, своимъ складомъ и языкомъ не оставляетъ сомнѣнія въ южно-славянскомъ происхожденіи этой сказки, зашедшей съ Востока въ Византию и оттуда въ славянскую письменность. Это произведеніе, конечно болѣе древне, чѣмъ извѣстные его списки, и можетъ характеризовать поэтическіе вкусы времени: сказка наполнена мудрыми поученіями и загадками, фантастическими чудесами; безъ сомнѣнія, нравилась грамотникамъ (число русскихъ ея списковъ, напр., весьма значительно) и оставила свой слѣдъ даже въ современныхъ южно-славянскихъ сказочныхъ преданіяхъ, — они рассказываютъ напр. о летаніи на грифахъ, описанномъ въ этой сказкѣ, только приписываютъ его другому сказочному герою, Соломону. Дальше, въ томъ же сборникѣ 14—15-го вѣка, сохранившемъ Слово о полку Игоревѣ, существовалъ еще одинъ интересный по рѣдкости византийскій героическій романъ, найденный ими въ другомъ болѣе новомъ русскомъ списокѣ: это — *Девгеніево Дѣяніе* («Дѣяніе прежнихъ временъ и храбрыхъ людей, о дерзости и о храбрости и о бодрости прекраснаго Девгенія»). также несомнѣнно принадлежавшее старой болгарской литературѣ. Все содержаніе романа показываетъ, что романъ былъ по всей вѣроятности переводный: дѣйствующія лица и событія принадлежатъ землѣ греческой; одно изъ главныхъ оснований повѣсти — противоположность греческой земли съ сарацинскою или аравитскою; герои воюютъ за вѣру и т. д., — что совершенно примѣняется къ византийскимъ событіямъ временъ крестовыхъ походовъ. Рассказъ отличается чисто эпическимъ тономъ, такъ что и южно-славянская редакция передаетъ его очень живо. Вѣроятно черезъ болгарское посредство появились въ православно-славянской письменности и другія произведенія средневѣковой повѣсти: извѣстная исторія *Варлаама и Иоасафа*, легенда, распространенная и въ литературахъ западной Европы (рукоп. 15-го столѣтія), и *Стефанитъ и Икмилианъ*, знаменитая въ средние вѣка сказочная исторія, имѣющая свое начало въ индѣйской Панды-тантрѣ, перешедшая потомъ черезъ персидскій переводъ въ европейскія литературы, въ самыхъ разнообразныхъ редакціяхъ и передѣлкахъ. Славянскій (вѣроятно также болгарскій) переводъ сдѣланъ по греческой редакціи 11-го вѣка и сохранился почти исключительно въ русскихъ спискахъ: извѣстна впрочемъ и сербская редакція 14—15-го столѣтія. Сюда же, въ число памятниковъ, несомнѣнно принадлежавшихъ первоначально южно-славянской, и по всей вѣроятности болгарской, литературѣ принадле-

жать и фантастическія сказанья о царѣ Соломонѣ и Китоврасѣ, также извѣстныя теперь преимущественно въ русскихъ рукописяхъ. Это цѣлый рядъ сказочныхъ преданій о царѣ, знаменитомъ на Востоцѣ своей мудростью, которая дала ему даже волшебную власть надъ духами, — опитъ сюжетъ, которымъ воспользовался и западно-европейскій эпосъ среднихъ вѣковъ, и который какъ нельзя больше приходился къ уровню тогдашней славянской культуры. Мы не имѣемъ теперь болгарскихъ списковъ этихъ сказаній, но они сохранились очень хорошо у Сербовъ и Русскихъ: у первыхъ память объ этомъ миѳическомъ Соломонѣ удержалась въ народныхъ сказкахъ и до сихъ поръ; у Русскихъ эти сказанія существовали въ разнообразныхъ редакціяхъ и также получили подъ конецъ чисто народную сказочную форму. Къ этому циклу относятся: «повѣсть царя Давида и сына его Соломона и о ихъ премудрости», гдѣ въ сказочномъ тонѣ разсказывается о бѣгствѣ Соломона изъ родительскаго дома, его похищеніяхъ, о возвращеніи отцовскаго царства, о похищеніи Соломоновой жены царемъ Поромъ и о хитромъ возвращеніи ея (мотивъ, повторяющійся въ нѣмецкой повѣсти 12-го вѣка: Salomon und Morolf); «притча царя Соломана о царѣ Китоврасѣ», гдѣ Китоврасъ занимаетъ мѣсто царя Пера первой редакціи; «повѣсть о Китоврасѣ», странномъ чудовищѣ, которое было побѣждено Соломономъ и употреблено для строенія іерусалимскаго храма; «сказаніе о премудрости царя Соломана и о южской царлицѣ и о философѣхъ», гдѣ между прочимъ мудрость Соломона доказывается хитрымъ угадываніемъ загадокъ; «повѣсть о царѣ Дарьявѣ», наконецъ знаменитые «Соломоновы Суды»³⁾.

Весь этотъ запасъ литературы, начиная съ переводовъ св. писанія и богослужебныхъ книгъ, переводы религіозно-догматическихъ произведеній византійской литературы, Номоканона, византійскихъ лѣтописцевъ, собственныхъ произведеній болгарскихъ писателей, наконецъ переводы византійскихъ повѣстей, романовъ и миѳическихъ сказаній, — весь этотъ запасъ, появившійся въ болгарской литературѣ, со введеніемъ христіанства, переходилъ готовымъ къ Сербамъ и Русскимъ. Болгарская литература становилась источникомъ, изъ котораго они брали и готовое содержаніе новыхъ понятій, и готовые образцы для собственной литературной дѣятельности. Очень часто, мы были-бы не въ состояніи опредѣлить этотъ ходъ вещей, по собственно болгарскимъ памятникамъ; мы говорили уже, что эти послѣдніе чрезвычайно рѣдки, потому что множество ихъ погибло во время войнъ и турецкаго ига и даже преднамѣренно истреблялось греческимъ дупленствомъ въ болѣе близкое къ намъ время; но историческое значеніе литературы болгарской восстанавливается по тѣмъ русскимъ рукописямъ, которыя сохранили слѣды своего южно-славянскаго происхожденія.

³⁾ См. вообще подробности и тексты этой литературы въ моемъ „Отчетѣ истер. исторіи стар. повѣстей русскихъ“, Спб. 1857.

Таково было блестящее начало болгарской письменности, доставившее Болгарии значительную роль въ развитіи другихъ православныхъ Славянъ. Но независимо отъ правительственнаго и церковнаго просвѣщенія Болгарии, которое налагалось, кромѣ убѣжденія, и силой (возстаніе бояръ противъ Бориса), шло свободное народное движеніе, ставшее наконецъ своего рода оппозиціей: это—движеніе, въ которомъ инстинктивно высказывалась масса, желавшая сохранить старыя преданія или увлекавшаяся инымъ ученіемъ, которое приходилось по ея вкусу больше, чѣмъ византійская книжность.

Мы расскажем здѣсь исторію болгарскихъ *суевѣрій*, которыя, точно также какъ церковная литература, перешли къ другимъ православнымъ Славянамъ и произвели въ свое время такое дѣйствіе, что слѣды его существуютъ даже и до сей минуты.

Въ этихъ суевѣріяхъ, собственно говоря, и заключается единственный чисто литературный (въ смыслѣ этой книги), поэтический элементъ, который представляетъ намъ Болгарію стараго періода. И въ этомъ направленіи, какъ въ развитіи чисто-церковной литературы, Болгарія опять была богатымъ источникомъ, изъ котораго нравственная пища шла черезъ рукописи и живыхъ людей къ Сербамъ и Русскимъ. Историческія изслѣдованія только въ послѣднее время показали всю обширность этого болгарскаго влияния, и мы остановимся на изложеніи этихъ явленій нѣсколько дольше, тѣмъ болѣе, что, быть можетъ, наше изложеніе дастъ нѣкоторыя новыя подробности объ этомъ предметѣ.

Не смотря на то, что уже Борисъ, по словамъ одного панегириста, «озарилъ Болгарію семисвѣтнымъ свѣтильникомъ», основавши семь соборныхъ церквей. современникамъ Симеона, напр. Іоанну Экзарху, приходилось жаловаться на «скверныхъ манихеевъ и поганыхъ» (т. е. язычниковъ) «Словенъ». Очевидно, язычество не скоро уступило христіанству. Этого мало. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, даже обратившіеся долго не могли отстать отъ языческихъ представленій, съ которыми отцы и дѣды ихъ жили цѣлые вѣка и которыя вошли въ плоть и кровь дѣтей. Такимъ образомъ. рядомъ съ христіанствомъ существовали еще цѣлкомъ и языческія представленія народной мифологіи и космогоніи. Это былъ одинъ элементъ, изъ котораго развилось указанное нами явленіе. Другимъ его элементомъ было богомилство. — Какъ мы увидимъ дальше, эти элементы оказывались очень близки одинъ къ другому и соединялись въ цѣлое народное вѣрованье.

Ересь *богомилловъ* ⁴⁾, распространившаяся въ Болгаріи одновременно

⁴⁾ Объ исторіи богомилства см. Euthymii Zygadeni, Narratio de Bogomilis, ed. Gieseler, Gott. 1842; — Petrus Siculus, Historia Manichaeorum, ed. Gieseler, Gott. 1846; — Schmidt, Histoire et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois; — Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte, в друк.; — Гильфердингъ. Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. Есть и славянская теорія объ исторіи богомилства и его вліяніи; см. Kollár, Sestopis (Spisy Jana Kollára, изд. 1862, т. 3-й), стр. 199—207.

съ введеніемъ христіанства, была ересь манихейскаго происхожденія, занесенная изъ Азіи. Первое появленіе ея относить къ 9-му вѣку, но по исей вѣроятности, павликіане, другое развѣтвленіе этой ереси, уже раньше утвердились въ этихъ мѣстахъ. При Симеонѣ и особенно его преемникѣ. Петрѣ (927—967), богомильцы уже возбудили живѣйшее безпокойство въ ревнителяхъ вѣры. Въ царствованіе Петра явился знаменитый ересиархъ, пощъ *Богомильцъ*, имя котораго было и именемъ цѣлой ереси⁶⁾. Его пропаганда заслонила всѣ прежнія попытки манихейства и дала себѣ ея особенный, славянской и народный колоритъ. Богомильцы выбрали между своими учениками *апостоловъ*, и его пропаганда имѣла огромный успѣхъ. Въ это время богомильство распространилось поидинному совершенно свободно; по историческимъ преданіямъ, даже царь болгарскій Самуилъ былъ въ связяхъ съ павликіанами. Съ той же силой богомильство переходитъ и въ 12-е столѣтіе: цѣлыя болгарскіе края были наполнены еретическимъ населеніемъ. Немногіе уцѣлѣвшіе памятники сохранили для насъ слѣды борьбы православія съ богомильствомъ. Таковы сочиненія уже упомянутаго нами пресвитера Козмы, котораго относить къ 10-му вѣку, и отъ котораго извѣстны: «Слово святаго Козмы пресвитера на еретикахъ прервѣніе и поученіе отъ божественныхъ книгъ», «Слово о церковномъ чисту», «О мятущихся червцѣхъ», «О затворницѣхъ», «О епископахъ», «Отъ питерика» (первыя два изд. въ «Архивѣ» Кукулевича, 4, 71—97). За пресвитеромъ Козмой слѣдовалъ другой обличитель, Иларіонъ Меланскій. Въ славянскіе Номоканоны вносятся съ тѣхъ поръ цѣлыя статьи о богомильцахъ и манихеяхъ. Дальнѣйшимъ заключеніемъ этой исторіи манихейскаго богомильства было то, что Болгарія стала для южной Европы центромъ, откуда новая ересь подъ именами патареевъ, катареевъ и др. распространилась не только по славянскимъ землямъ балканскаго полуострова, но и въ Италію и южной Франціи, гдѣ альбигойцы были даже въ прямыхъ сношеніяхъ съ южно-славянскими еретиками. Въ другихъ южно-славянскихъ земляхъ, въ Босніи и Далмаціи, богомильство пустило такіе крѣпкіе корни, что на его сторонѣ были семейства бановъ и королей и даже высшее духовенство.

Успѣхъ богомильства объясняется очень легко тѣми его качествами, которыя мы можемъ услѣдить во враждебныхъ отзывкахъ его обличителей. Эти особенности богомильства именно способны были дать ему доступъ въ народную массу: народъ увлекался и вѣшними приѣмами еретиковъ, и ихъ ученіемъ. Съ одной стороны, по словамъ самихъ обличителей, они были благочестивы, отрекались отъ вѣшней суеты и роскоши, и даже от-

⁶⁾ „Въ лѣта православнаго цара Петра, бысть пощъ именемъ Богомильцъ, а по истинѣ Богу не милъ, же нача первіе учити ереси въ земли болгарскій“ — говоритъ о немъ обличитель богомильскаго ереси, пресвитеръ Козма, жившій въ концѣ 10-го вѣка. Но „первымъ“ онъ называлъ его безъ сомнѣнія только какъ наиболее звергическаго проповѣдника ереси.

личались суровымъ аскетизмомъ. Обличители конечно видятъ въ этомъ притворное смиреніе и обманъ, но нѣтъ сомнѣній, что аскетизмъ бывалъ у богомиловъ и совершенно искреннимъ фанатическимъ увлеченіемъ. Подобныя вещи вездѣ и во всѣ времена производятъ свое дѣйствіе на массу. Съ другой стороны, въ самомъ ученіи богомиловъ было множество подробностей, которыя были для нея крайне привлекательны; они объясняли желающему множество тайнъ религіи, твореніе міра, спасеніе души, будущія судьбы, — все такія вещи, на объясненіе которыхъ не рисковали православные учителя, боясь произвольныхъ толкованій, но которыми всегда въ высшей степени занимательны для народной фантазіи, всегда желающей найти для нихъ осязательное разрѣшеніе. Въ отношеніяхъ общественныхъ, богомилы отвергали оффиціальную іерархію (ихъ собственная была скопирована съ перваго вѣка христіанства), съ отрицаніемъ ея соединилось и отрицаніе всѣхъ господствовавшихъ общественныхъ отношеній: «учать же свояси не повиноватися властелемъ своимъ, туляще богатыхъ, отецъ ненавидятъ, ругаются старѣйшинамъ, укоряють бояры, мерзки Богу мнѣть (считаютъ) работающихъ царю, и всякому рабу не велѣть работати господину своему».

Эти демократическіе и социальныя принципы не могли не увлекать народнаго большинства, особенно когда они подкрѣплялись у богомиловъ религіознымъ престижемъ, тѣмъ глубокимъ знаніемъ божественныхъ тайнъ, которымъ они хвалились и которое было неизвѣстно оффиціальному клиру. Если они подвергались преслѣдованіямъ клира и властителей, ихъ считали только мучениками за правое дѣло.

Знаніе божественныхъ тайнъ представляло для народной фантазіи ту желанную нищу, которой она доискивается всегда, когда заходитъ для нея вопросъ о вещахъ подноготныхъ. Какъ мы сказали, вопросы о твореніи міра, о спасеніи души, о судьбѣ члѣовѣка въ загробной жизни, находили у богомиловъ положительныя отвѣты, которые совершенно подкупали пѣтическую потребность народа. Къ сожалѣнію мы мало знаемъ подробности богомильскаго ученія и ихъ космогонической системы. Въ нихъ было безъ сомнѣнія много варіацій, какъ бываетъ всегда съ народными религіями, гдѣ многое отдается на произволъ отдѣльныхъ учителей. Одному изъ обличителей богомильства нужно было искать челоовѣка, отъ котораго бы оны могъ съ точностью узнать ученіе этихъ еретиковъ. Другой, Козьма, даетъ видѣть, что разногласіе касалось даже самыхъ существенныхъ пунктовъ ученія: «одни, говорятъ оны, называютъ дьявола творцомъ челоовѣка и всей божьей твари... другіе называютъ его отпадшимъ ангеломъ; третьи несправедливо считаютъ его икономомъ (строителемъ)... потому что рѣчи ихъ не слодятся и влекутся въ разныя стороны, какъ гнилое сужно». Какъ мы сейчасъ увидимъ, тѣ, которые считали Сатану только отпадшимъ ангеломъ, значительно уклонились отъ собственнаго богомильства и сближались съ понятіями ортодоксальными.

Основой богомильскаго ученія былъ манихейскій дуализмъ — признаніе двухъ началъ, управляющихъ міромъ, добраго и злаго, равно сильныхъ и борющихся. Богомилы положительно отвѣчали на темный вопросъ: «почто Богъ попусти діаволу на человѣки?» Богомильство признавало троицу, но понимало ее неправильно, и совершенно извращало христіанскіе догматы о воплощеніи, о земной жизни Спасителя и т. д. Ветхій заветъ богомилы отвергали, какъ порожденіе злаго начала, не вѣрили книгамъ Моисея и другихъ пророковъ, думая, что до пришествія Спасителя люди повиновались злему духу, отъ него получали законъ. Царство Бога на землѣ начиналось, по ихъ мнѣнію, только съ пришествія Спасителя. Признавая два начала, отъ которыхъ произошелъ міръ, богомилы совершенно по своему рассказывали исторію сотворенія міра и человѣка. Они утверждали, что могущественный духъ, котораго Спаситель называлъ сатаной, самъ былъ сыномъ Бога Отца и назывался Сатанамломъ; сверженный съ неба за свои гордыя покушенія, онъ сохранилъ силу творчества, но «не могъ удержаться въ водахъ» (Еѹѹѹѹ. Zygad.) и уже послѣ того, какъ Богъ въ началѣ создалъ небо и землю, онъ съ своими ангелами рѣшился создать второе небо и другую землю, и затѣмъ всю тварь, которая наполняетъ землю. Онъ сдѣлалъ потомъ тѣло человѣка, смѣшавши землю съ водою, но не могъ вдохнуть въ него души: онъ дунулъ было въ Адама, но духъ его прошелъ сквозь тѣло и вылетѣлъ черезъ большой палецъ правой ноги и перешелъ въ змѣю, которая отъ того стала мудрою между животными, такъ какъ въ нее мершелъ духъ Сатанамла. Тогда Сатанамлъ, увидѣвъ, что трудился по напрасну, просилъ Бога вдохнуть душу въ человѣка, и обѣщавъ, что живой человѣкъ будетъ одинаково принадлежать имъ обоимъ... Но въ послѣдствіи, Сатанамлъ всегда стремился завладѣть большимъ количествомъ людей; онъ далъ законъ Моисею, говорилъ черезъ пророковъ и люди безраздѣльно были во власти его во всемъ Ветхомъ Заветѣ. Родъ человѣческой спасенъ былъ отъ власти діавола только Іисусомъ Христомъ, который побѣдилъ Сатанамла, заключилъ его въ безднѣхъ ада и назвалъ его *Сатаной*.

Другіе источники сообщаютъ инныя подробности. Но подлинныхъ слѣдовъ богомильскаго ученія осталось очень мало. Они однако же есть, и мы по возможности воспользуемся ими. Слѣды эти мы найдемъ въ томъ разрядѣ памятниковъ древняго болгарскаго періода, которые въ особенности служили народнымъ искусамъ и наконецъ опредѣлились постепенно въ особую народно-поэтическую литературу, не признаваемую ортодоксальными книжниками и подъ конецъ формально ими запрещаемую. Это такъ называемые «отреченныя» или «ложныя книги», отчасти темнаго восточнаго происхожденія, отчасти византійскія, отчасти, несомнѣнно, болгарскія или даже богомильскія.

Ложными книгами ⁶⁾ назывались у насъ въ старину: во-первыхъ, апо-

⁶⁾ О литературѣ ложныхъ книгъ см. мое изданіе: „Ложныя и отреч. книги рус. старины“ (въ Памятникахъ стар. рус. лит., Спб. 1862, выд. 3-й), также „Очеркъ литер. исторіи повѣстей и сказокъ русскихъ“; — Буслаева, Историч. очерки и пр.; — Тихомирова, Памятники отреч. литературы, 2 т., М. 1863. Другія пособія указаны ниже.

крифическія, т. е. подложныя книги и сказанія о лицахъ и событіяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта, не принятыя въ христіанскій канонъ; затѣмъ книги позднѣйшія, звлючавшія въ себѣ фантастическія преданія того же свойства; книги, или собственно говоря статьи, представлявшія собой посылки легендарной народной поэзіи, не стѣснявшей себя церковными указаніями, наконецъ книги волшебныя, гадательныя, суевѣрія и т. п. Значительная масса ложныхъ книгъ, имѣвшихъ древнее восточное происхожденіе, была одинаково распространена на всемъ христіанскомъ востокѣ и западѣ. Значительное количество ихъ появилось и въ болѣе позднюю христіанскую эпоху и распространялось въ массахъ, не смотря на запрещенія церкви. Византійская литература была особенно богата ложными книгами, и отсюда — при близкомъ сосѣдствѣ и постоянныхъ связяхъ — эти книги удобно приходили въ Болгарію. Къ этому основному, византійскому запасу, въ болгарской литературѣ прибавилось, какъ мы увидимъ, и много своихъ національныхъ преданій такого же ложнаго свойства.

Мало извѣстные до послѣдняго времени, славянскіе памятники ложной литературы, переводные и оригинальные, раскрываютъ теперь передъ нами цѣлую область народной религіозной поэзіи православнаго славянства старыхъ временъ. Эти славянскія ложныя книги всего больше извѣстны намъ теперь въ старыхъ русскихъ рукописяхъ, которыхъ вообще уцѣлѣло гораздо больше, чѣмъ болгарскихъ и сербскихъ, и которыя нерѣдко положительно выказываютъ свой южно-славянскій источникъ. Южно-славянское происхожденіе нашихъ редакцій уже теперь не подлежитъ сомнѣнію и, конечно, опредѣлится еще нескѣ, когда будутъ наконецъ собраны и объяснены уцѣлѣвшія рукописи сербскія и болгарскія, до сихъ поръ извѣстныя чрезвычайно мало. Изъ ложныхъ книгъ только немногія извѣстны въ древнихъ спискахъ, но встрѣчаются однако памятники, доходящіе до 12 вѣка ⁷⁾ и вполнѣ сохраняющіе старо-славянскую форму; какъ она существовала въ болгарской письменности въ ея лучшую, т. е. древнѣйшую эпоху. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что начала апокрифической славянской литературы должны восходить къ первымъ началамъ славянской литературы вообще.

Ложныя книги имѣли безъ сомнѣнія обширный успѣхъ въ новообразовавшейся христіанской публикѣ. Ихъ легендарный, почти всегда фантастическій характеръ, ихъ склонность братья за самыя животрепещущіе пункты христіанскихъ вѣрованій, давали имъ привлекательность, которая сдѣлала изъ нихъ надолго любимое чтеніе и даже кодексъ вѣры, конечно страшно фальшивый. У насъ многое изъ нихъ сбереглось въ народѣ до сей минуты.

Всего больше успѣха имѣли тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе были доступны массѣ по своей формѣ и занимали ее содержаніемъ, любопытнымъ для младенческой фантазіи. Въ этой литературѣ соединилось множество разнообраз-

⁷⁾ Таково, для примѣра, „Хожденіе Богородицы по мукамъ“, въ рукоп. 12 вѣка, изданное г. Срезневскимъ въ хронологическомъ обзорѣ русскихъ памятниковъ (Алад. Извѣстія, 1862).

ныхъ преданій апокрифическаго свойства. Въ ней были апокрифы Ветхаго Завета, отчасти еврейскаго, отчасти поздняго христіанскаго происхожденія; въ ней рассказывались преданія новозавѣтной эпохи, или поэтическія легенды, или догматическія повѣрья и суевѣрія древнихъ христіанъ; далѣе въ числѣ апокрифовъ были фантастическія легенды о святыхъ, и въ старину уже отмѣченныя какъ невѣроятныя и сказочныя; наконецъ, книги волшебныя, астрологическія, гадательныя, зеленныя и т. п. Прежде всего, для новаго христіанина занимательны были преданія объ исторіи христіанства, о Спасителѣ, ученикахъ Его, святыхъ и мученикахъ. Ветхозавѣтные апокрифы — особенно еврейскіе — стояли отъ него вообще слишкомъ далеко, но занимательнаго было не мало и здѣсь. Изъ Ветхаго Завета вниманіе читателя поражено было всего больше сказаньями о сотвореніи міра, судьбѣ перваго человѣка: съ одной стороны, здѣсь былъ корень всей церковной исторіи искушенія; съ другой, была крайне завлекательна космогонія. Апокрифическія преданья объ Адамѣ были однимъ изъ любимѣйшихъ пунктовъ ложныхъ сказаній, литературная судьба котораго завершается современными народными рассказами. Другая ветхозавѣтная личность ложныхъ книгъ, поражавшая воображеніе своими фантастическими чертами, былъ царь Соломонъ: на его имени построено было множество мѣстовъ и на древнемъ востокѣ, и на средневѣковомъ западѣ; у насъ и у южныхъ Славянъ они дошли до степени народной сказки. Еще болѣе интереса возбуждали апокрифы христіанскіе: они примыкали къ тому же извѣстному содержанію христіанской исторіи, въ нихъ встрѣчались тѣ же мзвѣтныя лица, съ которыми связывалось христіанское ученіе о вѣрѣ, — но все добавлено было сказочными и поэтическими подробностями, соблазнительными для легковѣрнаго грамотѣя. Древнее запрещеніе ложныхъ книгъ уже предостерегаетъ вѣрующаго, что эти книги рассказываютъ множество исторій, о которыхъ не говорится у *истинныхъ* писателей церкви: здѣсь было и прѣіе Христа съ дьяволомъ, и хожденіе Богородицы по мукамъ, и чудныя исторіи апостоловъ, посланіе съ неба самого Христа, въ послѣдній разъ давашаго людямъ заповѣдь о спасеніи. Особенный успѣхъ въ народной массѣ давало этимъ памятникамъ то обстоятельство, что они часто обращались именно къ тѣмъ пунктамъ вѣры, для которыхъ масса стремилась найти положительное объясненіе: вопросы о подробностяхъ творенія, о загробной жизни, о страшномъ судѣ и адскихъ казняхъ и т. д. Обо всемъ этомъ апокрифическія сказанья говорили съ такими подробностями и въ доказательство называли такіе авторитеты, что неопытный читатель увлекался и вѣрилъ имъ на слово. Простота формы, состоявшей въ прямомъ положительномъ разсказѣ, въ короткихъ вопросахъ и отвѣтахъ и т. п. дѣлала эти памятники еще болѣе доступными, и они крѣпко затверживались въ народной памяти. Стремясь дать всему полное объясненіе, апокрифы въ своихъ толкованіяхъ разныхъ предметовъ св. Писанія предавались произвольному символизму, которымъ такъ легко удовлетворяется патріархальное глубокомысліе, и позднѣйшая русская раскольничья литература нерѣдко пользуется этимъ источникомъ: наив-

нее стремление открывать глубокий тайный смысл писания видѣло символическій смыслъ даже въ такихъ разсказахъ, которые само евангеліе изображало положительными фактомъ, а не притчей и иносказаніемъ.

Таковы были въ общій чертахъ всѣ эти «ложнодія», «вопросы», «слова», «свободы» и т. д., которые мы находимъ во множествѣ въ старыхъ русскихъ рукописяхъ, и источникомъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ была для нашей письменности Болгарія. Ихъ болгарское происхожденіе долго появилось у насъ и апокрифическое суевѣріе слыло подъ именемъ *болгарскихъ басней* ⁹⁾.

Официальный клиръ не могъ не обратить вниманія на эту ложную литературу, чтобы предохранить православныхъ отъ соблазна. Съ этой цѣлью составленъ былъ index — такъ называемая статья *о книгахъ истинныхъ и ложныхъ*, которая, пересчитывая тѣ и другія, представляетъ любопытный указатель запрещаемыхъ ею ложныхъ книгъ. Воспользовавшись такими же греческими индексами для перечисленія главнѣйшихъ неканоническихъ книгъ ветхаго и новаго Заветъа, статья приводитъ потомъ другія указанія, очевидно основанныя на наличномъ составѣ славянской ложной литературы. Время составленія этой статьи въ точности неизвѣстно; въслѣдствіе она (по крайней мѣрѣ въ русскихъ спискахъ) много разъ дополнялась и измѣнялась, но нѣтъ сомнѣній, что первоначально и она имѣла южно-славянское, и именно болгарское происхожденіе. Древнѣйшій известный текстъ ея находится въ старе-славянскомъ Номоканонѣ 14-го вѣка, гдѣ авторство многихъ ложныхъ книгъ уже приписано Іереміи, попу болгарскому ⁹⁾.

Такимъ образомъ, индексъ сохранилъ для насъ объемъ ложной литературы, представляющей, какъ мы замѣтили, оппозицію народно-поэтическихъ вкусовъ и стремленій противъ судаго догматизма официальной книги. Многие изъ памятниковъ, въ немъ названныхъ, неизвѣстны до сихъ поръ; другіе найдены только недавно. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы познакомить читателя съ направленіемъ народной фантазіи и вмѣстѣ показать, какое мѣсто занимало въ ложной литературѣ богомильство. Мы начнемъ съ памятниковъ, гдѣ связь эта не такъ замѣтна, и потомъ перейдемъ къ фактамъ этой литературы, явно принадлежащимъ богомильству. Напомнимъ еще разъ читателю, что хотя мы пользуемся здѣсь и русскими рукописями, мы будемъ имѣть дѣло съ памятниками несомнѣнно южно-славянскими, и что, въ слѣдствіе указанныхъ нами литературныхъ

⁹⁾ Опис. Рум. Музея, стр. 242.

⁹⁾ Тексты этого индекса и ихъ исторію см. въ „Лѣтописи записей Археограф. комиссіи“ за 1861 г., стр. 1—55; также „объясненія къ памятникамъ древней русской литературы“, въ Русскомъ Словѣ, 1862 г. Для источниковъ самой отреченной литературы см. въ особенности книги Фабриція: *Codex Apoc. Vet. Test.* и *Codex Pseudepigraphus Novi Test.*, и сборникъ аббата Миля (Migne): *Dictionnaire des Apocryphes*, 2 vol. 4°, Paris 1856—58; также Thilo, *Codex Apocryphus Novi Testamenti*, Лейпц. 1862.

снзней, въ этнхъ памятникахъ распрнмаетя передъ нами народная религюзная повнн не только Болгарь и богомиловъ, но цллаго православнаго славянства стараго перюда, въ которомъ народная масса до самаго 18-во столбтнн была очень привязана къ ложной литературб.

Въ индексб между прочнмъ упоминается книга: *Вопросы Иоанна Богослова, что вопросы Господа на горе Благодннхъ*¹⁰⁾. Этн вопросы извбтны по русскимъ, большей частью позднимъ спискамъ, касаются Антихриста и втораго Христава прншествнн и, судя по разнымъ даннымъ, составляютъ отрасль ложныхъ сказаннй богомильства. Замбтамъ прежде всего, что этотъ апокрифъ принадлежитъ къ числу тбхъ, которые въ статьб о ложныхъ книгахъ прибавлены уже славинской редакцнн и не находятся въ греческомъ индексб, послужившемъ для нея основаннемъ. Если греческнй индексъ не упоминалъ объ этомъ апокрифб, важномъ по своему еретическому содержанию, — то это можетъ объясниться тбмъ, что или апокрифъ составился не на греческомъ языкб, или онъ явился уже въ позднбйшую эпоху, послб составленнн статьи, или и то и другое вмбстб. Въ эту позднбйшую эпоху и былъ именно поводъ явиться подложному произведенню съ именемъ Иоанна Богослова; этотъ апостоль пользовался особеннымъ почитаннемъ ново-маннхейской ереси богомиловъ. Эта ересь въ особенности дорожила сочиненнямъ Иоанна Богослова, котораго послбдователи ея считали ангеломъ; но католическнй Апокалипсисъ не удовлетворялъ истиннымъ идеямъ еретиковъ, и это вброятно было поводомъ къ сочиненню книги, которая ближе излагала ихъ ученне и могла быть принята ими за кодексъ ихъ ученнн и вброваннй.

Такая апокрифическая книга Иоанна Богослова пользовалась авторитетомъ у альбнгойцевъ, къ которымъ по старому преданню она была принесена изъ Болгарнн, отечества богомиловъ. Латинская редакцнн ея издана была доминиканцемъ Бенуа въ его исторнн альбнгойцевъ и потомъ перепечатана у Тило¹¹⁾. На рукописн этого памятннна было именно замбчено, что «эта тайная книга конкорезскихъ еретиковъ принесена была изъ Болгарнн Назарнемъ, ихъ епископомъ, и наполнена заблужденннмъ» (*hoc est secretum Haereticorum de Concoresio portatum de Bulgaria a Nazario, suo episcopo, plenum erroribus*). Книга конкорезцевъ не вполне соответствуетъ какому памятнику, извбстному подъ заглавнемъ «Вопросовъ Иоанна Богослова», но цлрое содержанне ея состоитъ именно въ вопросахъ Иоанна и отвбтахъ Христа, который говоритъ ему въ началб — о состояннн злыхъ духовъ до ихъ паденнн, о созданнн мнра и человекъ, и въ концб — о второмъ прншествнн. Наши апокрифы, носящне названне «Вопросовъ Иоанна Богослова къ Господу», соответствуютъ этой второй половннн латинской книги и оба памятннка вброятно сводятся къ одному общему источнику.

¹⁰⁾ Издааны у Тихоураова, Отреч. книгъ, 2, 174 — 192. Г. Буслаяа переиздалъ „Вопросы“ съ „Всбдой трехъ святителей“ (Очеркъ, 2, стр. 31).

¹¹⁾ J. Benoit, Histoire des Albigeois, 1, p. 283—296; Thilo, Cod. Aporaphus Novi Test. p. 884 — 896.

Латинская книга представляет чрезвычайно любопытный материал не только для истории альбигойской ереси; для нас она в особенности важна по отношенію къ болгарскимъ богомиламъ. Эта альбигойская книга, записанная изъ Болгаріи, можетъ быть важнымъ источникомъ для того, кто бы вздумалъ прослѣдить исторію богомильскаго еретичества въ нашихъ памятникахъ и народныхъ преданьяхъ. Не имѣя возможности войти теперь въ разсмотрѣніе этого предмета, мы ограничимся нѣсколькими указаніями на содержаніе книги, въ которой мы имѣемъ полное право находить отголосокъ древней литературы болгарскаго богомильства.

Послѣ перваго вопроса Іоаннъ Богословъ спрашиваетъ Христа о томъ, въ какой славѣ былъ Сатана прежде своего паденія? Онъ повелѣвалъ небесными силами, отвѣчаетъ Христосъ, и сходилъ съ неба въ пренеподную и изъ пренеподной до престола невидимаго Отца. Онъ возгордился потому и рѣшился возстать противъ Него и возмутить другихъ ангеловъ. «И онъ видѣлъ славу движущаго небесами, и замыслилъ поставить свое сѣдалище надъ облаками небесъ и хотѣлъ быть равенъ Всевышнему. И когда онъ сошелъ въ воздухъ, онъ сказалъ ангелу воздуха: отвори мнѣ двери воздуха,—и тотъ отворилъ ему двери воздуха. И стремясь далѣе, онъ нашелъ ангела, державшаго воды, и сказалъ ему: отвори мнѣ двери воды, и отворилъ ему. И прешедши, онъ нашелъ все лицо земли покрытое водами. И прешедши подъ землю, нашелъ *двухъ рыбъ*, лежащихъ на водахъ, и они были соединены, какъ волю въ плугѣ, и *держали всю землю* повелѣніемъ невидимаго Отца отъ запада и до востока солнца» (et transcendens subitus terram invenit duos pisces jacentes super aquas, et erant sicut boves juncti da arandum, tenentes totam terram invisibilis patris praecepto ab occasu usque ad solis ortum).

Эти рыбы, держація всю землю отъ востока до запада, вѣроятно не случайно похожи на знаменитыхъ китовъ, на которыхъ по русскому народному преданью вся земля стоитъ; этотъ богомильскій мифъ во всякомъ случаѣ любопытенъ для нашего древняго эпоса. Комментарій этого мѣста указываетъ источникъ преданья о рыбахъ въ четвертой книгѣ Ездры, гдѣ, гл. VI, ст. 47—52, пророкъ рассказываетъ исторію творенія, и при этомъ двѣ упоминаетъ о двухъ животныхъ, Бегемотъ и Левіаѳанъ; одного изъ нихъ принимаютъ за слона, другаго за кита. Они были помѣщены въ разныхъ концахъ міра, потому что седьмая часть его, гдѣ собрались воды, не могла помѣстить ихъ обоихъ. Бегемотъ поставленъ былъ тамъ, гдѣ земля осушена была на третій день творенія, и онъ долженъ былъ оставаться тамъ среди горъ; Левіаѳанъ помѣщенъ былъ въ седьмой части міра, гдѣ собралась вода, и нѣкогда долженъ былъ поглотить то, что Богъ осудилъ на истребленіе. Замѣтимъ, что и средневѣковый памятникъ англосаксонской литературы, — бесѣда Соломона съ Сатурномъ, — также считаетъ Левіаѳана китомъ, и на вопросъ Сатурна: «гдѣ свѣтитъ солнце ночью?» Соломонъ отвѣчаетъ: «я скажу тебѣ—въ трехъ мѣстахъ: сначала во чревѣ

кита, котораго зовутъ Левіафаномъ, потому въ аду и наконецъ на томъ островѣ, который называется Глѣтъ (Glith), и гдѣ покоятся души святыхъ до суднаго дня»¹²⁾. Очевидно, что китъ и здѣсь имѣеть какое-то мистическое и важное значеніе.

Въ цѣломъ памятникѣ рѣзко выступаютъ идеи о твореніи міра, которыя имѣютъ несомнѣнное тождество и съ западнымъ манихействомъ, и съ ученіемъ богомиловъ, на сколько оно извѣстно изъ Козьмы, болгарскаго пресвитера, Евемія Зигадена и другихъ писателей. Такъ, проповѣдуется въ немъ дуалистическій принципъ богомиловъ, которые признавали, что міръ созданъ былъ Сатаной, — или Сатананомъ, какъ онъ назывался по мнѣнію богомиловъ до своего паденія, — получившимъ отъ Бога власть на семь дней. Латинская книга рассказываетъ, что создавши видимую природу, Сатана сдѣлалъ изъ земли тѣло человѣка и велѣлъ ангелу третьяго неба войти въ него; потомъ сдѣлалъ тѣло женщины и велѣлъ войти въ него ангелу втораго неба. Онъ научилъ ихъ потомъ *плотскому грѣху* (*et praescrip̄it opus carnale facere in согрорibus luteis, etc.*). Въ другихъ нижнихъ преданіяхъ объ Адамѣ есть также слѣды подобнаго пониманія исторіи творенія: бѣсъ также является при самомъ началѣ творенія и стремится показать свое участіе въ этомъ дѣлѣ, — но отъ цѣлаго богомильскаго представленія уцѣлѣли здѣсь только обрывки и вариации. Преданіе сохранило и понятіе альбигойской книги о первомъ грѣхѣ, совершенномъ прародителями: у богомиловъ мнѣніе предположеніе о томъ, что діаволъ соединилъ Адама и Еву брачными узами, было прямой поддержкой и объясненіемъ отрицанія брака, которое составляло одинъ изъ существенныхъ пунктовъ ихъ ученія. Козьма пресвитеръ говоритъ о богомилахъ, что по ихъ мнѣнію «того (т. е. діавола) повелѣніе — жены воимати... женищаяся чловѣки и живушія въ мірѣ мамонины слуги зовуть;»... дѣтей они ненавидѣли и звали ихъ «мамонищица» и «діаволищица» (см. *Arkiŭ za rovjesta. jugoslav.*, IV, стр. 88—90). Впоследствии, кремонскій монахъ Монета приводитъ такое же мнѣніе катаровъ: *Sathan alium angelum inclusit in согроре muliebri facto de latere Adae dormientis, cum qua peccavit Adam; fait autem peccatum Adae, ut asserunt, fornicatio carnalis* (Hahn, *Geschichte der Ketzer im Mittelalter*. Stuttg. 1845, 1, стр. 68). Этотъ послѣдній предразсудокъ до сихъ поръ живетъ въ сербскомъ народѣ, по понятіямъ котораго въ бракѣ есть грѣхъ, и въ эническомъ языкѣ сынъ обыкновенно называетъ отца своимъ родителемъ «по грижеху», т. е. черезъ грѣхъ.

Далѣе памятникъ нашъ представляетъ ветхозавѣтную исторію чловѣка дѣломъ бѣса, который прельстилъ всѣхъ патриарховъ, выдавая нѣтъ себя за Бога, до самаго пришествія Спасителя, который началъ новую исторію чловѣка, исторію его избавленія. Это опять совершенно согласно съ ученіемъ богомиловъ, которые не принимали книгъ ветхаго завѣта. Не

¹²⁾ Migne, *Dictionnaire des Apocryphes*, t. 2, p. 882.

Исходя въ дальнѣйшія подробности этого ученія, замѣтимъ, что въ нашемъ памятникѣ видать и намеки на то преданіе вальдензовъ и катаровъ, что «люди предстанутъ на судъ въ образѣ совершеннаго мужа и въ возрастѣ тридцати лѣтъ и женщины измѣнятъ свой полъ»¹³). Замѣтимъ, что тоже мнѣніе повторено буквально въ другомъ апокрифѣ старой нашей нисъ-женности, именно въ *Вопросахъ Іоанна Богослова къ Аврааму*, — принадлежащихъ безъ сомнѣнія въ тому же богемильскому цыклу ложныхъ сказаній объ Іоаннѣ Богословѣ, — гдѣ въ дополненіе къ этому преданію утверждается еще, что умершій ребенокъ будетъ на томъ свѣтѣ расти также до тридцати лѣтъ, чтобы явиться на послѣдній судъ зрѣлымъ мужемъ.

Въ слѣдующихъ словахъ латинской исторіи, — которыми мы закончимъ свои замечанія, — выдается быть можетъ вліяніе славянской мѣстности, среди которой составлялась эта редакція памятника. Послѣ того, какъ Сатана нашелъ двухъ рыбъ, державшихъ землю, — «онъ спустился и нашелъ всякія облака, держація море, и когда онъ спустился внизъ, нашелъ свой *osson*, что есть родъ огня, и потомъ уже не могъ сойти далѣе по причинѣ пламени пылающаго огня»¹⁴). Издатель памятника, Тило, отказывается объяснять слово *osson*, для него непонятное; судя по объясненію этого слова, въ самомъ текстѣ, можно думать, что это было слово, произведенное отъ того же корня, отъ котораго мы имѣемъ «жупель». Предоставляемъ филологамъ разрѣшить это недоумѣніе. Замѣтимъ только, что по космогоніи этого апокрифа пылающій огонь есть еще болѣе далекое основаніе земли, чѣмъ *два рыбы*. Въ такомъ порядкѣ элементы земли помѣщаются и въ другомъ вариантѣ этого преданія, которое сообщаетъ г. Булаевъ по болгарской рукописи Григоровича, изъ 16-го вѣка: «Вопросъ: снани миѣ, что держитъ землю? Отвѣтъ: вода висока. — Да что держитъ воду? — Великій камень. — Да что держитъ камень? — Четыре золотые кита. — Да что держитъ золотыхъ китовъ? — Рѣка огненная. — Да что держитъ тотъ огонь? — Другой огонь, *коже естъ мажечь* (?), того огни двѣ части.....» (Очерки, 1, стр. 498).

Мы думаемъ, такимъ образомъ, что въ связи съ этимъ памятникомъ конкорезскихъ еретиковъ находятся и наши апокрифическіе «Вопросы Іоанна Богослова», которые, какъ мы замѣтили, въ извѣстныхъ теперь рукописяхъ ограничиваются только разсказомъ Христа объ Антихристѣ и второмъ пришествіи, — что по латинской редакціи составляетъ только одну послѣднюю часть книги. Нашъ апокрифъ представляетъ повидному только развитіе второй части латинскаго, которая — при общемъ сходствѣ — гораздо короче нашихъ «Вопросовъ»¹⁵). Могло быть однако, что въ этомъ

¹³) Эбрардъ, въ книгѣ *contra Waldenses: affirmant, quod in specie viri perfecti et in aetate XXX annorum ad iudicium veniamus et mulieres suam permutent sexum.*

¹⁴) *Et cum descendisset, invenit nubes pendentes, tenentes pelagum maris. Et cum descendisset deorsum, invenit suum osson, quod est genus ignis, et postea non potuit descendere deorsum propter flammam ignis ardentis.*

¹⁵) Въ старой русской редакціи: «азъ Іоаннь... помолыхся къ Богу... сподоби.

памятникъ было и не одно именно славянское богомилство; по крайней мѣрѣ существуютъ греческія рукописи этого апокрифа, — одну изъ нихъ, заключающую апокрифическій разсказъ о вопросахъ св. Іоанна и отвѣтахъ Христа, указываетъ Мингарелли въ Болонскомъ каталогѣ ⁴⁹⁾, — не знаемъ, соответствуетъ ли этотъ греческій памятникъ латинской редакціи альбигойцевъ или краткому тексту русской редакціи.

Мы остановимся еще на одномъ русскомъ народномъ сказаньи космогоническаго содержанія и апокрифическаго свойства, которое до сихъ поръ ходитъ въ рукописяхъ. Въ немъ мы также увидимъ слѣды дуалистическихъ преданій о твореніи, составлявшихъ черту богомилскаго ученія.

Эта статья называется въ новыхъ рукописяхъ *Свитокъ божественныхъ книгъ*, — заглавіе очевидно позднее и случайное, — но разсказъ о твореніи, сообщаемый въ этомъ сказаньи, извѣстенъ и по старымъ рукописямъ 15—16-го вѣка.

Статья начинается разсказъ еще до сотворенія міра, когда «бысть Господь Саваоѣ въ трехъ каморѣхъ, на воздухѣ, въ лѣпотѣ, безначальный царь, невѣдомая тайны».... «Тогда бысть свѣтъ отъ лица Господа Саваоѣ семидесяти седмерицею свѣтлѣ свѣта сего; ризы его были бѣлѣ свѣту, свѣтовариѣ солнца». Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе троицы. Міръ еще не существовалъ: «не было тогда ни неба, ни земли, ни моря, ни ангель, ни архангель, ни херувимъ, ни серафимъ, ни рѣкъ, ни оверъ, ни кладезь, ни источникъ, ни человекъ, ни горницъ, ни холмовъ, ни облакъ, ни звѣздъ, ни свѣту, ни звѣрей, ни птицъ, ни вѣтру, ни зари: егда была тьма, и не бысть тогда ни дней, ни ночей».... За этимъ предисловіемъ слѣдуетъ исторія творенія. «Рече Господь: буди небо по хрусталу на воздухѣ сотворено, и буди заря, и облако, и звѣзды, и облаки, и вѣтры дунувъ изъ нѣдръ своихъ, и рай насади на востоцѣ, и востокъ, и западъ, и сѣверъ, и югъ, — а Богъ сидитъ на востоцѣ, въ величїи чревысрешней славы своея, и семь небесъ съвоишъ своихъ сотвори въ Господь; а мразъ отъ лица Господня, а громъ—гласъ Господень, въ колесницѣ огненной утверждень; а молнія — слово Господне, изъ устъ Божиихъ исходитъ; а селѣце—внутреннїи ризы Господни».

Потомъ Богъ создалъ тьмы столповъ на воздухѣ, и столпы неподвижны, связаны отъ начала вѣка, «а на томъ столпѣ камень неподвиженъ»; потомъ создана земля и адъ съ верении желѣзными, и нѣдними вратами, «подъ адомъ тартаръ — дна нѣсть.» За твореніемъ первыхъ столповъ и ада слѣдуетъ новый фазисъ творенія: «И рече Господь: буди тьмы стол-

ма раба твоего быти, услыши гласъ мой, и научи мя о пришествїи твоёмъ, егда хощеши прїяти на землю.... И слышахъ гласъ, глаголющъ ми: слыши, праведный Іоанне!» и проч. (Тихонр. 2.174 слѣд.). Въ латинской книгѣ конкорезцевъ: «Ego autem interrogavi Dominum de die iudicii: Quod signum erit adventus tui? Et respondens dixit mihi: Cum consummabitur numerus iustorum etc.» (Thilo, p. 894).

⁴⁹⁾ Catalog. Bonon. 1784, стр. 298. Ср. въ книгѣ Тило: Codex Apocryphus Novi Test. p. 885.

цѣль ибдиныхъ и ивѣиныхъ, и на ивѣи земля, и ста поць ивѣи пѣсокъ, а на днѣ сотвори Господь словомъ камень и времяе.... и на той земли море Тиверіадское, а бреговъ у него не было.»

«И сниде Господь на море по воздуху.... и видѣ на морѣ зооля плавающа, а той есть рекомый Сатана, выплелся въ твѣ морской. И рече Господь Сатанаму, аки не вѣдая его: ты кто еси за человекъ?—И рече ему Сатана: азъ есмь богъ.—А именя како нареци?—Отвѣщавъ же Сатана: Ты Богъ боговъ и Господь господемъ.—Аще бы Сатана не рекъ Господу такъ, тутъ же бы Господь его сокрушилъ на морѣ Тиверіадскомъ.

«И рече Господь Сатанаму: помырни въ море и вынеси мнѣ пѣску и времяе. Сатанамъ же послушася Господа и вырну въ море и вынесе пѣску и времяе, и разсѣя по морю Тиверіадскому, глаголя: «буди земля толста и пространна». И взявъ Господь времяе и преложи на двое; въ правой рукѣ Господь (остави) у себя, а изъ лѣвой руки отдасть Сатанаму. И взя Господь пѣсокъ, и нача бить изъ того времяя, и рече Господь: «вылетайте ангелы и архангелы и вси силы небесныя по образу и по подобію», — и нача изъ того времяя выдетати искры съ огнемъ, и сотвори Господь ангелы и архангелы и всю девять чиновъ.

«И видѣ Сатанамъ, что Господь сотвори, и нача той времяе бити, что Господь дастъ изъ лѣвой руки, и начали у Сатанамла вылетати его аттелы и сотвори Сатанамъ силу на небесахъ. Потомъ сотвори Господь Сатанамла начальникомъ надъ всѣми чинами его ангельскими; сатанамову силу — его сотвореніе — причте въ десятый чинъ.» По списку г. Буслаева это разсказывается ивѣсколькы иначе: Сатана досталъ со дна моря камень, этотъ камень преломяется на двое, и изъ одной половины его отъ ударовъ божественнаго жезла «вылетали духи чистые;» изъ другой же половины Сатана «набилъ бѣсовскую безчисленную силу боговъ *плотныхъ*» т. е. плотскихъ, нечистыхъ. На морѣ Тиверіадскомъ произведены тридцать три *кита*; на тѣхъ китахъ утверждена земля, и стала она на нихъ «толста, широка и пространна.»

Сатанамъ увидѣвъ, что онъ почтенъ, и возгордился и захотѣлъ быть подобнымъ Вышнему. Тогда Богъ повелѣлъ архангелу низвергнуть лукавую силу, но огонь отъ Сатаны попалъ архангела, и онъ воротился не исполнивъ повелѣнія. Богъ постригъ за то архангела въ черицы и назвалъ его Михаиломъ; въ другомъ спискѣ прибавлено, что Богъ положилъ на него схи-му «со крестами *простыми*, знаменіями Христа сына Божія.» И послалъ Богъ во второй разъ Михаила: онъ ударилъ скипетромъ силу сатанину и она пала на землю какъ дождь. Михаилъ поставленъ былъ начальникомъ надъ всѣми чинами ангельскими, и архангелы сказали: аминь. Это слово застало много изъ лукавыхъ въ горахъ, много въ рѣкахъ, много летающихъ по воздуху, кто увязъ ногою, кто рукою въ облакѣ. — тамъ они пребываютъ и до сего дня.

За тѣмъ идетъ извѣстный разсказъ о твореніи челоѣка, отъ цослѣднихъ частей и т. д. и т. д.

Приведенный отрывокъ «Свитка» представляетъ разнообразныя соотношенія съ славянской народной поэзіей. Разсказъ о нырніи въ море и твореніи земли изъ песка повторяется въ русскихъ легендахъ (у Якушкина, Афанасьева); въ карпатской колядкѣ (у Костомарова) два голубя достаютъ песокъ со дна моря и творятъ землю — вѣроятно одинъ изъ древнихъ славянскихъ космогоническихъ мифовъ; въ карпато-русской же сказкѣ чортъ подобнымъ образомъ достаетъ песокъ со дна морскаго и участвуетъ въ твореніи; въ сербской сказкѣ онъ выводится параллельно съ ангеломъ. Тѣже самые мотивы повторяются и въ малорусской «оповидкѣ», записанной теперь въ Винницкомъ повѣтѣ (Основа, 1861, июнь, стр. 59—60). Съ другой стороны представленіе о Сатанѣ въ «Свиткѣ», перешедшее безъ сомнѣнія изъ старыхъ источниковъ, и тридцать три кита, могутъ быть отраженіемъ богомильскаго преданья. Сопоставленіе Сатаны въ такомъ отношеніи къ Богу не имѣетъ въ себѣ ничего православнонаго. По самому разсказу видно, что діаволу приписывается какая-то самостоятельность дѣйствій; онъ только слабѣ Бога, — но ясно, что его считаютъ независимымъ. Вспомнимъ, что у самихъ богомиловъ твореніе злаго духа оказывается неудачнымъ, онъ не можетъ сотворить челоѣка безъ Божіей помощи; но онъ создаетъ животное — змѣю, какъ въ сербской сказкѣ онъ создаетъ сороку. Мы полагаемъ, что въ произведеніяхъ, подобныхъ «Свитку», къ преданьямъ славянской народной космогоніи примѣшалось положительно и воспоминанье о богомильскихъ басняхъ.

Но если здѣсь мы должны были говорить только предположеніями и вліяніи богомильства, то съ другой стороны есть и исторически отмѣченные литературные факты богомильскаго вліянія.

Эти факты — ложныя и еретическія басни *Іереміи*, попа болгарскаго. Въ упомянутомъ намъ индексѣ нѣсколько разъ названо имя этого Іереміи, который, по словамъ его, *сочинилъ* много отреченныхъ книгъ и басней. Изъ показаній индекса можетъ быть извлеченъ слѣдующій рядъ ложныхъ книгъ и басней попа Іереміи: о крестномъ древѣ; о св. Троицѣ; о Христѣ, какъ его въ попы станили; какъ Христосъ плугомъ оралъ; сказанье о томъ, какъ Провъ Христа другомъ звалъ; вопросы Іереміи къ Богородицѣ (?); вопросы и отвѣты о томъ, изъ сколькихъ частей созданъ Адамъ; живыя молитвы о трясавицѣ или лихорадкѣ, и о нежитяхъ.

Сначала нѣсколько словъ о личности этого плодовитаго распространителя богомильскихъ басней. Индексъ представляетъ его какъ-бы единственнымъ законодателемъ еретическаго баснословія, поэтому многіе предположили прямо, что индексъ подъ именемъ попа Іереміи разумѣетъ самого Богомила, знаменитаго главу болгарской ереси. И это имѣетъ свои основанія: имя Богомилъ было вѣроятно только прозвищемъ, какое носилъ и сама ересь; византийскія и болгарскія обличенія богомильства не называютъ

папа Іеремія; Козьма говоритъ о папѣ Богомиль, — между тѣмъ очевидно, что такой важный промагидистъ ереси, какинъ представляеть индексъ имени Іеремію, не могъ бы быть пропущенъ другими обличеніями ереси. Всего вѣроятнѣе, что онъ понимается тамъ просто подъ своимъ еретическимъ прозвищемъ. Кромѣ индекса, пошъ Іеремія названъ своимъ собственнымъ именемъ и въ другой древней болгарской статьѣ, именно у Аоанасія, іерусалимскаго мнixa; или еретикъ Богомильскій. Наконецъ одна редакція индекса 1608 г. подтверждаетъ догадку о тождествѣ этихъ двухъ, говоря таиничъ образомъ: «Іеремія, пошъ болгарскій» (вѣроятно: пошъ Богомиль), «паче же Богу не миль» — послѣднія латинцева предполагаетъ дополненныя нами слова и напоминаетъ Козьму пресвитера, именно такъ сказавшаго о Богомиль.

Произведенія, перечисленныя нами выше, почти всё болѣе или менѣе извѣстны и по мнѣнію старыиъ памятникамъ, и по живымъ народнымъ суевѣрѣямъ, такъ что это одно можетъ служить доказательствомъ присутствія слѣдовъ ереси въ древней Русѣ, что и вообще весьма вѣроятно: мы находимъ наконецъ и тѣ посредствующіе болгарскіе и сербскіе памятники, которые соединяютъ эту отдаленную болгарскую старину съ нашей русской стариной. Въ нашихъ памятникахъ сохранились «живыя молитвы» о трисавицахъ и апокрифическое сказанье о ихъ происхожденіи, легенды о Христѣ, преданья о крестномъ деревѣ, вопросы о томъ, «отъ колика частей сотворенъ бысть Адамъ» и пр., однимъ словомъ *басни*, — которыя приписываются Іеремію древнимъ индексомъ въ Номоканонѣ 14-го вѣка, и другими редакціями его до «Кирилловой книги» 17-го столѣтія. Въ послѣднее время эти «басни» открываются и въ старыхъ рукописяхъ сербскихъ и болгарскихъ.

По всей вѣроятности пошъ Іеремія не былъ вовсе изобрѣтателемъ всѣхъ этихъ произведеній: онъ только первый могъ дать опредѣленную форму уже существовавшимъ народнымъ сказаньямъ или первый могъ дать особенный ходъ легендамъ, вовсе не имъ составленнымъ. Повѣрья о трисавицахъ и «живыя молитвы» принадлежать къ тому ряду народныхъ суевѣрій, который мы называемъ заговорами; эти вещи такъ знакомы всѣмъ вѣкамъ и народамъ, что для нихъ едва ли можно найти акторовъ: Іеремія вѣроятно только воспользовался готовымъ языческимъ повѣрьемъ, соединилъ отдѣльные мнѣя въ закругленное цѣлое и пустилъ въ обращеніе какъ законную формулу. Если съ другой стороны Іеремія приписываются ложныя легенды о Христѣ, и т. д., то и здѣсь онъ могъ только первый пустить въ ходъ извѣстное сказаніе, еще недошедшее прежде до народной массы; самъ онъ бралъ изъ готоваго чужаго источника. Одно древнее болгарское свидѣтельство именно указываетъ на принятіе этихъ легендъ какъ на латинство ¹⁷⁾. Іеремія лег-

¹⁷⁾ Въ посланіи Аоанасія мнixa іерусалимскаго, гдѣ онъ укоряетъ своего друга

ко могъ заимствовать изъ латинскаго источника, потому что латыни, т. е. римскаго католицизма, было достаточно въ южныхъ славянскихъ земляхъ въ то время, когда папы еще не окончательно разграничили надъ ними свою власть съ византійскими патріархами и когда страны переходили то въ одни, то въ другія руки.

Такимъ образомъ, дѣятельность Іереміи омазывается чисто народною: онъ былъ собирателемъ народныхъ суевѣрій; чужой, завесенной ереси и чужимъ легендамъ онъ сообщилъ народный характеръ и сдѣлалъ ихъ популярными преданьями. Демонстраціи секты вырвались не только въ ея религіозныхъ чертахъ и общественныхъ тенденціяхъ, но и въ ея поэтическомъ выраженіи.

Индексъ сообщаетъ еще одну подробность объ Іереміи, которая дополняетъ его характеръ опять чисто народнымъ образомъ. Въ видѣ осужденія его индексъ говоритъ, что попь Іереміа «былъ въ навѣхъ на Верзіуловъ колу». Наши археологи сдѣлали очень вѣроятное предположеніе, что эти слова должны означать, что попь Іереміа считался (по крайней мѣрѣ противниками) волкодлакомъ, оборотнемъ. Но какую связь это имѣетъ съ составленіемъ ложныхъ книгъ?—Южнославянскія народныя повѣрья совершенно объясняютъ смыслъ этого извѣстія. Въ нихъ до сихъ поръ сбереглось множество преданій о «вукодлакахъ», людяхъ, которые по смерти, въ видѣ волка продолжаютъ гулять по землѣ, падають на людей и странно ихъ мучить. Человѣкъ дѣлается вукодлакомъ, когда подѣтся съ вилами, кѣлициами и умереть безъ покаянія. Такимъ образомъ, вукодлакъ при жизни почти неизбѣжно водится съ вражьей силой; вилы разсказываютъ вукодлакамъ обо всемъ на свѣтѣ, отъ чего приходитъ болѣзнь и всякое несчастье на людей и скотъ, и чѣмъ можно избавиться отъ этой напасти: вилы показываютъ имъ и разныя лекарственныя травы. Эти люди становятся знахарями и вѣдунями, по сербски «врачъ», «врачаръ» — слово, соединявшее и въ древнемъ русскомъ языкѣ понятіе врачевства и колдовства. — Попъ Іереміа былъ такой же знахарь: вотъ почему, кромѣ распространенія своей ереси и ложныхъ книгъ, онъ былъ и авторомъ живыхъ молитвъ, почему онъ заклиналъ трясавицы, «нежить» и всякіе недуги. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ онъ былъ вѣроятно образцомъ стариннаго врача, слава котораго держится у Сербовъ и до сихъ поръ. Преданье сдѣлало изъ него вукодлака, — потому, что онъ былъ вѣдунъ и знался съ нечистой силой (иначе средніе вѣка, — а народъ и до сихъ поръ, — и не понималъ вѣдунъ); притомъ какъ еретикъ, онъ долженъ былъ умереть безъ христіанскаго покаянія. Оттого, когда онъ былъ «въ навѣхъ», т. е. жертвою въ могилѣ, онъ «былъ на Верзіуловъ колу», т. е. противъ него употреблено было спе-

пифическое средство — вельзевуловъ (бѣсовскій); т. е. известный основной мотивъ, — единственный способъ удержать такого мертвеца въ могилѣ.

Легенды, приписанныя индексомъ попу Іереміи, действительно не имѣютъ въ себѣ ничего исключительно ботомильскаго, что и должно было быть, если — какъ мы предположили — онѣ были получены имъ готовыми изъ иного источника. Всѣ онѣ сохранились въ русскихъ рукописяхъ. Легенда о томъ, «какъ Христа въ поны ставили», известна у греческихъ писателей⁴⁸⁾ и могла быть взята Іереміей изъ греческаго источника; легенда о Провѣ, издаваемая въ памятникахъ г. Костомарова подъ именемъ легенды о братствѣ, могла быть взята изъ латинскихъ источниковъ. Что въ этихъ легендахъ не было ничего собственно ботомильскаго, можно видѣть хотя изъ этой легенды.

Провѣ, сынъ царя Семикленя, желавшаго видѣть Христа, отправился собирать съ подданныхъ дань, потому что отецъ его ослабъ. Провѣ собиралъ дань съ большими трудами, пока не встрѣтился съ человѣкомъ, который называлъ себя Эмиануломъ. Это былъ самъ Христосъ. Эмианулъ вошелъ въ городъ и когда онъ потребовалъ, чтобы граждане отдали божіе Вову, то Провѣ за одинъ разъ собралъ множество богатствъ. Провѣ заключилъ съ нимъ братство; Христосъ явилъ братство на харать и сказалъ: продать тотъ человѣкъ, который сотворилъ братство и не вѣровалъ въ него. Эмианулъ вошелъ потомъ въ рѣку, взялъ рыбу и далъ ее Прову. Возвратившись домой, Провѣ глазами этой рыбы излѣчилъ слѣпоту отца, стоиломъ проказу матери, а жалчию избавилъ свою жену отъ нечистаго духа, котораго она въ себя имѣла. — Когда Провѣ рассказывалъ отцу встрѣчу съ Эмиануломъ, царь Семикленъ узналъ, что Провѣ побратался съ Христомъ: въ это время Христосъ появился предъ ними вдали и исчезъ.

Легенда опять имѣла отношеніе къ народнымъ нравамъ: она даетъ объясненіе обычая братства, который до сихъ поръ чрезвычайно живъ сохраняется у южныхъ Славянъ и еще имѣетъ въ нихъ живую великую важность. Обратимство у Сербовъ утверждается даже церковными обрядами.

Переходимъ теперь къ народно-суевѣрнымъ произведеніямъ попа Іереміи. Ихъ литературная судьба была такова, что знакомыя съ ними въ первый разъ въ исторіи болгарскаго 10-го вѣка мы находимъ слѣды ихъ до сихъ поръ въ преданіяхъ южно-славянскихъ и русскихъ. Они имѣли начальныя по чрезвычайной живучести, которую сообщали имъ вѣрные невѣжество и предвзвѣдѣніе насъ, въ которыхъ они нашли шриецъ. Древѣйшій индексъ запрещаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:.. естественный недугъ, который называютъ триавицами, какъ рассказываетъ Іеремія попу болгарскій. Этотъ окаянный говоритъ, что будто бы святой отецъ Словенъ сидѣлъ на горѣ Синайской, называетъ ангела Сихайла, на соблазнъ многимъ людямъ.

⁴⁸⁾ Suidas v. v. Ἰεροῦ; Migne, Dict. 2, 383. Изданіе русской редакціи въ „Отреченныхъ“ Тихонравова, т. 2-й.

и баснословная, онъ, злой человекъ, о семи трапавицахъ, дочеряхъ Иродовыхъ, которыхъ ни евангелисты и ни одинъ изъ святыхъ не называли семь, — а была только одна, выпросившая, чтобы убилъ голову Предтечи; о ней же известно, что она была дочь Филиппова, а не Иродова. Великий же Сисиній, патриархъ Константинопольскій, въ своихъ словахъ говоритъ такъ: не считайте меня за того Сисинія дивнаго, о которомъ написалъ Іереміа поплъ, на соблазнъ неразумнымъ.....».

Такъ передаетъ индексъ черты ложнаго писанин, которое нѣтъ и еще нѣтъ авторитетъ въ нашемъ народѣ въ видѣ преданья и имѣть заговоръ отъ двѣнадцати лихорадокъ (двѣнадцать — такое же условное число народныхъ преданій, какъ семь, три, и т. д.). Это преданье очень известно въ рукописяхъ, оно вносилось въ сборники, лечебники — старинныя энциклопедіи медицинскіхъ повѣрій, примѣтъ, князьныхъ лекаревныхъ свѣдѣній и т. п. Повѣрье о двѣнадцати лихорадкахъ чрезвычайно известно и въ устномъ народномъ преданьи: почти въ полной своей формѣ оно передано было съ народной рѣчи г. Гуляевымъ, зависавшимъ его въ Сибири (Очерки Южн. Сиб. въ Библ. для чтен. 1848, № 8, стр. 51). Въ одномъ изъ такихъ старинныхъ лечебниковъ, ложное писаніе Іереміа, указанное индексомъ, передается со всѣми подробностями.

«При морѣ Черномъ стоитъ столпъ каменный (Синайская гора); въ столпѣ сидитъ святой великій апостолъ Сисиній, и видитъ — возмущилось море до облаковъ, и выходитъ изъ него двѣнадцать женъ простоволосыхъ, окаянное дьявольское видѣніе» (по народнымъ редакціямъ: изъ огненнаго столпа). «И говорятъ тѣ жены: «мы трапавицы, дщери Ирода царя». И спросилъ ихъ св. Сисиній: «окаянные дьяволы! Зачѣмъ вы пришли сюда?» Онѣ же отвѣчали: «мы пришли мучить родъ человѣческой: кто насъ перепеть, къ тому мы и привьемся и помоемся — помучимъ его, — и кто завтраю просыпаетъ, Богу не молится, праздники не чтеть, и вставая пьетъ и ѣсть рано: то нашъ угодинокъ»¹²⁾. И помолнся Богу св. Сисиній: «Господи, Господи, избавь родъ человѣческой отъ окаянныхъ сихъ дьяволовъ!» И послалъ къ нему Христосъ двухъ ангеловъ, Сихайла и Анбса, и четырехъ евангелистовъ. И начали трапавицы бить четверца дубини желѣзными, давая имъ по три тысячи ранъ на день. И возмолнись имъ трапавицы: «святой великій апостолъ Сисиній, и Сихайло, и Анбсо, и четыре евангелиста, Лука, Марко, Матей, Іоаннъ! не мучьте насъ! гдѣ ваши имена святыя слышимъ, и въ которомъ роду имена ваши прославяемъ, того мы роду бѣгаемъ за три дня, за три поприща»...

Это собственно историческая часть преданья. Она продолжается потомъ описаніемъ оویствъ каждой изъ трапавицъ. Апостолъ Сисиній спросилъ

¹²⁾ Въ народной редакціи свойства и имена лихорадокъ описываются иначе: дальше она говоритъ: «мы посланы отъ Ирода царя въ міръ, въ родъ христіанскій, чтобы ихъ крушить, власы ихъ студить, жили ихъ тнать, снхъ ихъ огнемъ жечь». Эта послѣдняя варіація кажется намъ старѣе.

нхъ имена, и онѣ называя себя описываютъ и свои качества, ясныя въпрочемъ изъ ихъ прозвищъ: одна называется Тряся, другая Огня, третья Ледея, и т. п. Невенъ указывается, какъ пшеница, выпрошенная голову Предтечи. Затѣмъ идетъ заклинаніе: все лихорадки пересчитываются, угрожаются именами апостола Сисинія и т. д. «Побѣгите отъ раба божія, ипрекъ, за три дни, за три поприща: а если не побѣжите отъ раба божія, ипрекъ, и я призову на васъ великаго апостола Сисинія, и святыхъ Сихайла и Аноса, и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Матѣя, Іоанна²⁰⁾; и учюуть васъ мучить, даючи вамъ по четыре тысячи ранъ на день».

Дальше въ иудейскѣхъ приписываются Іеремію «но молитвенникамъ живая молитва о (трясавицахъ) нежитяхъ и о недугахъ». Заговоры или сказанья о нежитяхъ построены такимъ же образомъ, даже во внѣшней формѣ. «Нежить» въ древнемъ языкѣ означала демоническое существо, въ имени котораго олицетворялось понятіе болѣзни и вообще всякой напасти. Слово осталось и въ живомъ русскомъ языкѣ; напр. въ Олонецкой губерніи подъ именемъ нежита до сихъ поръ разумѣются все пугала деревенской жизни, лѣсовики, водяные и т. д. (Максимовъ, Годъ на Сѣв. 2, 512). Сказанья о нежитѣ найдены были въ одной полууставной, пергаменной, слѣдовательно вѣроятно очень старой, сербской рукописи, и какъ преданья о трясавицахъ, соединяють вмѣстѣ и мѣстическую исторію, и заговоръ.

«Сходилъ нежить отъ сухаго моря, и сходилъ отъ небесъ Іисусъ и сказалъ ему Іисусъ: «куда идешь, нежить»? Сказалъ ему нежить: «сюда иду, господине, въ человеческую голову, мозгъ сушить, челюсти переломить, зубы ронять, шею кривить, и уши оглушить, очи ослѣпить, и носъ сдѣлать гугнивымъ, крови ихъ пролить, вѣна иссушить, уста кривить, и члены разслабить, жилы умертвить, тѣло изможить, красоту измѣнить и бѣсомъ мучить». И сказалъ ему Іисусъ: «воротись, нежить, иди въ пустую гору и въ пустыню, найди тамъ оленью голову и поселись въ ней, — тотъ все терпитъ и все вынесетъ... иди въ камень, тотъ все терпитъ, вину и зной...; тотъ отъ природы суровъ, онъ силенъ держать себя. И тамъ, нежить, имѣй жилище до тѣхъ поръ, пока небо и земля мимо идутъ и окончатся, отойди отъ раба божія ипрекъ».

Въ другой исторіи разсказывается, что святой Михаилъ-Гавриилъ, взявши желѣзный лукъ и желѣзныя стрѣлы, хотѣлъ стрѣлять оленя и ланя, но не нашелъ ихъ, а нашелъ нежита, который сидѣлъ, разцѣпивъ намень. Это онъ разцѣпилъ человеческую голову, чтобы жечь мозгъ и проливать кровь. Михаилъ-Гавриилъ также заклиналъ его угрозами оставить людей въ покоѣ и скрыться въ гору.

Въ составленіи этихъ ложныхъ молитвъ поплъ Іеремію, — если онъ составлялъ ихъ, — вполне слѣдовалъ инстинктамъ массы, которая, принимая

²⁰⁾ Что двѣнадцать лихорадокъ въ преданьи являются поздые семи, видно уже изъ того, что число семь удержалось еще на сторонѣ святыхъ.

христианство, бессознательно сближала его съ своими языческими повѣданьями, мѣшала Перуна съ громовникомъ-Иліей, Волоса съ Власіецъ, какаго-то мифическаго повелителя животнаго царства съ Георгіемъ и т. д. Христианскія имена входили въ языческіе заговоры или произвольно, или по какому нибудь сближенію. Основаніе преданій было безъ сомнѣнія языческое, но народъ узнавалъ ихъ въ новой формѣ и это давало имъ еще большій успѣхъ: записанныя въ «живыя» тетради, по видимому издавна ходившія между грамотниками, они прошли всю православную славянщину, — потому что вездѣ въ народѣ находили ту же полухристианскую, полужаязыческую почву. Отъ перваго ихъ начала въ Болгаріи мы нашли послѣднее ихъ слово въ народныхъ преданьяхъ Сибири. Официальное духовенство возставало противъ этихъ «живыхъ» сказаній: оно ясно видѣло въ нихъ остатки стараго язычества и инстинктивно чувствовало независимый народный элементъ, порождавшій эти «живыя молитвы» мимо его собственнаго авторитета. Индексъ сохранилъ для насъ память о запрещеніяхъ и о самыхъ произведеніяхъ, ихъ вызывавшихъ. Но, какъ мы видѣли, запрещенія не сдѣлали ничего и памятники прожили цѣлыя столѣтія, прожили по цѣлымъ славянскимъ племенамъ.

Въ упомянутомъ нами индексѣ 14-го вѣка указано, кромѣ писаній меча Іереміи, много другихъ апокрифическихъ книгъ, которыя безъ сомнѣнія существовали уже въ то время и теперь встрѣчаются дѣйствительно въ очень старыхъ рукописяхъ. Это были переводныя апокрифическія преданья, восточнаго и византійскаго происхожденія, которыя имѣли ту же завлекательность для массы, потому что къ христианскому содержанію догматовъ и преданій прибавляли фантастическія дополненія и украшенія, имѣющія для простой грамотной массы поэтическую прелесть. Иногда, это были придуманныя религиозныя умствованія и символика, но нерѣдко здѣсь была дѣйствительная поэзія, развившаяся въ періодъ религиознаго увлеченія. И то, и другое направленіе апокрифовъ вполнѣ приходилось къ народному пониманію и въ тѣхъ странахъ, куда они заходили наъ своей первобытной родинѣ. Неудивительно, что они имѣли успѣхъ и въ славянской письменности. Индексъ называетъ напр. *Вопросы Іоанна Осолога къ Аврааму* (о судьбѣ души въ будущей жизни), его же *Вопросы къ Господу*, о которыхъ мы говорили выше; *Вопросы Варволомея къ Богородицѣ*—о томъ, какъ происходило рождество Христа; *Видѣніе апостола Павла*—извѣстное и въ западной средневѣковой поэзіи; *Дѣтство Христа*; *Еписколію о неслѣль*—письмо, будто-бы написанное Христомъ, о почитаніи воскресенія и упавшее съ неба, также извѣстное на западѣ; *Хожденіе Богородицы на мукамъ*—весьма поэтическій рассказъ о вѣщеніи Богородицей ада и молитвѣ ея за мучимыхъ грѣшниковъ; *Прѣніе дьявола со Христомъ*; *О Соломонѣ и Китоврастѣ* и мн. др. Всѣ эти произведенія еще существуютъ, и происхожденіе ихъ должно быть отнесено въ древній періодъ южнославянской письменности.

ете до 14-го столѣтія; въ это время вѣроятно переводились они съ греческаго и переходили къ Сербамъ и Русскимъ, у которыхъ потомъ преимущественно и сохранились.

Шафарикъ расширяеть эту литературу еще дальше. Тотъ же индексъ, въ другихъ своихъ редакціяхъ, упоминаеть еще цѣлый рядъ разнаго рода волшебныхъ и гадательныхъ книгъ: Мартолей или Острологъ, Чаровникъ, Громникъ, Молвинникъ, Колядникъ, Царевы Сновидцы, Мысленикъ, Волхонникъ, Путникъ, Звѣздочетъ и т. д., которые, хотя собственно и не принадлежали въ религиознымъ книгамъ, но преслѣдовались духовенствомъ, потому что суавіе изъ основаніе въ народномъ сознаніи самую религію. Шафарикъ полагаетъ, что эти книги произошли въ ту же богемильскую эпоху²¹⁾. Рѣшить это еще трудно; мы почти не знаемъ этихъ книгъ. — но правда и то, что тѣ, которые мы знаемъ, напр. Громникъ, Колядникъ (переведенные также съ греческаго) имѣли южно-славянское и старое происхожденіе.

Общій смыслъ всей этой литературы состоитъ въ томъ, что она была дополненіемъ и нѣбѣтъ оппозиціей къ той официальной литературѣ, которая съ самаго начала увлеклась догматической схоластикой, напыщенностью и бесплодностью византійцевъ и отталкивала отъ себя нечувствительностью выраженій. Народная масса, не удовлетворенная такими книгами, искала и находила свою пищу въ ложной литературѣ, въ фантастическихъ зачатіяхъ богемильскаго попа Іереміи до баснословныхъ, а иногда и истинно поэтическихъ произведеній древняго христіанскаго апокрифа. Въ этой народной письменности не было конечно чистаго христіанства, и въ сожалѣніе слѣдуетъ часто бывало грубое суавіе, въ своихъ крайностяхъ превращавшееся въ совершенный фетишизмъ.

Все это содержаніе болгарской литературы стало общими достояніемъ славянъ, принявшихъ иррациональную письменность. У самихъ Болгаръ осталось мало памятниковъ, которые бы помогли намъ послѣдовательно провести эту литературную исторію до конца ея; тяжелая историческая судьба истребила множество ихъ на ихъ родинѣ, и они уцѣлѣли только отчасти въ православномъ славянскомъ сообществѣ.

Писатели вѣка Олисеона представляютъ почти чистый старо-славянский языкъ, но твердость его продолжалось не долго. Народный языкъ болѣе и болѣе подчинился чужимъ влияніямъ; паденіе перваго царства въ особенности очевидно языкъ развѣтствованному дѣйствию чужихъ элементовъ. Кромѣ той неславянской примеси, которую необходимо должны были оставить и первые покорители, Болгары, языкъ черпалъ и удалялся отъ первоначальной чистоты отъ вліянія Грековъ, Албанцевъ, Валаховъ, и т. д. Въ рукописяхъ конца 12-го вѣка, впрочемъ Аѣвня, уже ясно видно начало

²¹⁾ См. Шафарика, Kurze Uebersicht der Aeltest. kirchenslaw. Literatur, Leipzig 1846 (въ Slavische Jahrbucher, Band III), стр. 21.

порчи; еще больше встрѣчается этой порчи въ грамотахъ 13-го вѣка. Старо-славянское книжное нарѣчіе не совсѣмъ забылось однако и послѣ турецкаго завоеванія: оно сохранялось какъ officialный языкъ при дворахъ владѣльцевъ валашскихъ, арбаносскихъ (напр. Юри Вастриоты или Сландербегъ 1459 и слѣд.), не впрочемъ уже сильно измѣнилось отъ чужихъ вліяній. Нѣкоторые памятники изъ 16-го и 17-го столѣтій доказываютъ, что народная рѣчь того времени почти нисколько уже не отличалась отъ нынѣшняго болгарскаго языка, — потерявшаго множество формъ, обидѣвшаго и изуродованнаго до такой степени, что даже ученымъ вазалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы этотъ искороченный языкъ былъ нѣкогда ближайшей вѣтвью языка, — если не тѣмъ самымъ языкомъ, — на которомъ писали Кириллъ и Мефодій.

2. ПОВАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Съ турецкимъ завоеваніемъ всякая умственная жизнь начинаетъ гаснуть въ Болгаріи и наконецъ совершенно заглохла подъ двойнымъ гнетомъ: турецкая власть давила своимъ произволомъ, Греки — своею духовною администраціей.

Отъ прежней своей исторіи Болгары сберегли только одинъ общественный элементъ, который, поддерживая до сихъ поръ ихъ существованіе, какъ отдѣльной народности: это было православное христіанство, — мы видѣли, что литература ихъ представляла брошеніе однихъ религіозныхъ идей, еще не успѣвшее впрочемъ прийти къ положительному концу и не имѣвшее за собой прочныхъ политическихъ основаній. Завоеваніе захватило ихъ врасплохъ. Но отзываютъ самихъ друзей болгарскаго народа и его новаго возрожденія, — «не смотря на то, что Болгары еще въ 9-мъ вѣкѣ являлись народомъ независимымъ, исторія ихъ водворенія, юридически признаннаго, равно какъ и послѣдующая судьба этого народа, не представляютъ однако ничего утѣшительнаго въ значеніи общечеловѣческомъ. Развиваясь подъ исключительнымъ вліяніемъ Ромеи-Грековъ, Болгары не были въ состояніи выработать своими нравственными силами никакихъ прочныхъ началъ, которыя обеспечивали бы ихъ будущее существованіе. Правда, христіанская религія и христіанско-византійская образованность, лишь во вѣсколькихъ столѣтій, оторочили политическое паденіе Болгаръ, и Берришу или Симеону едва ли можно было сохранить вмѣстѣ съ соудѣстатъ православной Византіи. Такимъ образомъ не внутреннія учрежденія Болгаріи; не правительное устройство и управленія производительныхъ ея силъ, и не государственныи смыслъ ея правителей поддерживали напряженно ея существованіе до времени турецкаго инопленія, а христіанская религія, которая и въ настоящее время твердо сохраняется въ этомъ заброшенномъ народѣ юго-востока Европы».

Но и эта христіанская религія была для несчастнаго народа ирричной

новымъ истязаній. Для своихъ турецкихъ повелителей онъ становился невѣрнымъ, — противъ котораго позволительно всякое насиліе; съ другой стороны, какъ народъ христіанскій, онъ подпалъ власти константинопольскаго патріархата и сдѣлался цѣлью постоянной и безграничной эксплуатаціи, которая продолжается и до сихъ поръ. По уничтоженіи терновской патріархіи, Болгарія подчинена была константинопольскому патріарху, который, кромѣ своей духовной власти, получилъ отъ Порты и гражданскую власть надъ народами Турціи, исповѣдующими православіе. Константинопольскій патріархъ сдѣлался единственнымъ посредникомъ между правительствомъ и народомъ, который отданъ былъ въ его полное распоряженіе: старая борьба славянскаго элемента съ греческимъ кончилась полнымъ подчиненіемъ перваго. Съ этого времени Болгары уже не получали высшихъ духовныхъ должностей, несмотря на то, что ихъ племя составляло наибольшую часть православныхъ подданныхъ патріарха. Фанариотская іерархія, не зная ни языка, ни обычаевъ народа, да и не заботясь нисколько о его нуждахъ, обирала его всякими не позволительными средствами, и чтобы лишить народъ всякаго сознанія несправедливаго гнета, всякой мысли о независимомъ управленіи, эта фанариотская іерархія предначѣнно, — и совершенно въ духѣ турецкаго правленія, — поддерживала въ народѣ невѣжество, уничтожала все, что напоминало народу о его народности, уничтожала славянское богослуженіе, вводя непонятную народу греческую литургію, злобно преслѣдовала въ послѣднее время болгарскія училища, заставляя учиться только по гречески, истребляла даже славянскія книги и рукописи, и въ заключеніе заставляла бѣдный народъ оплачивать свои прихоти и удовольствія. Все это сопровождалось самымъ наглымъ и вовсе не іерархическимъ презрѣніемъ къ народу. Грабительство фанариотовъ не знало никакой мѣры; рабство народа и невѣжество было полное.

Въ этомъ, и больше ни въ чемъ, состояла исторія болгарскаго народа отъ покоренія Турками и до новѣйшихъ временъ. Народъ былъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и это уже давно заставляло Болгаръ переселяться въ сосѣднія страны, иногда цѣлыми селеніями. Всего больше они выселились въ Валахію и Молдавію и (съ половины прошлаго столѣтія) въ южную Россію, также въ княжество Сербію и Банатъ. Съ другой стороны, Болгары стали обращаться въ католичество, чтобы избѣжить себя отъ ненавистной власти константинопольскаго патріарха: они дѣлались униатами. Эта униа не есть впрочемъ явленіе новое въ болгарской исторіи. Мы видѣли, что еще царь Борисъ, чтобы прекратить злоупотребленія греческаго духовенства, пытался сблизиться съ папой. Затѣмъ униа водворилась на время въ новомъ болгарскомъ царствѣ, при Іоаннѣ I Асѣнѣ, въ первые годы 13-го столѣтія. Въ слѣдующіе вѣка униаты появляются снова, въ слѣдствіе фанариотскихъ угнетеній, и мало по малу составили общину Болгаръ-католиковъ, которые называются «павликіанами» (можетъ быть по старой памяти о богомилствѣ, въ которомъ видѣли «латины») и жи-

вуть въ окрестностяхъ Филлипополя и Свиштова, не превышая впрочемъ 50.000 человекъ. Уніатское движеніе вызвано было и въ послѣдніе годы тѣмъ же гнетомъ фанариотовъ, который вынудилъ нѣкоторыхъ Болгаръ искать отъ него спасенія въ католицизмѣ и въ покровительствѣ западныхъ державъ. — Наконецъ, значительная часть Болгаръ по тѣмъ же причинамъ принимала магометанство и отуречивалась; нѣкоторая часть людей болѣе состоятельныхъ и получавшихъ известное образованіе принимали греческій или волошскій языкъ. Самый болгарскій языкъ съ теченіемъ времени измѣнился до того, что Болгарамъ становились мало понятны и тѣ священныя книги, какія еще оставались отъ старины. Для новаго образованія народа нужно было дать ему книги на его собственномъ новомъ языкѣ. Этихъ книгъ не было.

Само собою разумѣется, что въ такомъ положеніи не могло быть и рѣчи о какой нибудь литературной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько времени спустя послѣ турецкаго завоеванія еще продолжаютъ появляться кое-какія болгарскія рукописи, но потомъ они исчезаютъ почти совершенно, и книги для богослуженія Болгары стали получать изъ Россіи, сначала рукописныя, потомъ печатныя. Болгары были почти окончательно забыты. Вспоминалъ о нихъ Шлёцеръ ²²⁾ находившій, что изученіе новаго болгарскаго языка могло бы показать, что за народъ были древніе Болгары. Шафарикъ въ своей книгѣ о славянскихъ литературахъ насчитывалъ только до 600.000 Болгаръ. Другіе полагали, что славянскій языкъ уже совершенно исчезъ въ земляхъ прежняго болгарскаго царства.

Первые признаки возрожденія болгарскаго народа появляются только въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ тѣхъ земляхъ, куда направлялись болгарскіе переселенцы и гдѣ они чувствовали себя свободнѣе. Правда, были и въ прошломъ столѣтіи, и еще раньше, случаи употребленія народнаго языка съ известнаго рода литературными цѣлями, напр. Шафарикъ ²³⁾ упоминаетъ, что въ началѣ 17-го вѣка римская курія дѣлала попытки привлечь на свою сторону Болгаръ, и что этому стремленію обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ переводъ на народный болгарскій языкъ *Meditationes S. Bonaventurae* (Rome, typis proreg. 1638), сдѣланный Богданомъ Бакшичемъ (Baksich). Были и другіе литературные опыты: археологи указываютъ подобныя рукописныя памятники, даже замѣчательные по силѣ народнаго языка ²⁴⁾; но все это были случаи крайне рѣдкіе и уединенные, и могутъ быть любопытны только какъ литературная рѣдкость, какой было бы трудно ожидать въ это тяжелое для Болгаръ время. Рѣдкость даже подобныхъ памятниковъ всего лучше обнаруживаетъ всю степень народнаго упадка. Затѣмъ — первой болгарской книгой называютъ «Молитвенный кринь», изд. въ 1806 въ

²²⁾ Nord. Geschichte 1771, стр. 334.

²³⁾ Gesch. der Slaw. Sprache und Liter., стр. 225.

²⁴⁾ См. Извѣстія, т. 8, стр. 400.

Пестъ. За этия одинокии явленіи послѣдовали въ двадцатыхъ годахъ нѣсколько другихъ книгъ. Докторъ Пестъ Беровичъ издалъ въ 1824 году «Букварь» (въ Брашовъ, въ Трансильваніи); Анастасій Стоиновичъ-Кинигловскій — «Священное Цвѣтособраніе» изъ ветхаго и новаго завета (Пестъ, 1825). Петръ Сапуновъ издалъ въ болгарскомъ переводѣ «Новый Заветъ» (Букарестъ, 1828). Но особенная дѣятельность начинается съ тридцатыхъ годовъ: разъ пробудившаяся мысль о новомъ воспитаніи болгарскаго народа нашла нѣсколько ревностныхъ послѣдователей, которые старались установить существованіе новой болгарской литературы. Особенно знаменитое имя въ этомъ дѣлѣ приобрѣлъ себѣ Юрій Венелинъ (1802—1839), родомъ изъ карпатскихъ Русиновъ, въ сѣверной Венгріи. Венелинъ учился во львовскомъ университетѣ, занимаясь всего больше исторіей славянскихъ племенъ; въ 1823 г. переселился въ Россію, живъ сначала въ Бессарабіи, гдѣ познакомился съ кишиневскими Болгарами и окончательно заинтересовался судьбой болгарскаго народа, стараго и новаго. Затѣмъ онъ отправился въ Москву, гдѣ ему присовѣтовали поступить въ университетъ и сдѣлаться медикомъ. Въ 1829, Венелинъ кончилъ курсъ въ университетѣ, сдѣлался медикомъ, но въ томъ же году издалъ и первый томъ своего сочиненія: «Древніе и нынѣшніе Болгаре», которое произвело сильное впечатлѣніе на людей, составлявшихъ въ то время немногочисленную болгарскую публику, и на другихъ Болгаръ, которымъ до того времени еще не приходила въ голову мысль о ихъ національности. Въ слѣдующемъ году Россійская академія дала ему возможность предпринять путешествіе въ Болгарію, гдѣ онъ еще ближе ознакомился съ положеніемъ народа, которому посвятилъ свое изученіе: онъ вошелъ и въ тѣсныя сношенія съ тѣми, въ комъ встрѣтилъ ревность къ дѣлу народнаго образованія. Венелинъ нашелъ въ болгарскихъ патриотахъ горячее сочувствіе, на него возлагали они свои надежды: въ его оригинальной, и не всегда какъ слѣдуетъ ученой, книгѣ Болгары находили въ первый разъ исторію своего племени, написанную съ сочувствіемъ къ ихъ старой славѣ и настоящему бѣдственному положенію. Какова бы ни была научная сторона дѣла, уже это одно было чрезвычайно важно. Когда Венелинъ начиналъ свои труды, нужно было опредѣлять первые элементарные вопросы исторіи и этнографіи болгарскаго народа: между прочимъ онъ считалъ нужнымъ доказывать, что древніе Болгары были народомъ славянскимъ, что имъ принадлежалъ тотъ языкъ, на которомъ въ первый разъ появилось у Славянъ св. Писаніе. За «Древними и нынѣшними Болгарами» послѣдовали другіе труды Венелина, посвященные большею частью тому же изученію южнаго славянства и нами выше перечисленные: нѣкоторые изъ нихъ были изданы уже послѣ его смерти. Венелину принадлежитъ безъ сомнѣнія очень сильное возбуждающее вліяніе въ дѣлѣ болгарскаго возрожденія. Съ 30-хъ годовъ начинается здѣсь гораздо болѣе оживленная дѣятельность. Болгарскія книги все еще составляли рѣдкость: до 1840 года насчитывали только до трид-

цати болгарскихъ книгъ, — но прочное начало было уже положено. Существенную заслугу болгарскому образованію оказали болгарскіе выселенцы, основавшіеся въ Одесѣ: двое изъ нихъ, В. Априловъ и Н. Палаузовъ, рѣшились основать болгарское училище въ селѣ Габровѣ, своей родинѣ, небольшомъ городкѣ, находящемся въ Балканскихъ горахъ: они основали это училище въ 1835 году, назначили для него значительное ежегодное пособіе и пригласили учителемъ іеромонаха Неофита, оказавшаго народной болгарской педагогикѣ большія услуги. Основатели габровскаго училища озаботились и изданіемъ необходимыхъ учебныхъ книгъ. Не смотря на всѣ препятствія, на противодѣйствіе Грековъ и болгарскихъ грекомановъ, габровское училище имѣло большой успѣхъ. Примѣръ основателей его подѣйствовалъ и на другихъ, явились новыя пожертвованія, и черезъ шесть лѣтъ послѣ открытія габровскаго училища основано было двѣнадцать другихъ болгарскихъ училищъ, которыя получили изъ Габрова необходимыя учебныя пособія. Съ этихъ поръ элементарное народное образованіе было обеспечено.

Вліяніе Венелина было здѣсь непосредственное. В. Априловъ, выступившій потомъ какъ писатель («Болгарскіе книжники», Одесса 1841; «Денница ново-болгарскаго образованія», Одесса 1841; «Мысли за сегашно-то болгарско ученіе», Одесса 1847, и др.), самъ говорилъ, что именно Венелинъ «пробудилъ въ немъ любовь къ національности». Точно также Венелинъ пробудилъ ее и во многихъ другихъ. У Болгаръ явилось ревностное усердіе къ распространенію образованія въ народѣ, и съ 30-хъ годовъ болгарскія книжки, — почти исключительно дидактическаго содержанія, — уже перестаютъ быть рѣдкостью. Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ людей этой народно-педагогической литературы былъ упомянутый нами Неофитъ, іеромонахъ Рыльскаго монастыря и одно время учитель въ Габровѣ, который кромѣ разныхъ учебныхъ книгъ: таблицъ взаимнаго обученія, катихизиса, болгарской грамматики, изданныхъ въ Крагуевцѣ, 1835, на счетъ габровскаго училища, и др., издалъ новый переводъ «Новаго Завѣта» (Смирна 1840), напечатанный американскимъ библейскимъ обществомъ. Кромѣ его могутъ быть названы: Христати-Дупнячанинъ («Писменникъ общеполезенъ», «Разговорникъ греко-болгарскій», Бѣлгр. 1835 и др.); Райно Поповичъ («Христовѣя и благонравіе» и пр. Пестъ 1837 и друг.); другой Неофитъ, архимандритъ Хиландарскаго монастыря («Славено-болгарское дѣтководство», — родъ небольшой школьной энциклопедіи, Крагуев. 1835; «Краткая св. Исторія», Бѣлгр. 1835); І. А. Богоевъ, издавшій между прочимъ небольшой сборникъ пѣсень. Вместе съ этими первыми книгами начались толки и споры о правописаніи. Болгарскій языкъ представлялъ нѣсколько мѣстныхъ нарѣчій, между которыми нужно было выбрать основной литературный языкъ; было кромѣ того и стремленіе сблизиться съ церковнымъ языкомъ, въ которомъ Болгары видѣли свою родную старину. Отсюда постоянныя колебанія въ орфографіи и неопредѣленность литературной формы, которая не устано-

вилась и до сих поръ. Въ 40-хъ годахъ опять идетъ цѣлый рядъ педагогическихъ книжекъ, букварей, учебниковъ, наставленій о воспитаніи, переводы книгъ въ родѣ Телемака; К. Огняновичъ издаетъ альманахъ («Забавникъ», Парижъ 1845); болгаринъ К. Фотиновъ нашелъ даже возможнымъ издавать журналъ «Любословіе» (Смирна, 1845). Все это рассчитывало на литературное развитіе болгарской публики, — но къ сожалѣнію выборъ иностранныхъ руководителей былъ не всегда удаченъ: многое бралось изъ русской литературы, и между прочимъ болгарскіе литераторы снабдили своихъ соотечественниковъ нѣсколькими переводами изъ твореній Вельтмана²⁵⁾, Булгарина и т. п. Появляются наконецъ и собственные повѣстические опыты, напр. «Стоянь и Рада» Найдена Герова (Одесса 1845); стихотворенія П. Р. Славейкова; Р. Жизифовъ перевелъ на болгарскій языкъ Слово о Полку Игоревѣ, пѣсни Краледворской рукописи и нѣсколько стихотвореній изъ «Бобзаря» Шевченки (Новоболгарска сбирка, М. 1863) и проч.

Въ пятидесятыхъ годахъ дѣятельность болгарской литературы значительно усиливается, т. е. увеличивается число книгъ, хотя сущность ея еще мало отличается отъ прежней. Всего больше книжекъ посвящается до сих поръ элементарному чтенію и учебнымъ руководствамъ, при чемъ не мало заимствуется изъ русской литературы. Въ этомъ разрядѣ литературы особенно можно назвать имена: Петка Р. Славейкова, Парвенія Зографскаго, Стопа П. Андреева Робовскаго, І. Груева, Н. Богданова, С. Радудова и др. Въ это послѣднее время чаще начинаютъ появляться и опыты журнальной дѣятельности, — напр. «Цареградскій Вѣстникъ», «Български книжици», начатыя въ 1858 году Д. Мутіевымъ, «Болгарія», небольшое изданіе «Братски трудъ», выходившее въ 1860—62 г. въ Москвѣ и др.

Такимъ образомъ новая болгарская литература имѣетъ преимущественно или почти исключительно воспитательный характеръ: главная цѣль ея, — отчасти и достигаемая, — доставленіе народу элементарныхъ средствъ знанія и развитія его національной личности. Въ послѣднее время обстоятельства складываются уже болѣе благоприятно: многіе изъ Болгаръ приобретаютъ болѣе и болѣе широкое образованіе, или, если это бывало и прежде, приобретаютъ его не теряя своихъ національныхъ тенденцій: одни въ Одессѣ, другіе въ Москвѣ, третьи наконецъ въ нѣмецкихъ университетахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, въ лучшихъ представителяхъ новаго болгарскаго народа, становится выше и уровень національныхъ требованій. Они уже не ограничиваются элементарной школой, и если обстоятельства еще не позволяютъ Болгарамъ громко говорить о политическихъ правахъ, то они уже громко говорятъ о независимости церковной и поднимаютъ тотъ старый вопросъ, который такъ долго остается спорнымъ между бол-

²⁵⁾ Впрочемъ „Райна“ Вельтмана, по мѣтнію болгарскихъ читателей, вѣрно изображающая выбранную мѣстность Болгаріи и времена Петра Симеоновича, имѣла для нихъ національный интересъ.

гарами и Греками, и отъ котораго много зависитъ нравственное освобожденіе Болгаріи. Последній фазисъ болгарскаго сознанія мы можемъ наблюдать на томъ религиозномъ движеніи, которое составляетъ теперь главное явленіе въ общественной жизни Болгаріи. Отвлеченныя стремленія первыхъ начинателей дѣла становятся уже практическимъ вопросомъ жизни.

Мы уже нѣсколько разъ упоминали о томъ, какимъ образомъ поставленъ въ Болгаріи церковно-административный вопросъ. Заведеніе школъ и расширеніе національнаго сознанія, наконецъ ближайшія потребности народнаго образованія, болѣе и болѣе указывали необходимость его рѣшенія. Столкновенія съ константинопольскимъ Фанаромъ стали переходить въ открытую вражду; явилась попытка образовать «народную болгарскую церковь». Греки нѣсколько однако не хотѣли уступать. Болгарскій народъ былъ главнымъ источникомъ доходовъ фанаріотской іерархіи и отдѣленіе Болгаръ отъ патріархіи повело бы за собой цѣлый финансовый кризисъ для Фанара. Ясно, что Греки должны были всѣми силами оспаривать законность той независимой іерархіи, которой Болгары желали для своего народа. Между фанаріотами и патріотическими Болгарами началась горячая полемика, перешедшая даже въ русскую литературу, и подъ каноническими и историческими резонами скрывавшая простой денежный вопросъ... Этого не упускали изъ виду католическая и іезуитская пропаганда, и когда фанаріотскія притязанія уже выводили изъ терпѣнія народную партію, пущена была въ ходъ мысль объ уніи. Эта унія, освобождавшая своихъ послѣдователей отъ юрисдикціи патріарха, дѣйствительно нашла нѣсколькихъ приверженцевъ въ средѣ болгарскаго духовенства. 25 декабря 1860 г. происходила первая уніатская литургія...

Унія, какъ говорятъ, не находитъ сочувствія въ народѣ, вѣрномъ православному преданію, но она можетъ усилиться, если продолжится прежній характеръ дѣйствій патріархіи и прежняя политическая безпомощность народной партіи. Послѣ появленія уніи патріархъ обличалъ ее въ окружномъ посланіи, но послѣдователи «народной болгарской церкви», прекратившей всякія сношенія съ греческой іерархіей, отвѣчали на него своей прокламаціей, гдѣ, сожалея о своихъ братьяхъ, ушедшихъ въ унію, обвиняли въ томъ самого патріарха и выражали свое убѣжденіе, что не смотря на всѣ препятствія они достигнутъ своей цѣли — независимости Болгаріи и отъ патріарха, и отъ папы... Унія нашла своихъ защитниковъ и въ средѣ писателей: ревностнымъ послѣдователемъ ея сталъ Драганъ Цанковъ, издатель журнала «Болгарія», дѣйствующій подъ вліяніемъ іезуитовъ; ему противодѣйствовалъ «Цареградскій Вѣстникъ», прекратившійся потомъ за неимѣніемъ средствъ, и смѣненный въ этомъ дѣлѣ другими журналами.

Вмѣстѣ съ появленіемъ уніи, изъ тѣхъ же побудительныхъ причинъ сталъ выростать другой планъ, исполненіемъ котораго думали нѣкоторые избавиться отъ фанаріотовъ, — планъ присоединиться къ свободной протестантской церкви.

стантской церкви. Какъ говорить, это протестантское движеніе и въ настоящую минуту находятъ больше сочувствія между Болгарами, чѣмъ унія...

Въ такомъ положеніи находится теперь болгарскій общественный вопросъ: нѣтъ сомнѣнія, что Болгары наставляютъ здѣсь именно на то, что можетъ въ нынѣшнемъ состояніи дѣла дать основу для развитія національнаго сознанія. Прямой вопросъ о независимости политической станетъ потомъ на очереди.

3. НАРОДНАЯ ПОВЗІЯ БОЛГАРЬ.

Наконецъ, мы должны упомянуть объ изученіи болгарской народной поэзіи. Оно началось очень недавно, и какъ по этой недавности, такъ и вообще по ограниченнымъ размѣрамъ болгарскаго книжнаго образованія, оно не могло, конечно, оказать дѣйствительнаго вліянія на литературное развитіе и послужить для него источникомъ новыхъ литературныхъ принциповъ и вкуса. Значительныя собранія болгарскихъ пѣсней изданы были только въ послѣдніе годы. Извѣстное прежде количество ихъ было весьма ограничено. Вукъ Караджичъ напечаталъ въ своей «Песмарици Србске» (Вѣна 1815) и въ своемъ «Додатку к с.-петерб. сравнит. речницима» (Вѣна 1822) нѣсколько болгарскихъ пѣсней, преимущественно женскихъ; въ 1842 г. Иванъ А. Богоевъ издалъ свой сборникъ²⁶⁾, гдѣ помѣщено двѣнадцать любопытныхъ былинъ; нѣсколько пѣсней напечатано было въ Москвитинѣ: 1845 (ч. VI, № 12); въ сороковыхъ годахъ, значительное количество болгарскихъ пѣсней собралъ В. Григоровичъ, напечатавшій впрочемъ только часть ихъ въ хорватскомъ журналѣ «Кою» (кн. 4—5) и въ Казанскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ; нѣсколько пѣсней издамо было въ академическихъ «Извѣстіяхъ»; болгаринъ Хаджи Найдѣмъ Говановичъ издалъ небольшой сборникъ «Нови болгарски народни пѣсни» (Бѣградъ 1851); нѣсколько народныхъ пѣсней напечатано было въ болгарскихъ журналахъ, напр. въ «Цареградскомъ Вѣстникѣ», «Болгарскихъ книжницахъ» и др. Первый большой сборникъ изданъ былъ П. Безсоновымъ: это — «Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. Н. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ Болгаръ» (М. 1855). къ которому онъ присоединилъ сравнительное реальное изслѣдованіе сербскаго и болгарскаго эпоса, и изученіе болгарскаго языка. Затѣмъ новый трудъ началъ сербскій археологъ Стефанъ М. Верковичъ: изъ его собранія «Народне песме македонски Бугара» (Бѣградъ 1860). вышла пока, сколько мы знаемъ, только первая книга, заключающая въ себѣ жевокія, т. е. не эпическія пѣсни. Наконецъ, послѣдній замѣчательный сборникъ издали братья Миладиновы²⁷⁾, — почтенные болгарскіе патриоты, за свою преданность народному дѣлу заплатившіе, говорятъ, насильственной смертью въ турецкой тюрьмѣ.

²⁶⁾ Болгарски народни пѣсни и пословици, кн. 1, Пестъ, 1842.

²⁷⁾ Болгарски народни пѣсни, собраніи одъ братья Миладиновци, Дмитрія и Константина, Загребъ, 1861.

Въ дополнение къ списку этихъ трудовъ, назовемъ еще полезную книгу Г. С. Раковского²⁹⁾, гдѣ кромѣ программы изслѣдованія народнаго быта, языка, обычаевъ и проч., находится и выполненіе этой этнографической задачи, — географическіи и статистическіи свѣдѣнія о народѣ, его занятіяхъ, земледѣліи и промышленности, нравахъ и обычаяхъ, преданіяхъ и народной поэзіи.

Матеріалъ, заключающійся въ названныхъ нами изданіяхъ, еще не имѣлъ почти никакой ученой разработки, кромѣ упомянутого изслѣдованія г. Безсонова. Болгарская народная поэзія и въ особенности болгарскій эпосъ, были настоящимъ открытіемъ — такъ мало знали о нихъ до послѣдняго времени даже люди, интересовавшіеся дѣломъ. Теперь содержаніе болгарской поэзіи извѣстно еще далеко не вполнѣ, но общій характеръ ея уже опредѣляется изданными памятниками. Вообще говоря, она представляетъ много общаго съ поэзіей сербской. Тотъ же основной складъ народнаго быта, сходство исторической судьбы, сближавшей оба народа въ одинаковыхъ обстоятельствахъ и потомъ подъ однимъ игомъ, тѣ же общія черты мѣстной природы отзываются и общими тонами ихъ народной поэзіи. Существенная разница заключается только въ степени національной энергіи, по которой Сербы стоятъ выше своихъ единоземниковъ. Племенное различіе обнаруживается и въ другихъ болѣе частныхъ подробностяхъ народной поэзіи, до сихъ поръ впрочемъ мало опредѣленныхъ. Болгарскія пѣсни достигаютъ иногда по своимъ мотивамъ замѣчательной древности, и исторія славянскаго обычая и древнаго быта еще найдетъ въ нихъ много любопытнаго матеріала. Существенное дѣленіе болгарскихъ пѣсней тоже, какъ и въ сербскихъ; это — пѣсни женскія, пѣсни личнаго чувства; пѣсни обрядныя; и пѣсни мужскія, эпосъ. Младинины дѣлятъ пѣсни на самовильскія (въ которыхъ дѣйствуютъ самовилы, соответствующія сербскимъ виламъ), церковныя (духовные стихи), юнацкія, овчарскія (пастушьи), жалобныя, смѣшныя, любовныя, свадебныя, Лазарскія и жатвенныя (сборн. Млад., VI.). Относительно болгарскаго эпоса, г. Безсоновъ принимаетъ три историческіе періода, параллельные съ періодами эпоса сербскаго. Въ этомъ послѣднемъ онъ отмѣчаетъ три главныя эпохи: первую, которая обнимаетъ древнѣйшій періодъ самостоятельнаго сербскаго царства и заканчивается косовскою битвою; вторую, изображающую героевъ, пережившихъ эту битву или являющихся въ сторонѣ отъ нея и послѣ нея; третью, заключающую время турецкаго владычества, періодъ гайдучества, лоходящій съ конца 15-го до 18-го столѣтія. Болгарскій эпосъ можетъ быть понятъ вообще только сравнительно съ сербскимъ. Эти два народа были такъ давно сосѣдями, такъ часто сталкивались другъ съ другомъ въ мирѣ и враждѣ, жили въ такихъ сходныхъ отношеніяхъ внутреннихъ и вѣншихъ, что ихъ поэзія очень естественно можетъ представлять много то-

²⁹⁾ „Показалець или Рѣководство“ и пр., какъ должно изслѣдовать древнія черты болгарской исторіи, языка и пр. кн. I, Одесса, 1859.

честь соприкосновения. Но болгарскій эпосъ сохранился несравненно меньше и слабѣе, потому что вообще болгарскій характеръ обнаруживаетъ меньше энергій и стойкости, или потому, что ему пришлось вынести болѣе суровыя историческія испытанія. Въ границахъ первыхъ двухъ періодовъ, сходство болгарскаго эпоса съ сербскимъ ограничивается только самыми общими чертами, нѣсколькими преданіями и эпическими приемами. Сербскій эпосъ этого времени нерѣдко касается болгарскихъ событій и героевъ, но болгарскій эпосъ самъ вообще не знаетъ этихъ двухъ періодовъ: онъ потерялъ уже преданія этого періода, и если въ немъ есть еще отрывочныя воспоминанія мнелоогического эпоса, то періодъ независимаго болгарскаго царства въ немъ, кажется, совершенно забытъ. Самыя старыя пѣсни вспоминаютъ только о краѣ Шинманѣ (сборн. Миладиновыхъ, стр. 73 слѣд.), затѣмъ всѣ его герои позднѣйшіе: самые извѣстные изъ нихъ — Марко Краевичъ, знаменитый по сербскимъ пѣснямъ, и гайдукъ Стоянь. Гайдуки — обыкновенные герои позднѣйшаго сербскаго эпоса: Сербы живутъ подъ турецкимъ владычествомъ, древняя сила исчезла, старыя рѣды упали, и противъ Турокъ возстаютъ только отдѣльные удалцы, — гайдуки, — люди, дѣйствующіе въѣ народа, убѣгающіе шайками и порознь въ горы и ущелья и ведущіе непримиримую вражду противъ Турокъ. Болгарскій эпосъ, главнымъ образомъ, знаетъ уже только этихъ гайдуковъ, и если помнить еще преданія о старыхъ герояхъ, то представляетъ ихъ себѣ уже въ этой позднѣйшей одеждѣ гайдучества. Такимъ образомъ, болгарскій эпосъ слилъ всѣ періоды своего прежняго развитія въ одинъ, и герои его всѣ почти гайдуки, дѣйствующіе уже противъ Турокъ. Изъ числа ихъ можно отдѣлить нѣсколькихъ героевъ, очевидно, болѣе древнихъ (какъ Марко Краевичъ), соответствующихъ второму сербскому періоду, но затѣмъ большая часть принадлежитъ несомнѣнно 17-му и 18-му столѣтію или даже позднеѣе. Вообще, «не зная сербскаго эпоса, мы не поймемъ болгарскаго», — замѣчаетъ г. Безсоновъ, — «ибо въ первомъ только мы встрѣчаемъ древнѣйшіе эпические мотивы, въ первомъ только встрѣчаемъ мы въ ясномъ свѣтѣ тѣхъ героевъ, о которыхъ у Болгаръ сохранилось большею частію только смутное и большею частію уже искаженное воспоминаніе. А потому сербскимъ эпосомъ мы постоянно должны пополнить болгарскій; ознакомившись хорошо съ лицами и событіями у Сербовъ, должны потомъ отыскивать разбросанныя черты у Болгаръ, древнихъ героевъ узнавать въ гайдукахъ, обширность древнихъ владѣній встрѣчать какъ одно воспоминаніе въ кругѣ уже узкихъ возрѣній». Это единство лицъ и событій прекращается въ третьемъ періодѣ, гдѣ болгарскій эпосъ имѣетъ общаго съ сербскимъ только два-три имени. Но взаимно этого, характеръ гайдучества совершенно одинаковъ и въ Сербіи, и въ Болгаріи. Не смотря на то, что гайдучество и тамъ, и здѣсь развилось совершенно независимо и самостоятельно, оно въ обѣихъ странахъ очень сходно, потому что вызвано было одинаковыми отношеніями славянскаго народонаселенія къ турецкому владычеству.

Но если, относительно содержания, болгарский эпосъ много уступаетъ сербскому въ давности и полнотѣ историческихъ предѣлъ эпоса, то онъ нисколько не уступаетъ ему относительно эпическихъ воззрѣній, повѣстическихъ приемовъ, формы и языка. «Въ этомъ отношеніи» — говоритъ г. Безсоновъ — «сербскій и болгарскій эпосъ находятся между собою въ связи ближайшей, другъ друга пополняютъ, другъ друга разнообразятъ, одинъ другому не уступаютъ. Не уступаетъ болгарскій эпосъ сербскому и относительно красоты, какъ гармоническаго выраженія всѣхъ особенностей эпоса. Такъ въ сербскомъ эпосѣ позднѣйшихъ гайдуковъ мы часто видимъ ослабленіе силы и красоты изображеній, сравнительно съ пѣснями о древнѣйшихъ періодахъ... между тѣмъ въ болгарской гайдуцкой пѣсни встречаемъ цѣлкомъ такія мѣста, какія могутъ сравниться только съ лучшими мѣстами изъ двухъ древнѣйшихъ сербскихъ періодовъ. Но только относительно понятія эпической красоты нужно условиться... Тотъ очень ошибется, кто въ болгарскомъ эпосѣ будетъ искать плодовитости, обилія, вѣжности, граціи, мягкости, свойствъ чисто-сербскихъ: въ замѣнъ всего этого, онъ найдетъ у Болгаръ простоту, восходящую до суровости, глубину, силу и большую краткость. Нужно признаться, что въ этой суровости болгарскаго эпоса слышится намъ иногда отголосокъ періода древнѣйшаго, чѣмъ многія мѣста эпоса сербскаго, и мы не прочь иногда вспомнить здѣсь отношеніе Илиады и Одиссея. Очень естественно: болгарскій эпосъ не прошелъ такого богатаго развитія во времени, не получилъ тонкаго изящества, но за то по временамъ выигрываетъ сохраненіемъ запаса первобытности. Для примѣра сравните только сербскія и болгарскія описанія домашняго быта, одежды, пищи и петья».... (Безсоновъ, Болгарскія пѣсни, стр. 101 — 103).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СЕРБЫ.

Переходимъ къ сербскому племени ⁴⁾. Въ обширномъ смыслѣ это имя, какъ было уже замѣчено, обнимаетъ цѣлое славянское племя, которое стали называть въ послѣднее время «иллирійскимъ» и «южно-славянскимъ», т. е. обнимаетъ кромѣ собственныхъ Сербовъ, также Далматинцевъ разныхъ названій, Хорватовъ, Славонцевъ, Хорутанъ. Въ слѣдующемъ теперь историческомъ изложеніи мы будемъ говорить прежде всего о собственно-сербскомъ племени.

Мы не будемъ входить въ подробности темной исторіи его прихода изъ сѣверной Бѣлой Хорватіи и первоначальныхъ поселеній на Иллирійскомъ полуостровѣ; достаточно сказать, что оно раскинулось здѣсь на

⁴⁾ Сочиненія по географіи и исторіи: Ami Boué, C. Robert, Ранчъ. Шафарикъ (Древн. и Этногр.) см. выше;—Heinr. Berghaus, Physikal. Atlas, 8-е отд. № 10 — этногр. карта Австр. имперіи, № 19 — этнограф. карта Европейской Турціи, составленная Ами-Буэ;—Лежана, этнограф. карта Европ. Турціи, съ объясненіями, въ Этногр. Сборн. Геогр. Общ., выи. VI, Спб. 1864;—Гильфе рдингъ, Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, Спб. 1859;—Юкячъ, Zemljopis i poviestnica Bosnie, Zagreb (Агражъ) 1851;—Іов. Гавриловичъ, Рѣзникъ географійско-статистическій Сербіи, Бѣлградъ 1846;—(Матія Мажураничъ), Pogled u Bosnu ili kratak put u onu krajinu. ucinjen (1839—40) po jednom domorodcu. Загр. 1842;—Jihoslavané, obraz historicko-statistický (изъ „Научн. слов.“ Ригера) Прага 1864;—Ранчъ, Краткая исторія Сербіи, Вѣна 1798;—Рејасевичъ, Historia Serviae, Coloc. 1799;—Энгель, Geschichte von Servien und Bosnien, Halle 1801;—Max. Schimek, Politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama (съ 867 до 1741). Вѣна 1787;—Давидовичъ, Дѣянія къ исторіи Серб. народа, Вѣна 1821;—Видаковичъ, Исторія Славено-Серб. народа, 4 ч., Бѣлгр. 1833—35;—Момировичъ, Краткая исторія и географія Сербіи, Спб. 1839;—Милутиновичъ, Исторія Сербіи одъ 1818 до конца 1815 г. Лейпц. 1837;—А. Майковъ, Исторія Сербскаго языка по памяткамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа, М. 1857;—В. Григоровичъ, О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV стол. Казань 1859;—Палацкій, Сравненіе законовъ цари Стефана Душана съ древнѣйшими земскимъ порядкомъ у Чеховъ, въ Casopis Českého Mus. 1837, I, и русскій перев. въ „Чтеніяхъ“ 1846;—Янко Шафарикъ, матеріалы для сербской исторіи изъ Венеціанскихъ архивовъ, въ „Гласникъ“ серб. Общества 1859—62, и отдѣльная книга;—Гласникъ Дружтва Сербске словесности, 16 кн., 1847—1863, и

нѣсколько отдѣльныхъ земель, совершенно однородныхъ по языку, но представлявшихъ независимыя общины и маленькія государства подъ властью бановъ, жупановъ, князей и т. д. Такими отдѣльными землями были, кромѣ собственной Сербіи, Босна, княжество Захлумское, Неретва, Копавлии, Травунія и Дукля (Дюклея, Зета) съ адриатическимъ Приморьемъ: собственная Сербія управлялась верховнымъ княземъ, или великимъ сербскимъ жупаномъ, который повидимому имѣлъ очень слабое или никакого вліянія на другія земли и находился вѣстѣ съ ними въ зависимости отъ византійскаго императора. Впослѣдствіи, когда болгарскій царь Симеонъ (924) страшно опустошилъ Сербію, больше всѣхъ усилился великій дюклейскій жупанъ, даже присвоившій себѣ названіе короля. Христіанство проникло къ Сербамъ въ первый разъ въ половинѣ 7-го вѣка, когда императоръ Гераклій убѣдилъ ихъ принять крещеніе отъ римскаго духовенства; но это раннее христіанство не имѣло успѣха между прочимъ вѣроятно потому, что передавалось не на народномъ языкѣ. Большинство упрямо держалось язычества. Второе крещеніе, совершенное духовными, посланными императоромъ Василіемъ, произошло кажется при сербскомъ князѣ Мунтимирѣ, около 867 г. Исторія этого времени очень темна и запутанна: Сербы то находятся въ подчиненіи Грекамъ, то освобождаются отъ нихъ, воюють съ Болгарами, ведутъ междоусобныя распри дома и съ сосѣдними, сербскими же землями. Въ 924 году Сербія падаетъ жертвой упорной войны Грековъ и Болгаръ, которые оспаривали другъ у друга обладаніе Фракійскимъ полуостровомъ; Сербы, не успѣвшіе бѣжать въ Хорватію, были отведены въ болгарскую землю. Черезъ нѣсколько лѣтъ, остатки Сербовъ основываютъ, съ помощью Грековъ, новое княжество, которое опять подчиняется византійскому императору и движется въ той же

др. сербскіе журналы;—Fr. Miklosich, Monumenta Serbica, Вѣна 1858;—L. Ranke, Die serbische Revolution. 2-е изд. Берлинъ 1844 (рус. перев. Баргенса, М.);—Die serbische Bewegung in Südbanien, Берлинъ 1851.

По языку и литературѣ: В. Караджичъ, Српски Рјечник (и грамматика) Вѣна 1818; 2-е изд. 1852;—Шафарикъ, Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der serb. Mundart, Pesth 1833;—Даничичъ, Српска грамматика, Вѣна 1851; Рјечник изъ книжныхъ старина српскихъ, 2 ч. Вѣлгр. 1863—64; Рѣчь за српски језик и правопис, Вѣна 1847;—Fröhlich, Gramm. der serb. Sprache, Wien 1850; Serb. Wörterbuch, Wien 1852—53;—П. Шафарикъ: Pamätky dřevního písemnictví Jihošlovanský, Прага 1851; о славянскихъ, именно кирилловскихъ типографіяхъ въ южнославянскихъ земляхъ въ 15—17 стол., въ Casop. Česk. Mus. 1841, I, переводъ въ „Чтеніяхъ“ 1845—46;—V. Křížek, Přehled veškeré literatury jihošlovanské (Casop. Česk. Mus. 1859, вып. I—IV);—Dr. J. Subbotić, Einige Grundzüge aus der Gesch. der serb. Literatur, 1850;—Ristić, Die neuere Literatur der Serben Berl. 1852;—В. Ламанскій, Сербія и южно-славянскія провинціи Австріи, Петербургъ 1864.

О Черногоріи: Montenegro und Montenegriner, Stuttg. 1837;—Е. Ковалевскій, Четыре мѣсяца въ Черногоріи, Спб. 1841;—А. Поповъ, Путешествіе въ Черногорію, Спб. 1847;—Мялутиневичъ, Исторія Црне Горе, Вѣлгр. 1835;—М. Медаковичъ, Повѣстница Црнегоре, Землянъ 1850;—Д. Милаковичъ, Исторія Црне Горе, Сара 1856;—А. Andrić, Gesch. des Fürstenthums Montenegro (до 1852), Вѣна 1853;—Kohl, Reise nach Istrien etc. und Montenegro, Дрезденъ 1851, 2 т.;—Wilkins, Dalmatia and Montenegro, Lond. 1848.

полеѣ войны съ Греками и Болгарами и междуусобій. Въ 1040 г. Стефанъ Бонславъ изгналъ императорскихъ намѣстниковъ, а сынъ и преемникъ его Михаилъ, жившій вѣроятно въ Дунай, даже объявилъ себя сербскимъ королемъ, получивши отъ папы Григорія VII и самые знаки царскаго достоинства. Около 1120 вошелъ на княжескій престолъ Бела Урошь, по извѣстіямъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ родоначальникъ дома Неманичей, правившаго потомъ Сербіей и впервые осмывавшаго ея цѣльное національное существованіе. Зависимость отъ Грековъ продолжалась, но ослабѣвала больше и больше. Въ послѣдній разъ преобладающее вліяніе Грековъ на внутреннія дѣла Сербіи выразилось въ возведеніи на великожупанскій престолъ внука Уроша, Стефана Немани, младшаго сына Тѣши или Тѣхемилъ (род. 1114, въ Рыбницѣ на Зетѣ), — этимъ былъ нарушенъ обычный родовый порядокъ, по которому у Сербовъ старшій братъ имѣлъ преимущество передъ младшимъ. Неманя сосредоточилъ власть въ своемъ родѣ, собралъ по возможности сербскія области и внесъ въ нихъ жизнь государственное начало. Получивши въ наслѣдіе отцовскую землю, онъ долженъ былъ бороться со старшими братьями, наконецъ одолевъ ихъ, сталъ великимъ жупаномъ Расы, освободилъ сербскія земли отъ Грековъ, и послѣ долгаго царствованія оставилъ престолъ и пошелъ въ монахи. Онъ строилъ много церквей, обновилъ знаменитый монастырь Хиландарскій («царская лавра») на Афонѣ и умеръ тамъ въ 1200 г. Съ него начинается болѣе достовѣрная и блестящая пора сербской исторіи. Въ культурномъ смыслѣ, Сербія еще далеко не вышла изъ своего патріархальнаго древне-народнаго быта: лѣтописцы называютъ его утвердителемъ православія и «потребителемъ ересей своего отечества» т. е. патареновъ, секты богемильскаго разряда. Биографъ его Дометіанъ указываетъ и на присутствіе язычества: Неманя, по словамъ его, «опровергъ бѣсовскіе храмы» — слѣдовательно, язычество было въ это время еще очень замѣтно. Преемникомъ его былъ сынъ его Стефанъ Первовѣщанный (до 1224 г.), при которомъ родовые споры опять были причиной внутреннихъ волненій; продолжались войны съ Болгарами, греческимъ императоромъ и Венграми. Вѣроятно для того, чтобы приобрести себѣ союзниковъ противъ Венгріи, онъ женился на внучкѣ венеціанскаго дома Дандоло и склонился на сторону западнаго духовенства: папа велѣлъ вѣчать его королемъ, — вмѣшательство, начавшееся уже давно и постоянно питавшее надежду папства стать твердой ногой въ области сербскихъ Славянъ. Другой сынъ Немани, Растко, еще при жизни отца сдѣлавшійся монахомъ подъ именемъ Саввы, недовольный связями Стефана съ папой, удалился на Афонъ: поставленный въ Никей архіепископомъ сербскимъ, Савва вернулся въ Сербію только тогда, когда Стефанъ, достигши своихъ цѣлей, отказался отъ римскаго католицизма, и Савва вѣчалъ его во второй разъ на царство. Этотъ Савва также игралъ роль въ сербскихъ событіяхъ: ему принадлежитъ между прочимъ основаніе сербскихъ епископствъ и устройство іе-

ррхін. Стефанъ оставилъ нѣсколько сыновей, которые правили одинъ на другимъ; изъ нихъ замѣчательнѣе особенно Стефанъ III или Урошъ Великій, умѣвшій сохранить цѣлость и спокойствіе Сербіи, и между прочимъ отразившій нашествіе Монголовъ, захватившихъ на своемъ пути часть сербской земли (1241). Сыновья Уроша, Драгутинъ и Милутинъ, также царствовали одинъ за другимъ. Милутинъ (1275—1321) былъ ловкій политикъ и своимъ войнами, въ которыхъ доходилъ до Аѳона, онъ значительно расширилъ границы сербской земли; для политическихъ цѣлей онъ считалъ позволительными всякія средства, въпримѣръ, нѣсколько разъ бросалъ своихъ женъ и женился вновь, когда бракъ представлялъ ему новые виды на приобрѣтенія: въ послѣдній разъ женился онъ на восьмилѣтней византійской принцессѣ. Этимъ хотѣлъ обязать его не тревожить греческой имперіи, но планы Милутина рассчитывали теперь во первыхъ на прекрасную равнину Македоніи, всегда привлекавшую сербскихъ краевъ, и наконецъ на самую греческую имперію. Онъ успѣлъ приобрѣсти расположеніе супруги греческаго императора, которая готовила ему византійскій престолъ, ловко отблъвался отъ другихъ претендентовъ, давалъ обѣщанія папѣ и изъявлялъ покорность римской церкви, что ме мѣшало ему потомъ обмануть папу, когда Милутинъ увидѣлъ его бессиленъ и т. д. Но онъ не успѣлъ достичь своей цѣли; онъ умеръ среди своихъ предприятий. За нимъ слѣдовалъ Стефанъ Дечанскій, — прозванный такъ потому, что построилъ въ Дечанахъ великолѣпную церковь и богато одарилъ ее драгоценностями и селами. При Стефанѣ повторились опять сцены семейной ненависти: Стефанъ, самъ враждовавшій съ отцомъ, напалъ врага и въ своемъ сынѣ, который, по возбужденіямъ бояръ, открыто возсталъ на него; краевъ, бѣжавшій изъ столицы, былъ настигнутъ и задушенъ боярами. Приключеніе чисто византійское. Этотъ сынъ былъ знаменитый въ сербской исторіи Стефанъ Душанъ (1336—1355). Сербія достигла при немъ вершины своего могущества: византійскіе писатели сравниваютъ его дикую, неудержимую силу то съ занявшимся пламенемъ, то съ рѣвой, выступившей изъ своихъ береговъ. Рѣва дѣйствительно выступила изъ береговъ: вромѣ своихъ собственныхъ областей, Сербія обнимала теперь Албанію, Этолію, Эпиръ, Фессалію и Македонію; непокорный банъ долженъ былъ уступить Душану Боснію; Рагуза торжественно принимала его и признавала своимъ цокровителемъ; царь болгарскій давно признавалъ его власть. Душанъ замышлялъ завоевать самую Византію (онъ принялъ уже титулъ ромейскаго кесаря и сталъ носить тиару), и навсегда остановить приливъ Турокъ, — онъ уже предвидѣлъ опасность отъ ихъ частыхъ переходовъ въ Европу, куда зазывали ихъ противъ своихъ враговъ византійскіе императоры. Душанъ самымъ блестящимъ образомъ осуществлялъ планы цѣлаго ряда сербскихъ краевъ, но смерть помѣшала ихъ завершенію. Въ сношеніяхъ съ папой Душанъ держался обыкновенной политики, изъявлялъ покорность папскому престолу, надѣясь отъ этого политическихъ вы-

годъ, но это не помѣшало ему быть благочестивымъ православнымъ, строить церкви и одарять монастыри, и въ оныхъ законахъ осуждать въ рудинии того, кто уклонится въ «латинскую ересь». Наконецъ, Душанъ знаменитъ въ сербской исторіи своимъ законодательствомъ («Законникъ»), и основаніемъ сербскаго патриаршества, которое нужно было ему для приобрѣтенія полной самостоятельности. Такимъ образомъ, Сербы вступали теперь въ эпоху сознательной государственной и общественной жизни, приобрѣли церковную независимость, развили внѣшнюю силу; они готовы были стать въ ряду народовъ европейской цивилизаціи. Но историческія обстоятельства не дали созрѣть этимъ мечтамъ: съ одной стороны явился страшный внѣшній врагъ въ лицѣ Турокъ, съ другой — внутренніи междоусобія. Душану удалось сдержать родовые споры и внѣсть унизить значеніе боярства, которое играло такую роль въ этихъ спорахъ; но теперь, боярство, лишенное прежняго сословнаго значенія, стало искать иного удовлетворенія своему честолюбію; оно стремилось возвыситься само на счетъ царской власти, и слабость преемника Стефана, Уроша, дала ему возможность думать и о приобрѣтеніи самой этой власти. Всего возмѣжнѣе было это для областныхъ правителей: одинъ изъ нихъ, Вукашинъ, убивши Уроша на охотѣ, сдѣлался полновластнымъ господиномъ Сербіи. Не смотря на всю энергію и ловкость Вукашина, областные правители по его собственному примѣру стали стремиться къ самостоятельности: частью земель его овладѣлъ Лазарь; въ Зетѣ, Македоніи и другихъ краяхъ явились также независимые воеводы. Подобный порядокъ вещей всего меньше могъ спастись отъ востунавшихъ Турокъ, которые теперь стали уже твердой ногой на Балканскомъ полуостровѣ. Вукашинъ воевалъ съ ними неудачно, Лазарь уже обязался ежегодной данью. Раздѣленіе Сербовъ не кончилось и теперь: когда Лазарь задумалъ возстать противъ Турокъ, султанъ Мурадъ предупредилъ его, и съ огромнымъ войскомъ вторгнулся въ Сербію. Лазарь встрѣтилъ его съ одними Сербами; произошла знаменитая Косовская битва (15-го іюня 1389), окончившая независимое существованіе и оставившая исторію Сербіи.

Правда, и послѣ этого продолжалась еще извѣстная независимость Сербіи: султанъ Баязетъ оставилъ Сербію за Стефаномъ, сыномъ Лазаря, но Стефанъ долженъ былъ дать ему клятву въ вѣрности: онъ сдерживалъ эту клятву и сражался за Турокъ, не предвидя, что это послужитъ только къ гибели его собственнаго народа. Сербія сохранила еще тѣнь независимости и по смерти Стефана, подъ властью энергическаго Юрія Бранковича. Господство Бранковичей продолжалось лѣтъ сорокъ: турецкія притязанія стѣсняли власть, угнетали народъ, и Бранковичи вынуждены были дѣлаться то вассалами Венгріи, то слугами султановъ. Событія этого времени мы передадимъ вкратцѣ словами Ранке.

«Вскорѣ началось истребленіе владыкъ народа, которые внѣсть съ княжескимъ семействомъ принуждены были искать спасенія въ принятіи ма-

гометанства. Завѣщаніе послѣдней княгини, бѣжавшей въ Римъ и при своей кончинѣ передавшей права свои римскому папѣ, который въ знакъ принятія ихъ коснулся поднесенныхъ ему меча и башмака, — это завѣщаніе основано на томъ, что дѣти княгини, сынъ и дочь, приняли исламъ и черезъ то лишились возможности наследовать ей. Знатнѣйшіе роды, угрожаемые опасностью потерять все и съ другой стороны соблазняемые надеждою сохранить свое общественное значеніе, послѣдовали примѣру княжескаго семейства. За то они получили право наследственнаго владѣнія въ своихъ замкахъ, и пока жили согласно, пользовались большимъ вліяніемъ въ областяхъ: иногда имъ дозволялось даже имѣть визиря изъ среды своей. Но тѣмъ самымъ они отдѣлились отъ народа, который твердо сохранялъ старую вѣру, и за то исключенъ былъ изъ государства, лишенъ права носить оружіе и сдѣлался райею, какъ и всѣ христіане оттоманской Порты.

«Участь Герцеговины была нѣсколько легче; тамошніе христіанскіе князья, во главѣ воинственнаго народонаселенія, еще сохраняли нѣкоторый видъ самостоятельности: Порта своими бератами иногда признавала независимыя права ихъ, и паши должны были щадить ихъ.

«Но въ собственной Сербіи, по Моравѣ, Колубарѣ и Дунаю, турецкая система господствовала во всей своей силѣ. Султаново войско почти ежегодно ходило черезъ эти земли къ венгерскимъ границамъ, и не оставляло ихъ въ покоѣ. Крестьяне изъ окрестностей Бѣлграда отправлялись въ Константинополь косить сѣно на лугахъ султанскихъ. Страна подѣлена между спахіями, и жители обязаны были отправлять имъ всякаго рода службу. Они не смѣли носить оружія: при началѣ возстанія все вооруженіе ихъ состояло въ длинныхъ дубинахъ. Они не могли обзавестись лошадьми, которыхъ отнимали у нихъ Турки. Одинъ путешественникъ 16-го вѣка описываетъ ихъ нищими, узниками, изъ которыхъ ни одинъ не осмѣливается глядѣть прямо. Каждые пять лѣтъ производился наборъ мальчиковъ: цвѣтъ и надежда народа, они уводимы были въ Константинополь для непосредственной службы султану, изъ нихъ вырастали ревностные губители христіанства»²⁾).

Турецкое господство начало между тѣмъ уже серьезно беспокоить Европу. Борьба расширилась, Юрій Бранковичъ примкнулъ къ Венгріи и Польшѣ, но и это не помогло: подвиги Яна Гуниада не спасли Сербію и пораженіе Венгровъ и Поляковъ при Варѣ повлекло за собой господство турецкаго яга, до сихъ поръ тяготящаго надъ балканскими Славянами. Сербамъ предлагали защиту подъ условіемъ католицизма, но ни Юрій Бранковичъ, ни сербскій народъ не принимали этого условія. Да и оно было бы бесполезно... Послѣ окончательнаго покоренія, Сербія еще удерживала своихъ деспотовъ, изъ которыхъ послѣднимъ былъ другой Юрій

²⁾ Равке, Исторія Сербіи, М. 1857, стр. 25—26.

Бранковичъ. Страна находилась въ бѣдственномъ положеніи, становилась сценой войнъ, земли переходили изъ рукъ въ руки, и Сербы нѣсколько разъ переселялись изъ турецкихъ областей въ Сремъ, Банатъ и въ Венгрію; въ 1690 г. перешелъ за Дунай въ Австрію патриархъ Арсеній Черновицъ и съ нимъ тридцать семь тысячъ сербскихъ семействъ, которымъ даны были земли и обѣщана религіозная независимость. Турки конечно не хотѣли допустить вліянія Арсенія въ своихъ земляхъ, и для Сербіи поставленъ былъ новый патриархъ; но религіозно-народныя возстанія продолжались и Турція отняла наконецъ у Сербовъ право выбирать собственнаго патриарха и подчинила ихъ патриаршеству константинопольскому, въ вѣрности котораго не сомнѣвалась. Виѣсть съ независимостью церкви, народъ потерялъ послѣднее общественное значеніе и послѣднюю возможность образованія... Тяжесть ига произвела то, что множество народа приняло исламизмъ. Отуреченіе началось особенно въ Босніи, съ бояръ, которые посредствомъ отступничества жаждали пріобрѣсти и въ новыхъ условіяхъ богатство и значеніе. За ними слѣдовали и другія сословія...

Другія земли имѣли ту же участь: Босна и Герцеговина подъ конецъ терпѣли тоже самое угнетеніе. Босанская исторія, мы видѣли, очень часто совпадаетъ съ сербскою. Босна имѣла также своихъ независимыхъ бановъ, впоследствии имѣла даже своихъ королей, но также не могла составить цѣльнаго и прочнаго государства: въ религіозномъ отношеніи она подвергалась вліянію Рима или колебалась между православіемъ и патаренскою ересью, въ политическомъ подчинялась вліянію то Византіи, то Сербіи, то Венгріи. Во внутреннихъ ея отношеніяхъ господствуетъ тоже явленіе, которое мы замѣчали въ Сербіи — усиліе боярства, которое повлекло за собой раздѣленіе областей, ослабленіе политической силы и наконецъ подчиненіе турецкому игу. Когда началось отуреченіе, оно всего сильнѣе дѣйствовало въ Босніи, гдѣ постоянная встрѣча православія съ католицизмомъ и патаренскою ересью дѣлала болѣе возможнымъ намѣненіе религіи ³⁾.

Южная часть Сербіи, Зета, или Дуэля (Діоклея), изъ которой вышелъ родъ Неманичей, также недолго осталась свободной; приближеніе Турокъ

³⁾ „Босніи, — говоритъ одинъ современный наблюдатель, — находятся въ особенныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Въ собственной Сербіи феодальныя владѣтели (въ старое время), равнявшіеся очень поздно и только изъ подражанія западу, были вовлечены въ несчастія своей родины и погибли или выжили на стѣнѣ райевъ, какъ и остальной народъ... Въ Босніи, напротивъ того, высшее сословіе приняло исламизмъ, чтобы сохранить свои лены, и составляетъ до сихъ поръ элементъ самый отсталой и наиболѣе феодальной во всей Турціи; и дѣйствительно, Боснія не переставала протестовать съ оружіемъ въ рукахъ противъ реформъ Махмуда II и Абдуль-Меджида. Эта аристократія, слишкомъ тягостная для своихъ вассаловъ, мусульманская, но вовсе не турецкая; она сохраняетъ свои обычаи, свой языкъ, фамиліальныя прованіи, и путешественникъ, знающій одинъ турецкій языкъ, впадаль бы въ безпрестанныя ошибки, пробѣжалъ Боснію. Съ другой стороны райи, подавленные податями и налогами, берутся часто за оружіе во имя своей вѣры и гатти-гумаюна, и внутренняя борьба уменьшаетъ непрерывно населеніе Босніи, (турецкой) Кроаціи и особенно Герцеговины, гдѣ христіане въ болѣе чемъ числѣ и силѣ, вслѣдствіе сосѣдства съ Черногоріей“ (Лежанъ, въ Этвогр. Сборн. стр. 30—31).

заставило ее жителей уйти в горы, — это было основание знаменитой Черногории, единственного сербского края, уцѣлѣвшаго тогда отъ общаго крушенія...

Такъ закончился старый періодъ сербской исторіи окончательнымъ упадкомъ націи. Но можно думать, что катастрофа турецкаго нашествія не была единственною причиною этого явленія; до известной степени оно объясняется и тѣмъ внутреннимъ состояніемъ, въ которомъ находилась Сербія въ послѣднее время своего свободнаго существованія. Именно, въ этомъ упадкѣ имѣло свою большую долю вліяніе Византіи. Мы имѣли уже случай замѣтить, какъ оно сказывалось въ политическихъ понятіяхъ Сербовъ и въ жизни владѣльческихъ домовъ, куда проникли всѣ подробности византійской придворной интриги и предательства, прикрытыхъ маской благочестія; проникли качества византійскаго деспотизма, — крупнаго, стремившагося къ созданію обширнаго государства и ради того считавшаго позволительными всѣ средства, и мелкаго, мечтавшаго объ областной феодальной независимости. Общее дѣйствіе этихъ отношеній въ 14—15 столѣтіяхъ довольно наглядно объясняетъ г. Григоровичъ:

«Славяне основывали свою самостоятельность на непреодолимой, хотя и не ясно сознаваемой, потребности охранить свою народность; Византія — на политикѣ, вытекающей изъ отвлеченной теоріи о римскомъ владычествѣ; феодализмъ торжествовалъ тамъ, гдѣ нарушалась связь народнаго общенія.

«Славяне, выдержавъ неоднократно удары явныхъ враговъ, въ стремленіи создать самодержавныя государства опирались на собственное могущество, были только крѣпки народнымъ единствомъ, сильны духовною самостоятельностью. Но своеобразная, юная силами жизнь Славянъ, едва успѣвавшихъ ограждать государственную цѣлость отъ явныхъ враговъ, заранѣе поражаема была примѣсью чуждыхъ началъ, пагубно дѣйствовавшихъ въ грозную минуту вторженія Османовъ.

«Византія, съ завистью смотря, среди собственныхъ раздоровъ, на усиленіе Славянъ, достигала своего преобладанія, дѣйствуя на нихъ своею политикою. Вѣрная темнымъ преданіямъ о Римской имперіи и созная свое безсиліе, она нуждалась въ гибели другихъ для собственнаго существованія. Недоступная кореннымъ преобразованіямъ, коснѣя въ самлюбивой мечтѣ о своемъ превосходствѣ, она не дорожила просвѣщеніемъ единовѣрныхъ народовъ, но своимъ вліяніемъ вносила разладъ въ гражданскую ихъ жизнь, чтобы легче распоряжаться ихъ довѣріемъ или возвышаться надъ поражаемыми ею крамолами. Политика ея, не воодушевляясь мужественнымъ самоотверженіемъ, искала только жертвъ и жертвами ея были народности. Потерявъ внутреннюю связь въ государственной жизни, Византія прилагала тѣже начала внѣшней политики и въ собственной администраціи. Обезсилить коренной греческій народъ, она отвлеченному понятію о Римляниинѣ придавала значеніе преимущества, служившаго къ разобщенію, не къ соединенію ея обитателей. Питая тщеславіе своихъ граж-

данъ, сохранившихъ античныя прикрасы отъ міра, давно ими отверженнаго, она не внушала имъ также гражданскихъ добродѣтелей. Византійцы не жили общою жизнью, не волновались общимъ чувствомъ, но, образуясь какъ софисты, копировали съ древнихъ участие къ гражданскимъ доблестямъ, а въ сущности исполнены были отвѣченной премудрости, доведившей до оболстительной способности скрывать корыстолюбивыя виды подъ личиною заботливости объ общемъ благѣ. Среди опасностей, угрожавшихъ цѣлости отечества, Византійцы не разъ измѣняли его пользанъ, вѣрняя чужимъ защиту его и забывая, что сила государства лежитъ въ сочувствіи собственнаго народа. Отрицаніе, слѣдственно, народности и усиленіе эгоизма—это главные черты Византіи въ эпоху водворенія Османовъ. Съ этой точки зрѣнія можно пояснить предательскую уступку коренныхъ областей чужеземникамъ и легкомысленное довѣріе къ Османамъ. Съ равнодушіемъ къ участи коренныхъ обитателей, естественно, долженъ былъ усиливаться духъ частнаго корыстолюбія, жертвовавшій безъ разбора для личныхъ выгодъ интересами государства. Византіецъ, часто сомнительнаго происхожденія, присвоивая себѣ имя Римлянина для тщеславныхъ видовъ, умышленно допускалъ самый разнообразный сбродъ народовъ, разногласіе которыхъ давало возможность господствовать. Немудрено, слѣдственно, что государство имѣло самое отвѣченное основаніе и лишено было жизненныхъ началъ.

«Рядомъ съ такимъ направленіемъ Византіи развился феодализмъ въ ея же областяхъ, въ Пелопоннѣзѣ, Эладѣ, и черезъ Фессалію и Фпиръ достигъ славянскихъ земель. Наслѣдіе господства фрайковъ въ 13-мъ столѣтіи, феодализмъ въ 14 и 15-мъ столѣтіяхъ сдѣлался явнымъ союзникомъ Византіи. Не бывъ въ состояніи основать самодержавія на народномъ единствѣ, Византія мало по малу сживалась съ нимъ. Да, казалось, Феодализмъ отвѣчалъ видамъ византійской политики, легко постигшей, что въ дробности, разобщеніи мелкихъ владѣній легче, пользуясь взаимными раздорами, то враждовать съ ними, то снискивать ихъ содѣйствіе. Византія глубоко сознавала, что феодализмъ, способствуя отчужденію сильныхъ властелиновъ, увеличивая безсиліе цѣлаго общества, и что личное мужество феодаловъ не всегда противилось примѣнамъ корысти.

«Препятствуя возниканію ослоній, подымая свободное развитіе гражданства, феодализмъ тамъ, гдѣ народность отстаивала свое существованіе, дѣйствовала косвенно, но не менѣе гибельно. Его-то вліянію надо приписать возниканіе у южныхъ Славянъ самовольныхъ властелиновъ, людей, мощныхъ своимъ болрствомъ, утверждавшихъ свои притязанія на увѣреніи, что сила есть право и право есть сила. И эти притязанія особенно обнаружались въ Сербіи во второй половинѣ 14-го столѣтія.

«Поставленная между силою, расплавляющею народное общеніе, и силою, раздробляющею государственную цѣлость, между Византіею и феодализмомъ, Сербія не могла не поколебаться, испытывая то явное, то тайное ихъ дѣй-

ствіе. Вотъ почему мы замѣчаемъ, что Сербія, достигнувъ въ 14-мъ столѣтіи значительнаго могущества, съ прекращеніемъ династїи Неманичей, была, не смотря на народное единство, терзаема распрями соперниковъ — властелиновъ, посягавшихъ на раздробленіе отечества.

«Среди этихъ распрей Сербія вызвана была на роковую борьбу съ Османами *)...»

Она не выдержала этой борьбы и начало турецкаго ига оканчивается историческій періодъ древней независимой Сербїи.

1. СОБСТВЕННАЯ СЕРБИЯ ВЪ ДРЕВНЕМЪ ПЕРІОДѢ.

Переходимъ къ литературѣ. Мы уже говорили прежде, что старо-славянская литература, вышедшая изъ Болгарїи, была общимъ достояніемъ Славянъ православной церкви. Священное писаніе и церковныя книги переходили къ нимъ готовыми, какъ только у нихъ утверждалось православное христіанство. Такъ они были приняты Русскими, еще легче они могли получить свое значеніе у Сербовъ. Первоначальная близость этихъ языковъ другъ къ другу чрезвычайно облегчала это принятіе чужихъ книгъ: грамотные скоро осваивались съ ними, и языкъ ихъ, все-таки нѣсколько отличный отъ народнаго, приобрѣталъ характеръ языка священнаго, и такъ какъ литературная дѣятельность обращалась въ тѣ времена почти исключительно къ содержанію богословскому или наставительному вообще, то очень естественно, что языкъ церковныхъ книгъ становился и вообще литературнымъ языкомъ. Это явленіе происходило и на Руси, гдѣ писатели повторяли старо-славянскія формы, и у Сербовъ, гдѣ они слѣдовали тому же правилу. Но, стараясь писать на старо-славянскомъ языкѣ, писатели не могли однако удержаться отъ употребленія формъ народныхъ, такъ что языкъ ихъ выдаетъ національность автора; переписчики старо-славянскихъ книгъ точно также не могли не поддаваться вліянію роднаго нарѣчія, которое припоминалось при каждой отличной формѣ подлинника, и переписанная рукопись опять выдавала національность писца. Такимъ путемъ являются сербскія редакціи перевода св. писанія, церковныхъ и поучительныхъ книгъ, составлявшихъ общую принадлежность старой православной письменности. Съ другой стороны, кромѣ этого церковнаго стиля языка мы встрѣчаемъ другой, болѣе народный стиль юридическихъ актовъ и грамотъ, которые, ближайшимъ образомъ относясь къ интересамъ дѣйствительной жизни, по необходимости должны были держаться ея обиходнаго языка. Эти грамоты, не представляя литературнаго интереса и весьма важныя въ историческомъ отношеніи, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ лучшій источникъ для изученія древне-сербскаго языка ⁵⁾; до сихъ поръ извѣстно

*) О Сербїи, въ ея отношенїи къ сосѣднимъ державамъ, стр. 8—11.

⁵⁾ Это изученіе сдѣлано А. Майковымъ, въ его „Исторїя сербскаго языка“ и пр. М. 1857. Тамъ же подробный указатель этихъ грамотъ и ихъ изданій. Словарь этихъ памятниковъ составилъ Давичичъ.

значительное количество грамотъ: *сербскигъ*, данныхъ краями, царями, деспотами и ихъ родичами; *босанскигъ*, данныхъ банами и королями; *герцеговинскигъ*, или хлумскихъ и травунскихъ; *турецкигъ*, писанныхъ по сербски; *зетскигъ*, къ которымъ принадлежать и грамоты Скандербега и черногорскія; *дубровницкигъ*, и *приморскигъ*. Древнѣйшія изъ нихъ — грамота босанскаго бана Кулина, 1189 г., и грамота великаго жупана Немани, 1199.

Мы видѣли, что Сербы довольно поздно выходятъ изъ первобытнаго патриархальнаго быта; только съ конца 12-го вѣка земля начинаетъ образовываться въ націю, когда болгарское царство уже успѣло пережить свою блестящую эпоху. Литературные памятники сербскаго происхожденія появляются также поздно. Когда христіанство стало господствующей религіей, первыя потребности ученія достаточно удовлетворились тѣмъ литературнымъ содержаніемъ, которое легко доставалось Сербамъ изъ Болгаріи: вѣроятно, такимъ образомъ объясняется недостатокъ собственной литературной дѣятельности.

Изъ тѣхъ памятниковъ древне-сербской письменности, какіе были изданы или описаны до сихъ поръ, можно видѣть, что сербская письменность дѣйствительно питалась болгарскимъ содержаніемъ: переводы множества памятниковъ церковнаго нравоученія, догматики и церковной легенды, переходили къ Сербамъ и въ самомъ началѣ доставили значительный запасъ христіанскаго нравоученія. Таковы, напр. сербскія редакціи болгарскаго *Шестоднева* 1263 г.; сербскій *Прологъ*, 13-го вѣка; Слова Іоанна *Златоуста*, *Патерикъ*, Богословіе *Дамаскина* — 14-го вѣка; Слова *Григорія Ботослова*, Лѣствица Іоанна *Климака* и т. д. 15-го вѣка, — не говоря о спискахъ евангелія, апостола, библейскихъ и богословскихъ книгъ (см. у Майкова, стр. 47, пр.). Нѣтъ сомнѣнія, что это литературное общеніе продолжалось постоянно не только въ первую эпоху христіанскаго образованія Сербіи, но и впослѣдствіи, до тѣхъ поръ, пока продолжалась литературная жизнь самой Болгаріи; въ этомъ убѣждаютъ сербско-болгарскія рукописи этого позднѣйшаго времени. Иногда подобные памятники могли быть и сербскаго происхожденія, могли быть напр. переводы прямо на сербско-болгарскій, т. е. на старо-славянскій языкъ, въ которомъ переводчикъ не могъ освободиться отъ собственныхъ сербизмовъ. Но вообще для произведеній этого рода, церковныхъ, догматическихъ и нравоучительныхъ, старо-славянскій языкъ требовался необходимо, и большее или меньшее присутствіе сербскихъ признаковъ показываетъ только большую или меньшую степень начитанности или «учености» переводчика или переписчика.

Это самое явленіе мы встрѣчаемъ и въ произведеніяхъ собственно сербскихъ. Если только шла въ нихъ рѣчь о предметахъ церковныхъ и нравоучительныхъ, старо-славянскій языкъ былъ обязателенъ. Понятно, что это требованіе не ограничивалось однимъ языкомъ; точно также, какъ бол-

гарская литература, устроиваясь по своимъ византійскимъ образцамъ, выработала себѣ, вмѣстѣ съ извѣстной формой литературныхъ приемовъ и языка, и извѣстный кругъ догматическо-христіанскаго содержанія, такъ и здѣсь вмѣстѣ съ старо-славянскимъ языкомъ господствовала и кругъ идей, которому онъ служилъ выраженіемъ. На собственныхъ произведеніяхъ сербскихъ писателей лежитъ тотъ же отпечатокъ византійства, какой мы уже замѣтили въ Болгаріи. Этотъ отпечатокъ могъ, безъ сомнѣнія, явиться у Сербовъ и прямо изъ византійскихъ источниковъ: знаніе греческаго языка не было конечно рѣдкостью при тѣсныхъ связяхъ съ Византіей; взглядъ на вещи переходилъ вмѣстѣ съ правами; какъ сербскій краль перенималъ привычки византійскихъ кесарей, такъ и сербскій риторъ копировалъ ритора византійскаго. Старо-славянскій языкъ, уже обработанный въ этомъ смыслѣ, давалъ писателю удобное орудіе, приспособленное къ извѣстнаго рода содержанію, и въ результатъ сербскій писатель — дидактическій, легендарный, догматическій — представляетъ намъ тотъ же общій типъ, который мы видимъ въ писателяхъ этого рода болгарскомъ и старинномъ русскомъ. Всѣ они исходятъ изъ одного литературнаго корня.

Древній періодъ сербской литературы представляетъ очень мало собственно сербскихъ произведеній, и такъ какъ большая часть ихъ относится къ указанному нами разряду — дидактической литературы византійскаго склада, — то намъ достаточно будетъ остановиться на нихъ только вкратцѣ. Эти произведенія, оригинальныя или переводныя, состоятъ изъ житій святыхъ, номоканоновъ и церковныхъ уставовъ, лѣтописей. Изъ писателей этого времени могутъ быть названы Стефанъ Первоувѣнчанный (+1228), сербскій краль, написавшій біографію или скорѣе «житіе» своего отца Стефана Неманъ, въ монашествѣ Симеона («Житіе и жизнь святаго и блаженнаго и прѣподобнаго отца нашего Симеона, прѣжде бывшаго наставника и учителя, господина же и самодръжца отъѣзствія си все срьбьскыне земле поморьскыне», рук. 13—14 в., изд. Шафарикомъ), которое повидному пользовалось извѣстностью, потому что имъ пользовался Деметіанъ, писатель сербскій 13-го вѣка, и безымянный сербскій лѣтописецъ, вставившій изъ него въкоторыя извѣстія. Св. Савва, братъ названнаго короля, сербскій архіепископъ (+1237), также написалъ житіе своего отца («О наследованіи святаго монастира сего [Студеницкаго] прѣподобнымъ отцемъ нашимъ и хиторомъ, господиномъ Симеономъ, и о житіи его, како бысть прѣдъ богомъ и чловѣкъ», рук. 1619, изд. у Шафарика). Оба житія, особенно послѣднее, представляютъ любопытныя памятники сербской культуры. Стефанъ, зять греческаго императора Алексѣя III, имѣлъ значительное по тому времени литературное образованіе, не только старо-славянское, но и греческое; въ мюнхенской бібліотекѣ есть его литургическіе вопросы къ архіепископу болгарскому Димитрію Хоматину (и отвѣты послѣдняго) на греческомъ языкѣ, — естественно, что знакомство съ Греками отразилось на его произведеніи извѣстной византійской манерой.

Биографія, писанная Саввой, быть можетъ, любопытнѣе, — она написана проше и живѣе. Кромя того Саввѣ принадлежитъ «Тиликъ» (уставъ), дамыи имъ Студеницкому монастырю, гдѣ онъ былъ игуменомъ, «служба» тому же св. Симеону и другія подобныя произведенія. Дальше: Дометіанъ, монахъ Хиландирскаго монастыря на Афонѣ, написалъ около 1263—64 г. еще обширное житіе св. Симеона Немани и св. Саввы (рук. 14-го вѣка); Даниилъ, архіепископъ (1325—1338), написалъ «Родословъ», заключающій въ себѣ исторію сербскихъ королей до Стефана Душана, и исторію современныхъ имъ архіепископовъ, — вмѣстѣ съ дополненіями продолжателей этотъ «Родословъ» идетъ съ 1224 до 1375 (подлинникъ въ Хиландарѣ), а въ новѣйшихъ спискахъ, все еще сохраняющихъ имя Даниила, доводится даже до конца 18-го вѣка⁶⁾. Къ сербскимъ памятникамъ относятъ по содержанию и житіе Стефана Дечанскаго, написанное Григоріемъ Цамблакомъ, извѣстнымъ бѣвскимъ митрополитомъ литовскаго княжества, бывшимъ прежде игуменомъ въ Дечанскомъ монастырѣ (+1419), — хотя Цамблакъ былъ родомъ изъ Болгаріи и языкъ житія скорѣе носитъ на себѣ болгарскіе, а не сербскіе признаки⁷⁾. Къ историческимъ памятникамъ принадлежатъ за тѣмъ: *Цароставникъ* или *Триадникъ*, неизвѣстнаго автора и времени, заключающій въ себѣ списокъ сербскимъ, греческимъ, болгарскимъ и русскимъ государямъ и событіямъ ихъ царствованій; *Литовникъ*, собранный изъ разныхъ лѣтописцевъ мною Г. Георгіемъ, при царѣ Лазарѣ; «Житіе» деспота Стефана Лазаревича и т. д.,⁸⁾ наконецъ цѣлый рядъ сербскихъ *лѣтописей*. Онѣ извѣстны по рукописямъ съ 15-го вѣка, напр. «Житіе и жителство краля и царя сербскихъ, комъ по комъ или колашо царствова» (до 1453 г.), «Исторія въ кратцѣ о сербскихъ царяхъ» (до 1503 г.), «Лѣтописьць господь сербскихъ» (Сеченицкій, до 1501), къ которому прибавлена и хронологія всемирныхъ событій съ сотворенія міра; наконецъ разныя другія лѣтописцы, состоящіе изъ простаго, голаго обозначенія годовъ и происшествій⁹⁾. Эти монастырскія лѣтописи, не лишены своего значенія для сербской исторіи, въ литературномъ смыслѣ не представляютъ ничего замѣчательнаго: въ ихъ сухомъ и короткомъ перечтѣ нѣтъ ни живаго разсказа, ни рельефнаго отраженія времени и личностей, что мы находимъ напр. въ русской лѣтописи. Сербскія лѣтописи кончаются большей частью съ 16-мъ вѣкомъ, въ некоторыхъ занесены календарнымъ образомъ и событія 17-го вѣка. Последнимъ представителемъ старой эпохи сербскаго лѣтописательства былъ Юрій Бранковичъ (+1715), послѣдній деспотъ, который написалъ «сербскую исторію», доведенную до времени Леопольда I¹⁰⁾.

⁶⁾ См. въ „Гласникъ“ вып. 6, 1854, стр. 25—87.

⁷⁾ Издано въ „Arkiv za pov. jugosl.“ Кукулевича, 4, стр. 1—29; см. также „Гласникъ“, кн. 11, 1859, стр. 85—93.

⁸⁾ Изданы у Шафарика въ „Pamâtk. drevn. pisem. Jihoslov“, и въ разныхъ сербскихъ изданіяхъ, напр. Гласникъ, 5 кн. стр. 17—112; кн. 11, стр. 144—156, — и др.

⁹⁾ Она до сихъ поръ остается неизданной; ей пользовался Рачъ и другіе серб

Въ концѣ 15-го столѣтія началось и сербское книгопечатаніе, конечно ограничивавшееся первоначально одними церковными книгами. Первыми дѣятелями православнаго книгопечатанія были здѣсь Юрій Черноевичъ (1493) и Божидаръ Вуковичъ. Церковныя книги выходили не только въ Сербіи, въ черногорскомъ Цетинѣ (1494), въ Гораздѣ (1529), въ монастыряхъ Руянскомъ (1537), Милшевскомъ (1544) и Меркшинскомъ (1562), Бѣлградѣ (1552), Скадрѣ (1563), но и въ чужихъ земляхъ, напр. въ Венеціи (1493), въ Терговищѣ (1512) и др.

Изъ памятниковъ много рода, которые стоятъ виѣ монашескаго авторства и которые можно было бы назвать народными по ихъ происхожденію, замѣчательнѣйшее и единственное явленіе представляетъ *Законникъ* Стефана Душана («Законъ благовѣрнаго царя Стефана» и пр. Ходошская рукопись 1390 г.). Онъ составленъ былъ въ 1349 г. на соборѣ, гдѣ присутствовалъ сербскій патріархъ «со всѣми архіереями и церковниками, малыми и великими» и царь Стефанъ «со всѣми властелями своего царства, малыми и великими». Это произведеніе національнаго собора, какъ множество другихъ памятниковъ средневѣковаго законодательства, не было плодомъ личной мысли одного законодателя; самое присутствіе властелей «малыхъ и великихъ» заставляетъ предполагать, что Законникъ только утвердилъ или слегка усовершенствовалъ то, что было уже готовымъ результатомъ самой жизни. Законникъ освящаетъ народный обычай и даетъ ему юридическую силу. Поэтому онъ чрезвычайно важенъ и любопытенъ для изученія той степени культурнаго развитія, которой достигла Сербія въ самую блестящую эпоху старой исторіи. Самая неполнота его законодательства показываетъ только, что въ народѣ жило еще много общественныхъ обычныхъ положеній, столько всѣмъ извѣстныхъ, что они не нуждались въ письменномъ утвержденіи. Тѣмъ не менѣе изъ него раскрывается ясно характеръ этой общественной жизни — отношенія духовенства, имѣвшаго свои права и служившаго царскому дѣлу; отношенія властелей, «великихъ и малыхъ», которымъ принадлежало управленіе; положеніе низшаго класса, закрѣпленнаго за землями, но имѣвшаго однако свои личныя права; обычай суда, охраненія общественной безопасности и т. д. Уголовное право еще отличается патріархальной жестокостью, можетъ быть поддержанной византійскими примѣрами; но законодательство уже сдѣлало шагъ впередъ, уничтожая самоуправство и право кровной мести. Съ другой стороны, въ немъ сказываются и гуманныя стремленія: таково, напр., поощреніе гостеприимства относительно торговцевъ и право убѣжища, которое давало прощеніе узникамъ, бѣжавшимъ на дворъ царскій или патріаршій... Во всякомъ случаѣ это законодательство представляло элементы для будущаго развитія¹⁰⁾.

скіе историкъ. Одна лѣтопись „Бранковича“, служившая ему источникомъ вмѣстѣ съ другими, — въ латинскомъ переводѣ Печевича, издана въ „Архивъ“ Кукулевича, 3, стр. 3—80.

¹⁰⁾ „Законникъ“ изданъ былъ нѣсколько разъ: у Рачича, Ист. 4, 242; — Магара-

До сихъ поръ, въ этомъ литературномъ содержаніи мы не видѣли еще поэтическихъ элементовъ, и историки сербской литературы до сихъ поръ обращали очень мало вниманія на ихъ отсутствіе, занимаясь исключительно указаннымъ разрядомъ памятниковъ. Между тѣмъ, полное отсутствіе этихъ поэтическихъ элементовъ было-бы странно въ народѣ, который все-таки представлялъ извѣстную историческую энергію, — хотя неудачно направленную и испорченную византіиствомъ. Оно особенно странно въ народѣ, который и черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ подавляющаго ига сохранилъ блестящія произведенія народнаго эпоса. Литература осталась чужда этой національной поэзіи на томъ же основаніи, на какомъ она не признавала этой поэзіи въ древней Руси: простонародное было слишкомъ низко для литературы, имѣвшей характеръ церковно-поучительный, притомъ въ этомъ простонародномъ скрывалось конечно много языческихъ подробностей, которыя прожили въ сербской пѣснѣ и до нашего времени. Можно предположить, что и въ Сербіи духовенство дѣйствовало также, какъ въ древней Руси и ревностно ратовало противъ бѣсовскихъ, т. е. языческихъ, народныхъ игръ и пѣсней: это видно уже изъ одного пристрастія къ старославянской литературной формѣ, которая сама по себѣ отрицала настоящую, полноправную народность. Если русская письменность успѣла все-таки дойти по возможности «Слова о Полку Игоревѣ», то у Сербовъ, какъ мы видѣли, не было такого литературнаго развитія, какое представляетъ древняя русская письменность, и древне-сербскій авторъ не дошелъ до народной поэзіи. Впервые народная пѣсня у православныхъ Сербовъ записывается кажется только въ 17-мъ столѣтіи...

Такимъ образомъ тѣ, кому принадлежалъ литературный трудъ, или не интересовались поэтическими созданіями народа, или считали ихъ всудобными для литературнаго памятника, отъ котораго требовалась поучительность. Но народъ конечно не отказался отъ старины и его поэтическая дѣятельность свободно развивалась въ своей особой области, безъ всякаго соприсношенія съ письмомъ. Мы увидимъ дальше, что даже современная сербская пѣсня сохранила слѣды этой дѣятельности въ воспоминаніи о временахъ стараго сербскаго царства...

Но кромѣ этой устной поэзіи, жившей въ народѣ, были и произведенія книжно-народныя того же разряда, какія мы видѣли въ древне-болгарской письменности, и которыя служили религиозно-поэтическимъ вкусомъ массы. Эти письменные памятники опять были или чисто болгарскаго, или смѣшаннаго сербско-болгарскаго происхожденія. Таковы были, во первыхъ, тѣ переводныя произведенія сказочной византійской литературы, какъ «Александрія», «Троянская исторія», «Девгеніево Дѣяніе», «Сказаніе о Сина-

шевича, „Серб. Лѣтоп.“; — Кухарскаго, Monum. juris slov. 92, и Шафарика, Раш. рѣшп. Лѣтоп. 29 — 50. Разборъ содержанія у Майкова, стр. 244 — 259. См. также упомянутую выше статью объ этомъ Законникѣ, Палацкаго, и „Гласникъ“, кн. 6—7.

грипъ» и т. д., которые, существуя иногда только въ русскихъ спискахъ, многими своими признаками указываютъ на южно-славянскій источникъ. Сербскіе списки *Александрии*, представляющіе особый, независимый отъ болгарскаго переводъ, не составляютъ большой рѣдкости; Шафарикъ упоминаетъ и сербскій списокъ *Стефанита и Искилата*, 14—15-го столѣтія ¹¹⁾; сербскія сказки до сихъ поръ пересказываютъ разныя мифическія подробности произведеній этого рода, напр. фантастическое летанье на грифахъ Александра Македонскаго или мудраго Акира, приписывая его Соломону ¹²⁾. Эпизоды преданій о *Соломонѣ и Китоврасѣ* также сохранились въ народныхъ сербскихъ пересказахъ, такъ что нужно предположить существованіе и этихъ памятниковъ въ сербскихъ редакціяхъ ¹³⁾. Съ другой стороны, обильную поэтическую пищу представляла также упоминаемая нами литература апокрифовъ, несомнѣнно древняя и несомнѣнно общая всему православному славянству стараго періода. Мы не будемъ повторять того, что сказано было нами о ея народномъ значеніи, — потому что и здѣсь условія для ея распространенія были тѣ же, какъ въ Болгаріи и на Руси: она имѣла и здѣсь ту же поэтическую завлекательность и тотъ же авторитетъ, противъ котораго напрасно боролась тогдашняя строгая ортодоксія, съ своей стороны также не свободная отъ легковѣрія. Намъ достаточно здѣсь сказать, что апокрифическія книги не рѣдко встрѣчаются въ сербскихъ редакціяхъ (трудно сказать, всегда-ли передѣланныхъ съ болгарскаго), при всей малознѣстности древнихъ сербскихъ памятниковъ въ настоящее время. Такимъ образомъ, существуютъ въ сербскихъ редакціяхъ изъ 15-го столѣтія слѣдующія апокрифическія сказанія: *Слово о честномъ крестѣ*, *Жожденіе Богородицы по мукамъ* («Обхожденіе мукамъ прѣчистіе Богородице»), *Инатіво мученіе*, *Написаніе Исусова ѣзереиство*, о *Двѣнадцати Пятницахъ* («Начало 12 петкомъ вѣлякимъ» и пр.), *Имена ангеловъ* («А се имена ангельска, иже обладаютъ и виногради и градинами»), *Живныя молитвы* (въ рукописяхъ 15-го в.), *Громникъ*, *Колѣдникъ* («Колѣдарникъ, твореніе Озреде пророка», т. е. Ездры) и проч. ¹⁴⁾. Въ сербскихъ рукописяхъ, до сихъ поръ мало собранныхъ и описанныхъ, должно заключаться много подобнаго матеріала, въ которомъ кромѣ чужаго были, безъ сомнѣнія, и собственно сербскія произведенія того же направленія. До сихъ поръ извѣстно уже значительное количество сербскихъ памятниковъ, которые указываютъ, что эта особая поэзія была весьма распространена въ грамотной народной массѣ. Заговоры, таинственный символизмъ и фантастическія предвѣщанія были популярны и связывались наконецъ съ извѣстными сербскими личностями. Такова напр. «Муд-

¹¹⁾ Wiener Jahrb. Bd. 53. Anz.-Bl. 29, № 79.

¹²⁾ См. Вукъ, Срп. Нар. Приповѣтке 1853, стр. 200 и «Очеркъ лит. исторіи ст. повѣстей и сказ. русскихъ», стр. 73.

¹³⁾ «Очеркъ», стр. 121—123. Вукъ, № 41—43, гдѣ Соломонъ смѣшанъ отчасти съ Александромъ Македонскимъ.

¹⁴⁾ См. Тихоновова, Памятники отеч. литературы, т. 1—2.

рость и пророчество св. Стефана Лазоревича в рукописи 17-го вѣка...¹⁵⁾. Вь Сербіи былъ безъ сомнѣнія распространенъ и другой разрядъ ложныхъ книгъ, именно ложныя книги богомиловъ. Говори о болгарскихъ произведеніяхъ попа Іереміи, мы упоминали древнія сербскія редакціи живыхъ молитвъ о нежитѣ,—это были именно тѣ произведенія, о которыхъ говорилъ старинный иудейскій. Существованіе богомильскихъ ложныхъ книгъ естественно предположить и потому, что эта ересь изъ Македоніи и Болгаріи перешла и въ области сербскаго народа, къ Сербію, Босну, Герцеговину и Далмацію. Биографы Стефана Немани уже называютъ его потребителемъ ересей, т. е. богомиловъ, которые носили въ Сербіи названіе патареновъ,—слѣдовательно, число ихъ было уже значительно, если преслѣдованіе ихъ могло считаться достопримѣчательнымъ подвигомъ правителя. Но въ особенности патаренская ересь распространилась въ Босніи: босанскій банъ Кулина (въ концѣ 12-го и началѣ 13-го вѣка), женатый, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, на сестрѣ Стефана Немани, извѣстной патаренкѣ, открыто покровительствовалъ патаренамъ;—послѣдователемъ ереси былъ даже епископъ Данилъ. Вмѣшательство и угрозы папы и короля венгерскаго заставили Кулина отречься отъ ереси, его отреченію послѣдовали и многіе изъ народа; но ересь не исчезла, и впоследствии она снова является сильнымъ общественнымъ началомъ и показываетъ свое политическое вліяніе: при Пияславѣ, пресмыкаѣ Кулина, она господствовала по прежнему и навлекла войну со стороны венгерскаго короля Бела IV. Она сохранялась во всей силѣ и въ 14-мъ столѣтіи: баны Стефанъ Котромановичъ и Твртко (впоследствии король босанскій) покровительствовали ей болѣе или менѣе открыто,—папы не упускали ее изъ виду и всегда ревностно старались о ея истребленіи, устраивали крестовыя походы, посылали своихъ миссіонеровъ. Но всѣ эти мѣры были напрасны: въ 15-мъ столѣтіи мы видимъ патареновъ въ тѣхъ же условіяхъ; король Твртко III по прежнему поддерживалъ ихъ и секта имѣла своихъ послѣдователей не только въ народѣ, но и въ высшихъ правителяхъ земель, деспотахъ и воеводахъ. Но смерти этого короля, сочувствіе патареновъ доставило престолъ его преемнику Стефану Томашу, который былъ также патареномъ: эта партія очевидно была очень сильна, если могла стать во главѣ государства. Но въ слѣдующее царствованіе, при Стефанѣ Томашевичѣ (убитъ 1463), взяла верхъ католическая партія, издавна интригованная въ Босніи въ пользу папскаго престола; патарены подверглись жестокому преслѣдованію, такъ что больше сорока тысячъ ихъ бѣжало въ Герцеговину, герцогъ которой отпалъ теперь отъ католицизма. Преслѣдованіе патареновъ отразилось на паденіи Босны: когда Турки явились въ Боснію, съ цѣлью окончательнаго ея завоеванія, города добровольно отдавались имъ, надѣясь больш-

¹⁵⁾ См. „Извѣстія“ т. 8, стр. 400 и ср. Шафарика, Slov. Narodopis, Прага. 1849, стр. 160.

шей терпимости отъ Турокъ, чѣмъ отъ римскихъ католиковъ. Къ сожалѣнію, Босняки ошиблись въ расчетахъ: покореніе Туркии стоило народу страшнаго истребленія, съ нимъ кончилось и историческое существованіе патаренской ереси (1463).

Мы останавливались на историческихъ судьбахъ этой ереси потому, что и здѣсь, въ Боснѣ она имѣла тоже самое культурное значеніе, какое имѣла она въ Болгаріи. Патарены и здѣсь были представителями народныхъ началъ и народной оппозиціи противъ церковной іерархіи, особенно католической, и противъ церковнаго ученія. Къ сожалѣнію, исторія сербскихъ патареновъ до сихъ поръ чрезвычайно мало разработана, и трудно сказать, какими подробностями отличалась ихъ общественная дѣятельность. Всего ярче выступаетъ однако главная черта—вражда къ римскому католицизму, который съ своей стороны употреблялъ все мѣры къ истребленію ереси, находя въ ней главную помѣху для своего полнаго господства. Также мало мы знаемъ и литературные памятники патаренскаго происхожденія, которые безъ сомнѣнія существовали.

Съ паденіемъ государства, Босню постигла таже участь, какъ и Сербію. Сдѣлавшись рабами Турокъ, которые распоряжались райями какъ полные хозяева и считали похвальнымъ всякое насиліе противъ невѣрныхъ, Сербы лишились всякой возможности развитія. Литература прерывается.... Появилось даже полное отреченіе отъ старыхъ преданій народности, отуреченіе. Живучая народная поэзія останавливается по преимуществу на эпохѣ борьбы съ Турками, которая была послѣднимъ подвигомъ свободнаго народа.

Грамотность ограничивается однимъ духовенствомъ, которое сберегаетъ и списываетъ то, что уцѣлѣло отъ древности; оно продолжаетъ спасывать, хотя уже давно существуютъ типографіи, и грамотность скрывается въ уединенныхъ монастыряхъ, большей частью защищенныхъ природою отъ нашествій и грабительствъ, и перестаетъ быть просвѣтительнымъ средствомъ для массы. вмѣстѣ съ тѣмъ литературный интересъ опять ограничивается чисто церковнымъ кругомъ и языкъ старо-славянскій, до самаго Досифея Обрадовича, дѣлается господствующимъ способомъ выраженія, державшимся долго даже и послѣ возрожденія сербской народности въ наше время. Свободныя отъ Турокъ сербскія земли не могли помочь этому упадку; они или сами находились въ трудномъ положеніи, какъ Сербы австрійскіе, или прекращаютъ сношенія съ Сербіей и Босной, потерявшими политическую самостоятельность.

2. ДУБРОВНИКЪ И ДАЛМАЦІЯ.

Прежде чѣмъ мы будемъ говорить о сербскомъ возрожденіи, начавшемся съ послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія, мы должны остановиться еще на другомъ сербскомъ краѣ — иллирскомъ или хорватскомъ (см. выше),

имѣвшемъ свою особенную и замѣчательную судьбу ¹⁾. Этотъ край—Дубровникъ (Рагуза) и Приморье, занятые Хорватами и Сербами въ нѣхъ принадлежитъ Иракійскій полуостровъ въ 7-мъ столѣтїи. Это—край съ тѣмъ же сербскимъ населеніемъ, но сильно измѣненнымъ итальянскими вліяніями, край католическій, съ иными историческими судьбами и блестящимъ литературнымъ развитіемъ.

Далмація дѣлилась въ славянскія времена на двѣ части: южную, представителемъ которой былъ Дубровникъ, и сѣверную, хорватскую, которая принадлежала Хорватамъ и носила ихъ имя со временъ прихода ихъ на иллирійскій полуостровъ. Вслѣдствіе этого, языкъ Далматинцевъ иногда просто назывался хорватскимъ, хотя собственно языкъ сѣверной Далмаціи былъ тотъ же общій сербскій языкъ, не отлчавшійся отъ языка восточныхъ Сербовъ и Дубровника. Собственно хорватское нарѣчіе, какъ мы видѣли, составляетъ особую отрасль сербскаго.

Дубровникъ возникъ изъ древняго Эпидавра, на другой сторонѣ залива, и нѣкогда наравнѣ со всей Далмаціей признавалъ власть Византіи, но въ

¹⁾ О „Хорватахъ“, въ обширномъ смыслѣ, см. по исторіи и этнографіи:—Шафарика, *Jihoslovani* (у Ригера), Рагва (см. выше);—Lucii, *De regno Dalmatiae et Croatiae*, Amst. 1666;—Engel: *Gesch. von Dalmatien und Kroatien*, Halle 1798; *Gesch. von Ragusa*, Wien 1807;—Micosci, *Otiar. Croatiae liber unus*, Budae 1806;—Catanesich, *In veterem Croatarum Patriam indagatio philol.* Zagreb. 1790;—Catalinich, *Storia della Dalmazia*, 4 v., Zara 1834—35;—Jv. Kukuljević-Sakcinski, *Arhiv za povjestaju jugoslavensku*, 5 книгъ, Zagreb 1851—59;—Joh. v. Csaplovics, *Slavonien und zum Theil Croatien*, 2 ч., Pesth 1819;—Abate Fortis, *Viaggio in Dalmazia*, 2 ч., Venezia 1774;—Giovanni Lourich, *Osservazioni sopra div. pezzi del viaggio... del signor Fortis*, Venezia 1776;—Kohl, *Reise nach Istrien, Dalmatien und Montenegro*, 2 Bde. Dresd. 1851;—Wilkinson, *Dalmatia and Montenegro*, Lond. 1848;—Švear, *Ogledalo Iliruma*, Zagreb, 1839—40, 3 ч.;—Seljan, *Zemljopis pokrajinah iliskich*, Zagreb. 1843;—Luka Jlic', *Narodni Slavonski obištaji*, Zagreb 1846;—Gins. Valentinelli, *Bibliografia della Dalmazia e del Montenegro*, Zagabria 1855;—J. Kukuljević: *Monumenta historica*, Zagreb. 1868. I; *Jura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae*, 6 v. Zagreb. 1862—63 (я знаю только извѣстія объ этихъ двухъ книгахъ).

По языку:—Apprendini, *Gram. della lingua illirica, Ragusa* 1808;—Kristianovich, *Gram. der Kroatischen Mundart*, Agram 1837;—A. T. Berlic, *Gram. der Illyrischen Sprache, wie solche im Munde und Schrift der Serben und Kroaten gebräuchlich ist*, Wien 1854;—Babukić, *Ilirska slovnica*, Zagreb. 1854;—Микали, *Thesaurus linguae illiricae in quo verba illirica italice et latina redduntur*. Laureti 1649; Anconae 1651;—J. Belloszteneccz, *Gazophylacium s. Latino-illyricor. onomatam aetatium*, Zagreb. 1740;—A. Jambressich, *Lex. Lat. interpretatione illyr. germ. et hung. locuples*, Zagreb, 1742;—P. A. Della Bella, *Dizionario Italiano, Latino, Ilirico*, Ven. 1728;—J. Voltiggi, *Ricislovnik illyricskoga, italianskoga i nimacskoga jezika*, u Beču 1803;—J. Stulli, *Lexicon Latino-Italico-Illyricum*, 3 ч. въ 6 томахъ, Опель и Рагуза 1801—1810.

По литературѣ:—Vaclav Křizek (см. выше);—Apprendini, *Notizie storico-critiche sulle antichità, storia e letteratura dei Ragusei*, 2 тома, Ragusa 1802;—Galleria di Ragusei illustri, Ragusa 1841;—A. Mažuranić, *Ilirska Citanka*, Bѣна 1856;—J. Kukuljević, *Stari pjesnici hrvatski XV—XVI vieka*, 2 рни, Zagreb 1856—1858; *Bibliografija Jugoslavenska*. I. *Bibliografija Hrvatska* (печатн. княги), Загребъ 1860;—П. Шафарикъ, *Geschichte der Südslawischen Literatur*, herausg. von J. Jireček. II. *Illyrisches und Kroatisches Schriftthum*. Prag, 1865;—*Geschichte des Illyrismus oder des Süd-Slawischen Antagonismus gegen die Magyaren*, Leipzig. 1848;—А—скій, *Путешествіе по южнымъ краямъ Австріи* (Русск. Слово, 1860 кн. 5—6, 1861 кн. 1);—А. Троицкій, *Замѣтки изъ путешествія по Далмаціи и Черногоріи* (Р. Вѣст. 1863, № 11—12).

9-мъ вѣкѣ вся Далмація освободилась отъ этого господства и вошла въ новыя отношенія. Въ концѣ 10-го вѣка Далмація была покорена Венеціанцами и испытывала вліяніе Венеціи, Хорватіи и Византіи; но Дубровникъ сохранилъ свою независимость и образовалъ богатую торговую общину, больше и больше развивавшую свои силы. Какъ городъ торговый, Дубровникъ рѣдко брался за оружіе, но обстоятельства впутывали его въ войны съ разными сосѣдями и претендентами: въ 9-мъ вѣкѣ онъ нѣсколько разъ отбивался отъ Сарацинъ; въ 10-мъ защищался отъ Венеціанцевъ, наречанскихъ разбойниковъ, болгарскаго царя Самуила, императора Оттопа; въ 11-мъ союзъ съ Робертомъ Гвискаротомъ вовлекъ его въ войну съ Византіей и Венеціанцами; въ 12-мъ онъ воевалъ съ баномъ Босніи и Стефаномъ Неманею. Дубровникъ умѣлъ выгодно выходить изъ этихъ войнъ и обезпечивать свою независимость и торговлю мирными договорами.

Такихъ договоровъ онъ много заключалъ съ сосѣдними сербскими и босанскими владѣльцами, съ которыми былъ въ постоянныхъ связяхъ по дѣламъ торговымъ, а иногда и военнымъ. и съ которыми держалъ себя самостоятельно и на равной ногѣ. Дубровникскіе купцы пользовались въ сербскихъ земляхъ почетомъ. Для сербскихъ владѣльцевъ и бояръ Дубровникъ служилъ и шѣстомъ убѣжища, въ случаѣ политическихъ невгодъ; здѣсь они отдавали на сохраненіе свои сокровища на черный день. Городъ богатый и сильный, Дубровникъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе: въ сербскихъ грамотахъ граждане его называются «пріятелями, сродниками, и братьями, вѣрными, любимыми» и т. д., Дубровникъ съ своей стороны оказывалъ вplyзамъ «господскую почесть».

Его торговля сношенія были чрезвычайно обширны: они шли не только съ внутренними землями Тракійскаго полуострова, но также съ Италіей, Сициліей, Испаніей, Греціей, Александріей, Левантомъ и т. д. Особенно дѣятельная связи онъ поддерживалъ съ Венеціей.

При славянскомъ нашествіи римское населеніе Далмаціи спаслось въ Дубровникъ, Трогирь, Сплить, и другіе города, — остальные запустѣли и были заняты Славянами. Эти римскіе города, составлявшіе ключъ къ Далмаціи и особенно привлекавшіе сначала Византію, потомъ Венецію, съ 12-го вѣка теряютъ свою независимость, теряютъ также свой римскій характеръ. Нашествъ славянскаго элемента и соединеніе его съ римскимъ уравниваютъ эти города съ другими пунктами Далмаціи. Дубровникъ и острова, какъ полагаютъ, ослабѣли уже въ 10-мъ вѣкѣ; Сплить, Трогирь и др. поздне: статуы Керка, города римскаго, писаны въ 14-мъ вѣкѣ уже на славянскомъ языкѣ. При всемъ томъ римское происхожденіе не забывалось, и впоследствии итальянскіе элементы Далмаціи, начинаютъ тѣснить славянскій языкъ: въ Трогирѣ, уже славянскомъ, съ 15-го столѣтія официальнымъ языкомъ дѣлается латинскій или итальянскій; въ Дубровникѣ въ 1472 г. въ совѣщаніяхъ сената также былъ запрещенъ славянскій языкъ и вмѣсто него припятъ латино-рагузанскій, т. е. особенное нарѣчіе итальянскаго языка. Это легко

объясняется теми влияниями, под которыми поставлено было здесь славянское население. Весь характер дѣятельной жизни Далмаціи и Дубровника, ихъ внутреннее устройство и обычаи, предприимчивость и образованность, показываютъ, что славянскіе элементы не были здесь единственно-господствующими: славянская масса, подавившая сначала туземное населеніе, впоследствии сама подчинилась дѣйствию итальянскихъ элементовъ, уцѣлѣвшихъ отъ старины, и новыхъ условій. Римскія или итальянскія воспоминанія, торговыя связи, новый притокъ итальянскихъ жителей, политическое вліяніе Византіи, Венгрии, и особенно Венеціи привели къ этому официальному преобладанію далматинско-итальянскаго языка. Далмація и особенно Дубровникъ, представлявшій собою высшую ступень далматинской культуры, уже тогда, въ концѣ среднихъ вѣковъ, обнаруживали ту чрезвычайно характерную смѣсь элементовъ итальянскаго и славянскаго, которая и теперь остается поразительной чертой населенія Далмаціи.

Римскій элементъ тѣмъ легче могъ подновиться новымъ итальянскимъ, что Венеція уже въ 10-мъ вѣкѣ дѣлала завоеванія въ Далмаціи и постоянно была съ ней въ торговыхъ и политическихъ связяхъ; съ 13-го вѣка и самый Дубровникъ въ извѣстной степени подчиняется венеціанскому господству: дѣло въ томъ, что съ 13-го вѣка князья, стоявшіе во главѣ дубровницкой республики, выбираются уже изъ венеціанскихъ графовъ, которые хотя и присягали въ сохраненіи дубровницкихъ правъ и обычаевъ, но были поставляемы Венеціей и съ своей стороны требовали отъ Дубровника вѣрности Венеціи. Имена князей этого времени, извѣстныхъ по актамъ, дѣйствительно показываютъ итальянское происхожденіе. Да и кромѣ того итальянскій элементъ въ населеніи Дубровника былъ весьма силенъ: большая часть именъ аристократіи Дубровника, его «властелей», носятъ или чисто итальянскую форму или обнаруживаютъ итальянское происхожденіе (Ломпридичъ, Маринъ, Паскали, Донатевичъ и т. п.): такимъ образомъ въ высшихъ слояхъ господствовало сильное смѣшеніе славянскаго съ итальянскимъ, отразившееся и на языкѣ. Если одно время могъ преобладать славянскій языкъ, то въ другое могъ стать выше латинскій или итальянскій. Итальянская литература имѣла ревностныхъ любителей въ Дубровникѣ. Наибольшей силы достигло итальянское преобладаніе въ 15-мъ или до половины 16-го вѣка; славянскія имена заимѣвались итальянскими или передѣлывались на итальянскій ладъ. Но съ половины 16-го вѣка снова беретъ верхъ славянскій элементъ, и теперь итальянскія фамиліи стали измѣняться въ славянскомъ духѣ: Гондола, Пальма стали Гундуличами, Пальмотичами и т. д. Развилась блестящая сербская поэзія Дубровника и аристократическіе роды дубровницкихъ «властелиновъ» стали ея поборниками... Господство Венеціанцевъ смѣнилось во второй половинѣ 14-го вѣка венгерскимъ, но когда Венгрія стала угрожать крѣпко ставшая на Балканскомъ полуостровѣ Турція, то Венеціанцы снова стали пріобрѣтать больше и больше вліянія въ Далмаціи, особенно въ 16-мъ столѣтіи. И это было для нихъ тѣмъ необходимѣе, что въ разныхъ

мѣстахъ Далмаціи образовались съ 15-го столѣтія небольшіи разбойничьи государства, крайне беспокоившія Венецію. Съ покореніемъ сербскихъ земель Турками, сюда явились «Ускоки» (бѣглецы), центромъ которыхъ стала Сенья или Ценгъ (Segna, Zengh), откуда они нападали и на Турокъ и на Венеціанцевъ. Ускоки отличались необыкновеннымъ удалствомъ и были отличными морскими разбойниками; подвиги ихъ дали богатый матеріалъ для сербскаго эпоса. Сила ихъ продолжалась и до второй половины 18-го вѣка... Обезпечивая отъ нихъ свою торговлю, Венеціанцы мало по малу овладѣли къ началу 18-го вѣка почти всѣмъ далматинскимъ приморьемъ. Одинъ Дубровникъ съ своимъ округомъ сохранилъ независимое положеніе.

Дальнѣйшая судьба Далмаціи извѣстна: каппоформійскій трактатъ отдалъ ее въ руки Австріи; потомъ она не надолго освободилась, но затѣмъ вѣнскій конгрессъ снова приписалъ ее въ Австрійской имперіи, на этотъ разъ уже вмѣстѣ съ Дубровникомъ. Старинная республика по распоряженію Европы поступила подъ начальство австрійскихъ чиновниковъ.

Переходя къ литературной исторіи сербскихъ Славянъ Далмаціи и Дубровника, замѣтимъ прежде всего, что здѣсь мы встрѣчаемъ уже католическое славянство и что преданья православной письменности здѣсь прекращаются. Далмація уже издавна стояла въ зависимости отъ римскаго престола, и съ раздѣленіемъ церковей осталась католическою. Какъ извѣстно, католическіе Славяне пользуются латинскою азбукою, но Далмація и здѣсь представляетъ оригинальное явленіе: въ ней были извѣстны и употреблялись всѣ четыре славянскія азбуки,—кирилловская, глаголическая, босанско-хорватская букваца и латинская азбука. Каждая принадлежала особому разряду письменности.

Кирилловское письмо Дубровничане употребляли въ своихъ сношеніяхъ съ другими Сербами: памятники этихъ сношеній писаны общимъ сербскимъ народнымъ языкомъ, и тянутся, отъ древнѣйшихъ временъ, черезъ весь періодъ самостоятельнаго существованія Сербіи и Босны до самаго ихъ паденія (извѣстны грамоты, обозначенныя годами, съ начала 13-го вѣка до 1465). Эти кирилловскія грамоты Дубровника представляютъ любопытный матеріалъ для старой исторіи этого города и отражаютъ въ себѣ ту нравственную связь, которая соединяла племена, уже раздѣленные политическимъ различіемъ, правами и религіей. Дубровникъ, какъ и другіе города и острова Далмаціи, былъ свободной общиной, съ преобладаньемъ вѣстельскаго сословія, съ большимъ развитіемъ личности, чѣмъ у соплеменныхъ сосѣдей; при сношеніяхъ съ Сербами, дубровницкое право, представившее много римскихъ элементовъ, имѣло вліяніе на право сербское, и въ свою очередь приняло нѣкоторое дѣйствіе и съ его стороны.

Область кирилловскаго письма повидимому ограничивалась однимъ этими сношеніями. Съ другой стороны, Далмація была главнѣйшею областью глаголицы: здѣсь эта азбука держалась всего дольше и сохранилась въ употребленіи даже и до настоящаго времени. Мы не будемъ возвращаться

къ крайне темному вопросу о томъ, когда и кѣмъ она была изобрѣтена, и почему здѣсь распространилась: достаточно сказать, что нѣкоторые ученые считаютъ именно Далмацію родиной глаголицы, откуда она распространилась въ другія славянскія земли, и что эта далматская или хорватская (такъ какъ она захватываетъ и хорватскія земли) глаголица.—которую впрочемъ нѣкоторые ученые отличаютъ отъ болгарской.—повидимому представляла первоначально тѣ же древніе церковные, кирилловскіе памятники и литургію по греческому обряду, что безъ сомнѣній и было поводомъ къ ея преслѣдованію со стороны римскаго духовенства. Далматинское христіанство было издавна подъ властью римской іерархіи, но впоследствии (трудно впрочемъ сказать, когда именно) въ Далмаціи появляется славянское богослуженіе; въ началѣ 10-го вѣка оно было уже въ полномъ цвѣтѣ, потому что латинскіе епископы спорили съ славянскими изъ-за богослуженія и папа Іоаннь X убѣждалъ хорватскаго князя Томислава склониться къ богослуженію латинскому ²⁾. Католическіе соборы въ Далмаціи (925 и 1059) запрещали славянскую литургію, но все это было напрасно, потому что славянское богослуженіе удержалось. Изъ свидѣтельства одной глаголической рукописи, начала 13-го вѣка, видно, что въ то время глаголица считалась уже чрезвычайно древней. Но впоследствии это славянское богослуженіе съ глагольскимъ письмомъ стало совершаться по римскому обряду, и было наконецъ подтверждено официально буллою папы Иннокентія IV (1248). Изъ этой буллы видно между прочимъ, что туземцы относили древность своего письма ко св. Іерониму (*quod in Slavonia est litera specialis, quam illius terrae clerici se habere a b. Hieronymo asserentes, eam observant in divinis officiis celebrandis*). Въ этомъ новомъ періодѣ своего существованія глаголица распространилась чрезвычайно широко: почти вся Истрія, хорватское Приморье, часть провинціальной Хорватіи и Далмаціи до самаго Цетина и даже до Неретвы, со всѣми прилежащими островами Адриатическаго моря, были наполнены глаголическими церковными приходами. По извѣстіямъ изъ 17-вѣка и половины 18-го ³⁾ видно, что въ то время число этихъ приходоу было весьма значительно: славянское богослуженіе существовало конечно рядомъ съ латинскимъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣло даже надъ нимъ перевѣсъ. Въ настоящее время церковная глаголица болѣе и болѣе падаетъ....

Но въ старину, какъ мы видѣли, употребленіе ея было очень широко, и она стала даже официальнымъ письмомъ: глаголицей писались грамоты и уставы. Въ 14-мъ столѣтіи она вышла даже за границы хорватскихъ земель: въ славянскомъ монастырѣ, основанномъ Карломъ IV въ Прагѣ для хорватскихъ бенедиктинцевъ, глаголица существовала около ста лѣтъ, до 1436, когда была замѣнена богослуженіемъ утравкистовъ. Въ 1483

²⁾ Онъ писалъ къ нему около 920: *Quis etenim specialis filius sanctae Romanae ecclesiae, vicut vos estis, Slavonica lingua deo sacrificium offerre delectatur?*

³⁾ *A s s e t a n i, Calendaria eccles. univ. 4, 410—411.*

изданъ, вѣроятно въ Венеціи. глаголическій служебникъ; въ половинѣ 16-го вѣка, когда баронъ Унгвадъ дѣйствовалъ въ Тюбингенѣ для распространенія реформациі между южными Славянами. Антонъ Далматинъ и Степанъ Истриянинъ издали съ этой цѣлью и нѣсколько глаголическихъ книгъ (1561 — 1564). Не смотря на то, что латинское духовенство не любило глаголицы, она продолжала держаться, потому что находила покровителей не только въ высшихъ духовныхъ властяхъ, но даже въ папахъ. Въ 17-мъ столѣтіи изданы были особые уставы для глаголическаго духовенства, нѣкоторые архіепископы заботились о его образованіи, — которое по видимому находилось тогда въ жалкомъ положеніи. Въ 17-мъ столѣтіи, по повелѣнію папы, начато было и исправленіе глаголическихъ книгъ: глаголическія книги, взятая первоначально изъ кирилловскихъ, т. е. старо-славянскихъ переводовъ церковныхъ книгъ, со временемъ приняли въ себя многое изъ народнаго языка, и тексты нуждались въ исправленіи. Такой трудъ сдѣлалъ надъ миссаломъ и бревіаріемъ Рафаэль Леваковичъ (1631 — 48), потомъ, съ такой же осторожностью, Янъ Пастричъ (1688—1706); въ третій разъ взялся за то же дѣло Матвій Караманъ (1741—45), но очень неудачно. Въ половинѣ 18-го вѣка глаголица нашла ревностныхъ покровителей въ далматинскихъ прелатахъ Винцентіи Змаевичъ и Антонъ Кадичъ: они основали семинарію для глаголическаго духовенства, но впоследствии эти заведенія упали, да и преподаваніе при недостаткѣ учебныхъ книгъ не могло имѣть большого успѣха. Знаніе глаголицы больше и больше упадало, такъ что въ нынѣшнемъ столѣтіи одинъ епископъ далматинскій вынужденъ былъ напечатать славянскій миссалъ, вмѣсто глаголицы, латинскими буквами (*Epistolatum et evangeliorum... volumen illyricum, Schiavet nuncupatum*, въ Рѣкѣ, 1819; *Schiavet* — обыкновенное названіе для славянской книги).

Глаголическія типографіи дѣйствовали въ Венеціи (1483—1812), Сеньѣ (1507—1508), Рѣкѣ (Фіуме, 1531), Тюбингенѣ (1561—1564) и въ Римѣ (1621—1791). Рукописи и печатныя книги заключаютъ въ себѣ почти исключительно буквари и богослужебныя книги: псалтырь (рукопись 1222 г.), евангелистарій, Новый Завѣтъ, миссалъ (рукопись 1368), объясненія св. писанія, молитвы; затѣмъ протестантскій катихизисъ, изложеніе аугсбургскаго исповѣданія, наконецъ духовныя пѣсни и т. п.

Мы сказали выше, что глаголица была и официальнымъ письмомъ: глаголическія грамоты и официальные письма извѣстны съ 14-го и до 18-го столѣтія. Но замѣчательнѣйшимъ памятникомъ этого разряда былъ *Закомъ Винодольскій*, 1280 г. (рукопись 16-го вѣка), весьма любопытный для изученія устройства старыхъ далматинскихъ общинъ ⁴⁾, далѣе такой же *Статутъ острова Керки*, 1388 г. ⁵⁾, и наконецъ нѣсколько

⁴⁾ Изданъ въ „Кою“ 1843, и во „Временникѣ“ Моск. Общ.

⁵⁾ Изд. въ „Архивѣ“ Кукулевича, кв. 2.

другихъ памятниковъ общественной жизни Далмаціи. Глаголицей писались наконецъ и лѣтописи, какъ напр. древнѣйшее историческое произведеніе далматинско-хорватской литературы, известная *Лѣтопись* попа Дуклинскаго, написанная во второй половинѣ 12-го столѣтіи: эта лѣтопись не сохранилась въ своемъ глаголическомъ подлинникѣ, и известна была по латинскому переводу Марка Марулича (*Regum Dalmatiae et Croatiae gesta*), и затѣмъ отыскана въ другой редакціи, написанной латинскими буквами въ половинѣ 16-го вѣка *). Лѣтопись эта не отличается исторической истиной, наполнена анахронизмами, перепутываетъ мѣста и лица, но «въ это время», — замѣчаетъ К. Сакцинскій, — «все писалось такъ, какъ разсказывали или пѣли старики, въ это время люди такъ творили исторію, какъ народъ сербскій творить свои героическія юнацкія пѣсни»: однимъ словомъ, историкъ долженъ пользоваться ей съ большою осторожностью. Извѣстно также изъ 16-го вѣка нѣсколько другихъ глаголическихъ хроникъ, похожихъ своей отрывочностью на сербскія лѣтописи, — они изданы въ «Архивѣ» Кукулевича (4, стр. 30 и слѣд.).

Каково бы ни было происхожденіе глаголицы, содержаніе литературы ея было, какъ мы видимъ, очень не богато, но тѣмъ не менѣе глаголица имѣла въ Далмаціи свое историческое значеніе: получивши готовые переводы священныхъ книгъ изъ кирилловскихъ рукописей, она сохранила богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Въ то время, когда латинская церковь, поддерживаемая неславянскимъ элементомъ населенія, должна была настаивать на латинскомъ католичествѣ, глаголица представляла собой элементъ народно-церковный и сохранила для народа религіозный обрядъ на его собственномъ или родственномъ языкѣ. Но этимъ и ограничивается ея значеніе: глаголическая церковная литература почти не развивалась, реформаторскія стремленія Антона Далматина не имѣли большаго успѣха, глаголическое духовенство — предоставленное своимъ бѣднымъ средствамъ — вышло наконецъ въ невѣжество, съ которымъ конечно не могло просвѣтить своего народа. Въ нынѣшнемъ столѣтіи глаголица больше и больше падаетъ; отъ глаголическихъ семинарій осталось только кафедра глаголицы въ Зарѣ, которую (съ 1855 года) занимаетъ Янъ Беричичъ, составившій глаголическую хрестоматію по 55 рукописямъ съ 10-го вѣка и до нынѣшняго столѣтія (*Chrestomathia linguae vetero-Slovenicae caractere glagolitico*, Прага, 1859).

Кромѣ глаголицы въ Далмаціи употреблялась еще особая славянская буква, «буквица», известная только въ Босніи и далматско-хорватскихъ земляхъ. Это была кириллица, измѣненная по требованіямъ скорописи, и имѣвшая съ тѣмъ принявшая нѣкоторыя новыя формы правописанія. Употребленіе буквицы (прямѣшивавшей иногда и глаголическія буквы) ип-

*) Латин. переводъ у Луція, *De regno Dalmatiae et Croatiae*, и Швабдтнера, *S. scriptores rerum Hung.*, t. 3. Латинскій списокъ оригинала въ «Архивѣ» Кукулевича, 1, 1—37.

сколько не удивительно въ Далмациѣ. гдѣ уже употреблялось письмо кирилловское и глаголическое. Вместе съ кирилловскимъ письмомъ это была еще одна связь Далматинцевъ съ сербскими единоплеменниками. Сколько можно судить по известнымъ до сихъ поръ памятникамъ, идущимъ до самаго 19-го вѣка, буква имѣла болѣе разнообразное употребленіе. тѣмъ глагольское письмо: эти памятники представляютъ разные грамоты и списки официальныхъ установленій, статьи нравоучительнаго и легендарнаго содержанія, наконецъ пѣсни и т. п. ⁷⁾. Буквицей писаны, между прочимъ, *Полицкій статутъ* (рук. 16-го вѣка), важный для исторіи далматинскихъ общинъ ⁸⁾; очень старый (13 — 14-го вѣка?) списокъ *Александри* ⁹⁾; и въ одной рукописи 1520 года помѣщенъ писанный буквицей «Наука прамудраго Авраама» зашедшій по всей вѣроятности отъ сербскихъ сосѣдей. Буквицей печатались и нѣкоторые стихотворныя произведенія, напр. легенда о св. Катеринѣ въ стихахъ и др. босанскаго францисканца Матвѣя Динковича (-1631), котораго историки ставятъ въ число далматинскихъ поэтовъ, — и много другихъ произведеній босанскихъ францисканцевъ (употреблявшихъ впрочемъ и латинскую азбуку), произведеній почти исключительно богословскаго и поучительнаго содержанія ¹⁰⁾.

Глаголица, какъ мы видѣли, исполнила свою историческую роль на церковномъ поприщѣ, сохранивши славянскую литургію, — но тѣмъ дальше, тѣмъ меньше она отвѣчала тому новому народному развитію, которое блестящимъ образомъ проявляется въ Далмациѣ и особенно Дубровникѣ уже въ 15-мъ столѣтіи. Элементы стараго славянства, хранившіеся въ глаголицѣ, не выросли ровнею съ этимъ новымъ развитіемъ, которое шло иными путями и выработало своимъ органомъ — народный языкъ. Результатомъ этой новой жизни, порожденной историческими условіями и судьбами сербскаго Приморья, явилась замѣчательная поэтическая литература, главнымъ центромъ которой былъ Дубровникъ. Блестящій періодъ этой литературы представляютъ конецъ 15-го, 16-е и 17-е столѣтія, въ теченіи которыхъ сербское Приморье обнаружало чрезвычайно живую литературную дѣятельность, до тѣхъ поръ еще невиданную въ южно-славянскомъ мѣрѣ. Эта литературная дѣятельность вѣрно отразила въ себѣ культурныя условія, въ которыхъ стала совершаться жизнь далматинскихъ общинъ и Дубровника.

Мы уже говорили о томъ, въ какой тѣсной связи стоялъ здѣсь элементъ славянской съ итальянскимъ: постоянное передвиженіе Итальянцевъ въ Рагузу и Далмацию, Сербовъ въ Венецію, торговыя и политическія отно-

⁷⁾ См. „Архивъ“ 5, стр. 168—170.

⁸⁾ Изд. въ „Архивѣ“ 5, стр. 241—318; статья о немъ Шафарика въ *Sazop. Serb. Mus.* 1854.

⁹⁾ Отрывокъ у Мажураича, *Pirška Citanka*, Вѣна 1856, стр. 5—11.

¹⁰⁾ Имена и сочиненія этихъ босанско-францисканскихъ писателей въ значительномъ количествѣ приводятся у Шафарика, *Gesch. der slaw. Spr. und Liter.*, и Кржижека, *Sazop.* 1859, 4, 520—524.

шенія, наконецъ религіозныя сношенія съ Римомъ, усиливали эту связь больше и больше, и открыли путь вліанію итальянскаго образованія, которое не могло не стать господствующимъ на свѣжей, мало тронутой славянской почвѣ. Итальянская культура дѣйствовала всѣми своими средствами: наукой, религіей, искусствомъ, учреждениями, обычаями цивилизованнаго быта. Она дѣйствовала уже издавна, и въ ту пору, когда эти культурныя явленія достигли въ Италиі самой живой своей дѣятельности, движеніе, подготовленное заранѣе, обнаружилось и въ Дубровникѣ яркими фактами, которые съ 15-го вѣка начинаютъ тамъ — почти вдругъ — своеобразную національную литературу, совершенно не похожую на старо-славянскія традиціи. Свободная, богатая и разнообразная жизнь торговыхъ общинъ, не подавленная ни деспотизмомъ краевъ, ни внутренними междоусобіями, какъ въ сосѣдней Сербіи, давала просторъ для новой культуры, начало которой относится конечно къ первымъ болѣе тѣснымъ связямъ Дубровника и Далмаціи съ Венеціей и Италіей. Дубровникъ уже давно началъ принимать европейско-итальянскую фізіономію и мало по малу привыкъ обращаться къ Италиі, въ которой отыскивалась для него метрополія новаго образованія. Молодые Далматинцы начали отправляться для своего образованія въ Италію, гдѣ ихъ привлекалъ особенно Падуанскій университетъ; итальянское населеніе не оставляло своихъ привычекъ, и хотя ославянивалось въ домашнемъ быту, сохраняло свои вкусы къ учености и поэзіи своей родины, и эти вкусы — при своемъ явномъ превосходствѣ надъ туземными славянскими элементами — становились общимъ достоинствомъ цѣлаго общества. Латинская литература, отчасти подъ вліаніемъ средневѣковой церкви и ея науки, но еще болѣе подъ вліаніемъ начинавшагося «возрожденія» 15—16-го вѣка, имѣла своихъ извѣстныхъ представителей въ Далмаціи и получила тамъ полное право гражданства. Возрожденіе отразилось въ Далмаціи тѣми же явленіями, какія оно приносило съ собою вездѣ; вмѣстѣ съ нимъ отражалась здѣсь и вся итальянская современность новыхъ литературныхъ вкусовъ и стремленій: параллельность далматинской литературы съ итальянской начинается съ признанія древнихъ классиковъ и латинской учености, съ удивленія Петраркѣ и Боккаччо, какъ ученымъ и поэтамъ, и доходить до повторенія Гвариния и Метастазія. Параллельность выказывается и въ той роли, которую получаетъ народный языкъ: если въ Италиі прочное утвержденіе его въ литературѣ совпадаетъ съ господствомъ классической литературы, такъ и здѣсь въ одно время съ античнымъ и итальянскимъ вліаніемъ, въ первый разъ приобретаетъ широкіе размѣры литературная дѣятельность на языкѣ чисто народномъ. Двойственность литературнаго языка въ Италиі (итальянскій и латинскій) повторяется въ Далмаціи употребленіемъ трехъ языковъ: сербско-далматинскаго (или хорватскаго), латинскаго и итальянскаго. Всѣ три были признаннымъ литературнымъ выраженіемъ: очень не рѣдко всѣ три соединялись въ одномъ и томъ же писателѣ, напр. у Марко Марули или Марулича, Кабоги, Налешковича, Франьо Луваряча, Игнатія Джорджича, извѣст-

наго Манро Урбина и другихъ. Въ этомъ новомъ своемъ періодѣ, далматинскіе писатели принимаютъ всѣ тѣ литературныя формы, которыя образовались въ Италіи со времени возрожденія: ихъ лирика, эпосъ и драма имѣютъ уже не извѣстный средневѣковой типъ, — въ нихъ полною властью господствуетъ стиль возрожденія. Внѣшній характеръ литературной дѣятельности и общественнаго положенія писателей представляетъ тоже сходство: писатель приобрѣтаетъ извѣстный авторитетъ. Литературный кружокъ собирается въ дружеское общество, соединяемое общимъ интересомъ, личные связи поддерживаются поэтической перепиской и т. д.

Какъ ни было сильно это вліяніе, оно не было неизбѣжно подавляющимъ. Первое свидѣтельство національной особенности выразилось въ томъ, что далматинскіе писатели съ замѣчательною ревностью стремились къ обработкѣ новаго содержанія на народномъ языкѣ, когда для нихъ представлялся большой соблазнъ воспользо­ваться готовою латинскою или итальянскою формою, которыя обѣ были для нихъ доступны. Обработка народнаго языка до степени литературнаго выраженія совершалась въ то же время, когда совершалось и принесеніе новыхъ понятій. Народныя стремленія выказались въ самомъ содержаніи литературы: она не увлекается соблазнительнымъ примѣромъ образцовъ до полнаго забвенія условій своей народности, какъ это часто бывало, наиримѣръ, въ исторіи французскаго псевдоклассицизма. Народный сюжетъ, обстановка народнаго жизни сохраняютъ свою важность для далматинскаго писателя. Значительная часть дубровницкихъ и далматинскихъ поэтовъ принадлежала къ аристократическимъ «вѣстельскимъ» фамиліямъ, но литературное движеніе шло и глубже и писатели выходили изъ самого народа. Поэтическая дѣятельность развивалась чрезвычайно; она становилась фамильнымъ дѣломъ, — переходила отъ отца къ сыну и внуку: такъ, по нѣскольку поэтовъ представили фамиліи Минчетичей, Бундуличей, Буничей, Держичей и др.

Масса далматинскихъ поэтовъ съ 15-го столѣтія огромна; только незначительная часть ихъ была издана или въ старое время, или теперь, когда ихъ начали изучать снова. Рукописи ихъ разбѣяны въ разныхъ бібліотекахъ Далмаціи: они встрѣчаются и въ большихъ бібліотекахъ Европы ¹¹⁾. Чтобы передать по возможности ихъ характеръ, намъ достаточно впрочемъ остановиться только на главнѣйшихъ представителяхъ ¹²⁾. Мы уже указывали, изъ какихъ источниковъ исходила далматинская поэзія; ея античныя

¹¹⁾ Нѣсколько рукописей далматинскихъ поэтовъ мы имѣли случай просматривать въ бібліотекѣ Британскаго Музея.

¹²⁾ Apprendini, Notizie storico-critiche etc.;—Opat P'ović, Slav. Anthologia (въ рукописи далматинскихъ поэтовъ), Вѣна, 1844;—K. Sakcinski, Stari pjesnici hrvatski, 1856—68, 2 vol.;—Ш в ф а р ѣ в ѣ, Gesch. der Südslaw. Literatur, во 2-мъ выпускѣ заключаетъ много свѣдѣній о далматинскихъ писателяхъ, но эти свѣдѣнія остались, къ сожалѣнію, недополнены новыми изслѣдованіями. Есть и рукописные сборники и исторія далматинской литературы изъ прежняго времени, напр. Ignacius Georgi, Vitae et scriptura nonnullorum illustrium civium Rhacusianorum; Serafini Serva, Bibliotheca scriptorum Ragusianorum, и друг.

и новые итальянскіе образцы очень нерѣдко встрѣчаются и въ далматинскихъ переводахъ. Такъ напр., Ветраничъ переводитъ Гекубу Эврипида, Златаричъ — Электру Софокла и *Метаморфозы* Овидія, Буничъ — Анакреона и Горация. Гекторевичъ — *De remedio amoris* Овидія; затѣмъ переводили *Виргилія*, *Катулла*, *Тибулла*, *Проперція*, *Марціала*; Марко-Маруличъ переводитъ *Петрарку*, Солтановичъ — *Тасса*. Кинавеличъ — *Pastor fido* Гварини и т. д. Въ этомъ уже выказываются вкусы времени: кромѣ античныхъ образцовъ, далматинская литература принимала и тѣ поэтическія формы, которыя господствовали въ итальянской литературѣ, какъ результатъ возрожденія и новаго итальянскаго романтизма. Въ эпосѣ замѣтно влияние итальянскаго романтическаго эпоса, въ лирикѣ встрѣчаются античныя формы; любовныя пѣсни (*pjesni ljubene*), которыя были почти обязательны для далматинскаго поэта, отражаютъ въ себѣ итальянскую канцону *Петрарки* и его послѣдователей; драма обнаруживаетъ влияние и церковной драмы среднихъ вѣковъ, и новой итальянской драмы, пасторали и народной комедіи. Перешли наконецъ и макароническіе стихи, смѣсь латинскаго съ славянскимъ.

Первымъ замѣчательнымъ писателемъ, начавшимъ этотъ періодъ далматинской литературы, былъ Марко Марули или Маруличъ, родомъ изъ Сплета (род. 1450, — 1524 или 1528); съ него начинаютъ ея исторію, хотя онъ безъ сомнѣнія имѣлъ своихъ предшественниковъ, теперь почти совершенно неизвѣстныхъ. Маруличъ былъ писатель далматинскій, итальянскій, и латинскій, оставилъ много сочиненій археологическаго, историческаго и богословскаго содержанія и пользовался большою славой не только дома, но и въ Италіи: Аріосто, по тогдашнему способу выраженія, называлъ его божественнымъ. Изъ его поэтическихъ произведеній была извѣстна до сихъ поръ только «Повѣсть о св. Юдѣи» (Венец. 1522, 1627), но кромѣ того онъ написалъ еще «Исторію о Сусаннѣ» и много другихъ пьесъ церковной поэзіи и т. п. Современникъ его, Шяшко Минчетичъ (Menze. 1457—1501), — первый писатель, съ котораго начинается рядъ собственно дубровницкихъ поэтовъ. Въ біографіи Минчетича уже играетъ большую роль любовь, навѣявшая его «*Pjesni ljubene*», которыя такъ нравились, что его сравнивали съ *Петраркой*. Любовь Минчетича была чисто итальянско-романтическая и тонъ его пѣсней прямо напоминаетъ зротическихъ поэтовъ Италіи.

Вотъ для примѣра одна изъ его любовныхъ пѣсней:

Vazmi me za slugu, presvitlo sunačce
 Da želju i tugu nepati sârdâcce,
 Neka te ja pravim za svoju gospoju,
 Neka te proslavim u pjesmem, ké poju.
 Neka se pogizdam tvojomzi liposti,
 Jak misec medj zvizdam sunčanom svitlosti.
 Neka mi s' još dika, jak venčac ua glavi,
 U drugom zač lika ni mojoj ljubavi.
 Ako li prikrati meni se sada lik,
 Meni se obrati u gork plač vas moj vik,
 Meni bi još bolje da nisam na svit bil
 Ter željne nevolje nebih ja sad atil.

Тѣмъ же характеромъ отличаются любовныя пѣсни его современника Георгія Даржича (Gjorge Đaržić, около 1510), также дубровчанина. Далѣе, Ганнибалъ Лучичъ (Lucio, около 1530) написалъ, кромѣ необходимыхъ любовныхъ пѣсенъ, драму «Robinja», содержаніе которой взято изъ временъ хорватской борьбы съ Турками; сочиненія его были изданы въ Венеціи 1556 (потомъ 1638, и въ Загребѣ 1847). Изъ числа другихъ его произведеній любопытна его пѣсня въ похвалу Дубровнику: въ ней сказывается то уваженіе, которое возбуждала къ себѣ свободная община:

Sam sebi je stavil zakone, po kojih
 Lipot'je upravil sam sebe i svojih,
 Njim se je ht'il dati, a veće nikomu
 Voditi i vladati u dilu svakomu....
 A zakon je dosta prav i pun razloga,
 Ne manje za gosta nego li za svoga.
 Tim ga svak počita, tim su Dubrovčani
 Po sve strane svita ljubljeni, štovani....
 Moj pisni sbrojiti nikakor nij' moći,
 Sve kraje, čestiti Dubrovnik gdi obći.
 Kroz gore, kroz luge po svitu svej miće;
 Targovce brez druge zabave ni priće;
 Po stranah, ké gleda sunce na daleče,
 J koje prik reda, i s redom ké peče,
 Svi targe primaju, mirno ké donosi,
 J ké oni daju, ou mirno odnosi....
 Dostojan je svudi ovi grad da slove,
 Da ga Bog i ljudi varda blagoslove....

Онъ обращается и къ мысли о славянствѣ, погибавшемъ отъ Турокъ, проситъ божьей помощи противъ невѣрныхъ и печалится о томъ, что Славяне оставляютъ друга друга безъ поддержки.

Далѣе, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ рагузанскихъ поетовъ былъ Никола Ветраничъ (въ монахахъ Мавро. 1482—1576). Онъ происходилъ отъ одной изъ самыхъ старыхъ вѣстельскихъ фамилій Дубровника, былъ уважаемымъ аббатомъ одного монастыря, но потомъ, неизвѣстно почему, удался въ небольшой монастырь на одномъ изъ острововъ приморья, гдѣ жилъ настоящимъ пустынноикомъ, продолжая однако свои поэтическіе труды и сношенія съ своими друзьями, учеными и поэтами. По смерти Ветранича, многіе изъ нихъ воспѣвали его въ хорватскихъ, итальянскихъ и латинскихъ стихотвореніяхъ и элегіяхъ. Кромѣ перевода Эврипидовой *Гекубы*, онъ написалъ драмы: *Аврамова жертва* (M. V., *Hekuba i Posvetiliste Abramovo*, Zagreb 1853), *Воскресенье Христова*, *Чистая Сусанна*; въ стихотвореніи «*Remeta*» онъ поэтически описалъ свою пустынноическую жизнь на островѣ; въ *Путникъ* Ветраничъ водитъ своего путника по дубровницкимъ горамъ, долинамъ и пустынямъ, рассказываетъ ихъ исторію и описываетъ природу. Изъ другихъ его пьесъ замѣтимъ стихотвореніе: *Италинъ*, гдѣ онъ желаетъ ей прежней ея славы, независимости, и свободы отъ «поганныхъ» (Турокъ), Французовъ и Нѣмцевъ, — чтобы ея не клевалъ ни вѣтухъ, ни орелъ (подъ которыми понимался Австрія и

Франція), а какъ итальянскій патриотъ желалъ ей независимости и единства:

Gospoje od gospoj, zatoj se spomeni,
Sama se posvoji, a tudje odždeni;
Oružni taj zvokot neka se ne čuje,
I oraо i kokot neka te ne kljuje....

Čin', da te ne cvile iztočni pogani,
I oružjem ne dile tuđjini neznani,
Toj li si odluke da se ćeš udati,
Ne daj se u ruke od mnozieh vladati.
Jednoga ti vieri i dārži za sebe,
A ostale otieri daleče od tebe.
Neka se slobodiš od tughah i jada',
I vesel provodiš tvoj život od sada....

Такъ соединилось у далматинскаго писателя два равныхъ патриотизма, — привязанность къ Дубровнику и любовь къ Италиі, въ которой далматинецъ видѣлъ настоящую родину своего образованія.

Петръ Гекторевичъ (1486—1572), богатый аристократъ изъ Гвара, извѣстенъ какъ первый далматинскій поэтъ, возвратившійся къ источникамъ народной поэзіи: въ своей поэмѣ «Ribarje i gibracko prigovaranje» (Венеція 1569, 1638; Зара 1846) онъ вставилъ уже нѣсколько народныхъ пѣсень.

Новый періодъ далматинской поэзіи начинаеть Андрія Чубрановичъ († около 1550), дубровчанинъ, поэтъ вышедшій изъ народа. Наибольшую славу онъ приобрѣлъ своимъ стихотвореніемъ *Цыганка* (*Jedjurka*, т. е. египтянка; Венеція 1599; изд. Казначища въ Дубровникѣ 1838, съ біографіей), въ семи отдѣленіяхъ или пѣсняхъ, гдѣ цыганка дѣлаетъ предвѣщанія и открываетъ тайны шести различнымъ господамъ. О поводѣ этой поэмы рассказываютъ различно, и иногда романически: по всей вѣроятности пьеса написана для карнавальнаго праздника. Карнавальныя и маскарадныя стихотворенія и маленькія драматическія пьесы были принадлежностью итальянскаго карнавала; веселые обычаи Италиі перешли и въ Дубровникъ, и поэты его также оставили нѣсколько маскарадныхъ пьесъ, — между прочимъ нѣсколько ихъ написалъ и Чубрановичъ ¹²⁾. «Цыганка» принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ тому же разряду (сохранилось извѣстіе, что она была *рецитирована* въ Рагузѣ 20-го іюля 1527); быть можетъ, поэтъ воспользовался праздникомъ, чтобы выразить свои чувства шлѣпнишей его особѣ — на эту мысль наводитъ одна изъ пѣсень («въ шестой госпожѣ»), гдѣ цыганка объясняетъ госпожѣ, что она любима и убѣждаетъ ее принять эту любовь:

¹²⁾ Извѣстіе объ этихъ карнавальныхъ пьесахъ сохранилось въ словахъ Лучича († 1530), который говоритъ, что его „Robinja“ написана „u minulih pokladnih danih, — takove bo te pisni u pridnje vrime iznaštene biše i običahu se puku prikazivati samo na konac: da razlike družih kriposti i pomanjkanja slišajući i gledajući, svaki sam sebe i život svoj umiti bude bolje prociniti i srediti.“ (Šakinski, Piešnici I, 54). Такимъ образомъ карнавальныя пьесы существовали уже за долго до Лучича.

Les u misti u ovomu
 Jedan, za te ki umire
 Ojé goruće ljubi i viro
 Ku t' u sáren nosi svomu и т. д.

и даетъ благоразумный совѣтъ:

Ipak neka ljubav vasa
 Skrovna bude tja do vika.
 A ne, da ju zlob jezika'
 Po ulicah svud razglaša, и пр.

Чубрановичъ сталъ далеко выше своихъ предшественниковъ чистотой и гладкостью языка, — изученіе итальянскихъ произведеній приносило уже свои плоды, — и дѣйствительно повѣщескимъ настроеніемъ: Гундуличъ и Пальматичъ вставляли стихи его «Цыганки» въ свои произведенія. Этого мало: «Цыганка» нравилась такъ, что въ томъ же 16-мъ вѣкѣ вѣтъ сюжетъ повторили еще три даматическихъ поэта, и одинъ изъ нихъ. Пеллегриновичъ, написавши свою пьесу въ 18 пѣняхъ, взялъ изъ «Цыганки» Чубрановича цѣликомъ четыре пѣсни и введеніе.

Никола Налешковичъ (род. около 1510, — 1586), дубровчанинъ, ученый математикъ и астрономъ, спорившій впрочемъ противъ системы Галилея, извѣстенъ въ дилматической поэзіи своими любовными пѣснями, и особенно комедіями (семь) и маскарядными пѣснями (дѣвнадцать), которыя давались въ домахъ его пріятелей и публично. Другимъ писателемъ комедій былъ Маринъ Даржичъ, также дубровчанинъ (род. около 1520, — 1580), у котораго друзья его хвалили «il rigo, vago e dolce canto»: изъ его комедій (одиннадцать) была особенно извѣстна *Тарена* (Венец. 1551 и др.); кромѣ того онъ написалъ драму *Аврамова жертва* и пастораль *Рожденіе Христово* и наконецъ неизбѣжны любовныя пѣсни. Далѣе, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ поетовъ 16-го вѣка былъ дубровчанинъ Динко или Доминикъ Райчина (род. 1536, — 1607), изъ вѣстельской фамиліи. Онъ прожилъ долго въ Италіи, гдѣ занимался по порученію отца торговыми дѣлами: вернувшись потомъ въ Дубровникъ, онъ сталъ служить республикѣ, находившейся тогда въ нѣтъущемъ состояніи, и нѣсколько разъ былъ выбранъ въ князья. Любовныя пѣсни занимаютъ значительную долю его поэзіи; кромѣ того онъ писалъ посланія, дидактическія и илирическія стихотворенія, переводягъ Тибулла, Проперція и Марциала, а также и изъ греческихъ поетовъ (*Kanjiina Dinko, Piesni razlike*, съ біографіей, Zagreb 1850). Динко Златаричъ, также родомъ изъ Дубровника (род. около 1556, — 1610), получилъ образованіе въ падуанскомъ университетѣ, и еще очень молодымъ человѣкомъ, 23 лѣтъ, былъ ректоромъ университетской гимназіи (*almae Universitatis philosophorum et medicorum Patavini gymnasii rector dignissimus*), потомъ жилъ въ Загребѣ, наконецъ въ Дубровникѣ. Въ молодости дамой его сердца была Флора Цупцери или Зюзоричева, знаменитая своей красотой и талантами и из-

вѣстная также своими произведеніями и въ далматинской поэзіи¹⁴). Она вышла замужъ во Флоренціи, и флорентинцы называли ея рагузанской Асиазіей. Къ ней относятся большая часть любовныхъ пѣсенъ Златарича, также и нѣкоторыя пѣсни Раньины. Еще въ Падуѣ, Златаричъ перевелъ Тассову «Аминту» подъ названіемъ «Ljubimig» (Венец. 1580); впоследствии онъ перевелъ «Электру» Софокла и «Пирама и Тисбу» изъ Овидія; въ пѣсняхъ его, какъ и у Раньины, значительную роль играетъ дидактизмъ (Zlatarića D. Djela, изд. Сакцинскимъ, Загребъ 1853, 3 части, съ биографіей). Наконецъ, высшую степень развитія далматинской поэзіи представляетъ дубровчанинъ Иванъ Гундуличъ (или Gondola, 1588—1638). Началомъ его образованія были обыкновенныя studia humaniora, потому онъ занимался философіей и правотою; въ гуманистическихъ предметахъ и въ философіи учителями его были иезуиты. Свое поэтическое поприще онъ началъ около 1610 года; изученіе итальянскихъ поэтовъ отразилось въ нѣсколькихъ переводахъ, изъ которыхъ особенно замѣчательнъ переводъ «Освобожденнаго Іерусалима» Тасса, — итальянское благозвучіе стиха онъ старался перенести и въ далматинскую поэзію, и въ этомъ отношеніи достигъ такого совершенства, какое было неизвѣстно ни его предшественникамъ, ни послѣдователямъ. Онъ присоединился потомъ къ обществу молодыхъ поэтовъ, посвятившихъ свою дѣятельность развитію драмы, и написалъ или перевелъ нѣсколько драматическихъ пьесъ, которыя давалъ имѣть съ своими сотоварищами («Ariadna», «Proserpina ugrabljena», «Dubravka», «Galatea», «Diana», «Armida», «Povetilište Ijuveno» и др.) Затѣмъ онъ перевелъ нѣсколько псалмовъ, написалъ элегическое произведеніе: *Слезы блуднаго сына* (Suze sina razmetnoga) и другія вещи, наконецъ знаменитого въ далматинской литературѣ *Османа*, эпическую поэму (въ итальянскомъ смыслѣ), которой современники пророчили безсмертную славу, и которая въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ пользуется огромной репутаціей въ хорватской и далматинской литературѣ. Желая выбрать такой сюжетъ, который бы имѣлъ высокой поэтической интересъ и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ поводъ къ прославленію славянскаго народа, особенно его любимаго Дубровника, онъ взялъ предметомъ для своей эпопеи войну, происходившую 1621 г. между Поляками и турецкимъ султаномъ Османомъ. Поэма дѣйствительно представляетъ весьма много поэтическаго; патриотизмъ поэта выражался въ поэтическихъ обращеніяхъ къ Дубровнику:

Ah! da bi увѣк jako sade
 Živio miran i slobodan,
 Dubrovniče běli grade,
 Slavan svētu, nebu ugodan....

¹⁴ Биографія Флоры Зуаоричъ (Zuzzeri, 1555—1600), написанная Сакцинскимъ, въ „Ильпирской Давницѣ“ 1846, № 18—20.

Robovi su tvoji susēdi,
Teške sile sven gospode,
Tvé vladanje samo sēdi
Na prestolju od slobode. (Цѣска 8).

Но этотъ патриотизмъ не ограничивался Дубровникомъ. Въ другой пѣснѣ Гундуличъ бросаетъ поэтическій взглядъ на сербскую исторію и славу ея героевъ:

U njih (Сербовъ) svud se vitez hvali,
Koga krunom kopje obdari:
Stěpan, Uroš i ostali
Od Nemanjske kuće cari.

U njih žive slava obilna,
Kū Obilić steče mudri,
Kad handžarom cara silna
Na Kosovu směrtno udri.

Prosvětit se je u njih hajo,
Kudgod světli sunec žarko,
Svilojević još Mihajo
I Kraljević junak Marko...

Glasi se u njih sréd naroda'
Od iztoka do zapada
Věra, gospodstvo i sloboda
Dubrovnika mirna grada и т. д. (Цѣска 8).

Изъ двадцати пѣсень «Османа» двѣ были затеряны, и впоследствии ихъ дополнилъ его внукъ Петръ Соркочевичъ, а въ новѣйшее время Янъ Мажураничъ ¹⁵⁾.

Послѣ Гундулича, далматинскіе поэты уже не могли удержаться на той высотѣ, которой достигла его поэзія: съ тѣхъ поръ они усвоили себѣ легкость стиха и внѣшней формы, но заботясь о ней, не дали своимъ произведеніямъ истинно поэтической, внутренней красоты. Поэзія начинаетъ упадать, и позднѣйшіе поэты: два Пальмотича, четыре Бунича, Иванишевичъ, Владиславъ Минчетичъ, Канавеличъ, Витезовичъ, Витаичъ, младшій Гундуличъ и другіе, при всѣхъ усиліяхъ не могли остановить этого упадка въ теченіи всего 17-го столѣтія. Впрочемъ, дѣятельность поэтовъ нисколько не уменьшилась относительно массы произведеній, которая и въ этомъ столѣтіи еще приводитъ въ удивленіе. Мы впрочемъ остановимся только на важнѣйшихъ поэтахъ этого времени.

Замѣчательную плодовитость выказалъ современникъ и двоюродный братъ Гундулича, столько же знаменитый, Юній Пальмотичъ (Palmotta, 1606 — 1657), изъ владѣтельской дубровницкой фамиліи. Прошедши подъ руководствомъ иезуитовъ гуманныя изученія, Пальмотичъ, пріобрѣлъ сначала извѣстность какъ латинскій поэтъ, но потомъ, подъ вліяніемъ Гундулича, обра-

¹⁵⁾ Gundulich, Suze sina razmetnoga, Sedam pjesnji pokornich и проч. Дубровникъ 1828; — Osman, Spievagne vitescko, Дубр. 1826. Новая изданія: Djela Jvaia Gundulića, Zagreb 1844; — Jv. Gundulića Osman, 2-е изд. Загребъ 1854. Биографія: F. M. Appendini. Vita di G. Fr. Gondola, Ragusa 1828 и Мажуранича при изданіи сочиненій.

тился къ національной поэзіи и сталъ ревностно изучать народный языкъ, и такъ какъ въ Дубровникѣ этотъ языкъ принялъ много итальянскихъ элементовъ, то Пальмотичъ искалъ коренной народности въ Боснит. Поэтическое творчество давалось ему легко: обдумавъ планъ драмы, и распредѣливъ роли своимъ молодымъ товарищамъ, любившимъ сцену, онъ могъ каждому изъ нихъ диктовать стихами его роль. Въ выборѣ сюжетовъ онъ былъ впрочемъ мало самостоятеленъ: изъ *Виргиліи* онъ извѣлъ свою драму «*Uaz Epee k otcu Auchizu*», изъ Гомера *Антилеса*, изъ Софокла — *Эдипа*, изъ Овидія — *Похитеніе Елены* (*Otmica Helene*), изъ Тасса — *Ринальдо* и *Армаду* и т. д.; изъ преданій о началѣ Дубровника — своего *Павламира*, наконецъ изъ Дуклинскаго лѣтописца взята его «*Zapislava*», гдѣ онъ прославляетъ славянскія героическія дѣянія. Пальмотичъ былъ извѣстенъ также какъ сатирикъ. Далматинская литература имѣла въ немъ и своего представителя итальянской импровизаціи: Пальмотичъ легко импровизировалъ на далматинскомъ благозвучномъ языкѣ, и особенно замѣчательны были его пѣсни, которыми пѣвался въ веселомъ обществѣ, — въ то время, когда пѣлась одна строфа, онъ уже готовилъ другую, еще болѣе веселую. Наконецъ, благочестивое воспитаніе отозвалось извѣстнѣйшимъ его произведеніемъ *Христіадой*, вольной передѣлкой поэмы этого названія *Геронима Виды*, и лирическими пѣснями, преимущественно духовнаго содержанія. «*Христіада*», въ которую Пальмотичъ намѣшалъ античной и славянской мифологіи, пользуется въ далматинской литературѣ великимъ почетомъ (Римъ 1670, Пестъ 1835, Загребъ 1852; — послѣднее изд. съ біографіей).

Затѣмъ, къ тому же времени принадлежать: Владиславъ Минчетичъ (—1666), дубровчанинъ, которому принадлежать «*Trubja sloviniska*» (изд. 1665, 1844), драмы и любовныя пѣсни; Яковъ Пальмотичъ (—1670 или 1680), дубровницкій властелинъ, написавшій эпосъ: «*Dubrovnik ropovljen*», по поводу страшнаго землетрясенія, разрушившаго Дубровникъ въ 1663 году; Петръ Канавеличъ, дубровницкій сенаторъ (—1690), написавшій эпопею «*Sveti Jvan biskup Trogirski i kralj Koloman*» (Osiek 1858), стихотвореніе «*Grad Dubrovnik*» и проч. по поводу того же землетрясенія (изд. 1667, 1841, 1850), «*Пѣсню во славу освобожденія Вѣны*», прославляющую Собѣскаго, наконецъ духовныя пѣсни и проч.; Мавро Орбини (Мауро Urbini); извѣстный гораздо больше, какъ писатель итальянскій; Иванъ Гундуличъ (1677 — 1721), внукъ славнаго Гундулича, которому приписываютъ пробужденіе «далматинскихъ музъ» послѣ землетрясенія, нанесшаго ударъ и дубровницкой поэзіи, и который написалъ нѣсколько драмъ, поэму и разныя пѣсни; Антувъ Гледьевичъ (—1728), изъ дубровницкаго народа, оставившій нѣсколько драмъ, сатиръ и пр.; духовно-дидактическіе писатели Ардеій Делла-Белла, флорентинецъ, Бернардо Цуццери и пр.

Въ теченіи ста лѣтъ послѣ Гундулича далматинская поэзія теряла больше и больше свои силы; только въ началѣ 18-го столѣтія ее снова под-

ниль дубровчанинъ Игнатій Джорджичъ (1676—1737). Получивши свое образованіе у іезуитовъ, онъ съ 22-го года вступилъ сначала въ орденъ іезуитовъ, потомъ бенедиктинцевъ и имѣлъ значительное положеніе въ дубровницкой республикѣ. Онъ умеръ аббатомъ. Джорджичъ отличается большой ученостью, трудолюбіемъ и плодовитостью; онъ началъ латинскими и славянскими стихотвореньями и оставилъ много произведеній на латинскомъ, итальянскомъ и славянскомъ языкахъ, напр. изъ латинскихъ: «Regum Illyricarum seu Illyrici historia», упомянутые нами «Vitae et carmina poenullogum illustrium civium Rhacusanorum»; изъ итальянскихъ: «Il novizzo benedittino», «Raccolta di varie lettere erudite», «Poesie varie» и проч. Его славянская поэзія преимущественно поучительная и религиозная, напр. поэма «Вздохи кающаея Магдалины» (Uzdasi Mandaljene pokornice, изд. 1728, Загр. 1851), «Saltjer sloviuski» (Псалтырь, изд. 1729, Загр. 1851), наконецъ шуточная поэма «Marunko i Ravica». Но этотъ новый успѣхъ далматинской поэзіи опять не имѣлъ результатовъ, потому что у позднѣйшихъ писателей не нашлось достаточно силы поддержать народность, уступившую передъ латинскими и итальянскими влияніемъ. Эти преемники Джорджича: Бетомдичи, Іосифъ и Яковъ, переводившіе Овидеиы геронды; Мароје Тудичевичъ, переводившій Мольера; двѣ писательницы Анца Бошковичева и Лукреція Богашиневичева, и друг. не давали ни новаго содержанія, ни поэтического чувства и отдѣлки.

Въ 18-мъ столѣтіи явился еще только одинъ писатель, успѣвшій приобрести въ далматинской литературѣ общирную популярность, которая сохранилась до сихъ поръ, и представляетъ наиболѣе живую связь стараго далматинскаго періода съ новой литературой.

Этотъ писатель былъ Андрія Качичъ-Міошичъ (1690—1760), изъ стараго княжескаго рода въ далматинскомъ Приморьѣ. Онъ рано поступилъ въ орденъ францисканцевъ, и докончивъ свое философское и богословское образованіе въ Пестѣ, былъ профессоромъ сначала философіи, потомъ богословія. Свою философію, которая не шла дальше францисканскихъ образцовъ, онъ изложилъ въ латинской книгѣ: «Elementa peripatetica juxta mentem subtilissimi doctoris Joannis Duns Scoti»; онъ перевелъ потомъ нѣтъ канъ Моисеевыхъ и нѣсколько пророчествъ подъ заглавіемъ «Kotabljica», наконецъ обратился къ изученію славянской народности. Мы уже замѣтили прежде, что интересъ къ народной поэзіи сохранился у дубровницкихъ писателей, не смотря на чужое литературное влияніе. Кукулевичъ-Сакцинскій не разъ упоминаетъ въ своемъ описаніи старыхъ далматинскихъ рукописей о «народныхъ пѣсняхъ». Между прочимъ, онъ упоминаетъ одинъ сборникъ такого рода еще изъ 15-го столѣтія ¹⁶⁾; Гулду-

¹⁶⁾ „Narodne popjevke dubrovačke i pjesme bugarske (?) iz 15. vieka. Rkp. 16 vieka“ (214); „Pjesme razlike umietne i narodne, iz 16 i iz 17 vieka“ (232) и др. — Arkiv 5, стр. 184—185. Миклошичъ сообщаетъ любопытный памятникъ этого рода — пѣсню о Спирошячѣ, помѣщенную 1663 годомъ, и имѣющую несомнѣнныя народныя черты. Она начинается такъ:

лечь вспоминаетъ о Краевичѣ Маркѣ. Это чувство къ народно-поэтическому содержанию, не заглушенное книжными влияніями, сказывалось и у другихъ далматинскихъ поэтовъ, но ни у кого такъ сильно, какъ именно у Качича. Бывши много лѣтъ напскимъ легатомъ въ Далмаціи, Босніи и Герцеговинѣ, онъ воспользовался своими путешествіями по этимъ краямъ, чтобы собирать народныя преданія, старыя рукописи и другіе историческіе памятники. Онъ собралъ все это въ книгу пѣсенъ, подъ названіемъ «Razgovor ugodni naroda slovincskoga», которая пользуется чрезвычайной извѣстностью. Его пѣсни правились, потому что написаны были народнымъ складомъ, и въ поэтической формѣ передавали народную исторію, начавъ ее съ баснословныхъ извѣстій, идущихъ за двѣ тысячъ лѣтъ до Р. Х.; послѣ этого начала Качичъ рассказываетъ настоящую исторію сербскаго народа, его краевъ, его борьбы съ Турками, его юнаковъ, витязей и ускоковъ въ томъ поэтическомъ тонѣ, въ какомъ излагаетъ ихъ народная пѣсня. Книга Качича имѣла до 1851 г. двѣнадцать изданій (въ Венеціи, Дубровникѣ, Зарѣ, Вѣнѣ, Загребѣ и др.), — такою успѣха не имѣло ни одно произведеніе далматинской поэзіи. Национальное содержаніе никогда еще не являлось въ такой симпатичной народу формѣ. Качичъ какъ будто предвидѣлъ литературныя потребности позднѣйшей эпохи. Правда, та степень, на которую Качичъ поднимаетъ народное содержаніе, еще невысока, но во всякомъ случаѣ его книга первая положила начало прочной связи литературы съ народомъ. Пѣсни Качича перешли и въ народную массу.

Послѣ Джорджича и Качича опять наступаетъ періодъ далматинской литературы, не обобщившій живаго дѣйствія. Этотъ періодъ продолжалъ двигаться въ границахъ старой традиціи, время которой уже проходило окончательно. Даже нѣкоторые отдѣльные таланты, появившіеся въ ней, не могли поднять ее при этомъ общемъ характерѣ. Далматинская литература, какъ мы видѣли, оставалась почти исключительно литературой поэтической, или стихотворной. — она почти не имѣла прозы, или эта проза ограничивалась легендой и религіознымъ мученіемъ. Научная образованность продолжала жить на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ, — такъ что национальная литература не имѣла этой прочной основы, и люди, ограниченные одними національными средствами, должны были оставаться внѣ серьезнаго образованія; — притомъ и латинская и итальянская литературы, господ-

Ali side divojka misecn govoriti, nehoga divojka: Kasi meni, lipi misec, koj dohodiš z istoka! Jesi vidil Carigradu moga mlada Svilojevića, zaručnika moga, je i sad životu, a da su ga izgabili?

Ali side jasan misec toj divojki govoriti, zaručnici mladi: jesam vidil pred voerom u lipomu Carigradu, i hoću ti istinu nut, divojka, kazivati, gizdava divojko, tako mi se ne mrčati, kako istinu kazivati.

Car je činil preda se nut junaka dozivati, car sileni turski, tere side govoriti mladomu Svilojeviću: da imaš mi istinu, Svilojeviću, kazivati, moj sužnju nevoljni, s tole hoću zmožan car ja sadahna opitati.

Alli nasti Svilojević silnu caru egovoriti, caru čestitomu u pr. (Slav. Bibliothek I, стр. 259—260).

ствовавши здѣсь, слишкомъ страдали тогда старой схоластикой, чтобы имѣть живое развивающее вліяніе въ начинавшихся условіяхъ новой жизни. Вотъ почему могло такъ быстро совершиться паденіе литературы, когда въ ней перестали явиться люди, поддерживавшіе литературную жизнь сильными поэтическими талантами. Мы не имѣемъ нужды пересчитывать прозаическихъ писателей далматинской литературы, такъ какъ ихъ спеціально церковная и дидактическая дѣятельность не приносила ничего новаго и не измѣняла положенія образованности ¹⁷⁾. Съ конца 18-го столѣтія и до тридцатыхъ годовъ вышшняго могутъ быть еще упомянуты слѣдующіе дубровницкіе и вообще далматинскіе писатели: Лука Михальевичъ-Буничъ (+ 1778), между прочимъ переведившій Горация и Виргилія; Сорочевичъ, переведившій Метастазія; духовные поэты и моралисты—францисканецъ Петръ Кнежевичъ, Матей Чуличъ, далѣе Брюеръ (Brueović, собственно Brügge Derivaux, + 1827), французъ, сыно французскаго посланника въ Дубровникъ, въ 1774 прибывшій сюда съ отцомъ и прекрасно изучившій далматинскій языкъ, — кромѣ переводовъ изъ Проперція, Катулла, Марціала и пр., онъ написалъ сатиры (двѣ изданы Казначиемъ въ 1838), и комедію; Юрій Феричъ (или Гвозденица, 1744 — 1824), каноникъ, родомъ изъ Дубровника, писавшій латинскія стихотворенія и иллирскія *Притчи* (нѣсколько ихъ издано въ «Далматин. Магазинѣ» 1851) и поэму *Взятіе Очакова* («Коло», ч. 2); Маринъ Златаричъ (1753 — 1826), дубровчанинъ, переведившій Геснеровы идилліи и писавшій собственныя стихотворенія разнаго рода; Иванъ Салатичъ (+ 1829), писавшій по латыни и по славянски; наконецъ Юрій Хидья (Jugaj Hidja, 1752 — 1833), родомъ изъ Дубровника, извѣстный переводами Катулла, Тибулла, Проперція и Виргиліевой Энеиды.

Въ это время, когда сербская литературная дѣятельность упала въ Далмаціи, она стала развиваться во внутреннихъ провинціяхъ, на сѣверѣ, такъ что въ концѣ 18-го и 19-го вѣка здѣсь опять являются писатели, поддерживающіе нить далматинской поэзіи. Нѣсколько литературныхъ именъ принадлежатъ Славоніи, языкъ которой очень мало отличается отъ далматинско-хорватскаго: жители ея православные и католики, — первые пишутъ кирилловскою азбукою и дѣйствуютъ въ сербской литературѣ; другіе — азбукою латинскою и связываются такимъ образомъ съ западно-сербскою литературой. Таковы были: двое Релковичи, славонцы. Первый—Матія Антунь (+ 1800), граничаръ, написавшій во время своихъ военныхъ походовъ «Сатира», (изд. въ Дрезд. 1761), затѣмъ онъ перевелъ Езоповы басни. и т. п.; другой, Іосифъ-Степанъ, издалъ «Хорошаго хозяина» (Кислик, изд. 1796), въ стихахъ. Далѣе: Антунь Канижличъ, родомъ изъ Пожега въ Славоніи.

¹⁷⁾ Списокъ этихъ далматинскихъ писателей и, вмѣстѣ съ ними, босанскихъ францисканцевъ, писавшихъ тѣмъ же языкомъ, но употреблявшихъ кромѣ латинской азбуки также и буквицу, см. у Ш а ф а р и к а, въ названныхъ выше книгахъ и *Saboris* 1859, 4, стр. 519 и слѣд.

иезуитъ, написалъ поэму о святой Розалии и книгу по церковной исторіи: «Kamen pravi zmiznje velike», гдѣ говорится о причинахъ раздѣленія восточной и западной церкви (Осекъ 1780); Іосифъ Кермпотичъ, придворный канцеляръ въ Вѣнѣ, написалъ между прочимъ «Radost Slavonie» 1787 и описывалъ въ стихахъ «Put u Krim» (1788), т. е. путешествіе въ Крымъ императрицы Екатерины и Іосифа II. Далѣе, Видъ Дошенъ, которому принадлежитъ дидактическая поэма: *Седмилливая змья* («Ahdaja sedmoglava», Загр. 1768). Матія-Петръ Катанчичъ (1750 — 1825), францисканецъ, родомъ изъ Славоніи, нѣсколько времени профессоръ пестскаго университета, извѣстный своей ученостью; кромѣ большаго количества латинскихъ сочиненій, посвященныхъ и славянской древности, — въ славянской литературѣ онъ имѣетъ замѣчательное имя по своему переводу Библии. О переводѣ Библии для католическихъ Сербовъ думали уже съ 16-го столѣтія Кассій, потомъ въ 1750—70 Роза, около 1800 Бургаделли, но ихъ переводы остались неизданными; переводъ Катанчича, съ латинскимъ текстомъ, изданъ былъ въ Пестѣ 1831. Его идиллическія стихотворенія изданы были въ книгѣ: «Fructus autumnales in jugis Parnassi Pannonii maximam partem lecti», Загребъ 1794. Гергуръ Чеваповичъ (1786 — 1835), францисканецъ, написалъ безъ особеннаго таланта, но по крайней мѣрѣ правильнымъ и народнымъ языкомъ, драматическую пьесу «Josip, sin Jakova patriarke» (Пестъ 1820), и др.

Такимъ образомъ историческое преданіе старой далматинской литературы доходитъ до нынѣшняго столѣтія, — но блестящая эпоха ея уже не возвращалась. Вліяніе ея на общественное развитіе было незначительно. Усвоивши себѣ одинъ разъ ту степень литературныхъ идей, которую она заимствовала изъ Италиі и латинскихъ источниковъ, далматинская литература не могла освободиться отъ нея, и въ то время, когда въ цѣлой Европѣ начиналось уже броженіе новыхъ понятій, новыхъ социальныхъ и народныхъ цѣлей, далматинская и хорватская поэзія все еще поставляла духовныя поэмы и пасторали. Правда, далматинская литература, какъ мы видѣли, нерѣдко обращалась къ народному интересу и содержанію, но по большей части она обрабатывала это содержаніе въ чуждой или недоступной для массы формѣ, и слишкомъ ограничилась чисто-поэтическимъ направленіемъ; — притомъ образованность мало по малу сходила съ національной на итальянскую и латинскую почву, и была чужда тому просвѣтителному движенію, которое распространялось тогда изъ Франціи по всей Европѣ и которое способно было оживить общественную мысль и связать ее съ дѣломъ народа. Въ прежнія времена своей славы, далматинская поэзія была по крайней мѣрѣ живымъ и дѣйствительно поэтическимъ отраженіемъ жизни свободнаго и богатаго Дубровника и далматинскихъ общинъ, ихъ независимой, подвижной и часто бурной дѣятельности; теперь политическая и социальная дѣйствительность была иного рода, и литература, не найдши новой дороги національному патриотизму, становится больше и больше книжной отвлеченностью, и теряетъ интересъ, или же ограни-

чивается элементарными книжками для мелкаго житейскаго обихода. Новая эпоха этой литературы западнаго сербскаго народа начиниеться тогда, когда центр ея дѣятельности перенесенъ былъ къ Хорватамъ, и когда въ новой «иллирской» литературѣ сталъ дѣйствовать панславизмъ, идея цѣлаго славянскаго возрожденія, а вмѣстѣ съ нимъ и идея сербскаго единства.

3. ХОРВАТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Намъ слѣдуетъ упомянуть еще о двухъ областяхъ западнаго славянства, которыя представляли въ извѣстной степени отдѣльную литературную жизнь. Это — собственные *Хорваты*, въ австрійской провинціи, *посажены* нѣкъ нима, и *Хорутане*, славянскіе обитатели Каринтіи, Брайна и отчасти Штиріи и Истріи.

Мы видѣли, что нима Хорватовъ въ старину распространялось очень далеко въ земляхъ Далмаціи; хорватскіе патриоты увѣряють, что и теперь Далматинецъ, даже отдаленныхъ краевъ, называетъ себя Хорватомъ. Историческія обстоятельства дѣйствительно дали большое распространеніе имени Хорватовъ, но собственно гопоря, оно принадлежитъ только одной вѣтви западнаго сербскаго племени, — собственнымъ Хорватамъ, занимающимъ особенно такъ называемую провинціальную Кроацію.

Хорваты являются въ первый разъ въ земляхъ, носившихъ теперь ихъ имя, въ первой половинѣ 7-го столѣтія, когда они были призваны изъ Бѣлой Хорватіи, за Карпатами, императоромъ византійскимъ Иракліемъ, противъ Аварь. Завоевавъ эти края, Хорваты приняли христіанство и вступили въ зависимость отъ императора, образовавъ двѣ общины — далмато-хорватскую и панноно-хорватскую. Хорваты, какъ и далматинскіе города, скоро освободились отъ этой зависимости, но затѣмъ, въ концѣ 8-го вѣка, подпали власти Франковъ: это новое иго, крайне жестокое, они свергли въ первой половинѣ 9-го вѣка. Теперь снова стало утверждаться слабое до сихъ поръ христіанство подъ вліяніемъ Рима; но появленіе славянскаго богослуженія и церковныхъ славянскихъ книгъ у Болгаръ и Моравовъ опять привлекло Хорватовъ къ Византіи: Хорваты отпали отъ папы и кажется уже въ это время, въ концѣ 9-го вѣка, приняли славянское богослуженіе. Впослѣдствіи, они опять, и уже окончательно, подчинились папѣ, ввели латинскую литургію, но не совсѣмъ потеряли и славянскую, державшуюся въ глаголическихъ книгахъ. Хорватская земля приобретаетъ затѣмъ извѣстную независимость и князья ея начинаютъ называться королями: слѣдуютъ безпрестанныя войны, дружескія и враждебныя отношенія къ Болгарамъ и Сербамъ, Византіи, Далмаціи и западнымъ соседямъ. Въ концѣ 11-го столѣтія, по смерти послѣдняго короля изъ національнаго дома Держиславичей, хорватское государство подверглось внутреннимъ смутамъ и было на краю гибели: къ этому времени относится соединеніе хорватской земли съ Венгріей; — Хорваты признали венгерскаго короля Коло-

мама и его потомковъ своимъ королемъ, а онъ обѣщался хранить и уважать всѣ ихъ народныя права, вольности и учрежденія. Коломанъ вѣнчался хорватскимъ королемъ въ 1102 г. Съ тѣхъ поръ Хорваты раздѣляли венгерскую исторію: ими управляли королевскіе намѣстники или баны, а венгерскіе короли стали называться королями Хорватіи и Далмаціи, впоследствии и Славоніи. Это соединеніе было долго безобидное для обѣихъ сторонъ: Хорваты пользовались своей конституціей, подчиняясь однако въ большей или меньшей степени господствующему элементу; они дѣлили подвиги венгерской исторіи, имѣли своихъ славныхъ героевъ въ войнахъ съ Турками, и, подобно Венграмъ, сохранили старую свѣжесть своего племени. Новѣйшее время поссорило ихъ: притязанія венгерской національности на исключительное господство вызвали со стороны Хорватовъ рѣзкую оппозицію, которая, съ одной стороны, дала новую жизнь литературѣ западныхъ Сербовъ, съ другой, привела къ кровавому столкновенію, ознаменовавшему 48 — 49 годы.

Собственное хорватское нарѣчіе, въ тѣсномъ смыслѣ, не имѣло литературы. Въ первый разъ оно является въ книгахъ въ 16-мъ столѣтіи, въ то время, когда въ эти земли, къ Хорватамъ и Хорутанамъ, проникла реформація. Новое ученіе встрѣтило здѣсь усердныхъ послѣдователей; оно нашло поддержку въ сильныхъ магнатахъ, такъ что хорватскіе послѣдователи реформаціи, во второй половинѣ 16-го столѣтія, могли сдѣлать попытки для религіознаго просвѣщенія народа. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ покровителей этой дѣятельности былъ князь Юрій Зринскій (+1603), который устроилъ хорватскую типографію въ Загребѣ (1570). Здѣсь архидіакомъ Микалъ Бучичъ напечаталъ, какъ говорятъ, «Новый Заветъ», «Христіанское ученіе» и проч., — книги, совершенно истребленныя потомъ іезуитской инквизиціей. Въ той же типографіи Иванъ Шергошичъ издалъ свой хорватскій переводъ «Венгерскихъ правъ» (1574). Антонъ Вrameцъ написалъ «Хронику» (Люблина 1578) и «Толкованіе на евангеліе» и проч. Бучичъ открыто принялъ и проповѣдывалъ кальвинизмъ; вмѣстѣ съ своими послѣдователями онъ подвергся преслѣдованію епископовъ и синодовъ, но нашелъ нѣкоторое покровительство въ терпимости императора Максимилиана II. Но при его преемникахъ дѣла приняли иной оборотъ: сильнѣйшіе изъ венгерскихъ магнатовъ поднялись съ оружіемъ въ рукахъ на защиту римской церкви, и новое ученіе пало. Хорваты возвратились къ католицизму и не имѣли своихъ типографій до времени Павла Витезовича (1696); народный языкъ, вспомнутый протестантизмомъ, опять уступилъ мѣсто латыни.

Новыя попытки начать литературное развитіе народа относятся уже ко второй половинѣ 17-го вѣка. Не много впрочемъ было писателей, которые обратили вниманіе на народный языкъ; между ними могутъ быть названы: Петръ Зринскій, банъ хорватскій (+1667), — правнукъ сигетскаго героя Зрини, — который перевелъ поэму, написанную его братомъ Николаемъ, пер-

воначально по венгерски: «Adrianszkoga mora Sirena» (Венеція 1660); Юре Габделичъ, іезуитъ, написавшій «Dictionarium vocabulorum croaticorum», и кроме того «Kerztchanzki pavuk», «Pervi otca nashega Adama greh» (1674) и др.; но въ особенности Павелъ Риттеръ или Витезовичъ (+1713). Онъ снова устроилъ въ Загребѣ типографію и оставилъ много латинскихъ и хорватскихъ сочиненій, — изъ послѣднихъ напримѣръ всемірную «Хронику» (доведенную потомъ Рафаемъ до 1744; Лауренчичемъ и Керчеличемъ до 1762), поэмѣ «Oddiljenje Szigetzko», «Хорватскую Спвицку», и наконецъ также хорватскій словарь. Въ загребской библіотекѣ Сакцинскаго находится также поэма Витезовича, писанная босанско-хорватской кириллицей, въ прославленіе Петра Великаго, — «сѣвернаго влаетелина», котораго онъ желалъ видѣть обладателемъ Царяграда и освободителемъ турецкихъ христіанъ, и которому посвящали свои поэтическія труды и другіе западно-сербскіе поэты¹⁾. Но стремленія Витезовича не имѣли успѣха; число хорватскихъ писателей увеличивается уже только со второй половины 18-го столѣтія, и особенно въ началѣ нынѣшняго. Первое мѣсто занимаетъ между ними Тома Милкушичъ (+1833): по старому обычаю онъ писалъ также и по латыни; изъ хорватскихъ его сочиненій извѣстны больше другихъ: «Ztoleini kalendar», «Izbor dugovany vszakoverztneh» (1821), «Podtuchanua vu najpoglaviteshek vere iztina»; кроме того много стихотвореній хорватскихъ и латинскихъ. Коритичъ переводилъ въ стихахъ псалмы и Виргилія; Кризманичъ переводилъ прозой Мильтона и проч. Въ третьемъ десятилѣтіи для дѣятельности хорватскихъ писателей наступаетъ новая пора, когда литература становится дѣйствительнымъ отраженіемъ и орудіемъ общественной жизни, и когда она вышла изъ ограниченныхъ предѣловъ мелкаго областного нарѣчія. Хорватскіе писатели, между которыми на первомъ планѣ дѣйствовали докторъ Л. Гай, выбрали своимъ литературнымъ языкомъ тотъ языкъ, на которомъ совершалось развитіе старой западно-сербской литературы, и ихъ дѣятельность приобрѣла значеніе, важное для цѣлаго сербскаго міра не только западнаго, но и восточнаго. Собственно хорватское нарѣчіе предоставлено было своей судьбѣ: на немъ только изрѣдка появляются книги для простаго народа. Серьезные вопросы политики и общественной жизни выражаются на новомъ литературномъ языкѣ, которому дали тогда названіе «иллирскаго», — долженствовавшее соединить всѣ частныя отрасли не только западнаго, но и восточнаго сербскаго племени въ одно національное цѣлое.

4. ХОРУТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Прежде, чѣмъ перейти въ этому новому періоду западно-сербской литера-

¹⁾ Rodosudje, iliti osudi iz imén prejasnoga etc. poglavnika i gospodina, gospodina Petra Aleksijevice, cara moskovskoga и проч. съ латинскимъ переводомъ: Geniticon sive fatum etc., въ стихахъ. См. Arkiv, кн. 5, 1859, стр. 141, 170. Стихотвореніе выдано въ 1710, и хорватскій текстъ напечатанъ двумя азбуками — латинской и кирилловской. Перепечатано въ Читен. Моск. Общ., 1862, кн. 2.

туры, мы упомянемъ еще объ одной отрасли его — Хорутанахъ¹⁾. Старая средневѣковая исторія Каринтін, Крайна, Штирія и Истрія земель, занятыхъ племенемъ Хорутанъ, чрезвычайно запутывается въ народныхъ переселеніяхъ, такъ что очень трудно сказать, было ли здѣсь славянское население раньше 6-го вѣка, когда хорутанскіе Славяне были вытѣснены сюда Аварами съ востока. Но съ этого времени есть уже несомнѣныя историческія данныя объ этомъ народѣ, который у западныхъ писателей называется обыкновенно Виндами и Карантанами, а по славянски — Словинцами или Хорутанами (у Нестора и Данимила). Быстро распространившись и утвердившись въ этихъ земляхъ, Хорутане съ самаго начала вступаютъ во враждебныя отношенія къ Аварамъ, къ своимъ итальянскимъ и нѣмецкимъ сосѣдямъ и къ Византіи, еще имѣвшей владѣнія въ этихъ мѣстахъ. Въ 7-мъ столѣтіи хорутанскіе Славяне присоединяются къ обширному славянскому царству Само (627—662), который подавилъ въ это время аварское царство. Но этотъ славянскій союзъ не удержался надолго, и Хорутане опять впадаютъ въ столкновенія съ сосѣдями, которыя кончились тѣмъ, что Хорутане подчиняются сначала Баварцамъ, а потомъ, въ концѣ 8-го столѣтія, при Карлѣ Великомъ, окончательно подчиняются Франкамъ. Положеніе покоренныхъ было очень трудно: побѣдители оставили Славянамъ ихъ мелкихъ князьковъ, — но только для того, чтобы удобнѣе управлять ими; затѣмъ они были совершенно подчинены нѣмецкимъ герцогамъ и маркграфамъ. Земли, занятія покоренными вьндскими Славянами и Аварами, образовали подъ властью Карла Великаго и его преемниковъ три провинціи: Восточную марку, послужившую впоследствии основаніемъ герцогству австрійскому; даже княжество Хорутанское (Каринтін, Карантанія) и наконецъ славянскую Украину, состоявшую изъ нынѣшняго Крайна, части Каринтін и части Штирія. Первые двѣ земли подчинены были герцогству баварскому, послѣдняя — фриульскому или фурлянскому. Съ тѣмъ вмѣстѣ кончается независимое славянское существованіе этихъ земель, исторія которыхъ входитъ въ исторію нѣмецкой имперіи.

Христіанство проникло къ вьндскимъ Славянамъ уже давно: еще съ 7-го

¹⁾ О хорутанской исторіи, языкѣ, литературѣ см.: Göth, Das Herz. Steiermark etc., Wien 1840—41, 2 т.; — K. Mayers, Gesch. von Kärnten, Cilly 1786; — Valvasor, Ehre d. Herz. Krain, Laib. 1689. 4 т.; — A. Linhart, Versuch einer Gesch. von Krain, Laib. 1788—91, 2 т.; — Murchar, Geschichte d. Herz. Steiermark, Grätz 1844—1850, 5 т.; — Herrmann, Handbuch der Gesch. d. Herz. Kärnten, Klagenf. 1843; — Ant. Krempf, Dogodovšine Štajerske zemlje, v' Gráci 1845 стр.; — Клуиъ, Словениа (въ Р. Бекѣлѣ 1857).

— Контаръ, Grammatik der Slaw. Sprache in Krain, Kärnten und Steiermark, Laib. 1800; — P. Dańko, Lehrbuch der windischen Sprache, Grätz 1824; — F. S. Metelko, Lehrgebäude der slovenischen Sprache im Königreich Illirien etc. (по системѣ Добровскаго), Laibach 1825; — Мурко, Gram. der slaw. Sprache in Steiermark, Grätz 1843; — Янежичъ, Slovenska slovnica, Celov. 1854; — Янежичъ, Popólni ročni slovár slovenskega in némšk. jezika, Celov. 1851, 2 т.

— Dr. Klun, Die slovenische Literatur. Eine historische Skizze, Wien 1864 (изъ „Oesterreichische Revue“ 1864, 3 Bd., стр. 76—100; 5 Bd., стр. 52—66); — P. J. Safarik, Geschichte der Südslawischen Literatur. I. Slowenisches und glagolitisches chriſtthum (herausg. von J. Jireček). Prag 1864.

столѣтія западные проповѣдники начинаютъ появляться у Хорутанъ, и притомъ съ двухъ сторонъ: со стороны Аквилей, отъ духовенства итальянскаго, и со стороны Зальцбурга, отъ Нѣмцевъ. Но аквилейскіе патріархи меньше прилагали заботъ объ этомъ предметѣ, чѣмъ епископы зальцбургскіе, и послѣдніе дѣйствительно приобрѣли потомъ главную духовную власть надъ этими землями. Христіанство, проводимое западнымъ духовенствомъ, принималось впрочемъ туго: Славяне не понимали латинскаго богослуженія и подозрѣвали своекорыстныя цѣли въ стремленіяхъ иноземнаго духовенства. Нѣсколько разъ происходили восстанія. Но проповѣдь продолжалась съ 7-го вѣка постоянно. Во второй половинѣ 8-го столѣтія особенно ревностно заботился о распространеніи христіанства между Хорутанами епископъ зальцбургскій Виргилій, получившій поэтому имя апостола Хорутанъ, — хотя самъ онъ ни разу не навѣстилъ лично этихъ земель. Окончательное введеніе христіанства установилось послѣ франкскаго покоренія, когда западному духовенству открыты были всѣ пути для достиженія этой цѣли: хорутанскіе христіане зависѣли отъ аквилейскаго патріарха и зальцбургскихъ епископовъ и приняли латинскую литургію по римскому обряду.

Этимъ хорутанскимъ Славянамъ принадлежать знаменитые *Фрейдзингенскіе отрывки*, заключающіе въ себѣ двѣ формулы исповѣди и отрывокъ поученія, вставленные въ старую латинскую рукопись. Эти отрывки относимы были учеными къ началу 11-го, къ 10-му и даже 9-му вѣку, такъ что они считаются однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ славянскаго языка ²⁾. Эти отрывки, — по мнѣнію Шафарика, писанные въ 957—994, можетъ быть епископомъ фрейдзингенскимъ Авраамомъ, — очевидно служили для латинскихъ священниковъ, которые должны были имѣть руководство для поученія своей славянской паствы. Такому памятнику и естественно было явиться въ странѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, проповѣдь христіанства была постоянно въ рукахъ латинскаго духовенства — итальянскаго и нѣмецкаго. Не смотря на то, въ ученомъ славянскомъ мірѣ до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что Хорутане были именно тѣмъ славянскимъ народомъ, для котораго была изобрѣтена Кирилломъ и Меѳодіемъ знаменитая азбука, и что именно на ихъ языкъ и было переведено ими св. Писаніе. Первымъ защитникомъ этого мнѣнія былъ знаменитый въ свое время Копитаръ, родомъ Крайнецъ, о которомъ мы будемъ говорить дальше; онъ относилъ къ хорутанской землѣ то, что говорилось о дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ Панноніи (т. е. Паннонской Моравіи), объяснялъ старо-славянскій языкъ формами хорутанскаго нарѣчія и обстоятельствами хорутанской исторіи, и старался доказать, что хорутанская земля и была родиной старо-славянскаго языка. Но парадоксъ Копитара не имѣетъ за себя ни историческихъ, ни филологическихъ данныхъ...

²⁾ Изданіе ихъ съ fac-simile и объясненіями см. у Келлена, въ „Собраніи словенскихъ памятниковъ, находящихся въ Россіи“, Спб. 1827. 4°, и у Копитара, *Glagolita Sloz. Vѣna* 1836.

Послѣ Фрейзингенскихъ отрывковъ, мы на нѣсколько столѣтій теряемъ изъ виду хорутанское нарѣчіе. Настоящая исторія его литературнаго развитія начинается только со времени реформаціи, когда въ Штирію, Каринтію и Брайнь проникло новое ученіе и нашло тамъ горячихъ послѣдователей. Хорутанскіе приверженцы реформы естественно пришли къ мысли воспользоваться для распространенія новаго ученія народнымъ языкомъ. Такимъ образомъ во второй половинѣ 16-го вѣка, хорутанское нарѣчіе вдругъ приобрѣло извѣстную обработку въ книгахъ, которыя должны были служить для религіознаго просвѣщенія народа. Знаменитѣйшій изъ этихъ хорутанскихъ дѣятелей реформы былъ Примусъ Труберъ (1508—1586), каноникъ и викарій въ нѣсколькихъ мѣстахъ Карниоліи и Каринтіи. Онъ рано кажется сталъ приверженцемъ реформы; онъ сдѣлалъ распространеніе ея въ своемъ народѣ цѣлью своей жизни и для того рѣшился писать на нарѣчій, которое еще не было до тѣхъ поръ письменнымъ. «Тридцать четыре года тому назадъ, — говорилъ онъ въ своемъ изданіи Новаго Завѣта 1582, — не было писано нашимъ языкомъ даже писемъ, не говоря о книгахъ; народъ думалъ, что нмдскій и венгерскій языки слишкомъ грубы и дикі, чтобы на нихъ писать или читать». Дѣятельность Трубера нашла усердную поддержку въ баронѣ Иванѣ Унгнадѣ, который вслѣдствіе приверженности къ реформаціи долженъ былъ оставить родину и переселиться во владѣнія герцога Виртембергскаго, открывшаго у себя убѣжище для тѣхъ, кто терпѣлъ въ другихъ мѣстахъ за свою вѣру. Унгнадъ ревностно заботился о распространеніи протестантскихъ книгъ, основалъ типографію и давалъ средства для изданій цѣлому кружку славянскихъ протестантовъ, которые собрались здѣсь и печатали книги хорватскія и краинскія, глаголическія и кирилловскія. Въ одно время и отчасти непосредственно вмѣстѣ съ Труберомъ на этомъ поприщѣ трудились въ особенности Себастьянъ Крель (1538—1567), Юрій Далматинъ (+1589) и Адамъ Богоричъ, которые, особенно послѣдній, старались объ усовершенствованіи языка, еще далеко не установленнаго Труберомъ. Кромѣ того, въ этой дѣятельности участвовали также истриянинъ Степанъ Консуль, Антонъ Александровичъ Далматинъ, сербъ Матвій Поповичъ, далматинцы Юрій Юричичъ и Леонардъ Мерчеричъ, боснякъ Иванъ Малешевичъ и другіе представители южно-славянскихъ народностей, собравшіеся вокругъ Трубера³⁾. Книжки печатались, кромѣ хорутанской Люблины (Лайбахъ), преимущественно въ Тюбингенѣ, потомъ въ Урахѣ, Виттенбергѣ, Регенсбургѣ, Нюрнбергѣ и проч. Кромѣ изложенія протестантскаго ученія, издатели скоро позаботились и о переводѣ св. писанія. Не зная по гречески, Труберъ составлялъ свой переводъ Новаго Завѣта по латинскому, нѣмецкому и итальянскому

³⁾ Объ исторіи этой типографской дѣятельности славянскихъ протестантовъ см. Schnapper, *Slawischer Buchdruck in Württemberg im XVI Jahrh. Tübingen 1709*; Добровскаго, *Slavin и Копитаръ, Хорув. грамматика*; также *Arhiv za pov. jugosl. 1, 142* слѣд.

переводамъ: впоследствии издана была и цѣлая *kybala* (1584). При этомъ долженъ былъ конечно явиться и неизбѣжный вопросъ объ орфографіи: мы уже сказали, что первые послѣдователи Трубера расходились съ нимъ въ системѣ языка и правописанія. Первую грамматику написалъ ученый Адамъ Богоричъ (Виттенб. 1584) ученикъ Меланхтона ⁴⁾.

Но эта протестантская жизнь не долго удержалась у хорутанскихъ Славянъ и Хорватовъ. Въ первой половинѣ 17-го столѣтія, римскіе католики, поддерживаемые деспотическими мѣрами эрцгерцога, а потомъ императора Фердинанда II, взяли окончательно верхъ надъ приверженцами реформы. Начала свою дѣятельность «Reformatiōis-Commissiō in Krajn», занимавшаяся восстановленіемъ католичества, и дѣла перемѣнились. Всѣ евангелическіе проповѣдники и всѣ, кто не хотѣлъ отнаться отъ протестантизма, были изгнаны, имѣнія ихъ конфискованы, люблянская типографія уничтожена—книги были сожигаемы иезуитами... Съ этихъ поръ начинается *католическій* періодъ словинской литературы, обнимающій 17-е и 18-е столѣтія. Въ теченіи 17-го столѣтія католическое духовенство только изрѣдка издавало на народномъ языкѣ книги чисто религіознаго и поучительнаго содержанія. Намъ достаточно назвать имена: ревностнаго католика епископа Грена (Chrön, Hren, +1630), подъ наблюденіемъ котораго изданъ переводъ евангелія; Кастеллеца (Matija Kastelec, Castellek, Kasteliz); Янежа Керстника (Janez Kerstnik od S. Križa, Jo. Baptist a S. Cruce); тупаго грамматика капуцина Ипполита (+1722); Пагловица (1690—1740) и др. Начинаетъ, еще въ 17-мъ столѣтіи, показываться и ученая дѣятельность, но языкомъ ея былъ латинскій и нѣмецкій; такими учеными были І. Л. Шёнлебенъ (+1681) и особенно Вальвасоръ (+1693), стоявшіе поэтому внѣ развитія національной литературы.

Истребленіе реформациі было тяжелымъ ударомъ для хорутанской народности; съ побѣдой католицизма беретъ верхъ и нѣмецкое вліяніе. Когда для высшихъ классовъ нѣмецкій языкъ становился языкомъ образованія, и когда народный языкъ предоставлялся неразвитой массѣ, — литература не могла имѣть большаго успѣха. Только въ послѣднее время, когда у всѣхъ Славянъ обнаружился попытки самобытной національной дѣятельности, хорутанскій народъ нашелъ также нѣсколькихъ защитниковъ своей національности. Словинскія книги стали появляться чаще со второй половины 18-го столѣтія, и литература уже начинаетъ оставлять свою прежнюю исключительно религіозную точку зрѣнія, хотя все еще остается главнымъ образомъ въ рукахъ духовенства. Новый періодъ ея начинаютъ съ патера Марка Поглина (1735—1801), который сталъ издавать книжки для народа

⁴⁾ Заглавіе этой грамматики: *Arcticae horulae succisivae de Latino-Carniolana literatura, ad Latinae linguae analogiam accommodata, unde Moschoviticae, Butenicae, Polonicae, Boemicae et Lusaticae linguae cum Dalmatica et Croatica cognatio facile deprehenditur* и проч. Разборъ ея см. у Добреянаго, *Slavin* 1834, стр. 11—22, 124—145.

и распространил круг читателей; его последователями и сотрудниками были: Ирий Явель (1744—1807), Блажь Кумердей, Антошь Лингарты (1758—1795), нѣмецкій историк Крайма и словинскій писатель, и въ особенности монах-поэт Валентинъ Водникъ (1758—1819). Водникъ однимъ изъ первыхъ съ наибольшимъ успѣхомъ сталъ вводить въ литературную дѣятельность народный языкъ, и какъ многіе писатели славянскаго возрожденія, соединилъ трудъ поэтическій съ трудомъ издѣлователя своей народности. Многія изъ его пѣсенъ стали народными. Въ 1809 онъ писалъ свои пошественныя пѣсни (pěsmi sa bratovozke) для словинскаго ополченія; но тогда «Иллирія» отошла къ Франціи, ценилась его «Ilijin oživljenje», въ которой выказались его національно-патріотическія надежды народной цѣлости и свободы и которая послѣ навлекла на него преслѣдованія австрійскаго правительства. Водникъ есть вообще замѣчательнѣйшая личность словинской литературы, которая начиниеть съ его дѣятельности свой новѣйшій періодъ. Въ этомъ новомъ періодѣ извѣстны литературной обработкой языка и поэтическими трудами въ особенности епископъ Матеужъ Равникаръ, Петръ Дашко, Урбанъ Ярникъ, Якобъ Зупанъ, Миха Кастеличъ (его Krajska Zibeliza, 1830) и замѣчательнѣйшій изъ новыхъ хорутанскихъ поэтовъ Францъ Прешернь. Народныя пѣсни этого племени собирали всего лучше Станко Вразъ, Коритко (†1839; Slovenske pèsmi krajnskiga naróda. Лайб. 1839—42, 4 вып.), Ант. Янежичъ⁵⁾ и другіе.

Извѣстное нравственное вліяніе имѣли въ новой дѣятельности словинскихъ писателей и труды знаменитаго Копитара; но труды его, какъ и труды его ученика и единоплеменника Фр. Миклошича, всё писаны по нѣмецки и по латыни и потому не имѣютъ непосредственнаго мѣста въ хорутанской литературѣ, тѣмъ больше, что содержаніе ихъ—отвлеченная филологія и археологія.

Нѣсколько книгъ имѣеть и родственное хорутанскому нарѣчіе штирско-словинское въ западной Венгріи,— между этими Словинцами остались единственные слѣды прежняго хорутанскаго протестантства. Ихъ нарѣчіе приближается съ другой стороны къ словацкому, такъ что можетъ считаться соединительной нитью между языками западнаго и восточнаго славянства. «Новый Заветъ» переведенъ былъ на это нарѣчіе Степаномъ Кюзъмичемъ (Stevan Kuzmics: Nouvi Zakon и пр., Галле 1771, Спб. 1818).

Въ настоящее время хорутанское нарѣчіе поставлено въ литературѣ едва ли не хуже всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Это немногочисленное и раздѣленное племя не имѣеть достаточно силы, чтобы образовать свою самостоятельную литературу и все еще однако держится отдѣльно отъ содѣвшихъ Хорватовъ, которые могли бы служить для него поддержкой. Вся литература Хорутанъ ограничивается только случайными книжками. кален-

⁵⁾ А. Janežić, Cvetie Slovanakega naróda, кн. 1-я. Цезозекъ 1852.

дарями и алманахами, которые представляются постороннему наблюдателю «последними вспышками затухающего огня». Кажется ни одно славянское племя Австрii не обильничает и не истощается так быстро, как хорутанское. Страсть къ національной особности грозитъ стать для него причиною окончательнаго паденiя... «Въ послѣднiя десяти лѣтъ, — замѣчаетъ о хорутанскомъ народѣ новѣйшiй путешественникъ, негодующiй противъ Нѣмцевъ, — германизация пустила такiе глубокiе корни, что не въ городахъ уже только, а въ селахъ и деревняхъ не трудно бывають встрѣтить Словянцевъ или забывшихъ языкъ свой, или на полонинѣ, если не болѣе, примѣшивающихъ къ нему словъ нѣмецкихъ. Въ молодомъ поколѣнiи нѣмецкiй языкъ сталъ модою... Теперь нѣтъ больше и неудовольствiя на отсутствiе языка роднаго во всѣхъ общественныхъ учрежденiяхъ, а этимъ еще болѣе дана возможность скорѣе устранить и то, что еще осталось изъ туземнаго, напоминающаго о народности.»⁶⁾

Б. НОВАЯ СЕРБСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Возрожденiе литературы у Сербовъ православныхъ почти совпадаетъ съ политическимъ возрожденiемъ Сербовъ, но тѣмъ не менѣе явилось независимо отъ него: свобода Сербii поддержала впрочемъ это явленiе, — и дало возрождающемуся образованiю Сербовъ силу и обезпеченность развитiя, какихъ до сихъ поръ еще не имѣетъ подневольный народъ болгарскiй. Возрожденiе сербской литературы, съ другой стороны, совпадаетъ съ возрожденiемъ чешской литературы, — и то, и другое было фактомъ пробуждающагося славянскаго сознанiя, которое потомъ сформировалось въ цѣлый особый порядокъ идей, получившiй названiе панславизма.

Мы видѣли, что покоренiе православной Сербii окончательно порвало всякую возможность литературной жизни. Вѣншнiя бѣдствiя не давали даже и матеріальныхъ способовъ образованiя и первые признаки обновленiя нации являютъ очень естественно у православныхъ сербскихъ переселенцевъ въ Австрii. Побужденiе къ давно прерванной литературной дѣятельности явилось у нихъ естественно, когда въ среду ихъ начало проникать образованiе, существовавшее въ ихъ обстановкѣ; и естественно также, что первые изданныя книги, порожденные этими обстоятельствами, могли не совсѣмъ соответствовать тому положенiю, въ которомъ находилась вся масса народа, и ея потребностямъ. Еще въ 1742 г. Жефаровичъ издалъ

⁶⁾ Русское Слово 1861, кн. I, стр. 28. Д-ръ Клаунъ защищаетъ словинскiй языкъ отъ подобныхъ нареканiй, хотя сознается, что около Лайбаха народный языкъ уже крайне южореченъ: «не слѣдуетъ однако — прибавляетъ онъ — судить о словинскомъ языкѣ по тѣмъ ужасающимъ уродливостямъ (abschreckende Verunstaltung), какiя напр. приходится слышать въ Лайбахѣ, гдѣ пестро перемѣшаны нѣмецкiя и даже италiйскiя слова съ славянскими окончанiями, или славянскiя слова съ нѣмецкими окончанiями, и гдѣ все это производятъ такое смѣшенiе языковъ, что одинъ сатирикъ остроумно противопоставилъ эту „iblandska Spraha“ и настоящiй „Slovenaki jezik“». (Oesterr. Revue 8, 82).

генеалогическую «Стематографию», д-ръ Янковичъ въ 1787 — физическое сочиненіе объ испареніи воды въ воздухѣ, Ст. Ранчъ — «Разсужденіе о недостаткахъ воспитаній» (1794); Терланчу (1766—1811), секретарю русскаго посланника кн. Голицына принадлежать книжки: «Идеи, или мужская и женская добродѣтель» (съ иѣм. 1798, Вѣна) и «Нума Помпилій» (Пестъ 1801), и т. п. Ясное дѣло, что подобныя книжицы не особенно были нужны народу, большинство котораго было притомъ совершенно безграмотно и который для начала нуждался бы въ вещахъ болѣе вразумительныхъ и нужныхъ, чѣмъ Нума Помпилій или книжка объ испареніи воды.

Эти книжки были тѣмъ менѣе доступны народу, что писались на особомъ языкѣ, представлявшемъ испорченный церковный языкъ съ сербскими примѣсями. Въ силу той литературной общности, которая соединяла православныхъ Славянъ въ старомъ періодѣ и доставляла произведенія болгарскія и сербскія Русскимъ, теперь Сербы и Болгары къ своей очереди пользовались книгами, дошедшими къ нимъ изъ Россіи. Книжки эти были почти исключительно церковныя, съ тѣми формами старо-славянскаго языка, какія получилъ онъ въ средневѣковую пору русскою письменности. Въѣсть съ языкомъ церковныхъ книгъ, до нѣкоторой степени пріобрѣталъ извѣстность и русскій языкъ: вліяніе его уже замѣтно у западно-сербскаго исправителя глаголическихъ книгъ Карамана (см. выше), и теперь еще болѣе естественно было у Сербовъ православныхъ, которыхъ связи съ Русскими были конечно гораздо ближе. Языкъ церковныхъ книгъ былъ впрочемъ знакомъ Сербамъ только грамотнымъ, читавшимъ много славянско-русскихъ книгъ: для народа онъ былъ непонятенъ въ той же степени, какъ церковный языкъ непонятенъ массѣ и у насъ. Замѣчательнѣйшимъ изъ писателей, употреблявшихъ этотъ сѣтянанный языкъ, былъ архимандритъ І. Ранчъ (1726—1801), родомъ изъ Карловца, получившій свое высшее образованіе въ Кіевѣ и усвоившій себѣ языкъ нашихъ церковныхъ писателей. Изъ его сочиненій всего больше извѣстна его «Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, начиная же Хорватовъ, Болгаровъ и Сербовъ» (Вѣна, 1792—95, въ 4 т.); ему принадлежатъ также «Проповѣди», переведенныя или лучше сказать переложенныя съ русскаго (1794. 3 ч.), «Цвѣтникъ» (1802) и др. (Осталось много и другихъ его сочиненій, между прочимъ духовныя пѣсни, которыя не были изданы. Какъ ни мало было въ этихъ и выше названныхъ нами книгахъ того, что именно было нужно для начинающагося народнаго образованія, эти книги имѣли чрезвычайный успѣхъ. «Народъ, — чему едва можно повѣрить, — принялъ эти сочиненія, которыхъ не понималъ ни по содержанію, ни по языку, съ безграничною любовью и считалъ ихъ сокровищемъ націй; у кого была какая нибудь изъ нихъ, тотъ сохранялъ ее, какъ сивильскую книгу»¹⁾). Такъ говоритъ сербскій писатель, которому мы можемъ вполне повѣрить, — и этотъ горячій пріемъ первыхъ появившихся

¹⁾ Subbotić, Grundzüge, стр. 8.

книжка объясняется инстинктивнымъ ожиданіемъ образовательнаго развитія, цѣна котораго бываетъ понятна для свѣтлаго народа. Если писатели такъ неудачно выбирали предметы для своего литературнаго труда, это объясняется и новостью дѣла, и тѣмъ, что истинная дорога народнаго писателя угадывается только талантомъ или по крайней мѣрѣ близкимъ, на себѣ несомненнымъ, сознаніемъ народной потребности.

Представителемъ такого сознанія является весьма замѣчательный и оригинальный человекъ, съ котораго собственно и беретъ свое начало моралъ сербская литература. Это былъ Досмоей Обрадовичъ (1739—1811), родомъ изъ австрійскаго Бамата. Обрадовичъ пошелъ сначала въ монастырь, но любознательность, часто народнаго свойства, заставила его бросить монастырь и сдѣлала на десятки лѣтъ странникомъ; онъ исходилъ южными землями, былъ въ Турціи, Греціи, Малой Азій, потомъ въ Италіи, Германіи, Польшѣ, Лифляндіи, слушалъ лекціи въ Галльскомъ университетѣ, посѣтилъ Францію и Англію, и наконецъ поселился въ Сербіи, гдѣ былъ наконецъ сенаторомъ, главнымъ начальникомъ школы и воспитателемъ дѣтей Бара-Георгіи. Будучи въ Лейпцигѣ, онъ нашелъ у Брейтшопфа въ типографіи кирилловскія буквы, и это дало ему мысль издать своей *Жизнь (жизнь) и приключенія* (1783). Затѣмъ онъ нанечаталъ *Совѣты здраваго разума*, въ 1788 свои *Виски*, въ 1789 *Собраніе разныхъ нравоучительныхъ вещей*. По его смерти, Соларичъ издалъ его «Мезимца»; затѣмъ сочиненія его изданы были въ Бѣлградѣ 1833, *Дамашинія письма*—тамъ же 1845. Второе изданіе сочиненій вышло въ 1850 («Сва дѣла», въ 10 кн., въ Новомъ-Садѣ). Великая заслуга Обрадовича состоитъ въ томъ, что онъ первый понялъ и указалъ на дѣла, какъ и что слѣдовало писать для сербскаго народа. Вышедши самъ изъ народа, онъ всегда остался близокъ къ народной точкѣ зрѣнія, зналъ народныя нужды и недостатки, и понимая, съ чего нужно начать развитіе народныхъ понятій, сталъ говорить тѣмъ языкомъ, который былъ прямо и непосредственно доступенъ для массы. Въ томъ положеніи дѣла, какое было во второй половинѣ прошлаго столѣтія, не было другаго исхода: народъ не понималъ церковнаго языка, и чтобы дѣйствовать на него, нужно было говорить его языкомъ, да и не то, что онъ могъ найти въ своихъ старыхъ книгахъ. Обрадовичъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вполне сознательно. Правда, въ его языкѣ есть еще остатки створой манеры, но въ цѣломъ онъ былъ безъ сомнѣнія народенъ, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Дѣло не обошлось безъ протѣворѣчій. Въ своихъ «Совѣтахъ здраваго разума» Досмоей Обрадовичъ рассказываетъ, между прочимъ: «когда мой игуменъ умѣлъ, что я держу въ руцѣ книжку, напечатанную гражданскими буквами, то прямо сказалъ мнѣ, что если я не буду остерегаться такихъ книгъ, то потеряю и тѣ крохи разума, какія есть. Развѣ ты не видишь (говорилъ игуменъ), что въ этой книгѣ половина латинскихъ буквъ, и развѣ ты не знаешь, что всякая книга, въ которой есть хоть одна латинская буква, проклята, и что съ тѣхъ поръ,

какъ начали выходить такія книги, люди начали вѣтъ улитокъ... Свѣтъ мой бы стоялъ нѣсколько сотъ лѣтъ дольше, если бы вы такими книжками не привели его на край гибели». Въ своихъ письмахъ и автобіографіи этотъ оригинальный человекъ рассказываетъ любопытную исторію своихъ странствій и своихъ патриотическихъ стремленій. Онъ все больше убѣждался въ необходимости науки для своего народа, горевалъ о его невѣжествѣ и рабствѣ, мечталъ объ его освобожденіи отъ ига и соединеніи въ одну крѣпкую землю. Это былъ прямой и непосредственный начинатель сербскаго возрожденія ²⁾. Начало было очень трудно, но не смотря на про-

²⁾ Вотъ нѣсколько выдержекъ, рисующихъ отчасти характеръ этого простодушнаго христіанскаго моралиста и искренняго патриота.

Въ „наравоученіи“ къ баснѣ: „Ластавица и проче птице“, Досиѣевъ Обрадовичъ рассказываетъ, — замѣтить, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія:

„Я самъ различно нащѣ жезло и исково повнати; а ма властито нашу Славено-Сербску одъ Ваната до Албани. У Сербіи, у Босни, у Славоніи, у Далмаціи и Ерцеговини, сюда з у селани ови краљства, характеръ во обще еднакъ; као дасу, нако и есу, одна фамилия. Гди годъ добро стое, ту су великодушни, страннолюбиви, мужествени, пощени (и почтени), на добро склонни, в здравимъ то естѣ общимъ челоувѣскимъ разумомъ одарени; а притомъ и трудолюбиви. Гди се годъ взмету себѣ у комиталку мре, то во майвтой части происходи изъ тога, що су можи греческога и неки римскога закона и наричу едни друге съ коекакви ружни и презрительними именами; при фторе зову, или шокци или бувиенци или римци или латини. А ови ови, власи, ркати и шиматици: А честно, свето и братско име христіани то слава само за се држи; или ако каждема страна другу назове крштяни, или рштяни (христіане), то се за особиту милость и утѣвность твоя в држи; и по несретѣ (я есча стѣю) вродъ редко бива... Этого би не было, замѣчаетъ онъ, если бы священство съ обѣихъ сторонъ было „доброосвѣтано“; оно открыло бы народу очи и объяснило бы ему святую евангельскую науку любви и мира. И теперь мы уже видимъ милость промысла: турецкая власть падаеть, а христіанская вездѣ возвышается. „Сербіа, Босна и Ерцеговина избавитѣе съ временомъ одъ турака и ослободити: али, ако народъ у овнихъ земляхъ не почне отресати одъ себе суевѣріе и невѣжореніа ону древню и боготреку вражду и мрость за законъ (религіозну вражду); они тѣду сами себе бити турци и мучители“. (Басне, Лейпц. 1788, стр. 305—6).

Изъ этого видно, что Досиѣевъ Обрадовичъ понималъ вещи весьма разумно, какъ многие не понимаютъ ихъ и до сихъ поръ.

Въ автобіографіи Обрадовичъ рассказываетъ, какъ мечталъ онъ въ молодости объ ученіи и какъ онъ собирался для этого въ Россію. Однѣ умный старецъ-монахъ, хотя самъ неуменный — по имени Федоръ Милутиновичъ — убѣждалъ его предпочесть науку калугерству (монашеству).

„Козько самъ я простъ и неучень — говорилъ этотъ старецъ — менѣ е миліе видяти ученю младаго Раяча, него четири вселѣнска патриарха, кои би били безъ Науке као я, видно си га како е младъ и безъ браде; али кадъ стане беседити, ми сви с великимъ брадама гледамо га као дасмо изъ дивіегъ вылаета дошли... Вѣруй ми, мой сьнко! кадъ годъ чужѣ младаго Раяча да беседи, узидѣмъ за моимъ младошты и да имамъ наку власть, све би оне наше манастире у школе и у училища преобратио. За то послушай ти мой последия советѣ: пзавди изъ главе то твое свѣтняченѣ; и ти задаемъ мою срѣску вѣру да на тога негѣ ница бити (и лѣго не выдетъ); тражи науку и глудуютъ, и жеднеть, и наготуютъ. Я ти яше желимъ, да у едномъ маломъ сеоцу будѣшь мале деце учитель него у Олову игумена или архимандритѣ...“

Этотъ старецъ прославлялъ Петра Великаго, который ввелъ науки въ свое царство и чрезъ то приобрѣлъ себѣ безсмертное имя „паче всѣхъ земледержцевъ“, и просилъ Бога, чтобы онъ чаще производилъ на свѣтъ такихъ „челоувѣколюбивыхъ цеварей и цезарей“, которые бы могли „сву Европу, Сербію, Босну и Херцеговину, наши стари мило отечество, Болгарію, Грецію и остале божіи раи подобне земля одъ Тиранства Игуности и Варварства избавити и ослободити.“

Эти мнѣнія перенялъ отъ почтеннаго старца и Досиѣевъ. Въ своей автобіографіи онъ рассказываетъ о томъ, какія возраженія встрѣчала его дѣятельность, будто нарушавшая народную старину понятій, — и восклицаетъ: „За що да не коვნемо разумно и

творѣнія, дѣло Обрадовича имѣло полный успѣхъ; книга, писанная народнымъ языкомъ, всякому знакомымъ, по своему легкимъ и выравительнымъ, была новостью и настоящей радостью для народа: у кого была книжка Обрадовича, тотъ берегъ ее какъ драгоценность.

Вліяніе Обрадовича оказалось и на языкъ и на содержаніи книгъ, которыя писались съ тѣхъ поръ у Сербовъ: языкъ славянскій окончательно потерялъ свое господство, и если не исчезъ изъ книги совершенно (онъ имѣлъ своихъ защитниковъ до послѣдняго времени, какъ языкъ возвышеннаго слога), то по крайней мѣрѣ сильно смѣшался съ сербскимъ и даже подчинился ему; съ другой стороны, въ содержаніи книгъ обнаружилось больше вниманія къ народнымъ потребностямъ и степени народного пониманія. Такимъ образомъ, хотя все еще выходятъ книги въ родѣ «Нумы Помпидія», Циммерманова «Уединенія» (пер. Соларича 1809) и т. п., но есть и книги съ практической пользой для народа, какъ напр. «Цвѣтникъ» (сборникъ разсказовъ) упомянутаго Рачца, «Катихизисъ здравія» Н. Хаджича, «Секретарь» т. е. писемникъ Стойковича (+ 1830, профессоромъ въ Харьковѣ), географія Соларича (его же: «Поминакъ книжескій» 1810 и «Римляни славенствовавшіе» 1818) и т. п. Сталъ развиваться и интересъ поэтической: Алекс. Везиличъ уже въ 1788 издалъ книжку «О спокойной жизни»; І. Раччъ — сатирическое стихотвореніе «Бой змѣя съ орломъ» (Вѣна 1791) и въ 1798 трагедію «Урошь»; упомянутый Стойковичъ написалъ два романа въ тогдашнемъ вкусѣ. Но самое замѣтное мѣсто въ этой поэтической литературѣ той поры принадлежитъ Миловану Видаковичу (1779 — 1841). Видаковичъ, родомъ изъ Сербіи, былъ профессоромъ гимназіи въ Новомъ-Садѣ и написалъ много романовъ, имѣвшихъ большой успѣхъ въ сербской публикѣ, напр. «Усамѣни юноша» (Одинокій юноша 1810, 1852), «Любомиръ въ Элизіумѣ или Светозарь и Драгиня» (1814, 1817, 1823, 1857—58, 3 части); «Басія царица» 1827; «Смлоанъ и Милена» 1829 и др.; — въ стихахъ написалъ онъ: «Исторію о прекрасномъ Іосифѣ», «Молодого Товію», «Путь въ Іерусалимъ». Не смотря на то, что въ языкѣ его было еще много славянской приѣсы, онъ читался очень жадно и имѣлъ большое вліяніе

свободно као словесни люди мислити? За що да не дрзнемо и да се неусудимо подесаніе неполезниему предпочитавати? Доклетье сродни шпши у старой простоти лежати?.. Защо, како се що позие противъ стари, плесниви и зартъати обичаи чинити нама да личу: пропадосмо! пропаде православіе... Отье ли православіе пропасти ако не буде вѣровати да има зашпара, да има вещица, да има врачарица, и по воздуху мѣтарства?... Отье ли що найманѣ вреда благочестію и православію бити, ако калугера наставе, ков нису начимъ, развѣ приимъ, али нама нежевидбомъ и именовъ калугери? Не била много полезаніе и богаъ било и за православіе и за народъ, да се гла манастири у школе и у училища преобрате?.. Правда и истина може ли православію бити противна?.. За що смо друго приими одъ Бога разумъ и словесность развѣ да се шпима служимо всегда, мислетъ и разсуждавати?.. (Животъ и приключенія Димитрія (Досвеса) Обрадовича, Лейпц. 1783, стр. 109 — 120).

Такимъ образомъ въ Обрадовичѣ начало національной дѣятельности очевидно связывается съ вліяніемъ европейскаго образа мыслей.

въ своей литературѣ: онъ воздѣлалъ сербскую читающую публику, и въ позднѣйшихъ писателяхъ остались замѣтные слѣды его маперы.

Что въ второиъ десятилѣтїи нынѣшняго вѣка явился въ сербской литературѣ замѣчательный дѣйтель, вліяніе котораго дало ей новую силу въ изученїи народныхъ элементовъ. Это былъ знаменитый Вукъ Стефановичъ Караджичъ (1787 — 1864). Вукъ родился въ турецкой Сербїи и перешелъ въ Австрію съ остатками арміи Георгія Чернаго. Все его образованіе состояло въ умѣнїи читать и писать, но, человекъ очень умный, онъ владѣлъ обширнымъ знаніемъ народного характера, преданій и произведеній народной словесности, и это знаніе доставило сербской литературѣ неслыханныя результаты въ многочисленныхъ сборникахъ пѣсень, сказокъ, пословицъ и проч. Въ 1814 Вукъ издалъ свое первое собраніе народныхъ пѣсень (двѣ части), разнѣженное впоследствии до четырехъ томовъ. Пѣсни Вука обратили на себя европейское вниманіе. Въ то время, когда европейскія литературы десятинами шли къ романтизмѣ непосредственности и народности, когда съ любовью раскапывались преданья средневѣковой поэзіи, пѣсни Сербовъ представляли нежданннй и правоходный образецъ чистаго народного эпоса, не перорченаго ишланики внѣшними примѣсами. Успѣхъ сербскихъ пѣсень дошелъ былъ отразиться и въ литературѣ расширеніемъ національнаго сознанія народа, который былъ авторомъ этихъ пѣсень, и установоленіемъ литературнаго языка. Въ томъ же, 1814, г. Вукъ издалъ вмѣстѣ съ пѣснями свою грамматику, и затѣмъ началъ цѣлый рядъ трудовъ, посвященныхъ изученію языка и народной поэзіи. Чтобы вѣрнѣе изучить свой матеріалъ, Вукъ сдѣлалъ нѣсколько путешествій по Сербїи, Срему, Славонїи, Кроаціи, Далмаціи и Черной Горѣ. Въ 1818 онъ издалъ свой «Српски Рјечникъ» (другое, болѣе обширное изд. Вѣна 1852), потомъ повторялъ изданія пѣсень, постоянно расширяя ихъ объемъ; съ 1826 издалъ нѣсколько выпусковъ альманаха «Даница» (Денница), съ любопытными матеріалами по сербской исторїи и языку; въ 1836 нанечаталъ «Српске народне пословице» (2-е изд. Вѣна 1849), переводъ Новаго Завета (Вѣна 1847); въ 1852 издалъ «Српске народне приповијетке» (сказки), наконецъ нѣсколько другихъ мелкихъ статей и книжекъ... Все эти изданія были несомнѣнно важнымъ приобрѣтеніемъ для сербской литературы и для славянскаго изученія, которое съ третьяго десятилѣтїя нынѣшняго вѣка стало сильнѣе орудіемъ въ нравственной и литературной жизни западнаго славянства. Но если съ одной стороны Вукъ оказалъ огромную услугу сербской литературѣ, то съ другой онъ сдѣлался причиною раздѣленія и безплодныхъ споровъ. Поводомъ къ этому было новое: изобрѣтенное Вукомъ сербское правописаніе. Подъ вліяніемъ ученаго Копитара, о которомъ мы будемъ говорить впоследствии, Вукъ изобрѣлъ новый сербскій алфавитъ, который ошкучительно разрывалъ съ тѣмъ славянско-русскимъ преданіемъ, которое, какъ мы видѣли, удерживалось у Сербовъ, не смотря на возвращеніе къ народному языку со времени Обрадевича. Вукъ требовалъ, чтобы въ литературѣ господствовала чисто-народная

языкъ съ его оборотами и звуками, и изгналъ изъ своего правописанія все, въ чемъ держалась еще аналогія съ изыномъ русскимъ; люди, соувотвующіе Вуку, думаютъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко въ своихъ требованіяхъ народности языка (Subbotić, Grundz., 29), хотя накладываютъ это совершенно естественнымъ, какъ послѣдовательное увлеченіе ново-найденнымъ принципомъ, — но противники Вука (главнымъ образомъ въ княжествѣ) сдѣлали Вуку преступленіе изъ его правописанія. Въ нарушеніи господствовавшей азбуки они видѣли нарушеніе славянской (православной) традиціи и приближеніе къ латинскому алфавиту, съ которымъ нераздѣльно понимается католичество. Эти противники Вука, считали естественныя какъ старовѣры и папаты, удержались однако, и книги, печатающіяся въ Австріи для православныхъ Сербовъ, продолжаютъ сохранять старую орфографію. Одинъ изъ извѣстныхъ сербскихъ писателей, Давидовичъ, бывший секретарешъ князя Милоша, побудилъ Милоша издать запрещеніе на книги, печатанныя по способу Вука (1833); это запрещеніе было постановлено въ 1849. Подозрительность нашла себѣ оправданіе, когда Вукъ въ 1847 издалъ свой переводъ Новаго Завѣта на сербской народный языкъ: въ числѣ разныхъ ошибочныхъ истолкованій нашли одно, приписывавшее апостолу Петру высшую власть надъ другими апостолами; стало также извѣстно, что изданіе сдѣлано было на деньги римской пропаганды. — Это нововведеніе въ орфографію стало такимъ образомъ причиной раздора и горючей полемики, долго и бесплодно занимавшей сербскихъ писателей. Вукъ до сихъ поръ имѣетъ жестокихъ враговъ въ тѣхъ людяхъ, которые приписываютъ его орфографическимъ нововведеніямъ религиозную и политическую тенденцію, и къ за нея не хотятъ признать въ трудахъ Вука и того, что въ нихъ есть дѣйствительно важнаго.

Въ одно время съ Вукомъ началась дѣятельность Дмитрія Давидовича (род. 1789 въ Землинѣ, съ 1821 секретарь князя Милоша). Онъ сталъ дѣйствовать на развитіе литературы посредствомъ газеты, которую онъ издавалъ съ 1814 до 1821; вмѣстѣ съ газетой онъ издавалъ и альманахъ, — въ этихъ изданіяхъ сосредоточилась вся литературная жизнь того времени: здѣсь печатались стихотворенія, статьи историческія, критическія и полемическія. Около Давидовича собрался кружокъ, въ которомъ соединялись лучшіе представители литературной дѣятельности, составившіе себѣ большую славу у сербскихъ читателей: между ними былъ напр. шинатовецкій архимандритъ, потомъ епископъ, Мушицкій и Милошъ Светичъ. Лукіанъ Мушицкій (1777—1837) есть одно изъ самыхъ знаменитыхъ именъ сербской литературы: при жизни онъ издалъ только немногія изъ своихъ стихотвореній, но и они уже доставили ему великую славу у соотечественниковъ; онъ имѣлъ также значительное вліяніе на развитіе литературной предпринимчивости. Въ 1819 онъ издалъ «Гласъ шинатовоцкой арфы», въ 1821 «Гласъ народолюбца»: его стихотворенія (оды) были собраны уже по его смерти въ Новомъ-Садѣ 1838—48, въ 4 кн. Мушицкій произвелъ сильное впечат-

дѣле и имѣлъ множество, впрочемъ неудачныхъ, подражателей: въ его талантѣ впервые видѣли истинно поэтическую силу, направленную на сюжеты чисто національныя. Мушицкій создалъ въ сербской литературѣ національную оду, прославлявшую языкъ, вѣру и героев Сербіи. Въ языкѣ его одъ сначала слышалось вліяніе славянской манеры, но потомъ онъ стремился дать ему болѣе народный колоритъ. Но вліяніе Мушицкаго совершалось въ ограниченныхъ предѣлахъ: съ одной стороны его поэзія слишкомъ была привязана къ случайнымъ обстоятельствамъ дня, съ другой она облакалась въ классическія формы, которыя хотя и удавались автору, но во всякомъ случаѣ не были лучшей формой для сербской поэзіи. Нѣсколько позднѣе его выступилъ на литературное поприще Милошъ Светичъ (псевдонимъ І. Хаджича, род. 1799): въ 1821 онъ издалъ свое первое поэтическое произведеніе «Отзывъ молодого серба на Голосъ шпинетовацкой арфы», въ 1827—переводъ Горация *De arte poetica* и другія стихотворенія; наконецъ онъ извѣстенъ трудами историческими и филологическими (его «Дѣла» изданы въ Карловцѣ 1858).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сербская литература пріобрѣтала болѣе сознательности, она стала болѣе заботиться и объ элементарныхъ потребностяхъ народа. Точно также, какъ новая болгарская литература, она получаетъ характеръ педагогическій, наполняется руководствами и популярными книгами. Во второмъ и третьемъ десятилѣтіи число этихъ книгъ сравнительно съ прежнимъ, очень возрастаетъ. Вуичъ переводитъ «Естествоисловіе» (ест. исторію) и «Робинзона» Кампе; Ст. Живковичъ переводитъ приключенія Телемака; Боичъ пишетъ «Памятникъ» славныхъ сербскихъ людей; П. Атанасковичъ переводитъ «Тысячу и одну ночь», Юрій Магарашевичъ (род. 1792, былъ профессоромъ въ Новомъ-Садѣ) пишетъ новую европейскую исторію и переводитъ «Жизнь Наполеона»; наконецъ издаются руководства географіи, физики, всеобщей исторіи, рекомендуется «Новооткрытая школа добродѣтели» и т. п. Этимъ пока и удовлетворялась простодушная и еще незвзыскательная публика.

Материальныя средства начинавшейся литературы были чрезвычайно незначительны; читающій кружокъ былъ невеликъ и небогатъ,—такъ что успѣхъ дѣла существенно зависѣлъ отъ облегченія изданія книгъ и распространенія ихъ въ публикѣ: нужно было наконецъ и обезпеченіе литературнаго труда. Всѣмъ этимъ потребностямъ стремилось удовлетворить учрежденіе, основанное въ 1825 г. подъ названіемъ *Сербской Матицы* и представлявшее родъ литературной компаніи на акціяхъ, дивидендомъ которыхъ служатъ книги. Матица основана была упомянутымъ І. Хаджичемъ, вмѣстѣ съ Мушицкимъ, Магарашевичемъ и П. І. Шафарикомъ, въ Пестѣ. Въ первое время Матица имѣла немного средствъ, но уже успѣла поддержать *Сербскую Лѣтопись*, журналъ Юрія Магарашевича, посвященный изученію сербской народности. По смерти Магарашевича изданіе «Лѣтописи» продолжалось подъ редакціей Хаджича, и др., и съ 1850 подъ редак-

цией I. Субботича, одного изъ извѣстныхъ новелъ писателей. Успѣхъ Матицы былъ весьма значителенъ: въ послѣднее время капиталъ ея доходилъ до 120.000 флоринновъ, такъ что она стала самымъ богатымъ изъ славянскихъ литературныхъ обществъ въ Австрiи. Въ тридцатыхъ годахъ дѣятельность ея стала впрочемъ падать и не удовлетворяла ожиданiямъ, — но влияние ея во всякомъ случаѣ было очень полезно, потому что она въ первый разъ установила матеріальныя отношенiя литературы. Другимъ влияниемъ Матицы было распространение повременныхъ изданiй; по примѣру «Лѣтописи» явились потомъ «Геликонъ» П. Стойшича, Банатскiй альманахъ Д. Тирола, «Ружица» А. Николича, «Сербская Пчела» (1830 — 41) священника П. Стаматовича, бѣградская «Голубица» (1839 — 44) М. Светича и т. д.

Замѣчательнѣйшимъ изъ поэтовъ этого времени былъ Симеонъ Милутиновичъ (род. въ Сараевѣ, въ Боснѣ, 1791 — 1848), одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сербскихъ писателей. Милутиновичъ получилъ свое высшее образованiе въ Германiи и въ 1826 издалъ свою *Сербянку*, съ которой и начинается его поэтическая репутація: въ этомъ циклѣ эпико-лирическихъ пѣсенъ онъ воспѣваетъ освобожденiе Сербiи. Поэма произвела чрезвычайное впечатлѣнiе, превзошла въ этомъ отношенiи даже оды Мушицкого, впрочемъ успѣхъ былъ недолговременный и ограничивался литературнымъ кружкомъ. Въ повѣсть есть истинное поэтическое вдохновенiе и фантазія, но виѣнная обработка ея слишкомъ искусственна и потому тяжела, — такъ что поэма недоступна простому читателю: нѣмецкая литература оставила здѣсь свой слѣдъ, — въ Сербянкѣ находятъ именно влияние Виланда и Раулера. Сербскіе критики не сомнѣваются, что «Сербянка» была бы совсѣмъ инымъ, и лучшимъ произведенiемъ, если бы Милутиновичъ остался самъ собой и не насиловалъ поэзіи на ладъ чужой школы. Это конечно справедливо относительно «Сербянки», но во всякомъ случаѣ только школа могла дать сербскимъ писателямъ извѣстную самостоятельность, которую отмѣчаютъ въ нихъ съ этого времени ихъ критики; съ этой самостоятельностью соединилось и развитіе художественнаго чувства. Этотъ новый рядъ писателей представляютъ, кромѣ Милутиновича, Іованъ Пачичъ (1771 — 1850, лирич. стихотворенiя 1827), Евг. Поповичъ («Милошiада» 1820), Іованъ Ст. Поповичъ, Л. Лазаревичъ («Владимиръ и Косара», одна изъ лучшихъ сербскихъ драмъ, 1829), Петръ Петровичъ Нѣгошъ (Цетинскiй пустынноикъ 1834), I. Николичъ (трагедія «Царь Лазарь», 1835) и друг. Мы еще возвратимся къ этому ряду поэтовъ.

Въ 1834 «Сербская Лѣтопись» упала, и адвокатъ Теодоръ Павловичъ началъ издавать еженедѣльный «Сербскiй народный листъ»; онъ принялъ потомъ редакцію и возстановленной «Лѣтописи». Въ 1838 году появилась и политическая газета «Сербскія Народныя Новины», при которыхъ продолжался и «Народный Листъ». За этими изданiями появлялись нѣкоторыя другія, и въ этихъ новыхъ газетахъ и журналахъ заключалась немъ почти ли-

литературная производительность за это время. Журналы впрочем не отличались особенным интересом и предались полемикѣ съ хорватскими писателями изъ-за именъ «Сербъ», «Хорватъ», «Иллъръ» и изъ-за того, чья литературная традиція и чье имя должно быть поставлено во главѣ новаго сербскаго движенія.

До сихъ поръ литературная дѣятельность шла почти исключительно въ австрійской Сербіи, — и это очень естественно: для австрійскихъ Сербовъ и въ Австріи представлялось больше возможности приготовиться къ писательскому поприщу; здѣсь были ближе правильная школа и университетъ. Въ тридцатыхъ годахъ литературное движеніе переходитъ и въ сербское княжество. Съ 1833 начали выходить «Сербскія Новины» въ Бѣлградѣ, сначала подъ редакцію названнаго прежде Давидовича, потомъ М. Поповича. Чтобы поднять нравственный уровень націи, сербское правительство вызвало изъ Австріи замѣчательнѣйшихъ представителей литературы въ княжество, гдѣ теперь и основалось для нея новое поприще. Въ числѣ призванныхъ, кромѣ Давидовича, былъ и Симеонъ Милутиновичъ, авторъ «Сербика». Милутиновичъ сдѣлался въ Сербіи секретаремъ министерства народнаго просвѣщенія и сербскимъ историографомъ. Въ 1833 онъ издалъ (подъ псевдонимомъ Чубра Чойковича) сборникъ народныхъ пѣсень: «Пѣванія црногорска и герцеговачка», потомъ исторію Черногоріи (Бѣлгр. 1835) и драму въ стихахъ «Дика Црногорска» (Цетинье 1835); затѣмъ «Троестарство», трагедію «Милошъ Обиличъ» и сербскую исторію 1813—15 г. За правдивость этой исторіи онъ былъ изгнанъ изъ княжества, и вернувшись туда опять, имѣлъ новыя непріятности изъ-за драмы «Кара-Георгій». Вызванъ былъ также Милошъ Светичъ, который составилъ для Сербіи земскіе уставы и судебный порядокъ. Но самымъ дѣятельнымъ изъ приглашенныхъ писателей былъ Іованъ Ст. Поповичъ (1806—1856), родомъ изъ Баната. Онъ началъ свою дѣятельность еще 17-лѣтнимъ юношей, и съ тѣхъ поръ написалъ множество драмъ, которыя дали матеріалъ для сербской сцены. Въ 1827 дана была его драма «Светиславъ и Милева», потомъ явились трагедіи: «Милошъ Обиличъ», «Несчастный бракъ»; комедіи: «Скряга» (Тврдица), «Злая жена», «Женитьба и выдаванье»; драма «Гайдуки» и т. д. и т. д. (Позористна дела, Нов.-Садъ 1845 — 50. 4 ч.); наконецъ лирическія стихотворенія («Даворинъ», изд. въ Новомъ-Садѣ 1854). Драмъ его давались въ Бѣлградѣ, Крагуевцѣ и Шабацѣ, и нравились своей публикѣ: сюжетъ ихъ почти всегда взятъ изъ сербской исторіи и сербской жизни, онъ дѣйствовалъ на національное чувство и развивалъ его, и Поповичъ умѣлъ придавать имъ сценическій эффектъ. Изъ поэтовъ этого круга можетъ быть названъ Юрій Малетичъ (род. 1816), родомъ изъ Баната, жившій то въ Австріи, то въ Сербіи, и приглашенный потомъ профессоромъ въ бѣлградскую гимназію. Изъ сочиненій его извѣстенъ особенно его «Споменикъ Лукіану Мушницомъ» (1845), и потомъ «Апотеоза Кара-Георгія» (1847); это—поэтъ очень извѣстный у Сербовъ, но поэтъ не самостоя-

тельный и выдающийся въ реторику. Милошъ Поповичъ, редакторъ Сербскихъ Новинъ, издалъ въ 1846 свои стихотворенія подъ заглавiемъ: «Мачъ и Перо».

Старанiями Iована Поповича основано было въ 1841 г. въ Бѣградѣ «Дружество србске словесности» и музей: «Дружество», въ которомъ соединились всѣ известныя писатели сербскаго княжества, имѣло цѣлью обработку языка и распространенiе знанiй въ народѣ. Въ 1847 оно начало издавать журналъ «Гласникъ», въ которомъ заключается не мало матеріаловъ по сербской исторiи и старой литературѣ; въ 1850 оно раздѣлилось на пять специальныхъ отдѣленiй, въ 1857 нашло возможнымъ устроить ученую экспедицію, поручивши д-ру Янку Шафарикку изученiе венецiанскихъ и миланскихъ архивовъ для собранiя матеріаловъ по сербской исторiи. Оно стало наконецъ издавать и книги для народа (хоть и не всегда съ особенно удачнымъ выборомъ), между прочимъ небольшую энциклопедiю. Д-ръ Шафарикъ, сдѣлавшiй много для сербской исторiи, открылъ въ 1844 лекцiи о славянской исторiи и литературѣ. Въ настоящее время Янко Шафарикъ занимаетъ вообще первое мѣсто въ ученой литературѣ Сербовъ. Кромѣ того по ученой и этнографической дѣятельности, отчасти сосредоточенной въ «Дружествѣ», известны особенно: филологъ Юрiй Даничичь, ревностный послѣдователь Вука; Ст. Верковичъ, родомъ боснякъ, воспитанникъ францисканцевъ, принявшiй православiе и посвятившiй свои труды изслѣдованiю сербской и болгарской старины и друг.

Наконецъ само правительство стало заботиться о педагогическихъ потребностяхъ литературы и устроило особую комиссiю для составленiя учебныхъ книгъ для сербскихъ школъ: здѣсь, подъ руководствомъ М. Спасича, трудился по разнымъ предметамъ К. Бранковичъ, Исаяловичъ, Матичъ, Марниковичъ, и пр. Независимо отъ этого продолжалось то педагогическое направленiе, о которомъ мы упоминали прежде, и въ 40—50-хъ годахъ мы опять видимъ значительное количество книгъ для народа: пишутся и переводятся книги по исторiи всеобщей и сербской, жизнеописанiя знаменитыхъ людей, «Искусный земледѣлецъ», «Славянский Пантеонъ» и т. п. Въ литературѣ преобладающимъ интересомъ является ближайшая практическая польза.

Оживленная дѣятельность литературы въ княжествѣ отразилась и у австрiйскихъ Сербовъ, такъ что въ 40—50-хъ годахъ мы слова встречаемъ здѣсь много именъ, приобрѣтшихъ известность въ сербскомъ читающемъ мiрѣ. Таковы напр. Петръ Iовановичъ (род. 1801: «Различне песме и бесѣде», альманахъ «Бачка вила» 1841—44), священникъ Василiй Субботичъ (род. 1807), Н. Груичъ (род. 1811), но въ особенности д-ръ Iованъ Субботичъ (род. 1817 въ Сремѣ, адвокатъ въ Новомъ-Садѣ). Онъ началъ мелкими лирическими стихотворенiями, которые издалъ подъ заглавiемъ «Лира» (Шестъ 1837), завѣдывалъ потомъ съ успѣхомъ редакцiей «Сербской Лѣтописи», и въ 1846 издалъ главное свое произве-

доме—эпосъ «Стефанъ Дечанскій», въ которомъ онъ удачно воспроизвелъ много чертъ народной поэзіи (его «Дѣла», собраніе сочиненій, изд. въ Барловцѣ 1858). Въ молодомъ поколѣніи поэтовъ, формы искусственной поэзіи начинаютъ больше сливаться съ національнымъ содержаніемъ. Однимъ изъ значительнѣйшихъ лириковъ считается у Сербовъ Брнко Радичевичъ, у котораго находятъ богатство фантазіи и чувства, легкую и музыкальную форму съ прекрасными образцами сербскаго языка (онъ писалъ на банатско-сремскомъ нарѣчій): стихотворенія его изданы въ 1847 и 1851. Другой талантливый поэтъ, Іованъ Иличъ, отличается пылнымъ патриотическимъ одушевленіемъ (стихотворенія его изд. въ Новомъ-Садѣ 1858, 2 ч.). Извѣстное имя новой сербской литературы—Утѣшеневичъ, православный австрійскій сербъ, авторъ поэмы «Недѣлко», написанной съ патриотической вѣрой въ сербское возрожденіе;—онъ извѣстенъ и своими учебными работами. Наконецъ могутъ быть еще названы Димитрій Митаиловичъ, издавшій два сборника стихотвореній: «Смѣлье» (Новый-Садъ 1847) и «Войводянка» (Темешваръ 1852), и антологию изъ сербскихъ поетовъ: «Цвѣты сербскихъ пѣсенъ» (Барловецъ 1859); Стефанъ Фрушичъ, издавшій стихотворенія и повѣсти подъ заглавіемъ: «Славолюбъ» (Загр. 1851); Милица Стоядиновичева, напечатавшая свои «Пѣсни» (1852); І. Райковичъ перевелъ басни Крылова (1854). — Является также вѣскольکو новеллистовъ, напр. Богобой Атавацковичъ (†1858), которому принадлежитъ сборникъ повѣстей «Даракъ Србскихъ» (1846, 2 ч.), и «Пупольци»; Якубъ Игнатовичъ и др.

Начала развиваться и литература историческая: Павелъ Іовановичъ написалъ «Исторію важнѣйшихъ событій въ Сербіи съ 1459 до 23 сент. 1813» (Новый-Садъ 1847); А. Стоячковичъ—«Исторію восточно-славянскаго богослуженія и кирилловской письменности у Славянъ западной церкви» (Новый-Садъ 1847) и «Черты жизни сербскаго народа въ венгерскихъ областяхъ» (1849); Милорадъ Медаковичъ—«Исторію Черногоріи» (Землинъ 1850); другой Медаковичъ, Даниль, — исторію сербскаго народа («Повѣстница србског народа од најстариј времена до године 1850», Новый-Садъ 1851—53).

Изъ періодическихъ изданій можно замѣтить: «Войводянку» (1851) М. Медаковича, журналъ, посвященный развитію сербской народности и въ томъ же году запрещенный; «Сербскій Дневникъ» Дан. Медаковича, «Световидъ» Ал. Андрича.

Сербская литература нашла наконецъ своихъ дѣятелей и въ патриархально-воинственной Черной-Горѣ. Самъ владыка ея, Петръ Петровичъ Нѣгошъ II (1813—1851) не только заботился о распространеніи образованія въ своей землѣ, но и составилъ себѣ большую извѣстность собственными литературными трудами, которые дѣлаютъ его однимъ изъ замѣчательныхъ представителей новой славянской литературы. Воспитателемъ его былъ извѣстный Милутиновичъ. До Петра въ Черной-Горѣ не было школъ, и толь-

ко немногіе, готовившіеся вступить въ духовенство, учились читать и писать; владыка устроилъ школы, въ которыхъ между прочимъ обучали и исторіи. Затѣмъ онъ основалъ типографію, въ которой напечатаны были между прочимъ: альманахъ «Граница» секретаря владыки, М. Милаковича (1835), одна книжка Караджича и «Дика Черногорска» Милутиновича; впрочемъ эта типографія дѣйствовала недолго. Изъ произведеній самого Петра Петровича укажемъ «Луча Микрокосма» (Бѣлгр. 1845), «Огледало Србско, юначке пјесме пригорске о србском војеваџу» (Бѣлгр. 1846) — это сербское зеркало состоитъ отчасти изъ пѣсень чисто народныхъ, отчасти изъ сложенныхъ Петромъ Петровичемъ. Извѣстнѣйшее изъ его произведеній есть «Горный вѣнокъ» (Горски венац, Вѣна 1847), прекрасная національная поэма, описывающая въ драматической формѣ изгнаніе Турокъ изъ Черногоріи: она исполнена народныхъ мотивовъ, истинно поэтической силы и мастерскаго изображенія народныхъ сценъ, и проникнута черногорскимъ чувствомъ національной свободы. Но драма не была собственно въ характерѣ его поэзій; она остается только вѣрнымъ изображеніемъ явлений и общественной жизни, а не развитіемъ и борьбой характеровъ. Такова и послѣдняя его драма: «Ложный царь Стефанъ Малый» (Триестъ, 1851). Въ 1854 Ненадовичъ издалъ въ Землинѣ «Слободіаду» Нѣгоша, — это эпическая поэма въ 10 пѣсняхъ, воспѣвающая битвы Черногорцевъ съ Турками отъ древнѣйшихъ временъ. Изъ меньшихъ его стихотвореній замѣтны еще «Цетинскаго Пустынника», «Молитву Черногорцевъ къ Богу», которыя отличаются оригинальностью и горячимъ чувствомъ.

Въ заключеніе, намъ остается упомянуть о литературной дѣятельности православныхъ Сербовъ въ Далмаціи, у которыхъ сохраняется здѣсь и употребленіе кирилловскаго письма. Въ Далмаціи отразилось общее возрожденіе сербской націи и явились тѣ же стремленія къ обособленію національности и изученію народа и старины. Изъ писателей, дѣйствовавшихъ въ этомъ смыслѣ въ Далмаціи, могутъ быть названы: д-ръ Теодоръ Петровичъ (род. 1809), изъ Шибеника, издававшій съ 1836 г. «Сербско-Далматинскій Магазинъ», который посвященъ былъ сербской исторіи, географіи, поэзій и проч., и гдѣ сосредоточивалась вся дѣятельность православно-далматинскихъ писателей; въ новѣйшее время онъ началъ издавать «Исторію литературы главнѣйшихъ народовъ міра», въ которой должны получить мѣсто и народы славянскіе. Далѣе священникъ Юрій Николаевичъ (род. 1807) изъ Срема, завѣдывавшій въ 1841 — 53 редакціей «Магазина»: Іованъ Сундеичъ, православный священникъ въ Задрѣ, издавшій «Срце или разлячне пѣсме» (Зара 1850) и другія поэтическія произведенія: родомъ изъ Дубровника былъ и названный нами секретарь владыки Петра Милаковичъ. Однимъ изъ плодовитыхъ далматянскихъ писателей былъ Матей Банъ (род. 1818), изъ Дубровника. Матей Банъ провелъ жизнь, наполненную разнообразными приключеніями: на 21-мъ году онъ оставилъ свою родину и поселился въ Константинополь, потомъ жилъ въ Малой Азій,

въ Брюссель; 1844 переехалъ въ Бѣлградъ. Свою литературную дѣятельность онъ началъ на итальянскомъ языкѣ еще въ Брюссель, гдѣ написалъ драму и нѣсколько трагедій; изъ нихъ напечатана только одна трагедія: «il Moscovita». Въ Сербіи князь Александръ выбралъ его воспитателемъ своихъ дочерей, и по этому случаю онъ издалъ книгу о «женскомъ воспитаніи» (1847); въ 1848 году онъ написалъ небольшое руководство къ военной наукѣ для Сербовъ, которые, подъ начальствомъ Кничанина, отправлялись тогда помогать своимъ австрійскимъ единоплеменникамъ противъ Венгровъ. Въ 1849 Банъ отправился на родину и началъ издавать тамъ на счетъ иллирской Матицы журналъ «Дубровникъ», прекратившійся по несогласіямъ его съ Матицей. Собраніе его стихотвореній начало выходить въ 1855; поэтическая дѣятельность Бана главнымъ образомъ обнаружилась въ драмѣ: его трагедія «Мейрима» (Новый-Садъ 1851) считается однимъ изъ лучшихъ произведеній южно-славянской драмы. Его политическая репутация незавидна.

6. «иллирійская» возрожденіе.

Мы видѣли, что литература западныхъ Сербовъ падала больше и больше, переживши свой блестящій Рагузанскій періодъ, что только по временамъ показывались въ ней талантливые писатели, обыкновенно не оставлявшіе впрочемъ большаго слѣда въ народномъ развитіи. Мы указывали отчасти и причины этой бѣдности литературнаго движенія. Далматинская сербская литература, хотя и имѣла сильныя дарованія въ своихъ представителяхъ, не была самостоятельна ни по своему происхожденію, которымъ была обязана вліянію итальянской литературы и Возрожденія, ни по своему значенію для общества, гдѣ она была поэтической роскошью, дополненіемъ къ итальянскому образованію «властелиновъ», но всего чаще оставалась чуждою народной массѣ. Правда, въ числѣ ея дѣятелей мы видѣли много людей, вышедшихъ изъ народа, но эти люди отдѣлялись отъ него своимъ образованіемъ, и содержаніе литературы не проникало въ низшіи слои націи, — о которомъ она не особенно заботилась, — такъ что, когда поэзія и литература изсякали въ высшихъ слояхъ общества, народъ не могъ примкнуть къ нимъ и поддержать ихъ своими силами. Для народа существовала только литература церковныхъ книгъ, застарѣлая глаголица и т. п., которая конечно не доставляла ему никакого развивающаго содержанія... (съ другой стороны, литературныя силы западно-сербскаго міра были крайне раздѣлены. Одна часть его жила остатками кирилловской литературы, другая римскимъ католичествомъ; отдѣльныя отрасли племени были раздѣлены мѣстными нарѣчіями и не соединялись въ общее цѣлое, которое было бы для нихъ возможно, — Хорваты добивались особенной литературы. Хорутане — также, притомъ послѣдніе одно время отдѣлялись еще своими протестантскими стремленіями, которыя были совершенно здравы

сами по себѣ, но остались непонятны для ихъ соотѣдѣй и соплеменниковъ, и потому заглохли подѣ иезуитскимъ гнетомъ. Литература могла бы сохранить свою внутреннюю цѣнность, если бы шла вровень съ европейскими понятіями, но и здѣсь она сильно запоздала: до самаго 19-го столѣтія она еще стояла на тѣхъ мотивахъ, какіе завѣщало ей 16 и 17-е столѣтіе, и какъ будто не чувствовала, что совершается кругомъ нея; она превращалась въ простое филологическое упражненіе и забывала объ образованіи народа, которое впрочемъ и вообще забывалось въ тогдашнія времена. Отдѣльными національно-характерными явленіями литературы, въ родѣ Бачича-Миошича, не могли помочь общему застою — потому въ особенности, что вся сущность ихъ содержанія не шла дальше неяснаго національнаго сознанія, не криксившаго затѣмъ никакого положительнаго принципа, который бы могъ подвинуть народную жизнь. Притомъ же такія явленія были очень рѣдки.

Литература могла освѣжиться только однимъ средствомъ—если бы, страхнувши съ себя старую схоластическую пыль, она сумѣла соединить разбросанныя силы и направить къ дѣйствительной, жизненной цѣли. Однимъ этимъ средствомъ она могла пріобрѣсти себѣ интересъ и содержаніе.

Такой переворотъ дѣйствительно совершился въ западно-сербской литературѣ. Это произошло въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Центромъ новаго литературнаго движенія сдѣлался хорватскій Загребъ (Аграмъ).

Эта новая эпоха западно-сербской литературы въ сравненіи съ прежними была дѣйствительнымъ переворотомъ, потому что литература нашла свою жизненную цѣль, эта цѣль привлекла національное сочувствіе, кругъ зрѣнія расширился и нашелъ себѣ дѣйствительную историческую и народную опору...

.... Въ Загребѣ съ 30-хъ годовъ открывался живая литературная дѣятельность, вдругъ пріобрѣтающая общественный интересъ и задѣвающая за живое. Въ этомъ западно-сербскомъ возрожденіи передъ нами открывается одно изъ явленій такъ называемаго панславизма, который всего сильнѣе сказанъ здѣсь и въ чешской литературѣ того же времени. Частныя стремленія западныхъ Сербовъ сошлись съ тѣмъ общимъ движеніемъ славянскихъ народностей, которое называли панславизмомъ и которое было въ особенности живо въ 30—50-хъ годахъ.

Кромѣ общихъ причинъ—т. е. давно подготовлявшагося національнаго славянскаго движенія—у западныхъ Сербовъ дѣйствовали особенныя мѣстныя условія, заключавшіяся въ ихъ отношеніяхъ къ Венгріи. Литературный вопросъ съ самаго начала сдѣлался политическимъ или, собственно говоря, онъ вышелъ изъ политическаго: Хорваты должны были защищать свою національность отъ венгерскихъ притязаній, и горячій литературный споръ разрѣшался кровавыми схватками, происходившими на выборахъ 1842—45 годовъ въ Загребѣ, и наконецъ событіями 48—49 года. Хорватское движеніе явилось какъ оппозиція ультра-национальнымъ притязаніямъ Венгровъ, которые, стремясь къ высвобожденію отъ австрійской централизаціи и къ

возбужденію политической жизни, одно изъ средствъ къ этому видѣли въ возвышеніи національнаго языка. Латинскій языкъ, господствовавшій до тѣхъ поръ въ юридическихъ и политическихъ актахъ, былъ замѣненъ венгерскимъ, которому съ тѣхъ поръ Венгры старались всѣми силами доставить господство во всѣхъ земляхъ Венгріи, пересыпанныхъ Славянами, и между прочимъ въ королевствахъ Кроаціи и Славоніи, издавна соединенныхъ съ венгерскою короною. Это распространеніе венгерскаго языка, по признанію самихъ защитниковъ венгерскаго дѣла, сопровождалось крайностями и преувеличеніями, которыя сами по себѣ могли стать зерномъ послѣдовавшихъ столкновеній¹⁾: мы увидимъ дальше, что тоже самое дѣйствіе произвела надяризация и въ другихъ Славянахъ, которые должны были подвергнуться ей, — въ Словакахъ и православныхъ Сербахъ южной Венгріи. Подъ конецъ они также взялись за оружіе. Дѣло было очень естественно, и странно было бы считать его только слѣдствіемъ интриги австрійскаго правительства, которое желало, возбужденіемъ Кроатовъ, создать оппозицію въ самой Венгріи и тѣмъ ослабить ея стремленія къ свободѣ. Но интрига впрочемъ также играла свою роль, и однимъ изъ самыхъ ловкихъ агентовъ ея былъ именно тотъ человекъ, который игралъ тогда первую роль въ литературномъ возрожденіи западныхъ Сербовъ.

Это былъ докторъ Людевитъ Гай (род. 1810), который въ первый разъ поднялъ кроатскій политическій вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ ревностнымъ проповѣдникомъ панславянскихъ тенденцій: онъ игралъ потомъ и дѣйствительную роль въ дѣлахъ Кроаціи, когда онѣ отъ литературной полемики перешли на политическую и военную почву. Каковы бы ни были однако побужденія, руководившія Гаемъ, его предпріятіе не имѣло бы успѣха, если-бы было только его личнымъ дѣломъ и результатомъ интриги: на этотъ разъ интрига сошлась съ народными стремленіями, потому что обстоятельства заставили ее поддерживать славянское дѣло противъ венгерскаго. Литературная проаганда, чистота которой заподозрѣна теперь въ Гай, имѣла другихъ дѣятелей, которые взялись за нее со всѣмъ искреннимъ энтузіазмомъ національнаго возрожденія: таковы были Станко Вразъ, Вукотичевичъ, братья Мажураничи, Кукулевичъ, Боговичъ и другіе. Въ 1835 Гай началъ издаваніе политической газеты «*Novine Horvatzke*» и литературнаго прибавленія «*Danica Horvatzka, Slavonzka i Dalmatinzka*», — но скоро онъ увидѣлъ, что ограничиваясь собственной Хорватіей (населеніе которой не превышало 700.000), онъ не можетъ достигнуть никакого прочнаго и обширнаго дѣйствія. Поэтому уже въ слѣдующемъ году онъ назвалъ свое издаваніе «*Hirske narodne novine*» и «*Danica Hirska*»; необрабо-

¹⁾ Gesch. des Illyrismus, стр. 12 и слѣд. Авторъ этой книги, написанной въ венгерскомъ смыслѣ, указываетъ три причины кроатскихъ волненій: „важную успѣшность и недостатокъ терпимости со стороны самихъ Венгровъ“; „возбужденія панславянца“ и „ошибки правительства“, которое поощрало Кроатовъ. Эти причины указаны совершенно вѣрно.

танное хорватское нарѣчіе замѣнено было богатымъ и обработаннымъ сербскимъ языкомъ, который господствуетъ въ Далмаціи, Славоніи, Истріи, Сербіи, Босніи и т. д., и который имѣлъ уже славныхъ писателей въ далматинскую эпоху. Для того, чтобы соединить въ одно общее понятіе эти разбросанныя отрасли одного народа, Гай принялъ для него старое классическое названіе Иллировъ: для этого иллирскаго языка принято было новое упрощенное правописаніе, съ тѣхъ поръ прочно установившееся въ западно-сербской литературѣ. Новое имя давало возможность говорить о цѣлой массѣ сербскаго племени; оно поддерживало мысль о національной силѣ племени, которое должно было теперь выдерживать венгерскія нападеныя: иллирскій патриотическій энтузіазмъ легко могъ соединить, — и дѣйствительно соединялъ, — подъ одно знамя представителей воиъхъ мелкихъ отдѣльныхъ народностей, которыхъ до того времени раздѣляла провинціальная ревность.

Упомянемъ однако, что эта иллирская унія возстановила противъ себя православныхъ Сербовъ, которые не хотѣли допустить этихъ «Иллировъ» овладѣть ихъ языкомъ, народными преданьями и національною славой, — началась ожесточенная полемика между двумя литературными сторонами, представлявшими двѣ отрасли одного и того же племени, между литературой загребской и литературой православныхъ Сербовъ. Впослѣдствіи загребская школа оставила имя «Иллировъ», дѣйствительно не имѣвшее никакого корня въ народныхъ понятіяхъ и не представлявшее ничего осязательнаго. Иллиры назывались «Юго-Славянами», потомъ стали доказывать, что нѣкогда земли сербскаго языка принадлежали Хорватамъ, и что поэтому они имѣютъ право на старыя сербскія преданья, языкъ и исторію, — однимъ словомъ между «Иллирами» и Сербами начался споръ о національности, бесплодно раздѣлявшій ихъ силы, и только въ послѣднее время кажется немного утихнувшій.

Какъ бы то ни было, эта переимѣна имени и принятіе новаго литературнаго языка, обвинявшаго значительную часть австрійскаго славянскаго населенія, имѣли полный успѣхъ и нашли совершенное сочувствіе въ передовыхъ людяхъ тогдашней славянской литературы. Шафарикъ вполне одобрялъ эту реформу, которая по словамъ его была вызвана настоящей потребностью времени, и поддерживалъ своимъ авторитетомъ иллирскія стремленія²⁾: и въ самомъ дѣлѣ южнымъ Славянамъ такъ нуженъ былъ какой нибудь центръ, гдѣ бы они могли сосредоточиться, что Загребъ вдругъ сталъ въ это время почти такимъ же важнымъ славянскимъ средоточіемъ, какъ Прага. Идеи «Иллировъ» о славянскомъ единствѣ и взаимности были тѣ же, какія проповѣдывались въ Прагѣ, и были горячо приняты славянскими патриотами юго-западнаго края Австріи и вызвали много дѣятельныхъ и ревностныхъ талантовъ. Сначала «Хорватскія», потомъ «Иллирскія

²⁾ Ost und West, 1838, № 17.

Новшны» напоминали своимъ читателямъ о ихъ великомъ славянскомъ отечествѣ, говорили о могуществѣ славянскаго исполина, раскинушагося отъ Адриатикъ до Ледовитаго океана и Китая, напоминали старую славянскую исторію, указывали враговъ славинства, и призывали къ единству и взаимной связи, который одни могли дать Славянамъ полную свободу ихъ развитія и обезпечить имъ достиженіе народнаго блага. Они постоянно напоминали о великой цѣли славянскаго племени, которое должно наконецъ занять свое настоящее мѣсто между народами и низвергнуть своихъ враговъ. Въ особенности же «Иллиры» указывали на исторію своего собственнаго народа, возбуждали къ дѣятельности и защитѣ своего интереса отъ врага. Подъ этимъ врагомъ нѣсколько опытный читатель легко отгадывалъ Венгровъ. Мало по малу намеки дѣлались и на истребленіе и истребленіе... Статьи загребскихъ публицистовъ были составлены съ значительнымъ искусствомъ и удачно дѣйствовали на свою публику. Хорватскіе поэты не уступали имъ въ пропагандѣ той же общей идеи. Самъ Гай написалъ стихотвореніе, начинавшееся словами: «Хорватія еще не потибла, пока мы живы», призывавшее всѣхъ Иллировъ къ новому союзу и соединенію въ одно «Коло» (хороводъ), въ которомъ въ старыя времена хорватскаго царства соединены были Крайицы, Штирійцы, Каринтиѣцы, Славонцы съ Бесніей, Нетріей и Далматіей. Люденитъ Вунотиничъ, писатель, еще дѣйствующій теперь, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ, и является наиболее даровитымъ поэтомъ того же новаго союза (Рішме і ргірорѣдке, Загр. 1838; Виле і тѣрње, Загр. 1842; Рісмагика, которую онъ издалъ вмѣстѣ съ др. Раковцемъ, Загр. 1842). Онъ призывалъ въ своихъ пѣсняхъ хорватскій народъ «сбросить суровое яго, которое пятнаетъ ихъ имя и подкапываетъ ихъ племя». Не указывая еще прямо на настоящаго врага, онъ уже съ самаго начала говорилъ Хорватимъ:

„Все на этой землѣ, и старецъ и дитя, жаждетъ себѣ золотой свободы и съ отточенныя оружіемъ выходитъ противъ ея нарушителя.

„Нора уже теперь отточить наши мечи противъ враговъ нашего имени, и въ потокахъ вражеской крови затонить вражескую несправедливость, — пусть это будетъ нашей первой заповѣдью, и т. д.

Онъ призывалъ ихъ явиться со всеми силами на священную войну и обѣщаетъ имъ вѣрную побѣду.

Другой поэтъ, Тарпскій, въ своихъ «Пѣсняхъ» (Ivan Tarnski, Рішме, Загребъ 1842) также даетъ понять, что стремленіе къ соединенію касалось не одной литературы, — «кто поражаетъ моего брата — Сербъ или Далматина или когонибудь другаго, — тотъ проливаетъ и мою кровь: поэтому, пусть единство наше низвергнетъ чужеземца, — и ты, братъ, открой глаза!» Патриотическая поэзія обращалась въ старинѣ и на развалинахъ замковъ и разрушенныхъ городовъ указывала слѣдствія старыхъ несогласій и новое убѣжденіе — соединиться.

При каждомъ новомъ годѣ изданія газета, сосредоточившая труды ии-

сателей новаго союза, повторила свои основныя темы и чѣмъ дальше, тѣмъ больше высказывала открытую ненависть къ венгерскому господству. Газета старалась ввести въ свое дѣло разбросанныя отрасли «иллирскаго» племени, и въ самую дѣлу находила симпатическіе отклики изъ равныхъ славянскихъ земель; ея пропаганда поддерживалась у Чеховъ; сочувствіе оказывалось и у отдѣленныхъ своими нарѣчіемъ вѣдскихъ Славянъ; симпатическія корреспонденціи стекались отовсюду; даже и отъ православныхъ Сербовъ послышались одобренія (посланіе Саввы Теналия, президента сербской Матицы въ Пестъ, къ Людевату Гаю, въ Dan. Pisma, 1840, № 40), — потому что Иллиры въ своихъ стремленіяхъ къ единству не оставивались религіозными отличіями, и на первомъ планѣ стояла единственная цѣль — политическая. Заявляло свое сочувствіе и русское славянофильство. Въ 40-хъ годахъ «Иллиры» становятся уже дѣятельной политической партіей: они громко говорятъ объ отдѣленіи славянскихъ королевствъ западной Австріи отъ венгерской короны, они пророчатъ гибель Венгрии и наконецъ прибѣгаютъ и къ высшимъ выраженіямъ своей особености. «Иллиры» надѣли національный костюмъ, основали читальню (Čitaonica), въ которой собраны были газеты почти всѣхъ славянскихъ земель, и которая еще больше помогала разбѣгу идей; наконецъ старались ввести свое дѣло и въ общественную жизнь посредствомъ національныхъ баловъ, концертовъ, процессій съ пѣньемъ патріотическихъ пѣсень и т. п., — даже ученики гимназій приняли участіе въ дѣлѣ: они сожгли свои венгерскія грамматикѣ на кострѣ и оставили школу, — такъ что все это составляло наконецъ чистую демонстрацію, которая не лишена была своего возбуждающаго дѣйствія. Въ одно время съ этимъ основываются въ Загребѣ разныя патріотическія общества: сельско-хозяйственное, президентомъ котораго былъ загребскій епископъ Гавлинъ (родомъ словакъ), приверженецъ новаго движенія, заботившійся о народныхъ школахъ; «Иллирская Матица», основанная по образцу сербской и издававшая произведенія старой далматинской поэзіи; «народное дамское общество»; «читальни» распространялись изъ Загреба и по другимъ городамъ Кроаціи и поддерживали интересъ къ литературному и политическому движенію хорватской столицы. Пропаганда доходила и до наивностей. Графъ Янко Драшковичъ, равностный «Иллиръ», поддерживавшій всѣ патріотическія предпріятія того времени, президентъ иллирской Матицы, загребской Читальни и т. д., написалъ книжку для обращенія въ иллиризмъ хорватскихъ дамъ³⁾: пересчитывая въ ней разныя знаменитости иллирской исторіи и литературы, онъ считаетъ своему племени не меньше трехъ тысячъ лѣтъ! Появилась наконецъ и историческая марсельеза приготовлявшейся національной борьбы: это была военная пѣсня такого содержанія:

³⁾ Ein Wort an Illyriens hochherzige Töchter über die ältere Geschichte und Regeneration ihres Vaterlandes. Agram 1838.

„Тотъ, кто родился Славяниномъ, и родился героемъ, — подними теперь высоко свое знамя; каждый подносясь свою саблю, каждый садись на бойкаго коня! Впередъ, братья, Богъ съ нами, злой духъ противъ насъ.“

„Смотрате, какъ черный дикій Татаринъ (т. е. Венгръ) попираетъ нашу націю и языкъ; но прежде чѣмъ онъ успеетъ покорить насъ, мы сбросимъ его въ бездну ада.“

„Съ сѣвера храбрый Словакъ и съ юга Иллиръ бравою подають другъ другу руки на геройское царство, на блескъ коней, звуки трубъ, трескъ мечей, громъ пушекъ.“

„Пусть каждый срубить одну голову, чтобы омыть нашу славу воиришеской кровью, в конецъ нашихъ страданій достигнуть. Впередъ, братья“ и т. д.

Мы упоминали уже, что на конституционныхъ выборахъ въ Загребѣ въ 1842 — 45 годахъ происходили уже сцены кровопролитія. Страсти были возбуждены до послѣдней степени *): политическое броженіе закончилось войной 48—49 года.

Эти порывы національнаго сознанія не ограничились впрочемъ одной дѣятельностью публицистовъ и политическихъ поетовъ. «Иллиры» распространили свои взгляды и въ такъ называемыхъ серьезныхъ книгахъ, которыя бывали нерѣдко только повтореніемъ и распространеніемъ газетныхъ воззваній. Примѣромъ могутъ служить хоть труды Сельяна (*Ročnik eto. literature Hirske 1840; Zemljopis pokrajinah ilirskih 1843*). Въ своей географіи, весьма неважной въ ученое отношеніи, онъ также настаиваетъ на томъ, что «Славяне — та великая и могущественная нація, которая не только въ Венгріи имѣетъ двойной перевѣсъ надъ венгерскою націей, но даже и въ Австрійской имперіи составляетъ двѣ трети цѣлаго населенія; она занимаетъ даже больше половины Европы, треть Азіи и значительную часть Америки и, словомъ, это — величайшая нація на бѣломъ свѣтѣ, потому что считаетъ до 80 милліоновъ и пр.; онъ указываетъ затѣмъ исключительность Венгровъ, — неевропейскаго народа, пришедшаго изъ Азіи, — заманчиво изображаетъ счастливую жизнь стараго, еще свободнаго славянства и опять призываетъ къ національному единству, — которое, подразумевается, могло бы возвратитъ къ этой счастливой жизни. Въ другой своей книжкѣ онъ опять говоритъ объ этомъ единствѣ: «Мы тождественны не только по крови и языку вообще, и въ этомъ отношеніи составляемъ одно тѣло съ Чехами, Поляками и Русскими; мы больше родственны съ ними и въ тѣснѣйшемъ смыслѣ по нарѣчіямъ, пѣснямъ, обычаямъ, національнымъ воспоминаніямъ, — духъ настоящаго славянства налагаетъ на насъ другую высшую обязанность — именно, чтобы всѣ Славяне считали себя братьями одного великаго семейства». Первое изъ этихъ произведеній, кажущееся теперь довольно невиннымъ, тогда обратило на себя вниманіе своими панславистскими наклонностями и венгерскія власти остановили продолженіе этой книжки...

*) Die gesammte Literatur des „Jung-Illyriens“ erhielt einen neuen, doch höchst belagenerwerthen Aufschwung, und glich einem grossartigen Pasquill, das fast die ganze illyrische Intelligenz in Anspruch zu nehmen schien. Gesch. des Illyrismus, стр. 78. Но и „мадяроны“, какъ называлтъ крайняе Венгровъ, нисколько не уступали съ своей стороны.

Мы уже назвали нѣсколькихъ писателей, бывшихъ сотрудниками Гая. Самъ Гай писалъ вообще мало; онъ былъ больше начинателемъ и руководителемъ. Сотрудники его были люди съ болѣе искренними тенденціями, — и ихъ дѣятельность, имѣвшая полный успѣхъ въ свое время, доказываетъ всего лучше, что литературная реформа, произведенная ими, была дѣйствительною потребностью. Станко Вразъ, издавшій небольшое, но прекрасное собраніе иллирскихъ пѣсней изъ Штирин, Крайна, Барнтин и западной Венгрии⁵⁾, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и даровитыхъ «Иллировъ», но рано умеръ. Вмѣстѣ съ Драгутиномъ Раковцемъ и Вукотиновичемъ онъ издавалъ наиболѣе любопытный иллирскій журналъ «Коло» (съ 1842 года), который былъ одушевленнымъ органомъ новаго національно-литературнаго и политическаго движенія. Д. Деместеръ, одинъ изъ поэтовъ и публицистовъ новой школы, писалъ драмы (Теата, Ктупа osvѣta и др. Dramatička rokusenja, Загребъ 1838) и политическія статьи, а въ послѣднее время сталъ редакторомъ официальныхъ «Загребскихъ Новинъ». Праусъ, родомъ Чехъ, также ревностный Иллиръ, былъ редакторомъ немецкой юго-славянской газеты и иллирскаго «Невена»... Мирко Боговичъ (род. 1816), одинъ изъ даровитѣйшихъ хорватскихъ поэтовъ, началъ свое поприще въ журналѣ «Кроація» и въ Иллирской Дѣятели, затѣмъ издавалъ свои пѣсни, стихотворенія: «Ljubice» 1844, «Smilje i kovilje» 1847, политическія стихотворенія: «Domogodni glasi» 1848, игралъ политическую роль во время революціи. Впослѣдствіи онъ отдался исключительно литературной дѣятельности, писалъ повѣсти, преимущественно историческія (изд. 1860), драмы: «Франкопанъ» 1856, «Матія Губецъ» 1860 и трагедію «Степанъ, послѣдній король босанскій» 1857. Братья Мажураничи, Антонъ и Иванъ, имѣли также свою большую долю въ дѣлѣ иллирскаго возрожденія и начали свою дѣятельность еще съ 30-хъ годовъ. Антонъ трудился въ особенности надъ изданіемъ старыхъ далматинскихъ поэтовъ, и между прочимъ составлялъ, съ другими сотрудниками, хрестоматію «иллирской» литературы, въ которую вошли и нѣкоторые писатели православныхъ Сербовъ («Ilirska Citanka», Вѣна 1856). Иванъ Мажураничъ издалъ въ послѣдніе годы героическую поэму «Смерть Смайлъ-аги Ченгича», которая издана была сначала по «иллирски» — латинскими буквами въ загребскомъ альманахѣ «Искра» 1845, потомъ перепечатана по «сербски» — кирилловскими буквами (Субботича, Цвѣтничъ серб. Слов., 1853), наконецъ еще разъ издалъ ее Ткалацъ, кирилловскими буквами, въ Загребѣ (1859) — образчикъ сближенія враждебныхъ литературъ, сербской и иллирской, какіе начинаютъ теперь появляться съ обѣихъ сторонъ. Къ числу поэтовъ новой «Иллирии» можетъ быть отнесенъ и Никола Томашичъ (или Niccolo Tommaseo, столько извѣстный въ итальян-

⁵⁾ Narodne pѣsni Ilirske, koje se pѣvaju po Štajerskoj, Kranjskoj, Koruškoj i zapadnoj strani Ugarske, Загребъ 1839.

своей литературы): «его (Iaktice) пользуются у южно-славянских читателей славою классического произведения. Впрочемъ Томашичъ скорѣе итальянскій политическій человекъ и писатель, чѣмъ славянскій поэтъ: въ числѣ его итальянскихъ книгъ мы замѣтимъ только *Canti popolari Slavi, raccolti ed illustrati da N. T. Venezia 1842.*

Напоионецъ, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ приверженцевъ иллиризма былъ и еще остается Иванъ Кукудевичъ-Сакцинскій (род. 1816), который въ настоящее время играетъ едва ли не первую роль въ литературномъ движеніи Хорватовъ. Кукудевичъ былъ сначала въ военной службѣ, которую оставилъ въ первыхъ сороковыхъ годахъ, и въ 1848 сдѣланъ былъ архивариусомъ королевства Вроацин. Уже тогда онъ началъ свою литературную дѣятельность, написалъ, кромѣ многихъ стихотвореній, героическую драму «*Jugan i Sofija*» (1838), издалъ потомъ свои «*Različita djela*» (4 ч.), въ которыхъ собралъ свои рассказы, драматическія пьесы и пѣсни, и къ послѣднимъ прибавилъ и народныя хорватскія пѣсни, имъ записанныя. Въ 1848 онъ напечаталъ свои политическія стихотворенія («*Slavjanke, od X*», Загребъ 1848), въ которыхъ господствуетъ общій характеръ «иллирической» поэзіи той эпохи — ненависть къ «врагамъ» и панславянскія воспоминанія и надежды. Вотъ, напр. его обращеніе къ славянскимъ племенамъ въ одномъ стихотвореніи этихъ «Славянокъ»:

Slavjani Slavjani
Vi narodah slugel!
Vi čuvari carstvah!
A drugovi tuže.

Tudji vi kmetovi!
Tudji vi vojaci!
Gdè su vaša polja?
Gdè vaši barjaci?

Nigdè ništa svoga,
Od nikog ljubavi.
Svi vas puci mërze,
Stak vas pod se spravi.

Na noge se dižtel!
Mač u ruke sadal!
Tudjinstvo nek padne,
Slavjanstvo da vlada!

Кукудевичъ рано принялъ и практическое участіе въ политическихъ волненіяхъ Хорватинъ въ 40-хъ годахъ. Онъ первый предложилъ на хорватскомъ сеймѣ 1843, чтобы хорватскій языкъ иривнать былъ официальнымъ языкомъ вмѣсто латыни, — предложеніе, принятое съ великимъ участіемъ патриотами юной Иллирии, но отвергнутое высшею аристократіей. Ръчи Кукудевича на земскихъ собраніяхъ, не проходившія въ печать по своей рѣзкости, и слава его какъ политическаго писателя, доставили ему такую популярность, что въ 1848 г., когда настала полная анархія, онъ избранъ былъ, вмѣстѣ съ Гаемъ и Враничномъ, временнымъ правителемъ Хорватинъ.

Въ это время устроилъ онъ то народное собраніе, въ которомъ баномъ Крочичъ избранъ былъ извѣстный Елачичъ. Кукелевичъ былъ и главой хорватской депутаціи, изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ, которая представила императору Фердинанду 24 пункта народныхъ желаній. Затѣмъ Кукелевичъ былъ первый, сдѣлавшій весной 1848 въ газетѣ «Славянскій Югъ» предложеніе о славянскомъ съѣздѣ, который собрался потомъ въ Прагѣ; и исполнялъ затѣмъ дипломатическія порученія въ австрійской Сербіи и въ княжествѣ, и т. д. Когда оказалось, что стремленія Хорватовъ не имѣли желаннаго успѣха, и началась реакція, Кукелевичъ оставилъ официальную дѣятельность и возвратился къ своимъ архиваронимъ и антикварскимъ занятіямъ и здѣсь также работалъ очень ревностно. Въ 1850 его стараніями основано было «Общество юго-славянской исторіи и древностей», которое выбрало его своимъ президентомъ; Кукелевичъ завѣдуетъ редакціей «Архива», издаваемого этимъ обществомъ и очень важнаго для юго-славянской исторіи. Онъ и самъ предпринималъ изданія старинныхъ далматинскихъ писателей, составилъ историческую хрестоматію изъ ихъ произведеній («Stari pjeznici hrvatski XV—XVI vieka»), собралъ обширную бібліотеку рукописей, предпринималъ антикварскія путешествія по иллирскимъ землямъ и въ Италиі и т. д. и т. д.

Таково было это «иллирское» возрожденіе, внезапно вызвавшее столько дѣятельности въ литературѣ, которая передъ тѣмъ едва подавала признаки жизни. Мы упоминали, что австрійское правительство смотрѣло сквозь пальцы на это распыреніе славянской народности и даже тайкомъ помогало ему, потому что въ то время оно видѣло въ этомъ возбужденіи славянской народности оружіе противъ венгерскихъ притязаній. Но когда цѣль была достигнута, дѣла совершенно пережѣнились.

Извѣстно, что побѣда надъ Венграми нисколько не помогла Кроатамъ, и Венгерцы имѣли полное право смѣяться надъ ними, что они, сражаясь за Австрію, выиграли пожалуйъ меньше, чѣмъ Венгерцы, сражаясь противъ Австріи. Венгерская война повлекла за собой централизационную реакцію, которая распространилась на всѣ славянскія земли, гдѣ правительство замѣтило вредныя славянскія тенденціи: оно пользовалось ими тогда, когда они были ему нужны, но не хотѣло терпѣть ихъ тогда, когда они хотѣли стать чѣмъ-то самостоятельнымъ. Реакція началась, какъ только Австрія снова почувствовала свою силу, и Хорваты должны были понять (впрочемъ, еще не всѣ поняли), что кромѣ того «врага», съ которымъ они боролись съ такимъ жаромъ, у нихъ есть другой, гораздо болѣе опасный. Со времени венгерской революціи вмѣсто мадьяризаціи началась германизація, поддерживаемая всѣми средоточіями чиновничьяго управленія. Люди, посѣщавшіе Загребъ въ послѣднее время, указываютъ на сильное ея распространеніе. Разумѣется само собою, что правительство не могло теперь спокойно смотрѣть на продолженіе прежнихъ литературныхъ предпріятій и хорватскій патриотъ, а тѣмъ паче панславистъ, прежде свободно высказывавшій свои мысли, теперь

становился нарушителемъ общественнаго спокойствія и государственнаго порядка. Все явное въ литературѣ подверглось преслѣдованію. Одни, какъ напр. Кукулевичъ, Боговичъ и др. должны были ограничиться чисто литературными стремленіями; другіе покорились тому, что имъ указывало правительство. Начинаются преслѣдованія преступленій печати. Ихъ испыталъ Боговичъ въ 1853, когда онъ подвергся тюремному заключенію «за оскорбленіе величества»; испыталъ въ жестокой степени Праусъ, издававшій «*Süd-Slawische Zeitung*», гдѣ онъ разбираетъ скользкій вопросъ объ отношеніяхъ между Славянами и Нѣмцами; имъ подвергся талантливый дръ Имбро Ткалацъ, бывшій редакторомъ нѣмецкой газеты «*Ost und West*», которую онъ велъ въ оппозиціонномъ духѣ, противъ новѣйшей конституціи Шмерлинга и т. д.

Та же судьба постигла конечно новую «южно-славянскую» литературу, какъ стали называть ее въ послѣднее время, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ пустили корень ея идеи, именно въ Далмаціи. Илирское движеніе нашло и здѣсь своихъ ревностныхъ партизановъ, и конечно не осталось безъ результата въ большемъ развитіи общаго національнаго сознанія. Условія литературы здѣсь тѣ же, какъ и у самихъ Хорватовъ; славянская литература должна бороться и съ итальянствомъ и съ австрійской реакціей, и въ настоящее время вообще находится въ положеніи довольно бѣдственныхъ. Кромѣ названныхъ нами прежде далматинскихъ писателей, можно назвать графа Мсдо-Пучича, потомка старинной дубровницкой фамиліи, который въ своей патріотической повѣи призываетъ Сербовъ къ единству противъ иноземнаго угнетенія, и извѣстенъ также своими трудами по старой исторіи; и Казначича, который также былъ издателемъ произведеній старой далматинской литературы — историческая заботливость, въ которой далматинскіе писатели совершенно сходятся съ желаніями загребскихъ ученыхъ. Но люди, еще чающіе движенія воды, не теряютъ надежды, что дѣло поправится, потому что народъ, т. е. простой народъ, въ хорватской землѣ и въ Далмаціи еще хранитъ запасъ національности, котораго можетъ достать до лучшихъ временъ. Съ другой стороны хорватскіе «Юго-Славяне» стараются сблизиться съ восточными Сербами, и вышнимъ знакомъ этого служатъ то, что они даютъ мѣсто въ своихъ книгахъ ихъ кирилловской азбукѣ: мы видѣли примѣръ этого на поэмѣ Мажуранича; Ткалацъ напечаталъ по кирилловски свое «Державное право Сербинъ»; Вукотиновичъ даетъ мѣсто этой азбукѣ въ своемъ альманахѣ «Лептирь» и т. д.

Вообще, современная юго-славянская литература носитъ на себѣ слѣды того затруднительнаго положенія, въ которомъ находятся политическія и общественныя дѣла сербскаго народа, его восточной и западной половины.

Одно въ сущности племя остается раздѣленнымъ и въ политическомъ отношеніи, — между свободными землями, и между Австріей и Турціей, — въ религіи, и въ литературѣ. Ограниченный провинціализмъ преувеличи-

васть мѣстныя отличія племени, и дѣлаеть изъ нихъ національнымъ перегородки, одинаково вредныя всѣмъ частямъ племени. Литературная дѣятельность болѣе просвѣщенныхъ людей только теперь начинаетъ разрушать эти перегородки и ставить на ихъ мѣсто болѣе широкій національный интересъ. Въ этомъ смыслѣ дѣйствуетъ и новая сербская поэзія.

Съ эпохи возрожденія эта поэзія, у Сербовъ всѣхъ отбѣнковъ, одинаково подверглась вліянію европейскихъ вкусовъ и начала усваивать формы европейской поэзіи: это было естественнымъ слѣдствіемъ европейскаго образованія, начинавшаго свое дѣйствіе. У Сербовъ австрійскихъ не было въ этомъ отношеніи никакой традиціи, и вліяніе нѣмецкой литературы было тѣмъ сильнѣе; у Сербовъ западныхъ, возобновилось воспоминаніе о старой далматинской поэзіи, которая стала снова предметомъ изученія. Съ другой стороны въ новой дѣятельности отражались извѣстными образомъ и народно-поэтическіе элементы. Близкое сосѣдство сербскихъ племенъ, единство многихъ старыхъ народныхъ воспоминаній и новыхъ политическихъ интересовъ, наконецъ историческое изученіе больше и больше приводятъ мыслящихъ людей и патриотовъ къ сознанію о необходимости національнаго сербскаго единства. Мы видѣли, какъ эта мысль уже высказывалась въ разныхъ литературахъ сербскаго племени, начиная съ Досроев Обрадовича и до поэтовъ иллюризма. Эта идея нашла ревностныхъ проповѣдниковъ и въ поэтахъ новѣйшей сербской литературы всѣхъ ея отбѣловъ: они опять говорятъ о братской любви и единодушной борьбѣ противъ врага, ссылають своихъ братьевъ отъ Дравы до Балкана, отъ Дуная до Адриатическаго моря:

„Слышите ли...., чего начинаютъ требовать народы, какіи ихъ желанія и надежды. — говорить современный далматинскій поэтъ (Судженчичъ). Нишѣ подъ ногами ихъ трясется земля, рѣчи поднимаются къ облакамъ, и изъ каждой страны всякій вѣтерокъ приносить намъ таинственныя слова, которыя будятъ наши сердца и мысли: оѣе предшествуютъ назначенной порѣ, за которой мы будемъ ждать спасенья. Въ глубинѣ пещеры, гдѣ почиваетъ нашъ Марко, уже засверкалъ его мечъ...

„Пусть витязи ополкнутся саблями, пусть приготовить добрыхъ коней. пусть спать у готовыхъ коней, чтобы скорѣе быть въ сѣдлѣ и скорѣе напасть на врага, и тамъ что дастъ Богъ и наша рука!... Но не будемъ полагаться на одни знаціи мшцы; противъ коварства надо бороться мудро, а нашъ врагъ — коварство. Пусть умъ повѣдываетъ нашей рукой, но, разъ начавши, пусть не перестаетъ она, пока не падетъ или не побѣдитъ“...

Въ томъ же тонѣ національнаго единства говорятъ и другіе современные поэты, и Сербы, какъ Маѣтичъ, Якиничъ, Утѣшеновичъ, Субботичъ; и Хорваты, какъ Вукотиновичъ, Мажураничъ, Боговичъ; и Далматинцы, какъ Медо-Пучичъ, Казали и проч. Но дѣйствительность еще мало соотвѣтствуетъ восторженнымъ призывамъ: Сербы все еще остаются крайне раздѣлены и чужимъ гнетомъ, и собственною безтактностью; проповѣдь братства, начатая со временъ Обрадовича, все еще не сблизила племень «Дунамъ и Адриатическаго моря», да и сами проповѣдники изъ австрійскихъ Сербовъ (напр. Субботичъ) мрутъ какъ-то свои національныя воззванія съ преданностью австрійскому престолу.

Но во всякомъ случаѣ эти поэтическіе призывы имѣютъ свой корень въ политическомъ сознаніи, которое, хотя и медленно, развивается однако въ сербскомъ населеніи, и при національных качествахъ Сербовъ даетъ угадывать впередъ болѣе прочное, политическое и образовательное движеніе, и можно думать, что опытность, приобретенная въ прошломъ, послужитъ передовымъ людямъ народа на будущее время.

7. НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ СЕРБОВЪ.

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, можно даже сказать изъ всѣхъ народовъ европейскихъ, Сербы представляютъ наиболѣе свѣжее и обширное развитіе народной поэзіи, сохранившейся до настоящаго времени въ той же живой полнотѣ, какую мы вообще предполагаемъ для народной поэзіи въ старыя періоды непосредственно-патріархальнаго быта. Это явленіе дѣйствительно замѣчательно, — потому что, хотя болѣе внимательное изслѣдованіе народной жизни до сихъ поръ продолжаетъ открывать и у другихъ народовъ много этого поэтическаго матеріала, считавшагося затерянными (примѣры въ болгарскомъ вносѣ и въ новыхъ открытіяхъ древняго русскаго вноса), нигдѣ однако не находится такого роскошнаго обилія пѣсни, такого равномернаго распредѣленія ея въ народѣ и такого живучаго творчества, какъ у Сербовъ. Это явленіе должно конечно имѣть свои причины въ особенныхъ качествахъ національнаго характера и народной исторіи.

Мы уже говорили выше, что честь настоящаго открытія сербской поэзіи для европейской литературы принадлежитъ Вуку Караджичу. Но въ первый разъ она указана была еще въ прошломъ столѣтіи. Умный итальянскій путешественникъ, аббатъ Фортисъ издалъ, въ 1774, очень любопытное описаніе Морлаковъ, сербскаго племени въ Далмаціи, дикаго и мало цивилизованнаго, но привязаннаго къ старымъ обычаямъ и преданіямъ. Онъ упоминаетъ объ ихъ пѣсняхъ и приводитъ нѣсколько образцовъ ¹⁾. Эти пѣсни обратили на себя вниманіе европейскаго литературнаго міра въ переводахъ Гердера и Гёте, сдѣланныхъ съ французскаго. — но масса пѣсенъ оставалась еще неизвѣстна; только очень немногіе знали, что много отрывковъ замѣчательныхъ историческихъ пѣсенъ разсыяно было въ видѣ объясненій въ словаряхъ Бѣлостѣнца, Ямбрежича и Делла-Беллы, и что цѣлый рядъ историческихъ пѣсенъ переданъ былъ, хотя и не въ перво-бытной формѣ, въ стихотвореніяхъ Далматинца Качича-Миоича. Въ сборникѣ Вука Караджича (1814 — 15) эти пѣсни явились въ первый разъ цѣлымъ разнообразнымъ цикломъ, въ неподдѣльной народной одеждѣ ²⁾. Съ

¹⁾ См. Fortis, Viaggio in Dalmazia, Venet. MDCCCLXXIV, v. 1, p. 98. *Chalostua pjesnava plemenite Azan-Aghinize*, и др.

²⁾ Кроме поддѣланнаго, дополненаго собранія Караджича (4 т.), упоминаемъ еще изданіе сербскихъ пѣсенъ: Чубра Чойковича, Италіянія черногогорска и херцеговачка, собрана Ч. Чойк., черногогорцемъ (Милутиповичемъ). Вѣна 1833, Лейпц. 1837:—

тѣхъ поръ сербскія пѣсни приобрѣли европейскую извѣстность и вышли много отголосковъ въ европейской и славянской поэзіи ³⁾.

Интересъ народной поэзіи Сербовъ чрезвычайно возвышается той свѣжестью, съ какою она до сихъ поръ живетъ и помнится въ народѣ.

«Поэзія Сербовъ самымъ тѣснымъ образомъ связана съ ихъ обыкновенной жизнью. Это — картина ихъ мыслей, чувствъ, дѣйствій и страданій; это — поэтическое воспроизведеніе разныхъ положеній массы людей, составляющихъ народъ. Въ комнатахъ, гдѣ сидятъ у очага женщины за вязаньемъ; въ горахъ, гдѣ парни пасутъ свои стада; на площадяхъ, гдѣ деревенская молодежь собирается танцовать *коло*; на равнинахъ, гдѣ собирается жатва; въ лѣсахъ, черезъ которые проѣзжаетъ одинокій путешественникъ, — вслѣдъ раздается пѣсня. Пѣсня сопровождаетъ всякую работу и часто относится къ ней. Сербы *живутъ* свою поэзію.

«Сербы раздѣляютъ обыкновенно свои пѣсни на двѣ большія части. Небольшія пѣсни разныхъ размѣровъ, лирическія или эпическія, и которыя поются безъ аккомпанимента, называются *женскими пѣснями*, потому что онѣ складываются большею частью женщинами. Другія пѣсни, состоящія изъ длинныхъ эпосовъ въ стихахъ изъ пяти правильныхъ трохеевъ, и которыя поются подъ *гусли*, родъ простой однострунной сиринги, называются *юмацкими пѣснями*... Первыя изъ этихъ пѣсней носятъ въ высшей степени домашній характеръ. Они сопровождаютъ насъ во всѣхъ различныхъ отношеніяхъ домашней жизни, какъ въ ежедневныхъ занятіяхъ, такъ и въ праздникахъ и дни веселья, прерывающіе ихъ обыкновенное теченіе. Много было связано, и многое еще можно сказать въ похвалу этихъ гармоническихъ изданій нѣжнаго, свѣжаго и неподдѣльнаго чувства... Мы ограничимся здѣсь замѣчаніями о томъ, что отличаетъ сербскую поэзію отъ другихъ славянскихъ пѣсней.

«Это отличіе мы находимъ главнымъ образомъ въ *веселости*, основномъ элементѣ сербской поэзіи, — свѣтлой и прозрачной ясности духа, похожей на блестящую синеву южнаго неба. Только намеки на несчастье замужней жизни собираются иногда въ тяжелыя облака на этомъ прекрасномъ небѣ. Страхъ быть отданной за *старого* мужа, страхъ злой свекрови, ссоры съ невѣстками, увеличивающіяся заботы домашняго быта, — потому что въ мѣтлинно патріархальномъ стилѣ женатые сыновья остаются въ родительскомъ домѣ, и всѣ вмѣстѣ составляютъ одну семью. — всѣ эти обстоятельства возмущаютъ иногда неистощимую веселость сербскихъ женщинъ и часто вызываютъ изъ ихъ покорнаго сердца вроткія жалобы, и можетъ быть еще чаще ужасныя проклятія. Пѣсни, не назначенныя для какого либо частнаго слу-

Отгледан сербско (юнацкія черногорскія пѣсни), Бѣградъ 1846; — J. F. Lukić i L. Petrović, Narodne pjesme bosanske i hercegovačke, Osiek 1858 и друг.

³⁾ Въ итальянской литературѣ сербскія пѣсни извѣстны въ переводахъ Франка, Заффрида Вальтера, но особенно Талъва (г-жа Робявзон); во французской — въ переводахъ Марале, и новѣйшемъ Дозона (Dozon).

чая, также ильно и ясно несутъ отпечатокъ семейной жизни, и полны намековъ на домашнія отношенія...

Изъ старинныхъ пѣсенъ, которыя поются въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ, самыя замѣчательныя—свадебныя пѣсни, приспособленныя къ разнообразнымъ церемоніямъ славянской свадьбы. И здѣсь мы опять встречаемся съ однимъ изъ тѣхъ разнообразныхъ противорѣчій нравственнаго міра, которыя ставятъ философію въ тупикъ. Между тѣмъ какъ всѣ символическія церемоніи сильно выказываютъ постыдное состояніе рабства и униженія, въ какое ставитъ славянскую женщину заключеніе брака (потому что славянскія *дѣвушки* до извѣстной степени свободны и счастливы, и если онѣ красивы и трудолюбивы, то пользуются уваженіемъ и за ними особенно ухаживаютъ), *пѣсни*, поэтическія воспроизведенія этихъ грубыхъ, суровыхъ, унижательныхъ *обстояній*,—деликатны, веселы и почти изысканно-любезны. Есть разныя указанія на то, что онѣ, подобно русскимъ пѣснямъ этого рода, очень похожи на сербскія, происходятъ изъ очень древняго періода. Какъ и въ русскихъ пѣсняхъ, въ нихъ нѣтъ намековъ на церковныя обряды...

Предметы, еще болѣе достойныя удивленія, представляютъ намъ Сербы въ своихъ *эпическихъ* пѣсняхъ. Въ самомъ дѣлѣ, по этому множеству простыхъ легендъ и запутанныхъ разсказовъ мы можемъ изучать, что такое народная эпическая поэзія, каковыя образомъ она создается и распространяется, какую остоетвенную силу вымысла она обнаруживаетъ,—силу, которой не владѣетъ никакое искусство. Сербы стоятъ въ этомъ отношеніи совершенно уединенно; ни одинъ изъ новѣйшихъ народовъ не можетъ сравниться съ ними въ эпической производительности; они какъ будто бросили новый свѣтъ на волнныя произведенія древнихъ. Такимъ образомъ мы безъ преувеличенія можемъ назвать изданіе сербскихъ поэмъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ событій новѣйшаго времени.

Общій характеръ сербскихъ поэмъ—*объективность* и *пластичность*. Въ большей части случаевъ поэтъ замѣчательнымъ образомъ стоитъ выше своего предмета. Онъ рисуетъ свои картины не блестящими красками, а кистями, выдающимися чертами; читателю не нужно никакихъ объясненій, онъ видитъ все своими собственными глазами. Сравнивая сербскія эпопеи съ тѣмъ, что имѣли прежде другіе славянскіе народы, мы находимъ, что Сербъ даже превосходитъ ихъ... Сербъ, даже когда онъ представляетъ своихъ соотечественниковъ въ битвѣ съ смертельными врагами и гонителями, обнаруживаетъ къ первымъ почти столько же пристрастія, сколько Гомеръ къ своимъ Грекамъ... Главное достоинство сербскихъ лирическихъ пѣсенъ заключается вовсе не въ прекрасныхъ частяхъ, но, болѣею частью, въ цѣломъ ихъ составѣ и въ исномѣ, наглядномъ и пластическомъ способѣ представленія. Относительно ихъ стиля мы прибавимъ только одно замѣчаніе. Въ славянской народной поэзіи нѣтъ вообще ни одного изъ тѣхъ вульгаризмовъ, которые во многихъ случаяхъ обезображиваютъ народныя

баллады тевтонскихъ народовъ. Впрочемъ *достойности* стили, какъ оно обыкновенно понимается, нельзя ожидать ни отъ какой народной поэзіи. Тѣ изъ читателей, которыхъ чувство, отъ незнакомства съ поэзіей природы, оскорбляется извѣстными благородными выраженіями, безсознательно разсѣянными иногда въ самыхъ прекрасныхъ описаніяхъ, — не избѣгутъ непріятнаго впечатлѣнія, читая сербскія пѣсни. Картины всегда свѣжи, осязательны и поразительны: но, хотя нерѣдко эффектъ высокаго, и эффектъ глубокаго трагическаго паѳоса, достигается совершенной простотой, ничто такъ не чуждо имъ, какъ напыщенная важность и щепетильная утонченность французской сцены.

«Количество и разнообразіе сербскихъ героическихъ поэмъ огромны. Древнѣйшія циклы легендъ составляютъ великій царь Душанъ Неманичъ и и его герои; благочестивый князь Лазарь, послѣдній свободный повелитель Сербовъ, взятый въ плѣнъ въ сраженіи и казненный Турками, и смерть его вѣрныхъ сподвижниковъ на Косовскомъ полѣ. Двѣ битвы происходившія здѣсь, въ 1389 и 1447 г., ставятъ конецъ существованію сербскаго царства. Въ непосредственной связи съ этими эпическими пѣснями находятся пѣсни, герой которыхъ — сербскій Гераклесъ, Марко Кралевичъ, — числомъ по крайней мѣрѣ тридцать или сорокъ. Картины, представляемыя этими пѣснями, въ высшей степени суровы и смѣлы, и часто начерчены на мифологическомъ основаніи»⁴⁾.

Эти симпатичные отзывы писательницы, внимательно изучавшей сербскія пѣсни, тѣмъ больше могутъ быть справедливы, что они чужды всякаго національнаго пристрастія.

Сербскій эпосъ разработанъ отчасти въ подробностяхъ, но до сихъ поръ все еще нѣтъ его цѣльнаго изученія. Мы уже говорили, какъ г. Безсоновъ опредѣляетъ періоды сербскаго эпоса. Это дѣленіе, соответствующее главнѣйшимъ періодамъ самой исторіи сербскаго народа, вѣрно въ общихъ чертахъ, потому что наиболѣе рѣзкія явленія народной исторіи естественно должны были отразиться и въ содержаніи эпической поэзіи. Къ послѣднему старому періоду гайдуконъ и Усоконовъ, который начинается въ исторіи и въ поэзіи послѣ эпоса Косовской битвы и ближайшихъ къ ней событій, примыкаютъ въ нынѣшнемъ столѣтіи пѣсни о Георгіи Черномъ и его сподвижникахъ, и наконецъ новѣйшія пѣсни, находящія свое содержаніе въ постоянной борьбѣ съ Турками. Черногорія до сихъ поръ даетъ живой матеріалъ для эпоса и онъ продолжаетъ создаваться тамъ съ той же легкостью творчества.

Но съ другой стороны, теперь трудно или даже невозможно опредѣлить реальную исторію этого эпоса: всѣ произведенія его мы знаемъ уже въ ихъ новѣйшей формѣ, гдѣ старое и новое до такой степени сливаются въ

⁴⁾ Тацитъ, *Скиты*, стр. 368 — 378.

однакъ общій тонъ, что эти произведенія могли дѣлать впечатлѣніе одной цѣльной поэмы.

«Сличая рассказы о событіяхъ временъ древнѣйшихъ съ новѣйшими, — говорятъ другой цѣнитель сербской поэзіи. Прейсъ, — мы не находимъ рѣзкаго между ними различія ни въ тонѣ, ни въ слогѣ, ни въ приѣмахъ и оборотахъ эпитетскихъ. Тѣ и другіе кажутся произведеніями одного лица. Правда, въ древнѣйшихъ пѣсняхъ на сценѣ являются преимущественно Сербы; въ новѣйшихъ большею частію изображается борьба Сербовъ съ Турками; въ первыхъ герои сражаются мечами, стрѣлами, копьями; но во вторыхъ господствуетъ уже огнестрѣльное оружіе. Но какъ эти черты, такъ и подобныя имъ, очевидно несущественны, не имѣютъ вліянія на способъ изложенія, служатъ скорѣе доказательствомъ, что въ древнѣйшихъ пѣсняхъ вѣрнѣе отражено прошедшее. Отъ этого такъ вѣрѣдко новѣйшія пѣсни въ языкѣ и подробностяхъ народнаго быта представляютъ такіе архаизмы, которые не согласны съ нынѣшнимъ состояніемъ языка и народа. Откуда эти архаизмы могли зайти въ новыя пѣсни, если не изъ стараго, наследственнаго заученнаго матеріала? Эпическій стиль, — работа вѣковъ и поколѣній, — остается вездѣ одинъ и тотъ же: силѣ его подчиняется талантъ народнаго поэта, какъ бы онъ ни былъ оригиналенъ и изобрѣтателенъ». Причину этого единства въ характерѣ пѣсенъ Прейсъ находитъ въ томъ, что сербская поэзія всегда вѣрно отражала жизнь, а самая жизнь въ сущности не измѣнялась и съ переменою политическаго господства. Сербы съ давнихъ поръ были народомъ воинственнымъ и пастушескимъ; они, какъ масса, ничего не заимствовали ни отъ Византіи, ни отъ латинскаго запада, съ которыми сближались ихъ династія и бояре: они остались тѣми же и въ эпоху турецкаго господства. Въ это время ихъ воинственность возстала противъ турецкаго гнета и породила безчисленные подвиги Черногорцевъ, гайдуковъ и приморскихъ Ускоковъ, — подвиги, именно и давшіе содержаніе позднѣйшему эпосу, который созданъ по тому же древнему плану. Таково общее непосредственное впечатлѣніе, которое производитъ сербскій эпосъ, слившійся теперь въ устахъ народа въ длинную, повидному цѣльную и однородную, поэму его исторической судьбы.

«На всемъ этомъ длинномъ пути — продолжаетъ Прейсъ — эпическія пѣсни всюду сопутствовали народу, въ этой бивачной жизни черпали свой матеріалъ: онѣ донынѣ въ свѣжей памяти народа. Любопытно при этомъ слѣдить за выборомъ предметовъ для пѣсенъ. Народные поэты преимущественно останавливаются на рассказахъ о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ Сербы участвовали своею головою, своими руками. Отъ этого народная пѣсня не говоритъ о кровопролитныхъ войнахъ первыхъ королей изъ дома Немани. Изъ всѣхъ дѣлъ Неманичей уцѣлѣли въ памяти народной одни монастыри — эти «вѣчныя ихъ обители на томъ свѣтѣ», какъ выражаются пѣсни, — и сохранились вѣрнѣе, по одному только отношенію монасты-

рей къ послѣдующимъ судьбамъ сербскаго народа. Въ годину тяжкихъ испытаній, монастыри были утѣшеніемъ народа, были щитомъ христіанства, стражемъ народности. Вблизи ихъ Сербы легче забывали настоящее, и въ пѣснѣ вспоминая о священной своей старинѣ, не теряли упованія на будущее, готовились къ нему. Народная пѣсня молчать также о подвигахъ Матвѣя Корвина, скупа на разсказъ о дѣйствіяхъ австрійскихъ полководцевъ противъ Турокъ; напротивъ того становится говорливомъ, когда зайдетъ рѣчь о тѣхъ битвахъ, въ которыхъ каждый въ дружинѣ былъ и вождемъ и воиномъ. Огромныя массы, покорныя мысли одного, не предметъ для народнаго поэта... Здѣсь, кажется, должно искать главнѣйшую причину упадка ея въ настоящее время у большей части славянскихъ народовъ⁵⁾.

Но это впечатлѣніе единства вѣрнѣе дополняется историческимъ изученіемъ. Если, какъ выше замѣчено, мы лишены возможности имѣть точную хронологію произведеній сербскаго эпоса, современная наука даетъ средство опредѣлить послѣдовательныя эпохи главнѣйшихъ измѣненій, происшедшихъ во внутреннемъ его характерѣ. Такимъ образомъ передъ нами болѣе ясно раскрывается первобытная мифическая основа эпоса и послѣдовательныя историческія наслоенія позднѣйшихъ временъ. Изученіе эпическихъ приемовъ и подробностей объясняетъ намъ тотъ первобытный смыслъ, какой имѣлъ этотъ условный языкъ, ставшій теперь однимъ поэтическимъ обычаемъ; мы отличаемъ разныя эпохи народнаго быта, которыя оставляли въ этой поэзіи свое отраженіе и это объясняетъ намъ тѣ мнимыя противорѣчія, какія встрѣчаетъ въ ней непривычное наблюденіе, представляя себѣ область этой поэзіи одной постоянной и неизмѣняющейся картиной; наконецъ въ массѣ сходныхъ и отчасти однообразныхъ подвиговъ мы отличаемъ индивидуальныя черты героевъ.

Такое изученіе и для сербской поэзіи только что начато.

Въ цѣломъ сербскія юнацкія пѣсни представляютъ замѣчательный, и въ настоящее время единственный въ Европѣ, примѣръ живаго народнаго эпоса. Въ нихъ дѣйствительно оживаютъ передъ нами времена гомерической поэзіи, со всеми свойствами ея творчества и всенародности. Въ прошедшіе вѣка, когда сербская поэзія была ближе къ описываемымъ событіямъ и полнѣе передавала ихъ подробности, ей недоставало только своего собирателя, чтобы представить въ извѣстной мѣрѣ цѣльную и широкую эпопею, накова Илиада. У Сербовъ были для того всѣ задатки. Наблюдая народныя свойства Сербовъ, мы поймемъ и причины превосходства ихъ эпоса относительно поэзіи другихъ славянскихъ народовъ, и въ частности Болгаръ, находившихся въ сходныхъ съ ними условіяхъ. Если сербскій эпосъ вѣрнѣе сохранялъ черты старины, лучше сберегъ память старыхъ героевъ и владѣетъ болѣею степенью творчества, это легко объясняется

⁵⁾ Преякъ, О епик. поэзіи Сербовъ, въ Actъ Сиб. Унив. 1846, стр. 143—147.

энергическимъ характеромъ сербскаго народа, не упавшаго подъ тѣми испытаніями, которыя достались ему на долю, и сохранившаго въ отдѣльныхъ, но вовсе не рѣдкихъ, примѣрахъ все геройство патріархальныхъ временъ. Было замѣчено, что гдѣ два населенія встрѣчаются, сербское населеніе беретъ верхъ надъ болгарскимъ, передать ему свои нравы и языкъ: та же бблшая степень народной энергіи обнаруживается и въ превосходствѣ сербскаго эпоса.

Мы уже замѣтили выше, что жизненность сербской пѣсни обнаруживается и въ замѣчательной равномерности ея распредѣленія: поэтическое чувство и производительность принадлежать одинаково всей странѣ, населенной сербскимъ племенемъ. Но справедливое въ цѣломъ, это замѣчаніе должно быть ограничено въ подробностяхъ. Юнацкія пѣсни помнятся и растутъ больше въ горныхъ краяхъ южной Сербіи, Босніи, Черногоріи и сосѣдней Далмаціи. «Къ сѣверовостоку производительность уменьшается,—замѣчаетъ Тальви;— въ австрійскихъ провинціяхъ еще *знаютъ* пѣсни, но речитированіе ихъ, и самыя гусли, оставлены слѣпцамъ и нищимъ. Нирхъ слышалъ впрочемъ пѣсни о Маркѣ Краевичѣ въ сосѣдствѣ Нейзаца (Новаго-Сада), въ Венгріи. Съ другой стороны, любовныя сербскія пѣсни и всѣ тѣ, которыя понимаются подъ названіемъ женскихъ,— хотя онѣ поются вовсе не исключительно женщинами,—появляются главнымъ образомъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ, быть можетъ, блескъ западной цивилизаціи далъ нѣкоторую утонченность общему чувству. Родина большей части изъ нихъ— *перезни* Среми, Баната и Бачны; онѣ слышатся также въ городкахъ Босніи, тогда какъ въ *городахъ* австрійскихъ провинцій онѣ вытѣснены повѣйшими пѣснями, можетъ быть менѣе замѣчательными, и безъ сомнѣнія менѣе національными»⁴⁾. Прейсъ объясняетъ это характеромъ горныхъ жителей, но едва ли не справедливѣе объяснить это во первыхъ тѣмъ, что названныя выше страны были и мѣстомъ самыхъ подвиговъ, во вторыхъ вліяніемъ цивилизаціи, которая невыгодно дѣйствовала на свое сосѣдство относительно сбереженія пѣсенъ. Здѣсь должно было происходить тоже явленіе, какое замѣчается въ этомъ отношеніи вездѣ: народная пѣсня и старина живутъ только тамъ, гдѣ еще тверды традиціи патріархальнаго быта, «иѣ забываются и пропадаютъ съ приближеніемъ быта цивилизованнаго. Прейсъ, отчасти безсознательно, но вѣрно опредѣлилъ и сохраненіе цѣлаго поэтическаго матеріала у Сербовъ неподвижностью ихъ народной жизни въ исторіи: въ этомъ ихъ сила, не въ этомъ же и ихъ слабая сторона. Старая поэзія забывается, когда оканчивается патріархальная непосредственность быта и понятій.

⁴⁾ Talvi, ib. стр. 388.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РУССКОЕ ПЛЕМЯ.

1. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Для полноты обзора цѣлаго круга славянскихъ литературъ мы должны дать въ нашемъ очеркѣ мѣсто и русской литературѣ, хотя извѣстности фактовъ, которую мы можемъ предположить въ читателѣ, позволяетъ намъ ограничиться однимъ общимъ очеркомъ этихъ фактовъ и ихъ значенія: какъ ни были разъединены историческія судьбы славянскихъ племенъ и какъ ни отбилось отъ нихъ русское племя, оно нигдѣ однакоже извѣстныя связи съ ними и въ послѣднемъ, новомъ періодѣ получало для нихъ особенное значеніе.

Мы уже говорили о расселеніи русскаго племени, его численной силѣ и этнографическомъ распредѣленіи. Намъ достаточно теперь замѣтить, что русское племя не было одной сплошной національной массой: раздѣленное, при первомъ появленіи въ исторіи, на многія мелкія племена, оно не сплелось и потомъ въ одну такую массу, тѣмъ больше, что первыя эпохи русской исторіи заняты были дѣломъ колонизаціи восточныхъ и сѣверныхъ земель, и эта колонизація скорѣе развѣивала и разъединяла націю, чѣмъ сосредоточивала и объединяла ее. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что теперь, въ концѣ пройденнаго до сихъ поръ пути, русское племя представляетъ видоизмѣненія весьма несходнаго свойства. Послѣ великорусскаго, существенное изъ нихъ — малороссійское, къ которому примыкаетъ Русь Галицкая и Карпатская; затѣмъ — Бѣлоруссія. Политическая исторія содѣйствовала этому раздѣленію, потому что южная и западная части Руси, связанная съ Литвой и Польшей, жили въ иныхъ условіяхъ, дѣйствовавшихъ на народный характеръ и образованіе. Эти части Руси сохранили, правда, свой языкъ, подвергавшійся впрочемъ въ значительной степени польскому влиянію, сохраняли религію, до введенія въ западной

Руси унѣ, но при всемъ томъ они мало участвовали въ томъ культурномъ состояніи и литературѣ, которыя развивались въ сѣверной и восточной Руси, централизованной въ Москвѣ. Западная и южная Русь вступаютъ въ этотъ культурный порядокъ уже тогда, когда политическое ослабленіе и потомъ паденіе Польши соединяють съ Москвою сначала южную Украину, а потомъ и Русь Литовскую. Мы увидимъ однако, что въ послѣдней это соединеніе съ Россіей долго не могло пересилить хода вещей, установившагося въ теченіи польскаго періода. Въ южной Руси 19-е столѣтіе вызвало весьма замѣтное движеніе въ національномъ смыслѣ. Русь Галицкая отдѣлилась отъ цѣлага племени всего сильнѣе, и теперь принадлежитъ Австрійской имперіи.

Такимъ образомъ, то, что мы привыкли называть русской старинной, древней (или и новой) русской литературой, относится существенно только къ великорусской части племени и далеко не всегда можетъ относиться къ другимъ частямъ русскаго племени: послѣ древнѣйшаго періода, который представляетъ еще извѣстную первобытную связь мелкихъ народностей, другія части являются уже съ своими иными преданіями и, до соединенія, участвовали въ культурной исторіи великорусской Москвы, какъ мы увидимъ, только въ одно извѣстное время, въ 16—17-мъ столѣтіяхъ.

Первые литературные факты русскаго языка относятся къ древней кіевской эпохѣ, именно ко временамъ введенія христіанства. Преданіе упоминаетъ, что Кирилль, во время своего путешествія въ Казарію, видѣлъ въ Корсунѣ евангеліе и псалтырь, «росьскыи писмены писано», и нашелъ человека: «слаголюща тою бесѣдою»; но критики болѣе благоразумные считаютъ это евангеліе готскимъ, а не русскимъ, потому, что и русскіи письмена—если онѣ существовали въ то время—не были достаточны для подобнаго памятника, и степенъ культуры русскихъ племенъ дѣлаетъ его существованіе еще менѣе вѣроятнымъ. Все историческія данныя уѣждаютъ, что евангеліе и вообще священное писаніе и церковныя книги появились у насъ только отъ Болгарь и въ болгарской формѣ.

Этотъ первый фактъ русской литературной исторіи ведетъ за собой цѣлый рядъ другихъ фактовъ этого рода, которые въ массѣ представляютъ цѣлое историческое явленіе—тѣсную связь древней русской письменности съ Болгаріей или лучше съ южными славяновою, потому что Сербь въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, были также въ тѣсныхъ связяхъ съ Болгаріей, и съ своей стороны имѣли свою долю вліянія на русскую письменность. Эти связи важны были въ томъ отношеніи, что съ самаго начала они сообщали русской письменности—безъ всякаго труда съ ея стороны—цѣлый запасъ памятниковъ извѣстнаго рода, которые давали первымъ грамотнымъ людямъ русскимъ готовые понятія и готовую мораль. Эта многочисленность явившихся теперь готовыхъ памятниковъ конечно усиливала сама по себѣ то направленіе понятій, которое они съ собою приносили. До какой степени этотъ запасъ врытыхъ памятниковъ былъ

обширенъ, мы можемъ судить и теперь, хотя еще и теперь далеко не вполне извѣстенъ весь объемъ старо-славянской литературы. Указывая прежде памятники старой болгарской или старо-славянской письменности;— извѣстные у насъ и нѣредко только въ русскихъ спискахъ существующіе,— мы видѣли, что они представляютъ, по византійскимъ источникамъ и спискамъ, и христіанское въручение («Слова», «Поученій», «Маргариты», «Измарагды», «Челомъ», «Златый Цѣпи», «Изборники» и т. д.), и каноническое право («Коричанъ», «Церк. Уставы», «Типиконы» и пр.), и сочиненія историческія («Паденіе», «Хронографы», «Истерики», «Прологи»), и наконецъ произведенія фантазіи и апокрифическія преданія.— къ этому присоединялись и произведенія собственно болгарскія, христіанско-поучительная подражанія болгарскихъ писателей и памятники болгарскихъ суевѣрій и богомильства. Однимъ словомъ, это была цѣлая литературный циклъ, влияние котораго не замедлило обнаружиться.

Этотъ періодъ тѣсныхъ связей, религиозныхъ и литературныхъ, съ южно-славянскимъ міромъ продолжается съ самаго начала нашей письменности до окончательнаго паденія южно-славянскихъ царствъ, до 14—15-го столѣтія. Кроме множества произведеній, завѣдомо принадлежавшихъ къ намъ изъ этого источника, остается еще много переводныхъ византійскихъ памятниковъ, которые имѣли вѣроятно то же самое происхожденіе: по крайней мѣрѣ мы до сихъ поръ имѣемъ еще очень мало извѣстій о греческой учености нашихъ предковъ и часто должны въ такихъ случаяхъ ссылаться на южно-славянскіе источники (хотя въ частности можно замѣтить, что Ассѣвъ, игравшій извѣстную роль въ исторіи южно-славянской литературной дѣятельности, имѣлъ и своихъ русскихъ представителей). Изученіе руонисныхъ древностей Болгаръ и Сербовъ, теперь едина начиняющееся, вѣроятно подтвердитъ эти предположенія.

Византійскій характеръ литературы, указанный нами въ древнейшій болгарскомъ періодѣ, этимъ путемъ оказало преобладающее влияние и у насъ. Первые литературные труды русскихъ писателей обнаруживаютъ это ясно. Писатели были почти исключительно духовные; содержаніе ихъ произведеній—по преимуществу догматическое и поучительное—заставляло ихъ обращаться къ византійскимъ пособиямъ, и они заимствовали изъ этихъ пособій не только самую мысль, ея развитіе и примѣненія, но даже форму и способъ выраженія. Произведенія русскихъ проповѣдниковъ стали выходящимъ подражаніемъ византійскимъ образцамъ, и Кирилль Туровскій дошелъ въ этомъ смыслѣ до изысканности, которая была бы очень хороша, если бы только была понятна тогдашней массѣ:— а мы имѣемъ основаніе думать, что это едва ли было такъ. Масса только что выходила изъ язычества, она понимала религію еще весьма грубымъ и матеріальнымъ образомъ (доказательство—напр. вопросы Кирика и много другихъ подобныхъ фактовъ), и реторическое краснорѣчіе для нея пропадало. Эта изысканность мысли и книжность языка не показываютъ конечно литературной силы.

Наши писатели не умѣли освободиться отъ рамки, данной образцами, не умѣли найти для своихъ произведеній формы болѣе согласной съ домашними условіями, т. е. потребностями и степенью пониманія своихъ читателей и слушателей. Или же, эти произведенія не доходили до массы. Ихъ языкъ всегда оставался тотъ же, который онъ въ первый разъ принялъ, и онъ, какъ однажды увоенная традиція, переходилъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, не сближаясь съ народнымъ, и только невольно подчинялся его влиянію. Литературнымъ языкомъ этого отдѣла письменности остался старо-славянской, только въ неизбѣжныхъ случаяхъ видоизмѣненный влияніемъ русскаго. Были конечно и исключенія, были писатели, болѣе чувствовавшіе требованія живаго языка, но говоря вообще, риторическая манера, начавшись съ первыхъ памятниковъ, проходить черезъ всю литературу этого разряда (притомъ переводную но преимуществу). Впоследствии, когда именно зашелъ вопросъ о пониманіи «писаній» и когда, послѣ многочисленныхъ переносиваній, складъ этой литературы долженъ былъ повидимому упроститься, оказалось, что и въ грамотной массѣ господствовали объ ихъ смыслѣ крайне превратныя понятія, которыя и стали одной изъ главныхъ причинъ и однимъ изъ орудій раскола.

Указанныя нами свойства произведеній, или приже переводныхъ, или собственныхъ, догматическаго и поучительнаго содержанія, явившихся подъ византійскимъ влияніемъ, не остались безъ слѣда въ народномъ развитіи. Слѣдь этотъ былъ конечно отрицательный: цѣлый разрядъ произведеній былъ доступенъ только извѣстному книжному слою, почти только извѣстному сословію, и оставался, въ суммѣ, недоступенъ народному большинству, которое естественно должно было искать иного удовлетворенія своимъ умственнымъ и нравственнымъ потребностямъ. Мы увидимъ дальше, гдѣ искала своего удовлетворенія полуграмотная и безграмотная масса.

Самостоятельная литературная дѣятельность выразилась существеннымъ образомъ въ *лѣтописи*, которая, начавшись съ первой грамотностью коротенькими монастырскими отиѣтками, доходить почти безъ перерыва до событій 17-го вѣка. Первый памятникъ лѣтописи, носящій имя Нестора, былъ для своего времени замѣчательнымъ произведеніемъ и послужилъ исходной точкой для послѣдующихъ лѣтописцевъ. Независимо отъ этой кіевской лѣтописи велись другія мѣстныя лѣтописи — новгородская, волынская, тверская, перенелановская, лѣтописи московскія и т. д., вызываемыя болѣе живой исторической дѣятельностью. Погодный разсказъ лѣтописи уже съ самаго начала дополнился цѣлыми отдѣльными сказаніями о замѣчательныхъ событіяхъ и лицахъ: впоследствии число подобныхъ сказаній увеличивается болѣе и болѣе и наконецъ являются попытки цѣльных историческихъ разсказовъ.

Но за исключеніемъ лѣтописи масса старой русскаго письменности представляетъ мало самобытнаго. Огромное большинство всего матеріала состоитъ изъ переводныхъ византійскихъ книгъ: формы письменности были по-

вторениемъ и примѣненіемъ византійскихъ формъ. Такова была напр. и литература *житій*, которая появляется у насъ съ самаго перваго времени (житія Феодосія, Бориса и Глѣба и т. д., и т. д., кievскій Патерикъ и т. д.) и которая имѣла свои образцы въ массѣ переводныхъ греческихъ житій, пришедшихъ съ южно-славянскими книгами. Новѣйшее изслѣдованіе этой литературы открываетъ въ ней черты народно-поэтическихъ сказаній (напр. житія Меркурія смоленскаго, Петра и Февроніи муромскихъ и др.); но въ большинствѣ это были произведенія чисто монастырскія, поэзія аскетизма, привитая византійской литературой.

Затѣмъ, изъ того же источника приходило къ намъ множество другихъ произведеній съ тѣмъ же общимъ характеромъ, книги нравственно-поучительнаго содержанія, какъ *Ицсла*, *Златая Цѣпь* и много другихъ подобныхъ сборниковъ, начиная съ знаменитаго Святославови или Симеонова *Изборника* 11-го столѣтія; и книги историческія: *Цѣли* и особенно *Хронографы*, достигающіе отъ стараго періода до самаго 18-го столѣтія.

Отсюда же шли *поэтическія* произведенія византійскаго происхожденія, о которыхъ мы упоминали въ обзорѣ древне-болгарской и сербской литературы: повѣсти о Трои и «Александрія», «Девгеніевѣ Дѣяніи», сказаніе о «Синагриидѣ», и др., къ которымъ примыкаютъ кажется и начатки нашей книжной повѣсти. Все названныя произведенія, несомнѣнно перешедшія къ намъ отъ южныхъ Славянъ, принадлежатъ еще древней порѣ нашей письменности.

Наконецъ, изъ того же общаго источника и изъ того же времени идетъ и цѣлый разрядъ *ложныхъ книгъ*, характеристика которыхъ приведена нами выше. Эти книги, представляющія разнообразный сборъ фантастическихъ представленій о предметахъ религіи, созданія міра, раѣ и адѣ, о природѣ и человеческой жизни, еще въ Болгаріи признанныя «ложными» и «отреченными» т. е. запрещенными, въ нашей грамотной массѣ и народѣ играли ту же роль, какую играли у Болгаръ и Сербовъ. Они удовлетворяли поэтическимъ инстинктамъ, которые не находили себѣ достаточной пищи въ строгомъ и сухомъ догматизмѣ другихъ книгъ; но ихъ фантастика, не уравновѣшенная положительными знаніями, отозвалась въ народѣ развитіемъ суевѣрій, которыя крѣпко укоренились и дожили даже до нашего времени, представляя одинаковое пріятствіе и для болѣе разумнаго религіознаго пониманія, и для здраваго смысла.

Намъ остается упомянуть еще немного, чтобы указать характерныя черты древнѣйшаго періода русской письменности. Это — два-три произведенія вполнѣ самобытно-русскія. Таково, напримѣръ, извѣстное *Слово Давиіла Заточника*, сочиненіе грамотника 12-го столѣтія, представляющее сборъ нравоученій, извлеченныхъ авторомъ изъ знакомой ему книжной мудрости и собственнаго опыта. Это — чистая мораль, не имѣющая поэтическихъ претензій и не имѣющая также и большого литературнаго значенія. Историкъ можетъ найти здѣсь только образчики литературныхъ

пріемовъ времени, уже начинавшихъ позднѣйшее компляторство, и нѣкоторыя черты стараго быта.

Гораздо болѣе замѣчательнъ другой памятникъ—*Слово о полку Игоревѣ*, единственный сохранившійся образчикъ того чисто-народнаго литературнаго развѣтѣя, какое было еще возможно на Руси въ 12-мъ столѣтіи. «Слово» есть одинъ изъ крайне рѣдкихъ памятниковъ славянской народной поэзіи, сохранившихся въ своей древней одеждѣ; при всей испорченности дошедшей до насъ копіи, мы можемъ судить по ней о замѣчательныхъ поэтическихъ достоинствахъ произведенія, которое, наперекоръ христіанской грамотности древней Руси въ 12—13-мъ столѣтіи, представляетъ намъ народное сказанье во всеоружіи языческой поэзіи. Критика находитъ, что искусственность уже коснулась этого сказанія, но при всемъ томъ въ немъ сохранилась обстановка, несомнѣнно принадлежавшая языческой эпохѣ: имена языческихъ божествъ, съ ихъ поэтическими атрибутами, очевидно составляютъ еще живую и всѣмъ понятную подробность. И это обстоятельство тѣмъ любопытнѣе, что сюжетъ эпоса даже не былъ тогда стародавній, сохраненный однимъ воспоминаніемъ; напротивъ, это было свѣжее творчество, поводомъ котораго было событіе послѣднихъ годовъ 12-го столѣтія. Двѣсти лѣтъ, прошедшихъ со времени официальнаго введенія христіанства, не коснулись этой области; эпосъ былъ еще возможенъ, потому что самобытная жизнь еще не бросила массы, и онъ выразился въ своихъ самостоятельныхъ формахъ. Литературная обработка не уничтожила здѣсь народнаго элемента, хотя и не была съ нимъ тождественна: по крайней мѣрѣ собственно-народный эпосъ, жившій въ устахъ народа, имѣлъ повидимому нѣкая особенности формы.

«Слово о Полку Игоревѣ» остается одинокимъ въ своемъ родѣ; оно не имѣетъ ни предшественниковъ, ни продолженій, потому что позднѣйшая *Задонщина* и *Сказанье о Мамаевомъ побоищѣ* были только сухимъ историческимъ подражаніемъ.

Указанныя нами свойства «Слова о Полку Игоревѣ» заставляютъ насъ возвратиться къ опредѣленію тѣхъ отхоженій, въ какія христіанство стало къ народной жизни и ея поэтическому содержанію.

Существованіе несомнѣнныхъ языческихъ элементовъ въ «Словѣ» показываетъ, согласно съ другими историческими данными, что христіанство не вдругъ проникло въ понятія и нравы. Мы видѣли, что первыя начала литературы, сложившіяся по византійскимъ образцамъ, измѣнили патріархальной простотѣ народа, и литература, внушенная чужими вліяніями, стала особнякомъ отъ языческой массы. Духовенство скорѣе всего подѣйствовало на княжескую дружину и горожанъ, но въ 12-мъ столѣтіи язычество оказывается даже и въ городскихъ жителяхъ (въ Ростовѣ), а въ массѣ народа проповѣдники обличаютъ язычество не только въ 14-мъ столѣтіи, но даже и позднѣе. Эту медленность распространенія христіанства объяснили обширностью земли и недостаткомъ учителей, но здѣсь безъ со-

жизни дѣйствовали и народно-психологическія препятствія: народъ не скоро отказывается отъ понятій, съ которыми онъ жилъ столѣтія, или по крайней мѣрѣ нужно, чтобы новыя понятія владѣли большой силой разумнаго убѣжденія. Но мы видѣли, что литература не имѣла, въ большинствѣ случаевъ, должной убѣдительности, и оставалась недоступна не только патриархальнымъ массамъ, но даже и значительной части грамотнаго люда... Наиболѣе доступна была историческая и легендарная часть этой литературы, а въ пропагандѣ всего нужнѣе была догматическая сущность дѣла.

Такимъ образомъ, мы видимъ въ первую эпоху двѣ противоположности, не признававшія другъ друга. Христіанская проповѣдь вооружается обличеніями «бѣсовскихъ» пѣсень, увеселеній и нравовъ народа, а «церква стоять», по выраженію древняго писателя. Народъ конечно не могъ разстаться легко съ тѣмъ, что хотѣли у него отнять; если обрядныя пѣсни языческаго характера сохранились до сей поры, ясно, что въ эпоху этого спора онъ былъ еще богаче и свѣжѣе. Мы не будемъ приводить исторіи этихъ обличеній и преслѣдованій стараго быта и народной поэзіи, — они болѣе или менѣе извѣстны; замѣтимъ только, что они проходятъ чрезъ всю древнюю исторію Руси до 18-го столѣтія. Подъ конецъ, когда уничтожилось уже настоящее подлинное язычество, ревнивое усердіе преслѣдуетъ по старой памяти даже безвредные народныя обычаи. Это преслѣдованіе беретъ на себя даже свѣтская власть, воеводы, и принимаетъ даже строгія карательныя мѣры. Въ томъ же 17-мъ столѣтіи рѣзко выражалась наконецъ и другая сторона неустановившихся отношеній народа къ официальному клиру и официальной книгѣ: это было то крайне превратное пониманіе церковно-поучительныхъ книгъ, о которомъ мы упоминали выше, и которое выросло въ 17-мъ столѣтіи въ цѣлый разрядъ народныхъ мѣній и обнаружилось въ расколѣ.

Очень естественно, что это отношеніе древней литературы къ народному быту, наблюдаемое нами съ первой поры нашей письменности, должно было прийти къ какомунибудь разрѣшенію. Два элемента нашли себѣ мѣсто въ среднемъ періодѣ нашей письменности, преимущественно въ 15—17-мъ столѣтіяхъ, — въ цѣлой особой литературѣ, гдѣ сливаются христіанство и народныя преданія, догматика и фантастическія повѣрья, христіанская нравственность и суевѣріе, — сливаются до новаго поворота къ официальной церковности, происшедшаго съ реформой Никона.

Русская литература стараго времени представляла вообще два несходные слоя, которые до извѣстной степени определяются разными слоями народа. На одной сторонѣ продолжается тотъ характеръ литературы, который мы видѣли въ первую эпоху нашей письменности: это догматика и ученая риторика византийскихъ памятниковъ, Кирилла Туровскаго и проч., — по преимуществу литература монастырей, людей болѣе грамотныхъ и высшаго

состоянія, владѣвшаго извѣстнымъ образованіемъ. За отсутствіемъ литературнаго содержанія, болѣе грамотная масса читалась почти исключительно такимъ духовно-поучительнымъ чтеніемъ, хронографами и историческими сказаньями. Мысль развивалась въ одномъ направленіи, релігіозный интересъ стоялъ на первомъ планѣ. Въ этомъ смыслѣ литература не дѣлаетъ никакого успѣха до самаго 17 или даже 18-го столѣтій. Она возрастаетъ количествомъ, но качествомъ не измѣняется. Являются новые писатели, приобрѣтающіе большую славу между современниками, какъ приобрѣли напр. большую славу Іосифъ Волоцкій, Нилъ Сорскій, Максимъ Грекъ и т. д., но существенные вопросы остаются тѣ же. Литература раздѣляется даже на лагеря, но раздѣляютъ ее вопросы чисто спеціальныя, не выходящіе изъ прежняго даннаго уровня. Споры между «іосифлянами» и «бѣлозерцами» ограничиваются вопросамъ о степеняхъ аскетизма, о монастырской дисциплинѣ. Максимъ Грекъ, котораго выставляли какъ европейскаго ученаго, отличался отъ своихъ московскихъ современниковъ только ученостью, но въ сущности не стоялъ выше господствовавшихъ идеологовъ: его свѣдѣнія были обширнѣе, чѣмъ у кого бы то ни было въ тогдашней Москвѣ; онъ строже и сильнѣе защищалъ чистоту христіанскихъ догматовъ, даже обличалъ тогдашнія общественныя неурядиства и т. д., но и онъ не выставлялъ принципа, который бы могъ дать для общественнаго развитія точку опоры. Споръ о монастырскихъ имѣньяхъ, поднявшійся въ это время, и вызвавшій рѣзкія обличенія монастырскаго корыстолюбія, показываетъ конечно извѣстную дѣятельность мысли, но онъ терпитъ историческую цѣну уже тѣмъ, что не принесъ должнаго результата, — котораго нужно было ждать до царствованія Евдотеримы. Объемъ этого спора не былъ, слѣдовательно, широкъ.

Стремленіе найти точку опоры для новаго развитія существовало однако въ это время, и въ обществѣ, настроенномъ исключительно релігіозно, оно выразилось ересями. Что ересь имѣла тогда свое извѣстное общественное значеніе, видно уже изъ того, что она находила послѣдователей даже въ царскомъ дворцѣ. Жидовствующіе, ересь Матвѣя Башкина и Феодосія Косого, вызвавшія «Просвѣтителя» Іосифа Волоцкаго и обличенія Зиновія Отенскаго, конечно не могутъ быть объяснены одними случайными причинами. Въ особенности ересь Матвѣя Башкина была явно раціоналистическимъ движеніемъ. Но недостатокъ образованія въ цѣломъ обществѣ и ограниченность понятій отразились и въ самыхъ ересьяхъ, которыя вступали въ оппозицію съ этимъ обществомъ. Недостаточно продуманная оппозиція ищетъ поддержки въ жидовствѣ; идущая дальше оппозиція Башкина не находитъ себѣ достаточно сильнаго отголоска.

За этой литературой, отличавшейся одинъ разъ принятымъ направленіемъ византійскаго характера, шелъ другой литературный слой, книжность по преимуществу народная.

Какая же доля досталась въ этой старой письменности народу? Мы уже

говорили о тѣхъ разныхъ причинахъ, по которымъ народная масса не могла прижннуть прямо къ господствующему направленію. Но мало по малу, съ увеличеніемъ грамотности, литература расширяетъ свои границы и проникаетъ въ народную массу, которая въ то же время начинаетъ выбывать языческую старину, мѣшаетъ старые обычаи съ христіанскими, шнологическія повѣрья съ преданіями, прочитанными или услышанными изъ книги. Это былъ тотъ кругъ понятій, которому современные проповѣдники давали название «двоевѣрія».

Говоря объ этомъ двоевѣрїи, мы должны понимать по преимуществу народную массу, патриархальную и плохо грамотную. Соединеніе и смѣшеніе ея народныхъ элементовъ и влеченій съ вліяніемъ византійской книги произвело совершенно особый порядокъ идей, религиозный въ своей основѣ, и представлявшій свою особую космогонію, особые религиозныя повѣрья, особую суевѣрную мораль, наконецъ особое волшебство. Этотъ новый порядокъ идей невозможно конечно опредѣлять границами извѣстныхъ словъ, потому что во всѣхъ слонхъ можно найти его понятія и суевѣрія, но главнымъ образомъ онъ держался въ народной массѣ: господствующая церковь его отвергала и предавала запрещеніямъ, люди болѣе свѣдущіе видѣли въ немъ невѣжество.

Литературные памятники этого разряда состоятъ главнымъ образомъ изъ много разъ упомянутыхъ нами *ложныхъ и отреченныхъ книгъ*, которыя въ этомъ смыслѣ формально запрещались церковными правилами. Въ обзорѣ древней болгарской и сербской литературы мы уже говорили о характерѣ и происхожденіи этихъ книгъ. Пришедши отъ южныхъ Славянъ, они приобрѣли въ старой Руси большую популярность; ихъ фантастическій характеръ какъ нельзя лучше приходился къ условіямъ массы, представленной себѣ самой и, по неразвитости, склонной къ религиозной фантастикѣ. Множество книгъ и сказаній этого рода перешло къ намъ уже съ древнѣйшаго времени, и такимъ образомъ южно-славянская письменность дѣйствовала у насъ я другой своей стороной, — записомъ своихъ суевѣрій. «Ложныя книги» прямо слыли «болгарскими баснями».

Въ нашихъ старыхъ рукописяхъ и сборникахъ слова встрѣчается перечисленный нами прежде рядъ фантастическихъ сказаній. Это были тѣ же сказанья о твореніи міра (*Свитокъ божественныхъ книгъ*, разсказы *Палемъ*), — о разныхъ лицахъ и событіяхъ священной исторіи (объ Адамѣ, Ноеѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Соломонѣ, о рождествѣ І. Хр., о дѣтствѣ І. Хр., *Преніе діавола со Христомъ*, о томъ какъ Христу и поты ставили и т. д.), далѣе — о будущей жизни (*Вопросы Іо. Богослова къ Аврааму*, *Вопросы Іо. Богослова къ І. Христу на Елеонской горѣ*, *Хожденіе Богородицы по мукамъ*, исторія о «мытарствахъ» и т. п.), — апокрифическіи житія (папр. Федора Тирона, мученика Никиты, Ипатіи и друг.), — символическіи толкованія и предсказанія, гаданья, волшебство (*Всегда прехъ святителейъ*, *Громникъ*, *Колдовникъ*, *Тренетникъ*

и многие другие). Официальная церковная власть, как мы сказали, осуждала эту литературу. Древняя статья «о ложныхъ книгахъ», нерѣдко истрѣбываемая въ рукописяхъ, и въ 17-мъ столѣтїи напечатанная въ известной «Кирилловой Книгѣ», подробно перечислила ложныя сказанїя и суевѣрїя и предавала ихъ проклятію; послѣ на нихъ обращаетъ строгое вниманіе Стоглавъ, Домострой; ихъ обличаетъ Мансимъ Грекъ и т. д.

Пришедши разъ въ русскую письменность, эти книги приобрѣли мало по малу обширный кругъ читателей, и именно въ большинствѣ. Народные грамотники бросились на «болгарскїя басни», потому что онѣ именно были доступны неразвитому уму и фантазїи и вмѣстѣ съ тѣмъ народной отвлеченности другихъ книгъ представляли ослзательные образы. Вмѣстѣ съ тѣмъ народные грамотники воспользовались и другой стороной литературы: они выбирали изъ нея то, что было понятнѣе или особенно затронувало любопытство, — конечно не имѣя достаточно критическаго вкуса для выбора статей, ни даже для правильного списыванья ихъ. Такимъ образомъ уже издавна, но особенно въ болѣе позднее время, въ 15—17-мъ столѣтїяхъ, появляется огромное количество *сборниковъ* этого народнаго происхожденїя, — *сборниковъ*, составленныхъ самымъ случайнымъ образомъ, соединяющихъ и любимыя поученїя Іоанна Златоуста, и статьи Кормчей, и сказки, и самыя баснословныя сказанїя ложныхъ книгъ, и наконецъ самыя отвѣщенные суевѣрїя. Форма случайнаго «сборника» стала характеристической внѣшней формой этой грамотности, которая не полагала между литературными произведенїями критическаго различїя и, не задумываясь, выбирала отовсюду сюжеты известнаго привлекающаго содержанїя. Такой характеръ «сборника» простонародныхъ грамотниковъ опредѣлялся уже давно, и статья о ложныхъ книгахъ уже въ своихъ старинныхъ редакціяхъ отвѣчаетъ «худые номоканонцы и сборники».

Въ этой литературѣ, какъ представляютъ ее «сборники», вполне выразился особенный характеръ понятїй и степени развитїя массы. Содержанїе этихъ понятїй, господствовавшихъ въ огромномъ большинствѣ, состоялось, слѣдовательно, изъ источниковъ весьма разнообразныхъ. Старое измычство, въ томъ видѣ, какъ оно сохранялось даже въ 12-мъ столѣтїи и позднѣе, теперь уже не существуетъ. Христіанскїя идеи, понимаемая такъ или иначе, составляютъ основную подкладку понятїй и быта, но недостатокъ образованїя, которымъ страдала вся литература и котораго далеко не восполняли византїйскїя произведенїя, этотъ недостатокъ даетъ свободное мѣсто наплыву всевозможной фантастики и суевѣрїй. Южно-славянскїя «басни» играли при этомъ такую роль, что многое изъ нихъ, — даже слѣды богомильскихъ суевѣрїй, — до сихъ поръ остается въ религіозныхъ повѣрїяхъ народа. Сюда вошли наконецъ и воспоминанїя чистонародной русской мѣлологїи, сохранившїяся по обыкновенной живучести и широтѣ народныхъ представленїй, которыхъ не касается культура.

Естественно, что этотъ разрядъ литературы имѣлъ тѣсную связь съ

дѣятельностью народной поэзіи. Эта связь выражается особенно цѣлымъ отдѣломъ народно-поэтическихъ произведеній, известныхъ подъ именемъ *духовныхъ стиховъ*. Содержаніе ихъ — духовно-христіанское: ихъ носители, слѣпцы и «вадими переходіе», существующіе по сѣмъ пору, даютъ намъ и теперь понятіе о характерѣ той старинной грамотной массы, въ средѣ которой развилась литература двоевѣрія и ложныхъ книгъ. Духовные стихи въ большинствѣ своемъ имѣютъ содержаніемъ событія священной исторіи, житій святыхъ и христіанскую мораль, — какъ эти сюжеты представляются въ народномъ пониманіи сборниковъ. Стихи касаются въ томъ же смыслѣ и космогоническихъ преданій, какъ напр. различныя редакціи знаменитаго стиха о Голубиной Книгѣ, стихъ о Георгіи Храбромъ; здѣсь они были ближайшимъ истолкованіемъ народной мисологіи нашихъ среднихъ вѣковъ.

Вся эта литература вообще представляетъ обширное количество сказаній, разнообразныхъ редакцій и въ разной степени принявшихъ народный колоритъ, отъ чисто книжной повѣсти до народнаго стиха. И такъ какъ эти сказанія рѣдко имѣютъ одну постоянную форму и никогда не имѣютъ даты, то исторіи литературы можетъ опредѣлять время ихъ происхожденія только приблизительно. Первые памятники ложной литературы восходятъ у насъ еще къ 11—13-му столѣтіямъ; въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ этотъ запасъ продолжалъ увеличиваться, и представленія, составившіяся въ массѣ во время ея колебанія между двумя различными способами возрѣшій, христіанскимъ и языческимъ, официально-книжнымъ и народнымъ, начинаютъ наконецъ входить въ письменные памятники; въ 15—17-мъ столѣтіяхъ этотъ разрядъ письменности образуется окончательно.

Слѣды этой письменности и того порядка понятій, который она представляла, мы можемъ изучать еще и теперь, особенно въ средѣ раскольниковъ, которые сберегли ихъ лучше, вообще больше другихъ дорожа въ послѣднее время народной стариной. Если расколъ успѣлъ сохранить до сихъ поръ эти книжныя преданія и повѣрья, то можно думать, что въ то время они утвердились въ народной массѣ очень крѣпко. Въ «Народныхъ Легендахъ», собранныхъ Леонасьевымъ и конечно далеко не исчерпывающихъ всего запаса подобныхъ преданій, мы можемъ видѣть наглядное отраженіе народныхъ понятій стараго времени.

Къ 17-му столѣтію результаты древней русской жизни складываются въ известныя опредѣленные формы. Литература пришла къ послѣднимъ предѣламъ направленія, которое установилось въ ней подъ византийскими влияніями и оставалось неизмѣннымъ почти до времени Петра Великаго.

Въ національныхъ понятіяхъ Русскихъ 17-го вѣка господствовала крайняя нетерпимость и исключительность. Отдѣленные историческими обстоятельствами (напр. татарскимъ игомъ, необходимостью бороться на востокѣ

и юга съ татарскими ордами и т. п.) и доброй волей отъ цивилизации запада, плохо надбленные цивилизаціей Византіи, русскіе люди послѣ паденія Константинополя считали себя единственными хранителями истинной вѣры и на этомъ основаніи ставили себя выше всякаго другаго народа. Нетерпимость простиралась даже на другія христіанскія религіи, и «латынь» считалась поганой. Въ этомъ согласны были все разряды общества и народа, за немногими исключениями людей, знавшихъ иноземную европейскую жизнь и судившихъ болѣе безпристрастно. Только восточное и южно-славянское православіе пользовалось извѣстной симпатіей, но и то не вполне, потому что было подъ игомъ и предполагалось утратившимъ должную чистоту. Въ томъ же ограниченномъ смыслѣ развились политическія и общественныя понятія, въ образованіи которыхъ отразилась между прочимъ и преданія, наслѣдованныя отъ Византіи, и которыя строго подчиняли авторитету личное право и право мысли. Сношенія съ иноземцами были ограничены, и путешествія въ чужія страны формально запрещены закономъ... При такой исключительности чужія культурныя влияния были невозможны или ограничивались часто вѣвшими матеріальными сторонами быта. Умственное развитіе было закрыто или затруднено до послѣдней степени, потому что должно было ограничиваться одними собственными средствами, а эти средства были не велики. Направленіе общественной мысли было исключительно религіозное, считавшее всякую необычную науку зловреднымъ и даже бѣсовскимъ ухищреніемъ разума. Тотъ, кто зналъ «грамматикю», слылъ уже философомъ, т. е. ученымъ. Но и этой учености было мало между своими, и когда наконецъ крайняя необходимость заставляла обращаться къ истинному знанію, нужно было вызывать Максима Грека изъ Афона, западно-русскихъ ученыхъ изъ Кіева... Извѣстно, что и послѣдніе, при всемъ своемъ православіи, внушали Москвѣ недобвіріе...

Предоставляемое собственными силами, общество не въ состояніи было выйти изъ исключительнаго круга понятій, который оно создало и который уже оказывался однако недостаточнымъ. Такова была неудачная попытка собора (1651), постановленія котораго носятъ названіе *Стоглава*. Вслѣдствіи Стоглавъ сдѣлался только источникомъ новыхъ недоразумѣній и орудіемъ для раскола. Общественная нравственность и народный бытъ нашли себѣ выраженіе въ знаменитомъ *Домостроѣ* попа Сильвестра: эта книга представляетъ любопытный сводъ житейскихъ понятій времени, гдѣ мораль стоитъ на ряду съ домашнимъ хозяйствомъ и гдѣ бытовыя отношенія заключены въ строго опредѣляемыя формулы, близкія къ китайской неподвижности.

Литература была бессильна помочь этому застою, если только хотѣла оставаться вѣрна своимъ традиціямъ. Движеніе, если не заглохло совсѣмъ, совершается крайне медленно. Въ 17-му столѣтіи раздѣры его начинаютъ увеличиваться, появляется книгопечатаніе, грамотность становится общирнѣе, начинаются историческіе труды, замѣняющіе глгопсь (кн. Курб-

скій, Авраамій Палицынъ и др.), духовная литература стремится къ нѣкоторой системѣ, но общій характеръ остается тотъ же—повтореніе стараго содержанія и компиляція (Макарьевскія *Четы-Мини*; *Никоновская Летопись*; *Степенная книга*). Между тѣмъ наука по прежнему не имѣетъ мѣста и голоса въ обществѣ. продолжаетъ господствовать упрямое и подозрительное невѣжество, которое наконецъ приводитъ къ матеріальному безсилію, заставляющему обратиться къ иноземной помощи (вызовы иноземцевъ съ 16-го вѣка).

Таково было положеніе вещей къ 17-му столѣтію. Въ это время начинаютъ дѣйствовать новые элементы, которые измѣняютъ прежній порядокъ вещей и, когда несостоятельность древней Руси обнаружилась окончательно, приготавливаютъ реформу Петра.

Порядокъ вещей, нами разсказанный, есть исключительно порядокъ московскій.

Западная и южная Русь, уже давно отдѣленныя литовскимъ завоеваніемъ и связями съ Польшей, жили своей отдѣльной жизнью. Западная Русь подъ литовскими князьями вполнѣ сохранила свою народность; языкъ ея былъ языкомъ господствующимъ. языкомъ княжескаго дома, законодательства и управленія; народъ оставался православнымъ. Но польское вліяніе, еще до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшей, уже давало себя чувствовать. Европейская цивилизація Польши, въ связи съ аристократическими правами и тенденціями, дѣйствовала на высшее сословіе Литовской Руси, и боярство мало по малу принимало польскіе нравы, а съ ними религію и языкъ. Наконецъ, стала угрожать опасность и народному православію. Въ 16-мъ столѣтіи русская аристократія Литвы имѣла еще въ своей средѣ ревностныхъ защитниковъ православія, каковы были напр. Константинъ Острожскій, и между двумя сторонами начинается борьба: въ западной Руси появляется усиленная литературная дѣятельность, которая впрочемъ ограничивалась одной религіозной полемикой. Чтобы противодѣйствовать католицизму и униіи нужно было бороться съ ними равнымъ оружіемъ, и потому западно-русское православіе вооружается той же схоластической наукой и тѣми же схоластическими формами литературы. Кіевская академія стала центромъ юго-западной схоластической науки и литературнаго движенія. Вліяніе Кіева отразилось въ 17-мъ столѣтіи и на Москвѣ. Въ 1649 г. въ Москву приглашены были кіевскіе ученые — для обученія юношества свободнымъ наукамъ и для перевода Библии съ греческаго языка на славянскій. Число юго-западныхъ ученыхъ въ Москвѣ еще увеличилось съ присоединеніемъ Украины (Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій и т. д.).

Какое бы ни было само по себѣ кіевское образованіе, оно было безъ сомнѣнія гораздо выше московскаго застоя. потому уже, что схоластика допускала возможность другаго мнѣнія, и споръ противъ него представлялся въ формѣ логическаго вывода. Однимъ словомъ, схоластика была

все таки наукой, особеннымъ независимымъ знаніемъ, и понять это было бы огромнымъ успѣхомъ для Москвы, гдѣ до тѣхъ поръ господствовали, въ вопросахъ о наукѣ, фантастическая привязанность къ старинѣ и исключительный аскетизмъ. Схоластика, хотя и посвященная главнымъ образомъ религиознымъ вопросамъ, незаметно вносила совершенно иной порядокъ мыслей, и послѣ знакомства съ схоластикой сближеніе съ европейскими началами было гораздо возможно, чѣмъ прежде. Поэтому, сближеніе Москвы съ юго-западной русской литературой было прямымъ подготовленіемъ реформы.

Между тѣмъ старый московскій порядокъ оказывался болѣе и болѣе несостоятельнымъ. Это обнаружилось всего сильнѣе въ началѣ раскола.

Когда Никонъ задумалъ исправленіе церковныхъ книгъ, это было дѣйствительно необходимо, потому что книги были испорчены. Но невѣжество и благоговѣніе передъ старой буквой были такъ велики, что никоновское исправленіе показалось отступничествомъ. Ревнители старины шѣли съ своей стороны тотъ резонъ, что прежде святые спасались и по старымъ книгамъ, и что Никонъ отвергалъ книги, печатанныя при патріархѣ Іосифѣ и тогда слѣдовательно официально признанныя. Расколъ опирался въ своемъ сопротивленіи именно на томъ принципѣ, который до того времени безраздѣльно господствовалъ въ официальной и народной жизни, на принципѣ предавія. Не смотря на всю спеціальность и неважность вопроса, о которомъ шла рѣчь, движеніе противъ исправленія стало дѣломъ цѣлаго народа, и народъ не только не признавалъ возможности этого вопроса, но взвелъ на Никона и его послѣдователей самое ужасное обвиненіе, какое могло существовать для тогдашняго русскаго человѣка. Расколъ объявилъ Никона антихристомъ.

Смыслъ этого явленія заключается въ томъ, что расколъ сталъ дѣломъ той народной массы, которая въ теченіи прежнихъ вѣковъ, и особенно въ 15—17-мъ столѣтіяхъ, создала себѣ, объясненный нами выше, особый образъ мыслей, особый религиозныя воззрѣнія и особую литературу. Эта масса понимала религію фантастически, давала чрезмѣрное символическое значеніе внѣшнему обряду, съ ревностью держалась известной, условной буквы. Когда началось исправленіе книгъ, эта масса инстинктивно почувствовала, что это исправленіе можетъ быть началомъ другаго, болѣе радикальнаго измѣненія всей той старины, которую масса считала непорѣшимой и въ которой она заключала свою религію. Неумѣренное преслѣдованіе предводителей раскола сдѣлало ихъ въ глазахъ народа мучениками за вѣру и тѣмъ еще больше усилило ихъ авторитетъ. — когда притомъ нѣкоторые изъ нихъ, особенно известный протопопъ Аввакумъ, были именно люди энергической пропаганды, съ несокрушимой силой воли и умѣньемъ говорить съ народомъ. Вышнія обстоятельства усилили разрывъ; потому что нѣкоторые нововведенія, появившіяся въ концѣ 17-го столѣтія, покатались раскольникамъ доказательствомъ отступничества никоніанъ, а реформа окончателно ихъ въ этомъ убѣдила. Нововведенія или «новшества», какъ говорили раскольники,

оставили ихъ еще болѣе дорожить старинной, и они усердно сохранили ее: въ этой старинѣ были старыя книги и рукописи, старыя обычи и понятія, которые такъ рѣшительно и поспѣшно разрушала реформа. Эта бытовая старина была иногда вовсе не хуже нововводимыхъ порядковъ; къ ней прибавилось потомъ въ расколѣ и новое развитіе, вызванное его стѣсненнымъ положеніемъ,—такъ что наконецъ расколъ представляеть совершенно особый миръ, въ которомъ, кромѣ религиозныхъ понятій, есть и свои бытовыя отличія и особенныя понятія, имѣющія большой интересъ для наблюдателя народной жизни.

Объяснивъ себѣ эту связь раскола съ народнымъ образомъ мыслей 15—17-го столѣтій, мы легко поймемъ, почему расколъ ограничился исключительно московскимъ царствомъ, почему его не было ни на западѣ, ни на югѣ, гдѣ онъ явился потомъ только вслѣдствіе эмиграціи. Юго-западная Русь не участвовала въ московскихъ порядкахъ и великорусской литературѣ упомянутого періода; она естественно осталась свободна и отъ ихъ результатовъ. До какой степени расколъ былъ силенъ въ прежнія времена и до какой степени онъ продолжаетъ быть народенъ по настоящую минуту (вслѣдствіе того, что для народа оставались до сихъ поръ тѣ же недостаточныя средства образованія), можно видѣть изъ цифры раскола, которая по новѣйшимъ свѣдѣніямъ достигаетъ до 11,000,000.

Наконецъ расколъ произвелъ и свою собственную литературу. Большая часть ея заключается въ защитѣ принятой ими традиціи. Съ этой стороны она слаба, какъ вообще слабо подобное направленіе, но она любопытна въ другихъ отношеніяхъ, потому что въ ней не разъ выражалась чисто-народная мысль о государствѣ и обществѣ, въ которыхъ раскольники были отвергнутыми членами, и высказывалась народная оппозиція противъ порядка вещей, введеннаго 18-мъ столѣтіемъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, когда юго-западная схоластика прокладывала въ Москвѣ путь къ какому нибудь измѣненію стараго застоя, расколъ открывалъ полную несостоятельность господствовавшей системы. Расколъ, противъ котораго такъ жестоко вооружилась официальная власть 17-го вѣка, былъ однако весьма логическимъ выводомъ изъ всей предшествовавшей ему старины. Если онъ не выдерживалъ критики, то также точно не выдерживала ея и эта старина... Конечно, въ то время и не заданали себѣ этого вопроса. Мысль о болѣе глубокой критикѣ общественнаго состоянія приходила въ голову только немногимъ. Эти немногіе были люди, начавшіе понимать необходимость науки и европейскихъ знаній и искусствъ, люди, какъ Ртищевъ, бояринъ Матвѣевъ и др., и два-три писателя, забытые или неизвѣст-

¹⁾ Матеріалы раскольничьей литературы до сихъ поръ весьма затруднительно, потому что большая часть ея до сихъ поръ остается въ рукописяхъ, которыя съ трудомъ можно достать непосвященному. Обзоры, существующіе до сихъ поръ, и раскольничьи, и не-раскольничьи, весьма неполны. См. „Словарь“ Павла Любопытнаго, М. 1862, и книгу А. Б., „Описаніе раскольничьихъ сочиненій“, Сиб. 1862.

ныне въ свое время и открыты только теперь. Такого разряда люди были— князь Курбскій въ 16-мъ столѣтїи, Котошихинъ и Крижаничъ въ 17-мъ. Князь Курбскій оставилъ Россію, не желая подчиниться капризному деспотизму Грознаго, и его книга— первая, написанная подъ извѣстнымъ влияніемъ западныхъ идей: его оппозиція, какъ и критика Котошихина, могли высказаться только внѣ предѣловъ отечества. Котошихинъ и Крижаничъ одинаково недовольны московскимъ порядкомъ вещей и имъ представляется въ сущности одна жѣра для его исправленія. Но между ними есть и разница: въ Котошихинѣ говорить чувство досады и извѣстный скептицизмъ; Крижаничъ надѣется, — онъ говоритъ о необходимости науки, составлять проекты, и въ этихъ проектахъ любопытна для насъ мысль объ освобожденіи славянства, которое по мнѣнію Крижанича могло бытъ сдѣлано Россіей. Крижаничъ, — впрочемъ родомъ Сербъ и воспитавшійся въ европейскихъ условіяхъ, — представляетъ одинъ изъ рѣдкихъ притѣровъ пробужденія славянскаго національнаго чувства, — но его собственная судьба и судьба его книги, заброшенной и забытой только теперь въ черновыхъ тетрадяхъ, показываетъ, какъ мало тогда занимала русскихъ людей эта мысль...

Къ 18-му столѣтїю кончалась и пора болѣе смѣлаго народно-поэтическаго творчества. Мы видѣли, что Слово о Полку Игоревѣ было единственный памятникъ древней поэзіи, помѣченный извѣстной датой. Затѣмъ мы видѣли вторичную формацію этой поэзіи въ сказаньяхъ и повѣрьяхъ болѣе поздней эпохи, гдѣ древніе народно-поэтическіе элементы уже смѣшиваются съ книжнымъ содержаніемъ. Здѣсь, за рѣдкими исключеніями, мы находимъ только или обломки стараго преданія, или редакцію его, сильно измѣненную: народная поэзія становилась «ложной книгой» — на ней отражался рядъ влияній, оставленныхъ позднѣйшей христіанской эпохой и ея книжными произведеніями. Таковы нѣкоторые духовные стихи, о которыхъ мы упоминали. Духовный стихъ, миѳическій, историческій и лирическо-поучительный, есть именно произведеніе этого болѣе поздняго времени, хранившію нѣкоторые воспоминанія миѳической старины.

Но въ народѣ сохранился и другой запасъ поэтическихъ преданій, нетронутый прямымъ книжнымъ влияніемъ, всегда жившій въ устахъ народа и испытавшій только тѣ перемѣны, какія неизбежно приноситъ время и вѣтшавшійся исторически народный бытъ и характеръ. Это—*устная поэзія*, уцѣлѣвшая до нашего времени.

Нашъ древній эпосъ почти не попадалъ въ книгу. Иногда только глгоплась упоминается о его герояхъ (напр. о Добрынь, «Александрѣ» Поповичѣ); Слово о Полку Игоревѣ называетъ или вѣщаго Бояна; глгоплись вспоминается «словутнаго цѣвца» Митусу, и ревнивая «роновѣдь» обличаетъ языческихъ боговъ. Извѣстная намъ теперь эпическая пѣсня не знаетъ языческихъ божествъ, который играютъ такую роль въ Слово о Полку Игоревѣ; пѣсня не знаетъ ни Бояна, ни Митусу; не знаетъ и событій,

воспѣтаго въ «Словѣ» — между тѣмъ она сберегла цѣлый циклъ поэтическихъ сказаній объ эпохѣ болѣе древней, чѣмъ 12-е столѣтіе. Этотъ циклъ останавливается съ наибольшей любовью на богатыряхъ князя Владиміра.

Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ о томъ, относится ли этотъ циклъ къ историческому князю Владиміру или къ болѣе древнему идеальному князю, которому позднѣе уже дано имя Владиміра. Нѣтъ сомнѣній, что Владиміровскому эпосу предшествовалъ другой эпосъ, миѳическій и космогоническій, но объ немъ мы можемъ догадываться только по немногимъ указаніямъ и аналогіи. Этотъ миѳическій эпосъ, говорившій о богахъ и космогоніи, до насъ не дошелъ и только отрывки и слѣды его мы можемъ угадывать въ позднѣйшихъ преданіяхъ. Только недавно мы узнали нѣсколько любопытныхъ героическихъ пѣсень, болѣе старыхъ, чѣмъ циклъ о Владимірѣ: это пѣсни о старыхъ богатыряхъ, открытыя г. Рыбниковымъ (Вольга Всеславичъ, Святогоръ, Микула Селяниновичъ и др.).

Главнымъ образомъ русскій героическій эпосъ рассказываетъ о Владимірѣ и его богатыряхъ, и кромѣ немногихъ бытовыхъ и миѳическихъ сюжетовъ (былины о Добрынѣ, о Чурилѣ, Соловѣ Будиміровичѣ, о каликахъ перехожахъ), старая кіевская былина всего чаще останавливается на богатырскихъ подвигахъ, и существенная задача этихъ подвиговъ — борьба съ враждебными племенами, которыхъ позднѣйшее время передѣлало въ Татаръ и Турокъ. Эта борьба стала предметомъ героическаго эпоса весьма естественно, потому что въ ней былъ интересъ цѣлаго народа: главный богатырь, Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, и есть представитель этого народа. Частный интересъ князей и мелкіе областные интересы не нашли въ народѣ эпическаго отголоска; поэтому былина очень рѣдко намѣкаетъ на удѣльный періодъ, или же, если она и создавалась въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, то забывалась потомъ. Но не забывался эпосъ новгородскій. По крайней мѣрѣ отъ него сбереглось въ народной памяти два эпические сюжета, отражающіе двѣ характерныя черты новгородскаго быта — внутреннія отношенія вольнаго города и его торговыя предпріятія (былины о Васкѣ Буслаевѣ и богатомъ гостѣ Садкѣ). Эпоха московскаго царства вызываетъ гораздо меньше пѣсень, чѣмъ старый героическій періодъ, и это было очень естественно, потому что именно съ этого времени народъ больше и больше теряетъ ту самостоятельность, какая была у него въ бытѣ стараго времени или въ новгородской жизни. Пѣсня забываетъ старый эпическій складъ, дѣлается исторической пѣсней и ограничивается немногими событиями, особенно поражающими воображеніе. Періодъ междуцарствія приводитъ новыя пѣсни о Разстригѣ: пѣсни, записанныя Ричардомъ Джежгошъ, показываютъ, что многое, составившееся въ эту пору, забыто было народомъ впоследствии. Наконецъ, новый обильный періодъ народнаго творчества начинается въ 16—17-мъ вѣка: это эпосъ разбойничій. Въ рассказѣ г. Костомарова о Стенькѣ Разинѣ читатель найдетъ наглядное объясненіе того, почему этотъ знаменитый атаманъ могъ слѣлаться народнымъ

героевъ. Ермакъ и Стецька Разинъ олицетворяли собой тѣ инстинкты старой свободы, которые жили еще тогда въ народной массѣ и заставляли цѣлыя толпы этого народа оставлять родину и искать новой доли въ южныхъ и восточныхъ степяхъ: это была оппозиція тогдашнему государственному порядку, который такъ тяжело ложился на народъ и такъ противорѣчилъ старымъ бытовымъ привычкамъ. Какъ выраженіе народной антипатіи къ стѣснительной централизаціи московскаго царства, и Ермакъ, и Стецька Разинъ одинаково были для народа не разбойниками, а удалыми молодцами, которыми онъ могъ бы гордиться. Судьба закинула Ермака въ Сибирь, и государство помирилось съ нимъ и признало его за его подвиги. Оно мирилось и съ Разинымъ, пока его дѣянія совершались въ Персіи и на Каспійскомъ морѣ, и вооружилось противъ него уже тогда, когда его замыслы направились противъ самого государства.

Владиміровскій циклъ дошелъ до насъ далеко не въ той формѣ, какую онъ имѣлъ въ древности: кромѣ языка въ немъ подновлялось и самое содержаніе, потому что эпосъ воспринималъ черты позднѣйшаго быта. Древніе враги, съ которыми боролись Илья Муромецъ, Добрыня, Алеша Поповичъ, стали представляться въ видѣ Татаръ и Турокъ; самъ Илья Муромецъ стновится удалымъ казакомъ, какъ Ермакъ или Стецька Разинъ. Удаливость новыхъ богатырей возбуждало народную симпатію и два эпоса начинаютъ сливаться въ народномъ представленіи: древнія формы переходятъ въ пѣсню о Разинѣ, и Илья Муромецъ ставится рядомъ съ Ермакомъ, какъ люди одного разряда.

Семнадцатый вѣкъ былъ послѣдней порой народно-поэтическаго творчества. Народный бытъ теряетъ послѣднюю независимость и пѣсни замолкаютъ. Времена Петра Великаго произвели еще нѣсколько пѣсень, какъ производило изрѣдка и позднѣйшее время, но онѣ показываютъ уже окончательный упадокъ народной поэзіи. Эпосъ лишается нужнаго ему народнаго содержанія; формы его уже не прилагаются больше къ новой жизни и застываютъ. Но 17-е столѣтіе еще способно было къ живому пониманію народно-поэтическихъ формъ и даже удачно пользоваться ими. Примѣромъ этого можетъ служить замѣчательная *Повѣсть о Гортъ-Злочастіи*, извѣстная по рукописи 17-го вѣка. Народно-поэтическое представленіе гори эта повѣсть развиваетъ въ прекрасную картину старинной жизни, которая по своей законченности не имѣетъ себѣ подобныхъ во всей старой письменности. Дидактическое вступленіе, не лишнее патриархальной задушевности, объясняетъ нравственную мысль въ смыслѣ народно-религіозной морали; самый рассказъ отличается всей простотой приемовъ народной поэзіи.

Кромѣ эпоса русская народная поэзія предствляла большое обиліе и въ другихъ направленіяхъ: масса пѣсень бытовыхъ, лирическихъ, обрядныхъ до сихъ поръ весьма значительна и онѣ нерѣдко отзываются большой древностью. Онѣ конечно подвергались въ теченіи столѣтій многораз-

личнымъ измѣненіемъ: преданья затемнились и забывались соеѣмъ, обряды выходили изъ употребленія отъ вліянія новыхъ обычаевъ. Всего лучше то и другое сохранялось тамъ, куда не проникала новая жизнь.

То же нужно сказать и о сказкѣ. Славянскія сказки вообще стали находить собирателей только въ послѣднее время, но и до сихъ поръ мало извѣстны. Лучшіи сборники представляютъ «Русскія Сказки», изданныя г. Аванасьевымъ. Любопытную черту ихъ составляетъ между прочимъ большое развитіе животнаго эпоса, аналогическаго съ нѣмецкимъ, въ котораго произошла средневѣковыя поэмы о Рейнеке-Лисѣ.

Современное состояніе русской народной поэзіи есть состояніе упадка, начало обширнаго измѣненія старыхъ народныхъ вѣсвовъ и расстраиванія новыхъ. Прихѣръ Рыбникова, собиравшаго пѣсни въ слонечкомъ захолустьѣ, показываетъ, что до сихъ поръ еще могутъ быть находимы замѣчательныя черты пѣсенной старины, но всѣ новѣйшіе собиратели согласно жалуются, что пѣсни гибнутъ чрезвычайно быстро, видимо исчезая съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Мы говорили уже, что объ этомъ нечего много печалиться: народъ не нуждается въ своей старинѣ, когда забываетъ ее, — для него нарастаютъ интересы новой жизни, и съ ней явится у него и новая поэзія. Паденіе старины параллельно съ развитіемъ новой культуры.

Новый періодъ русской исторіи и литературы начинается съ 18-мъ столѣтіемъ. Оно владетъ начало радикальному измѣненію общественныхъ взглядовъ и первое начало тому движенію, которое овладѣваетъ обществомъ въ настоящее время, — хотя впрочемъ это радикальное измѣненіе и не входило въ планы реформы.

Мы можемъ предположить извѣстными подробности реформы и литературной исторіи петровскаго времени. Намъ достаточно указать книгу г. Пекарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» (2 тома, Спб. 1862).

Переходъ отъ старины къ новому порядку вещей въ сущности былъ однако довольно медленный, какъ ни сурово дѣйствовала реформа. Преобразованія Петра вовсе не были конечно стремленіемъ лишить русскій народъ его національности, — какъ вопіяли противъ этого славянофилы разныхъ оттѣнковъ: если реформа (часто вовсе невольно) измѣняла во многомъ бытовыя и нравственныя условія прежней жизни, то, собственно говоря, это измѣненіе еще раньше начато было и въ московскомъ царствѣ²⁾. и

²⁾ «Московское государство внесло въ нашу народную жизнь первые зачатки нравственнаго существованія, развавшіеся потомъ; оно впервые посягнуло и на нашу народность, въ тѣсномъ, непосредственномъ значеніи слова. Москва — первоначальница вашего ненаціональнаго развитія. Многимъ это покажется теперь страннымъ, но оно дѣйствительно такъ было». Ср. Соч. К. Кавелина, 1, стр. 874.

своей ближайшей помощи реформа имѣла уже въ тѣхъ попыткахъ сблизиться съ европейскимъ образованіемъ, которыя мы указывали въ 17-мъ столѣтіи. И въслѣдствіи измѣненіе началъ общественной жизни шло очень медленно; подъ новыми европейскими формами, введенными Петромъ, долго еще продолжало жить старинное невѣжество и старинный фанатизмъ. Самъ Петръ желалъ окончательно разорвать съ древней Русью и сдѣлать для этого больше, чѣмъ требовала бы умѣренность и даже человеколюбіе. Въслѣдствіи дѣло шло медленно и нѣсколько ровнѣе.

Реформа Петра В. была реакціей противъ московскаго порядка вещей, но она конечно не имѣла въ виду полного измѣненія принциповъ старой жизни въ интересъ народной массы. Реформа рассчитана была только на цѣли государственныя. Основнымъ побужденіемъ ея былъ инстинктъ самосохраненія, и личный самого Петра, который въ молодости испыталъ опасность стараго порядка, и инстинктъ самосохраненія государственнаго, потому что Россіи пришлось наконецъ бороться съ европейскими врагами, и для этой борьбы нужно было европейское знаніе. Наука, введенная Петромъ, была чисто практическая, прикладная, полезная для непосредственныхъ нуждъ войны и администраціи, но тѣмъ не менѣе она открывала путь и для общественнаго развитія. Петръ Великій понималъ, какую помощь можетъ оказать его дѣлу печать: онъ самъ заботился объ изданіи нелезныхъ элементарныхъ книгъ; газеты, и даже особыя книги объясняли во всеобщее свѣдѣніе его распоряженія и учрежденія, и общество въ первый разъ пріучалось думать о предметахъ знанія и даже вещахъ политическихъ. Пржеимей національной исключительности былъ нанесенъ сильный ударъ; она явно была отвергнута введеніемъ европейскихъ знаній и даже обычаевъ и платья. Путешествія Русскихъ за границу еще болѣе расширяли общественныя понятія, и если большинство все еще чуждалось нововведеній и нерѣдко отчаянно ихъ ненавидѣло, то съ другой стороны являлись и истинные поборники реформы, убѣждавшіеся искренно въ пользу новыхъ учрежденій.

Этимъ путемъ реформа радикально отвергала принципъ старой жизни, и результаты ея далеко превзошли ближайшія практическія и государственныя цѣли самого реформатора. Разъ проникнувши въ общество, мысль о пользѣ европейскаго знанія уже не исчезала въ немъ, и вмѣстѣ съ той прикладной наукой, о которой собственно заботилась реформа, въ общество входитъ понятіе о наукѣ вообще, новая образовательная сила, которой совершенно не знала старая русская жизнь.

Эта сила начинаетъ дѣйствовать и въ литературѣ. Въ петровское время известный Посошковъ уже задумываетъ серьезный вопросъ о богатствѣ, занимается проектами объ общественномъ благѣ. Но вообще говоря, литература еще не скоро пріобрѣтаетъ въ этомъ смыслѣ самостоятельное движеніе, потому что и самое общество только медленно отставало отъ привычекъ стараго застоя. Литературная дѣятельность со временъ

Петра начинает принимать размѣры болѣе широкіе, чѣмъ прежде; реформы находятъ ревностныхъ защитниковъ въ Теофанѣ Прокоповичѣ и другихъ проповѣдникахъ и писателяхъ, но дѣятельность новой внесенной идеи довольствуется пока одной апологіей реформы противъ ея враговъ, которыхъ было много и въ огромной массѣ народа, и въ старомъ поколѣніи всѣхъ другихъ слоевъ общества. При Петрѣ литература въ новомъ духѣ оставалась только однимъ изъ орудій реформы и часто дѣйствовала подъ его непосредственнымъ надзоромъ.

Таково же въ сущности было и положеніе писателя, съ котораго начинаютъ обыкновенно новую исторію русской литературы, Кантемира. Преніе историки нашей литературы, да и нынѣшніе также, говорятъ обыкновенно, что Кантемиръ и Ломоносовъ были настоящими основателями новой русской литературы, что они представляютъ собой два основныя направленія, проходяція въ ея исторіи, направленіе самобытно-сатирическое и подражательно-реторическое, и что первое изъ нихъ оказало особенно важныя услуги русскому развитію. Но съ этимъ едва ли можно согласиться. На дѣлѣ и эта, мимо самобытная сатира была столько же подражательно-реторической, какъ и поэзія похвальныхъ одъ и двирамбовъ, и играла, въ общественномъ смыслѣ, слишкомъ подчиненную роль, чтобы ей можно было приписать такое обширное значеніе. Сатира Кантемира, какъ проповѣди Теофана, служитъ только для ближайшаго оправданія реформы; она нападаетъ на тѣхъ, кому и безъ того доставалось отъ суровыхъ мѣръ петровскаго правительства, — она караетъ невѣжество и вражду въ наукамъ, монашескую лѣнь, боярскую спѣсь — однимъ словомъ вещи, которыя гораздо сильнѣе карали распорядженія самого Петра, нетерпѣвшаго этихъ вещей конечно гораздо больше, чѣмъ самъ Кантемиръ. Съ другой стороны общественно-историческая важность этой сатиры уменьшается и отъ того, что она была подражательная: Кантемиръ первый сталъ въ то страшное положеніе, въ которомъ наши сатирики заимствовали свою сатирическую жолчь (т. е. сущность своего дѣла) у ичъ странныхъ «образцовъ», — какъ будто эти вещи можно заимствовать, — и вслѣдствіе того иногда обличали предметы, далеко не важные для насъ, потому только, что эти предметы обличались у Ювенала или Буало. Ясно, что это положеніе не было особенно героическимъ литературнымъ подвигомъ. тѣмъ болѣе, что изъ-за Буало наши сатирики не видѣли въ своей русской жизни вещей, дававшихъ возможность для сатиры гораздо болѣе существенной и безотрадной — они не видѣли истиннаго ужаса нравовъ, которые и въ 18-мъ столѣтіи иногда не уступали нисколько нравамъ 17-го вѣка.

Въ томъ же видѣ, т. е. съ одними уступками русскому содержанию, сатирическое направленіе дѣйствуетъ и въ другихъ писателяхъ. Не говоря о Сумароковѣ, который въ своихъ сатирахъ и комедіяхъ крайне нескладно подражаетъ «образцамъ» и только иногда выражаетъ какую нибудь свою желкую досаду, сатира оказывается далеко не полна и не дѣй-

ствительна даже въ лучшемъ представителѣ этого направленія — фонъ-Визинѣ. Этотъ комикъ знаетъ двѣ темы — осмѣяніе круглаго невѣжества и неслѣпнаго перениманья французскихъ обычаевъ. Нѣсколько сценъ въ «Бригадирѣ» и «Недорослѣ» (далеко не всё) составляютъ единственную его заслугу: въ нихъ есть живныя подробности и есть смѣшное; но цѣлый планъ комедій, и взглядъ на вещи, положенный въ нихъ основаніе, не выдерживаютъ критики и значительно сокращаютъ литературную заслугу этого писателя. Теперь извѣстно, что даже для такихъ картинъ русской жизни, доставлявшихъ слишкомъ много самаго некачественнаго матеріала для сколько нибудь наблюдательнаго комика, фонъ-Визинъ иногда побирался у французскихъ писателей. Нравоучительныя проповѣди, вложенныя въ уста Стародума и добродѣтельныхъ молодыхъ людей, имъ поучаемыхъ, — эти проповѣди, во первыхъ, тяжелы и неестественны, а во вторыхъ, изображаютъ весьма жидкую мораль, которая конечно принадлежитъ воззрѣніямъ самого автора. Что эти воззрѣнія были не глубоки, видно и изъ другихъ произведеній автора, напр. изъ его путешествія во Францію. Правда, фонъ-Визинъ рисковалъ и на болѣе смѣлыя мысли. — въ его извѣстныхъ вопросахъ въ «Собесѣдникѣ». — но этой смѣлости хватило не надолго, и онъ послѣ раскаялся въ ней, какъ въ неприличной выходкѣ. Эти вопросы между прочимъ показываютъ, что для фонъ-Визина — по его уму — возможна была бы и болѣе широкая сатира, потому что онъ могъ понимать серьезные вопросы, но онъ не додумалъ ихъ и подчинился ходячей рутинѣ.

Эта рутина начала составлятья уже съ первыхъ попытокъ нашей новой литературы. Съ самаго начала наша литература 18-го вѣка играетъ подчиненную роль — простаго комментарія къ правительственнымъ распоряженіямъ. Позднѣе она стала выраженіемъ вкуса высшаго класса. Принужденная, за собственной неопытностью, обращаться къ иноземнымъ «образцамъ», она точно также воспринимала приемы и содержаніе уже начинавшаго падать классицизма, какъ барство перенимало нравы окончательно портившейся западной аристократіи. Тотъ разрядъ литературы и поэзіи, который сталъ на западѣ «украшеніемъ» дворовъ и развлеченіемъ высшего класса, сталъ дѣлаться тѣмъ же и у насъ, съ той конечно разницею, что Корнея, Расина и Буало представляли у насъ Сумароковъ и Тредьяковскій, и не мало другихъ писателей той же силы. Писателей, особенно со второй половины столѣтія, оказалось очень много, такъ какъ не очень трудно было воснѣвать по «образцамъ» торжественные случаи всякаго рода, особенно успѣхи русскаго оружія; не трудно было дѣлать «переложенія на русскій языкъ» французскихъ писателей и выдавать это за комедіи; обкрадывать громучія фразы у Корнея и Расина и называть это трагедіей и т. п. Между «образцами» наши писатели нашли и придиорныхъ поэтовъ — лавреатовъ, и вслѣдъ за тѣмъ является цѣлая масса торжественныхъ одъ — наиболѣе ничтожной литературной формы, которая процвѣла у насъ больше всякой другой и стала почти обязательна для каждаго, кто желалъ быть писателемъ.

Первыми пронаведенія этого рода, какъ Ломоносовская ода на взятіе Хотина, какъ первый трагедіи Сумарокова, приняты были довольно благо-склонно въ высшемъ, болѣе образованномъ кружкѣ, для украсенія жизни котораго не доставало только «музы». Теперь эти музы мнѣмся и нужно было поддержать ихъ: отсюда съ перваго же времени начинается аристократическое меценатство, въ программу котораго входило между прочимъ и побываніе Тредьяковского. Меценатство еще больше стѣснило и безъ того неширокій горизонтъ литературы, обязавши ее къ извѣстному хвалебному или увеселительному содержанію съ одной стороны, и съ другой внушивши пренебреженіе къ народу, которое было еще сколько имбудъ понятно въ самихъ меценатахъ, но не имѣло никакого смысла и было гну-сно у ихъ прислужниковъ. Ясно, что съ подобнымъ содержаніемъ литера-тура должна была надолго остаться безплодной для большинства, для на-родной массы, которая со времянь реформы заперлась, какъ улитка въ раковину, въ преданья старины и отъ административныхъ, и отъ кни-жныхъ нововведеній. Литература долго оставалась почти безплодна и для другихъ классовъ: она боялась перейти разъ назначенную ей границу и, не замѣчая своей настоящей задачи въ обществѣ, не видѣла и тѣхъ на-выхъ руководителей, которые въ западныхъ литературахъ стали оконча-тельно занимать мѣста ихъ прежнихъ «образцовъ». Наши писатели остава-лись вѣрны образцамъ даже и послѣ, когда литературныя идеи приняли на западѣ совершенно новый видъ.

Такова была рутиня, которой подчинялось большинство нашихъ писа-телей 18-го столѣтія. Этой рутинѣ подчинился даже Ломоносовъ, безъ сомнѣній замѣчательнѣйшій изъ людей, вызванныхъ изъ народа реформой. Несмотря на свое крестьянское происхождение, Ломоносовъ также какъ и другіе принялъ обозначенный нами характеръ литературной дѣятельности. Онъ имѣеть огромныя заслуги, какъ ученый естествоиспытатель, первый русскій филологъ, какъ человекъ, понимавшій необходимость расширенія образованія въ обществѣ и указывавшій средства къ этому. Въ этомъ от-ношеніи онъ исполнилъ и оставилъ много плодотворныхъ мыслей и слу-жилъ своему дѣлу съ такой ревностью убѣжденія, примѣръ которой труд-но было бы найти между тогдашними писателями; но его часто литера-турная дѣятельность остается въ той условной рамкѣ, которая господство-вала въ нашемъ 18-мъ столѣтіи и установленіе которой въ значительной степени принадлежитъ его вліянію. Онъ пишетъ въ условно-подражатель-номъ вкусѣ оды и трагедіи, аподеи, официальные стихотворенія; правда, въ его стихотвореніяхъ виденъ умный человекъ, — чего не видно у дру-гихъ, — но и этотъ умъ не помогаетъ ихъ рутинному отношенію къ дѣй-ствительной жизни. Литература существуетъ для него въ тѣхъ риториче-скихъ формахъ и въ томъ исключительномъ направленіи, которыя не да-вали мѣста настоящей дѣятельности. Народная среда, въ которой онъ принадлежалъ по рожденію, хотя и не забывалась имъ окончательно, но не

оказала существеннаго влияния на его содержание: участие къ народу выражается только случайно, какъ мнѣніе, а не какъ принципъ дѣятельности. Такимъ образомъ, отдавая всю справедливость ученымъ заслугамъ и общественнымъ стремленіямъ Ломоносова на пользу образованія, мы должны признать, что въ литературномъ смыслѣ за Ломоносовымъ остается главнымъ образомъ только формальная заслуга — образованіе литературнаго языка: онъ вывелъ его изъ анархическаго состоянія, въ какомъ онъ находился съ конца 17-го столѣтія и особенно во время Петра подъ влияніемъ чужихъ элементовъ, входившихъ въ него массою съ разныхъ сторонъ. — и устанавливалъ извѣстный характеръ книжной рѣчи, который продержался почти до Карамзина.

Если обстановка оказывала такое дѣйствіе и на людей съ сильнымъ умомъ, какъ Ломоносовъ, то дѣйствіе должно было оказываться еще сильнѣе на людяхъ, не владѣвшихъ этимъ качествомъ. Высшей точкой нашей поэзіи 18-го столѣтія считается Державинъ, и у него всего рѣзче выразились крайности рутинны. У Державина былъ конечно поэтическій талантъ, но качества его ума и развитія были таковы, что этотъ талантъ послужилъ только къ тому, чтобы до послѣднихъ предѣловъ исключительное направленіе литературы, о которомъ мы говорили. Какого качества былъ умъ Державина, объ этомъ легко судить въ особенности по его запискамъ и его комедіямъ; развитіе его было очень бѣдно: лиризмъ его направлялся на отвлеченную метафизику и въ то же время на мелкое эпиккурейство, на высокоумныя мечтанія о своей личности, которую онъ возвышалъ надъ презрѣнній толпой, и на лезть сильнымъ людямъ, выходящую изъ всякихъ границъ. Этимъ опредѣляется общественное значеніе его поэзіи: ея трескучіе эффекты могли плѣнять читателей, не видѣвшихъ еще другой поэзіи, но она не вносила въ читающій слой общества новой развивающей идеи. Онъ конечно былъ «пѣвцомъ» вѣка Екатерины, но за то онъ и теряетъ цѣну въ этой специальной задачі; онъ не видитъ другихъ сторонъ жизни; не понимаетъ другой литературы, кромѣ преувеличенно-хвалебной оды и анакреонтическихъ стиховъ, и бросаетъ камешки въ людей, которые начинали думать объ общественномъ благѣ и которыхъ онъ не умѣетъ понимать. Вкусы мецената все еще остаются литературнымъ закономъ.

Другое начало, готовившееся постепенно въ общественномъ развитіи, входитъ въ литературное движеніе съ Новиковымъ. Въ 60-хъ годахъ онъ начинаетъ издавать сатирическіе журналы, нашедшіе много подражателей, весьма впрочемъ слабыхъ, и хотя сатира все еще не выходитъ вполне изъ прежней рутинны, но въ ней уже встрѣчаются и самостоятельныя мотивы, способныя къ развитію. Такова была сатира *Живописца*. Здѣсь едва ли не впервые, хотя еще въ слабомъ зародышѣ, является независимая литературная идея, которая ставитъ свою цѣль не въ одномъ невнятномъ препровожденіи времени, но въ серьезной пользѣ общества. Есть

причины думать, что сатира Новикова прекратилась потому, что этот характеръ ее былъ замѣченъ и продолженіе оказалось невозможнымъ. Затѣмъ Новиковъ обратился къ другой дѣятельности, которая обнаруживаетъ ту же руководящую мысль: начинаются его изданія по русской исторіи, «типографическая компанія» и масонская пропаганда. Какъ бы мы ни думали теперь о преувеличенномъ мистицизмѣ масонства, оно несомнѣнно представляло новый образовательный элементъ, вошедшій въ русское общество независимо отъ официальныхъ внушеній. Масонство было новымъ фантомъ вліянія европейскихъ идей и важно было тѣмъ, что въ общественныхъ понятіяхъ того времени, сильно грубыя, оно вносило мысль о внутреннемъ совершенствованіи, о личномъ и гражданскомъ долгѣ, требовало для общественныхъ отношеній дѣятельнаго человеколюбія. Здѣсь въ первый разъ появляется кружокъ людей съ дѣйствительными убѣжденіями, добытыми собственной мыслью и переходившими въ дѣло. Начало масонства относится у насъ еще къ первой половинѣ 18-го вѣка, но особенно развивается оно только въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда его представителями являются Новиковъ и Шварцъ, около которыхъ собирается цѣлое общество, служившее тѣмъ же идеямъ. Масонство произвело съ того времени цѣлую литературу, посвященную распространенію его идей, и хотя преувеличенный мистицизмъ «свободныхъ каменщиковъ» не давалъ положительныхъ основаній для строгаго развитія, но масонство имѣло свое обширное значеніе въ исторіи русскаго общества, — оно во всякомъ случаѣ стояло выше ходячихъ понятій и выше тѣхъ, кто брался тогда обличать и преслѣдовать его. Старый консерватизмъ инстинктивно почувствовалъ опасность отъ новаго развитія общественныхъ понятій, и оттого дѣятельность Новикова имѣла извѣстный печальный конецъ: освобожденный изъ заключенія при Павлѣ, Новиковъ уже оставилъ мысль объ общественной дѣятельности.

Къ тому же времени относится любопытное явленіе нашей литературы, представляемое Радищевымъ. Его извѣстная книга: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790), стоившая ему многихъ лѣтъ ссылки, показываетъ, что европейскія понятія принимались уже иногда въ нашемъ обществѣ во всемъ ихъ серьезномъ значеніи. Но здѣсь ихъ вліяніе выразилось иначе, чѣмъ въ масонствѣ. Радищевъ вовсе не мистикъ, какъ масоны, и стремленія къ общественному благу ищутъ себѣ прямого практическаго примѣненія въ жизни. Замѣчательнѣйшія страницы «Путешествія» посвящены изображенію крѣпостнаго быта, который вызываетъ въ авторѣ горькія размышленія. Въ Радищевѣ русская литература можетъ указать первое отрицаніе крѣпостнаго права, и это отрицаніе было безъ сомнѣнія главнѣйшей причиной осужденія писателя.

Новый періодъ русской новой литературы начинаютъ съ Карамзина и Жуковского. Собственно говоря, и здѣсь еще не было радикальнаго измѣненія прежней рутины, которая давала литературѣ только услов-

ное и ограниченное значеніе въ общественномъ развитіи. Карамзинъ имѣеть конечно большую заслугу, какъ авторъ «Исторіи государства російскаго», которой удивлялись современники; но его историческая система, сводившая все на исторію государства, уже скоро перестала удовлетворять болѣе свѣжихъ людей, которые, какъ Полевой, уже чувствовали потребность въ исторіи «народа». Въ историческомъ трудѣ Карамзина, какъ онъ повидимому ни далеко отъ его прежнихъ литературныхъ опытовъ, отражается однако его литературный характеръ. — въ которомъ едва ли не главной чертой была сентиментальная аффектація. Въ своихъ повѣстяхъ и поэтическихъ опытахъ. Карамзинъ сумѣлъ извлечь изъ русской жизни только добродѣтельно «Фрола Силина», да «Бѣдную Лизу». Онъ перенялъ свою сентиментальность и (мнимую) любовь къ «натурѣ» изъ французской и нѣмецкой литературы, но перенялъ ее отъ такихъ посредственностей, у которыхъ эта любовь къ «натурѣ» была фразой, способной прельстить только очень незамысловатаго читателя. Но русскій читатель того времени и не былъ конечно замысловатъ, и въ этомъ смыслѣ поэзія Карамзина, говорившая о чувствахъ, о природѣ, о жизни сердца, была извѣстнымъ успѣхомъ послѣ сухихъ риторическихъ «восторговъ» Державина и цѣлой старой школы. Въ сущности у Карамзина не было еще ни истинной любви къ природѣ, ни истиннаго чувства, какъ во Фролѣ Силинѣ или Бѣдной Лизѣ не было русской дѣйствительности. Эта аффектація вошла и въ его исторію. Политическій взглядъ этой исторіи не шелъ дальше знаменитаго изреченія о народахъ дѣлкихъ, любящихъ независимость, и народахъ мудрыхъ, любящихъ порядокъ, и дальше сухой, чисто государственной точки зрѣнія, даже предпочитавшей Іоанна III Петру Великому. Въ немъ были уже задатки настоящаго славянофильства.

Жуковский конечно стоялъ несравненно выше Карамзина поэтическими инстинктами, но у него эти инстинкты не дошли до настоящей русской жизни и дѣйствительности. Жуковский сдѣлался романтикомъ; поэзія романтизма, нѣмецкаго и англійскаго, великоблжно укладывалась въ его стихъ, и какъ истолкователь европейскаго романтизма, Жуковский сдѣлалъ очень много, потому что этимъ путемъ онъ вводилъ въ нашу поэзію живое человѣческое чувство на мѣсто прежней безжизненной ретирики. Но русское содержаніе — за очень немногими исключениями — ему не давалось: даже въ «Пѣлицѣ во ставѣ русскихъ воиновъ», гдѣ такъ сильно вдохновляла его поэзія патриотизма, онъ одѣлъ своихъ дѣйствительныхъ и современныхъ героевъ въ классическую одежду и романтическій туманъ. Такимъ образомъ и Карамзинъ, и Жуковский, и мелкіе поэты ихъ школы, напр. Дмитриевъ, ограничиваются еще искусственной ненациональной средой, хотя это и была уже среда болѣе живая и поэтическая. Существенный успѣхъ сравнительно съ прежнимъ былъ тотъ, что литература значительно увеличила читающую публику; высшій классъ, поощрявшій ее въ 18-мъ столѣтіи подъ формою меценатства, теперь перестаетъ интересоваться ей и въ этомъ смы-

слѣ, и она больше проникаетъ въ средніе классы, — хотя впрочемъ настоящей потребностью для этихъ классовъ литература становится только съ поэтической дѣятельностью Пушкина.

Общій уровень литературнаго образованія при Карамзинѣ былъ еще очень не высокъ. Литературный міръ раздѣлился уже на партіи, изъ которыхъ одна отставала (старыя классическія преданія Ломоносова, Державина и проч.), другая стремилась къ нововведеніямъ Карамзина и Жуковскаго: сентиментальная изысканность одного и романтической туманъ другого показались ересью приверженцамъ старой торжественной оды. Адмиралъ Шишковъ повялъ эту противоположность двухъ школъ только съ точки зрѣнія слога, и въ этомъ смыслѣ написалъ свою книгу, направленную противъ Карамзина. Поводъ спора былъ чисто внѣшній, и разница двухъ школъ въ національно-общественномъ смыслѣ въ самомъ дѣлѣ была только внѣшняя: новая школа упрощала поэтическіе приемы и дѣлала извѣстный шагъ въ литературномъ образованіи, но не представляла собой самостоятельнаго и опредѣленнаго общественнаго принципа. Зависимое, условное существованіе литературы продолжается. Другіе представители этого періода, пользовавшіеся въ то время большой славой, не выходили изъ этого уровня: таковъ былъ чопорный и скучный Дмитріевъ; таковъ былъ Крыловъ, «знатокъ» русскаго языка, мѣшавшій его однако съ самыми натянутыми формами карамзинскаго стиля, и въ своей басенной сатирѣ проповѣдовавшій мораль весьма обиходную и часто далеко не передовую. Болѣе свѣжій талантъ, Батюшковъ, хотѣлъ найти выходъ изъ господствовавшей искусственности въ древней антологической поэзіи, но его поэтическое поприще кончилось слишкомъ рано. Грибоѣдовъ обратился къ самой дѣйствительности, и извлекъ изъ нея много настоящаго русскаго содержанія, которое при талантѣ этого писателя дало обширную популярность его комедіи, — но идеалъ, который скрывается за отрицаніемъ комедіи, еще не представляетъ ясно сознанный общественной мысли: комическая насмѣшка Грибоѣдова, по прежней программѣ, ограничивается мелочами, надъ которыми смѣяться было довольно легко.

Последній новѣйшій періодъ русской литературы начинается съ Пушкина и Лермонтова. Это первый сильный талантъ, въ которомъ сказалось непосредственное чувство русской дѣйствительности, въ которомъ впервые нашлась настоящая русская поэзія. Современное поколѣніе только съ него можетъ вести свою литературную традицію, въ которой можетъ найти для себя предметы сочувствія не одного чисто-историческаго свойства. Но тѣмъ не менѣе и Пушкинъ не довелъ до конца своей поэтической задачи, какаѣ уже была въ то время возможна. Онъ еще поддается литературному вліянію предшествовавшей школы, въ которой такую роль играло условное поэтическое содержаніе; онъ подражаетъ Байрону, котораго конечно не понималъ, потому что точка зрѣнія Байрона была вообще слишкомъ серьезна для его, хотя блестящаго, но неглубокаго. Отношеніе Пушкина къ русской

дѣйствительности было ближе, чѣмъ у кого нибудь изъ его предшественниковъ — но оно все еще было не достаточно глубоко: Пушкинъ рисовалъ превосходныя отдѣльныя картины русской жизни, общества и народа, но ему были еще чужды истинная идея народности, т. е. общественное положеніе этого народа, его думы и стремленія, и его истинныя потребности и идеалы; подойти совѣмъ къ народу онъ не могъ уже по своимъ мелкимъ аристократическимъ предрасудкамъ, которые къ сожалѣнію составляли слишкомъ существенную черту его характера. Онъ не выдержалъ в той общественной роли, съ которой началъ свое поприще и которая собственно установила въ первый разъ симпатичную репутанію Пушкина. Судя по этому началу, въ немъ можно было ждать поэта, который выскажетъ задушевную мысль лучшихъ людей общества: его поэтической энтузіазмъ, его живыя стремленія, сочувствіе къ дѣйствительной русской народности, его знаменитая своимъ остроуміемъ насмѣшка, которая обращалась противъ старыхъ золъ русскаго общества и была злѣе всей сатиры, такая только была въ русской литературѣ съ самаго ея начала, — всѣ эти качества открывали богатыя надежды на великое поэтическое и общественное значеніе его дѣятельности. Но надежды оправдались не вполне: Пушкинъ не устоялъ на своихъ прежнихъ понятіяхъ и энтузіазмъ молодости, и отдалъ дань тому направленію, которое полагаетъ народное дѣло въ самохвальствѣ и перестаетъ здраво понимать положеніе вещей. Это, безъ сомнѣнія, ограничивало размѣры того, что онъ могъ бы сдѣлать. Богѣ свѣжее поколѣніе, та часть общества, въ которой шло наиболѣе прямое развитіе, уже охлаждало къ Пушкину въ концѣ его дѣятельности, и поколѣніе современное все еще остается подъ злымъ впечатлѣніемъ.

Въ позднѣйшую эпоху дѣятельности, у Пушкина начинаютъ высказываться вещи, которыя потомъ назывались славянофильствомъ — это слѣды прежней до-петровской исключительности, національное хвастовство, преклоненіе предъ традиціями, непринизненность къ отрицательному взгляду, съ котораго общество должно было неизбѣжно начать, чтобы придти къ какому нибудь положительному выводу. Въ послѣднимъ годамъ Пушкина славянофильство стало складываться въ определенную школу.

Исторія этого направленія можетъ быть проведена очень далеко назадъ, въ старыя времена, если понимать славянофильство какъ упрямую національную исключительность, восхваляющую все свое и ненавидящую все чужое, хотя бы даже и чужое образованіе. Таково было еще московское царство и особенно 16—17-й вѣка. Реформа Петра вызвала пассивное сопротивленіе и недовольство, которое въ 18-мъ столѣтіи уже находило отголоски въ литературѣ, вышедшей изъ реформы. Напр. фонъ-Визинъ изъ чисто-славянофильскихъ тенденцій бранить западную Европу, конечно насколько не умѣя ее понимать, какъ онъ самъ это доказалъ въ своемъ путешествіи. Национальное самохвальство развилось въ то же время до послѣднихъ предѣловъ, — такова была поэзія Державина, которую славянофилы кажутся

и признали теперь на этомъ основаніи, хотя она и принадлежала неизвѣстному имъ петербургскому періоду. Въ 20-хъ годахъ, какъ мы уже видѣли, славянофильство спорило противъ новаго «слога», предпочитая ему старый, церковно-славянскій, и отвергая всякія новыя ухищренія, особенно подражанія иноземному. Свою настоящую форму славянофильство принимаетъ уже въ 30-хъ годахъ, когда его проповѣдниками выступаютъ Кирѣевскіе, Хомяковъ, Погодинъ, позднѣе Аксаковы и проч.

Славянофилы выставляютъ себя представителями истинно русскихъ началъ: поэтому симпатіи ихъ принадлежатъ древней Руси, т. е. собственно московскому царству; поэтому они отвергаютъ законность реформы, будто бы поправшей эти начала, и отвергаютъ такъ называемый петербургскій періодъ; поэтому въ былое время они простодушно ненавидѣли гнилой западъ, какъ источникъ реформы, и въ сущности продолжаютъ также ненавидѣть его и теперь. Наконецъ славянофилы начали говорить у насъ о славянскомъ вопросѣ. Трудно теперь прослѣдить, какииъ путемъ началось это отношеніе къ западному славянству. Извѣстно, что славянскій союзъ былъ уже въ мечтахъ декабристовъ. Немного лѣтъ спустя Хомяковъ началъ проповѣдовать въ своей поэзіи о славянскомъ братствѣ, призывать славянство къ еднению, вооружаться противъ чужой цивилизаціи, гнетущей славянскія племена, а вмѣстѣ съ ними и русскій народъ, и наконецъ поощрять Славянъ къ основанію новой невиданной цивилизаціи. Этой же точки зрѣнія Хомяковъ и славянофилы держались и относительно внутреннихъ вопросовъ русскаго образованія и литературы, и ради своего археологическаго патріотизма возставали противъ той критики, которая тогда впервые разогнала мракъ, лежавшій на общественныхъ понятіяхъ. Взвѣсивъ, они предлагали свою теорію «народныхъ началъ», которой до сихъ поръ не въ состояніи объяснить осознательно и согласить съ требованіями времени и здраваго разумія.

На сколько они могутъ считаться истинными представителями русской неподдѣльной народности, можно видѣть изъ того, что до самаго опредѣленія своей роли они доходили черезъ философское фантазерство, источникъ котораго были чужіе (какъ въ философіи Кирѣевскаго, въ умствованіяхъ Хомякова). На сколько искренно они нуждались въ славянскомъ братствѣ, можно видѣть изъ того, что только немизгіе изъ нихъ имѣли тогда понятіе о славянскихъ нарѣчіяхъ, и что призыванія къ братству оканчиваются теперь внушеніями о покорности Москвѣ...

Относительно славянскаго вопроса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскаго, славянофилы составили вообще говоря слѣдующую теорію. Европа представляетъ, начиная съ среднихъ вѣковъ и до настоящаго времени, два отдѣльные и даже противоположные міра: западный и восточный, латинно-германскій и греко-славянскій. Эти два міра выражаютъ два различные принципа, которые совершенно отрицаютъ другъ друга: ихъ противоположность охватываетъ всѣ основныя начала жизни — начиная съ религіи, идей

политическихъ и общественныхъ, до всѣхъ подробностей культуры, до нравовъ и семейной жизни. Религіозная противоположность раздѣляетъ эти два міра съ давнихъ поръ; также давно и также прочно—увѣряютъ они—обнаружились и особенныя свойства славянской національности въ политическомъ и общественномъ устройствѣ, опять противоположныя латинско-германскимъ принципамъ, и составляющія непрѣмное условіе нормальнаго славянскаго развитія. Тѣ племена, которыя сохранили византійско-славянскія условія, стоятъ на настоящей дорогѣ; тѣ, которыя были невѣрны византійско-славянскимъ началамъ, сошлись съ истиннаго пути и не имѣютъ будущаго. Въ такомъ положеніи находятся славянскія племена, подчинившіяся вліянію запада. Все, что было зловреднаго и разрушительнаго для славянскаго развитія, пришло отъ Нѣмцевъ и отъ католицизма: они разрушили своимъ зловреднымъ вліяніемъ древнее византійское православіе, принятое нѣкогда западнымъ славянствомъ, и старое демократическое устройство славянскихъ общинъ: они ввели неизвестное Славянамъ дѣленіе сословій и эгоизмъ личности, въ ущербъ славянской демократіи и принципу любви и смиренія. Но Славяне къ сожалѣнію не понимали этого различія, многіе изъ нихъ уклонились добровольно, или вслѣдствіе насилія, отъ настоящей византійско-славянской дороги и за этотъ грѣхъ наказаны своимъ раздѣленіемъ и ослабленіемъ. Въ настоящее время они пробуждаются отъ своего долгаго усыпленія и имъ предстоитъ возвратиться къ ихъ древнимъ, т. е. византійско-славянскимъ началамъ, — которыя въ своей полной чистотѣ были сбережены только однимъ русскимъ народомъ.

Тѣ же основныя взгляды славянофилы примѣняютъ и къ внутреннему русскому вопросу. Реформа Петра (суждается ими, не столько какъ слишкомъ насильственная реформа, но вообще какъ реформа, введшая европейскую цивилизацію. Реформа раздѣлила русское общество, оторвала высшія сословія отъ массы и сдѣлала ихъ бесплодными; единственное, чѣмъ мы могли бы исправить ошибку реформы, это—возвращеніе къ прежнимъ русскимъ идеямъ, къ идеямъ московскаго царства, еще не испорченнаго реформой. Тамъ была чисто русская жизнь, православное русское царство, съ единствомъ убѣжденій, интересовъ и народнаго быта, съ думами и соборами, безъ тлетворнаго вліянія заморскихъ идей, приводившихъ общество въ разладъ. Образование конечно нужно, соглашаются славянофилы, но мы должны почерпать его только изъ «народныхъ началъ», руководясь содержаніемъ народности, т. е. народныхъ свойствъ и понятій, и наука, которая можетъ имѣть у насъ мѣсто, должна быть «русская наука», съ нашей точки зрѣнія, — другими словами, наука, говорящая только то, что намъ желательно...

Все это было проповѣдуемо съ крайней ревностью, и нашлись люди, которымъ показалось, что эта теорія дѣйствительно объясняетъ и славянскій, и русскій вопросъ. Не входя въ критическія подробности, мы замѣтимъ только, относительно славянскаго вопроса, что теорія всѣхъ славянскія народности мѣряетъ только на русскую народность, желая представить

ее единой непогрѣшимой; но исторически она ничего не объясняетъ, потому что на дѣлѣ древнiя «славянскiя начала» падали и тамъ, гдѣ не было никакихъ влiянiй разлагающаго запада. Относительно русскаго развитiя теорiя ограничиваетъ народную исторiю сохраненiемъ стараго преданiя и, следовательно, осуждаетъ ее на неподвижность; славянофильствъ и дѣйствительно непонятно то, что есть свѣжаго и плодотворнаго въ новомъ движенiи русскаго образованiя и литературы, хотя это послѣднее движенiе въ значительной степени руководится интересомъ къ народнымъ массамъ.

Самымъ простѣйшимъ и не замысловатымъ выраженiемъ славянофильства въ литературѣ и обществѣ было то, что еще Полевой мѣтко называлъ краснымъ патриотизмомъ. Въ этомъ, конечно весьма несовершенномъ видѣ, славянофильство имѣетъ огромное количество послѣдователей; хотя сама школа и отказывается отъ этого предиката, но онъ принадлежитъ ей несомнѣнно, и болѣе наивные представители ее постоянно отличаются этимъ качествомъ.

Въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ пьесахъ своихъ Пушкинъ отдалъ дань такому направленiю, развившемуся потомъ въ переданную нами теорiю, и это охладило къ нему энтузiазмъ тѣхъ, кто такъ много ожидалъ отъ него по началу. Его природные инстинкты указывали ему иной путь, но слабость характера, недостатокъ серьезности ума помѣшали ему быть послѣдовательнымъ. Этой послѣдовательности недоставало и у другаго великаго таланта, который видѣла русская литература въ послѣднее время, — у Гоголя. Его великолѣпная сатира въ первый разъ вводила въ литературу настоящую русскую жизнь, никакая условность и рутинна не стѣсняла глубокаго инстинкта писателя, и результатомъ этой прямой и непосредственной дѣятельности былъ рядъ превосходныхъ произведенiй, которые имѣли огромный и вполне справедливый успѣхъ. Но «Мертвыя Души» остались неконченными, потому что продолженiе ихъ, написанное подъ влiянiемъ искусственныхъ и фальшивыхъ цѣлей, которыми авторъ хотѣлъ служить въ позднѣйшiй перiодъ своей дѣятельности, вышло слишкомъ неудачно. Въ писателѣ произошла существенная перемѣна, или, вѣрнѣе, онъ не измѣнился, но въ немъ только свѣлѣе, чѣмъ прежде, выдались тѣ индивидуальныя черты его, которыя скрывались прежде въ его непосредственномъ поэтическомъ увлеченiи. Гоголь сталъ жертвой недостаточнаго развитiя: онъ не понялъ причины своего громаднаго успѣха; подъ влiянiемъ извѣстныхъ тенденцiй, внушенныхъ его болѣзненнымъ состоянiемъ, и подъ влiянiемъ отсталыхъ людей, онъ сталъ сожалѣть о прежней дѣятельности, и взявъ глубоко за дѣвавшей сатиры, издумалъ наставлять читателя еяейною моралью и мнимые русскiе идеалы въ роль безжизненной Уляньки и черезъ-чуръ правительскаго Костанжогло. Результатъ, котораго достигалъ онъ прежде глубокимъ поэтическимъ инстинктомъ, сталъ для него недостижимъ, когда онъ вздумалъ поучать читателя собственными соображенiями, которыя такъ странно читать въ «Перепискѣ съ друзьями».

Первые произведения Гоголя остаются замѣательнымъ фактомъ русской литературы. Въ нихъ ясно намѣтилось то направленіе, которое съ тѣхъ поръ утвердилось въ литературѣ и все больше сближало ее съ настоящей русской дѣйствительностью. Прѣжняя рутинная, опредѣлявшая поэтическое содержаніе, прѣжнее зависимое положеніе литературы, сдѣлаются теперь, въ ея лучшихъ людяхъ, свѣжими интересами жизни, и литература, служившая прежде забавой дилеттантамъ, становится дѣйствительнымъ орудіемъ общественныхъ стремленій.

Не было случайностью то любопытное обстоятельство, что гоголевскій періодъ былъ и временемъ дѣятельности Бѣлинскаго. Вместе съ тѣмъ какъ поэтическое творчество, хотя быть можетъ отчасти и безсознательно, вводило въ литературу неподдѣльную русскую дѣйствительность, начинается критическая дѣятельность писателя, который впервые разъясняетъ общественное значеніе литературы, въ первый разъ ставитъ ей серьезную социальную задачу. Съ Бѣлинскаго русская литература начинаетъ свой современный періодъ, въ которомъ она стремится стать прямымъ выраженіемъ и дѣятелемъ общественной жизни.

Бѣлинскій имѣлъ впрочемъ своихъ предшественниковъ. Первые попытки сдѣлать литературу средствомъ общественного развитія принадлежатъ еще концу 18-го столѣтія—Новикову и Радищеву. Затѣмъ, въ періодъ сентиментальнаго и туманнаго романтизма, практической общественной интересъ находить своего представителя въ Полевомъ, котораго «Телеграфъ» былъ первымъ вліятельнымъ журналомъ и который, при всѣхъ увлеченіяхъ не всегда достаточно понятнымъ европеизмомъ, въ первый разъ думаетъ объ исторіи русскаго «народа». Исторія не удалась Полевому, но его журнальная дѣятельность имѣла свое полезное вліяніе, потому что расширяла общественныя и литературныя понятія. Другой писатель, еще болѣе серьезно понимавшій общественную роль литературы и вызывавшій на серьезную мысль, былъ Надеждинъ, журнальная дѣятельность котораго—въ наиболѣе свѣжее его время—относится къ тридцатымъ годамъ. Тогда же началъ свое литературное поприще и Бѣлинскій, оставшійся до послѣднихъ сороковыхъ годовъ во главѣ русской литературы. Въ тридцатыхъ годахъ вообще шло живое движеніе въ новомъ поколѣніи, которое съ увлеченіемъ воспринимало послѣдніе результаты европейской литературы и нѣмецкой философіи и искало въ нихъ окончательнаго разрѣшенія вопросовъ жизни. Европейская мысль, гегелевская философія, поэтическіе идеалы европейскихъ литературъ никогда не дѣйствовали на молодые умы русскаго общества съ такой силой, какъ въ это время: мыслящіе люди новаго поколѣнія стремились опредѣлить и установить свои поэтическіе идеалы, свои философскіе и общественные принципы, и искали ихъ въ поэзіи Шекспира, Шиллера, Гете, въ философіи Гегеля, а позднѣе, въ новой общественной наукѣ западной Европы. Таковъ былъ въ тридцатыхъ годахъ извѣстный кружокъ Станкевича. Это увлеченіе было весьма естественно. Новая поэзія и новая философія.

которыми увлекались у нас, имѣли слишкомъ широкое значеніе въ цѣломъ литературномъ мѣрѣ Европы, и если только появлялись вопросы такого свойства, они нигдѣ тогда не находили болѣе поражающаго и болѣе глубокаго разрѣшенія. Естественно также, что въ это время стала рѣзко высказываться и разница этого кружка съ крайнимъ славянофильствомъ, которое взаи́мнѣ этихъ космополитическихъ и общественныхъ увлеченій выставляло свои узкія рамки исключительной національности... Въ этомъ кругѣ понятій, созданномъ влияніемъ нѣмецкой философіи и европейскихъ поэтическихъ идеаловъ, совершилось и развитіе Бѣлинскаго. Эти условія опредѣляли направленіе его дѣятельности; въ нихъ онъ нашелъ критеріумъ своихъ сужденій о русской литературѣ. Строгія сужденія Бѣлинскаго крайне возмущали его литературныхъ противниковъ, кричавшихъ, что онъ безумно разрушаетъ славу русской литературы, но на дѣлѣ эти сужденія въ первый разъ (и конечно еще далеко не сполнѣ) представляли русскую литературу, а съ ней и общественную жизнь, въ ея настоящихъ размѣрахъ и съ ея дѣйствительными потребностями... Но, какъ ни сильно эта пора перваго развитія опредѣляла взгляды Бѣлинскаго, онъ — не какъ другіе — умѣлъ остаться самостоятельнымъ, и не гоняясь за теоретическими сплетеностями, выработалъ себѣ тѣтъ складъ общественно-литературной критики, который давалъ его произведеніямъ такую непосредственную силу и такое вліяніе на новыя поколѣнія. Въ рукахъ Бѣлинскаго журналъ въ первый разъ сталъ въ нашей литературѣ извѣстной общественной силой. Обширное вліяніе Бѣлинскаго не подлежитъ сомнѣнію.

Критика Бѣлинскаго требовала отъ литературы жизненнаго содержанія, и рутина прежнихъ временъ, еще продолжавшая имѣть своихъ представителей, была въ этой критикѣ окончательно осмѣяна и уничтожена. Рядомъ съ повѣстической дѣятельностью Гоголя, эта критика имѣетъ существенное значеніе въ развитіи нашихъ литературныхъ понятій. Вліяніе Бѣлинскаго отразилось непосредственно въ новомъ поколѣніи писателей, для которыхъ общественный вопросъ и народная жизнь стали съ тѣхъ поръ существеннымъ матеріаломъ. Въ этомъ смыслѣ литература продолжаетъ дѣйствовать и до послѣдняго времени. Правда, этотъ общественный вопросъ она не всегда понимала довольно глубоко, но по крайней мѣрѣ для нея открылась дорога, по которой она можетъ наконецъ найти свое истинное содержаніе и настоящее общественное значеніе.

Изъ тѣхъ, упомянутыхъ нами настроеній, которыя проникали въ нашу литературу съ тридцатыхъ годовъ, со временъ Бѣлинскаго, вышелъ новый періодъ нашей беллетристики, занимающій сороковые и отчасти пятидесятые года — дѣятельность Тургенева, Гончарова и прочихъ писателей этой школы. Задача ихъ была преимущественно общественная, и въ этомъ смыслѣ ихъ развитіе было въ значительной степени обусловлено дѣятельностью Гоголя и истолкованіями Бѣлинскаго. Типы новой беллетристики были по преимуществу люди общества, чувствовавшіе на себѣ тяжесть вслѣдствіе

ных общественных отношений и искавшие изъ нея исхода: это время «лишнихъ людей», «Рудныхъ» и проч., продолжавшихъ старое поколѣніе Онегина и Печорина. Гоголь открылъ этимъ картинамъ жизни путь къ вѣрному изображенію дѣйствительности; Бѣлинскій указывалъ общественную точку зрѣнія. Повѣсти изъ народнаго быта, принадлежащія этому времени, дають угадывать, что въ лучшихъ людяхъ уже созрѣла мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права. Но за тѣмъ, это была едва ли не единственная, ясно сознанная общественная идея этого времени; всѣ другія общественныя потребности вызывали въ «лишнихъ людяхъ» только темныя предчувствія, въ которыхъ они не могли отдать себѣ точнаго отчета. Эти романы, рассказы, повѣсти, какъ и самая жизнь, ихъ вышавшая, были только заявленіемъ неопредѣленнаго недовольства и неопредѣленныхъ стремленій. Положительнаго общественнаго идеала этотъ періодъ не создалъ... Въ настоящую минуту онъ сказалъ уже свое послѣднее слово, и доказательство этого въ томъ, что писатели этого недавняго періода уже не понимаютъ новаго поколѣнія, которое извлекаетъ изъ прежняго опыта идеи и стремленія, болѣе опредѣленныя не только съ отрицательной, но и съ положительной стороны.

Точно также болѣе опредѣленности высказывается и въ критической дѣятельности послѣдняго времени. У продолжателей Бѣлинскаго интересъ къ народу есть уже глубокое сознательное убѣжденіе, которое высказывается извѣстными опредѣленными требованіями.

Въ какомъ же отношеніи русская литература находится къ литературамъ западнаго и южнаго славянства?

Мы видѣли, что она какъ и другія славянскія литературы въ теченіи всей своей исторіи опять руководилась исключительно своими частными интересами и цѣлями, что эта исторія представляетъ отдѣльное цѣлое, не выходящее въ своихъ результатахъ ничего специфически неславянскаго. Единственный періодъ, въ которомъ мы находимъ нечто, напоминающее о славянскомъ единствѣ, есть ея древній періодъ, когда русская письменность была въ тѣсныхъ связяхъ съ письменностью южно-славянскаго. Общей связью было здѣсь одинаково заимствованное изъ Византіи православіе и литературный старо-славянскій языкъ. Благодаря этимъ условіямъ, въ древнюю русскую литературу, а за тѣмъ и въ народное сознаніе перебрало много византійскаго и южно-славянскаго содержанія, отъ догматическихъ книгъ до повѣстей и народныхъ суевѣрій. Но эти славянскія связи ограничиваются только Сербіями и Болгарами, и корень ихъ очевидно заключается существеннымъ образомъ не столько въ національномъ, сколько въ религіозномъ единствѣ, — первое подчинено второму. Когда южныя славянскія царства пали, и въ нихъ прекратилась литературная дѣятельность, эти междунациональныя отношенія ослабѣваютъ и даже прекращаются почти окончательно.

Русскимъ уже нечего было заимствовать съ юга; скорѣе на оборотъ, теперь югъ могъ заимствоваться отъ Русскихъ и онъ заимствовался дѣйствительно, и опять въ томъ же смыслѣ. Съ паденіемъ южно-славянскихъ царствъ, въ нихъ прекращается всякая литературная дѣятельность: грамотность удерживается только въ монастыряхъ и ограничивается церковными потребностями. Рѣдкость типографій и потому недостатокъ книгъ заставляетъ южныхъ Славянъ искать этихъ книгъ въ Россіи и русскія церковныя книги идутъ къ Сербамъ и Болгарамъ, вмѣстѣ съ денежной милостыней, за которой южное славянство, вмѣстѣ съ другими восточными православными, обращалось въ московское царство. Такъ продолжалось до самаго 18-го столѣтія, когда Дусиной Обрадовицъ собирался учиться въ Кіевѣ, и даже до нашего времени, когда южные Славяне искали въ Россіи духовнаго образованія въ семинаріяхъ и академіяхъ. Такимъ образомъ существенной чертой этихъ международныхъ связей было выполненіе религиозныхъ потребностей.

Въ настоящее время, когда потребности образованія не ограничиваются одними потребностями церковными, недостатокъ школъ приводитъ иногда южно-славянскую молодежь и въ русскіе университеты. Въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Петербургѣ училось немало Сербовъ и особенно Болгаръ, которые стали потомъ ревностными защитниками своего народнаго дѣла. Повидному здѣсь международныя отношенія заставляютъ уже думать, кромѣ религіознаго единства, о единствѣ и сочувствіи національномъ; но и это объясняется въ сущности тѣмъ же религіознымъ единствомъ, а также и съѣдствомъ, которое вызвало въ Россію цѣлыя сербскія и особенно болгарскія колоніи. Съ другой стороны, южно-славянская молодежь искала высшаго образованія не въ Россіи, а въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Парижѣ, — а Сербы почти исключительно, и не только австрійскіе, которые совершенно удовлетворяются Пестомъ и Вѣною, но даже Сербы княжества. Очевидно, что если эти не руководствуются чувствомъ національнаго единства, то и въ другихъ, приходящихъ къ намъ, естественно искать не однихъ исключительно національныхъ побужденій.

Точно также мы не находимъ проявленія чисто-національныхъ славянскихъ сочувствій въ тѣхъ отношеніяхъ, какія появлялись вслѣдствіе турецкихъ войнъ Россіи. Въ Русскихъ ожидали освободителей, и этого было достаточно, особенно, если предполагаемый освободитель былъ единовѣрцемъ. Затѣмъ, отдѣльное отъ этихъ постороннихъ соображеній, и взятое само по себѣ, національно-славянское чувство, въ самомъ южномъ славянствѣ, сводится къ весьма ограниченнымъ размѣрамъ, какіе имѣеть оно и въ нашемъ обществѣ, о чемъ мы скажемъ дальше.

Каковы были отношенія русскаго племени къ остальному славянству, это довольно извѣстно: для Польши, это была давнишняя и историческая вражда; для остальныхъ Славянъ, Чеховъ, Моравянъ, Хорватовъ и т. д., это было полное отсутствіе всякихъ отношеній. Нѣтъ сомнѣнія, что ре-

лигиозными условіями, опредѣлявшими связь съ южнымъ славянствомъ. дѣйствована. снать я въ отношеніяхъ съ Польшей, только въ противоположную сторону. Племенное родство нисколько не помогло международнымъ отношеніямъ; въ 16—17-мъ столѣтіяхъ, Русскіе забывали даже свое близкое родство съ западной Русью. изъ-за ея католичества и уни; московская исключительность въ дѣлѣ вѣры заставляла Русскихъ заподозривать ея западное православіе и такимъ образомъ отдаляла даже тѣхъ, кто имѣлъ всѣ права и національнаго, и религіознаго единства. Даже поглѣ, когда вся старая Литва вошла въ составъ русскаго государства, съ конца 18-го столѣтія. ея русскіе элементы предоставлены были самимъ себѣ и вопросъ о національномъ единствѣ поднять только послѣдними случайными обстоятельствами.

Что касается до западнаго славянства, мы сказали уже, что здѣсь было отсутствіе всякихъ національныхъ отношеній. Обѣ стороны, раздѣленныя пространствомъ и исторіей, совершенно забыли другъ о другѣ; въ теченіи многихъ столѣтій только изрѣдка онѣ вспоминали, одни, что есть сильное единоплеменное московское царство, другіе, что между Нѣмцами есть и славянскіе народы, преданные однако латинской ереси. Но воспоминанія были и рѣдки и смутны. Въ 18-мъ столѣтіи, основаніе могущественной имперіи заставило западныхъ и южныхъ славянскія племена обратить больше вниманія на восточное царство, и если Крижаничъ еще въ 17-мъ столѣтіи возлагалъ на него надежды освобожденія; то теперь, когда это царство усиливалось все больше и больше, эти надежды могли появляться чаще въ тѣхъ передовыхъ людяхъ, которые задавали себѣ подобный вопросъ. О Петрѣ Великомъ славянскіе передовые люди говорили уже несравненно больше, чѣмъ о комъ нибудь изъ прежнихъ царей. Лужицанинъ Френцель прииѣтствуетъ его какъ единоплеменнаго царя; но Хорватъ Витезовичъ, также его прославляющій, оставляетъ единоплеменность въ сторонѣ. Самъ Петръ знаетъ о славянскихъ единоплеменникахъ, и желаетъ воспользоваться ими для реформы, но національное чувство остается крайне поверхностнымъ съ обѣихъ сторонъ³⁾. Надежды на освобожденіе съ помощью единоплеменной Россіи, которыя высказывались особенно на югѣ, въ 19-мъ столѣтіи стали проникать и къ западному славянству, — мы рѣ-

³⁾ Петръ Великій искалъ напримѣръ переводчиковъ для книгъ, которыя ему хотѣлось издать по русски. Чтобы перевести какой-то „Лексиконъ универсалис, въ которомъ есть всѣ художества“, онъ ищетъ переводчиковъ въ Прагѣ, полагая, что Чехи могутъ перевести книги на русскій языкъ, съ помощью посланныхъ имъ людей. Онъ ищетъ также, чтобы призвать на службу въ Россію „шрейберовъ—изъ бемчаля, изъ шленцовъ, или изъ моравцовъ“, которые бы могли завести приказные порядки въ нашихъ основанныхъ тогда коллегіяхъ. Очевидно, что исланіе переводчиковъ и призывъ шрейберовъ, говоря очень мало о чувствѣ національнаго единства у Петра, говорятъ только о крайней безпомощности русскаго общества въ эпоху реформы. См. Педарскаго, Науки и лит. в прот. 1,281. Не большое доказательство въ пользу чувства національнаго единства представляютъ конечно и такіе писатели, какъ старецъ Памсіи Величковскій или извѣстный Барскій Плака-Альбовъ, которыхъ отканиваютъ теперь славянофилы.

шаемся сказать, не без содѣйствія славянофильскаго хвастовства. Ясно, что если бы мы стали искать здѣсь доказательства національно-славянскаго симпатіи и единства, эта симпатія имѣетъ весьма искусственное происхождение.

Самъ русскій народъ, и имѣетъ и русское образованное общество остались прежде, да и теперь остаются, напротивъ, весьма равнодушны къ славянскому вопросу. И это очень естественно; народъ не додѣриваетъ существованія славянскаго вопроса, а общество инстинктивно чувствуетъ, что славянскій вопросъ — въ тѣхъ формахъ, каки дають ему наши любители, — не представляетъ для него жизненной необходимости, что оно мало извлекло бы изъ него пользы для своего собственного внутренняго вопроса. Странно было бы конечно обвинять его за это въ себялюбіе. Национально-славянскія симпатіи остаются принадлежностью незначительнаго кружка; если же въ послѣднее время славянскій вопросъ начинаетъ возбуждать у насъ нѣсколько больше вниманія, чѣмъ прежде, и въ обществѣ оказывается больше сочувствія къ угнетеннымъ славянскимъ національностямъ — то причина этого вниманія заключается въ томъ, что этотъ вопросъ можетъ опять стать предметомъ европейскыхъ политическихъ споровъ, и интересъ въ южному или западному славянству есть или послѣдственно раздражаемое національное самолюбіе или же (напр. относительно Сербовъ или Болгаръ) интересъ къ угнетеннымъ народамъ, ищущимъ свободы, — слѣдовательно интересъ весьма космополитическій.

2. МАЛОРУССЫ.

Обращаясь къ Малоруссамъ, мы встрѣчаемъ спорный національный вопросъ, какіе порождено не разъ славянское возрожденіе. Споръ идетъ здѣсь о степени отдѣльности и автономіи малорусской народности, языка и литературы. Эти спорные пункты явились именно въ послѣдніе годы, когда въ малорусской литературѣ началось особенно живое движеніе: они рѣшались различно, и когда одни выводили изъ нихъ несомнѣнную полную правность малорусской литературы, другіе выводили изъ нея полное осужденіе. Литературному спору приданъ былъ наконецъ политическій отбѣнокъ, и обстоятельства прекратили его не дожидаясь аргументовъ, какіе захотѣли бы представить altera pars.

Сущность вопроса состояла въ опредѣленіи того, до какой степени народность малорусская или южно-русская составляетъ отдѣльную особность отъ русскаго цѣлага, какъ давни ея историческія права и до какой степени она можетъ имѣть притязанія на отдѣльную литературу. Споръ о малорусской народности начался на почвѣ чистой филологіи и исторіи, сталъ потомъ вопросомъ литературнымъ, перешелъ дальше въ вопросъ внутренней политики и въ настоящую минуту замолкъ. Не имѣя поэтому возможности говорить о немъ, такъ какъ онъ составляетъ фактъ слишкомъ близ-

каго настоящаго, мы укажемъ только въ общихъ чертахъ разные мнѣнія, выраженныя обѣими сторонами.

Относительно древности малорусской народности и языка сами Малоруссы думаютъ, что она представляетъ такую же самобытную и старую народность, какъ великорусская, считаютъ эту народность тѣмъ зерномъ, въ которомъ началась русская исторія стараго кievскаго періода. Южно-русскій языкъ есть исконный языкъ русскаго южнаго племени, это—языкъ Нестора и древнихъ южныхъ и западныхъ лѣтописцевъ, языкъ Слова о Полку Игоревѣ и проч. Другое мнѣніе утверждаетъ, что малорусская народность и языкъ—явленія новыя, что языкъ этотъ выдѣлился изъ русскаго цѣлаго не ранѣе 13—14-го столѣтій, которыя были переходной эпохой въ исторіи цѣлаго русскаго языка; что онъ вообще есть только мѣстное и позднее нарѣчіе. По мнѣнію г. Погодина, рѣче выразившаго этотъ взглядъ чѣмъ другіе, жители южной Руси въ древности были Великоруссы, которыми принадлежить и характеръ древнерусской исторіи, и древній кievскій эпосъ о князѣ Владимірѣ—неизвѣстный у нынѣшнихъ Малоруссовъ; происхожденіе малорусской народности и появленіе новаго (будто бы) языка, онъ объясняетъ наконецъ тѣмъ, что нынѣшніе Малоруссы—потомки закарпатскихъ Русиновъ, пришедшихъ изъ-за Карпатъ и занявшихъ земли, опустошенныя татарскимъ нашествіемъ. Относительно языка другіе люди тѣхъ же взглядовъ утверждали, что памятники русскіе до 13—14 вѣка не представляютъ никакихъ признаковъ исконнаго и самобытнаго малороссійскаго нарѣчія; что признаки эти появляются только съ указаннаго періода, и что малорусское нарѣчіе произошло такимъ образомъ въ позднюю сравнительно эпоху, вслѣдствіе обыкновеннаго выдѣленія видовъ языка изъ его рода ⁴⁾.

Чѣмъ же рѣшается это противорѣчіе? Исслѣдованій о языкѣ до сихъ поръ сдѣлано еще мало для того, чтобы можно было рѣшить опредѣлительно по памятникамъ вопросъ объ относительной древности малорусскаго нарѣчія, тѣмъ болѣе, что количество древнихъ памятниковъ изъ кievской эпохи вообще ограничено, да и въ тѣхъ вліяніе церковнаго языка мѣшало полному обнаруженію народной рѣчи. При всемъ томъ существованіе особой рѣчи и народности очень естественно предположить уже изъ того различія племенъ, которое указывается древнѣйшей лѣтописью (Поляне, Древляне, Уличи, Тиверцы, Сѣверяне) и которое легко могло представлять и различіе мѣстныхъ нарѣчій. Съ другой стороны, современное различіе южнаго русскаго отъ сѣвернаго, далеко превосходящее объемомъ отличія всѣхъ другихъ мѣстныхъ нарѣчій русскаго языка, дѣлаетъ изъ малорусскаго нарѣчія отолько же отдѣльную единицу, какъ другія значительныя

⁴⁾ Вся полемика объ этихъ предметахъ, веденную Максимовичемъ, Погодинымъ, Срезневскимъ, Лавровскимъ и пр. см. въ „Исторіи русск. языка“ г. Срезневскаго, въ Р. Вѣстѣ, Журналѣ М. Нар. Просв. и Основѣ, а потомъ въ „Моск. Вѣдомостяхъ“.

нарѣчія славянскаго языка (что находятъ и серьезные славянскіе филологи), и слѣдовательно допускаетъ заключать о давнемъ отдѣленіи этой вѣтви изъ первобытнаго общаго русскаго корня. Наконецъ приводятъ и другія историческія основанія въ пользу самобытности южно-русскаго народа въ мѣстахъ, занимаемыхъ имъ въ настоящее время. Это, во первыхъ, географическія названія мѣстностей, не измѣнившіяся съ древняго періода, что было бы необходимо, если бы жители были пришельцы 13—14 столѣтій. Далѣе, это — народныя южно-русскія преданья, которыя при всей утратѣ эпоса о Владимирѣ, при всемъ накопленіи новаго народно-поэтическаго матеріала, заслонявшаго старину (въ 15—17-мъ столѣтіяхъ), сохраняютъ ясныя воспоминанія о Царьградѣ, о древнемъ Кіевѣ, объ историческихъ Татарахъ, даже о мифическихъ событіяхъ, рассказанныхъ древней летописью (преданья о Кирилѣ Кожемякѣ, о Бѣгородской осадѣ и пр.), — что опять заставляетъ предполагать въ нынѣшнихъ Южно-руссахъ тотъ же народъ, которому эти преданья принадлежали въ древности. Далѣе, это — Слово о Полку Игоревѣ, по изслѣдованіямъ ученыхъ, носящее несомнѣнные признаки южно-русскаго характера уже въ 12-мъ столѣтіи и проч. ²⁾).

Съ этимъ противорѣчіемъ двухъ разныхъ взглядовъ на прошедшее малорусскаго нарѣчія тѣснымъ образомъ связано и другое противорѣчіе, о правахъ отдѣльной малорусской литературы въ настоящее время. Одна сторона, считавшая самымъ языкомъ Украины мѣстнымъ провинциализмомъ, находила, что существованіе малорусской литературы не только бесполезно, но даже и вредно, какъ «сепаратизмъ» и какъ бесплодное усиліе искусственно дать мѣстному нарѣчію особую литературу, въ которой народъ не чувствуетъ никакой настоятельной надобности. Другая, опираясь на отдѣльность малороссійской народности, защищала литературу съ общей національной точки зрѣнія и на основаніи практической необходимости, такъ какъ отдѣльная національность имѣетъ право развивать свои отличительныя особенности и такъ какъ русскій языкъ въ книгѣ непонятенъ для огромной массы южно-русскаго народа. Ясно, что здѣсь повторяется то же развитіе національнаго принципа и та же реакція противъ него, какія мы можемъ нерѣдко наблюдать въ современномъ движеніи славянскихъ народностей. Но если въ другихъ мѣстахъ вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ довольно просто и стремленія мелкихъ народностей къ отдѣльнымъ литературнымъ представителямъ представляютъ крайнее преувеличеніе національнаго начала, — здѣсь этотъ вопросъ болѣе сложенъ и разъяренные вопли гаветчиковъ, кричащихъ объ украинофильствѣ, конечно не могутъ представлять здраваго рѣшенія. Дѣло опредѣлялось бы наклоностями самаго народа, которыхъ еще нельзя было до сихъ поръ взвѣсить съ справедливой точностью.

Этнографическія отношенія южной Руси г. Костомаровъ, — признающій

²⁾ См. ст. Котляревскаго въ Основѣ 1862, октябрь.

полную древность нарѣчія и народности южной Руси, — изобразить слѣдующимъ образомъ.

«Обращаясь къ русской исторіи, можно прослѣдить, какъ недосказанное лѣтописцемъ въ его этнографическомъ очеркѣ о южной Руси, само собой высказало себя въ цѣпи обстоятельствъ, образовавшихъ историческую судьбу южно-русскаго народа. Если первоначальный этнографъ, исчисляя своихъ Полянъ, Древлянъ, Улучей, Волянъ, Хорватовъ, не далъ имъ всѣмъ одного названія, отдѣльнаго отъ другихъ Славянъ русскаго материка, то имъ его дала вскорѣ исторія. Это названіе — *Русь*, названіе первоначально варяжской горсти, поселившейся среди одной изъ вѣтвей южно-русскаго народа и поглощенной ею вскорѣ. Уже въ 11-мъ вѣкѣ названіе это распространилось на Волянъ и на нынѣшнюю Галицію, тогда какъ не переходило еще ни на сѣверо-востокъ, ни къ Кривичамъ, ни къ Новгородцамъ... Въ 12-мъ вѣкѣ, въ землѣ Ростовско-Суздальской, подъ Русью разумѣли вообще юго-западъ нынѣшней Россіи въ собирательномъ смыслѣ. Это названіе... сдѣлалось этнографическимъ названіемъ южно-русскаго народа; мелкія подраздѣленія, которыя исчислилъ лѣтописецъ въ своемъ введеніи, исчезли или отошли на третій планъ, въ тѣнь... Названіе Руси за нынѣшнимъ южно-русскимъ народомъ перешло и къ иностранцамъ. Когда толчокъ, данный вторичнымъ наплывомъ литовскаго племени къ судьбу славянскихъ народовъ всей западной части Русскаго материка, соединилъ ихъ въ одно политическое тѣло и сообщилъ имъ новое соединительное прозвище — *Литва*, это прозвище стало достояніемъ Бѣлорусскаго края и бѣлорусской народности, а южно-русская осталась съ своимъ древнимъ привычнымъ названіемъ Руси.

«Въ 15-мъ вѣкѣ размыкались на материкѣ нынѣшней Россіи четыре отдѣла восточно-славянскаго міра: Новгородъ, Московія, Литва и Русь; въ 16-мъ и 17-мъ, когда Новгородъ былъ стертъ, — Московія, Литва и Русь. На востокъ имя Руси принималось какъ принадлежность къ одной общей славянской семьѣ, развѣтвленной и раздробленной на части; на юго-западъ это было имя вѣтви этой семьи. Суздалецъ, Москвичъ, Смоленскъ — были Русскіе по тѣмъ признакамъ, которые служили органами ихъ соединительности вмѣстѣ: по происхожденію, по вѣрѣ, по книжному языку и соединенной съ нимъ образованности; Киевлянинъ, Волынецъ, Червоно-русскъ — были Русскіе по своей мѣстности, по особенностямъ своего народнаго, общественнаго и домашняго быта, по нравамъ и обычаямъ; каждый былъ Русскимъ въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ восточный Славянинъ былъ не Русскій. Но Тверитянинъ, Суздалецъ, Москвичъ. Такъ какъ слитіе земель было дѣломъ общимъ, то древнее названіе, употребительное въ старину для обозначенія всей федерации, сдѣлалось народнымъ и для восточной Руси, коль скоро общія начала поглотили развитіе частныхъ: съ именемъ Руси для нихъ издревле соединялось общее, сравнивающее, соединительное. Когда изъ разныхъ земель составилось

Московское государство, это государство легко называлось русскимъ, и народъ, его составлявшій, усвоилъ знакомое прежде ему названіе, и отъ признаковъ общихъ перенесъ его на болѣе мѣстные и частные признаки. Имя Русскаго сдѣлалось и для сѣвера и для востока тѣмъ же, чѣмъ съ давнихъ лѣтъ оставалось, какъ исключительное достояніе юго-западнаго народа. Тогда послѣдній остался какъ бы безъ названія; его мѣстное частное имя, употреблявшееся другимъ народомъ только какъ общее, сдѣлалось для послѣдняго тѣмъ, чѣмъ прежде было для перваго. У южно-русскаго народа какъ будто было похищено его прозвище. Роль должна была переимѣниться въ обратномъ видѣ. Такъ какъ въ старину сѣверо-восточная Русь называлась Русью только въ общемъ значеніи, въ своемъ же частномъ имѣла собственныя наименованія, такъ теперь южно-русскій народъ могъ назваться Русскимъ въ общемъ смыслѣ, но въ частномъ, своеобразномъ, долженъ былъ найти себѣ другое названіе. На западѣ, въ Червоной Руси, гдѣ онъ сталъ въ сопротивленіе съ чуждыми народностями, естественно было удерживать ему древнее названіе въ частномъ значеніи, и такъ Галицкій Червоно-руссъ остался Русскимъ, Русиномъ, ибо имѣлъ столкновеніе съ Поляками, Нѣмцами. Утрами; въ его частной народности ярче всего высказывались черты, составлявшія признаки общей русской народности... Но тамъ, гдѣ та же народность столкнулась съ сѣвѣрою и восточно-русскою, тамъ названіе Русскаго, по отношенію къ частности, не имѣло смысла, ибо Южно-руссу не предстояло охранять тѣхъ общихъ признаковъ своего бытія, которые не различали, а соединяли его съ народомъ, усвоивавшимъ имя русское. Тутъ названіе Русскаго необходимо должно было замѣниться такимъ, которое бы означало признаки различія отъ Восточной Руси, а не сходства съ нею. Этихъ народныхъ названій являлось много, и, правду сказать, ни одного не было вполне удовлетворительнаго, можетъ быть потому, что сознаніе своеобразности не вполне вырабатывалось. Въ 17-мъ вѣкѣ являлись названія: *Украина*, *Малороссія*, *Гетманщина*. — названія эти невольно сдѣлались теперь архаизмами, ибо ни то, ни другое, ни третье не обнимало сферы всего народа, а означало только мѣстныя и временныя явленія его исторіи. Выдуманное въ послѣднее время названіе *Южно-руссовъ* остается пока книжнымъ, если не навсегда останется такимъ³⁾.

Мы не можемъ пускаться въ подробности исторической судьбы южно-русскаго нарѣчія и его литературныхъ памятниковъ потому уже, что, какъ мы сказали, они мало до сихъ поръ изслѣдованы и свѣдѣнія не собраны въ ясный систематическій порядокъ. Вслѣдствіе указанного нами основнаго разногласія двухъ сторонъ о южной Руси, древнѣйшіе памятники русской письменности остаются предметомъ спора между защитниками двухъ нарѣчій: не только Слово о Полю Игоревѣ, но летопись Нестора и другія произ-

³⁾ Историч. Монографія. 1, стр. 229 — 233.

веденіи русской старшии одними считаются за памятники русскіе, той формы древняго русскаго языка, которой нельзя приписывать специфическаго налорусскаго свойства, — другими за памятники вполнѣ южные съ южно-русскаго языка и народности. Извѣстно наконецъ, что на нихъ изъясним свои притязанія и историки польской литературы, которымъ киевскіе Поляне казались Поляками (Вишневскій и др.), — притязанія, конечно лишеныя критическихъ основаній. Мы выше уже согласились, что южное населеніе древней Руси имѣло свои національныя отличія, поэтому нахедимъ возможнымъ называть упомянутые памятники южно-русскаго, если они по своему происхожденію принадлежатъ древнему Киеву, Волини и проч.; но мы прибавляемъ къ этому, что историческая связь обѣихъ главныхъ частей Руси въ тѣ времена не даетъ, по нашему мнѣнію, возможности провести рѣзкую черту между литературными фактами сѣвера или юга въ періодъ 10 — 13-го столѣтій. Точно также, какъ древній эпосъ, — и именно въ тѣхъ чертахъ, какія придаетъ ему киевская обстановка ⁴⁾, — цѣльнѣе сохранился на сѣверѣ, гдѣ онъ былъ извѣстенъ какъ общее русское преданіе; в литературные факты южной Руси, по происхожденію южно-русскаго, одинаково принадлежали и сѣверу, гдѣ отъ этихъ фактовъ — лѣтописи Нестора, духовныхъ писателей, даже Слова о Полку Игоревѣ — велась послѣдовательно уже своя, великорусская или сѣверная традиція. Сѣверъ всегда зналъ Нестора, Феодосія, Иларіона и вообще всѣ памятники старо-славянскаго литературы, появившіеся сначала въ южной Руси, которые потомъ забылись на югѣ или совершенно, благодаря новымъ книжнымъ вліяніямъ, или поминлись далеко не съ той отчетливостью, какъ на сѣверѣ. Слово о Полку Игоревѣ нашло подражателя въ авторѣ «Задонщины» — сказанія уже чисто московскаго. Провести въ этомъ отношеніи исключительную границу становится невозможнымъ.

Это явленіе, т. е. забвеніе югомъ собственныхъ національныхъ и литературныхъ преданій и переходъ ихъ на сѣверъ (или вѣрнѣе, сохраненіе ихъ близко-родственнымъ сѣверомъ) имѣютъ свое достаточное объясненіе въ исторической судьбѣ южно-русскаго племени. При всѣхъ народныхъ особенностяхъ, заставлявшихъ древняго лѣтописца отличать и на югѣ, и на сѣверѣ столько отдѣльныхъ племенъ, при всей давности и полной физической естественности національныхъ отличій юга отъ сѣвера, заставляющей новыхъ этнографовъ принимать здѣсь положительно «двѣ народности», — между ними было слишкомъ много общаго не только по общему родству и сходству, которыя въ древности гораздо ближе, чѣмъ теперь, соединяли

⁴⁾ Дѣлаемъ это замѣчаніе, имѣя въ виду мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что извѣстность южнаго эпоса на сѣверѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ эпосъ есть до-историческій эпосъ, общій цѣлому племени и болѣе древній, чѣмъ князь Владимиръ. Это можетъ быть вѣрно относительно общихъ эпическихъ основаній, но тѣмъ не менѣе форма эпоса киевская. Другими словами, переходъ эпоса отъ мифологическаго содержанія къ историческому, совершился еще въ киевскій періодъ.

равныя славянскія племена, но и по тѣснымъ политическимъ и религіознымъ связямъ, которыя дѣлали тогда изъ русской земли одну связанную политическую федерацію (или удѣльную систему—все равно) и соединяли ее подъ одинъ религіозный, византійскій періодъ. Въ періодъ до-татарскій эта родственность и внѣшняя связь была по крайней мѣрѣ достаточна для того, чтобы разные племена могли соединяться въ одной общей письменности и въ общихъ національныхъ преданьяхъ.

Впоследствии это становится иначе, и измѣненіе въ судьбѣ народности соединяется съ измѣненіемъ въ политическомъ положеніи и общественныхъ отношеніяхъ южной Руси. Первоначальное политическое и общественное устройство южной Руси представляло общія національныя черты цѣлаго русскаго племени. Приходъ Варяговъ если и не имѣлъ вліянія на самую народность, т. е. языкъ, національныя преданья, обычаи и пр., то онъ имѣлъ несомнѣнно вліяніе социальное, отдѣливъ дружину въ привилегированное сословіе: потомство князей и дружина положили начало боярству, сосредоточенію собственности и постепенному стѣсненію самого народа. Это были черты, общія въ до-татарскій періодъ съверху и югу. Татарское нашествіе прерываетъ на югѣ это общерусское развитіе: Монголы не измѣняли правда общественнаго устройства, но разоренная и обезлюдѣвшая страна ослабла и скоро подчинилась литовскому завоеванію. Въ составѣ княжества Литовскаго боярская аристократія еще больше отдѣлилась отъ народной массы, но русская народность (южной Руси и Бѣлоруссіи) не потеряла своего значенія: извѣстно, напротивъ, что въ началѣ она удерживалась не только въ народѣ, но и въ высшемъ классѣ и черезъ него передавалась литовской аристократіи и даже княжескому дому. Русская народность, въ двухъ отбѣнгахъ, стала господствующей народностью Литовскаго княжества, не только по своей большей численности, но и по нравственному вліянію. Но затѣмъ начинается польское вліяніе и наконецъ происходитъ окончательное соединеніе съ Польшей. Одна часть южно-русскаго народа была покорена Польшей въ концѣ 14-го вѣка; другая, принадлежавшая княжеству Литовскому, хотя и оставалась русскою въ массѣ, но уже начала испытывать вліяніе польскихъ нравовъ и образованности, потому что уже въ 15-мъ столѣтіи, князья литовскіе были королями польскими и раздачей аристократическихъ привилегій привязывали русское дворянство къ польскимъ порядкамъ. Въ первое время и даже послѣ формальнаго соединенія русское дворянство еще продолжаетъ стоять за интересы народности и религіи, но мало по малу дѣйствіе польскаго устройства, рассчитаннаго для выгодъ аристократіи, почти совершенно овладѣло русскою шляхтою, желавшею съ своей стороны воспользоваться этими выгодами. Это еще больше отдалило высшіе классы отъ народа, безправіе и угнетеніе котораго увеличивались все больше и больше. Польская образованность, нравы, обычаи, религія и наконецъ языкъ стали переходить и къ русскому дворянству; католичество стало находить въ немъ усердныхъ прозелитовъ. Перехѣна языка и религіи совершенно раздѣлили народъ и шляхетство на два противополо-

дошлые и наконецъ враждебные лагеря. Это вліяніе польской народности было уже весьма явно въ 17-мъ столѣтіи и въ отдаленныхъ краяхъ южно-русской земли, когда замѣчаютъ о немъ Бопланъ, въ своемъ Описаніи Украйны: оно началось конечно гораздо раньше и продолжалось потомъ очень долго, до самаго 19-го столѣтія... Народная масса была осуждена на бездѣйствіе и молчаніе; она лишена была правъ, и народно-общественныхъ, а потомъ и религіозныхъ, и наконецъ заявила свой протестъ тѣми возстаніями, которыя начинаются въ концѣ 16-го столѣтія, и въ 17-мъ, при Хмельницкомъ, оканчиваются соединеніемъ съ Россіей. Заднѣпровская Украйна оставалась еще польской и отношенія продолжались тѣ же: во второй половинѣ 18-го вѣка такъ называемая «Коліивщина» напомила старыя козацкія войны и повзвала, что въ угнетенной массѣ продолжало жить чувство прежней народной независимости. Только освобожденіе престыянь развязало тотъ узелъ, который такъ неловко связалъ народныя и общественныя отношенія южной Руси относительно Польши... Не такъ натянуты, но все такъ стѣснительны были отношенія малорусской народности и въ той части, которая соединилась съ Москвою. Непосредственно съ присоединеніемъ началось русское вліяніе, которое поднижало Малороссію своимъ порядкамъ, правамъ, образованію и проч. Съ Петра начали вводиться нѣмецкіе порядки; въ 18-мъ столѣтіи крѣпостное право ложится даже на свободное населеніе Украйны. Высшіе классы принимаютъ русское образованіе и русскій языкъ, что по прежнему не давало возможности широкаго развитія въ національномъ смыслѣ.

Такии невыгодными условіями обставлено было положеніе собственно народа. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ татарское нашествіе прервало его прежнюю исторію, онъ окруженъ былъ обстоятельствами, которыя всего менѣе могли способствовать его правильному и дѣятельному развитію въ національномъ смыслѣ. Высшій классъ, навбогѣ снабженный средствами образованія, рано началъ терять свою народность; съ другой стороны и школа, какъ мы увидимъ дальше, устроенная по иноземнымъ схоластическимъ образцамъ, давала только условную образованность, опять забывавшую о народныхъ потребностяхъ и о народномъ языкѣ. Слѣдствіемъ было то, что подлинная южно-русская народность не была въ сущности своего литературнаго выраженія до того самаго времени, когда на Украйнѣ отозвалось общее возрожденіе славянства въ 19-мъ столѣтіи.

Мы уже говорили о характерѣ древнихъ памятниковъ, составляющихъ общее достоиніе сѣвернаго и южнаго русскихъ племенъ. Слѣды того нарѣчія, которое называютъ теперь южно-русскимъ, въ нихъ конечно не могли быть такъ ясны, какъ можно было бы предполагать по его нынѣшней формѣ. Въ большемъ числѣ случаевъ, гдѣ сквозь старо-славянскій текстъ церковныхъ книгъ пробивалось мѣстное нарѣчіе, или въ языкѣ лѣтописей и т. п. памятниковъ южной письменности, эти слѣды бывають обобщенны: тѣмъ не менѣе Шафарикъ видитъ слѣды южно-русскихъ формъ уже въ извѣстныхъ сборникахъ 1073 и 1076 года, въ евангеліи 1143 и проч.

Позднѣе, эти признаки носятъ уже несомнѣнно южно-русской характеръ: таковы Луцкое евангеліе 14-го вѣка (Руж. Муз. № 112), рукопись Ефрема Сирина 1370 г., акты того же стараго времени и множество болѣе позднихъ рукописей, между прочимъ списанныхъ южно-русскими писцами съ старо-славянскихъ оригиналовъ. Смутное время 13-го, 14-го и 15-го столѣтій не дало южной Руси возможности приобрести самостоятельную литературу; она ограничивалась старымъ церковнымъ содержаніемъ и народное нарѣчіе оставалось нетронутымъ, внѣ литературной обработки. Съ 15-го столѣтія дѣятельность русскаго племени въ предѣлахъ княжества Литовскаго перешла на западъ, и господствующимъ языкомъ книги стало нарѣчіе западно-русское (польско-русское, бѣлорусское)—странный языкъ, соединявшій въ себѣ общую русскую основу съ отбѣнками старо-славянскаго, польскаго, южнаго и собственно бѣлорусскаго.

Западно-русское нарѣчіе долго играло свою господствующую роль. Мы уже замѣтили, что русское племя представляло наибольшую массу населенія княжества Литовскаго; его языкъ, не смотря на связи съ Польшей, долго оставался языкомъ высшаго класса и княжеско-литовскаго двора, и понятно, что онъ могъ стать не только языкомъ церковной книги, но и языкомъ оффиціальнымъ. На этомъ языкѣ писана была цѣлая масса оффиціальныхъ документовъ и грамотъ (изд. І. Григоровича, Оболенскаго, Арх. Комиссія и т. д.) и цѣлыхъ законодательныхъ памятниковъ, какъ статутъ Казимира Ягеллона, Статутъ Литовскій и т. д. Общественныя и религіозныя отношенія русскаго народа въ Литовскомъ княжествѣ дали этому нарѣчію значительное литературное распространеніе: католическая пропаганда, впослѣдствіи особенно проводимая іезуитами, пробудила въ русской народности чувство самосохраненія, и противодѣйствіе ея обнаружилось цѣлой релігіозной литературой. Оппозиція держалась даже людьми высшей аристократіи, какъ знаменитый князь Константины Острожскій, даже людьми чисто-московскими, какъ князь Курбскій: оружіемъ ея былъ старо-славянскій языкъ библіи и церковныхъ книгъ, и отчасти уже выработавшійся тогда книжный великорусскій стиль. Но большая часть этой литературы говорила тѣмъ западно-русскимъ нарѣчіемъ, которое тогда отразило въ себѣ смѣсь элементовъ, жившихъ въ Литовской Руси и особенно польское вліяніе. Западное нарѣчіе получило свой переводъ библіи трудами извѣстнаго доктора Франциска Скоринны, и представляетъ затѣмъ много другихъ книгъ, переводовъ отцовъ церкви, полемическихъ сочиненій; старо-славянскія книги, напр. богослужебныя, печатанныя въ западно-русскихъ типографіяхъ, снабжались бѣлорусскими предисловіями, дополненіями и объясненіями. Школы, основанныя защитниками православія, принявъ тотъ же латинско-схоластическій характеръ, какими отличались школы католическія: оттого на нихъ такъ недовѣрчиво и смотрѣло потомъ московское православіе, напр. въ дѣлѣ Кирилла Транквиліана, Лаврентія Визанія и пр., чему способствовала и унія, возбуждавшая крайнюю подозрительность

въ Москвѣ. Школы основались затѣмъ и на югѣ, въ томъ же видѣ и съ тѣмъ же богословскимъ и научнымъ содержаніемъ. Мы не станемъ рассказывать подробностей о судьбѣ этой юго-западной образованности, которая обыкновенно занимаетъ мѣсто въ исторіи русской литературы по тому влиянію, какое западные русскіе ученые и кievская академія оказали на Москву и на русское образованіе во второй половинѣ 17-го и началѣ 18-го вѣка. Мы предполагаемъ болѣе или менѣе извѣстными имена Константина Острожскаго, Курбскаго, Петра Могилы, Галитовскаго, Барановича, Иннокентія Гизеля, Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго и т. д. Вся эта литература составляетъ особенную группу, которая, начавшись въ западной Руси, стала въ связь съ Москвою, и съ кievской академіей утвердилась и на малороссійской почвѣ. Это была по преимуществу борьба за православіе оружіемъ схоластической учености, перенятой у его противниковъ. Схоластика пустила съ тѣхъ поръ вѣрные корни въ кievской академіи, потомъ въ московской и черезъ нее въ цѣлой системѣ русскаго духовнаго образованія. вышедшей изъ Кіева. Вмѣстѣ съ схоластической теологіей здѣсь началась и схоластическая литература, перенятая изъ латинизированной литературы польскихъ школъ. Такова была напримѣръ драма, выросшая изъ мистерій, и цѣлая риторическая поэзія, ограниченная силленіемъ духовныхъ и торжественныхъ силлабическихъ виршей. Это стихотворство было конечно далеко отъ поэзіи и отъ народности. Въ содержаніи его попадались иной разъ и предметы, даже очень близкіе народному сознанию, — какъ напр. въ «Плачѣ Россійскомъ», — но выраженіе было крайне безжизненно и книжно. Семинарская схоластика не умѣла поэтически выразить даже патриотическаго чувства ⁵⁾).

Собственно южная Русь, какъ мы замѣтили, имѣла много своихъ представителей въ этой книжной дѣятельности, но народный языкъ остался въ сторонѣ, потому что въ книгѣ его заглушали церковные, западные, польскіе и латинскіе элементы.

Литература имѣла мало и самобытнаго содержанія. Вмѣстѣ съ формами чужаго схоластическаго образованія, она перенимала и литературные сюжеты. Самобытное ограничилось едва ли не одними лѣтописями, сохранившими память о событіяхъ Украинской борьбы съ Польшей. Затѣмъ все, вышедшее изъ школы, носило на себѣ черты богословской схоластики, заимствованной изъ латинскихъ образцовъ, или было подражаніемъ польской литературѣ. Путемъ этого юго-западнаго посредничества польская литература приобретаетъ въ 17-мъ столѣтіи большое влияние на русскую, которая заимствовала отъ нея первые примѣры европейскихъ литературныхъ формъ. Вторая половина 17-го столѣтія въ особенности представляетъ цѣлую массу подобныхъ произведеній, — силлабическихъ виршъ, мистерій и другихъ драматическихъ пьесъ, романовъ, повѣстей и шуточ-

⁵⁾ См. напр. этотъ «Плачъ» въ Основѣ 1861, май, стр. 47—48.

ныхъ разсказовъ. Представители юго-западной учености дѣйствуютъ накопцею лично въ Москвѣ, какъ Епифаній Славинцевій, Симеонъ Полоцкій и т. д., и юго-западная Русь приобретаетъ литературную связь съ великорусскою Москвою. Вліяніе кievской академіи продолжается въ томъ же смыслѣ и въ 18-мъ столѣтіи, но теперь уступаетъ уже тѣмъ новымъ чертамъ образованности, которыя являются съ реформой. Народное южное нарѣчіе подчиняется снова — русскій литературный языкъ приобретаетъ мало по малу полное господство въ книгѣ.

Такова была въ общихъ чертахъ исторія южно-русскаго нарѣчія, сначала иждившаго съ сѣвернымъ одну общую литературу; потомъ, отдѣльно отъ него, испытывающаго чужія вліянія и передававшаго ему эти вліянія въ концѣ 17-го и началѣ 18-го столѣтія; наконецъ подчинившагося ему въ новомъ историческомъ періодѣ русскаго господства и реформы. Народный языкъ, вообще говоря, оставался внѣ литературнаго движенія, гдѣ оныя выказывался только частно и случайно; рѣдко заносимый въ книгу, оныя продолжалъ однако свое развитіе въ устахъ народа, и наконецъ, когда явилась мысль о его собственномъ правѣ на участіе въ литературѣ, разница между нимъ и господствовавшимъ въ книгѣ русскимъ языкомъ была уже такъ велика, что литературное единство показалось невозможнымъ. Для него требовалась уже особая литература.... Размѣры отличій южнаго языка отъ сѣвернаго и его литературной формы заставляли наконецъ думать объ исконномъ различіи и независимости двухъ нарѣчій. Эту разницу можно объяснить себѣ изъ общихъ условій исторіи языковъ: разница, хотя и необширная, сѣвера съ югомъ существовала безъ сомнѣнія уже въ кievскій періодъ, затѣмъ южное племя въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій имѣло свою отдѣльную своеобразную жизнь, испытывало совершенно особыя историческія, культурныя и естественныя вліянія, — и тѣ впечатлѣнія, которыя оставались отъ всѣхъ этихъ вліяній на народномъ языкѣ, достаточно объясняютъ развитіе его первоначально близкихъ формъ въ настоящія отдаленныя отъ великорусскаго формы.

Реформа Петра дѣйствовала и въ южной Руси со всѣми тѣми свойствами, какими она вообще отражалась въ литературѣ, школьномъ образованіи, общественномъ устройствѣ и правахъ. Извѣстно, какимъ образомъ Малороссія теряла подѣ этимъ русскимъ вліяніемъ отдѣльныя черты своего быта, какихъ она имѣла еще много во время присоединенія: паденіе гетманскаго управленія и введеніе крѣпостнаго права, даже между свободнымъ козачествомъ, въ теченіе 18-го вѣка весьма рѣзкимъ образомъ разрушали тѣмъ ея автономію. Съ тѣхъ поръ Малороссія представлялась одна перспектива: все больше и больше превращаться въ русскую провинцію, принимать русскіе права, языкъ, образованіе и русскую литературу. Съ 18-го столѣтія Малороссія уже дала многихъ писателей этой литературѣ, языкъ ея сталъ иждившимъ жаргономъ; правда, оныя оставался цѣль не только въ народѣ, но въ среднемъ и мелкомъ дворянствѣ, но ему повидимому уже

не предстояло литературной будущности. Для образованнаго класса болѣе широкія литературныя стремленія были теперь возможны только на русскомъ языкѣ: Богдановичъ, Кавицкій, Гидичъ, Нарбѣжнй, малоруссы по происхожденію, не вносятъ въ свою дѣятельность ничего малороссійскаго. Гоголь сохранялъ малороссійскія симпатіи, но по широтѣ своихъ поэтическихъ замысловъ могъ быть только русскимъ писателемъ; малорусское нарѣчіе не давало ему достаточнаго поприща.

Такимъ образомъ малороссійское нарѣчіе повидимому окончательно теряло всякую будущность. — Но въ эпоху новаго славянскаго возрожденія эта будущность открылась и для него.

Если и прежде малороссійскій отдѣлъ русской народности не создалъ никакой самобытной народной литературы, то въ 18-мъ вѣкѣ, при сильномъ русскомъ влияніи, это было еще труднѣе. 18-е столѣтіе было для него временемъ постепеннаго упадка. Отъ начала и до конца его историкъ малорусской литературы едва выставляють два-три имени, но и въ тѣхъ нѣтъ ничего существенно важнаго. Таковъ былъ въ началѣ 18-го вѣка Климентій Збѣновіевъ, повидимому не совсѣмъ доученый и не совсѣмъ монастырски строгій, іеромонахъ временъ Мазепы. Руконисъ его силлабическихъ виршей, открытая не такъ давно Шишацкимъ-Иличемъ, представляетъ большой сборникъ стихотвореній въ томъ же схоластическомъ вкусѣ, каковой господствовалъ въ 17-мъ столѣтіи. Климентій начинаетъ философскими разсужденіями о правдѣ, о болѣзняхъ, о божіемъ долготерпѣніи, объ именахъ божіихъ, о смерти, но затѣмъ онъ пускается въ изображеніе и обьясненіе дѣйствительной жизни, говорить о бытѣ разныхъ классовъ общества, о разнаго рода ремесленникахъ, козакскихъ и мужикахъ, монастыряхъ и церквахъ, о писаніи и письменныхъ людяхъ, наконецъ даже «о женахъ, рождающихъ дѣти въ скорній часъ по принятію шлюбномъ и по брацѣ въ нѣсколько дней минувшихъ, и не въ рокъ», и «о дѣвцахъ, дѣти рождающихъ» и т. д. Такимъ образомъ, по содержанію, стихотворенія Климентія представляютъ пожалуй не безъинтересный матеріалъ о малороссійской жизни того времени. Очевидно, это былъ человекъ бывалый и много видѣвшій, но его точка зрѣнія очень не высока, нравственныя понятія не совсѣмъ тверды и онъ нѣрѣдко противорѣчитъ себѣ въ своихъ похвалахъ и осужденіяхъ. Онъ то проповѣдуетъ строгія правила морали, то оправдываетъ вещи весьма непохвальные и циническія; но вообще это поклонникъ высшаго господствующаго сословія, и, осуждая пороки другихъ сословій, противъ него онъ не осмѣливается направить своей сатиры. Въ поэтическомъ отношеніи стихотворенія Климентія совершенно ничтожны; это — простой механическій сборъ сухихъ школьныхъ описаній съ собственными правоучительными сен-тенціями. Малорусскій языкъ его изуродованъ силлабическимъ стихомъ и примѣсью польскаго и церковно-славянскаго ⁴⁾). Такъ какъ до сихъ поръ

⁴⁾ Обширные отрывки изъ его книги приведены въ статьяхъ г. Кузаша, Русск. Бесѣда 1859 и Основа 1861, январь.

нашла только одна рукопись этих стихотворений, то можно думать, что Климентій и не заинтересовал ими своих соотечественниковъ.

Въ стихотвореніяхъ Климентія, какъ онѣ ни лишены поэзіи, довольно наглядно отражается внутреннее состояніе Малороссіи въ первое время по присоединеніи и положеніе народа и народности, которые, избавившись отъ прежняго врага, не избавились однако отъ гнета и стѣсненія. Народъ, освободившій родину, остался въ рабствѣ у высшаго сословія, которое, забывая о народѣ, думало только о собственномъ интересѣ; народность болѣе и болѣе уступала превозмогающему вліянію Москвы и Петербурга. Малороссія теряла окончательно мѣстную автономію и въ управленіи, и въ общественной жизни, и русскіе обычаи, языкъ, образованіе и литература замѣняли мало по малу малороссійскую старину, сначала конечно въ высшихъ классахъ, а за ними и въ другихъ сословіяхъ. Отличительныя черты малорусскаго характера, обычаевъ, языка, поэзіи хранились неизмѣнно только въ собственномъ народѣ, т. е. низшемъ классѣ, но этотъ классъ не имѣлъ голоса въ общественной и въ officialной жизни, и вмѣстѣ съ нимъ малорусскій элементъ по необходимости становился на заднемъ планѣ. Простой народъ, презираемый во времена польскаго владычества, и теперь въ сущности стоялъ на той же ступени общественного права. Климентій, ученый грамотѣй, находилъ, что «письменному» человѣку имѣть дѣло съ простымъ, все равно, что трезвому съ пьянымъ:

„Во въ простого мужикѣ простой есть обычай,
а въ письменного особнякъ, политичный, звычай.“

«Этотъ политичный звычай, — замѣчаетъ г. Кудашъ, — развиваясь по началамъ мазининской аристократіи, естественно долженъ былъ дойти до полнаго отчужденія отъ всего, что связываетъ любовно одно сословіе съ другимъ». Общество отдалилось отъ народа и смотрѣло на него какъ на что-то чужое и низшее. Хотя въ то же время и само не далеко ушло отъ него въ нравственномъ развитіи. Народное самосознаніе крайне ушло въ одномъ слѣдѣ, и совершенно бездѣйствовало въ другомъ.

Этимъ объясняется, почему въ этомъ обществѣ могъ играть замѣтную роль и даже получить известное историческое значеніе такой странный человѣкъ, каковъ былъ Сковорода. Его дѣятельность и сочиненія показываютъ въ немъ столько свойствъ семинарскаго схоластика и врожденнаго проповѣдника, что многимъ до сихъ поръ мудрено видѣть въ немъ что нибудь кромѣ этого юродства и схоластики, — между тѣмъ, съ другой стороны малороссійскіе патриоты не сомнѣваются приписывать ему положительныя достоинства мудреца и народнаго дѣятеля, имѣющаго несомнѣнное мѣсто въ исторіи общественного развитія.

Сковорода, Григорій Савичъ, род. въ кievскомъ намѣстничествѣ въ 1722 г., †-1794. Отецъ его былъ простой козакъ; Сковорода учился въ кievской академіи, попалъ здѣсь въ число малороссійскихъ пѣвчихъ, от-

правлявшихся тогда въ придворную канцелю въ Петербургъ, возвратился потомъ на родину, изъ любознательности отправился путешествовать по Европѣ, гдѣ онъ странствовалъ (дѣшкомъ) въ Польшѣ, Германіи и Италіи.воротившись домой, онъ велъ жизнь странника; большей частью проживалъ у пріятелей и знакомыхъ и отказывался отъ всякихъ официальныхъ мѣстъ, которая стѣсняла его нравъ, привычій къ простой, ничѣмъ не связанной жизни и любви къ природѣ. Въ академіи и въ своихъ путешествіяхъ Сковорода набрался свѣдѣній, которыя казались обихными его современникамъ и главнымъ образомъ состояли въ знаніи языковъ и въ туманной мистической теософіи и морали. Сковорода пренебрегалъ всякой виѣшностью и комфортомъ, жилъ крайне бѣдно и мало по малу сталъ бродячимъ философомъ и приобрѣлъ большую популярность по всей Малороссіи. Онъ былъ наконецъ и писателемъ. Сочиненія его, подъ разными вычурными заглавіями, состояли всего чаще изъ мистическихъ нравоученій, писанныхъ большею частью схоластически-изукрашеннымъ и часто уродливымъ языкомъ. Его басни, «симфоніи», «діалоги», ходили по рукамъ друзей и знакомыхъ; его стихотворенія и пѣсни разошлись даже и въ народъ черезъ слѣпцовъ и бандуристовъ. Подъ конецъ имя его стало знаменито по всей Украйнѣ: для однихъ это былъ глубокій философъ и мудрецъ, для другихъ просто чудакъ и даже юродивый; на дѣлѣ это былъ сухой и самолюбивый мистикъ, въ своемъ родѣ педантъ, принявшій наставническій тонъ съ окружающими, которые конечно были ему по силамъ. На массу онъ производилъ впечатлѣніе своимъ добровольно наложеннымъ аскетизмомъ, — весьма чуждымъ впрочемъ аскетизму официальному — и своей нравственной проповѣдью. Если говорить безотносительно, — значеніе его конечно существенно уменьшается; но малорусскіе патриоты ставятъ его въ ряду своихъ общественныхъ дѣятелей, вмѣстѣ съ Каразинымъ, Котляревскимъ и Квиткой. Они опредѣляютъ его значеніе такимъ образомъ: «Сковорода составляетъ переходъ отъ міра былой козацкой вольницы, на его глазахъ уничтоженной однимъ взмахомъ пера Екатерины II-й, къ міру государственному, къ міру науки, литературы и искусствъ. Сынъ приходскаго священника, онъ бросаетъ схоластическую академію для странствованія за границей. Голышъ и бѣднякъ, бросаетъ онъ потомъ въ Переяславѣ, въ Харьковѣ и въ Москвѣ удобства профессорства для свободной и бродячей жизни независимаго мыслителя. Съ этой точки зрѣнія онъ, современникъ Сѣчи и хаоса новаго общества, современникъ Гаркуши и былой неурядицы на Украйнѣ, достоинъ полной признательности ⁷⁾».

Ему приписываютъ и черты чисто демократическія — возвеличеніе народа въ томъ смыслѣ, какъ оно проповѣдуется теперь; но трудно сказать, чтобы это было проведено у него опредѣлительно; народная сила для него еще не вполне ясна, по крайней мѣрѣ очень не ясно указана. Главнымъ

⁷⁾ Основа 1862, сентябрь, стр. 70.

образомъ пропаганда его была мистически-религіозная и нравственна, заходящая даже дальше предѣловъ возможныхъ въ малороссійской жизни: онъ беретъ за философскіе вопросы, обличаетъ по своему матеріалистич. и т. п.

Сочиненія его не были собственно малорусскія, но отчасти онъ былъ вызываемъ и малороссійской дѣйствительностью и мѣстное нарѣчіе отчасти вошло въ нихъ мѣсто. Поэтому Сковорода можетъ быть названъ на ряду съ малорусскими писателями. Напечатаны далеко не все сочиненія Сковороды: «Библіотека духовная» (СПб. 1798, 3 ч., изд. М. Антоновскимъ безъ имени автора; «Начальная дверь къ христіанскому добронравію» въ Сіонскомъ Вѣстникѣ 1806; «Убогій Жайворонокъ», притча, М. 1837; «Басни Харьковскія», М. 1837; «Брать архистратига Михаила съ Сатаню», М. 1839; «Сочиненія въ стихахъ, Г. С. Сковороды», СПб. 1860 и др. Остается кромѣ того много другихъ ненапечатанныхъ сочиненій, съ такими же ухляпленными заглавіями, мистической моралью и уроляивымъ языкомъ *).

Такимъ образомъ во внѣшности, да и во внутреннемъ характерѣ писаній Сковороды, оказывается весьма мало малорусско-народнаго, хотя это былъ челонѣкъ, постоянно жившій въ народной обстановкѣ. Популярнымъ сдѣлала его внѣшняя манера, привлекательная для толпы своей оригинальностью и удивлявшая ее аскетической моралью, и затѣмъ крайній недостатокъ въ лучшемъ матеріалѣ для удовлетворенія нравственныхъ потребностей. Въ немъ еще нѣтъ элементовъ позднѣйшаго развитія «народности».

Строгіе послѣдователи народнаго принципа не признаютъ этого послѣдняго качества и въ томъ писателѣ, которымъ собственно начинается новая малороссійская литература. — въ Котляревскомъ. Иванъ Петровичъ Котляревскій (род. 1769, † 29 окт. 1838) происходилъ изъ дворянскаго малороссійскаго рода, впрочемъ бѣднаго, учился въ полтавской семинаріи, гдѣ уже прослылъ рижачемъ, былъ потомъ домашнимъ учителемъ, служилъ въ гражданской и военной службѣ, назначенъ былъ наконецъ надзирателемъ полтавскаго дома воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Онъ рано сталъ интересоваться народнымъ языкомъ, нравами и обычаями, и дѣйствительно приобрѣлъ знаніе малороссійскаго быта, которымъ воспользовался въ своихъ произведеніяхъ. Свои литературныя попытки онъ началъ знаменитой *Энеидой* (Энеида, на малороссійскій языкъ переложившая, 3 ч. СПб. 1798; потомъ 1808; 1809, 4 ч; Харьковъ 1842, 6 ч.); другими не менѣе извѣстными произведеніями его были пьесы: *Наталка-Полтавка* и *Москаль-Чарикитъ*. Сочиненія Котляревскаго пользовались въ свое время огромной популярностью, которая сохраняется въ извѣстной степени и до сихъ поръ: это былъ первый писатель, заговорившій настоящимъ малороссійскимъ языкомъ; въ его поэмѣ было столько веселой шутки, что она и послѣ надолго осталась любимымъ чтеніемъ грамотнаго люда — стихи ея запоминались и обращались въ поговорцы. Котляревскій шибетъ несомнѣн-

*) Основа 1862, августъ, стр. 1—39; сентябрь, стр. 39—96; также 1861, июль.

все историческое значеніе по тому впечатлѣнію, которое онъ произвелъ въ свое время: но малороссійскіе критики сильно расходятся въ своихъ взглядахъ на смыслъ его дѣятельности. Въ то время какъ одни считаютъ съ него начало самобытно-малороссійской литературы въ народномъ направленіи, первую попытку національнаго возрожденія, болѣе строгіе ревнители народнаго принципа находятъ въ его сочиненіяхъ только «органъ презрительнаго взгляда на простонародье и на все, во что оно простоудушно вѣруеть и чѣмъ держится въ своей здоровой нравственности... Въ его перелюбленной Енеидѣ собрано все, что только могли найти паны каррикатурнаго, смѣшнаго, недѣлаго въ худшихъ образчикахъ простолюдина... Уже самая мысль написать пародію на языкѣ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку... Готь вѣкъ вообще былъ послѣднею пробой малороссійской народности, которая упала мало по малу до безсознательнаго состоянія; но ни что не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго». Вообще «Котляревскій былъ вѣренъ духу времени (т. е. духу времени, презиравшему народъ и отбывшему отъ него вышшія условія), и въ этомъ состоятъ какъ его литературная заслуга, такъ и вредъ, который онъ нанесъ украинской словесности». Это обвиненіе конечно ослабляется прежде всего тѣмъ, что у добродушнаго Котляревскаго конечно не было такихъ злостныхъ цѣлей: его пародія не была конечно одной пошлой угодливостью вкусамъ пановъ, — она была отголоскомъ начавшейся оппозиціи старому классицизму и слѣдствіемъ собственнаго юмористическаго настроенія. Въ своихъ драматическихъ пьесахъ Котляревскій удачно схватываетъ черты народныхъ нравовъ, и если, по характеру времени, впадаетъ въ преувеличенную сентиментальность, то все-таки изъ нихъ можно видѣть, что для него народная жизнь не была однимъ поводомъ къ глумленію. Наконецъ, нельзя не замѣтить въ этомъ юмористически забавляющемъ отношеніи Котляревскаго къ народному и черты болѣе общей, которую мы встрѣчаемъ въ различной степени и у другихъ писателей, обращавшихся къ малорусскому народному быту. Въ сочиненіяхъ Основьяненка мы опять находимъ въ сущности тѣ же мотивы: ту же сентиментальность и шутивое отношеніе къ народной средѣ. Затѣмъ та же сентиментальность и поползновеніе къ шутовству — въ малороссійскихъ повѣстяхъ Гоголя. Намъ кажется, что Котляревскій несетъ на себѣ, хотя можетъ быть въ большей степени, общую вину: качества этого взгляда на народную жизнь опредѣлялись не личнымъ капризомъ, а общимъ подчиненнымъ характеромъ народности, которая всегда принуждена была подчиняться чужимъ цивилизующимъ правамъ и господству. У самого Котляревскаго пропадаетъ шутливый характеръ, когда онъ вспоминаетъ въ той же Енеидѣ о прошедшихъ временахъ гетманщины, — времени національной автономіи⁹⁾.

⁹⁾ «Писанія П. П. Котляревскаго» (съ портретомъ и проч.). Слб. 1862. и критическія статья въ Основѣ, 1861, январь и февраль.

Примѣръ Котляревскаго не остался безъ послѣдователей. Появились и драматическія «Энеиды», которыя ходили по рукамъ между любителями и пріучали общество къ литературнымъ попыткамъ на малороссійскомъ языкѣ. Въ 1816 году основанъ былъ журналъ «Украинскій Вѣстникъ» (прекрат. въ 1821), который, занявшись мѣстными малороссійскими интересами, занялся и малороссійской литературой. Здѣсь началъ свою дѣятельность П. П. Артемовскій-Гулакъ, сочиненія котораго — первое замѣтное явленіе малороссійской литературы послѣ «Энеиды». Артемовскій-Гулакъ напечаталъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ юмористическую пьесу «Панъ та Собака», гдѣ въ разсказѣ о бѣдствіяхъ собаки, которая въ награду за все усердіе получаетъ одни побои и преслѣдованія, снова появляется тоиъ шутки, но шутка клонится уже въ серьезную сторону, и вмѣстѣ съ тѣмъ самая форма и языкъ показываютъ гораздо больше силы и свѣжести, чѣмъ было у Котляревскаго. За «Паномъ и Собакой» слѣдовали другія пьесы: «Солопій та Хивря, або горохъ при дорогѣ», переводъ баллады «Твердовскій» изъ Мицкевича, переводы изъ Горация, Гёте и проч. (изд. въ «Славянинѣ» 1827 и въ «Утр. Звѣздѣ» 1834); но всѣ эти вещи далеко уступаютъ его первому опыту. Талантъ Артемовскаго-Гулака не былъ достаточно силенъ для того, чтобы устоять въ томъ свѣжестѣ направленіи, которое обѣщалъ онъ въ началѣ; онъ подчиняется господствующему вкусу и у него есть еще манера Котляревскаго, то литературное юродство, какъ называютъ его сами малороссійскіе критики, которое мы вообще замѣчаемъ, кромѣ Шевченка, почти у всѣхъ малорусскихъ писателей, какъ только они берутся за изображеніе народнаго быта. Въ самомъ взглядѣ на вещи литературное сознаніе пошло впоследствии гораздо дальше, и Артемовскій-Гулакъ сохранилъ въ глазахъ малорусскихъ критиковъ извѣстное значеніе только относительно языка, который у него значительно силенъ и выработанъ ¹⁰⁾.

Первымъ писателемъ, который болѣе непосредственно отнесся къ народной жизни и основалъ свою литературную дѣятельность на элементахъ народнаго обычая и поэзіи, малороссійскіе критики согласно считаютъ Квитку (Основьяненко). Только съ Квиткой начинаютъ они настоящій періодъ малорусской литературы, когда ея писатели понимаютъ свою задачу на вѣстнымъ сознательнымъ образомъ и ищутъ въ народѣ не однихъ предметовъ шутки и балагурства, но и общественныхъ и бытовыхъ идеаловъ. Это серьезное отношеніе къ народности не было конечно дѣломъ Квитки, — который вовсе не былъ и достаточно глубоко для подобнаго пониманія, — но по крайней мѣрѣ въ его поэтическихъ взглядахъ малорусская жизнь впервые показала положительнымъ, хотя и слишкомъ чувствительнымъ и отчасти манернымъ идеаломъ. Эта заслуга — быть первымъ на извѣстномъ литературномъ направленіи — до сихъ поръ кажется преувеличивающею

¹⁰⁾ См. Основу, 1861, мартъ, гдѣ приведены и его лучшія стихотворенія.

въ глазахъ соотечественниковъ его значеніе, котораго вообще не признавали за нимъ его русскіе читатели.

Г. О. Квитка, въ свое время извѣстный больше подъ псевдонимомъ Основьяненко, изъ харьковскихъ помѣщиковъ, род. 18 ноября 1778, + 8 августа 1843. Квитка не получилъ никакого правильного образованія, учился какъ училось тогда большинство помѣщичьихъ дѣтей провинціи, т. е. довольно плохо; на двѣнадцатомъ году ему уже хотѣлось поступить въ монастырь, но его удержали; потомъ его отдають въ полкъ, оттуда онъ переходитъ въ гражданскую службу, потомъ опять въ военную, ни въ той, ни въ другой ничего кажутся не дѣлалъ, на 23-мъ году поступилъ наконецъ въ монастырь послушникомъ, гдѣ и оставался около четырехъ лѣтъ. Ему не понравилась потомъ и монастырская жизнь; онъ поселился дома и мало по малу вошелъ въ общественную жизнь Харькова, гдѣ вслѣдствіе основанія университета началось нѣкоторое литературное движеніе. Здѣсь Квитка нашелъ себѣ дѣятельность; онъ хлопоталъ о дворянскомъ клубѣ, театрѣ, институтѣ для дѣвицъ, и игралъ роль въ качествѣ члена институтскаго совѣта, уѣзднаго предводителя и т. п. Съ этой общественной жизнью началась вмѣстѣ и его литературная дѣятельность: онъ принимаетъ участіе въ литературныхъ вечерахъ и въ изданіи «Украинскаго Вѣстника». Эта первая дѣятельность скроена была совершенно по манерѣ тогдашнихъ журналовъ, напр. «Вѣстника Европы» и безчисленныхъ альманаховъ; это была невинная сатира и благонамѣренное остроуміе. Затѣмъ, съ 30-хъ годовъ начинается рядъ его малороссійскихъ разсказовъ, которые и составляютъ главнѣйшую литературную заслугу Основьяненки. Эти повѣсти, разбросанныя въ журналахъ и альманахахъ, появлялись обыкновенно и на малорусскомъ, и на русскомъ языкахъ, переведенныя или самими или другими, и собраны были слухомъ Квиткой въ книжкѣ: Малорусскія повѣсти (М. 1834—37; Харьковъ 1841; изданіе П. Кулиша: Новісті Григорія Квітки, 2 ч. (СПб. 1858)). Кроме того Основьяненко написалъ нѣсколько пьесъ для театра, изъ которыхъ «Шельменко» до сихъ поръ украшаетъ сцену Александринскаго театра, и два нравоописательные и плохіе романа: «Нань Халаявскій» и «Похожденія Столбикова». Какъ мы сказали, существенное, что осталось отъ трудовъ Основьяненки, составляютъ его малороссійскіе разсказы, изъ которыхъ лучшими считаются *Маруся*, *Сердѣшка Оксѣна*, *Конотоньски видьма*, *Козирь-дивка* и *Вотъ любовь* (изъ написанныхъ по русски). Русскимъ читателямъ повѣсти Основьяненки казались вообще сентиментальными идилліями, его женскіе народные характеры слишкомъ идеализированными, фраза слишкомъ манерной и болтливой; но его соотечественники до сихъ поръ сохранили о немъ то же выгодное мнѣніе, какое произвели въ нихъ повѣсти Основьяненки при своемъ первомъ появленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что для русскаго читателя не существуетъ прелесть языка, подкупающая Малоруссовъ; Основьяненко не производилъ благопріятнаго впечатлѣнія и степенью своего общественного

коммюниа, когда брался за сатиру въ своихъ романахъ, или за поученіе народа въ «Листахъ до любезныхъ земляковъ» (юморъ его русскихъ повѣстей положительно не замысловатъ), — но поэтическое изображеніе малорусской жизни и особенно малорусской женщины составляло особенную область, гдѣ онъ могъ остаться болѣе свѣжимъ воспроизводителемъ поэтической правды. Успѣхъ Основьяненка въ этой области имѣеть несомнѣнное историческое значеніе, потому что своими сочувственнымъ отношеніемъ къ народнымъ элементамъ онъ открывалъ возможность новаго литературнаго пути, который и принять былъ потомъ малорусскими писателями. Большая часть его сочиненій совершенно забыты самими его соотечественниками: не забылось только то, въ чемъ послѣдующее поколѣніе могло видѣть подготовленіе своего взгляда на значеніе народнаго принципа.

Періодъ тридцатыхъ годовъ былъ и въ малорусской литературѣ наиболѣе отвѣченъ ревнивымъ стремленіемъ народности заявить свою отдѣльность и право на независимое культурное развитіе. Это было время наиболѣе плодотворное. Около Основьяненка, занимавшаго тогда самое почетное мѣсто въ новой литературѣ, группируется нѣкій кружокъ писателей, отчасти выражающихъ тоже самое отношеніе къ народной жизни, отчасти ведущихъ его дальше и понимающихъ сознательнѣе. Къ этому періоду принадлежать: Борошниковскій, переводчикъ «Фариса» Мицкевича и авторъ нѣсколькихъ балладъ: Евг. Гребенка, переводившій «Полтаву» Пушкина, издатель малорусскаго альманаха «Ластивка» (1841) и авторъ сказокъ («Приказки»); псевдонимъ Исько Материнка (О. М. Бодянский), рассказавшій съ полнымъ знаніемъ языка нѣсколько малороссійскихъ сказокъ («Наски украинскіи казки» 1833); Кирилль Тополя («Чары или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и разсказовъ украинскихъ») и псевдонимъ Амвросій Могила (А. Метлинскій: «Думки та Пѣсни», «Южнорусскій сборникъ»), извѣстные своими удачными воспроизведеніями народнаго быта, нравовъ и поэзіи, — въ особенности послѣдній, въ которомъ малорусскіе критики видѣли глубинну чувства, прекрасное пониманіе козацкой старины и художественными достоинствами выполненія.

Тому же періоду, т. е. послѣднимъ тридцатымъ годамъ принадлежать и начало литературной дѣятельности писателей, которые были представителями малорусской литературы въ послѣднее время. Это псевдонимъ Іеремія Галка (Н. И. Костомаровъ), которому принадлежать замѣчательнѣйшій драматическій опытъ пѣз старой козацкой исторіи: *Сива Чолопъ*, далѣе трагедія *Персясливська Ничь* (въ альманахѣ «Слиць», 1841) и равнымъ мѣрнѣ стихотворенія: затѣмъ П. Кулишъ и Шевченко.

Тарасъ Шевченко (— 26 февраля 1861) есть безъ всякаго сомнѣнія замѣчательнѣйшая личность всей малорусской литературы. Принадлежитъ началомъ своей дѣятельности еще старому періоду тридцатыхъ годовъ. Шевченко былъ талантливѣйшимъ представителемъ современныхъ стремленій малорусской литературы, потому, въ которомъ видѣли лучшее отра-

женіе достоинствъ національной поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе новыхъ понятій и требованій.

Теперь еще не пришло время для полной его біографіи, какъ и трудно еще сказать, какимъ слѣдомъ отзовется его поэзія въ національномъ дѣлѣ, — но нѣтъ сомнѣній, что онъ былъ глубокимъ явственнѣе для своихъ современниковъ. Шевченко родился брѣвостнымъ и на себя испыталъ тяжесть рабства; оно не подавило однако его поэтической природы. Благодаря сочувствію порядочныхъ людей, которыхъ удалось ему встрѣтить, онъ получилъ свободу, но судьба оторвала у него возможность дѣятельности: когда онъ освободился отъ продолжительной ссылки, передъ нимъ осталось только немного лѣтъ жизни. Перенесенныя испытанія не заглушили въ немъ поэтической силы, не затемнили и не ослабили его свѣтлыхъ и гуманныхъ взглядовъ. Демократъ по происхожденію, онъ естественно привязанъ былъ къ дѣлу народа, и ему не нужно было доходить до этой привязанности путемъ долгой выработки убѣжденій: позднѣйшее развитіе, приобретенное имъ, должно было только утвердить то, что уже лежало въ основѣ его понятій и стремленій. Оттого Шевченко есть одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ непосредственно народнаго поэта и человѣка убѣжденій, не отдѣлившася отъ массы лучшими свойствами понятій и характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно свободнаго отъ неизбежной ограниченности простонародныхъ взглядовъ. Для соотечественниковъ Шевченка кажутся вполне справедливыми слова, сказанныя о немъ г. Костомаровымъ: «Шевченко, какъ поэтъ—это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсни Шевченка была сама по себѣ народная пѣсня, только новая,—такая пѣсня, какую могъ бы запѣть теперь цѣлый народъ,—какая должна была вылиться изъ народной души, въ положеніи народной современной исторіи. Съ этой стороны Шевченко былъ избранникъ народа въ прямомъ значеніи этого слова; народъ какъ бы избралъ его пѣть вмѣсто себя».

Въ 1840 вышла *Кобзарь* Шевченка, и съ тѣхъ поръ его значеніе въ малороссійской литературѣ прочно установилось. Первые произведенія Шевченка уже обнаруживаютъ въ немъ глубокое поэтическое пониманіе народной жизни, ея настоящаго и прошедшаго; она проходила ясно передъ его фантазіей, съ своимъ горемъ и трудами, мрачными историческими воспоминаніями и свѣтлыми народными идеалами. Его «Гайдамаки», «Катерина», «Тарасова Ночь», много другихъ мелкихъ произведеній сохранили для читающей малороссійской публики всю свою цѣну, не смотря на долготный перерывъ его дѣятельности, и не смотря на то, что современники его начинаній, носители той литературной эпохи, почти забыты. Его поэзія сложилась сразу, какъ извѣстный поэтический взглядъ, который проходитъ всю его дѣятельность; эта поэзія такъ естественно преста, что она дѣйствительно можетъ быть названа примымъ развитіемъ собственной поэзіи народа. Но самой формѣ Шевченко непосредственно примыкаетъ къ

ней, не поддаваясь тѣмъ искусственнымъ формамъ, какія старались насильно придать ей другіе малороссійскіе писатели.

Но какъ ни глубоки были въ немъ впечатлѣнія народной жизни, сколько ни входилъ онъ въ ея старыя воспоминанія и въ ея настоящее, свѣжій умъ и широкій талантъ избавляли его отъ крайнихъ увлеченій, которыми такъ легко поддается возбужденное національное чувство. Малороссійскій патриотъ и демократъ, онъ былъ однако чуждъ всякой релігіозной и національной нетерпимости; въ его талантѣ сильно было любящее гуманное чувство, свойственное ему отъ природы и усиленное развитіемъ. Надъ его національными привязанностями всегда стоялъ общечеловѣческій интересъ, и въ своихъ желаніяхъ народнаго блага онъ ждалъ для народа «апостола правды и науки», — и это было его искреннимъ ожиданіемъ. Его общественныя понятія были понятія серьезные, и лучшія стремленія времени находили все его сочувствіе (ср. его «Сонъ» и друг.).

Новая дѣятельность Шевченка началась послѣ возвращенія его изъ десятилѣтней ссылки. Въ концѣ его ссылки напечатана была поэма «Наймичка»; въ 1860 изданіе «Кобзаря» было повторено, вѣтъмъ новый рядъ пѣсенъ «Кобзаря» печатался въ «Основѣ» (1861—62): тамъ же изданъ и его «Дневникъ», который въ сожалѣнію не могъ быть напечатанъ вполне. Передъ концомъ своей жизни онъ задумалъ издать рядъ элементарныхъ книжекъ для народнаго обученія, но успѣлъ издать одну или двѣ.... Въ 1861 онъ напечаталъ свою коротенькую автобіографію («Народн. Бесѣда» 1861).

Шевченко былъ самымъ сильнымъ и характернымъ явленіемъ малорусской литературы въ послѣднее время, да и вообще. Заботы другихъ писателей, собравшихся въ 1861—62 въ изданіи «Основы», заключались въ правильномъ установленіи малорусской литературной дѣятельности, которая до тѣхъ поръ слишкомъ отдана была на волю случайностей и не имѣла постоянного и ровнаго развитія. Послѣднимъ, болѣе дѣятельнымъ временемъ ея было начало сороковыхъ годовъ. Новыя попытки начинаются уже въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Теперь снова открываются труды прежнихъ дѣятелей, въ особенности упомянутаго псевдонима Галки и Кулиша.

П. Кулишъ есть плодовитѣйшій изъ малорусскихъ писателей и наиболѣе ревностный защитникъ національнаго малорусскаго интереса въ литературѣ. Начало его дѣятельности относится къ 30—40 годамъ, и съ тѣхъ поръ онъ написалъ множество разнообразныхъ произведеній, по русски и по малороссійски; это были вещи литературныя — поэмы, мелкія стихотворенія, романы, рассказы, почерпнутые изъ малороссійской жизни («Досвитки», «Чорна Рада, хроника 1663 року» и проч.); этнографическіе труды, изученіе народнаго быта, поэзіи и преданій («Записки о Южной Руси», 2 т.); труды по исторіи Малороссіи; очерки малорусской литературы (рядъ статей въ «Основѣ»); критическія статьи; наконецъ выходи для популярнаго чтенія. Наконецъ г. Кулишу принадлежитъ и устано-

вление малорусской географии — предмета, который вообще во всех литературах славянского возрождения был делом не последней важности ¹¹⁾.

Последнее время вызвало опять много новых писателей, которые являлись съ малороссійскими рассказами, очерками, стихотвореніями, книжками для народа: на этотъ разъ тема литературной дѣятельности уже яснѣе, чѣмъ прежде, сводилась на изученіе и изображеніе народнаго быта и сообщеніе народу элементарныхъ знаній и развивающаго чтенія. Замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ этихъ новыхъ писателей былъ псевдонимъ Марко-Войчюкъ, произведенія котораго, русскія и малороссійскія («Новіткя». Спб. 1861; русскій переводъ Тургенева) были самымъ свѣжимъ изъ всего, что можетъ представить въ этомъ направленіи малорусская литература. Это было продолженіемъ приѣма Основьяненка, но продолженіемъ гораздо болѣе непосредственнымъ и на столько болѣе совершеннымъ, на сколько разнятся два литературныя поколѣнія.

Въ последнее время упомянутый нами прежде споръ о правахъ малорусскаго нарѣчія принялъ направленіе весьма неблагоприятное для малорусской литературы, и это обстоятельство — одно изъ многихъ недоразумѣній, раздвигавшихъ въ наше время — значительно ограничиваетъ ея дѣятельность, хотя конечно не уничтожаетъ вызвавшаго ее народнаго инстинкта.

Одно изъ главнѣйшихъ условій, поддержавшихъ стремленія новой малорусской литературы къ особености, были самыя свойства народности, которыя не укладывались въ господствующія литературныя рамки и заставляли искать для нихъ иного исхода. Къ этимъ свойствамъ принадлежитъ и оригинальная особенность и богатство малорусской народной поэзіи. Оттого національное движеніе, пріобрѣло здѣсь болѣе ревниваго увлеченія, чѣмъ можно было бы ожидать въ другихъ обстоятельствахъ. Народность, меньше отличенная своеобразными чертами быта, нравовъ, а затѣмъ и народной поэзіи, имѣла бы и меньше поводовъ настаивать на своей отдѣльности. Напротивъ, народность малорусская, при всемъ тѣсномъ сближеніи съ русскими элементами, проникавшими въ нее всѣми путями непосредственнаго смѣшенія и сосѣдства, администраціи, образованія, сохранила въ массѣ столько оригинальнаго, что при новыхъ условіяхъ общественнаго развитія, вездѣ вызывавшихъ народное движеніе, она естественно должна была стремиться къ своему выраженію. Развитіе поэтическаго чувства и богатая народная поэзія имѣли здѣсь не последнюю долю участія.

¹¹⁾ Исканіе малороссійской географіи началось давно и въ особенности возбуждало споры съ 30-хъ годовъ: послѣ правоисанія Котляревскаго, предлагали свои системы Максимовичъ (1824), Воровиковскій (1832), Метлинскій (1854), Кулишъ (1856), Кудымъ (1859) и Шейковскій (1860). Правоисданіе Кулиша имѣло успѣха всего больше.

По развитію своей народной поэзіи Малоруссы занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ между славянскими народами. Эта народная поэзія привлекла на себя вниманіе вѣстѣ, съ тѣмъ, какъ стали обнаруживаться первыя сознательныя попытки малорусской литературы. Первая попытка указать на малорусскій эпосъ была сдѣлана княземъ П. Цертелевымъ (Опытъ собранія старин. малороссе. пѣсень, Спб. 1819); затѣмъ явился сборникъ М. Максимовича въ 1827, потомъ въ 1834, и наконецъ въ 1849 (Сборникъ украинскихъ пѣсень, ч. 1, Кіевъ 1849); г. Срезневскій въ своей «Запорожской Старинѣ» (2 ч. въ 6 кн., Харьк. 1833—38) собралъ значительное количество историческихъ думъ и пѣсень и въ первый разъ попробовалъ дать имъ историческое объясненіе; далѣе явился сборникъ П. Лукашевича (Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни, Спб. 1836), который воспользовался и русскими собраніями; наконецъ, лучший до сихъ поръ сборникъ А. Метлинскаго («Народныя южно-русскія пѣсни», Кіевъ 1854). Затѣмъ много любопытнаго представляетъ сборникъ г. Костомарова (въ «Малорусскомъ сборникѣ» Мордовцева, Саратовъ, 1859), матеріалы г. Кулиша въ «Запискахъ о Южной Руси» и друг.

Малорусская пѣсня, какъ мы сказали, представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій во всей славянской народной поэзіи. И здѣсь народная пѣсня имѣла ту общую судьбу, какую имѣла у большинства славянскихъ племенъ. Во все время народной исторіи она жила исключительно въ народной средѣ и никогда, кромѣ самаго послѣдняго времени, не вошла какъ элементъ въ литературное развитіе. Очень естественно поэтому, что историческая судьба малорусской поэзіи остается для насъ чрезвычайно темна: мы не имѣемъ памятниковъ, которые бы сохранили древнія редакціи ея произведеній и должны судить объ ея исторіи только по основаніямъ теоретическимъ.

Прежде всего, малорусскія эпическія пѣсни, собранныя уже въ наше время, не знаютъ тѣхъ преданій кіевского эпоса, которыя повидному должны бы сохраниться въ нихъ и которыя сбереглись, напротивъ, такъ хорошо въ сѣверной Руси. Мы упоминали уже, что нѣкоторые объясняли это новостью самаго малорусскаго племени, заявшаго свое настоящее мѣсто уже въ періодъ послѣ-кіевскій, но мы замѣтили также, что отсутствіе кіевского эпоса у Малоруссовъ можетъ имѣть другія, весьма естественныя причины. Во первыхъ, это отсутствіе не исключительное, потому что южнорусскія преданія и теперь сохранили нѣкоторое воспоминаніе о древнѣйшихъ временахъ, въ формѣ отрывочныхъ и неясныхъ сказаній. Въ 12-мъ столѣтіи, Слово о Полку Игоревѣ остается несомнѣннымъ слѣдомъ южно-русской поэтической дѣятельности, и въ чертахъ его мы—взамѣнъ того—находимъ не столько родства съ сѣверно-русской редакціей кіевского эпоса, сколько съ характеромъ малороссійской думы. Существенное же объясненіе упомянутого нами явленія заключается въ томъ, что преданія кіевского эпоса позднѣе были слишкомъ затронены новымъ содержаніемъ;

что для малорусскаго племени явился въ 15—17-мъ столѣтїи новый героическій періодъ народныхъ подвиговъ, и въ этомъ періодѣ создаѣась новая героическая эпопея, гораздо болѣе близкая народному чувству, чѣмъ старыя преданія, и эти послѣднія естественно забылись.

14—15-е столѣтїя представляютъ весьма темный періодъ малорусской исторїи; разрушеніе старой жизни монгольскими нашествїемъ, брошеніе, произведенное новыми условїями и кончившееся образованіемъ козачества, полная приключеній дѣятельность народа, складывавшаго новый бытъ и защищавшаго въ то же время свою независимость и свободу отъ врага—эти обстоятельство, вмѣстѣ съ свойствами народнаго характера, весьма легко могли положить начало новому эпосу, произведенїя котораго дошли до насъ теперь въ *думахъ* и «бувальщинахъ». Порожденный новыми условїями, этотъ эпосъ отличается и иными свойствами. Между тѣмъ какъ древній кїевскій эпосъ еще носилъ въ себѣ много мнѣологическаго, не только въ случайныхъ подробностяхъ, но и въ самой основѣ содержанїя, новый малороссійскій эпосъ есть исключительно героическій. Мнѣологическіе мотивы могутъ быть найдены въ немъ только въ тѣхъ эпическихъ формахъ, которыя остались въ немъ однимъ приемомъ, условной манерой, наслѣдованной отъ старины: это скорѣе поэтический символизмъ, чѣмъ мнѣологическое воспоминаніе. Существенное содержаніе эпоса—дѣйствительная народная исторїя, его герои—дѣйствительные герои народной борьбы, которыхъ подвиги поражали воображеніе и чувство народа, и которые были его представителями. Такимъ образомъ малорусскій эпосъ обнимаетъ все существенные періоды исторической малорусской жизни съ 15-го по 18-е столѣтіе. Онъ распадается поэтому на три главные цикла. Первый рассказываетъ борьбу козачества съ Татарами и Турками въ степяхъ и на Черномъ морѣ, герои его—Дмитрій Байда (Вишневецкій), Серпяга, Свирговскій, Самойло Кужка и проч. Другой циклъ рассказываетъ подвиги козачества въ войнахъ съ Польшей, гдѣ являются на сцену Наливайко, Лобода, Полтора-Кожуха, Хмельницкій и др. Наконецъ третій циклъ составляютъ думы, относящїяся ко временамъ связей съ Россїей, съ конца 17-го столѣтїя: Выговскій, Дорошенко, Палій, Мазепа и пр. Какъ во всякій народный эпосъ, малорусская дума есть возвеличеніе событїй, въ которыхъ выразилось народное геройство: оно состояло здѣсь въ борьбѣ съ невѣрными, въ защитѣ свободы и вѣры. При всемъ поэтическомъ колоритѣ этихъ произведеній въ нихъ нѣрѣдко съ точностью можетъ быть указанъ историческій фактъ, послужившій имъ основаніемъ, извѣстное лицо, выбранное въ герои, и наконецъ общественныя отношенїя, составлявшїя подкладку подвиговъ;—все это очень трудно указать въ древнемъ эпосѣ. Поэтическая картина думы не ограничивается и безстрастнымъ, ровнымъ характеромъ стараго эпоса; она отбѣняется темнымъ меланхолическимъ чувствомъ лирической пѣсни,—черта, опять принесенная сравнительно новымъ происхожденіемъ эпоса думы. Вмѣстѣ съ тѣмъ вышнее исполненіе думы представляетъ нѣрѣдко

замѣчательныя поэтическія красоты, и это дѣлаетъ ее однимъ изъ привлекательнѣйшихъ явленій всей славянской поэзіи. Живое чувство природы даетъ думѣ множество поэтическихъ образовъ, которые выразительно представляютъ эпическій сюжетъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ собственно народная жизнь упадаетъ, малорусскій эпосъ теряетъ свою производительность. 18-е столѣтіе еще сохранило черты малорусской старины; Запорожье еще доживало послѣдніе дни и бурные подвиги прежняго времени находили отголосокъ въ удачныхъ походе-ніяхъ гайдамакъ; польскія войны припоминались въ «колявницѣ», — и малорусская дума еще свѣжо хранилась въ памяти народа: бандуристы, кобзари, лирники могли еще передавать богатый запасъ старыхъ преданій, но «послѣдніе менестрели» малорусской поэзіи, вымышленные пѣвцы не знаютъ и того, что знали ихъ учителя. Для народа наступилъ новый складъ жизни и не только исчезло народное творчество, но окончательно забываются и его старыя произведенія.

Историческій эпосъ конечно не исчерпываетъ всего поэтического богатства малорусскаго народа. Лирическія пѣсни отличаются той же поэтической свѣжестью и глубокимъ чувствомъ: кромѣ пѣсенъ личнаго, особенно женскаго чувства, малорусская поэзія представляетъ большое разнообразіе обрядныхъ и бытовыхъ пѣсенъ. Мы едва ли ошибемся въ ее характеристикѣ, если воспользуемся для этого словами Костомарова, который сравниваетъ ее съ народной поэзіей великорусскаго племени. Онъ говоритъ: «Въ своемъ стремленіи къ созданію прочнаго, ощущаемаго, осязательнаго тѣла для признанной разъ идеи, великорусское племя показывало всегда и теперь показываетъ наклонность къ матеріальному и уступаетъ южно-русскому въ духовной сторонѣ жизни, въ поэзіи, которая въ послѣднемъ развилась несравненно шире, живѣе и полнѣе. Прислушайтесь къ голосу пѣсенъ, примотритесь къ образамъ, сотвореннымъ воображеніемъ того и другаго племени, къ созданнымъ тѣмъ и другимъ народнымъ произведеніямъ слова. Я не скажу, чтобы великорусскія пѣсни лишены были поэзіи, напротивъ, въ нихъ высоко-поэтической является именно сила воли, сфера дѣятельности, именно то, что такъ необходимо для совершенія задачи, для какой опредѣлялъ себя этотъ народъ въ историческомъ теченіи политической жизни. Лучшія великорусскія пѣсни тѣ, гдѣ изображаются моменты души, собирающей свои силы, или гдѣ представляется торжество ея или неудачи, не ломающія, однако, внутренняго могущества. Оттого такъ всѣмъ нравятся пѣсни разбойничьи: разбойникъ—герой, идущій бороться и съ обстоятельствами, и съ общественнымъ порядкомъ. Разрушеніе—его стихія, но разрушеніе неизбѣжно предполагаетъ воссозданіе. Послѣднее выказывается уже и въ составленіи разбойническихъ плаекъ, которыя представляютъ нѣкотораго рода общественное тѣло. И потому да не полагается страннымъ, если мы будемъ усматривать въ разбойническихъ пѣсняхъ ту же стихію общности, то же стремленіе къ воплощенію государ-

ственного тѣла, какое находимъ во всемъ проявленіи исторической жизни великорусскаго племени. Великорусскій народъ, практическій, матеріальный по преимуществу, восходитъ до поэзіи только тогда, когда выходитъ изъ сферы тенущей жизни, надъ которою работаетъ, работаетъ не восторгаясь, не увлекаясь, прихѣриваясь болѣе къ подробностямъ, къ частностямъ, и оттого упуская изъ виду образный идеалъ, составляющій сущность поэтизированія всякаго дѣла и предмета. Оттого поэзія великорусская такъ часто стремится въ область необытнаго, выходящаго изъ границъ природной возможности, также часто испадаетъ до простой забавы и развлечения. Историческое воспоминаніе сейчасъ обращается въ эпосъ и превращается въ сказку, тогда какъ, напротивъ, въ пѣняхъ южно-русскаго племени она болѣе удерживаетъ дѣйствительности и часто не нуждается въ возведеніи этой дѣйствительности до эпоса для того, чтобы блистать силою роскошной поэзіи. Въ великорусскихъ пѣняхъ есть тоска, раздумье, но нѣтъ почти той мечтательности, которая такъ поэтически плѣняетъ насъ въ южно-русскихъ пѣняхъ.... Участіе природы слабо въ великорусскихъ пѣняхъ и чрезвычайно сильно въ нашихъ: южно-русская поэзія нераздѣльна отъ природы, она оживляетъ ее, дѣлаетъ ее участницею радости и горя человѣческой души; травы, деревья, птицы, животныя, небесныя свѣтила, утро и вечеръ, зной и сѣбъ—все дышетъ, мыслить, чувствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, все откликается къ нему чарующимъ голосомъ то участія, то надежды, то приговора. Любовное чувство, обыкновенно душа всякой народной поэзіи, рѣдко возвышается надъ матеріальностью; напротивъ въ нашихъ оно достигаетъ высочайшаго одухотворенія, чистоты, высоты побужденія и граціи образовъ. Даже матеріальная сторона любви въ шуточныхъ пѣняхъ изображается съ тою анакреонтическою граціею, которая скрадываетъ тривіальность и самую чувственность одухотворяетъ, облагораживаетъ. Женщина въ великорусскихъ пѣняхъ рѣдко возвышается до своего человѣческаго идеала; рѣдко ея красота возносится надъ матерію; рѣдко влюбленное чувство можетъ въ ней цѣнить что нибудь за предѣломъ тѣлесной формы; рѣдко высказывается доблесть и достоинство женской души. Южно-русская женщина въ поэзіи нашего народа, напротивъ, до того духовно-прекрасна, что и въ самомъ своемъ паденіи высказываетъ поэтически свою чистую натуру, и стыдится своего униженія. Въ пѣняхъ игривыхъ, шуточныхъ, рѣдко выражается противоположность натуры того и другаго племени. Въ южно-русскихъ пѣняхъ этого рода вырабатывается прелесть слова и выраженія, доходящая до истинной художественности: отдыхающая человѣческая природа не довольствуется простой забавой, но сознаетъ потребность дать ей изящную форму, не только развлекающую, но и возвышающую душу; веселіе хочетъ обнять ее стихіями прекраснаго, осветить мысль»¹²⁾.

¹²⁾ Историч. Монографія, I, 266—268. Въ его же книгѣ объ историч. значеніи русской народной поэзіи, большая доля посвящена поэміи малорусской.

3. ГАЛИЦКИЕ РУСИНЫ.

Литература Галицких Русинов¹⁾, какъ отдѣльная попытка національности, можетъ считать свое начало едва съ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтїя и она выросла изъ условїй, подобныхъ тѣмъ, какія произвели отдѣленіе словацкой литературы отъ чешской. Галицкіе Русины по характеру своей народности еще ближе къ Малоруссамъ, чѣмъ Словаки къ Чехамъ; но здѣсь отдѣленіе имѣло еще особенное основаніе въ политической принадлежности этихъ двухъ частей одного народа въ двумъ равнымъ государствамъ. Правда, здѣсь обѣ части не спорятъ о своемъ близкомъ родствѣ, напротивъ связываютъ свои историческія судьбы и народность, но за то каждая хотѣла бы считать себя центральной и главной частью народа и обѣ до сихъ поръ не могли соединить своихъ литературныхъ силъ и привести свой литературный языкъ къ одному знаменателю.

Мы уже упоминали о томъ, какіи спорнымъ предметомъ остаются древнѣйшіе южные памятники русинской письменности, которые съ одной стороны составляютъ непосредственное историческое преданье русской литературы, развившейся поздѣе на сѣверѣ и въ Москвѣ, и которые съ другой стороны считаются малорусскими патриотами за традицію, собственно-малорусскую. Галицко-русские ученые и патриоты заявили на нихъ и свои притязанія, какъ на старое достояніе своей исторїи. Несторъ, Иларїонъ, Владимїръ Мономахъ, Кирилль Туровскій, Даниль Заточникъ, Слово о Полку Игоревѣ одинаково входятъ въ ихъ историческія воспоминанія и Южная Русь является у нихъ «представительницей всего умственного развитїя по всѣмъ землямъ, называвшимся русскими» (Головацкій, Предпод., стр. 14)...

¹⁾ О галицкой исторїи, русинскомъ нарѣчїи и литературѣ см.:

—Д. Зубрицкій, Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси, до конца XV столѣтїя. Переводъ съ польскаго О. Бодяскаго. М. 1845; его же, Исторїя древняго Галицко-Русскаго Книжества, ч. 1—3. Львовъ, 1852—55 (въ русскіи);—K. Stadnicki, Synowie Gedymina, 2 t. (именно т. 2-й: Lubart, książę Wołyński. Lwów 1853);—Denkschrift der ruthenischen Nation in Galizien zur Aufklärung ihrer Verhältnisse, von der ruthenischen Hauptversammlung. Lemb. 1848 (31 Juli).—An die Russinen. Mit kurzen historisch-politischen und statistischen Notizen über die Russinen überhaupt und jene Galizien insbesondere. Von einem Russinen. Lemb. 1848;—Słów kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości, Lwów 1848;—D. Zubrzycki, Gräzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. Lemb. 1849;—Die ruthenische Frage in Galizien, beleuchtet von einem Russinen. Lemberg 1851.

—J. Lewicki, Gramm. der klein-russ. Sprache in Galizien. Lemberg 1835;—J. Wagilewicz, Gram. języka małoruskiego w Galycii, Lwów 1845;—J. Lozinski, Gram. języka Ruskiego. Przem. 1846.

—Ив. Головацкій, Историческій очеркъ основанія Галицко-русской Матичи и про Львовъ 1850;—„Зоря Галицка“ съ 1848;—„Основа“ 1862—апрѣль: Русины въ 1848 году: вѣсть. Библиографическій указатель Галицко-русинской словесности, Вл. Мелюка—Ив. Головацкій, Три вступительнїя преподаванїя о русской словесности. Львовъ 1849;—„Национальная безтактность“ въ Современникѣ 1861, № 7.

—Демко, О Карпатской Руси (въ русинской „Семейной Библиотекѣ“, 1855);—И. Сринивескій, Русь Угорская (въ Вѣсти. Геогр. Общества, Спб. 1861—52, ч. IV).

Однимъ словомъ; эта давно оторванная часть древней Руси продолжаетъ считатьъ своимъ тѣ явленія русской исторіи и литературы, когда она еще принадлежала къ цѣлому; національное самолюбіе заставляетъ ее присваивать себѣ больше, чѣмъ она могла бы по своей мѣстной исторической судьбѣ... Дальше галицкіе ученые считаютъ преданьемъ своей литературы и Литовскій Статутъ, и дѣятельность Швайпольта Фіоли въ Краковѣ и Константина Острожскаго и Скоринны, и возачество съ его подвигами и поэзіей.

До какой степени Галицкая Русь можетъ имѣть притязанія на эти факты, можетъ считатьъ ихъ своей стариной, это можетъ быть опредѣлено историческими отношеніями ея мѣстной національности. Сущность этихъ отношеній состояла въ томъ, что Галицкая Русь составляла нѣкогда часть древней федераціи русскихъ княжествъ; сначала эта часть Руси была тѣсно связана съ цѣлымъ одними общими условіями политическаго быта и національнаго характера, потомъ стала отдѣляться отъ него подъ вліяніемъ иноземныхъ сосѣдей, и складываться въ особую политическую область. Этотъ періодъ Галицкой автономіи былъ непродолжителенъ. Татарскія нашествія подорвали силу всей южной Руси и съ половины 14-го столѣтія Галицкая Русь терять свою независимость и дѣлать судьбу Польши и Литвы въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ до паденія Польши.

Вліяніе польскаго господства обнаружилось постепеннымъ и наконецъ крайнимъ упадкомъ русской народности, — что впрочемъ было весьма естественно. Высшіе классы, русинское боярство, принимали польское образованіе, обычаи, языкъ, и наконецъ отрывались окончательно отъ народной массы. Русинская народность осталась за народнымъ большинствомъ, которое болѣе и болѣе теряло свои права; какъ бываетъ обыкновенно съ подчиненными народностями, русская народность была презираема и, стѣсненная въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ, лишена была возможности развитія. Православные элементы ослаблены унией; крѣпостное право завершило упадокъ народности.

Въ этомъ положеніи Галицкая Русь находилась до самаго раздѣленія Польши. Галиція съ 1772 года отдѣлена была къ Австріи. Матеріальный бытъ улучшился съ этого времени, но положеніе народности оставалось то же самое: Поляки хотѣли вознаграждать потерю политической независимости расширеніемъ своей народной области на счетъ русинскаго населенія, и конечно значительно успѣвали въ этомъ, потому что имѣли на своей сторонѣ и прежній авторитетъ, и матеріальную силу, и средства образованія. Австрійское правительство не имѣло причинъ защищать Русиновъ и различало ихъ отъ Поляковъ только тогда, когда это оказывалось нужнымъ по его политическимъ соображеніямъ. Исключеніемъ было только время Іосифа II. Его правительство и здѣсь было временемъ пробужденія народнаго сознанія. Выполнивъ свои гуманные планы, Іосифъ II облегчилъ участь крестьянскаго русинскаго населенія; помѣщичьи права были ограничены, приняты

были ищры для развитія промышленной дѣятельности, и наконецъ Іосифъ II желалъ поднять и народное образованіе, которое должно было помочь народному благосостоянію. Это самымъ благоприятнымъ образомъ поддѣйствовало на Русиновъ и снова открыло имъ возможность известнаго національнаго сознанія. Іосифъ требовалъ, чтобы духовенство — наиболее влиятельный классъ у Русиновъ — учило и проповѣдывало на народномъ языкѣ; русинскій языкъ вошелъ въ семинарію и университетъ (во Львовѣ). Къ этому времени относится первое литературное сближеніе Галичанъ съ Россіей. Возрожденіе національнаго сознанія сопровождалось непосредственно желаніемъ собрать свои историческія воспоминанія и возстановить свое національное родство. Русская литература нашла въ первый разъ известный пріемъ въ Галиціи; галицкіе патриоты, за недостаткомъ своихъ книгъ, обращались къ русскимъ книгамъ и сами пробовали писать по русски. Конечно, это ограничилось весьма немногимъ... Да и дальѣйшее время, послѣ Іосифа II, было опять неблагопріятно для русинской народности, которая снова очутилась въ своемъ прежнемъ безпомощномъ состояніи.

Затѣмъ иѣкоторое движеніе начинаетъ обнаруживаться опять въ тридцатыхъ годахъ. Въ Галицкой Руси съ одной стороны находятъ отголосокъ стремленія западнаго и московскаго панславизма, говорившаго о возстаніи славянскаго племени къ новой жизни и торжествѣ его надъ національными врагами; съ другой стороны отражается здѣсь вліяніе малорусскаго движенія на Украинѣ, которое уже самымъ дѣломъ давало образцы новой литературы въ національномъ духѣ. При близкомъ родствѣ или даже единствѣ этихъ двухъ малорусскихъ народностей, украинская литература могла оказать самое непосредственное дѣйствіе... Галицко-русинская литература, по сознанію самихъ Галичанъ, начавшая развиваться «раздѣльно одѣ Украинны, безъ всякаго сообщенія, подѣ иными вліяніями», считала однако эту украинскую литературу своею и конечно должна была считать. Изученіе малорусской народности находить своихъ ревностныхъ любителей и въ Галиціи, хотя ихъ было очень мало; къ этому времени относятся труды Маркіана Шашкевича (1811 — 43), Устіяновича, І. Левичаго. Г. С. Илькевича (+1841) и др., — первыя попытки изучить народный языкъ и дать доступное чтеніе русинскимъ читателямъ. Но самое дѣятельное время начинается для галицкой литературы съ 1848 года.

Мы не будемъ рассказывать подробностей политическаго и національнаго движенія, происшедшаго тогда въ Галицкой Руси. Достаточно сказать, что Галичане съ великимъ восторгомъ приняли конституцію, обѣщавшую имъ національную равноправность съ Поляками, которые еще оставались по прежнему гнетущимъ высшимъ классомъ населенія, и представительство на сеймѣ, которое могло указывать и защищать права Русиновъ. Непосредственно послѣ объявленія конституціи Русины собрали во Львовѣ «головную раду» т. е. главный совѣтъ, который долженъ былъ опредѣлить желанія и охранять свободу народа. Программа его говорила слѣдующее:

„Чувством народности напоєни, и въ томъ намѣренію собралисьмы, мы Русини, котрымъ добро и щастье народу на сердца, и будемъ дѣлать въ способъ наступающій:

а) Первымъ заданьемъ нашимъ буде захвати вѣру и поставити на ровни обрядокъ нашъ и права церкви и священниковъ нашихъ съ правами другихъ обрядковъ.

б) Розвивати и взносити народность нашу во всѣхъ ея частехъ: выдосконалюємъ языкъ нашего, запровождєнемъ его въ школахъ явизшихъ и выжшихъ, выдаваемъ писемъ часовыхъ, утримованьемъ кореспонденцій съ письменными такъ нашими, якъ инними до щєву славянського належачими, розширєнемъ добрыхъ и ужиточныхъ книжокъ въ изидї рускомъ, и усильнымъ стараньемъ впровадити и на ровни поставити языкъ нашъ зъ инними въ урядкахъ публичныхъ и т. д.

в) Будемъ чувати надъ нашими правами конституційными, розпознавати потреби народу нашего и поправлєни быту нашего на дорозї конституційной шукати, а права наши одъ всякой налєсти и оскорблєнїи стали и сильне хоронити.

О томъ-то всемъ васъ, брати Русини, свѣдомихъ чинимъ, и упоминаемъ, абьстаткѣ, якъ доси, незлому въру заховали нашому найяснїйшому цесарєви и королеви конституційному Фердинанду I, въ томъ силномъ переконаню, що подь можнимъ аступлєнемъ Австрїи права наши и народность наша укрѣпится и сили свои розвинути можуть²⁾.

Русины стали открытыми поборниками правительства, отъ котораго для своей народности ждали всѣхъ благъ, и главнымъ образомъ избавленія отъ гнета и притязаній со стороны польской народности. Поляки отнеслись враждебно къ русинскому движенію, которое противорѣчило ихъ собственнымъ политическимъ планамъ, и положеніе Русиновъ было весьма затруднительно. Старая вражда народностей обнаружилась снова: событія опять раздѣлили ихъ на два противоположные лагеря. Поляки винили Русиновъ въ служеніи австрійскимъ и клерикальнымъ интересамъ, что не было конечно несправедливо; защитники Русиновъ видятъ въ ихъ способѣ дѣйствій вѣрное пониманіе своего интереса и истинную любовь къ роднѣ и свободѣ. Какъ бы то ни было, Русины, какъ Словаки, изъ чувства самосохраненія защищая Австрію, оказали ей существенную услугу и мало сдѣлали для себя: реакція упала на нихъ точно такъ же, какъ и на враговъ габсбургской имперїи.

Объявленіе конституцій, давшее свободу національнымъ стремленіямъ Русиновъ, открыло дорогу и русинской литературѣ. Въ ней вдругъ оказалась, хотя мишятурная, но живая дѣятельность, элементы которой подготовлены были указанными выше обстоятельствами. Какъ только открылась «головная рада», основана была въ 1848 Галицко-русская *Матица*, которая вскорѣ начала свои изданія. Но положеніе дѣла было такъ безпомощно, что «соборъ ученыхъ русскихъ и любителей народнаго просвѣщенія», собравшійся во Львовѣ для учрежденія Матицы, буквально долженъ былъ начать—съ азбуки: съ опредѣленія правописанія, печатнаго шрифта и литературнаго языка. Въ то же время, когда шелъ политическій вопросъ о правахъ русинской народности, ученое общество разбирало вопросъ о грамматикѣ и языкѣ, потому что одни предлагали одно правописаніе, другіе—другое, одни хотѣли писать по церковно-славянски, другіе хотѣли чисто народнаго и т. д. Постановленія ученаго сѣзда трактуютъ о раздѣленіи

²⁾ Основа 1862, апрѣль, стр. 45, прим.

гласныхъ и согласныхъ, объ удареніяхъ и окончаніяхъ. Съѣздъ постановилъ наконецъ учрежденіе Матицы, которая должна была «различнѣмъ добри и ужиточнѣмъ руския книги печатати и оныя рускому народови по найменшой цѣвѣ подавати».

Такъ началась русинская литература. По одной довольно отчетливой библиографіи этой литературы, съ 1837 до 1862 вышло до 250 галицко-русинскихъ книгъ—большую часть ихъ составляютъ маленькія брошюрки, буквари, грамматики, дѣтскія книжки, «набожныя пѣсни», поздравительныя и другія торжественныя стихотворенія. Гораздо меньшая доля представляетъ нѣсколько серьезный интересъ: мы постараемся указать болѣе любопытное. Цифра книгъ въ упомянутой библиографіи можетъ быть не полна, но она даетъ все-таки понятіе объ объемѣ этой литературы.

Непосредственно послѣ объявленія конституціи, основанъ былъ журналъ «Зоря Галицка» (1848—1857; въ 1860 въ видѣ альманаха) — важнѣйшій изъ галицкихъ журналовъ, посвященный галицкой старинѣ, исторіи, литературѣ и защитѣ народныхъ интересовъ и выходившій подъ разными редакціями, между прочимъ Гушалевица, Дѣдицкаго и Савчинскаго. «Зоря Галицка» была выраженіемъ общественнаго мнѣнія русинской Галиціи и включаетъ много матеріаловъ для изученія русинскихъ дѣлъ и національнаго движенія. Кромѣ того издавались: «Семейная бібліотека» С. Г. Шеховича (1855—56), которая знакомила своихъ читателей съ галицкой исторіей и также русской литературой; «Галицкій историческій Сборникъ», издававшійся галицкой Матицей (1854—60, 3 вып.); «Отечественный Сборникъ» В. Зборовскаго; альманахъ «Перемышлянинъ» и нѣк. друг. Почти все эти изданія главнымъ образомъ посвящены были изученію галицкой народности, старой и новой исторіи, другихъ славянскихъ литературъ, и особенно русской и малороссійской. Галицкіе издатели перепечатавали повѣсти Основьяненка, «Мичмана Поцѣлуева», «Солдата Перфильева», стихотвореніи Хомякова и т. п. Тѣмъ въ сущности и ограничивалось ихъ знаніе русской литературы.

Собственная дѣятельность галицко-русинскихъ писателей была посвящена исключительно своей народности: они защищали ея права во время революціи, изучали исторію и народный бытъ, старались установить литературный языкъ и грамматику, писали элементарныя книжки и стихотворенія въ «набожномъ» или по старинному торжественномъ вкусѣ. Значеніе ихъ исключительно и узко мѣстное. До 1848 русинская книжка была большой рѣдкостью, и едва ли не одна *Русалка Днѣстровая* (Пестъ, 1837), изданная нѣсколькими молодыми русинскими любителями, да еще «Галиціи приповѣдки и загадки», собранныя Григ. Илькевичемъ (Вѣна, 1841), помнятся еще изъ книжекъ прежняго времени. Мы назовемъ болѣе извѣстныхъ новыхъ писателей. Я. О. Головацкій, профессоръ русской словесности во львовскомъ университетѣ и болѣе дѣятельный изъ галицкихъ писателей и патриотовъ, издалъ «Граматику Руского языка»,

Львовъ 1849; «Три вступит. преподаванія о русской словесности», 1849; «Розправу о измѣѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ», 1849; «Историческій очеркъ основанія Галицко-Русской Матицѣ», 1850; «Очеркъ старо-славянскаго баснословія», 1860; «Начало и дѣйствованіе львовскаго ставропигійскаго братства», 1860, и проч. и наконецъ обширный сборникъ галицкихъ пѣсенъ, издаваемый г. Боданскимъ въ Читеніяхъ Моск. Общества (1863—64). Другой Головацкій, Иванъ, издавалъ «Вѣнокъ Русинамъ на обшники» (Вѣна, 1846—47, 2 ч.) и «Пѣніе радостнаго Голоса Государю Николаю Павловичу, императору *всехъ Руси*» (1845, изд. 1848). Первую русинскую грамматику составилъ Іосифъ Левицкій (1801—1860), издавшій также нѣсколько другихъ элементарныхъ книжекъ и затѣмъ «Баллады Шиллера» (Перемышль, 1839—44). Ник. Устіяновичу принадлежатъ изданіе «Галиче-рускаго Вѣстника» 1849, и «Позанъ» (ч. 1, Львовъ, 1860). Иванъ Гушалевиць издавалъ въ 1849 во Львовѣ «Новины» и въ 1851 «Зорю Галицкую», въ 1861 нанечатавъ сборникъ своихъ стихотвореній («Позанъ» I. Г., Львовъ, ч. 1). Богданъ Дѣдлицкій, авторъ поэмъ «Кониюшій» (1853) и «Буй-Туръ Всеволодъ, князь Курскій» (1860), вообще плодотворный поставщикъ стихотвореній на торжественные случаи, написалъ также разсужденіе «О неудобности латинской азбуки въ письменности русской» (Вѣна, 1859) и «Споръ о русскую азбуку» (Львовъ, 1859) и разными журнальными статьями. Игнатій Галько описывалъ «Народными звичаями и обряды зъ-надъ Збруча» (2 ч., Львовъ, 1861—62). Духовными сочиненіями и проповѣдями навѣстны М. Малиновскій, Мв. Гушалевиць, Гр. Гидилевичъ, Ст. Мустиновичъ, А. Радолинскій и проч.

Русинская литература и въ настоящее время еще не установилась вполнѣ ни относительно литературныхъ формъ и языка, ни азбуки. Вопросъ объ азбукѣ представляетъ еще возможность для споровъ, въ которые замѣшывается національнѣйшій интересъ и даже политическая интрига. Съ 1848 года русинскіе писатели-патріоты пользаются исключительно кирилловской азбукой церковнаго и гражданскаго шрифта. Прежде, до 1848 года, въ русинскихъ книгахъ, которыя были тогда рѣдкостью, показывалась и латинская азбука польскаго правописанія, — такъ употребляли ее напр. Тимоѣя Подура, Вацлавъ изъ Олеска, Вагилевичъ, Лозинскій и даже І. Левицкій. Но съ 1848, вмѣстѣ съ разгаромъ національныхъ стремленій вошла окончательно и національная азбука — Лозинскій, Левицкій, Вагилевичъ возвратились къ ней, — польская азбука была оставлена и потеряла кредитъ, потому что до известной степени обижала читателя и съ чисто-польской книгой въ ущербъ національному интересу азбуки. Въ послѣдніе годы польская азбука начала появляться снова, и, какъ говорятъ, это событіе не лишено было политическаго оттѣнка. Не смотри на установившееся съ 1848 года употребленіе кирилловской азбуки, которое служило «доказательствомъ потребъ и общей воли народа» по словамъ русинскихъ патріотовъ, нѣкто Левъ Венглинскій издавалъ польскимъ правописаніемъ цѣлую книгу:

«Nowy rzezyi szalotaskii» (3 ч., Львовъ и Перемышль, 1859), по словамъ его, «на чистомъ языкѣ Червоно-русиновъ»: эта книга въ глазахъ русинскихъ патриотовъ была цѣлой анти-національной программой и Дѣяціей считъ нужнымъ формальное опроверженіе въ упомянутой нами книжкѣ «О неуждобности латинской азбуки»... Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ теперь подробностей этого національнаго спора объ азбуку.

Новая австрійская конституція и послѣднія событія вызвали новую дѣятельность русинской литературы. Новымъ органомъ галицкаго патриотизма явилось львовское «Слово», которое и теперь руководилось тѣми же принципами, какіихъ держались Русины во времена австрійской революціи. Приверженность къ австрійскому «отечеству» продолжаетъ прискорбнымъ образомъ запутывать ихъ патриотическія стремленія.

Размѣры галицкой литературы весьма не велики, уровень ея также очень не великъ—въ суммѣ она ограничивается элементарными книжками, первыми попытками изученія народности, языка, исторіи; ея панславянское знаніе литературы родственныхъ племенъ, напр. относительно Русскихъ ограничивается, какъ мы уже замѣчали, переиздаткой Основьяненка. Дая, Майкова и другихъ писателей той же силы; литературные вкусы стоятъ еще на Клауренѣ и торжественныхъ одахъ. Но при всемъ томъ, представители этой литературы питаютъ широкія ожиданія, которыя раздулъ проникшіи въ нихъ панславизмъ. Они прилагаютъ къ своему народу панславянскіе принципы, ссылаются на Шафарика и вмѣстѣ съ нимъ на Шевырева, и надѣются не только избавленія отъ всѣхъ золъ, но и блестящаго будущаго. Головацкій заключаетъ свои вступительныя лекціи о русинской словесности слѣдующимъ образомъ:

«Галицкіи Русине, якъ нынѣ видятъ ся, мають презначеньє, въ кружѣ сѣмленныхъ словянскихъ народѣвъ розвинути свою родиму словесность, свое питомє житє, поповнити тую розгрань, яка мѣже Словянами безъ нилє появляє ся, впливати на образованє иньшодѣвъ своего племени и переносити европейске просвѣщеніє тихихъ розвоєжъ на весь южно-русскій народъ». Жаль только, что Русины еще плохо исполняютъ эту программу и что ихъ передовые политики не разберутъ пока и своихъ собственныхъ національныхъ отношеній³⁾.

Съ національнымъ движеніемъ соединилооь въ Галиціи, какъ я вездѣ въ славянскихъ земляхъ, стремленіе къ изученію народности, народной мовѣи, старины и предавій. Начинается прилежное собраніє народныхъ пѣсенъ. Первымъ такимъ собирателемъ былъ для Галиціи извѣстный славянский археологъ Зоріанъ Долегла-Ходаковскій, который еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія предвидѣлъ много вопросовъ, занимавшихъ потомъ важное мѣсто въ

³⁾ Это до известной степени указано въ статьѣ о «Національной бездѣятельности».

славянської національної археологін; онъ между прочимъ обратилъ вниманіе польскихъ ученыхъ и на важность изученія народныхъ пѣсенъ польскихъ и русинскихъ, и собиралъ ихъ, хотя впрочемъ и не успѣлъ издать своего сборника. По его примѣру начинаютъ составляться другіе сборники русинскихъ пѣсенъ, и образчики ихъ вошли въ собранія Чельковскаго и Максимовича. Затѣмъ первое обширное собраніе русинскихъ пѣсенъ, долго оставшееся лучшимъ, издалъ Вацлавъ изъ Олеска (*Pieśni Polskie i Ruskie ludu galicyjskiego*, полож. на музыку Б. Липинскимъ, Львовъ, 1833). Своей латинской азбукой изданіе Вацлава изъ Олеска не понравилось Русинамъ, но тѣмъ не менѣе оно произвело свое впечатлѣніе въ Галицію, потому что сборникъ открывалъ въ первый разъ все богатство народнаго творчества, ястившее и помогавшее національному чувству. Далѣе, до 50-ти пѣсенъ напечатано было въ упомянутой нами «Русалиѣ Дибстровой». Затѣмъ явилось новое обширное изданіе пѣсенъ, которое приготовилъ Жегота Паули (*Pieśni ludu Ruskiego w Galicji*, 2 т., Львовъ, 1839—40); числомъ пѣсенъ это изданіе превышаетъ даже книгу Вацлава изъ Олеска, но далеко не можетъ равняться съ нимъ достоинствомъ редакціи, потому что Жегота Паули бралъ свои пѣсни изъ готовыхъ собраній, не довольно критически обращался съ своими источниками и даже иногда приписывалъ Русинамъ такіа вещи, которыя имъ вовсе не принадлежать. Въ упомянутыхъ выше «Народныхъ звычайяхъ» И. Галла (Львовъ, 1860) помѣщены пѣсни свадебныя, «ганьки», которыя поются при играхъ и проч. Сборникъ Илькевича мы уже назвали выше, Кромѣ того, многіе другіе изъ галицкихъ писателей и патриотовъ, — напр. І. Лозинскій, М. Шанкевичъ, Мв. Вагилевичъ, Яв. Бѣрецкій, Яв. Гушалаевичъ, — также собирали пѣсни, печатали ихъ въ журналахъ, альманахахъ, передавали въ другія собранія и проч. Изъ Угорской Руси нѣсколько пѣсенъ напечатавъ священникъ Михайлъ Лучкай въ своей «Grammatica Slavo-Ruthena» (Шестъ, 1830), затѣмъ г. Срезневскій и др. Новѣйшій, наиболѣе обширный и замѣчательный сборникъ русинскихъ пѣсенъ составленъ былъ названнымъ выше Яв. Головацкимъ. Это — «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собраніе, оставленное Я. Ө. Головацкимъ, и изданное О. М. Бодянокичъ» (въ «Чтеніяхъ», 1863—64).

Что касается до положенія русинской пѣсни въ народѣ, эти пѣсни, какъ мы видѣли, долго жили только памятью народа и только въ новѣйшее время нашими оными собирателями. При всемъ томъ, хотя забытыя теперь образованнымъ обществомъ, онѣ сохранились цѣлой обширной массой. Какъ и вездѣ, гдѣ народная пѣсня не была закрѣплена въ древности письменными памятниками, мы видимъ въ современной русинской пѣснѣ произведеніе весьма разнородное, иногда весьма древнее и даже языческое по основѣ, но сильно перелѣзанное подъ вліяніемъ христіанства и позднѣйшей исторической жизни, иногда новое, создавшееся подъ новыми условіями народнаго быта. Нѣкоторые русинскія пѣсни, напр. обрядныя, напо-

минають о древнѣйшей немецкой старинѣ, какая рѣдко можетъ быть указана въ пѣсняхъ другихъ славянскихъ племенъ; именно космогоническія представленія карпатскихъ колядокъ имѣютъ несомнѣнный интересъ для славянской языческой мѣологіи. Но затѣмъ русинская пѣсня подверглась общему историческому процессу, потерѣ древнихъ подробностей содержанія и древней формы, и появленію новыхъ.

Въ литературной исторіи онѣ не имѣли никакого значенія. Когда образованный классъ принялъ наконецъ и чужую литературу, онѣ не могли найти мѣста въ книгѣ и дать содержаніе литературной поэзіи. Тѣмъ не менѣе народная поэзія Русинновъ еще сохраняла свою жизненность въ народѣ и имѣла свою прелесть даже для тѣхъ, кто оставилъ самую русинскую народность для польской. Головацкій такъ характеризуетъ это прежнее и нынѣшнее отношеніе русинской пѣсни:

«Собраніемъ пѣсенъ до новѣйшаго времени никто не занимался, хоти въ пѣсенникахъ набожныхъ иногда попадаются и пѣсни прѣстонародныя свѣтскія. Впрочемъ, сборниковъ такихъ не встрѣчается старше 17-го вѣка, и то на языкѣ славяно-польско-русскомъ. Не смотря на отсутствіе всякой творческой искры въ этихъ виршахъ, онѣ переходили изъ рукъ въ руки, благодаря охотѣ до пѣсенъ и пѣнія. Въ тѣ времена все пѣло, или слушало пѣніе. Самые вельможные, не смотря на извѣстную народу и вѣрѣ его, охотно держали у себя бандуристовъ, которые распѣвали козацкія думы, думки и разныя пѣсни. Съ этими-то южно-русскими господами перешли и въ Галицкую Русь многія былевые и бытовыя пѣсни изъ Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, освѣжающія и поддерживающія доселѣ народный духъ Червоно-руссовъ. Самое духовенство русское, какъ извѣстно, благопріятствовало и благопріятствуетъ пѣсенности своего народа, чѣмъ, по признанію даже польскихъ писателей, превосходитъ оно духовенство польское и вообще католическое.... Дьячки, дѣти священниковъ и вообще причта церковнаго, ихъ учни, всегда были и есть большіе охотники къ пѣнію, пѣли и поють, сколько собственныхъ стиходѣлан, столько же и пѣсни народнаго творчества. По крайней мѣрѣ еще въ недавнее время не обходилось на одво пиршество у духовныхъ и свѣтскихъ, горожанъ, чиновниковъ, дворянъ, безъ русскихъ пѣсенъ; да и вообще по вечерамъ города и села представляли собой, особливо въ лѣтнее время, какъ бы одинъ огромный хоръ пѣнцовъ и пѣнницъ: все пѣло и распѣвало. Говорю, пѣло и распѣвало, потому что въ нынѣшнее время каждый, кто только сколько нибудь помазася школою, скорѣе затянетъ какую ни есть арію изъ оперы, или куплетъ водевилльннй, чѣмъ русскую пѣсню, либо же молчитъ, словно Нѣмецъ; разумѣется, excoertis excoipiendis, особливо что касается до простаго народа. Здѣсь все еще, слава Богу, по старинѣ: нравы, обычаи, обряды, преданія, вѣрованія и пѣсенность не выводятся, и не выведутся, пока Русь останется Русью, кто бы что тамъ ни говорилъ и ни дѣлалъ. Не напрасно же целокопные сосѣди наши, Поляни, называютъ насъ «упрямой Русью» (uparta Rus). Да и

зною молодежь обою пола поеть на своихъ «вечорнящихъ и досвѣткахъ» (посидѣлкахъ), при забавахъ, играхъ, праздникахъ, самыхъ работахъ, не говоря уже объ обрядахъ, особливо свадебныхъ. Въ особенности женщины строго смотрять, чтобы на нихъ все было «по старовинѣ, якъ съ давныхъ давень бувало», чтобы «то, що не за насъ настало, — какъ говорятъ онѣ, — не черезъ насъ и перестало». Даже тамъ, гдѣ смѣшанное населеніе, Русскіе и Ляхи, послѣдніе на свадьбахъ весьма часто поють пѣсни русскія, приглашаютъ нарочно ихъ спѣвакъ (пѣвцовъ и пѣвицъ), не только для пѣнья, но и чтобъ показали и научили ихъ, какъ это тамъ водится у Руси, какъ Русь, напримѣръ, отправляетъ «закладчину хаты», справляетъ «веселье» (свадьбу); нерѣдко, брошѣ своего ксѣндза, приглашаютъ и попа, чтобы онъ «и хату посвятить, и назахду одправитъ, и душъ помершихъ помянуть» и т. д.

Ходаковскій приписываетъ русскому галицкому духовенству большую заслугу въ сохраненіи народности, и замѣчаетъ, что русскія мѣстности въ Галиціи вообще несравненно больше сберегли старыхъ преданій, откуда онъ и научился имъ. Вліяніе малорусскихъ бандуристовъ произвело любопытный фактъ присвоенія чужаго, хотя и родственнаго зноса, — перенесеніемъ въ Галицкую Русь пѣсенъ Руси Днѣпровской.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЧЕШСКОЕ ПЛЕМЯ.

Въ чешской литературѣ ¹⁾ мы въ первый разъ встрѣчаемся съ дѣйственнымъ и блестящимъ внимательствомъ славянскаго племени въ судьбы европейской цивилизаціи. Этотъ интересъ ея такимъ образомъ высказы-

¹⁾ Общія сочиненія: Палацкій, Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě (до конца 15-го в.), v Praze 1848 — 60, 6 т. (Есть и немецкое изд.); — V. Томек, Dějiny království českého, Praga 1850; — Sommer, Das Königreich Böhmen etc. Prag 1833 — 34, 12 т.; — Chojeckí, Czechia i Czechowie, Berlin 1847, 2 т.; — Čechy, země a národ (изд. «Науч. Словн.» Ригера), v Praze 1863; — Jireček, Slovanské právo v Čechách a na Moravě, v Praze 1863 — 64; — J. Jungmann, Historie literatury české aneb soustavný přehled spisů českých s krátkou historií národu, osvícení a jazyka, v Praze 1825, 2-е изд. 1849; — Al. Šembera, Dějiny řeči literatury československé. Věk starší, Věna 1858, 2-е изд. 1859. Věk novější, Věna 1861 (вып. 1); — Sabina, Dějepis literatury české, 9 вып., Praga 1860 — 64.

По языку в старинт: Er. Wocel, Böhmisches Alterthumskunde, 1845; — I. Добровский, Lehrgebäude der böhm. Sprache, Prag 1819; Gesch. der böhm. Sprache und ältern Literatur, Prag 1818; — Vybor z literatury české, т. 1-й, до 15 вѣка, изд. Шафарикомъ Прага 1845; т. 2-й, со времени Гуса, изд. Эрбеномъ, 3 вып., 1857 — 64 (при первомъ томѣ — I. Шафарикъ, Počátkové staročeské mlávnice, 1845); — V. Zikmund, Skladba jazyka českého, v Litomyšli a v Praze 1863; — Словари Гордана, Копечнаго Шумавскаго, но особенно I Юнгманна, Slovník česko-německý, Praga, 1835 — 1839, 5 т. (Челяковскій, Dodavky do slovní. Jungm. Praga, 1851); — Шафарикъ и Палацкій, Die ältesten Denkmäler der böhm. Sprache: Libuša's gericht, Evang. Joannis etc. Prag 1840; — I. Шафарикъ, Die Königinhofer Handschr. (предисл. къ Gedichte aus Böhmens Vorzeit, гр. Туна, Prag 1845); — V. Nebeský, Královský rukopis, Pr. 1853; — Ганка, изданія Реймск. сангелія; глагол. отрывковъ; Далмиллой Хроникъ; Краледворской рукописи: ео же Starobylá Skládanie, v. Pr. 1817 — 24, 7 вып.; — Jireček, J. und Heim., Die Echtheit der Königinh. Handchr., Prag 1862; — Палацкій, Würdigung der alten böhm. Geschichtsschreiber, Prag 1830; Archiv český, v. Pr. 1840 — 46, 4 т.; — Саорисъ Českého Museum, изд. съ 1827, представляеть много исследований о чешской и друг. слав. литературахъ; — Feifalik, Untersuchungen über die althöhmische Vers- und Reimkunst (съ Sitzungs-b. вѣнской акад. 1859); — Rozbor staročeské literatury, v Pr. 1842; — W. Wattenbach, Die slavische Liturgie in Böhmen und die altrussische Legende von heiligen Wenzel. Breslau 1857; — J. Hanuš, Die lateinisch-böhmische Osterspiele des 14 — 15 Jahrh. Prag. 1863.

О Морави: Pilar et Moravetz, Moraviae historia, Brun. 1785 — 87, 3 т.; — G. bhardi, Geschichte des Reichs Mähren, Halle 1797.

еть чужой наблюдатель—известная американская писательница о Славянахъ, г-жа Тальви: «Изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, одно чешское нарѣчіе и его литература могутъ возбудить болѣе общій интересъ въ сердцахъ читателей. Не столько впрочемъ своимъ характеромъ, въ которомъ оно мало отличается отъ другихъ славянскихъ нарѣчій, сколько тѣми замѣчательными обстоятельствами, которыя, во мракѣ выродившагося романизма, сдѣлали чешскій языкъ—за исключеніемъ голоса Виллефа—первымъ органомъ истины. Вліяніе Виллефа, какъ впрочемъ оно ни было велико и рѣшительно, тѣмъ не менѣе ограничивалось богословами и писателями того времени; его голосъ не нашелъ того отвѣтнаго отклика въ простомъ народѣ, который одинъ можетъ дать жизнь отвлеченнымъ ученіямъ. Въ Чехіи въ первый разъ эта искра блеснула живымъ пламенемъ, которое черезъ сто лѣтъ распространило освѣщающій огонь по всей Европѣ. Имена Гуса и Иеронима Пражскаго не могутъ погибнуть никогда, хотя меньшій успѣхъ сдѣлалъ ихъ менѣе известными чѣмъ имена Лютера и Меланхтона. Ни на одномъ языкѣ въ мірѣ Бибія не была изучаема съ большей ревностью и благочестіемъ; ни одинъ народъ не былъ такъ готовъ запечатлѣть своею кровью свои права на слово Бога. Долгая борьба Чеховъ за свободу совѣсти и ихъ окончателное паденіе представляютъ одну изъ самыхъ поражающихъ трагедій, какія только можно найти въ человѣческой исторіи. Эти слова совершенно справедливы. Но и кромя того широкаго всемірно-историческаго интереса, который заставляетъ сосредоточивать всю важность чешской литературы на эпохѣ Гуса и гусситовъ, для насъ имѣетъ большую занимательность и предыдущій періодъ, бывшій приготовленіемъ гусситской трагедіи. И здѣсь чешская литература выходитъ изъ ряда другихъ славянскихъ литературъ блестящимъ поэтическимъ развитіемъ: правда, оно оставило не много памятниковъ, но эти памятники отличаются замѣчательными достоинствами. Наконецъ и въ повомъ движеніи южныхъ и западныхъ славянскихъ литературъ, ознаменовавшемъ конецъ прошлаго и нынѣшнее столѣтіе, чешская литература шла впереди, какъ образецъ и руководство.

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ изложенію самыхъ фактовъ этой любопытной литературы, мы припомнимъ главнѣйшія черты чешской исторіи, которыя объясняютъ и самое положеніе литературы въ ея разные періоды. Не оставаясь на баснословныхъ временахъ Боіевъ и Маркоманновъ, первыхъ обитателей чешской земли, мы скажемъ только, что Чехи и соплеменники ихъ Мораване являются несомнѣнно на своихъ нынѣшнихъ мѣстахъ съ 5—6-го столѣтія, послѣ гуннскаго нашествія. Преданіе рассказываетъ о предводителѣ ихъ Чехѣ, рассказываетъ потомъ о младшемъ Крохѣ и дочери его княжѣ Любушѣ, которая выбрала себѣ мужемъ простаго поселенца Премысла, родоначальника княжеской и королевской династіи Премысловцевъ. Христіанство появляется у Чеховъ и Мораванъ еще съ первой половины 9-го столѣтія: въ 836 г. въ Нитрѣ была освящена христіанская церковь, въ 845 четырнадцать чешскихъ павовъ уже крести-

лись въ Регенсбургѣ, но настоящее введеніе христіанства начинается только съ призванія Кирилла и Меодія княземъ Ростиславомъ моравскимъ, который хотѣлъ этимъ освободиться отъ церковнаго вліянія Нѣмцевъ; въ 873—874 чешскій князь Боривой крестился также у св. Меодія. Такимъ образомъ въ Чехіи и на Моравѣ господствовали два обряда: византійско-славянскій и нѣмецко-латинскій; но первый не былъ достаточно силенъ уже по одной отдаленности отъ Византіи, а паденіе Моравскаго царства въ Панноніи, разрушеннаго Венграми, дало окончательный перевѣсъ нѣмецко-латинскому элементу. Въ то же время Чехія подпала съ 10-го вѣка феодальной зависимости отъ нѣмецкихъ императоровъ и съ тѣхъ поръ вѣшательство нѣмецкаго элемента становится въ Чехіи постояннымъ. Борьба съ нимъ и защита національныхъ началъ дѣлается однимъ изъ существенныхъ вопросовъ всей чешской исторіи. Мы увидимъ въ чемъ состояли подробности этого вопроса. Преобладаніе латинской церкви кончилось совершеннымъ упадкомъ славянскаго богослуженія и кирилловской письменности въ Чехіи: Сазавскій монастырь въ 1096 г. сдѣлался окончательно латинскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе 12-го и 13-го столѣтій начинаются и другіе признаки нѣмецкаго вліянія. До 1126 года (Собѣславъ I) придворные и земскіе порядки удерживали вполнѣ славянскій характеръ. Полная побѣда латинскаго духовенства была уже первымъ началомъ обнѣмеченія: чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ чешскомъ обществѣ является стремленіе ввести тѣ привилегіи и исключительныя права (иммунитеты), которыя составляли характеристическую черту нѣмецкаго феодализма, и отъ духовенства, руководившагося въ этомъ случаѣ обыкновеннымъ духомъ касты и властолюбіемъ, это стремленіе переходитъ и въ владѣльческому сословію. Политическія связи съ Нѣмцами, участіе въ престовыхъ походахъ и нѣмецкихъ феодальныхъ войнахъ, еще болѣе усиливали вліяніе нѣмецкихъ нравовъ и политическихъ учрежденій: король Вацлавъ I (1230 — 53) былъ уже сознательнымъ германизаторомъ своей страны, но крайней мѣрѣ искренно былъ преданъ нѣмецкимъ нравамъ. Король и дворъ приняли не только нравы и обычаи, но даже нѣмецкій языкъ и литературу; сильнѣйшіе паны перенимали вкусы двора и уже начали давать нѣмецкія имена своимъ замкамъ; привилегіи и иммунитеты въ нѣмецкомъ смыслѣ стали щедро раздаваться не только дворянамъ, но и городамъ; города устроивались на нѣмецкій ладъ не только для переселявшихся въ Чехію и Моравію Нѣмцевъ, но и для туземнаго населенія.

Тѣмъ не менѣе въ періодъ до 1253 г. въ Чехіи все еще преобладали славянскіе порядки. Съ этой поры, со вступленіи на престолъ Премысла Отакара II, въ чешскомъ королевствѣ начинается положительное преобладаніе феодальныхъ учрежденій и нѣмецкихъ нравовъ. Правда, Чехія достигла въ это время высокой степени вѣшной силы, но внутреннія славянскія начала земли сильно пострадали отъ этого знаменитаго короля Чехіи. Желая поддержать королевскую власть противъ богатой и опасной по-

литически аристократія, Отакаръ настрѣлъ новыхъ городовъ и крѣпостей, и населялъ ихъ по большей части нѣмецкими колонистами и преданными людьми изъ низшаго дворянства и народа. Король отдалъ даже цѣлые края Чехіи Нѣмцамъ, которымъ покровительствовалъ вообще, и между прочимъ какъ горнымъ промышленникамъ, доставлявшимъ ему большія денежные богатства. Съ того времени начинается отдѣльное городское сословіе; феодальные порядки распространялись; судебная власть земства перенесена къ королю. Все эти и подобныя мѣры подрывали старый славянскій бытъ и давали все больше мѣста нѣмецкимъ учрежденіямъ, — хотя, собственно говоря, Отакаръ никогда не былъ врагомъ своей чешской народности. Нѣкоторые изъ сильныхъ пановъ противились иногда стремленіямъ Отакара, но дѣлали это вовсе не для сохраненія народнаго духа. Политическое значеніе Чехіи возрастало иногда въ эту пору до весьма обширныхъ размѣровъ: она пріобрѣтала (и потомъ опять теряла) съ одной стороны Австрію, Штирію, Хорутанію и прилѣгскія земли до Триеста, съ другой Саксонію, Краковъ и даже Польшу: это политическое положеніе, среди запутанныхъ феодальныхъ и династическихъ распрей, было иногда несчастливо для нея, но иногда ставило ее на высокое мѣсто между европейскими государствами, и, главное, втягивало въ феодальную жизнь, которая такъ вредно отзывалась внутри на положеніи народа.

Въ 1306-мъ году Премысловскій родъ прекратился и съ новой династіей внутренній вопросъ пошелъ еще хуже. *Янъ Люксембургскій* навсегда остался чужимъ чешской землѣ; проводя на чужбинѣ цѣлые годы, занятый вѣчными войнами, въ которыхъ онъ помогалъ своимъ граничнымъ пріятелямъ, Янъ приходилъ въ Чехію только тогда, когда ему нужны были деньги или войско. Привязанность его къ чешской землѣ была такъ мала, что 1318 г. разнесся даже слухъ, что онъ вздумалъ выгнать Чеховъ изъ ихъ земли и занять ее одними Нѣмцами. Народъ конечно не могъ ни любить, ни уважать власти, которая отзывалась для него только разными способами выжиманія денегъ со стороны короля, и феодальнымъ разореніемъ отъ пановъ. Дурное впечатлѣніе, оставленное Яномъ, казалось должно было вполне поправить его преемникъ Карлъ I, или впоследствии императоръ нѣмецкій *Карлъ IV* (1346—1378), время котораго считается вообще одной изъ самыхъ счастливыхъ эпохъ чешской исторіи. Карлъ дѣйствительно относился иначе къ своему королевству; онъ снова привелъ Чехію въ цвѣтущее состояніе, достигая этого не тяжелыми войнами, какъ его предшественники, а благоразумнымъ управленіемъ и дипломатической ловкостью. Самъ человекъ хорошо образованный по своему времени, онъ покровительствовалъ наукамъ и былъ основателемъ Пражскаго университета (1348), перваго университета въ средней Европѣ, предшествовавшаго всемъ подобнымъ учрежденіямъ Германіи. Пражскій университетъ имѣлъ потомъ рѣшительное вліяніе на развитіе народнаго духа, и даже на историческую судьбу Чехіи: изъ него вышли люди, рѣшившіе переворотъ въ

чешской жизни въ началѣ 15-го столѣтія. Искусства, промышленность, торговля чрезвычайно оживились; самовластная аристократія была укрощена... Но вѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и онѣмеченіе страны, до такой степени, что самъ Карлъ увидѣлъ необходимость поддерживать чешскій національный элементъ... Чешскіе историки восхваляютъ Карла и какъ законодателя, — но, разрушая всѣ остатки стараго земскаго устройства въ странѣ, и вводя вмѣсто него феодальныя отношенія и патримоніальные суды, Карлъ IV, противъ воли и самъ того не сознавая, проложилъ дорогу послѣдующему порабощенію низшихъ слоевъ населенія. Сынъ его, Вацлавъ IV, долженъ былъ дѣйствовать въ эпоху, когда общественные и національные элементы дошли до крайняго броженія; такая эпоха была ему вовсе не по силамъ; какъ отецъ, онъ также ревниво смотрѣлъ на притязанія духовенства и аристократіи, но не имѣлъ достаточно энергіи, чтобы совладѣть съ ними; они вынуждали его оружіемъ покориться своей воли. Въ это же время произошла знаменитая схизма западной церкви, тотъ скандальный споръ нѣсколькихъ папъ, который такъ сильно подорвалъ кредитъ римской іерархіи, не подорвавъ впрочемъ объема клерикальной власти. Вацлавъ неудачно вмѣшивался и въ споры имперскихъ князей. Видя свою неудачу, онъ поручилъ управленіе брату своему Сигизмунду, но и тотъ, поссорившись съ нимъ, выдалъ его австрійскимъ владѣтелямъ, у которыхъ онъ пробылъ въ плѣну полтора года. Дѣла съ папами дошли до того, что Сигизмундъ запретилъ своимъ подданнымъ повиноваться расцорженіямъ Бонифаціи IX. Все это какъ нельзя больше помогало усмиренію общественного недовольства, которое ясно высказывалось еще съ конца 14-го вѣка, и Вацлаву IV пришлось быть свидѣтелемъ бури, которая должна была закончить все предыдущее развитіе враждебныхъ элементовъ, закончить борьбу официальной церкви съ религіозной оппозиціей, развившейся въ обществѣ и народѣ, и борьбу феодализма съ инстинктами свободы.

Мы видѣли постепенное усмиреніе нѣмецкаго элемента, которому помогали сами короли, даже патриоты какъ Оттакаръ II. Связи съ Нѣмцами мало по малу усилили раздѣленіе сословій, феодальные порядки, господство однихъ и рабство другихъ; нѣмецкое устройство привело за собой сильное измѣненіе національныхъ общественныхъ порядковъ, нравовъ и обычаевъ, особенно когда короли для подкрѣпленія своей власти привлекали массу нѣмецкихъ поселенцевъ. Но все это не проходило безъ слѣда въ народномъ сознаниі; столкновеніе съ чужими началами пробуждало національную энергію, и старый демократическій духъ, благодаря вліянію образованія, началъ складываться въ дѣятельную оппозицію. Крайній упадокъ королевскаго и клерикальнаго авторитета ускорилъ развязку. Все недовольство націи, вся жизненность подавляемыхъ инстинктовъ свободы и внушенія новыхъ идей, пріобрѣтенныхъ образованіемъ, вырвались наружу въ энергическомъ народномъ движеніи. Сообразно съ духомъ времени оно приняло почти исключительно религіозную форму: началась реформа Гуса и гусситскія войны.

Мы не будем пересказывать подробностей этой национальной трагедии; намъ достаточно будетъ указать, въ какихъ главныхъ направленіяхъ высказалась національная борьба противъ католическо-феодальнаго порядка. Прежде всего поднялся вопросъ религіозный. Первымъ виѣшнимъ источникомъ, изъ котораго вышло новое движеніе, былъ Пражскій университетъ. Карлъ IV, и пражскіе архіепископы его, времени, заботились еще прежде объ исправленіи жизни духовенства, начавшей скандализировать народъ, и поддерживали предшественниковъ чешской реформаціи, Конрада *Вальдгаузера* и *Милчи* Кромержижскаго, которые уже начинали дѣйствовать на общественное мнѣніе, хотя ихъ проповѣдь относилась собственно не къ догмату, а къ христіанской дисциплинѣ. Университеты распространяли между тѣмъ въ обществѣ свои званія и приготавливали ту обширную публику, на которую должны были дѣйствовать послѣдующіе подвизники реформы. *Матильда изъ Янова*, переводчица цѣлой библіи на чешскій языкъ, шедъ уже дальше Конрада и Милчи, но, собственно говоря, настоящіе реформатскія попытки открываются только съ тѣхъ поръ, какъ въ Пражской высшей школѣ нашло приѣмъ и успѣхъ ученіе Виллефа. Главными поддержками его были мистръ (магистръ) *Янъ Гусъ*, деканъ и потомъ ректоръ Пражскаго университета, и его другъ Іеронимъ пражскій, чешскій дворянинъ. Университетъ два раза (1403—1408) запрещалъ ученіе Виллефа, но не могъ остановить мысли, уже поднятой одинъ разъ, и она распространилась наконецъ и въ массахъ. Гусъ возсталъ противъ папскаго авторитета не только свѣтскаго, но и церковнаго; безпорядки въ жизни духовенства, явныя злоупотребленія и неправды только помогали распространенію оппозиціи въ обществѣ и народѣ. Когда Гусъ, въ слѣдствіе папскаго проклетія, долженъ былъ оставить Прагу, ученіе его распространилось и внѣ столицы. Преслѣдованія духовной власти только усиливали броженіе, которое уже принимало широкіе размѣры; вскорѣ заговорили объ отнятіи имѣній духовенства, за тѣмъ начали отвергать авторитетъ церкви вообще. Сожженіе Гуса и Іеронима Пражскаго имѣло слѣдствіемъ только открытое возстаніе противъ духовенства. Послѣдователи Гуса отдѣлились тогда отъ церкви и виѣшнимъ образомъ, принявъ таинство причащенія подъ обоими видами (*sub utraque t. e. specie*; оттого—подобой, утраквисты, калшпшники). Теперь и Пражскій университетъ призналъ себя на сторонѣ реформы, которая овладѣла цѣлымъ обществомъ. Извѣстно, какимъ образомъ религіозный споръ кончился кровопролитными гусситскими войсками, основаніемъ Табора и учрежденіемъ новаго общества, отвергавшаго все чуждое ему въ старомъ. Народные инстинкты были также затронуто церковныя и политическія неурядица соединились съ инстинктами: въ университетѣ нѣмецкая сторона была консервативна, а чешская реформы было употреблено чужое (считавшееся опять нѣмецкому) оружіе; возстаніе противъ феодализма, привлекло къ себѣ увлеченіемъ, заинтересовало опять народную массу и

национальный элементъ. Народные инстинкты, затронутые серьезно однимъ разъ, уже не успокоивались до тѣхъ поръ, пока не высказались въ антипатіи, возбужденныя предыдущей исторіей и въ исканія лучшаго религиознаго и общественнаго порядка. Броженіе народной мысли выразилось, какъ и слѣдовало ожидать, множествомъ самыхъ разнообразныхъ стремленій, понятій и заблужденій: тутъ были и мирные преобразователи и восторженные утописты, приверженцы преданія и рационалисты, терпимость и фанатизмъ, аристократія и демократія, адептитство и иезуитизмъ, социализмъ и коммунизмъ. Гусситы скоро раздѣлялись, какъ бываетъ всегда, на болѣе умѣренныхъ и радикальнѣе реформаторовъ: одни дозволялись принятіемъ чаша въ обрядѣ причащенія; другіе, болѣе ревностные, окончательно отвергали всякій церковный авторитетъ, и затѣвъ полагали своимъ единственнымъ закономъ священное писаніе. Среди всѣхъ заблужденій, которыя были неизбежны въ поднявшейся массѣ цѣлаго народа, ясно однакоже высказалось во первыхъ отвращеніе отъ испорченной церкви, во вторыхъ оппозиція противъ аристократіи и феодализма (въ своемъ собственномъ устройствѣ Табориты доходили до коммунизма), наконецъ чувство самоохраненія народности. Табориты и Скритки прямо говорили, что они сражаются не только за вѣру, но и за народность. Иѣщцы инстинктивно поняли, что начавшееся религиозное движеніе было въ сущности демократическое и національное: они или стали на сторонѣ враговъ гусситизма и гибли, или заранѣе бѣжали въ сосѣднія страны въ надеждѣ вернуться въ болѣе благопріятное время, — такъ что иѣмецкій элементъ, такъ долго и старательно вводимый, вдругъ исчезъ почти совсѣмъ изъ чешской земли, уцѣлѣвши только въ болѣе отдаленныхъ краяхъ... Но Табориты не удержались: выдержавши нѣсколько крестовыхъ походовъ чуть не съ цѣлой Европы, они не выдержали единодушія въ своихъ стремленіяхъ. Битва у Липанъ (1434), кончившая пятнадцатилѣтнюю гусситскую войну, нанесли рѣшительный ударъ всѣмъ тѣмъ начинаніямъ народа, въ которыхъ было столько чистыхъ и благородныхъ стремленій. Правленіе гусситскаго короля *Юриъ Подибрида* (1438—71), доставивши нѣкоторое спокойствіе странѣ, не могло дать прочной силы этимъ начинаніямъ. Церковная реакція стала приобретать больше и больше силы уже при его преемникѣ Владиславѣ Ягеллонѣ и хотя запись Кутногорскаго сейма въ 1485 г. надолго остановила церковные споры, объявивъ свободу исповѣданія въ Чехіи, но съ другой стороны судьба народа подверглась новымъ опасностямъ. Начались внутренніе социальные споры, борьба сословій, въ которой народу осталась послѣдняя роль. Аристократія послѣ погрома снова собрала свои силы, и съ конца того же 15-го столѣтія, которое видѣло самые рѣзкіе взрывы демократизма и равенства, открылся порядокъ вещей, приготовившій будущее окончательное порабощеніе и закрѣпленіе народа: сами подобои и «братская община» способствовали этому порабощенію, — проповѣдуя, что всякая власть идетъ отъ Бога, и поддерживая законъ, что всякій, кто

не власть, должны быть подъ властью, и кто не панъ, долженъ повиноваться и принадлежать пану. Споры между городами и дворянствомъ, составляющіе исторію этого времени, для насъ теперь не интересны. Порабощеніе народа произвело однако нѣсколько крестьянскихъ возстаній, но всѣ оны были частныя и отдѣльныя; кровопролитныя усмиренія остановили ихъ.

Съ начала 16-го вѣка Чехія на свою бѣду выбрала себѣ короля изъ габсбургскаго дома (1526), который не перестаетъ благодѣтельствовать ей и до сихъ поръ. Съ *Фердинандомъ* началось явное религиозное преслѣдованіе, несмотря на объявленную прежде свободу исповѣданій: съ развитіемъ лютеранской реформаціи, въ Чехіи появилось много лютеранъ изъ прежнихъ противниковъ католической церкви, и Фердинандъ началъ преслѣдовать ихъ и «чешскихъ братьевъ», подъ предлогомъ, что тѣ и другіе не были настоящими утравкистами (которые были терпимы). Ко второй половинѣ 16-го столѣтія положеніе еще ухудшилось; благодаря распоряженіямъ габсбургскихъ королей, лютеранское населеніе, составлявшее большую массу народа, непризнаваемое официально, лишенное всякой централизаціи, административной и моральной, теряло свою нравственную силу и единство. Въѣшнее положеніе общества и народа соответствовало религиозному разброду; королевскій дворъ былъ чисто нѣмецкій и король едва выучивался немного по чешски; аристократія, всего больше католическая, окончательно принимала иноземные нравы и языкъ (нѣмецкій, испанскій, итальянскій), и пополнялась чистыми иностранцами, собиравшимися изъ другихъ владѣній габсбургскаго короля; политика, вмѣсто національной, стала чисто нѣмецкой и династической. Нѣмецкій элементъ опять явился преобладающимъ.

При всемъ томъ чешская аристократія не бросала своихъ притязаній на прежнюю власть и, въ надеждѣ выиграть, вмѣшалась въ споры короля съ его братьями; ей удалось приобрести отъ Рудольфа признаніе «чешскаго исповѣданія» и его правъ. Разсчитывая на свою силу, аристократія и послѣ выставляла свои религиозныя требованія въ ожиданіи вліянія при дворѣ; но когда ошиблась въ этомъ, она рѣшилась стать въ открытую вражду съ габсбургскимъ домомъ, приобрѣла союзниковъ, выбрала другаго не-габсбургскаго короля, искусственно разожгла въ народѣ религиозную ненависть, поводъ къ которой представился въ отношеніяхъ лютеранскаго населенія съ католическимъ начальствомъ, и наконецъ начала войну. Эта послѣдняя война, затѣянная изъ-за эгонистическихъ видовъ аристократіей, не поддержанная энтузіазмомъ народа, не имѣвшего въ ней своего интереса, — была гибелью націи. Она рѣшилась однимъ пораженіемъ на Бѣлой-Горѣ, 8-го мая 1620.

Послѣ Бѣлогорской битвы начинается окончательный упадокъ Чехіи: *Фердинандъ II* воспользовался побѣдой какъ слѣдовало ревностному католическому государю того времени. Печальная судьба Чехіи за это время до-

вольно извѣстна. Религіозная свобода пала окончательно: вслѣдъ за напаями, конфискаціей имѣній, заключеніями главныхъ затимщиковъ, послѣдовало преслѣдованіе цѣлаго населенія; всѣ, не принадлежавшіе и не соглашавшіеся принадлежать къ католической церкви, подверглись изгнанію, — лютеранскіе и «обратскіе» священники, потомъ горожане, наконецъ даже дворяне и рыцари. Эти десятки тысячъ семействъ ждали сначала, что придутъ для нихъ болѣе счастливыя времена возврата на родину, но наконецъ многочисленныя чешскіе роды безъ слѣда заглохли въ земляхъ, ихъ пріютившихъ. Тридцатилѣтняя война, вслѣдъ за Бѣлогорской битвой, сдѣлавшая Чехію одной изъ главныхъ своихъ сценъ, окончательно привела страну въ упадокъ: Чехи, разоренные нравственно, были разорены и матеріально. Наконецъ, дѣло обращенія въ католичество, взитое на себя иезуитами, было исполнено ими съ обыкновеннымъ усердіемъ: масса народа забыла старое протестантство, за исключеніемъ немногихъ его послѣдователей, особенно «братскаго» толка, скрывавшихся въ тайнѣ. Чешскія «сословія» (къ которымъ прибавилось духовное) потеряли всякое участіе въ законодательствѣ; въ городахъ исчезли всѣ слѣды прежней свободы подъ гнетомъ имперскихъ судей и чиновниковъ; у всего народа отнято даже воспоминаніе о прежнемъ литературномъ развитіи — систематическимъ уничтоженіемъ чешскихъ книгъ. Образованность прежняго времени исчезла.

Въ теченіи 17-го и 18-го столѣтій чешскій народъ, почти совершенно превратившійся въ одно чешское простонародье, подчиненное высшимъ нѣмецкимъ или оуѣмечившимся классамъ, жилъ почти безсознательною жизнью, потерявши всякую мысль о національной самостоятельности и свободѣ. Въ концѣ 18-го столѣтія наступили времена просвѣщеннаго абсолютизма, но *Иосифъ II*, при всей гуманности своихъ стремленій, сдѣлался начинателемъ той германизаторской системы, на которую Чехи продолжаютъ жаловаться до сихъ поръ. Съ этого времени начинается дѣйствовать усиленная централизація, отнимающая у отдѣльныхъ земель ихъ національныя отличія и подводившая ихъ подъ мѣрку вѣискихъ канцелярій. Но попытки германизации вызвали однако еще разъ отпоръ со стороны націи: языкъ, изгнанный изъ школъ и управленій, нашелъ ревнителей въ нѣсколькихъ патриотахъ. Национальное стремленіе удалось: съ послѣднихъ годовъ 18-го столѣтія, съ правленія *Иосифа II*, считаетъ свое начало новая чешская литература, ознаменовавшая возрожденіе чешскаго народа.

Таковы историческія обстоятельства, въ которыхъ развивалась чешская литература. Собразно съ этими главными событіями народной жизни, исторіи чешской литературы принимаютъ обыкновенно въ ея исторіи четыре періода: древній, идущій до первыхъ началъ гусситизма (до 1403); второй, обнимающій гусситскую эпоху (до 1620); третій, періодъ паденія націи и литературы до реформъ *Иосифа II* (приблизительно до 1770 — 80); наконецъ четвертый, періодъ возрожденія, открывшійся съ послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія. Если гдѣ можетъ быть принято подобное разчи-

сленіе литературы по годамъ, которое вообще бываетъ такъ неестественно, то именно здѣсь оно можетъ имѣть смыслъ на томъ основаніи, что переходы націи изъ одного положенія въ другое совершались вообще довольно рѣзко и быстро, — такъ, быстро развился гусситизмъ, быстро произошло его паденіе въ 17-мъ столѣтіи.

1. ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Мы уже сказали, что христіанство вошло въ Чехію изъ двухъ источниковъ: нѣмецкаго и византійско-славянскаго. Послѣдній приносилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и богослуженіе на славянскомъ языкѣ; но ему не посчастливилось у Чеховъ, какъ и на Моравіи: нѣмецко-латинское духовенство успѣло вытѣснить славянскій элементъ уже очень рано. Единственное мѣсто, гдѣ онъ пріютился, Сазавскій монастырь, въ концѣ 11-го вѣка былъ отданъ окончательно латинскимъ духовнымъ. Единственными слѣдами этого славянскаго христіанства остались: духовная пѣсня *Hospodine, pomiluj nu*, нѣсколько отрывковъ глагольскихъ рукописей и извѣстное *Реймское евангеліе*, которое именно приурочиваютъ ко временамъ, когда еще славянское христіанство существовало у Чеховъ.

Латинская церковь была счастливѣе, тѣмъ больше, что ей усиленію способствовали и всѣ историческія обстоятельства. Впрочемъ латинская азбука была вѣроятно принята Чехами гораздо раньше: древнѣйшіе чешскіе памятники, извѣстные до сихъ поръ, писаны уже латинскою азбукой; латинская образованность у Чеховъ начинается очень рано. Но и латинское христіанство также не могло обойтись безъ народнаго языка: поэтому мы уже очень рано встрѣчаемъ памятники, какъ *Старобитовскіе отрывки евангелія св. Іоанна*, относимые къ 10-му вѣку.

Но еще раньше мы встрѣчаемся съ памятникомъ иного рода, который собственно и открываетъ собой исторію чешской литературы. Это — знаменитый *Любушинъ судъ* ²⁾, рукопись котораго относятъ къ концу 9-го вѣка, а содержаніе раскрываетъ передъ нами древнюю, до-христіанскую эпоху чешской жизни. Это древнѣйшій письменный остатокъ чешской и вообще славянской народной поэзіи: никакой другой славянскій народъ не имѣетъ столько древняго памятника, сохранившагося во всей своей первобытной простотѣ. Это произведеніе, — уцѣлѣвшее на двухъ листкахъ пергамента, пожертвованныхъ въ чешскій музей въ 1818 году, — заключаетъ въ себѣ собственно два отрывка: во первыхъ, конецъ описанія «сейма» о родовомъ управленіи, и во вторыхъ, начало Суда княжны Любуши въ спо-

²⁾ Лучшее изданіе въ книгѣ Шафарика и Палацкаго: *Die ältesten Denkmäler d. böhm. Spr.*, гдѣ помѣщенъ подробный разборъ памятника и полное fac-simile. Исторія открытія этого памятника, возбуждавшая и прежде, и въ послѣднее время много сомнѣній, недавно совершенно удовлетворительно разъяснена статьей Тома въ „Часописѣ“ чешскаго музея (нѣмецкое изд.: *Die Gräberberger Handschrift*, Prag 1869).

рѣ двухъ братьевъ Хрудоша и Стиглава, изъ рода Тетвы Попелова, о наслѣдствѣ. Этотъ споръ и далъ поводъ къ переживъ правленія, которое Любуша уступила выбранному ей мужу, поселенину Премыслу. Шафарикъ относилъ событіе, послужившее сюжетомъ поэмы, къ началу 8-го столѣтія. «Любушинъ Судъ» отличается всей простотой и ясностью народной поэзіи и чисто эпическими чертами передаетъ событіе изъ патриархальнаго періода чешской народной жизни: жаль только, что отрывочность обожъ сюжетовъ не даетъ намъ полной картины древняго быта.

Рядомъ съ этимъ старѣйшимъ памятникомъ могутъ быть поставлены народныя поэмы другаго замѣчательнаго памятника, не менѣе знаменитой въ славянской литературной исторіи *Краледворской рукописи*, хотя время написанія ея гораздо позднѣе, и именно относится чешскими учеными къ 1290—1310 годамъ, или нѣсколько раньше. Краледворская рукопись найдена была въ 1817 Ганкой въ городѣ Краловѣ-дворѣ (Königinhof), въ церковной башнѣ. Эта рукопись, красиво написанная на маленькихъ листкахъ пергамента, составляетъ только небольшую часть первоначальнаго сборника: именно въ ней сохранились только конецъ 25-й, 26—27-й, и начало 28-й главы *третьей* книги. Эти четыре неполныя главы заключаютъ шесть большихъ поэмъ и восемь мелкихъ пѣсень: можно поэтому судить о богатствѣ цѣлой книги, которая притомъ была конечно не единственной въ своемъ родѣ. Словомъ, Краледворская рукопись, кромѣ ея налічпаго поэтическаго содержанія, даетъ намъ угадывать цѣлую область національнаго эпоса и лирики въ чешской литературѣ до 14-го вѣка ³⁾. Не смотря на свой поздній вѣкъ, рукопись наряду съ поэмами болѣе поздняго времени, 11—13 столѣтій, сохранила и произведенія замѣчательной древности, которыя, какъ «Судъ Любуши», открываютъ передъ нами языческій бытъ Чехіи съ ея внутренними и національными отношеніями, — произведенія съ такимъ отпечаткомъ народно-поэтическаго творчества, что большая часть критиковъ принимаютъ ихъ прямо за самый народный эпосъ, перепесенный на пергамень. Это мнѣніе получаетъ тѣмъ большую вѣроятность, что короткія лирическія пѣсни Краледворской рукописи находятъ своихъ двойниковъ въ современной народной поэзіи славянскихъ племенъ, и по-

³⁾ Первое изданіе Крал. рукописи, съ нѣмецкимъ переводомъ Вадлава Свободы сдѣлано было Ганкой въ 1819. Съ тѣхъ поръ повторилось до пятнадцати изданій, болѣею частью въ формѣ самой рукописи, между прочимъ богатая «Подиглотта». Лучшія изданія 1829, Свободы, и изданіе гр. Туна, въ *Ge dichte aus Böhmens Vorzeit*, съ введеніемъ Шафарика и примѣчаніями Палацкаго, Прага 1845. Недавно сдѣлано полное фотографическое изданіе. Замѣчательный памятникъ, уже прежде возбуждавшій желанію подозрительности Кошитаря, въ послѣднее время снова сдѣлался предметомъ нападковъ со стороны Нѣмцевъ, которые не хотѣли допустить возможности такого поэтическаго развитія у Чеховъ въ 13-мъ столѣтіи, и издавали Крал. рукопись за самоновѣйшую поддѣлку. Заключительный пунктъ полемики, поднявшейся по этому поводу, есть упомянутый выше трудъ бр. Иречковъ: *Die Echtheit* и проч. Русскій переводъ Крал. рукописи сдѣланъ былъ Шишковымъ (Сиб. 1820), Соловьевымъ (Крал. рук. и Судъ Любуши. Казань 1848) и Н. Бергомъ, въ стихахъ (Москва 1846 и Прага 1852).

тому несомненно перешли въ рукопись изъ устъ народа или народнаго пѣвца. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію и то, что въ другихъ своихъ памятникахъ, Краледворская рукопись обнаруживаетъ участіе искусственной поэзіи, хотя и продолжавшей оставаться въ тѣхъ же народныхъ предѣлахъ.

Указывая эти произведенія древне-чешской поэзіи по Краледворской рукописи, мы будемъ слѣдовать тому порядку, въ которомъ онѣ стоятъ по своимъ хронологическимъ отношеніямъ.

Изъ всѣхъ поэмъ ея, древнѣйшей по содержанию и складу считается *Забой и Сливой*, поэма, описывающая освобожденіе Чеховъ отъ какого-то иноземнаго короля двумя героями Забоемъ и Славоемъ, — событіе, неизвѣстное изъ исторіи, но относимое не позже какъ къ 9-му столѣтію, или даже къ первой половинѣ 8-го вѣка ⁴⁾. Поэма отличается великолѣпными поэтическими достоинствами: чешская старина рисуется живыми чертами, съ энергическимъ чувствомъ народной свободы, могучими боевыми подвигами, жертвами языческимъ «богамъ-спасамъ» и съ воспоминаніями о главномъ пѣвцѣ Люмрѣ, который «словами и пѣньемъ двигалъ Вышеградомъ и всѣми областями». Высшая форма поражаетъ силой выраженія и выдержанностью тона, при всей своей народности, никогда не впадающей въ ту монотонность, которая такъ часто бываетъ недостаткомъ народнаго эпоса въ его современномъ видѣ, напр. даже у Сербовъ. Другая поэма, *Честмиръ и Власицъ*, рассказываетъ о пораженіи лужицкаго князя Властислава храбрымъ Честмиромъ или Цтимпромъ, воеводой князя Неклана, — событіе, извѣстное исторически изъ Козьмы Пражскаго и другихъ чешскихъ лѣтописцевъ, и относящееся къ первой половинѣ 9-го вѣка. Поэма представляетъ ту же картину героическихъ подвиговъ и языческихъ нравовъ: несмотря на сходство сюжета, состоящаго въ рассказѣ о битвахъ, походахъ и жертвоприношеніяхъ, «Честмиръ» имѣетъ свои поэтическія особенности, которыя разнообразятъ воинственную тему этой поэзіи. Затѣмъ *Олень* (извѣстный также и по другой пергаменной рукописи, принадлежащей чешскому музею) — поэтическая картина смерти юноши, льстиво убитаго въ горахъ лютымъ врагомъ: «лежитъ юноша молодець въ холодной землѣ, на юношѣ растетъ дубецъ, дубъ, раскладывается въ сучья шире и шире». Въ этомъ небольшомъ рассказѣ чешскіе критики видятъ отпечатокъ далекой древности ⁵⁾. Дальше, *Яроміръ и Ольдрицъ*, — отрывокъ безъ начала, которымъ начинаются уцѣлѣвшіе листы рукописи: здѣсь прославляется пораженіе Болеслава Храбраго, короля польскаго и освобожденіе Чеховъ отъ польскаго владычества, въ 1004 г. *Збыгонь*, небольшая пѣса, также

⁴⁾ Небескій, стр. 191.

⁵⁾ Поэтической параллелизмъ и сближеніе образовъ природы съ событіемъ и чувствомъ даетъ особенную прелесть этой пѣснѣ, о которой говоритъ Палацкій: «Та, преимущественно свойственная славянскимъ народнымъ пѣснямъ, символика природы, въ отношеніи къ субъективнымъ моментамъ человеческой жизни, всего сильнѣе выступаетъ въ этой пѣснѣ, и даетъ ей таинственный, мистическій тонъ».

какъ «Олень» соединяющая эпическій тонъ съ лирическимъ, хотя и не столько первобытно-древняя, рассказываетъ о похищеніи милой у юноши: онъ тоскуетъ о ней въ лѣсу съ голубемъ, у котораго коршунъ отнялъ голубяцу, но потомъ юноша бросается въ замокъ, убиваетъ «молотомъ» Збыгоня и побиваетъ всѣхъ людей въ его замкѣ. Голубка улетѣла въ лѣсъ съ голубкомъ, и освобожденная дѣвушка «ходила тамъ и здѣсь, вездѣ гдѣ хотѣла, — съ мыслимъ спала на одной постелѣ»:

....I letieše v les
i letieše sěmo, i letieše tamo,
se dřeva na dřevo, se svojím holúbcecm,
s holúbcecm spáváše na jedneji větvičci.
Vzradova se děva se svojím junošěm
chodi sěmo tamo, vězde kamo zechtie,
s milětkým spáváše na jednom ložici.

Поэма *Бенешъ Германовъ* въ самой рукописи называется «о побитыи Саксонцевъ» и относится опять къ событію 1203 г., извѣстному исторически. Это побитыи Саксонцевъ Бенешемъ (извѣстнымъ по чешскимъ грамотамъ 1197—1220 г.) произошло въ отсутствіе короля Отакара I, когда въ Чехію вторглось войско маркграфа Мейссенскаго, мстившаго за удаленіе королевы Аделанды. «Бенешъ» уже отдѣляется отъ упомянутыхъ нами произведеній своимъ содержаниемъ и формой, которыя ставятъ его внѣ чисто-народнаго героическаго эпоса: это—историческая пѣсня со строфами, что уже обнаруживаетъ нѣкоторое вліяніе искусственной поэзіи, — но пѣсня безъ сомнѣнія современная самому событію, близость котораго чувствуется въ каждой строфѣ. Это не только описаніе «побитыя», но и лирическое выраженіе радости о спасеніи отъ врага. Дальше пѣсня *Людшиа и Луборъ*, озаглавленная въ рукописи «о славномъ сѣданьи», т. е. турнирѣ, описываетъ турниръ, происходившій будто бы во времена какого-то древняго князя залабскаго: но турниры были введены у Чеховъ не раньше 13-го столѣтія, и древній князь прибавленъ безъ сомнѣнія фантазіей поэта, который рукою-дился уже вліяніемъ искусственной поэзіи, что не мѣшаетъ ему однако высказать народный патриотизмъ. Затѣмъ — одна изъ самыхъ большихъ пѣснь Краледворской рукописи, *Ярославъ*, названная въ подлинникѣ «о великихъ бояхъ христіанъ съ Татарами», относится къ извѣстной исторически побѣдѣ Ярослава изъ Штернберга надъ Татарами въ 1241, при Ольмоуцѣ, — побѣдѣ, освободившей отъ Татаръ Моравію. Въ «Ярославѣ» уже окончательно нѣтъ того непосредственнаго народнаго творчества, которымъ отличается «Забой» и другія древнѣйшія пѣсни Краледворской рукописи. При всей народной основѣ преданій, «Ярославъ» не есть произведеніе народнаго поэта, но это произведеніе во всякомъ случаѣ замѣчательно, и чешскіе критики не безъ основанія утверждаютъ, что въ «Ярославѣ» народная поэзія является на вершинѣ своего искусственнаго развитія. Весь складъ поэмы, ея очевидно народные сюжеты, — рассказъ о прекрасной татарской (русской) княжнѣ Кублаевнѣ: рассказъ о побѣдѣ у Ольмоуца и

гибели монгольского царевича; рассказ о чудѣ на Гостинѣ, — известное художественное распределение матеріала, показываютъ, что поэма была дѣломъ автора, знакомаго съ искусственными поэтическими произведениями того времени и сознательно обдумывавшаго изложение своего сюжета. Въ «Ярославѣ» уже замѣтно легкое вліяніе средневѣковаго романтизма. — героическій духъ чешской старины смягчается до известной рыцарской доблести, рассказъ проникнутъ христіанско-набожными чувствами, въ которомъ уже играетъ роль романтическаго почитаніе св. Дѣвы; — изложение не имѣетъ той яркой дикости, которая такъ поражаетъ въ «Забое», и сходитъ на болѣе спокойный тонъ рыцарской поэмы. Вообще «Ярославъ» представляетъ весьма интересное и поэтическое соединеніе національных элементовъ съ вліяніями западной поэзіи и культуры. Два начала, постоянно встрѣчавшіяся враждебно, соединяются здѣсь въ гармоническое цѣлое.

Намъ остается упомянуть о нѣсколькихъ небольшихъ пѣсняхъ, чтобы кончить съ содержаніемъ Краледворской рукописи. Эти пѣсни: *Вянокъ*, *Люды*, *Роза*, *Кукушка*, *Сирота*, *Жаворонокъ* — безъ сомнѣнія чисто народныя лирическія пѣсни, внесенныя въ сборникъ непосредственно изъ устъ народа. Эти пѣсни не рѣдко заключаютъ въ себѣ мотивы, до сихъ поръ известныя народной поэзіи славянскихъ племенъ, и по своей простотѣ и поэтической свѣжести стоятъ много выше современныхъ народныхъ пѣсней Чехіи, которыя потеряли уже многія достоинства патриархально-свѣжей народной лирики.

Таковъ объемъ замѣчательнаго Краледворскаго сборника, которымъ въ сожалѣнію почти и ограничивается все, что уцѣлело изъ чисто народной поэтической дѣятельности древней Чехіи. Мы можемъ отличить въ немъ нѣсколько періодовъ, пройденныхъ чешской народной поэзіей отъ эпохи чисто языческой и быта, чисто и исключительно славянскаго, до времени, когда и народный эпосъ началъ слегка проникаться элементами легенды (какъ въ «Ярославѣ»), когда бытъ подвергся вліянію нѣмецкихъ обычаевъ, а поэтическая дѣятельность вліянію искусственной поэзіи нѣмецкаго романтизма. Указывая содержаніе рукописи, мы отмѣтили уже рѣзкую разницу, отдѣляющую одни произведенія Краледворской рукописи отъ другихъ: между «Забоемъ» и «Ярославомъ» лежатъ цѣлыя столѣтія, не только по времени описываемыхъ событій, но и по литературному развитію. — Въ какомъ же ближайшемъ отношеніи стоятъ эти произведенія къ устной народной поэзіи? Поэмы Краледворской рукописи до сихъ поръ еще не нашли полной и окончательной оцѣнки въ литературно-историческомъ отношеніи, но мы полагаемъ, что и теперь можно принять сущность выводовъ, сдѣланныхъ чешскими критиками *). Большинство ихъ, и Шафарикъ въ ихъ числѣ, принимаютъ, что древнѣйшія пѣсни Краледворской руко-

*) Труды Шафарика, Палацкаго, Небескаго и бр. Иречковъ, сдѣлавшихъ всего больше для объясненія Краледворской рукописи, еще не вполне разрѣшаютъ вопросъ, а перые давали еще возможность для свѣдѣній придирающаго скептицизма.

писи, эпическія и лирическія, по своему духу и происхожденію принадлежать народной поэзіи, а никакъ не поэзіи искусственно-школьной. Въ образахъ и формахъ, языкѣ и ритмѣ эпосъ Краледворской рукописи совершенно сроденъ народному эпосу Болгарь, Сербовъ и Русскихъ, и совершенно отличенъ отъ того школьнаго стихотворства, которое является въ позднѣйшихъ чешскихъ подражаніяхъ романтическому эпосу западной Европы. Эпическія пѣсни Краледворской рукописи безъ сомнѣнія должны были подвергаться измѣненіямъ, неизбѣжнымъ и въ устной, и въ рукописной передачѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію, но основа ихъ и даже внѣшнее выраженіе, несмотря на то, удивительно сохранили колоритъ, который опѣ должны были имѣть въ своемъ первоначальномъ видѣ. «Забой» конечно стоитъ передъ нами въ рукописи 13-го столѣтія, и позднѣйшіе пѣвды безъ сомнѣнія мѣняли старѣвшія формы языка, но всѣ черты его такъ характеристичны, что мы дѣйствительно видимъ передъ собою картину дохристіанскаго быта, дохристіанскихъ понятій и вѣрованій, героизма и обычаевъ, — картину съ красками древней патриархальной поэзіи. Народно-поэтическія качества древнѣйшихъ поэмъ Краледворской рукописи не подлежатъ сомнѣнію. Происхожденіе этихъ пѣсенъ относится несомнѣнно къ тѣмъ же временамъ, которыя въ нихъ описываются. Народный поэтъ говоритъ только о томъ событіи, которое памятно всѣмъ; что не отмѣчено пѣсней теперь, потому забывается; впоследствии народная поэзія играетъ этими преданьями, смѣшиваетъ и раздѣляетъ ихъ, но первымъ поводомъ всегда бываетъ свѣжій, памятный фактъ. Такъ было и съ пѣснями Краледворской рукописи, — и если мы по быльямъ Владимірова цикла дѣлаемъ заключенія о древнѣйшихъ поэтическихъ представленіяхъ русскаго народа, то Чехи съ несравненно-большимъ правомъ могутъ изъ поэмъ Краледворской рукописи дѣлать заключенія о языческой эпохѣ своей страны ⁷⁾. Поэмы Краледворской рукописи гораздо ближе къ своему источнику.

Отъ «Суда Любуши», въ которомъ всего меньше можно подозревать участіе личнаго авторства, черезъ рядъ поэмъ Краледворской рукописи мы достигаемъ постепенно уже до временъ, когда народный эпосъ изъ своей чисто народной сферы переходитъ въ область личнаго авторства. Это личное авторство, какъ мы уже сказали, замѣтно въ большей или меньшей степени въ «Людшѣ и Люборѣ», «Ярославѣ» и т. д.; «Бемешъ» вводитъ уже строфическое дѣленіе, котораго не знаетъ славянскій эпосъ; «Ярославъ» дѣлаетъ къ читателю или къ слушателю искусственное воззваніе, разсчитываетъ экономію стихотворенія и т. п., хотя въ характерѣ содер-

⁷⁾ Присутствіе чисто-языческаго элемента въ поэмахъ Краледворской рукописи несколько не удивительнѣе языческихъ цитатъ Слова о Полку Игоревѣ и другихъ русскихъ памятниковъ. Христіанство и у Чеховъ не вдругъ вошло въ народныя нравы. Князь Бржетиславъ въ концѣ 11-го и началѣ 12-го столѣтія изгналъ изъ страны гадателей, чародей (очевидно языческихъ) и другихъ подобныхъ обаявателей народа, велѣлъ сечь рощи и деревья, почитавшіяся народомъ, и вообще ревностно искоренялъ языческіе обычаи, еще крѣпко жившіе въ народѣ.

намъ остается вполнѣ вѣрять національному духу. Въ отидъ послѣднихъ поэмахъ приготовлялось национальное литературное развитіе на основаніи народно-поэтическихъ началъ, — но къ сожалѣнію, это развитіе, отрыв- шееся такъ прекрасно, останавливается потомъ....

Чтобы заключить обзоръ древнѣйшихъ памятниковъ чешской поэзіи, намъ остается упомянуть еще двѣ небольшія пѣсни. Одна изъ нихъ, *Пѣсня на Вышеградъ* — отрывокъ, сохранившійся въ рукописи 13-го столѣтія, но какъ полагаютъ, относящійся къ древней эпохѣ, когда Вышеградъ казался еще важнѣе самой Праги. По отрывку трудно судить, ка- комъ могъ быть характеръ пѣснопѣвца: пѣсня, начинающаяся восхваленіемъ Вышеграда, продолжается обращеніемъ къ милой и выраженіемъ любви неизвестнаго пѣвца⁵⁾. Другая, *Любовная пѣсня короля Вацлава I*, принадлежитъ къ числу памятниковъ, происхожденіе которыхъ не ясно. Это чешскій отрывокъ — одной изъ трехъ пѣсенъ, извѣстныхъ въ нѣмецкомъ текстѣ, по которымъ король Вацлавъ считается въ числѣ нѣмецкихъ ми- незингеровъ. Если нѣмецкіи его пѣсни были оригиналомъ, то эта «любов- ная пѣсня» была конечно переводомъ; съ другой стороны короткость чеш- ской пѣсни и растянутость той же пѣсни на нѣмецкомъ языкѣ давали по- водъ и къ противоположному мнѣнію. Какъ бы то ни было, въ этой лю- бовной пѣснѣ первой половины 13-го столѣтія (Вацлавъ I, 1230—1253) нѣтъ уже и слѣда народно-поэтическаго духа и склада, это явное, и тя- желое подражаніе рыцарской любовной поэзіи, которая была во вкусѣ ко- роля вмѣстѣ съ нѣмецкими нравами и обычаями, господствовавшими при его дворѣ. Неудовольствіе языка показываетъ, что эта чужая поэзія въ то время еще плохо укладывалась въ чешскія формы⁶⁾.

Упадокъ народной поэзіи былъ почти неизбеженъ. Чешскіе критики от- носятъ обыкновенно причины его къ нѣмецкому влиянію и свадываютъ ви- ну упадка на Нѣмцевъ. Справедливо конечно, что усиленіе нѣмецкаго элемента должно было играть въ этомъ случаѣ важную роль; но было бы странно видѣть здѣсь только одну нѣмецкую злонамеренность. Чешскій народный бытъ на своемъ историческомъ пути встрѣтился съ культур- ными началами, которыя были довольно сильны для исторической жизни. Эти культурныя начала были не чешскаго народнаго происхожденія, и встрѣ- тившись съ ними, Чехи должны были или принять ихъ или замѣнить дру- гой болѣе энергической силой, — но этой силы у нихъ не доставало. Если ко- роли признавали Нѣмцевъ, принимали нѣмецкіе обычаи, — ихъ нельзя винить въ анти-національной прихотливости, потому что они выражали только историческую необходимость. Для Чеховъ новые культурныя элементы представились въ нѣмецкой формѣ, но они вовсе не были исключитель-

⁵⁾ Издава много разъ, между прочимъ въ „Выборѣ“ изъ чешской литературы, столб. 81—82.

⁶⁾ Издава въ Starob. Sklád. Ганки 5,220; въ изданіяхъ Крамлава. рукописи, и въ „Выборѣ“, столб. 55.

но-нѣмецкіе: это были вообще культурныя начала средневѣковой Европы. Нѣмцы были только ихъ ближайшими посредниками.

Въ этомъ сознаются въ сущности и сами чешскіе историки. Одинъ изъ нихъ признаетъ правда, что латинская образованность тѣмъ вредила народному элементу, что отвлекала отъ него много дѣятельныхъ силъ, но вообще находить, что это латинское образованіе не только не приносило никакой большой опасности для чешской народности, но и доставляло ей нѣкоторыя значительныя выгоды. Латинскій языкъ не могъ стѣснить народнаго, потому что не былъ языкомъ живымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ языкъ обработанный, принесъ богатство готовыхъ понятій, для которыхъ еще не достало бы народнаго языка... Но мирясь съ латынью, какъ средствомъ образованія, чешскіе критики должны въ сущности признать, что это средство также ставило народность на задній планъ, какъ ставили ее нѣмецкіе обычаи и нѣмецкое вліяніе, на которыя считаютъ однако нужнымъ обрушивать свой гнѣвъ и чешскіе критики, и московскіе славянофилы. Иначе и быть не могло: Славяне, не выработавшіе своей образованности, должны были подчиняться чужой, ихъ опередившей; здѣсь они подчинялись латинскому и нѣмецкому элементу, на югѣ и востокѣ — византійскому, и первоначально народныя начала — поэтическія и бытовыя — вездѣ упали одинаковымъ образомъ.

Первымъ фактомъ, повлекшимъ за собой впослѣдствіи паденіе народнаго элемента въ чешскомъ образованіи и литературѣ, считаютъ вытѣсненіе славянскаго христіанства. Этотъ первый фактъ уже доказываетъ нами сказанное: онъ совершился въ тѣ времена, когда матеріальное давленіе Нѣмцевъ было еще весьма незначительно, даже вовсе не существовало, — такъ что фактъ остается на отвѣтственности самаго народа. Очевидно, въ ту эпоху онъ не умѣлъ защитить славянскаго элемента: преобладающая сила латинскаго христіанства не нашла въ немъ національнаго сознательнаго противодѣйствія. Когда этотъ фактъ совершился, судьба чешской культуры была рѣшена впередъ. Латинская образованность должна была расширяться болѣе и болѣе.

Первое латинское образованіе принадлежало конечно духовенству; уничтоженіемъ славянской литургіи латинскій языкъ постоянно расширялъ свою область и изъ церкви перешелъ въ суды и управленіе. По латыни писались грамоты, ученье ограничивалось латынью; собственныхъ латынщиковъ усилили еще нѣмецкіе монахи и учителя¹⁰⁾.

Характеръ образованія, которое доставлялъ латинскій языкъ, прежде

¹⁰⁾ Къ числу древнѣйшихъ памятниковъ чешской письменности принадлежать между прочимъ множество Глоссъ и Словарей (замѣчательнѣйшій изъ старыхъ — *Matěj Václavův*, списанный въ 1202. Вацлавомъ). Съ переходомъ въ 14-е столѣтіе число памятниковъ увеличивается, и мы легче можемъ слѣдить за распространеніемъ латинскіхъ словаря дѣются цѣлыми массами, напр. словарь Велешина, словака Розкоханого, дальше *Nomenclator*, *Sequentionarius*, *Catholicorum* и др.; они писались наконецъ въ стихахъ какъ *Bohemarius*.

всего был церковный. Первымъ результатомъ знакомства съ латинскою литературой, было развитіе легендарной поэзіи. Чешская легенда, представляющая значительнымъ количествомъ намятниковъ, не только по содержанию, но и по формѣ, была копіей чужихъ образцовъ. Въ противоположность древнему народному разсѣву, съ неримованными стихами, сохранившимися больше или меньше характеръ славянскаго эпическаго ритма, стихотворныя легенды писаны исключительно римованнымъ стихомъ. Кроме прозаическихъ пасоіоналовъ и житій святыхъ, начинающихся съ 14-го вѣка, чешская литература этого времени представляетъ много стихотворныхъ легендъ, того самаго характера, какой носилъ этотъ поэтический родъ во всей христіанской западной Европѣ. Рядъ ихъ начинается съ конца 13-го столѣтія: *легенда о 12 апостолахъ, о св. Аннѣ, о св. Алексѣѣ, о св. Доротеѣ, о св. Прокопѣ, Исусова молодость* (легендарный разсказъ о дѣтствѣ Спасителя, изъ апокрифическаго Протоэвангелія Іакова); *Страданіе Спасителя, Пилатъ и Іуда, Плачь Свѣтлой Маріи, Десять радостей Шанны Маріи* и т. д. Лучшимъ изъ этихъ произведеній считается легенда *о св. Катеринѣ*, отысканная недавно въ Стокгольмѣ, куда попало много чешскихъ рукописей во время тридцатилѣтней войны. Легенда о св. Катеринѣ, написанная не раньше второй половины 13-го вѣка, отличается легкостью языка и стиха и принадлежитъ вообще къ замѣчательнѣйшимъ памятникамъ старо-чешской литературы.

Затѣмъ церковная поэзія представляетъ рядъ духовно-поучительныхъ и аллегорическихъ поэмъ и стихотвореній, писанныхъ также по известной мѣрѣ западныхъ, латинскихъ и нѣмецкихъ, образцовъ, съ известною моралью, и тѣмъ же римованнымъ отливомъ, безъ котораго уже не могло обойтись стихотворство начиная съ 14-го столѣтія. Таковы напр. *Десять божьихъ заповѣдей*—правоучительная поэма 14-го столѣтія, въ которой десять заповѣдей объясняются съ помощью особенно наглядныхъ описаній чорта и легкихъ, даже иногда фривольныхъ анекдотовъ, въ томъ же родѣ какъ нѣмецкіе проповѣдники для большаго интереса своимъ проповѣдямъ вставляли въ нихъ чисто свѣтскіе разсказы (bispra), анекдоты и сказки. Цѣль правоученія достигалась за-разъ двумя путями. Въ другомъ стихотвореніи: *Споръ души съ тѣломъ*, аллегорически разсказывается судьба человека по смерти. Послѣ должнаго предисловія о томъ, какъ должно жить въ ожиданіи смерти, передается разговоръ души съ тѣломъ. Тѣло предаю роскоши, душа говоритъ ему о смерти и замѣчаетъ, что будетъ за него наказана. Тѣло умираетъ, дьяволъ ухватился за душу, вырвавши ее съ грѣхами на вѣсахъ и взявъ въ адъ. Душа жалуется Божьей Матери, которая отнимаетъ ее у дьявола и молится за нее у Сына; Сынъ отдаетъ душу на судъ Правды, Миру, Справедливости и Милосердію. Дьяволъ жалуется на несправедливость, но Марія и судьи заступаются за душу: Миръ общается ей милость отъ Исуса, а Милосердіе вѣроятно смягчило надъ ней, — чего впрочемъ въ руженинѣ недостаетъ. То же духовно-поучительное

содержаніе представляютъ слѣдующіе, болѣе или менѣе обширные рассказы и размышленія въ стихахъ: о болячѣ, погубившемъ свою душу; о смертности, отъ которой человекъ нигдѣ не можетъ скрыться; о жестикихъ источникахъ (грѣха); о двадцати семи мучахъ т. е. людяхъ незнающихъ нравственности и душевнаго спасенія; о неостойчивости счастья и т. п. (см. въ Star. Sklád. и въ «Выборѣ».)

Церковная поэзія отозвалась и духовными пѣснями. За появленіемъ упомянутой пѣсни: *Hospodine* и пѣсни *Sv. Václave*, которую отнести къ очень старымъ временамъ, можетъ быть во временамъ самого князя (10-й вѣкъ), хотя впрочемъ она известна изъ новѣйшаго списка 14-го столѣтія, — въ чешскихъ памятникахъ не сохранилось древнихъ пѣсней, которыя могло бы быть приписано славянско-христіанское происхожденіе. Болѣе позднія пѣсни (образцы въ «Выборѣ», ст. 322 слѣд.) сложены по западнымъ образцамъ и почти всегда римовазы. — Наконецъ, 14-е столѣтіе представляетъ первый-поздній переводъ Библіи

Это латинское образованіе, дѣйствовавшее въ народныхъ бытовыхъ началъ, представляло, какъ мы замѣтили, одну сторону вліянія европейской культуры, встреча съ которой была для Чеховъ необходима. Другой стороной этого вліянія было появленіе въ чешской литературѣ средневѣковаго литературнаго романтизма. Какъ Чехи безслыны были противъ матеріальнаго вѣжительства нѣмецкой націи, протавъ ея нравовъ и учрежденій, влотившихъ въ народный бытъ, такъ они оказались послушны и въ литературномъ отношеніи. Поэзія высказывала не разъ антипатію къ чужеземцамъ, начиная съ «Любушина Суда», говорившаго: не *chvalno nam v Nešech jekat rvačdu*, и съ «Завоя», выражавшаго ненависть къ врагу, который «чужими словами приказываетъ» на чешской рѣднѣ; несмотря на то, чешская поэзія не устояла противъ заманчивости другой поэзіи, говорившей тѣмъ же «чужими словами», и въ то самое время, когда народная школа продолжала держаться національныхъ сюжетовъ и формы, другая школа съ охотой обратилась къ европейскому романтизму, приходившему вмѣстѣ съ нѣмецкими обычаями и феодальными учрежденіями. Какъ скоро Чехія не сумѣла сберечь своего древняго княжеско-демократическаго устройства, какъ скоро покорилась притязаніямъ церкви и приняла новую королевскую власть съ ея аристократической обстановкой, народное начало можно было считать погребеннымъ (это было въ 13-мъ вѣкѣ), — въ немъ мало было соціальной силы для отпора феодализму, и съ другой стороны не было своихъ средствъ удовлетворить зарождавшіеся потребности образованія. Послѣ этого вліяніе средневѣковаго романтизма становится совершенно понятно. Мы увидимъ дальше, какъ лучшіе чешскіе писатели становились проводниками феодальной (не національной, поэтому) морали, и чешскіе историки не отказываются однако видѣть въ нихъ передовыхъ людей чешскаго образованія.

Итакъ, средневѣковыя романтическія поэмы (характеръ и содержаніе не-

торыми мы считаем известными читателю) пришли къ Чехамъ какъ естественное дополнение нѣмецкихъ обычаевъ, которые уже сильно утвердились при дворѣ и въ жизни высшихъ сословій еще съ половины 13-го столѣтія. Вместе съ турнирами, рыцарскими учрежденіями, при дворѣ чешскихъ королей явились нѣмецкіе миннезингеры. Король Вацлавъ I даже самъ, какъ мы видели, былъ нѣмецкимъ миннезингеромъ. Нѣмцы распространились и не только при дворѣ; они составили значительную часть городского населенія ¹¹⁾, такъ что вкусы нѣмецкой литературы легко могли распространиться и въ средній классъ. Къ концу 13-го столѣтія романтизмъ былъ такъ привыченъ, что въ одномъ изъ первыхъ его памятниковъ мы находимъ уже весьма законченное, и оригинальное произведеніе, которое чешскіе критики считаютъ лучшимъ плодомъ своей христіанско-рыцарской поэзіи. Это была чешская обработка романтическаго сюжета объ Александрѣ. Чешская *Александрейда* сохранилась только въ отрывкахъ, и хотя известна въ спискахъ 14-го столѣтія, считается произведеніемъ конца 13-го вѣка, следовательно современнымъ «Ярославу». Чешская поэма обработана была по латинской поэмѣ Готье Шатильонскаго, написанной во второй половинѣ 12-го столѣтія и передѣланной въ 13-мъ вѣкѣ нѣмецкимъ поэтомъ Ульрихомъ Эшенбахомъ, который въ своихъ странствованіяхъ заходилъ въ Прагу и посвящалъ часть своей книги королю Вацлаву II. Впрочемъ, чешскій поэтъ звалъ себя за основу не Эшенбаха, а латинскій подлинникъ, хотя ему известна была и нѣмецкая обработка. Сравненіе чешскаго текста съ подлинной исторіей Готье Шатильонскаго убѣждаетъ однако, что чешскій поэтъ, извѣдая главныя черты сюжета, остался совершенно независимъ въ его поэтическомъ изображеніи. Это былъ безъ сомнѣнія даровитый писатель, проникнутый христіанско-рыцарскимъ духомъ своего времени; его поэма есть наиболѣе самобытное и вообще лучшее произведеніе старо-чешской романтики ¹²⁾. Поэтъ раздѣляетъ аристократическія мнѣнія чешской шляхты, но вместе съ тѣмъ отличается и патріотически-народнымъ духомъ; Нѣмцы были для него такими же неприятными гостями, какъ для знаменитаго патріота, лѣтописца Далимила (см. «Выборъ» 1, 166). Другая знаменитая поэма, изъ Артурова цикла, *Тристанъ* (Тристанъ и Изольда), относится къ 14-му вѣку и обработана вѣроятно по нѣмецкой редакціи Готтфрида Стразбургскаго (около 1232), дополненной потомъ Ульрихомъ Турлинномъ (половина 13-го вѣка) и Генрихомъ Фрейбергскимъ (около 1300). Здѣсь мы опять встрѣ-

¹¹⁾ Продолжатель Козьмы Пражскаго замѣчаетъ подъ 1281 г., что въ это время пришло въ Чешскую землю такое множество Тевтоновъ, что многіе полагали, что ихъ было здѣсь больше чѣмъ мухъ.

¹²⁾ Разборъ чешской Александрейды сдѣланъ былъ В. Небескимъ. См. «Часопись» 1847, отд. II, ян. 1—2. Отрывки Александрейды печатались въ Starob. Sklad. Gauk (2, 151), въ «Часописѣ» 1828 и 1841, и собраны въ «Выборѣ», ст. 185 и 1071. Сличеніе отрывковъ показываетъ, что въ началѣ 14-го столѣтія у Чеховъ существовали уже различныя редакціи этой поэмы.

чаемся съ нѣмецкииъ повтожь на чешской почвѣ, потому что Генрихъ Фрейбергскій сдѣлалъ свое продолженіе Готтфрида для чешскаго пана Раймунда изъ Лихтенбурга. Дальше, *Tandarisъ и Флорибелла*, также поэма изъ цѣла Круглаго Стола, — неизвѣстно еще какими путями дошедшая до чешской литературы.

Къ числу романтическихъ произведеній можетъ быть отнесенъ и чешскій «Ткадлечекъ», въ прозѣ, который можно назвать маленькииъ романомъ. Лудвикъ Ткадлечекъ и возлюбленная его Адличка жили во второй половинѣ 14-го столѣтія при дворѣ вдовы королевы Елизаветы въ Браловомъ-Градцѣ. Адличка была красавица, и когда она досталась другому, Ткадлечекъ горько ее оплакивалъ, и рассказалъ о ея прелестяхъ въ разговорѣ между Жалующимся и Несчастнымъ. «Ткадлечекъ». нѣсколько монотонный по сюжету, считается за образецъ по легкости и силѣ языка.

Въ слѣдующемъ періодѣ чешской литературы мы встрѣтимъ уже цѣлую массу романтическихъ произведеній, происхождение которыхъ отчасти падаетъ вѣроятно еще въ эту эпоху. Другія направленія средневѣковой литературы, ея дидактика, басня, сатира и т. д. также нашли у Чеховъ свой отголосокъ, болѣе или менѣе самостоятельный: очень часто манера чешскихъ писателей самымъ близкимъ образомъ напоминаетъ нѣмецкихъ писателей, соединявшихъ басню съ житейскимъ наставленіемъ и мѣшавшихъ животный эпосъ съ поученіемъ и проповѣдью. Таковъ въ своихъ произведеніяхъ чешскій писатель 14-го столѣтія, ученый панъ Смиль изъ Пардубицъ, по прозванью Фляшка (убить въ сраженіи съ Кутногорскими горожанами 1403 г.), которому принадлежитъ *Новый Совѣтъ* (*Nová rada* 1395 г.), гдѣ разсказывается о томъ, какъ царь левъ, разославши пословъ, собралъ со всѣхъ сторонъ своихъ князей и пановъ на совѣтъ, и каждый подаетъ королю совѣтъ по своему разумѣнію. Чешскіе критики полагають, что аллегорія относится къ двору короля Вацлава IV, но совѣты звѣрей отличаются слишкомъ общей благочестивой моралью, какая была въ ходу въ то время, — авторъ, правда, старался иногда соблюсти индивидуальныя отличія звѣрей, заставляеть напр. зайца давать совѣтъ бѣгать съ сраженія, медвѣдя — совѣтовать сладко пить, и ѣсть, и спать въ свое удовольствіе, свинью — давать волю своимъ желаніямъ и «смишлству», и т. д.; но въ то же время орелъ нестаетъ длинно проповѣдуетъ о страхѣ божіемъ съ приѣбрами изъ св. писанія, а лебедь заканчиваетъ совѣтъ проповѣдью о страшномъ судѣ ¹³⁾. Смилю изъ Пардубицъ принадлежитъ также собраніе чешскихъ пословицъ (*Proverbia Flasskonis, generosi domini et baccalarii Pragensis*)

¹³⁾ Янъ Дубравскій перевелъ для короля Лудовика «Новый Совѣтъ» на латинскій языкъ, подъ названіемъ *Thegiobulia* (Нюрнб. 1520, Крак. 1521, Вресл. 1614). Новый члѣвекскій переводъ Вендига: *Der Neue Rath des Herrn Smil von Pardubitz*. Leipzig. 1856. Болѣе сообразный съ условіями животнаго эпоса разсказъ можно указать въ книгѣ „о лисицѣ и жбанѣ“ (o lišce a o žvanci), которому по языку относятся еще къ 14 столѣтію (изд. Ганка, и въ „Выборѣ“, ст. 227).

и ему же приписывается вѣсколко другихъ произведеній нравоучительнаго содержанія, напр. любопытные *Совѣты отца сыну* (*Radá otce k synu*), по манерѣ и стику дѣйствительно напоминающіе «Новый Совѣтъ». Отецъ хочетъ въ сынѣ «воспитать рыцаря изъ своего племени», и даетъ ему много наставленій, занимательныхъ по отношенію къ жизни и обычаямъ чешскаго дворянства 14-го вѣка. Прежде всего онъ учитъ сына страху бо-жію, усердной молитвѣ, чистотѣ совѣсти, учить быть вѣрнымъ своему сло-ву, соблюдать честь, «какъ велитъ рыцарскій законъ, — потому что вѣтъ ничего дороже чести»; совѣтуетъ быть справедливымъ со всеми людьми, не желать чужаго имѣнья, но строго защищать и свое отъ другихъ, — быть щедрымъ, милостивымъ къ челяди и т. д. Въ концѣ находятел заниматель-ные совѣты относительно обращенія съ дамами: въ этихъ совѣтахъ ясно отражаются рыцарскія понятія средневѣковой Европы, лучшимъ выраже-ніемъ которыхъ была провансальская поэзія. Отецъ даетъ сыну это настав-леніе, какъ необходимое для рыцарства: научаеъ его уважать всѣхъ доб-рыхъ дамъ, защищать и расширять ихъ честь; совѣтуетъ ему вѣрную (ры-царскую) любовь, — благосклонность панны онъ долженъ цѣнить выше золо-та и другихъ драгоценныхъ каменьевъ, — «дороже ея вѣтъ ни одной вещи въ цѣломъ свѣтѣ». Сынъ, выслушавъ отца, поблагодарилъ его за наставле-ніе и обѣщавъ служить сначала «Богу милому», и заботиться о добрыхъ поступкахъ, а потомъ служить «и дамамъ и паннамъ вообще всѣмъ», и одной паннѣ всего больше... Тому же Смилу приписывается *Ссора водъ съ виномъ*, довольно забавный рассказъ о томъ, какъ вода и вино спорили о своихъ достоинствахъ. Дѣло произошло такимъ образомъ: одинъ «мистръ св. письма», т. е. вѣроятно магистръ богословія (пражскій университетъ былъ уже тогда основанъ), накушался сладкихъ яствъ и выпилъ доста-точно вина. Во снѣ ему видѣлось, что ангелъ вознесъ его на третье небо и онъ увидѣлъ Бога, сидящаго въ своемъ великолѣпнн, — какъ будто гото-вился судъ. Вода спорила съ виномъ, и мистръ слышалъ всѣ ихъ рѣчи: ви-но хвалилось тѣмъ, что безъ него не обойдется ни одинъ пиръ, и всегда пмъ заканчиваютъ какъ лучшимъ напиткомъ. Вода отвѣчала, что ея хотѣлъ напитокъ самъ Христось, что она — одна изъ четырехъ стихій міра и т. п. Споръ длился очень долго: обѣ стороны прибѣгали очень часто къ священному писанію, — вода хвалилась, что она исцѣляла болѣзни въ известной купели, что въ ней крестился Христось, что вода текла изъ его бока, «все за грѣшннго челоуѣка», что вода — мать всего творенія, что она осаѣждаетъ луга, рѣками украшаетъ города и селенія; укоряетъ потомъ вино, что оно одуряетъ челоуѣка, что оно привело Ноя и Лота на край грѣха и гибели и т. д. Вино отвѣ-чаетъ, что напротивъ оно выше, — Христось воду претворилъ въ вино, а не на оборотъ; что Христось назвалъ своей кровью вино, а не воду; что вода есть вещь весьма презрѣнная, въ ней живутъ всякіе гады, ее пьетъ корова, лошадь и коза, и локаетъ всякій хищный звѣрь; что воду льютъ подъ лавку, тогда какъ вино берегутъ въ чистой склянницѣ; что

когда человекъ съѣло подонъеть вина, то чувствуетъ себя принявъ нитя-земь, хоть можетъ быть самъ не стоитъ ни гроша ¹⁴⁾. Вода однако побѣждала въ спорѣ, — мистръ очнулся и рѣшился ихъ помирить, — онъ испугался, что вода могла загубить вино, и мистру нечего было бы пить: «воды много на этомъ свѣтѣ, а вина мало, — это известно каждому ребенку». Мистръ началъ мерить ихъ и самъ держалъ рѣчь: что Богъ сотворилъ ихъ одинаково, назначивши воду свѣтскому, а вино духовному чину, — и онѣ должны жить вибѣстѣ, какъ нельзя быть духовному чину безъ свѣтского, и свѣтскому безъ духовнаго. Потому онъ совѣтуетъ имъ жить въ мирѣ и безъ зависти, и не спорить о томъ, кто пьетъ больше вина, нежели воды: «потому что кто хочетъ пить больше воды, тому вѣрно не чѣмъ заплатить за вино. — поэтому оставьте то на волю Богу, пусть люди пьютъ, кто что можетъ». Аллегорія довольно ясно намекала на нравы католическаго духовенства. Нанѣ остается еще одно произведение, въ которомъ также видать трудъ Смилы изъ Пардубиць; это — *Конюхъ и школьникъ* (*Satrapa et scholaris, Podkouň a zák;* изд. въ Пильзенѣ, 1498). Конюхъ и школьникъ, вѣроятно очень взрослый, сошлись въ корчмѣ, и спорить о своихъ взаимныхъ преимуществахъ. Авторъ «сатирически», но довольно добродушно описываетъ ихъ незавидное положеніе; изъ ихъ разсужденій можно между прочимъ извлечь понятіе о бытѣ тогдашняго школьнаго народа, напоминающемъ бурсацкій бытъ старинныхъ нашихъ академій и семинарій ¹⁵⁾.

Перечисленные нами сочиненія пана Смилы изъ Пардубиць, — или кому бы ни принадлежали послѣднія изъ нихъ, — довольно полный образчикъ общественной поэзіи того времени. Смилъ былъ писатель нѣмецкаго образованія и аристократическаго рода: съ одной стороны въ его сочиненіяхъ высказываются феодальные вкусы и рыцарскія стремленія, занесенныя въ чешскую жизнь нѣмецкимъ феодализмомъ; съ другой же его литературныя жанеры отзываются нѣмецкой начитанностью: «Совѣтъ звѣрей», «Споръ воды съ виномъ» и наконецъ «Конюхъ и школьникъ», хотя сатира ихъ и относится къ чешскимъ нравамъ, не были самостоятельнымъ и национальнымъ произведеніемъ, а навѣяны знакомствомъ съ нѣмецкими книгами. Они сходны въ направленіи понятій, въ характерѣ сатиры, нападающей больше на общія человѣческія слабости или осмѣивающей низшія сословія, въ приемѣхъ диалектики и т. п. Эти произведенія удачно переподвигались для чужой публики, какъ «Новый Свѣтъ» или «Ткадечекъ», нѣмецкое

¹⁴⁾ Ktož se vínem pódpil : méle
mniť byt' měl často hřiven cele,
mniť sam, byt' byl pravý vítěz,
protož sam zmad nestojí za peníze.

¹⁵⁾ Разборъ «*Нового Свѣта*» и биографія Смилы Флишки, напис. Воцеломъ, см. въ *Сам. Соск. Mus.* 1856.

название которого вышло въ числѣ первыхъ напечатанныхъ нѣмецкихъ книгъ.

Какъ Смилъ «сатирически» изображалъ конюха и студента, такъ и другіи произведенія 14-го столѣтія сообщаютъ насмѣшливые рассказы напр. «о сановникахъ», которые упрекаются въ пьянствѣ; «о лживыхъ судьяхъ», которые правятъ душой за деньги; «о злыхъ кузнецахъ», которые помогаютъ ворахъ; «о инковарахъ», которые обманываютъ простодушныхъ поселянъ; «о цирюльникахъ», которые пьянствуютъ и худо исполняютъ свое дѣло—плехо браютъ и пускаютъ кровь и т. п.

Съ латинскимъ церковнымъ образованіемъ и европейскими обычаями у Чеховъ появилась и средневѣковая драма. въ той же общей западной формѣ мистеріи, смѣшанной съ фарсомъ. Древнѣйшій остатокъ этой чешской драмы есть отрывокъ драматической пьесы: *Продавецъ мазей* (*Mastickat*), изъ 13—14-го столѣтія. «Продавецъ мазей» есть безъ сомнѣнія только небольшой влочекъ пьесы, которая представляла вѣроятно цѣлую мистерію о гробѣ божіемъ, т. е. погребеніи Спасителя. «Продавецъ мазей» отличается всеми свойствами западной мистеріи: серьезное и комическое идутъ въ немъ рядомъ—вслѣдъ за весьма сильными и даже скандальными остроумными шутами, играющими роль слуги продавца, являются на сцену три Маріи и благочестиво помогъ по латыни (и по чешски) о смерти Спасителя и своей горести, продавецъ отвѣчаетъ имъ также серьезно по латыни; но за тѣмъ является Авраамъ съ умершимъ Исаакомъ, котораго продавецъ мазей воскрешаетъ съ помощью своихъ лекарей опять самымъ нецензурнымъ образомъ. Одинъ изъ чешскихъ критиковъ указывалъ, что чешскій «Продавецъ мазей» перенесенъ былъ въ нѣмецкую литературу въ нѣсколькихъ мистеріяхъ, которыя носятъ явные слѣды знакомства съ Чехами и чешскимъ языкомъ,—и въ одной изъ нихъ указываетъ полный сюжетъ мистеріи, отрывокъ который мы видимъ въ чешской пьесѣ ¹⁶⁾. Другой извѣстный драматическій отрывокъ, *Гробъ божій*, относимый по языку къ 14-му столѣтію, представляетъ тотъ же сюжетъ, но съ серьезной стороны: дѣйствующія лица въ немъ Іисусъ, Марія Магдалина, Петръ и Іоаннъ, три ангела и т. д. ¹⁷⁾.

Дальше, чешская исторія также началась латынью. Первые чешскіе лѣтописцы по средневѣковому обычаю писали по латыни и представляютъ обыкновенныя качества средневѣковыхъ анналистовъ, ихъ ученые замашки и баснословныя тенденціи. Кромѣ Козьмы Пражскаго (+1125), другія латинскія хроники написаны были монахами Сазавскимъ и Опатовицкимъ; Винцентіемъ, каноникомъ пражскимъ; Ярлохомъ, аббатомъ Милевскимъ; Петромъ Житавскимъ; Франтишкомъ, пробстомъ пражскаго капитула и т. д. Затѣмъ появляются и чешскіи лѣтописи, древнѣйшая и знамени-

¹⁶⁾ См. подробности у Небескаго, въ *Časopis Česk. Mus.* 1847, вып. 3, 335—340.

¹⁷⁾ Оба отрывка издали въ *Starob. Sklad.* и въ „Вибр. рт.“, ст. 65—82. 418—426.

тѣйшая изъ нихъ, писанная рифмованными стихами, составлена въ первые годы 14-го столѣтія (1310—1314) и приписывается нѣкому Далимишу Мезрижницкому, канонику Болеславской церкви. Такъ полагали, основываясь на томъ, что Гаекъ ссылался на этого Далимиша; но вѣроятно, что авторомъ ея былъ чешскій рыцарь, ученый и патріотъ, въ родѣ Смилы изъ Пардубицъ; притомъ въ началѣ Далимишъ самъ ссылается на Болеславскую хронику, которой пользовался. Далимишъ извѣстенъ въ рукописяхъ уже съ 14-го столѣтія и книга его издана была въ роковомъ 1620 г., но тогда же предана была сожженію, — уцѣлѣло только нѣсколько экземпляровъ¹⁸⁾. Этотъ лѣтописецъ принадлежалъ очевидно къ оппозиціи, неодобравшей вліянія Нѣмцевъ и при каждомъ удобномъ случаѣ высказываетъ къ нимъ сложенную антипатію; какъ горячій патріотъ, онъ заботился о сохраненіи національной чести и роднаго языка. Другая обширная хроника, въ прозѣ, также весьма извѣстная, принадлежитъ священнику Пулкавѣ (Přibislav ze Hradce или Pulkaва, — 1380). Исторія ея составленія передается различно; но во всякомъ случаѣ она была написана первоначально по латыни, по порученію Карла IV, и потомъ, какъ думаютъ, переведена самимъ Пулкавою на чешскій¹⁹⁾.

Наконецъ, въ этотъ періодъ значительно развилась и литература чешскаго права. Мы только назовемъ главные произведенія. Къ первой половинѣ 14-го вѣка относится такъ называемая *Книга стараго пана изъ Розенберка* (коморника короля чешскаго, 1312—1346), гдѣ объясняется, какъ слѣдуетъ вести дѣла въ земскихъ судахъ чешскаго королевства, — замѣчательный памятникъ старыхъ юридическихъ обычаевъ Чехіи. Дальше *Земское Право* (Řád práva zemského, 1348 — 1355), написанное сначала по латыни, потомъ свободно переданное на чешскій языкъ, — также какъ книга пана изъ Розенберка, трудъ частнаго человѣка, не имѣвшій официальной силы. Важнымъ юридическимъ памятникомъ надобно дальше назвать *Объясненія на право чешской земли* Андрея изъ Дубы (Ondřej z Dubé, Vůklad na právo země české, около 1400), съ посвященіемъ королю Вацлаву, — занимательнымъ не меньше самой книги²⁰⁾. Затѣмъ извѣстны переведенныя съ латинскаго «Права великаго города Праги», «Магдебургское право», «Majestas Carolina» Карла IV въ чешскомъ переводѣ, постановленія судовъ и сеймовъ, и т. д. Хотя все это относится къ 14-му столѣтію, когда въ чешской официальной жизни было уже много чужихъ элементовъ, но въ этихъ книгахъ сохранилось однако много юридическихъ обычаевъ,

¹⁸⁾ Другое изданіе сдѣлано было Прохазкой уже въ 1786; лучшее новое изданіе Ганки Dalimilova Chronika česká, Прага 1851. Далимишъ въ 14-мъ же столѣтіи былъ переведенъ на нѣмекій: этотъ переводъ, смѣгавшій рѣзкости лѣтописца противъ Нѣмцевъ, изданъ былъ также Ганкой въ Сборникѣ нѣмецкаго литературнаго общества въ Штутгартѣ: Dalimil's Chronik von Böhmen, von W. Hanka, Stuttg. 1859.

¹⁹⁾ См. Палацкаго, Würdigung der alten böhm. Geschichtsschreiber, стр. 174. Изд., съ возобновленіемъ языка, Прохазкой въ Прагѣ 1786.

²⁰⁾ Всѣ упомянутые памятники изданы въ Чешскомъ Архивѣ Палацкаго.

идущихъ изъ древнѣйшихъ временъ. Непосредственные источники древнѣйшаго чешскаго права очень бѣдны и заключаются главнымъ образомъ въ старыхъ актахъ и лѣтописныхъ извѣстiяхъ.

Наконецъ назовемъ еще нѣсколько произведенiй, уцѣлѣвшихъ отъ 14-го столѣтiя: *Аланъ* (1527 стих.), аллегорическое стихотворенiе о нравственномъ обновленiи челоуѣка. Природа желала усовершенствовать челоуѣка, порабощеннаго грѣхами.—она совѣтуется объ этомъ со всеми добродѣтелями, и Мудрость, сопровождаемая Разумомъ, семью Свободными Художествами и кнатью Чувствами, отправляется на девятое небо (все это описывается съ баснословными подробностями), и Богъ обѣщаетъ спасенiе челоуѣка черезъ своего сына. «Аланъ» сокращенъ и пересказанъ чешскимъ стихотворцемъ по латинской поэмѣ Anticlaudianus Алана Русселя (Alanus ab Insulis, +1203). Это образчикъ схоластической философи и космогонiи среднихъ вѣковъ ²¹⁾. Далѣе — энциклопедическiй *Луцидарiусъ*, знаменитый по всей Европѣ и передающiй научныя знанiя среднихъ вѣковъ съ цѣлой массой басенъ и чудесныхъ новѣрiй, которыя находили тогда вообще вѣру. Чешскiй «Луцидарiусъ» относить еще къ 14-му столѣтiю. Переводились и другiя книги правоучительнаго и образовательнаго содержанiя, какъ *Cisiojanus*, *Рай Души* Альберта Великаго, *Дистихи* «министра» Катона, историческiя и географическiя книги въ родѣ *Римской Хроники* Мартиниана, или извѣстнаго *Путешествiя* Мандевилля, переведеннаго съ нѣмецкаго Лаврентiемъ изъ Бржезова (изд. въ Пильзенѣ 1510—1513 и друг.) и т. д.

2. ГУССИТСКАГО ДВИЖЕНIЯ И «ЗОЛОТОЙ» ВѢКЪ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Мы довольно опредѣлительно можемъ начать новый перiодъ чешской литературы съ 15-го вѣка, хотя переходъ отъ 14-го столѣтiя въ 15-е былъ все-таки довольно постепенный. Если въ однихъ событiяхъ, какъ напр. въ реформаторскихъ стремленiяхъ Гуса, сильно высказалась и проявилась на дѣлѣ новая мысль, то въ другихъ литературныхъ направленiяхъ продолжалось предыдущее развитiе, съ которымъ и слiяны идеи Гуса имѣютъ большую связь. Въ 15-мъ столѣтiи намъ часто придется указывать на 14-е ¹⁾.

²¹⁾ Издано въ Starob. Sklád. Ганки.

¹⁾ Объ этомъ перiодѣ чешской литературы, см.: Die Vorläufer des Husitentums in Böhmen, Leipz. 1846;—I. A. Helfert, Mistr Jan Hus aneb počátkové církevního rozvojení v Cechách, Прага, 1857 (съ католической точки зрѣнiя);—Новиковъ, Гусъ и Лютеръ (въ «Р. Вѣстнѣ» и отдѣльной книгѣ);—В. Надлеръ, Причины и первыя проявленiя оппозицiи католицизму въ Чехiи и западной Европѣ въ концѣ XIV и началѣ XV в., Харьковъ, 1864 (также какъ предыдущая книга съ славянофильской точки зрѣнiя);—Anton Gindely, Geschichte der böhmischen Brüder, Prag 1857—58, 2 т. (часть цѣлаго сочиненiя, предложеннаго авторомъ: Böhmen und Mähren im Zeitalter der Reformation;—Палацкiй, Stáři lètopisové českí, 1829;—Bohuslav Balbini, Bohemia docta, ed. Raph. Ungar, 1776;—Ad. Voigt, Acta litteraria Bohemae et Moraviae, 1774—84;—V. Tomek, Geschichte der Prager Universität, Prag, 1849;—V. Hanke, Bibliografie prvotisků českých od 1468 až do 1526 léta. Прага, 1858.

Развитіе чешской литературы въ 14-мъ вѣкѣ безспорно усиливалось вслѣдствіе расширенія средствъ образованія и благосостоянія страны въ правленіе Карла IV. Основаніе Пражскаго университета (1348) имѣло при этомъ весьма обширное мнѣніе; правда, и въ этой, какъ и въ другихъ южныхъ школахъ западной Европы, наука передавалась на латинскомъ языкѣ, но латинскій языкъ былъ очень распространенъ и образованіе расходилось по всей странѣ. Съ другой стороны, въ расширеніи литературной дѣятельности имѣло свою значительную долю участіе нѣмецкой культуры. Время Карла IV и его сына Вацлава (Венцеслава) IV вообще признается блестящимъ періодомъ чешскаго образованія.

Знаніе латинскаго языка распространяется теперь еще больше; въ тѣхъ религіозныхъ спорахъ, которые привлекли теперь всеобщее вниманіе націй, это знаніе было и необходимо. Мы встрѣчаемъ поэтому цѣлую массу словарей латинскихъ и другихъ иностранныхъ, которые обнаруживаютъ сильное литературное движеніе и литературныя связи Чеховъ въ эту эпоху ²⁾. Кромѣ латинскаго языка, въ нихъ появляется и греческій, нѣмецкій (всего чаще), французскій, итальянскій, венгерскій и польскій. Распространеніе знаній и литературныхъ вкусовъ, вмѣстѣ съ бурнымъ религіознымъ движеніемъ, чрезвычайно распространили литературную дѣятельность, такъ что съ 15-го столѣтія мы имѣемъ огромную массу памятниковъ разнообразныхъ направленій. Мы остановимся сначала на томъ романтическомъ средневѣковомъ содержаніи, которое прочно утвердилось у Чеховъ еще съ 14-го столѣтія. Средневѣковыя поэмы, и позднѣе выродившіяся изъ нихъ стихотворный и прозаическій романъ, переходятъ въ чешскую литературу цѣлымъ обширнымъ запасомъ. Изъ античнаго цикла переведена была знаменитая *Троическая исторія*. Гвидона де Колумны, въ 1411 г. и напечатана первой чешской книгой въ Цильзенѣ 1468, въ Прагѣ 1488 и еще нѣсколько разъ, потому что была въ свое время весьма любимымъ чтеніемъ; *Аполлоній Турскій* (*Kronika o Apollonovi, králi Turském*), сохранившійся въ рукописи 1459 г. и много разъ напечатанный. Изъ духовныхъ романовъ пользовались въ то время не меньшимъ успѣхомъ: *Варлаамъ и Иосафатъ*, рукописи котораго известны со второй половины 15-го вѣка (изд. 1504 и др.); *Иосифъ и Асенсъ* (*Kniha o Josefovi a Assenach manželce jeho*, рукопись 1465, изд. 1570), известная апокрифическая исторія о ветхозавѣтномъ Иосифѣ; *Сольфернъ* (*Solfernus vřeb život Adamuv*), романъ, рассказывающій споръ дьявольскихъ силъ съ Богомъ о небѣ, — романъ переведенъ съ латинскаго въ первой половинѣ 15-го вѣка, переделанъ Гайкомъ Либочанскимъ и изданъ Сикстомъ изъ Оттерсдорфа въ 1553 г. и др. Мно-

²⁾ Небольшой словарь составленъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей умѣренного гусситизма Рокицаиной; другіе словари «Mammotrectus», «Hypnagogus», дальше «Оломуцкій», «Вѣнскій» триязычный, но въ особенности «Lactifer»; затѣмъ въ 16-мъ столѣтіи латинско-чешско-нѣмецкій словарь Петра Ковдича, «Sylva» и «Nomenclator quadrilinguis» Велеславина и множество другихъ, служили или для спеціальныхъ изученій, или старались уже представить полные лексическіе труды.

жество средневѣковыхъ романовъ и повѣстей, перешедшихъ въ чешскую литературу, ходило въ рукописяхъ и печаталось, напр. известный романъ *Flora et Blancheflora* (Velmi pěkná nová kronika aneb historia vo velicé milosti knížete a krále Floria a jeho milé pani Bianceflore, Прага, 1519 и др.); исторія о *Мелюзантѣ* (Kronika kratochvilná и проч. 1555 и др.); о рыцарѣ *Петрѣ* и книгивѣ *Магелонѣ* (Кр.-Градецъ, 1565); Боккаччьева повѣсть о *Гризельдѣ*, известная по рукописямъ съ 15-го столѣтія и много разъ изданная; повѣсть *Gesta Romanorum* о цезарѣ *Ювиніантѣ*; повѣсть о *Семи мудрецахъ* (Kratochvilná kronika o sedmi mudrejch); повѣсть о *Фортунатѣ*; о *Тиллѣ Эленинителѣ*; разговоры *Соломона съ Маркольтомъ*, и много другихъ подобныхъ произведеній. ближайшимъ источникомъ которыхъ была нѣмецкая литература. Всѣ эти исторіи и у Чеховъ стали такими же популярными книгами, какими онѣ были по всей Европѣ, служивше составляя чтеніе рыцарей и высшаго сословія, а потомъ переходя въ публичную престопаходную, въ которой онѣ продолжаютъ отчасти жить и до сихъ поръ. Появлялись и собственные исторіи въ томъ же вкусѣ, — такъ вы, напр. исторіи о князѣ и панѣ чешскомъ *Штильфридѣ и сынѣ его Брунцонкѣ*, о панѣ *Властѣ* (известной чешской амазонкѣ), известная по изданіямъ 16-го вѣка; повѣсть о челоѣкѣ рыцарскаго сословія *Палечкѣ* (Прага, 1610 и др.), нравоучительная повѣсть Бартоша Папроцкаго (Прага, 1601 и друг.), Мало по малу эта литература переходитъ въ мелкія народныя повѣсти и анекдотическія исторіи, которыя были вѣроятно чтеніемъ одного низшаго класса, особенно съ тѣхъ поръ, какъ наступило время упадка чешскаго языка и литературы.

Самобытное поэтическое развитіе, образчикъ котораго мы видѣли въ 13-мъ столѣтіи, было окончательно прервано этимъ вліяніемъ средневѣковаго романтизма, преимущественно нѣмецкаго. Нѣмецкіе элементы начали такъ сильно входить въ жизнь и нравы, что уже стали возвышаться патріотическіе голоса, требовавшіе возстановленія народнаго чести и народнаго языка. Мы видѣли такого патріота въ авторѣ Далмиловой хроники и въ поэтѣ Александранды. Эти патріотическія воззванія 14-го столѣтія приготавливаютъ насъ къ тому національному движенію, которое открылось въ Чехіи въ началѣ 15-го столѣтія, съ появленіемъ Гуса.

Движеніе, начавшееся въ 15-мъ столѣтіи, имѣло національный смыслъ и дало совершенно новый оборотъ литературной дѣятельности, хотя основа и поводъ его были часто религіозные. Что религія стала въ этомъ движеніи на первомъ планѣ и что религіозный вопросъ могъ повлечь за собою такой обширный переворотъ въ общественныхъ и культурныхъ отношеніяхъ, какой произошелъ у Чеховъ въ 15-мъ столѣтіи, — это совершенно объясняется средневѣковымъ значеніемъ религіи и католической церкви въ западной Европѣ вообще, и тѣмъ особеннымъ положеніемъ, которое заняла латинская церковь въ Чехіи. Она принесла измѣненіе общественнаго порядка, открывая дорогу церковнымъ притязаніямъ и феодализму, приносила

съ собой латинскую образованность, непонятную народу и, заботясь о собственномъ благѣ духовенства, какъ сословія, слишкомъ мало заботилась о народѣ, который притомъ не имѣлъ здѣсь, какъ на западѣ, никакихъ римскихъ традицій. Политическія и общественныя злоупотребленія іерархіи и духовенства, владѣвшихъ имѣньями въ ущербъ народному богатству и къ соблазну для народной нравственности, и злоупотребленія королевской власти, нарушавшей и національное чувство и земскія вольности, еще больше подрывали авторитетъ и едва только брошенъ былъ въ этотъ авторитетъ первый камень, какъ въ массѣ пробудилась сознательная потребность новаго порядка.

Предыдущій періодъ приготавливалъ уже къ этому сознанию — прежде всего на церковной почвѣ. Развитие чешской литературы при Карлѣ, значительно распространило образованность и направило вниманіе на нравственные и религиозные вопросы. Легкая иронія по поводу жизни духовенства просвѣчиваетъ уже въ сатирическихъ пьесахъ, приписываемыхъ Смилю изъ Пардубиць. Другой популярный писатель второй половины 14-го вѣка, рыцарь Жюма Штитинскій (жилъ до конца 14-го вѣка: *Rozmlávu pábožné; Knihu učení křesťanského*, 1374; *Reči Svátceří; переводы изъ св. Августина 1388 и т. д.*), котораго по ясности ума, патриотическому образу мыслей, легкости и ровности языка ставятъ во главѣ писателей того времени, въ своихъ сочиненіяхъ развивалъ уже тѣ христіанскія понятія, которыми такъ мало соответствовала церковная іерархія³⁾. Оппозиція противъ церкви явилась наконецъ и среди самаго духовенства: Карлъ IV, самъ указывавшій папѣ на церковныя неурядица, покровительствовалъ проповѣдникамъ Нѣмцу Конраду Вальдгаузеру (+1369: латинская *Apologetica* противъ доминиканцевъ и августиніанъ, по поводу преслѣдованій; *Postilla studentium sanctae Pragensis Universitatis super Evangelia dominicalia*) и Яну Миличу (+1374: *Postilla, Knižky o zarmácených velikých církve svatě [libellus de Antichristu]* и проч.), которые ревностно проповѣдывали противъ свѣтской и церковной испорченности, такъ что тѣ, кому не нравились эти поученія, придумали обвинить ихъ въ ереси. Но приѣздь не пропалъ даромъ. Замѣчательнѣйшій изъ учениковъ Милича, Матвѣй изъ Янова (+1394), ученый богословъ и «парижскій магистръ», изъ рыцарскаго рода, помогъ еще дальше Милича въ проповѣди неспорченнаго христіанства: въ своемъ большомъ богословскомъ сочиненіи (*de regulis Veteris et Novi Testamenti*) онъ сильно защищаетъ писаніе противъ церковной традиціи и явное ученіе Христа противъ позднѣйшихъ прибавокъ людскаго вымысла; онъ также подвергся церковному суду по обвиненію въ ереси.

Но всѣ эти реформатскія попытки въ первый разъ получили обще-

³⁾ Писаніе «христіанскаго ученія» сдѣлано Эрбенемъ (съ приложеніемъ біографіи Штитинскаго) Прага 1852. См. также *Rozbor liter. staročeské*, т. 2; Jos. Wenzig, *Studien über Ritter Thomas von Štítín*, Leipz. 1856. Штитинскій говоритъ, что на него оказало вліяніе нѣсколькихъ проповѣдниковъ Яна Милича (см. дальше); это вліяніе и заставило его рѣшиться быть писателемъ.

ественную силу только тогда, когда вождь их явился министр (магистръ) Янъ Гусъ, проповѣдникъ въ Винолевицкой часовнѣ въ Прагѣ, профессоръ и потомъ ректоръ пражскаго университета (род. 1369, сожженъ въ Констанцѣ, 6 юлія 1415). Живѣйшимъ образомъ церковный вопросъ поднятъ былъ, когда Іеронимъ Пражскій, чешскій шляхтичъ и бакалавръ свободныхъ искусствъ, принесъ изъ Оксфорда положенія Виллефа, рѣзко стоявшія за ту же реформу, которой до тѣхъ поръ умѣренность требовали чешскіе ея защитники. Ученіе Виллефа было въ этомъ случаѣ поддержкой, явившейся очень кстати: уже Тома Штитный, при всей своей умѣренности, сомнѣвался въ трансубстанціаціи; Матвѣй изъ Янова уже стоялъ за подлинное христіанство противъ церковныхъ традицій; авторитетъ іерархіи былъ уже подверженъ сомнѣнію. Гусъ и его друзья между духовенствомъ и изъ университетскихъ наставниковъ приняли ученіе Виллефа съ сочувствіемъ. но собственно говоря, реформатскія стремленія самого Гуса высказались еще раньше, какъ только онъ сталъ публичнымъ учителемъ. Новыя положенія Виллефа проповѣдывались и въ университетѣ⁴⁾, хотя впрочемъ въ первое время ихъ принимали только немногіе изъ членовъ университета.

Не разсказывая всѣхъ подробностей начинавшейся борьбы, мы упомянемъ только главныя ея направленія. Уже съ самаго начала дѣло религіозной реформы стало дѣломъ университета, — который былъ тогда высшимъ ученымъ учрежденіемъ, единственнымъ для всей средней Европы, — и дѣломъ приверженцевъ и защитниковъ чешской народности; самая дѣятельность Гуса была въ одно и то же время дѣятельность церковнаго реформатора и ревностнаго защитника своей народности. Пражскій университетъ въ ту пору привлекалъ множество слушателей, огромное большинство которыхъ состояло изъ иностранцевъ: *нации*, на которыя дѣлились университетскіе граждане, были — чешская (съ Моравянами и Венграми), польская (съ Силезцами, Лужицанами, Пруссаками), саксонская (съ сѣверными Нѣмцами) и баварская (съ южными Нѣмцами, Швейцаріей, Каринтіей, Крайнонъ и т. д.); бывали въ университетѣ и Французы, Итальянцы, Англичане. Чешская нація, со всѣми студентами, бакалаврами и магистрами, составляла только около 6-й доли цѣлаго университета. Слѣдовательно, по національности, пражскій университетъ далеко не былъ народно-чешскимъ. По своему характеру университетъ былъ церковный и латинскій, какими были вообще ученныя учрежденія того времени. Такимъ образомъ съ одной стороны университетъ легко могъ быть, и въ это время дѣйствительно былъ, опорой католическаго правовѣрія, съ другой — латинская ученость отчуждала его отъ народнаго развитія, на которое онъ

⁴⁾ Такъ какъ уставъ пражскаго университета дозволялъ профессору читать не только свои сочиненія, но и другія сочиненія, если только онѣ были написаны какимъ нибудь магистромъ пражскимъ, парижскимъ или оксфордскимъ (*dimmodo sint ab aliquo famoso de universitate Pragensi, Parisiensi, vel Oxoniensi magistro compilata. Helfert, стр. 56*), т. е. если только достаточно была обезпечена ученость сочиненія.

смотрѣлъ высокохѣрно и съ презрѣніемъ. Тома Штитный въ концѣ 14-го вѣка уже вооружается противъ школьныхъ латынщиковъ, чуждыхъ народу и считавшихъ свое знаніе цеховой тайной: «Богу также угоденъ Чехъ, какъ и латынщикъ», говорилъ онъ. Цѣлью трудовъ его было именно дать читателямъ, необученнымъ латыни, то содержаніе религіознаго ученія, о которомъ писалось только по латыни. Латынщики съ недовѣріемъ и даже враждебно смотрѣли на эти попытки популярнаго ученія: Штитный отвѣчалъ: «Святой Павелъ писалъ свои посланія языкомъ тѣхъ, къ кому писалъ, Евреямъ по еврейски, Грекамъ по гречески... почему бы Господь Богъ и Чехамъ не написалъ и не напоминалъ своей воли письмомъ. у нихъ употребительнымъ?» Онъ съ своей стороны глумится надъ школьными мудрецами, которые боялись, что простой читатель употребить во зло высокое ученіе: «развѣ же не дѣлать моста изъ-за того, что глупый человѣкъ можетъ съ него свалиться?» Преобладаніе чужихъ національностей въ университетѣ конечно только усиливало это взаимное нерасположеніе. Можно было ожидать, что въ случаѣ спора сторона народная и патриотическая будетъ противъ представителей официальной латинской науки.

Этотъ случай представился въ столкновеніи по поводу положеній Виклефа, принятыхъ Яномъ Гусомъ, тогда уже очень влиятельнымъ лицомъ въ университетѣ, и другими ревностными приверженцами реформы, въ числѣ которыхъ былъ и подканцлеръ университета, Николай Литомышльскій. 28 мая 1403 г. собраніе всѣхъ пражскихъ «мистровъ» должно было разсуждать о положеніяхъ Виклефа, которыя отвергались церковью и однако преподавались нѣкоторыми учителями университета. Собраніе должно было рассмотреть всѣ пункты этого ученія, противъ которыхъ было уже высказано обвиненіе въ ереси. Несмотря на всѣ старанія Гуса, защитники Виклефа оказались въ меньшинствѣ, и большая часть голосовъ постановила: что ни одинъ членъ пражскаго университета не долженъ учить ни одному изъ 45 положеній Виклефа. Это рѣшеніе конечно не заставило Гуса отказаться отъ его убѣжденій, — и кромѣ того оно ясно опредѣлило положеніе враждебныхъ сторонъ: постановленіе, сдѣланное не національнымъ большинствомъ, сочтено было за дѣйствіе противъ чешской народности, потому что какъ Гусъ, такъ и его товарищи, были чешскими патриотами и друзьями народа въ смыслѣ Штитнаго, а съ другой стороны Нѣмцы, шедшіе обыкновенно вмѣстѣ съ другими чужими національностями университета, держались партіи враждебной Гусу и реформѣ. Такимъ образомъ оба стремленія, сначала независимыя, соединились въ одно: религіозная оппозиція встрѣтилась и слѣлась съ національной антипатіей къ иноземному преобладанію, и защитники народности стали смѣлѣе, поддержанные реформаторами университета. Уже въ первый моментъ борьбы Гусъ и приверженцы преобразованій являются поэтому дѣятелями чисто народными, а сторона противогусситская, нѣмецкіе элементы въ университетѣ и въ городскомъ населеніи, являются вмѣстѣ и партіей противонародной.

Распространеніе новаго ученія, отвергающаго разныя первоначныя основанія, противныя чистому христіанству, отвергающаго совершенно авторитетъ іерархіи, шло все дальше и дальше, не смотря на заперченія: церковная власть изрѣдка принималась за судебныя преслѣдованія священниковъ и мірянъ, обвиняемыхъ въ ереси, но какъ часто бываесть въ подобныхъ случаяхъ, она не замѣчала, что творилось явно вокругъ нея, не видѣла грозившей опасности, и даже оправдывала обвиненныхъ. Внѣшніи условія благоприятствовали Гусу: за него стояло дворянство короля Вацлава IV, много пановъ и рыцарей чешскихъ, которымъ хотѣлось забрать въ руки имѣнья духовенства, потому что отианіе церковныхъ имѣній уже открыто провозглашалось за необходимую потребность защитниками реформы; король Вацлавъ также покровительствовалъ Гусу, думая поддерживать національное начало изъ политическихъ отношеній къ церкви; Гусъ долго сохранялъ хорошія отношенія и къ архіепископскому двору. Борьба въ университетѣ продолжалась; Гусъ продолжалъ проповѣдывать съ явнымъ виелефовскимъ оттенкомъ. Въ 1408 заведенъ былъ еще одинъ процессъ о ереси, и вскорѣ потомъ въ университетѣ собрана была чешская «нація» для разбора тѣхъ же 45 положеній, — потому что въ этой націи собственно и былъ интересъ къ новому ученію. Подъ предсѣдательствомъ ректора сошлось 64 мастера и доктора, 150 бакалавровъ и до 1000 студентовъ, и хотя рѣшеніе постановило, чтобы ни одинъ членъ чешской націи не отваживался признавать, распространять или защищать какое нибудь изъ этихъ положеній, — но къ рѣшенію была сдѣлана оговорка, что это запрещеніе относится только къ тому въ положеніяхъ Вилефа, что въ нихъ есть ошибочнаго или еретическаго (*in sensibus eorum haereticis aut erroneis aut scandalosis*). Оговорка была многозначительна, потому что каждому предоставлялось рѣшать, есть ли ересь или нѣтъ въ данномъ положеніи: оговорка уничтожала всю силу рѣшенія.

Наконецъ одно событіе дало окончательный перевѣсъ народному началу въ университетѣ, и, по связи его съ дѣломъ реформы, перевѣсъ самому ученію Гуса. Междунаціональная вражда, начавшаяся въ университетѣ изъ-за религіозныхъ имѣній и народнаго самолюбія, сведена была еще прежде къ вопросу о количествѣ голосовъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ націямъ. До сихъ поръ каждая нація имѣла по одному голосу, но такъ какъ между ними было три чужихъ, то Чехи всегда оставались въ невыгодномъ положеніи, если только поднималось дѣло, интересовавшее народную честь. А такихъ дѣлъ было теперь много. Чешская нація требовала для соблюденія справедливости въ отношеніи иностранцевъ къ туземцамъ, чтобы ей предоставлено было три голоса, а остальнымъ націямъ по одному. Король Вацлавъ сначала было рѣшительно отказалъ въ этомъ чешской націи, но потомъ, подъ влияніемъ окружавшихъ его патріотовъ, неожиданно рѣшилъ дѣло въ пользу Чеховъ и предоставилъ ихъ націи желаемые три голоса. Это было для нея великимъ торжествомъ, — съ этой

минуты обезпечивалось ея вліяніе въ высшей школѣ, необходимое для успѣха начатаго дѣла. Чтобы установить въ университетѣ новый порядокъ, нужно было виѣшательство власти; иноземныя націи, огорченныя и оскорбленныя, рѣшились на послѣднее средство. Въ 1409 г. иноземные мастера и студенты, въ числѣ около 5000 человекъ, оставили Прагу навсегда, и избрали себѣ новый пріютъ въ Лейпцигѣ — это было основаніемъ лейпцигскаго университета. Это событіе, прискорбное и для ушедшихъ и для самаго города Праги, терпявшаго массу интереснаго и прибыльнаго ему населенія, было однако побѣдой національно-реформатской партіи; у нея развязаны были руки. Выходъ Нѣмцевъ сразу выставилъ впередъ чешскіе элементы движенія, и оно осталось національнымъ на все время гусситской борьбы. Первымъ ректоромъ, который былъ выбранъ въ новомъ университетѣ послѣ этого событія, былъ (во второй разъ) Янъ Гуса. Очевидно, что вся національная борьба сосредоточивалась въ немъ.

Мы не будемъ разсказывать дальнѣйшихъ событій; они принадлежать исторіи и читатель гораздо лучше познакомятся съ ними изъ Палацкаго или изъ короткаго изложенія у Шлоссера. Проклятіе и удаленіе Гуса изъ Праги не могли остановить распространенія его идей, а напротивъ помогли имъ разойтись между провинціальнымъ населеніемъ. Имя Гуса стало и въ новомъ его мѣстопробываніи также популярно, какъ было между слушателями его въ Вилемской капеллѣ. Осужденіе и сожженіе Гуса раздражили народъ и вызвали въ немъ ту рѣшимость дѣйствовать силой, которая такъ страшно разразилась въ гусситскихъ войнахъ. Дѣло Гуса было сдѣлано.

Вліяніе Гуса, которому такъ много принадлежитъ въ національномъ движеніи Чехіи 15-го вѣка, объясняется его замѣчательною личностью. Меньше суровый въ своей проповѣди, чѣмъ Вальдгаузеръ, меньше фантазировавшій въ своихъ понятіяхъ, чѣмъ Миличъ, онъ не производилъ на своихъ слушателей такого быстрого впечатлѣнія, какъ его предшественники, но дѣйствіе его было глубже и прочнѣе. Онъ обращался прежде всего къ уму и здравому смыслу и только послѣ убѣжденія дѣйствовалъ на чувство. Быстрота и ясность мысли, способность проникать въ самую сущность предмета и раскрывать ее для всѣхъ, необыкновенная начитанность, особенно въ св. писаніи, твердая защита своихъ положеній давали его проповѣди великую силу и увлекательность. Къ этому присоединялась строгая правдивость, живая и крѣпкая вѣра, безупречно-чистая жизнь, горячее стремленіе къ возвышенію народа и исправленію церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ твердость убѣжденій, шедшая до героическаго самопожертвованія *). Нѣтъ сомнѣній, что эти личныя качества реформатора придали много энергіи національнымъ силамъ, которыя съ тѣхъ поръ сознали свое значеніе и выступили на дѣятельное поприще.

* Палацкій, Dějiny III, 1, стр. 166.

Личное вліяніе Гуса, сильно дѣйствовавшее въ его проповѣди, поддерживалось и его литературной дѣятельностью. Въ литературныхъ трудахъ Гуса мы всего чаще остаемся на реформаторско-богословской почвѣ, но тѣмъ не менѣе чешскія и латинскія сочиненія его имѣютъ высокой интересъ и историческое значеніе. Въ нихъ больше, чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ произведеніяхъ того времени, обнаруживается стремленіе къ прогрессу и стараніе осуществить его въ дѣйствительной жизни. Если Гусъ слишкомъ много останавливался на догматической сторонѣ дѣла, это было потребностью времени, для котораго догматическій вопросъ былъ вопросомъ существенный и неизбѣжный; но это не помѣшало ему самымъ рѣзкимъ образомъ вмѣшаться въ дѣло національности и народнаго развитія.

Какъ писатель Гусъ выказалъ чрезвычайную плодовитость, такъ что можно удивляться, что при жизни столько бурной и занятой онъ могъ оставить такой длинный рядъ книгъ и трактатовъ, чешскихъ и латинскихъ, и такое множество писемъ и посланій. Изъ чешскихъ сочиненій его изданы только нѣкоторыя; латинскія сочиненія собраны подъ заглавіемъ: *Historia et monumenta J. Husi* («Исторія и памятники І. Гуса», Нюрнб. 1558, 1715); отдѣльно вышли: *De unitate Ecclesiae* («о единствѣ церкви», Майницъ 1520) и *Epistolae* съ предисловіемъ Лектера (Виттенб. 1537). Больше извѣстныя латинскія сочиненія его были: *Explicatio Symboli. Decalogi et orationis Dominicae; De decimis; De corpore Christi; De indulgentiis; De pernicie traditionum humanarum* и т. д. Латинскія сочиненія Гуса, — посредствомъ которыхъ онъ только и могъ приобрести себѣ обширное поприще дѣйствія, простиравшееся кромѣ Чехіи на всю ученую Европу. — обнаруживаютъ замѣчательную ученость, и вмѣстѣ отличаются свойствами тогдашней діалектики и схоластической философіи: они писались для теологовъ и должны были говорить техническимъ языкомъ. Діалектическія и логическія тонкости ихъ рассчитывали на ученыхъ и университетскихъ слушателей, которымъ была привычна эта школьная манера; многія изъ сочиненій его отзываются характеромъ школьныхъ диспутаций, которыя были тогда въ большомъ ходу.

Важнѣйшимъ сочиненіемъ Гуса былъ латинскій трактатъ *О церкви*, написанный по поводу пражскаго синода 1413 г., — изъ него выбрано было на Констанцскомъ соборѣ тѣ 44 пункта, въ которыхъ Гусъ долженъ былъ оправдываться. Здѣсь онъ изложилъ главные основы своей теоріи и это сочиненіе можетъ считаться символической книгой отпавшей потомъ чешской церкви. Мы передадимъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе трактата, чтобы ввести читателя въ кругъ идей, которыя наполняли гусситское общество и за которыя оно выдержало такую ужасную бурю. Гусъ начинаеть съ ученія о предопредѣленіи: церковь виѣшняя заключаетъ въ себѣ и добрыхъ, «предопредѣленныхъ» (*praedestinati*) къ небесному благословенію, и злыхъ, «предузнанныхъ» (*praesciti*) къ вѣчной гибели. Единый глава церкви есть Христосъ, — виѣшній глава по своему божеству, внутренній по своему

человѣчеству: первымъ онъ былъ съ начала міра, вторымъ отъ своего во-
 человѣченія. Потому и апостолы не назывались святѣйшими или главами
 церкви, а только слугами Господа и слугами церкви. Впослѣдствіи это из-
 мѣнилось; со времянь Константина В. и его преемниковъ, папа, римскій
 епископъ, сталъ считаться за начальника церкви (сарітапеус), за Христова
 намѣстника на землѣ. Но на дѣлѣ папа, «какъ папа», вовсе не можетъ
 быть такимъ намѣстникомъ, и кардиналы, «какъ кардиналы», вовсе не мо-
 гутъ считаться преемниками апостоловъ. Папа можетъ считаться преемни-
 комъ Петра только тогда, когда равняется съ Петромъ вѣрою, смиреніемъ
 и любовью, — но то же слѣдуетъ разумѣть и о другихъ людяхъ, не бывшихъ
 ни папами, ни кардиналами. Св. Августинъ больше принесъ пользы церк-
 ви, чѣмъ нѣсколько папъ вмѣстѣ, а въ ученіи сдѣлалъ можетъ быть боль-
 ше, чѣмъ всѣ кардиналы съ самаго начала и до нынѣ. Если же папа и
 кардиналы не исполняютъ своихъ обязанностей, и, забывая Христа, забо-
 тятся только о вещахъ свѣтскихъ, о роскоши и блестящихъ одеждахъ, и
 расточительностью превосходятъ даже мірянь, — тогда они вовсе не намѣст-
 ники Христа, или Петра, или апостоловъ, а намѣстники Сатаны, Антихри-
 ста, Іуды Искаріотскаго. Папа, какъ и другой человѣкъ, не можетъ навѣр-
 ное знать о себѣ, не «предузнанный» ли онъ; а «предузнанный» не только
 не можетъ быть главой, но и настоящимъ членомъ церкви. Папскаго до-
 стоинства я не нужно для спасенія церкви; въ первобытной христіанской
 церкви были только двѣ священныя должности: діаконы и священники, все
 остальное явилось послѣ и было людскимъ установленіемъ. Если и до папъ
 церковью управляли апостолы и вѣрные священники, то, можетъ легко
 быть, что папъ и опять не будетъ до суднаго дня. Все сказанное слѣдуетъ
 разумѣть и о члѣомъ духовенствѣ: ихъ два — одно Христово, другое Ан-
 тихристово. Не должность дѣлаетъ священникомъ, а священникъ дѣлаетъ
 должность; не каждый священникъ святъ, но каждый святой есть священ-
 никъ; вѣрующій христіанинъ принадлежитъ въ божіей церкви, а прелать,
 не исполняющій своей обязанности, не будетъ имѣть никакой части въ
 царствѣ Христовомъ. — Изъ этого ясно, какъ должно понимать «церковное
 послушаніе». Послушаніе есть дѣйствіе разумнаго существа, которое свобод-
 но и по собственному сужденію (*voluntarie et discrete*) подчиняется своимъ
 начальникамъ. Поэтому каждый, получая приказаніе отъ своей власти, дол-
 женъ испытать, есть ли это приказаніе дозвонительное и честное, потому
 что, если бы приказаніе было ко вреду церкви и душевнаго спасенія, онъ
 долженъ ему воспротивиться. Такъ, если приходитъ повелѣніе и отъ папы,
 вѣрный христіанинъ долженъ испытать его, и если не найдетъ его соглас-
 нымъ съ ученіемъ Христовымъ, то долженъ воспротивиться, чтобы повинове-
 ніемъ своимъ не совершить преступленія противъ христовой вѣры (*devianti
 parae rebellare est Christo domino obedire*). «Власть ключей», т. е. власть
 вязать и рѣшить, принадлежитъ одному Богу, который предохраняетъ къ
 спасенію или погибели. Устной исповѣди не нужно для спасенія души, —

доказательством могут служить малы дѣти, глухіе и нѣмые отъ рожденія, обитатели пустынь и насильственно умерщвленные. Грѣхи смываются покаяніемъ и исповѣдью сердца. Ни священникъ, ни папа не можетъ разрѣшать вины, потому что для этого долженъ бы быть непогрѣшимымъ, а непогрѣшимъ только одинъ Богъ. Поэтому и клятва какого нибудь прелата имѣетъ силу только тогда, когда согласна съ волей божіей; въ противномъ случаѣ она нисколько не вредитъ тому, на кого произнесена, — какъ говорить и писаніе, повелѣвающее благословлять проклинающихъ.

Изъ этихъ основныхъ понятій можно уже видѣть, какой широкій объемъ принимала реформатская идея Гуса. Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ еще подробнѣе развиваетъ свои понятія и различныя подробности своихъ взглядовъ на церковныя порядки. Извѣстно, что даже въ констанцской тюрьмѣ Гусъ написалъ нѣсколько трактатовъ въ защиту своего ученія, напр. «о достаточности закона Христова для управленія церкви» (*de sufficientia legis Christi ad regendam Suam ecclesiam*), гдѣ онъ доказываетъ, что истинный и правдивый законъ есть правда, которая ведетъ человѣка по дорогѣ къ блаженству, что всѣ добрые законы находятся въ св. писаніи, а тѣ, которыхъ тамъ нѣтъ, законы безбожны; что этого Христова закона совершенно достаточно для церкви и что его незачѣмъ ни сокращать, ни расширять и т. д. Не менѣе важна рѣчь, приготовленная имъ для той же цѣли въ тюрьмѣ: «*Sermo de fidei suae eluculatione*», о томъ, какъ онъ понимаетъ вѣру и ея познаніе. Основная мысль, и въ этихъ, и другихъ подобныхъ трактатахъ, заключается въ защиту истиннаго, простаго, первобытнаго христіанства и въ опроверженіи церковной традиціи, которая измѣнила и исказила его истины людскими прибавками и ошибками: онъ признаетъ постановленія церкви только до тѣхъ поръ, пока находятъ ихъ согласными съ первоначальнымъ ученіемъ Христа. Таковъ же трактатъ «о мирѣ» (*De pace*), писанный также въ Констанцѣ, гдѣ Гусъ объясняетъ, что миръ человѣка съ Богомъ и свѣтомъ основывается на исполненіи закона, что миръ исчезъ между людьми отъ нарушенія закона, — когда церковь и ея служители стали думать только о вишинихъ почестяхъ и богатствѣ, и когда богослуженіе сдѣлалось ремесломъ. Источникомъ всего этого зла Гусъ смѣло называетъ римскій дворъ...

Было бы слишкомъ долго передавать содержаніе всѣхъ этихъ сочиненій Гуса, — мы укажемъ еще только на немногіе изъ его трактатовъ, въ которыхъ онъ говоритъ о подробностяхъ церковныхъ неурядицъ и злоупотребленій. Таковъ напр. трактатъ «о крови Христовой» (*De omni sanguine Christi hinc resurrectionis glorificato*), гдѣ послѣ догматическихъ объясненій онъ возстаетъ противъ преступнаго обмана церковниковъ, которые въ Римѣ показывали мясо изъ тѣла І. Х., въ Прагѣ обманывали многихъ, показывая имъ кровь Христа и молоко Божіей матерн; онъ возстаетъ противъ изуверства и шарлатанскихъ чудесъ, которые творились подобными обманщиками въ разныхъ мѣстахъ католической церкви и допускались са-

ними властями, — цѣлая масса примѣровъ приводится имъ въ доказательство этого религіознаго извращенія. Не меньшей энергіей отличается и его латинское сочиненіе «объ отнятіи у духовенства земскихъ владѣній»; справедливость и необходимость этого отнятія онъ доказываетъ множествомъ аргументовъ изъ писанія, изъ исторіи и изъ здраваго человѣческаго смысла. Когда консерваторы стали укорять его за публичныя нападенія на духовенство въ его проповѣдяхъ, онъ отвѣчалъ новымъ трактатомъ, гдѣ съ помощью св. писанія очень остроумно доказывалъ, что оставить въ покоѣ злоупотребленія и негодность духовенства значило бы доставить большое удовольствіе Люциферу; и Антихристу по словамъ его желалъ бы, чтобы не трогали духовенства, потому что говорить и самъ онъ будетъ высшимъ прелатомъ католической церкви и не хотѣлъ бы, чтобы выставляли его недостатки... Большинство священниковъ возстаетъ противъ этого, и говорятъ нужно согласиться съ этимъ большинствомъ, но Гусъ полагалъ, что согласиться нельзя, потому что всегда бываетъ безчисленное множество людей глупыхъ, и очень мало умныхъ; — притомъ соглашаясь съ большинствомъ, слѣдовало бы признать, что и страданія и смерть Христа были справедливы, потому что этого желало большинство еврейскихъ священниковъ и фарисеевъ и т. д.

Если латинскими своими сочиненіями Гусъ дѣйствовалъ на ученую публику, то съ другой стороны не меньше важны его произведенія на чешскомъ языкѣ, которыя доставляли ему множество послѣдователей изъ народа. Оставаясь только латинскимъ писателемъ, Гусъ далеко не могъ бы имѣть такого широкаго вліянія какъ народный реформаторъ. Его противники чувствовали это, и какъ Тома Штитный подвергался нападеніямъ за то, что отважился писать для народа то, что было для того времени достоинствомъ одной школы и латинской учености; такъ и Гусъ встрѣченъ былъ враждебно людьми, для которыхъ ясна была опасность его народной дѣятельности. Въ 1413 г. епископъ Литомышльскій въ письмѣ къ пражскому синоду находилъ необходимымъ, чтобы Гусу и друзьямъ его запрещена была проповѣдь (на чешскомъ языкѣ), и чтобы всѣ чешскія книги, ими написанныя, были уничтожены. — Для чешской литературы и для собственно народнаго развитія чешскія сочиненія Гуса несравненно важнѣе, и истинный его характеръ высказывается разнообразіемъ, чѣмъ въ латинскихъ. Мы видѣли уже въ немъ защитника народной чести и интереса въ университетскомъ спорѣ: онъ съ особенной ревностью заботился и о народномъ языкѣ и горячо возставалъ противъ нарушенія его старинной самобытности и чистоты смѣшеніемъ двухъ языковъ. особенно у пражанъ, — отчего происходила, по его мнѣнію, двойственность и непоследовательность въ самой жизни и въ духовномъ характерѣ людей. Онъ убѣждалъ князей, пановъ, рыцарей, владыкъ и горожанъ заботиться о томъ, «чтобы чешская рѣчь не погибла», и недовольство его пражанами, мѣшавшими чешскій и нѣмецкій языки, высказывалось въ весьма сильныхъ вы-

раженіяхъ. Какъ писатель, онъ изъ патриотическаго стремленія былъ строгимъ пуристомъ, и, чтобъ установить твердыя правила языка, изобрѣлъ новый способъ правописанія ⁶⁾, который принять былъ таборитами, и потомъ чешскими братьями;—эти послѣдніе ввели его въ 16-мъ столѣтіи въ общее употребленіе и съ тѣхъ поръ онъ, съ нѣкоторыми улучшеніями, господствуетъ въ чешскихъ книгахъ и до сихъ поръ. Его заботы о языкѣ высказались уже въ томъ чешскомъ сочиненіи, которое выставили Чехи въ опроверженіе нѣмецкой партіи, защищавшей права иностранцевъ въ университетѣ. Въ этомъ опроверженіи виденъ тотъ же характеръ діалектики и полемической ловкости, которая вообще отличаетъ произведенія Гуса, и споръ противъ Нѣмцевъ вполне выдаетъ его понятія объ этомъ предметѣ. Гусъ навлекъ на себя обвиненіе позднѣйшихъ историковъ за вражду къ Нѣмцамъ, переходившую границы по ихъ мнѣнію; но мы думаемъ, что эта вражда имѣла свои достаточныя основанія: хотя Гусъ и не пускался обыкновенно на чисто политическую почву, для него конечно, хотя инстинктивно, понятны были вредныя социальныя послѣдствія нѣмецкаго вліянія; патриотическое чувство вызывало въ немъ отпоръ противъ притѣснителей, и наконецъ въ Нѣмцахъ онъ не безъ основанія видѣлъ враговъ реформы, — такими онъ встрѣтилъ ихъ уже въ первомъ спорѣ о положеніяхъ Виллефа. Какъ патриотъ и агитаторъ онъ долженъ былъ дорожить народнымъ орудіемъ, а народный языкъ былъ противенъ ученымъ латынщикамъ университета.

Было бы очень долго пересчитывать чешскія сочиненія Гуса. Всѣ они стоятъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ его реформѣ, отчасти посвященныя объясненію св. писанія; отчасти полемическія — по разнымъ вопросамъ реформы, нами уже указаннымъ; отчасти нравоучительныя. Таковы напр. его *Постилла* (*Postilla*, т. е. объясненія на недѣльныя евангелія, изд. съ другими его сочиненіями въ Нюренб. 1563), важнѣйшее изъ его чешскихъ сочиненій; *Объясненія* на Символь и проч. (*Výklad větší na páteře*, изд.: *Mistra Jana Husi kazatele slavného dvádce českého dvanaácti článkův výru křesťanské obecné* и проч. Прага, 1520 и др.); *Девять золотыхъ вещей*, богословскія разсужденія о твореніи міра, объ ангелахъ, и о вопросахъ христіанской нравственности, гдѣ Гусъ выставилъ чисто христіанскія идеи въ противоположность условной католической морали: «кто дастъ одинъ геллеръ для Бога при добромъ здоровьѣ, тотъ больше почтитъ Господа Бога и больше принесетъ пользы душъ своей, чѣмъ если бы по смерти столько далъ за это золота, сколько можетъ помѣститься его между небомъ и землей» и т. п.; *О шести заблужденіяхъ*, полемическое сочиненіе о церковныхъ заблужденіяхъ касательно отпущенія грѣховъ, послушанія, церковнаго провантія и т. д., — мы уже ввѣ-

⁶⁾ Его орфографія написана по латыни и издана, съ чешскимъ переводомъ, А. Шемберой: *Mistra Jana Husi Ortografie česká*, 1867.

дѣли, въ чемъ состояли его собственные мнѣнія объ этихъ предметахъ; дальше *Ученіе о Тайной вечери* (Нюрнб. 1583), *О бракѣ, О церкви, Зерцало истиннаго человека* и др. Это послѣднее впрочемъ, какъ думаютъ, написано его послѣдователями, въ то время, когда уже загорѣлась релігіозная ненависть, — потому что «Зерцало» выражается весьма злобно о католическомъ священствѣ. Изъ сочиненій нравоучительныхъ наиболѣе извѣстна его *Дочка, или о познаниі истиннаго пути ко спасенію* (Деска), изложеніе христіанской нравственности, какъ понималъ ее Гусъ; *Тройная вервь* (*Tróvazek třípramenný*, 1411) — изъ вѣры, любви и надежды, и т. д. Затѣмъ важнымъ памятникомъ его литературной дѣятельности и пропаганды остались многочисленные *письма*, латинскія и чешскія, изъ которыхъ особенно извѣстны его чешскія посланія къ друзьямъ и товарищамъ, писанныя изъ Констанцской тюрьмы. Гусу принадлежитъ также новая редакція перевода цѣлой Библии, сдѣланнаго въ 14 столѣтіи, какъ полагаютъ, Матвѣемъ изъ Янова. Наконецъ Гусъ былъ авторомъ *духовныхъ пѣсенъ* (напр. *Jesu Kriste stědrý kněze*, — *Ježíš Kristus božská moučnosť* и др. въ Канціонарѣ, 1576), — это было началомъ гуситской духовной поэзіи, которая значительно развилась впоследствии.

Такова была обширная дѣятельность человека, который былъ главой великой нравственной реформы своего народа и первымъ напичателемъ реформы въ цѣломъ мірѣ европейскихъ релігіозныхъ понятій и образованія. Въ проповѣди и сочиненіяхъ Гуса мы видимъ въ самомъ дѣлѣ черты, которыя окончательно вынолятъ насъ изъ среднихъ вѣковъ и ставятъ на ту нравственную почву, на которой выросло новое европейское развитіе. Гусъ былъ схоластикомъ по внѣшней формѣ своихъ трудовъ, потому что схоластическая теологія и латинская ученость были тогда единственнымъ попріщемъ для дѣятельной мысли; но между его схоластикой и схоластикой *Тома Аквината* лежитъ цѣлая пропасть: и въ этой схоластической формѣ рѣзко высказывались его страстные увлеченія, въ которыхъ было столько благородныхъ зародышей. Его національная исключительность основывалась на стремленіи освободить нравственно народную массу, отъ которой онъ ждалъ успѣха дѣлу, и она была примымъ источникомъ тѣхъ демократическихъ движеній, которыя разыгрались потомъ въ ученіи таборитовъ. Его церковная и догматическая полемика цѣлила къ нравственному освобожденію человѣческой личности, которой онъ въ первый разъ возвращаетъ ея внутреннюю независимость и самостоятельность: онъ представляетъ личность ея собственному суду на основаніи «разума» и уничтожаетъ всякій внѣшній авторитетъ, на томъ основаніи, что истина стоитъ выше лица и выше всякой традиціи. Единственный обязательный для человека законъ былъ указанъ въ евангельскихъ ученіяхъ, которое Гусъ принималъ во всей его первобытности, не стѣсненной никакими іерархическими толкованіями. Однимъ словомъ, въ релігіозныхъ и моральныхъ понятіяхъ Гуса ясно и положительно высказались начала чистаго гуманизма, который сталъ впоследствии высшимъ от-

влеченнымъ основаніемъ европейско-человѣческаго развитія. — Непосредственное вліяніе Гуса на реформаторское движеніе въ Европѣ 15-го и 16-го вѣка извѣстно: какъ писатель латинскій, Гусъ принадлежитъ общевропейской литературѣ тѣхъ временъ, въ которой онъ занимаетъ высокое мѣсто.

Какъ писатель и реформаторъ Гусъ имѣлъ, какъ мы видѣли, и великое народное значеніе. Къ его дѣятельности прикнули, какъ друзья или какъ противники, не только всѣ передовые ученые и образованная часть общества, но наконецъ и цѣлый народъ увлеченъ былъ въ начавшуюся борьбу религіозныхъ и общественныхъ принциповъ. Литература, латинская и народная, которая съ самаго начала сдѣлалась орудіемъ этой борьбы, привлекла общее вниманіе, и литературная дѣятельность распространилась такъ, какъ не распространялась никогда до тѣхъ поръ. Интересы ея были теологическіе по преимуществу, но и въ этомъ смыслѣ она стала средствомъ для народнаго развитія. Освобожденіе отъ авторитета іерархическаго было первымъ шагомъ, который необходимо было сдѣлать средневѣковому обществу; здѣсь этотъ шагъ сдѣланъ былъ массой народа. Литература этого времени не имѣла характера спокойнаго развитія; бурное время общественныхъ неогласій произвело множество сочиненій, полемическихъ, въ которыхъ и сосредоточивался интересъ дня. Отношеніе къ прежнему періоду литературы какъ будто порвалось; интересъ настоящаго заслонялъ связь съ прошедшимъ и ближайшее единство идей осталось только со временами Штитнаго, Милча, и Матвѣя изъ Янова. Появились новые литературные вкусы и потребности.

Отъ идей Гуса развились дѣятельность другихъ передовыхъ людей того времени; ихъ ревностная пропаганда вызывала столько же дѣятельную реакцію со стороны приверженцевъ стараго порядка, а потомъ и умѣренныхъ послѣдователей реформы. Литература продолжала оставаться въ предѣлахъ догматическаго и іерархическаго спора, но событія и живая дѣятельность затронутой народной мысли часто опережали ее и выводили ее за собой на новые пути: такимъ образомъ литература, первоначально по преимуществу духовная, мало по малу расширила свой объемъ до вопросовъ чисто общественныхъ. Она шла на двухъ языкахъ: латынь давала ей доступъ и за границу чешской земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовала и дома, потому что школы сильно распространили знаніе латинскаго языка. Литература новаго направленія такъ вошла въ нравы, что въ 15—16-мъ вѣкѣ даже женщины писали недурно въ защиту реформы.

Изъ людей, раздѣлявшихъ пропаганду Гуса, прежде всего называется обыкновенно другъ его Іеронимъ Пражскій (сожженъ 30 мая 1416), имя котораго связано съ нимъ не столько объемомъ дѣятельности, сколько исторической судьбой. Іеронимъ, принеся въ Прагу сочиненія Виклефа, былъ усерднымъ защитникомъ и распространителемъ ихъ; впрочемъ былъ больше извѣстенъ какъ патріотическій и религіозный агитаторъ, чѣмъ какъ

писатель. Онъ знаменитъ былъ своею ученостью, превышавшею, какъ говорятъ, ученость самого Гуса, и своимъ краснорѣчiemъ: «никогда не ма-далъ я челоуѣка, — говорить его другъ и биографъ Поджіо Браччюлини, — котораго бы можно было лучше сравнить съ ораторами классической эпохи, возбуждающими въ насъ такое удивленіе»⁷⁾. Впрочемъ его рѣчи, латинскія и чешскія, не сохранились; извѣстны только нѣсколько писемъ и переводъ нѣкоторыхъ сочиненій Виклефа, сдѣланныхъ имъ въ 1402 г. вмѣстѣ съ Гусомъ (Юнгм., стр. 41).

Сожженіе Гуса и Иеронима произвело, какъ мы уже сказали, сильное впечатлѣніе въ Чехіи; противъ Констанцскаго собора протестовалъ и пражскій университетъ, который такимъ образомъ становился теперь на сторону гусситизма. Съ этихъ поръ члены пражскаго университета принимаютъ уже дѣятельное участіе въ распространеніи реформы и даютъ ей силу своимъ значеніемъ. Мы назовемъ главнѣйшихъ дѣятелей этого времени, выдающихся особенно или своими литературными трудами, или вообще, своимъ живымъ участіемъ въ религиозной борьбѣ, разгаръ которой наступилъ вскорѣ послѣ смерти Гуса. Въ этомъ перечисленіи обнаружится и разнообразіе мнѣній, порожденныхъ реформой, и колебаніе людей общества, сильно потрясеннаго новыми идеями. Таковъ былъ Яковъ Стрибрскій (или Якубекъ, Jacobellus, † 1429), знаменитый своей ученостью и быть можетъ излишней теологической ревностью, и написавшій много трактатовъ и рѣчей, преимущественно полемическихъ, и нѣсколько чешскихъ сочиненій⁸⁾. Онъ съ самаго начала сталъ ревностнымъ приверженцемъ Гусова ученія и извѣстенъ введеніемъ религиознаго обряда, который еще при жизни Гуса отдѣлялъ гусситовъ отъ католической церкви. Это былъ знаменитый «калихъ» (чаша), причащеніе подъ обоими предметами, хлѣбомъ и виномъ, отчего и послѣдователи реформы получали имя подобоевъ, утраквистовъ, калишниковъ. Якубекъ былъ отчасти продолжателемъ Матвія изъ Янова и вмѣстѣ съ тѣмъ стоитъ въ тѣсной связи съ идеями самого Гуса, такъ что католическая сторона ставила его сочиненія наряду съ книгами Гуса и постановленіе Констанцскаго собора, подтвержденное папскою буллою 1418, повелѣвало, чтобы сочиненія Виклефа, переведенныя на чешскій языкъ Гусомъ и Якубомъ, и затѣмъ сочиненія Гуса (особенно «о церкви») и Якубка (о причащеніи подъ обоими видами, объ Антахристѣ и пр.) были сожжены. Въ раздорахъ пражской партіи съ таборитами Якубекъ придерживался еще радикальной партіи и старался помирить враждующія стороны, но потомъ сталъ на сторонѣ умѣренныхъ реформаторовъ. Сочиненія его, имѣвшія сильное вліяніе, встрѣтили и сильный отпоръ, въ оди-

⁷⁾ Descriptio obitus et supplicii Hieronymi Pragensis.

⁸⁾ Epistolý nedělní s výklady přes celý rok, изд. 1564; Kázání o poctivosti v up. 1545; Bohomyslné kázání a rozmlouvání věrné duše s Panem Kristem, 1546; Passio Joannis Hussi и т. д.

и тоже время отъ правотѣрныхъ католиковъ и отъ радикальныхъ таборитовъ: середина не удовлетворила ни тѣхъ, ни другихъ. Янъ изъ Бесниці, близкій другъ Гуса, защитникъ его въ Римѣ, авторъ латинскаго трактата противъ пражскаго богословскаго факультета въ 1412 г. и наконецъ авторъ сочиненія въ защиту Гуса противъ Констанцскаго собора, подвергся проклятію, на которое онъ по принципамъ новаго ученія не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ былъ вообще дѣятельнымъ историческимъ лицомъ гусситской эпохи. Болѣе практической, чѣмъ литературной дѣятельностью въ пользу гусситизма отличался мистръ Янъ изъ Рейнштейна, по прозванію Кардиналь, который отпривился въ Констанць защитникомъ Гуса и былъ потомъ ректоромъ университета (латинскій трактатъ о причащеніи подъ обоими видами въ смыслѣ Якуба). Особеннымъ вліяніемъ отличался многосторонній ученый Христіанъ Прахатицкій (— 1439), медикъ, математикъ и астрономъ, оставившій важныя по своему времени чешскія сочиненія по этимъ предметамъ, нѣсколько разъ былъ ректоромъ университета и принималъ весьма живое участіе въ событіяхъ. Это былъ также близкій другъ Гуса.—онъ посѣтилъ его въ Констанць, но и самъ былъ взятъ къ отвѣту за свои мнѣнія и получилъ свободу только черезъ заступничество короля Сигизмунда. Впослѣдствіи, въ спорѣ таборитовъ съ пражанами онъ сталъ на сторонѣ умѣренныхъ, что стоило ему преслѣдованій и изгнанія; но послѣ онъ снова вернулся въ Прагу и незадолго до смерти выбранъ былъ администраторомъ партіи ўтраквистовъ. Симонъ изъ Тишнова (гусситскій трактатъ de unitate ecclesiae, и пр.) принималъ участіе въ національномъ университетскомъ спорѣ, въ защитѣ сочиненій Виллефа и, будучи ректоромъ университета, защищалъ Гуса противъ архіепископа пражскаго; въ 1417 г. мистръ Симонъ защищалъ трактатъ Гуса о церкви: онъ распространялъ гусситизмъ и на Моравѣ, гдѣ повидимому онъ, сложивъ ректорство, былъ священникомъ, но потомъ, кажется, перешелъ на сторону католиковъ,—по крайней мѣрѣ съ его именемъ извѣстенъ чешскій трактатъ противъ подобоевъ (1428): haeticos acriter oppugnavit, по замѣчанію іезуита Бальбина. Въ числѣ приверженцевъ Гуса долженъ быть еще названъ Прокопъ Цильзекскій, защищавшій публично въ университетѣ сочиненіе Виллефа de ideis, стоявшій за Гуса въ бурномъ собраніи 1412 года, и послѣ нѣсколько разъ бывшій ректоромъ университета. Но впослѣдствіи онъ былъ, какъ и многіе другіе, противникомъ таборитовъ, и вѣрнымъ союзникомъ Прибрама. Прокопъ не отличался ни большою ученостью, ни талантомъ, хотя былъ впрочемъ ревностнымъ агитаторомъ умѣренной партіи въ университетскомъ и священническомъ кругу (Expositio vocabulorum Biblicae; Veteřné paromeni k řechum i Moravanum и пр.). Какъ человекъ умѣренной партіи онъ убѣждалъ соотечественниковъ согласиться съ рѣшеніями базельскаго собора; ему хотѣлось только, чтобы люди не волновались изъ-за недостатка политической и церковной свободы и, какъ часто бываетъ съ умѣренными, онъ сталъ такимъ образомъ не далекъ отъ настоящихъ като-

лическихъ ретроградовъ, потому что вмѣсто освобожденія отъ авторитета началъ проповѣдовать смиренную покорность къ властямъ свѣтскимъ и духовнымъ, когда они уже сдѣлали такую уступку, какъ признаніе чеши... Наконецъ, упомянемъ еще Петра изъ Младеновиць (+ 1451), который былъ въ Констанцѣ въ качествѣ секретаря Яна Хлужскаго, посла пражскаго университета: Гусъ въ одномъ письмѣ изъ Констанца рекомендовалъ Петра пражанамъ, какъ своего вѣрнѣйшаго друга. Впослѣдствіи и онъ сталъ на сторонѣ пражанъ противъ таборитовъ. Онъ написалъ два важныхъ разсказа о судьбѣ Гуса въ Констанцѣ, одинъ большій, другой меньшій; нѣмецкій ученый 16-го вѣка Агрикола издалъ ихъ въ нѣмецкомъ переводѣ въ 1538 и въ 1548. Чешскій текстъ изданъ былъ въ Пассонахъ 1495, и отдѣльно въ Прагѣ 1533 и 1600 (? Сравни. Юнман., стр. 71).

Были ревностные и ученые люди и между противниками Гуса; они упорно защищали дѣло, потерянное уже для массы, и наконецъ повредили реформѣ, потому что, опираясь на нихъ, іерархія могла поддержать свое существованіе и взять верхъ, когда народная сила истощилась въ борьбѣ. Станиславъ изъ Знойма считался однимъ изъ лучшихъ ученыхъ и профессоровъ пражскихъ (комментарій къ физикѣ Аристотеля; *Universalia gealia* и др.): Гусъ былъ его ученикомъ. Въ началѣ Станиславъ также защищалъ Виклефово ученіе и даже превосходилъ Гуса своею ревностію; но съ 1412 онъ совершенно отбѣлился отъ него и съ тѣхъ поръ сталъ въ главѣ его противниковъ на церковныхъ синодахъ и университетскихъ собраніяхъ, и писалъ противъ Гуса полемическіе и обвинительные трактаты. Основываясь на изреченіи Августина, что послушаніе выше всехъ другихъ добродѣтелей, Станиславъ дошелъ наконецъ до крайняго фанатизма, призывалъ на еретиковъ казнь духовную и свѣтскую, защищалъ гнилую римскую іерархію и ея принципы. Рядомъ съ нимъ стоялъ въ исторіи этого времени Степанъ Палечъ (+ послѣ 1421); онъ одинъ изъ первыхъ принялъ ученіе Виклефа, но потомъ вмѣстѣ съ Станиславомъ началъ возставать противъ Гуса, съ которымъ въ прежнее время былъ повидимому въ тѣсной дружбѣ. На Констанцскомъ соборѣ Палечъ былъ однимъ изъ злѣйшихъ обвинителей Гуса и Иеронима: фанатизмъ Станислава сообщился и ему, и онъ въ своихъ рѣчахъ и трактатахъ не находилъ достаточно словъ къ униженію Виклефа и приверженцевъ реформы. Замѣчательной плодовитостію отличался также Андрей изъ Брода, стоявшій въ университетскомъ спорѣ на народной сторонѣ, но горячо возстававшій противъ Виклефа; на Констанцскомъ соборѣ онъ былъ ревностнымъ обвинителемъ Гуса. Но первое мѣсто между обвинителями Гуса и Иеронима (Палечъ, Михаэль de Causis, Андрей изъ Брода, Янъ Протива) занимаетъ Янъ, епископъ Литомышльскій, также оставившій латинскіе трактаты противъ Гуса, эпистолы и другія сочиненія. Чешское духовенство католической партіи на свой счетъ устроило его поѣздку на Констанцскій соборъ, гдѣ онъ считался его представителемъ. Дальше Янъ изъ Голешова (+ 1436), Вацлавъ изъ Хвалетичъ, Степанъ Долап-

скій (+ 1421), авторъ многихъ противо-гусситскихъ сочиненій: *Anti-Viklef*, *Anti-Hus*, *Epistola invectiva matris Ecclesiae contra abortivos filios* и проч. ⁹⁾.

На переходѣ отъ временъ Гуса и въ самомъ разгарѣ гусситскихъ войнъ являются новые писатели, дѣятельность которыхъ тѣсно связана съ событиями. Наибольшимъ значеніемъ пользовались Янъ Прибрамъ и Рокница. **Янъ Прибрамъ** (*Jan z Příbrami*, +1448), одинъ изъ известнѣйшихъ людей своего времени, выступилъ на сцену въ послѣдніе годы Гуса, котораго былъ пылкимъ послѣдователемъ, — но потомъ сталъ въ числѣ умѣренныхъ и больше отличался враждой къ радикальному таборитству, чѣмъ ревностью къ защитѣ гусситизма отъ католиковъ. Къ таборитамъ онъ относился съ крайней враждой, — и возставалъ противъ стремленій, которыя, опережая свое время, становились выше обыкновеннаго пониманія. Безъ сомнѣнія, и Прибрамъ также не понималъ ихъ. Въ своей умѣренной реформѣ, онъ подобно многимъ другимъ впадалъ наконецъ въ совершенное ретроградство, напр. когда въ 1427 г. онъ открыто присталъ къ тому пражскому духовенству, которое подчинялось папѣ, и когда велъ полемичку съ Рокницей о повиновеніи папскому престолу. Вся литературная его дѣятельность, очень обширная и обращавшая на себя вниманіе, была посвящена опроверженію Виклефа и обличеніямъ таборитовъ. Эти обличенія очень важны исторически, особенно потому, что за потерей таборитскихъ сочиненій составляютъ важный источникъ для изученія развитія таборитства. Мы увидимъ, что о таборитахъ и не могъ не говорить враждебно чловѣкъ, общественныя и нравственныя понятія котораго почти не выходили изъ рутинной католической морали. Тѣмъ не менѣе онъ игралъ важную роль въ свое время, какъ ловкій проповѣдникъ, общественный чловѣкъ и писатель. Сочиненія его, латинскія и чешскія, имѣютъ общій характеръ тогдашней литературы: это богословскіе и полемическіе трактаты, квестіи, рѣчи; въ спорахъ и договорахъ о соединеніи съ таборитами, онъ составлялъ программы переговоровъ со стороны умѣренныхъ пражанъ ¹⁰⁾. Въ особенности важна по свѣдѣніямъ о таборитахъ его чешская книга: «жизнь таборитскихъ священниковъ» (*Život kněží Tábořských*, 1429, рукоп.), гдѣ онъ излагаетъ ихъ ученіе и даже иногда приводитъ буквальные выписки изъ ихъ потерянныхъ теперь сочиненій. Онъ нападалъ въ особенности на англичанна

⁹⁾ Вся эта латинская литература о Гусѣ и гусситахъ еще не собрана и многое остается въ рукописяхъ. Сборники составлялись впрочемъ уже давно, такова напр. рукопись *Invectiva contra Hussitas*; *Depositiones testium*, изъ первой половины 16-го вѣка; сборникъ латинскихъ и чешскихъ трактатовъ, синодальныхъ актовъ (1417—1609), и т. и., составленный въ первой половинѣ 17-го вѣка Волицкимъ. Печатные сборники: *Na gdt, Magnum Oecumenicum Constantiense Consilium* и пр.; *Bernard Pez, Thesaurus Anecdotorum* 1721.

¹⁰⁾ *De conditionibus justis belli; de articulis Viklefi; De professione fidei catholicae et errorum revocatione; Articuli et errores Taboritarum* и пр. „Архивъ“ Палацкаго, III; латинское и чешское сочиненіе „о послушаніи папѣ и святой церкви“, противъ Рокницы; чешскія *Reči* и т. д.

Пана, ревностнаго таборита, корилъ таборитовъ, что они оставляють даже Гуса и Виллефа, и говоря напр. объ очищеніи грѣховъ на томъ свѣтѣ, которое отвергали табориты, выражается такъ, — что они «ограбивши у святыхъ ихъ силу, грабятъ теперь у бѣдныхъ душъ очищеніе отъ грѣховъ». Прибрамъ возставалъ и противъ чешскаго богослуженія, введеннаго таборитами, которые весьма резонно находили, что «читать на чужомъ языкѣ все равно что не читать». Янъ Рокицана (+ 1471) также выступилъ на сцену послѣ Гуса; онъ уже рано сталъ во главѣ утравивистовъ, и хотя какъ писатель вовсе не отличался самобытностью и особеннымъ талантомъ, но имѣлъ обширное вліяніе, какъ замѣчательный проповѣдникъ и практическій дѣятель. Партія подобоевъ даже выбрала его архіепископомъ пражскимъ; но защищая права подобоевъ, онъ подвергся преслѣдованьямъ короля Сигизмунда, долженъ былъ бѣжать изъ Праги и вернулся только при Юри Подѣбрадѣ, и затѣмъ до самой смерти былъ администраторомъ утравивистской церкви. Рокицана оставилъ много чешскихъ сочиненій, поученій и полемическихъ трактатовъ: всего любопытнѣе въ историческомъ отношеніи его полемика противъ чешскихъ братьевъ («посланіе противъ заблужденій Пикартовъ») и противъ Прибрама въ защиту причастія подъ обоими видами («Обвиненіе пражскихъ мистровъ Прибрама и Гиларія» и т. д.). Его рѣшительная манера навлекла ему много враговъ, въ особенности съ католической стороны, хотя и онъ былъ расположенъ къ ней больше, чѣмъ бы слѣдовало утравивистскому архіепископу и защитнику компактатовъ.

Обратимся теперь къ другой, радикальной сторонѣ гусситскаго движенія.

Несмотря на всѣ колебанія приверженцевъ реформы и даже на измѣны, гусситство стало уже широкимъ явленіемъ жизни. Университетъ былъ на сторонѣ реформы; друзья Гуса, при немъ и послѣ, были ректорами университета, и это конечно чрезвычайно способствовало распространенію виклефизма и гусситства. Живая проповѣдь ихъ послѣдователей мало по малу перенесла въ народъ религіозный споръ, къ которому онъ конечно не могъ остаться равнодушнымъ. Народная страсть начала сказываться; ученые, для которыхъ дѣло шло прежде объ ученой полемикѣ и о защитѣ своихъ мнѣній въ области церкви, стали теперь дорожить и народной силой; эта сила обнаруживала горячее сочувствіе, и литература гусситизма изъ латинской по преимуществу скоро дѣлается и чешской. Чѣмъ дальше въ 15-е столѣтіе, тѣмъ чаще мы встрѣчаемся съ чешскими памятниками этой борьбы. Во второмъ десятилѣтіи реформатскій вопросъ дѣлается вполнѣ народнымъ; въ третьемъ десятилѣтіи мы видимъ уже полное развитіе этого народнаго вѣзмательства въ дѣло, до тѣхъ поръ разбравшееся учеными и попами.

Это полное развитіе является чрезвычайно быстро: черезъ четыре года по смерти Гуса радикальная часть его послѣдователей уже отдѣляется въ особую энергическую партію, и въ 1419 году начинаются кровопролитныя гусситскія войны. — такъ скоро идеи, проинимши разъ въ народъ, охватили

его дѣятельнымъ и воинственнымъ энтузіазмомъ, противъ котораго ничего не могли сдѣлать крестовыя воинства, собранныя папами изъ вѣрныхъ всей католической Европы. Религіозное настроеніе, видѣвшее въ ученіи противника «дьявольское внушеніе» и въ его дѣйствіяхъ «дорогу, по которой Антихристъ ведетъ къ гибели», думавшее, что «непорядки иной стороны не должны быть терпимы»,—это настроеніе должно было вести наконецъ къ крайнему фанатизму. Свѣжая народная масса сильнѣе чувствовала старую неправду и нетерпѣливѣе ожидала будущей справедливости и счастья, и дѣйствительно увлеклась своими надеждами до фанатизма, который придалъ ей непобѣдимое могущество. Народъ пошелъ дальше и въ развитіи самыхъ принциповъ: не связанный традиціями власти или схоластики, онъ скорѣе принималъ логическія послѣдствія этихъ принциповъ, и въ то время, когда «умѣренные» успокаивались на мелкихъ уступкахъ и исправленіяхъ, онъ, рязъ убѣжденный въ нихъ и раздраженный противрѣчіемъ, готовъ былъ совершенно разорвать со старымъ обществомъ и его преданьями,—готовъ былъ основать свое, новое общество. Таковы и были табориты. «Они, очевидно, слишкомъ рано явились съ своими воззрѣніями,—говорятъ одни историки,—они стали противъ тогдашняго свѣта, а онъ противъ нихъ. Несомнѣнно, что до нѣкоторыхъ принциповъ, которые они высказали прямо и какъ бы неожиданно, позднѣйшая философія додумалась только долгимъ размышленіемъ и только при помощи громаднаго ученаго матеріала,—и несомнѣнно, что ихъ социальныя стремленія не устарѣли и до сихъ поръ».

Табориты были самымъ полнымъ выраженіемъ гусситизма; они были его наиболѣе послѣдовательнымъ и вмѣстѣ самымъ національнымъ его развитіемъ. Появленіе ихъ было весьма естественно. Какъ скоро провозглашена была мысль, что единственный истинный законъ заключается въ пиsmнѣ, что никакой авторитетъ не можетъ стѣснять сознательнаго человѣческаго мышленія и совѣсти, естественно, что дряблыя общественныя и католическія порядки потеряли всякую вѣру. Чтеніе библіи чрезвычайно распространилось и люди, искавшіе новыхъ началъ, находили въ ней все, что имъ было нужно. Ревностное убѣжденіе побуждало искать способовъ къ практическому выполненію пріобрѣтенныхъ принциповъ, а для этого прежде всего нужна была свобода. Такимъ образомъ явилась необходимость совершеннаго отдѣленія отъ стараго общества,—и эта необходимость была исполнена таборитами.

Эта рѣшимость идти до послѣднихъ выводовъ не могла конечно принадлежать большинству, которое всегда держится болѣе спокойныхъ путей. Католиковъ оставалось уже мало въ Чехіи; большинство, запуганное трудностями дѣла, оказалось способно только на умѣренный гусситизмъ,—въ приведенномъ нами рядѣ писателей мы видѣли, сколько людей, начавшихъ горячимъ усердіемъ къ широкой реформѣ, кончили золотой серединой. Остальные, искавшіе положительнаго рѣшенія тронутыхъ вопросовъ, стали

таборитами. Къ сожалѣнiю мы всего меньше знаемъ ничего объ этой, все-го больше интересной части гусситства. До насъ уцѣлѣли только немногiя сочиненiя таборитовъ, отъ другихъ остались только случайные отрывки, такъ что трудно составить себѣ полное понятiе о тѣхъ вещахъ, которыя ходили тогда въ умахъ таборитовъ. Какъ бываетъ всегда съ народными движенiями, отвергающими авторитетъ, въ кругу таборитовъ не было одной господствующей системы; напротивъ, мнѣнiя религиозныя и общественныя были крайне разнообразны: каждый, доходявшiй собственнымъ размысленiемъ до извѣстнаго принципа, необходимо дѣлался пропагандистомъ ученiя, которое считалъ истиннымъ, столкновенiе понятiй развивало ихъ шире и шире, такъ что въ цѣломъ составилось наконецъ удивительное соединенiе мнѣнiй, шедшихъ отъ умѣреннаго таборитства, признававшаго перво-бытное христіанство, до хилиазма, ждавшаго преставленiя свѣта, и адамитства, вводившаго на дѣлѣ пантенистическiя и коммунистическiя начала. «Всакiя еретичества, какiя только бывали въ христіанствѣ, — говоритъ современникъ Эней Сильвій, — все это собралось на Таборѣ, и каждому тамъ вольно вѣрить, тому, что ему нравится». Изъ броженiя этихъ мнѣнiй, представителемъ которыхъ погибали иногда, возбуждая людскую ненависть непривычными требованiями, выработалась потомъ однако философія Хельчицаго и социальнo-христіанская община «чешскихъ братьевъ».

Это разнообразiе ходившихъ мнѣнiй, представляющее намъ въ высшей степени любопытное явленiе культуры 15-го вѣка, самими современниками было понимаемо весьма смутно. Извѣстiя, сохранившiяся преимущественно отъ непримиримыхъ враговъ крайняго гусситства, изображаютъ все подробности его дѣломъ одной секты, на которую цѣлкомъ взваливались все достойныя проклятiя ереси. Одинъ простодушный лѣтописецъ тѣхъ временъ такъ передаетъ ожиданiя и мнѣнiя крайнихъ гусситовъ: «Говорили они, что черезъ нѣсколько дней будетъ судный день; поэтому нѣкоторые постились, сидя въ тайныхъ мѣстахъ и ожидая этого дня (мнѣнiе хилиастовъ)... Эти священники говорили также, что все грѣшники погибнуть, что останутся одни добрые; и поэтому безъ всякой милости жестоко убивали людей. Говорили тоже, что придетъ святая церковь въ такую невидимость, что будутъ люди на землѣ какъ Адамъ и Ева въ рай, что не будетъ одинъ другому стыдиться... что должны быть все равными братьями между собой, а иновѣ чтобы не было, и чтобы одинъ другому подданъ не былъ, и потому взяли себѣ имя «братья»... Также говорили, что придетъ и будетъ такая любовь между людьми, что все вещи будутъ у нихъ вмѣстѣ и общія, также и жены; толкуя, что люди должны быть свободными сынами и дочерьми божьими, а брать быть не должны (мнѣнiе адамитовъ)... Говорили также о тѣхъ божьихъ не по христіански, и о крови божьей... въ костелахъ таинствахъ божьихъ, насмѣхаясь и ни во что ихъ не ставя... въ костелахъ служить не хотѣли, орнать и другихъ священныхъ вещей къ службѣ мнѣть не хотѣли (общее мнѣнiе таборитовъ)... Иные латинское въ костелахъ

называли воемъ и дземъ повоу» и т. д. Много подобныхъ свѣдѣній сообщаетъ особенно упомянутый нами Прибрамъ въ книгѣ: *Articuli et errores Taboritatum*. Онъ съ точностью пересчитываетъ ихъ мнѣнія о второмъ пришествіи и о «царствѣ добрыхъ», ихъ мнѣнія о внѣшней церкви, которую они отвергали со всеми ея обрядами, какъ составляющими человѣческое установленіе, о единственномъ законѣ, заключающемся въ писаніи, о почитаніи святыхъ и реливій, въ которыя они не вѣрили, объ очищеніи въ будущей жизни, котораго они не признавали, объ отверженіи священническаго сословія, о постахъ, священныхъ изображеніяхъ и т. д. и т. д. Въ сущности всё эти вещи, только иногда преувеличенныя таборитами (напр. чтеніе одной библии и запрещеніе сочиненій всѣхъ докторовъ и «мистровъ» и т. п.), были только прикидешемъ въ дѣлу идей Гуса, напр. въ его трактатѣ «о церкви». Ученіе объ Антихристѣ, развитое особенно хиліастами, уже проповѣдовалъ въ 14-мъ столѣтіи Матвей изъ Янова. Изъ тѣхъ основныхъ принциповъ, которые изложилъ Гусъ и которые въ началѣ защищаемы были почти каждымъ изъ пражскихъ «мистровъ», ставшихъ потомъ умѣренными каппицистами, совершенно послѣдовательно выводятся результаты, которые проповѣдавались потомъ таборитами. Самъ Гусъ конечно призналъ бы своими послѣдователями скорѣе таборитовъ, чѣмъ тѣхъ людей, которые изъ его ученія могли вывести только каппихъ и неповиновеніе папѣ.

Одна изъ любопытныхъ подробностей этого практическаго выполненія первобытной церкви заключалась въ демократическомъ ожиданіи уничтоженія всякаго подданства и въ общности имѣній. На пражскомъ совѣщаніи враждебныхъ сторонъ въ 1420 г. — черезъ пять лѣтъ по смерти Гуса — уже обсуждался такой пунктъ таборитскаго ученія: «Въ Градищѣ или на Таборѣ ничего нѣтъ моего или твоего, но всё имѣютъ одинаково перовну; и всѣмъ всегда должно быть все общее, и никто не можетъ имѣть ничего про себя, — иначе, у кого есть что либо про себя, тотъ грѣшитъ смертельно». Уже годъ спустя эти коммунистическія начала были ограничены, въ 1422 г. уже нѣтъ упоминаній о «кадахъ», поставленныхъ для собранія общинъ массы. Обстоятельства ввели раздѣленіе между «полевыми» (военными) и «домашними» таборитами, — эти послѣдніе занимались работами и поставляли для полевыхъ все необходимое; табориты переходили отъ боя къ ремесламъ и наоборотъ. У нихъ были свои «владари», «справщики» и «гетманы» и социалистическіе порядки сохранялись до послѣдняго пораженія таборитовъ у Липанъ (1434). Палаційи полагаетъ, что этотъ социализмъ былъ приведенъ хиліастами, которые уже въ 1420 г. проповѣдали о послѣднихъ дняхъ (*conspiciantio seculi*). Этотъ мнѣе, появившійся уже и въ первыя времена христіанства, въ бурныя времена гусситства нашелъ себя новое развитіе. Люди съ разгоряченной фантазіей уже слышали о битвахъ, знали, что скоро возстанетъ народъ на народъ и царство противъ царства; они уже несли на себя немилость за свою вѣру и видѣли мерзость запустѣнія на мѣстѣ свѣтъ, предсказанную Давидомъ; появились уже и ложные пророки

(такъ взаимно кормили другъ друга проповѣдники враждебныхъ сторонъ): послѣ этого имъ всего естественнѣе казалось ожидать, что явятся и «смыслъ человеческій» въ своемъ могуществѣ и славѣ. Такъ явилась проповѣдь хиліастовъ. Ученіе продержалось не долго, но принесло свои плоды: легко-вѣрные горожане и поселяне продавали свои имѣнія и спасались «на горахъ», отдавая имущество священникамъ, что произвело въ первый разъ нѣчто въ родѣ общаго имѣнія, и можетъ быть привело за собой таборитскій социализмъ. Въ 1431 уничтожается военной силой гусситская секта «среднихъ» (Mediocrēs) на Моравѣ, главное имѣніе которыхъ состояло въ томъ, «чтобы только законныя дани платитъ панамъ, имѣющимъ законное право, но чтобы другія, несправедливыя тягости были уничтожены». Изъ этого можно вывести, что кромѣ «среднихъ», т. е. умѣренныхъ, были и такіе, которые отказывались не только отъ незаконныхъ, но и отъ законныхъ тягостей, — что было уже въ ожиданьяхъ хиліастовъ. Фантастическія увлеченія, производившія хиліастовъ, произвели, мало впрочемъ извѣстную, секту «адамитовъ» (adamiti), которые, основываясь на пантеистическѣхъ мѣшалахъ, могутъ быть наследованныхъ отъ какой нибудь другой средневѣковой ереси. утверждали, что нѣтъ ни Бога, ни дьявола, что они ереть только въ добрыхъ и злыхъ людяхъ; находя святой духъ въ самихъ себѣ, они отвергали всякія книги и заповѣди; все имѣніе у нихъ было общее, брѣкъ они считали грѣхомъ, — нѣкоторые пробовали даже ходить наги. Предполагая въ себѣ райскую невинность; у нихъ принята была навоонецъ извѣстная и нашему расколу персоналификація божества, потому что какого-то Петра называли они сыномъ божіимъ, а одного селянина Миклуша называли Момсеємъ... Этотъ новый образецъ коммунизма нашель врага въ Жижкѣ, который и истребилъ ихъ небольшую общину 1421. Самъ знаменитый Жижка, предводитель таборитскаго воинства, представлявшій политическія воззрѣнія таборитовъ, не знавшій различія гословій и врагъ феодальнаго панства, не былъ вовсе крайнимъ въ своихъ религіозныхъ имѣніяхъ, хотя при всемъ томъ былъ крайнимъ фанатикомъ своихъ убѣжденій и не зналъ милосердія къ тѣмъ, кого по своему считалъ скрытыми или явными еретиками. Въ послѣднее время онъ уже сильно расходился съ своими таборитами, и его ближайшіе приверженцы, назвавшіеся по его смерти (1424) «Сиротками», составляли уже середину между настоящими таборитами и каляшниками. Они признавали спорное пресуществованіе, почитали святыхъ, употребляли при богослуженіи орматы. Но имѣнію Палацкаго, эти умѣренныя табориты стояли всего ближе къ настоящимъ взглядамъ Гуса.

Намъ пришлось излагать эту сторону чешской культуры по чисто историческимъ памятникамъ, — мы сказали уже, что отъ литературной дѣятельности таборитовъ остались только немногіе слѣды. Между тѣмъ и чешскіе, и чужіе писатели свидѣтельствуютъ, что между таборитами вообще было много людей мыслящихъ и образованныхъ. Извѣстный Эней Сильмій (впослѣдствіи пана Пій II), который самъ посѣщалъ таборитовъ и котораго

трудно заподозрить въ пристрастїи къ нимъ, рассказывать, что въ Таборѣ его встрѣтили лучшіе горожане, священники и ученики, говоря по латыни, — потому что этотъ небогатый народъ, по словамъ его, только то имѣлъ въ себѣ хорошаго, что любилъ науки. И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что передъ таборитами «устыдился бы итальянскіе священники, изъ которыхъ едва кто прочелъ въполнѣ Новый Завѣтъ, тогда какъ между таборитами не найдется можетъ быть женщины, которая бы не служила отвѣчать изъ Ветлаго и Новаго Завѣта». Въ присутствїи ученыхъ людей между таборитами не можетъ быть сомнѣнїя уже и потому, что табориты не разъ защищали свое ученїе на сходкахъ и въ полемикахъ съ пражскими «мистрами», а для этого нужно было знать дѣло не хуже самихъ мистровъ.

Вотъ нѣсколько именъ этихъ защитниковъ таборитства. Пражскіе мистры всего чаще возставали противъ Петра Пэна, называвшагося также Англичаниномъ (Petr Payne, mistr English): изгнанный изъ Англїи за виклефизмъ, Пэнъ нашелъ убѣжище въ Прагѣ, сдѣлался тамъ мистромъ и съ тѣхъ поръ остался въ Чехїи. Онъ былъ собственно единственнымъ настоящимъ представителемъ виклефизма у Чеховъ, которые вообще воспользовались этимъ ученїемъ весьма самостоятельно. Въ защиту Виклефа онъ написалъ нѣсколько трактатовъ, разсѣянныхъ по библіотекамъ. Изъ туземныхъ писателей въ особенности замѣчательнъ былъ молодой священникъ Мартинъ Гусна (называемый также Доввисъ), изъ сочиненїи котораго уцѣлѣли только небольшіе отрывки, напр. у Прибрама. Изъ сохранявшихся свидѣтельствъ можно видѣть, что этотъ еретикъ, сожженный умеренными мѣстѣ съ своимъ послѣдователемъ Канишемъ, отличался особенной энергїей убѣжденїи и рационалистской простотой своихъ богословскихъ понятїи: «мы много говорили съ нимъ о томъ и о другомъ, — говоритъ Хельнцицкїй, — и онъ сказалъ передъ нами, что на землѣ будетъ царство святыхъ, и что добрые не будутъ больше терпѣть, и что еслибъ христіанамъ приходилось такъ терпѣть всегда, — и бы не хотѣлъ быть божиимъ слугою, — такъ онъ говорилъ». Изъ историческихъ свидѣтельствъ можно заключить, что Мартинъ былъ изъ наиболѣе передовыхъ нововводителей въ Таборѣ: «я благодарю моего Бога, — писалъ онъ къ таборскимъ братьямъ, — что онъ освободилъ меня отъ заблужденїи, и я несело ожидаю теперь смерти». Въ своихъ мнѣнїяхъ о трансубстанціи онъ сходился со нѣкими радикальными таборитами и не признавалъ «колдовскихъ обычаевъ» и старался объяснить ихъ здравымъ смысломъ. Стремленїя его направлялись къ такому общественному устройству, которое цѣль жизни ставитъ въ самой жизни. Если нїя его соединить съ происхожденїемъ хилїатовъ, то нѣкоторые историки предполагаютъ, что его рационалистскїй взглядъ былъ измѣненъ его послѣдователями, которые дали ему фантастическїй характеръ. Изъ многихъ «живыхъ пророковъ», упоминаемыхъ старыми летописцами, и упоминаемыхъ еще нѣкоторыхъ, оставившихъ какую нибудь литературную память. Таковъ былъ напр. священникъ Влакъ, который женился въ Таборѣ и вы-

ступилъ противъ пражской партіи, но поводу жестокости противъ священника Яна: о смерти его Вилемъ написалъ еще особую монографію, которая своей свѣжестью ясно отличается отъ остальныхъ историческихъ записокъ того времени. Это сочиненіе нравилось въ свое время и лѣтописцы вставляли его въ свои хроники. Прибрамъ упоминаетъ, что Янъ Чапекъ, одинъ изъ воинственныхъ священниковъ гусситства, написалъ «продолженный трактатъ», въ которомъ «многими книгами ветхаго закона доказывалъ всѣ тѣ (гусситскія) свирѣпости, совѣтуя и приказывая, чтобы ихъ всѣ совершали не задумываясь». Это была конечно воинственная проповѣдь таборитства, совѣтовавшая не щадить враговъ, какъ и на дѣлѣ табориты не щадили еретической крови. Ольдрихъ изъ Знойма и Петръ Нѣмецъ Жатецкій (священникъ у «сиротокъ») были посланы на базельскомъ соборѣ и написали—первый рѣчь въ защиту пунктовъ о свободной проповѣди слова Божіи (въ «Актахъ» базельскаго собора), второй—дневникъ о переговорахъ чешскихъ послѣвъ на базельскомъ соборѣ 1433, и др. Выше всѣхъ ихъ стоитъ Николай изъ Пельгритимова, по прозванію Бискупецъ (*Mikuláš z Pelhřimova*, +1459 въ подѣбрадской тюрьмѣ). Онъ еще въ 1409 была бакалавромъ свободныхъ искусствъ; человекъ ученый и серьезный, онъ съ самаго начала шелъ дальше другихъ пражскихъ мистровъ и наконецъ совершенно отдѣлился отъ нихъ въ таборитамъ. Разногласія мнѣній въ Таборѣ побуждали его къ попыткѣ сближенія съ умѣренными, посредствомъ котораго онъ надѣялся устранить окончательное распаденіе свободной чешской церкви, но сближеніе не состоялось, и вскорѣ мы снова встречаемъ его въ открытой борьбѣ съ мистрами, особенно съ Прибрамомъ. Къ сожалѣнію, сочиненія его вполнѣ не сохранились, напр. его трактатъ противъ Хельчицкаго; всего важнѣе изъ уцѣлѣвшаго *Chronica confitentis causam sacerdotum Tabornensium*, до 1443, которой онъ былъ авторомъ или продолжателемъ: она была написана по латыни и по чешски, но сохранился только латинскій текстъ. Упоминаются и другія его сочиненія напр. трактатъ противъ крайняго таборита Кавиша и др. Священникъ Янъ Лукавецъ, которому приписываютъ начало хроники Бискупца, написалъ также сочиненіе противъ Роклицаны и пражанъ: *Confessiones Tabornitarum contra Rokicitanis et alios theologos Pragenses*, около 1431 (изд. въ Valdensia, Базель 1568). Иконоецъ, знаменитый въ таборитской военной жизни священникъ Вацлавъ Коранда. Онъ уже рано оказался неукротимымъ агитаторомъ и больше дѣйствовалъ своимъ вызывающимъ краснорѣчіемъ, нежели сочиненіями. Въ 1419 онъ отправился изъ своего города на происходившую тогда народную сходку для переговоровъ, и за нимъ пошла изъ Пильзена цѣлая толпа его послѣдователей, мужчинъ и женщинъ. На сходкѣ онъ возбуждалъ народъ къ защитѣ; потому что непріятель его уможалъ: «виноградникъ прекрасенъ ячѣвѣтъ, но подходить и позы, чтобы оборвать его», — поэтому и ходить нужно было уже «съ мечемъ въ рукахъ, а не съ дорожной палкой». Онъ самъ отправился на Таборъ, и сталъ тамъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ проповѣд-

никовъ борьбы, сопровождая таборскія волненія и возбуждая ихъ мужество своими бурными краснорѣчіемъ. Объ его писаніяхъ извѣстно только, что они были; напр. въ 1421 г. онъ написалъ трактатъ противъ Янубка. Во время реакціи (1437) ему запрещено было проповѣдовать, и подъ страхомъ утѣшленія показывается гдѣ нибудь кромѣ Табора: въ 1451 онъ жилъ еще въ Таборѣ, гдѣ диспутовалъ съ нимъ Эней Сильвій, называвшій его въ своихъ запискахъ: *Venceslaus Koranda, vetus diaboli principium*...

Въ дополненіе къ литературной исторіи гусситства необходимо упомянуть о множествѣ актовъ, посланій, постановленій общинъ, манифестовъ религиозныхъ партій, частныхъ писемъ, — которые чрезвычайно важны для исторіи и отражаютъ въ себѣ оживленное движеніе времени. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ отличаются чрезвычайной яркостію своего характера, напр. многія народныя воззванія, и частныя посланія, между которыми замѣтно выдѣляются нѣсколько посланій таборитскаго вождя Яна Жижки изъ Трепнова, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ на религиозное и народное чувство Чеховъ, напоминаетъ ихъ старыхъ предковъ, которые «боялись и за божіе дѣло и за свое», и требуетъ, чтобы они готовы были каждую минуту, «потому что уже пришла пора».

Мы уже много говорили о томъ, какимъ образомъ дѣло чешской народности стало важнымъ ингредиентомъ гусситскаго движенія. Съ уходомъ Нѣмцевъ и развитіемъ гусситства народность чешская выигрывала больше и больше политической и общественной силы. Въ артикулахъ, поданныхъ отъ чешской земли королю Сигизмунду (1419), говорится уже, чтобы чужеземцы, свѣтскіе и духовные, не были допускаемы ни въ какия земскія должности и должности, чтобы Чехи вездѣ въ королевствѣ и въ городахъ имѣли первый голосъ. Мы уже замѣтили, что на этотъ разъ было бы трудно обвинять Чеховъ въ нетерпимости, потому что въ Нѣмцахъ они справедливо видѣли защитниковъ привилегій, церкви и деспотизма, и потому что съ другой стороны ихъ платили тѣмъ же: Чехи слыли за еретиковъ и сіенскій соборъ въ 1423 запрещалъ даже всему католическому христіанству «не только нумероуки сношенія съ гусситскими Чехами, но и всякія мирныя сообщенія съ ними». Чешскій языкъ овладѣлъ наконецъ не только проповѣдью, но и богослуженіемъ, — что было важной побѣдой, потому что противорѣчило всѣмъ преданіямъ католицизма. Если и послѣ этой побѣды народности литература осталась въ тѣхъ же религиозно-политическихъ предѣлахъ и не развила съ одной стороны поэтическаго содержанія, съ другой научнаго изслѣдованія, — это совершенно понятно въ эпоху, когда всякая живая сила была поглощена дѣйствительной борьбой, не дававшей времени сосредоточиться. Но при всемъ томъ мы видимъ уже ясныя слѣды философскаго рационализма и попытокъ основать демократическія начала не на хилиастическихъ фантазіяхъ, а на разумномъ пониманіи общественныхъ отношеній¹¹⁾.

¹¹⁾ Ср. Сабяна, *Dějepis*, стр. 588 и слѣд.

Переходимъ къ другимъ направленіямъ литературы. На время разгара гусситскаго движенія прервалось нѣмецкое вліяніе и распространеніе легендарной и романтической литературы; чешская литература была поглощена своимъ настоящимъ содержаніемъ, и вопросы релігиозные и общественные стали на первомъ планѣ. Чешская поэзія, очень естественно, оставила на это время и романтическіе сюжеты, и сюжеты изъ народныхъ преданій и стала отголоскомъ богословскаго и политическаго памфлета. О томъ, что происходило въ области народной поэзіи, трудно сказать за недостаткомъ свидѣтельствъ; иногда только лѣтописи и латинскія стихотворенія упоминаютъ о веселыхъ и сатирическихъ народныхъ пѣсняхъ, ходившихъ въ это время и очевидно уже новыхъ. Въ ираны уже сильно входила средневѣковая мода на латинскія пѣсни. Студенты университета сочиняли латинскія пѣсни въ свое удовольствіе, съ нѣкоторымъ юморомъ, хотя весьма общаго содержанія; одна, еще до-гусситская, нападаетъ сильно на духовныхъ (что уже бывало и въ прежней чешской поэзіи); другія, время Гуса и послѣ, писанныя очевидно вѣрными католиками (въ короткихъ стихахъ), наполнены иногда жалобами на испорченные нравы и неуваженію къ духовенству... *Monachis, fratribus, ac monialibus, Christi virginibus, ceteris fidelibus vivere nescit... Clerici nonnulli, laeales populi facti sunt scismatici, per libros heretici Wycleff condempnati* и пр. Пѣсни эти проклинаютъ Гуса и Виллефа и сравниваютъ Жижку съ Иродомъ. Большая латинская поэма о яблѣдѣ Чеховъ у Домажлицъ была написана Лаврентіемъ изъ Бржезова (1767 стиховъ). Были наконецъ латинскія сатиры въ стихахъ и въ прозѣ, напр. замѣчательная *Coronae regni Bohemiae Satyra in regem Ungariae Sigismundum 1420 г.*, написанная чешскимъ патриотомъ. Были сатиры противъ короля Вацлава и гусситовъ, напр. *Invectio Satyrica in regem et proceres viam Wycleff tenentes 1417 г.* и мн. др. Сатира и сатирическая пѣсня, вызванная событиями дня, развиваются съ началомъ гусситскаго движенія и на чешскомъ языкѣ, и замѣняютъ собой ту неопредѣленную сатиру нравовъ, о которой мы упоминали прежде, и вѣроятно вытѣсняють въ это время и старую народную поэзію. Прежніе сюжеты пѣсни и прежняя диалектика вѣроятно очень устарѣли за это короткое время, когда всей массой населенія овладѣлъ такой исключительный витузізмъ. Новая пѣсня, сочиненная и полународная, получила рѣзкій характеръ раздраженія и насмѣшки, которыя замѣняли поэтическое вдохновеніе. Такъ уже рано появились рожомованные памфлеты, напр. при самомъ началѣ движенія противъ архіепископа Збышка, велѣвшаго жечь Виллефовы книги:

Zbyněk mistr abeceda
Spálil knihy, a ne věda
Co je v nich psáno....

Старый лѣтописецъ замѣчаетъ, что «когда архіепископъ спалилъ книги, то мистръ Гусъ разгнѣвался и нѣкоторые студенты также стали гнѣваться и

сладывать о немъ пѣсню». Какъ сильно входили въ нравы подобныя пѣсни, доказываетъ строгій запретъ, изданный противъ нихъ королемъ Вацлавомъ. Новые событія вызвали новыя насмѣшливыя и злобныя пѣсни, которыя пѣлись на улицахъ и обходили всю Чехію. Пѣсни отмѣтили такимъ образомъ много событій гусситской исторіи, начиная еще съ самыхъ временъ Гуса, борьбу съ Сигизмундомъ, котораго не разъ вѣрно характеризовала гусситская пѣсня (напр. о побѣдѣ надъ Сигизмундомъ у Вышеграда, 1420 и друг.). Всего больше было конечно пѣсенъ и цѣлыхъ длинныхъ стихотвореній противъ римской церкви, приверженцы которой отвѣчали тѣмъ же оружіемъ и писали цѣлыя поэмы о гусситскихъ ересьях¹¹⁾. Одно изъ такихъ стихотвореній (въ 485 стиховъ), укоряя гусситовъ въ разныхъ ихъ заблужденіяхъ, увѣряетъ, что первымъ желаніемъ гусситовъ было—грабить другихъ людей и особенно духовенство (злость за гусситскія проповѣди объ отягтін у духовныхъ имѣній). приводитъ противъ нихъ разныя церковныя свидѣтельства, и даетъ между прочимъ любопытное свидѣтельство о демократическомъ происхожденіи гусситской общины. Стихотвореніе упрекаетъ гусситовъ, что они понадѣлали проповѣдниковъ изъ самыхъ простыхъ людей, изъ сапожниковъ, портныхъ, мясниковъ, мельниковъ и всякихъ другихъ рабочихъ и ремесленниковъ, и «*také sú ženam kázati kázali*»—разрѣшили проповѣдовать даже женщинамъ: это послѣднее подтверждаетъ, мы видѣли, и Эней Сильвій.

Обвиненіе конечно не должно было показаться гусситамъ слишкомъ страшнымъ; другія обвиненія этого рода со стороны католическихъ сатириковъ были даже глупо-несообразительны: «*Ale jakož se z kalichu paríjetí ročesha*,—говорили они напримѣръ, —*tak se krásti, páliiti, mordovati ješni*»... Многія изъ этихъ стихотвореній составляютъ наконецъ переходъ къ римованной хроникѣ; напр. пѣсня о славной для Чеховъ побѣдѣ при Устѣ 1426, написанная ревностнымъ патриотомъ, знавшимъ подробности дѣла, называетъ по именамъ всѣхъ главныхъ героевъ этой битвы и описываетъ ихъ подвиги. Наконецъ сохранилась и военная пѣсня гусситовъ, начинающаяся словами:

Kdož ste boží bojovníci
a zákona jeho,
prostěž od Boha pomoci
a doufejte v něho.
že konečně s ním vždycky zvítězíte...

Эта пѣсня, которую прежде приписывали обыкновенно самому Жижкѣ, написана хотя и не имъ, но представляетъ одинъ изъ самыхъ характеристическихъ памятниковъ того времени. Эта пѣсня—смысь военной роман-

¹¹⁾ Старая латинская хроника говоритъ: *Cantabant Viclefistae, componentes cantiones novas contra ecclesiam et ritus catholicos, seducentes populum simplicem, et e converso catholici contra eos...*

ды съ ожесточеннымъ религіознымъ энтузіазмомъ, сначала передаетъ вкратцѣ военныя правила гусситской битвы и потомъ возбуждаетъ мужество воиновъ, убѣждаетъ ихъ не смотрѣть на то, что ихъ только горсть противъ множества непріятелей, и заканчиваетъ воззваніемъ:

a stim vesele zkríknete,
řkouc: Na ně! hrt na ně!
bran svou rukama chutnejte,
Bůh náš Pan! vzkřiknete,
bite, zabíte,
žádného neživte!

Наконецъ духовныя пѣсни: значительная часть ихъ происходила еще изъ стараго періода, потомъ къ нимъ присоединилось множество новыхъ, венкишскихъ изъ позднѣйшихъ религіозныхъ взглядовъ.

Римованныя хроники (напр. отрывки 1419 и 1420 г.) обыкновенно не имѣютъ ни поэтическаго, ни историческаго значенія. Въ послѣднемъ отношеніи важнѣе историческія записки или настоящія хроники, которыхъ осталось значительное количество. Какъ часто бываетъ съ лѣтописями, это бывали компілятивныя работы, начинаемыя однимъ, продолжаемыя и списываемыя другими: вообще лѣтописи этого времени считаются продолженіемъ хроникъ Бенеша изъ Горовиць и Пулжавы ¹³). Они во всякомъ случаѣ чрезвычайно важны для исторіи гусситской эпохи, и отличаются иногда большою живостью разсказа, иногда страдаютъ большою безцѣлностью. Замѣчательны напр. уже упомянутый нами разсказъ о смерти Яна Желивскаго и другой, о походѣ Жижики въ Венгрію, 1423 г., гдѣ подробно объясняется и военная система Жижекъ. Къ числу лучшихъ источниковъ для исторіи того времени принадлежитъ латинская хроника Лаврентія изъ Бржезовы (Vavřines z Brzozové, † послѣ 1437), вридворнаго Вацлава IV. Человѣкъ многосторонне-образованный, близко видѣвшій событія, подготовленный историческими занятіями, онъ былъ способенъ написать исторію своего времени. Лѣтопись его, написанная по латыни, обнимаетъ только 8 лѣтъ (1414—1422, *Historia de bello Hussitico*), но тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ важнѣйшимъ памятникамъ чешской историографіи. Она долго была любимымъ чтеніемъ и переведена была на чешскій языкъ. «Исторія» написана съ точки зрѣнія партіи; Лаврентій былъ строгій католикъ и возстаетъ противъ таборитовъ, оребитовъ и виѣсть противъ католикъ. Къ таборитамъ онъ былъ совершенно несправедливъ и не понималъ положительно ихъ стремленій, — какъ впрочемъ всѣ почти ихъ противники ¹⁴). Какъ латинскій хронистъ извѣстенъ былъ и такъ называемый Бартошекъ (Bartošek z Drahoňic): его хроника обвиняетъ время

¹³) См. Палацкаго, *Starí lětopisové*.

¹⁴) Лаврентій извѣстенъ также какъ переводчикъ: «Исторія римскихъ цезарей», «Путешествіе» Мандевила и пр.

1419—1443 г. и имѣетъ потому чешскія дополненія до 1464 г., вѣроятно другого автора. Этотъ сауга Сигизмунда, католикъ и роялистъ, понимается вещь также весьма ограниченнымъ образомъ.

Наполеонъ въ числѣ исторически замѣчательныхъ памятниковъ упоминаетъ еще произведеніе иосящее имя Жижки и, его *Военное устройство* (съ латинскимъ заглавіемъ: *Constitutio militaris Joannis Žizka, 1423*): оно вышло съ именемъ Жижки и всѣхъ главныхъ начальниковъ, Рогача изъ Дубы, Альша изъ Риаенбурга, Боика изъ Кунштата и т. д. и назначено было для сохраненія дисциплины въ таборитскомъ войскѣ. Какъ и все въ то время, оно начинается религіозной мыслью и увѣщаетъ народъ прежде всего на себѣ и въ себѣ снмихъ разрушить смертельные грѣхи, чтобы разрушать ихъ потомъ на короляхъ и князьяхъ, панахъ и герцогахъ и т. д., «снмѣакихъ лицъ не исключая»... Требуя строгого исполненія правилъ подъ оригинально выраженными угрозами, эти военныя постановленія выказываютъ и равенство передъ закономъ, котораго конечно требовали демократическія наклонности Жижки.

Съ несчастной битвой у Липавъ (1434) чешская демократія таборитовъ потеряла свою силу въ обществѣ; феодализмъ могъ безпрепятственно стремиться къ возвращенію потеряннаго преобладанія. Идеи таборитовъ продолжали жить, но возложеніе Табора вообще было трудное, потому что ему приходилось защищать самое свое существованіе отъ возраставшей реакціи. Для самой Чехи, которая въ половинѣ 15-го столѣтія приобрѣла короля-патріота въ Юріи Подѣбрадѣ, шелъ вопросъ о народной и политической независимости. Чешская народность въ это время продолжала пользоваться тѣмъ положеніемъ, которое доставлено было ей гусситскимъ движеніемъ; латынь больше и больше уступала чешскому языку: многіе вліятельные люди того времени не знали по латыни, напр. кромѣ стараго Жижки, Юріи Подѣбрадъ, Циборъ изъ Цимбурга и др. Католики продолжали вѣдѣть вредъ въ господствѣ чешскаго языка и ратовали за церковную латынь: Павелъ Жидекъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей этой партіи, положительно утверждалъ, что благо государства достигается именно различіемъ языковъ. Съ другой стороны патріоты, какъ Викторинъ изъ Вшегордъ, находили, что въ управленіи должны участвовать одни Чехи, а Нѣмцы должны быть просто изгнаны изъ страны, «какъ было при священной памяти (старо-чешскихъ) князьяхъ».

Этотъ спорный пунктъ, вмѣстѣ съ спорными пунктами религіи и политики, продолжаетъ господствовать въ литературѣ второй половины 15-го столѣтія. Историческіе памятники этого времени продолжаютъ въ тѣхъ же направленіяхъ, латинскомъ и чешскомъ, реакціонномъ и гусситскимъ. Изъ латинскихъ хроникъ особенно извѣстны: *Chronica Pragensis* 1476, — этому Прокопу, католику, но кажется недругу Нѣмцевъ, принадлежить и отрывокъ ренованной чешской хроники; *Nicolai de Bohemia* (Mikuláš Čech, въ половинѣ 15-го столѣтія),

Chronicon Bohemiae: здѣсь можетъ быть упомянута и книга, написанная по личному знакомству съ Чехіей Энеємъ Сильвіемъ Никколоници, *Historia bohemica* (до 1458 г., Римъ 1475 и ин. др.), переведенная на чешскій Николаемъ Коначемъ (Прага, 1510 и др.), и еще раньше Яномъ Гусой, въ 1487; даѣе *Chronica Taborensum*, до 1442, рукопись. Чешскія историческія книги этого времени не отличаются особыми достоинствами. Большой плодотворностью отличался Павелъ Жидекъ (по латыни *Paulus Paulinicus* или *Paulus de Praga*, еврей): ему принадлежитъ «Всеобщая исторія» (въ ней и чешская), составляющая часть его «Справокъ»; книги объ обязанностяхъ короля, писанной имъ для Юрія Подъбрада, и наконецъ латинская энциклопедія «*Liber viginti artium*», которая приписывалась у Полюновъ знаменитому пану Твардовскому¹⁵) и друг. Человѣкъ, крайне неуживчивый въ жизни, не особенно правдивый и самохвалъ, Жидекъ и въ сочиненіяхъ своихъ также не былъ особенно совѣстливъ и въ сущности былъ сторонникомъ крайней политической и религіозной реакціи. Такимъ же приверженцемъ рабства былъ Гиларій Литомержицкій (†1467), сначала утравившій членъ университета, потомъ отпавшій въ Италію на сторону католиковъ. Въ его латинскихъ и чешскихъ книгахъ и рѣзкихъ памфлетахъ противъ кальвиниковъ, напр. противъ Рокицаны, одинаково господствуетъ ультрамонтанская ограниченность; современники прозвали его апостатомъ и «недоумомъ». Гиларій уже прямо проповѣдовалъ, что папа есть владыка всѣхъ странъ, и свѣтскія власти обязаны только наблюдать за исполненіемъ его воли; если же свѣтская власть сама возстаетъ противъ папской воли (напр. на чешскія обстоятельства), то шляхта (т. е. католическая) имѣетъ право изгнать эту власть.

Гуситская и народная сторона имѣла свои рѣзкія и характерныя выраженія въ историческихъ сочиненіяхъ этого времени. Кромѣ того, что заключается въ «Старыхъ лѣтописяхъ», собранныхъ Палацкимъ, особенно любопытны прибавки въ Далмиловой хроникѣ, написанныя около 1439: «*Pro tibi se krátke savoráni z kronik českých k vystřaze vojných Cechův*». Это «собрание» проникнуто патристическимъ стремленіемъ къ охранѣ народности и имѣло кромѣ того спеціальную цѣль дѣйствовать противъ избранія въ короли Нѣмца. Вражда къ Нѣмцамъ была у неизвестнаго автора сознательной сметкой, которую онъ оправдывалъ исторически: «Чехи должны усердно заботиться и со всѣмъ стараніемъ остерегаться, чтобы не впасть въ употребленіе чужаго языка, а особенно нѣмецкаго: потому что, какъ *свѣтъ не състоитъ изъ чешскихъ хроникъ*, этотъ языкъ есть наиплотѣйшій къ поряженію языка чешскаго и *славянскаго*». Хотя авторъ не советамъ правдоподобно утверждаетъ, что уже при созданіи вавилонской башни Нѣмцы враждовали противъ Славянъ и что Александръ Македонскій далъ грамоту славянскому языку, по современнымъ отношеніямъ своей народности онъ понималъ довольно хорошо и, рекомендуя соотечественникамъ любить божію кровь, т. е. крвнхъ.

¹⁵) См. *Casopis Česk. Museum*, 1837, стр. 225.

предостерегали отъ пановъ и духовенства. Изъ ревностныхъ католицистовъ извѣстенъ былъ въ это время своимъ чешскими полемическими трактатами Вацлавъ Коранда младшій (—1519), важнѣйшимъ трудомъ котораго былъ историческій рассказъ о посольствѣ Подѣбрада въ Римъ (*Poselství krále Jiřího*). Весьма любопытно своими подробностями описаніе другаго посольства Подѣбрада къ французскому королю Людовику XI, 1464 г., — изъ этого описанія можно видѣть, между прочимъ, какую ненависть встрѣчали Чехи почти вездѣ въ Германіи въ простомъ народѣ, благодаря своей еретической репутации.

Вторая половина 15-го столѣтія принесла два новые культурные элемента — книгопечатаніе и классическое изученіе подъ вліяніемъ «Возрожденія». И то и другое не могло не подѣйствовать на характеръ литературныхъ стремленій, расширяя объемъ и измѣняя характеръ образованія, но вѣсть съ тѣмъ однако удаляя отъ прежняго радикальнаго движенія.

Типографское искусство развилось у Чеховъ съ большимъ успѣхомъ.

Первой печатной чешской книгой считается *Троянская исторія*, напечатанная въ Пильзенѣ, 1468. Но чешскіе историки находятъ, «что достоинство изданія заставляетъ предполагать предыдущіе, менѣе совершенные опыты». Изданіе гусситской пѣсни: «*Chceme-li v Bohem byti*» съ 1441 годомъ, вѣроятно напечатанной въ 1618, заставило предполагать, что первое изданіе было сдѣлано въ 1441. Чешскій индексъ запрещенныхъ книгъ, составленный иезуитами въ позднѣйшую эпоху гоненій, приводитъ нѣсколько такихъ старыхъ датъ, между прочимъ «исловіе изъ Констанца мистра Яна изъ Гусинца», съ 1459 годомъ. Первые типографы всѣ носятъ чешскія имена, что опять дало поводъ предполагать, что въ чешскомъ книгопечатаніи была извѣстная независимость отъ нѣмецкаго. Было даже преданіе, которому вѣрили ревностные славянофилы изъ Чеховъ и Русскихъ, что самъ Гуттенбергъ былъ Янъ Кутногорскій... Какъ бы то ни было, книгопечатаніе распространилось въ Чехіи очень быстро: пильзенская типографія служила католикамъ, пражская и кутногорская (1488) подобнымъ; болеславская (1500) чешскимъ братьямъ и т. д. Полемиическая литература того времени тотчасъ же дала работу этимъ типографіямъ.

Первымъ заводчикомъ классицизма считается Григорій Пражскій (иначе *Castulus, Hastalský*, —1485), который началъ въ университетѣ лекціи о латинскихъ писателяхъ. Правда, съ его смертію въ университетѣ опять упали классическія занятія, но они были въ духѣ времени и число гуманистовъ расширилось. Классическое изученіе имѣло въ чешской литературѣ двойное волеженіе: одни, по старой традиціи, занимались только латынью, въ ней самой находя единственный интересъ; у другихъ изученіе классиковъ соединялось съ народными стремленіями. Успѣха латинистовъ перваго разряда, преимущественно рьяныхъ католиковъ, не могли поэтому сдѣлать латыни господствующимъ литературнымъ языкомъ: чешская литература въ гусситскій періодъ относительно языка слишкомъ крѣпко стала на націо-

мальной почвѣ и теперь эти латышники, стремленія которыхъ были значены патриотами, встрѣтили такой же отпоръ, какъ прежде Навмы. Въ концѣ 15-го и началѣ 16-го вѣка классицизмъ имѣлъ уже много замѣчательныхъ въ этомъ смыслѣ представителей, каковы были напр. Андиславъ изъ Восковиць, Турзо, Августинъ Оломуцкій, Янъ Шлехта, но въ особенности Богуславъ Гасиштейнскій изъ Лобковиць (1462?—1510). Хотя большая часть сочиненій Богуслава изъ Лобковиць писана по латыни, онъ имѣетъ важное мѣсто въ чешской литературѣ, какъ распространителя классицизма. Одно время онъ былъ калишникомъ, но потомъ сталъ ревностнымъ католикомъ. Свое классическое образованіе онъ получилъ въ Германіи и Италіи, имѣлъ потомъ почетное мѣсто при дворѣ и усердно занимался литературой. Его латинская сатира: «Жалоба св. Вацлава на нравы Чеховъ» 1489 свидѣтельствуетъ о патриотизмѣ автора и представляетъ интересныя черты времени. Богуславъ былъ также знаменитъ какъ путешественникъ: отправляясь въ Іерусалимъ, онъ посѣтилъ Аравію, Египетъ, Малую Азію, Архипелагъ, Грецію, Сицилію, Африку и т. д. Братъ его Янъ также шукался въ далекія путешествія... Богуславъ вывелъ между прочимъ и большое собраніе классическихъ авторовъ, въ книгахъ и рукописяхъ. Домъ его походилъ на академію. Но вся его ученость и многія истинно гуманныя начала, вынесенныя имъ изъ классиковъ, не избавили его отъ крайней отсталости въ религиозныхъ вещахъ: требуя гражданской свободы, осмѣивая аристократическія претензіи и т. д., онъ не замѣчалъ, что его ультрамонтанскія стремленія прямо противорѣчатъ всѣмъ этимъ добрымъ пожеланіямъ⁴⁶⁾. Классическая ученость не освѣтила и другихъ головъ, напр. Станислава Турзо, епископа оломуцкаго, и Августина Оломуцкаго (Kaasenberg), которые были непримиримыми врагами начавшейся тогда реформаціи. Не упоминая о многихъ другихъ латышникахъ, мы назовемъ еще только двухъ женщинъ — латинскихъ писательницъ. Одна, цыгва Марта, написала «Excusatio Fratrum Valdensium contra duas literas Doctoris Augustini datus ad regem», 1498, въ защиту реформы: упомянутый Августинъ и Богуславъ были крайне раздражены этимъ ученымъ и остроумнымъ памфлетомъ, и Богуславъ написалъ даже сатиру на его автора! Другая, Іоганна, изъ рода Восковиць, которой, какъ Гасиштейну, имѣлъ оновъ представителей классической учености, — была также дѣла ученая: она принадлежала кажется къ «бритской общинѣ», и ученые моравы Вацешъ Оматъ и Петръ Казль посвятили ей свой переводъ «Новаго Завѣта» (съ латинскаго перевода Эразма Роттердамскаго. — изд. 1555).

Такии образомъ большинство классииковъ, питавшихся античной философій, оказывалось въ жизни крайними ретроградями; среди еще продолжавшихся движеній они не умѣли отличить той стороны, которой принадлежало

⁴⁶⁾ К. Винаржицкій, Pána Bohuslava Hasištejnského z Lobkovic věk a Spisy vybrané, Прага, 1836.

или желью принадлежать будущим. Эти классики не понимали и собственного положения; латинская литература заставляла их изъ редкую литературу, и имъ не приходило въ голову, что имъ мертвая латынь — средство, изъ котораго они сдѣлали цѣль — была искусственной натяжкой, лишней собственной жизни.

Национальный элементъ не подчинился однако латыни, и хотя знаніе классической древности дѣлалось составной частью литературныхъ идей, народный языкъ, съ которымъ часто понималось шестѣ и народное дѣло, находилъ ревнивыхъ защитниковъ. Таковы были Викторинъ изъ Шнегордь, Циборъ, Григорій Грубый, Вацлавъ Писецкій и другіе.

Имена Викторина и Цибора принадлежатъ къ числу знаменитыхъ именъ въ исторіи чешскаго права. Главныя произведенія ихъ посвящены были земскому праву, которое въ это время вообще находило дѣятельныхъ объяснителей. Тревожныя времена гусситскихъ споровъ, таборитскихъ войнъ и т. д. нарушали порядокъ юридическихъ отношений, которымъ угрожало то право ежельнаго, то социалистскія теоріи таборитовъ, такъ что естественно могла явиться мысль о прочномъ установленіи этихъ отношений. Оттого конецъ 15-го и начало 16-го вѣка богаты изложеніями чешскаго права. Таковы напр. «Земскіе уставы королевства чешскаго при перолѣ Владиславѣ» 1500 г. ¹⁷⁾, «Книга Товачовская» Цибора изъ Цимбурка и Товачова; написанная въ 1481 г. ¹⁸⁾, дагѣ «Девять книгъ о правахъ, судахъ и доскахъ чешской земли» Викторина Корнелия изъ Шнегордь, написанныи въ 1495—1500 г. ¹⁹⁾; затѣмъ *Desky zemské*, разныя собранія городскихъ правъ и т. п., отражающія тогдашній юридическій бытъ, споры феодаловъ съ горожанами и т. п. Наибольше важны три первые памятника. Общая ихъ мысль была сходна: они должны были утвердить положенія права, потрясенныя предыдущими политическими и общественными волненіями, и всѣ они стараются достичь этой цѣли однимъ средствомъ — возобновленіемъ старыхъ юридическихъ обычаевъ. Но юридическое значеніе ихъ было различно: Земское уложеніе Владислава было прямо книгой законовъ; Товачовская книга и девять книгъ Викторина должны были служить только частнымъ руководствомъ къ обзорѣнью старыхъ юридическихъ обычаевъ, одна въ Моравіи, другая въ Чехіи, и первая кажется имѣла больше авторитета, особенно между дворянствомъ, чѣмъ вторая.

Циборъ изъ Цимбурка и Товачова (†1494) принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей своего времени не только по литературной, но и общественной и политической дѣятельности. Родъ его былъ одной изъ древнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ фамилій въ моравской шляхтѣ: Циборъ принадлежалъ къ умѣреннымъ калинничкамъ, былъ горячимъ приверженцемъ Юрія Подѣбрада, занялъ важное мѣсто въ королевствѣ и пользо-

¹⁷⁾ «Zřízení zemské království českého za krále Vladislava».

¹⁸⁾ Sepsání obyčejů, řádů, zvyklostí starodávnych a prav markrabství moravského

¹⁹⁾ Knihy devaterý o pravích a sudích i o deskách země české.

вался вообще большим авторитетом. Его юридический труд составленъ съ аристократической точки зрѣнія и старательно защищаетъ на основаніи старинны права пановъ. Въ чешской литературѣ Циборъ извѣстенъ также другимъ сочиненіемъ, написаннымъ еще въ молодости, около 1467 г. и посвященнымъ королю Юрію: «Споръ правды и жи обѣ имѣньяхъ и власти духовенства» (изд. въ Прагѣ 1539). Этотъ «Сморъ» изложенъ въ прозѣ, на подобіе тѣхъ аллегорическихъ пьесъ, которыя, какъ мы уже указывали, были въ то время модной формой въ европейской литературѣ, а затѣмъ и у Чеховъ. Пьеса не имѣетъ поэтического достоинства, но любопытна своимъ содержаніемъ, которое изображаетъ процессъ Правды противъ Жи, веденный передъ судомъ божіимъ: въ судѣ засѣдаютъ апостолы, подъ предсѣдательствомъ св. Духа; споръ Правды и Жи, къ которому присоединяются всѣ добродѣтели и пороки (напр. «Гордость, княжна римская», «Неманьсть изъ Австрій», «Лѣность изъ Польши» и т. п.), представляетъ собственно споръ между христіанствомъ, какъ поминали его съ одной стороны гусситы, съ другой римская церковь; онъ рѣшается конечно въ пользу Правды. Гусситскія наклонности Цибора, обнаруженныя имъ и въ другихъ случаяхъ, стоили ему проклятій противной стороны: упомянутый нами Богуславъ Лобковицъ въ стихахъ на смерть Цибора пророчитъ ему, что «небо заперто для него, потому что безъ лодки Петра никто не переправится къ жиламъ блаженныхъ», — что «на немъ не будетъ конца его наказанію и его мукамъ». Такъ конечно и слѣдовало ожидать.

Книги Викторина (— 1520) считаются вообще ключомъ къ уразумѣнію всѣхъ старыхъ и новѣйшихъ памятниковъ чешскаго права, и чешская исторія высоко цѣнитъ его литературныя заслуги. Отецъ его былъ простой горожанинъ изъ Хрудимѣ; карьера его была сначала ученая, — онъ былъ профессоромъ философіи и деканомъ факультета, — потомъ юридическая и общественная. Трудъ Викторина обширяетъ книги Цибора и даетъ много любопытнаго матеріала для изученія тогдашнихъ социальныхъ отношеній. Въ спорахъ феодаловъ съ городами онъ принималъ сторону городовъ и вообще въ его сочиненіи можно замѣтить демократическую тенденцію. Кроме того онъ перевелъ на чешскій языкъ нѣкоторыя сочиненія Киприана и Іоанна Златоуста. Викторинъ былъ и горячій патриотъ: въ своихъ «Девяти книгахъ» онъ восхваляетъ старые обычаи чешскаго права, открытый чешскій судъ и т. п.; въ предисловіи къ одному изъ своихъ переводовъ онъ патріотически защищаетъ чешскій языкъ, — которымъ въ то время пренебрегали приверженцы латыни. Богуславъ Лобковицъ отдавалъ справедливость его честности, но наконецъ возсталъ и противъ него, какъ противъ Цибора, когда пошла по рукамъ сатирическая латинская пьеса, которую молва приписывала Викторину. Богуславъ не могъ перенести пьесы, которая сильно задѣвала его авторитетъ и говорила между прочимъ:

Da mihi Torquatos, Fabios, fortesque Camillos:
Papa, stupor mundi, sustulit omne decus.

Къ тому же разряду классических ученых, для которых знание древности служило только средством къ возвышенію національной литературы и языка. принадлежатъ Вацлавъ Писецкій (ум. въ началѣ 16-го вѣка), и особенно извѣстный Григорій Грубый изъ Елени (или Jelenius, + около 1515), литературная дѣятельность котораго заключалась главнымъ образомъ въ переводахъ и толкованіяхъ старыхъ писателей, между прочимъ и латинскихъ писателей новой школы гуманистовъ. Такъ онъ переводилъ Златоуста, св. Василія, Циперона, Понтана, Петrarку, Эразма Роттердамскаго, Вогуслава изъ Лобковиць и проч. Извѣстнымъ именемъ былъ и Николай Коначъ изъ Годшпиткова (или Finitor. — 1546), заслуги котораго высоко цѣнились современниками. Это былъ дѣятельный переводчикъ и типографчикъ, — довольно типичная личность чешскаго литератора въ первой половинѣ 16-го вѣка. По своимъ убѣжденіямъ Коначъ былъ умѣреннымъ послѣдователемъ компактатовъ: одинъ иртыкъ 16-го вѣка, изъ чешскихъ братьевъ, называетъ его «добрымъ Чехомъ», но за его релігиозныя тенденціи «неуѣзлымъ ревнителемъ вѣры». Оригинальнымъ сочиненіемъ Конача считается «Книга о гореваніи и печали Справедливости, королевы и госпожи всѣхъ добродѣтелей», содержаніе которой заключается въ томъ, что Справедливость проходитъ всѣ званія духовныя и свѣтскія, высочія и низкія и горюеть, нигдѣ не находя своихъ истинныхъ читателей. Это — омыт. аллегорическая пьеса, не показывающая въ авторѣ оригинальности. Но въ особенности онъ переносилъ въ чешскую литературу чужія произведенія: онъ перевелъ средневѣковой романъ Филиппа Бероальда, два разговора Лукіана, чешскую хроніку Энея Сильвія, «Pravdivo lidského života», т. е. басни Бидля изъ извѣстной латинской редакціи Directorium humanae vitae, драму «Юднѣ» и проч. Масса переводовъ была весьма значительна, и если чешскіе писатели этого времени не всегда съ плодотворностью соединяли и передовыя качества и новостъ мысли, какъ напр. не было этого у Конача, то они служили проводниками знанія въ общество, такъ что общій уровень литературной образованности былъ значительно высокій. Мы уже замѣтили, что виѣсть съ классиками были переводимы и сочиненія новѣйшихъ гуманистовъ, а эти люди были тогда передовыми двигателями европейскаго развитія. Имена Петrarки, Лаврентія Валлы, Понтана и особенно Эразма Роттердамскаго часто встрѣчаются въ тогдашней литературѣ: Эразмъ былъ и въ прямыхъ сношеніяхъ съ чешскими учеными, напр. Яномъ Шлехтой, и былъ довольно благопріятнаго мнѣнія о движеніи «чешскихъ братьевъ». Неудивительно поэтому, что реформа Лютера и самъ Лютеръ тотчасъ завязали въ Чехіи прямыя связи, кончившіяся значительнымъ распространеніемъ реформаціи въ чешскомъ народѣ.

Но прежде, чѣмъ мы будемъ продолжать изложеніе литературнаго періода, заключающаго въ себѣ виѣсть съ 15-мъ вѣкомъ самую дѣятельную

пору въ исторіи чешскаго народа. мы должны возвратиться къ судьбѣ таборитскихъ идей. Мы видѣли, что онѣ разбивались на множество индивидуальныхъ ученій, — какъ это и было естественно послѣ отверженія устарѣлаго авторитета, — и что эти ученія выразились образованіемъ религиозныхъ сектъ и политическихъ партій. Борьба ихъ между собою была энергическая и ожесточенная; но тѣ, въ комъ всего сильнѣе дѣйствовало стремленіе къ религиозной и политической реформѣ, оставались — опять, какъ это всегда бываетъ — въ меньшинствѣ и, не смотря на героическую защиту своихъ убѣжденій въ гусситскихъ войнахъ, потеряли свое политическое дѣло. Но идеи, одушевлявшія ихъ, не погибли: онѣ продолжали жить, иногда въ тѣхъ же формахъ, которыя дали имъ первое бурное время гусситизма, и даже нашли свое дальнѣйшее философское и социальное развитіе. Представителемъ этого развитія былъ Петръ изъ Хельчицъ или Хельчицкій.

Нѣкоторые чешскіе историки можетъ быть не безъ основанія называютъ его геніальнѣйшимъ философомъ своего времени въ цѣлой Европѣ. Его біографія до сихъ поръ мало извѣстна; сочиненій также извѣстныхъ не вполне: поэтому и трудно еще опредѣлить съ увѣренностью его значеніе въ исторіи чешской литературы и народнаго развитія. Хельчицкій родился около 1390 года, и слѣдовательно молодость провелъ во времена Гуса. Происхожденіе его неизвѣстно; онъ учился нѣсколько времени въ пражскомъ университетѣ, но не имѣлъ однако достаточнаго знакомства съ латынью и не имѣлъ ученой степени. Въ 1420 онъ держалъ въ Вилемской часовнѣ споры съ Якубкомъ, утверждая, что въ дѣлѣ вѣры не должно быть никакого насилія. Ходъ дѣлъ въ Прагѣ не нравился ему и онъ удалился въ небольшую деревню Хельчицы, гдѣ онъ жилъ съ тѣхъ поръ въ уединеніи. Но онъ обратилъ однако на себя вниманіе и около него собрался кружокъ друзей, раздѣлявшихъ его мнѣнія. Это былъ вообще человекъ скромный въ жизни и толерантный въ дѣлѣ вѣры. Петръ Пень, изгнанный въ 1437 изъ Праги, пользовался нѣсколько времени его гостепримствомъ. Литературная дѣятельность Хельчицкаго началась новѣйшему поздно, — ее относятъ къ 1433—43 годамъ, — въ 1443 г. онъ уже былъ позванъ на Кутногорскій сеймъ, чтобы дать отвѣтъ за свои сочиненія. Но судя по количеству сочиненій его надобно думать, что въ этому періоду относятся только главнѣйшія изъ нихъ. Сочиненія Хельчицкаго были слѣдующія: *Стѣ вѣры* (Sit víry изд. 1521); *Трактатъ о вѣрѣ*, написанный въ 1437 (Traktát o víře a o naboženství, рус. въ Царяжѣ); сочиненіе *объ Антихристѣ* (O kelmě a o obřazu jejím), отъ изданія котораго не сохранилось ни одного экземпляра; «o rotáčích českých» (не сохранилось); «Книга толкованій на недѣльные чтенія» или *Постилла* (изд. 1522 и 1532); сочиненія *О божіей милости*, *О свѣтской власти*, разные мелкіе трактаты, толкованія евангелій и т. п., изъ которыхъ особенно любопытна *Речь объ основаніи челоуцескихъ замковъ* (Řeč o

základu zákonů lidských). Одинъ изъ почитателей Хельчицкаго въ 16-мъ вѣкѣ, въ предисловіи къ «Сѣтъ вѣры», такъ восхваляетъ высокое достоинство его сочиненій: «Кто будетъ читать эти книги, тотъ убѣдится, что Богъ не дозволялъ забыть о предѣлахъ нашихъ, но что онъ одарилъ и наполнилъ ихъ духомъ... И потому этотъ превосходный мужъ, избранный сосудъ Господа, имѣетъ великіе дары, данные милостью божіей, выносить старыя и новыя вещи изъ сокровищницъ Бога, написать и сложивъ эти книги, полезнѣйшія каждому человѣку всѣхъ сословіи», — и замѣчаетъ, что сочиненія Хельчицкаго встрѣчаются рѣдко, потому что священники оуждали и преслѣдовали ихъ предъ людьми, называя ихъ лживыми и еретическими — оттого что Хельчицкій укорялъ ихъ за пребены, — но что другіе люди всѣхъ сословіи любили эти сочиненія и не отвращались отъ нихъ изъ-за того, что авторъ былъ мірянинъ и не ученъ былъ латыни.

Главнѣйшими сочиненіями Хельчицкаго были «Сѣтъ вѣры» и «Постыла». Какъ и его современники онъ основываетъ свое ученіе на религіозныхъ положеніяхъ. Сѣтъ вѣры есть ученіе Христова, которое должно извлекать человѣка изъ темной глубины житейскаго моря и его неправдъ. Человѣкъ не можетъ ничего утверждать, онъ долженъ только вѣрить: безъ вѣры онъ тотчасъ впадаетъ въ темную пропасть, гдѣ овладѣваетъ имъ ложь. Вѣра состоитъ въ божьихъ словахъ, и потому человѣкъ долженъ вѣрить словамъ божіимъ; но теперь пришло такое время, что люди истинную вѣру принимаютъ за ересь, — и поэтому разумъ долженъ указать, въ чемъ состоитъ истинная вѣра, если кто не знаетъ этого. Тьма закрыла очи людей и они не узнаютъ истиннаго закона Христова. Для объясненія этого закона Хельчицкій указываетъ на первобытное устройство христіанскаго общества, — то устройство, которое, говорятъ онъ, считается теперь въ римской церкви гнуснымъ еретичествомъ. Хельчицкій съ злой ироніей смѣется надъ базельскими защитниками римской церкви, говоря о «глупой первобытной церкви», которая служила безъ орнатъ, безъ костеловъ съ разрисованными стѣнами, безъ музыки и искуснаго пѣнія по нотамъ. Эта первобытная церковь и была его идеаломъ общественнаго устройства, основаннаго на равенствѣ, свободѣ и братствѣ. Христіанство, по мнѣнію его, до сихъ поръ хранить въ себѣ эти основанія, и нужно только, чтобы общество возвратилось къ чистому христіанству, и чтобы оказался излишнимъ всякій иной порядокъ, которому нужны короли и папы: во всемъ достаточно одного закона любви. «Кислый укусъ гражданскаго управленія нуженъ только для преступающихъ законъ этой любви. Поэтому отъ грѣховъ явилась нужда въ королевскихъ порядкахъ и законахъ для отищенія грѣховъ и непослушанія Бога; и чѣмъ больше человѣчeskій родъ удаляется отъ Бога и отъ его закона, тѣмъ больше нужно ему держаться этихъ (королевскихъ) правъ и опираться на нихъ. Я не говорю, чтобы человѣчeskій родъ твердо стоялъ на этихъ правахъ, — онъ только подпирается ими, чтобы совсѣмъ не упасть». Никакихъ законовъ не было бы нужно, если бы

сохранялся законъ любви и если бы христіанство одержало на землѣ побѣду надъ язычествомъ. Изъ этого язычества вышло все неурстройство на землѣ и превозмогла свѣтская власть, которая приходитъ отъ грѣха. — Исторически, Хельчицкій относилъ упадокъ христіанства ко временахъ Константина Великаго, котораго папа Сильвестръ ввелъ въ христіанскую вѣру со всеми языческими правами и жизнью: Константинъ въ свою очередь надѣлилъ папу свѣтскимъ богатствомъ и властью. Съ тѣхъ поръ обѣ власти постоянно помогали другъ другу, и стремились только къ вышней славѣ; доктора, «мистры» и духовенство стали заботиться только о томъ, чтобы покорить весь свѣтъ своему владычеству, вооружали людей другъ противъ друга на убійства и грабежи и совершенно уничтожили истинное христіанство въ вѣрѣ и въ жизни.... Хельчицкій совершенно отвергаетъ право войны и смертную казнь: всякій воинъ, даже и «рыцарь», есть только насильникъ, злодѣй и убійца... Такимъ образомъ въ своихъ окончательныхъ выводахъ Хельчицкій расходился не только съ умѣренными, но и съ самыми таборитами и «сиротками». Ученіе Хельчицкаго, основанное на первобытномъ христіанствѣ, послѣдовательно отвергало цезарскую и папскую власть, привилегіи сословій, крѣпостное право: онъ называлъ королевскихъ привилегій толпой бездѣльниковъ, которая не подходитъ подъ божій законъ, потому что весь христіанскій родъ долженъ быть уравненъ въ любви и правѣ; онъ возставалъ противъ казни преступниковъ, которыхъ нужно только исправлять братскимъ участіемъ; онъ не признавалъ сословій и всякихъ правъ рожденія, смѣялся надъ гербами, и считалъ, что въ нынѣшнемъ устройствѣ общества и господствуетъ сила Антихриста, который занялъ твердыни, города и монастыри своимъ духомъ, противнымъ духу Христа, его жизни и закону...

Другимъ важнымъ сочиненіемъ Хельчицкаго была «Постыля», въ которой онъ старается доказать свидѣтельствомъ писанія идеи, изложенныя имъ въ «Сѣти вѣры». Мы видѣли, что толкованія писанія еще до временъ Гуса стали занимать значительное мѣсто въ чешской литературѣ и служили средствомъ реформаціонной пропаганды. Характеръ толкованій измѣнялся съ характеромъ тенденцій времени: для Миллика и Штитнаго толкованіе направлено было на безпирательность и неповиновеніе церкви; Гусъ указывалъ уже на неправильное пониманіе закона и нападалъ на самую церковь, не столько проповѣдуя новую систему, сколько вызывая отрицаніе; Рокицана уже изходитъ пушинымъ положить границы этому отрицанію и тѣмъ владеть начало реакціи. Хельчицкій опять становится на безусловную точку зрѣнія: онъ отвергаетъ начала своихъ предшественниковъ и не ищетъ въ писаніи доказательствъ христіанской догматики. Цѣль его — указать въ писаніи положительныя основы, по которымъ должно совершиться полное измѣненіе общественныхъ отношеній.

Ученіе Хельчицкаго, въ которомъ идея чешской реформы достигла своего послѣдняго развитія и выраженія, конечно встрѣтило не только полное осуж-

деніе отъ католиковъ, но и оппозицію отъ самихъ католиковъ. Обличенія, свидѣтельствующія о томъ, какую важность имѣли его книги въ то время, идутъ съ 15-го вѣка до самаго конца 16-го, когда вышло суровѣйшее изъ этихъ обличеній *Stovpání vltu* и пр. (изд. 1582), написанное іезуитомъ Вацлавомъ Штуркомъ. Строгость ученія Хельчицкаго вызвала сначала мало практическихъ послѣдователей, но число ихъ однако постоянно возрастало, и ближайшіе приверженцы его уже рано приняли имя «братьевъ Хельчицкихъ». Такихъ обществъ явилось въ Чехіи много послѣ паденія Табора: распространеніе идей Хельчицкаго дало новую пищу старымъ таборитскимъ стремленіямъ, и въ 1457 году основалось по идеямъ Хельчицкаго братство Кунвальдское, которое въ 1467 избрало себѣ священниковъ и трехъ епископовъ, получившихъ для поддержанія апостольской традиціи посвященіе отъ вальденскаго епископа Стефана. Это братство приняло потомъ знаменитое имя Общины Чешскихъ Братьевъ (*Jednota bratří českých, Jednota bratrská*).

Эта община, представляющая такое оригинальное и въ извѣстномъ смыслѣ энергическое явленіе религиозной исторіи, обязана была своимъ происхожденіемъ и характеромъ чисто идеямъ Хельчицкаго, хотя, какъ увидимъ, она выражала эти идеи не вполнѣ. Община была результатомъ стремленія осуществить практически социальное устройство по началамъ первобытнаго христіанства. Это былъ послѣдній выводъ, до котораго дошла чешская реформаціонная идея въ тѣхъ предѣлахъ, которые оставила ей возставшая на нее реакція. Здѣсь не мѣсто разсказывать трудную судьбу чешскихъ братьевъ, тѣ преслѣдованія, общія и личныя, которымъ подвергались они съ самаго перваго времени и которыя они выносили съ мужествомъ, заслуживавшимъ лучшей участи. Достаточно сказать, что гоненія, иногда очень жестокія, не колебали искренняго и глубокаго убѣжденія, и принципы общины распространялись въ огромной части чешскаго и моравскаго населенія. Основная масса «братьевъ» принадлежала тому же простому классу народа, который поставлялъ защитниковъ идей Гуса и воиновъ Табора. Такимъ образомъ община «братьевъ» была столько же самобытнымъ и національнымъ произведеніемъ чешской народнои жизни и мысли, какъ были самобытны первые виновники этого движенія, какъ самъ Хельчицкій, не звавшій по латыни — что было замѣтнымъ исключеніемъ для тогдашнихъ «мистровъ», — и братъ Григорій, первый практическій исполнитель его взглядовъ²⁰⁾.

²⁰⁾ Отъ этихъ знаменитыхъ братьевъ ведутъ свое начало позднѣйшія общины, которыя основались на томъ же принципѣ и существуютъ до сихъ поръ, разсѣявшись отдѣльными колоніями въ старомъ и новомъ свѣтѣ, какъ любопытный отпрыскъ чешскаго движенія 15-го вѣка: это моравскіе братья, евангелическая братская община, *Brüder-Gemeinde* или *Zinzendorfianer, герринутеры*. См. названную нами выше книгу Гинделя (исторія Чешской общины 1484—1609), и кромѣ того сочиненія Кранца: *Alte und neue Brüderhistorie* (1772), продолженіе ея Регнера (1791—1816), затѣмъ Шульце, *Von der Entstehung und Einrichtung der evang. Brüdergemeinde* (Gotha 1822), и подобныя сочиненія Шаафа (Лейпц. 1825) и Лохнера (Нюрнб. 1832).

«Братья», игравшие важную роль въ чешской религиозной исторіи, занимаютъ важное мѣсто и въ чешской литературѣ своей обширной дѣятельностью; съ самаго начала среди нихъ явилось множество писателей, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ къ самымъ знаменитымъ именамъ чешской литературы. Тѣмъ не менѣе литературная дѣятельность братьевъ не принесла тѣхъ результатовъ, которыхъ можно было бы ожидать по ея началу; по своимъ основаніямъ она не носила дальше идей Хельчицкаго, изъ которыхъ она выросла. Когда въ первый разъ сложилось братство, оно полагало, что для достиженія единства практической жизни и вѣры, необходимо установить извѣстные принципы, которые бы стояли въ спорѣ, и на которыхъ могло бы утвердиться выполненіе его идеи: религиозные споры гуснитскихъ временъ раздѣляли народъ на множество сектъ и, ослабляя его силы, не давали желаемого нравственнаго и практическаго результата. Поэтому братья рѣшили «составить всѣ трактаты, доволствоваться закономъ божіимъ и ему искренно вѣрить»: рѣшить годность или негодность трактатовъ предоставлено было старшимъ. Такимъ образомъ братья добровольно отказались отъ развитія отвлеченной идеи; ихъ дѣятельность направлена была на вопросъ практической, нравственное усовершенствованіе. Идеи Хельчицкаго они почили слишкомъ буйственно, и надѣялись, что возстановленіе первобытнот церкви возможно и совершится однимъ мирнымъ нравственнымъ средотвямъ, однимъ введеніемъ благочестивыхъ нравовъ и слегка монастырскаго оттѣнка жизни: они не признавали войны, не признавали сословныхъ привилегій, не признавали судебной и другой прерогативы, не признавали свѣтскихъ властей и т. д., но ограничивали себя однимъ пассивнымъ противодѣйствіемъ господствующему порядку вещей, — а этотъ порядокъ конечно нисколько не думалъ отказываться отъ своей активной роли. Противорѣчіе, явившееся отсюда, ставило братьевъ съ самаго начала въ самыя затруднительныя положенія, заставляло ихъ прибѣгать къ софизмамъ²¹⁾, но софизмы не уничтожали противорѣчій; общество, имѣвшее громадный успѣхъ благодаря одной силѣ идеи, не могло однако побѣдить господствовавшего порядка и наконецъ заплатило за исключительность своей основной мысли своимъ паденіемъ. Если чешскіе историки называютъ Хельчицкаго гениальнѣйшимъ мыслителемъ своего вѣка, то его продолжатели, въ лицѣ чешскихъ братьевъ, замѣчательные по своимъ частнымъ условіямъ, отстаютъ потомъ отъ передоваго движенія, потому что

²¹⁾ Вотъ образчикъ такихъ софизмовъ. По Хельчицкому война была преступленіемъ; братья допускали ее (потому что иначе они должны были бы съ оружіемъ въ рукахъ встать противъ королевскихъ вербовщиковъ), но съ разными ограниченіями: братъ могъ идти на войну, если дѣло короля было справедливо, это было *conditio sine qua non*; но если можно, онъ долженъ былъ ставить наемника, или проситься на службу въ замѣнъ, въ должностъ сторожа, прислужника и т. п. «Но если бы ему все таки нужно было идти, въ случай отказа на это, — говорятъ правила братьевъ, — онъ долженъ стараться попасть въ прислугу къ обову; если бы было нельзя и этого, то пусть онъ сражается во имя Бога, но пусть бережется яскать съ етн-ной славы; пусть онъ беретъ за мечъ съ отвращеніемъ». Gindely I, стр. 86.

для своей дѣятельности слишкомъ тѣсныя границы и слишкомъ исключительное направленіе.

Литературная дѣятельность братьевъ главнымъ образомъ заключалась конечно въ пропагандѣ ихъ понятій, въ развитіи нравственныхъ (но не политическо-соціальныхъ) слѣдствій идей Хельчицкаго. Поэтому, не излагая содержанія трактатовъ этихъ писателей, намъ достаточно назвать замѣчательнѣйшія имена. Таковы были братья Григорій (Řehoř, † 1473), основатель братства, хотя и не особенно ученый, но «сильный и словомъ и перомъ», — которому приписывается нѣсколько сочиненій о христіанской морали; братъ Лукашъ († 1527), пражскій бакалавръ, вступившій въ общину въ 1480, первый ученый и теологъ, прочно установившій ученіе братства, и одинъ изъ плодотвѣннѣйшихъ его писателей: онъ оставилъ цѣлую массу сочиненій, трактатовъ, толкованій, писемъ и полемическихъ статей по разнымъ вопросамъ братскаго ученія²²); Лаврентій Красоницкій († 1532), также пражскій бакалавръ; Прокопъ, ученый бакалавръ, замѣчательный въ исторіи братства тѣмъ, что подалъ поводъ къ первой реформѣ братства — въ смыслѣ его сближенія съ дѣйствительною жизнью, — предложивъ отмѣнить излишнюю строгость нѣкоторыхъ братскихъ правилъ, которая по его мнѣнію вредила успѣхамъ братства. Онъ думалъ, что не слѣдуетъ исключать изъ братства людей сильныхъ и богатыхъ и заставлять ихъ отказываться отъ власти и имѣній, которыя они могли бы употреблять съ пользою для братскаго дѣла; и думалъ также, что человѣку не нужно лишать себя житейскихъ радостей, которыя запрещались прежними аскетическими правилами братства. Предложенія Прокопа, изложенныя имъ и въ своихъ сочиненіяхъ, породили споръ, въ которомъ Лукашъ, Красоницкій и вообще большинство было на сторонѣ Прокопа; но противная партія не согласилась принять его рѣшенія и отдѣлилась въ особую общину, которая по имени своего предводителя, брата Амоса изъ Штекна, названа была Амосовцами (Amosiáci). Далѣе къ первой эпохѣ братской литературы относятся: Тома изъ Прелучъ (Tomáš z Ptelouč, † 1517), одинъ изъ ученѣйшихъ братьевъ; Янъ Таборскій, бывший сначала священникомъ въ Таборѣ, потомъ перешедшій къ братьямъ; Янъ Каленецъ, также замѣчательная личность между братьями, ремесломъ ножевицкѣ изъ Праги, послѣдователь Амоса.

Противниковъ братства было много не только между католиками, но и между калиппивами, и полемика отъ серьезныхъ догматическихъ споровъ доходила до такихъ вещей, какія утверждалъ напр. нѣкто Витъ, священникъ, что будто братья поклоняются крысѣ какъ божеству, соединяются съ сестрами и т. п. Между писателями противъ братства могутъ быть названы упомянутый Августинъ Оломуцкій, Коранда, Мартинъ, и въ особенностяхъ Янъ Вехинна.

²²) Gindely, вѣ Cas. Cesk. Mus. 1861, приводитъ до 80 сочиненій брата Лукаша.

По поводу реформы, предложенной Прокопомъ, у братьевъ явилась мысль устроить экспедицію для отысканія христіанской общины или народа, у которыхъ бы сохранилось первобытное христіанство. Экспедиція снаряжена была въ Италію, гдѣ братъ Лукашъ долженъ былъ ближе ознакомиться съ родственной братьямъ сектой Вальденсовъ; и на востокъ, гдѣ по ивѣнію братьевъ находилось первобытно-христіанское царство попа Іоанна. Плодомъ этого послѣдняго путешествія было «Путешествіе изъ Чехіи въ Іерусалимъ и Египетъ» (1491) брата Мартина Кабатника. Это предпріятіе опять характеризуетъ положеніе братьевъ относительно основнаго принципа ихъ общества: оставивши, какъ мы замѣтили, путь отвлеченнаго развитія идеи о первобытномъ христіанствѣ и объ условіяхъ чисто-христіанскаго общественнаго устройства, они надѣлись найти своей системѣ историческое подкрѣпленіе и отыскать преемственность, которая бы могла благовиднымъ образомъ связать ихъ съ первоначальной христіанской общиной. Это былъ опять одинъ изъ софизмовъ, которымъ они хотѣли спасти односторонне понятую ими идею. Софизмъ не удался и на этотъ разъ: они не нашли на востокѣ первобытнаго христіанства и, какъ видно изъ путешествія Кабатника, мало были приготовлены въ массѣ къ рациональному приложенію своихъ идей. Съ этимъ противорѣчіемъ они остались на все время своего существованія.

Въ 16-мъ столѣтіи, собственно говоря, уже заканчивается тотъ періодъ энергической національной дѣятельности Чеховъ, который началъ былъ впервые предшественниками Гуса въ концѣ 14-го вѣка. Чешская реформа уже высказалась: она представила много благородныхъ усилій, много примѣровъ сильной мысли и сильнаго дѣла, она открыла дорогу освобожденія... Если конецъ былъ несчастливъ и неудаченъ, это несколько не уменьшаетъ великости чешскаго національнаго дѣла: реформа возстала на принципы, владычшіе цѣлой Европой, возстала на нихъ въ предѣлахъ небольшой народности: естественно было, что она подавлена была еще сильной реакціей. За ней остается заслуга начинанія и заслуга мужества.

Чешскіе историки называютъ обыкновенно 16-е столѣтіе (1526—1620), и особенно послѣднія десятилѣтія его *золотымъ вѣкомъ* чешской литературы. Но взгляды наши внимательнѣе въ это время, мы найдемъ, что названіе несколько не оправдывается его содержаніемъ, — развѣ только оно можетъ быть оправдано виѣшней формальной, стороною и матеріальнымъ объемомъ литературы этого періода. 16-е столѣтіе въ самомъ дѣлѣ представляетъ массу писателей и массу книгъ, но всѣ они или продолжаютъ старое, или даже идутъ по чужимъ указаніямъ. Болѣе строгіе критики справедливѣе находятъ, что для этого періода предстоитъ еще трудъ изслѣдовать: «какая часть произведеній того времени была непосредственнымъ результатомъ чешскаго духа и какая была заимствована извнѣ»²³⁾: ясно,

²³⁾ Сабина, стр. 832.

что назвать этот период золотым вѣкомъ чешской литературы можно только съ очень большими ограничениями, или даже вовсе нельзя назвать его такимъ именемъ, если судить о литературѣ не по массѣ, а по степени самостоятельности и новосте ея содержания. Существенный успѣхъ 16-го столѣтія заключается въ расширеніи литературнаго образованія, въ усиленіи дѣятельности, но литература теряетъ свою оригинальность и энергію развитія: въ своихъ руководящихъ идеяхъ она начинаетъ подчиняться европейскимъ влияніямъ, и сливаясь съ ними, больше и больше теряетъ собственную инициативу. Этими влияніями были возрожденіе и реформація. Гиндлинъ, новѣйшій историкъ чешскихъ братьевъ, съ своей католической точки зрѣнія ставитъ въ особенную похвалу чешскимъ католикамъ, что они были ревностнѣйшими приверженцами классическихъ занятій; но мы видѣли на примѣрѣ Богуслава Лобковица, что эти занятія не сдѣлали его передовымъ человекомъ въ чешскомъ общественномъ дѣлѣ. Онъ былъ отличный классическій ученый и полнѣйшій ретроградъ. Гуманизмъ, понятый съ католической точки зрѣнія, переставалъ быть развивающимъ знаніемъ: Богуславъ, и всякій другой писатель, переставалъ быть чешскимъ дѣятелемъ, когда вступалъ въ толпу безцвѣтныхъ послѣдователей искусственнаго классицизма и мертвой латинской учености. Въ общественномъ отношеніи эти люди желали только возвращенія стараго порядка и уничтоженія всего, что было приобрѣтено въ гусситскій періодъ. Съ другой стороны дѣйствовала реформація, уже скоро проникшая въ Чехію: представители чешской реформы и «братья» были даже въ прямыхъ личныхъ сношеніяхъ съ представителями реформы германской — Эразмомъ Роттердамскимъ, Лютеромъ, Цвингли и пр., и ученія послѣднихъ не только нашли приѣмъ въ Чехіи, но, когда реформація утвердилась какъ политическій и религіозный принципъ, съ извѣстными догматическими положеніями, эти ученія даже замѣняли собой прежнія національно-религіозныя партіи Чеховъ. Во второй половинѣ 16-го вѣка, когда гоненія со стороны официально-господствовавшего католицизма еще усилились, калишники стали прямо протестантами (евангеликами), чешскіе братья дѣлались реформатами. Здѣсь кончалась традиція стараго гусситизма, и чешская религіозная исторія сливалась съ религіозной исторіей европейской реформы: если практическую жизнь еще одушевляли гусситскія воспоминанья и если они отличали Чеховъ ревностью религіознаго чувства, то веденіе самаго дѣла принадлежало уже не имъ. Съ этихъ поръ мы рѣдко встрѣтимъ въ чешской литературѣ мысль, владѣющую самобытнымъ культурнымъ значеніемъ.

Поэтому подробное изложеніе «золотаго вѣка» не представляетъ, на нашъ взглядъ, особенной занимательности. Мы удовольствуемся короткимъ указаніемъ главнѣйшихъ фактовъ.

Чешская поэзія уже въ гусситскія времена представляла мало замѣчательнаго. Тѣмъ же бесплодіемъ она отличается въ концѣ 15-го столѣтія и въ теченіи всего золотаго вѣка. Она отчасти состояла изъ латинскихъ

стихотвореній рязнаго сорта (Богуславъ изъ Лобковиць, Карлъ изъ Карлсберга, Томашъ Митясъ, Янъ Кампанъ и др.); отчасти изъ переводимыхъ рыцарскихъ и духовныхъ романовъ, о которыхъ мы упоминали прежде; отчасти изъ подражаній нѣмецкимъ мастерзенгерамъ, наполненныхъ моралью и аллегоріей (Гянекъ Подбѣрадъ, сынъ короля Юрія, †1491; Májou zen); наконецъ изъ духовныхъ пѣсень. Эти послѣднія были особенно въ ходу въ этотъ періодъ религіозной экзальтаціи, и лучшія пѣсни принадлежатъ чешскимъ братьямъ: изъ нихъ наиболѣе извѣстны имена—уже названные нами—братъ Лукашъ, и Янъ Таборскій, кромѣ того Янъ Рогъ, Янъ Благославъ и особенно Юрій Стриць, Мартинъ Замерскій (Philadelphus, †1592). Кромѣ римованныхъ пѣсень являются въ подражаніе классическимъ образцамъ метрическія стихотворенія; таковы переложенія псалмовъ Матуша Бенешовскаго (†1585) и Лаврентія Бенедикта Нудожерскаго (†1615). Но знаменитѣйшимъ поэтомъ этого періода считался Шимонъ Домницкій изъ Будча (род. 1560, † послѣ 1622), писатель и переводчикъ очень плодовитый, но лишенный и истиннаго таланта, и прочности убѣжденій; онъ былъ сатирикъ и моралистъ, поэтъ-патріотъ, но всего больше усердный версификаторъ и стихотворецъ на случай.

Въ серьезной литературѣ золотого вѣка замѣтно выдвигается, какъ мы сказали, усиленіе литературнаго образованія, и чешскіе критики видятъ въ этомъ періодѣ прочное утвержденіе научныхъ знаній: дѣйствительно мы находимъ значительное число книгъ по разнымъ отраслямъ знанія; въ Чехію приглашаются ученые въ родѣ Кеплера и Тихо-Браге; являются собственные замѣчательные ученые, въ родѣ ботаника Залужанскаго, предварившаго за два столѣтія теорію Линнея; историческое знаніе расширяется; литература представляетъ множество переводовъ, — но при всемъ этомъ полиграфическомъ характерѣ литература золотого вѣка лишена той живой самобытности и творчества, въ которыхъ и заключается ея существенный интересъ.

Мы уже указывали типъ тогдашняго писателя въ Николаѣ Ковачѣ. Къ нему примыкаетъ цѣлый рядъ писателей, любопытныхъ больше съ исторической точки зрѣнія, чѣмъ по внутреннему достоинству ихъ произведеній. Таковы были историки: Бартошъ Писаръ († послѣ 1544), написавшій какъ очевидецъ исторію пражскихъ событій 1524 — 30; даже, Сикстъ изъ Оттерсдорфа (†1583), переводчикъ и историкъ чешскихъ событій 1546 — 47, по словамъ Яна Благослава, лучшій Чехъ (т. е. знатокъ языка) изъ всѣхъ тогдашнихъ пражскихъ докторовъ и мистровъ. Особенной извѣстностью пользовался Вацлавъ Гаекъ изъ Либочанъ (†1553), котораго «Чешская Хроника», написанная противъ утравквистовъ, приобрѣла огромную славу и сдѣлалась чисто народной книгой, даже между самими каллишниками, — старая исторія Чехіи наполнена въ ней множествомъ басенъ, вѣроятно подъ вліяніемъ Ливія и подобныхъ книгъ ²⁴⁾; Мартинъ Бутень

²⁴⁾ Изд. 1541, 1818; лат. пер., съ примѣч. Добнера 1761—82, 6 ч.

изъ Шприсберга (+1564), написавшій небольшую «Хронику о началѣ чешской земли» съ точки зрѣнія калшниковъ и другую «Хронику» о Жижкѣ²⁵⁾; Богуславъ Билейовскій (+1556), написавшій съ той же точки зрѣнія исторію чешской церкви, и т. д.

Изъ среды чешскихъ братьевъ выдѣляется въ это время знаменитое у Чеховъ имя Яна Благослава, родомъ Моравана, старшимъ братской общины (1523—1571). Наряду съ Коженскимъ, онъ считается ученѣйшимъ и наиболѣе глубокомысленнымъ представителемъ братства. Важѣйшими трудами его были чешская грамматика (1571), сохраняющая свою цѣну и до сихъ поръ; переводъ Новаго Завета, вошедшій въ Кралицкую библию; жизнеописаніе Яна Августи, братскаго епископа (1555); исторія братской общины. Ему принадлежитъ также редакція Братскаго Канціонала, т. е. сборника духовныхъ пѣсень, издавнаго въ Шамопулахъ, въ Польшѣ, 1561, гдѣ помѣщено и нѣсколько его собственныхъ пѣсень. Благославъ самъ получилъ основательное образованіе въ иностранныхъ школахъ; въ братствѣ онъ возсталъ противъ правилъ, принятыхъ общиной и намѣренно пренебрегавшихъ свѣтскимъ знаніемъ, и ввелъ въ братскихъ школахъ высшее обученіе. Наконецъ по мысли Благослава сдѣланъ былъ знаменитѣйшій трудъ всей братской литературы—изданіе *Кралицкой библии*, которая была вновь переведена восемью братьями съ еврейскаго и греческаго и издава на счетъ Барла изъ Жеротина, въ Кралицѣ 1579—93, въ 6 ч. (2-е изд. 1596, 3-е въ 1613); переводъ до сихъ поръ считается недостижимымъ образцомъ чешскаго языка.

Конецъ золотого вѣка носить у чешскихъ историковъ названіе *вѣка Велеславина*, по имени писателя, который стоялъ во главѣ литературной дѣятельности послѣднихъ десятилѣтій 16-го вѣка. Даниэль Адамъ изъ Велеславина (1546—99) можетъ служить характернымъ представителемъ этой литературной эпохи: единственный большой трудъ его, писанный по чешски, есть «Историческій Календарь» (1578), рассказывающій при каждомъ днѣ, что и гдѣ въ этотъ день случилось замѣчательнаго; остальные труды его состояли изъ латинскихъ учебниковъ, переводовъ разныхъ полезныхъ книгъ, хроникъ, книгъ для благочестиваго чтенія и т. п., или изъ предисловій къ вещамъ, которыя печатались въ его типографіи²⁶⁾. Единственною цѣлью его было распространеніе знаній; онъ повидимому съ намѣреніемъ удалялся отъ полемическихъ споровъ и вражды партій, но это обстоятельство конечно мало приносить пользы тамъ, гдѣ масса не смотря на то раздѣляется на партіи. Стилъ и языкъ Велеславина и его лучшихъ современниковъ считается образцовымъ чешскимъ стилемъ.

²⁵⁾ Kronika velmi pěkná o prozóném a statečném rytíři Janovi Žižkovi, pravdy boží horlivém milovníku, Praha 1564.

²⁶⁾ Это былъ ученый издатель. Иезуитъ Вальбинъ говоритъ о немъ: Quidquid doctum et eruditum Rudolpho II imperante in Bohemia lucem adspexit, Welleslawinum vel autorem vel interpretem vel adiutorem vel ad extremum typographum habuit.

Изъ историческихъ писателей этого времени наиболее извѣстны: Пронкопъ Дупачъ изъ Главачова (+1587), пражскій профессоръ, написавшій исторію Карла IV; Марекъ Быджовскій изъ Флорентина (-+1612), также пражскій профессоръ, описывавшій событія времени Максимилиана и Рудольфа; полякъ Бартоломей Шапроцкій изъ Глоголь (-+1614), писавшій по польски и по чешски — между прочимъ нѣсколько генеалогическихъ и историческихъ книгъ; Юрій Завѣта (-+1621), описывавшій разныя событія и торжественные случаи 1611 — 17 годовъ и составившій также «Придворную школу» (Schola aulica), которая считалась въ свое время важнымъ произведеніемъ; Карлъ изъ Жеротина (1564 — 1636), чешскій панъ и въ свое время великій меценатъ, принадлежавшій къ братской общинѣ и оставившій исторически любопытныя письма. Другіе переводили въ значительномъ количествѣ книги объ иностранной исторіи и космографіи. Въ отдѣлѣ путешествій, — который уже въ 15-мъ вѣкѣ представляетъ описанія Кабатника, Льва изъ Рожмиталя (путешествіе въ западную Европу), Яна изъ Лобковицъ (1493, въ Іерусалимъ), — прибавляются путешествія Вацлава Вратислава изъ Митровицъ, описывавшаго свои приключенія въ Турціи; Кристофа Гиранта изъ Польжицъ (казненъ 1621), отправлявшася въ Палестину; Фридриха изъ Долина, путешествовавшаго въ Венгріи, Германіи и Италіи, и проч. Наконецъ не были забыты конечно право, мораль, классическая литература, церковное поученіе, полемика, начинавшееся естествознаніе и проч.; — но всемъ этимъ предметамъ сдѣлано было много переводовъ и самостоятельныхъ опытовъ.

Все это было конечно весьма полезно разпространило знанія въ массѣ, но это сухое знаніе, оставившее въ покоѣ глубокіе принципы, затронутые въ прежнее время, мало приносило пользы въ то время, когда прежніе вопросы еще не были рѣшены. Литература была ниже тѣхъ задачъ, которыя стояли передъ обществомъ. Реакція была верхъ, католицизмъ одерживалъ рѣшительную побѣду и на его сторонѣ была политическая сила и власть; со второй половины 16-го вѣка въ Чехіи появляются иезуиты, которые уже теперь ревностно взялись за обличеніе ересей и которымъ предстояла еще большая ревность въ послѣдствіи. Привда, литературная борьба еще продолжалась, утраивясты и братья полемизировали съ иезуитами, — но мы уже видѣли, была ли способна братская община, представлявшая тогда передовую часть націи, выставить столько силы, чтобы возбудить цѣлыя массы, какъ возбуждали ее проповѣдники гусситизма. Аскетизмъ ея принциповъ, пассивность ея дѣйствій, ея исключительная мораль не были конечно такой силой. Не смотря на успѣхъ реформаціи, въ литературѣ, принявшей на себя полиграфическія заботы о народномъ обученіи, сказывается утомленіе. Въ такомъ видѣ застала ее катастрофа 1620 года.

3. ПЕРИОДЪ ПАДЕНІЯ.

Еще до этого времени, съ первыхъ годовъ 17-го столѣтія, начало обнаруживаться это утомленіе, которое и сдѣлало возможнымъ страшный переворотъ: постигшій Чехію послѣ Бѣлогорской битвы. Эта битва нанесла послѣдній ударъ и національной самобытности, и литературному развитію. Семнадцатое столѣтіе представляетъ только послѣдніе ростки того, что успѣло зародиться прежде; литература жила еще только въ одномъ поколѣніи, воспитавшемся въ прежнее время.

Мы уже говорили о тѣхъ результатахъ, которые принесла Чехіи Бѣлогорская битва. Побѣжденные протестанты, утравкисты и братья, большинство націи, должны были или сдѣлаться католиками, или оставить родину: множество чешскихъ семействъ разошлось по сосѣднимъ землямъ, гдѣ должно было утопуть въ чужихъ народахъ, — съ ними и послѣдніе лучшіе представители гусситства, — Амосъ Коменскій, Карлъ изъ Жеротина, Павелъ Слага изъ Згоржи. Насталъ длинный періодъ окончательнаго упадка литературы, невѣжества и угнетенія народа (1620—1780): католическіе клерикалы, часто иноземцы, требовали отъ народа только исполненія обрядовъ и затѣмъ оставляли его на произволъ судьбы; книги стараго времени истреблялись массами, какъ зараженные ересью, — для народа положительно исчезали всѣ пріобрѣтенія прежняго развитія. Ученые изгнанники продолжали свою дѣятельность, совершали иногда замѣчательные труды, но эти труды оставались почти безплодны для народа. — они совершались на чужбинѣ. Самая страна была притомъ крайне разорена тридцатилѣтней войной: населеніе чрезвычайно уменьшилось отъ эмиграціи и истребленія. новый притокъ нѣмецкихъ колонистовъ еще усилилъ упадокъ чешской народности.

Но этихъ условіяхъ легко представить себѣ положеніе чешской литературы въ этотъ періодъ. Лучшіе люди, соединившіе въ себѣ элементы развитія и представлявшіе лучшую сторону литературы, должны были покинуть страну; въ ней осталась только безпомощная масса, въ тайнѣ сберегавшая немногія прежнія преданья, и осталась католическая ученость, во главѣ которой стояли іезуиты. Поэтому чечего искать въ этотъ періодъ какого нибудь продолженія прежней жизни; съ 1620 года литература представляетъ картину постепеннаго замиранія національности. Прежняя литература продолжается еще нѣсколько времени въ средѣ эмиграціи, или иногда сказывается у единоплеменныхъ Словаковъ, къ которымъ чешскіе эмигранты принесли свои литературные вкусы.

Поэзія этого времени состоитъ почти исключительно изъ духовныхъ пѣсень, переложеній псалмовъ и т. п. Таковы напр. духовныя пѣсни и переложенія Коменскаго, переводный сборникъ духовныхъ стихотвореній іезуита Феликса Кадляискаго (— 1635, Zboroslavicek 1665, 1726) и др. У Словаковъ однимъ изъ лучшихъ духовныхъ поэтовъ былъ тогда евангеликъ Юрій Трановскій, родомъ собственно Силезецъ (+ 1637): его

«Cithara sanctorum neb Zalmu a písne duchovní staré i nové» и пр. 1635, бывшая церковной книгой чешских евангеликовъ, имѣла потомъ до двадцати изданій, постоянно размножавшихъ его первоначальный сборникъ; затѣмъ известны Эліашъ Јани (†1617), Сам. Грушковецъ (†1748), Даміазъ Керманъ, суперинтендентъ евангелическихъ Словаковъ (†1740 въ тюрьмѣ) и др. Въ поэзіи не духовной могутъ быть названы почти только два имени: Степанъ Пиларжикъ (†1678), родомъ Словакъ, «справца» нѣсколькихъ братствъ и потомъ старшина, выдержавшій много преслѣдованій за свою религію, между прочимъ описалъ въ стихахъ свой турецкій плѣнъ (Sors Pilarikiana 1666; другое изд. 1804 Таблица, съ біографіей Пиларжика); Юрій Волъный (†1745), простой пастухъ и «поэтъ природы», котораго «Веселыя пѣсни» изданы были уже въ новѣйшее время (Veselé písne, v Hradci Král. 1822). Но если и въ названномъ нами мало было настоящей поэзіи, и много натянутой искусственности или просто безвкусаго рифмоплетства, то этихъ вещей еще больше было въ другихъ произведеніяхъ: въ стихахъ писались изложенія католической вѣры, церковной исторіи, разсказывались историческія событія и т. п. Отупляющая іезуитская школа, господствовавшая теперь въ самой Чехіи, производила свое обыкновенное дѣйствіе.

Обращаясь къ другимъ отраслямъ литературы, мы вромѣ Коменскаго, о которомъ скажемъ дальше, замѣтимъ только немногія имена. Однимъ изъ болѣе замѣчательныхъ эмигрантовъ былъ Павелъ Скала изъ Згоржи, который написалъ въ изгнаніи огромное сочиненіе о церковной исторіи, отъ времени апостольскихъ до 1624 г., въ десяти частяхъ, гдѣ уже съ 3-ей начинается описаніе событій 1516 — 1624; наиболѣе любопытна та часть сочиненія, въ которой онъ говоритъ какъ очевидецъ, но до сихъ поръ оно извѣстно только по немногимъ выпискамъ. Изъ католическихъ историковъ извѣстенъ графъ Вилемъ Славата (†1652), написавшій обширное сочиненіе объ исторіи своего времени съ Фердинанда I; менѣе замѣчательенъ Вацлавъ Козманецкій, оставившій краткое описаніе тридцатилѣтней войны, дневникъ осады 1648 года, и затѣмъ нѣсколько шуточныхъ пьесъ и плохихъ стихотвореній. Во второй половинѣ 17-го столѣтія лучшими сочиненіемъ была историческая книга Томаша Пешмны, изъ Чехорода (†1680), о Моравіи («Předchůdce Moravopisu» 1663); въ началѣ осьмнадцатаго вѣка «Pověstky starýchъ přiběhův českýchъ aneb kronika česká» Яна Бецковскаго (†1725). Ученѣйшій историкъ чешскій того времени, матрютъ, хотя и іезуитъ, Богуславъ Бальбинъ писалъ всегда по латыни. Продолжались въ 17-мъ столѣтіи и описанія путешествій; такъ графъ Германъ Чернинъ изъ Худениць (†1651) описалъ свое «Посольство въ Константинополь», совершенное въ 1645, а Игнатій изъ Штернберга оставилъ Путешествіе въ западныя земли (1664—65). Это были послѣдніе памы, писавшіе по чешски.

Все остальное содержаніе чешской литературы до самаго конца 18-го

столѣтія состояло изъ вещей низшаго разбора, книжонокъ поучительнаго и благочестиво-католическаго содержанія, рѣдкихъ книжекъ для чтенія и забавы, календарей и т. п. Къ концу этого періода начинаютъ больше и больше пропадать и эти немногіе слѣды книжнаго употребленія чешскаго языка. Это періодъ полнаго упадка. Но раньше, чѣмъ этотъ упадокъ окончательно совершился, чешская литература еще разъ собрала свои силы въ одномъ изъ представителей эмиграціи.

Замѣчательнѣйшей личностью чешскаго 17-го столѣтія былъ Янъ Амосъ Коменскій (или Comenius, 1592—1671). Онъ одинъ напоминаетъ прежнія времена своей обширной дѣятельностью и дарованіемъ. Коменскій ¹⁾ еще въ дѣтствѣ остался бѣднымъ сиротой, и ему было уже 16 лѣтъ, когда онъ началъ свое образованіе; по возвращеніи изъ Гейдельберга онъ былъ «справцемъ» одной братской общины, но въ 1621, въ шведское нашествіе, потерялъ все свое имѣніе, а въ 1628 году, который положилъ конецъ братскому обществу въ Чехіи и на Моравѣ, онъ долженъ былъ оставить родину и поселился въ Познань. Уже прежде написалъ онъ свой знаменитый «Лабиринтъ Свѣта» и «Centrum Securitatis»; теперь онъ написалъ свой «Informatorium školy materské» и чешскую «Дидактику», отысканную только въ новѣйшее время, и свою педагогическую «Janua linguarum reserata augea» (1631, имъ же перевед. на чешскій: «Zlatá brána jazykův otevřená и пр.), которая доставила Коменскому европейскую извѣстность. Возбужденный успѣхомъ этой книги, Коменскій задумалъ другое, болѣе широкое произведеніе, и, самъ лишенный матеріальныхъ средствъ исполнить и издать задуманный трудъ, онъ нуждался въ покровительствѣ и поддержкѣ, которыя доставались ему въ разной степени въ Англіи, въ Швеціи, Венгріи, но главнымъ образомъ оказаны были ему богатымъ голландцемъ Гееромъ. Выбранный старшиной братскаго общества, Коменскій, послѣ различныхъ странствій и лишеній, поселился въ познаньскомъ городѣ Лешѣ (Лисса), но здѣсь ожидало его послѣднее несчастье. Въ Польшу вступили Шведы; они—именно изъ уваженія къ Коменскому, тогда уже знаменитому—не тронули города, но Поляки, взявши верхъ, жестоко отмстили за это городу: онъ былъ сожженъ, Коменскій снова лишился всего достоянія, и, главное, всѣхъ своихъ рукописей, между которыми были ученые труды цѣлой его жизни. Послѣ того онъ отправился въ Амстердамъ къ Гееру, гдѣ и умеръ. Это былъ «послѣдній епископъ братскихъ общинъ, затворившій за собою дверь», и послѣдній представитель великаго періода чешской литературы.

Коменскій, не смотря на потерю его рукописей въ Лешенскомъ пожарѣ, оставилъ однако огромную массу разнообразныхъ произведеній, которыя, кромѣ упомянутыхъ уже духовныхъ пѣсней, представляютъ главнымъ образомъ множество трудовъ историческихъ, поучительныхъ, философскихъ

¹⁾ Биографія, напис. Палацкимъ, въ Cas. Cesk. Mus. 1829; о судьбѣ Коменскаго на чужбинѣ, Гиндери, въ Актахъ Вѣнской Академіи.

и особенно педагогическихъ. Историческія сочиненія его посвящены судьбамъ чешской евангелической церкви, какъ напр. его *Historia o těžkých protivenstvích církve české* (1-е изд. 1655), вышедшая впрочемъ первоначально по латини (*Hist. persecutionum* и пр. Лейденъ 1648), и другія его сочиненія; ко вторымъ относятся его проповѣди «Kazání», «Učení kazatelské», и рядъ другихъ книгъ, написанныхъ для поученія и возбужденія разсѣянныхъ выселенцевъ, напр. «Nedobytedlný hrád jméno Hospodinovo, k němuž kdo se kolí utíká, zachován bývá» (т. е. Непреступная крѣпость имя Господне, — въ которой спасается всякій, въ нее убогающій, 1622), «Praxis pietatis» (Лешно, 1630 и др.), «Centrum securitatis—Hlubina bezpečnosti t. j. světlé rozmlouvání, jak v samém jediném bobu všeska bezpečnost, pokoj a blahoslavenství záleží» (т. е. Глубина безопасности, или ясное разсужденіе о томъ, какъ въ одномъ единомъ Богѣ заключается всякая безопасность, спокойствіе и благоденствіе, Лешно 1633 и др.), «Vyhod světa» (Амстерд. 1663) и друг. Заглавія этихъ сочиненій уже намекають на характеръ морали Коменскаго, въ которой аскетизмъ — господствующая черта въ нравственномъ ученіи братьевъ — усмирялся тяжелыми испытаніями изгнанія.

Но самыми важными его произведеніями, имѣвшими цѣну не для однихъ его современниковъ и соотечественниковъ, были его философско-педагогическіе труды, — упомянутая *Janua linguarum*, и въ особенности знаменитый *Orbis pictus*²⁾. Эти два произведенія, къ которымъ присоединяются другія его сочиненія на латинскомъ языкѣ, собранныя въ *Opera Didactica*, изданныхъ въ 1657 сыномъ его покровителя Геера, и которыя всѣ вмѣстѣ заключали въ себѣ цѣлую пансофическую систему воспитанія, имѣли чрезвычайный успѣхъ въ цѣлой Европѣ; они были переведены почти на всѣ европейскіе и даже на нѣсколько восточныхъ языковъ, и Байль говорилъ объ его *Janua*: «Quand Comenius n'aurait publié que ce livre-là, il se serait immortalisé». По этимъ своимъ произведеніямъ Коменскій занимаетъ въ исторіи европейской культуры весьма высокое мѣсто. Его историческое значеніе опредѣляется тѣмъ, что онъ сталъ въ рядахъ оппозиціи, возставшей противъ педагогическаго іерархизма, который господствовалъ въ ортодоксальныхъ «латинскихъ школахъ», въ университетахъ протестантства и въ католическомъ, особенно іезуитскомъ воспитаніи; въ своихъ педагогическихъ трудахъ онъ продолжалъ и велъ впередъ то освободительное дѣло; представителями котораго были Монтань и Байль во французской литературѣ, Бэконъ и Локкъ въ англійской, и педагогъ Ратихусъ у Нѣмцевъ³⁾. Это была оппозиція противъ извращеннаго классицизма и ортодоксальной ограниченности, которые вводили въ школу сухую и мертвую схоластику. Великая заслуга Ко-

²⁾ Полное заглавіе: *Orbis Sensualium pictus quadrilinguis — hoc est: omnium fundamentalium in mundo rerum et in vita actionum pictura et nomenclatura latina, germanica, hungarica et bohemica cum titularum juxta atque vocabulorum indicio*; чешское изд. — *Svět viditedlný namalovaný* и пр. по изданію 1685 г.

³⁾ О значеніи Коменскаго въ исторіи педагогіи и изложеніе его системы см. Karl Schmidt, *Gesch. der Pädagogik*, 3-er Bd, стр. 324—353.

менского состоитъ въ томъ, что онъ ввелъ въ школу реализмъ, стремленіе согласить воспитаніе съ условіями природы и основать его не на школьной буквѣ и рутинѣ, а на созерцаніи самой природы. Возбудила его главнымъ образомъ *Institutio magna* Бэкона, но онъ провелъ свою мысль такъ широко и такъ самостоятельно, съ такимъ изученіемъ подробностей, что его теорія стала дѣйствительнымъ подвигомъ въ исторіи европейскаго воспитанія. Онъ исходилъ изъ мысли, что человекъ дѣлается человекомъ только черезъ воспитаніе, что воспитаніе должно сдѣлать человечество счастливымъ. Его система основывается на естественной, физической и духовной природѣ человека; воспитаніе должно обращать вниманіе на всѣ требованія этой природы, въ своихъ приемахъ руководиться ея указаніями и ея свойствами, и въ обученіи должно основываться не на рутинномъ заучиваніи, а на самостоятельно приобретаемомъ опытѣ и познаніи. Такимъ образомъ вмѣсто механическаго набиранія свѣдѣній, воспитаніе становится у Коменскаго правильнымъ нагляднымъ обученіемъ и естественнымъ развитіемъ. «*Orbis pictus*» долженъ былъ служить средствомъ подобнаго обученія, — это былъ первый практическій опытъ рациональной педагогикі. Въ то же время онъ возставалъ противъ преувеличеннаго и часто фальшиваго классицизма, который господствовалъ въ тогдашнихъ школахъ и вмѣсто роднаго языка и христіанскихъ понятій все вниманіе воспитанниковъ обращалъ на Теренціевъ, Плавтовъ, Катулловъ, Цицероновъ и пр.: «откуда происходитъ то, — говорилъ Коменскій, — что мы среди христіанства съ трудомъ отыскиваемъ христіанъ». Эта христіанская мысль, господствовавшая въ нравственномъ ученіи Коменскаго, составляетъ другую сторону его педагогической системы: христіанство должно быть цѣлью педагогическихъ стремленій и проникать въ педагогическіе приемы, направленные къ нравственному развитію.... Коменскій не свободенъ конечно отъ несовершенствъ и ложныхъ понятій своего времени, — когда напр. въ своей реальной системѣ еще замѣняетъ живую природу посредствомъ *Orbis pictus*, когда, отвергая образовательную силу классическихъ занятій, онъ не смотря на то давалъ слишкомъ много значенія латинской фразеологіи и т. п., — но при всемъ томъ система его была цѣльнымъ взглядомъ на естественныя условія человеческой природы, человеческихъ отношеній и педагогическихъ задачъ, и справедливо приобрѣла свою обширную славу.

Наконецъ мы должны упомянуть еще объ одномъ произведеніи, на этотъ разъ болѣе національнымъ, которое принадлежитъ къ числу самыхъ извѣстныхъ и уважаемыхъ вещей чешской литературы, хотя теперь конечно не можетъ найти много читателей. Это знаменитый *Лабиринтъ свѣта* ⁴⁾. Полное заглавіе этого произведенія даетъ понятіе объ его общей тенденціи: «Лабиринтъ свѣта и рай сердца, т. е. ясное изображеніе того, какъ въ

⁴⁾ *Labyrint Světa a Ráj srdce* и пр., вышедшій въ 1631 въ Лешнѣ, с. 1., и за-
гнѣвъ въ Амстердамѣ 1663, въ Берлинѣ 1757, въ Прагѣ 1782, 1809, 1862.

этомъ свѣтѣ и во всѣхъ его вещахъ нѣтъ ничего промѣ суеты и заблужденія, сомнѣнія и горестей, призрака и обмана, тоски и бѣдствій, и наконецъ досады и отчаянія; но—кто остается дома въ своемъ сердцѣ, и запирается съ однимъ Господомъ Богомъ, какъ тотъ самъ собой приходитъ къ истинному и полному успокоенію мысли и къ радости». Авторъ совершаетъ аллегорическое путешествіе по лабиринту свѣта, передъ нимъ раскрываются всѣ картины и вся суета его «рынка», онъ наблюдаетъ жизнь всѣхъ званий и сословій общества, видитъ всю пустоту человѣческихъ заботъ, стремленій и надеждъ, все безсиліе человѣческой науки; на своемъ фантастическомъ пути онъ встрѣчаетъ наконецъ Христа и видитъ жизнь «внутреннихъ христіанъ», въ которыхъ и заключается его идеалъ. Въ этомъ идеалѣ часто-христіанской жизни, которая находитъ полное успокоеніе и внутреннее счастье въ вѣрѣ, не знаетъ мірскихъ заботъ, суетности и вражды, не заботится о богатствѣ и славѣ, — въ этомъ идеалѣ не трудно узнать идеи Хельчицкаго о первобытномъ христіанствѣ, и принципы братской общины. Внутреннихъ христіанъ освѣщаетъ двойное свѣтило разума и вѣры, они совершенно свободны, законъ ихъ кратокъ, потому что онъ весь въ заповѣдяхъ Бога; ихъ соединяетъ общность мыслей и чувствъ, и наконецъ общность мнѣнія... «Я видѣлъ. — говоритъ онъ. — что хотя большей частью они были бѣдны тѣмъ, что свѣтъ называетъ мнѣньемъ, хотя мало вѣрили и въ маломъ нуждались, но почти у всякаго было однако что нибудь свое: но такъ, что никто съ этимъ не скрывался и передъ другими (какъ это дѣлается въ свѣтѣ) не утаивалъ, но вѣдалъ это какъ бы для всѣхъ, отдавая охотно, что кому было нужно. Такъ что всѣ поступали между собой съ своимъ мнѣньемъ не иначе, какъ поступаютъ сидящіе за однимъ столомъ, всѣ съ одинаковымъ правомъ пользуясь яствами. Увидѣвъ это, я устыдился, что у насъ часто дѣлается прямо протянутое этому... Я понялъ, что не такъва божья воля»...⁵⁾.

У Коменскаго мы миримся съ этимъ аскетическимъ социализмомъ, потому что онъ былъ у него глубокимъ убѣжденіемъ. Этой проповѣдью внутреннего христіанства, — которое заключается видѣніемъ божественной славы и молитвою въ концѣ «Лабиринта», — этой проповѣдью заканчивается старый періодъ чешской исторіи; это послѣдній результатъ гусситскаго движенія. Коменскій «затворилъ за собою дверь», и послѣдній защитникъ своего національнаго дѣла, онъ сталъ вмѣстѣ и ревностнымъ дѣятелемъ европейской культуры: это было характеристическимъ заключеніемъ упавшей чешской литературы.

⁵⁾ Книга Коменскаго отвѣчала народному настроенію. Въ пѣснѣ чешскихъ изгнанниковъ 17-го вѣка она стоитъ рядомъ съ Краляцкой библіей, какъ единственное достояніе, вынесенное изъ родины:

...Nevzali sme a sebou
Nic, po všem veta!
Jen Biblí Kralickou,
Labyrint světa...

4. ВОЗРОЖДЕНІЕ ЛИТЕРАТУРЫ И НАРОДНОСТИ.

Въ концѣ 18-го столѣтія этотъ упадокъ дошелъ до послѣдней степени. Чешская книга стала рѣдкостью: новыхъ не было, старыя истреблялись. Фанатизмъ іезуитовъ уничтожалъ чешскія книги по старой памяти даже и во второй половинѣ 18-го вѣка. Ученый іезуитъ Бальбинъ, патріотъ не по примѣру своихъ собратій, съ сожалѣніемъ говорить объ участи чешскихъ книгъ, которыя жглись на кострахъ и истреблялись, какъ еретическія, даже если въ нихъ и не было ничего о религіи. Это было въ 17-мъ столѣтіи. Въ 1783 Тамъ въ «Защитѣ чешскаго языка», одной изъ первыхъ книгъ возрожденія, рассказываетъ: «извѣстно, что еще три года тому назадъ (1780) заведены были такъ называемые высланцы (т. е. жандармы), которые какъ голодные волки бѣгали по всѣмъ краямъ чешской земли, высматривали каждый уголокъ, и если находили гдѣ нибудь какую чешскую книгу, хорошую или дурную, хватали ее и едва заглянувъ въ нее отнимали насильно, и ровно ничего не разумѣя въ чешскихъ книгахъ, ругались надъ ними, рвали и жгли ихъ». Правленіе Іосифа II въ первый разъ дало толчекъ національному сознанію, хотя собственно это и не входило въ его цѣли. Іосифъ II до извѣстной степени справедливо думалъ тогда, что просвѣщеніе всего легче можетъ быть достигнуто его народами путемъ нѣмецкаго языка и образованія, и въ школахъ введенъ былъ нѣмецкій языкъ. Чехамъ грозила совершенная германизация: образованіе, носившее прежде латинскую форму, стало принимать теперь нѣмецкую, и не вышло, какъ и прежде, народныхъ элементовъ; высшіе классы стали уже почти окончательно нѣмецкой аристократіей; народная масса оставалась въ невѣжествѣ... Но та же угрожающая германизация произвела и первыя попытки національной реакціи, ознаменовавшей новый періодъ славянскихъ литературъ. То же правленіе Іосифа II, которое грозило уничтоженіемъ національности, принесло возможность и средства этой реакціи. Нѣтъ сомнѣнія, что просвѣтительныя и гуманныя идеи 18-го вѣка, которыхъ Іосифъ былъ такимъ ревностнымъ прозелитомъ, были однимъ изъ главнѣйшихъ двигателей, которымъ чешская литература обязана своимъ возстановленіемъ. Национальная реакція дѣйствовала въ видахъ того же просвѣщенія и того же народного блага, только другими путями: она стала заботиться о возбужденіи національнаго духа, потому что народный языкъ считала лучшимъ проводникомъ для народнаго образованія. Съ другой стороны подавленіе народности прежнимъ католическимъ угнетеніемъ и потомъ германизацией Іосифа II вызвало реакцію историческихъ воспоминаній, которая стала другимъ орудіемъ для защиты народности. Изъ такихъ источниковъ произошло то новое движеніе чешской литературы, которое обозначаютъ именемъ *возрожденія*.

Оно подготовлялось и тѣми изслѣдованьями о чешской старинѣ, кото-

рыя возбуждены были чисто историческимъ любопытствомъ еще съ 17-го вѣка, напр. у Бальбина и др., но особенно во второй половинѣ 18-го. у Добнера, Фойгта, Унгара, Пельцля и особенно у Добровскаго. Возрожденіе началось воспоминаньями о старой литературѣ, перепечаткой старыхъ сочиненій, которыми патриоты хотѣли доказать достоинства старой литературы, такъ долго пренебрегаемой; книжками для народнаго чтенія... Эти первыя попытки были иногда совершенно бессознательны въ національномъ смыслѣ; но историческія воспоминанія, вызванныя ими, нашли горячій приемъ въ людяхъ, принявшихъ къ сердцу интересъ народа и образованія, и національное чувство высказалось почти вдругъ съ такимъ одушевленіемъ, каковаго едва можно было ожидать.

Во главѣ новаго движенія ставитъ обыкновенно знаменитаго ученаго аббата Іосифа Добровскаго (1753 — 1829). Онъ оказалъ возрожденію великія услуги: онъ первый научнымъ образомъ установилъ формы языка, своими историческими и филологическими изслѣдованіями въ первый разъ бросилъ яркій свѣтъ на славянскую старину, и въ первый разъ указалъ на тѣсную родственную связь славянскихъ племенъ и нарѣчій и возможность національнаго изученія. Его труды (главнѣйшіе изъ нихъ названы выше въ бібліографическихъ указаніяхъ) имѣли уже всеславянскій характеръ, и какъ имъ были они неполны и часто ошибочны, они произвели сильное впечатлѣніе. Послѣ Добровскаго національный вопросъ принялъ размѣры, способные воодушевить патриотическое чувство. Славянство признало въ немъ патріарха своей науки. Но при всемъ томъ самъ Добровскій былъ еще бессознательнымъ двигателемъ чешскаго и славяноскаго возрожденія: славянская старина, исторія, языкъ, казались ему только матеріаломъ для научнаго изысканія: «оставьте мертвыхъ въ покоѣ», — говорилъ онъ и писалъ свои изслѣдованія по нѣмецки и по латыни ¹⁾. Но дѣло было уже сдѣлано, и другіе съ горячимъ національнымъ увлеченіемъ повели дальше трудъ, начатый Добровскимъ такъ гладно и кровно. Небольшое и несмѣлое общество патриотовъ нашло себѣ твердую опору и ревностно принялось за изученіе народной старины, этнографіи, и за національную пропаганду. Поколѣніе, слѣдовавшее за Добровскимъ, дѣйствовало уже сознательно; число приверженцевъ чешской народности увеличивалось.

Первыя попытки возрожденія относятся къ послѣднимъ десятилѣтіямъ 18-го вѣка и выражались въ желаніи защищать литературное значеніе чешскаго языка. Въ этомъ смыслѣ графъ Францискъ К и и с в і и написалъ свои «Ergänzung eines Böhmen über einen wichtigen Gegenstand» въ 1774, Францискъ Пельцель издалъ защиту чешскаго языка іезуита Бальбина: «Dissertatio apologetica pro lingua bohémica» въ 1775, Карлъ Тамъ свою книжку: «Obrana jazyka českého proti zlobivým jeho utrhacům» въ 1783 и др.

¹⁾ Біографія Іосифа Добровскаго, сочиненная Ф. Палацкимъ, пер. А. Царскій. М. 1838.

Вѣсть съ тѣмъ было перепечатано нѣсколько произведеній старо-чешской литературы, которыя должны были напомнить о старыѣхъ временахъ и доказать величїи достоинства чешскаго языка; тамъ были изданы Хроника Далмїица, «Лабиринтъ свѣта» Коменскаго, «Приключенїя» Вратислава изъ Митровицъ и т. п. Мало по малу явился цѣлый кружокъ приверженцевъ національности, стремившихся къ восстановленію чешской литературы. Это были у Чеховъ: упомянутый Пельцель, Фаустинъ Прѣхавка (+ 1809), В. М. Крамеріусъ (1753 — 1808), Карлъ Тамъ, Ант. Ярославъ Пухмайеръ (1769—1820), Янъ Неѣдлый (1776 — 1835) и особенно его братъ Вейтѣхъ Неѣдлый (1772—1844), Гнѣвковскій (1770—1847), Милота Здрадъ Полакъ (1788 — 1856) и др.; на Моравѣ: Германъ Галашъ, Томашъ Фричай; у Словаковъ: Богуславъ Таблицъ и Юрій Палковичъ. Эти первые писатели, къ которымъ скоро присоединилось новое поколѣніе, усердно трудились для предположенной цѣли, издавали старые памятники, писали грамматики, книжки для народнаго чтенїя (въ особенноти Крамеріусъ), переводили, затѣвали даже чешскїя газеты, занимались исторїей и т. д. Явились и поэты (особенно Пухмайеръ, В. Неѣдлый, Гнѣвковскій), которые не отличались правда особеннымъ талантомъ, но по новости дѣла были полезны по крайней мѣрѣ въ формальномъ отношенїи.

Между тѣмъ съ самаго начала представился вопросъ, долго потомъ занимавшій чешскую литературу и иногда возбуждавшій самые ожесточенные споры; это былъ вопросъ о языкѣ. Старый литературный языкъ остановился на томъ положенїи, въ какомъ засталъ его упадокъ литературы въ 17-мъ столѣтїи; отчасти онъ былъ даже забытъ народомъ, такъ долго неизвѣданнымъ книгъ, и во всякомъ случаѣ оказывался недостаточнымъ для выраженїя новыхъ понятїй. Если только литература хотѣла выразить новыя понятїя, и стать выше уровня простонародной элементарной книги, нужно было создать новый языкъ. Чешскїе писатели занимались этимъ дѣломъ весьма усердно, и послѣ многихъ трудовъ, недоразумѣній и ошибокъ успѣли наконецъ установить главные основанїя; послѣ нѣсколькихъ десятилѣтїй чешскїй языкъ былъ уже достаточно богатъ для того, чтобы сдѣлаться удовлетворительнымъ орудїемъ и для поэта, и для ученаго. Изъ національнаго самолюбія чешскїе писатели были крайними пурристами: они сочиняли терминологїю новыхъ понятїй изъ народныхъ словъ, давая имъ новый смыслъ, переводили буквально слова иностранныя, особенно нѣмецкія, такъ что въ первое время—и это длилось довольно долго—новый литературный языкъ («*vysocká řečina*») былъ мало понятенъ для Чеховъ, знакомыхъ только съ необходимымъ языкомъ народа.

Мало по малу національный интересъ находилъ больше и больше сочувствїя въ обществѣ, и затѣмъ даже въ чешской аристократїи, которая слишкомъ отдѣлилась отъ народа въ періодъ австрійскаго господства и въ большинствѣ представителей своихъ была чисто-нѣмецкой. Изслѣдованїе старины также привело къ блестящимъ результатамъ. Въ 1817-мъ г. Гамжа мансель

Краледворскую рукопись. Замѣчательными поѣтическія достоинства рукописи и далекая древность нѣкоторыхъ ея пѣсень давали ей важность національнаго памятника и дѣлали изъ нея предметъ національной гордости: ея пѣсни открывали въ чешской старинѣ богатый запасъ чисто-народныхъ поѣтическихъ образовъ, которые должны были пробудить національное чувство въ людяхъ колебавшихся и сообщить литературѣ новую силу. Славянскій романтизмъ, обратившійся теперь къ изученію старины, видѣлъ въ ней одно изъ своихъ лучшихъ преданій. Вліяніе Краледворской рукописи на чешскую литературу того періода не подлежитъ сомнѣнію ²⁾. Она произвела впечатлѣніе и въ другіяхъ славянскихъ земляхъ, и даже въ европейской литературѣ, въ которой передъ тѣмъ такое же вниманіе обратили на себя сербскія народныя эпопеи, въ собраніи Караджича. Гете, оракулъ тогдашней нѣмецкой литературы, призналъ высокое значеніе Краледворской рукописи для чешскаго развитія, и это признаніе могло быть авторитетомъ и для тѣхъ, кто не былъ расположенъ сочувствовать этому развитію.

Новую поддержку національно-патріотическому чувству дало основаніе *Чешскаго Музея*. Въ 1818 графъ Коловратъ-Либштейнскій издалъ воззваніе къ «отечественнымъ друзьямъ наукъ», и Музей, открытый на поднесенныя деньги, скоро обогатился многочисленными пожертвованіями изъ книгъ, старыхъ рукописей, древностей, коллекцій по естественной исторіи и проч. Графъ Каспаръ Штернбергъ былъ первымъ президентомъ составившагося при Музеѣ ученаго общества. Въ Музей поступила между прочимъ и Краледворская рукопись, и въ томъ же году прислано было еще замѣчательное произведеніе чешской старины «Любушинъ Судъ», о которомъ мы уже говорили прежде. Около Музея стала сосредоточиваться ученая дѣятельность: въ двадцатыхъ годахъ онъ началъ издавать свой журналъ, продолжающійся до сихъ поръ, подъ названіемъ «*Časopis Českého Museum*» и представляющій много матеріаловъ и изслѣдованій о чешской и славянской литературѣ и исторіи. Въ 1830 при музейномъ обществѣ открыто было особое отдѣленіе для усовершенствованія чешскаго языка и литературы, и для изданія хорошихъ чешскихъ книгъ основано было особое издательское учрежденіе, подъ именемъ *Матицы*, главная мысль и заботы о которомъ принадлежали другому Штернбергу, Францу.

Между тѣмъ старое поколѣніе первыхъ начинателей чешской литературы смѣнилось другимъ, которое дѣйствовало уже съ болѣе опредѣленною цѣлью и съ большими литературными и научными средствами. Не входя въ подробности, мы остановимся на главнѣйшихъ представителяхъ этого поколѣнія, которымъ чешское возрожденіе всего больше обязано своимъ распространеніемъ и которые расширили чешскій вопросъ до всеславянскаго возрожденія и панславизма. Это были Ганка, Шафарикъ, Паллаціи, Юнгманъ, какъ ученые; Колларъ и Челяковскій, какъ поэты. Къ

²⁾ См. Небескаго, *Kral. Rukopis*, стр. 141 и слѣд.

той и другой группѣ примыкаетъ рядъ второстепенныхъ ученыхъ и поэтовъ... Названные нами писатели были дѣятельнѣйшими проповѣдниками правъ національности, и влияние ихъ отразилось далеко за предѣлами чешской литературы. Они сами воспитались на томъ движеніи, начало котораго мы указывали въ концѣ 18-го вѣка, и въ нихъ чешское возрожденіе уже создало себѣ новыхъ людей: почти всѣ они были люди, вышедшіе изъ самаго народа, — коренная масса забытаго чешскаго народа выставила теперь въ нихъ защитниковъ національнаго дѣла, которое было покинуто высшими классами.

Вацлавъ Ганка (1791 — 1861) былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ тружениковъ новой чешской литературы. Сынъ простаго, хотя и вѣжливаго мужика, онъ былъ въ молодости пастухомъ, началъ учиться очень поздно, и не сдѣлался конечно замѣчательнымъ ученымъ, но своей преданностью дѣлу и неутомимымъ трудолюбіемъ онъ оказалъ важныя услуги литературѣ. По открытіи Чешскаго Музея Ганка сдѣлалъ былъ библіотекаремъ Музея и оставался имъ до самой смерти: въ этомъ качествѣ онъ имѣлъ случай завязать много отношеній съ писателями другихъ славянскихъ племенъ, что было очень важно въ то время, когда славянскія литературы едва начинали знакомиться между собой черезъ своихъ представителей. Труды Ганки были почти исключительно посвящены чешской старинѣ, литературѣ, археологіи и нумизматикѣ: еще до открытія Краледворской рукописи, онъ началъ изданіе старыхъ поэтическихъ памятниковъ (*Starobylá Skládanie*, 1817—24), за которыми слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ изданій, посвященныхъ древне-чешской литературѣ: сборникъ старинныхъ словарей; Далемилъ, въ чешскомъ и старо-нѣмецкомъ текстѣ; трактатъ Гуса; Реймское евангеліе; глаголическіе памятники чешской старины; старинный текстъ Николимова евангелія; рядъ изданій Краледворской рукописи, для которой онъ составилъ наконецъ обширную полиглотту на всѣхъ славянскихъ и многихъ европейскихъ языкахъ и т. д. Всѣ эти труды имѣли особенный смыслъ въ то время, когда національное чувство главнымъ образомъ питалось изученіемъ народности и прошедшаго, въ которомъ видѣло свои идеалы. Въмѣстѣ съ тѣмъ Ганка былъ и самымъ ревностнымъ панславистомъ: изученіе чешской народности соединялось для него съ изученіемъ славянскихъ народностей вообще, потому что онъ видѣлъ въ нихъ семейство народовъ, которое должно вѣкогда составить одно нравственное цѣлое. Всеславянское изученіе, начатое уже Добровскимъ, въ этомъ поколѣніи становилось уже сознательнымъ стремленіемъ къ національному единству. Въ чемъ должно было состоять единство, въ этомъ еще не отдавали себѣ ясно отчета, но считали его неизбѣжнымъ и необходимымъ для общаго блага, и собразно съ тѣмъ направляли свои труды. Ганка — писавшій и самъ «писни» въ народномъ тонѣ — старался знакомить своихъ соотечественниковъ и съ народной поэзіей другихъ племенъ (изданіе «Слова о П. Игоревѣ»; «Prostonárodní srbská muza» и др.), и вообще со всѣмъ

усердіемъ заботыся о распространеніи панславянскихъ понятій. Естествен-но, что ему могла придти въ голову мысль о необходимости всеславян-скаго литературнаго языка, который долженъ былъ связать разбросанныя нарѣчія: онъ готовъ былъ думать, что этимъ языкомъ долженъ былъ сдѣ-латься русскій, принявши въ себя славянскія стихіи, — какъ языкъ самаго многочисленнаго и сильнаго славянскаго племени. Поэтому въ его славян-скихъ симпатіяхъ главную роль играли именно Русскіе: онъ старался рас-пространить у Чеховъ знаніе русскаго языка и литературы и черезъ свои личныя сношенія заинтересовать Русскихъ въ панславизмъ. Преувеличен-ныя понятія его о славянскомъ настроеніи русскаго общества и о планахъ русской политики до конца сохранили въ немъ это ожиданіе: онъ надѣял-ся, что спасеніе славянства отъ чужеземнаго ига и чужой народности за-ключается въ Россіи ³⁾.

Панславянское увлеченіе гораздо меньше овладѣвало серьезнымъ умомъ Шафарика. Павелъ Іосифъ Шафарикъ (1795 — 1861) былъ родомъ Словакъ, изъ верхней Венгріи, гдѣ отецъ его былъ евангелическимъ про-повѣдникомъ; онъ учился сначала въ одномъ евангелическомъ лицѣ въ Венгріи; потомъ въ іенскомъ университетѣ, былъ затѣмъ до 1833 года профессоромъ и начальникомъ гимназій въ Новомъ-Садѣ (Нойзацъ), въ австрійской Сербіи; впоследствии переселился въ Прагу, гдѣ съ 1842 года и до смерти оставался при университетской библіотекѣ. Немного-сложная біографія Шафарика наполняется исторіей его трудовъ, которые начинаются съ 1814, когда онъ былъ еще въ лицѣ: это была его поэти-ческая попытка — «Tatranská Miza slugou slovenskou». Но за тѣмъ Шафа-рикъ отдался исключительно ученымъ занятіямъ. Уже въ Новомъ-Садѣ онъ обнаружилъ необыкновенную дѣятельность изученія, которое обратилось на славянскій міръ, его прошедшее и настоящее. Въ 1823 и 27 онъ издалъ вмѣстѣ съ Колларомъ словацкія пѣсни (Písne svetské lidu slovenského); въ 1826 онъ издастъ—по нѣмцки— свою всеславянскую исторію литературы, въ которой славянскія племена соединены подъ общую точку зрѣнія и по-нимаются уже какъ одно цѣлое; затѣмъ въ 1828 слѣдуетъ книжка о про-исхожденіи Славянъ (Ueber die Abkunft der Slawen), въ 1833 книга о серб-скомъ языкѣ, бросившая новый свѣтъ на исторію славянскихъ нарѣчій (Serbische Leseköner); въ 1837 онъ издалъ свое знаменитѣйшее произведе-ніе «Славянскія древности» (Slovanské Starozitnosti), которое остается до сихъ поръ исходной точкой всѣхъ трудовъ по изученію древней славян-ской исторіи; въ 1840 онъ вмѣстѣ съ Палацкимъ сдѣлалъ образцовое из-даніе «Древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка» (Die ältesten Denkmä-ler der böhm. Sprache); въ 1842 издалъ новый панславянскій трудъ — этнографію славянскихъ племенъ (Slovansky Národopis; съ первой этногра-

³⁾ Біографію Ганки см. въ „Современникѣ“ 1861; см. также альманахъ „Libussa“, Prag 1862, стр. 286—369.

фической картой славянских народов); въ 1845 — грамматику древне-чешскаго языка, наконецъ въ послѣдніе годы «Памятники южно-славянскаго письменности», «Памятники письменности глагольскаго», изслѣдованіе о происхожденіи глаголицы и т. д., не упоминая о множествѣ другихъ мелкихъ сочиненій. Все это были произведенія первостепенной важности: Шафарикъ съ огромной ученостью филологической и исторической соединялъ замѣчательный критическій умъ, такъ что его сужденія стоятъ несоразмерно выше всего, что можетъ до сихъ поръ представить такъ называемая славянская наука. Книжки его, въ особенности *Исторія славянскаго языка*, *Древности* и *Этнографія*, были настоящимъ откровеніемъ ученаго панславизма, къ которому примыкали всѣ дальнѣйшія его стремленія: Шафарикъ дагъ въ этихъ книгахъ первый общій обзоръ славянскаго міра. Какъ ни были его труды учено-строги и какъ мало они ни рассчитывали на большинство (мы видѣли, что онъ даже писалъ часто по нѣмецки), они произвели однако чрезвычайно сильное дѣйствіе на всю славянскую литературу: они нашихъ свихъ толкователей, которые популяризовали ихъ основныя мысли и содержаніе и вывели изъ нихъ практическое приименіе. Черезъ Шафарика славянскія литературы главнымъ образомъ знакомились другъ съ другомъ, и подъ влияніемъ этого знакомства въ нихъ устанавливались общія понятія и усиливались общія надежды. Самъ Шафарикъ былъ конечно партизаномъ панславянскихъ взглядовъ, въ томъ смыслѣ, какъ они господствовали въ то время, но его проникательная критика кажется рано начала угадывать слабыя стороны славянскаго дѣла и дала мѣсто скептицизму, который смотрѣлъ на вещи холоднѣе, чѣмъ желали бы славянскіе энтузіасты. Въ послѣднее время это стоило ему нареканій съ ихъ стороны, — конечно несправедливыхъ: онъ видѣлъ дальше недовольныхъ энтузіастовъ, и практическая дѣйствительность его вполне оправдывала...

Труды Шафарика часто раздѣлялъ другой замѣчательный представитель новой чешской литературы, Палацкій. Францъ Палацкій (род. 1798), сынъ евангелическаго учителя на Моравѣ, учился въ пресбургскомъ лицей и въ Вѣнѣ, и поселившись съ 1823 въ Прагъ, посвятилъ себя историческимъ занятіямъ. Онъ усердно изучалъ источники, разбросанные въ чешскихъ архивахъ и въ европейскихъ бібліотекахъ, напр. въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ, Римѣ и т. д. Въ 1827 онъ принялъ редакцію журнала, основаннаго при чешскомъ Музей и долго завѣдывалъ дѣлами и предпріятіями музейнаго общества; въ 1828 онъ былъ назначенъ чешскимъ историографомъ, — званіе, которое остается за нимъ до сихъ поръ. Литературная дѣятельность его началась очень рано: въ 1828 онъ уже дѣлаетъ важное изданіе старыхъ лѣтописей (*Starí letopisové českí*), затѣмъ издаетъ замѣчательное изслѣдованіе о древне-чешской историографіи (*Würdigung der alten böhm. Geschichtschreiber*, Пр. 1830), въ 1836 появилось начало его обширной *Чешской истории* — сначала на нѣмецкомъ, потомъ на чешскомъ языкѣ, — которую онъ продолжаетъ до сихъ поръ; въ 1840 — 44 онъ издавалъ «Чешскій Архивъ»,

заключаюцїй въ себѣ много любопытнаго историческаго матеріала, извлеченаго изъ архивовъ чешскихъ и иностранныхъ. — Въ 1848 Палацкій выступилъ на политическое поприще, и былъ самымъ вліятельнымъ представителемъ національной партіи, которая настаивала на федераціи противъ нѣмецкихъ стремленій включить Чехію въ германское единство, и противъ вѣнской централизаціи: онъ не соглашался и съ вѣнскими демократами, и установилъ ту легальную программу чешскаго движенія, которая принята была пражскимъ съѣздомъ 1848 года и которая потерпѣла такое печальное пораженіе отъ абсолютистской реакціи Виндштресса и Баха. Конецъ революціи удалилъ Палацкаго съ политическаго поприща, на которомъ онъ дѣйствовалъ какъ членъ Вѣнскаго и Кромѣржискаго сейма; новая конституція опять дала ему мѣсто въ вѣнской верхней палатѣ... Важнѣйшій литературный трудъ Палацкаго есть его Чешская исторія, доведенная теперь, послѣ нѣсколькихъ томовъ, до конца 15-го столѣтія. Книга Палацкаго написана со всѣми требованьями исторической критики и обширнаго изученія источниковъ, и имѣетъ въ глазахъ Чеховъ высокое національное значеніе: какъ Шафарикъ установилъ вопросъ о цѣльности и національныхъ правахъ славянскаго племени, такъ Палацкій опредѣляетъ въ своей книгѣ историческое право своего народа. При всемъ патріотизмѣ, Палацкій остается однако безпристрастнымъ историкомъ, несмотря на свое протестантство довольно хладнокровнымъ даже къ оживленной гусситской эпохѣ. Его изложеніе обличаетъ значительный литературный талантъ *).

Въ этомъ ряду ученыхъ должно также стать имя неутомимаго труженика чешской литературы Юнгманна. Іосифъ Юнгманъ (1773 — 1847), сынъ простаго поселеннаго, былъ сначала профессоромъ, потомъ директоромъ гимназій. Литературная дѣятельность его также доставила чешскому возрожденію новую точку опоры въ двухъ произведеніяхъ, которыя были плодомъ необыкновеннаго трудолюбія и должны были связать новую литературу съ ея историческимъ прошедшимъ. Это были *Исторія чешской литературы* (1825, 2-е изд. 1849) и огромный *Чешскій Словарь* (5 т., 1835—39). Исторія литературы Юнгманна есть трудъ чисто библіографическій, снабженный короткими и сжатыми извѣстіями о ходѣ просвѣщенія, языка и литературной дѣятельности; въ ней нельзя конечно искать живой картины умственной жизни, но она остается нестоимымъ указателемъ матеріала, и изученіе фактовъ доведено до рѣдкой полноты. Словарь важенъ не только въ обыкновенномъ смыслѣ словаря: онъ составлялся въ ту эпоху, когда въ чешской литературѣ шелъ еще вопросъ объ организаціи новаго литературнаго языка, и Юнгманъ, вмѣстѣ съ собираніемъ матеріала, старался выполнить и другую задачу — приспособить языкъ къ выраженію новыхъ идей,

* Биографія Палацкаго, написанная В. Зеленимъ, въ альманахѣ: *Máj* 1860; см. также *Revue d. d. Mondes* 1855, avril: *L'histoire et l'historiende la Bohême*; — *Reichstags-Gallerie, geschriebene Portraits der hervorragendsten Deputirten des ersten oesterr. Reichstages*. Wien 1849, Jasper, Hügel und Manz.

собрать тѣ средства, которыми онъ могъ приблизиться къ этой цѣли. Такимъ образомъ, труды Юнгманна приобретаютъ то же національное значеніе, какое принадлежитъ трудамъ Шафарика и Палацкаго... Вмѣстѣ съ тѣмъ Юнгманнъ дѣйствовалъ и въ другихъ областяхъ литературы: еще прежде онъ выступилъ какъ переводчикъ «Аталы» Шатобриана (1805) и «Потерявшаго Райя» Мильтона (1811).

Разсказывая объ этомъ періодѣ ученыхъ трудовъ чешскаго возрожденія, мы должны еще упомянуть о писателѣ, имя котораго часто замѣшано въ литературныхъ вопросахъ того времени, но который не принадлежалъ къ направленію, составлявшему знамя чешскихъ ученыхъ. Это былъ Бартоломей Копитаръ (1780—1844), родомъ Словинецъ, бібліотекаръ вѣнской публичной бібліотеки. Копитаръ былъ человекъ замѣчательной славянской учености, но вовсе не панславистъ, какъ названные нами чешскіе писатели; онъ напротивъ какъ будто поставилъ себѣ задачей противорѣчить имъ во всѣхъ ихъ ученыхъ тенденціяхъ. Между тѣмъ онъ оказалъ безъ сомнѣнія важныя услуги славянской литературѣ, сначала своей «Словянской грамматикой», потомъ своими изслѣдованьями о глаголитѣ («Glagolita Sclavicus»), о Реймскомъ евангеліи и проч., написанными по латыни или по нѣмецки. «Вукъ Караджичъ съ его помощью составлялъ свою сербскую азбуку, сербскую грамматику и словарь. Копитаръ расходился съ чешскими учеными во первыхъ на вопросѣ о происхожденіи церковно-славянскаго языка, который онъ считалъ вовсе не болгарскимъ, какъ они, а древнимъ хорутанскимъ нарѣчіемъ; это былъ конечно парадоксъ, но Копитаръ такъ ловко толковалъ памятники въ его пользу, что необходимо вызывалъ болѣе точныя и обширныя изслѣдованія. Онъ разошелся съ ними и въ вопросѣ о знаменитомъ Реймскомъ евангеліи, которое надѣяло такъ много шуму въ 30-хъ годахъ и которое Ганка и другіе старались представить памятникомъ древней чешской письменности 11-го столѣтія, — Копитаръ считалъ его нѣсколькими вѣками позднѣе, такъ что оно теряло конечно всю свою важность. Духъ противорѣчія заставлялъ Копитара сомнѣваться даже въ новыхъ открытіяхъ: Любушницомъ Судѣ и Краледворской рукописи. — Люди, знакомые кажется съ закулисными отношеньями славянскаго вопроса, называютъ просто Копитара довѣреннымъ лицомъ и агентомъ австрійскаго правительства въ славянскихъ вопросахъ⁵⁾: но возможно было и независимо отъ этого скептическое настроеніе, вызванное какъ реакція неузнаннымъ энтузіазмомъ чешскихъ панславистовъ. Точка зрѣнія Копитара принята была и ученикомъ его Фр. Миклошичемъ, также Словинцемъ, который составилъ себѣ уважаемое имя многочисленными изслѣдованьями о славянскихъ нарѣчіяхъ и изданьями старыхъ памятниковъ. Миклошичъ также остается въ сторонѣ отъ всякаго панславизма; интересъ его къ своему

⁵⁾ Les Slaves Occidentaux; p. 49. Біографія Копитара въ Slawische Bibliothek, Миклошича, т. 1.

дѣлу нисто ученый: въ прежнихъ спорныхъ пунктахъ онъ продолжаетъ держаться мѣтній Копитара.

Между тѣмъ вмѣстѣ съ историческимъ объясненіемъ національнаго вопроса больше и больше развивалась литературная дѣятельность. Обработка книжнаго языка шла съ успѣхомъ, и литература усердно трудилась надъ задачами, которыя выростали вмѣстѣ съ ходомъ дѣла. Публика состояла главнымъ образомъ изъ народной массы и отчасти средняго сословія, оставшихся вѣрными народности; литературное развитіе ея нужно было начинать сначала, и эти условія опредѣляли характеръ дѣятельности писателей: руководясь своимъ національнымъ принципомъ, литература съ одной стороны старалась усвоивать результаты европейской мысли и европейской поэзіи, съ другой—дать популярное чтеніе народу. Этотъ двойной характеръ остался господствующей чертой чешской литературы: она представляетъ значительное количество переводовъ и множество общедоступныхъ изданій по разнымъ предметамъ популярнаго знанія. Не составляя оригинальнаго результата самой литературы, эти произведенія имѣютъ свою историческую цѣну въ томъ, что распространяли въ массѣ полезныя свѣдѣнія и создали національную публику изъ пренебрежнаго и угрожаемаго чужимъ племенемъ народа. Национальное сознаніе проникло изъ городскихъ литературныхъ кружковъ въ села и деревни, и литература находитъ тамъ много усердныхъ читателей и послѣдователей.

Чешская поэзія имѣла свою большую долю въ развитіи этого національнаго чувства, и какъ въ чешской наукѣ вмѣстѣ съ объясненіемъ собственнаго народнаго вопроса высказалось сознаніе славянскаго родства и единства, такъ и въ поэзіи рядомъ съ частнымъ народнымъ патріотизмомъ обнаруживаются горячія панславянскія тенденціи. Первымъ и замѣчательнѣйшимъ представителемъ этой панславянской поэзіи былъ Янъ Колларъ (1793 — 1852), родомъ Словакъ. Онъ уже въ ранней молодости изучалъ народную поэзію, собиралъ пѣсни и преданія; кончивши свои богословскія занятія въ Бреславлѣ, онъ отправился въ Іену; въ 1817 году Колларъ участвовалъ, какъ іенскій студентъ, въ знаменитомъ вартбургскомъ праздникѣ, гдѣ юная Германія заявила фантастическимъ ауто-да-фѣ свою несправдливость къ реакціи и обскурантизму, — и это настроеніе, которое особенно господствовало тогда въ іенскомъ университетѣ, имѣло вѣроятно вліяніе на складъ патріотическихъ тенденцій чешскаго поэта. Они вызывались въ немъ и другими обстоятельствами. Здѣсь, по берегамъ Салы и Эльбы были нѣкогда жилища полабскихъ Славянъ, и это историческое воспоминаніе возбудило въ Колларѣ національное чувство, которое соединилось съ нѣжнымъ чувствомъ къ Вильгельминѣ Шмидтѣ, дочери нѣмецкаго евангелическаго пастора, происходившаго отъ славянскихъ предковъ. Это двойное чувство дало содержаніе поэзіи Коллара, въ которой онъ разсказываетъ свои личныя радости и печали, прошедшее и настоящее славянскаго міра. Колларъ издалъ свое произведеніе подъ именемъ *Дочери Славян*

(Slavy Dcega, 1821, 1824, 1832, 1845, 1852, 1862), подъ которой понималась и возлюбленная Мина и панславянское отечество. «Дочь Славы» написана звучными и иногда истинно поэтическими сонетами (въ послѣднихъ изданіяхъ болѣе шести сотъ); въ содержаніи выразилось все направленіе школы, проповѣдовавшей всеобщую славянскую любовь и единство: это были или патриотическія элегіи, вызванныя воспоминаньемъ о прежней славѣ, или призывы въ единодушію, или обличенія отступниковъ; дидактизмъ играетъ въ поэмѣ не послѣднюю роль. Поэтическая дѣятельность Коллара ограничилась одной этой поэмой, исключая только немногія неважныя стихотворенія. По возвращеніи изъ Іены онъ сдѣлался евангелическимъ проповѣдникомъ въ Пестѣ, писалъ проповѣди, занимался славянскою старинной и народною поэзіей, предпринималъ нѣсколько путешествій для изученія остатковъ славянскою древности въ Германіи, Швейцаріи, Италіи: таковы его «Народныя пѣсни Словаковъ въ Венгріи» (2 т. 1834—35), его изслѣдованія о происхожденіи древностей и имени Славянъ (1830, 1839), его «Путешествіе» (1843), «Славянская Старо-Италія» (1852) и др. Не эти ученые труды мало прибавили къ его заслугамъ, потому что розысканія Коллара вовсе не отличаются критикою, и ему вездѣ мерещатся Славяне... Когда начался венгерскій вопросъ, тяжело унаващій на Словаковъ, Колларъ горячо защищалъ своихъ соотечественниковъ, но при началѣ революціи удалился въ Вѣну, гдѣ получилъ славянскую кафедру въ университетѣ. — Чтобы заключить изложеніе его литературной дѣятельности, мы должны упомянуть еще одно произведеніе Коллара, которое въ свое время оставило сильное впечатлѣніе въ умахъ славянскою публики. Это была его нѣмецкая брошюра *О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчьями славянскаго народа* ⁶⁾. Она была внушена тѣмъ же панславянскимъ патриотизмомъ. Колларъ, при всемъ своемъ пристрастіи къ «славѣ» своего племени, признавался однако, что настоящіе Славяне — «великаны въ географіяхъ и на картахъ и карлики въ искусствахъ и литературѣ»; причиной этого печальнаго факта были по его мнѣнію раздробленіе и недостатокъ единства, и потому для утвержденія своихъ народныхъ стремленій Славяне должны соединиться въ литературной взаимности. «Въ наше время, — говоритъ онъ, — недостаточно быть хорошиимъ Русскимъ, горячимъ полякомъ, совершеннымъ Сербомъ, ученымъ Чехомъ, и только исключительно, хотя бы и хорошо, говорить по русски, по польски, по чешски. Уже прошли односторонніе дѣтскіе годы славянскаго народа; духъ нынѣшняго славянства валагаетъ на насъ другую высшую обязанность, именно: считать всѣхъ Славянъ братьями одной великой семьи и создавать великую всеславянскую литературу...» Для достиженія подобнаго ре-

⁶⁾Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten des Slawischen Nation. Aus dem Slawischen in der Zeitschrift Hronka gedruckten ins Deutsche übertragen und vermehrt vom Verfasser. Pesth 1837. Брошюра была переведена чуть не на всѣ славянскія нарѣчія.

зультата Колларъ считалъ необходимымъ взаимное изученіе нарѣчій: онъ объясняетъ, какою опасною грозитъ славянству отъ его раздѣленія и какъ необходимо духовное общеніе литературъ для выполнения исторической задачи славянскаго племени—вести далѣе цивилизацію и просвѣщеніе, послѣ германскихъ и романскихъ народовъ, которые должны теперь уступить свое мѣсто новому свѣжему народу. Конечно средство, предложенное Колларомъ, было слишкомъ механическое и слишкомъ недостаточное, но тѣмъ не менѣе брошюра имѣла огромный успѣхъ, и о «взаимности» заговорили всѣ панславянскіе патриоты, находившіе въ ней панацею противъ всѣхъ бѣдъ славянскаго племени.—При такихъ условіяхъ и ожиданіяхъ «Дочь Славы» производила тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что ея полуфантастическій характеръ какъ нельзя болѣе соответствовалъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя одушевляли защитниковъ народности: преувеличеніи не замѣчали, потому что она была въ духѣ общаго настроенія; дидактизмъ и растянутасть не казались недостаткомъ, потому что читатели впередъ увлекались самыми предметояъ. «Дочь Славы» стала надолго поэтическимъ кодексомъ патриотовъ: съ нея открывается цѣлый рядъ поэтическихъ произведеній, повторяющихъ ту же общую тему всеславянской любви и единства, прошлой и будущей славы ?).

Въ одно время съ Колларомъ дѣйствовалъ въ чешской литературѣ другой писатель, пользующійся большою извѣстностью, какъ поэтъ и панславистъ. Францъ Ладиславъ Челяковскій (1799—1852) былъ сынъ простаго столяра, но успѣлъ получать университетское образованіе и уже рано отдался литературной дѣятельности. Первыми его произведеніями были «Смѣшенія» (*Smíšené básn*: 1822) и «Slovanské národní písně» (3 ч., 1822), за которыми слѣдовали переводы изъ Гердера, Вальтеръ-Скотта и пр. Настоящая извѣстность его начинается съ 1829, когда онъ издалъ свои «Отголосокъ русскихъ пѣсень» (*Ohlas písní ruských*), въ которомъ ему удалось мастерски для своего времени передать характеръ русской народной поэзіи. Успѣхъ книжки былъ чрезвычайный, и чешскіе литературные судьи до сихъ поръ говорятъ, что «если бы Челяковскій не написалъ ничего болѣе, то одна «Отголосокъ» обезпечилъ бы ему мѣсто между первыми поэтами». Его «Отголосокъ» не есть одно подражаніе, не ограничивается повтореніемъ общезвѣстныхъ мотивовъ, но умѣетъ стать на народно-поэтическую точку зрѣнія и приложить ее къ новому содержанію. Подобный трудъ Челяковскій совершилъ и относительно чешской народной поэзіи въ «Отголоскѣ чешскихъ пѣсень» (*Ohlas písní českých*. 1840). Вместе съ этимъ послѣднимъ произведеніемъ вышла и его «Столнстая Роза» (*Růže stolistá*); это болѣе космополитическая, отвлеченная и даже скучноватая

?) Собраніе сочиненій его вышло въ 1862 (*Spisy Jana Kollára*, 4 ч. v Praze 1862—63); въ нихъ находятся и любопытная автобіографія его, обнимающая впрочемъ только время его молодости (ч. IV, стр. 89—285). Издатель, Коберъ, объявилъ, что обширную біографію Коллара составляетъ В. Зеленый.

поэзія, впрочемъ съ нѣсколькими живыми и интересными эпизодами, гдѣ авторъ обращается къ своей національной дѣйствительности... Въ литературной дѣятельности Челяковскаго была и другая сторона: если Колларъ изъ поэта считалъ нужнымъ сдѣлаться археологомъ (однако неудачнымъ), то Челяковскій сталъ филологомъ. Въ тридцатыхъ годахъ онъ былъ адъюнктомъ по кафедрѣ чешскаго языка въ пражскомъ университетѣ, и завѣдывалъ изданіемъ одной газеты: въ 1830—31 году, во время польскаго возстанія, онъ защищалъ сторону Русскихъ, но по усмиреніи возстанія его мнѣніи измѣнились и онъ сталъ сочувствовать Полякамъ. Такіе взгляды выразилъ онъ и въ своей газетѣ. Вмѣшательство русскаго посольства въ Вѣнѣ было причиной, что Челяковскій потерялъ и профессуру, и редакторство. Нѣсколько лѣтъ онъ провелъ въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Наконецъ въ 1842 году онъ получилъ приглашеніе на кафедру въ бреславльскій университетъ, откуда въ 1849 вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ онъ могъ перейти на ту же кафедру въ Прагу. Въ это время славянская филологія стала исключительнымъ его занятіемъ: по смерти его были изданы его «Чтенія о сравнительной славянской грамматикѣ», при жизни онъ напечаталъ нѣсколько разныхъ пособій для изученія славянскихъ языковъ и сборникъ всеславянскихъ пословицъ (1852). Впечатлительный характеръ Челяковскаго, раздражавшійся неудачами жизни, сдѣлалъ непоследней чертой его поэзіи язвительную эпиграмму, которая и до сихъ поръ еще не могла найти себѣ свободнаго мѣста въ печати *).

Поэзія Челяковскаго также была поэзія панславянская: отъ отвлеченнаго дидактизма и восторженныхъ призывовъ Коллара она переходитъ къ задачѣ нѣсколько положительной, стараясь внести въ чешскую литературу народно-поэтическое результаты другихъ славянскихъ племенъ и обобщить славянское поэтическое сознаніе. Въ этомъ смыслѣ Челяковскій имѣлъ въ свое время несомнѣнное значеніе, что доказывалось успѣхомъ его поэзіи.

Таковы были замѣчательнѣйшіе дѣятели чешскаго возрожденія, опредѣлившіе его характеръ послѣ индифферентнаго начала, положеннаго Добровскимъ. На чисто литературномъ пути чешское возрожденіе раскрыло различныя примѣненія національной идеи, по которымъ и образовались понятія большинства. Такимъ образомъ эта задача была исполнена съ точки зрѣнія исторіи, филологіи, этнографіи и т. д. Затѣмъ въ дальнѣйшемъ развитіи литературы и у другихъ второстепенныхъ писателей мы уже не найдемъ въ этомъ смыслѣ ничего новаго: они идутъ по пробитой дорогѣ и выводятъ подробности этой программы.

Въ первое время возрожденія чувствовался еще недостатокъ въ силахъ, и первые писатели, разработывавшіе національную идею, всѣ болѣе или менѣе

* J. J. Hanuš, Život a působení Františka Ladislava Čelakovského. Praha 1865. Fr. L. Čelakovský, od J. Malého, Pr. 1852.

брали на себя труды, выходящие изъ ихъ собственной специальности. Болларъ дѣлается археологомъ; Челяковскій занимается филологіей; нумизматъ Ганка пишетъ сентиментальныя пѣсни; Шафарикъ переводитъ «Марію Стюартъ»; Юнгманъ — «Потерянный Рай», даже знаменитый физиологъ Пуркинъ переводитъ стихотворенія Шиллера. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ границы литературы значительно расшириются: увеличивается число писателей и объемъ публики, которая приобрѣталась въ народной массѣ и среднѣмъ словѣмъ, начинавшемъ принимать національные вкусы.

Мы уже замѣтили, что названные нами писатели опредѣлили дальнѣйшій характеръ литературы. Чешская поэзія останавливалась всего больше на народныхъ мотивахъ и на пропагандѣ національности. Изъ множества чешскихъ поэтовъ, появившихся въ этотъ періодъ, мы назовемъ только болѣе извѣстныя имена. Таково напр. имя Карла Яроміра Эрбена (род. 1811), архивариуса города Праги: Эрбенъ — лучшій собиратель чешскихъ народныхъ пѣсенъ (*Písň národní v Čechách*, 3 ч. 1842 — 45; 2-е изд. 1862) — извѣстенъ своими трудами по чешской старинѣ (изданіе *Томы Штитнаго*; *Regesta etc.*; 2-й томъ «Выбора изъ старо-чешской литературы» и пр.), по славянской народной поэзіи, и вмѣстѣ своими собственными поэтическими произведеніями. Его народныя баллады, «Вѣнокъ» (*Kytice z pověstí národních*, Прага 1858), высоко цѣнятся чешскими критиками по вѣрной передачѣ народнаго духа. Въ послѣднее время онъ началъ издаваніе сказокъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Во главѣ «эпическихъ» поэтовъ ставится Эразимъ Воцель (род. 1803), профессоръ археологіи, авторъ поэмъ «Премысловцы» (*Přemyslovci*, 1839), «Мечъ и Чаша» (*Meč a Kalich*, 1843), и «Лабиринтъ Славы» (*Labýrint Slavy*, 1846). Іезуитъ Вацлавъ Штульцъ (род. 1814) извѣстенъ своими «Воспоминаніями на путяхъ жизни» (1845), гдѣ патристическія воспоминанія соединяются съ религіознымъ мистицизмомъ. Янъ Православъ Коубекъ, профессоръ пражскаго университета, умершій въ пятидесятыхъ годахъ, приобрѣлъ извѣстность въ особенности двумя произведеніями: «Гробы славянскихъ поэтовъ» и юмористическимъ «Странствіемъ поэта въ адъ». Карлъ Марія баронъ Виглани — одинъ изъ любимыхъ поэтовъ, переставшій писать съ 1849 года, который вообще произвелъ охлаждающее дѣйствіе на чешскую поэзію. Вацлавъ Яроміръ Цицекъ (род. 1812) есть авторъ очень популярныхъ пѣсенъ. Наконецъ: сатирикъ Ярославъ Лангеръ (1806 — 1846); собиратель духовныхъ народныхъ пѣсенъ, самъ писавшій удачныя духовныя стихотворенія, Іосифъ Властимиль Камаритъ (1797 — 1833); Карлъ Гивекъ Махла (1810 — 1838, въ особенности его «*Máj*»), мечтательный и разочарованный поэтъ; Болеславъ Яблонскій и т. д.

Постепенно развились и другія направленія поэзіи и беллетристика. Чешская драма вообще не богата талантами, но имѣла нѣсколько писателей, удовлетворявшихъ потребностямъ сцены. Первое мѣсто занимаетъ между ними плодовитый Вацлавъ Клементъ Клицпера (1792 — 1859), оставившій

до пятидесяти пьесъ, трагедій и комедій"). Затѣмъ известны Ф. Турнискій (род. 1796), С. Матачекъ (1799—1846, комедія «Ženíchové» и трагедія «Záviš»), плодовитый Юсифъ Кастанъ Тиль (1808—1856); I. Ю. Коларъ, известный актеръ — изъ его пьесъ наиболѣе замѣчательна патристическая трагедія «Смерть Жижки», жившая огромнымъ успѣхъ въ 1850 г. и потомъ запрещенная; Ф. Миковецъ, которому принадлежать трагедія «Гибель рода Премысловцевъ» и «Дмитрій Ивановичъ» — послѣдняя изъ русской исторіи Лжедмитрія и друг. Богаче отдѣлъ новѣсти, въ которомъ чешскіе писатели усердно разрабатывали и форму вальтеръ-скоттовскаго романа, и новеллу, и очерки народнаго быта. Здѣсь могутъ быть названы опять Клицера; Тиль, который какъ рассказчикъ долго пользовался большою любовью своей публики; затѣмъ Янъ Индрихъ Марекъ (или псевдонимъ Jan z Hvězdy), писавшій въ особенности историческія повѣсти; Карлъ Сабина (род. 1814), написавшій также лучшую до сихъ поръ исторію чешской литературы; уже названный Воцель, котораго «Послѣдній Оребитъ» (орebritы — одна изъ сектъ гуситскаго времени) считается одной изъ лучшихъ историческихъ повѣстей чешской литературы; Фр. Яр. Рубешъ, известный также своими стихотвореньями и пѣснями; Риттерсбергъ, I. Ю. Коларъ, и друг. Очерки изъ народнаго быта заняли конечно не послѣднее мѣсто въ чешской литературѣ, и здѣсь на первомъ планѣ должна быть поставлена талантливая и умная писательница Божена Нѣмцова (1820—1860): она хорошо знала народный бытъ въ Чехіи и у Словаковъ, среди которыхъ жила нѣсколько времени, и прекрасно передаетъ колоритъ этого быта. Ей принадлежить нѣсколько книжекъ «Народныхъ сказокъ и повѣстей» (1845—46), нѣсколько этнографическихъ очерковъ, и наконецъ рассказы изъ народной жизни, изъ которыхъ особенно известны «Горная деревушка» и «Бабушка»... Все это содержаніе чешской драмы и романа дополнялось значительнымъ количествомъ переводовъ изъ европейскихъ литературъ; Шекспиръ нанялъ очень дѣятельныхъ переводчиковъ, которые перенесли много его пьесъ на чешскую сцену. Затѣмъ въроятно ни у кого изъ другихъ Славянъ нѣтъ столько переводовъ изъ родственныхъ славянскихъ литературъ: Чехамъ знакомы въ переводахъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Кольцовъ, Некрасовъ. — Букъ Караджичъ, Вукотиновичъ, Боговичъ, — Мицкевичъ, Залѣскій и т. д.

Поэма Коллара, какъ мы замѣтили, надолго опредѣлила характеръ чешской поэзіи, утвердивши въ ней національныя и панславянскія стремленія. Свою національную программу Колларъ высказывалъ такими словами: «Меньшее всегда должно быть подчинено большому, высшему: любовь къ родинѣ — любви къ отечеству. Ручьи, рѣки и потоки выливаются въ море; отдѣльныя земли, кран, племена, должны выливаться въ народъ. У всѣхъ

*) Изъ трагедій Клицеры особенно известны: «Soběslav», изъ комедій лучшими считаются: „Divotvorný klobouk“, „Žižkův meč“ и „Rohovin čtvrtrohy“.

Славянъ есть одно только отечество». «Прочныя границы отечества, которыя боится тронуть злоба, — говорить онъ въ своей поэзіи, — лежать въ правахъ, рѣчи и единодушныхъ стремленіяхъ». Отечество, о которомъ говоритъ Колларъ, есть отечество панславянское, и оно стало общимъ идеаломъ: этотъ идеалъ принимали и поэты другихъ славянскихъ племенъ, какъ только выдвигался у нихъ національный вопросъ. Такимъ образомъ въ Колларѣ является первое выраженіе панславянской поэзіи, съ ея патриотическимъ одушевленіемъ и неопредѣленно-мистическими ожиданіями.

Эти мотивы повторяеть потомъ масса поетовъ, которые воспѣвали славное прошедшее, проповѣдывали любовь къ родинѣ, чешскому языку и правамъ, и къ панславянскому отечеству. Вслѣдъ за Колларомъ, который совѣтовалъ соотечественникамъ хранить свою рѣчь и обычаи («Nechte sizich, mluvte vlastní řečí», и т. д.), чешскіе поэты настойчиво рекомендуютъ соотечественникамъ говорить по чешски и любить родину. Даманъ-поэтъ внушаетъ чешскимъ женщинамъ «съ первымъ сладкимъ поцѣлуемъ выливать въ души своихъ дѣтей чешскіе звуки и горячую любовь къ родинѣ, — навывать имъ имена славныхъ отцовъ и напоминать кровь, вылитую за право». Другой поэтъ (Яблонскій) уже заявляетъ свою готовность къ бою за отечество и утверждаетъ, что чувствуетъ въ себѣ «славную» кровь (левъ—гербъ чешскаго королевства):

Ne divte se, drazí moji,
Pro národ že vždy jsem hotov k boji,
Že se lvi krev proudí v žilách těch;
Že bych pro Vlast—pro tu máti —
Se všemi chtěl živly bojovati,—
Jsem ja krví, duchem Čechů! и проч.

Другой чешскій поэтъ спрашиваетъ о предѣлахъ славянскаго царства: онъ ищетъ ихъ тамъ, гдѣ царь Лазарь погибъ въ славномъ бою; ищетъ этихъ предѣловъ на Дунаѣ, гдѣ воевалъ славный Зрини; на Волгавѣ, гдѣ Лянъ Троцновскій (Жижка) водилъ своихъ воиновъ на святую битву за народъ; на Вислѣ; въ русской землѣ, гдѣ пламень охватилъ Москву, — и все еще эти предѣлы не обнимаютъ славянскаго царства. Наконецъ поэтъ находитъ ихъ:

Tam, kde jazyk Slávy spala
Na čest otců upomíná,
Mysl čistá, srdce vřelé
Pro vlast koná činy smělé,
Pobratřence láska pojí —
Tám slovanská říše stojí!

Эти предѣлы, которые обозначались «чистой мыслью», «горячимъ сердцемъ», «братской любовью», казались тогда сильной защитой славянскаго царства. На дѣлѣ они были конечно слишкомъ ненадежны, но этого не замѣчало только что пробудившееся и неопытное національное чувство. (Славянское единство казалось обезпеченнымъ, и поэзія не уставала повторять своихъ воззваній. Русскому трудно вспомнить при этомъ

поэтическія воззванія Хомякова, Аксакова, Ѳ. Тютчева и др., которыя въ сущности той же силы и также мало имѣютъ положительнаго основанія. Видѣть съ увлеченіями уоливаемся естественно и національная нетерпимость: старинные враги, Нѣмцы, принесшіе столько зла въ прошедшемъ и грозившіе народности въ настоящемъ, стали еще болѣе ненавистны патріотамъ, и хотя австрійская цензура не допускала слишкомъ испривныхъ признаній на этотъ счетъ, читатель угадывалъ нѣ между строками. Болларъ уже сомнѣвался истиннымъ сынамъ отечества «попрать предательскаго змѣя»; Челновскій, въ одной сельской пѣснѣ, заставляетъ поселянъ говорить, что они засѣли льну для своихъ женъ, рѣзъ для своихъ дѣвухекъ и конопли (на веревки) для жандармовъ-то бездѣланковъ, которыхъ они не называютъ и предоставляютъ угадывать читателю...

Въ такомъ настроеніи была чешская литература, когда началось событія 1848 года. Конституціонная свобода возбуждала сильное движеніе національному вопросу; народность, признанная закономъ, вдругъ усмѣлась замѣтно, потому что къ ней перешли люди, прежде колебавшіеся и нерѣшительные: это явленіе оказалось даже въ Вѣнѣ. Образовалась нѣсколько славянскихъ политическихъ клубовъ, явились политическія газеты. Свобода книгопечатанія дала литературѣ новый интересъ: ее наводнили политическія разсужденія, патріотическія воззванія и пѣсни. Но все это усердіе было еще слишкомъ неопытно, и журнальной литературѣ предстояло развить въ своей публикѣ здравое пониманіе новыхъ общественныхъ отношеній и приучить ее къ гражданской самостоятельности. Чешскіе политики, народившіеся въ это время, усердно занимались своей задачей, хотя зачастую слишкомъ простодушно вѣрили въ совершеніе панславянскихъ надеждъ и въ прочность конституціоннаго порядка,—полученнаго безъ всякихъ особенныхъ усилій со стороны самихъ Чеховъ... Но между этими журналистами, образовавшимися изъ прежнихъ поэтовъ, археологовъ и этнографовъ, былъ и писатель весьма замѣчательнаго таланта. Это былъ Карлъ Гавличекъ (или Воговску, 1821 — 1856). Вступивши въ молодости въ бражскую архіепископскую семинарію, Гавличекъ своими остроумными выходями и сатирическими стишками обѣщалъ изъ себя плохаго теолога и наконецъ оставилъ семинарію, къ удовольствію своему и своихъ наставниковъ. Впослѣдствіи онъ отправился въ Москву, гдѣ прожилъ года два въ качествѣ гувернера. Жизнь въ Москвѣ оставилъ, говорятъ, свой слѣдъ на его развитіи: критическій и оппозиціонный характеръ его ума опредѣлился здѣсь еще болѣе; онъ лучше привыкъ понимать между-славянскія отношенія и сильнѣе ненавидѣть насиліе и произволь. Въ 1845 году онъ вернулся въ Прагу. Свою литературную дѣятельность онъ началъ статьями и письмами о Россіи, которыя въ первый разъ знакомили чешскихъ читателей съ настоящимъ положеніемъ русской дѣйствительности,—хотя все еще съ извѣстной долей славянофильскихъ понятій. Съ 1846 года онъ сталъ редакторомъ «Пражскихъ Новинъ» и «Пчелы», выходявшей вмѣстѣ съ ними.

Уже съ этого времени, благодаря его таланту, начинается его популярность, возраставшая съ тѣхъ поръ больше и больше: онъ умѣлъ овладѣвать вниманіемъ общества, и австрійское правительство собиралось уже запретить его журналъ, когда мартовская революція совершенно развязала руки талантливому журналисту. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ чешскихъ событіяхъ 48—49 года и, поддерживаемый графомъ Деймономъ съ матеріальной стороны, началъ съ 1848 изданіе *Народныхъ Новинъ* — журнала, получившаго скоро огромное вліяніе на чешское общество, и вообще лучшаго изъ славянскихъ политическихъ изданій, когда либо выходившихъ въ Австріи. Въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ Гавличекъ держался первой конституціи и программы Палацкаго, но въ этихъ предѣлахъ онъ былъ упорнымъ защитникомъ народнаго права отъ всякихъ враждебныхъ покушеній. Онъ понялъ, какъ слѣдуетъ, оцроумрованную конституцію 4-го марта 1849, заключающую въ сѣбѣ послѣдовавшую затѣмъ реакцію, и рѣзко возсталъ противъ нея въ своей газетѣ. Правительство потребовало его къ суду, но присяжные оправдали его. Послѣ того начались постоянныя преслѣдованія, окончившіяся въ началѣ 1850 запрещеніемъ «Народныхъ Новинъ». Въ томъ же году онъ началъ издавать «Славянина» (Slovan), въ формѣ еженедѣльнаго журнала, въ Кутной-Горѣ, такъ какъ въ Прагѣ изданіе было невозможно по ея осадному положенію. Но борьба противъ реакціи была уже невозможна: въ мартѣ 1851 Гавличку запретили въѣздъ въ Прагу, потомъ запретили «Славянина», наконецъ сослали Гавличка въ Бриксенъ, въ Тиролю... Ко времени этой ссылки относятся его *Тирольскія элегіи*, нѣсколько разъ переведенныя на русскій языкъ. Въ ссылкѣ постигла его тяжелая болѣзнь: ему позволили ѣхать на чешскія воды, но въ Прагу онъ пернулся только наканунѣ смерти. Гавличекъ былъ несомнѣнно большой талантъ, и въ короткій періодъ своей дѣятельности онъ сдѣлалъ очень много для воспитанія общества въ томъ направленіи, къ которому оно было приготовлено всего меньше въ своихъ національныхъ заботахъ, — въ направленіи политическомъ. Его ясный умъ, простота пониманія и изложенія, остроуміе и юморъ давали ему большое вліяніе на массу, и дѣятельность Гавличка тѣмъ замѣчательнѣе исторически, что въ его пониманіи было очень много здраваго практическаго смысла, который удалялъ его отъ мечтательнаго фантазерства. Онъ еще принадлежитъ къ панславянской школѣ, но онъ цѣнитъ панславизмъ только въ той степени, насколько онъ можетъ принести дѣйствительной настоящей пользы. Послѣднимъ трудомъ Гавличка, напечатаннымъ при его жизни, были «Новѣсти», переведенныя изъ Вольтера ¹⁰⁾.

За 49-мъ годомъ въ чешскомъ обществѣ, охлажденномъ реакціей, на-

¹⁰⁾ Коротенькая біографія Гавличка у Риттерсберга, *Kapesní Slovníček novin. a konverzání*, Прага 1850. Важнѣйшія статьи изъ «Народныхъ Новинъ», собраны въ книгѣ „Duch Narodnich Novin“, Кутная-гора 1851. Переводъ „Тирольскихъ элегій“ Гильфердинга въ Русск. Словѣ 1860, апрѣль, и друг.

стало время томительной апатии и бездѣйствія. Патріотическія завѣщанія и тенденціи должны были скрыться со сцены, потому что теперь они становились государственными преступленіемъ. Политическіе дѣятели прежнихъ годовъ, національныя стремленія и литература поручены были бдительному надзору полиціи, которая вмѣшивалась въ самыя мелкія проявленія общественной жизни, принимавшія національный оттѣнокъ, и начала оберегать литературу отъ дурныхъ вліяній, уничтожая всякую возможность какойнибудь живой мысли дома, и запрещая ввозъ «опасныхъ» книгъ (между которыми были даже и русскія!) изъ-за границы. Литература необходимо стала крайне безжизненна и скучна: ученые бросились въ самую безразличную археологію, поэзія ограничивалась любовными стихами...

Въ матеріальномъ смыслѣ литература впрочемъ не упала. Періодъ съ 49-го года представляетъ цѣлый рядъ новыхъ писателей по разнымъ отраслямъ литературы, поэтической и народной. Эта послѣдняя, не имѣвшая никакихъ политическихъ пополюзовеній, могла существовать довольно безопасно, и произвела значительное число популярныя книгъ и изданій по педагогикѣ, сельскому хозяйству, естественнымъ наукамъ и т. п. Изданія литературныя стали исключительно складомъ безобиднаго легкаго чтенія. Поэтическая дѣятельность также процвѣтала, отложивши въ сторону политику. За послѣдніе годы явилось много новыхъ поэтовъ, изъ которыхъ могутъ быть названы: Іосифъ Фричъ, Вячеславъ Галекъ, Ј. Янъ, Янъ Нерула, Гейдукъ, Пфлегеръ, Іос. Коларжъ и др.; на Моравѣ Сукопъ (Soukop) и Чейковскій. Они писали лирическія стихотворенія, поэмы, трагедіи и комедіи, переводили поэтовъ европейскихъ и славянскихъ, — иные даже обнаружили значительную плодовитость; — но при всемъ томъ мы напрасно стали бы искать въ нихъ продолженія того поэтического направленія, которое начато было поэтами панславизма, Колларомъ и Чаяковскимъ. Печальная дѣйствительность и прежнія испытанія закрывали путь патріотическаго энтузіазма, и въ ряду новыхъ поэтовъ мы не видимъ ни одного, въ комъ бы сказался жизненный нервъ и надежды настоящаго общественаго вопроса. Поэзія занялась субъективными вопросами и принялась

....Красу небесъ

И ласку милой воспѣвать, —

и притомъ съ такими настроеніями (напр. иногда съ гейневскою разочарованностью, или неопредѣленнымъ мистицизмомъ), которыя трудно вьжуются съ національными задачами.

Съ новой конституціей 1860 года общественная жизнь пробудилась снова, хотя конечно безъ того одушевленія, которое отличало 48-й годъ; къ такому одушевленію не было и достаточнаго повода, потому что новѣйшая конституція мало измѣнила сущность дѣла и централизованная политика австрійскаго правительства вовсе не была благосклонна къ національнымъ стремленіямъ, въ которыхъ видѣла сепаратизмъ и оскорбленіе власти. Па-

лацкій и Ригеръ, прежніе дѣятели 48—49 годовъ, опять выступили на сцену въ качествѣ членовъ палаты. Политическая журналистика продолжала дѣло Гавличка въ «Народномъ Листѣ» Юлія Грегера и въ «Голосѣ» Ант. Фийка и Виац. Вавры, лучшихъ изъ вновь появившихся изданій. Политическая роль чешской національности и въ настоящую минуту не имѣетъ достаточной прочности, и газетная оппозиція удобно сдерживается закономъ о печати и процессами противъ редакторовъ. Такъ, замѣчательный процессъ разразился уже надъ Грегеромъ. Притомъ и въ самомъ либеральномъ лагерѣ начинается разногласіе. «Народный Листъ», выражавшій прежде политическія мнѣнія Палацкаго и Ригера, разошелся съ ними въ понятіи о новѣйшихъ польскихъ событіяхъ, такъ что чешскіе ветераны основали свою отдѣльную газету «Народъ». Этотъ фактъ можетъ, кажется, служить признакомъ, что панславизмъ старой школы не удовлетворяетъ новаго поколѣнія, которое жаждетъ иныхъ средствъ рѣшенія національныхъ вопросовъ.

Б. СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Чтобы окончить съ литературной исторіей чешскаго языка, мы должны еще упомянуть о судьбѣ словацкаго нарѣчія, всѣ отличія котораго отъ коренной племенной рѣчи заключаются только въ немногихъ областныхъ отклоненіяхъ ¹⁾. Эти отклоненія были и остаются сами по себѣ такъ незначительны, что Словаки всегда въ прежнія времена имѣли одну литературу съ Чехами, и дали этой литературѣ изъ своей среды много писателей, болѣе или менѣе замѣчательныхъ. Такъ было напр. въ гусситскія времена, такъ было и въ новѣйшее время, когда изъ Словаковъ выходили такіе передовые люди чешскаго возрожденія, какъ Шафарикъ, Колларъ и другіе.

Предполагаютъ, что въ старину словацкое нарѣчіе употреблялось въ юридическихъ актахъ и въ частныхъ сношеніяхъ, но до сихъ поръ такіе памятники остаются неизвѣстны. Съ тѣхъ поръ, какъ мы имѣемъ возможность слѣдить за духовнымъ развитіемъ словацкаго населенія, орудіемъ его былъ всегда чешскій языкъ. Послѣ паденія таборитовъ, значительная часть ихъ, предводимая Искрой изъ Брандейса, переселилась въ половинѣ 15-го столѣтія въ верхнюю Венгрію; за ними послѣдовали другіе колонисты, которые смѣшались съ туземнымъ населеніемъ, но сообщили ему свои религиозныя тенденціи и литературный языкъ, совершенно понятный туземнымъ Словакамъ. Когда прошикла въ Венгрію пѣмцекая реформація, она имѣла большой успѣхъ между Словаками, которые были уже приготовлены къ ней чешской пропагандой. Словаки пользовались чешскими книгами: у нихъ бы-

¹⁾ См. Csaplovics, Gemälde von Ungarn 2 т., Pesth 1829;—Slavomil Čekanovič, Stav a děje národu na zemi Uherské, Прага 1851;—Dobnaneho, Historia povstania slovenského z roku 1848—1850;—Boguslav Tablic, Poezie, ve Vasové 1806—1812, 4 вып. (ср. жизнеописаніями старыхъ словацкихъ стихотворцевъ);—Грамматики Бернолака, Гатталы; словарь Бернолака, 1825;—L. Bartholomaeides, Comit. Gömör. notitia hist.-geogr.-statistica, въ Левочѣ 1808;—(J. Rohrer), Versuch über die slaw. Bewohner Oesterr., Wien 1804.

ла та же Крашская библия, тѣ же канціоналы и религіозные трактаты; словацкое духовенство держалось чешскаго литературнаго движенія. Послѣ окончательнаго паденія реформы въ Чехіи, значительная часть эмиграціи направилась въ Венгрію и опять усилла вліяніе чешскаго языка.—Но это литературное распространеніе чешскаго языка въ области словацкаго нарѣчія не принесло никакого измѣненія въ самый характеръ литературы. Произведенія словацкихъ писателей 16-го и 17-го вѣка, которыхъ мы имѣли случай называть прежде, нисколько не выдѣляются изъ общаго движенія чешской литературы. Эти произведенія ограничиваются почти исключительно теологіей и состоятъ изъ проповѣдей, богословскихъ трактатовъ, духовныхъ пѣсень и т. п. Что здѣсь не оказалось болѣе свободнаго развитія,— это легко объясняется и вообще тяжелымъ общественнымъ положеніемъ страны, и религіознымъ преслѣдованіемъ, и официальнымъ господствомъ венгерской латыни.

Первыя попытки дать литературное значеніе самому словацкому нарѣчію относятся къ началу 18-го столѣтія, когда католическій словакъ Александръ Мачай (Al. Maczaj) издалъ свои проповѣди на словацкомъ нарѣчіи (*Chleby prvotin neb kázani na nedele celého roku, v Trnavě 1718*). Тернавскіе (Туплау) іезуиты послѣдовали его примѣру и начали печатать молитвенники и другія религіозныя книги на языкѣ, который представлялъ не столько чистый словацкій, сколько смѣсь его съ книжнымъ чешскимъ. Эти попытки воспользоваться народнымъ языкомъ для религіозныхъ цѣлей, столько странныя въ католическомъ духовенствѣ, обыкновенно стоящемъ за церковную латынь, объясняются желаніемъ духовенства противодѣйствовать протестантскому вліянію, оружіемъ котораго былъ чешскій языкъ. Духовенство ожидало, что употребленіе чисто народнаго языка дастъ цѣну католической книгѣ передъ протестантской чешской, которая при всей доступности языка все-таки говорила не роднымъ языкомъ народа.

Наконецъ наступаетъ періодъ чешскаго возрожденія и господства національнаго принципа. Пробужденіе національностей имѣло тотъ результатъ, что забота о возвышеніи народнаго языка овладѣла въ равной степени и тѣми мелкими подраздѣленьями племенъ, которыя въ сущности удобно могли бы присоединиться къ своей болѣе крупной единицѣ. Прежде, чѣмъ въ чешскомъ возрожденіи успѣла созрѣть мысль о необходимости поддержать единство племеннаго развитія, словацкая отрасль уже отдѣлялась отъ цѣлаго и стремилась устроить себѣ отдѣльную литературу. Старанія католическаго духовенства 18-го столѣтія нашли своихъ продолжателей. Въ послѣдніе годы 18-го вѣка нѣсколько писателей старались поднять на степень литературнаго языка словацкое нарѣчіе на моравской границѣ, наиболѣе приближающееся къ чешскому языку. Этими писателями были І. Игн. Байза (1754—1836: *Bené mladenca prihodi a skusenosti 1783; Veselé ucinky a řečeni 1795* и пр.); Юрій Фандлм (*Pilní domajši a polní Hospodar 1792; Prihodné a svatečné kázani 1795* и др.); Антоиннъ Газда (*Hortus Florum*

1798 и др.), но въ особенности Антонинъ Бернолакъ (1762 — 1813). Бернолакъ былъ католическій деканъ и директоръ народной школы; онъ написалъ (по латыни) словацкую грамматику и другія разсужденія о словацкомъ языкѣ, составилъ большой словарь этого языка, изданный и конченный послѣ его смерти, самъ писалъ проповѣди и т. п. по словацки и вообще больше чѣмъ кто нибудь изъ его предшественниковъ старался дать словацкому языку литературное значеніе. Стремленія Бернолака имѣли значительный успѣхъ: имъ покровительствовалъ примасъ Венгріи, кардиналъ Руднай, который самъ издалъ нѣсколько проповѣдей на словацкомъ языкѣ, и содѣйствовалъ изданію Бернолакова словаря. По слѣдамъ Бернолака шелъ каноникъ Юрій Палковичъ (+1835), который докончилъ словарь Бернолака и перевелъ на нитранское или тернавское нарѣчіе библію (*Svaté písmo* въ Остригомѣ 1829). Но наиболѣе извѣстное имя въ словацкой литературѣ приобрѣлъ себѣ Янъ Голли (*Holy* или *Holly*, 1785—1849), также католическій священникъ, который воспользовался нитранскимъ нарѣчіемъ или такъ называемой «бернолачнкой» для своихъ поэтическихъ произведеній—лучшаго литературнаго результата Бернолаковой школы. Еще будучи клерикомъ въ Тернавѣ, онъ перевелъ Батрахоміомэхію и эклоги Виргилія, Энеиду и Гораціевы сатеры, отрывки изъ Теоокрита, Гомера, Овидія, Тиртея. Его собственныя произведенія складывались въ томъ же классическомъ вкусѣ; это были идилліи, элегіи, оды, и главное эпическія поэмы: *Святополкъ* (*Swatopluk, wit'azská básen'*, Тернава 1833), *Кирилло-Меводиада* (*Cyrrillo-Metodiada, wit'azská básen'*, Пестъ 1835) и *Славъ*, которыя главнымъ образомъ составили его извѣстность,—незаоудившую впрочемъ дальше границъ словацкаго языка, тѣмъ больше, что ихъ псевдо-классическая форма и обусловленная ею поэтическая манера, вынесенная Голымъ изъ его воспитанія, уже мало соответствовали новымъ поэтическимъ вкусамъ и потребностямъ. Онъ составилъ наконецъ и сборникъ католическихъ пѣсенъ. Полное собраніе его сочиненій вышло въ 1841, изданное обществомъ любителей словацкаго языка и литературы (*Jana Holého Básně, vidané od spolku milovníkov řeči a literatury slovenskéu*, 4 ч. Пестъ 1841—42; 3-е изд. *Spisy Básnické*, Пестъ 1863).

Мы уже замѣтили выше, что литературная отдѣльность Словаковъ руководилась при Бернолакѣ католическими соображеніями. За пропаганду новой литературы взялось цѣлое общество, усердно старавшееся установить отдѣльный литературный языкъ, — но съ другой стороны протестантская часть Словаковъ продолжала держаться чешскихъ книгъ, такъ что образовалось двѣ различныя партіи. Протестанты не безъ основанія опасались, что это раздѣленіе будетъ опасно для литературнаго и національнаго единства и кончится только ослабленіемъ обѣихъ сторонъ. Они въ свою очередь составили общество и успѣли основать въ пресбургскомъ лицейѣ кафедру чешско-славянскаго языка и литературы, которую занялъ другой Ю. Палковичъ (1769—1849), послѣдователь партіи единства, довольно извѣст-

ный ономин трудами въ чешской литературѣ. Затѣмъ въ 1812 основалось новое общество, стараніями Таблица и Левика. Но и это общество, хлопотавшее о сохраненіи единства, продержалось недолго, потому что его тенденціи встрѣтились съ анти-славянскимъ противодѣйствіемъ Венгровъ, которые нисколько не расположены были давать ходъ какимъ бы ни было національнымъ затѣямъ Словаковъ.

Когда славянское возрожденіе стало больше и больше приводить къ убѣжденію о необходимости изученія народности, это изученіе обратилось и на Словаковъ, и главнѣйшая заслуга принадлежитъ здѣсь тѣмъ двумъ замѣчательнымъ представителямъ возрожденія, для которыхъ словацкая земля и была собственно родиной. Однимъ изъ первыхъ трудовъ Шафарика по изученію славянства было изданіе «Свѣтскихъ пѣсень словацкаго народа въ Венгрии» (Пестъ 1823—27. 2 ч.), въ которомъ ему содѣйствовали Колларъ и другой словацкій патріотъ Янъ Благославъ. Въ этомъ изданіи Шафарикъ уже высказываетъ по поводу пѣсень то теплое національное чувство, которое было такъ рѣдко въ это время и такъ ревностно стало дѣйствовать потомъ²⁾. Мы упомянули уже прежде другой подобный трудъ, совершенный нѣсколько поздѣе Колларомъ: сборникъ Коллара, въ который вошло и прежнее изданіе Шафарика, представляетъ до сихъ поръ самое обширное собраніе словацкихъ народныхъ пѣсень (Národné Zpiewanky čili Pjesne swetské Slováku w Uhrách, 2 ч., Пестъ 1834—35). Колларъ еще жалуется, что его предпріятіе встрѣчено было значительнымъ количествомъ

²⁾ Въ предисловіи ко второму выпуску своихъ „Словацкихъ пѣсень“ Шафарикъ указываетъ удивительное распространеніе пѣсни у Словаковъ, которое составляетъ обще-славянскую черту и которого не могли не замѣтить самые непріятели славянства. Одинъ пѣмецъ, авторъ книги: Freymüthige Bemerkungen eines Ungars über sein Vaterland, Teutschland (1799) — говоритъ: „Необыкновенная любовь къ пѣнію составляетъ главную и прекрасную черту Славянъ. Весело ходить по полямъ во время жатвы: тогда все поетъ. Рѣдко можно встрѣтить, чтобы славянская женщина молчала: она болтаетъ или поетъ. Въ пѣмецкихъ мѣстахъ, гдѣ служатъ славянскія дѣвушки, онѣ всегда по утрамъ, набравши травы, толпой разражаются съ пѣснями. Славяне имѣютъ въ этомъ рѣшительное преимущество передъ Нѣмцами, которыхъ Райхардъ справедливо называлъ безпѣснными (sauglose) Нѣмцами“

Шафарикъ приводитъ еще другое пѣмецкое свидѣтельство изъ Gemeinnütziges und erheiternder Hauskalender für das Oesterr. Kaiserthum auf das Jahr 1823, Wien, гдѣ описывается сборъ токайскаго винограда: „Замѣчательнѣйшую изъ группъ пріятныхъ работниковъ представляютъ Венгры. Хотя также какъ другіе работники они состоятъ изъ молодыхъ парней и дѣвушекъ, отъ нихъ чрезвычайно рѣдко слышны народную пѣсню. Веселые идутъ сборъ винограда у Спшскихъ Нѣмцевъ. Но самая оживленная жизнь поднимается между Словаками, которые сходятъ сюда съ горъ для собранія винограда. Она не проводитъ минуты, не расцѣпляя своихъ пѣсень въ самыхъ разнообразныхъ мелодіяхъ. Ц словацкія народныя пѣсни дѣйствительно интересны, отчасти по ихъ особенной мелодіи, иногда чрезвычайно пріятной и украшаемой гнѣкостью языка, отчасти по ихъ содержанію. Свои эстетическія пѣсни Словаки поютъ съ трогательнымъ чувствомъ, и только нѣкоторые веселыя пѣсни поютъ во весь голосъ. Большая часть ихъ пѣсень могла бы дать артисту много матеріала для превосходнѣйшихъ варіацій“.

Въ словацкихъ пѣсняхъ есть древніе мѣологическіе мотивы и немногія историческія воспоминанія; но древность ихъ значительно стерта, между прочимъ чужими вліяніями — венгерскими и нѣмецкими. Господствующая черта ихъ — мягкая простота мирнаго патріархальнаго быта.

его соотечественниковъ очень холодно; — такъ еще мало развито было въ Словакахъ, даже образованныхъ, чувство національности. Ни Шафаркъ, ни Колларъ вовсе не думая впрочемъ объ отдѣльной словацкой литературѣ: и тому и другому словацкій народъ казался только составной частью чешскаго; изученіе пѣсенъ было для нихъ средствомъ объясненія народнаго характера и затѣмъ возбужденіемъ къ единству.

Но случилось иначе.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ особенности стало усиливаться то венгерское движеніе, о которомъ мы упоминали прежде по поводу хорватской литературы. Точно также какъ тамъ венгерскія притязанія вызвали «иллирійскую» или южно-славянскую реакцію, такъ и здѣсь эти притязанія заставляли словацкихъ патриотовъ защищать національныя права своего народа, и они довели защиту до того, что уже не довольствуясь чешскимъ славянствомъ своей литературы, стали настаивать на исключительной отдѣльности словацкаго элемента. Національная теорія, которую проповѣдало возрожденіе, вполне благопріятствовала этому предпріятію. Патриоты утверждали, что словацкое племя достаточно отдѣляется отъ чешскаго своимъ языкомъ, нравами и вообще чертами народности, что чешскій языкъ, хотя родственнѣй и близкій, не составляетъ его роднаго языка, и что народное развитіе словацкаго племени имѣетъ право на полное выраженіе всѣхъ народныхъ особенностей, и слѣд. на народную литературу. Это былъ совершенно естественный выводъ изъ того безусловнаго требованія народности, которое выставлено было панславянскою школою. Разъ признавалась національная отдѣльность, и необходимость отдѣльной литературы становилась внѣ всякаго спора. Словацкіе патриоты, руководимые отчасти искреннимъ чувствомъ любви къ народу, отчасти мѣстными притязаніями, настаивали на этой отдѣльности, и словацкій литературный сепаратизмъ въ 40-хъ годахъ снова является на сцену, въ новой школѣ, главными представителями которой были Гурбанъ и Штуръ, — двое изъ самыхъ энергичныхъ славянскихъ дѣятелей 48—49 года.

Людевитъ Штуръ (1815—1856), изъ евангелическихъ Словаковъ.. учившійся въ раабскомъ и пресбургскомъ лицей и въ университетѣ въ Галле, рано проникся патриотическими стремленіями и всю свою дѣятельность отдалъ пропагандѣ народной свободы. Нѣсколько времени онъ занималъ мѣсто стараго Палковича на кафедрѣ пресбургскаго лицея, устраивалъ литературно-патриотическія общества, и приобрѣлъ большое вліяніе на словацкую и сербскую молодежь, въ которой старался пробуждать чувство народной независимости. Венгерская партія замѣтила его опасное вліяніе и добилась наконецъ того, что Штуръ былъ лишенъ своей профессуры. Въ это время начинается его литературная дѣятельность: первыми произведеніями его были нѣмецкія брошюры, писанныя въ защиту правъ словацкаго народа противъ венгерскихъ притязаній. Въ 1845, послѣ долгихъ хлопотъ и затрудненій, Штуръ добился позволенія издавать словацкую политическую

газету. Это были «Slovenské národné Noviny», съ приложениемъ «Orol Tatranskí» (Жаратоній Орелъ), — газета, которую онъ издавалъ вмѣстѣ съ другимъ патриотомъ, Гурбаномъ. Газета имѣла большой успѣхъ между словацкими читателями, и это помогло осуществленію практическихъ идей Штура о народномъ благѣ: стали основываться разныя полезныя общества напр. общество трезвости, воздѣлыванія запущенныхъ земель, сберегательныя кассы и т. д. Чтобы поддержать свое литературное нововведеніе, — Штуръ началъ писать вмѣсто нитранскаго новыиъ, тренчавскихъ нарѣчіемъ, — онъ издалъ двѣ книжки: «Nauka reči slovenskej» и «Náročja Slovensku alebo potreba rívan'ja v tomto nárečí» (Пресб. 1846). Въ 1848 онъ долженъ былъ прекратить свой журналъ, потому что изданіе становилось опасно: затѣмъ вспыхнула венгерская революція и Штуръ вмѣстѣ съ Гурбаномъ сталъ во главѣ словацкаго возстанія. Эти событія болѣе или менѣе извѣстны: Штуръ игралъ въ нихъ самую дѣятельную роль народнаго предводителя и агитатора. Но онъ ошибся въ результатахъ, и послѣ 49 года жилъ въ уединеніи, занимаясь литературными работами, изъ которыхъ въ особенности извѣстна его книжка о народной пѣснѣ славянскихъ племенъ, изданная чешской Матицей (O národných písních a pověstech plemen slovanských, Прага 1853). Онъ умеръ отъ раны, которую нанесъ себѣ по неосторожности на охотѣ ³⁾.

Его политическій товарищъ и литературный сотрудникъ, Милославъ Юсифъ Гурбанъ, евангелическій словацкій пасторъ, началъ свою литературную дѣятельность (съ 1838) чешскими сочиненьями, потомъ сталъ сотрудникомъ Штура въ его словацкомъ журналѣ. Въ 1839 году онъ сдѣлалъ путешествіе по Чехии и Моравии съ литературными и патриотическими цѣлями, и описалъ это путешествіе въ книжкѣ: «Cesta Slováků ku bratřím slovanským na Moravě a v Čechách» (Пестъ 1841); затѣмъ слѣдовали альманахи «Nitra» (3 ч. 1842—46, Пресбургъ и Пестъ), «Svatoplukové, alebo rád tíse veľkomoravské» (Прага 1845), наконецъ участіе въ «Словацкихъ Новинахъ» Штура. Гурбанъ, вмѣстѣ съ литературными взглядами раздѣлялъ и политическіе взгляды Штура, и въ событіяхъ 48—49 года игралъ въ словацкомъ народѣ не менѣе замѣчательную роль народнаго оратора и предводителя. Когда Колларъ и его друзья, утомленные венгерскими притѣсненіями, оставили народное дѣло, Гурбанъ вмѣстѣ съ Штуромъ и Годжей стали во главѣ народа, на который приобрѣли сильное вліяніе энергической защитой его интересовъ. Политическая программа Гурбана и его друзей состояла въ томъ, что предвидя враждебное столкновеніе Венгерцевъ съ династіей, они вошли въ сношенія съ чешскими и южно-славянскими патриотами и организовали словацкое возстаніе въ династическомъ смыслѣ, — чѣмъ надѣялись потомъ приобрѣсти своему народу обезпеченіе его правъ и національной независимости. Гурбанъ приобрѣлъ себѣ чрезвы-

³⁾ Болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія см. въ Рус. Бесѣдѣ 1860, № 1, смѣсь, стр. 51—60.

ч. иную популярность между своими соотечественниками: это был дѣятельно характерный народный дѣятель, для котораго національный вопросъ былъ не отвлеченнымъ умствованіемъ, а живымъ практическимъ дѣломъ... Послѣ тревоженій революціоннаго времени Гурбанъ снова вернулся въ свой приходъ, и съ 1851 года продолжалъ небольшое изданіе: «Slovenskije pohľady na vedu, umen'ja i literaturu», начатое еще въ 1846, и потомъ прерванное революціей ⁴⁾.

Новое видоизмѣненіе въ словацкомъ литературномъ языкѣ хотѣлъ ввести Михаилъ Милославъ Годжа (род. 1811), также, какъ Гурбанъ, евангеличскій проповѣдникъ, и вмѣстѣ съ нимъ и Штуроу проагандистъ словацкаго возстанія. Какъ уроженецъ Липтовскій, Годжа хотѣлъ дать и своему родному говору долю въ составѣ литературнаго языка. Первыми литературными трудами его были народныя словацкія повѣсти, затѣмъ латинская книжка «Brigenes slovenicus», 1847, гдѣ онъ излагаетъ свои соображенія о формѣ словацкаго литературнаго языка, и словацкія: «Dobro slovo Slovačom» 1847, «Veľin o slovenčině» 1848 (въ Левочѣ) и друг.

Штуровская школа, какъ мы замѣтили, оставила нарѣчіе, взятое для литературнаго языка Бернолакомъ, и выбрала другое, тренчанское нарѣчіе. Это еще больше усилило расколъ. Притомъ, на этотъ разъ литературное дѣленіе возобновлено было не католической партіей, которая еще имѣла бы свои поводы отдѣляться отъ чешскихъ протестантскихъ преданій, — оно возобновлено было самими евангеликами и людьми, которые справедливо могли назваться людьми даровитыми и дѣйствительными друзьями народа. Это отдѣленіе произвело поэтому сильное впечатлѣніе въ чешской литературѣ, представители которой видѣли въ немъ сѣмя гибельнаго народнаго раздѣленія. Уже черезъ годъ послѣ основанія Штуровой словацкой газеты, выставившей сепаративное знамя, чешское музейное общество издало цѣлую книгу, направленную противъ этого раскола; въ этихъ «Голосахъ о необходимости единства литературнаго языка для Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ» собрано было множество отзывовъ и мнѣній чешскихъ писателей и согласныхъ съ ними людей словацкаго общества, и въ этой формѣ представлены всѣ резоны противъ раздѣленія и въ защиту единства ⁵⁾. Гурбанъ отвѣчалъ на эту книгу въ названномъ нами журналѣ, и школа конечно осталась при своемъ.

Въ послѣднее время не смотря на всѣ прежнія неудачи Бернолаковой и Штуровой школы явилась новая, которая еще разъ хотѣла установить литературное значеніе словацкаго языка, и теперь приняла за основаніе этого литературнаго языка новое нарѣчіе, зволенское. Эта послѣдняя попытка принадлежитъ опять католикамъ, которые не хотѣли принять языка,

⁴⁾ Коротенькая біографія Гурбана въ Конв. словарѣ Риттерсберга.

⁵⁾ Hlasové o potřebě jednoty spisovného jazyka pro Čechy, Moravanu a Slováky, Прага 1846—гдѣ находится также много свѣдѣній о литературной исторіи словацкой въ старое время.

продуманнаго протестантами. Священникъ небольшого словацкаго городка, а теперь профессоръ славянскихъ нарѣчій въ пражскомъ университетѣ, Мартинъ Гаттала, задумалъ эту реформу въ 50-хъ годахъ, оставившись на зволенскомъ нарѣчїи, которое было языкомъ его родины. По этому нарѣчїю составилъ онъ написанную по латыни грамматику словацкаго языка ⁶⁾. Мысль Гатталы нашла сочувствіе въ католическомъ духовенствѣ и вообще между словацкими католиками, къ которымъ принадлежатъ почти всѣ нынѣшніе словацкіе писатели. Къ нимъ присталъ и пещтскій священникъ Радлинскій, еще недавно горячій защитникъ Штура. Но и новая школа не можетъ похвалиться успѣхомъ: газета «Пещь-Будимскія Вѣдомости», нѣсколько книжекъ для народа, нѣсколько альманаховъ, — напр. альманахи «Конкордія» и «Липа» (3-й выпускъ, 1864) священника Викторина (написавшаго также словацкую грамматику по нѣмцамъ) — составляютъ все ея небогатое содержаніе. Это колебаніе въ самомъ элементарномъ вопросѣ литературнаго развитія разумѣется мало помогаетъ дѣлу и бесплодно занимаетъ тѣ силы, которыя могли бы быть лучше направлены къ народному благу. Недавно основана была и у Словаковъ своя *Матица*, и какъ говорятъ имѣла большой успѣхъ въ населеніи. Въ Чехахъ новый словацкій сепаратизмъ вызываетъ то же чувство неудовольствія и досады, и не безъ основанія кажется имъ положительно вреднымъ для нихъ племеннаго развитія. Но, какъ мы сказали, это стремленіе къ обособленію народности было естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ принциповъ, которые выставлены были самими защитниками славянскаго національнаго вопроса. Национальный принципъ долженъ поплатиться здѣсь за свои собственные крайности.

⁶⁾ Grammatica linguae Slovenicae 1850; въ словацкомъ переводѣ: Kratka mluvn. slov. 1852; затѣмъ Mluvnicka jazyka slovenského, Пещь 1864.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЛУЖИЧАНЕ — ВЕРХНЕ И НИЖНЕ.

Возрожденіе маленькаго племени лужицкихъ Славянъ, въ саксонской и прусской Лузаци (Лужицы, Lausitz), представляетъ одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ современнаго славянскаго движенія ¹⁾. Лужицкій народецъ, издавна покоренный и окруженный Пѣмцами, успѣлъ сохранить свою народность, и въ послѣднее время, преимущественно съ 30-хъ годовъ, посвятилъ ей такія ревностныя заботы, что повидимому обезпечилъ совершенно ея цѣлость, по крайней мѣрѣ заявилъ ее такъ сильно, какъ она еще никогда не заявляла себя въ свое тысячелѣтнее рабство. Это возрожденіе шло также независимо, какъ и въ другихъ славянскихъ народностяхъ, развилось изъ собственныхъ мѣстныхъ потребностей маленькаго племени, — но затѣмъ, когда ему уже положено было прочное основаніе въ его внутреннемъ

¹⁾ По исторіи Лужичанъ см. Шафарикъ. Древн. §43—44;—Gebhard; Geschichte aller wendisch-slawischen Staaten, Halle 1790, 4 т.; — Käufer, Abriss der Oberlaus. Geschichte 3 т., Görlitz 1803;—Knauthen, Derer Oberlausitzen Serbenwenden Kirchengeschichte, Görlitz 1767;—Worbs, Geschichte d. Niederlausitz, Züllich 1824, 2 т.;—Scheltz, Geschichte der Ober-und Nieder-Lausitz, Halle 1847;—Jencz, Powiesé wo Serbskich kralach (въ Czasop. Macity Serb. 1849).

По этнографіи и языку: Engelhardt, Erdbeschreibung d. Mark Ober-und Nieder-Lausitz 2 т. Dresd. 1800;—Jakub, Serbskie Horne Lužicy. Budyszyn 1848;—Seiler, Kurzgefasste Gramm. der Sorben-wendischen Sprache nach d. Budissin. Dial. Bud. 1830;—Jordan, Gramm. der wend.-serbischen Sprache in der Oberlausitz (по системѣ Добровскаго) Prag 1841;—Schmaler, Kleine Gramm. der serbisch-wendischen Sprache in d. Oberlausitz, Bautzen 1852;—Bose, Wendisch-deutsches Handwörterbuch nach d. oberlaus. Dial. Grimma 1840;—Fr. Schneider, Gramm. der wendischen Sprache katholischen Dialects. Budissin 1853;—Zwahr, Niederlausitz-wendisch-deutsches Handwörterbuch, 1846;—Новиковъ, О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій, М. 1849;—Dr. Pful, Serbski Slovník, Будышинъ 1857.

По литературѣ: И. Срезневскій, О литературѣ сербо-лужицкой (въ Ж. М. Нар. Пр. 1844, май, стр. 26—66);—Jencz, Stawizny в пр. (Судьбы сербской рѣчи и народности, въ Czas. Mac. Serb. 1849—54);—Гильфердингъ, Народное возрожденіе Сербовъ Лужичанъ въ Саксоніи (Р. Бесѣда, 1856, I, смѣсь, стр. 1—35);—Вогушъ (Вауки), Rys dziejów serbo-lużyckich, Petersburg 1861 (о новѣйшемъ времени, какъ и предъидущая статья, по рассказамъ Смолера);—Fr. Doucha, O postupu národnosti Srbův Lužických (въ Czasop. Cesk. Mus. 1845, вып. 3);—М. Горникъ, о языкѣ и литературѣ лужицкихъ Сербовъ, въ Czasop. Cesk. Mus. 1856.

сознаніи, оно прикинуло къ цѣлому славянскому движенію, и вступило на путь славянской «взаимности». Представители славянского движенія, ученые разныхъ славянскихъ народностей, — Палацкій, Маѣвекій, Штуръ, Милутиновичъ, Срезневскій, Бодяинскій, — посѣтили новооткрывшееся поле славянской національности, и передавши славянской публицисти это новое движеніе, помогли и самимъ Лужичанамъ найти ихъ національныя связи съ остальными народами цѣлаго племени. Съ тѣхъ поръ забытое племя входитъ въ общій счетъ славянской національности, и ученое пилигримство въ своихъ славянскихъ странствіяхъ не забываетъ Будишина (Бауценъ), въ которомъ сосредоточивается образовательная дѣятельность маленькаго племени.

Нынешніе Лужичане, едва превышающіе 150.000 населенія, составляютъ небольшой остатокъ полабскаго славянства, занимавшаго нѣкогда широкое пространство на западѣ за Эльбу и Салу, на сѣверѣ до Шпре и Гавелия, — всю нынѣшнюю Саксонію, часть Саксоніи прусской, Бранденбурга, прусской Силезіи и т. д. Между Салой и Мульдой, между нынѣшнимъ Лейпцигомъ и Дрезденомъ и южнѣе до Чешскихъ горъ, жили Сербы, съ разными подраздѣленіями, за Эльбой — Мильчане, на сѣверѣ отъ нихъ, въ низменныхъ мѣстахъ — Лужичане и т. д. Эти славянскія племена извѣстны средневѣковымъ писателямъ уже съ 6—7-го столѣтія, а съ 8—9 вѣка они постоянно упоминаются подъ общимъ именемъ Вендовъ (Винидовъ, Венедовъ) или Сербовъ (Сорбовъ, Сурбовъ) и подъ ихъ мѣстными племенными названіями. Судя по немногимъ историческимъ даннымъ, бытъ лужицкихъ Сербовъ представлялъ извѣстныя черты славянской демократической патріархальности, но къ сожалѣнію отдѣльныя общины не имѣли между собой достаточной внѣшней связи, и отсутствіе единства открыло дорогу нѣмецкому владычеству, которое уже со временъ Карла Великаго напѣтило свою цѣль въ этихъ славянскихъ краяхъ. Начиная съ тѣхъ поръ, полабскіе Славяне мало по малу были покорены, сначала Сербы при Генрихѣ Пятицеловѣ, потомъ Мильчане и Лужичане при Оттонѣ: къ 11-му вѣку племенная самостоятельность ихъ окончилась. Лужицкая земля еще долго потомъ была предметомъ феодальныхъ споровъ и переходила изъ рукъ въ руки, доставалась марграфамъ Мейссенскимъ и Бранденбургскимъ, была подъ властью Поляковъ, долго (до самаго паденія Чехіи) принадлежала чешской коронѣ, — не спасавшей впрочемъ ея славянской народности отъ нѣмецкаго угнетенія, — наконецъ вошла въ составъ Саксоніи, выдержала ужасы тридцатилѣтней войны, раздѣлилась между Саксоніей и Пруссіей, которыми теперь и принадлежать уцѣлѣвшія части лужицкаго народа.

Нѣмецкое покореніе своими ближайшими слѣдствіями имѣло рабство народа и постепенное уничтоженіе народности. Покоренная земля раздѣлилась между феодальнымъ владѣльцемъ, рыцарями и церковью; свободные сельскіе люди стали рабами, крѣпкими землѣ, они лишены были всякихъ правъ, обременены работами и податями, были безответной жертвой грабежей и насилій. Нѣсколько лучше было положеніе тѣхъ, которые подчинены были

непосредственно феодальному правителю земли, — но общее положеніе края представляло картину самаго ужаснаго угнетенія и безправія. вмѣстѣ съ паденіемъ народной свободы началось и паденіе самой народности; постоянные грабежи, выселеніе Славянъ въ нѣмецкія земли, гдѣ они исчезали среди чужого населенія (на Рейнѣ и Майнѣ, въ Баваріи и даже въ Голландіи), нѣмецкая колонизація, занимавшая города и отнятыя земли, вліяніе церкви, говорившей по латыни и по нѣмецки, наконецъ обыкновенное дѣйствіе господства чужаго племени, — все эти обстоятельства больше и больше подавляли славянскій элементъ, который жилъ только въ поработченномъ сельскомъ населеніи и былъ для Нѣмцевъ предметомъ крайняго презрѣнія. Взаимная вражда была такъ велика, что Саксонское Зерцало должно было постановить, чтобы «Сербы противъ Нѣмца и обратно не могъ свидѣтельствовать въ судѣ, такъ какъ извѣстно, что каждая сторона, для вреда другой, готова подтвердить присягой всякую неправду». Въ 13-мъ вѣкѣ сербскій языкъ еще удерживался въ церковномъ употребленіи и въ судѣ, но къ 14-му столѣтію нѣмецкая народность была уже такъ сильна, что съ этого времени нѣмецкіе князья начинаютъ изгонять сербскій языкъ изъ судовъ: въ 1427 г. это сдѣлано было и въ Мейссенѣ, пражемъ центръ сербскаго народа. Ко временамъ реформаціи область лужицкаго населенія приняла уже почти тѣ границы, въ которыхъ оно остается въ настоящую минуту: лужицкіе Сербы западнаго края были уже окончательно онѣмечены, граница нѣмецкаго языка перешла на востокъ далеко за Эльбу, и память о Славянахъ осталась только въ собственныхъ имѣніяхъ мѣстностей.

Христіанство проникло въ лужицкій край повидному съ двухъ сторонъ. Проповѣдь нѣмецкаго католицизма далеко не имѣла здѣсь того свирѣпаго характера, съ какимъ она была приносима къ Славянамъ балтійскимъ, и это обстоятельство объясняютъ тѣмъ, что лужицкіе Сербы были уже приготовлены къ христіанству проповѣдью, шедшею отъ византійскаго славянства черезъ Польшу и Чеховъ. Лужицкіе Сербы уже въ 9-мъ столѣтіи были въ связяхъ съ княжествомъ велико-моравскимъ, одно время даже принадлежали къ нему (какъ впоследствии они были въ связяхъ съ Чехами) — и потому думаютъ, что византійско-славянское христіанство. Кирилла и Меводія проникло и въ края лужицкіе. Преданье говоритъ, что св. Констанція приходилъ въ окрестности Сгоръльда (Görlitz), и тамъ, гдѣ теперь находится Гайнвальдъ (Hainwald), на мѣстѣ капища поставилъ христіанскую церковь. До недавняго времени сохранился обычай благочестиваго пилигримства къ древнему кресту на горѣ Яворницкой (Jauernik), въ день св. Вацлава, короля чешскаго, — жители-протестанты присоединялись къ католической процессіи, и молещичини пѣли молитву «Господи, помилуй насъ», быть можетъ ту самую, которая подъ именемъ молитвы св. Войтѣха («Hospodine, pomiluj nu») осталась въ чешскомъ племени, какъ память древняго славянскаго богослуженія. Извѣстно, что у Лужичанъ, по

правую сторону Эльбы, лучше сохранявших свою народность подъ политическимъ вліяніемъ Чеховъ и Польши, славянскій языкъ въ церковномъ обученіи употреблялся не только въ 11-мъ столѣтіи, при епископѣ мейсенскомъ Бенотѣ (+1106), но и въ 12-мъ и даже 13-мъ столѣтіяхъ, когда сербо-лужицкій языкъ имѣлъ еще защитника въ епископѣ Брунонѣ, требовавшемъ, чтобы священники хорошо знали сербскій языкъ ²⁾. Историки замѣчали и то обстоятельство, что тѣ изъ проповѣдниковъ христіанства у балтійскихъ Славянъ, которые пользовались славянскимъ языкомъ какъ средоточіемъ, были изъ сосѣдства лужицкихъ Сербовъ: такъ еп. мерзбургскій Бозо (971) писалъ по славянски; другой, Вернеръ (1101), велѣлъ наготовить себѣ книги на славянскомъ языкѣ; епископъ альтенбургскій Бруно (1156), отправляясь обращать Обатритовъ, имѣлъ съ собой готовые славянскія проповѣди и читалъ ихъ народу ³⁾. Полагають впрочемъ, что эти славянскія книги едва ли были написаны на собственно сербскомъ языкѣ: по крайней мѣрѣ въ лужицкомъ языкѣ находятъ слѣды вліянія языковъ старо-славянскаго и чешскаго, замѣтные при всемъ первоначальномъ сходствѣ этихъ языковъ между собою и несмотря на все позднѣйшее вліяніе нѣмецкаго. Это первоначальное сходство могло сдѣлать чужія славянскія книги доступными для лужицкихъ Сербовъ, особенно при тѣхъ политическихъ связяхъ и сосѣдствѣ, которыя соединяли ихъ съ Чехами. Что чешскія книги въ болѣе позднюю эпоху среднихъ вѣковъ были въ ходу у Лужичанъ, едва ли подлежитъ сомнѣнію.

Первыя попытки ввести сербо-лужицкій языкъ въ книгу относятся только ко временамъ реформаци. Гусситское движеніе Чеховъ нисколько не отразилось у Лужичанъ: болѣе образованная часть общества была уже чисто нѣмецкая, и въ этомъ качествѣ ревностно держалась католичества: народная масса, состоявшая изъ одного сельскаго населенія, была слишкомъ подавлена, чтобы почувствовать въ себѣ силу для какой нибудь оппозиціи, и въ разгарѣ крестовыхъ походовъ противъ гусситизма и таборитскихъ волнствъ, осталась при безучастной и страдательной роли. Напротивъ реформація Лютера была дѣломъ нѣмецкимъ и имѣла обширный успѣхъ во всей странѣ, отразившійся и на ея славянскомъ населеніи. Къ 16-му столѣтію сербо-лужицкая народность была уже въ совершенномъ упадкѣ, но стремленіе къ распространенію и утвержденію реформы заставило теперь обратиться къ народному языку, и дало начало первой литературной дѣятельности на лужицкомъ языкѣ, если можно назвать литературой духовно-поучительныя книги въ лютеранско-евангелическомъ смыслѣ, къ которымъ присоединилось и нѣсколько подобныхъ попытокъ духовенства католическаго. Съ этого времени начинаютъ появляться письменные сборники переводовъ изъ св. Писанія, необходимыхъ молитвъ, легендъ, духов-

²⁾ Bogusławski, стр. 167.

³⁾ Срезневскій, Ж. М., стр. 34.

ныхъ пѣсень и т. п., которыя отъ священниковъ переходили и въ народъ. Въ началѣ 16-го вѣка переведенъ былъ Лютеровъ катихизисъ; въ собраніяхъ духовныхъ пѣсень начали позднѣе появляться и оригинальныя сербскія. Шафарикъ указываетъ, что въ 1548 г. Михаилъ Ядубицъ перевелъ на верхне-лужицкій языкъ и весь Новый Заветъ, рукопись котораго сохраняется въ берлинской библіотекѣ. Верхне-лужицкіе сеймы въ половинѣ 16-го столѣтія не разъ выражали заботы объ учрежденіи школъ и объ лужицкомъ языкѣ. Первая печатная книга, извѣстная до сихъ поръ, вышла на нижне-лужицкомъ нарѣчій въ 1574 г., когда Альбинъ Моллеръ, евангелическій проповѣдникъ, издалъ книжку, заключающую духовныя пѣсни, нѣсколько молитвъ и катихизисъ. На верхне-лужицкомъ нарѣчій первую книгу, малый Лютеровъ катихизисъ, издалъ уже въ 1597 священникъ Вячеславъ Ворѣхъ (Wogichius). Затѣмъ въ 1610 Андрей Таракъ составилъ новый сербскій катихизисъ, подъ названіемъ Enchiridion Vandalicum; въ 1627 священникъ Григорій Мартинъ напечаталъ переводъ семи покаянныхъ псалмовъ. — Это было наметено все, вышедшее въ морскій періодъ лужицкой книжной дѣятельности.

Середина 17-го вѣка ознаменована была новыми бѣдствіями народа и упадокъ народности продолжался; тридцатилѣтняя война и весь ходъ событий давали большой ходъ германизации; но въ концѣ этого столѣтія потребности религіознаго образованія вызвали новыя литературныя стремленія, замѣчательнѣйшимъ представителемъ которыхъ былъ Михаилъ Бранцель (или какъ называли его по нѣмецки, Френцель, 1628—1706), евангелическій проповѣдникъ въ Верхнихъ Лужицахъ. Бранцель въ первый разъ широко понялъ народныя потребности и необходимость возстановленія языка, и дѣятельно трудился надъ переводомъ св. писанія: онъ перевелъ Новый Заветъ и нѣкоторыя части Ветхаго, причемъ пользовался и инославянскими пособіями. Онъ началъ издавать отрывки своего перевода съ 1670 г. и на старости дождался изданія своего полнаго перевода Новаго Завета. У Бранцеля какъ будто уже были предчувствія славянскаго возрожденія; въ этомъ смыслѣ любопытно письмо его, которое писалъ онъ къ Петру Великому, во время проѣзда царя черезъ Саксонію въ 1697, представляя ему свои переводы: Бранцель съ особеннымъ чувствомъ указываетъ на тѣ связи родства, которыя соединяютъ его народъ съ другими Славянами и обширною Московіей ⁴⁾. Труды Бранцеля не остались безъ продолжателей, и съ его времени заботы о религіозномъ образованіи народа постоянно вызываютъ новыхъ дѣятелей. Сынъ Михаила, Авраамъ Бранцель или Френцель (1656—1740), приготовилъ переводъ всего св. писанія, которымъ пользовались при изданіи 1728 и 1742. Полувитивныя образованіе въ виттенбергскомъ университетѣ, Авраамъ Бранцель обратился къ

⁴⁾ Письмо это по лужицки и по латини напечатано у Срезавскаго, стр. 42—45, прим.

историческому изучению своей земли и народа и написал обширное сочинение *De originibus linguæ Sorabice*, изданное отчасти отдельно (1693—96), отчасти въ Гофмановыхъ *Scriptores regni Lusaticarum* (1719). Въ этомъ сочиненіи, онъ хотя и потратилъ безъ пользы много труда на сравненіе славянскаго языка съ еврейскимъ, но обнаружилъ замѣчательныя для того времени археологическія свѣдѣнія и знаніе славянскихъ нарѣчій. Много другихъ латинскихъ его сочиненій, напр. «Сербо-лужицкій словарь», «Верхне-лужицкая исторія», «Естественная исторія верхне-лужицкая», «Словарь нижне-лужицкій», остаются въ рукописяхъ. При всѣхъ слабыхъ сторонахъ тогдашней учености, труды младшаго Бранцеля замѣчательны по своему стремленію къ общеславянскому изученію, и по тому влиянію, которое имѣли они въ свое время, обративши вниманіе на изученіе языка и народа. Съ этого времени въ особенности появляется много трудовъ этого рода, напр. верхне-лужицкія грамматики Маттем и Шмуца, словари того же Шмуца и Сволтика, составившаго также нѣсколько религиозно-нравственныхъ книжекъ для Сербовъ католическихъ и переводъ Н. Завѣта; нижне-лужицкая грамматика и словарь Фабриція и др., исторія обычаевъ нижнихъ Лужичанъ Тиверія (по латыни и по нижне-лужицки, въ рукоп.). Во второй половинѣ 18-го вѣка это изученіе принесло и серьезные труды — по церковной исторіи и литературѣ Верхнихъ Лужичанъ Кмаутена (по нѣм.), объ обычаяхъ Верхнихъ Лужичанъ Горчанскаго, по славянской археологіи Антона (по нѣм.), который дѣлательно собиралъ этнографическіе матеріалы и едва ли не первый обратилъ вниманіе на изученіе сербо-лужицкихъ народныхъ пѣсень: его сборникъ пѣсень послужилъ основаніемъ позднѣйшихъ собраній. Нѣмецкія и латинскія книги Антона и его предшественниковъ не принесли, конечно, непосредственной пользы самому народу, но и онѣ были важнымъ орудіемъ его образованія, потому что дѣлали заботу о немъ болѣе сознательною и прочною. Вліяніе это было несомнѣнно.

Съ 18-го вѣка увеличивается и количество книгъ, посвященныхъ религиозному образованію народа, хотя цифра остается конечно крайне скромной. Преніе бібліографы насчитывали до 1700 года только до 50 лужицкихъ книгъ, съ 1700 до 1800 около 200: если новые поиски и увеличили эту цифру, но и она приблизительно вѣрно опредѣляетъ численныя отношенія этой маленькой литературы. Въ 18-мъ вѣкѣ въ первый разъ напечатанъ былъ полный переводъ библіи: она переведена была на верхне-лужицкое нарѣчіе соединенными трудами священниковъ Ланга, Локуша, Бемера и Вавера: послѣ одиннадцатилѣтней работы, въ которой они слѣдали свой переводъ съ переводами польскимъ, чешскимъ и старо-славянскимъ, переводъ былъ напечатанъ въ 1728, — это изданіе повторено было потомъ, съ небольшими измѣненіями, въ 1742, 1797, 1821, 1823, гдѣ впрочемъ Новый Завѣтъ печатался по переводу Бранцеля. — Для Нижнихъ Лужичанъ подобный трудъ предпринялъ евангелическій священникъ

Босумвалъ Фабриціусъ, другъ Авраама Бранцеля, родомъ Польскій, который издалъ по нижне-лужицки малый Лютеровъ катихизисъ и переводъ Новаго заветъ (1709); трудъ Фабриція уже впоследствии дополнилъ Фрицъ, издавшій Ветхій Заветъ въ 1797. Цѣлая библія вышла въ 1824.

Кромѣ переводовъ св. Писанія, важная поддержка народности состояла въ духовныхъ пѣсняхъ и проповѣди. Духовныя пѣсни (krygljase, т. е. kugleljason) были сильно распространены въ массѣ народа, и уже съ начала 18-го вѣка существовали въ значительномъ количествѣ, въ переводахъ Преторія, Аста, Маттеи и Вавера, и умножались съ каждымъ новымъ изданіемъ. Для католическихъ Сербовъ собраны подобныя церковныя пѣсенъ были сдѣланы уже названнымъ выше Свотлиномъ. На нижне-лужицкомъ духовныя пѣсни въ первый разъ издамы были Гаутманомъ (Lubniowski Szarski Sambuch 1769).

Такимъ же средствомъ для поддержанія народности и для нѣкотораго образованія массы служила проповѣдь. Она развилась впрочемъ довольно поздно и стала пріобрѣтать влияние только со временъ Михала Бранцеля, у котораго вмѣстѣ съ религіознымъ обученіемъ соединилось въ ней и известное патриотическое чувство. Между проповѣдниками богѣ другихъ замѣчательны были, кромѣ Бранцеля, Пехъ, Якобъ, Мѣнь, Богатскій, хотя вообще проповѣдники, подражая своимъ нѣмецкимъ образцамъ, не отличались особенной оригинальностью и чистотой языка. Провѣдь оказывала, безъ сомнѣнія, большое влияние на сохраненіе народности. Историки замѣчаютъ, что «ни одна сербо-лужицкая область, въ которой была постоянная проповѣдь на народномъ языкѣ, не обнѣмечилась» и что напротивъ приходы, не имѣвшіе проповѣди, теряли чувство народности и наконецъ обнѣмечивались ⁴⁾. Успѣхамъ проповѣди на народномъ языкѣ особенно благоприятствовало учрежденіе лужицкой семинаріи (для католиковъ) въ Прагѣ и проповѣдническихъ обществъ, устроенныхъ лужицкими студентами богословія при университетахъ въ Лейпцигѣ и Виттенбергѣ. Высшія обстоятельства были крайне неблагоприятны для этого народнаго движенія: нѣмецкія власти и духовенство, по прежней нелюбви къ Сербамъ, не хотѣли ничѣмъ помочь ему. Дѣло было сдѣлано скромными средствами бѣдной молодежи и немногихъ частныхъ лицъ. Прагская семинарія была открыта въ 1704 году: здѣсь, подъ влияніемъ сильнѣйшаго родотсвеннаго языка, приготовлялись и приготовляются до сихъ поръ священники для небольшой горсти католическихъ Сербовъ. Провѣдническія общества открылись въ Лейпцигѣ 1716 и Виттенбергѣ 1749: они должны были бороться съ иноземнымъ препятствіемъ, бѣдность средствъ нѣщала часто сербскимъ поселянамъ посылать свою молодежь въ университеты, а общества иногда закрывались на нѣкоторое время за неимѣніемъ людей. Тѣмъ не менѣе оны имѣли

⁴⁾ Boguslawski, стр. 241.

большое влияние на поддержание народной проповеди и связь съ ней самой народности.

Но всё эти усилія еще не могли дать прочности сербо-лужицкой литературы, даже въ тѣхъ огромныхъ размѣрахъ, какіе имѣла она въ 18-мъ столѣтіи. Семилѣтняя война снова упала тяжелымъ бѣдствіемъ на Лужичанъ: народъ бѣднѣлъ, нѣмецкій элементъ усиливался, проповѣдническія общества упадали, какъ вяттенбергское. Литература, состоявшая изъ однихъ церковныхъ книгъ, давала не много опоры для народнаго чувства и отдѣльныя вспышки патріотизма, какъ напр. при 50-лѣтнемъ юбилей лейпцигскаго общества въ 1766, имѣли только минутное влияние. Правда, была попытка воспользоваться лужицкимъ языкомъ и для свѣтскихъ стіхотвореній, и Юрій Менъ (Mehn, +1785) перевелъ даже на лужицкій языкъ значительную часть Клопштоковой Мессиады, но примѣръ его въ первое время не нашелъ послѣдователей. Съ семилѣтней войны сербскихъ книгъ стало появляться меньше и меньше.

Положеніе Нижнихъ Лужичанъ было еще печальнѣе. Они лишены были даже и тайныхъ средствъ, какія были у нихъ сосѣдей. Со времени Богумила Фабриція до 1740 по нижне-лужицки напечатаны были только двѣ-три книжки: прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I не терпѣлъ Лужичанъ и принималъ даже насильственные мѣры для истребленія народности, — у Сербовъ, принадлежавшихъ Пруссіи, лужицкій языкъ изгонялся изъ школъ и даже изъ церкви. Дѣло мало поправилось и послѣ, по смерти прусскаго короля: книжки печатались рѣдко, да и тѣ, какія писались напр. Вилла (1736—1771), ограничивались катихизисомъ и нѣкоторыми переводами изъ св. писанія. Послѣ названнаго нами Гауптмана, составившаго сборникъ духовныхъ нѣсенъ и написавшаго по нѣмецки нижне-лужицкую грамматику, на этожъ нарѣчїи писали братья Фрицы, оба священники. Старшій изъ нихъ, Помагай-Богъ Кристиянъ Фрицъ, издалъ лютеранскій катихизисъ и нѣсколько другихъ поучительныхъ книжекъ; другой, Янъ Фридрихъ, докончилъ, какъ мы выше замѣтили, Фабриціевы переводы св. Писанія, и въ своемъ трудѣ, кромя религіозной нѣли, достигъ значительнаго совершенства книжнаго языка... Но тѣмъ все почти и ограничивалось, и если Верхніе Лужичане, имѣвшіе больше средствъ защищать свою народность, терпѣли отъ германизации, то у Нижнихъ она дѣйствовала несравненно сильнѣе: въ теченіи послѣдняго столѣтія (1750—1850) оцѣмчилось до пятидесяти церковныхъ приходовъ.

Съ наполеоновскими войнами положеніе сербо-лужицкаго народа снова становится крайне затруднительнымъ: страна была опустошена и триумфъ Нѣмцевъ послѣ войны «за освобожденіе» еще болѣе подавлялъ лужицкую народность: образованные Сербы отказывались отъ нея и дѣлались Нѣмцами; народъ былъ совершенно оставленъ, такъ что ему уже грозилъ повидимому окончательное уничтоженіе. Проповѣдническія общества закрылись снова, и вяттенбергское уже не возобновлялось... Но именно съ этого вре-

мени, дававшего такъ мало надеждъ, и начинается такое развитіе сербской народности, какого она еще никогда не имѣла до тѣхъ поръ. Она принимаетъ въ цѣлому славянскому возрожденію, которое сообщило ей известную нравственную самостоятельность и дало возможность новыхъ патриотическихъ усилій. Первымъ представителемъ этого возрожденія у Лужичанъ былъ почтенный будишинскій пасторъ, Андрей Любенскій (1790—1840). Будучи еще студентомъ въ Лейпцигѣ, Любенскій возстановилъ проповѣдническое общество и старался вывести своихъ товарищей изъ прежней гоимлетической рутинны, указывая имъ, хотя еще не вполне сознательно, на интересы народности: онъ объяснялъ имъ, что презираемый «вендскій» языкъ принадлежитъ къ великому славянскому цѣлому, и приготавливалъ свое общество къ знакомству съ панславянскими теоріями народности. Начало было трудно, и Любенскій часто терялъ надежду на возможность возрожденія, считалъ свое время послѣднимъ часомъ лужицкаго народа, но не переставалъ работать, писалъ и печаталъ книжки религіознаго и нравственнаго содержанія, стихотворенія и духовныя пѣсни, историческіе рассказы и т. п., занимался лужицкой исторіей и этнографіей, собралъ большіе матеріалы для верхне-лужицкой грамматики и словаря. Защиту сербской народности раздѣлялъ съ нимъ его товарищъ и другъ, д-ръ Адольфъ Клинъ (+1855), писавшій больше по нѣмецки и стоявшій ревностно за народныя права сербскаго населенія. Его заступничеству на саксонскомъ сеймѣ 1833—34 Лужичане обязаны сохраненіемъ народнаго языка въ школахъ, что было для нихъ важной побѣдой. Вслѣдъ за тѣмъ является новое «новолѣніе лужицкихъ патриотовъ и писателей, уже окончательно присоединившихся къ панславянскому возрожденію. Андрей Зейлеръ, впоследствии евангелическій пасторъ, возобновилъ снова, послѣ Любенскаго, лейпцигское общество подъ именемъ «Сорабинъ» и горячо проповѣдовалъ о служеніи своей народности. Въ 1826 онъ познакомился въ Лейпцигѣ съ Палацкимъ и сербомъ Милутиновичемъ, и ихъ вліяніе еще больше развило его собственныя стремленія. Еще въ университетѣ онъ задумалъ издавать рукописную газету, въ которой собирались труды устроеннаго имъ общества и его собственныя поэтическія попытки; газета имѣла большой успѣхъ и ея переписанные экземпляры ходили по всему лужицкому краю. Какъ поэтъ, Зейлеръ до сихъ поръ остается во главѣ сербо-лужицкой литературы: многія его пѣсни давно сдѣлались народными.

Нѣсколько поздиѣ Зейлера началъ свои труды замѣчательнѣйшій и популярнѣйшій изъ всѣхъ представителей лужицкаго возрожденія, сынъ сельскаго учителя въ деревнѣ Лазѣ, — Янъ Эрнестъ Смогеръ (по нѣмецки Schmalzer, род. 1817). Еще будучи только четырнадцати лѣтъ, ученикомъ будишинской гимназій, Смогеръ началъ пропагандировать между своими земляками въ гимназій лужицкій языкъ, который они забывали для нѣмецкаго: свои вакаціи проводилъ онъ постоянно въ странствованіи по лужицкому краю, изучалъ вполне народный бытъ, обычаи и старину, обожалъ

нюю лужицкую землю и первый узналъ, до которых мѣсть идутъ сербскія поселенія и означилъ на картѣ ихъ границу. Въ 1836 Смолеръ вступилъ въ богословскій евангелическій факультетъ въ бреславскомъ университетѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нѣмцемъ Рёслеромъ (впоследствии извѣстнымъ профессоромъ въ Геттингенѣ) и другими студентами изъ Лужицанъ и Нѣмцевъ, основалъ ученое общество, цѣлью котораго было изученіе славянскон и нѣмецкой старины въ Лузаціи. Въ Бреславлѣ Смолеръ имѣлъ счастливый случай расширить свои славянскія знанія и ревностъ знакомствомъ съ знаменитымъ физиологомъ и чешскимъ патриотомъ Пуркинье и поэтомъ Чельковскимъ, получившимъ тогда въ Бреславлѣ кафедру славянскихъ нарѣчій. Въ 1839 лужицкая молодежь открыла новое ученое общество при будишинской гимназіи (*Societas slavica Budessina*), главнымъ начивителемъ котораго былъ ревностный лужицкій патриотъ Мусанъ-Клосопольскій (по дѣм. *Mossig von Aegenfeld*). Посѣщеніе Штура и посланіе Кёллара поддержали патриотическіе порывы сербской молодежи: Между тѣмъ Смолеръ продолжалъ свое изученіе лужицкой народности, и уже въ 1842 г. могъ приготовить вмѣстѣ съ Гаунтомъ, секретаремъ егорльскаго (герлицкаго) ученаго общества, изданіе верхне и ниже-лужицкихъ народныхъ пѣсень, исполненное со всѣми требованіями ученаго аппарата ⁶⁾. Это изданіе и прешніи славянскія связи лужицкихъ патриотовъ привлекли на лужицкихъ Сербовъ вниманіе славянскон литературы и они заняли свое мѣсто въ славянскомъ возрожденіи. Смолеръ обратился теперь къ другой задачѣ своей дѣятельности—распространить національное сознаніе въ самой народной массѣ; нужно было дать ей чтеніе и извѣстныя средства образованія.

За эту мысль взялся еще въ 1842 г. Іорданъ, воспитанникъ пражской семинаріи, лужицкій патриотъ и, по своимъ *Slawische Jahrbücher* и другимъ ученымъ и публицистическимъ работамъ, извѣстный какъ писатель и журналистъ панславизма. Но маленький журналъ, затѣянный Іорданомъ, «*Jutnička*» (Заря), не имѣлъ успѣха и изданіе взялъ на себя Смолеръ, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и упомянутымъ Зейлеромъ. Новая газета, «*Tudzen'ska Novina*» (Еженедѣльная газета), пошла лучше и въ первый разъ дала чтеніе сельскому населенію, на вкусы котораго была разсчитана. Съ этого времени лужицкая литература обезпечила себѣ вѣрный, хотя и немногочисленный кружокъ читателей. Добывши себѣ журналъ, лужицкіе патриоты задумали основать и *Матицу*, на подобіе другихъ славянскихъ учреждений того же имени. Матица была дѣйствительно устроена и въ 1847 утверждена саксонскимъ правительствомъ. Съ слѣдующаго года началъ выходить «*Часопись*», журналъ Матицы, посвященный изученію серболужицкой исторіи, этнографіи и проч.; въ немъ появились имена новыхъ ревнителей народности, продолжающихъ дѣло, начатое Зейлеромъ и Смоле-

⁶⁾ *Pjesnički Hornych a Delnych Lužiskich Serbow*, wudate wot L. Nawpta a J. E. Smolcraja. Grymi 1842—43, 2 части 4°.

ромъ. Таковы — Вельянъ, филологъ и поэтъ д-ръ Пфуль. Іенчъ, Ростокъ и др. Другая задача Матицы состояла въ издачіи полезныхъ книгъ, преимущественно для народнаго чтенія. Въ числѣ ихъ была издана весьма подробная статистика Верхнихъ сербскихъ Лужицъ, составленная Якубомъ, въ послѣднее время верне-лужицкій словарь Пфуля.

Всѣ эти труды и предпріятія сербскихъ патриотовъ нашли большое сочувствіе въ народной массѣ, которая на національныхъ сербскихъ концертахъ, въ публичныхъ собраніяхъ Матицы, въ первый разъ видѣла открытое заявленіе своей народности. Люди стараго поколѣнія, не видѣвшіе прежде ничего подобнаго, присоединялись къ молодому поколѣнію, и какъ ни были скромны средства бѣднаго лужицкаго населенія, предпріятія патриотовъ имѣли успѣхъ, относительно обширный. Въ этомъ настроеніи засталъ лужицкихъ Сербовъ 1848 годъ. Всеобщее потрясеніе такъ или иначе должно было увлечь и Сербовъ. Съ одной стороны тянуло ихъ къ себѣ національное движеніе австрійскаго славинства у Чеховъ, Кроатовъ, Словаковъ и т. д.; съ другой на нихъ тяготѣли стремленія нѣмецкихъ демократовъ, отрицавшія ихъ народность, но вылавывшія къ общественной и политической реформѣ. Предводители Сербовъ соображали, что ихъ маленькому народу не предстояло никакой роли ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, и поставили дѣло такъ, что въ результатѣ сербская народность осталась въ политическихъ смуть и выиграла. Общество «Матицы», единственное общественное учрежденіе Лужичанъ, воспользовалось событіями и составило петицію, собравшую множество подписей, о томъ, чтобы сербскій языкъ получалъ въ лужицкомъ краю тѣ же права, какія имѣетъ нѣмецкій, именно въ школѣ, въ церкви, передъ властями и передъ судомъ. Сербская депутація обратилась съ своей петиціей не въ палату, а къ министерству и королю; власти, забытыя и пренебрегаемыя страной, были польщены преданностью Сербовъ; въ дрезденскихъ событіяхъ только сербскій полкъ остался вѣренъ королю, — и потому усердіе лужицкаго народа не было забыто. По возстановленіи порядка саксонское правительство удовлетворило лужицкой петиціи и дало лужицкому языку право — въ народной школѣ, въ церкви и въ судѣ. Точно также держались сербскіе политики и въ спорахъ феодаловъ съ городскими демократами, и принявъ сторону первыхъ опять поддержали свой частный интересъ и значительно поправили матеріальное положеніе сельскаго населенія Лужичанъ.

Официальное признаніе сербо-лужицкой народности въ королевствѣ, вниманіе къ ней членовъ королевскаго семейства, ревность сербскихъ предводителей дали совершенно новую физіономію этой, прежде забытой и презираемой народности. Она явилась открыто на общественную сцену; сербская книга стала необходимостью для сельскаго жителя; нравственное освобожденіе отъ гнетущаго ига скоро отразилось на улучшеніи матеріальнаго быта — деревни богатѣли, и Лужичане становились лучшими сельскими хозяевами края; цѣнность земли въ короткое время увеличилась въ

несколько раз. Смерть съ 1851 сталъ официальнымъ преподавателемъ сербскаго языка при будишинской гимназiи. Его газета уже въ первые годы послѣ 1849 имѣла до 1200 подписчиковъ, что составляетъ весьма значительную цифру при 90.000 всего верхне-лужицкаго населенiя.

Описанный нами переворотъ въ судьбѣ сербской народности происходилъ въ средѣ однихъ Верхнихъ Лужичанъ, въ Саксонiи. Часть Верхнихъ Лужичанъ, принадлежавшая Пруссiи, хотя и не имѣетъ официальныхъ выгодъ, приобретенныхъ земляками ихъ въ Саксонiи, тѣмъ не менѣе участвовала въ ихъ успѣхахъ, раздѣляя съ ними интересы народнаго образованiя. Будишинъ оставался и для нихъ нравственнымъ центромъ, въ которому они тяготѣли. Не то было у Нижнихъ Лужичанъ. Мы видѣли, что и прежде положенiе ихъ было гораздо хуже; забывая свое родство съ верхне-лужицкими сосѣдями, на которыхъ они могли бы нѣсколько опираться, не имѣя силы сопротивляться сильно наступавшей германизации, они уже давно пришли въ такое состоянiе, которое не обѣщало имъ будущаго. Еще въ недавнее время цѣлые приходы обѣмечивались; сельское населенiе, не находя подпоры въ образованномъ классѣ, мало по малу забывало языкъ и старыя обычаи и равнодушно смотрѣло на постоянное паденiе своей народности и уменьшенiе ея численности. Книги были рѣдки, верхне-лужицкiя изданiя не находили здѣсь читателей, потому что народъ чуждался ихъ, хотя бы и могъ ихъ понимать. Нѣсколько людей, писавшихъ по ниже-лужицки, какъ пасторы Шиндлеръ, издатель Новаго Завѣта, Цваръ, составитель ниже-лужицкаго словаря, Броншъ, Штемцель, потомъ Панкъ, Новка, Леманъ и др. не могли возбудить ниже-лужицкой народности, какъ это удалось у Верхнихъ Лужичанъ. Въ 1849 феодальная партiя вздумала издавать для Нижнихъ Лужичанъ журналъ «Gramborski Serbski Casnik» (бранденбургскiй — какъ отличаютъ себя прусскiе Лужичане — сербскiй журналъ), чтобы предохранить народъ отъ демократическихъ влiянiй, и хотя журналъ издавался плохо, потому что редакторы плохо знали языкъ и вкусы народа, но по крайней мѣрѣ онъ открылъ дорогу. Другiе начали издавать популярныя книжки для народа; въ 1849 году при гимназiи въ Котбусѣ основалось такое же общество патриотической молодежи, какъ въ Будишинѣ; въ 1857 введено при названной гимназiи преподаванiе лужицкаго языка....

Исторiя возрожденiя лужицкой народности представляетъ вообще одинъ изъ самыхъ удивительныхъ примѣровъ славянскаго движенiя. Этому маленькому племени, составлявшему исключительно низшiй классъ общества, лишенному всякихъ матеріальныхъ средствъ, издавна грозила совершенная германизация. — но при всемъ томъ общiй потокъ національнаго движенiя вынесъ и эту маленькую народность. Она всплыла снова наверхъ, съ попытками на независимую литературу, даже на двѣ, и какъ мы видѣли, въ короткое время успѣла достигнуть своей цѣли: литература укрѣпилась народнымъ сочувствiемъ и повидимому установилась прочно и вѣрно. Но

на этих же Лужичанах всего явше видна и обратная сторона дѣла: легко видѣть, что эта литература осуждена остаться элементарной, ограничиваться книжками для первоначальнаго обученія и для простонароднаго чтенія. Матеріальный объемъ этой литературы не допускаетъ возможности болѣе сильнаго развитія: ея научныя стремленія подавляются сосѣдствомъ нѣмецкой книги; ея поэзія стѣснена узкими предѣлами народности, для которой бы она предназначалась; наконецъ, книга, выходящая за уровень элементарной и простонародной, не имѣетъ матеріальной возможности существованія, — ее некому покупать. Высшее образованіе и болѣе широкая поэзія предоставляются по необходимости чужому языку — будетъ ли это нѣмецкій или другое, болѣе сильное славянское нарѣчіе. Литература обусловливается слѣдовательно элементарностью народнаго образованія; другими словами, въ такихъ условіяхъ славянскія народныя литературы были бы не въ состояніи подвигать впередъ цивилизаціи, чего надѣялся отъ нихъ наввно увлекавшійся панславизмъ. Лучшее дѣло этихъ мелкихъ литературъ то, что онѣ сколько нибудь проводятъ въ народъ пріобрѣтенныя другими знанія и результаты: возбужденіе болѣе широкихъ потребностей образованія будетъ и предѣломъ этой литературы, потому что за этимъ предѣломъ она не въ состояніи будетъ выдержать культурнаго соперничества другихъ націй.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Процессъ развитія польскихъ языка, литературы и государства весьма сложенъ; подкладка польской народности славянская, но славянская стигма не представляетъ ничего опредѣленного, выработаннаго, играетъ роль пассивную, подчиняется множеству внѣшнихъ вліяній, усваиваетъ заимствованное съ удивительною воспримчивостію и требуетъ весьма долгаго времени на такую его переработку, въ которой-бы усвоенныя извнѣ формы выполнились вполнѣ народнымъ содержаніемъ. — Вопросъ о происхожденіи польскаго государства весьма теменъ и сложенъ ¹⁾. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Шайнохи въ среду drobныхъ, невоинственныхъ, занимающихся земледѣліемъ племенъ славянскихъ, разсыпанныхъ по теченію Эльбы, Одера и

¹⁾ См. по географіи: Michał Baliński i Tymoteusz Lipiński, Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana. Warszawa. 1850. 3 тому.

— По исторіи: Adam Naruszewicz, Historia narodu polskiego, tomow 7 (доведена до Ягеллоновъ); — X. Teodor Waga, Historia książąt i królów polskich tom 1 wydany z przypiskami Lelewela. 1822; — Jerzy Samuel Bandtkie, Dzieje królestwa polskiego, tomow 2; — Joachim Lelewel: Dzieje polski opowiedziane synowcom. 1829. Warszawa; Polska wieków średnich tomow 4 i wstępny 1845 — 1853 w Poznaniu i Żupańskiego; Polska, dzieje jęj i rzeczy, tomow 7, 1855 — 1858 w Poznaniu i Żupańskiego; — Jędrzej Moraczewski, Dzieje Rzeczypospolitej polskiej (доведены до 1668 года) tomow 9. Poznań 1852—1855; — Henryk Schmitt, Rys dziejow narodu polskiego od najdawniejszych czasow znanych do r. 1763. Lwow 1854... (не кончено, вышли 3 тома); — W. Koronowicz (Wróblewski), Słowo dziejow polskich. Lipsk 1858—1860. 3 тому; — Józef Szujski, Dzieje Polski podług ostatnich badań, Lwów 1862... (не кончено; началъ томъ 3-й); — Richard Roeppe, Geschichte Polens 1 Bd. 1840 (доведена до начала 14 столѣтія); — Jacob Caro, Geschichte Polens (упо. должно труда Ренпеля, 1300—1886). Gotha 1863.

— Словари и грамматики: Samuel Bogumił de Linde, Słownik języka polskiego. 1807—1814, 6 томов; второе изданіе Lwow 1854—1862; — Starożytności polskie, 2 тому. Poznań. 1846; — Józef Mroziński, Pierwsze zasady grammatyki języka polskiego. 1822. Warszawa; — Józef Muczkowski, Grammatyka języka polskiego. Poznań 1825; — Antoni Małeckci, Grammatyka języka polskiego. Lwów 1864.

— Исторія литературы въ общихъ изслѣдованіяхъ: Lesław Łukaszewicz, Rys piśmiennictwa polskiego. 1836; — Michał Wiszniewski, Historia literatury polskiej, tomow 7. Krakow 1840—1845; — Adam Mickiewicz, Cours de littérature lave professé au Collège de France. Paris. 1840—1845. 5 vol.; — Ludwik Kondra-

Вислы, внесены были первые зачатки общественной организации норманскими (лишскими) дружинами, господствовавшими начиная съ 6 столѣтія послѣ Р. X. отъ Балтійскаго моря до Карпатъ. Въ теченіи времени пришельцы ославянились, вслѣдствіе чего и совершился въ 9 вѣкѣ переворотъ, доставившій княжескую власть славянской, кметей династіи Пястовъ. — Изъ сказаній о Лешкахъ, Кракусахъ, Попеляхъ могъ-бы составиться эпосъ народный, если-бы вся языческая старина не была закрыта, подавлена и стерта вслѣдствіе принятія христіанской религіи и наступательнаго движенія на востокъ германизма, которое поставило польскихъ государей на нѣкоторое время въ ленную зависимость отъ германо-римскихъ императоровъ. Германизмъ грозилъ западнымъ Славянамъ совершеннымъ истребленіемъ и поглощеніемъ и имѣлъ видъ вооруженнаго миссіонерства, огнемъ и мечемъ обращавшаго Славянъ въ одно и тоже время въ христіанство и въ подданство императору и Нѣмцамъ. Отъ нависшей страшнѣйшей опасности спаслась Польша тѣмъ, что добровольно приняла въ 966 году христіанство по обряду римско-католическому, не отъ Нѣмцевъ, но отъ соплеменниковъ своихъ Чеховъ. Христіанство проникало къ западнымъ Славянамъ и изъ Византіи и изъ Рима, но римское католичество одержало верхъ надъ восточнымъ, распространилось быстро и укоренилось глубоко, сдѣлавшись одною изъ главныхъ основъ народной жизни по слѣдующимъ причинамъ: по существу своему оно было вполне космополитическое, слѣдовательно весьма хорошо уживалось со всевозможными народностями, не мѣшая своеобразному ихъ развитію; латинскій языкъ, который употребляла эта религія, и проповѣдывающее ее духовенство явились проводниками и распространителями античной классической культуры; наконецъ подчиняясь главенству папы римскаго, народность польская нашла въ духовной власти папы надежную точку опоры для отраженія направленныхъ противъ нея посягательствъ со стороны свѣтской власти германо-римскаго императора. Принявъ крещеніе Польша преобразуется въ военную монархію и развиваетъ огромную силу въ борьбѣ своей съ Нѣмцами за независимость, которой отголосокъ слышится до сихъ поръ въ народной пословицѣ: *jak świat światem, nie będzie Polak Niemcowi bratem.* Среди этой борьбы погибли племена славянскія между Одромъ и Эльбою,

łowicz (Syrokomla), Dzieje literatury w Pol.-ce. 2 tomu 1850—1852 (не куплено); — Wacław Aleksander Maciejowski, Pismienictwo polskie (доведено до 1650 года) 3 тому. Warszawa 1851—1852. — Kazimierz Władysław Wojciecki, Historia literatury polskiej w zagryzach. 2 wyd. Warszawa 1859—1860. 3 тому; — Julian Barto-zewicz, Historia literatury polskiej potoczny sposobem opowiedziana Warszawa 1861. — Съ 1855 года Kazimierz Jozef Turkowski сталъ издавать новыми изданіями польскихъ классиковъ подъ общимъ заглавіемъ: „Biblioteka polska“. Эта Библиотека печаталась сначала въ Салокѣ (въ Галиціи), потомъ въ Краковѣ, и выходитъ отдельными выпусками, которыхъ насчитывается теперь до полутора.

— Сборники народныхъ пѣсенъ: польскія народные пѣсни нашли собирателей только въ послѣдніи тридцать пять лѣтъ, начиная съ галиційскаго писателя Забелкаго, который подъ псевдонимомъ Wacław z Olęska издалъ сборникъ пѣсенъ въ 1832 г. Особенно замѣчательны сборники Войцискаго, Чехота, Жеготы Пауля, О. Кольберга. Послѣдній (въ „Pieśni ludu polskiego“, Warszawa 1857) представлялъ и множество напѣвовъ.

не хотѣвшія покинуть язычества, отмѣчены Силезія и Балтійское Поморье, въ самую сердцевину славянства загнанъ клянъ поступленіемъ Пруссіи во владѣніе ордена тевтонскихъ крестоносцевъ, наконецъ аванпостами нѣмецкой народности явились города, основанные большею частію у всѣхъ почти западныхъ Славянъ нѣмцами выходцами. Народности польской удалось однако создать прочное государство, освободиться отъ всякаго подчиненія имперіи, омолодить городское свое населеніе, распространить далеко свое вліяніе на русскій востокъ, изнемогавшій подъ татарскимъ игомъ, соединить судьбу Польши съ судьбою Великаго Княжества Литовскаго возведеніемъ на польскій престолъ въ 1386 году литовской династіи Ягеллоновъ и совокупными силами Польши и Литвы нанести рѣшительный ударъ тевтонскому ордену на побойцѣ гринвальдскомъ въ 1410 году. Отстоявъ свою политическую самостоятельность, польская народность не подчинилась германизму и въ умственномъ отношеніи; она не увлеклась крестовыми походами, она не усвоила себѣ ни феодальной системы, ни рыцарства съ его культомъ чести личной, она выработала почти исключительно на античныхъ, и преимущественно на латинскихъ образцахъ, литературу, въ которой нѣтъ никакихъ почти слѣдовъ романтизма, порывовъ къ веземному, исканія сверхъестественнаго. Вся эта литература отличается чувствомъ довольства, спокойнымъ настроеніемъ, положительнымъ направленіемъ, своею гражданственностью, своими патріотическими мотивами. Подобно римской вся эта литература носитъ на себѣ характеръ политическій и вращается вокругъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ; подобно римской она служитъ главнымъ образомъ выраженіемъ жизни одного только сословія, принимающаго непосредственное участіе въ общественной дѣятельности; проникнутая духомъ гражданской свободы и идеєю личности, она остается все таки *шляхетскою*. Высшей точки своего развитія эта литература достигаетъ въ 16-мъ столѣтіи въ такъ называемый золотой періодъ (Сигизмундовъ, когда при послѣднихъ государяхъ изъ дома Ягеллоновъ шляхтѣ удалось достигнуть преобладанія, превратить наследственный престолъ королей въ избирательный, въ родъ федеративной республики, имѣющей во главѣ весьма ограниченнаго въ правахъ своихъ монарха, включить въ составъ этой республики и соединить съ нею прочными связями уніи нединастической только, но реальной, многія земли прусскія, литовскія и русскія.

Первый толчекъ развитію богатой литературы періода Сигизмундова дала реформація. Изъ Богеміи проникло въ 14-мъ столѣтіи ученіе Гуса, изъ Германіи протестантизмъ; чтобы привлечь на свою сторону массы, эти ученія заговорили языкомъ общепонятнымъ, народнымъ, и заставили само духовенство римско-католическое оставить латынь и сражаться съ ними орудіемъ народнаго слова. Протестантизмъ распространился тѣмъ съ большею быстротою между шляхтою, что онъ совпадалъ и согласовался съ развившеюся въ шляхтѣ наклонностью къ расширенію политическихъ свободъ; въ другіимъ приобретаемымъ свободамъ шляхта рада была прибави

боду вѣроисповѣданія. Въ то время когда во всей западной Европѣ являлась брешь изъ-за вѣры, въ одной Польшѣ религиозная пропаганда совершалась безпрепятственно въ 16-мъ столѣтїи, плодились и размножались до безконечности религиозныя секты. Въ живой, воспримчивой природѣ славянской вообще замѣтна неспособность къ мѣрному и постепенному развитію, къ строгому разграничиванію сферъ человѣческой дѣятельности, къ остановкамъ на полъ-дорогѣ въ извѣстномъ направленіи, напротивъ видна склонность къ немедленному практическому примѣненію къ дѣлу отвлеченныхъ идей. Этими свойствами славяно-польскаго характера объясняется то, что протестантизмъ шляхетскій въ Польшѣ, не остановившись ни на лютеранизмѣ, ни на кальвинизмѣ, дошелъ до арианства, и склонялся къ отрицанію всякихъ вообще религиозныхъ догматовъ, а въ области политики подкапывался подъ двѣ коренныя основы общественнаго быта Польши: подъ власть королевскую, которой окончательно связаны были руки и подъ авторитетъ церкви и юрисдикцію духовныхъ судовъ. Крайности протестантизма вызвали въ народѣ реакцію, которая и обнаружила, какъ поверхностно было протестантское движеніе и какъ мало ему сочувствовали народныя массы. Органомъ реакціи является орденъ іезуитовъ, который успѣлъ въ очень скоромъ времени распространиться, завладѣть всѣми почти заведеніями народнаго просвѣщенія и послѣдовательно воспитать нѣсколько поколеній въ духѣ фанатизма и религиозной нетерпимости, столь несвойственной, до того времени, народному характеру. Іезуиты восторжествовали надъ протестантизмомъ, но въ ихъ рукахъ изсякъ родникъ народной поэзіи и творчества; порча вкуса выразилась въ безобразной напыщенной литературѣ макаронической 17-го и первой половины 18-го вѣка. Въ тѣхъ же видахъ узкой сектаторской пропаганды орденъ сталъ дѣйствовать и на церковь греко-восточную, съ цѣлью привести ее въ подчиненіе папѣ, чего орденъ и достигъ отчасти посредствомъ уніи брестской 1596 года. Плоды религиозныхъ гоненій были горькіе: сближеніе протестантовъ съ православными для общей защиты, козацкія войны, вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннее устройство Польши подъ видомъ защиты своихъ единовѣрцевъ, измененіе государственнаго организма, наконецъ потеря самобытности политической. Паденіемъ своимъ польское государство столько же обязано умственному застою, въ который общество погрузилось подъ вліяніемъ убаюкавшихъ его ко сну іезуитовъ, сколько и политическому консерватизму шляхты, которая, достигнувъ полнаго господства въ государствѣ, отдѣлилась все болѣе и болѣе отъ остальныхъ слоевъ народонаселенія, превращалась въ касту, забывая о потребностяхъ народныхъ массъ, и совершеннымъ ослабленіемъ королевской власти лишила эту власть возможности содѣйствовать благосостоянію низшихъ рабочихъ классовъ и призвать своимъ начинаніемъ ищущае и крестьянство къ общественной дѣятельности. Сознаніе этихъ коренныхъ недостатковъ польской конституціи явилось въ обществѣ во второй половинѣ 18-го столѣтія. Обра-

зованный, умный, но слабый характеромъ послѣдній изъ польскихъ государей, Станиславъ Августъ Понятовскій, хотѣлъ помочь Польшѣ и противо-дѣйствовать злу распространеніемъ просвѣщенія. преобразованиемъ на широкихъ основаніяхъ системы народнаго просвѣщенія, исправленіемъ вкуса, покровительствомъ литераторамъ и артистамъ. Вокругъ короля мецената собралась цѣлая плеяда замѣчательныхъ талантовъ, языкъ очистился и сдѣлался проще, начался новый періодъ развитія для литературы. При всемъ своемъ блескѣ и изяществѣ формы эта литература есть ничто иное какъ чистѣйшее подражаніе французской литературѣ «освобожденія». Въ ней связать тотъ же ѣдкій рационализмъ, та же поверхностная критика, осмѣивающая преданія, презрительно и свысока относящаяся къ исторіи. Въ своихъ политическихъ стремленіяхъ передовые люди реформы не шли дальше буржуазнаго либерализма, то есть признанія за крестьянствомъ личной свободы, призванія мѣщанства къ участию въ представительномъ правленіи, и превращенія королевской власти изъ избирательной въ наследственную. Попытки реформы не могли быть проведены, потому что онѣ были чистымъ подражаніемъ иностранному и шли въ разрѣзъ со всею исторіею народа, съ самыми жизненными его преданіями и что мѣщанскій идеалъ умѣренно-либеральнаго общественнаго устройства былъ слишкомъ узокъ для народа, въ составѣ коего небыло почти мѣщанскихъ элементовъ, а дворянство коего имѣло о гражданской свободѣ гораздо болѣе высокія понятія нежели многія современные общества западно европейскія, за исключеніемъ Англіи. Разслабленный политическій организмъ не вынесъ работы внутренняго преобразования, конституція 3 мая 1791 сдѣлалась духовнымъ завѣщаніемъ падающаго государства. Въ кровавой драмѣ раздѣловъ Польши рухнула окончательно средневѣковыя формы весьма свободной, но исключительно шляхетской Рѣчи Посполитой.

Подъ развалинами государства уцѣлѣла народность, которая стала возрождаться къ новой жизни и при самыхъ неблагоприятныхъ для нея обстоятельствахъ явила замѣчательные примѣры необыкновенной своей силы и живучести. Единственнымъ почти органомъ ея послѣ потери самостоятельности политической и національныхъ учрежденій является литература. Эта литература, отдѣлвшись отъ французскаго псевдо-классицизма и познакомившись съ западно-европейскимъ ново-романтизмомъ, поставила себя задачею связать разорванныя нити народныхъ преданій, при совершенно новыхъ внѣшнихъ условіяхъ быта и при сознанной невозможности какихъ бы то ни было аристократическихъ привилегій, которыя бы обезпечивали искусственнымъ образомъ преобладаніе одному классу общества надъ остальными. Эту литературу можно упрекнуть въ томъ, что она задавалась иногда несбыточными мечтаніями, потому что въ самомъ дѣлѣ она занималась болѣе прошедшимъ и будущимъ, нежели настоящимъ, что она обнаруживала тенденцію слишкомъ исключительно политическія и слишкомъ мало вниманія обращала на социальную сторону поднимаемыхъ ею вопросовъ. При

всѣхъ своихъ увлеченіяхъ и недостаткахъ, эта литература, замѣчательно богатая, есть самая оригинальная, можетъ быть, между славянскими; она несравненно своеобразнѣе и національнѣе и литературы періода Сигизмундовъ, подражавшей древнимъ классикамъ, и литературы времени короля Понятовскаго, подражавшей Французамъ, тѣмъ болѣе что опустившись до простаго народа, она черпала свое содержаніе въ богатой сокровищницѣ народнаго быта, народныхъ повѣрій, и тщательно изучала особенности мѣстныхъ, провинціальныя. Этотъ новый періодъ литературы польской въ 19-мъ столѣтіи можно назвать по двумъ главнымъ дѣятелямъ, съ которыхъ начинается ея возрожденіе, періодомъ Мицкевича и Делеведа.

1. ПЕРІОДЪ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО 16-ГО СТОЛѢТІЯ.

Въ эпоху принятія христіанской религіи племени славянскія, изъ которыхъ составился польскій народъ, стояли на весьма низкой степени умственнаго развитія, безъ письменности, съ весьма бѣдною системою мифологій, которая не шла дальше натурализма и чуждалась, по свидѣтельству современнаго Болеславу Храброму епископа мерзебургскаго Дитмара, всякихъ представленій о жизни загробной. Польша не можетъ представлять не только никакого эпоса, подходящаго къ Слову о полку Игоря или къ рапсодіямъ Кракедворской рукописи, но и никакого вообще литературнаго памятника, который бы черпалъ свое содержаніе изъ міросозерцанія языческаго и имѣлъ прямую связь со старинною языческою. Бѣдная поэзія народная жила устнымъ преданіемъ въ пѣсни и сказкѣ. Вслѣдствіе принятія христіанства по обряду римско-католическому народная почва покрыта была толстымъ слоемъ наносной латинской культуры, которой расадниками явились школы основываемыя духовенствомъ. Первые школы были монастырскія, основанныя древнѣйшимъ орденомъ св. Бенедикта и другими орденами; потомъ появились школы кафедральныя и приходскія. Въ школахъ этихъ знанія преподаваемы были по системѣ *trivii* и *quadriivii*. сверхъ римской церковной литературы изучаемы были классическіе римскіе поэты и историки, школы дѣлились на высшія и низшія, высшими считались соборная въ Познани (*Kollegium Lubraŋskiego*, основ. 1516) и церкви св. Маріи въ Краковѣ. Любопытныя дополняли свое образованіе посредствомъ путешествій и посѣщенія университетовъ иностранныхъ, напр. парижскаго. Когда послѣ ушибовъ періода удѣловъ Владиславу Локтику удалось собрать опять въ сильныхъ рукахъ разрозненныя части державы Болеслава Храбраго, тогда сознала была польскими королями потребность украсить свое царство основаніемъ въ Краковѣ университета. Сынъ Локтика Казиміръ Великій пытался создать такой университетъ, открывъ въ 1364 г. въ селѣ Баволь (нынѣ предмѣстье Кракова Казиміръжъ) *studium generale* изъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и философскаго. Впрочемъ попытки эти неудались. профессоровъ не доставало, преподаваніе шло безуспѣшно, наконецъ при преемникѣ Казиміра, королѣ польскомъ и венгерскомъ Лонсѣ,

это учреждение приняло въ совершенное разстройство и упадокъ, вслѣдствіе чего польская молодежь стала толпами посѣщать университетъ пражскій въ Чехіи. Настоящими основателями краковскаго университета (академіи) были королева Ядвига и Владиславъ Ягелло. По ходатайству Ядвиги папа Бенедикцій IX развѣшилъ предполагаемому къ восстановленію заведенію имѣть смертъ трехъ прежнихъ факультетовъ четвертый, богословскій. Университетъ пражскій открытъ былъ торжественно Ягеллою въ 1400 году. Канцлеромъ его положено быть ex officio епископу краковскому; эта зависимость отъ краковского владыки и преобладаніе богословскаго факультета надъ остальными сдѣлала изъ краковской академіи учрежденіе преимущественно религіозное, дочь церкви, подпору схоластики. Этому направленію академія осталась вѣрна до самаго паденія Польши. Краткій періодъ ея процвѣтанія совпадаетъ съ царствованіемъ династіи ягеллонской; тогда она произвела знаменитаго мыслителя Григорія изъ Санока (+1477), Яна Глоговчика, изобрѣтателя френологіи (+1507), Николая Коперника (1473 — 1543), историка Яна Длугоша. Пока волновалъ тогда умы религіозный вопросъ стоялъ только на томъ, чтобы внутри церкви произвести реформу, исправить ея іерархію и преобразовать распущенные нравы, краковская академія сочувствовала этому движенію, поддерживала литературныя связи съ пражскимъ университетомъ, внимала порою проповѣди гусситской и содѣйствовала немало быстрому распространенію гусситскихъ ученій. Но когда явился протестантизмъ и произвелъ рѣшительный расколъ, окончательно отщенившись отъ церкви, тогда академія отшатнулась отъ него, заключилась въ самый узкій ортодоксальный консерватизмъ, имѣвшій послѣдствіемъ совершенный упадокъ прежняго ея значенія. Профессора занимались кропаніемъ шмохихъ книжонокъ, богословскими диспутатами, астрологією; въ академіи царил плохая церковная латынь и затхлая схоластика. Народъ сдѣлался равнодушенъ къ учрежденію омертвѣвшему. Точно въ такой же упадокъ стали приходить и подвѣдомственныя краковской академіи низшія школы, основанныя и управляемыя ею по всему государству, числомъ до 40. Она не въ состояніи была бороться успѣшно съ протестантизмомъ; когда же выполнить эту задачу взялись іезуиты и стали основывать вездѣ свои коллегіи, тогда академія вступила съ ними въ споръ, доказывая, что она имѣетъ монополію въ дѣлѣ народнаго воспитанія; въ этомъ спорѣ изъ-за привилегій она была побѣждена.

Единственнымъ письменнымъ языкомъ былъ языкъ латинскій, народъ молился и препирался въ судахъ по польски, но проповѣди и приговоры судебныя писались по латыни; этимъ же языкомъ писанъ первый кодексъ, заключающій въ себѣ земское право Польши, извѣстный подъ именемъ статута вислицкаго 1347 г. Искусственная латинская литература въ Польшѣ весьма богата и вмѣщаетъ въ себѣ два главные рода произведеній: лѣтописи и поэзію, преимущественно лирическую. Въ лѣтописяхъ сказывается въ иностранной формѣ здоровый прагматическій смыслъ народа, теп-

лое чувство патриотизма и замѣчательное пониманіе общественныхъ интересовъ. Хотя до самаго 16-го столѣтія историографія не выходила изъ рукъ единственнаго книжнаго сословія того времени—духовенства, но въ лѣтописцахъ польскихъ замѣтно очень мало отшельническаго аскетизма, они люди дѣятельные, принимавшіе самое живое участіе въ дѣлахъ государственныхъ, гражданскихъ, дипломатическихъ и даже военныхъ; они изумляютъ часто глубокимъ пониманіемъ событій и художественнымъ ихъ воспроизведеніемъ. Таковы древнѣйшіе лѣтописцы, сиодвинникъ короля Болеслава Кривоустаго Галль (+ около 1119), повидимому иностранецъ, но до того сроднившійся съ Польшею, что въ его разсказѣ, пережѣшанномъ со стихами и нелишенномъ поэтическаго колорита, слышится множество полонизмовъ; епископъ краковскій Винцентій Кадлубко (1160—1223), котораго хроника пріобрѣла такую извѣстность, что употреблялась въ школахъ какъ руководство для изученія отечественной исторіи; Годиславъ Башко (+ около 1272); желчный, талантливый Янко изъ Чарикова, архидіаконъ гнезненскій (+ около 1389); наконецъ первый критическій историкъ польскій, котораго громадный трудъ составляетъ главный, а иногда единственный источникъ для исторіи царствованій трехъ первыхъ Ягеллоновъ, каноникъ краковскій Янъ Длугошъ изъ Недзѣльска герба Вѣнява (+1480), другъ кардинала Збигнева Олесницкаго и короля Казимира Ягеллона, воспитатель дѣтей королевскихъ, замѣчательный ученый, искусный дипломатъ и великій гражданинъ съ непреклоннымъ и ничѣмъ незапятнаннымъ характеромъ. Къ числу польскихъ историковъ въ этомъ періодѣ слѣдуетъ причислить тосканца родомъ, Филиппа Буонаккорси по прозванью Каллимаха (+1496), любимца короля Яна Альбрехта, подававшего ему совѣты въ духѣ Макиавеля, которые влились къ подорванію и обузданію шляхты и ко введенію самодержавнаго правленія. Этотъ Каллимахъ оставилъ написанный имъ со словъ очевидца Григорія изъ Санюка великолѣпный въ художественномъ отношеніи разсказъ о крестовомъ походѣ на Турокъ Владислава III Ягеллона и о богатырской смерти его на побоищѣ подъ Варной.

Латинская поэзія въ Польшѣ есть тепличный плодъ школьнаго педантизма и придворныхъ нравовъ. Сухая и холодная, она расточала весь запасъ образовъ античной мифологіи на эпитафіи, эпиталямин, на хвалебные гимны и колкія эпиграммы. Она составляла занятіе весьма выгодное и хлѣбодатное, потому что выводила своихъ воздѣльвателей въ люди, сажала ихъ на кафедры университетскія и епископскія, давала имъ вліятельныя должности придворныя и дипломатическія за границею. Съ легкой руки перваго профессора пѣтики въ краковской академіи Павла изъ Кросьна, ученикъ его Янъ изъ Вислицы написалъ тяжелую эпическую повѣсть о сраженіи грюневальдскомъ въ подражаніе *Виргиліевой Энеидѣ*; два другіе ученика, Андрей Брзицкій пріять, и Янъ Флакбиндеръ болѣе извѣстный подъ псевдонимъ Дантиска, епископъ вармійскій (+ 1578), писали стихи лирическіе

и сатирическое. До высшей степени чистоты, изящества и совершенства довелъ отдѣлку стиха питомецъ Кришцаго, сынъ великопольскаго крестьянина Клементъ Яницкій (1516—1543), который до того проникнулся духомъ римской литературы, что его можно бы взять за современника Каталла или Овидія. Специальность его — элегія, а содержание пѣснопѣній — собственная личность поэта, которому онъ занятъ исключительно, такъ что муза его описываетъ малѣйшія подробности его небогатой проишествіями жизни или занимается провозглашеніемъ его благодѣтелей и покровителей. Великіе народные поэты періода Сигизмундова днѣ Бехамовскій, Шимоновичъ и Еленовичъ пробовали силы свои въ латинскомъ стихѣ, но только латинскія произведенія Еленовича заслуживаютъ вниманія, объ нихъ скажемъ въ послѣдствіи при разборѣ польскихъ его сочиненій: бѣдный люблинскій мѣщанинъ написалъ претвъ всемогущей тогда шляхты бѣдую политическую сатиру (*Victoria Deorum*); чтобы не наклипать на свою голову бѣды, онъ закуталъ ее въ латинскій стихъ и прикрывъ свою мысль громаднымъ аппаратомъ школьной учености. Сатира эта прозвучала безслѣдно, она не возбудила даже негодованія въ самодовольномъ обществѣ, на нее просто не обратили вниманія. И въ послѣдующія времена ново-латинская поэсія имѣла еще многихъ адептовъ, хотя ряды ихъ значительно рѣдѣютъ и въ произведеніяхъ ихъ вмѣстѣмъ упадокъ вкуса. Послѣдній важнѣйшій между ними былъ Матвій Кавимиръ Сарбѣвскій (или Sarbiewski, † 1640), иезуитъ, петратившій непронизводительно замѣчательный по огню и силѣ талантъ на лирическія пѣснопѣнія на мертвомъ языкѣ. Сарбѣвскій не имѣлъ никакого вліянія на развитіе народной литературы, но онъ приобрѣлъ громкую европейскую извѣстность между учеными латинистами 17-го столѣтія; онъ добился того, что его ставили на ряду съ Горациемъ, что его до сихъ поръ изучаютъ въ школахъ, особенно въ Англіи, и что папа Урбанъ VIII увѣнчалъ его лавровымъ вѣнкомъ въ Капитоліи. Предметы, воспѣваемые Сарбѣвскимъ, были вѣра, церковь и война съ Турками; лира его звучитъ громкимъ призывомъ къ западной Европѣ на престольный походъ и на освобожденіе Грековъ²⁾.

О народной польской литературѣ въ этомъ періодѣ не можетъ быть и рѣчи, существуютъ только весьма немногіе памятники письменности польской и начинаются положіе на дѣтскій лепетъ первоначальные опыты поэзіи на грубомъ и необдѣланномъ народномъ языкѣ. Есть несомнѣнные слѣды того что въ древнѣйшія времена кирилловская азбука была въ употребленіи въ Польшѣ, и что до 13-го столѣтія ею пользовались бенедиктинцы, но въ 13-мъ столѣтіи орденъ этотъ упалъ, мѣсто его заняли цистерсы, премонстратензы, доминиканцы, которые относились болѣе неблагоклонно

²⁾ Вся эта латинская поэсія въ Польшѣ оставалась мертвымъ капиталомъ, пока въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія лучшимъ изъ ея произведеній не были переведены великоблѣнными стихами на польскій языкъ Лудвикомъ Кондратовичемъ (Przekłady poetow polsko-lacińskich przez Władysława Syrokomlę).

къ народности славяно-польской и вліанію которыхъ можно приписать, что кириллица вытѣснена была латинскими алфавитомъ, рукописи же, писанныя кириллицею, всё до одной исчезли, забыты или даже истреблены въ 15-мъ столѣтіи духовенствомъ, которое, будучи напугано гусситизмомъ, крайне подозрительно смотрѣло съ тѣхъ поръ на древне-славянскія письмена ³⁾). Такъ какъ языки славянскіе имѣютъ болѣе звуковъ нежели латинскій, то необходимость заставила развить латинскій алфавитъ и сдѣлать его пригоднымъ для выраженія этихъ звуковъ, т. е. дополнить его изобрѣтеніемъ новыхъ знаковъ. Въ правописаніи замѣчается страшная запутанность и сбивчивость, каждое поколѣніе пишетъ иначе. Въ 15-мъ столѣтіи творецъ польской грамматики Янъ Паркошъ изъ Журавницъ, каноникъ краковскій (умершій послѣ 1451), пытался установить правила правописанія, совѣтовалъ употреблять юты и носовыя гласныя а, е, ставить знаки и перечеркивать согласныя (і, ѓ, l и т. п.). Первыми дѣятелями на поприщѣ польской письменности явились духовные, которымъ надобно было научить простой народъ молиться, и такъ какъ христіанство пришло въ Польшу изъ Чехіи, а чешскій языкъ раньше польскаго подвергся литературной обработкѣ, то съ самаго начала польская рѣчь испытала сильное вліаніе чешской, которое продолжается замѣтнымъ образомъ вплоть до 15 столѣтія, чему доказательствомъ могутъ служить выписки, сохранившіяся отъ сборника церковныхъ пѣсней, извѣстнаго подъ именемъ Канціонала Пржеворскаго 1435 г.; слогъ этихъ пѣсней, болѣею частью заимствованныхъ изъ чешскаго, пестрѣетъ чехизмами. Старѣйшую изъ церковныхъ пѣсней преданіе приписываетъ св. Войтѣху, епископу пражскому, апостолу Помораніи (+997). Это пѣснь о *Богородицѣ*, которую, начиная со времени Болеслава Храбраго, пѣло воинство идя на бой, которая была помѣщена на первыхъ страницахъ собраній законовъ и которая до самаго паденія Польши считалась національнымъ гимномъ Поляковъ. Первоначальный текстъ этой пѣсни не дошелъ до насъ; древнѣйшіе два списка ея относятся одинъ къ 1408 г., другой къ 1456 г. Она разпросталась отъ придѣлываемыхъ къ ней каждымъ вѣкомъ новыхъ строфъ, да и языкъ ея измѣнился, такъ что онъ сдѣлался чисто польскимъ, между тѣмъ какъ первоначально онъ былъ, по всей вѣроятности, ближе къ чешскому ⁴⁾). На-

³⁾ Bartoszewicz, Histor. liter. polsk. str. 23.

⁴⁾ Приведемъ двѣ первыя строфы, которыя одинъ считаетъ Мадѣвскій (Pamiętnictwo polskie, dodatki str. 40) произведеніемъ Св. Войтѣха:
 Bogw rodzicaa dziewicza bogem slawena maria
 W twego syna gospodzina mathko swolena maria
 Szysci nam spwsci nam kyrieleyson
 Twego dzela Krzyczsela bokide uslisz gloszy napelni myśli calowesze
 Szlisz modliłhwa yanx naszymi oddacz radzij yegosz prosimi a na szesze sboskni
 pobith poszywesze rajski przebith kyrieleyson.
 (Богородица дѣва, Богомъ прославленная Марія,
 У твоего сына господина матъ возлюбленная Марія,
 Исходи намъ, допусти намъ, кirie элейсонъ.)

родному языку церковь оказала большія услуги. Когда въ 13-мъ столѣтїи въслѣдствіе наѣздовъ татарскихъ, въ обезлюдѣлой странѣ стали толпами селиться колонисты-Нѣмцы, основывая селенія и города, духовенство польское заступилось за польскій языкъ и спасло его отъ наводняющаго страну германизма. Соборными постановленіями архіепископовъ гвезненскихъ Фулькона (Pełko) 1257 г. и Якова Свинки предписано духовнымъ учить народъ на польскомъ языкѣ: *Отче нашъ, Богородице дѣво, Вѣрую и молитвъ: какъ Богу*; приходскимъ священникамъ приказано основывать школы и опредѣлять въ эти школы учителями только лица, знающія польскій языкъ. Съ конца 13-го столѣтія начинаются переводы священнаго писанія на польскій языкъ, наконецъ отъ 15-го столѣтія уцѣлѣло пять пѣсень религіознаго содержанія, приписываемыхъ пріору монастыря св. Креста на Лысой горѣ Андрею изъ Слупы или Слупуховскому (умершему послѣ 1497 г.), котормя по своей неподражаемой наивности, задушевности и яркости красокъ въ духѣ чистѣйшаго католицизма далеко превосходятъ всѣ послѣдующія произведенія того же рода. Въ этихъ пѣсняхъ поэтъ обращается къ Богородицѣ, называя ее «матушкой Божіею краше розъ райскихъ, царевною небесною, звѣздой заморскою, зарею ясною, солнцемъ вѣчнаго свѣта, — съ нею неможеть сравнятся ни лилія бѣлизною, ни роза красотой, ни цвѣтъ заморскій цѣною, ни нарѣ благоуханіемъ »⁴⁾. Чистые, спокойные аккорды этой церковной лирики прерывается порою острыми звуками проповѣди гусситской. Отъ одного изъ послѣдователей новаго ученія, магистра краковской академіи Андрея Галки изъ Добчина, жившаго въ половинѣ 15-го столѣтія, сохранился хвалебный гимнъ Виклефу, замѣчательный не по таланту, котораго мало въ этихъ вѣршахъ, но потому что они представляютъ попытку обратить пѣснь въ орудіе религіозной пропаганды.

Рядомъ съ старою церковною лирикою пробивалась наружу другая струя поэзіи народной свѣтской, лирико-эпической. Народъ забылъ свою эпическую старину, но принявъ крестъ онъ совершилъ много славныхъ подвиговъ, создавъ могущественное государство и отстоявъ его многократно на полѣ битвы; сознаніе народности выразилось въ многихъ пѣсняхъ и думахъ военныхъ и другихъ историческихъ, которыя извѣстны намъ почти только по заглавіямъ и начальнымъ стихамъ⁵⁾.

Ради твоего крестителя божича услыши голоса, исполни мысли человѣческія.
Услыши молитву, которую мы приносимъ, желая исполненія; его мы просимъ о томъ, чтобы онъ намъ далъ въ этомъ мѣрѣ блаженное пребываніе, а послѣ этого міра райскую обитель).

⁴⁾ Приводимъ еще отрывокъ, выражающій плачъ Богородицы у креста:

Synku! uźbył się tu niżej miała—Niesobym bym ci dobromagala—Twoja główka wiśi krzywo, jaćbym ją podparta—Krew po tobie płynie—jaćbym ją otarła—Naróju wołasz; naróju bym ci dala—Lecz nie mogę dzwignąć twego świętego ciała.

⁵⁾ А вітай же нам вітай миѣу hospodynie — при возвращеніи въ Польшу короля Казимира Обновителя; пѣснь о замрени Волеслава Кривоустаго съ Поморянами, пѣсня о Людгардѣ женѣ короля Пржемыслава, пѣсня о войтѣ краковскомъ Альбертѣ, бунтовавшемъ противъ короля Владислава Локтека; пѣсни о битвѣ григивальдской: *śidzie Witold po ulicy, przed nim niosą dwie szablidy*

2. ЗОЛОТОЙ ВѢКЪ СИГИЗМУНДОВЪ.

Въ 16-мъ столѣтїи польская Рѣчь посполитая достигла высшей степени своего развитїя и виѣщала въ себѣ, въ болѣе значительной степени нежели многія государства западной Европы, два необходимыхъ условїя благосостоянія: виѣшнее могущество и внутреннюю гражданскую свободу. Польша была весьма могущественна. Ея владѣнїя простирались отъ береговъ Балтїйскихъ до теперешнихъ новороссїйскихъ степенъ и отъ Карпатъ далеко за Двину и за Дибпръ. Преемники двухъ раздавленныхъ рыцарскихъ орденовъ, тевтонскаго и меченосцевъ, князь прусскїй и герцогъ курляндскїй, были въ ленной зависимости отъ короля польскаго. Влїянію Польши подчинились Молдавія и Валахїя; не было счету окружавшимъ короля князьямъ литовскимъ и русскимъ. Ягеллоны сядились весьма часто на престолы чешскїй и венгерскїй. Громадныя матеріальныя силы Рѣчи посполитой обезпечивали за нею совершенную безопасность отъ виѣшнихъ непрїятелей и давали ей возможность обратить всю свою дѣятельность на внутреннее развитїе. Последніе два Ягеллона Сигизмундъ I и Сигизмундъ Августъ поддерживали дружественныя сношенїя не только съ западною Европою и съ Московїею, но даже и съ врагами всего христіанства, султанами турецкими Салиманомъ и Селимомъ II. Подъ сѣнію благодатнаго мира военное завоевательное государство, имѣвшее когда-то дружинно-вѣчевое устройство, превращается окончательно въ землевладѣльческое и земледѣльческое съ представительною формою правленїя. Шляхта, называвшаяся въ прежнїя времена рыцарскимъ сословіемъ становится теперь преимущественно земствомъ (*ziemiaństwo*), такъ что политическою полноправностью пользуются только поземельные собственники дворянскаго происхожденїя (*bone patri et possessionari*). Шляхта воровачетъ вѣщи; она имѣетъ въ рукахъ мѣстное земское самоуправленїе, она превратила даже королевскую власть въ учрежденїе отъ себя зависимое посредствомъ избранїя королей, она участвуетъ во власти законодательной съ королемъ и сенатомъ посредствомъ своихъ земскихъ нунціевъ или пословъ, дѣйствующихъ по даваемымъ имъ земствами инструкціямъ, и въ судѣ посредствомъ выборныхъ судей. Самъ сенатъ или дума королевская былъ учрежденїе чисто шляхетское, потому что состоялъ изъ высшихъ сановниковъ государственныхъ и земскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, назначаемыхъ на эти должности королемъ изъ среды значительнѣйшихъ землевладѣльцевъ. Землянинъ польскїй пренебрегалъ промышленностью техническою и торговлею, предоставляя ихъ мѣщанамъ, вноземцамъ, евреямъ; онъ считалъ исключительно приличными ему занятїямъ земледѣіе и общественную службу, гражданскую и военную. Вся шляхта представляла какъ-бы одно военно-земледѣльческое братство, готовое ополчиться поголовно въ случаѣ надобности для отраженїя опасности, не ведущее только войны оборонительныя и глядящее весьма подозрительно

на завоевательные замыслы и планы тѣхъ изъ своихъ государей, которые одушевлены были болѣе воинственнымъ духомъ (напр. Баторій), изъ опасенія, чтобы не увеличилась въ ущербъ шляхетской свободѣ королевская власть. Польская поэзія любитъ представлять это миролюбивое настроеніе духа въ слѣдующей характеристической картинѣ: убогій шляхтичъ, считающій себя въ душѣ равнымъ по достоинству любому воеводѣ, пашеть землю, снывъ съ себя саблю и вонзивъ ей клинокъ въ межу своей отчины.

Россею теперешнюю называютъ иногда *мужичьимъ* государствомъ, такъ точно Польшу можно было бы назвать *помѣщичьимъ* государствомъ. Оба прилагательныя не содержатъ въ себѣ ни критики ни укора, а одно простое признаніе факта; они обозначаютъ, что главную силу Россіи составляетъ безспорно простой народъ, между тѣмъ какъ главную силу Польши составляла владѣющая землею шляхта. Элементы землевладѣльческіе, вѣчные существовали въ изобиліи и въ древней Руси, но они были разбиты пришествіемъ Татаръ и московскою централизаціею; извѣстно, какъ безслѣдно пропали всѣ сѣверно-русскія народоправства. Эти же самыя элементы достигли въ Польшѣ полного развитія и легли въ основаніе общественнаго устройства, сообщивъ этому устройству весьма оригинальный характеръ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ это устройство въ высокой степени способствовало развитію личности, и проявленію великихъ гражданскихъ доблестей. Начало полного равенства, составлявшее сущность шляхетства, по которому бѣдный усадебный шляхтичъ считался ничуть не хуже первѣйшаго магната, развивало въ этомъ сословіи сильное сознаніе личнаго достоинства, безъ котораго нѣтъ настоящей свободы. Это чувство не походило нисколько на выросшій на почвѣ романтики *point d'honneur* испанскій или французскій, щепетильный, всегда готовый бросить перчатку и обнажить шпагу за малѣйшее язвительное слово или движеніе, задѣвающее личное самолюбіе. Масштабомъ достоинства считалось только служеніе обществу; *rei privatae* противопоставалась постоянно *res publica*, причемъ долгомъ честнаго гражданина считалось жертвовать первою послѣдней; подлымъ человѣкомъ признаваешь былъ тотъ, кто дѣйствовалъ изъ-за приватны, но для публики жертвовался ежеминутно съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ, напоминающимъ древній Римъ, и жизнь и собственность, и вся почти дѣятельность отдѣльнаго человѣка, потому что въ этомъ странномъ государствѣ, почти безъ центра, съ малымъ регулярнымъ войскомъ, съ плохою системою финансовъ, съ весьма недостаточными уголовными средствами и безъ всякихъ почти полицейскихъ учреждений, всѣ общественныя отправления совершались посредствомъ самодѣятельности составныхъ единицъ общественнаго тѣла. Въ иныхъ организаціяхъ патриотизмъ проявляется вспышками, въ минуты опасности, въ обыкновенное же время требованія его въ отношеніи отдѣльныхъ личностей невелики, но здѣсь онъ требовалъ непрестаннаго служенія—оружіемъ въ нарядношъ ополченіи, умомъ, словомъ и совѣтомъ на сеймикахъ и сеймахъ,

и въ должностяхъ земскихъ и государственныхъ. Изъ этихъ условий быта вытекало отсутствіе всякаго низкопоклонничества передъ богатствомъ матеріальнымъ, доходящее до презрѣнія, весьма малое значеніе придаваемое имущественному цензу, тѣмъ болѣе, что и самый образъ жизни огромнаго большинства шляхты располагалъ въ увѣренности и скромности. Польша никогда не имѣла блестящаго великолѣпнаго двора, играющаго роль законодателя моды и вкуса; шляхта не любила городовъ и не имѣла въ нихъ постоянной осѣлости, она не строила замковъ, но жила разбѣнная по деревнямъ, съѣзжаясь періодически на сеймики, судебныя роки, каденціи и выборы. Разсадниками шляхетско-польской культуры служили тѣ безчисленные дворники помѣщичьи, которыми усѣяна была Рѣчь посполитая. Дворникъ стоитъ среди деревни, подъ сѣнію прадѣдовскихъ липъ; здѣсь отдыхаетъ помѣщикъ послѣ трудовъ вѣчевыхъ и военныхъ, садясь за одинъ столъ съ своей семьей и челядью, принимая радушно гостей и сосѣдей.

Въ 16-мъ столѣтіи еще не были замѣтны угловатости исключительно шляхетской цивилизаціи, напротивъ того шляхетство было въ полномъ цвѣтѣ, безъ колючекъ и терній. Сторону общеславянскую въ нешъ составляли по мѣткому замѣчанію Мицкевича (34 лекція) семейныя отношенія, добродушіе, домашнія добродѣтели, между которыми особенно выдается гостепріимство; сторона исключительно народная, собственно польская, сказывалась въ общественной дѣятельности, въ отношеніяхъ гражданна къ государству; наконецъ сторону европейскую и общечеловѣческую составляли представленія религіозныя и соціальныя, которыя находили къ шляхтѣ легкой доступъ и, заносимыя съ запада, распространялись быстро, будучи усвояемы съ свойственною славянской натурѣ воспримчивостью. Юношество польское толпами ѣздило за границу для усовершенствованія въ наукахъ и привозило съ собою назадъ въ отечество свѣжія и новыя идеи. Магнаты и государственные люди польскіе были въ постоянной корреспонденціи съ знаменитѣйшими учеными и литераторами западно-европейскими. Реформаторы и новаторы, преслѣдуемые за вольнодумство религіозное или политическое, бѣжали въ Польшу и находили здѣсь спокойное пристанище и послѣдователей. Въ ничтожнѣйшихъ селеніяхъ и деревушкахъ основывались типографіи, которыя отпечатывали и пускали въ обращеніе несмѣтное количество книгъ и брошюръ политическихъ, богословскихъ, научныхъ и полемиическихъ. При такомъ благосостояніи матеріальномъ, при такой терпимости въ дѣлѣ убѣжденія и вѣры, народная литература должна была получить быстрое развитіе. Она появляется вдругъ, пробужденная религіозными спорами и съ перваго раза становится на такой высотѣ, что ея произведенія до сихъ поръ считаются образцовыми. При этихъ произведеніяхъ кажутся блѣдными, тусклыми и слабыми всѣ послѣдующія созданія польской литературы до самаго неоромантизма, то есть до Мицкевича. Литература эта небогата элементомъ эпическимъ, и живетъ вся въ настоя-

щемъ; она не создала и драмы народной; драматическіе опыты остались на степени искусственныхъ произведеній учености и подражаній. За то особенно выдались и доведены до высокаго совершенства дидактика и лирика въ лицѣ двухъ главныхъ литературныхъ дѣятелей періода Сигизмундова: Рэй изъ Нагловиць и Божановскаго, изъ которыхъ первый можетъ быть названъ творцомъ польской прозы, а второй считается пращуромъ польской пѣсни ¹⁾). Оба были малопольяне, и обработанное ими малопольское нарѣчіе сдѣлалось литературнымъ польскимъ языкомъ.

Рэй изъ Нагловиць герба Окша происходилъ изъ древняго рода, издавна осѣдлаго въ землѣ краповской. Отецъ его переселился въ Червонную Русь, женился богато и получилъ за женою огромныя помѣстья близъ города Ждачова надъ Днѣстромъ. Здѣсь, въ мѣстечкѣ Журавнѣ, родился Николай Рэй около 1507 года. Отецъ, добрякъ и домохозяинъ, души не чуялъ въ единственномъ сынѣ, не отпущалъ его отъ себя ни на шагъ и не училъ его ничему; поздно онъ отдалъ сына въ школу въ Львовъ, а потомъ въ Краковъ, но сынъ оказывалъ такую наклонность къ шалостямъ, кутежу и веселой компаніи, что отецъ взялъ его къ себѣ назадъ и держалъ дома неуча, который то и дѣлалъ, что удилъ рыбу въ Днѣстрѣ, стрѣлялъ дичь, ловилъ голубей и бѣлокъ. Отецъ рѣшился опредѣлить его дворяниномъ къ комунибудь изъ магнатовъ, съ чего и начинала обыкновенно тогдашняя шляхта свою общественную карьеру. Молодой Рэй изрѣзалъ въ куски купленную ему по этому случаю на парадный кафтанъ матерію и наловивши сорокъ и воронъ забавлялся привязываніемъ къ хвостамъ ихъ и брыльямъ нарѣзанныхъ кусковъ матеріи, и затѣмъ пустилъ летать птицъ, такимъ образомъ наряженныхъ. Въ двадцать лѣтъ Рэй былъ въ полномъ смыслѣ слова дитя природы, безъ всякаго научнаго образованія, когда поступилъ на дворъ къ Андрею Тенчивскому, воеводѣ сандомирскому. Умный воевода, замѣтивъ въ Рѣѣ необыкновенныя способности, заставилъ его читать и упражняться въ письмѣ. Самому Рѣю стало стыдно, и началъ онъ учиться по латыни и читать безъ разбора книги богословскія и политическія, брошюры полемическія, латинскихъ историковъ, компиляторовъ и анекдотовъ средней руки; чего не понималъ, о томъ онъ спрашивалъ свѣдущихъ людей. Все шло въ прокъ и укладывалось своеобразно, хотя безъ всякой системы и критики, въ гениальной головѣ автодидакта, у котораго въ самыхъ арѣлахъ его произведеній сквозитъ заимствованную уче-

¹⁾ Это названіе далъ ему Богданъ Залескій:

Wcieniu ludu jak w dąbrowie,
A więc w głosy, splewakuwie!
Nieście waszą dań,
I prąszczyga polskiej pieśni,
Czycjcie spiewem, bracia cześni,
Jak przystało nań.

Пріятно быть подъ сѣнью народа, точно въ дубравѣ; отзовтесь-же, пѣвцы, несите ему вашу дань; восхвалите же по достоинству, честные братья, пращура пѣсни польской).

ность проскакивают самые странные анахронизмы, Сократъ сѣдуетъ во времени за Эпикуромъ, Помпей считается первымъ римскимъ императоромъ, король арагонскій Антигонъ сражается подъ стѣнами Дениъ²⁾. Знанія, которыхъ хватался Рэй, не залежался у него долго, они шли тотчасъ въ дѣло, Рэй сталъ писать весьма много о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, стихами и прозою, и обнаружилъ изумительную авторскую плодовитость при самыхъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, при жизни самой разгульной и шумной. Страстный охотникъ до веселой компаніи, охоты, музыки и бражничанья, Рэй писалъ по ночамъ; написанное имъ расходилось тотчасъ между шляхтою, которая любила безъ ума своего домощеннаго поэта и у которой онъ пользовался огромной извѣстностью. Рэй не бывалъ никогда за границею, однажды только онъ сѣдлалъ поѣзду въ В. княжество Литовское; онъ не совершилъ ни одного похода, не выдалъ ни одного сраженія, а если когда нибудь вынулъ саблю, то разѣвъ только чтобы равнять и обезоружить посперившихъ за столомъ собесѣдниковъ, но онъ не пропустилъ ни одного съѣзда шляхты, или одного сейма и часто показывался на дворѣ королевскомъ. Его любили королева Бепа, король Сигизмунды I и II. Никакихъ должностей земскихъ или придворныхъ онъ не согласился принять, боясь потерять двѣ свои драгоценнѣйшія вещи: независимость и совѣсть, и предпочитая почестямъ официальнымъ славу остроумнѣйшаго человѣка въ Польшѣ и добродушнѣйшаго юмориста. *Nemini molestus*, говоритъ объ немъ біографъ его Тржеццицъ.

Коренной вопросъ того времени былъ вопросъ религіозный. Рэй прельстился женеvскими новостями (т. е. кальвинизмомъ) и сѣдлаея ревностнымъ апостоломъ протестантизма, переводилъ псалмы, писалъ толкованія евангелія (*Postylla polska*), катихизисъ въ разговорахъ, объяснялъ Апокалипсисъ. Всѣ эти сочиненія нынѣ совершенно забыты: Рэй слишкомъ мало имѣлъ научныхъ знаній, чтобы сказать что нибудь свое, онъ новторялъ чужіе доводы, популяризовалъ мысли латино-французскихъ и латино-нѣмецкихъ протестантскихъ богослововъ, пересыпая ихъ бранью и до тривиальности доходящими насмѣшками надъ монахами, католическимъ духовенствомъ и обрядностью. Приученный къ мелодическимъ напѣвамъ самаго музыкальнаго изъ племенъ славянскихъ—червано-русскаго, Рэй былъ охотникъ до стиховъ и писалъ ихъ невѣроятно много на всякій случай. Изъ-подъ плодовитаго пера его сыпались и мелкіе стихи (*Figliki* или «Шуточки» и «Звѣржець» 1562) и обширныя поэмы, каково напримѣръ «Изображеніе жизни честнаго человѣка» (*Wizerunek własny zywota czlowieka rozsziwego* 1560), родъ божественной комедіи, въ которой онъ изображаетъ юношу, отправляющагося странствовать по свѣту и искать что ни есть лучшаго. Этотъ юноша посѣщаетъ греческихъ философовъ и ветхозавѣтныхъ пророковъ, всходитъ на небеса, попадаетъ въ преисподнюю и получаетъ вездѣ множество назидательныхъ

²⁾ Maciejowski I, 416.

наставлений. Рэй пытался даже написать драму, взявъ за сюжетъ жизнь ветхозавѣтнаго Іосифа. Стихотворенія Рэя, сильно интересовавшія современниковъ, были небодѣ какъ рифмованная проза. Настоящей поэзіи напрасно въ нихъ искать, потому что Рэю недоставало культуры, что вкусъ его не былъ выработанъ на классическихъ образцахъ, которыхъ духъ оставался ему недоступенъ, что жизнь его, гулящая и разсѣянная, не давала ему возможности сосредоточиться, наконецъ потому что въ его натурѣ сильной и даровитой, но грубой, мало было струнъ патетическихъ, что въ ней преобладала трезвая рассудочность, и что фантазія его скользила по поверхности земли, не ощущая потребности взлетать въ заоблачный край идеала.

Съ годами пришла рефлексія, страсти перебродили, Рэй остепенился, сталъ серьезнѣе, пресытившись шумоюшъ и удовольствіями свѣта, сталъ уединяться; умъ его, богатый опытомъ, достигъ полной зрѣлости: тогда-то на старости лѣтъ (1564 — 1567) онъ написалъ знаменитѣйшее изъ своихъ сочиненій, исполненное глубокой мудрости житейской, которая въ немъ рѣбеть, точно густое старое устоявшееся вино, налитое въ цвѣтную чашу чрезвычайно живописнаго и великолѣпнаго стиля. Въ этомъ сочиненіи Рэй является правоучителемъ, тонкимъ наблюдателемъ и вѣрнымъ портретистомъ человѣческой природы въ условіяхъ польскаго быта. Оно носитъ заглавіе: *Зерцало или жизнь честнаго человека* (*Zwierciadło albo żywot rozsziwego człowieka 1567*).

«Зерцало» Рэя есть родъ энциклопедіи знаній, пригодныхъ для шляхтича, трактатъ практической философіи, раздѣленный на три части по возрастамъ: юношескому, зрѣлому и старческому. Трактатъ начинается созданіемъ міра и человѣка, причемъ, хотя Рэй протестантъ, но міросозерцаніе его весьма мало разнится отъ католическаго. Богъ создалъ человѣка изъ четырехъ элементовъ, отсюда различіе въ темпераментахъ. Богъ подчинилъ человѣка влиянію свѣтлыхъ небесныхъ, сіявшихъ на небосклонѣ въ моментъ его рожденія, такъ что ему при самомъ уже рожденіи предопредѣлено имѣть хорошія или дурныя наклонности. Для противодѣйствія этому фатализму животной стороны человѣка ему даны бессмертная душа, которой Рэй не отличаетъ отъ разума, и Богомъ данныя заповѣди. Разумъ данъ на то, чтобы освѣщать пути человѣка; заповѣди на то, чтобы чтобы укрощать страсти. Обузданію страстей содѣйствуютъ воспитаніе, образованіе и самый выборъ занятій. Рэй приводитъ, между прочимъ, прилѣръ, который въ сущности долженъ былъ бы опровергнуть всю его теорію предопредѣленія; онъ разсказываетъ, что у нѣкоего купца родилось дитя злое, которое обнаруживало сильную наклонность къ жестокости; отецъ отдалъ его къ мяснику на ученіе, и изъ будущаго разбойника вышелъ весьма порядочный мясницкаго дѣла мастеръ. Желая содѣйствовать благой цѣли просвѣщенія людей и обузданія дурныхъ наклонностей, Рэй беретъ человѣка у колыбели и ведетъ его чрезъ всю жизнь, научая его обязанностямъ. Подъ человѣкомъ Рэй разумѣетъ только шляхтича; весь міръ существуетъ, по понятіямъ Рэя, только для

Польша, а вся Польша выражается въ шляхетствѣ. Обо всемъ, что ниже шляхты, Рэй имѣетъ весьма смутное понятіе, вовсе не потому, чтобы онъ былъ высокоумѣренъ, не потому, чтобы онъ презиралъ людей неродовитыхъ, напротивъ того, онъ клеймитъ рѣзко всякаго рода слѣсь, основаніемъ шляхетства считаетъ личные доблести и требуетъ гуманнѣйшаго обращенія съ челоудью, но потому, что единственная, настоящая, полная жизнь — это жизнь общественная, а этою жизнью общественною жило одно шляхетское сословіе. Идеальный типъ челоудка, по Рэю, соединяетъ въ себѣ такія черты, которыя могли встрѣтиться только въ одномъ шляхтичѣ, а именно: этотъ челоудкъ долженъ имѣть сердце великое, пренебрегающее превратностями судьбы, за которою гоняются и которой служатъ мореходецъ, купецъ, ремесленникъ. «Кто приучится мыслить только о дѣлахъ важныхъ, себѣ и отечеству пригодныхъ, тотъ уже смотритъ на всѣ отношенія какъ орелъ съ высоты, тотъ мало цѣнитъ и не задумывается надъ мелкими случайностями этого свѣта и судьбы, и объ одномъ только печется, чтобы сдѣлаться полезнымъ не одному себѣ, но всѣмъ вообще по достоинству. Такому челоудку все равно: счастье или несчастье, лечь ли и уснуть на розахъ, или на крапивѣ и полыни. Проснется ль онъ, мысль его опять взлетаетъ, какъ орелъ, на высоту». Когда Рэй говоритъ о выборѣ званій достигшимъ зрѣлости челоудкомъ, то подъ званіями онъ разумѣетъ только занятія приличныя шляхтичу. Такихъ званій главныхъ три: служба военная, служба придворная на дворѣ королевскомъ или котораго нибудь изъ магнатовъ, наконецъ служба земская и государственная въ качествѣ урядника, депутата земскаго на сеймѣ или сенатора Рѣчи Посполитой. Рэй останавливается долго надъ каждымъ изъ этихъ поприщъ.

Такова схема сочиненія Рэя. Оно драгоценно не по своимъ правоченіямъ, но потому, что на этой довольно грубой канвѣ набросано безконечное число снятыхъ съ натуры эскизовъ, представляющихъ всѣ типы тогдашняго общества, такъ что оно составляетъ лучшую фзіологію этого общества, галерею этюдовъ, набросанныхъ немногими штрихами съ неподражаемымъ юморомъ и напоминающихъ манеру фламандской школы. Въ этой пестрой толпѣ есть военные люди и нарядныя дамы, придворные и духовные, пьяницы и скупцы, надменные франты, корыстолюбцы и льстецы. Все сочиненіе Рэя состоитъ изъ подобныхъ картинокъ. Приведемъ для примѣра портретъ гордеца: «Идетъ онъ, надѣвъ пестрые чеботы, на людей не смотритъ, самъ на себя глядитъ, любитъ свою тѣню, плюетъ на сторону, срываетъ перчатку съ руки, на которой кольцо, и держитъ эту перчатку въ другой рукѣ, кашляетъ нѣхотя, переступаетъ осторожно съ камня на камень, оглядываясь на слугъ своихъ, а когда сидеть между добрыми товарищами, то молвить всякое слово съ разстановкой, раскусывая его на части, заываясь, чтобы всѣ знали, что онъ говоритъ обдуманно; осматриваетъ ногти, поправляетъ шапку, а товарищи-мошенники льстятъ ему да ухмыляются, глядя другъ на друга, и такъ его умасляютъ, что онъ ихъ подчууетъ всякимъ добромъ, чего

только потребуютъ... Чего ты дуешься, мизерная муха? Сидишь, точно малеванный болванъ за камнемъ изваяннымъ, или за нестрымъ ковромъ, вздернувъ носъ къверху, а не знаешь, что тѣ, которые льстятъ тебѣ въ глаза, издѣваются надъ тобою за глазами. Надѣвай на себя какія хочешь платья, обливайся духами; если тебя не украшаютъ добродѣтель и разсудокъ, то и духа не помогутъ, будешь вонять какъ козель, будешь точно лошакъ, покрытый парчею, снимите-ка съ него парчу, окажется, что у него уши, хвостъ, голова, шея — все въ чорту, все гадно и безобразно». Рэй слѣдующимъ образомъ возстаетъ противъ страсти подражать иностраннымъ модамъ: «Изобрѣти ктонибудь десять покрововъ платья въ модѣю, всякій покрой хвалить будутъ. Если платье съ воротникомъ по поясъ, скажутъ: красиво и удобно, отъ вѣтра закроешься, да притомъ и не слишкомъ больно, когда кто ударитъ въ спину палкою. Въ другомъ платьѣ нѣтъ воротника ни на одинъ палецъ: и то хорошо, можно куда хочешь обернуться — воротъ шеи не кусаетъ. Иное платье съ предлиннѣйшими, двойными или тройными рукавами; скажутъ: мужчина видѣе верхомъ, когда рукава вокругъ него мотаются. Въ иномъ платьѣ рукава по лопотъ: и то хорошо, самому свободнѣе, да и удобнѣе садиться на лошадь. Иное платье длинное до земли, скажутъ: вѣтеръ не гарцуетъ вокругъ колънѣ... Я увѣренъ, что еслибы кто позолотилъ рога и надѣлъ ихъ на голову себѣ, то и о немъ бы сказали: славно, потому что все славно, что явилось сегодня и чего мы вчера не видали». Рэй превосходно изображаетъ жизнь придворную и военную; сердце его радостно трепещетъ, когда земля дрожитъ, когда мѣрно идутъ сомкнутые ряды и раздаются звучные бубны и литавры, но всего больше любятъ онъ домъ, пашню и семейную жизнь. Прелестны у него описанія хозяйства и занятій польскаго землянина по временамъ года, но трудно себѣ представить что нибудь теплѣе, проще, поэтичнѣе глубоко прочувствованныхъ картинъ семейнаго быта. Жену Рэй предписываетъ любить, уважать, съ нею обо всемъ совѣтоваться, потому что «слаще жить волку съ волчицею въ лѣсу, нежели мужу съ женою, когда явится этотъ скверный нарывъ домашнихъ раздоровъ.» «Какая радость, какое утѣшеніе, — говоритъ онъ, — когда на тебѣ повиснутъ милыя дѣточки, эти прирожденные скоморохи, когда они щебечутъ словно птички, бѣгая вокругъ стола, когда они рѣзвятся и фиглярничаютъ, одинъ что нибудь схватитъ и другому подастъ. да такъ взаимно тѣшатся, что не воздержатся отъ смѣху. Когда дитя начнетъ говорить. то оно лепечетъ всякій вздоръ, а между тѣмъ какъ все это хорошо и мило». Но замѣчательнѣйшая, безъ сомнѣнія, часть «Зеркала» та, которая посвящена политической дѣятельности челоѣка; она показываетъ, какъ высокъ былъ въ шляхтѣ уровень политическаго образованія и даетъ весьма ясное понятіе о сущности польской конституціи. Рэй отлично знаетъ механизмъ представительнаго правленія: сеймы установлены для обузданія правителей и надвѣра относительно законности ихъ дѣйствій; на сеймы не могутъ ѣздить всѣ вообще, цѣлыми толпами, потому они избираютъ новѣранныхъ, пред-

ставителей и называют ихъ прекраснымъ именемъ пословъ или стражей Рѣчи посполитой. Должность эту Рѣй считаетъ просто священнодѣйствіемъ, потому что послу земскому доверяютъ братья его, шляхта, свои права и вольности, свои имущества и животы. Такой человекъ долженъ остерегаться посуловъ, непотизма, угоженій, и слушать прилежно что кто говорить, и взвѣшивать каждое слово, потому что не разъ кажется будто и дѣлается нѣчто ко благу Рѣчи посполитой, но снимешь лишь крышку съ горшка и обнаружится, что въ горшкѣ прѣть полынь вмѣсто щавеля. Еще труднѣе, опаснѣе и отвѣтственнѣе высочайшій постъ, до котораго могъ достигнуть гражданинъ польскій, санъ сенатора Сѣчи посполитой, королевскаго совѣтника.

Нигдѣ власть королевская не была слабѣе, нежели въ Польшѣ; но вѣсть съ тѣмъ въ рѣдкой странѣ король пользовался такою любовью и уваженіемъ. Нравственный авторитетъ его былъ огроменъ; онъ былъ та сила, приводящая въ движеніе весь конституціонный механизмъ, безъ которой этотъ механизмъ дѣйствовать не можетъ. «Король, — говоритъ Рѣй, — святая святыхъ, божій человекъ, избранныкъ и помазанникъ. Приступать къ нему подобаешь со страхомъ, потому что будь онъ добрѣйшій человекъ, въ немъ все-таки есть нѣчто грозное и божественное, и имѣеть онъ вѣроятно волчьи волосы, какъ говорятъ, между очами». Со страхомъ и благоговѣніемъ приступая къ нему, сенаторъ обязанъ однако безъ всякаго подобострастія, не обращая вниманія на гнѣвъ и неудовольствіе короля, говорить ему всю правду, напоминать ему всѣ обязанности, предостерегать его отъ страстей и пороковъ, потому что «умъ государя похожъ на пламень, который стремится къ верху, когда къ нему подкладываютъ дрова хорошія, но если подложить дрова мокрыя и сырыя, то огонь вмѣстѣ съ дымомъ будетъ разстилаться по землѣ; такъ точно и совѣтъ, данный государю, или парить съ нимъ къ небу, или стелется съ ямъ по землѣ».

Въ пятидесятыхъ годахъ 16-го столѣтія, когда Рѣй былъ въ полномъ блескѣ таланта и славы, въ одной компаніи, собравшейся въ землѣ сендомирской, гдѣ и онъ находился, нѣкто прочелъ, какъ новость, только что привезенные изъ-за границы стихи молодого, никому неизвѣстнаго поэта, жившаго въ Парижѣ. Стихи воспѣвали славу Бога и начинались такъ:

Czego chcesz od nas Panie za twe hojne dary?
Czego za dobrodziejstwa którym niemasz miary?
Kościół cię nieogarnie, wszędy pełno ciebie,
I w otchłaniach i w mgłach, na ziemi i w niebie.

(Чего отъ насъ требуешь, Господи, за твои щедрые дары, чего за благодѣянія, которыми нѣтъ мѣры? Церковь не вмѣщаетъ тебя, все исполнено тобою, бездныя море, земля и небо...)

Стихи поразили всѣхъ необыкновеннымъ изяществомъ формы. Рѣй былъ восхищенъ болѣе другихъ и съ энтузіазмомъ, который дѣлаетъ ему величайшую честь, привѣтствовалъ пѣснь импровизированнымъ дуэтишнемъ:

Temu w pańce daak przed sobą dawam
J pieśń bogini słowiańskiej oddawam.

(Ему я шлю поклонъ и предоставляю первое мѣсто въ наукѣ, ему передаю я гѣсно музы славянской.)

Молодой поэтъ, которому Рэй передавалъ скипетръ поэзіи и который съ тѣхъ поръ воцарился на польскомъ Парнассѣ, былъ Янъ Кохановскій (1530 — 1584)¹⁾, герба Корвнъ изъ земли сендомирской. Весь родъ Кохановскихъ отличался поэтическимъ дарованіемъ: родной братъ Яна переводилъ Энеиду, двоюродный, Николай, писалъ мелкіе стихи, племянникъ, Петръ (1566—1620), перевелъ «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса. Двадцати лѣтъ отъ роду, Янъ отправился за границу и семь лѣтъ пробылъ въ Италиіи и во Франціи, учился въ Падуѣ, вмѣстѣ съ Яномъ Замойскимъ, посетилъ Венецію, Римъ, Кампанію, долго жилъ въ Парижѣ, и въ 1557 году возвратился въ Польшу. Жизнь его вообще не богата проіектствіями. Король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ ему почетное званіе дворянина и почетный титулъ королевскаго секретаря, а другъ его, Петръ Мышковскій, вице-канцлеръ, выхлопоталъ ему разныя церковныя бенефиціи и прелатуру въ капитулѣ познанскомъ; монахи монастыря сѣцеховскаго намѣрены даже были избрать Кохановскаго аббатомъ, но этотъ выборъ какъ-то не состоялся²⁾. Подобнымъ образомъ духовныя бенефиціи и должности жалюми были иногда, какъ доходныя статьи, даже свѣтскимъ лицамъ, лишь бы только неженатымъ, на основаніи фикціи, что владѣлецъ бенефиціи можетъ со временемъ вступить въ духовное званіе. Впрочемъ, несмотря на всѣ старанія Мышковскаго, Кохановскій не сдѣлался духовнымъ лицомъ, не чувствуя къ тому никакого призванія, и предпочелъ блестящей карьерѣ скромную, тихую жизнь простаго землянина. Онъ покинулъ дворъ, отказался отъ бенефицій, женился и поселился въ родовой вотчинѣ своей, Чернолѣсь. Онъ до того полюбилъ сельскую жизнь, что неохотно и весьма рѣдко показывался въ публичныхъ многочисленныхъ собраніяхъ, тѣмъ болѣе, что не обладалъ талантами оратора и политика, и нисколько не былъ честолюбивъ. Когда при Баторіѣ, другъ Кохановскаго, Замойскій, сдѣлавшійся любимцемъ и правою рукою короля, предложилъ Кохановскому одно изъ сенаторскихъ мѣстъ — кастелянію полонедкую, Кохановскій отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что не желаетъ впускать въ свой домъ надменнаго кастеляна, который растратитъ все то, что онъ, убогій землянинъ, собралъ своими трудами. Король опредѣлилъ его однако на должность войскаго сендомирскаго, —

¹⁾ Gdzież potem niebył, czego niekosztował?
Jażem przez morze głębokie żeglował
Jażem francuze, ja niemce, ja włochoy
Jażem nawiedził sybillińskie lochy.

Dziś tak spokojny, jutro przyrzasany
Domieczy rycerz, dziś między dworzany
W pańskim pańcu, jutro za się cichy
Książd w kapitule—tylko że nie z mnichy,
Wczoraj w kaplicy aż dwojakim platem;
I to czemu nie? jeśliż opatem.

должность земскую, безденежную, какъ всѣ земскія, но совершенно спокойную, потому что въ случаѣ народнаго ополченія войскій обязанъ былъ оставаться на мѣстѣ земскимъ хозяиномъ и заботиться о женахъ и дѣтяхъ ополченцевъ. Конецъ жизни Кохановскаго омраченъ былъ раннею смертію любимой дочери поэта Урсуды. Кохановскій скончался въ 1584 году и погребенъ въ фамильномъ гробѣ рода своего, въ Зволень.

Любовь современниковъ къ Яну Кохановскому была безпредѣльна, онъ слылъ княземъ поэтовъ, и утвердилось мнѣніе, что Польша не имѣла никогда и не будетъ имѣть равнаго ему пѣвца.

Современной критикѣ приходится значительно извѣщать этотъ приговоръ и отказать Кохановскому, при всей его художественности, въ названіи народнаго польскаго поэта; онъ великъ какъ писатель отлично усвоившій себѣ духъ античной поэзіи, но эта восприимчивость нанесла ущербъ оригинальности его творчества, такъ что за нимъ остается только слава величайшаго и талантливѣйшаго подражателя древнимъ образцамъ на языкѣ польскомъ, который онъ преобразовалъ, отдѣлалъ, смягчилъ и довелъ почти до степени музыкальнаго инструмента, способнаго къ произведенію нѣжныхъ звуковъ. Кохановскій былъ вполне человѣкъ возрожденія, натура въ высокой степени гармоническая, свѣтлая, спокойная, любящая, но неспособная сграть жгучимъ огнемъ сильной страсти. Эта натура была еще болѣе смягчена воспитаніемъ и долговременнымъ пребываніемъ Кохановскаго за границею. Германія осталась для него какъ и для Польши вообще terra incognita. Съ литературами испанскою и португальскою онъ не былъ знакомъ (современникъ его Камозансъ гораздо позже возвращенія его въ Польшу издалъ свою поэму, а Сервантесъ еще ни былъ писателемъ въ то время). Въ Парижѣ Кохановскій свелъ знакомство съ Ронсаромъ, но не видно, чтобы это знакомство съ основателемъ школы педантовъ «французской псалмы» имѣло на него какое либо вліяніе. Въ Италіи предшественниками его были Данте, Петрарка, Боккаччо и Аріосто. Данта Кохановскій не могъ понимать; ему былъ недоступенъ глубокій восторженный мистицизмъ и страшная энергія воли сосредоточеннаго въ самомъ себѣ автора Божественной Комедіи. Равнымъ образомъ онъ не могъ породниться съ Аріостомъ, потому что рыцарство и романтизмъ, на которыхъ основанъ эпосъ Аріоста, были элементы совершенно чуждые славянскому міру, и что тонкая иронія и шутивый скептицизмъ, знаменующіе упадокъ и разложеніе общества итальянскаго, не могли придти къ вкусу народу молодому, свѣжему и вѣрующему въ свои идеалы, къ которому принадлежалъ Кохановскій. Такимъ образомъ тѣ образцы, которые содѣйствовали поэтическому воспитанію Кохановскаго, были отчасти итальянскіе лирики, которыхъ приторная сладость не привилась однако къ нему, а болѣе всего классическіе поэты, въ особенности римскіе, и изъ нихъ преимущественно Горацій и Виргилій. Онъ началъ съ латинскихъ стиховъ, потомъ принялся за польскіе и съ такимъ успѣхомъ, что могъ справедливо сказать потомъ о себѣ:

I wdarłem się na skalę pięknej Kalkipy
 Gdzie dolychczas niebyto śladu polskiej stopy.
 (И изобразился я на утесъ прекрасной Калліопы,
 На которомъ не было и слѣда польской ноги.)

Мацѣевскій говорить: «Посвятивши себя ознакомленію своихъ земляковъ съ античною поэзіею, Кохановскій пропитался ею насквозь до того, что она постоянно носилась передъ его глазами, и надъ его челомъ: что ни задумывалъ онъ, все выходило античное». Древніе открыли ему тайну красоты, научили законченности и совершенной опредѣленности формъ, его стихъ походить на чистѣйшій граненый хрусталь, и если Рэй можетъ славиться колоритомъ, то Кохановскій скульптурнымъ совершенствомъ чертаній. Производительность его была велика, онъ перепробовалъ всѣ роды поэзіи и всѣ размѣры стиховъ, переводилъ Гомера (Единоборство Париса съ Менелаемъ), писалъ оды, элегіи, сатиры, эпиграммы, даже драмы.

Къ эпическому роду принадлежать *Шахматы*, подражаніе итальянскому поэту Вида; *Сусанна*, повѣсть взятая изъ библіи; *Знамя* (Prorogzes albo hołd pruski)—великолѣпное описаніе ленной присяги и инвеституры на Пруссію, данной Сигизмундомъ Августомъ Альбрехту Бранденбургскому, въ которомъ изображается исторія Польши въ картинахъ; *Походъ на Москву* гетмана Кристофора Радзивилла (1581 г.), отрывокъ героической поэмы о битвѣ съ Турками подъ Варной, въ которой палъ король Владиславъ III Ягеллонъ. Эти отрывки доказываютъ, что Кохановскій имѣлъ замѣчательный эпическій талантъ, но великаго національнаго эпоса онъ со здать не могъ по недостатку пригодныхъ къ тому элементовъ въ польскомъ тогдашнемъ обществѣ, чуждомъ романтизма, весьма склонномъ къ нововведеніямъ въ религіи и прѣ томъ очень довольномъ своимъ блестящимъ настоящимъ, въ сравненіи съ которымъ прошедшее казалось весьма невзрачнымъ и незавиднымъ. При подобныхъ условіяхъ нельзя было построить эпосъ нина одномъ изъ двухъ сильнѣйшихъ его мотивовъ, ни на религіозности, которой идеалы сильно были потрясены реформаціею, ни на патриотизмъ, который при успокоеніи государства не требовалъ никакихъ особенныхъ геройскихъ подвиговъ и усилій. Кохановскій, дитя своего вѣка, былъ теиствъ (его гармоническая натура не допускала въ себя сомнѣнія и избѣгала внутренней борьбы), но этотъ теиствъ уживался какъ нельзя лучше съ цѣлымъ языческимъ Олимпомъ и оставлялъ Кохановскаго совершенно равнодушнымъ къ религіознымъ спорамъ, такъ что и до сихъ поръ неизвѣстно, въ чью сторону онъ болѣе склонился, былъ ли онъ въ душѣ католикъ или протестантъ. Изъ мнѳологіи христіанской онъ не заимствовалъ никогда картинъ или красокъ. Кохановскій опасается для Польши послѣдствій долговременнаго покоя ⁴⁾ и хвалить добрыя старыя времена,

⁴⁾ Święty pokoju ty masz wodę w sobie
 Ze łatwo ludzie zgnucnieją przy tobie.

(Святой покой, ты тѣмъ нехорошъ, что люди изниживаются скоро подъ твоимъ господствомъ).

исполненные тревоги, бдѣній и битвъ, но эти социальныя только повстическая фигура и сопровождаются сознаниемъ невозможности возвратиться къ минувшему желѣзному, панцирному вѣку.

Важнѣе эпическихъ отрывковъ драма Кохановскаго: *Отпускъ пословъ греческихъ* (Odrzawa posłów greckich), написанная имъ для Яна Замойскаго по случаю его свадьбы съ племянницею Баторія и разыгранная въ 1578 г. передъ королемъ Баторіемъ въ Уяздовѣ близъ Варшавы. Зародышъ драмы въ Польшѣ, какъ и въ другихъ странахъ западной Европы, заключался въ мистеріяхъ, порожденныхъ католицизмомъ. Еще и нынѣ на святкахъ хлопцы возятъ такъ называемыя *ясли* или шалашъ (szorka), на которыхъ представляются посредствомъ куколъ рождество христово, поклоненіе волхвовъ, и въ концѣ концовъ чортъ отрубаетъ голову Ироду и тащитъ его въ преисподнюю. Подобнаго рода діалоги въ лицахъ съ масками разыгрывались въ церквахъ и само духовенство принимало въ нихъ участіе. Папа Иннокентій III въ 12 в. строго порицалъ за это духовенство польское, съ тѣхъ поръ драматическія представленія изъ церквей переселяются на кладбища и въ стѣны училищъ и превращаются въ зрѣлища полудуховныя, полусвѣтскія; въ важные сюжеты библейскіе вставляемы были обыкновенно забавныя интермедіи. Духовными сюжетами воспользовались потомъ іезуиты для своихъ тіаістическихъ діалоговъ, что же касается до комическихъ интермедій, то изъ нихъ могла выработаться комедія въ чисто народномъ духѣ. Въ 1530 г. вышла: «Komediја o mięsopuście», въ 1553 «Разговоры» Вита Корчевскаго, потомъ появилось множество безымянныхъ сценъ (Albertus z wojny, Peregrynacja dziadowska) и діалоговъ, въ которыхъ принимаютъ участіе простолюдины, взятые изъ живой дѣйствительности и превращенные въ типы, какъ то кметъ Янъ, отстаивающій старые обычаи, сынокъ его студентъ нѣмецкій, нахватавшійся протестантскихъ ученій, приходскій священникъ, причетникъ церковный, прислуживающій и священнику и ктитору и отправляемый въ народное ополченіе, канторъ, церковные нящіе, наконецъ рыбакъ или органистъ. Кромѣ того наконецъ есть извѣстія и о представленіяхъ въ трагическомъ родѣ; такъ напр. во время Длугоша (15-й

⁵⁾ Szczęśliwe czasy kiedy giermak szary
Był tak poczciwy, jako te dzisiejsze
Jedwabne bramy coraz kosztowniejsze
Wprowadzić niebyło kosztu na maszkory.

Ale był zawsze koń na stajni rzeźwy,
Drzewiec, tarcza pewna i pancerz na ścienie,
Szabla przy boku sam pacholek trzeźwy
Nieszukał pierza, wyspał się na sienie,
A był się dobrze. Bodaj tak uboga
Dziś polska była, a poganoмъ stroga.

(Блаженное время! сѣрый армякъ заступалъ мѣсто драгоценныхъ платьевъ, отороченныхъ шелкомъ, и не тратился деньга на маски; но былъ всегда готовъ конь добрый осѣдланый, копье, щитъ и панцирь на стѣнѣ, сабля у пояса; великій молодецъ былъ трезвъ, не вскалъ перинъ, спалъ на снѣгѣ, за то дрался онъ славно. О, если бы Польша была теперь такая убогая, но и такая страшная притомъ для бусурмановъ).

вѣтъ) представляема была на сценѣ смерть королевы Людгарды. Кохановскій не воспользовался для своей драмы этими данными, не пробовалъ усовершенствовать и развить грубые зачатки, выросшіе на родной почвѣ. Онъ писалъ для отборнаго меньшинства, пропитаннаго, какъ онъ самъ, классическими воспоминаніями и знавшаго прошедшее Греція и Рима лучше, нежели исторію своего собственнаго отечества. Онъ извѣлъ темой страницу изъ Илиады. Улиссъ и Менелай пріѣхали послами отъ Грековъ требовать выдачи Елены, увезенной Парисомъ. Парисъ замѣсиваетъ друзей, собираетъ партію; съ другой стороны, недоступный подаркамъ и лести, честный Антеноръ намѣревается доказывать на иѣчь необходимость выдать Менелая жену. Въ тревожномъ ожиданіи Елена ждетъ рѣшенія своей участи. Возвращающійся съ вѣча троянецъ возвѣщаетъ ей, что голосъ страсти взялъ верхъ надъ внушеніями долга и что, получивъ отказъ, послы возвращаются съ пустыми руками. Вскорѣ явятся и сами послы; проницательный Улиссъ предрекаетъ паденіе Трои, управляемой неопытными, пристрастными совѣтниками, пылкій Менелай взываетъ къ богамъ и мечетъ проклятія. Послѣ ухода пословъ, передъ собравшимися въ ожиданіи важныхъ событій троянцами является бѣспующаяся Кассандра, которая произноситъ зловѣщія пророчества. Наконецъ драма оканчивается точно глухимъ раскатомъ далекаго грѣма, извѣстіемъ, что Греки высидились на берегъ и что война началась. Эта драма, изъ 600 съ небольшимъ бѣлыхъ, не рямованныхъ стиховъ, не раздѣляется на дѣйствія и состоитъ изъ короткихъ сценъ, перемежающихся съ пѣніемъ хора; въ ней нѣтъ интриги, сценической завязки и развязки, и весь интересъ основанъ на идеальной борьбѣ между страстью и нравственною необходимостью. Въ этой драмѣ Кохановскій далъ блистательное доказательство своего пониманія драматическаго міра и умѣнія художественно его воспроизводить. Только въ новѣйшее время Гете создалъ, въ Ифигеніи въ Тавридѣ, произведеніе, которое сравняется въ этомъ отношеніи съ «Отпускомъ пословъ». Но не имѣя никакой связи съ жизнью народною, эта драма стоитъ совершенно одиноко въ литературѣ. Кохановскій не нашелъ послѣдователей, позднѣйшія поколѣнія перестали понимать эту драму, и совершенно объ ней забыли.

Тотъ родъ поэзіи, которымъ Кохановскій оказалъ великое вліяніе на современниковъ и въ которомъ онъ достигъ совершенства и сдѣлался на два съ половиною столѣтія типомъ поэта, была лирика. Онъ сдѣлалъ полный переводъ псалмовъ Давида (1578), лучший, какой до сихъ поръ есть, и находящійся до нынѣ въ употребленіи въ устахъ народа. Онъ писалъ оды, элегіи, эпиграммы, идилліи (*Sobótka, Druyas zamiechska*). Въ Сатирѣ или «лѣшнемъ», посвященномъ Сигизмунду Августу, онъ влагаетъ въ уста бога лѣсовъ критику народныхъ пороковъ: страсти подражать иностранцамъ, легкомысленности въ сужденіяхъ о дѣлахъ вѣры и политики, и вкрадывающейся въ общественную жизнь роскоши. Въ 1580 г., по смерти любимой дочери Урсулы, которую онъ называлъ «славянскою Сафо»,

и которой онъ надѣялся передать свою лиру въ наслѣдство. Кохановскій написалъ *Трены* или скорбныя размышленія, въ которыхъ порою, отрѣшаясь отъ классическихъ воспоминаній и отъ сухой учености, онъ становится оригиналенъ, когда съ простотою и безъискусственности, составляющею верхъ искусства, онъ передаетъ свое горе въ тонѣ престонародной пѣсни ⁶⁾. Въ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ Кохановскаго принадлежитъ собраніе его «Бездѣлушекъ» (*Fraszki*), изданное въ годъ послѣ его смерти (1584). Здѣсь игривая мысль блещетъ остроуміемъ, вольная шутка перемѣшается съ колкою эпиграммою, юмористически обрисованы собесѣдники поэта, прославляются и любовь и вино; надъ веселою компаніею раскинула свои тѣнистыя, душистыя вѣтви знаменитая лира чароулѣсская, многократно воспѣтая поэтомъ ⁷⁾.

Кохановскій умеръ въ полной увѣренности въ свое безсмертіе. Значительною долею этого безсмертія онъ обязанъ тому, что онъ былъ человѣкъ цѣльный, поэтъ столько же въ жизни, сколько и въ пѣсняхъ, добрый, чест-

⁶⁾ Nie do takiej łożnice, moja dziewczko droga,
Miała cię uboga
Doprowadzić. Nietakać dać obiecowala
Wyprawę, jakać dała.
Giełdeczko tylko dała, a lichą tkaneczę,
Ojciec ziemi bryłeczkę
W główki włożył; niestetyż i posag i ona
W jednej skrzynce zamkniona.

(Не до такого ложа надѣялась довести тебя бѣдная мать; о моя милая! Не такое обѣщала она тебѣ дать приданое. Она дала тебѣ только рубашенку, да чепчикъ; отецъ подложилъ глыбку земли подъ твою головку. Увы! и приданое, и она сама уложены въ одинъ деревянный ящикъ).

⁷⁾ Приведемъ очень известное стихотвореніе: «За здоровье», въ которомъ Кохановскій осмѣиваетъ обычай частыхъ тостовъ на пирахъ:

Prze zdrowie gospodarz pije,
Wstawaj gościu! A prze czyje?
Prze królewskie! powstawajmy
I także ją wypijajmy.
Prze królowej! Wstać się godzi
I wypić, ta za tą chodzi,
Prze królowy! już ja stoję
A podaj co rychlej moję.
Przez biskupie! Powstawajmy
Albo raczej nie siadajmy.
To prze zdrowie marszałkowe!
Owa gościu wstań na nowe.
To prze hrabi! Wstańmyż tedy!
Odpocznijemże nogom kiedy?
Gospodarz ma w rąku szaszę,
My więdzmy powinność naszą.
Chtopię wymknąławkę moję,
Już ja tak obiad przestoję i пр.

(Вставай, гость, хозяинъ пьетъ за здоровье. — А за чье? — За королевское. Встанемте живѣе и выпьемъ. — За королеву! — Да, стоять встать и выпить. — Теперь само собою разумѣется: за королеву! — Я уже стою и жду, пока наподнять мою чашу. — За епископское! — Встанемте или, лучше сказать, не будемте садиться. — За маршала! — Нельзя же, гость, еще не приподняться. — Теперь, за графа! — Будетъ ли когда нибудь отдыхъ ногамъ? Хозяинъ держитъ чашу въ рукахъ, нельзя гостямъ не исполнить ихъ повинности. — Хлопецъ, уберига мою скамью. Уже я стою такъ, до конца обѣда).

ный, умѣренный, скромный ⁶⁾, и что онъ былъ полнѣйшимъ выраженіемъ своего общества и умѣлъ высказать тѣ благородныя республиканскія чувства, которыя одушевляли это общество, чувства свободы, человѣколюбія и горячаго сознанія личнаго достоинства.

Теперь прослѣдимъ дальнѣйшія судьбы польской поэзіи послѣ Кохановскаго, и укажемъ на тѣ второстепенные таланты, которые приобрѣли извѣстность на этомъ попрѣщѣ. Николай Семпъ Шаржинскій (преждевременно умеръ въ 1581 г., двадцати съ небольшимъ лѣтъ отъ роду) подражалъ удачно Петраркѣ и ввелъ въ польскую литературу форму сонета. Товитъ Вишнѣвскій, арианецъ, писалъ на подобіе Кохановскаго трены на смерть матери (1585 г.). Лирика видимо слабѣетъ и падаетъ, порча вкуса обнаруживается въ томъ, что стихотворенія нагружаются все больше и больше мнѣологическимъ балластомъ и классическими воспоминаніями. У нѣкоторыхъ поэтовъ замѣтенъ поворотъ къ мистицизму, аскетизму и возвратъ къ поэзіи церковно-христіанской. Такими поэтами, составляющими уже переходъ къ послѣдующему періоду іезуитско-макароническому, являются Гроховскій и Мясковскій. Ксендзь Станиславъ Гроховскій (род. около 1530, † около 1616), человѣкъ очень посредственныхъ дарованій, сивернаго характера, искатель бенефицій, злой на языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшный льстець, курилъ оміямъ передъ всѣми великими міра сего, притомъ онъ былъ и ябедникъ. Писалъ онъ чрезвычайно много плохихъ по содержанію виршей, духовныхъ и свѣтскихъ, переводилъ по совѣту іезуитовъ церковныя гимны изъ *breviarium romanum* и сочинялъ въ томъ же родѣ оригинальныя пѣснощія. Гораздо даровитѣе Гроховскаго былъ Касперъ Мясковскій (1549 — 1622), изъ земли равской, настоящій типъ шляхтича домосѣда, преданнаго сельской жизни, горячій католикъ и консерваторъ. Когда при Сигизмундѣ III борьба партій дошла до открытой междоусобной войны, извѣстной подъ именемъ рокоша Зебржидовскаго, на одной сторонѣ стали прогрессисты, преимущественно протестанты, на другой король, поддерживаемый іезуитами и реакціею. Мясковскій громилъ рокошанъ исполненнымъ силы и негодованія стихомъ. Лучшими его произведеніями считаются его религиозныя пѣсни, элегіи покаянія, «Цвѣты на нелѣ Спасителя» и «Исторія страданія І. Х.», раздѣленная на часы. Особенное значеніе получили два вида дидактической поэзіи, по которымъ и Кохановскій оставилъ образцы, а именно: идиллія и сатира. Развитіе этихъ двухъ видовъ объясняется причинами социальными, положеніемъ шляхты въ средѣ общества и отношеніемъ ея къ другимъ сословіямъ въ первой половинѣ 17-го столѣтія. Польша переживала тогда одну изъ тѣхъ критическихъ минутъ, отъ которыхъ зависяетъ судьба народа, и которыя рѣшаютъ, вознесется ли этотъ

⁶⁾ To pan zdaniem mojem
Kto przestał na swoim.

(Тотъ баринъ, по моему мнѣнію, кто доволенъ тѣмъ, что имѣетъ).

народъ еще выше или ступить на тотъ отлогій скатъ, въ концѣ котораго ждетъ его неизбежная пропасть. Шляхта была всѣмъ въ Рѣчи посполитой, ей Польша обязана тѣмъ могуществомъ и благосостояніемъ, котораго она достигла. Что же требовалось отъ всемогущей тогда шляхты для дальнѣйшаго преуспѣянія Рѣчи посполитой? Эти требованія ясно высказаны въ сочиненіи знаменитаго политика Андрея Фрѣча Модржевскаго, любимаго ученика Меланхтона: *De Republica emendanda*, 1551 г. (перевелъ на польскій языкъ Киприанъ Базиликъ): «Господи Боже! дай всему состоящему рыцарскому такое сердце, чтобы они, отложивъ въ сторону любовь самихъ себя, возлюбили всю Рѣчу посполитую, то есть всѣхъ людей, пребывающихъ вмѣстѣ съ ними въ этомъ общественномъ тѣлѣ; чтобы они обо всѣхъ неслись и защищали всѣхъ людей животы, интересы и честь. Когда это будетъ, то и окажется, зачѣмъ господа сенаторы и сословіе шляхетское приставлены къ королю, какъ участники въ верховной власти». По отсутствію средняго сословія и малочисленности городского населенія, шляхта непосредственно примыкала къ крестьянству; ей надлежало позаботиться поднять крестьянство, дать ему провъщенье и права, ей надлежало составить себѣ цѣлью дать шляхетство всему народу и стремиться поспѣшно къ осуществленію этой цѣли. Литература своимъ вѣрнымъ чувствомъ вводила на эту мысль и, прорвавшись сквозь заколочанный кругъ шляхетства, опускалась въ идилліи до крестьянъ, заимствовала картины и типы изъ мужицкаго быта, стараясь ихъ поэтизировать. Такова была задача, которую себѣ поставила цѣлая школа червоно-русскихъ поэтовъ, во главѣ которыхъ стоитъ Шимоновичъ. Эти стремленія не были никогда осуществлены и остались на степени *piu desideria*, никакая внѣшняя сила не заставляла шляхту сближаться съ массами и идти впередъ по пути, въ окончательномъ результатѣ котораго видѣлось самоуничтоженіе шляхетства, посредствомъ распущенія его въ цѣломъ народѣ. Никакая сила политическая не рѣшается сама собою на самоубійство, и нерасположена къ самоотреченію безъ предварительнаго боя; тщетно было бы ожидать этого и отъ шляхты. Она почла на лаврахъ и была пробуждена отъ этого сладнаго сна только свирѣпымъ демономъ соціальной революціи въ видѣ войнъ козацкихъ. Одолевъ со страшными потерями стоглавую гидру всколебавшейся подъ ея ногами массы, шляхта заключилась въ самый узкій сословный консерватизмъ, причѣмъ вышли наружу и явственно обозначились всѣ слабыя стороны ея, представлявшія обильную пищу для сатиры. Мы рассмотримъ сначала поэзію буколическую, а потомъ перейдемъ къ сатирическимъ поэтамъ.

Въ восточной половинѣ теперешней Галиціи надъ маленькою рѣчкою Пелтевью, въ великолѣпной мѣстности, у предгорій Карпатскихъ, разстилаются далеко на востокъ широкія равнины. Равнины эти — открытый путь для саранчи и Татаръ. Здѣсь лежатъ, раскинувшись живописно, старинный городъ князя Льва, сердце Руси Червоной, вмѣщающей въ себя три духоб-

ныя столицы: архіепископскую римско-католическую, митрополичью армянскую и епископскую православную у св. Юра. Въ этой странѣ, которая во время Казимира въ 14-мъ вѣкѣ входила въ составъ короны польской, и въ этомъ городѣ, окруженномъ крѣпкими стѣнами и составлявшемъ оплотъ Рѣчи посполитой съ востока, родился въ 1557 г. отъ Шимона (Семена) изъ Бржезинъ, городского ратмана, сынъ Шимонъ, который по отчеству долженъ былъ называться Шимоновичемъ, но, сдѣлавшись ученымъ, предпочелъ называться и подписываться по гречески Симонидомъ. Шимоновичъ получилъ воспитаніе въ краковской академіи, потомъ ѣздилъ въ Италію и во Францію, гдѣ подружился съ знаменитымъ гуманистомъ Іосифомъ Юстомъ Скалигеромъ (сыномъ), котораго совѣты имѣли рѣшительное вліяніе на всю его жизнь и будущую литературную дѣятельность. По возвращеніи изъ-за границы, Шимоновичъ познакомился съ Яномъ Замойскимъ, уже канцлеромъ въ то время, поступилъ къ нему въ секретари и содѣйствовалъ ему въ образованіи академіи въ Замосьцѣ. Замойскій поручилъ ему воспитаніе единственнаго сына своего, далъ ему въ пожизненное владѣніе деревню, успѣлъ сдѣлать то, что, по внушенію его и по ходатайству пословъ земскихъ на сеймѣ, король Сигизмундъ III пожаловалъ Симониду шляхетство, съ фамильнымъ названіемъ Бендонскій, и украсилъ его почетнымъ титуломъ королевскаго поэта. Симонидъ умеръ въ глубокой старости въ 1629 году. Его произведенія дѣлятся на два рода: латинскія оды и польскія идилліи. Остановимся на однихъ только стихотвореніяхъ его буколическихъ. Симонидъ изучилъ основательно Феокрита и проникнулся имъ весь; онъ началъ съ простыхъ переводовъ изъ Феокрита, Віона и Мосха, отчасти изъ Вергилія и Овидія или съ такихъ передѣлокъ и подражаній, въ которыхъ все содержаніе античное, но пастухамъ и пастушкамъ даны только названія славянскія (Милко, Собонь и т. под.). Потомъ Симонидъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ и пробовалъ брать темой сельскіе нравы дѣйствительныя, не воображаемыя, идеализируя ихъ по возможности; иными словами, онъ сталъ писать картины изъ простонароднаго быта. Такъ какъ съ живымъ воображеніемъ онъ соединялъ наблюдательность и талантъ тонкаго психологическаго анализа, то сцены, вставляемыя имъ въ тѣсныя рамки идилліи, плѣняли современниковъ, не смотря на недостатокъ наивности и простоты. Симонидъ не могъ никакъ избѣжать двухъ недостатковъ, неразлучныхъ съ самымъ родомъ буколической поэзіи: тривіальности, когда поэтъ старается вѣрно копировать природу, и приторности, когда поэтъ, идеализируя своихъ героевъ, сходитъ съ почвы дѣйствительности и поселяется въ небывалой странѣ условностей и вымысловъ, безжизненныхъ и безцвѣтныхъ. Желая сдѣлать своихъ пастуховъ правдоподобными, онъ влагаетъ имъ порою въ уста площадныя шутки и скептическія насмѣшки, несвойственныя крестьянамъ, порою же заставляетъ ихъ вести разговоры, исполненные колкаго остроумія и тонкой вѣжливости. Среди множества неудачныхъ нѣкоторыя сцены поражаютъ реализмомъ, воспроизведеніемъ въ художественной формѣ народныхъ представ-

лений и повѣрій. Такова идилия 15-я, *Чары*, въ которой жена, оставленная невѣрнымъ мужемъ, сыплетъ просо на угли, топить воскъ, сожигаетъ ясеневые листья и употребляетъ заклинанія и заговоры, чтобы привлечь къ себѣ невѣрнаго и извести его любовницу. Такова еще прелестная идилия 12-я, *Коровай* (*Kořacz*), взятая впрочемъ болѣе изъ шляхетскаго быта и изображающая свадебные обряды ⁹⁾.

Наконецъ Симониду пришла счастливая мысль вложить въ уста простого народа патетическія жалобы на его горькую судьбину, на притѣсненія со стороны помѣщиковъ. Эти жалобы писались не въ видахъ демократической пропаганды, потому что поэзія Симонида по своей искусственности никакъ не могла рассчитывать на распространеніе въ простонародѣ, да и Симонидъ былъ вовсе не революціонеръ, а человѣкъ глубоко преданный существующему порядку. Она заключала въ себѣ только предостереженіе на будущее время и обнаруживаетъ въ авторѣ не только художника, но и человѣка съ направлениемъ, мужественнаго гражданина, который рѣшился говорить весьма непріятныя вещи въ глаза всемогущему тогда сословію, нерасположенному слушать ничего подобнаго. Въ идилии 17-й, *Пастухи*, мужики толкуютъ о вымогательствахъ со стороны панскихъ лѣсничихъ, о взысканіяхъ за лѣсные порубки. Въ идилии 18-й, *Жницы*, барскій управляющій съ кнутомъ въ рукахъ понуждаетъ къ работѣ деревенскихъ бабъ; одна изъ нихъ, Петруха, заводитъ слѣдующую ибсю: «Солнышко, око свѣтлое, око дня прекраснаго, ты не то, что нашъ староста; ты встаешь, когда пора придетъ; ему этого мало, онъ бы хотѣлъ, чтобы ты въ полночь подымалось. Солнышко, ты день за днемъ водишь, пока не исполнится долгій годъ, а онъ бы хотѣлъ все сдѣлать въ одинъ часъ; ты иногда припекаешь, иногда даешь вѣтерку повѣять и разбѣять зной, а онъ то и дѣлаетъ, что кричитъ: не лѣнись, жни да жни, онъ и знать не хочетъ, что при работѣ серпомъ, потъ льется въ три ручья съ лица. Тебя, солнышко, заслонять иногда тучи, но ихъ скоро разгонитъ вѣтеръ; нашему старостѣ не гляди прямо въ глаза,

⁹⁾ Sroczka krzeczce na płocie, będą goście nowi;
Sroczka czasem omyli, czasem prawdę powie,
Gdzie gościom w domu radzi, sroczce zawsze wierzą.
I nie każą się kwapić kucharzom z wieczera...
Sroczka krzeczce na płocie, pewnie się raduje
Serduszek, bo miłego przyjaciela czuje
Jedzie z swoją drużyną panicz urodziwy,
Panicz z dalekiej strony, pod nim koń chodźliwy
Koń łysy, białonogi, rząd na nim ze złota,
Panno gotuj się witać, już wjeżdża we wrota... i t. d.

(Сорока стрекочетъ на заборѣ—будутъ новые гости. Сорока иногда обманетъ, иногда правду скажетъ. Въ которомъ домѣ рады гостямъ, тамъ сорока всегда вѣрить и приказываютъ поварамъ не торопиться съ ужиномъ. Сорока стрекочетъ на заборѣ, а сердце скачетъ у дѣвушки, потому что она чуть милаго друга. Ѣдетъ съ дружиною паничъ красивый, паничъ съ дальней стороны; поѣхъ нимъ конь рѣзвый, конь бѣлоногий, сбруя на немъ золотая. Дѣвица, готовится привѣтствовать его! вотъ онъ въѣзжаетъ въ ворота и т. д.)

потому что у него постоянно нахмуренные брови. Ты доешь росу, вставая и заходя, у насъ же все постъ отъ утра до вечера» и т. д. ¹⁰⁾

Наслѣдниками лиры Шимоновича въ буколическомъ родѣ являются братья Зиморовичи, армяне, мѣщане львовскіе, изъ которыхъ младшій, Шимонъ, рано умеръ и не могъ вполне развить своего таланта (+1629; *Rozolanki*); старшій, Іосифъ Вареломей (1597 — 1628), оставилъ 17 идиллій весьма замѣчательныхъ, потому что въ нихъ болѣе снятыхъ съ натуры эскизовъ, нежели у Шимоновича, языкъ дѣлается живописителемъ и пестрѣетъ русскими провинциализмами (*solowej, władyka, sraz, rżaznik, derewnia* и т. под.); наконецъ, когда послѣ страшнаго набѣга козаковъ и Татаръ на Червоную Русь и осады ими Львова въ 1648 г., Зиморовичъ взялся разсказать въ двухъ идилліяхъ эти событія (*Kożaszuwa, Burda ruska*), то подъ его перомъ римованный разсказъ крестьянъ, слышавшихся отъ набѣдниковъ, о томъ, какъ была взята и кровью обогрета святоюрская обитель, какъ пытаемы были священники, какъ цѣлыя толпы народа продаваемы были въ ясырь Татарамъ, — принимаетъ складъ эпическій и превращается почти въ страницу изъ исторіи ¹¹⁾.

Отъ идилліи перейдемъ къ сатирѣ. При всемъ блескѣ и великолѣпіи тогдашней Польши передовые люди чувствовали, что не все гладко въ Рѣчи Посполитой. Замѣчались симптомы болѣзни, дѣлалась по временамъ ея діагноза, но причина зла оставалась тайною. Янъ Кохановскій и Петръ Збылитонскій (1571—1649) вмѣсто лекарства предлагаютъ одни нравоученія въ родѣ слѣдующихъ: будьте скромны, воздержны, гуманны въ отно-

¹⁰⁾ Słoneczko! sliczne oko, oko dnia pięknego
 Niejesteś ty zwyczajów starosty naszego;
 Ty wstajesz kiedy twój czas. jemu się zda mało
 (Chciałby on żebyś ty od północy wstawało...
 Ty dzień po dniu prowadzisz, nim długi rok minie
 A on wszystko porobić chce w jednej godzinie.
 Ty czasem pieczesz, czasem wionąć wietrzykowi
 Pozwolisz, i naszemu dogadzasz znojowi,
 A on zawsze: pożyjaj, niepostawaj! woła
 Niepomnając że przy sierpnie trojpot idzie z czoła...
 Ciebie czasem pochmurne obłoki zasłonią,
 Ale ich prędko wiatry pogodne rozgonią,
 A naszemu staroście niepatrz w oczy śmieje,
 Zawsze u niego chmura i kozoł na czele.
 Ty rosę hojną dajesz poranu wstawając
 I drugą także da, esz w wieczór zapadając—
 U nas post do wieczora zawsze od zarania,
 Niepytaj podwieczorka, niepytaj śniadania! i t. d.

¹¹⁾ . . . dopiero pójrzałem
 Kiedy ihumen głosem zawołał niemałym:
 Hej! Proboh chrestyanie; temu horylica
 Polawszy plesz na głowie przepalali świecą,
 Żeby wyspiewał kędy stare ryzy schował,
 Albo srebro; on z niemi o wierze rokował
 Lecz niejeden powiedział: batenku choroszyl!
 Niechoczem twojej wiry, tysze ditzczych hroszej...
 Naostatek wołając: proszczaj światyJ Juru!
 Oberwali na ziemię obraz jego z muru...

шени въ низшимъ, не гоняйтесь за модою, остерегайтесь роскоши, храните крѣпко старыя добрыя нравы. Разумѣется, что эти нравоученія не вели ми въ чему. Потокъ времени увлекалъ съ собою общество въ противоположныя направленія. Былъ одинъ только писатель, одаренный замѣчательнымъ критическимъ умомъ, который заглянулъ поглубже въ общественныя отношенія и, детронувшись до основанія шляхетства, осмѣлился занести руку на самый корень его въ Польшѣ, отвергнуть значеніе и превосходство породы, усомниться въ преемственности наслѣдованнаго отъ предковъ благородства. Это сомнѣніе выражено было намеками, обиняками; при всей слабости выраженія, оно требовало значительнаго гражданскаго мужества. Этотъ писатель, рѣшившійся сознательно идти противъ теченія вѣка и общества, едва замѣченный современниками, но котораго позднее потомство должно привѣтствовать какъ родного брата, былъ Себастьянъ Кленовичъ (или по латини, отъ асег—вѣнъ, Асегпиус, 1551—1608). Кленовичъ происходилъ изъ мѣщанъ города Сульмерницъ, на границѣ Силезіи, воспитывался въ краковской академіи, поселился въ Люблинѣ, былъ ратманомъ и писаремъ городского суда, наконецъ бургомистромъ города Люблина, исполнялъ притомъ должность судьи или войта въ мѣстныхъ монастыряхъ съцеловснаго. Жизнь поэта, не блестящую и трудовую, омрачали домашнія бѣдствія; его разоряла злая и распутная жена, его преслѣдовали многіе неприятели, которыхъ онъ назвалъ себѣ между сильными міра сего своимъ прямодушіемъ, такъ что онъ скончался въ крайней нищетѣ, въ больницѣ іезуитской св. Лазаря въ Люблинѣ. Ученый библіотекаръ краковскаго университета Іосифъ Мучковскій открылъ случайно, кто были главные гонители Кленовича (брошюра Мучковскаго издана 1840). Въ іезуитскихъ бумагахъ онъ нашелъ извѣстіе, что отцы іезуиты передъ смертію Кленовича привели его къ раскаянію и заставили его просить прощенія въ томъ, что онъ издалъ безъимянно въ 1600 г. брошюру *Equitis poloni in Jesuitas actio prima*, въ которой онъ доказывалъ, что орденъ занимается больше интригами, нежели наукою, и что орденъ причинилъ вредъ Польшѣ, завладѣвъ народнымъ воспитаніемъ. Рука ордена тяготѣла и надъ произведеніями поэта, которыя были по возможности истребляемы. Въ особенности преслѣдовалась его *Victoria Deorum*, заклеимная слѣдующимъ іезуитскимъ двустишіемъ:

Quid praemii versibus tam dignis?
Nisi carnifex et ignis.

(Чего достойны эти стихи? только огнь, и руки палача).

Если на Кленовича смотрѣть съ художественной точки зрѣнія, то приговоръ о немъ выйдетъ не въ пользу автора; поэтическое дарованіе его было слабое; творчествомъ поэтическимъ, уявляющимъ великую мысль облечь въ соответствующую ей форму, онъ не отличался вовсе. Въ его натурѣ преобладали двѣ способности: острая наблюдательность, и умъ анали-

тичскій, разлагающій всякую общую мысль, взятую имъ за тему, на безчисленное множество частностей. Ухватившись за такую мысль, Кленовичъ возился съ нею долго, по цѣлымъ годамъ, оборачивая ея на всѣ стороны, выводилъ по всѣмъ правиламъ логики цѣлую сѣтку систематическихъ дѣлений, и дробныя вѣточки этой канвы онъ наполнялъ постепенно содержаніемъ, заимствуемымъ или изъ запаса громадной его учености, или изъ собственнаго житейскаго опыта. За исключеніемъ *Надгробнаго пѣсн* на смерть Яна Колановскаго, ряда пѣсней въ лирическомъ родѣ, всѣ остальные поэмы Кленовича растянуты, носятъ на себѣ слѣды продолжительной и усидчивой работы, читаются съ трудомъ, но изобилны живописнѣйшими частностями. Онѣ могутъ быть отнесены къ двумъ родамъ: землеописательному (такова его поэма писанная по польски, *P'lis*, и по латыни, *Roxolania*), и правоучительному (таковы *Worek Judaszow* или *Мошна Іуды*, и *Victoria Deorum*). Флисами называются судовицки вислянскіе. Кленовичъ садится съ ними на шкуту (баржу) у варшавскаго моста и совершаетъ плаваніе до самого Данцига. Поэма начинается созданіемъ міра, образованіемъ рѣкъ, выводитъ изъ глубочайшей древности, отъ Язона и Одиссея, исторію плаванія по водамъ и торговли, излагаетъ энциклопедически теорію судостроенія, описываетъ нравы судовицковъ и шкиперовъ, ихъ техническій языкъ и поговорки, ихъ преданія и, останавливаясь при каждомъ поворотѣ и каждомъ рукавѣ рѣки, рисуетъ картины ея береговъ и усѣвшихся на нихъ селеній и городовъ. Въ латинской *Roxolaniæ*—пріемышъ Руси Червоной или Галицкой—Кленовичъ взялся описать красоты своего отечества по усновленію и раздѣливъ свой предметъ на три части, въ первой описываетъ дары и произведенія природы, а также и промыслы жителей: лѣсоводство, земледѣіе, скотоводство, пчеловодство; во второй—червоно-русскіе города: Люблинъ, Львовъ, Кіевъ, Перемишль, Каменецъ; въ третьей—бытъ и нравы жителей, крестины и проводы мокошниковъ, цсты, чары и религіозное суевѣріе простонародья, бѣдствій и радости мужика, алчность евреевъ. Великій мастеръ пейзажной живописи, Кленовичъ по существу и складу своего ума предпочиталъ однако обрабатывать матерію важныя, нравственные вопросы, «писать смѣхотворно не смѣха ради, а для исправленія людскихъ обычаевъ, въ особенности для исправленія людей молодыхъ». Какъ судья, долго возившемуся съ грязью и осадками общества, ему хорошо была извѣстна изнанка человѣческой природы, онъ и далъ волю своему, наболѣвшему отъ созерцанія зла, сердцу въ поэмѣ на польскомъ языкѣ: *Мошна Іуды*, странномъ произведеніи, которое неизвѣстно куда отнести, къ юридической ли литературѣ или къ поэзіи. По приемамъ автора оно скорѣе походитъ на комментарий къ «Саксонскому Зерцалу», которымъ руководствовались городскіе судьи; это ничто иное какъ юридическій трактатъ, по всѣмъ правиламъ науки, о воровствѣ-кражѣ и о разныхъ иныхъ предосудительныхъ способахъ пріобрѣтенія собственности въ ущербъ другимъ лицамъ. Христовъ предатель, океанъ

ный Иуда носилъ у пояса пеструю кошну, сшитую изъ четырехъ родовъ кожи: волчьей, лисьей, леопардовой и львиной. Четыремъ составнымъ кускамъ кошны соотвѣтствуютъ четыре способа корытоваться чужою собственностью: кража, мошенничество, ябеда и насиліе, что и даетъ поводъ автору описать и перебрать поштучно всѣ виды этихъ преступленій.

Къ первому куску кошны приурочены простая кража и свѣтокуство, выдраніе пчель и конокрадство, казнокрадство и лихоимство. Наконецъ безстрашною рукою записного юриста-техника начертанъ драматически и картинно весь ходъ суда надъ ворами, съ палачемъ и поднятіемъ на дыбу, съ прожиганіемъ тѣла свѣчами и повѣшеніемъ воришки на высокой перекладинѣ, въ полѣ перекатномъ между небомъ и землею, чтобы онъ не вредилъ болѣе человѣческому племени. Подъ кожу лисью подведены обманщики, испрашивающіе милостыню, нищія, выдумывающіе чудеса, падувалы, живущіе на счетъ мужей, волочась за женами. Къ леопардовой кожѣ отнесены ябедническое крючкотворство, жидовская лжива и вымогательство монахами записей у умирающихъ на монастыри и церкви. Наконецъ, дошедши до кожи львиной, авторъ вдругъ замолкаетъ, «такъ какъ страшно говорить объ этой кожѣ», и, прервавъ свою рѣчь, заканчиваетъ поэму просьбою, обращенною къ грабителямъ, забравшимъ чужое добро, чтобы они по примѣру того, что сдѣлано изъ сребренниковъ Іуды, купили по крайней мѣрѣ какую нибудь «землю крове» для погребенія обобранныхъ ими жертвъ. У Кленовича болѣе, чѣмъ у кого нибудь другого изъ его современниковъ, надобно читать между строками; въ этой недомолкѣ, какъ полагаютъ, сквозитъ мысль политическая, подъ львинымъ насиліемъ Кленовичъ разумѣлъ вѣроятно насиліе и притѣсненія со стороны преобладающей въ государствѣ аристократіи въ отношеніи къ другимъ сословіямъ. но слово замерло на устахъ передъ трудностью задачи. Трудность задачи заключалась не въ опасеніи гоненій со стороны власти, потому что учрежденія были въ Польшѣ свободнѣе, чѣмъ гдѣ либо и писатель пользовался полною свободою слова и печати. Она состояла въ томъ презрительномъ невниманіи, съ какимъ настроившеся на извѣстный ладъ общество относится къ неприятнымъ для него истинамъ и совѣтамъ, мѣшающимъ его покою ¹²⁾. Кленовичъ хотѣлъ но что бы то ни стало заставить себя слушать, онъ нарядилъ жесткую мысль въ мягкія формы, онъ заявилъ со всевозможными оговорками и уступками протестъ противъ существующаго порядка и идею о необходимости коренной социальной реформы въ предлинной дидактической поэмѣ, состоящей изъ 44-хъ пѣсенъ на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Victoria Deorum*. Это

¹²⁾ Въ этомъ отношеніи Польша 17-го вѣка была удивительно похожа на тене-решную Англію. Заимствуемъ у Франкевиля (*Institutions polit., judic., et adm. d'Angleterre, Paris 1863*) слѣдующую выдержку изъ Times: „Хотите знать, какая судна ждетъ у насъ демократовъ, революціонеровъ, утопистовъ? Мы не заключаемъ ихъ въ тюрьму, мы только затворяемъ передъ ними наши двери и не допускаемъ ихъ въ наше home. Мы не смотримъ на нихъ, мы не занимаемся ими, они угасаютъ въ пустомъ безвоздушномъ пространствѣ, которое образуется вокругъ нихъ“...

произведение поэтично только по своей стихотворной формѣ, въ сущности это ничто иное, какъ огромный трактатъ нравственной философіи, весь состоящій изъ тезисовъ, опроверженій, доказательствъ и примѣровъ. Названіе его, совершенно произвольное, вьете изъ помѣщеннаго въ концѣ поэмы (XXXIX, XL) эпизода о борьбѣ Титановъ съ Юпитеромъ: въ Титанахъ олицетворены магнаты и шляхта, рокошане, потрясающіе тронъ, въ Юпитерѣ королевская власть. Настоящее названіе поэмы должно бы быть *de vera nobilitate*, а коренная мысль ея заключается въ томъ, что тотъ лишь хорошо рожденъ (т. е. благороденъ), кто хорошо живетъ, а хорошо живетъ, кто хорошо умираетъ. Кленовичъ преклоняется передъ необходимостью существованія шляхетства, потому что люди рождаются не съ одинаковыми способностями, и во всякомъ обществѣ должны быть и управляющіе, и управляемые. Но допустивъ аристократію, Кленовичъ требуетъ, чтобы она была настоящая, а не подложная, настоящая же только и можетъ основываться на *добродѣтели* (въ особенности на храбрости — *virtus*) и на трудѣ, а не на породѣ, и не на богатствѣ.

Такъ какъ шляхетство должно пріобрѣтаться доблестью, то оно превращается у Кленовича изъ родового въ личное, что и подтверждается безчисленнымъ множествомъ примѣровъ объ искаженіи и вырожденіи аристократическихкихъ фамилій и о даровитости простолюдиновъ и бастардовъ. Вопреки господствующимъ предубѣжденіямъ, Кленовичъ утверждаетъ, что ручной трудъ не унижительно для шляхтича; онъ энергически возстаетъ противъ помѣщиковъ, заступаясь за крестьянъ. Кленовичъ только критикъ, а не реформаторъ; указывая на причину зла, онъ не предлагаетъ никакихъ средствъ лѣченія, средствъ этихъ и не было въ польской Рѣчи посполитой, которой органическимъ порокомъ былъ родовой аристократизмъ. Кленовичъ не подозревалъ, что зло столь глубоко, что народъ и освободиться отъ него можетъ не иначе, какъ посредствомъ политической своей смерти. Кленовичъ полагалъ, что его оцѣнятъ по достоинству современники или по крайней мѣрѣ ближайшіе потомки¹³⁾, но память объ немъ затихла, и только послѣ двухъ съ половиною вѣковъ, послѣ паденія Рѣчи посполитой, тѣмъ его дождалась того, что ей воздана должная почеть и что ей воздвигаютъ надгробные памятники¹⁴⁾.

Вмѣсто реформы въ либеральномъ духѣ, которую звалъ Кленовичъ, близилась быстрыми шагами нелиберальная, нетолерантная реакція, возвратъ къ старому, оцѣпенѣніе мысли, разнуздавшейся вслѣдствіе реформацій, безъ преобразования учреждений. Свободныя учреждения требуютъ въ народѣ, который хочетъ ими пользоваться, здоровыхъ нравовъ и выработки характеровъ. Эту выработку сообщала характерамъ въ средніе вѣка религія. Про-

¹³⁾ Forsitan ad Manes dulcedo posthuma laudis
Pervenit nostros et seri sensus honoris.

¹⁴⁾ Прекрасную оцѣнку своихъ заслугъ нашелъ Кленовичъ у Мацѣйскаго, Piém. Polsk. т. 1, стр. 522—556.

тестантизмъ въ Польшѣ, отвергнувъ авторитетъ церкви, не поставилъ никакого новаго закона нравственнаго вмѣсто католическаго, и видимо стремился въ арианствѣ, анабаптизмѣ и другихъ сектахъ къ превращенію религіи въ чистую философію, оправдывающую по иѣрѣ надобности и кровосмѣшеніе, и вѣтбрачныя связи, и захваты духовныхъ имуществъ, и всякій произволъ. Притомъ этотъ польскій протестантизмъ заключалъ въ себѣ множество противорѣчій, которыя должны были неминуемо привести его къ паденію; онъ пустил корни только въ слобъ высшей шляхты, онъ искалъ поддержки въ магнатахъ, долженъ былъ по необходимости угождать своимъ покровителямъ, спускать имъ многое недостойное, мало заботился о массахъ и привыкалъ смотрѣть на свободу вѣроисповѣданія, какъ на прерогативу, принадлежащую исключительно шляхетству. Протестантская шляхта наслаждалась свободой вѣрованія во что либо или ни во что навѣрованія, и цѣнила высоко эту свободу, но она вмѣстѣ съ тѣмъ сознавала, что для простонародья религія нужна, чтобы держать чернь въ узлѣ. Этотъ союзъ протестантской религіи съ аристократіею могъ продолжаться только до поры до времени, до того момента, когда бы обѣ соединившіяся силы не увидали, что онѣ теряютъ отъ этого союза; религія, потому что она оскорбляется зависимостью отъ своихъ свѣтскихъ покровителей; аристократія, потому что протестантизмъ, какъ элементъ критики и отрицанія, долженъ разбѣдать всякій авторитетъ, а слѣдовательно и авторитетъ шляхты, ея господство надъ крестьянами, ея преобладаніе политическое, ни на чемъ другомъ не основанное, какъ на исторіи и на преданьяхъ. Этотъ моментъ насталъ въ концѣ 16-го и началѣ 17-го столѣтія. Замѣтивъ опасность, большинство послѣдователей протестантизма отшатнулось отъ него такъ же легко, какъ легко къ нему пристало, отказалось отъ свободы мышленія, подчинилось опять авторитету откровенія, представляемому церковью, и римскій католицизмъ, повидимому совершенно было упавшій, поскресь опять, какъ фениксъ изъ пепла, обновленный, очищенный, и болѣе завоевательный, чѣмъ когда либо въ прежнія времена. Риды противниковъ его рѣдѣютъ, однихъ за другимъ переходятъ къ нему протестантскіе магнаты, переходятъ и князья, и вельможи литовскіе и русскіе, слѣдовавшіе доселѣ православію. Восторженная пропаганда совершаетъ чудеса, собираетъ опять разсѣявшіеся овецъ въ едино стадо, подъ старое знамя, и ставитъ себѣ цѣлью положить основаніемъ государству единство вѣроисповѣданія, заставивъ всѣхъ еретиковъ (протестантовъ) и схизматиковъ (православныхъ) признать главенство римскаго папы. Эти стремленія католицизма совпадали съ наибольшимъ распространеніемъ границъ Польши на востокъ, съ моментомъ, когда орлы польскіе направлялись на самый Кремль московскій, когда существовали не лишнія основанія надежды, что рано или поздно сама Московія будетъ вовлечена въ систему польской шляхетско-католической федераціи или посредствомъ избранія кого нибудь изъ московскихъ государей на польскій престолъ (по приѣру династіи Ягеллоновъ), или посредствомъ возведенія на московскій пре-

столь лица, которое бы вышло бы исполнителемъ замысловъ польской политики. Главными дѣателями на поприщѣ пропаганды религиозной были иезуиты; о вліяніи ихъ на народное воспитаніе, на умственное развитіе народа мы скажемъ впоследствии, при рассмотрѣніи слѣдующаго періода, когда ихъ дѣятельность принесла уже свои плоды, здѣсь только замѣтимъ, что ихъ направленіе было демократичѣе шляхетскаго протестантизма, наконецъ что между иезуитами попадались и люди честные, исполненные самоотверженія, энтузіастически преданные своему дѣлу, которые именемъ Бога говорили народу горькія истины и укоряли сильныхъ міра сего, не унижая себя никогда лестию. Однимъ изъ такихъ чистыхъ и честныхъ дѣателей по части прозелитизма и воплощеніемъ, можно сказать, католической пропаганды былъ знаменитый священникъ Петръ Павээнзекій, болѣе извѣстный подъ фамильнымъ прозвищемъ Скарга, стяжавшій себѣ по увлекательному своему краснорѣчію званіе Златоустаго. Вліяніе его на современниковъ было столь громадно и дѣятельность его ораторская и литературная столь тѣсно связаны со всеми тогдашними политическими событіями, что необходимо изложить подробнѣе главные моменты его 76-лѣтней жизни, посвященной съ начала до конца одной только идѣ¹⁵⁾.

Петръ Скарга, дворянинъ родомъ изъ Мазовіи, родился 1536 г., учился въ краковской академіи, вступилъ въ духовное званіе, сдѣланъ былъ каноникомъ львовскаго капитула и проповѣдникомъ соборной церкви въ Львовѣ. Священство свѣтское, которому онъ принадлежалъ, не удовлетворяло души его, склонной къ аскетизму, сдержанной и любящей дисциплину. Онъ его оставилъ, отправился въ Римъ и тамъ, въ столицѣ католицизма, вступилъ въ 1568 г. въ ряды того недавно возникшаго ордена, который былъ построенъ на чиноначаліи, болѣе нежели военномъ, на слѣпомъ и безусловномъ подчиненіи ума и воли человѣка пользамъ и видамъ церкви. Возвратившись въ 1571 г. въ Польшу, онъ былъ поставленъ въ 1573 г. на посту весьма важномъ, но трудномъ, на востокѣ Рѣчи посполитой, въ Вильнѣ, среди преобладающаго на Литвѣ кальвинизма. Скарга отличился вскорѣ какъ проповѣдникъ, онъ обратилъ въ католичество магнатскую фамилію Ходкевичей и несвижскую линію дома Радзивилловъ, онъ велъ диспуты съ протестантскими богословами, основывалъ братства религиозныя и благотворительныя, былъ первымъ ректоромъ образованнаго въ 1579 г. изъ иезуитской гимназіи виленскаго университета, ѣздилъ устраивать иезуитскія collegia, школы и церкви въ Полоцкѣ, Дерптѣ, Ригѣ. Изъ Вильна Скарга перѣѣхалъ въ 1584 г. въ Краковъ; въ 1588 г. избранный королемъ, Сигизмундъ III Ваза, сдѣлалъ его своимъ придворнымъ проповѣдникомъ. Въ теченіи 24 лѣтъ Скарга пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Сигизмунда III. По вырешенію проповѣдника Бирковскаго, какъ передъ римскими императорами носимы были зажженные факелы, такъ точно Скарга былъ та-

¹⁵⁾ Rychcicki (M. Dzieduszycki), Piotr Skarga i jego wiek. Kraków 1850. 2 тома.

книжъ горящимъ факеломъ передъ лицомъ польскаго короля и народа. Деньги тысячами проходили черезъ его руки, потому что придворный проповѣдникъ былъ и распорядителемъ денегъ, жертвуемыхъ королю на бѣдныхъ, но для себя онъ жалѣлъ и гроша, жилъ въ добровольномъ убожествѣ, въ тѣсной монашеской кельѣ, отказывая себѣ въ малѣйшихъ удобствахъ. Слово его значило много у короля, но ни за кого онъ не просилъ, ни для кого не заискивалъ ни малѣйшей милости. Какъ политическій дѣятель, онъ принималъ живое участіе въ двухъ весьма важныхъ событіяхъ: въ униі брестской (1596 г.) и въ рокошѣ Зебржидовскаго. Унию брестскую онъ подготовилъ своими политическими сочиненіями, направленными противъ православія («*O jedności Kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o greekiem od tej jedności odstąpieniu*», Wilno 1577). Онъ ораторствовалъ и на соборѣ брестскомъ 1596 г. въ числѣ лицъ, уполномоченныхъ отъ короля; на этомъ съѣздѣ онъ вызывалъ на публичный диспутъ несглашавшихся на унию православныхъ и описалъ весь ходъ дѣла въ книгѣ: «*Synod Brzeski i jego obgona*» 1597. Униа брестская, насилія и гоненія со стороны католиковъ противъ слабѣйшихъ числомъ протестантовъ, по наущенію іезуитовъ, и ненавистныя для народа связи короля съ домомъ австрійскимъ вызвали междоусобную войну. Составилась коалиція изъ всѣхъ враждебныхъ королю и іезуитамъ элементовъ, изъ протестантовъ, изъ дисунитовъ православныхъ, изъ магнатовъ, противныхъ союзу съ Австрією и боявшихся стремленія короля къ *absolutum dominium*. Дошло до вооруженнаго возстанія или рокоша, во главѣ котораго сталъ ближайшій другъ покойнаго Замойскаго, краковскій воевода Зебржидовскій. Въ этой игрѣ страннымъ образомъ пережѣшались карты: на одной сторонѣ стала королевская власть, служащая ширмами для ордена и орудіемъ, посредствомъ котораго іезуиты проводили мысль религіознаго объединенія народа во что бы то ни стало; на другой сторонѣ, разнообразныя, ненавидящія другъ друга вѣроисповѣданія и секты акатолическія подавали себѣ руки, соединенныя общею грозившею имъ опасностью, и поддерживали на своихъ плечахъ честолюбивое вельможество, охотно при всякомъ удобномъ случаѣ сопротивлявшееся королю. Скарга ѣздилъ отъ короля къ Зебржидовскому уговаривать его смириться, рокошане требовали отъ короля, чтобы онъ удалилъ отъ себя іезуитовъ; Скарга, не отступавшій отъ короля ни на шагъ, явился бойцомъ ордена и защищалъ его и устно, съ проповѣдническаго амвона, и письменно: «*Pręba zakonu societatis Jezu*», Krakow 1607.

Трагическое въ этой борьбѣ партій было то, что въ чью бы сторону ни склонилась побѣда, польское общество должно было неминуемо потерять; оно и осталось въ двойномъ проигрышѣ. Король осилилъ рокошанъ, но не на столько, чтобы власть его могла въ какой бы то ни было степени облегчить судьбу низшихъ рабочихъ классовъ народонаселенія; за то диссиденты были разбиты, и Скарга дожидъ до полнаго торжества католицизма. Онъ умеръ въ Краковѣ въ 1612 году.

Литературные труды Скарги могутъ быть раздѣлены на сочиненія по-лемническо-болословскія, на сочиненія, относящіяся до исторіи церкви, и на проповѣди. Скарга полемизировалъ весьма много съ православными, съ протестантами различныхъ толковъ (*Siedm filarów*, на których stoi katolicka nauka, 1582; *Wzywanie de jednej zbawiennej wiary* и мн. другія), писалъ сильныя діатрибы въ особенности противъ арианъ (*Zawstydzienie nowych argyanów*, Kraków 1608; *Messiasz nowy argyanów wedle alkoranu tureckiego*, Kraków 1612). Эти сочиненія не подлежатъ нашему разбору, также какъ и опыты его по церковной исторіи, состоящіе въ томъ, что онъ издалъ житія святыхъ (*Żywoty Świętych*, 1579) и далъ въ переводѣ сокращеніе труда кардинала Бароніи: *Annales ecclesiastici* (1603—1607). Житія святыхъ написаны безъ критики, но великолѣпнымъ увлекательнымъ слогомъ, которому они одолжены тѣмъ, что имѣли до 25 изданій и болѣе извѣстны и распространены въ массахъ, нежели какое либо другое произведеніе словесности. Всего важнѣе проповѣди Скарги (*Kazania na niedziele i święta*, 1595; *Kazania o siedmiu sakramentach i kazania przugodne*, 1600) и въ особенности *проповѣди сеймовыи* (*Kazania Sejmowe*, 1600). Восемнадцать разъ случилось ему читать передъ собравшимися для законодательныхъ работъ сеймами проповѣди, имѣющія значеніе рѣчей политическихъ, четыре раза пришлось ему произносить проповѣди хвалебныя по поводу величайшихъ побѣдъ, какими прославило себя польское оружіе: въ 1588 г. по случаю взятія въ плѣнъ подъ Бычиною эрцгерцога австрійскаго Максимилиана, въ 1600 г. по случаю подчиненія Молдавіи Польшѣ Замойскимъ, въ 1605 по случаю пораженія подъ Бирхгольмомъ надъ Двиною Карла Зюдерманландскаго, дяди Сигизмунда III, Ходкевичемъ, и въ 1611 г. по случаю взятія Смоленска. Сила его краснорѣчія была столь велика, что враги его диссиденты называли его *тираномъ души человеческой* (*prusychotygaupnis*). Чтобы оцѣнить по достоинству его рѣчи, надобно забыть, что онъ иезуитъ, надобно войти въ его положеніе, стать на его точку зрѣнія. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова священникъ-гражданинъ; какъ ни странно можетъ показаться это опредѣленіе, онъ представлялъ собою рѣдкій типъ иезуита-патріота. Родину свою онъ любилъ горячо и страстно, ревниво желалъ ей величія, распространенія ея предѣловъ и могущества и, съ ужасомъ замѣчая признаки гніенія и разложенія, предвѣщавшіе упадокъ Рѣчи посполитой, онъ страдалъ сильнѣе, нежели менѣе проникательные его современники, отъ этихъ болѣзней. Донскиваясь причины зла, онъ ее находилъ прямо и непосредственно въ отщепенствахъ, въ разномысліи и разъединеніи въ дѣлѣ вѣры, по тому евангельскому правилу, что всякое царство, раздѣлившееся въ самомъ себѣ, запустѣетъ и домъ на домъ падетъ (ев. отъ Луки XI, 17). Онъ очень хорошо зналъ, что онъ вызываетъ противъ себя страшную ненависть со стороны диссидентовъ; его называли инквизиторомъ, лъстельцомъ, королевскимъ паразитомъ, апостоломъ *absoluti dominii*, онъ не былъ безопасенъ отъ самыхъ наглыхъ и насильственныхъ нападеній и

обидь, въ Вильнѣ онъ былъ однажды побить, въ Варшавѣ дважды получилъ публично пощечину, и всякій разъ не только не озлился на обидчиковъ, но испросилъ имъ великодушно прощеніе. Никогда онъ не позволялъ себѣ нападать или намекать на какія бы то ни было личности, никогда онъ не подстрекалъ католиковъ къ грубому насилію въ отношеніи къ протестантамъ, къ разрушенію ихъ сборовъ или церквей, къ насильственному помѣшателству ихъ богослуженію, тѣмъ не менѣе однако его усилія и совѣты направлены были къ достиженію того же самаго результата, къ искорененію раскола съ помощью свѣтской власти и къ гражданской нетерпимости отщепенства, потому что терпимость ведетъ прямо къ атеизму.

Королевская власть нужна, по мнѣнію Скарги, для доставленія церкви торжества надъ иновѣрцами, для приведенія въ исполненіе приговоровъ духовныхъ судовъ. Онъ не скрываетъ своего расположенія къ идеалу теократическаго правленія (4-e Kazanie sejmowe), къ царскому священству, и къ священническому царству, то есть къ такому устройству, въ которомъ бы священникъ управлялъ вмѣстѣ съ королемъ и посредствомъ короля. Изъ священнаго писанія и природы вещей вытекаетъ необходимость единовластія или монархіи. Скарга не былъ бы прочъ и отъ самодержавія, если бы монархъ былъ всегда безгрѣшенъ и мудръ, но какъ это рѣдко случается, то разумъ чеховѣчскій прилагаетъ къ королю совѣтъ и законы, опредѣляя и ограничивая власть его, чтобы онъ не сдѣлался злымъ тираномъ (6 Kazanie sejmowe): Въ томъ и состоитъ настоящая свобода, золотая вольность, чтобы имѣть королей, которые бы правили не самовластно и произвольно, не по тирански, но на основаніи закона; такую вольностью Богъ жалуетъ Поляковъ, давая имъ въ теченіи 600 лѣтъ королей добрыхъ, справедливыхъ и святыхъ. Понятно, что при столь монархическомъ настроеніи своемъ, Скарга относится враждебно ко всѣмъ учрежденіямъ, которыя считались паладіумами свободы въ Польшѣ. Онъ не долюбиваетъ прерогативы шляхты избирать королей, онъ положительно возмущенъ тѣмъ, что по кардинальному закону Рѣчи посполитой: *Neminem captivabimus nisi jure victum*, шляхтичъ не подлежалъ подслѣдственному аресту и могъ быть лишенъ свободы только тогда, когда былъ передъ судомъ изобличенъ въ преступленіи. Скарга сильно вооружается противъ многоголовой гидры собранія земскихъ пословъ, усилившаго свой авторитетъ съ ущербомъ для короля и сената. «Господа послы земскіе, говоритъ онъ, не обращайтесь Польши въ нѣмецкій городъ имперскій, не дѣлайте изъ короля малеванную фигуру, на подобіе Венеціи, потому что вы не имѣете ума венеціанскаго, да и не живете въ стѣнахъ одного и того же города». Шляхтѣ онъ ставилъ наглядно передъ глазами въ картинахъ, ужасающихъ мрачностью колорита воѣ недуги, которыми страдаетъ Рѣчь посполитая (Kazania sejm. (7), *Wzwanie do pokuty*, Wilno 1610). «Боже мой, какая роскошь проникла въ это царство. Отъ мала и до велика всѣ отвергли святую умѣренность и презрѣли жизнь старо-польскую, вониственную. Всякій хочеть пить вино, рѣдкій панъ безъ

шелку, безъ шестерни лошадей и ливрей. Пропало и состраданіе къ Рѣчи посполитой. Никто не озаботится поддержаніемъ крѣпостей и стѣнъ. Рѣчь посполитая становится убогою, богатѣютъ лишь отдѣльные дома. Завелось такое казнокрадство, что почти безъ зазрѣнія совѣсти хранители казны смазываютъ общественнымъ грѣшемъ свои руки, такъ что лишь половина податей, взимаемыхъ съ мѣщанъ и крестьянъ, доходить по назначенію. Кто исчислитъ всѣ клеветы, ябеды, обманы и измѣны въ судахъ; всѣ кровосмѣшенія, прелюбодѣнія и лжесвидѣтельства? А этотъ кровавый потъ живыхъ подданныхъ или крестьянъ, который льется безпрестанно, не накликаетъ ли онъ кары Божьей на все государство?.. По какому праву кмети вольные, Поляки и христіане убогіе обращаются въ крѣпостныхъ, какъ будто бы они были купленные невольники или военнопленные? По какому праву помѣщики дѣлаютъ съ ними что хотятъ? Почему эти люди не имѣютъ ни защиты, ни суда, который бы охранялъ ихъ жизнь, здоровье и собственность? Почему мы распространяемъ на нихъ *supremum dominium*, котораго сами для себя терпѣть не можемъ? Зачѣмъ обращаться съ ними какъ съ невольниками, а не какъ съ наймитами? На твоей землѣ сидитъ крестьянинъ и не дѣлаетъ того, что долженъ; прогони его съ твоей пашни, но не отнимай у него свободы прирожденной и христіанской и не становись верховнымъ властителемъ его здоровья и живота, помимо всякаго суда...» (Скарга зналъ, что его политическіе совѣты противны духу времени и приняты не будутъ, сердце его переполняется скорбію, уста его произносятъ слова полныя гнѣва и поражающія какъ громъ; съ яснovidнiемъ древняго пророка предрекаетъ онъ гибель своему отечеству: «Что мнѣ дѣлать съ тобой, бѣдное государство? Если бы я былъ Исаія, то я бы ходилъ нагъ и босъ, взывая къ вамъ, преступники и преступницы закона Божія. Стѣны Рѣчи посполитой вашей трескаются безпрестанно, а вы говорите: ничего, пустыня. *Polsza держится безначаліемъ* (niezadem). Вы не понимаете, что нельзя Польшѣ держаться безначаліемъ, что это противно разуму. Безначаліемъ и безпечностью все валится и падаетъ, а такъ какъ безначаліе проистекаетъ отъ слѣпоты грѣховной, то вышло бы, что Польша держится грѣхами, и уходитъ какъ-то отъ божьяго наказанія. Она падетъ, когда вы и чаять не будете и всѣхъ васъ раздавить развалинами. Если бы я былъ Іеремія, я бы надѣлъ оковы на ноги и узы на шею и возопилъ бы къ вамъ грѣшнымъ: такимъ образомъ скованы будутъ старѣйшины ваши, и показалъ бы я изгнившую одежду, и встряхнувъ ее, сказалъ бы: такъ испортится и въ ничтожество обратится ваша слава и всѣ ваши достатки и имущества» (Kazanie 8 sejm., Wzywanie do pokuty). «Наступить на васъ врагъ внѣшній; воспользовавшись вашими распрями, скажетъ: раздѣлилось сердце ихъ, теперь она погибнутъ. Эти раздоры заведутъ васъ въ плѣнъ, въ которомъ всѣ вольности ваши утонутъ и въ смѣхъ обратятся. Земли и княжества великія, которыя соединились и въ одно тѣло срослись съ короною, отпадутъ и разорвутся; вы, управлявшіе нѣкогда другими народами,

будете на подобіе вдовицы осиротѣлой, посмѣшищемъ и игрушкою враговъ вашихъ. Вы погубите народъ вашъ и языкъ, единственный свободный между всѣми славянскими языками; вы растеряете остатки этого народа, столь древняго и столь широко разросшагося, и поглощены будете другими народами, которые васъ ненавидятъ. Вы лишитесь не только государя изъ крови вашей и права избирать его, но и королевства и отечества; вы станете нищими изгнанниками, презрѣнными бродягами, которые будутъ попираемы ногами тамъ, гдѣ ихъ прежде перевозносили и славли. Вамъ ли стяжать другое отечество, въ которомъ бы вы могли имѣть такіе достатки, деньги, сокровища и удовольствія? Возможно ли, чтобы для васъ и для дѣтей вашихъ родилась другая такая же мать? Если вы настоящую потеряете, то другой такой же вамъ и не вообразить» (Kazanie 3 sejmowe).

Сваргою заключается достойнымъ образомъ золотой сигизмундовскій періодъ литературы; онъ довелъ прозу польскую до высокой степени совершенства: но по справедливому замѣчанію Мацѣевского (Pismien. II, 359), никто изъ писателей польскихъ не содѣйствовалъ болѣе его настроенію рѣчи польской на ладъ латинскій, никто болѣе Сварги не вводилъ въ синтаксисъ чисто латинскихъ оборотовъ. Прежде, нежели разстанемся окончательно съ золотымъ періодомъ Сигизмундовъ, бросимъ бѣглый взглядъ на польскую историографію этого времени. Историковъ польскихъ можно раздѣлить на писавшихъ по латыни и по польски. Писавшіе по латыни подраздѣляются на компиляторовъ, сокращавшихъ труды предшественниковъ и пытавшихся составить прагматическую систему національной исторіи, и на историковъ очевидцевъ, съ первой руки рассказывающихъ событія, въ которыхъ они сами принимали участіе или которыя совершались по крайней мѣрѣ на ихъ памяти, на ихъ глазахъ. Къ первому классу принадлежатъ: астрологъ Мѣховита (+1523), омолодившійся ижевецъ изъ Эльзаса Децій (-+ послѣ 1576), ученый астрономъ и священникъ Бернатъ Вановскій (+1535), епископъ вармійскій (эрмеландскій) Мартинъ Бромеръ (1512+1589). Между писателями второго класса особенно замѣчательны два лица: Свентославъ Оржелскій и Райнгольдъ Гейденштейнъ. Оржелскій (род. 1549, - послѣ 1588) составилъ съ замѣчательнымъ талантомъ исторію четырехъ лѣтъ (1572—1576), отъ смерти Сигизмунда Августа до избранія Баторія, въ теченіи которыхъ Польша окончательно превратилась въ монархію избирательную: *Interregni Poloniae libri VIII*. Гейденштейнъ (1556+1620) былъ секретаремъ у Яна Замойскаго и Стефана Баторія и сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ официального историографа, потому что Замойскій, замѣтивъ въ немъ необыкновенныя способности, поручилъ ему описать событія войны Баторія съ Москвою и другія затѣмъ сдѣланныя и самъ вѣроятно продиктовалъ ему и добавилъ многое. Рядъ историковъ, писавшихъ по польски, начинается съ дворянъ Бѣльскихъ или Вольскихъ. Изъ нихъ отецъ, Мартинъ (1495—1575), сдѣлалъ первый опытъ начертанія всеобщей исторіи отъ созданія міра, подъ заглавіемъ «*Kronika świata*»,

а сынъ его Іоахимъ (+1599), взявъ ту часть хроники отцовской, которая относится къ Польшѣ, переделалъ ее и издалъ подъ названіемъ «Kronika polska». Лука Гурницкій (во второй половинѣ 16-го вѣка) писалъ *Dzieje w Koronie polskiej*, родъ мемуаровъ о дворѣ королевскомъ при Сигизмундѣ Августѣ, но гораздо болѣе онъ извѣстенъ по своему дидактическому сочиненію: *Dworzamin polski*, написанному въ подражаніе итальянской книгѣ Балтазара Кастильоне: *libri del Cortegiano*. Гурницкій даетъ своему трактату слѣдующую рамку. Онъ представляетъ, что на мызѣ епископа краковскаго и канцлера Самуила Мацѣвскаго, близъ Кракова, собрались дворяне епископа и для препровожденія времени задаются вопросомъ, какими качествами долженъ быть надѣленъ дворянинъ идеальный, то есть такой, какимъ ему слѣдуетъ быть? Каждый говоритъ поочередн, другіе возражаютъ, все сочиненіе состоитъ изъ подобныхъ разговоровъ. Бартошъ (Варооломей) Папроцкій, герба Ястржембець изъ Мазовіи (+1614), проторилъ новую стезю въ литературѣ своими геральдическими изслѣдованіями объ отдѣльныхъ знаменитѣйшихъ родахъ польской шляхты: *Herby rycerstwa polskiego* (Краковъ 1584). Совершенно отдѣльно отъ другихъ стоитъ весьма оригинальный писатель Матвѣй Осостовичъ Стрыйковскій (Maciej Osostowiejusz Prekonides Strzykowski, род. 1547, — въ восьмидесятыхъ годахъ 16-го столѣтія). Хотя онъ былъ родомъ мазуръ, но, переселившись въ Литву, онъ до того пристрастился къ новому своему отечеству, что сталъ жалѣть о потерѣ Литвою отдѣльнаго политическаго существованія и о томъ, что она покрылась сверху слоемъ польской цивилизаціи и рѣшился увѣковѣчить въ литературѣ остатки пропадающей съ каждымъ днемъ старины древне-литовской. Задача была прекрасная, но не по силамъ Стрыйковскому, который не имѣлъ достаточно ни критики, ни научной подготовки, — онъ имѣлъ за то два качества, которыя сообщаютъ его труду цѣну необыкновенную: любознательность и усидчивость. Онъ научился языкамъ русскому и литовскому, извѣздилъ всю Литву и Ливонію, обозрѣлъ побоища, арсеналы, раскапывалъ курганы и городища, осмотрѣлъ множество замковъ и церквей, однимъ словомъ былъ первымъ археологомъ литовскимъ. Всѣ разнообразныя добытыя такимъ образомъ свѣдѣнія онъ изложилъ безъ всякой системы, стихами и прозою, перемѣшивая факты исторіи литовской съ событіями своей собственной жизни и пересыпая ихъ порядочною дозою самохвальства въ сочиненіи, которому онъ далъ шумное названіе «невиданной до сихъ поръ хроники польской, литовской, русской и т. д.» (*Kronika polska, litewska, zmużdka i wszystkiej Rusi kijowskiej, moskiewskiej, siewierskiej, wołyńskiej, podolskiej, podgórskiej, i podlaskiej, która przedtem nigdy świata nie widziała. Królewiec 1582*).

3. ПЕРИОДЪ ІЕЗУИТСКО-МАКАРОНИЧЕСКІЙ.

На всемъ этомъ періодѣ лежитъ печать воспитанія іезуитскаго; чтобы объяснить успѣхи іезуитовъ на этомъ поприщѣ, надобно вернуться назадъ къ эпохѣ реформациі и указать на обстоятельства, облегчавшія эти успѣхи. Академія краковская съ своими многочисленными филиальными школами находилась въ состояніи оцѣпенія, застоя, упадка; боясь нововведеній, она прервала всѣ связи съ заграничными учеными, ея матеріальныя средства уменьшились, потому что многія доходныя статьи перешли въ руки протестантовъ. Возникло множество протестантскихъ училищъ низшихъ и среднихъ (лицеевъ), въ которыхъ выписанные большею частью изъ заграницы ученые преподавали въ новомъ духѣ, по новымъ методамъ, но въ которыхъ преподаваніе подчинено было цѣлямъ и видамъ односторонней, узкой, сектаторской пропаганды. Лютеранскія школы процвѣтали главнымъ образомъ на сѣверѣ, въ земляхъ прусскихъ, принадлежавшихъ нѣкогда ордену: Кульмѣ, Торнѣ, Данцигѣ. При Сигизмундѣ Августѣ вассалу Польши, князю прусскому Альбрехту, удалось устроить въ Кенигсбергѣ академію или университетъ; этотъ университетъ былъ по духу лютеранскій, а по языку преподаванія первоначально польскій, потомъ въ 17-мъ вѣкѣ онъ обнѣмчился и не могъ имѣть почти никакого вліянія на ходъ образованія въ Польшѣ. Моравскіе (чешскіе) братья имѣли знаменитыя школы свои въ великопольскихъ городахъ Лешнѣ и Козьминкѣ, кальвинисты въ Вильнѣ. Аріане или соцініане, гнѣздившіеся преимущественно въ Малой Польшѣ, завели свои высшія училища и типографію сначала въ Пишчовѣ (надъ Нидою), потомъ въ Левартовѣ (надъ Вепржемъ) и въ особенности съ конца 16-го столѣтія въ Раковѣ (недалеко отъ Сендомира). Этотъ городъ, специально для нихъ выстроенный фамліею Сѣниньскихъ, сталъ средоточіемъ всѣхъ крайнихъ протестантскихъ сектъ, проповѣдывавшихъ чистый теизмъ или доходившихъ даже до атеизма (унитаріи, антитринитаріи, анабаптисты, братья польскіе и др.) и слылъ у нихъ подъ названіемъ сарматскихъ Лемнѣ. Академія краковская не въ силахъ была бороться съ размножающимися учебными заведениями протестантства. Для борьбы съ ними высшее духовенство польское вызвало и акклиматизировало въ Польшѣ орденъ іезуитовъ. Епископъ вармійскій, кардиналъ Гозій (Hosius) учредилъ первый въ Польшѣ іезуитскій *collegium* въ Брунсбергѣ въ 1564 г.; вслѣдъ за тѣмъ епископъ плонскій Носковскій учредилъ вторую коллегію въ Пултускѣ, третью въ Вильнѣ епископъ Валеріанъ Протасовичъ. Примѣру епископовъ послѣдовали свѣтскіе ревнители и ревнительницы католицизма, дѣлая богатыя пожертвованія и записи въ пользу іезуитовъ; такимъ образомъ возникли коллегіи въ Ярославлѣ (въ Червонной Руси), въ Познанѣ, Калишѣ, Люблинѣ, Львовѣ, Ригѣ, Дерптѣ, Данцигѣ, Полоцкѣ, Несвижѣ, Варшавѣ. При всѣхъ коллегіяхъ состояли школы, на которыя обращено было особенное вниманіе ордена. Устройство этихъ школъ представляетъ примѣръ неслыханной ни-

гдѣ до сихъ поръ централизаціи. Онѣ были устроены однообразно; наибѣйшее отступленіе отъ общаго плана требовало особаго разрѣшенія пребывающаго въ Римѣ и облеченнаго диктаторскою властью генерала ордена. Преподаваніе было въ полномъ смыслѣ слова космополитическое, внѣ всѣхъ условій мѣста и времени, исполнѣ подчиненное одной только идеѣ всемірнаго господства римско-католической церкви, одно и тоже въ Италиі, Испаніи, Австріи и Польшѣ; какимъ оно было задумано основателемъ іезуитской педагогикѣ и сподвижникомъ Лойолы Петромъ Канизіемъ, такимъ почти оно и осталось до паденія ордена. Оно пренебрегало народною мѣстною литературою и новѣйшею исторіею, науками общественными и естествознаніемъ. Главнымъ предметомъ его заботы былъ языкъ церкви римско-католической, то есть языкъ латинскій и римская литература, тщательно очищенная отъ всякихъ идей, несогласныхъ съ церковною ортодоксіею (всѣ классики изучаемы были по такъ называемымъ *editiones castigatae*). Ученикъ изучалъ въ двухъ низшихъ классахъ (*infima* и *grammatica*) основанія латинскаго языка по знаменитому учебнику іезуита Альвара; въ 3-мъ классѣ (*syntaxis*) онъ оканчивалъ грамматику; въ 4-мъ классѣ (*poësis*) онъ выучивался свободно читать и понимать труднѣйшихъ прозаиковъ (въ особенности Цицерона) и поэтовъ латинскихъ; въ 5-мъ классѣ (*rhethorica*) онъ былъ занятъ теоріею краснорѣчія, вспомогательными науками и упражненіями въ стилистикѣ. Сверхъ этихъ пяти классовъ при нѣкоторыхъ важнѣйшихъ коллегіяхъ состояли еще два высшіе курса: философскій (философія преподавалась преимущественно по Аристотелю) и богословскій (въ которомъ господствовалъ авторитетъ св. Тома Аквината). Заменявъ ученіе въ самую узкую рамку, іезуиты старались, чтобы это немного усвоено было учениками въ совершенствѣ (*non multa sed multum*), прилагали всевозможныя старанія къ приготовленію хорошихъ учителей; всякаго молодаго человѣка блестящихъ способностей они старались привлечь въ свой орденъ, а всякій, вступившій въ братство, прежде достиженія высшей степени профессора, долженъ былъ начинать свою дѣятельность съ учительскихъ занятій. Іезуиты старались возбуждать и поддерживать соревнованіе между учениками посредствомъ наградъ, повышеній, диспутовъ, съ учениками обходились гуманно, мягко, въ особенности съ дѣтьми знатныхъ и богатыхъ родителей, шалостямъ которыхъ они не разъ оказывали поблажку; вообще въ ихъ школахъ вѣялъ духъ аристократизма и съ раннихъ лѣтъ наблюдалось начало неравенства состояній. Хотя главнымъ образомъ орденъ одолженъ былъ своимъ распространеніемъ въ Польшѣ королевской власти, но онъ скоро понялъ, что не королевская власть составляетъ главное въ государствѣ, и старался прикинуть къ вельможеству, снискать съ этой стороны поддержку. О народномъ воспитаніи орденъ не заботился нисколько и элементарныхъ школъ не заводилъ вовсе. Со времени введенія ордена въ Польшу онъ стремился къ тому, чтобы основать здѣсь свой особый университетъ, съ правомъ раздачи ученыхъ степеней, чего онъ и достигъ въ 1579 году, когда Стефанъ Баторій подписалъ грамоту на учреж-

деніе въ Вильнѣ іезуитской академіи изъ двухъ факультетовъ: философскаго и богословскаго. Къ этимъ факультетамъ, стараніями подканцлера литовскаго Казимира Льва Сапѣги и за пожертвованія имъ деньги, присоединенъ былъ въ 1644 г. третій факультетъ, юридическій, который впрочемъ держался не долго и упалъ тотчасъ по смерти его основателя.

Пустивъ глубокіе корни въ народѣ, іезуиты открыли на всѣхъ пунктахъ государства упорную войну противъ училищъ протестантскихъ. Они старались дѣйствовать на публику и привлекали ее великолѣпнѣе торжественныхъ процессій, разнообразіемъ сценическихъ представленій, публичными диспутами, на которые они вызывали протестантовъ. Чего не могла сдѣлать пропаганда, то довершалось насиліемъ: во многихъ городахъ сборы (церкви протестантскія) были разрушаемы народомъ по наущенію іезуитовъ, школы были разгоняемы учениками іезуитскими и на это насиліе нельзя было нигдѣ найти ни суда, ни управы. Большая часть учебныхъ заведеній лютеранскихъ и кальвинистскихъ пропадаетъ совсѣмъ: множество народныхъ элементарныхъ училищъ, которыхъ число въ 16-мъ столѣтіи Іосифъ Лукашевичъ (*Historya szkół w Kogonie i W. X. L. t. 1, 1849*) доводитъ до 1500 съ 30,000 учащихся, исчезаетъ безслѣдно. Школа арианъ въ Раковѣ была закрыта въ 1638, по распоряженію сейма, наконецъ всѣ ариане изгнаны изъ Рѣчи Посполитой закономъ 1658 года. Первоначально краковская академія была рада іезуитамъ, находя въ нихъ дѣятельныхъ поборниковъ католицизма, но вскорѣ ученая корпорація ужаснулась быстрымъ успѣхамъ своихъ союзниковъ и стала оспаривать у нихъ право основывать школы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже существовали заведенія, подвѣдомственные академіи краковской. Академія не допустила іезуитамъ открыть въ Познани высшее училище на ряду съ академической школою Любраньскаго, но іезуитамъ удалось основать въ 1622 свою школу св. Петра въ самомъ Краковѣ. Въ страстной полемикѣ, которой далъ начало этотъ споръ ¹⁾, академія была не права и руководствовалась только одною эгоистическою завистью; воюя съ іезуитами, она сама въ научномъ от-

¹⁾ Замѣтательнѣйшее изъ сочиненій, родившихся среди этой полемики и направленныхъ противъ іезуитовъ было: *Gratis albo Discursъ ziemianina z plebanem* (1626), написанное знаменитымъ математикомъ Яномъ Брожеккомъ (*Broscius*). Приведемъ изъ нея отрывокъ: Іезуиты все время употребляютъ на ученіе дѣтей трудной грамматикѣ Альвара по такимъ причинамъ: а) чтобы какъ можно больше брать денегъ съ родителей; б) чтобы на свой ладъ дрессировать молодыхъ волчатъ; в) чтобы уразумѣть характеры дѣтей; д) на случай, если родители захотятъ взять назадъ дѣтя, чтобы имѣть готовую отговорку: пускай оно изучитъ по крайней мѣрѣ грамматику—основаніе всѣхъ знаній; е) чтобы удержать учащихся до зрѣлаго возраста въ школахъ, послѣ чего если зрѣлый ученикъ остеръ, породочень, если снѣ надѣется получить наслѣдство или пособіе отъ родныхъ, то отцы стараются всячески втянуть его въ свою компанію; если же ученикъ туше, и не хочетъ учиться или не хочетъ у нихъ остаться, то они пускаютъ его на свободу. Куда же дѣваться усатому школяру? пристать на службу къ знатному барину? или на то слишкомъ просто и глупо. Учиться какимъ либо наукамъ? время прошло. Учиться ремеслу? стыдно. Или и обращается къ отцамъ и упрашиваетъ ихъ, чтобы они его пристроили. Или его и помѣщаютъ надзирателемъ или писаремъ у кого нибудь изъ своихъ благодѣтелей, или капелланомъ или приходскимъ священникомъ, послѣ чего они его употребляютъ въ смыслѣ орудія для своихъ цѣлей и интересовъ.

ношеніи подражала іезуитамъ и завела въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ методы преподаванія іезуитскіе. Вліяніе іезуитовъ было столь огромное и всемістное, что оно простиралось даже на ихъ религіозныхъ противниковъ. Всѣ главнѣйшіе православные противники униі вышли изъ школъ іезуитскихъ, да и планъ преподаванія въ кievской академіи, основанной въ началѣ 17-го столѣтія Петромъ Могилою и послужившей образцомъ для всѣхъ духовныхъ учебныхъ заведеній въ Россіи, былъ чисто іезуитскій. Односторонность іезуитскаго воспитанія, не имѣвшаго никакой связи съ общественною жизнью и готовившаго не гражданъ, но поборниковъ католицизма, не могла не поражать лучшихъ и проницательнѣйшихъ людей въ Польшѣ; впрочемъ всѣ попытки реакціи, имѣвшія цѣлью поколебать систему ордена, оставались безуспѣшны до самаго 18-го столѣтія. Къ такимъ попыткамъ слѣдуетъ отнести основаніе академіи Замойской и появленіе въ Польшѣ новаго воспитательнаго ордена піяровъ. Канцлеръ Янъ Замойскій основалъ въ 1595 г. своими частными средствами особую академію въ своей вотчинѣ Замосць. Хотя онъ былъ весьма богатый человекъ, но все же приличное содержаніе академіи было ему одному не по силамъ, вотъ почему съ самаго основанія своего новая академія не могла идти успѣшно по скудости жалованья для учащихся и по недостаточности учебныхъ пособій. Профессора голодали, ученикамъ негдѣ было помѣщаться. Опытные люди совѣтовали канцлеру открыть одинъ только факультетъ философскій, онъ открылъ три факультета: философскій, медицинскій и юридическій, изъ которыхъ особенно заботился о послѣднемъ. Взглядъ канцлера на тогдашнее законовѣдѣніе былъ весьма здравый и вѣрный: канцлеръ былъ недоволенъ преобладаніемъ каноническаго права и пренебреженіемъ, оказываемымъ римскому праву въ университетѣ краковскомъ, онъ рѣшился притомъ расширить преподаваніе отечественнаго законодательства, которое ограничивалось однимъ только земскимъ правомъ (шляхты), дополнивъ его изученіемъ городского права. Главнымъ лицомъ въ юридическомъ факультетѣ былъ Тома Дрезнеръ, отличный знатокъ римскаго права, преподававшій законовѣдѣніе по методу сравнительному. Академія замойская дѣйствовала съ успѣхомъ очень не долго и вскорѣ послѣ смерти Яна Замойскаго пришла въ совершенный упадокъ, подчинилась академіи краковской и стала однимъ изъ филиальныхъ заведеній этой послѣдней. Основателемъ ордена піяровъ (*patres scholarum piarum*) былъ Калазанца (*Josephus de Calasanza*, † въ Римѣ, 1648); орденъ исключительно посвященъ былъ воспитанію юношества, училъ почти тому же самому, что и іезуиты, то есть латинскому языку и словесности, но піяры держали учениковъ въ гораздо болѣе строгой дисциплинѣ, учили бесплатно и принимали охотно ничего неимущихъ бѣдняковъ. Іезуиты изъ зависти стали такъ относиться къ піярамъ, какъ относились нѣкогда къ іезуитамъ академія краковская, то есть стали гнать піяровъ самымъ недобросовѣстнымъ образомъ, учреждать свои школы во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ существовали піярскія, гдѣ заманивать къ себѣ піярскихъ уче-

никовъ и разорять пирровъ, заводя съ ними безконечныя тяжбы въ судахъ.

Прямымъ послѣдствіемъ іезуитскаго воспитанія была страшная порча вкуса и ничтожество литературы въ отношеніи внутренняго ея содержанія, при необыкновенной ея плодовитости и тщательномъ повидимому воздѣльваніи ея обществомъ. Духъ критики, старинный врагъ авторитета, былъ побитъ, подавленъ, держимъ на возжахъ, наука разошлась съ жизнью, превратилась въ школьную, ни на что непригодную ученость: на этомъ полѣ могли произрастать и усѣвать одни только посредственности. Литература, отъучившись заниматься общественными вопросами, перестала быть дѣломъ серьезнымъ, превратилась для иныхъ въ ремесло, для другихъ въ забаву, въ роскошь, въ игрушку. Чѣмъ бесплоднѣе становилась литература, тѣмъ болѣе она пресыщалась педантизмомъ, тѣмъ недоступнѣе она становилась для массы и тѣмъ болшую важность придавали ей умники того вѣка, какъ средству похвастать своею ученостью, озадачить умнѣеишъ говорить много о пустякахъ и разсмѣшить неожиданными *conceiti*, забавными сопоставленіями міеологіи и исторіи съ происшествіями жизни обыденной. Большая часть шляхты говорила бѣгло по латыни, римская литература была единственнымъ источникомъ учености, отсюда проистекъ обычай не только испещрять польскую рѣчь отдѣльными латинскими терминами, но вставлять въ нее цѣлыя латинскія фразы и пересыпать ее этими макаронизмами такимъ образомъ, что послѣ всякаго періода польскаго долженъ былъ непременно идти латинскій и на оборотъ, и что вся рѣчь являла собою подобіе слоенаго пирога. Первый примѣръ подобной смѣси представляеть въ шутку написанное стихотвореніе Яна Кохановскаго, *Carmen macaronicum*:

Est prope wysokum celeberrima sylva Krakovum
 Quercubus insignis multo miranda żołądzio
 Istuleam spectans wodam Gdańskumque gościńcum
 Dąbie nomen habet, Dąbie dixere priores.
 Hanc ego, cum suchos torreret Syrius agros
 Et rozganiaret non madra canicula żakos
 Ingredior multum de conditione żywota
 Deque statu vitae mecum myślądo futurae, etc. etc.

Что у Кохановскаго было сдѣлано въ шутку, то въ 17-мъ столѣтіи дѣлалось серьезно съ полною увѣренностью, что въ томъ-то и состоитъ красота слога. Такъ какъ была разорвана связь между литературою и жизнью, и утвердилось понятіе, что искусство говорить существуетъ само по себѣ, то никто не стѣснялся особенно въ хваленіи другихъ и не затруднялся осыпать ихъ самыми преувеличенными похвалами, зная, что никто конечно не приметъ словъ его за настоящую монету. Панегрики шли цѣлымъ проливнымъ дождемъ, приторный дымъ отъ сожигаемаго өмііама заражаетъ воздухъ въ теченіи полутораста лѣтъ. Іезуиты хвалили своихъ благодѣтелей, священники своихъ вѣтторовъ, шляхта магнатовъ, сенаторы другъ друга. Самымъ цѣннымъ качествомъ человѣка въ шляхетской Польшѣ 17-го

вѣка считалась родovitость. Знатность происхожденія доказывалась родословною и гербами, отсюда пристрастіе къ геральдикѣ и необыкновенно важное значеніе гербовъ въ панегирической литературѣ. Всякій старается доказать, что гербовный клейнодъ его весьма древень, и вывести его изъ Италиі, Германіи, Испаніи; если нельзя отъ Ноя, то по крайней мѣрѣ отъ греческихъ героевъ или отъ римскихъ императоровъ. Появляется безсметное число фальшивыхъ родословныхъ; каждый панегиристъ считаетъ непремѣнною обязанностію взять темой гербъ хвалимаго лица и разыграть на эту тему какъ можно болѣе варіацій. Названія гербовъ входятъ какъ главный элементъ въ заглавія похвальныхъ словъ, поэмъ и сочиненій, заглавія эти становятся до того вычурными, кудрявыми, темными и патапутными, что наконецъ въ нихъ пропадаетъ всякій человѣческой смыслъ ²⁾).

Всѣ творческія силы народа ушли въ краснорѣчіе, оно сдѣлалось искусствомъ, преобладающимъ надъ всеми прочими искусствами и родами литературы, столь національнымъ по преимуществу, какъ ваганіе у Грековъ, вокальная музыка у итальянцевъ, театръ у Французовъ. Республиканская форма правленія заставляла по необходимости всю шляхту принимать участіе въ гласномъ обсуживаніи дѣлъ общественныхъ, съ юныхъ лѣтъ упражнялся въ живой рѣчи и словопреніи всякій сколько нибудь образованный человекъ, вслѣдствіе чего, полюбивъ страстно ораторское искусство, общество польское ввело его въ кругъ жизни не только общественной, но и частной и избрѣло безчисленное множество формъ его и видовъ, посредствомъ всевозможныхъ примѣненій къ разнымъ явленіямъ и случаямъ быта домашняго и семейнаго. Краснорѣчіе имѣло два главные вида: оно было свѣтское или духовное. Краснорѣчіе свѣтское подраздѣлялось на парламентское (на сеймикахъ и сеймахъ), трибунальное (въ судахъ), военное въ рѣчахъ, которыми вожди воспламеняли воинство предъ боемъ, похоронное, наконецъ домашнее и семейное при встрѣчѣ сановитаго гостя, поздравленіяхъ съ полученіемъ должности, крестинахъ, свадьбахъ и иныхъ высо-

²⁾ Приведемъ въ примѣръ нѣсколько такихъ заглавій: *Trakt szczęśliwej drogi traktatem wiecznej przyjaźni opisany do wiekującego w dziedzicznej bramie domu J. W. Jegomości Pana Marjana z Kozielea Ogińskiego z herbownym bawołem dążącej J. W. Jejności panny Teresy Tyzenhauzównej w szczupłym gumie dymensa postyczną skrócony i t. d....* или: Счастливыи путь, оисанныи посредствомъ трактата вѣчной приязни, краткимъ стихомъ, двѣици Терезиі Тизенгаузи, направляющейся съ гербовнымъ буйволомъ своимъ къ Г. Маріану изъ Ковельца Огниському, на вѣки пребывающему въ гербовныхъ воротахъ дома своего (буйволъ и ворота два герба—одниъ Тизенгаузовъ, другой Огниськихъ). *Psczołki ziemskiego kwiecia do niebieskiego lecace ula...* или: Пчелки, отъ земныхъ цвѣтовъ летящія въ улей небесный. *Torogu z prochu rozgłobowego wypolegowane...* или: Топоры, очищенные отъ похороннаго праха. *Wschód nieśmiertelnej sławy na zachodzie życia śmiertelnego, zakres triumfalny J. O. Książeczki Sanguszów podoni... i t. d.* или: Восхожденіе безсмертной славы на закатѣ жизни смертной, служащей триумфальнымъ предѣломъ виажеской погони Сангушковъ (погоня или бѣдокъ—гербъ Сангушковъ). *Ścierka do utarcia gęby zakamieniałemu dziesiętnikowi...* или: утиральникъ для утиранія устъ пераскаленому грѣшнику. *Ogród ale niepełniony, bróg, ale co snop to innego zboża, kraj gołcisnego gatunku,* или: Садъ, но не выдолбный, снопы, но такой, въ которомъ каждый снопокъ иного хлѣба, лавочки разныхъ товаровъ.

каторжественныхъ случаяхъ. Понятно послѣ сказаннаго, что ораторское искусство составляло пробный камень достоинства человѣка и необходимое условіе его общественной карьеры, такъ что Старовольскій, писатель 17-го вѣка, говорить-вполнѣ основательно: «не можетъ въ Польшѣ называться гражданиномъ и даже (смѣю сказать) Полякомъ тотъ, кто не умѣетъ красно и изящно говорить о какомъ бы то ни было предметѣ не только по латыни, но и на отечественномъ языкѣ» (*De claris oratoribus Sarmatiae* 1628). Чтобы показать въ чемъ состояло краснорѣчіе по понятіямъ 17-го вѣка и до какой степени рѣчь польская пестрѣла макаронизмами, приведу два отрывка. одинъ изъ рѣчи извѣстнаго въ свое время оратора, воеводы минскаго Кристофора Станислава Завиши къ королю Августу II, произнесенной въ 1697 году, другой, относящейся къ 1660 году, изъ превосходныхъ записокъ Пассека, которыя придется еще разбирать въ послѣдствіи. Завиша слѣдующимъ образомъ поздравляетъ короля по поводу его коронаціи³⁾: «Наша польская *Niobe*, которая еще недавно *effusa in lachrymas, hodie concrescit in gemmas*: послѣ темныхъ ночей печали *candida mundi sidera currunt*, потому что ты возсѣлъ на польскій престолъ *in sidereo discutiens nubila*. Возвращаются *cum foenore* потерянные надежды. Отечество *cum suis ordinibus*, созерцая въ нѣдрахъ своихъ *primum majestatis ordinem*, то есть вашу королевскую милость *in diademate suo*, покладаетъ видъ тоскующей горлицы, облекшись въ орлиныя перья. Оно смотритъ въ благопріятное небо развеселившимися очами и паритъ на ту высоту, съ которой оно привыкло *contra superbium orientis tyrannum ignea vibrare tela*: оно восклицаетъ на весь шаръ земной ликующимъ голосомъ: *O! qui nominibus cum sis generosus avitis, exsuperas morum nobilitate genus*... Яну Пассеку пришлось говорить похоронную рѣчь въ честь умершихъ товарищей Рубиновскаго и Войновскаго: «Какими отъ той конституціи защищаться волюминами, къ какимъ подавать жалобу парламентамъ, у кого изъ могущественнѣйшихъ міра сего монарховъ искать спасенія отъ неизбежнаго угнетенія, претерпѣваемаго родомъ человѣческимъ со стороны смерти? Не знаю, средства не нахожу, но убѣждаюсь, что законъ не въ состояніи никому въ томъ помочь, когда читаю гіероглификъ генуэзской республики: *Parcam falcem tenentem minaci manu superbam*, которая указываетъ на слѣдующую надпись: *leges lego, reges rego, judices judico*. Кто-же можетъ сопротивляться такому насадію»... Далѣе ораторъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что на основанія конституціи союза, заключеннаго прежде всѣхъ вѣкъ между небомъ и землею, намъ обѣщано *morte renasci* и *ad communitatem* возвратиться *societatem*... Потомъ онъ упоминаетъ о томъ, что по закону афинскому умершій воинъ долженъ быть быть почтенъ хвалебною рѣчью краснорѣчивѣйшаго изъ его согражданъ. Пас-

³⁾ Wybor mów staropolskich świeckich sejmowych i innych zebranych przez Antoniego Małeckiego w Bibliotece polskiej Turowskiego, Krakow 1860.

себя сознаеть, что обязанность восхвалять товарищей ему не по силамъ, но такъ какъ желѣзный Марсъ презираеть золоченую пышность, то потому любезная ему Минерва, закопченная дымомъ селитры, рѣшилась принять на себя обязанность восхваленія его сослуживцевъ. Съ дѣтства и, даже можно сказать отъ колыбели своей, они поступили на ученіе къ суровой Беллонѣ, не давъ себя прельстить ласками явѣжной Паллады и Аполлона. По обычаю древнѣйхъ воиновъ польскихъ, они какъ итены благородной орлицы избрали себѣ директоромъ суроваго Марса и обрекли себя ему пожизненно въ жертву..... и т. т. Меньшей порчѣ вкуса нежели свѣтское подверглось краснорѣчіе духовное, чему причиною отчасти то, что оно не могло въ такой степени какъ свѣтское пользоваться примѣрами изъ языческой мнѣологіи отчасти то, что въ немъ жила и сохранялась преданія Петра Скарги. Достойнымъ преемникомъ его былъ другъ его доминиканецъ Фабианъ Бирковский (1566 - 1636), дѣлвнпій многократно лагерные труды польскаго войска въ качествѣ проповѣдника королевича Владислава Сигизмундовича въ кампаніяхъ московской и хотинской. Проповѣди его пахнутъ дымомъ пороху, дышать воинственнымъ энтузіазмомъ, но въ-стѣ съ тѣмъ онѣ пропитаны въ отношеніи къ протестантамъ всею фанатическою ненавистью католическаго монаха время тридцатилѣтней войны. Но и въ Бирковскомъ замѣтны изысканность, напыщенность, остроумничанье и игра словъ, качества, которыя до высочайшей степени доведены проповѣдниками конца 17-го и начала 18-го вѣка. Когда проповѣднику этой эпохи приходилось говорить рѣчь на смерть короля или вельможи, то онъ давалъ ей заглавіе «цвѣтовъ вѣнца» и перечислялъ поштучно всѣ цвѣты, разумѣя подъ цвѣтами добродѣтели, или представлялъ эти добродѣтели въ видѣ зеренъ на четкахъ или брался строить покойнику мавзолей, и дѣлилъ свою проповѣдь на портики, пирамиды и колонны. Основной планъ всякой проповѣди теряется, заслоняемый безчисленнымъ множествомъ эпизодовъ; проповѣднику достаточно взять малѣйшее слово въ св. писаніи напр. слово: *быль*, или *во время оно*, чтобы отпустить бразды фантазій; проповѣдникъ вдается въ разговоры съ Богомъ, со святыми и переодѣвается въ польскій костюмъ всю священную исторію; Мадианиты у него являются Татарами. Израильтине имѣють старость, епископовъ, сеймуютъ, воюють, дѣлають рокоши и конфедераціи, словно Поляки, даже Христось принимаетъ видъ короля шляхетской республики, точно какъ на наивныхъ картинахъ Рембрандта.

Перойдемъ къ поэзіи. Думали прежде, что въ теченіи всего этого періода не проявилось ни одного поэтическаго таланта, а выросали и занимались сочиненіемъ книгъ одни только бездарности. Но это мнѣніе теперь оставлено, потому что открыты произведенія, замѣчательныя по силѣ, яркости колорита и богатству мысли (*Wojna chocimska. Pamiętniki Paska*), но замѣчательно здѣсь то, что подобныя произведенія откапываются только теперь, что въ свое время они не пользовались никакою извѣстностью.

Сильные таланты проходили незамѣченными, царило безвкусіе, составившее общее правило; всего больше его господство отразилось въ драмѣ, которая получила складъ совершенно риторическій и нагрудилась балластомъ учености. Дворъ любилъ костюмированные маскарады, балеты. При Янѣ Казимирѣ, который женатъ былъ на французкѣ Маріи Лумзѣ, придворная французская труппа давала большія эффектные представленія битвъ и штурмовъ. Въ 1661 представленъ былъ въ Варшавѣ при дворѣ корнелевскій «Сидъ» въ переводѣ Морштына. Но городамъ вѣдми кочующія артилы комедіантовъ, забавлявшія толпу фарсами изъ простонароднаго быта. Но эти представленія не находили поддержки въ шляхтѣ, рѣдко посѣщавшей города и дѣлавшей обыкновенно оппозицію двору. Въ запискахъ Пассека сохранилось слѣдующее характеристическое извѣстіе: въ 1664 придворные актеры представляли сраженіе Французовъ съ Нѣмцами и взятіе въ плѣнъ императора. Это зрѣлище понравилось шляхтѣ, которая присутствовала, вооруженная по своему обычаю, и сильно недолюбливала Габсбурговъ. Она стала кричать Французамъ на сценѣ, чтобы они не церемонились съ императоромъ и зарѣзали его поскорѣе. Актеры поставлены были въ тупикъ, тогда одинъ изъ наставившихъ зрителей натанулъ лужъ и произвелъ императора стрѣлою, другіе послѣдовали тому же примѣру и настигали порядочно кого попало изъ актеровъ. Зрѣлище было прервано, зрители сдѣлавъ свое разсѣялись; не смотря на всѣ поиски, виновники кровопролитія не были открыты и наказаны. Гораздо болѣе цѣнились тогдашнимъ обществомъ діалоги духовнаго и свѣтскаго содержанія, которые устраиваемы были школьными начальствами и въ которыхъ настоящіе живые типы замѣнялись бездушными аллегоріями, олицетворенія отвлеченныхъ понятій являлись на сцену вмѣстѣ со святыми церкви и божествами Олимпа. Іезуиты были мастера въ постановкѣ подобныхъ представленій, великолѣпію которыхъ они и обязаны отчасти успѣшностью своей религіозной пропаганды. Для примѣра приведемъ программу торжества, устроеннаго ими въ Вильнѣ 4 марта 1604 г., по поводу канонизаціи св. Казимира *). Торжественная процессія съ корувью св. Казимира шла черезъ городъ, останавливаясь на всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ. У Рудницкихъ воротъ, устроенныхъ въ видѣ исполинской птицы, явилась женщина въ глубокомъ траурѣ, изображающая городъ Вильно, который страдалъ, какъ извѣстно, отъ частаго неурожая и зябзы. Эта женщина утѣшаетъ себя тѣмъ, что послѣ канонизаціи св. Казимира она получитъ въ небѣ надежнаго ходатая и защитника. Два ангела съ лиліями въ рукахъ возвѣщаютъ ей, что надежды ея исполнились и что канонизація совершилась. Тогда женщина—Вильно—мгновенно преобразуется въ царицу съ багрянницею, короною и скипетромъ, садится въ колесницу и направляется въ городъ, предшествуемая Славю, держащую въ рукахъ золотую трубу. Близъ ратуши путь ея загороденъ огромнымъ картоннымъ замкомъ

*) M. Baliński, Dawna Akademia wileńska 1862, pag. 103.

съ высокими башнями. Четыре ангела и четыре добродѣтели: Мужество, Умѣренность, Расторопность и Справедливость ведутъ между собою передъ замкомъ разговоръ, послѣ котораго замокъ загорается и исчезаетъ среди пламени, шума и ружейныхъ выстрѣловъ. Передъ академическою церковью св. Яна предшествующая кортежу Слава зоветъ академію, чтобы она приняла участіе въ празднествѣ. Является академія, сопровождаемая богословіемъ, философіею, исторіею, краснорѣчіемъ, поэзіею, филологіею, грамматикою, наконецъ девятью музами, покинувшими Олимпъ и поселившимися на берегахъ Виліи. Последнюю часть правдства составлялъ діалогъ, гдѣ участвовало семь юношей, одицетворявшихъ семь главныхъ виленскихъ церквей.

Не меньшему искаженію подверглась и лирика; лучшимъ ея представителемъ въ этомъ періодѣ считается Веспасіанъ изъ Кохова, Коховскій (+1699), который впрочемъ гораздо болѣе извѣстенъ какъ историкъ, нежели какъ поэтъ. Бѣдныя жолчныя сатиры, не отличающіяся особеннымъ талантомъ, писалъ Кристофоръ Опалинскій, возвода поэзіанскій (+1655), который на дѣлѣ оказался нисколько не лучше осмѣиваемаго имъ общества; человекъ онъ былъ гордый, самолюбивый, подкупной, и изменилъ своему отечеству, передавъ Великопольшу въ руки короля шведскаго Карла Густава. Одинъ только родъ поэзіи достигъ замѣчательнаго развитія, а именно историческій эпосъ. Недавно, въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, отыскана относящаяся къ 17-му столѣтію и по времени написанія, и по описываемымъ событіямъ, и по духу сильной, горячей вѣры, которымъ она проникнута, героическая поэма въ 10 пѣсняхъ *Wojna Chocimska* (Хотинская кампанія) ⁵⁾. Первоначально приписывали эту поэму Андрею Липскому, подвоеводѣ санецкому, потомъ Ахатію Писарскому, старостѣ вольбромскому; теперь историки польской литературы ⁶⁾ пришли къ тому заключенію, что поэма написана Вацлавомъ Потоцкимъ, подчашимъ кравовскимъ, умершимъ въ 1693 году. Сюжетъ поэмы составляетъ одинъ изъ эпизодовъ той исполинской борьбы христіанства съ исламомъ, которая дала начало сказаніямъ франко-каролингскаго цикла и ученой поэмі Тасса, борьбы, въ которой участвовать по мѣрѣ силъ шляхта польская считала своимъ историческимъ призваніемъ, и послѣдній актъ которой разыгрался подъ Вѣною, освобожденіемъ ея отъ Турокъ Яномъ III Собѣскимъ. Въ 1620 г. на Цецорской равнинѣ близъ Яссы Полякамъ нанесено было Турками страшное пораженіе, убитъ великій гетманъ Жолкевскій, взятъ въ плѣнъ польный гетманъ Конецпольскій. Въ слѣдующемъ 1621 г. нависла надъ Польшею страшная туча турецко-татарскаго нашествія, султанъ Османъ намѣревался воздвигнуть мечеть въ Краковѣ и дѣлалъ уже Польшу на пашалыки; огромная его армія вмѣстѣ въ себя 300,000 человекъ всѣхъ цвѣтовъ кожи и всѣхъ націй востока, 150 пушекъ, множество слоновъ,

⁵⁾ *Wojna Chocimska poemat bohaterki przez Andrzeja Lipskiego, wydany przez Stanisława Przyłęckiego. Lwów 1850 г.*

⁶⁾ *Sjawnocha, Szkice Historyczne 1854; Bartoszewicz.*

10,000 вьючных верблюдовъ. Турко-татарскимъ полчищамъ загородилъ дорогу 65,000 войска польскаго и запорожскаго подъ предводительствомъ престарѣлаго и при смерти больнаго Ходкевича. Объ эту рать, окопанную надъ Днѣстромъ у стѣнъ Хотинскаго замка разбивалась какъ о скалу въ теченіи 40 дней волна нашествія и ничего не сдѣлавъ ушла назадъ. Таковъ предметъ поэмы; она отличается отъ ученаго эпоса западно-европейской романтики полнымъ отсутствіемъ двухъ главныхъ составныхъ элементовъ этого романтическаго эпоса: чудснаго и любви къ женщинамъ. Въ поэмѣ нѣтъ ни одного женскаго лица, авторъ не выводитъ на сцену ни ангеловъ, ни демоновъ, ни святыхъ угодниковъ, ни цародѣевъ, онъ пренебрегаетъ разсчитанными на эффектъ вымыслами, онъ совершенный реалистъ въ искусствѣ, приверженецъ исторической истины; онъ взялъ за тему событіе свѣжее, извѣстное, слышанное имъ отъ очевидцевъ и еще необросшее мхомъ сказочныхъ прикрасъ. Преобладающія въ авторѣ качества: юморъ и тонкая наблюдательность, потому поэма богата прекрасными описаніями ⁷⁾. и

⁷⁾ Въ концѣ первой пѣсни великолѣпно описана зима, во второй пѣсни лѣто. Въ четвертой такимъ образомъ изображенъ походъ войска:

Pięknie tam było patrzeć gdy w onej rowninie,
Tyle krzyżów, tyle się pogoni rozwinię,
Tyle orłów walecznych na zaszczyt korony
Niośc gotowe skrzydła, wyciągnięone szpony
Na ścierwy bisurmańskie, gdzie kruki i sępy
I pożerne harpie wielkiem zastępy
Czując o pewnym żerze, tam leciały chciwiej,
Nim się każdy przy orłach sarmackich pożywi.
Niemniejszym i to było patrzającym gustem
Gdy się lekkim przechodząc po chorągwiach szustem
Tak wspaniale odymał nasze białozory
Wolny zefir, że znacznie były ich humory.
Jęczy ziemia gęstemi ubita kopyty,
Czująca krwi cecorskiej mściciele Lechity...
Krzyżą wesołe konie w rzędy, w kity, w forgi
Ustrzępione, z wiatrami mieszają swe gorgi.
Tak się zda, lubo w kole obraca się węzeł
Lub prosto idzie który, że srożej, że ciężej
Ziemię nieprzyjacielską kopytami depce;
Zwłaszcza w naszym Podolu urodzone zrzebce
Gotują się z pieszczonej Arabii łatek
Pytać jeśli rogowych podków mają szczątek...

Приведемъ еще нѣсколько стиховъ изъ обращенія поэта къ Богу (пѣсни I и II):

Pojrzy o wieczny Boże, któryś niegdyś tęgiem
Ujął gniew sprawiedliwy przez niebo poprzęgiem
I wiecznię malowaną zawiązał obręczą
Swój arsenał, skąd grozy twe nad światem brzęczą...
Patrz na świecznik twej chwały, który w tej koronie
Ogniem niezagaszony ku czci twojej płonie
I chociaż przez złość naszą, przez nasze niecnoty
Częste go w oczu twoich zaciemniają knoty,
Utrzymaj knot, masz nożyce miłosierdzia w ręce,
Że nie zgasisz, ufamy Jezusowej ręce.

(Посмотри, Боже превѣчный, ты, который прекратилъ некогда праведный гнѣвъ,

при всей важности ея сюжета, въ ней преобладаетъ тонъ сатирической. Отъ Потоцкаго, какъ отъ ревностнаго католика 17-го вѣка, нельзя конечно и ожидать той объективности, того полнаго безпристрастія въ отношеніи къ врагамъ христіанства, которыя были доступны, можетъ быть, немногимъ только людямъ времени возрожденія. У него нехристи — почти не люди, всё они злодѣи и негодяи, ихъ страданія и гибель не возбуждаютъ никакого сочувствія; поэтъ описываетъ съ насладеніемъ (пѣснь VI), какъ кони боевые вьзнутъ въ грудахъ мяса человѣческаго, какъ застывающая кровь трясется студенемъ, какъ умирающіе запутываются въ своихъ собственныхъ кишкахъ ⁸⁾. Потоцкій не отбѣивается вовсе и въ отношеніи къ своимъ соотечественникамъ, онъ иронически собогъзнуетъ королевичу Владиславу, страдавшему лихорадкою и все время пролежавшему подъ шатромъ, и къ его наемнымъ Нѣмцамъ, разболѣвшимся отъ излишняго употребленія сочныхъ дынь молдаванскихъ: «покинь лихорадку, говоритъ онъ Владиславу, вспомни, ты Александръ, что Дарій стоитъ у твоего изголовья, надѣнь желѣзные латы, садись на буцефала, стоящаго передъ шатромъ, Марсъ тебя вылечитъ кровью или потомъ! Недостойно вождя щеголять чужими перьями, не сидѣвъ на конѣ и не выдавши Турка» ⁹⁾. Потоцкій ядовито насмѣхается надъ тѣми избѣженными галантомами, которые тяготеютъ панцыремъ и не любятъ, чтобы шишакъ сминалъ ихъ напомаженную прическу; онъ трунитъ надъ книжными молитками и надъ домохъдами. Сигизмунда III онъ щадитъ менѣе другихъ, немногими штрихами превосходно очерчена тощая, молчаливая, надутая фигура упрямаго короля «до завтра», который забавляется охотою въ окрестностяхъ Львова, не торопясь нисколько на выручку своей изнемогающей рати.

«Поспѣшай, поспѣшай, Сигизмундъ, въ четыре недѣли ты можешь расположить войска свои на Дунаѣ! Поспѣшай, орломъ пронестись надъ

препоясавъ небо подпругою и завязавъ разноцвѣтнымъ обручемъ твой арсеналъ, изъ котораго раздаются громы твои на весь міръ!... Взгляни на свѣтильникъ славы твоей, зажженный въ честь твою непогасаемымъ огнемъ въ коронѣ польской. Свѣтъ этотъ помрачается порою въ очахъ твоихъ нагаромъ образуемымъ нашею злобою, вашими неправдами, но ты имѣешь ножницы милосердія въ рукахъ, поуравъ свѣтильникъ, обрѣзавъ фитиль; что ты его не погасишь, въ томъ мы надѣемся на Христа и его мученія).

⁸⁾ Pełno ran, pełno śmierci, konie więzną w mięsie,
Krew się zsiadła na ziemi galaretą trzęsie.
Ludzie się niedobici w swoich kiszkach płaczą
Drudzy chlipią z paszczęki posokę gorącą.

⁹⁾ Odłóż na czas gorączkę i febrę niezdrową:
Daryusz Aleksandrze! Daryusz nad głową!
Bierz na się twardy kirys, stoi przed namiotem
Bucetał, uleczy cię Mars krwią albo potem,
Ale w cudze ozdoby, w cudze pstrzyć się piorka
Nie siedziawszy na koniu, niewidziawszy Turka—
Ujma sławie hetmańskiej....

Подолей, весною, дастъ Богъ, ты будешь уже въ Бометантинополѣ» ¹⁰⁾). Но король не внемлетъ, онъ предпочитаетъ вести войну не руками, а ушами (пѣсью IX): «такова уже болѣзнь всѣхъ королей, что они всего охотнѣе слушаютъ совѣты любовницъ, карланковъ, скрипачей, льстецовъ и вообще такихъ людей, которые не промолвить трехъ словъ, не сопряженныхъ съ частнымъ интересомъ». Оставленное королевъ, войско заключило перемиріе съ Турками, съ подлинникомъ трактата отправленъ всендѣ Шолдрскій къ Сягизмунду, «который, будучи занятъ ловлею зайцевъ, слушаетъ вѣсти о войнѣ точно сказку, сидитъ на одномъ мѣстѣ съ сотнею тысячъ сарматской молодежи, дожидаясь великопольскаго ополченія точно утка, которая нозетъ съ молодыми цыплятами и не можетъ сладить съ ними, потому что она плаваетъ, между тѣмъ какъ они бѣгаютъ... Когда Шолдрскій прочелъ ему трактатъ, король разсердился и гнѣвно воскликнулъ, сжимая въ руки эфесъ шпаги: «меня не подождали съ этими-то силами, осмѣлились безъ меня входить съ Османомъ въ сдѣлки, хозяйничать, хозяина не спросивъ! (Здѣсь онъ съ досадою ударилъ въ столъ шляпою). Не знаю чѣмъ, извинятся предо мною Владиславъ съ Любомирскими?—Иду догонять Турокъ, «не скреютъ ихъ отъ меня ни Дунай, ни снѣжные Балканы; если шляхтѣ «не по вкусу война, какъ въ томъ я убѣдился, то я отправлюсь самъ, хотя «бы съ одною только наемною ратью». —Такимъ то образомъ бѣсится король, шагая по комнатамъ, но собственно онъ радуется въ душѣ непомерно, что вернется завтра въ любимую Варшаву. Впрочемъ эту радость онъ тщательно таитъ, зоветъ Фридриха, приказываетъ ему готовить кнехтовъ въ путь, осмотрѣть, есть ли у каждаго изъ нихъ шпага, порохъ, мушкетъ съ фитилемъ. «Дальше медлить нельзя, не останавлиюсь, докогда не дойду до Геллес-понта!» Стой король, спать вамъ, а не воевать. Короля въ его азартѣ убаюкалъ вскорѣ Вобола, подкоморій коронный» ¹¹⁾).

¹⁰⁾ Bywaj, bywaj Zygmunciel a za niedziel cztery
Rozłożysz w podunaju swoich wojsk kwatery
Bywaj i orłem przeleć, możnali, Podole,
Zdarzy Bóg że na wiosnę ujrzysz się w Stambole.

¹¹⁾ Z tym Szoldrski ku Lwowu
Do Zygmunta pośpieszy, który pełen łowu
Zajęczego, o wojnie jakoby o wilku
Żelaznym kto mu bajał. Tam powiatów kilku
Czekaając wielkopolskich z stem tysięcy młodzi
Sarmackiej siedzi w miejscu; taka kiedy wodzi
Kaczka młoda kurczęta, pospolicie bywa,
Niemasz zgody: bo kury chodzą, kaczka pływa...
Teraz słysząc Szoldrskiego kiedy pakta czytał,
Niekontent, i w rzeczy się za fordymant chwycił:
«Nie poczekać mnie jeszcze z temi aparaty!
Śmieć bezemnie z Osmanem zawierać traktaty?»
Ciężnie o stół kapelusze i coraz powtarza:
«Diabeł kiedy rachunek miał bez gospodarza!
Niewiem czem się Władysław z podczaszym zasłoniał?
A w ostatku, ja idę na Turki z pogonią,
Nie wydrze mi ich Dunaj i Bałchany śnieżne,
Choć tylko wojsko z sobą będę miał zaciężne.
Kiedy szlachcie, czegom dziś doznał, wojna śmierdzi»...

Настоящие герои поэмы Потоцкого, это — Сагайдачный со своими Запорожцами, охдой Ходкевичъ, храбрый Любомірскій, а въ особенности та старая крѣпкая шляхта средней руки, независимая у короля богатыхъ старость, слѣдующая неуваженію правдолюбивыхъ обывающихъ и всегда готовая сложить голову по чувству долга за Вога, вѣру и край свой родной. Прекрасный типъ такой шляхты представилъ поэтъ въ старомъ ротмистрѣ гусарскомъ, Янѣ Липокамъ, который съ четырьмя дородными сыновьями сражается подъ однимъ значкомъ, который совѣтуетъ Ходкевичу вѣшать вохлы помышляющихъ объ отступленіи и который до того изсѣченъ и изрубленъ, что не можетъ получить новой раны спереди, которая бы не задѣла никакого нибудь изъ многочисленныхъ рубцовъ, которыми покрыто его тѣло. Этотъ Янъ Липскій говоритъ съ гордостью, указывая на свои рубцы: «вотъ гербы мои, вотъ мои красныя Шрженявы ¹²⁾, съ ними вѣтану и изъ гроба на влечь архангельской трубы на генеральный смотръ всѣхъ умершихъ и когда я ихъ покажу, то святой полководецъ (т. е. Христосъ) пожалуетъ мнѣ индигенатъ въ небесахъ» ¹³⁾.

Отъ толпы стихотворцевъ манароническаго періода отдѣлилась и пошла особою стезею семья Морштыновъ, подрывателей французскаго классицизма, предшественниковъ того направленія, которое сдѣлалось преобладающимъ въ послѣдующемъ періодѣ и которое силлось блистать остроуміемъ, гладкостью формы, прославляло легкую любовь, дышало сладострастіемъ. Старѣйшій изъ Морштыновъ, Геронимъ, стольникъ бѣльскій, жившій въ началѣ 17-го столѣтія, былъ авторомъ аллегорической поэмы въ эротическомъ родѣ «Światowa rozkosz» (1606). Станиславъ Морштынъ, воевода мазовецкій, перевелъ Андромаху Расина. Извѣстнѣе ихъ былъ Андрей Морштынъ (род. около 1620 г.; умеръ въ первыхъ годахъ 18-го столѣтія), любимецъ королевы Маріи Луизы, жены Владислава IV, а потомъ Яна Казимира, одна изъ главныхъ подпоръ французской партіи. Морштынъ занималъ весьма важную и доходную должность подскарбіа короннаго (минист-

Tak się nasz król, po izbie chodząc wielce sierdzi,
A gdybyś w serce wejrział, niesłychanie cieszysz.
Ze jutro do kochanej Warszawy, paśpiesz.
Ale tego po sobie najmniej niepokaze,
Owszem wołać Frydryka wskok sobie rozkaże,
Żeby knechty gotował najutrzejszą drogę:
«Żadna miara jej dłużej odwłoczyć nie mogę;
Niechaj ma każdy szpadę, proch i muszkiet z lontem,
Bo się pewnie nieoprzę aż nad Hellespontem»:
Spać raczej nie wojować i ledwie Bobola
Podkomorzy koronny ukołysał króla.

¹²⁾ Шрженява — бѣлая рѣка въ красномъ полѣ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ гербовъ.

¹³⁾ To herby, to są moje Szreniawy rumiane,
Z temi z gróbu na trąbę archanielską stanę
W on popis generalny i da mi wodz święty
Niebieski indygenat za takie prezenty.

стра финансовъ), но кончилъ свою дѣятельность со скандаломъ, потому что его уличили въ сношеніяхъ, имѣвшихъ видъ государственной измѣны, съ Людовикомъ XIV, такъ что онъ долженъ былъ оставить Польшу и поселиться во Франціи, гдѣ и умеръ подъ именемъ графа de Chateaullain. Большая часть его легкихъ лирическихъ стихотвореній, которыми онъ импровизировалъ съ замѣчательною быстротою и легкостью, не издана. Его переводъ Корнелева Сида считается до сихъ поръ образцовымъ. Онъ написалъ прелестную повѣсть стихами *Психе*, въ которую на канвѣ греческаго мифа умѣлъ вставить множество остроумныхъ аллюзій, относившихся къ современному обществу и къ тогдашнимъ политическимъ событіямъ.

Переходимъ къ прозѣ. Въ настоящемъ періодѣ процвѣтали тѣ только отрасли ея, которыя имѣли ближайшую связь съ весьма дѣятельною, хотя и довольно бесплодною политической жизнью народа. Польская исторія 17-го и первой половины 18-го вѣка употребляетъ какъ и въ вѣршія времена два языка: латинскій и польскій, и вмѣщаетъ въ себя двоякаго рода произведенія: опыты прагматическаго изложенія въ связанныхъ разсказахъ, по источникамъ, цѣлыхъ царствованій или цѣлыхъ періодовъ изъ политической жизни народа и отрывочные мемуары. Перваго рода произведенія всѣ безъ изъятія писаны по латыни; польская исторіографія, заговорившая у Бѣльскихъ и Стрыйковскаго по польски, надѣла на себя опять латинскій нарядъ. Мемуары писаны почти всѣ на языкѣ польскомъ или лучше сказать на ломаномъ мажароническомъ. Извѣстнѣйшіе изъ писателей, заслуживающихъ названіе историковъ, были: Павелъ Пясецкій (1680—1649), епископъ перемышльскій, описалъ царствованія Сигизмунда III и Владислава IV; и замѣчательный своею религіозною терпимостью и враждою къ іезуитамъ Веспасіанъ изъ Кохова, Коховскій, описавшій царствованія Яна Казимира и Михала Вишневецкаго въ четырехъ книгахъ, которыя онъ назвалъ климатерами, потому что каждая изъ этихъ книгъ вмѣщаетъ въ себя событія за 7 лѣтъ. Этотъ громадный трудъ, написанный съ необыкновеннымъ талантомъ, составляетъ главный источникъ для второй половины 17-го вѣка. Лаврентій Рудавскій, мѣщанинъ пожалованный въ дворяне, каноникъ варшавскій, приверженный къ Австріи до такой степени, что готовъ былъ всею Польшею жертвовать интересамъ габсбургскаго дома, передъ которымъ онъ работѣствуетъ. Рудавскій описалъ событія отъ вступленія на престолъ Яна Казимира (1648) до Оливскаго мира (1660); его сочиненіе важно тѣмъ, что представляетъ оцѣнку съ самодержавной точки зрѣнія тѣхъ событій, которыя Коховскій описывалъ съ точки зрѣнія старопшляхетской. Съ Коховскимъ, умершимъ въ 1699 г., видимо склоняется къ упадку искусство историческаго повѣствованія. Уровень политическаго образованія понижается быстро, характеры мельчаютъ, событія политическія становятся менѣе интересными, вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣетъ и пониманіе общей ихъ связи и зависимости. Вѣсто историческаго разсказа, епископъ вармійскій и канцлеръ Андрей Хризо-

стомъ Залускій (+1711) оставилъ пять огромныхъ томовъ своей корреспонденціи (*epistolæ historico-familiares*), Драгоцѣнный, но совершенно сырой матеріалъ. Недостатокъ исторической критики выкупается отчасти чрезвычайнымъ обиліемъ разнообразнѣйшихъ записокъ, журналовъ или діаріевъ, замѣтокъ, въ которыхъ современники записывали все то, что лично ихъ касалось или что съ ними происходило, причемъ они затрогиваютъ на каждомъ шагу и общія политическія событія. Этотъ рудникъ исторіи, чрезвычайно богатый, открытъ недавно и раскопанъ въ незначительной только части; по всей вѣроятности большая половина подобныхъ мемуаровъ хранится еще подъ спудомъ. Чтобы понять весь интересъ подобныхъ мемуаровъ въ этомъ періодѣ, необходимо бросить взглядъ на общественный бытъ народа въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ. Въ этомъ быту всякіе вопросы рѣшены, главная задача упразднена. Броженіе умовъ, порожденное реформаціею, кончилось подведеніемъ всего почти общества подъ общій знаменатель римскаго католицизма; интересъ религіозный до того бралъ верхъ надъ кровными связями и надъ традиціонною ненавистью Польши къ Австріи, что войска польскія, такъ называемые лисовчики или элеары помогали императорскимъ войскамъ въ 30-ти лѣтней войнѣ и участвовали въ знаменитой бѣлгорской битвѣ (1620), облившей кровью всю Чехію, и положившей конецъ ея политической самостоятельности. Великая социальная несправедливость въ отношеніяхъ шляхты къ другимъ сословіямъ сдѣлалась неизбѣжнымъ фактомъ, превратилась въ органическую болѣзнь, неизлѣчимуую и тѣмъ болѣе страшную, что никто на нее не указывалъ; она считалась явленіемъ естественнымъ — закономъ природы. Каменною стѣною отдѣлившись отъ мѣщанства и крестьянства и закрывъ глаза на социальную сторону быта, польское общество занято было повидному только отдѣлкою своихъ политическихъ учреждений, но этотъ политическій механизмъ видимо портился въ рукахъ шляхты: идеалъ гражданской свободы, которому всѣмъ жертвовала шляхта, къ которому она стремилась съ безпредѣльною любовью, отодвигается въ неизлѣчимуую даль, ея усилія къ достиженію этой цѣли приводили на дѣлѣ къ одному только плачевному результату, къ той анархіи, которая сдѣлалась въ 18-мъ столѣтіи наименованіемъ польской формы правленія у западноевропейскихъ народовъ. Какъ будто въ наказаніе за забывчивость относительно судьбы младшей брата, шляхта увидѣла, что надъ головами ея вырастаютъ двѣ враждебныя и опасныя для нея силы — монархизмъ и вельможество, изъ которыхъ первый преслѣдовалъ постоянно идеалъ самодержавія, а второе силлось превратить Рѣчь посполитую въ олигархическую республику. Исторія Польши съ тѣхъ поръ представляетъ однообразную, а потому утомительно скучную и безысходную игру трехъ исключаящихъ себя взаимно принциповъ, монархической власти, олигархіи магнатовъ и шляхетскаго демоса. Каждый изъ этихъ принциповъ не на столько силенъ, чтобы взять верхъ надъ двумя остальными, а разлада между ними до того изнурила общественный организмъ, что

въ 18-мъ вѣкѣ Рѣчь посполитая пользовалась только номинальною самостоятельностью.

Каждая изъ трехъ великихъ партій, стремясь къ осуществленію своего идеала и къ совершенію въ свою пользу того, что называлось починкомъ (паргава) Рѣчи посполитой, искала безъ зазрѣнія совѣсти точки опоры внутри отечества въ постоянномъ войскѣ, и внѣ отечества въ иностранныхъ державахъ, и узаконивала такимъ образомъ вмешательство этихъ державъ во внутреннія отношенія Рѣчи посполитой. Главные моменты борьбы партій были слѣдующіе. Въ рукахъ ограниченныхъ со всѣхъ сторонъ пактами и конвентами избирательныхъ королей польскихъ осталась одна весьма важная прерогатива: раздача должностей земскихъ и государственныхъ и доходныхъ староствъ, жалуемыхъ въ пожизненное пользованіе заслуженнымъ отечеству лицамъ (*rapis bene merentium*). Короли изъ династїи Вазы, не могутъ забыть, что они, *Dei gratia*, помазанники Божиї, сверстники другихъ европейскихъ государей. Всмотриваясь въ растущую всюду монархическую власть и увлекаясь то примѣрами сосѣдей Габсбурговъ, то успѣхами Ришелье, Мазарини и Бурбоновъ, они желаютъ основать монархію неограниченную, употребляя на то конституціонныя, а при недостаткѣ таковыхъ даже и неконституціонныя средства. Владиславъ IV, руководимый канцлеромъ Оссолинскимъ, желѣлъ колоссальныя замыслы подавленія шляхты, установленія самодержавія и похода на Турцію: для приведенія въ исполненіе этихъ замысловъ онъ хочетъ употребить въ смыслѣ орудія самый враждебный для шляхетства элементъ — козачество. Между королемъ и козачествомъ образуется какъ бы электрическій токъ; шляхта, проникая намѣренія короля, успѣваетъ разстроить ихъ во время и обратить ни во что его планы, но дѣло было сдѣлано, козачество подняло на ноги крестьянскій малороссійскій людъ и вызвало кровопролитную социальную войну, которая ослабила Польшу, не облегчивъ участи низшихъ рабочихъ классовъ. Бездѣтный Янъ Казиміръ, по внутреннему желанію француженки Марїи Луизы, пытается исторгнуть изъ рукъ шляхты право избранія королей, и назначить себя заблаговременно преемникомъ знаменитаго принца Конде. Встревоженная интригами французской партїи, шляхта заручается убійственнымъ для дальнѣйшаго развитія Рѣчи посполитой средствомъ: *liberum veto*; опасаясь, чтобы въ данномъ случаѣ король, имѣющій въ рукахъ раздачу мѣстъ и староствъ, не расположилъ искусственно въ свою пользу большинства членовъ въ сенатѣ и избѣ посольской, она проводитъ въ практикѣ то начало, что и одного голоса достаточно для того, чтобы прервать сеймъ и уничтожить всѣ его постановленія, а по отреченіи Яна Казимира отъ престола она разстриваетъ всѣ козни роялистовъ избраніемъ въ короли кости отъ костей своихъ, настоящаго республиканца, земляка Пяста, Михаила Вишневецкаго. Но между королемъ и шляхтою стояло вельможество, выросшее изъ шляхетства, состоящее изъ родовъ, достигнувшихъ высшихъ должностей въ Рѣчи посполитой, но неизмѣющее

прочнаго основанія подъ собою, потому что оно не въ силахъ было ни сдѣлать эти должности наследственными въ магнатскихъ фамиліяхъ, ни обезпечить на долгое время вліяніе этихъ фамилій посредствомъ майоратовъ (пять магнатскихъ ординацій или майоратовъ были рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила, число ихъ не могло увеличиваться по непопулярности этого учрежденія между шляхтою). Поставленные въ необходимость искать популярности у шляхты для достиженія высшихъ должностей, даваемыхъ только по заслугамъ и милости у короля и для полученія доходныхъ староствъ, магнаты ставили себѣ за правило колебаться между королемъ и шляхетскимъ демосомъ. Союзъ короля съ демосомъ шляхетскимъ, выдвигая впередъ людей неродовитыхъ и небогатыхъ, грозилъ серьезно вельможеству уничтоженіемъ его. Магнаты не могли никакъ просить Вишневецкому его происхожденія и способа избранія въ короли, и отравили своими просками его правленіе. Преемникъ Вишневецкаго, сіяющій славою блестящихъ, но бесплодныхъ побѣдъ надъ Турками, Янъ III Собѣскій, питаетъ опять обширные династическіе планы, клонящіеся къ основанію наследственной монархіи, которая бы опиралась на магнатскую олигархію. Эти планы до того опротивѣли народу, что по его смерти кандидатура каковаго бы то ни было Пяста сдѣлалась невозможною, и что корона польская поступила такъ сказать въ продажу съ аукціона, съ передачею ея тому изъ иностранныхъ защитниковъ, который предложитъ самыя выгодныя условія. Счастливымъ покупщикомъ явился саксонскій курфирстъ Августъ II, подражатель Людовика XIV, который подписалъ не колеблясь самыя стѣснительныя для него пакта конвента, съ тѣмъ чтобы ихъ не исполнять. Ни одинъ изъ королей не оказывалъ такого презрѣнія къ конституціоннымъ формамъ, ни одинъ не стремился столь открыто къ самовластью, опираясь на свои саксонскія войска, которыя онъ держалъ вопреки конституціи въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Для спасенія конституціи шляхта образовала конфедерцію Тарногородскую и приняла въ своемъ спорѣ съ королемъ вооруженное посредничество Петра Великаго. Слѣдующая элекція совершилась уже при помощи и дѣятельномъ участіи русскихъ штыковъ, употребленныхъ для устраненія французскаго кандидата Станислава Лещинскаго. Новый король Августъ III, обязанный Россіи престоломъ, слѣдовалъ въ своей политикѣ правилу полной уступчивости въ пользу Россіи, чѣмъ и доставилъ конечное спокойствіе Польшѣ, но цѣною достоинства и самостоятельности народа. Чего нельзя было купить за деньги у полновластнаго министра королевскаго Брюля, то можно было выхлопотать по протекціи чрезъ Петербургъ; туда и стали забѣгать честолюбивѣйшіе и предпринимчивѣйшіе изъ искателей мѣстъ и должностей. Патологическій процессъ разложенія государства начинался съ его окончностей, съ общественныхъ вершинъ, но масса шляхетскаго сословія не поддавалась гніенію весьма долго и продолжала выдѣлять изъ себя въ минуты кризиса и опасности характеры, замѣчательные по силѣ пат-

ріотизма и духу самопожертвованія, которые проливають такой яркій блескъ на послѣднія минуты Польши. Весьма замѣчательные писатели, занимавшіеся упадкомъ Польши, напр. Соловьевъ (Ист. пад. Польши, стр. 10), приписываютъ между прочимъ этотъ упадокъ стремленію шляхты къ необузданной свободѣ, неумѣнію сторониться съ своимъ я передъ требованіями общаго блага». Мнѣніе это крайне ошибочно и не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Свободныя учрежденія въ родѣ польскихъ только и возможны при превратившейся въ нравъ и обычай наклонности подчинять свое я требованіямъ общаго блага; эту наклонность польская шляхта простирала до самоотверженія, до геройства, ея ошибка заключалась только въ томъ, что она отождествляла себя съ народомъ и носясь съ идеаломъ общественнаго устройства, не понимала его иначе, какъ въ формѣ аристократической. Упорная вѣра въ свой политическій идеалъ, изумительная стойкость въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, умѣнье единиць группироваться въ массы по всякому призыву во имя угрожаемаго отечества, сообщали нравамъ шляхетскаго сословія характеръ въ высокой степени вническій. Представимъ, что на этомъ фонѣ картины рисуются властолюбивые замыслы королей, происки заискивающихъ популярности магнатовъ, проникающія во внутренность Рѣчи посполитой вліянія иностранныхъ государствъ; что жизнь общественная, самая шумная и дѣятельная разыгрывается въ безконечныхъ сеймикахъ, сеймахъ, конфедерацихъ, при звукѣ чокающихся бокаловъ, бряцаніи сабель и скрежетѣ стали, и мы легко поймемъ какой богатый матеріалъ для зрителя представляло польское общество 17-го столѣтія. Съ упадкомъ просвѣщенія извелся родъ великихъ наблюдателей, которые бы умѣли понимать жизнь общества во всѣхъ ея разнообразныхъ до безконечности явленіяхъ, но за то появилось великое множество разсказчиковъ, которые описываютъ съ точки зрѣнія своей партіи, своего кружка, тѣ событія земскія и государственныя, въ которыхъ они сами принимали непосредственное участіе. Этихъ разсказчиковъ такъ много, что съ помощью ихъ можетъ быть самымъ нагляднымъ образомъ воспроизведенъ бытъ Польши, во всей его поразительной пестротѣ. Важнѣйшія изъ открытых и изданныхъ до сихъ поръ записокъ принадлежатъ слѣдующимъ лицамъ: Альбрехту Радзивиллу канцлеру (+1656), Николаю Гемеловскому (+около 1693), Іоакиму Ерличу, русану, шляхтичу волыискому (+около 1673), Яну Стефану Выдзгѣ, примасу (+1686), Войтъху изъ Коноядъ Демболенцкому, Францисканцу, капеллану эларовъ или лисовчиковъ, описавшему подвиги этой дружины въ Германіи и Польшѣ; Эразму Отвиновскому, описавшему весьма обстоятельно событія всего почти царствованія Августа II; Кристофору Занншѣ, воеводѣ минскому, въ началѣ 18-го столѣтія. Во главѣ лучшихъ писателей записокъ стоитъ поражающій своимъ обширнымъ литературнымъ талантомъ и неисчерпаемымъ юморомъ, Янъ Хризостомъ Пассекъ, шляхтичъ мазовецкій, храбрый солдатъ и завзятый рубака.

который воергалъ подѣ начальствомъ Чарнецкаго со Шведами въ Польшѣ и въ Даніи, съ Москвою на Литвѣ, бывалъ въ преимогихъ оказіяхъ, провожалъ изъ Москвы въ Варшаву московскихъ пословъ, побилъ однажды посорившихся Мазепу, будущаго гетмана козацкаго, былъ любимцемъ королей Яна Казимира и Яна Собѣскаго, наконецъ прошедши, какъ говорится, сивозъ огонь, воду и мѣдныя трубы, поселился въ землѣ краковской, гдѣ и дожилъ до глубокой старости (умеръ послѣ 1702 г.). Пасекъ записывалъ свои воспоминанія безъ малѣйшихъ притязаній на авторскую извѣстность, но онъ до того наглядно воспроизводитъ фizioномію своего вѣка, что можетъ на долго служить неисчерпаемымъ матеріаломъ для историковъ и романистовъ.

Въ концѣ этого періода появляются первые опыты критической обработки исторіи Польши. Прусскіе Нѣмцы Гарткнохъ (+1687), Ленгнихъ (1689—1774), Браунъ (+1737), съ нѣмецкою усидчивостью и аккуратностью берутся за самый трудный и самый темный въ жизни народа предметъ, за исторію польскаго права. Чрезвычайно плодovitъ былъ историкъ, публицистъ и археологъ Симонъ Старовольскій, каноникъ краковскій (+1656), оставившій до 60 сочиненій; современники называли его по причинѣ обширной его начитанности польскимъ Варрономъ. Іезуитъ Касперъ Несецкій (+1744) оставилъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи польской въ геральдическомъ сочиненіи, въ которомъ онъ собралъ и расположилъ по жербамъ исторію всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ родовъ шляхетскихъ. Это сочиненіе въ четырехъ огромныхъ томахъ издано во Львовѣ 1728—1748, подѣ заглавіемъ *Korona Polska*.

4: ПЕРІОДЪ СТАНИСЛАВА АВГУСТА ПОНЯТОВСКАГО.

Польша достигла крайней степени нравственнаго упадка въ царствованіе послѣдняго изъ Саксонцевъ, Августа III. Съ тѣхъ поръ начинается поворотъ къ лучшему, стремленіе къ возрожденію и обновленію. Начало реформы, которой посвящено все царствованіе Понятовскаго, не вполне совпадаетъ съ избраніемъ его въ короли, реформа началась раньше, предвозвѣстниками ея были въ литературѣ Яблоновскій, Лещинскій, въ дѣлѣ народнаго воспитанія и образованія піяры, Конарскій, Залускій, въ политикѣ князья Чарторыжскіе.

Янъ Яблоновскій, воевода русскій, издалъ въ 1730 г. во Львовѣ безымянную брошюру, которая надѣлала много шума и нашла автору столько враговъ, что онъ, самъ будучи нерадъ своему произведенію, не осмѣлился признать себя его отцемъ, но выкупалъ эту брошюру и истреблялъ ее по возможности. Полное заглавіе ея слѣдующее: *Skrypiub bez skrypiutu w Polsce* или: «Что дѣлается безъ зазрнія совѣсти въ Польшѣ,—объясненіе грѣховъ, болѣе свойственныхъ народу польскому, но не счи-

тасмыгъ грѣхами, трактатъ, написанный нѣкимъ полякомъ, тѣми же грѣхами зараженнымъ, но каюцимъся, и изданный во исправленіе его самого и людей». Авторъ бичуетъ безпоощадо тѣ мелкія обыденныя нечестности и пороки, которымъ общество молча поbliaвало, потому что всѣ въ большей или меньшей степени были имъ причастны: систематическое черненіе министровъ, склонность перечить и досаждать королю, пусканіе въ ходъ ложныхъ вѣстей для поддержанія духа въ своей партіи, пользование со стороны стражей казны общественной разными безгрѣшными доходами, ябедничество и пристрастіе въ судахъ, наконецъ безпорядочный образъ сеймованія, которое, «подобно бурному и бездонному морю, волнуется, Богъ вѣсть откуда вырывающимися вѣтрами страстей и интригъ людскихъ». Еще важнѣе другое сочиненіе, написанное бывшимъ королемъ польскимъ Станиславомъ Лещинскимъ, и изданное во Франціи въ Нанси 1733 г. подъ заглавіемъ: «Głos wolny wolność ubezpieczajacy» (Вольный голосъ, обезпечивающій свободу). Здѣсь, между прочимъ, прямо уже положенъ палецъ на больное мѣсто Польши, на неправильное отношеніе шляхты къ плебеямъ. «Всѣмъ, чѣмъ мы славимся, мы обязаны простому народу, говорятъ король-философъ. Очевидно, что я не могъ бы быть шляхтичемъ, если бы хлопецъ не былъ хлопомъ. Плебеи суть наши хлѣбодатели, они для насъ добываютъ сокровища изъ земли, отъ ихъ работъ нашъ достатокъ, отъ ихъ труда богатство государства. Они несутъ бремя податей, они выручаютъ насъ во всѣхъ трудахъ, такъ что если бы ихъ не было, мы сами должны бы сдѣлаться землепашцами, такъ что вѣсто обыкновенной поговорки: панъ изъ пановъ, слѣдовало бы употреблять другую поговорку: панъ изъ мужиковъ». Лещинскій упрекаетъ общество въ томъ, что оно обращается съ чернью, какъ съ рабами, «которые тѣмъ только разнятся отъ невольниковъ, что не носятъ оковъ»; онъ требуетъ полной личной свободы для крестьянина, съ правомъ собственнаго перехода съ земли помѣщичьей къ другимъ занятіямъ и съ правомъ жаловаться на помѣщичью расправу судомъ государственнымъ. Высказано было слово реформы, въ умахъ лучшихъ передовыхъ людей общества уяснилось постепенно сознаніе о томъ, что эта реформа должна быть не только политическая, но и социальная, что она должна предварительно положить вонецъ неурядицъ и безначалію и довести въ окончательномъ результатѣ къ постепенному перемѣщенію центра тяжести государства изъ шляхты въ народныя массы. Новаторы, сходясь между собою совершенно относительно необходимости совершить всестороннее преобразование въ быту общества, разнились относительно путей и средствъ. Станиславъ Лещинскій, въ душѣ шляхтичъ, горячо любящій свободу гражданскую, относится крайне осторожно и почтительно къ республиканскимъ польскимъ учрежденіямъ, онъ до того дорожитъ ими, что даже не смѣетъ поднять руки на *liberum veto*, т. е. на право каждаго члена сеймика или сейма не допустить, чтобы состоялось постановленіе, ему лично противное; Лещинскій предлагаетъ только способы

ограничить такое дело. Королем онъ предлагаетъ избирать письменною и тайною подачею голосовъ до земствамъ — подобно тому, какъ выбируются нынѣ президенты въ Соединенныхъ Сѣверо-американскихъ Штатахъ. Позднѣйшіе мыслители гораздо рѣшительнѣе въ своемъ образѣ мыслей, они стремятся къ болѣе радикальной перемѣнѣ. Общественное устройство Польши протѣивно имъ и по едому въ ласту извратившемуся шляхетству, и по нетолерантному католицизму, стѣсняющему свободное движеніе мысли; они смотрѣли съ презрѣніемъ и насмѣшкою на весь старо-польскій бытъ, не обинуясь называли этотъ бытъ варварствомъ и сажло обрекали его на сломку, съ тѣмъ, чтобы, выровнявъ почву, воздвигнуть на развалинахъ стараго совершенно новое зданіе. Дорунгомъ этихъ людей была личность, съ ея прирожденными правами, ихъ одушевляла любовь къ человечеству и вѣра въ нескончаемую его усовершеняемость, свѣтильникомъ имъ служила французская философія. Съ тѣхъ поръ и начинаются тѣ связи польскаго общества съ западно-европейскимъ политическимъ радикализмомъ, которыя продолжаются непрерывно и до настоящаго дня. Французскія идеи очень быстро усвоивались и распространялись въ Польшѣ, причеиъ лотарингскій домъ Лящинскаго, посѣщаемый множествомъ путешественующихъ за границею Поляковъ, оставался не безъ вліянія на польское общество. Для успѣшности замышляемыхъ преобразованій необходимо было пересоздать упавшія въ рукахъ іезуитовъ школы, чтобы воспитать новое поколѣніе въ духѣ реформы. Эту задачу взялся исполнить есендзь Станиславъ Конарскій (род. 1700), человекъ происходившій изъ весьма знатной фамиліи, вступившій рано въ орденъ піаровъ и докончившій свое образованіе въ Римѣ и во Франціи ¹⁾. Возвратившись въ Польшу въ 1736 г., Конарскій принялъ на себя обязанности ректора піарской семинаріи въ Ржешовѣ, приготовилъ собственнымъ примѣромъ и наставленіями отличныхъ учителей, а въ 1740 году открылъ въ Варшавѣ образцовый пансіонъ для дѣтей высшаго сословія: *collegium nobilium*; потомъ ему удалось преобразовать всѣ вообще польскія піарскія школы. Альваръ былъ вытѣсненъ изъ преподаванія, большее развитіе получили математика, исторія, географія, на ряду съ латынью заняли важное мѣсто языки новѣйшіе и польскій. Конарскій и его сподвижники приготовили отличные учебники по всѣмъ отраслямъ знаній. Піарскіе конвикты или пансіоны имѣли, правда, аристократическій характеръ и были заведеніями, въ которыхъ дѣти знати получали блестящее свѣтское, хотя и не очень глубокое образованіе во французскомъ вкусѣ, но не слѣдуетъ забывать, что Конарскій былъ дѣятель болѣе политическій, нежели научный, что науку онъ любилъ не для самой науки, но для дѣла и что посредствомъ воспитанія онъ хотѣлъ приготовить не столько ученыхъ, сколько гражданъ, которые могли бы взять на себя инициативу реформы политической и соціальной. Въ 1741 г. Конарскій издалъ сочи-

¹⁾ *Historja szkół etc. przez J. Łukaszewicza.*

неніе: *De emendandis eloquentiae citiis*, въ которомъ сильно нападетъ на реторическую напыщенность современнаго краснорѣчія. Наконецъ онъ написалъ обширное, глубоко ученое сочиненіе въ 4-хъ томахъ: *O skutecznym rad sposobie*, въ которомъ разбирая порядокъ сеймованія, онъ доказываетъ вредъ и несостоятельность *liberum veto* и предлагаетъ, чтобы дѣла рѣшались не единогласіемъ, но по большинству голосовъ. Съ воспоминаніемъ о Конарскомъ неразрывно связано имя другаго дѣятеля литературнаго, Іосифа Андрея Залускаго, епископа кievскаго, получившаго совершенно французское воспитаніе, чудака, исполненнаго аристократическихъ предрасудковъ, но горячаго патріота и страстнаго бібліографа. При содѣйствіи Залускаго, Конарскій приступилъ къ изданію полнаго собранія законовъ польской Рѣчи посполитой подъ заглавіемъ *Voluntina legum* (8 томовъ, заключающихъ въ себѣ законы до 1780 г., изданы 1732—1782). Всѣ свои огромные доходы Залускій посвятилъ на составленіе богатѣйшаго книгохранилища, изобилующаго рѣдчайшими рукописями и изданіями, относящимися къ исторіи польской; составивъ это книгохранилище, онъ его принесъ въ даръ народу и сдѣлалъ учрежденіемъ публичнымъ. Въ половинѣ 18-го столѣтія число сторонниковъ реформы возрасло до того, что они образовали цѣлую политическую партію, во главѣ которой стала такъ называемая *фамилія*, то есть могущественный родъ князей Чарторыжскихъ, ведущихъ свое начало отъ Гедимина, имѣвшихъ огромныя связи со всѣми магнатскими домами Рѣчи посполитой и обладавшихъ обширѣйшими помѣстьями. Ко всѣмъ этимъ благоприятнымъ условіямъ слѣдуетъ прибавить необыкновенныя политическія способности главныхъ представителей фамиліи, Августа Чарторыжскаго, воеводы русскаго, его сына Адама, генерала земель подоольскихъ, его шурина Станислава Понятовскаго, кастеляна краковскаго, и въ особенности талантливѣйшаго изъ Чарторыжскихъ, канцлера В. К. Литовскаго, Миханя (брата Августа). Фамилія стремилась съ замѣчательнымъ постоянствомъ и настойчивостью къ преобразованію государства въ смыслѣ монархическомъ, старалась занять своими приверженцами всѣ должности Рѣчи посполитой и до того распространила свое вліяніе на всѣ слои народонаселенія, что, по увѣренію современнаго историка Рюльера, четверть шляхты въ Рѣчи посполитой была готова служить политическимъ видамъ Чарторыжскихъ. Задача, которую Чарторыжскіе взяли на себѣ рѣшить, испугала бы безъ сомнѣнія по своей трудности людей менѣе рѣшительныхъ, потому что надобно было одновременно преодолевать препятствія и внутреннія и внѣшнія, посягнуть на учрежденія, считаемыя неприкосновеннымъ палладіумомъ свободы, вступить по этому поводу въ упорную борьбу со всѣми приверженцами покойной старины и вести эту борьбу въ виду смежныхъ съ Польшею державъ, которыя привыкли хозяйничать въ Польшѣ, для которыхъ *liberum veto* и элекція королей были лучшими ручательствами безсмія Польши, и которыя смотрѣли крайне подозрительно на всякое усиленіе королевской власти. Реформа веда, въ болѣе или менѣе от-

даленномъ будущемъ, къ возстановленію народнаго достоинства и независимости, для осуществленія ея Чарторыжскіе должны были искать союзниковъ не только внутри, но и внѣ государства, и, пользуясь антагонизмомъ окружающихъ Польшу державъ, искать точки опоры для себя въ Петербургѣ, выдавая себя за русскую партію. Когда въ 1763 г. умеръ король Августъ III, то фамиліи представился случай устранить домъ саксонскій и возвести на польскій престолъ кого нибудь изъ своей среды. Выборъ короля состоялся не воплію по желаніямъ фамиліи, но, пользуясь вооруженною поддержкою отъ петербургскаго двора, фамилія должна была согласиться съ нимъ и относительно кандидата на престолъ. Такимъ угоднымъ императрицѣ Екатеринѣ II кандидатомъ сдѣлался хорошо ей извѣстный столичный литовскій Станиславъ Августъ Понятовскій, племянникъ Августа и Михаила Чарторыжскихъ и внукъ того Андрея Морштына, который при Янѣ Казимірѣ былъ распространителемъ французскаго вкуса, подпорою французской партіи и переводчикомъ Корнелева Сидя. Новый король оказался ошибкою попавшимъ на престолъ артистомъ и литераторомъ, тонкимъ цѣнителемъ красотъ въ дѣлѣ искусства, но безхарактерною и пустою куклою въ политикѣ. Этотъ избѣженный сябарить, могущій увлекаться великими идеями, пока осуществленіе ихъ скрывалось въ дали, блѣднѣлъ передъ настоящею опасностью и тотчасъ же безъ боя измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ, когда они требовали дѣла. Онъ былъ неспособенъ въ рѣшительную минуту стать во главѣ консерваторовъ подъ древнимъ испытаннымъ знаменемъ шляхетства и католицизма, отстоять старую Польшу, какъ ее отстаивали нѣкогда ея предшественники противъ Москвы, Турокъ и Шведовъ, и продлить по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время ея существованіе. Онъ былъ не способенъ также стать во главѣ новаторовъ, призвать на помощь всѣ революціонные элементы и, поставивъ на карту свою корону и даже жизнь, попытаться въ одно и то же время и совершить внутренній переворотъ, и повести вѣншнюю войну съ сосѣдями, которымъ этотъ переворотъ не могъ нравиться и по своему революціонному характеру и потому, что онъ полагалъ конецъ польской анархіи. Тотчасъ по вступленіи Понятовскаго на престолъ, петербургское правительство потребовало отъ него всѣхъ стѣсненій, которыя терпѣли диссиденты. Требованіе было справедливое, но поддерживалось силою оружія. Сеймъ уступилъ принужденію, но это вѣншательство вызвало конфедерацію барскую и множество иныхъ. Вся Польша покрылась вооруженными летучими отрядами шляхты, завязалась продолжительная междоусобная война, которая потушена была совокупными дѣйствіями войскъ королевскихъ и русскихъ. Страна, истощенная усобицами, должна была подчиниться всѣмъ условіямъ своихъ могущественныхъ сосѣдей, Австріи, Пруссіи и Россіи: такимъ образомъ совершился первый раздѣлъ Польши 1772 года, — за которымъ слѣдовало 15 лѣтъ отдыха (1772 — 1787). Въ теченіи этого времени король могъ безпрепятственно заниматься литературою, окружать себя отборными

поэтами и артистами, устраивать свои четверговые обѣды, знаменитые по блистательному остроумію приглашаемыхъ къ трапезѣ королевской собесѣдниковъ и стараться славою покровителя наукъ и художествъ прикрыть позоръ срезанной до половины короны. Другимъ, подобнымъ королевскому, литературнымъ центромъ сдѣлалась Пулава, гостеприимный для поэтовъ магнатскій домъ Князей Чарторыжскихъ. Въ то же самое время партія реформы удалось совершить дѣло несравненно болѣе прочное, нежели всѣ политическія преобразованія, потому что оно пережило паденіе Цолиши и содѣйствовало въ значительной степени сохраненію польской народности и усиленію въ 19-мъ столѣтіи ея всесторонняго нравственнаго вліянія во всѣхъ странахъ, входившихъ въ составъ прежней Рѣчи посполитой, и даже за ея предѣлами. Это великое дѣло было радикальное преобразованіе народнаго воспитанія посредствомъ Эдукаціонной Коммиссіи. Скажемъ сначала нѣсколько словъ о реформѣ училищъ, потомъ обратимся къ литературѣ.

Въ своихъ пактахъ конвентахъ король обязался учредить военное училище. Онъ и открылъ въ 1766 г. корпусъ кадетовъ въ Варшавѣ. По его примѣру Карлъ Радзивиллъ основалъ своими средствами школу артиллерійскую въ Несвижѣ, а подкоморій коронный Потоцкій кадетскую школу въ Немировѣ. Въ 1773 г. буллою папы Климента XIV уничтоженъ орденъ іезуитовъ; сейму предстояло распорядиться огромнымъ, оставшимся послѣ ордена имуществомъ и подумать о способахъ воспитанія юношества послѣ упраздненія іезуитскихъ школъ. Сеймъ установилъ двѣ раздавательныя коммиссіи (одну для Короны, другую для Литвы), которыя по приведеніи въ извѣстность орденаго имущества должны были заняться раздачею недвижимостей ордена въ вѣчную аренду частнымъ лицамъ и отдачею капиталовъ на проценты; двѣ судебныя коммиссіи для рѣшенія всѣхъ тяжбъ и исковъ, возникающихъ при ликвидаціи имущества, и Коммиссію Эдукаціонную, которой передано все воспитаніе народное и которая была первымъ въ Европѣ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Эдукаціонная Коммиссія состояла изъ 8 лицъ, между которыми особенныя услуги оказали: Хрептовичъ, подканцлярій литовскій, Игнатій Потоцкій писарь литовскій, Адамъ Чарторыжскій, генералъ земель подольскихъ. Секретаремъ Коммиссіи былъ Григорій Пирамовичъ. Коммиссія имѣла мѣстопребываніе въ Варшавѣ, посылала для осмотра училищъ особыхъ визитаторовъ и давала сейму отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Преобразовавъ до основанія обѣ академіи, краковскую и виленскую, и измѣнивъ въ нихъ и планъ и методы преподаванія, Эдукаціонная Коммиссія сдѣлала изъ нихъ центры управленія—изъ краковской академіи для Короны, изъ виленской, переименованной въ главную школу, для Литвы. Республика раздѣлена въ учебномъ отношеніи на 9 округовъ, въ каждомъ округѣ открыта одна высшая школа съ гимназическимъ курсомъ и нѣсколько подокружныхъ, въ родѣ нашихъ уѣздныхъ училищъ. Общій уставъ для польскихъ и литовскихъ училищъ, выработанный Коммиссіею, введенъ въ дѣйствіе въ 1783 г. и

замѣчательнѣе тѣмъ, что послужилъ основаніемъ организаціи училищъ Александра I и уставамъ російскихъ университетовъ 1803 и 1804 годовъ. Для снабженія школъ хорошими учебниками учреждено при Коммисіи общество элементарныхъ книгъ, въ которомъ заседали ученѣйшіе изъ тогдашнихъ Поляковъ (Гуго Коллотай, Янъ Снядецкій, Онуфрій Кончинскій). Общество открыло конкурсы на составленіе лучшихъ учебниковъ и посредствомъ этой мѣры польская литература обогатилась возникшею внезапно цѣлою педагогическою литературою. Всего труднѣе было найти способныхъ учителей; на первый разъ пришлось довольствоваться экзъ-іезуитами, которые по старой привычкѣ не могли сочувствовать вводимымъ въ преподаваніе переменамъ; учительскія семинаріи, открытыя въ Краковѣ, Вильнѣ, Кельцахъ, Ловичѣ, не вдругъ могли принести плоды. Впрочемъ и этотъ недостатокъ пополнился къ началу великаго четырехлѣтняго сейма; краковская академія очутилась отъ своего вѣкового сна, и виленская главная школа развивалась быстро подъ энергическимъ руководствомъ своего неумолимаго ректора, экзъ-іезуита Мартина Одяницкаго Почобута (род. 1728, сложилъ должность ректора 1799, + 1810).

Новѣйшее общество польское привыкло пренебрегать литературою царствованія Понятовскаго. На ней лежитъ тяжелымъ камнемъ обвиненіе въ подражательности Французамъ, въ измѣнѣ народному духу. Замѣчательно, что это обвиненіе явилось только въ 19-мъ столѣтіи, что въ свое время польская старина оказывала этой подражательности одно лишь пассивное сопротивленіе инерціи, одно тупое и безмысленное отрицаніе всякой новизны; въ рѣшительную минуту, отъ которой зависѣла жизнь или смерть народа, старина собралась съ силами на то только, чтобы сказать свое *veto* и самоубійственно посягнуть на самое существованіе государства (конфедерація тарговицкая). Когда Польша пала, шляхетство отодвинулось въ даль, успѣло обрости мохомъ и плѣселью, тогда-то послышались голоса, выражающіе сожалѣніе о томъ, что эта старина исчезла; умершее въ жизни стало воскресать въ пѣсняхъ, причемъ требованія и краски настоящаго подглядывались весьма часто подъ образы прошедшаго. Старое шляхетство было вполне исчерпано въ 18-мъ столѣтіи, идеалы его оказывались несостоятельными, общество требовало обновленія, проложенія новыхъ путей къ творчеству. — Для своего обновленія оно должно было прибѣгнуть къ заимствованіямъ. Изъ Франціи вѣялъ тогда на всю Европу сухой и рѣзкій вѣтеръ рационализма. Популярная философія французскихъ энциклопедистовъ, дѣйствовавшая орудіемъ здраваго человѣческаго смысла во имя неотъемлемыхъ правъ личности, пришлась какъ разъ въ пору польскому обществу 18-го вѣка и помогла ему взглянуть на свой бытъ критически, опредѣлить и сформулировать свои неясныя стремленія къ лучшему порядку вещей. Всѣ передовые люди тогдашняго времени—рационалисты, поклонники Вольтера и Руссо, любители французской культуры. Они пропитаны ею до мозга костей и потому съ презрѣніемъ относятся

къ стариннымъ учрежденіямъ Польши, къ ея «варварству», съ презрѣніемъ тѣмъ болѣе понятнымъ, что они сознавали въ себѣ призваніе къ безпощадной войнѣ со всѣми порожденіями среднихъ вѣковъ. Заимствованія начались, какъ обыкновенно водится, съ внѣшностей, съ простыхъ подражаній модѣ, костюмамъ, складу рѣчей. Весь край раздѣлился на два враждебные лагеря, съ одной стороны бритые лбы, комтуши и сабли, латинская начитанность, и вѣра по преданію отъ праотцевъ, съ другой стороны парики, пудра и шпага, щепетильный *point d'honneur*, языкъ испещренный галлицизмами, систематическое безвѣріе и ироническая насмѣшка надъ всевозможными предрасудками, — причѣмъ конечно проскакивало много уродливаго, каррикатурно-смѣшнаго и плоскаго. Потомъ постепенное подражаніе стало уступать мѣсто сознательному усвоиванію того, что приходилось обществу польскому по темпераменту и росту, и постепенной переработкѣ чужаго въ собственную плоть и кровь. Оба эти момента отразились въ польской поэзіи, которая представляетъ разнообразнѣйшіе типы и легкомысленнаго пренебреженія роднымъ и просвѣщеннаго патриотизма, умѣющаго цѣнить свое собственное. Литература эта, которая носитъ названіе классической, есть отголосокъ и копія французской литературы освобожденія, а французская литература освобожденія, какъ ни далека она отъ придворнаго классицизма своими внутренними тенденціями, во внѣшней формѣ и приемахъ часто носитъ отпечатокъ той же сухости и холодности, которыя отражались еще сильнѣе въ подражаніяхъ. Тѣми же свойствами отличается поэтому и ея польская копія; она бѣдна творчествомъ, но блещетъ остроуміемъ, отличается изысканнымъ изяществомъ формы, шлифуетъ тщательно и тонко всякій стихъ и всякую фразу. Главная сила ея заключается въ сатиру. Эта сатира рѣзко и безпощадно бичуетъ общественные недостатки и пороки. Главными представителями польскаго классицизма были четыре поэта: Венгерскій, Трембецкій, Красицкій и Нарушевичъ. Каэтанъ Венгерскій (1755 — 1787) представляетъ примѣръ увлеченія иностраннымъ, которое доведено до низкопоклонничества и кончается тѣмъ, что описывая свои задушевные мечтанія, свое желаніе посѣтить Парижъ, а потомъ поселиться на родинѣ Руссо, въ мѣстѣ жительства Вольтера, на прелестныхъ берегахъ Женевского озера, поэтъ восклицаетъ: «Куда ты меня увлекаешь, мысль моя неспокойная! надобно остаться въ отечествѣ въ числѣ несчастныхъ, среди варваровъ, едва выдвигающихся изъ тьмы, и стонать подъ ярмомъ грубѣйшихъ предрасудковъ» ²⁾). Сынъ незнат-

²⁾ Najpierwej tve Paryżu szedłbym widzieć dziwy,
I z źródła różnych zabaw czerpać potrosze
Chwilebym na nauki dzielił i roskosze,
Póki by krew gorąca i potrzebne siły
Takiego mi sposobu życia dozwoliły.
Ale jakbym się tylko zbliżał do starości

ныхъ родителей, одаренный блистательнымъ поэтическимъ талантомъ, Венгерскій втерся ко двору, сдѣланъ королевскимъ шабеляномъ, но надобъя всему двору своимъ злымъ, острымъ языкомъ, который не спускалъ даже самому королю ³⁾ и нажилъ Венгерскому безчисленное множество враговъ. Въ 1779 г. вслѣдствіе пасквиля на нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ дамъ онъ долженъ былъ оставить дворъ, отправился за границу, вслѣдъ жизни очень веселую, къ чему давала ему средства счастливая карточная игра, посѣтилъ Италію, Францію, Америку, Англию, наконецъ истощивъ свои силы всевозможными излишествами, умеръ отъ чахотки въ Марсели на 33 году жизни. Венгерскій смотрѣлъ на жизнь какъ на шумную оргію, какъ на непрерывающійся маскарадъ; онъ былъ эпикурецъ и воспѣвалъ одну только философію наслажденія. Мастеръ острить, въ островахъ онъ всего ближе подходитъ къ Вольтеру. Венгерскій осмѣиваетъ священнѣйшіе предметы ⁴⁾, муза его любитъ неспромысленныя сладострастные

Gdzie mniej trzeba uciechy a więcej wolności
 Tamby najpierwsze osiąść było me staranie,
 Kędy ojczyzna Russa, Woltera mieszkanie
 Tam współ z pracownemi obcując Szwajcary
 Paliłbym tym dwóm mężom niezgasłe ołnary,
 Jod brzegów Genewy rzekłbym sobie z cicha:
 Darmo Polak do dawnej szczęśliwości wzdychał
 Ale gdzie mnie uwodzisz obłądliwa myśli!
 Próżno sobie mój umysł obraz szczęścia kryśli.
 Trzeba zostać w ojczyźnie, w liczbie nieszczęśliwych...
 Chwalić wartych nagany, przed podłemi klękać,
 Pod jarzmem najgłębszego uprzedzenia stękać,
 Widzieć co dzień nieuków mędrcami nazwanych,
 I bzdurzących o cnocie za cnotliwych mianych...
 Nie sądzicie że jesteście bliscy oświecenia;
 Ledwie się z barbarzyństwa dobywacie cienia.

- ²⁾ A uczone obiady: zuasz to może imie
 Gdzie połowa niegada, a połowa drzymie,
 W których król wszystkie mu i zastąpić expensa
 Dowcipu, wiadomości, i wina, s imięsa

Извѣстная острая эпиграмма Венгерскаго на короля, когда зтошь послѣдній соорудилъ памятникъ Яну Собѣскому:

Sto tysięcy na pomnik, jabym dwakroć łożył
 Gdyby Staś był skamieniał a Jan III ożył.

(Сто тысячъ на памятникъ. Я бы далъ двѣсти за то, чтобы Станиславъ окаменѣлъ, а Янъ III ожилъ).

- ⁴⁾ ... radbym widzieć Pana Boga,
 Jak poważnie na tronie z djamentów siada,
 Jak zręcznie bez ministrow tą machiną włada,
 Bo jak moim rozumem słabym mogę sądzić
 Trudno kawałkiem ziemi, trudniej światem rządzić
 Ale gdy pilnie sobie zważam z drugiej strony,
 Żem wcale do śpiewania nieprzyzwyczajony,
 I choćbym był największem nabożeństwem zdjęty
 Nie w taktbym pewno śpiewał: święty, święty, święty;
 Cefas ktryo jest na czele
 Całej niebieskiej kapele,
 Mowią że jest zapalczywy,
 Uciał ucho Malchusowi
 Jak mu się dawna cholera odnowi

разсказы, наконецъ онъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ цинизма въ множествѣ грязныхъ стихотвореній, которыя ходили въ рукописи по рукамъ, остались неизданными и могутъ соперничать съ знаменитѣйшими французскими произведеніями подобнаго свойства изъ послѣдней четверти 18-го вѣка. Внутренній, легкомысленный Венгерскій при всѣхъ своихъ недостаткахъ былъ все таки, что называется добрый, честный малый, не торговалъ своимъ талантомъ, и стоялъ, если не по искусству писать звучные стихи, то по нравственному характеру своему несравненно выше другого шамболяна королевскаго, такого же атеиста и винкурейца, Станислава Тромбецкаго, въ которомъ можно видѣть образецъ придворнаго паразита-стихотворца (род. около 1722, — 1812). Тромбецкій имѣлъ бойкое перо, тонкій вкусъ, и былъ хорошо знакомъ съ латинскими классиками и даже съ мало читаемыми въ то время старинными польскими поэтами періода Сигизмундовъ. Ему принадлежитъ безъ всякаго спора слава перваго въ свое время стилиста, услуги оказанныя имъ языку велики; будучи пуристомъ, онъ по возможности изгонялъ изъ языка иностранные слова и обороты и изобрѣлъ множество новыхъ, поражающихъ своею силою и выразительностью. Самъ Мицкевичъ считалъ его первокласснымъ мастеромъ по отдѣлѣ стиха, и научился у него многому. Впрочемъ величественные образы и торжественные аккорды прикрывали мысль самую убогую и самую пошлую. Тромбецкій же отличалъ поэзію отъ стихотворства, за форму не видѣлъ содержанія, онъ былъ жрецъ чистаго искусства, для котораго всякое содержаніе безразлично. Если бы онъ поставленъ былъ судьбою въ другое общественное положеніе, то по всей вѣроятности онъ бы и ограничился любезничаньемъ съ дамами, сочиненіемъ легкихъ стишковъ анакреонтическаго содержанія и другихъ подобныхъ бездѣлушекъ, въ родѣ французскихъ vers de société того времени ⁵⁾;

Mogę być w niebie z ręki jego nieszczęśliwy.
 A potem jeśli mam prawdę powiedzieć,
 Niemogłbym tam długo siedzieć
 Gdzieby mnie w wieczor, w południe i rano
 Codzień to samo śpiewano it. d.

⁵⁾ Прип ду для приѣбра щесу, въ которой Тромбецкій изобразилъ всего лучше самаго себя и свое направленіе:

O, wdziękow zbiory,
 Piękności wzory,
 Panie, krolowe, boginie!
 Niech wasze oko
 Sięga głęboko,
 Niesądząc gracza po minie.
 Włos mi ubielił
 I twarz podzielił
 Srogi czas w różne zagony,
 Lecz za tę szkodę
 Dał mi w nagrodę
 Serdeczny upał zwiększony.
 Tak Hekla siwa
 Śniegiem pokrywa

Но Трембецкий очутился на дворѣ королевскомъ, среди сильнѣйшаго разгара политическихъ страстей, его и заставили писать политическіе памфлеты на заданныя темы, хвалить по приказанію или ругать тѣхъ, кого онъ прежде превозносилъ. Трембецкий, который отличался полнымъ отсутствіемъ убѣжденій, готовъ былъ на всякія услуги. Свое достоинство чувствовалъ онъ такъ слабо, что въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ уподобляетъ себя собачкѣ короля Понятовскаго и расточаетъ передъ нимъ самую пошлую лесть, называя его «отцомъ отечества». «Отъ тебя, — говоритъ онъ — идетъ свѣтъ, сіяющій между нами, который сдѣлаетъ насъ опять достойными имени Славянъ. Твоими стараніями просвѣщенный Полякъ умѣетъ предпочитать прекрасную смерть безславному бытію ⁶⁾.... Ты насъ наставлялъ, прославилъ и украсилъ. Явись, Фурия, и скажи: что могъ онъ сдѣлать и чего не дѣлалъ? ⁷⁾. Король былъ въ самомъ дѣлѣ умный, любезный человекъ и благодѣтель Трембецкаго; можно было бы подумать, что благодарность ослѣпила стихотворца, скрыла отъ него недостатки короля и заставила забыть о необходимыхъ приличіяхъ. Но не одному королю льститъ Трембецкий; есть много произведеній его, которыя не иначе могутъ быть объяснены какъ литературной его продажностью. Когда орденъ іезуитовъ уничтоженъ былъ папою Климентомъ XIV, Трембецкий, атеистъ въ душѣ, нищетъ элегію на его паденіе ⁸⁾. Будучи въ числѣ петербургскихъ пансіонеровъ,

Swoje ogniste pieczary;
Wierch ma pod lodem,
Zielona spodem
I wieczne karmi pożary.
Płyn mi w potoku
Bachowy soku,
Ręką przelany życzliwą,
Gdy na cześć waszę
Pełniąc tę czaszę
Przygaszam ogień oliwą.

(Прелестныя созданія, образцы красоты, мои царицы мои богини! Вглядитесь въ меня пристальнѣе и не осудите игрока по наружности. Жестокое время убѣлило мою голову и взбороздило лицо, но въ замѣнъ оно удвоило жаръ сердечный. Такова сѣдла Гекла, покрывающая сѣтгомъ свою огненную утробу, ея голова одѣта льдомъ, ея стоны зеленѣютъ, а въ сердцѣ вѣчное пламя. Струнсь живѣй, Ваккова влага, наливаемая доброжелательной рукой. Въ честь вашу, наполнию я эту чашу; тушу масломъ огонь).

- ⁶⁾ Odciecie światło które między nami błyska,
I które nam Słowakow przywroci nazwiska...
Umie przez twe staranie Polak już nie ciemny
Zgon przekładać szlachetny nad żywot nikczemny.

(Wiersz do St. Augusta powracającego z podróży Wołyńskiej 1787 r.)

- ⁷⁾ ... tyś nas nauczył, wsławił i ozdabiał
Jędzol powstań i powiedz, co mogli a nie zrobili?..

- ⁸⁾ ... synow Jgnacego ta sława przed światem
Tysiąc z nich męczenników, żaden nie był katem.
Chcąc zupełnie wywrocić gmach świątyni stary
Trzeba było najpierw i obalić filary:

Трембецкий прославляет высокаторжественным тоном доблести сѣверной Минервы и ея сподвижниковъ, соединяющихъ версальскую любезность съ отвагою Скивовъ. Онъ воспѣваетъ какъ кедръ дамасскій Потемкина и Румянцова, который повергъ двурогую луну подъ стопы своей повелительницы ⁹⁾. Совершенный космополитъ, чуждый всякаго патриотизма, Трембецкий восхваляетъ однако патриотическими стихами кузнеца, который пожертвовалъ нѣсколько походныхъ фургоновъ для войска Рѣчи нсполитой ¹⁰⁾, но когда грянуль громъ и на сеймѣ въ Гроднѣ, послѣ знаменитаго нѣмага засѣданія, подписанъ былъ второй раздѣлъ Польши, у Трембецкаго достало смѣлости и духу утѣшать возвращавшихся изъ Гродна сеймовыхъ пословъ и хвалить ихъ за ихъ радвіе о Рѣчи нсполитой. Чтобы чѣмъ нибудь оправдать свою измѣну, Трембецкий изобрѣлъ цѣлую панславистическую теорію и на свѣжей могилѣ отечества онъ, космополитъ, поетъ о братскомъ единеніи единокровныхъ племенъ ¹¹⁾. Въ одѣ къ князю Репнину по поводу замышляемой войны съ Турціею, Трембецкий говоритъ слѣдующее: «срослись силами и укрьпившись, мы разрушимъ рѣшетки гаремовъ и потанцуемъ въ Стамбулѣ съ обворожительными дочерьми солнца» ¹²⁾. Въ дополненіе въ характеристикѣ Трембецкаго слажемъ,

Tym końcem towarzystwu cios zadając silny,
Ten raz wierzę, Klemensie, żeś jest nieomylny!..
Z tych kolumn zgruchotanych zbierając kamyki
Możecie mieć, krolowie, piękne mozaiki.

(Сыновья Лойолы тѣмъ могутъ похвалиться, что орденъ далъ тысячи мучениковъ, но ни одного палача. Для подвояпанія стариннаго храма, надобно было прежде всего сокрушить столбы; если съ этою цѣлю ты нанесъ ударъ ордену, о Климентъ, то я повѣрю, что ты непогрѣшимъ... Царя! собиравъ камешки изъ дребезговъ оцрокинутахъ колоннъ, вы можете составить прекрасныя мозаики).

⁹⁾ Dorodni, oświeceni i pełni zaszczytów
Łączą grzeczność wersalską z walecznością Scytów...
Jako na damasceńskiej cedr wyniosły gorze
Srod jaworow obłoki wyższą głową porze,
Tak Potemkin szlachetny między całym dworem...
Był i Romańcow przy niej, który dumne rogi
Księżycowe podeszał pod Pani swej nogi.

(Do Ad. Naruszewicza z powodu podróży Kaniowskiej 1787 r.).

¹⁰⁾ Wiersz do Jana Marjańskiego, kowala.

¹¹⁾ Z tegoż się co my szczepu, Rossijanin rodzi,
Rownej mu się odwagi uwłoczyć niegodzi.
Lecz kraj ludny, rozległy, a monarsze wierny,
Z trzech powodow przed naszym trzyma przed niemierny.

(Россіянинъ происходитъ изъ того же племени, изъ котораго и мы, мы не можемъ отказать ему въ равномъ нашему мужествѣ. Но страна эта, обширная, населенная и вѣрная своимъ монархамъ, имѣетъ передъ нами преимущество въ этихъ трехъ отношеніяхъ).

¹²⁾ Wkrotce zrosłemi krzepyey siłami
Rozkuwszy kratne haremy,
Z uwolnionemi słońca corami,
Hasać w Stambule będziemy.

что эпиграммы его были грубыя и плоскія, а политическія пьесы смахиваютъ на поэтическіе доносы. Одинъ изъ самыхъ гнусныхъ доносовъ такого рода носитъ заглавіе: *Joannes Sarcasmus*, и направленъ противъ подвѣвасмаго въ якобинствѣ публициста Войтѣха Турскаго, которому Трембецкій судитъ розги въ исправительномъ заведеніи, послѣ чего совѣтуетъ помѣстить его въ домъ сумасшедшихъ.

Конецъ Трембецкаго былъ плачевный. Когда короля не стало, Трембецкій нашелъ пріютъ при дворѣ одного изъ самыхъ высокоумѣрныхъ вельможъ и самыхъ иррациональныхъ политическихъ дѣятелей того времени, Феликса Потоцкаго, зачинщика тарговицкой конфедераціи. Потоцкій женатъ былъ на гречанкѣ Софіи, купленной за деньги на базарѣ невольницъ въ Стамбулѣ и славившейся на всю Европу своею красотой и своимъ развратомъ; въ честь ея Потоцкій устроилъ садъ, стоявшій милліоны, близъ Умани въ Подоліи, который называлъ Софіевкой (*Zofjowka*). Услаждая досуги своего новаго господина, Трембецкій сочинилъ длинную и скучную описательную поѣму во вкусѣ Деліля, изображающую всѣ прелести Софіевки. На старости лѣтъ Трембецкій видимо опустился, впалъ въ нищету; этотъ блестящій нѣкогда кавалеръ, который имѣлъ до 30 поединковъ большею частью изъ-за женщинъ, сталъ грязнымъ неграхою и чудачомъ-неудачникомъ; онъ умеръ незамѣченный и всѣми забытый въ концѣ памятнаго 1812 года.

Успѣхъ Трембецкаго, при всемъ внутреннемъ ничтожествѣ его произведеній, есть явленіе патологическое, болѣзненный плодъ гніенія. Но общественный организмъ при всей своей порчѣ пускалъ изъ себя здоровые и сильныя ростки, свидѣтельствующіе о присутствіи нравственныхъ силъ. Лучшимъ представителемъ 18-го вѣка въ Польшѣ—въ томъ, что этотъ вѣкъ имѣлъ благороднаго, гуманнаго, общечеловѣческаго—явился Игнатій Красицкій, епископъ вармійскій (род. на Руси Червонной въ Дубецкѣ, 1735, — въ Берлинѣ, 1801). Красицкій былъ въ полномъ смыслѣ слова баюванъ счастія; съ дѣтства онъ былъ поставленъ въ самыя благопріятныя условія и по происхожденію, и по богатству, и по общественному положенію. Родъ его весьма старинный и знатный, и получилъ когда-то графское достоинство отъ германскихъ императоровъ. Родители его имѣли значительныя помѣстья въ землѣ саночкой; не желая раздроблять этихъ помѣстій между своимъ многочисленнымъ потомствомъ, они обрекли съ раннихъ лѣтъ Игнатія и трехъ младшихъ братьевъ его въ духовное званіе, въ надеждѣ, что при ихъ связяхъ дѣти ихъ достигнутъ высшихъ мѣстъ въ церковной іерархіи. Нельзя сказать, чтобы наклонности живаго и впечатлительнаго мальчика соответствовали поприщу, къ которому его предназначали, на священство смотрѣлъ онъ какъ на карьеру. Онъ учился во Львовѣ, и шестнадцати лѣтъ отправился въ Римъ оканчивать свое воспитаніе. Здѣсь, въ столицѣ католицизма, умъ юноши-священника былъ болѣе всего пораженъ не блескомъ богослуженія и преданіями церкви, но ве-

ликими воспоминаніями античнаго Рима. Онъ самъ говоритъ о себѣ, что онъ съ благоговѣніемъ касался почвы, по которой ходили нѣкогда Катоны; любимымъ мѣстомъ прогулокъ его было *forum romanum*.

Воображеніе рисовало ему на этомъ мѣстѣ роstralную трибуну, ему слышались рѣчи Гракховъ, Гортензіевъ, Цицероновъ; монахи бернардинцы, обладатели остатковъ храма Юпитера олимпійскаго, казались ему древними авгурами; даже гусей на скалѣ тарпейской считалъ онъ потомками тѣхъ, которые спасли Римъ отъ Галловъ. Кто видѣлъ Италію и вспоминалъ, чѣмъ она была когда-то, тому по словамъ Красицкаго все потомъ будетъ казаться мелкимъ. Красицкій совѣтовалъ, чтобы граждане вольныхъ народовъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ своихъ ѣздили на поклоненіе въ вѣчный городъ съ тѣмъ, чтобы вдохновляться остатками римскаго прошедшаго ¹²⁾. По возвращеніи изъ Рима, Красицкій сталъ быстро подвигаться по ступенямъ церковной іерархіи, прославился проповѣдями и сдѣлался весьма извѣстенъ, какъ остроумный чрезвычайно образованный человекъ и милый собесѣдникъ. Въ Варшавѣ Красицкій подружился съ молодымъ стольникомъ литовскимъ, которому дяди его Чарторыжскіе прочли польскій престолъ. Вскорѣ потомъ, въ 1765, Красицкому пришлось предѣлательствовать въ качествѣ депутата отъ капитула львовскаго, котораго онъ былъ членомъ, въ одномъ изъ двухъ верховныхъ трибуналовъ коронныхъ — малопольскомъ. На этомъ важномъ посту онъ умѣлъ изучить всю изнанку правосудія, всѣ ябеды и крючкотворства тогдашней судебной практики. Дружба короля пригодилась ему въ очень непродолжительномъ времени. Въ этой части королевской Пруссіи, которая называлась Варміею (Ermeland), доживалъ послѣдніе дни свои старшій епископъ Грабовскій. Слѣдовало озаботиться присканіемъ коадьютора (викарія), который бы по его смерти занялъ его мѣсто. Отъ коадьютора-епископа требовалось, чтобы онъ былъ обыватель прусскій, членъ капитула, чтобы Грабовскій предложилъ его капитулу и чтобы капитулъ его выбралъ. Друзья помогли Красицкому удовлетворить двумъ первымъ условіямъ, то есть получить прусскій индигенатъ и склонить одного изъ канониковъ капитула, чтобы онъ уступилъ Красицкому свое мѣсто. Труднѣе было уломать старика Грабовскаго, человека старомоднаго, которому Красицкій съ его великосвѣтскими манерами и умомъ долженъ былъ показаться лицомъ неподходящимъ къ епископскому сану. Красицкій въ самомъ дѣлѣ болѣе занимался стихами нежели требникомъ, любилъ дамское общество, въ памфлетахъ того времени носилъ прозвище *Умизельскаго* (волокиты) и даже ходилъ по рукамъ карикатура, изображавшая Красицкаго служащаго обѣдню и окруженнаго дамами въ фижмахъ, исправляющими обязанности церковнаго причта. Просьбы короля были однако такъ убѣдительно, что старикъ не устоялъ

¹²⁾ Pisma różne w t. VII Dzieł Krasickiego, въ изданіи I. Н. Бобровица, 1860 г.

и согласился. Предложенный имъ Красицкій избранъ въ 1766 г. коадьюторомъ вармійскаго епископа. Въ томъ же 1766 г. умеръ Грабовскій и тридцатилѣтній Красицкій сдѣлался его преемникомъ. Вармійскій епископъ считался первымъ прусскимъ сенаторомъ; со временъ, когда Вармія принадлежала ордену Крестоносцевъ, онъ носилъ титулъ князя священной римской имперіи, имѣлъ обширную судейскую власть, великолѣпный замокъ въ Гейльсбергѣ, а по доходности вармійская епископская столица была третья,—она уступала въ этомъ отношеніи только архіепископству гнѣзненскому и епископству краковскому. Молодой князь-епископъ поселился въ Варшавѣ и предался со страстью любимому своему занятію — литературѣ. По своему образованію и направленію онъ былъ вполне человѣкъ реформы, ревностный приверженецъ той философіи 18-го столѣтія, которая, затѣявъ войну на смерть со средними вѣками и вѣруя въ силу разума и въ свободу человѣка, мечтала о радикальномъ преобразованіи всего человѣчества, безъ крови и насилія, посредствомъ одного только знанія и успѣховъ просвѣщенія. Реформа нуждалась въ такихъ представителяхъ какъ Красицкій; его басни, сатиры, посланія и повѣсти расходились по рукамъ и читались публично съ жадностью. Время не благопріятствовало литературнымъ трудамъ, страна была взволнована смутами, извѣстными подъ именемъ конфедераціи барской. Они миновались съ первымъ раздѣломъ Польши (1772), при которомъ Вармія отошла къ Пруссіи и Красицкій отдѣленъ былъ отъ Польши граничнымъ кордономъ. Изъ вліятельнаго сенатора свободной республики епископъ вармійскій превратился въ подданнаго самодержавной монархіи; въ добавокъ король Фридрихъ II обрѣзалъ его доходы, забравъ въ казну духовныя его помѣстья. Политическая дѣятельность была для Красицкаго закрыта, онъ не могъ дѣйствовать ни какъ ораторъ, ни какъ законодатель, ни какъ министръ; тѣмъ съ большимъ рвеніемъ посвятилъ онъ всѣ свои умственные силы литературѣ. На этомъ поприщѣ онъ обнаружилъ изумительную дѣятельность, и работалъ скорѣе и больше нежели литераторы по званію и ремеслу. По разнообразію своего образованія онъ былъ живая ходячая энциклопедія всевозможныхъ знаній и самый сильный популяризаторъ прогрессивныхъ идей 18-го вѣка. Онъ содѣйствовалъ успѣхамъ этихъ идей больше, чѣмъ всѣ остальные писатели современные ему вмѣстѣ взятые. Обыкновеннымъ его мѣстопробываніемъ былъ Гейльсбергъ, иногда посѣщалъ онъ Берлинъ и Санъ-Суси, куда его звалъ Фридрихъ Великій, который какъ извѣстно любилъ собирать вокругъ себя кружокъ литераторовъ и философовъ и бесѣдовать съ ними за-просто безъ церемоній. Остроумный епископъ и реформаторъ-король имѣли много общаго во взглядахъ, въ наклонностяхъ и стремленіяхъ. Рѣже видала Красицкаго Варшава; однажды только въ 1782 собрался онъ на болѣе продолжительное время въ путешествіе по Польшѣ и Руси Червонной, превратившейся между тѣмъ подъ владычествомъ Австріи въ королевство Галицію и Лодомерію. Ко времени великаго четырехлѣтняго

сейма Красицкій постарѣлъ, производительность его уменьшилась, оригинальных сочиненій онъ сталъ писать мало и то больше прозою, и занимался большею частью переводами и компиляціями. Когда польское государство рушилось окончательно, Красицкій перенесъ этотъ ударъ спокойнѣе чѣмъ многіе другіе; его умъ проицательный, сатирический, критически относившійся къ вещамъ и останавливавшійся прежде всего на изнанкѣ изучаемыхъ предметовъ, предвидѣлъ издали и рассчиталъ это паденіе. Красицкій имѣлъ возможность свыкнуться съ мыслью о ровномъ событіи и привыкнуться съ его неизбежностью. Вслѣдствіе послѣднихъ раздѣловъ Польши не только Познань, но и половина теперешняго царства Польскаго включены въ составъ Пруссіи. Король прусскій, желая очистить Варшву для какого нибудь ибнца, назначилъ Красицкаго въ 1795 г. архіепископомъ гнѣзненскимъ, гнѣзненскій же престолъ, какъ извѣстно, былъ первымъ въ польской церкви, да и послѣ раздѣловъ за нимъ осталась часть прежняго блеска и значенія. Въ осиротѣлой и опустѣвшей Варшавѣ, гдѣ всего чаще жилъ Красицкій, собиралъ онъ подъ свое крыло уцѣлѣвшихъ отъ великаго кораблекрушенія писателей, и старческими руками своими работалъ надъ поддержаніемъ свѣточа народной литературы, въ которой онъ видѣлъ залогъ будущаго возрожденія націи. При его содѣйствіи возникло незадолго до его смерти Варшавское общество любителей наукъ (*Towarzystwo przystajacich do nauk*), въ которомъ и сосредоточилась вся почти умственная дѣятельность польскаго народа въ первой четверти 19-го столѣтія.

Приступая къ разбору сочиненій Красицкаго, мы коснемся мимоходомъ его переводовъ и подражаній и остановимся долше на произведеніяхъ его оригинальныхъ. Красицкій былъ хорошо знакомъ съ классическою древностью; онъ перевелъ всего Плутарха и всего Лукіана самосатскаго. Лучшіе люди 18-го вѣка вдохновлялись республиканскими доблестями великихъ мужей Плутарха, а между злыми насмѣшникомъ Лукіаномъ и Красицкимъ было весьма много общаго. Въ подражаніе Плутарху и Лукіану Красицкій написалъ много біографій великихъ мужей новѣйшаго времени и разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Чрезвычайную услугу оказалъ Красицкій изданіемъ обширной энциклопедіи всѣхъ знаній въ алфавитномъ порядкѣ подъ заглавіемъ *Zbiór wiadomości* (1781—1782, 2 тома); онъ же предпринялъ первый въ своемъ родѣ въ Польшѣ опытъ исторіи всеобщей поэтической литературы европейской подъ заглавіемъ: «О стихотворствѣ и стихотворцахъ» (книга эта издана по его смерти). — Задача была громадная, книга поражаетъ не столько объемомъ, сколько обширною начитанностію Красицкаго, который долженъ былъ для составленія этой хрестоматіи познакомиться съ цѣлымъ міромъ поэтовъ отъ Орфея и Пиндаря до Вольтера и Геснера, — изъ каждаго поэта послѣ краткой его характеристики надлежало привести въ переводахъ отрывки. Въ своихъ сужденіяхъ о поэтическомъ творчествѣ Красицкій — поклонникъ Аристотеля, и не стоитъ выше Буало; поэзію онъ считаетъ пріятнымъ вымысломъ, въ драмѣ тре-

буеть стараго соблюденія трехъ единствъ; отъ эпоса требуетъ, чтобы герой былъ одинъ и притомъ, чтобы этотъ герой былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный уваженія (Мильтонъ, по мнѣнію Красицкаго, поступилъ неприлично, избравъ главнымъ своимъ героемъ Сатану). О Шекспирѣ Красицкій судить по вольтеровски: «въ этомъ писателѣ недостатокъ науки выкупался величіемъ ума; его произведенія дышатъ какою-то дикостью, посреди грубѣйшихъ ошибокъ у него прорываются порою такіе проблески, которые ставятъ его превыше мастеровъ». О народности въ поэзіи Красицкій не имѣлъ ни малѣйшаго понятія: индивидуальности всякаго народа, всякаго писателя и всякаго вѣка ступшеваются и стираются въ его гладкомъ переводѣ, который болѣе походитъ на парафразу и въ которомъ о точной передачѣ оригинала переводчикъ не заботится нисколько. Отсутствие исторической критики и элемента народности въ поэзіи имѣли то послѣдствіе, что всѣ эпическіе опыты Красицкаго слабы, а нѣкоторые ниже всякой критики. Ему захотѣлось создать настоящую національную героическую поэму въ высокошъ родѣ, и онъ выбралъ тотъ самый эпизодъ изъ польской исторіи, который вдохновилъ Вацлава Потоцкаго. Не зная даже о существованіи «Хотинской войны» Потоцкаго, онъ написалъ вторую «Хотинскую войну»,—въ которой и форма стиха (октава), и весь механизмъ заимствованы у Тасса, съ примѣсью аллегорическихъ олицетвореній, каковы Слава, Вѣра и т. п.; въ которой являются и пустынноики, и черновижники, и ангелы, и черти, но нѣтъ природы края, служившаго мѣстомъ событій, который столь вѣрно изображенъ у Потоцкаго, нѣтъ живыхъ лицъ, а только куклы, нѣтъ наконецъ ни малѣйшаго уваженія къ исторической истинѣ,—такъ что напримѣръ герой поэмы, сѣдой, шестидесятилѣтній Ходкевичъ, превращенъ въ пылающаго огнемъ любви новобрачнаго. Машинная искусственность и ложь основы не окупаются, какъ въ Генриадѣ Вольтера, нравственнымъ содержаніемъ и направленіемъ поэмы. Это содержаніе самое пошлое; нѣтъ философской идеи, которая была бы положена въ основаніе эпопеи. Когда въ кульминаціонномъ ея пунктѣ духъ Владислава Ягеллона, погибшаго подъ Варной, увлекаетъ во снѣ Ходкевича на небо, на то пустынное, холодное небо 18-го столѣтія безъ образовъ и лицъ, населенное одними только планетами, солнцами и кометами, то весь смыслъ рѣчей путеводителя-духа заключается только въ томъ, что все земное—суета суетъ и что не слѣдуетъ къ нему прилѣпляться. Гораздо лучше героическаго удался Красицкому эпосъ шуточный, происходящій въ мірѣ животныхъ или заимствованный изъ быта монастырскаго. И по складу своего ума и по духу времени, занятаго разрушеніемъ всякаго рода кумировъ, Красицкій былъ сатирикъ и только тамъ чувствовалъ себя на просторѣ, гдѣ могла разыгаться его наивная веселость и тонкая иронія, опирающаяся на необыкновенно мѣткую наблюдательность. Къ разряду такихъ шутивныхъ эпическихъ произведеній принадлежатъ три поэмы: *Мышеисъ* (1775), *Монахомалія* или война монаховъ (1775) и *Антимонахомалія* (1780).

У древняго польскаго лѣтописца Кадлубка сохранилось преданіе о сказочномъ царѣ польскомъ Попелѣ, котораго забили мыши на острову озера Гопла, не вдалекѣ отъ донисторической столицы польской Крушвицы. Это преданіе, общее Польшѣ и Германіи, которое новѣйшая историческая критика (Szajnoch, *Lechicki początek Polski*) считаетъ отголоскомъ норманскихъ набѣговъ на племена славянскія въ дали времени языческихъ, Красицкій взялъ за канву для поэтическаго разсказа, въ которомъ онъ описалъ гоненіе, воздвигнутое на мышей царемъ Попелемъ, взявшимъ себѣ въ любимцы кота Мручислава, бурное мышинное вѣче, кровавую битву котовъ съ собравшимися со всѣхъ сторонъ свѣта мышинными полчищами, наконецъ отчаяніе и плачевную кончину царя Попеля, который съ горя напивается пьянъ. Въ мышинномъ вѣчѣ, въ расприхъ между породами мышей и крысъ осмѣяны польскій способъ сеймованія и антагонизмъ между сословіями сенаторскимъ и шляхетскимъ. Въ засѣданіи царской думы представлены въ карикатурахъ тогдашніе политическіе дѣятели: «Идетъ по очереди дальнѣйшее голосованіе, поднимаются споры, не лишены основанія, подскарбій порицаетъ мнѣніе канцлера, канцлеръ винитъ маршала, гетманы совѣтуютъ спѣшную войну, суматоха длится часа четыре; иной присутствующій одобряетъ или порицаетъ что другіе говорятъ, чтобы только не сидѣть по пустому. Приходится собирать разрозненные голоса, чтобы прійти къ заключенію. Мнѣнія столь же раздѣлены какъ и умы. Оказывается, что болтовня была напрасная; чтобы дойти до желаемого результата рѣшили слѣдующее: для сохраненія авторитета престола пусть государь дѣлаетъ все, что ему угодно» ¹⁴⁾). Другая шуточная поэма Красицкаго, *Монахомагія*, имѣвшая громадный успѣхъ, есть подражаніе «Налю» Буало и написана по вызову Фридриха Великаго, выразившаго желаніе, чтобы Красицкій ознаменовалъ свое пребываніе въ Санъ-Суси какимъ нибудь поэтическимъ произведеніемъ. Въ угоду королю-*esprit fort* Красицкій учинилъ нѣчто весьма скандальное по понятіямъ тогдашняго времени: онъ поднялъ на смѣхъ монастыри, умственную лѣнь монаховъ ихъ нескон-

¹⁴⁾ Jdzie kolejno dalsze wotowanie;
Różnią się w zdaniach i nie bez przyczyny.
Podskarbi gani kanclerzowe zdanie,
Kanclerz w marszałku wynajduje winy,
Hetmani radzą spieszne wojowanie,
Trwa wrzawa więcej jak cztery godziny,
Tamten ażeby daremnie nie siedział.
Chwali lub gani, co drugi powiedział.

Przychodzi zbierać wota rozstrzelane
Ażeby wiedzieć co skonkludowali.
Na wzór umysłów zdania pomieszane:
Pokazało się iż darmo gadali:
Żeby więc wrocić czasy pożądane
Wtumulcie na tém niby to przestali:
Ażeby tronu niespełzła ozdoba
Nech pan to robi, co mu się podoba.

чаемя попойки ¹⁵⁾, ихъ ученые диспуты, ихъ привязанность къ Аристотелю, уродливую напыщенность ихъ торжественныхъ рѣчей. «Въ одномъ изъ тѣхъ мѣстечекъ, которыхъ такъ много въ Польшѣ, гдѣ гнѣздятся только мужики и евреи, гдѣ градъ и земство помѣщаются въ развалинахъ стараго замка, гдѣ на девять монастырей приходится три корчмы да немного домиковъ» ¹⁶⁾, возникаетъ соперничество между орденами доминиканцевъ и кармелитовъ, доходящее до вызова на ученый диспутъ. Этотъ диспутъ оканчивается рукопашнымъ боемъ спорщиковъ; судьи-рѣшители боя, благочинный и мѣстный адвокат, вносятъ торжественно на мѣсто битвы наполненную виномъ большую монастырскую чашу, *vitrum gloriosum*. Одинъ видъ этого почтеннаго предмета усмиряетъ бойцовъ и водворяетъ мигомъ блаженное согласіе. Трунить надъ монастырями было не новость въ 18-иѣ столѣтіи, но этотъ неожиданный ударъ шелъ отъ руки одного изъ князей церкви и сильно потрясъ старую Польшу, въ которую монашескіе ордена вросли множествомъ корней. *Антимо-нахомажя* имѣла цѣлю успокоить раздраженныхъ и помириться съ ними, представивъ «Монахомажію» въ видѣ невинной шутки. Въ полнѣйшемъ блескѣ сатирической талантъ Красицкаго выражается въ его басняхъ, посланіяхъ, особенно въ сатирахъ, которыя исполнены тонкой скептической провѣи въ отношеніи къ тѣмъ вѣткамъ варварства и суевѣрія, когда «скабины съ бурмистромъ жгли вѣдмъ на площади, между тѣмъ какъ помощникъ старосты—чтобы вполнѣ удостовѣриться въ ихъ виновности—опускалъ ихъ на веревкѣ въ прудъ; когда старухи снимали съ дитяти зарокни, когда чортъ плясалъ нѣмчиномъ на развалившейся башнѣ, когда свирѣпствовалъ колтунъ вслѣдствіе чарованій и болтали по французски бѣс-

¹⁵⁾ См. напр. апострофу къ королю Понятовскому въ 3-ей пѣсни:

Zgóry zły przykład idzie w każdej stronie,
Zgory naszego nieszczęścia przyczyna,
O ty, na polskim który siedzisz tronie,
Wzgardziłeś miodem i nielubisz wina;
Cierpisz pijaństwo że w ostatnim zgonie,
Z ciebie gust książek a piwnic ruina,
Tyś naród z kufłow, szklanic, beczek złupił,
Bodając w życiu nigdy się nie upił.

(Сверху идетъ дурной примѣръ, у вершины причина нашихъ бѣдствій. О ты, возсѣвшій на польскомъ престолѣ, брезгающій медомъ и не жалующій вина, ты допускаешь падать пьянству, отъ тебя идетъ страсть къ книгамъ и гибель погребамъ. Ты лишилъ народъ кружекъ, чашъ и бочекъ, да не опохмѣляшься ты ни разу въ своей жизни).

¹⁶⁾ W mieście ktorego nazwiska niepowiem
Nic to albowiem dorzeczy nieprzyda;
Wmieście, ponieważ zbior pustek tak zowiem,
Wgodnem siedlisku i chłop a żyda;
W mieście grod ziemstwo trzymał albowiem,
Stare zamczysko, pustoty ohyda;
Były trzy karczmy, białe cztery ułomki
Klasztorów dziewięć i gdzie niegdzie domki.

... или, чкая на шапёртахъ церквей по святымъ мѣстамъ, въ зрѣлиый страхъ на зрителей» 17). Въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ Красицкій, тяготея октавою и правилами пѣттики, изобрѣтаетъ форму новеллы и романа съ тенденціей. Таковы его «Приключенія Николая Досвядчиньскаго (1776)» и «Панъ Подстолий». «Исторія» есть злая насмѣшка надъ историографіею, родъ вымышленнаго неумирающаго человѣкомъ, который молодѣетъ и оживаетъ при помощи чудснаго бальзама. Этотъ безсмертный человекъ переживаетъ всѣ важнѣйшія историческія эпохи, сражается съ Александромъ Великимъ и съ Аннибаломъ, философствуетъ въ Афинахъ, въ Римѣ, въ Помпоніемъ Аттикомъ, живетъ потомъ при дворѣ Оттона В. Онъ знаетъ тоже что историки, но не такъ какъ они; событія у него не вытекаютъ такъ сказаны наизнанку. «Приключенія Досвядчиньскаго» изображаютъ въ живомъ, остроумномъ разсказѣ, модное воспитаніе, получаемое въ кругу французовъ, выдающихъ себя за маркизовъ, роскошь и легкомысленную игру, страсть къ путешествіямъ за границу, крѣпководство адвокатовъ, судейскую продажность и политическія партіи. Въ концѣ концовъ Красицкій, который такъ силенъ въ сатирѣ, снимаетъ въ «Досвядчиньскомъ» идеальное съ своихъ собственныхъ идеаловъ и рисуется свою утопію. Герои: испытывавъ кораблекрушеніе, выброшены на островъ Нипу, гдѣ дикари учатъ его уму-разуму. Они не знаютъ желѣза, а слѣдовательно и войтъ, ни серебра, ни золота, не ѣдятъ мяса, не читаютъ книгъ, презираютъ всякую краснорѣчіе, занимаютъ земледѣіемъ, не имѣютъ ни частной земельной собственности, ни политическихъ учреждений кромѣ родительской власти, ни судовъ кромѣ третейскаго, наконецъ исповѣдуютъ одну только естественную религію, то есть зухой разсудочный теизмъ въ духѣ «profession de foi савойскаго викарія». Утопія Красицкаго есть общество, состоящее изъ однихъ философовъ-раціоналистовъ 18-го вѣка, перенесенныхъ въ то небывалое состояніе, которое будто бы предшествовало общественному договору и исторіи, пустая фантазія безъ идеи, скучное по несбыточности своей построеніе, состоящее изъ однихъ только отрицаній всего существующаго порядка. Въ томъ же поучительномъ тонѣ написанъ другой романъ Красицкаго «Панъ Подстолий», въ которомъ Красицкій изобразилъ идеальнымъ

17) . . . Ujawszy gromnicę
 Palił ławnik z burmistrzem w rynku czarownicę.
 Chcąc jednak pierwej dociec zupełnej pewności
 Pławił ją na powrozie wstawie podstarości.
 Zdejmowały uroki stare baby dziecku,
 Skakał na pustej baszcie djabeł po niemiecku;
 Krzewiły się kołtuny czarami nadane,
 Gadały po francuzku baby opętane,
 A czkając po krągankach na miejscach cudownych
 Nabawiały patrzących strachów niewymównych.

тия польскаго гражданина, какимъ онъ долженъ быть по его понятіямъ. Романъ этотъ начатъ въ 1778 г.; пока Красицкій его кончилъ, польское государство, панское, шляхетское, успѣло развалиться; подъ обломками остался хранителемъ народныхъ преданій польскій помѣщикъ, ограниченнѣйшимъ кругомъ своихъ отношеній къ другимъ, точно такимъ же какъ онъ, единицамъ и къ престыясному народонаселенію. Красицкій, съ философскимъ спокойствіемъ помирившійся съ паденіемъ государства, изображаетъ въ Панѣ Подстолюмъ образцоваго помѣщика въ его домашнемъ быту и хозяйствѣ, въ его занятіяхъ и увеселеніяхъ, и влагасть въ уста его наставленія, исполненныя житейской мудрости.

Элегантная сатира Красицкаго самаго незлобнаго характера; она одѣта въ кружева, несетъ пудру и манжеты и невиннымъ образомъ подсыѣивается, выставляя на показъ общіе пороки и недостатки переживаемаго вѣка. Совершенною противоположностью съ Красицкимъ составляетъ другой стихотворецъ, также епископъ, Адамъ Нарушевичъ (1733 — 1796), который смотритъ угрюмымъ, желчнымъ моралистомъ среди шумной оргіи времени Понятовскаго и произноситъ «*mentis mori*», самъ не подозревая того, какъ скоро оправдаются на дѣлѣ его мрачныя предчувствія. Красицкій былъ явленіемъ совершенно новымъ въ польской литературѣ, объясняемымъ только посредствомъ вліянія французской культуры и литературы. Нарушевичъ стоитъ на народной почвѣ, и въ польской литературѣ легко указать на его предшественниковъ, съ которыми онъ имѣетъ весьма много общаго. Такимъ образомъ если не по характеру, который не можетъ назваться вполнѣ безукоризненнымъ, то по крайней мѣрѣ по складу ума, Нарушевичъ можетъ считаться преемникомъ Кленовича и продолжателемъ начатаго имъ дѣла. Нарушевичъ знаменитъ и какъ стихотворецъ и какъ историкъ; мы начнемъ съ оцѣнки его стихотворной дѣятельности. Родомъ изъ Пинска, потомокъ знаменитой, но обидѣвшей литовской фамиліи, Нарушевичъ съ раннихъ лѣтъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ, ѣздилъ для усовершенствованія въ наукахъ за границу, и занималъ кафедру піитики, первоначально въ виленской академіи, потомъ въ *collegium nobilium* на Старомъ мѣстѣ въ Варшавѣ. Іезуитское воспитаніе пустило глубокіе корни, отъ которыхъ Нарушевичъ не могъ во всю жизнь свою освободиться. Отъ іезуитовъ перенялъ онъ свой напыщенный и шумно-торжественный слогъ, которымъ писаны всѣ его лирическія произведенія, тяжелыя и безвкусныя ¹⁸⁾. Въ качествѣ профессора піитики, преподающаго правила сти-

¹⁸⁾ Въ особенности поражаютъ своею вычурностью сочетанія прилагательныхъ: *miodorównie słowa, wodogromna Tetyda, jedze płaczorode, losy h-dotłumne, pszczoła złotogłowa, tęskno-smutny widok, sowy smutnowrocie* і т. д. Въ одѣ къ солнцу Нарушевичъ дѣлаетъ слѣдующее обращеніе къ дневному свѣтлу:

O ty prawicy twerczej najdroższy sygneciel

(О ты! дражайшее гербовное кольцо на десницѣ Создателя).

хосложенія и практически обучающаго воспитанниковъ сочиненію стиховъ на заданныя темы, Нарушевичъ и самъ предавался пѣвическимъ упражненіямъ, которыя только по языку своему, очищенному отъ мажаро-низмовъ, стоятъ выше панегириковъ 17-го столѣтія, но по содержанію могутъ смѣло съ ними состязаться. Нарушевичъ плачетъ надъ гробомъ Августа III и радуется восшествію на престолъ стольника литовскаго; прославляетъ своихъ покровителей Чарторыжскихъ, ихъ дачу Повонзки, даже сани жены Адама Чарторыжскаго, генерала земель подольскихъ, и считаетъ обязанностью слагать гимны, оды и идилліи при бракосочетаніяхъ разныхъ магнатовъ и другихъ тому подобныхъ оказіяхъ. Его поэтическая плодовитость сблизила его съ королемъ, которому Нарушевичъ сталъ съ тѣхъ поръ посвящать безъ мѣры и счета свои лирическіе восторги по случаю всякаго посѣщенія школъ королемъ, всякихъ имянннй, всякой годовщины коронаціи или по случаю полученія отъ короля медали, часовъ или ордена, или при поднесеніи королю чернильницы или перевода изъ Горациа. Иногда муза его становилась даже попрошайкою; когда орденъ іезуитовъ былъ уничтоженъ папою, и сорокалѣтній поэтъ остался безъ крова и хлѣба, онъ написалъ рیمованное прошеніе, въ которомъ, перечисляя свои заслуги, выражалъ надежду, что не будетъ оставленъ милостію монарха.

Однако въ этомъ напыщенномъ панегиристѣ жила душа великаго и доблестнаго гражданина, и ошибся бы сильно тотъ, кто, основываясь на его лирическихъ произведеніяхъ, поставилъ бы его на одномъ ряду напримѣръ съ лизоблюдомъ Трембецкимъ. Конечно Нарушевичъ платилъ обильную дань своему вѣку, копошился вмѣстѣ съ другими въ тинѣ пошлости, и брызги этой грязи пристали къ поламъ его рысы, но въ оправданіе его слѣдуетъ замѣтить, что тогдашній вѣкъ не былъ такъ щепетиленъ какъ нынѣшній на счетъ поэзіи, не относился къ ней серьезно, не считалъ ее служительницею истины, не простиралъ уваженія къ ней до культа, а смотрѣлъ на нее просто какъ на пріятное развлеченіе и благородную забаву.

Приведемъ изъ оды на мраморную залу въ замкѣ варшавскомъ строфу о Янѣ Соѣскомъ, которая долго слыха образцовою въ своемъ родѣ:

Już widzę jako wdziawszy hart niezłomnej zbroje
 Zmiata z karków niewiernych odęte zawoje,
 A posoką i prochem ozdobnym okryty,
 Tratuje zdarte członki końskiemі kopyty.
 Na wzrok jego ogromny, na blask płytkiej stali
 Kupami się od Wiednia zbита gawiedz wali
 Stoi zdretniały Dunaj, że na bystrym grzbiecie
 Most mu z trupów usłany pławne barki gniecie.

(И вижу я—какъ, надѣвъ на себя закалъ несокрушимыхъ латы, сметаетъ онъ съ затялковъ одуловатые турбаны; — и какъ, покрытый кровью и почетнымъ прахомъ, топчетъ онъ коняго своего коня разорванные члены. — Предъ взоромъ его громаднымъ (?), предъ блескомъ гибнаго булата, обжечь толпами отъ Вѣны перомѣшанная чернь, самъ Дунай остановился, остолбенѣвъ отъ того, что на синій его быстротечной сталъ мостъ изъ труповъ, который давить его судоходныя плечи).

Прибавимъ къ тому, что перомъ Нарушевича руководила не одна только лесть и даже не одна только благодарность къ королю, который отличилъ его, обладалъ, сдѣлалъ его своимъ приближеннымъ другомъ и совѣтникомъ, который наконецъ внушилъ ему мысль и далъ средства совершить громадный трудъ, увѣковѣчившій его имя, — первую критическую исторію Польши. Нарушевичъ былъ просто очарованъ королемъ, ослѣпленъ его умомъ и вкусомъ, его любовью къ прекрасному, его обширными планами относительно обновленія и возрожденія Польши. Это возрожденіе представлялось Нарушевичу въ иномъ видѣ, нежели Красицкому; Красицкій изъ неурядицы настоящаго спасался въ туманную, пустую глубь философскихъ абстракцій. Нарушевичъ въ сравненіи съ Красицимъ былъ человекъ положительный, до мозга костей Полякъ и притомъ Полякъ стараго покроя. Его уму представлялась блестящая картина славнаго прошедшаго Польши, передъ которой современники были просто картинками. Мысль его стремилась въ даль, ко временамъ Пястовъ, къ тому періоду польской исторіи, когда нравы были демократичѣе, когда не раздѣлялись рѣзко сословія и когда подъ мощною десницею самодержавныхъ еще королей слагалось польское государство. Демократъ въ душѣ, и оттого монархистъ, Нарушевичъ понималъ, что настала пора покончить съ спѣсью и исключительностью шляхетскою, а реформу понималъ онъ какъ возвратъ къ старому, къ давно-минувшему; однимъ словомъ, еслибы можно было употребить сравненіе заимствованное изъ другаго общества и изъ настоящаго времени, то Нарушевича слѣдовало бы назвать первымъ представителемъ того направленія, которое носитъ въ Россіи названіе славянофильства. Въ этомъ отношеніи онъ — предшественникъ Лелевеля; онъ прокладываетъ путь цѣлому поколѣнію польскихъ историковъ и поэтовъ 19-го вѣка. «Правленіе въ Польшѣ всегда было дурное, — восклицаетъ онъ, — но люди были лучше. Отмѣченные клеймомъ стародавней добродѣтели, они имѣли прекраснѣйшія души при внѣшней простотѣ. Они были ближе къ тѣмъ счастливымъ временамъ, когда умы связывались сильнѣе узломъ славы и чести. Измѣнчивый міръ совершаетъ круговой оборотъ: послѣ золотого вѣка наступилъ вѣкъ изъ худшаго металла; потомъ серебро смѣнено было мѣдью; Богъ вѣсть, можетъ быть сыновья наши будутъ глиняные послѣ желѣзныхъ родителей. Черты лѣтъ молодости ступсывались, — ржавчина летаргическаго сна вѣлалась въ оружіе. Чрезмѣрная свобода, въ видахъ частнаго интереса, угнетаетъ слабѣйшихъ, грязью закидываетъ равныхъ, попираетъ авторитеты. Нѣтъ наказаній за злодѣянія, развѣ гдѣ нибудь въ статутѣ; насліе куетъ законы, которые безнаказанно нарушаетъ злоба; продажное правосудіе склоняетъ вѣсы въ ту сторону, на которой тяжеловѣсное золото или грозный булатъ. О вы, мощнымъ скипетромъ управлявшіе нѣкогда краемъ, вы почиваете нынѣ желѣзнымъ сномъ въ глухой обители смерти; ваши бранные остатки лежатъ на горѣ Вавель, платя должную дань смертной природѣ человѣческой. Приподнимитесь на минуту изъ праха, мощный Вла-

диславъ, воинственный Стефанъ!—посмотрите во что обращается стародавняя земля»....¹⁹⁾). При подобномъ взглядѣ на прошедшее Польши, понятно, что къ настоящему ея Нарушевичъ долженъ былъ относиться какъ строгій судья и нещадный сатирикъ; сердце его переполняется негодованіемъ, и въ гнѣвѣ льются горькія рѣчи. Въ сатирахъ Нарушевича сказываются проповѣдникъ и наставникъ; онъ говоритъ правду просто, безъ прикрасъ, такъ что весь балластъ инеологін, весь кортежъ классическихъ воспоминаній оказывается ненужнымъ. Подобно Кленовичу Нарушевичъ возмущается до глубины души несправедливостью; онъ прежде всего задается извѣстнымъ нравственнымъ вопросомъ, начинаетъ работать мыслью подбирая доводы, желчь его разливается и онъ пишетъ картины, начерченные рѣзко и грубо, но трепещущія жизнью, поражающія сильнымъ колоритомъ. Міръ весь вертится кругомъ сатирика, вихремъ несутся пляшущія пары, идетъ бѣшеный маскарадъ среди великаго поста: «нищета прикрывается парчею, дураки понавѣшали бѣлыя философскія бороды, женщины скачутъ верхомъ, а всякій мужчина глядитъ бабой: сердце пасъ, выдержки мало, бессильны мысль и руки. Старики превратились въ дикіихъ Панталоновъ, молокососы — въ арлекиновъ съ лисьими хвостами; Вакховы ягоды рдѣютъ на щекахъ у священниковъ, носы стали точно гроздья, животы точно колоды. Легкомысліе, спѣсъ и корысть затѣяли непрерывный балъ. Полюкъ скачетъ на одной ногѣ подъ музыку иностранцевъ. Не надо искать въ гомеровыхъ сказкахъ Цирцею, — которая людей превращала въ безсловесныхъ, — хочешь ли видѣть подборъ всевозможныхъ животных? Пройдись по ратушамъ, по благочестивымъ по-

¹⁹⁾ Изъ «Ody na obrazu Polakow starożytnych»:

To pewna że rząd zawsze był zły, lepsi ludzie.

Wytłoczeni na stęplu starożytnej cnoty

Piękniejszą mieli duszę, pod barwą prostoty...

Blizsi wieków fortunnych, gdy jeszcze umysły
I sławy i honoru trzymał węzeł ścisły...

Płochy zawsze w obrotach świat koleją chodził,
Po złotym z podlejszego kruszcu wiek się rodził:
Srebro miedzi plac dało: kto wie, nasze syny
Po żelaznych rodzicach czy nie będą z gliny?

Już się w nas cecha pierwszych lat do szczętu starja,
Rdza gnuśnego letargu mężką broń pożarja;
Wolność z kluby wyparta, pod hasłem prywaty.
Ciśnię słabszych, lży rownych, depece majestaty.

Nie masz kaźni, chyba gdzie w statucie, na zbrodnicę;
Przemoga kuje prawa; złość je rwie swobodnicę;
Przedajna sprawiedliwość tam ugina szali,
Gdzie złoty gwicht lub groźny błyska miecz ze stali.

O wyl! co berłem niegdys rządząc świat przeważnym
W głuchych śmierci łożyskach zdjęci snem żelaznym,
Uspiwazy martwe zwłoki na Wawelskiej gorze,
Płaciecie skazitelnej winny bołd naturze!

Podnieście chwilę czoła z prochnistej otchłanie,
Przemożny Władysławie, waleczny Stefanie!
Patrzcie w co idzie wasza ziemia starodawna...

настырямъ, носѣти судебныя избы и присутственныя мѣста: подъ собольими шапками и подъ рясами — ты узришь чудеса; кричи, преклонивъ колѣна: «волы, ослы и всякій скоть, хвалите Господа» ²⁰⁾. Въ шелку и золотѣ, въ пышной паретѣ, запряженной кровными скакунами, мчится господинъ Берн-деньги, который взялъ вчера десять талеровъ у лакея, сегодня занимаетъ сто у трубочиста и выманилъ двѣнадцать у той бабы, которая продаетъ крупу съ лотка близъ церкви св. Яна. У этого господина только и осталась деревня *Голыши*, усадьба *Заемщина*, да корчма *Неотдавай*. Расталкивая толпу и сердито подбоченясь, идетъ бравый молодецъ Сорви-голова, изъ глазъ блещутъ искры какъ изъ нодъ пистолетнаго курка; побьемся объ закладъ, что онъ спѣшитъ въ Мармонтъ краться на дуэля. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ камнями сговилъ гаюкъ съ крышъ, какъ евреи почтительно разступались передъ нимъ, какъ сто крапивныхъ верхушекъ сръзалъ онъ однимъ взмахомъ булата. Но сердце зайче у этого параднаго героя съ аксельбантами, ему бы только разгонять безоружныя толпы на сейминяхъ или брицать саблею по местовой; онъ готовъ за столомъ при бутылкѣ головою жертвовать отечеству, зная, что никто этой головы не возьметъ... Церемониальнымъ маршемъ валить блестящая ватага — дворъ перваго министра царя Фараона: два трэфовые туза, запряженные въ побѣдную колесницу, саженные валеты стоять на запяткахъ, а позади тянется длинный хвостъ, подборъ всякой швали: босая нищета безъ шапки и въ лохмотьяхъ, грязное проклятіе, отчаяніе съ поникшимъ взоромъ, потясовка съ повязанною головою и подбитымъ глазомъ, мошенники и шулера въ шелковыхъ перчаткахъ. Нарядная мадамъ ѣдетъ на балъ съ напудреннымъ аббатикомъ и разговариваетъ съ господиномъ Хамелеономъ, который торгуетъ убѣжденіями, точно жидъ товаромъ: вчера былъ монархистъ, сегодня республиканецъ, ругалъ дворъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а теперъ хвалитъ его, въ надеждѣ получить по-

²⁰⁾ Reduty, Satyra 7:

Chudoba się w przepysznych złotogłowach pisze,
 Głupcom się filozofskie z brody biela wisze,
 BiaŹki siedzą na koniach, a co chłop to haba:
 Serca pasa, statku mało, myśl i ręka słaba.
 Starcy się przedzierzgnęli w dzikie Pantalony,
 Z mlókosow arlekin i z listem i ogony.
 Na księżach Bachusowe porośły jagody,
 Nosy jako winograd, brzuchy gdyby kłody.
 Płóchość, дума, interes bal tu wieczny dają:
 Skacze Polak na jednej nodze, obcy grają...
 Nietrzeba szukać Cyrcy w bajecznym Homerze,
 Co twarz rozumną w nieme zamieniała zwierze.
 Chcesz widzieć pełne zwierza różnego obory:
 Przebież nasze ratusze, pobożne klasztory,
 Odwiedz izby sądowe, przedniejsze urzędy:
 Pod czapki sobolemi i pod rewerendy
 Ujrzysz dziwy, a wołaj padłszy na kolana:
 Wody, ośly i wszystko bydło, chwalcie Pana!

іезуитское имѣніе; напишетъ панегирикъ, если же не достанетъ желаемого, то скажетъ: здѣсь не цѣнить заслугъ, и — уѣдетъ въ Италію.

«Лицемѣръ, повстрѣчавшись на серединѣ улицы съ монахомъ, цаплетъ его въ плечо; этотъ господинъ—волкъ въ овечьей шкурѣ, онъ то и дѣло перебираетъ пальцами четки, онъ излизалъ языкомъ весь лакъ на иконахъ. помъ церковный испорченъ отъ его поклоновъ. Чернь считаетъ его святымъ угодникомъ за то, что онъ отколотилъ протестантскаго проповѣдника, что онъ утопилъ двухъ вѣдьмъ и вѣруетъ въ упырей. Этотъ же самый господинъ запираетъ дверь передъ должниками, на однихъ и тѣхъ же четкахъ считаетъ и молитвы и проценты, читаетъ десять Отче нашъ, а беретъ пятнадцать со ста, чернить ближняго тотчасъ послѣ аккомпаниста и волочитъ за чужою женою...

«Тошечу литератору нечего ѣсть, нечѣмъ одѣться. Другъ мой! люди едва не замучатъ тебя похвалами, они величаютъ тебя красою народа, пчелою Гелікона, цвѣтомъ, жемчужиною, канарейкою, солнцемъ польской земли. Однако, судя по виду, ты живешь на какомъ-то навозномъ Парнасѣ, и твоя худая кляча, Пегасъ, которую надѣлилъ тебя за кровавыя услуги Аполлоновъ, привыкла возить тебя только кормиться къ святому Лазарю. За то какая толпа низкопоклонниковъ и паразитовъ окружила высокороднаго магната. Одинъ ему говоритъ: эчеленца, я никогда въ жизни не видалъ ничего подобнаго вашему блестящему двору; другой принимаетъ: кто можетъ похвалиться именемъ болѣе знаменитымъ? родъ вашъ можетъ насчитать десятокъ кастеляновъ, дюжину воеводъ, пуда два жезловъ, ключей и печатей; за тысячу лѣтъ первый предокъ вашъ, прѣхавъ изъ Монголіи вмѣстѣ съ царемъ Кракомъ, изволилъ сдѣлаться Пелякомъ. Третій, свирѣпый забіяка, въ лосинкахъ, съ рубцемъ на лбу, съ преобладающей рапирой, увѣряетъ, что онъ проучить всякаго, кто не воздастъ господину его должной чести. Его слова подхватили многіе другіе: прикажи намъ разогнать сеймикиъ — мы готовы; прикажи сдѣлать наѣздъ на чужой домъ, отодрать палками сосѣда—для твоего удовольствія мы рады умереть. Пускай весь край въ развалинахъ, твоя бы только честь уцѣлѣла!...» Нарушевичъ выходитъ изъ себя при видѣ беззаконій и раздражается порою и проклятіями: «лучше, говоритъ онъ, жить съ козаками въ Сѣчи, нежели съ ясновельможными панами живодерами, потому что у этихъ разбойниковъ кто что нагребилъ на чужбинѣ, того не возьметъ ни сотникъ ни кошевой. Савка можетъ спокойно гулять по майдану, съ ложкою во рту, въ шараварахъ чешника и въ жупанѣ подсудка, а Микита можетъ смѣло гарцовать на рысакѣ панцирнаго знака. У насъ же никто не знаетъ, для кого онъ сѣетъ и молотитъ хлѣбъ, всякій можетъ ему разрушить гумно и усадьбу, напустить на него наемныхъ злодѣевъ, заграбить, покосить, изрубить, разгородить, сжечь и утащить. Гдѣ же правосудіе? дождайся его когда

уеопшіе услышать гласъ трубы страшнаго суда» ²¹⁾. «Ивиѣна, вышогательство, наѣзды слывуть добродѣтелями, потому что господа грабители ивиють деньги, гербы и помѣстья, а ты, бѣдный мужикъ, за праху слова пойдешь уштывать тѣлош своимъ алчныхъ вороновъ, потому что золотая вольность польская держится такихъ правилъ: самай мужина на колъ, бирину спусти, а шляхтича запри въ тюрьму» ²²⁾.

Сильный талантъ, который обнаружилъ Нарушевичъ въ сатирахъ, еще ярче сияеть въ его «Исторіи польскаго народа», произведеніи замѣчательномъ и по плану и по способу выполнения, и составляющемъ безъ всякаго сомнѣнія самый прочный памятникъ царствованію короля Понятовскаго. Король оцѣнилъ великія способности бывшаго іезуита, пріютилъ его, выхломотавъ ему приходъ въ Нѣменчинѣ, а потомъ ввадьюторію епископства смоленскаго и предложилъ ему быть королевскимъ исторіографомъ Польши; все издержки по собранію матеріаловъ, по перепискѣ рукописей, король бралъ на себя, много учетыхъ отправлено было за границу для собиранія метричковыхъ въ архивъ Ватикана, въ канцеляріяхъ шведскихъ, берлинскихъ и вѣнскихъ; перерыты были государственныя метрики и архивы знатныхъ польскихъ родовъ. Нарушевичъ, весь отдавшись великому труду, покинулъ Варшаву и шесть лѣтъ, 1774—1779 г., прожилъ въ глухой тишинѣ среди польскихъ болотъ за кипами ветхихъ бумагъ. Король случалъ и безпрестанно звалъ его къ себѣ; Нарушевичъ наконецъ возвратился въ Варшаву съ цѣлою канцеляріею, и съ готовыми первыми томами своей исторіи. Король помѣстилъ его въ замкѣ и слѣдилъ за ходомъ работъ, которыя подвигались быстро вперед не смотря на то, что король отрывалъ Нарушевича отъ работъ, заставляя его сопутствовать себѣ въ своихъ путешествіяхъ, и что сеймъ выбралъ Нарушевича въ 1782 секретаремъ постояннаго совѣта. Отъ 1780 по 1786 изданы всѣ семь томовъ исторіи Польши съ древнѣйшихъ временъ до вступленія на престолъ дома Ягеллоновъ. Нарушевичъ разсмотрѣлъ критически обширную область промедливаго Польши, отбросилъ ска-

²¹⁾ Fragment X.

Lepiej stokroć z kozaki żyć na dzikiej Siczy,
Bo to zbiegłe hultajstwo kiedy co w zdobyczy
Z granicznych urwie siedliszcz; co los zdarzył komu.
Nie weźmie mu ni sotnik, ni koszowy z domu.
Chodzi z fajką bezpieczny Sawka po majdanie
W cześnika szarawarach, w podsędka żupanie.
Na kłusaku pancernym harcuje Mikita
Z kąd wziął, jak to obroci nikt o to niepyta...

²²⁾ Satyra 2, Szlachetność:

Zdrady, zdzierstwa, najazdy wszystko to są cnoty,
Bo ichmość mają dobra, summy i klejnoty,
A ty, ubogi kmiotku, za snopek kradziony
Będziesz kruki opasał i żarłoczne wrony,
Bo w Polsce złota wolność p wnych reguł strzeżo:
Chłopa na pal, paau nic, szlachcica na więz.

зачины преданія, провѣрилъ источники. Его трезвый, полный содержания рассказъ имѣлъ для Польши точно такое значеніе, какое для русской исторіи повѣствованіе Карамзина. Онъ поставилъ рамку для будущихъ изслѣдованій, закладывалъ основанія зданія будущей науки и предлагалъ готовый методъ. Нарушевичъ не подозрѣвалъ, что изданный имъ седьмой томъ будетъ послѣднимъ—планы его были обширныя, матеріаловъ много. Близилась политическая сумятица, наступилъ великій четырехлѣтній сеймъ, рѣшительная минута, въ которую молодому поколѣнію, выросшему среди пятнадцати-лѣтняго покоя пришлось подѣ страхомъ смерти совершить въ одинъ мигъ коренную реформу или погибнуть. Нарушевичъ засѣдалъ въ этомъ сеймѣ сначала какъ епископъ смоленскій, потомъ какъ епископъ луцкій; онъ вѣрилъ, что мысль, которую онъ дѣлалъ вмѣстѣ съ другими людьми реформы, станетъ дѣломъ, но дѣйствительность разочаровала патриота. Слабость людей реформы, интриги магнатовъ, вѣковая амаркія, воспрепятствующая съ своимъ тупымъ сопротивленіемъ, навели мрачную тоску на Нарушевича, онъ усомнился можно ли построить зданіе изъ грязи на рыломъ пескѣ, и въ припадкѣ разъядающаго душу отчаянія написалъ знаменитое стихотвореніе: *Голосъ мертвецовъ*, въ которомъ съ пафосомъ, достойнымъ Скарги, онъ предрекаетъ смерть обществу, но видитъ ея причину не въ религиозномъ разединеніи, какъ Скарга, а въ ослабленіи королевской власти. Это стихотвореніе Бартошевичъ²²⁾ справедливо называетъ философіею польской реформы конца 18-го столѣтія. Вотъ что говорятъ въ потомству великіе мертвецы, покоящіеся въ гробницахъ краковскаго собора:

«Сопрушивъ узы мира и согласія, заключающіяся въ верховной власти, вы разбѣжались — точно стадо безъ вождя, правленія, совѣта и защиты. Остыло сердце для общественнаго блага: всѣ вы или льстецы или клеветники.

«Ни въ чемъ отечеству не было уснѣха, съ тѣхъ поръ какъ члены отдѣлились отъ главы; кметъ пересталъ промышлять, ремесла приняи въ упадокъ, — Фемида спрятала острый мечъ въ ножны, священникъ сталъ скопидомомъ, панъ—нарушителемъ порядка, король—кажущимся королемъ, солдатъ—параднымъ солдатомъ.

«Святые достояніе Ягеллоновъ и Пястовъ пошло на удовлетвореніе подлаго высокомерія; по празднымъ дворамъ обжираются толпы незолоченныхъ паразитовъ, — разсѣялось награбленное королевское добро, вѣтеръ хозяйничаетъ по замкамъ и обрываетъ башни.

«Несмѣтны были соединенные подѣ однимъ скипетромъ вооруженные ряды повоевывавшихъ поляковъ. Передъ ними дрожали берега двухъ морей, которымъ Дунайъ и Висла служила ея прокладка. Сегодня нѣтъ ни рыцарей, ни вояжской славы, хотя число тотмановъ и стало больше.

«Дружина блуждала, отрываясь врозь подѣ распростертыя крылья од-

ной матери, когда на них налетает сверху коршунъ съ острыми когтями; вы общипали у этой матери перья,—чѣмъ же она можетъ васъ прикрыть?

«Какъ свѣтъ свѣтитъ, во всей подсолнечной нѣтъ правленія, въ которомъ бы творились большія чудеса. Зачѣмъ сиять королевскому величію, когда оно маска для бездѣйствія? Зачѣмъ искать королей дорогою цѣною, если дознано, что короли—враги наши?

«Если король—отецъ, то почему же не довѣряють ему дѣти? Если король—государь, то чѣмъ же подданные удостовѣряють свою подчиненность? Если король—верховный полководецъ, то почему же онъ безъ солдатъ? Если король—судья, то гдѣ же его мечъ и книга законовъ? Безумная, бѣдная и дикая страна, гдѣ вѣщности царствуютъ только по имени.

«Блуждающее стадо гербовныхъ голышей! Глядя на твоихъ хитрыхъ предводителей, само ты не знаешь, какъ, издѣваясь надъ твоею простотою, они пользуются тобою для своей частной выгоды, склеивая или разрывая продажные сеймики. Ты ищешь свободы, свободу имѣють только они одни.

«Ты продаешь палладиумъ унаслѣдованныхъ вольностей за рюмку вина, за вѣжливый поклонъ; ты выбираешь ясновельможныхъ пословъ, окрипнувъ отъ нападокъ на самодержавное правленіе; не для тебя они уяють твою же удочкою; ты пашешь плугомъ, они будутъ пахать тобою»²⁴⁾.

24) Ztorgawszy węzeł pokoju i zgody
Niegdyś w najwyższej władzy osadzony,
Rozbiegliście się jako liście trzody
Bez wodza, rządu, rady i obrony.
Ostygło dobra publicznego serce:
Albo pochlebce, alboście oszczerce...

W niczem ojczyzna dotąd nieurosla,
Jako się członki rozprzęgły od głowy;
Stracił kmięć przemysł, upadły rzemiosła,
Włożyła w pochwy Temis miecz surowy,
Kapłan dla zbioru, pan został dla zwady,
Król dla pozor, żołnierz dla parady.

Święte Jagiellow i Piastowe zbory
Na pastwę dumy nikczemnie zmienione,
Gnuśne proźniaków uzłocili dwory,
Albo w stołowych zbytkach ponurzone,
Zginęły z królów odarte łupicze:
Wiatr ich roznosi i zamki i wieże.

Zbrojnych zastępów ogromne szeregi
Pod jednym berłem ledwo kto policzy.
Drżały przed niemi oba morza brzegi,
Gdzie im Dniepr z Wisłą pławi swe zdobycze:
Dziś ni rycerstwa, ni wojennej sławy,
Chociaż się liczne podniosły budawy.

Pod jednej matki skrzydła rozpostarte
Sierocych pisklat garnie się družyna,
Gdy na nie Orlik pazury otwarte
Z góry podnosząc uderzać poczyna,—
Wyście ją z piórek obnażyli marnie,
Czemże was w trwodze ta matka ogarnie?

Niemasz pod słońcem, jak świat stoi światem,
Gdzieby się władzie większe działy cuda.

Суровый моралист искалъ спасенiя въ монархизмѣ, переставалъ вѣрять въ народъ и всѣ свои надежды возлагалъ на короля. Этотъ послѣднiй якорь спасенiя былъ потерянъ. Тотъ, кого Нарушевичъ считалъ героемъ, не выдержалъ и малодушно измѣнилъ народному дѣлу. Въ послѣднiй разъ онъ имѣлъ свиданiе съ королемъ въ Семятичахъ, въ декабрѣ 1793 г., когда король возвращался съ гродненскаго сейма: король совѣтовалъ Нарушевичу продолжать начатой исторической трудъ, Нарушевичъ съ негодованiемъ замѣтилъ, что онъ не возьметъ пера въ руки, что ему не для кого писать. Сердце его надорвалось, нравственныя страданiя ускорили его кончину; онъ не долго пережилъ паденiе государства. Въ числѣ трудовъ Нарушевича заслуживаютъ еще вниманiе переводъ Тацита и жизнеописанiе Ходкевича, прекрасная монографiя, въ которой изображены главные моменты царствованiя Сигизмунда III.

Кромѣ четырехъ великихъ поэтовъ послѣднихъ временъ Польши, перiодъ Понятовскаго ознаменованъ появленiемъ множества второстепенныхъ дарованiй, между которыми особенно замѣчательны: сентиментальный элегикъ Францискъ Карпиньскiй (род. 1741 на Руси Червонной, †1785) и бѣлоруссъ Францискъ Дюнисiй Князьнинъ (1750—1807), происшедшiй изъ того же рода смоленской шляхты, который далъ русской литературѣ Князьнина. Князьнинъ былъ можно сказать домашнимъ бардомъ рода Чарторыжскихъ и стоитъ во главѣ небольшой группы поэтовъ пулавскаго двора, занимавшихся болѣе прославленiемъ красоты сельской природы, нежели движенiемъ общественной жизни. Переводами съ древнихъ и новыхъ классиковъ приобрѣли извѣстность Францискъ Ксаверiй Дмоховскiй (†1808) и краковскiй профессоръ Акинвiй Пржибыльскiй (†1811). Король, интересуясь успѣхами драматическаго искусства, учредилъ въ Варшавѣ первый постоянный польскiй театръ, котораго репертуаръ долгие

Poco królewskim błyskać majestatem,
 Jeśli bezczynna w nim tylko obłuda?
 Poco ich szukać, łożąc kosztów wiele
 Jeśli królowie są nieprzyjaciele?
 Ojciec król: czemuż dziecię mu nie wierzy?
 Pan: cóż poddaństwo w hołdzie mu oddawa?
 Wódz jest najwyższy: czemuż bez żołnierzy?
 Sędzia: gdzież w jego rękę miecz i prawa?
 Nędznaż to ziemia dzika i szalona,
 Gdzie same tylko w rządzących imiona.
 O! błędno trzodo herbownej gołoty,
 Co na twe chytre patrząc przewodniki
 Nieznasz jak z twojej żartując prostoty
 Klejąc, zrywając przedajne sejmiki,
 Dla twych cię oni posług używają.
 Ty chcesz wolności: a oni ją mają.
 Dziedzicznych swobód twierdzę i obronę
 S kielich trunku, ukłon bałamutny,
 Wybierasz posły jasnie oświecone,
 Wrzeszeż zac do chrypki na rząd absolutny:
 Nie tobie oni twoją łowią wędą, —
 Ty pługiem orać, oni tobą będą.

время состоялъ только изъ переводовъ и передѣлокъ съ французскаго. Къ временамъ четырехлѣтняго сейма театръ видимо оживляется, и начинаютъ на немъ появляться комедіи съ направленіемъ и намеками на современные событія; такова наприимѣръ пьеса «Возвращеніе посла», Ю. У. Нѣмцевича, имѣвшая большой успѣхъ во время великаго сейма и проводящая идею реформы. Даровитѣйшимъ писателемъ комедій того времени былъ Францискъ Заблоцкій (1750—1821), поставившій до 80 комедій оригинальныхъ и переводныхъ (*Zabobonnik*, *Figyuk w zalotach* и пр.). Послѣ паденія Польши Заблоцкій, пораженный этимъ событіемъ, вступилъ въ духовное званіе, сдѣлался аскетомъ и стыдился своей литературной дѣятельности истреблялъ свои прежнія поэтическія произведенія. Въ 1778 г. на сцену вступилъ молодой познанскій дворянинъ Войтѣхъ Богуславскій (1760—1829), который долго велъ исполненную приключеній жизнь страстующаго актера, получилъ въ 1790 званіе директора королевскихъ спектаклей и поставилъ на сцену множество пьесъ собственнаго сочиненія; изъ нихъ особенной новостью была игранная въ 1794 г. опера «Кракoviaки и Горцы» (*Krakowiacy i Górale*): она воспроизводила въ наивной простотѣ нравы, пѣсни и напѣвы крестьянъ и пастуховъ, занимающихъ предгорья Карпатъ. Въ области критической исторіи стоитъ одиноко Нарушевичъ, безъ предшественниковъ и послѣдователей. Весьма богатъ отдѣлъ писателей записокъ. Такихъ записокъ открыто весьма много, между ними замѣчательны записки Иосифа Выбицкаго, поморанца (†—1822), Яна Дукляна Охоцкаго, и въ особенности труды Андрея Китовича (1728—1804), бывшаго барскаго конфедерата, потомъ священника, чловѣка бывалаго, любознательнаго, юмориста и чудака, который съ пристрастіемъ и безъ критики, порою сплетничая и утрируя, начертилъ однако самый живой образъ послѣднихъ временъ Рѣчи посполитой.

Окончательное раздѣленіе Польши, совершенное послѣ народнаго движенія, во главѣ котораго стоялъ Косцюшко, взбродило общество польское до самаго основанія. Потери были громадныя, страданія великія, цѣлый верхній слой этого общества былъ какъ бы ерѣзанъ. Лица, игравшія какую либо политическую роль, или пали на полѣ брани или томились въ ссылкѣ и темницахъ или бѣжали за границу и положили начало и основаніе польской эмиграціи, имѣвшей съ тѣхъ поръ столь важное вліяніе на дальнѣйшій ходъ развитія польской народности и литературы. Часть польскихъ магнатовъ пристроилась къ дворамъ берлинскому, вѣнскому и петербургскому; толпы шляхетской молодежи формировали за границею легіоны и сражались сначала подъ знаменами французской республики, потомъ подъ орлами Наполеона, въ надеждѣ, что этотъ «богъ войны» возстановитъ политическое существованіе ихъ отечества. Эти надежды не осуществились, только изъ маленькой частички бывшихъ польскихъ владѣній возникло герцогство варшавское, подъ скипетромъ саксонскимъ, изъ котораго вѣнскіе трактаты образовали потомъ конституціонное Царство Польское, присоединен-

ное къ Россіи. Съ 1815 по 1830 г. слѣдуетъ періодъ совершеннаго покоя, въ теченіи котораго возникъ университетъ варшавскій; краковская академія и школы галиційскія снали глубокимъ сномъ, а въ Литвѣ цвѣлъ и развивался университетъ виленскій съ многочисленными подвѣдомственными ему учебными заведеніями средними и низшими, подъ умнымъ и энергическимъ управленіемъ поечителя виленскаго округа, князя Адама Адамовича Чарторыжскаго. На Волыни стараніями Ѡаддея Чацкаго возникаетъ волыньскій (кржеменецкій) лицей. Въ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ господствуетъ исключительно то направленіе, которое извѣстно подъ именемъ классицизма, а именно, увѣренность въ незыблемой прочности логическихъ построеній, хотя бы и не опирающихся на обширный кругъ наблюденій, преобладаніе логики и математическихъ методовъ надъ всѣми другими научными приѣмами, разсудочная трезвость и сухость вмѣсто творчества, господство безцвѣтныхъ отвлеченностей и формъ, разсматриваемыхъ отдѣльно отъ содержанія. Представителемъ этого направленія былъ знаменитый въ свое время преемникъ Почобута въ виленскомъ университетѣ, и на кафедрѣ астрономіи и въ должности ректора, Янъ Снядецкий (1756—1830), великополюняинъ, хорошій математикъ, претендовавшій на славу великаго оратора и литературнаго критика, врагъ Канта и нѣмецкой философіи, которой онъ не понималъ, сухой педантъ, пренебрегавшій историческими науками и выжившій изъ виленскаго университета Лелевели, наконецъ человекъ, противодѣйствовавшій всѣмъ вѣсомъ своего великаго въ то время авторитета неяснымъ неоромантическимъ стремленіемъ молодежи, которыя нашли себѣ выраженіе въ лицѣ Мицкевича.

Вліяніе классицизма было для литературы самое неблагоприятное; на этомъ поприщѣ подвигаются одни только посредственности. Ихъ тщательно полированные произведенія теперь совершенно забыты, вмѣстѣ со всѣмъ ареопагомъ тогдашнихъ критиковъ и рецензентовъ, трунившихъ надъ Шекспиромъ, знавшихъ только по имени Гёте, Шиллера и Байрона, ревнивавшихъ о чистотѣ слога и языка и судившихъ о поэтическихъ созданіяхъ по Аристотелю и Буало, Горацию и Лагарпу. Средоточіемъ литературной дѣятельности какъ по части наукъ, такъ и по части беллетристики служило общество любителей наукъ, образовавшееся въ 1801 г., котораго первымъ предсѣдателемъ былъ историкъ-компіляторъ Альбертранди, вторымъ Сташиць, а третьимъ по очереди Юліанъ Урсинъ Нѣмцевичъ. Общество хотѣло серьезно заняться разработкою отечественной исторіи и довести до конца остановившійся на Пястахъ трудъ Нарушевича, но оно оказалось ниже своей задачи и не умѣло взяться за дѣло. Члены его раздѣляли между собою отдѣльныя царствованія; въ результатъ вышли безсвязныя компіляціи изъ трехъ-четыреухъ источниковъ, передѣланныхъ и изукрашенныхъ каждымъ авторомъ по своему; компіляціи эти не прибавляли ровно ничего къ массѣ знаній и были чистою тратою труда. Въ поэзіи особенно любимыми родами произведеній были напыщенные оды и трагедіи въ духѣ расиновской

школы, которыя при строгомъ соблюденіи условныхъ принциповъ и трехъ единствъ времени, мѣста и дѣйствія, лишены были всякаго историческаго юмората и ставили себѣ задачею не изображеніе настоящихъ характеровъ и живыхъ личностей, но борьбу чувствъ и столкновеніи отдѣльныхъ страстей въ идеальномъ человѣкѣ, разсматриваемомъ внѣ времени и мѣста. Въ этомъ родѣ отличились Францискъ Венжинъ (1785 — 1862), Людвигъ Кропиньскій, авторъ «Людгарды» (+ 1844), и въ особенности Алонзій Фелиньскій (1771—1822), написавшій трагедію изъ польской исторіи: «Барбара Радзивиллъ», которая при появленіи своемъ принята была съ неописаннымъ восторгомъ. Историческаго въ этомъ холодномъ произведеніи только имена дѣйствующихъ лицъ; оно написано искусно, обильно сильными лаконическими фразами, заключающими бездну умствованій, въ нѣсколькихъ словахъ, и пересыпано по образцу Альфиера, которому подражалъ Фелиньскій, множествомъ политическихъ намековъ, затрогивавшихъ тайныя струны и задушевные мысли тогдашняго общества, о любви къ отечеству, объ обязанностяхъ монарха, о криволахъ и высокопѣтріи магнатовъ. Сильнѣйшую поддержку отживающей классицизмъ нашелъ въ декламаторѣ, профессорѣ варшавскаго университета, Людвигѣ Осиньскомъ (род. 1775), котораго звучная и эффектная дикція привлекала на его лекціи многочисленную и самую пышную варшавскую публику.

Важнѣе трагедій была для народной литературы комедія, которую поддерживали неутомимый и плодовитый Богуславскій, а потомъ Янъ Непомукъ Каминьскій, носившавшіе съ труппами актеровъ поочередно Львовъ, Познань, Калишь, Варшаву, Одессу, Кіевъ и Вѣлостоку. Оставшой наполеоновскій офицеръ Александръ Фредро писалъ стихами и прозою множество комедій, которыя представляютъ въ довольно удачныхъ каррикатурахъ разные типы общества какъ новѣйшаго, такъ и старослехетскаго.

На пограничьи стараго времени и новой эпохи ставятся обыкновенно въ исторіяхъ и учебникахъ польской литературы два писателя, Нѣмцевичъ и Вороничъ. Юліанъ Устинъ Нѣмцевичъ, литвинъ, родился въ 1758 г., былъ адъютантомъ у Косцюшки, товарищемъ его въ плѣну, ѣздилъ потомъ въ Америку; возвратившись оттуда, онъ былъ при Александрѣ I секретаремъ сената въ Царствѣ Польскомъ и предсѣдателемъ общества любителей наукъ, принималъ участіе въ польскомъ возстаніи 1830 г., долженъ былъ бѣжать за границу и умеръ въ Парижѣ въ 1841 году. Баснописецъ, сатирикъ, драматургъ, писатель романовъ и повѣстей, Нѣмцевичъ ни въ одномъ изъ своихъ произведеній не возвышается надъ уровнемъ посредственности, но онъ былъ человѣкъ живой, затрогивалъ всѣ животрепещущіе современные вопросы и ударялъ постоянно въ чувствительную струну патриотизма. Несмотря на всю слабость его «Историческихъ Пѣсень» (Spiewy historyczne), въ которыхъ онъ хотѣлъ изобразить польскую исторію въ картинахъ, пѣсни эти заучивались публикою паяузствъ. Янъ Павелъ Во-

ро и ичъ, эяъ-езауитъ, потомъ епископъ краковскій и сенаторъ Царства Польскаго, наконецъ съ 1827 по 1829 г. архіепископъ варшавскій, краснорѣчивый проповѣдникъ. вдохновлялся въ своихъ стихотвореніяхъ болѣе библейскою поэзію ветхозавѣтныхъ пророковъ, нежели классическою древностью (Lechjada, Swiętynia Sybilli) и оплакивалъ паденіе Польши съ силою, которая напоминаетъ Плачъ Іереміа.

5. ПЕРІОДЪ ЛЕВЛЕВІА И МИЦКЕВИЧА.

Приступая къ изложенію новѣйшаго періода исторіи польской литературы, считаемъ нужнымъ предупредить читателя, что въ настоящую минуту нѣтъ никакой возможности выполнить эту задачу удовлетворительно въ научномъ отношеніи, потому что спокойной критикѣ фактовъ мѣшаютъ возбужденныя послѣдними событіями политическія страсти. Еще не просохла кровь на свѣжихъ побойцахъ, еще, можно сказать, раздаются стоны сраженныхъ и побѣдные клики. Общественное мнѣніе, настроившееся извѣстнымъ образомъ, не расположено терпѣть сужденій, неотчетаненныхъ сообразно господствующему нынѣ направленію. При подобныхъ условіяхъ, едва ли своевременно касаться литературы, которая работала не ради одного эстетическаго наслажденія, но съ начала до конца имѣла направленіе практическое и развивала извѣстныя политическія идеи, враждебныя, конечно, Россіи. Она походитъ на великую лабораторію, въ которой исподволь и въ теченіи многихъ лѣтъ, не смотря на всѣ цензурныя стѣсненія, выработывались тѣ горючіе матеріалы, которые и произвели два вулканическіе взрыва, одинъ 1831, другой 1863 года. На оба взрыва потрачено непроизводительно множество живыхъ силъ, которыя пригодились бы на иное дѣло; если онѣ обнаруживаютъ необыкновенную живучесть національности, то съ другой стороны онѣ представляютъ весьма назидательный не только для народа польскаго, но и для всѣхъ другихъ, примѣръ того, какъ гибельны могутъ быть увлеченія однимъ исключительнымъ и одностороннимъ патриотизмомъ, если этому патриотизму приносятся въ жертву общечеловѣческіе интересы, справедливость, истина, цивилизація. Всю эту литературу, отличающуюся замѣчательнымъ единствомъ стремленій, мыне огуломъ предадутъ анаемѣ, но такое валовое порицаніе едва ли можетъ принести какую либо пользу; оно бесплодно, потому что оставляетъ безъ отвѣта вопросъ: почему у польскаго народа въ 19-мъ столѣтіи явилась та, а не другая литература? могла ли она пойти другимъ путемъ? Уразумѣть роковую необходимость борьбы двухъ главнѣйшихъ вѣтвей славянскаго племени можетъ только тотъ, кто способенъ становиться мысленно на точку зрѣнія каждой изъ двухъ враждебно одна къ другой относящихся національностей; въ противномъ случаѣ ему будетъ недоступна тайна творчества и вліянія на народъ такихъ писателей, каковы Мицкевичъ, Кра-

смишлой. Словацкій. *Wer den Dichter will verstehen, muss in Dichters-Lande gehen*, сказалъ Гёте. Постараемся писать какъ можно объективно, ограничимся по возможности одними только фактами, и предоставимъ дѣлать выводы изъ нихъ самому читателю.

Самый крупный фактъ, который знаменуетъ 19-й вѣкъ какъ въ западной Европѣ, такъ и въ обществѣ польскомъ послѣ паденія польскаго государства, есть безъ сомнѣнн торжество и преобладаніе демократическаго элемента. Старыя аристократическія учрежденія рушились, сословія перемѣнились, исчезъ король съ блестящимъ дворомъ, знатные роды перевелись или были истреблены, или заклеянные именемъ измѣнниковъ народному дѣлу, стали искать счастья при дворахъ иностранныхъ, обрушались или обнѣмчались; густая фаланга средней шляхты была тоже въ дребезги разбита, въ образовавшіеся въ ея разтресавшейся массѣ промежутки и щели стали со всѣхъ сторонъ втискиваться люди новые, безъ гербовъ и преданій, подстрекаемые жаждою наслажденій и довольства и сильныя увѣренностью въ томъ, что умомъ и упорнымъ трудомъ можно всего на свѣтѣ добиться и стать въ ряду между людьми извѣстными и вліятельными. Въ этомъ новомъ обществѣ, которое уже не брезгаетъ ни перекрестомъ изъ евреевъ, ни выслужившимся канцелярскимъ чиновникомъ, ни купцомъ и ремесленникомъ, положеніе писателя сдѣлалось совершенно иное. Просвѣщенныхъ писателей-дилеттантовъ изъ аристократіи, въ родѣ Красицкаго, стало меньше, за то умножилось число голышей и плебеевъ, пишущихъ изъ-за куска хлѣба, но эти плебеи стали несравненно самостоятельнѣе, потому что они не пресмыкались болѣе въ переднихъ и гостянныхъ у магнатовъ, меценатовъ стали книгопродавецъ-издатель, аристархомъ — простой журнальный рецензентъ, а дарителемъ славы и успѣховъ — многоголовое собирательное существо, читающая публика. Одновременно съ демократизмомъ въ нравахъ и съ измѣненіемъ обстановки писателя, расширился и умственный кругозоръ людей 19-го вѣка. Германизмъ проникать въ бывшую Польшу съ запада и юга посредствомъ административныхъ системъ, порядковъ и законовъ австрійскихъ и прусскихъ, и посредствомъ школъ, въ которыхъ преподаваніе совершалось на нѣмецкомъ языкѣ. Полчища Наполеоновы изборождали бывшія земли польскія по всемъ направленіямъ въ многочисленныхъ своихъ походахъ, между тѣмъ какъ польскіе легіоны побывали въ Германіи, Франціи, и познакомились съ горячимъ небомъ юга въ Италиіи и Испаніи. Отъ столкновенія столькихъ языковъ, народностей, цивилизацій увеличилась масса знаній, великія свѣтла германской поэзіи Шиллеръ и Гёте стали точно родные, Вальтеръ-Скоттъ увлекать всѣхъ съ собою въ романтическія горныя ущелія Шотландіи, могучій геній Байрона имѣлъ безчисленное множество обожателей, вдали видѣлись Оссианъ и Петрарка, Шекспиръ и Данте, а еще глубже за ними Римъ и Греція, и царства дальняго Востока. Всѣ эти новые міры

освѣщала своимъ свѣточемъ новая критика историческая и эстетическая, которая учила вдумываться въ давноминувшее прошедшее и возсоздавать нагляднымъ образомъ не только вѣшніи стороны быта, но мысли и чувства минувшихъ поколѣній. Этому обществу, испрошенному принѣсью къ нему множества разнообразѣвшихъ элементовъ, имѣющему плебейскіе нравы и подвижное воображеніе, способное переноситься во всё вѣка, не могла служить достаточною пищею отождавшая смысловая литература времени короля Понятовскаго и четырехлѣтняго сейма. Потребность въ обновленіи была такъ настоятельна, что переворотъ совершился мгновенно съ быстротою, съ которою въ театрахъ мѣняются декорации. Прелюдіями къ возрожденію послужили появленіе романтиковъ и бой ихъ съ классиками, усѣвшимися спокойно на польскомъ Парнассѣ и выбиваемыми теперь изъ своихъ позицій; потомъ вдругъ и одновременно появляются Залѣскій, Гоциньскій, цѣлая школа украинскихъ поэтовъ, Мицкевичъ съ своими латвіянами. Вызванные общими потребностями времени, они повникаютъ и развиваются безъ всякаго вліянія другъ на друга, между тѣмъ какъ старше ихъ по времени, но союзники по направленію, Делевель, прокладываетъ новые пути для исторической науки.

Первыми плодами романтизма были дѣтскіе опыты, переводы съ иностраннаго, подражанія: появилось множество романтическихъ балладъ; весь оценоческій гардеробъ мѣнился, вмѣсто божествъ Олимпа и Атридовъ выведились на сцену вѣдьмы и отшельники, рыцарскіе турниры и привидѣнія. Въ Варшавѣ Витвицкій и Вильнѣ Заяць, Одынецъ и многіе другіе пошли этимъ путемъ; самъ Мицкевичъ началъ свою дѣятельность съ идиллическихъ, сантиментальныхъ балладъ, романсовъ и сказокъ (*Switezianka*, *Kuchennek Maryli*, *To lubi*, *Tukaj*); Романтики надѣлая много шуму и скамдалу, они бунтовали противъ установившихся издавна правилъ и моряковъ, а между тѣмъ и сами не могли опредѣлить, чего именно они желаютъ и въ чемъ состоитъ сущность романтизма. Выигрышь отъ новизны былъ бы не великъ, если бы все это кончилось тѣмъ, что какъ прежде подражали французскому, такъ потомъ стали бы подражать средневѣковому и нѣмецкому; но романтизмъ служилъ только оболочкою для выскльзывающейся въ литературѣ поэзіи чисто народной. Романтики съ первыхъ же поръ должны были натолкнуться на два неисчерпаемые источника: на непочатый запасъ непосредственной простонародной поэзіи, въ которой они нашли влеченіе по своей страсти къ сверхъестественному, чудесному, и на свѣжія преданія только что уложившагося въ могилу великаго прошедшаго, которое они и попытались возстановить въ пѣсни и съ точностью, свойственною археологамъ, во всей рѣзкости и шероховатости средневѣковыхъ формъ быта. Въ обоихъ этихъ направленіяхъ имъ предшествовалъ въ качествѣ вожатаго чловѣкъ, одаренный необыкновенно вѣрнымъ эстетическимъ чутьемъ, самъ поэтъ, но еще болѣе извѣстный какъ профессоръ литературы и критики, Казиміръ Бродзиньскій, котораго по справедливости назы-

вають предтечею Мицкевича и новой польской поэзіи 19-го вѣка. Бродзинскій былъ бѣдный галиційскій шляхтичъ (род. 1791 г. въ Крулевкѣ близъ Бохни, умеръ въ Дрезденѣ 1855), натерпѣлся вдоволь съ малолѣтства отъ злой мачихи, которая его не любила, отъ деревенскаго учителя вѣнца, который училъ посредствомъ розги на непонятномъ польскомъ языкѣ. Дикій, цугавый, впечатлительный мальчишкѣ бѣгалъ изъ дому къ крестьянамъ, которые не разъ его отогрѣвали и кормили, я съ бытомъ которыхъ онъ сроднился съ первыхъ дней молодости. Самое лучшее его произведеніе — *Виславъ* — взято изъ воспоминаній молодости и представляетъ живую картину деревенской свадьбы по обычаю краковскихъ крестьянъ. Способному юношѣ нѣмецкіе учителя въ тарновской школѣ старались привить любовь къ литературѣ нѣмецкой; читать польскія книги запрещалось, да и достать ихъ было весьма трудно: Бродзинскій только случаю обязанъ знакомствомъ съ Яномъ Кохановскимъ; онъ нашелъ экземпляръ стихотвореній этого поэта у бабы, рыночной торговки, которая употребляла листы его на обертки. Когда сѣверная часть Галиціи вошла въ составъ В. Герцогства Варшавскаго, 18-лѣтній Бродзинскій вступилъ (1809) въ ряды польскаго войска, ходилъ съ Французами въ Москву въ 1812 г., испыталъ все ужасы бѣгства великой арміи изъ Россіи и попалъ въ 1813 въ плѣнъ къ Пруссакамъ подъ Лейпцигомъ. Этимъ и окончилась его военная дѣятельность; съ 1818 года онъ поселился въ Варшавѣ, а въ 1822 онъ издалъ два томика своихъ стихотвореній и получилъ кафедру польской литературы въ Александровскомъ варшавскомъ университетѣ. Въ одно и то же время этотъ предметъ преподавался здѣсь двумя профессорами. Людвигъ Осинскій, директоръ театра и деканъ филологическаго факультета, привлекалъ къ себѣ въ аудиторію толпы великосвѣтской публики, которая восторгалась его звучною дикціею и краснорѣчіемъ; Казиміръ Бродзинскій читалъ тихимъ голосомъ для немногихъ цѣнятелей науки свои богатые содержаніемъ лекціи, съ духомъ и направленіемъ которыхъ всего лучше могутъ познакомиться слѣдующіе отрывки:

«Мы были народъ могущественный, единственный по оригинальности своей формы правленія, по быстротѣ своего паденія и скорости возрожденія. Опережая Европу, мы прошли сквозь все крайности ея теперешняго развитія. Учрежденія отцовъ нашихъ были пріятнымъ воспоминаніемъ быта древнихъ свободныхъ народовъ и содержали въ себѣ въ зачаткѣ все тѣ начала, на которыхъ стараются основать свое устройство новѣйшія государства. Одни только ангелы сумѣютъ управляться успѣшно, при столькихъ свободахъ, которыми мы пользовались; во всякомъ случаѣ насъ надобно назвать людьми хорошими, если при столькихъ свободахъ и безначаліи такъ мало совершалось у насъ возмущеній и злодѣяній, сравнительно съ другими народами, которые содержатся въ крѣпкомъ послушаніи. Мы пали, сраженные внезапнымъ громомъ, и такъ же нечаянно воскресли, получивъ существованіе и нераздѣльную съ нимъ свободу отъ рукъ вели-

чайшаго изъ монарховъ (Александръ I). Обожженный громовымъ огнемъ, пень пустилъ изъ себя вѣщую вѣточку; въ ней вѣтаетъ наше прошлое и наше будущее. Мы нынѣ въ полной силѣ молодости и вмѣстѣ съ тѣмъ мы увѣнчаны сѣдымъ вѣковымъ опытомъ. Цѣль наша можетъ быть только одна: обогащаться въ мирѣ нравственнымъ просвѣщеніемъ и достоинствомъ народнымъ. Запасъ нашихъ средствъ для слѣдованія по этому пути не великъ. До сихъ поръ мы имѣемъ только желанія, способности да надежды, но не болѣе. Выродившись политически, мы искажились и нравственно. Политически разбитые на разные куски, мы разрознены до безконечности въ нашихъ мнѣніяхъ и вкусахъ. Тридцать лѣтъ продолжались наши скитальчества по чужбинамъ на службѣ у разныхъ народовъ. Не могли сдѣлать у себя ничего въ теченіи этого времени и обреченные на пассивное созерцаніе величайшихъ событій въ Европѣ, сильнѣйшихъ переворотовъ въ мнѣніяхъ и вкусахъ, мнѣнія системы воспитанія каждыя десять лѣтъ, при переходѣ изъ рукъ въ руки, — мы нынѣ едва ли образуемъ нѣчто цѣльное, котораго бы всѣ части могли быть управляемы единымъ духомъ. Законы, обычаи, вкусы и литература — все у насъ иностранное. Если при этомъ столпотвореніи не стерлись наши народныя примѣты, — это залогъ того, что онѣ не изгладятся и въ будущее время. Мы толкуемъ много о народности, но народность эта есть духъ, который нигдѣ до сихъ поръ не являлся въ своемъ собственномъ видѣ. Древность не можетъ насъ спасти въ литературѣ, потому что намъ надобно идти впередъ, рука объ руку съ духомъ времени. Споры классиковъ съ романтиками бесплодны: классицизмъ требуетъ строгого ума, романтизмъ или лучше сказать новѣйшая литература требуетъ новыхъ представленій. Намъ слѣдуетъ уважать старый умъ, но мы не можемъ привести ему въ жертву то, чѣмъ обогатилось просвѣщеніе со временъ Квинтиліана. Мистицизмъ и идеализмъ нѣмецкій не могутъ быть для насъ достаточною пищею, потому что божественная правда всегда проста и не можетъ состоять въ путаницѣ понятій. Въ теченіи многихъ вѣковъ мудрецы должны были блуждать и спорить, чтобы сдѣлать истину яснѣе и чище; запутывать ее — значитъ уничтожать работу вѣковъ. Мы заимствовали зло и добро отъ иностранцевъ. Какъ намъ поступать съ этими металлами разнокалиберными и разноцѣнными? Намъ слѣдуетъ выбирать лучшія штуки, и переканнивать ихъ, вкладя на нихъ народное клеймо; слѣдуетъ также переплавлять и нашу собственную старинную монету, давая ей номинальную цѣну, сообразную нынѣшнему времени; весь этотъ капиталъ долженъ быть расчтливо обращаемъ на насущныя потребности страны. Не въ томъ дѣло, чтобы пополнить книгохранилища нашими трудами, но въ томъ, чтобы эти труды обращались быстро, соответствовали потребностямъ массы и могли доходить до послѣдняго изъ рабочихъ. Я не желаю народу моему ни столькихъ философовъ какъ въ Греціи, ни столькихъ ученыхъ книжниковъ какъ въ Германіи, ни столькихъ стихотворцевъ какъ въ Парижѣ. Я даже убѣжденъ, что когда нибудь закроются тѣ исполнискія литературныя фаб-

рики, которые мы видим теперь, и что дошедши до практических результатов наук, люди освободятся от того громаднаго сыраго материала, который, отрывая отъ настоящаго дѣла множество рукъ, дѣлаетъ народы иногда изнѣженными, а иногда фанатическими. Всѣ эти фоліанты, комментарии, философскія спекуляціи и ученые споры будутъ тогда нибудь забыты, какъ тѣ рыцарскіе доспѣхи, которые показываются нынѣ въ видѣ курьезовъ въ старинныхъ замкахъ. Ученые труды должны имѣть то главное назначеніе, чтобы связать какъ можно сильнѣе понятія политическія, религиозныя и философскія съ интересомъ народа...¹⁾

Мы долѣе можемъ быть, чѣмъ слѣдуетъ, остановились на литературной дѣятельности Бродзинскаго, но намъ необходимо было обрисовать собственными же его словами задумчивое и кроткое лицо честнаго демократа, который весь жилъ для дѣла, для труда скромнаго, ежедневнаго, общепользнаго²⁾.

Въ то самое время, когда онъ читалъ свои лекціи и писалъ свои критическія разсужденія, въ той же Варшавѣ вращалось нѣсколько молодыхъ людей родомъ изъ Украйны, которые, безъ всякаго между собою соглашенія и взаимнаго себѣ подражанія, стали воспроизводить въ стихахъ необозримую ширь южно-русскихъ степей, и вдохновляться заунывными мотивами пѣсенъ малорускаго простонародья, его повѣрьями, въ которыхъ отпечатлѣлась сильная и мрачная фантазія этого племени, наконецъ свѣжими преданіями козачества и борьбы его съ польскимъ шляхетствомъ. Первый по времени изъ польско-украинскихъ поэтовъ былъ Антонъ Мальчешскій (1793 — 1826), который жилъ и умеръ въ совершенной почти неизвестности и написалъ одну только небольшую поэмѣ *Мирія*, которая при выходѣ въ свѣтъ не имѣла никакого успѣха и не окупила издержекъ изданія и только много лѣтъ спустя, когда авторъ давно лежалъ въ могилѣ, сдѣлалась самымъ популярнымъ поэтическимъ произведеніемъ въ Польшѣ. Мальчешскій³⁾ провелъ первые годы молодости въ Дубнѣ на Волыни, получилъ блистательное аристократическое воспитаніе во француз-

¹⁾ См. сочиненія Бродзинскаго въ *Biblioteka polska, Turowskiego: o dążeniu polskiej literatury* str. 374—394; *o klasycyzności i romantyzności* str. 1—105.

²⁾ Приведемъ еще слѣдующій отрывокъ изъ стихотворенія Бродзинскаго „Возвращеніе изъ Италіи“ (1826), прекрасно опредѣляющій его направленіе:

Wszędzie piękność, wesołość, natura i sztuka,
Lecz niema czego serce Słowianina szuka;
Niema błogiej szczerości i głębszego uczucia,
Pełno zewnątrz okras, a wewnątrz zepsucia,
Pyszne Panu świątynie, lecz pobożność płocha,
U nas w śniegach lud prościej, lecz szczerzej go kocha;
Tu wreszcie w gruzach, przodków i grają wesli....

Więc zwiastunki pońocy wy, jodły i sosny,
Drzewa mojego kraju, witam was radośny!
A wy, wiatry alpejskie! tam przez te płaszczyzny
Ponieście tęskne tchułenia do mojej ojczyzny....

³⁾ *Commentarz powązkowski, Wojcickiego, tom 1, str. 41 (1855).*

скомъ духѣ въ домѣ родителей; побывавъ въ кременецкомъ лицее, онъ вступилъ въ военную службу (1811—1815), потомъ пять лѣтъ странствовалъ за границу, прожилъ все свое состояніе, испилъ, можно сказать, до дна чашу наслажденій, но и познакомился со всѣмъ, что имѣло лучшаго западно-европейское общество. съ литераторами, учеными, артистами. Подъ конецъ своей жизни онъ обдѣлалъ до того, что не на что было его похоронить. Мальческій былъ что называется бѣлоручка, нѣжный и красивый, какъ женщина; нервный и раздражительный въ высшей степени, болѣзненно страдавшій отъ всякой неудачи, онъ постоянно носился съ горькими осадками неудовлетворенныхъ желаній въ душѣ. Прибавимъ къ этимъ даннымъ близкое знакомство Мальческаго съ однороднымъ ему гениемъ, Байрономъ. Они познакомились въ Венеціи; преданіе говоритъ, что рассказъ Мальческаго о Мазепѣ вдохновилъ Байрона и послужилъ ему темою для поэмы. Съ другой стороны Мальческій поддался обаянію необузданной въ своихъ порывахъ демонической природы Байрона и сталъ въ искусствѣ его подражателемъ. У Байрона пресыщеніе жизнью разжалось ненавистью и презрѣніемъ къ людямъ и мятельнымъ поруганіемъ всего, что условлено считать святымъ; у Мальческаго тоже неизлѣчимое разочарованіе выразилось въ снѣдающей душу безредѣльной и безнадежной тоскѣ: «Я много былъ горькихъ, отравленныхъ калачей, говоритъ поэтъ; мое увядшее лицо поблѣднѣло, изъ одичавшей души моей искорнена радость»... ⁴⁾ Отъ Байрона Мальческій заимствовалъ форму его поэтическаго разсказа, а сюжетъ взялъ изъ весьма извѣстнаго на Украинѣ уголовного дѣла, котораго главными фигурантами были Феликсъ Потоцкій, основатель торговой конфедерации и Софѣевки, и его отецъ, воевода кievскій. Феликсъ Потоцкій въ юности своей женился противъ воли родителей на молодой шляхтянкѣ незнатнаго происхожденія, Гертрудѣ Коморовской. Родители Потоцкаго, недовольные неравнымъ бракомъ, извели ее измѣнительнымъ образомъ. Феликсъ превратился у Мальческаго въ прекраснаго Вацлава (чего онъ конечно не заслуживалъ), Гертруда—въ Марію. Мрачный и непреклонный воевода, тая въ душѣ злобные замыслы, шлетъ козака съ письмомъ къ старому Мечнику—отцу Маріи, въ которомъ расточая лесть онъ проситъ примиренія и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ Мечнику начальство надъ войскомъ, въ экспедиціи, снаряжаемой противъ Татаръ, въ которой долженъ принять участіе и Вацлавъ. Экспедиція была только благовиднымъ предлогомъ для удаленія Вацлава и Мечника изъ дому. Въ то время когда Вацлавъ съ Мечникомъ сражаются храбро съ крымскими хищни-

⁴⁾ I świata jałłem gorzkie, zatrute kołaczce....
 Bo w mojej zwiądłej twarzy zamieszkała błądosc,
 Bo z mej zdziżcałej duszy wypleniono radość....
Co czułe, szlachetne chwilkę tylko świeci....
Rola wzniosłych uczuć nigdy się nie uda,
 Bo w śliczny welon cnoty stroi się obłuda.

ками на дворъ Мечника валить шумная ватага масляничныхъ гостей въ маскахъ и костюмахъ. Напрасно старый слуга отказывается отъ дому незванымъ гостямъ, у него самого зарябило въ глазахъ, когда начали передъ нимъ плясать цыгане, вѣдьмы, арлекины и черти. Всѣ эти маски — никто нима, какъ подосланные воеводою убійцы: они топятъ въ пруду Марію. Побѣдоносный Вацлавъ, тревожимый страннымъ предчувствіемъ, опережая Мечника, летитъ къ женѣ, прискакавъ ночью во дворъ Мечника, стучится въ домъ, влѣзаетъ въ окно и находитъ холодный, распухшій трутъ любимой женщины. Таинственный пажъ, лицо фантастическое, добрый или злой духъ Вацлава — неизвѣстно, сообщаетъ ему о виновникахъ смерти его жены; сердце у Вацлава пропиталось ядомъ въ одну минуту: испытывая всѣ муки ада, онъ исчезаетъ съ каждою кровью и мщешія, съ мыслью объ отцеубійствѣ въ душѣ. Поэма оканчивается изображеніемъ сѣдаго Мечника, угасающаго тихо безъ слезъ и репота, на могилѣ дочери ⁵). Главная задача, которую поставилъ себѣ Мальчеській, была конечно неэмоциональная: изобразить развитіе страсти, порчу и искаженіе благородной души, изнывающей въ желѣзныхъ и роковыхъ тискахъ нещастія. Подобно Байрону, онъ преимущественно лирикъ, его поэма есть, можно сказать, вырванная страничка изъ его же автобіографіи, передача имъ самымъ прочувствованнаго; свою собственную личность выводитъ онъ вездѣ на сцену то въ образѣ доверчиваго Вацлава, то въ образѣ таинственнаго ангела или демона — пажа, юнаго и между тѣмъ безотрадно грустнаго, то въ прелестномъ образѣ блѣдной и чистой, какъ голубица, Маріи ⁶). Подобно Байрону, онъ грѣшитъ порою изысканностью подобранныхъ эффектовъ и злоупотребляетъ аллегорією, олицетворяя отвлеченныя понятія, страсти и чувства ⁷). Но не смотря на эти недостатки, онъ приобрѣлъ гро-

⁵) Ni żalu ni skargi
Nikomiu nie zwierzyły wypłowiałe wargi;
Ni łez w hardem spojrzaniu nie było poznańki,
Mniej z ludźmi, więcej z Bogiem, a zresztą jednaki.

⁶) Ani łzy, ani żalu w jej mglistém spojrzeniu;
O nie; przeszłych już zgrzyot niewidac tam wojny,
Tylko znikłej nadziei grobowiec spokojny,
Tylko się lampa szczęścia w iej oczach paliła,
I zgasła — i swym dymem całą twarz zaćmiła.

(Нѣтъ ни слезъ ни скорби въ ея туманномъ взорѣ, не видать въ этомъ взорѣ борьбы минувшихъ страданій, а одинъ только покойный гробъ исчезнувшихъ надеждъ. Въ глазахъ горѣла когда-то лампада счастья, но погасла и только дымомъ своимъ прикрыла все лицо).

⁷) Приведемъ для характеристики манеры Мальчеськаго слѣдующее четверостишіе, изображающее тоску Маріи послѣ отъѣзда Вацлава; здѣсь что ни слово, то аллегорія:

Już w jego próżnem miejscu zadumana, blada
Ciszę budząc wspomnieniem samotność osiada,
A na odlegu szczęścia zgrzyota korzeni
Swe kołczaste łodygi robaczliwej rdzeni.

(Въ оставшемся послѣ него пустомъ пространствѣ садятся блѣдное, задумчивое уединеніе, прерывающее тишину вздохами, а на шаровомъ полѣ счастья коренятся тоска и пускаетъ колючіе стебли, точимые червями).

малую известность, любовь и посмертную славу у молодого поколения, потому что среди педантской литературы, занятой холодной рефлексией чувств и страстей, он заговорил языком настоящего, хотя и болезненного чувства. Притомъ, хотя воспроизведение прошедшего составляет весьма второстепенный элементъ въ планъ его поэмы, однако онъ, какъ великій художникъ, умѣлъ изобразить это прошедшее немногими, но весьма типическими чертами. Ястребиный профиль воеводы наводитъ ужасъ, исполненная фигура стараго Мечника кажется высѣчена изъ камня и просится въ эпосъ. Впрочемъ Мальцескій схватилъ только нѣкоторыя стороны этого прошедшаго. Его Украина есть Украина магнатская и шляхетская. Простонародье является у него только какъ живописный аксессуаръ къ пейзажу, въ видѣ воеводскаго гонца-козака, скачущаго съ письмомъ къ Мечнику: «просто былъ его поклонъ, коротко привѣтствіе, но онъ видимо выдается изъ толпы служителей; онъ крѣпостной, но свобода врождена ему отъ отца. Когда, гордо взглянувши, онъ требуетъ, чтобы его повели къ барину, то онъ кажется будто господиномъ среди провожающей его дворни...»⁹⁾ Мальцескій былъ совершенно чуждъ украинскому простонародью по своему воспитанію, онъ не видѣлъ его за шляхетствомъ, но онъ понялъ сердцемъ артиста красоты украинской природы, и неподражаемо передаетъ широкіе прямолинейные контуры степнаго пейзажа: «Взоръ бродитъ въ пространствѣ; но ему негдѣ пріютиться, и не подмѣтитъ онъ движенія. Солнце косвенно озаряетъ разстилающіеся нивы, изрѣдка пронесется воронъ, каркан и бросаю отъ себя тѣнь, изрѣдка застрекочетъ полевая стрекоза въ бурянахъ. Глухо кружонъ, только во воздухѣ какой-то гулъ. Мысли о прошедшемъ нельзя отдохнуть въ цѣлѣй этой странѣ ни на одномъ памятникѣ отцовъ, въ которомъ бы она могла сложить бремя скорбныхъ чувствъ. Ей слѣдуетъ развѣ, опустивъ крылья, погрузиться въ землю, тамъ найдетъ она древнія заржавѣлыя латы и кости, невѣдомо чьи: тамъ найдетъ она надежное зерно въ плодоносномъ пещѣ или червей, упитывающихся свѣжмиъ еще трупомъ, но по полямъ мысль эта блуждаетъ, ни за что не цѣпляясь, какъ отчаяніе, безъ пріюта, безъ цѣли, безъ границъ»¹⁰⁾.

⁹⁾ Prosty był jego ukłon, krotkie pozdrowienie,
Jednak różnym się zdaje od służalców grona,
Poddany, lecz swobodę z ojca powziął łona,
I gdy spojrzawszy dumnie do pana isé żąda,
Śród wiodącej go zgrai jak władca wygląda....

¹⁰⁾ Włóczy się wzrok w przestrzeni, lecz gdzie tylko zajdzie;
Ni ruchu nie napotka, ni spocząć nie znajdzie;
Na rozciągnięte nivy słońce skosa świeci —
Czasem kraczac i wrona i cieni jej przeleci,
Czasem w blizkich burzanach swierszcz polny zaświerka,
I głucho, tylko jakoś w powietrzu rozterka.
To jakżo? Myśl przeszłości w całej tej krainie.
Na żad u pomnik ojców łagodnie nie spłynie,
Gdzieby tęknuch uniesień złożyć mogło brzemię.

Несравненно глубже Мальчеськаго заглянули въ сердце Украины Юсифъ Богданъ Загъскій и Северинъ Гощинскій. Мальчеській догадывался только о сокровищахъ, таящихся въ украинской почвѣ. Загъскій вскрыль, можно сказать, эти сокровища, раскопалъ курганы, извлекъ оттуда груды драгоценныхъ камней и выгравилъ ихъ съ такимъ искусствомъ, которое въ отчаяніе приводитъ переводчика и дѣлаетъ всякое подражаніе невозможнымъ. Въ этой поэтической отдѣлкѣ онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ въ польской лирикѣ 19-го столѣтія. Нѣтъ ни одного польскаго писателя, который бы въ такой степени приближался къ идеалу объективной поэзіи какъ Загъскій, который бы такъ мало внесилъ въ эту поэзію своего собственнаго, личнаго: можно сказать, что онъ не господствуетъ надъ матеріаломъ, но находится въ такомъ подчиненіи этому матеріалу, какъ зеркало или какъ золова арфа, изъ которой каждое дуновеніе вѣтра извлекаетъ чудные звуки. Матеріалъ этотъ — козацкая дума, малороссійская пѣсня и сказка. Изъ этого заколдованнаго круга онъ не можетъ выйти никакимъ образомъ. Среди Альпійскихъ горъ онъ вспоминаетъ Рубъ, Тясминну, въ римской Кампаніи онъ тоскуетъ по степямъ, настоящимъ варваромъ прохаживается онъ по Капитолію, но въ немъ вскипаетъ кровь при видѣ брата Славянина—умирающаго гладиатора ¹⁰⁾. Когда въ послѣдствіи Загъскій пытался въ Святомъ Семействѣ (Przenajświętsza Rodzina) изобразить юность Христа, то и въ это библейское произведеніе онъ внесъ точно также свою родину, такъ что въ ней мало галилейскаго, іорданскаго, а толпы народа, спѣвущія въ Іерусалимѣ на праздникъ, точъ нъ точъ похожи на чумаковъ, располагающихся ночлегомъ, или на богомольцевъ, стравствующихъ къ свитымъ мѣстамъ, въ Почаевъ или въ Киево-

Nie!—chyba lot zwinawszy zanurzy się w ziemię:
Tam znajdzie zbroje dawne co zrdzewiało leżą,
I kości co nie wiedzieć do kogo należą;
Tam znajdzie pełne ziarno w rodzajnym popiele,
Lub robactwo rozległe w świeżem jeszcze cieple;
Ale po polach błędzi niesparwszy się na nic,
Jak rozpacz—bez przytułku, bez celu, bez granic.

- ¹⁰⁾ Wciąż na piersiach mnie dusi wczorajsza ta zmora;
Bystro w konającego twarz gladiatora
Patrzałem, aż mi żyła w skroń nabięgła sina
I w całej krwi zagrało: hurra! Słowianina...
I gdzieś się potem ruszył, w prześwietych pieczorach,
Zamierzchnych gdzieś stoleci brat ożył w posagu,
Jęknął co czuł i cierpiał w bolesnych dni ciągu;
W krągankach Kapitolskich—odtąd cięż na marach
Sunał się gladiator,—a noc straszna taka,
Jakbym w tarczy pogrzmiwał na godach Spartaka...

(Меня давить вчерашнее привидѣніе; я взглянул пристально на умирающаго гладиатора, и синія жилы выступили на лобъ, а въ крови ясей взмырало славянское ура. Померкшихъ вѣковъ братъ ожилъ въ статуѣ и передалъ стономъ все, что почувствовалъ и выстрадалъ онъ въ теченіи горькихъ дней. Гдѣ и ни толкался потомъ, въ священныя подземелья, въ порткахъ капитолійскихъ, вездѣ преслѣдовалъ меня трупъ гладиатора, а ночь такая страшная, какъ будто бы я самъ грѣшилъ, ударяя щитомъ объ щитъ на свадьбѣ Спартака)... (Przechadzki po za Rzymem).

печерскую лавру. Для того, чтобы выйти из волшебнаго круга чисто украинскихъ представлений, Залѣскому недоставало широкаго философскаго образованія. Онъ въ томъ еще отношеніи близокъ и вѣренъ простонародью, отъ котораго бралъ изъ первыхъ рукъ тоны и краски, что никогда не сомнѣвался, не мудрствовалъ, не колебался, но отъ начала до конца былъ вѣрнымъ сыномъ церкви и мѣлологіи христіанской. Отсутствіемъ философскаго элемента объясняется и то, что Залѣскій не создалъ ни одного великаго и цѣльнаго произведенія, для чего необходима философская мысль въ качествѣ цемента. Залѣскій пробовалъ въ поэмѣ *Духъ Степей* (*Duch od stęp*) построить нѣчто большее, представить въ связномъ эпосѣ исторію человечества, но, при превосходныхъ подробностяхъ, поэма вышла неудачна въ цѣломъ по бѣдности содержанія. Поэтъ рассказываетъ исторію своей души до рожденія; мать-Украина отдала эту душу на воспитаніе русалкамъ; по мановенію Божію, воздушная шалунья опускается, воплощается, тоскуетъ по своей заоблачной родинѣ и проживаетъ мысленно всѣ моменты развитія человечества, причѣмъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій является горделивый разумъ, бунтующій противъ вѣры, и плотскія похоти, — какъ будто слышишь исповѣдь любого средневѣковаго монаха-аскета. Мѣстами рассказъ оживляется и блещетъ первостепенными красотоми, напримеръ, когда поэтъ речуетъ переселеніе народовъ и Аттиду, но и те по той только причинѣ, по которой онъ не можетъ равнодушно относиться къ умирающему гладиатору, то есть потому, что онъ натолкнулся на варвара и на полчища, которыя представляютъ какъ бы первообразъ будущихъ козаковъ ¹¹⁾. Но въ этомъ узкомъ кругѣ, въ которомъ вращается поэтъ, какая свѣжесть, какая широкость! это море свѣта въ каплѣ воды. Всѣ

¹¹⁾ W stal zakuty wódz na przedzie,
Przez bezdroża, jedzie—wiedzie—
Konny posąg Al-huk-ryka,
Niedzwiedziemi strzępi kudły,
Suchożyły, w kosć zachudły
Boży gniew—twarz groźna, dzika,
Wzrok co nigdy się nie zmyka,
Bo powieki wrosły w czoło....
Jako rzeka w skałach strona
Pluszcze za nim gwar w około:
(Roma! Roma! gdzie ta Roma?...)
Konny posąg wódz na przedzie
Nieprzystępny, głuchy, niemy,
Przez bezdroża jedzie-wiedzie,
Nagle staje.—Tu spoczniemy.
Strona w stepach ta czy nieta?
Wnocy wskaże nam kometa!
Roma-Roma—niedaleko....
Tam za siódma tylko górą
Za dziewiątą tylko rzeką....

(Закованный въ сталь вождь ѣдетъ, ведетъ по безпутнымъ, — конная статуя Аль-гунрика (всѣхъ Гунновъ царя), мохнатая какъ медвѣдь, сухожилая, сухожавад, изъ единыхъ костей состоящая, Божій гнѣвъ, лжъ грозный и дикій, взоръ никогда не смыкающийся, потому что рѣсницы приросли ко лбу. Подобно рѣкѣ, прокладывающей себѣ путь между крутымъ скалѣ, шумятъ текуція за нимъ толины: Римъ, Римъ, гдѣ же Римъ?)

цвѣты радуги сіяють, нескрятся, но сіяніе длится одну только минуту и исчезаетъ съ быстротою огорающихъ потѣшныхъ огней. «Съ торбаномъ выросъ я,—говорить поэтъ,—Днѣпръ, Ивангора, въ дубравѣ хата старина знахара,—все вижу я, точно вчера простиася съ ними. Пѣли тамъ птицы чуть чуть божій день, и дѣвы пѣли на майданѣ, то раздавался мужественный голосъ воинской славы атамановъ — все смѣшалось въ одну живую пѣснь, и я испилъ эту пѣсню»¹²). Въ пѣснѣ Залѣскаго больше красокъ яркихъ, чѣмъ темныхъ, больше звуковъ радостныхъ, нежели скорбныхъ. Подобно Яну Кохановскому, къ которому онъ весьма близко подходит и по своей спокойной натурѣ, и по мелодичности своего стиха, Залѣскій набѣгаетъ диссонансовъ и отражаетъ одну только граціозную сторону народной украинской поэзіи; въ этомъ его прелесть, въ этомъ и слабость. Самыя удачныя его произведенія тѣ, въ которыхъ, взявъ за основаніе какой нибудь простонародный мотивъ, онъ ткалъ на этой канвѣ свои чудные фантастическіе узоры: таковы его *Русалки*, *Калиновыи мостъ*, *Холмъ прощанія*. Гораздо менѣе удовлетворительны его эпическія рапсодин. Малороссійскій народъ имѣлъ два эпоса, народные былины Владимірова цикла, почти забытыя самими народами и уцѣлѣвшія только въ отрывочныхъ преданьяхъ, и—замѣнившія ихъ въ позднѣйшую эпоху козацкія думы, новый національный героическій эпосъ, живо сохранившійся до настоящаго времени. Залѣскому всего ближе знакомы были козацкія думы. Козачество возникло и развилось подъ крыломъ Польши, и только съ 17-го вѣка обратило протівъ Польши оружіе междоусобной войны. Эта послѣдняя сторона козачества, обрызганная кровью, противна Залѣскому и по его натурѣ, нежной и мягкой, и по народности, какъ Поляку. Онъ и поставленъ былъ въ необходимость вернуться дальше назадъ, къ 16-му вѣку и воспѣвать событія и людей, о которыхъ онъ вычиталъ нѣчто въ старыхъ польскихъ хроникахъ, но которыхъ украинскій народъ успѣлъ пере-забыть со временъ Богдана, напр.: походы Запорожцевъ за Черное море; Евстафія Дашковича, Ляха Сердечнаго (Переделова Ланцкоронскаго), атамана Косинскаго и храбраго Сагайдачнаго, ведущаго подъ Хетманъ свои полки подъ начальствомъ королевича Владислава. Всѣ выведенныя лица движутся стройно, рѣзко, красиво, живописно и складно, но въ томъ-то и ложь, что они не настоящіе, а балетные козаки, что они гладко причесаны,

Конная статуя—вождь неприступенъ, глухъ и нѣмъ, ѣдетъ, ведетъ по безпутьямъ; вдругъ онъ останавливается: здѣсь отдохъ. Въ ту ли, въ другуюли сторону пойдемъ въ степяхъ? то скажетъ намъ комета ночью. Римъ, Римъ недалеко, за семью горами, за девятью рѣками).

¹²) Z torbanem wyrosł ja. Dniepr, Iwanhora,
Chata gdzieś w gaju starego znachora,
Widzę—ach—jakbym pożegnał je wczoraj;
Śpiewało ptastwo tam było dzień biały;
I żubów dziewczęta z majdanu śpiewały;
To znowu męski głos wojennej chwały

что отъ нихъ несетъ духами, а не дегтемъ, и что изъ-подъ ихъ брызжетъ кровь красивыми малиновыми струями. Въ этой миниатюрной живописи не отличишь вѣщаго Бонна отъ Вернигоры, князей и бояръ кievскихъ отъ Хмільницкаго и Мазепы. Эта способность примирять противоположности и сглаживать диссонансы дѣлаетъ изъ Богдана Залѣскаго настоящаго пансависта. «Любо мнѣ въ славянскомъ гулѣ, — восклицаетъ онъ, — я рукоплещу, стоя на украинской могилѣ. Молодецъ Шафарикъ! Славно, Копитаръ! Давай побольше пѣсень, Вукъ Караджичъ! (Остальное доскажемъ мы, гуслары)»¹³). Въ особенности же эта способность поражаетъ насъ въ религиозно-миссионерскихъ произведеніяхъ Залѣскаго. Онъ до того сжился съ народными малоросійскими повѣрьями, что не различалъ, кто онъ, ринскій ли католикъ, или православный, а за христіанскими образами и представленіями видѣется у него старая славянско-языческая подкладка изъ древнихъ, помершихъ до-историческихъ временъ (Księżna Hanka, Podzwonne ku ojcóm). «Тучи гремѣть издали, снуеть стая свѣтищихся ладей, свитой архангелъ Михаилъ, стражъ земли нашей, смотритъ вправо и влево, весь яркій, межъ тѣмъ какъ черти мчатся оврагами верхомъ на вихряхъ. Свитой архангелъ Михаилъ несетъ на Божій дворъ на подушкѣхъ изъ тучъ своей свѣтлѣй вѣнокъ изъ цвѣтовъ и листьевъ — души отцовъ. Тамъ Богъ исполнять общаніе. Пора, мора, отзовитесь сердцами съ земли; звучно бряцайте на гуслихъ вслѣдъ за нами, да благословятъ насъ пречистые. Свитый Боже, сильный Господь нашъ! Могилы полны костей отцовъ; души отцовъ высоко одесную Тебя. О Господь преподобный, милый, благослови насъ дѣтей твоихъ, сидящихъ на ихъ пашняхъ, какъ отарухъ кметей твоихъ, и благословенъ будь самъ между насъ на вѣкъ. Души отцовъ, прелетѣвшія сквозъ семь золотыхъ небесъ, и на высокомъ дворѣ Господа вкушающіе хлѣбъ святыхъ его на вѣки, дуньте сладостью среди горечи дней на насъ, покорныхъ дѣтей вашихъ. Пречистые, веселые, какъ ликующіе ангелы господни, взгляните на мѣръ покаянія»¹⁴)... «Господь, присушій въ храмѣ, совершаетъ таинство подъ звѣздными шатромъ. Небеса горятъ, подножья столпцы трепещутъ, служба великимъ, избранный ликъ святыхъ бѣдетъ челою на колабѣ-

W cześć atamanów — meciły się społem
W jedną pieśń żywa — i pieśń tę pojąłem.
(Żywa pieśń.)

¹³) Lubuję bardzo w słowiańskim ja gwarze,
Klaskam od mogił w krag na rozgraniczu,
Tak Szafarzyku! tak, tak Kupitarze!
Pieśni hej dawaj, Wuku Karadziczu!
Reszcie my powiem guślarze-gęślone.

(Gwar Słowiański.)

¹⁴) Ho, ho, chmury z dalekich odgrzmiewają strón;
)Cma się wyręwa świecących łodzi,
To Michał archanioł, ziemi naszej stróż.
Na lewo, na prawo,
Spoziera jaskrawo,

няхъ. Дымъ куренья исходитъ изъ мировъ — золотыхъ сосудовъ, держимыхъ пречистыми. Книга—вѣчность, изъ книги струится потоками время, безчисленные солнечные круги извиваются лентами. Сколько тѣней, отѣнковъ, дни, годы и столѣтiя въ безконечномъ пространствѣ летятъ точно цвѣтистыя листья»¹⁵⁾. Тѣми качествами творчества, которыхъ не доставало Загѣскому, надѣленъ съ избыткомъ его землякъ и ровесникъ, Северинъ Гощинскій. Онъ полюбилъ въ народной фантази дикое, темное, бѣсовское: зловѣщiе крики совъ, скрипѣнiе мертвеца, качаемаго вѣтромъ на висѣлицѣ, и черную ночь, среди которой безытнѣй играетъ съ людьми злыя штуки. Онъ обладаетъ реимбрантовскою кистью для изображенiя огненнаго свѣта въ ночномъ мракѣ. Подъ днѣпровскими ли-

I czorty na wichrach mkną jarami już.
 Święty archanioł Michał na wezglówiu chmur,
 Świeży swój wieniec kwieci i liści—
 Dusze ojców—na Boży oto niesie dwór,
 Gdzie obietnice Pan in uiści.
 O! rzewniej sercami czas się ozwoć, czas!
 Za gęsłą od ziemi
 Podzwoncież za nimi.
 Niech pobłogosławia, o przczyści, nas
 Boże święty—o Mocny!—Hospodynie nasz!
 Kości twych ojców pełne mogiły.
 Dusze ojców wysoko, na prawicy masz
 O! hospodynie przedobry, miły,
 Błogosław na roli ich siedzącym nam:
 Jak starym swym knieciom
 Błogosław, o! dzieciom
 I bądź, bądź pochwalon między nami Sam.
 Dusze ojców! latowce siedmiu złotych Nieb
 Na hospodyna wysokim dworze
 Świętych jego na wieki pozywacie chleb!
 Ku nam — o! ku nam dzieciom w pokorze
 Powioncie słodkością w goryczach!
 Przeczyści weseli,
 Jak pańscy anieli,
 Sród goóów—patrzajcie na pokutny świat!

¹⁵⁾ Pan przytomny w świątyni
 Pod gwiazdzistą oponą
 Tajemnicę swą czyni,
 I niebiosa wskrós płoną,
 Drza stołeczne podróza,
 Wielka służba — Cześć Boża....
 Lik najświętszych wybrany
 Bije czoły, kolany;
 Światy — złote naczynia
 Które dzierzą przczyści
 Na około woń zioną....
 Wieczność — księga, od księgi
 Czas bujnie się strumieni,
 Niezliczonych słońc kręgi
 Zwija niby na wstęgi
 Co w krąg cieni — półcieni?
 Doby, lata, stolecia,
 W niezmierzonej rozstrzeni,
 Jako listki od kwiecica...

пали паробки и дѣвчата сошлись на вечерницу, поютъ, пляшутъ и ца-
луются вокругъ пылающаго костра, а немного подальше собрались инны,
божье тихая компанія; тамъ бесѣдуютъ между собою бѣднякъ, несомый
злымъ вихремъ, красный упырь, который въ полночь дохъ изъ косяка
кровь сонныхъ дѣтей; вѣдьма, росю цвѣтовъ окропляющая сметану; не-
крещеная душа, которая стонетъ на высяхъ, огненный змѣй, изсушаю-
щій бабъ ¹⁶⁾.

Изученіе народныхъ суевѣрій у Гоциньскаго весьма серьезное; онъ не
смотритъ на нихъ какъ на матеріалъ для поэтическихъ вымысловъ, онъ,
какъ истый романтикъ, доискивается въ нихъ глубокаго смысла, и по-
чти сожалеетъ о томъ, что вліяніе цивилизація разорвало старинный союзъ
первобытнаго человѣка-младенца съ природою-кормилицею; онъ ставитъ
своей задачей возстановленіе этого древняго союза: «Земля стародавняя—
говоритъ поэтъ—во время оно, теперешнее диво не было дивомъ; невиди-
мыя силы играли видимо и сторожили человѣка, какъ ребенка. Въ воз-
духъ, въ деревьяхъ, въ камняхъ, подъ водою, люди обрѣтали кровное со-
чувствіе; потому что они не презирали природу, они ее знали и любили
какъ мать ¹⁷⁾. И поэтическіе приемы у Гоциньскаго иные, произведеніи
его задуманы хитрѣе, нити разсказа сплетаются въ крѣпко завязанные
узлы, выведены на сцену настоящіе характеры, не въ видѣ китайскихъ
тѣней и силуэтовъ, какъ воевода и мечникъ у Мальческаго, но въ жи-
вомъ движеніи, въ борьбѣ и столкновеніи, и въ этомъ изображеніи характе-
ровъ Гоциньскій обнаружилъ значительный драматическій талантъ, кото-
раго нѣтъ и задатковъ ни у Мальческаго, ни у Загѣскаго. Кровь его не

¹⁶⁾ Lecz niech bandurki i piszczałki dzwonią
Niechaj się płocho rozkochani gonią,
Niech ziemia tętni, gdy taniec zakręca
Z lepszej młodziży zaplecione koło,
Niech na ustroniu dziewczę skryte poją
Bijącym łonem rozgrzewa młodzińca.
Tam pod drzewami posiedzenie cichsze,
Tam skłonne serca i kielich godowy
Kupią płci obie na ważne rozmowy;
Tam nieszczęśliwy, znikły we złym wicherze,
Czerwony upiór, co północną chwilą
Krocw sennych dzieci wydają z odzwierka,
Wieżma oczyma wartowana tyła,
Co rosę z kwiatów na śmietaną cerka,
Jęcząca w górze nieochrzczonej dusza,
Łatawiec-gwiazda co kobiet wysusza,
Litość i trwogę budzą na przemiany.

(Zamek Kaniowski.)

¹⁷⁾ Ależ bo wówczas, ziemio starowieka!
Dzisiejsze dziwy dziwami nie były:
Grały widomie niewidome siły
I pilnowały człowieka, jak dziecka.
W powietrzu, w drzewach, w kamieniu, pod wodą,
Krewne społeczenie ludzie znajdowali,
Bo nie gardzili na ówczas przyrodą,
Bo ją jak matkę znali i kochali.

(Sobótka.)

угааетъ, руки его не дрожать, когда онъ вскрываетъ живую грудь съ равнодушiемъ анатома. По тому же тайному средству, которое привлекало его къ мрачному въ суевѣрiяхъ, его влекло къ такимъ именно событiямъ, которыя всего меньше прiятны Полякамъ, къ воспоминанiямъ, отъ которыхъ всякій радъ бы отвернуться, а именно къ Кошицкиѣмъ, то есть къ тому крестьянскому бунту, который вспыхнулъ въ 1768 году, обливъ кровью Украйну и вызвалъ самыя свирѣпыя репрессалии со стороны правительства польскаго и помѣщиковъ. Капитальное произведенiе Гоциньскаго — *Каневскiй Замокъ* — имѣетъ слѣдующее содержанiе. Въ окрестностяхъ Смилы родился и выросъ козакъ Небаба, статный, смѣлый, ловкiй молодець, который обольстилъ дѣвушку изъ того же селенiя, Ксенiю. Ксенiя была испорчена и каждую ночь она бывало ждала къ себѣ огненнаго летуна — любовника. Небаба изъ пустой шалости выдалъ себя за такого летуна; но когда Ксенiя привязалась къ нему на дѣлѣ и стала его преслѣдовать своею докучливою любовью, то Небаба бросилъ ее въ Днѣпръ, а самъ бѣжалъ. Эти событiя случились до начала поэмы. Ксенiя спаслась какимъ-то образомъ изъ воды, окончательно помѣшалась и бѣгала изъ селенiя въ селенiе растрепанная, дикая, какъ зловѣщее привидѣнiе, предсказывающее недобрыя событiя. Страшныя событiя готовились въ самомъ дѣлѣ, крестьяне точили ножи на пановъ, рѣзня готова была вспыхнуть. Ксенiя появляется въ окрестностяхъ Канева — замка, принадлежащаго знаменитому по своей лютости старостѣ Николаю Потоцкому. Замокъ расположенъ надъ Днѣпромъ и господствуетъ надъ городкомъ того же названiя. Въ замкѣ живетъ и бывшiй любовникъ Ксенiи Небаба, который, поступивъ на службу къ старостѣ, за свою смѣтливость, храбрость и расторопность поставленъ начальникомъ надъ замковыми козаками старосты. Онъ страстно влюбленъ въ козачку Орлику, которая имѣла несчастiе обратить на себя вниманiе управляющаго замкомъ. Управляющiй хочетъ на ней жениться и изобрѣтаетъ слѣдующую хитрость, чтобы выудить отъ нея согласiе на этотъ бракъ. Братъ Орлики, козакъ, поставленъ ночью на часахъ близъ висѣлицы; управляющiй сманилъ его съ поста и приказалъ во время его отсутствiя снять трупъ повѣшеннаго съ висѣлицы. Вина оплошнаго караульнаго такова, что онъ долженъ быть повѣшенъ. Управляющiй предлагаетъ Орликѣ на выборъ или смерть брата или бракъ. Орлика рѣшается на послѣднее. Бракъ состоялся, Небаба вѣ себя отъ ярости; онъ клянется отмстить измѣнницѣ и ея Лиху, и навести на замокъ гайдамаковъ, но на всякомъ шагѣ ему мѣшаетъ докучливая Ксенiя, отъ которой онъ не можетъ никакъ отдѣлаться. Онъ ударилъ ее въ високъ и обезобразилъ, онъ ранилъ ее ножомъ, но несчастная любитъ его лучше прежняго. Небаба отправляется тайкомъ въ разбойничiй лагерь Швачки, но Швачка, старикъ, тяжелый на подъемъ и пьяница, не рѣшается на предлагаемое Небабою предпрiятiе; между тѣмъ, когда Швачка, охмѣлѣвши отъ горилки, лежитъ безъ чувствъ, Небаба увлекаетъ за собою всю его ватагу, рассыпаетъ гай-

дамаковъ въ оврагахъ и кустарникахъ подь самымъ Каневою, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующую ночь сдѣлать нападеніе и завладѣть замкомъ. Когда Швачка вытрезвившись увидѣлъ себя всѣми оставленнымъ: хитрый старикъ смеянулъ въ чемъ дѣло и вздумалъ предупредить Небабу; онъ бѣжить въ Каневъ и возмущаетъ мѣщанъ. Ни Швачка, ни Небаба не знаютъ, что регулярное войско польское приближается къ Каневу и окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и собирается накрыть ихъ. Въ то же время несчастная Орлика, которой не въ терпѣжь брачное ложе, рѣшается зарѣзать мужа ночью. Раньше всѣхъ начинаютъ дѣйствовать Орлика и Швачка. Этотъ послѣдній врывается съ мѣщанами въ замокъ, поджигаетъ его, влзмывается въ комнаты управляющаго и находитъ тамъ трупъ и поиманную женщину, облитую кровью. — Орлика бѣжить, ее преслѣдуютъ; бѣшеная погоня длится долго, преслѣдующіе влзмываютъ дверь за дверью, и узнаютъ куда бѣжала несчастная по кровавому отпечатку руки ея на стѣнахъ. Послѣднее убѣжище Орлики — главная башня замка: убійцы готовы проникнуть туда, но въ ту самую минуту обрушились стропила пылающаго зданія и въ его развалинахъ гибнутъ и гонимая, и чернь, и самъ Швачка. Между тѣмъ Небаба, собравъ свою ватагу, направляется къ Каневскому замку, но наталкивается на регулярное войско. Происходитъ страшная сѣча, которую освѣщаетъ зарево отъ пожара замка и которая оканчивается тѣмъ, что раненаго Небабу Поляки берутъ въ плѣнъ. Замокъ не существуетъ, но на его дымящемся пожарищѣ побѣдители пытаются арестантовъ и совершаютъ казни. Небабу посадили на козъ, къ торчащему на деревѣ въ предсмертныхъ судорогахъ подбѣгаетъ Ксенія и ничѣмъ уже не удерживаемая владеть на замирающихъ устахъ страстный поцалуй. Поэтъ великоблнно заканчиваетъ свой потрясающій рассказъ: «Когда духъ мой посѣщалъ побережье Днѣпра и останавливался на развалинахъ Канева, онъ отыскалъ еще слѣды ужаснаго дня гибели и разрушенія. По стѣнамъ алѣла еще кровь въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ касалась жена рукою, обогренномъ въ крови мужа, спасаясь отъ преслѣдующихъ ее убійцъ; крови этой ничто въ свѣтѣ не могло смыть, на мѣсто смытыхъ выступали новые пятна, но само тѣло несчастной преступницы обратилось въ пепель и разлетѣно вѣтрами. Въ укромномъ уголку, покрытомъ мягкой травой, духъ мой нашелъ приди растрепанныхъ кудрей Ксенія, въ которыхъ птичка свила себѣ гнѣздо. Тутъ же лежала сталь отъ оружія Небабы, перерѣзанная и почернѣвшая отъ огня; наконецъ, блуждая среди нагихъ черепковъ, онъ откопалъ подь обломками зданія торбанъ и одну только струну изъ этомъ торбанѣ. Ни годы, ни ненастья не могли помрачить золотистый блескъ этой струны, а любовникъ ея, вѣтеръ изъ сосѣдней рощи, каждую ночь повторилъ съ нею старое былое. Мнѣ полюбились острые звуки этой пѣсни»¹⁸⁾). «Каневскій Замокъ» — не только замѣчательное художественное произ-

¹⁸⁾ Gdy duch mój zwiedzał Dnieprowe pobrzeże
I na Kaniowa odpozwał ruderze,

веденіе, но и знаменательный фактъ въ исторіи польскаго общества. Съ такимъ безпристрастіемъ и безучастіемъ можно относиться лишь къ безвозвратно прошедшему, къ окончательно умершему. Поэма служитъ доказательствомъ того, что составъ общества измѣнился, что противоположности сблизились и перемѣнились, что «демоны разрушенія и соціальной войны возвратились въ адъ», что шляхетство и гайдамачество приসмирѣли въ царствѣ тѣней въ одной общей могилѣ, а на могилѣ этой играть поэтъ на мѣдныхъ струнахъ своей лиры, предсказывая лучшее, болѣе гуманное будущее. Северинъ Гоцимскій принадлежалъ къ числу зачинщиковъ польскаго возстанія 1830 г.; послѣ неудачъ 1831 г. онъ долженъ былъ бѣжать за границу, изучилъ въ Галиціи бытъ и повѣрья карпатскихъ горцевъ, которые изобразилъ въ прекрасномъ отрывкѣ *Суботка*; потомъ написалъ еще поэму изъ шляхетскаго быта, съ примѣсю волшебства и чарованій, *Анта з Nadbregu* и нѣсколько повѣстей прозою, между которыми важнѣе другихъ *Царь развилки* (*Król zamczyska*). Но ни одно изъ этихъ произведеній не можетъ равняться по достоинству съ «Баневскимъ Замкомъ». И Загѣскій и Гоцимскій до сихъ поръ живы; оба они выходцы, поселились во Франціи и давно уже перестали писать. Съ именемъ ихъ неразлучно воспоминаніе о недавно умершемъ въ Варшавѣ (1864) знатокѣ украинской исторіи и древностей и тонкомъ критикѣ, умѣвшемъ оцѣнить значеніе писателей школы украинской—Михаилъ Грабовскомъ (*Literatura i Krytyka*, 2 t., 1837—1840).

Хотя украинская школа считала въ своихъ рядахъ замѣчательные таланты, но ихъ славу затмило новое свѣтило, которое возшло въ Литвѣ, и сдѣлалось на долго главнымъ представителемъ польской поэзіи 19-го вѣка во всѣхъ почти ея родахъ и направленіяхъ. Это свѣтило—Мицкевичъ. Онъ выросъ и образовался въ Вильнѣ, подѣ влияніемъ университетскаго препода-

Jeszcze tam w koło wyszukał on ślady
 Dnia okropnego ostatniej zagłady:
 Jeszcze po ścianach krew się czerwieniła,
 Gdzie żona, gnana morderców pogonią,
 Myła w krwi męża, chwyciła się dłonią;
 Żadna wywabić nie mogła ją siłą,
 Na miejscu starej inna wystąpiła;
 Ale nieszczęsne zabójczyni ciało,
 W popioł przetlać, w proch się rozleciało.
 W poroślej miękką murawą uboczy
 Trafił na kołtun kseninych warkoczy,
 Ale w nim drobny gniezdział się już ptaszek.
 Obok leżała, z Nebaby ratyszczą,
 Stal, od płomienia w ciemny żużel zlana.
 A błaząc długo śród skostniałych czaszek
 Odgrzebał torban między gruzem zgłiszczą,
 I jedną strunę z całego torbana.
 Ani lat ani pogody koleje
 Niemogły przyćmić złotego jej blasku;
 A wiatr, kochanek z pobliskiego lasku,
 Co noc z nią dawne odśpiewywał dzieje.
 I jam polubił chrypliwe jej tony.

даванія, среди цѣлаго кружка молодежи, изъ котораго вышло много другихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ литераторовъ. Изъ профессоровъ онъ болѣе другихъ обязанъ филологу Нѣмцу Гроддеку и историку Лелевелю. Намъ слѣдуетъ теперь перенестись мысленно изъ Варшавы въ гѣса литовскіе и ягеллово Вильно, изучить условія, при которыхъ совершилось неэтическое воспитаніе литовскаго пѣвца, а также очертить при этомъ случаѣ и личность Лелевеля, который у учившейся въ Вильнѣ молодежи начиналъ пользоваться большимъ авторитетомъ. Преобразованный въ 1803 г., виленскій университетъ достигъ высшей степени процвѣтанія послѣ паденія Наполеона и вѣнскаго конгресса, при преобладаніи либеральнаго направленія въ дѣйствіяхъ правительства, подъ попечительствомъ князя Адама Чарторыжскаго, при ректорахъ Янѣ Снядецкомъ и Симонѣ Малевскомъ. Старые профессора изъ іезуитовъ перевелись, для пополненія персонала выписаны были изъ-за границы многіе ученые Нѣмцы и Итальянцы (Ваянусъ, Гроддекъ, Лангдорфъ, Франкъ, Теронги, Капелли; ориенталистъ Мюнхъ). Лекціи читались по польски, по латыни, и по французски. Братья Снядецкіе отличались пурризмомъ въ языкѣ и понятіяхъ; литературу преподавали два классика, Евсей Словацкій и Левъ Боровскій; впоследствии, съ 1822, нѣмецкая трансцендентальная философія, которую ненавидѣлъ Янъ Снядецкий, нашла даровитаго защитника въ лицѣ шеллингианца Іосифа Голуховскаго. Въ разнообразіи не было здѣсь конечно недостатка. Въ этотъ разношерстный, если можно такъ выразиться, университетъ поступилъ въ 1815 году на кафедру всеобщей исторіи Іоахимъ Лелевель, бывший воспитанникъ того же университета, родившійся въ Варшавѣ въ 1786 г. ¹⁹⁾ Первоначальное названіе этой фамиліи Loelheffel а Loewensprung и родомъ она изъ Пруссіи; дѣдъ Іоахима былъ королевскимъ лейбъ-медикомъ, отецъ совсѣмъ уже ополячился, получилъ въ 1777 г. польскій индигенатъ и былъ кассиромъ въ эдукаціонной комиссіи; сынъ и не подписывался иначе какъ «Мазигъ», то есть мазовець по происхожденію. Іоахимъ родился можно сказать книжникомъ, страсть къ сочинительству и оригинальничанью обнаружилась въ немъ почти съ младенчества. Десятилѣтній мальчикъ дѣлалъ уже компіляціи, составляя извлеченія и таблицы изъ своихъ школьныхъ книгъ, и упрямялся, не смотря на розги, давать субботаѣ болѣе правильное по его мнѣнію названіе «шестка». Первые труды свои Лелевель сталъ издавать будучи студентомъ въ Вильнѣ (*Historika, Edda Skandinawska, Rzut oka na Hegule* 1807, 1808). Всѣ силы и способности его ушли въ этотъ книжный міръ, такъ что для дѣйствительной жизни не осталось ничего. Въ жизни практической онъ былъ самый ненаходчивый человекъ и чудакъ, но умъ его, необыкновенно живой и дѣятельный, работалъ безпрестанно, сочетая, группируя все, что онъ вычиталъ и усвоилъ обширною своею памятью и

¹⁹⁾ Автобіографія Лелевеля издана подъ заглавіемъ: *Przygody w poszukiwaniach i badaniu rzeczy narodowych polskich, przez Joachima Lelewela. Poznań u Żupańskiego 1858.*

строил безчисленное множество смѣлыхъ и новыхъ гипотезъ. Такимъ образомъ въ этой счастливой въ научной отношеніи психической организаціи совѣщались въ равной почти степени два рѣдкія условія, встрѣчающіяся обыкновенно врозь: необыкновенная усидчивость при усвоеніи себѣ самаго обширнаго и безвкуснаго матеріала; самыхъ сухихъ подробностей, и умъ самый индуктивный, способный по нѣсколькимъ чертамъ возстановить характеръ. При этихъ данныхъ замѣчалось еще и совершенное отсутствіе художественности и полная неспособность къ историческому живописанію угадываемыхъ и превосходно понимаемыхъ событій. Лелевель игралъ странную роль во всѣхъ совѣщательныхъ собраніяхъ, напимѣръ на сеймѣ въ Царствѣ Польскомъ и въ составѣ революціоннаго правительства въ 1831 г., гдѣ онъ служилъ громоотводомъ для остальныхъ членовъ этого правительства; публика считала его радикаломъ, между тѣмъ какъ Лелевель, мысленно не соглашаясь съ товарищами и пожимая плечами, авторитетомъ своего имени санкціонировалъ иногда самые ретроградныя мѣры и мнѣнія, которыми вовсе не сочувствовалъ. Но на кафедрѣ Лелевель былъ точно въ своей стихіи; какъ ученому кабинетному, знающему свѣтъ изъ книгъ и посредствомъ книгъ, ему нужны были для того, чтобы одушевиться, отрывокъ хроники, старый пергаментъ или древняя монета. У Лелевеля было всегда больше мыслей, нежели словъ, о вѣдѣнности своего преподаванія онъ нисколько не заботился, такъ что онъ никогда не выучился совладать съ своимъ слогомъ, который у него былъ самый варварскій и запутанный, но вмѣстѣ съ тѣмъ лаконическій и оригинальный. Отвращеніе отъ рутинны и отъ торныхъ дорогъ заставило его изобрѣсти даже свое особенное правописаніе. Совершенный аскетъ, одинокій, безсемейный, Лелевель работалъ съ трудолюбіемъ болландиста и вмѣстѣ чрезвычайно быстро, и производилъ страшно много, писалъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, о судьбѣ древней Индіи и царствованіи Станислава Августа, о меркантильной политикѣ Кароленга, о древнихъ Славянахъ, куоническихъ монетахъ и о польскомъ лѣтописцѣ Матвѣѣ герба Холева; передѣлывалъ старые учебники (Teodor Waga przegobionu) и составлялъ новые (Dzieje powszechnie); издавалъ руководство къ библиографіи (Bibliografieznych Ksiąg dwoje) и древніе памятники польскаго законодательства (Księgi ustaw polskich i mazowieckich). Чуждый всякихъ современныхъ политическихъ тенденцій и всякой національной и религіозной исключительности, Лелевель съ такою же любовью относился къ корсунскимъ вратамъ св. Софіи въ Новгородѣ, какъ и къ гиѣзенской святынѣ, къ Руси какъ и къ Польшѣ. Въ польской исторіи онъ всего больше работалъ надъ періодомъ Пястовъ, сожалѣлъ о порабощеніи кметей въ 11-мъ столѣтіи и возвращался особенно охотно къ двумъ личностямъ, знаменующимъ усиленіе монархической власти: къ Болеславу Храброму, впервые опредѣлившему оружіемъ границы польскаго государства, и къ Владиславу Локтику, собирателю польской земли послѣ неурядищъ удѣльнаго періода. Товарищи Лелевеля по виленскому

университету не умѣли оцѣнить его, что и заставило его въ 1818 покинуть Вильно и уѣхать въ Варшаву, но молодежь осталась сердцемъ привязана къ гениальному изслѣдователю, общество сожалѣло о его потерѣ, такъ что когда Лелевель былъ выбранъ вторично по конкурсу въ 1821 г. на ту же кафедру, то возвращеніе его сдѣлалось настоящимъ торжествомъ. Оно понятно между прочимъ и по стихамъ, которые въ честь возвращающемуся написалъ Мицкевичъ ²⁰⁾. Впрочемъ Лелевелю пришлось не долго быть профессоромъ. Въ Вильно назначенъ былъ попечителемъ сенаторъ Новосильцевъ, начались строгія преслѣдованія студентскихъ обществъ; Лелевель былъ удаленъ отъ должности вмѣстѣ съ Голуховскимъ и нѣкоторыми другими товарищами. Онъ возвратился въ Варшаву, къ несчастію своему избранъ депутатомъ на сеймъ въ 1829 г., участвовалъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ и былъ до самаго конца мятежа членомъ революціоннаго правительства. Онъ долженъ былъ бѣжать за границу и влечить горькую жизнь сиротальца безъ денегъ, безъ книгъ, записокъ и извѣстій, на которые онъ потратилъ столько труда. Изгнанный изъ Франціи, онъ съ 1822 г. поселился въ Брюсселѣ, гдѣ и провелъ 29 лѣтъ въ страшной, но добровольной нищетѣ, передѣлывая, дополняя старыя сочиненія (*Polska wieków średnich*, четыре тома; *Polska, dzieje i przeszcz*, въ семи томахъ), издавая новыя работы по части нумизматики (*La numismatique du moyen âge*, 1835) и географіи (*Pytheas de Marseille, Géographie du moyen âge*), питаясь скудными гонораріями въ нѣсколько десятковъ или сотенъ франковъ за томъ, а иногда отказывая себѣ въ дровахъ и теплой пищѣ, чтобы приобрѣсти какую нибудь книгу или атласъ. Лелевель умеръ, имѣя 76 лѣтъ, въ 1862 г. въ Парижѣ, куда перевезенъ былъ друзьями передъ самою своею кончиною.

Адамъ Мицкевичъ былъ двѣнадцатью годами моложе Лелевеля; онъ родился на канунъ Рождества 1798 г. въ старинной столицѣ Миндовга Новогрудкѣ (винской губ.), почти на самой этнографической границѣ двухъ племенъ — бѣлорускаго и литовскаго ²¹⁾. Въ Литвѣ и въ особенно-

²⁰⁾ O, długo modliłm naszym będący na celu,
Znowuż do nas koronny znijdziesz Lelewelu!...

Въ слѣдующемъ отрывкѣ изображено направленіе преподаванія Лелевеля:

A słońce prawdy wschodu niezna ni zachodu,
Równie chętnie każdego plemionom narodu,
I dzień lubiące każdej rozszerzać ojczyźnie,
Wszystkie ziemie i ludy pocztya za bliźnie.
Z tad kto się w przernajświętszych licach jej zacieka,
Musí sobie zostawić czystą treść człowieka.

(Солнце истины не знаетъ ни востока, ни запада, оно охотно и безразлично даритъ деньъ всѣмъ племенамъ и всякому отечеству, а потому тотъ, кто хочетъ наслаждаться его лицезрѣніемъ, долженъ быть вполнѣ чловѣкъ).

²¹⁾ Adam Mickiewicz, rys biograficzny (изъ Познаня), Wiedeń 1868. (См. также біографію Мицкевича, написанную Войццикимъ, въ варшавскомъ изданіи сочиненій Мицкевича, 1858.

сти въ принѣманскихъ и привилѣйскихъ ея частяхъ было вообще не много магнатскихъ родовъ и помѣстій, за то особенною многочисленностью и густотой отличался классъ мелкопомѣстной и даже безпомѣстной шляхты, хранящей крѣпко старыя обычая и преданія бывшей Рѣчи посполитой, Сильныя связи, основанныя на этихъ преданіяхъ, соединяли помѣщиковъ, владѣющихъ населенными имѣніями и потому пользующихся если не богатствомъ, то по крайней мѣрѣ достаткомъ, съ цѣлыми селеніями или такъ называемыми «застѣнками», околичныхъ, сѣриковъ-шляхтичей, которые не имѣя крестьянъ, сами обрабатывали свои небольшіе поземельные участки и которые въ быту своемъ весьма немногимъ отличались отъ крестьянъ. Отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ, хотя патриархальныя, не были однако слишкомъ дурны, или лучше сказать были на столько сносны, на сколько они могли быть таковы при существованіи крѣпостнаго права; по крайней мѣрѣ элементъ козачества и общихъ крестьянскихъ возстаній былъ до того времени чуждъ крестьянскому народонаселенію Литвы. Помѣстья держались въ однихъ и тѣхъ же родахъ, старый обычай сдерживалъ наклонность къ роскоши, нравы были гостепріимныя, но простыя, а при малой предпримчивости и коммерческой смѣтливости и характеръ шляхты, еще не начиналась экономическая эксплуатація крестьянина, которая такъ сильно развилась впоследствии, въ особенности послѣ 1830 г. Такова была среда, которую поэтъ воспѣлъ потомъ въ «Панѣ Тадеушѣ». Родители Мицкевича принадлежали къ числу небогатыхъ мелкихъ помѣщиковъ и жили въ стѣсненномъ положеніи, обремененные довольно значительнымъ семействомъ. На десятомъ году Мицкевичъ поступилъ къ отцамъ-доминиканцамъ въ Новогрудокъ въ училище, въ 1812 г. онъ потерялъ отца, былъ свидѣтелемъ величайшаго событія первой четверти 19-го столѣтія, похода Наполеона на Россію. Это событіе какъ лучезарное видѣніе ослѣпило пыллага юношу и навсегда вѣзалось въ его памяти. Съ Наполеономъ шли польскіе легіонисты, бѣлые орлы рядомъ съ золотыми орлами первой имперіи, и оба эти представленія неразрывно снѣзались въ душѣ Мицкевича ²²⁾, который съ тѣхъ поръ и сдѣлался наполеонистомъ, и у котораго въ послѣдствіи, подъ конецъ его жизни, расположеніе къ Наполеону I превратилось въ мистическое обожаніе этой личности (см. Cours de littérature slave 1842 — 1843, послѣдняя лекція). Въ 1815 г. Мицкевичъ поступилъ въ виленскій университетъ, слушалъ Лелевеля, познакомился у Гроддека съ нѣмецкою критикою въ примѣненіи къ классической филологіи, очень много читалъ, начиналъ

²²⁾ O wiosno! kto cię widział wtenczas w naszym kraju
 Pamiętna wierno wojny, wojno urodzajul
 O wiosno! kto cię widział jak byłaś kwitnąca
 Zbożami i trawami a ludzmi błyszcząca,
 Obfita we zdarzeniu, nadzieją brzemieniał
 Ja ciebie dotąd widzę, piękna maro senna!....
 Ja jedną tylko wiosnę taką miałem w życiu.
 Grodzony w niewoli, okuty w powiciu.

даже писать, находя сильное сочувствие и поддержку въ кружкѣ университетскихъ товарищей. Въ то время въ Вильнѣ было много обществъ, терпимыхъ правительствомъ и преслѣдовавшихъ извѣстными литературными или нравственными цѣли. Двѣ масонскія ложи существовали съ давнихъ поръ, профессора и старые литераторы составили съ 1807 г. общество такъ называемыхъ Сорвиголовъ (Szubrawce), рационалистовъ и пуристовъ, трумавшихъ надъ туманностью нѣмецкой философіи и надъ романтическими стремленіями молодежи (Шубравцы издавали журналъ «Вѣдомости съ мостовой» — Brukowe Wiadomości); наконецъ студенты образовали съ давнихъ поръ обширную ассоціацію «Филаретовъ», съ цѣлю вспоможенія бѣднымъ и успѣшнаго занятія науками. Мицкевичъ вступилъ въ общество Филаретовъ и здѣсь сошелся очень близко съ нѣкоторыми людьми, которые потомъ сдѣлались извѣстны въ литературѣ: Иваномъ Четотомъ, собирателемъ народныхъ пѣсень, А. Э. Одыньцомъ, отличнымъ переводчикомъ иностранныхъ новелъ изъ эпохи романтизма, съ ориенталистомъ Алекс. Ходзько, съ юристомъ Францомъ Малевскимъ, въ особенности съ Томою Заномъ (род. 1795), который стоялъ во главѣ молодежи и былъ любимцемъ и оракуломъ студентовъ, ихъ законодателемъ и организаторомъ. Первые опыты поэта не обѣщали ничего особеннаго. Старѣйшее изъ извѣстныхъ стихотвореній, *Городская зима* (Zima miejska), написано въ дидактическо-описательномъ родѣ, по сильному языку и манерѣ оно напоминаетъ Трембцаго и изображаетъ зимнія удовольствія и забавы въ городѣ. Къ тому же вполне классическому роду принадлежатъ изъ позднѣйшихъ произведеній молодости Мицкевича «Шашки» (Warcaby), стихи къ Іоак. Делевелю, къ доктору С., «Господинъ Баронъ» и нѣкоторыя шуточные мѣста въ «Панѣ Тадеушѣ», гдѣ торжественность образовъ и подобій вызываетъ улыбку своей противоположностью съ простотою самаго обыденнаго содержанія. Классическій стиль былъ для Мицкевича меньше какъ игрушка; къ иной дѣятельности звали его изученіе иностранныхъ великихъ поэтовъ начала 19-го вѣка и подходящая волна романтизма, которая увлекала за собою все молодое поколѣніе. Изъ великихъ современныхъ поэтовъ на Мицкевича особенно сильное вліяніе оказали Гёте и Байронъ, напротивъ Шиллеръ дѣйствовалъ весьма слабо, что объясняется кореннымъ различіемъ народныхъ характеровъ нѣмецкаго и польскаго. И Шиллеръ и Мицкевичъ были энтузіасты; но неопредѣленная сладкая мечтательность Шиллера, его стремленіе къ добруму и прекрасному съ полнымъ сознаніемъ о неосуществимости того и другаго (о томъ, что das Dort ist nicht hier) не приставали къ славяно-польской натурѣ Мицкевича, не отдѣляющей такимъ образомъ слова и дѣла и не понимающей чисто платонической любви къ идеалу. Первый толчекъ къ самобытному творчеству дала Мицкевичу страсть къ женщинѣ безъ взаимности съ ея стороны. Еще будучи студентомъ, Мицкевичъ влюбился въ сестру одного изъ своихъ товарищей, Марію Верещака, которую родители выдали между тѣмъ замужъ за богатаго помѣщика Путкамера. Ни по возрасту, ни по состоянію Мицкевичъ

не былъ ей пара, да и по характеру едва ли онъ былъ бы съ нею счастливъ, потому что его «Марыля» была женщина спокойная, положительная; ей могъ нравиться пылкій юноша, но она его не обладеживала и охотно приняла предложенную ей приличную партію. Этотъ бракъ случился въ то время, когда Мицкевичъ опредѣленъ былъ учителемъ латинскаго и польскаго языковъ въ уѣздное училище въ Ковнѣ. Тогда и обнаружилась главная черта психическихъ свойствъ Мицкевича, необыкновенная, мужественная чувствительность, дѣлающая его способнымъ ощущать несравненно сильнѣе другихъ и радость и горе. Его энтузіазмъ для всякой великой идеи былъ пламенный, сильный, потрясающій всѣ нервы, напрягающій всѣ мышцы воли—настоящій орлиный полетъ гения, направляемый вѣрою въ достиженіе даже несбыточнаго и невозможнаго. Такова его ода къ юности, сдѣлавшаяся марсельезою молодого поколѣнія: «Кто, бывъ ребенкомъ, въ колыбели обезглавилъ гидру, тотъ возмужавъ задавитъ кентавровъ, исторгнетъ жертвы у ада, взойдетъ на небо за лаврами. Бери, чего взоръ не обнимаетъ, ломи, чего разумъ не сломить. О юность! орлиная сила въ твоихъ крыльяхъ и грому подобна твоя рука!—Друзья, рука въ руку, давайте опояшемъ одною цѣпью весь шаръ земной, соединимъ мысли и духъ нашъ въ одинъ фокусъ!.. Впередъ, впередъ, мѣръ-громада, мы толкнемъ тебя на новые пути; освободившись отъ заплѣснѣвшей коры, ты вспомнишь зеленые года»²³⁾. Мицкевичъ не умѣлъ совладать съ своимъ вдохновеніемъ; въ минуты, когда по выраженію друга его Пушкина, «быстрый холодъ вдохновенія подымалъ у него волосы на челѣ», Мицкевичъ обращался въ вѣщую Пшеію, въ древняго засег *vates*, пламенющаго божественнымъ огнемъ. Сраженный горемъ, онъ впадалъ въ отчаяніе, доходившее до безумія. Одынецъ рассказываетъ, что когда онъ навѣстилъ Мицкевича въ Ковнѣ вскорѣ послѣ выхода замужъ Маріи Верещака, то Мицкевичъ, читая ему свой переводъ Чайльд-Гарольдова прощанія, пришелъ въ такое волненіе при словахъ: *Czegoż tam płakać za kim i po kim, kiedy nikt po mnie nie płacze*,—что упалъ въ обморокъ. Впрочемъ отчаяніе Мицкевича имѣло характеръ активный, оно не высказывалось въ пассивной тоскѣ, но разражалось воплемъ раненаго, про-

²³⁾ Dzieckiem w kolebce kto łeb urwał hydrze,
 Młodzieńcem zdusi Centaury,
 Ten piekłu ofiarę wydrze
 Do nieba sięgnie po laury!
 Tam sięgaj—gdzie wzrok nie sięga;
 Łam—czego rozum nie złamie.
 Młodości, orla twych lotów potęga
 Jako piorun twoje ramie!
 Hej! ramie do ramienia! spólnemi łańcuchy
 Opaszmy ziemskie kolisko!
 Zestrzelmy myśli w jedno ognisko,
 I w jedno ognisko duchy!...
 Dalej z posad, bryło światła!
 Nowemi się pchniemy tory,
 A spleśniałej zbywszy się kory
 Zielone przypomnisz lata,

тестомъ, жаждою мести, крикомъ бойца, не сдающагося даже въ минуту смерти. Ни у кого страданіе не было въ такой степени плодотворно, производительно; по мѣрѣ того, какъ утихали первыя судороги раздраженнаго чувства, изъ наболѣвшаго сердца выливались чудныя произведенія, отличающіяся неподражаемою свѣжестью и непосредственностью чувства. Поэтъ зналъ за собою этотъ даръ и изобразилъ его въ одномъ изъ крымскихъ сонетовъ, подъ заглавіемъ «Аюдагъ»²⁴). Страсть, мучившая Мицкевича, была глубокая и продолжительная; девять лѣтъ спустя (1829), послѣ множества пережитыхъ событій, его преслѣдовалъ еще въ Альпахъ образъ любимой женщины²⁵). На первыхъ порахъ въ Ковнѣ онъ жилъ уединенно, мрачнымъ и нелюдимомъ, потомъ онъ написалъ два капитальныя произведенія перваго періода своего творчества, *Поминокки* (*Dziady*) и *Гражину*. Въ католической церкви день 2 ноября посвященъ памяти умершихъ предковъ. По обычаю, восходящему ко временамъ язычества и сохраняющемуся не смотря на противодѣйствіе со стороны духовенства, простой народъ собирается въ этотъ день на кладбищѣ, ставитъ на могилахъ яствы и напитки и угощаетъ ими мертвецовъ. На этой основѣ поэтъ построилъ обширное произведеніе, въ нѣсколькихъ частяхъ, изъ которыхъ первая и до сихъ поръ не издана (нѣкоторые отрывки помѣщены въ парижскомъ полномъ собраніи сочиненій Мицкевича 1860, т. 3-й), а вышли въ свѣтъ сначала только части вторая и четвертая. Вторая часть «Поминокъ» представляетъ въ лицахъ простонародный обрядъ. Толпа собралась, тайкомъ отъ епископа, въ развалинахъ старой церкви, ночью; главное дѣйствующее лицо, гуслирь-знахарь, вызываетъ по очереди духовъ, блуждающихъ за грѣхи свои между небомъ и землею; когда ни молитвы, ни яствы, ни питья не помогаютъ страданіямъ того или другаго приниждвія, тогда гуслирь гонитъ ихъ прочь

²⁴) Podobnie na twe serce, o poeto młody,
Namiętność często groźne wzburza niepogody,
Lecz gdy podniesiesz bardon, ona bez twej szkody
Ucieka w zapomnienia pograżyć się toni
I nieśmiertelne pieśni za tobą uroni,
Z których wieki upłotą ozdobę twych skroni.

(И въ твоёмъ сердцѣ, молодой поэтъ, страсть возбуждаетъ часто грозныя ненастья. но когда ты подымаешь лиру, она, не причинивъ тебѣ вреда, бѣжитъ погрузиться въ забвеніе и ропяетъ за собою бессмертныя пѣсни. — вѣка слетутъ изъ нихъ вѣнокъ и украсятъ имъ твое чело).

²⁵) Nigdy więc, nigdy z tobą rozstać się nie mogę!
Morzem płyniesz i lądem idziesz zemna w drogę,
Na lodowiskach widzę błyszczące twe ślady,
I głos twój słyszę w szumie alpejskiej kaskady:
I włosy mi się jeża, kiedy cię oglądam.
I postać twą widzieć lękam się i żądam.

(И такъ я не могу разстаться съ тобой: ты слѣдуешь за мною и на морѣ и на сушѣ; твои блестящіе слѣды вижу я на ледникахъ и слышу голосъ твой въ шумѣ альпійскаго водопада; волосы становятся у меня дыбомъ, когда я вижу тебя; я и боекъ и жельвъ созерцать твое лицо).

знаменіемъ креста и молитвой. Въ четвертой части сцена дѣйствія перенесена въ домъ ксендза; ксендзь собирается уминать съ дѣтми, входитъ въ странномъ нарядѣ отшельникъ, въ которомъ ксендзь узнаетъ потомъ бывшаго любимаго ученица своего Густава. Густавъ помѣшанъ; безсвязныя рѣчи его и костюмъ вызываютъ смѣхъ дѣтей, но изъ нихъ брызжутъ слезы и кровь. Густавъ страстно влюбился въ женщину, которая играла съ нимъ и отдалась другому; онъ не можетъ вынести сердечной муки и рѣшается наложить на себя руки. Потомъ, когда онъ пронзилъ себя кинжаломъ, оказывается, что онъ пришлецъ съ того свѣта, духъ, которому въ наказаніе за грѣхи суждено ежегодно опять переживать для назиданія и предостереженія живущихъ всё тѣ страданія, которыя онъ испыталъ передъ смертію. Быть можетъ ли у кого со временъ Шекспировскаго Ромео и Джульетты любовь къ женщинѣ не выражалась такъ нѣжно и страстно, и виѣсть такъ просто и естественно. Въ «Гражинѣ» Мицкевичъ доказалъ, что кромѣ удивительнаго лиризма, онъ обладаетъ и сильнымъ эпическимъ талантомъ. Сюжетъ взятъ изъ исторіи той старой языческой Литвы, которой каменные развалины торчатъ до сихъ поръ по берегамъ Нѣмана и Вилин, иззубренные мечами монаховъ-рыцарей тевтонскаго ордена. Задача состояла въ томъ, чтобы представить геройскій типъ женщины Литовки, которая цѣною собтвенной жизни спасаетъ край свой отъ Нѣмцевъ, а мужа своего князя новогрудскаго Литавора отъ измѣны родному племени, которую онъ готовъ былъ совершить, призывая Нѣмцевъ противъ князя Витовта. Стихотворенія Мицкевича изданы въ свѣтъ въ двухъ томахъ, въ 1822 и 1823 г.; слава поэта распространилась; пѣвца любилъ любилъ и ласкали дамы, товарищи по университету навѣщали его въ Ковнѣ, поддавались обаянію его пылкой, эмергической природы, онъ самъ дѣлалъ частыя поѣздки въ Вильно, куда окончательно переселился въ 1823 году. Здѣсь онъ охотно нировизировалъ въ кружкѣ друзей, при звукахъ музыки, за бокаломъ вина. Это была самая счастливая пора его жизни. Ее прервало событіе, которое сильно потрясло его, дало новый строй его чувствамъ, и его мыслямъ новое направленіе, которому онъ остался вѣренъ до конца жизни. Въ Вильно пріѣхалъ Новосильцевъ, между студентами начались аресты. Новосильцевъ игралъ ту же роль въ Вильнѣ, какую Магницкій въ Петербургѣ и въ Казани. Преслѣдованіе тайныхъ обществъ и студенческихъ ассоціацій въ Германіи послѣ убійства Коцебу въ 1819 г., отразилось рикшетомъ и въ русской административной средѣ; къ подозрѣнію въ вольнодумствѣ присоединились подозрѣнія въ національномъ недоброжелательствѣ. Ассоціація Филаретовъ, закрытая въ 1822 г. и продолжавшая существовать въ тайнѣ, слѣдалась предметомъ слѣдствія, къ которому привлечено было множество лицъ, за дѣянія, совершенныя до запрещенія указомъ 1822 г. всякихъ обществъ и ассоціацій. Мицкевичъ, арестованный въ ноябрѣ 1823. содержался въ тюрьмѣ до октября 1824 г.; свое тогдашнее перерожденіе онъ выразилъ въ составленной изъ тюремныхъ воспоминаній третьей ча-

сти «Поминокъ», въ той сценѣ, гдѣ узникъ ищетъ углемъ на стѣнѣ: *Gustavus obiit MDCCLXXXIII calendis novembris. — Natus est Conradus.* Юноша сталъ мужемъ, струны любви порвались и замолкли, одно глубокое чувство воцарилось безраздѣльно въ душѣ поэта—привязанность къ родной странѣ, къ обществу, изъ котораго онъ выросъ. Этими чувствами вдохновлены три величайшія произведенія Мицкевича: *Конрадъ Валленродъ*, третья часть *Поминокъ* и *Шань Тадеушъ*. Русской публикѣ хорошо извѣстенъ «Валленродъ» изъ нѣсколькихъ русскихъ переводовъ поэмы, и это избавляетъ меня отъ необходимости передавать подробно ея содержаніе ²⁶⁾.

Поэма исполнена недостатковъ въ частности; широкой колоссальной планъ, по которому она задумана, не выполнена какъ слѣдовало. Мораль произведенія весьма опасная; она столь же сомнительна, какъ и тотъ эмигрантъ, взятый изъ *Макіавелли*, которымъ поэма помѣчена: *Sono due generazioni di combattere; bisogna essere volpe e leone.* Такія положенія вообще похожи на тѣ обоюдоострыя орудія, которыми порѣжетъ себя прежде всего рука, хватающаяся за нихъ для употребленія ихъ въ дѣло. Если устранимъ эту нравственную сторону задачи и посмотримъ на поэму съ точки зрѣнія художественной, то и здѣсь насъ поразитъ невыдержанность характеровъ, отсутствіе объективности, приписываніе историческимъ лицамъ невозможныхъ мыслей и чувствъ, свойственныхъ людямъ 19-го столѣтія, но никакъ не среднихъ вѣковъ. Дѣйствіе идетъ скачками, многое интересное не досказывается и едва обозначено, какъ наприимѣръ походъ ордена на Литву; старый Альфъ, носящій подложное имя Валленрода и званіе великаго магистра, мужъ крови и дѣла, въ которомъ замерли всѣ чувства кромѣ непримиримой ненависти къ ордену, сентиментальничаетъ съ неменѣе пошлою Альдоною, и возвратившись изъ похода, въ которомъ онъ извелъ нѣмную тысячу Нѣмцевъ, рассказываетъ ей и о павшихъ ковчешаго замка, и о аллеяхъ изъ вербъ, и о цвѣткахъ любимой долины, какъ будто нашъ современникъ, анализирующій по кусочкамъ свои представленія и мысли. Сѣдая Альдона кокетливо отказывается выйти изъ своей башни и бѣжать съ Альфомъ, боясь, чтобы мужъ не разлюбилъ ее, увидавъ, что она стара и безобразна. Всѣ эти странности и анахронизмы забываются при созерцаніи исполинской фигуры Альфа въ минуту, когда съ величавымъ презрѣніемъ онъ складаетъ съ лица маску лицемерія и, попявъ ногами магистерскій крестъ, сбѣгаетъ страшнымъ сбѣгомъ утоленной ненависти.

«Вотъ грѣхи моей жизни!... я готовъ умереть: что же вы еще хотите? вы требуете отъ меня отчета по должности? Посмотрите на тысячи погибшихъ, на города въ развалинахъ, на выжженные владѣнія... Слышите

²⁶⁾ Русскіе переводы Шершеневича въ «Современникѣ» 1858, Бенедиктова и другихъ.

вихорь, онъ мчитъ тучи снѣга, тамъ замерзаютъ остатки вашей рати! Слышите, воютъ стада голодныхъ псовъ... Они грызутся надъ остатками шра!... Все это я сдѣлалъ, я великъ и гордъ; столюне головъ у гидры отсѣлъ я однимъ ударомъ; подобно Самсону потрясши одинъ столбъ, я разрушилъ все зданіе и гибну подъ его обломками!...²⁷⁾. «Валленродъ» представляетъ величественный апотеозъ силы воли. Мицкевичъ писалъ его во время своихъ странствованій по Россіи. Въ октябрѣ 1824 отправленный съ товарищами въ Петербургъ, онъ былъ по собственному желанію высланъ въ Одессу для опредѣленія профессоромъ въ римшельевскій лицей, но этотъ проектъ не осуществился, по менѣнью вакантныхъ кафедръ. Мицкевичъ пребылъ безъ всякихъ занятій девять мѣсяцевъ въ Одессѣ, побывалъ въ Крыму, оттуда вывезъ впечатлѣнія для своихъ *Крымскихъ сонетовъ* и *Фариса*, въ которыхъ врожденная ему торжественность и важность превосходно мирится съ богатствомъ красокъ, роскошью и гиперболизмомъ востока. Изъ Одессы онъ былъ переведенъ въ концѣ 1825 г. въ Москву, гдѣ и зачисленъ на службу въ канцелярію военного генералъ-губернатора. Многія лица изъ высшаго русскаго общества заинтересовались молодымъ польскимъ поэтомъ; княгиня Зинаида Волконская взялась ему покровительствовать. Когда въ 1828 г. Мицкевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, передъ нимъ открылись аристократическіе салоны, онъ подружился съ Пушкинымъ, и нашелъ самый радушный пріемъ у Поляковъ, осѣдлыхъ въ столицѣ. Здѣсь онъ познакомился съ семействомъ знаменитой пианистки Маріи Шимановской, на дочери которой Сэлинѣ, въ то время малюткѣ, онъ и женился пятнадцать лѣтъ спустя. Близорукіе люди упрекали поэта въ глѣнь и эгоизмъ; самымъ лучшимъ отвѣтомъ на то было петербургское изданіе «Валленрода», 1828. Основная мысль поэмы не могла ускользнуть отъ болѣе прозорливыхъ глазъ, вслѣдствіе чего дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось для поэта неудобнымъ и неприятнымъ. Стараніями княгини Волконской онъ получилъ заграничный паспортъ и отплылъ изъ Кронштадта 25 іюня 1829, чтобы никогда уже не возвращаться въ Россію, сопровождаемый другомъ своимъ Одынцомъ. Въ Берлинѣ путешественники познакомились съ познанскимъ поэтомъ и гегелианцемъ Стефаномъ Гарчиньскимъ (1806—1833), поклонившись въ Веймарѣ старику

²⁷⁾ Oto są grzechy mojego żywota!
 Gotowem umrzeć; czegoż chcecie więcej?
 Z urzędu mego chcecie słucać sprawy:
 Patrzcie na tyle zgubionych tysięcy,
 Na miasta w gruzach, w płomieniach dzierzawy!
 Słyszycie wicher? pędzi chmury śniegów:
 Tam marzną waszych ostatki szeregów!
 Słyszycie? wyją głodnych psów gromady—
 One się gryzą o resztki biesiady!
 Ja to sprawiłem! takim wielki, dumny;
 Tyle głów hydry jeduym ściąć zamachem,
 Jak Samson—jednym wstrząśnieniem kolumny
 Zburzyć gmach cały i runąć pod gmachem!...

Гете и через Швейцарію и Альпы пробрались въ Италію, которую изъѣздили вдоль и поперегъ. Зиму съ 1830 на 1831 г. Мицкевичъ провель въ Римѣ, вдохновляясь памятниками прошедшаго и прислушиваясь издали къ вспыхнувшему 29 ноября 1830 г. польскому движенію. Вѣроятно подѣ впечатлѣніемъ этой борьбы онъ и началъ писать третью часть «Поминокъ», и составляющій приложеніе къ нимъ отрывокъ «Петербургъ», посвященный друзьямъ-Москалямъ (оба произведенія изданы въ Парижѣ, 1833). Герой третьей части «Поминокъ», Конрадъ (т. е. самъ Мицкевичъ), принадлежитъ къ той же породѣ дерзкихъ титановъ, ведущихъ бой съ Олимпомъ, какъ Фаустъ Гете и Манфредъ Байрона. Конрадъ не пресытился жизнью подобно Манфреду; онъ не извѣрился подобно Фаусту вслѣдствіе пылливости всеразлагающаго ума. Онъ стоитъ на почвѣ христіанскаго міросозерцанія; передъ нимъ носится образъ библейскаго личнаго Бога, окруженнаго мириадами безплотныхъ духовъ. Въ реальномъ существованіи этого невидимаго міра Мицкевичъ убѣжденъ; вотъ почему онъ серьезенъ и никогда не является насмѣшникомъ, какъ Байронъ, никогда не издѣвается надъ божественнымъ. Но Конрадъ поднимаетъ до богохульства доходящій протестъ противъ сущаго во имя чувства, оскорбляемаго слезами и кровью, несправедливостью и страданіями миллионовъ людей.

Пребываніе въ Римѣ въ 1831 было важно для Мицкевича и въ другомъ отношеніи; общество, въ средѣ котораго онъ жилъ, было очень разнообразно: его короткіе знакомые этой эпохи были Гарчинскій, писавшій философскую поэму «Вацлавъ», Монталамберъ, Жаменнэ, княгиня Волконская, всевѣдъ Холоневскій и въ особенности графъ Генрихъ Ржевускій (род. 1791), который по своимъ фамиліальнымъ связямъ и преданіямъ и по своей обширной памяти служилъ, можно сказать, живою лѣтописью лицъ и событій старой Польши, о которыхъ свѣдѣнія онъ заимствовалъ изъ первыхъ рукъ и которыя онъ описывалъ и рассказывалъ съ поразительнымъ талантомъ. Сближеніе обоихъ этихъ писателей подѣйствовало плодотворно на каждого изъ нихъ. Ржевускій по совѣту Мицкевича взялся за перо и написалъ свои превосходныя «Записки Соплицы» (*Pamiętniki Jana Seweryna Soplicy*). Прошедшее представилось Мицкевичу съ новой стороны; онъ убѣдился, что для исторической поэмы незачѣмъ рыться въ старо-литовскихъ хроникахъ, достаточно посмотреть сквозь призму лѣтъ издавекъ на свои собственные юношескія воспоминанія, взять за основу шляхетское прошлое, слишкомъ презираемое и оклеветанное за то именно, за что бы его слѣдовало хвалить, а не порицать, однимъ словомъ снять только съ этого прошедшаго заслоняющую его кору буржуазныхъ воззрѣній, насловившихся въ 18-мъ столѣтіи. Подѣ вліяніемъ этой мысли Мицкевичъ написалъ свой знаменитый эпосъ въ двѣнадцать книгъ «Палъ Тадеушъ», изображающій жизнь и бытъ польской Литвы до 1812 г. Главную основу поэмы составляетъ тяжба двухъ домовъ, Соплицовъ и Горешковъ, оканчивающаяся тѣмъ, что враждующіе мирятся при появленіи наполеоновскихъ

полчищъ и польскихъ легионовъ. Характерныя, усатыя лица застѣпковой шляхты и графъ Горешко—чудакъ и романтикъ, сельская дѣвушка Зося и кокетка Телимена, наполеоновскій эmissарь, монахъ Робакъ, и два русскіе офицера варшавяны смѣлою кистью; рассказъ разнообразится удивительными по красотѣ и точности описаніями литовской природы и прерывается иногда лирическими страницами, въ которыхъ изгнанныкъ изливаетъ свою любовь къ далекой и недоступной для него родинѣ: «Сегодня для насъ, непрощенныхъ гостей, въ цѣломъ прошедшемъ и цѣломъ будущемъ осталась одна только страна, которая хранить крошку счастья для Поляка: край дѣтскихъ лѣтъ!... онъ останется навсегда святъ и чистъ какъ первая любовь, невозмущаемый воспоминаніями ошибокъ, неподдаваемый иллюзіями надежды, неизмѣняемый потокомъ событій. Я бы радъ привѣтствовать мыслью ту страну, гдѣ я рѣдко плакалъ и никогда не скрежеталъ зубами; гдѣ бѣгалъ я по свѣту точно по лугу, зная одни только маленькіе и красивые цвѣты, бросалъ ядовитые и не обращалъ вниманія на полезные»... ²⁸⁾).

«Когда же Господь Богъ дастъ намъ вернуться изъ скитаній, поселиться на отцовской нивѣ и служить въ конницѣ, которая воюетъ съ зайцями, или въ пѣхотѣ, которая стрѣляетъ дичь, не зная иной аммуниціи, кромѣ косы и серпа, и иныхъ газетъ, кромѣ домашнихъ счетовъ» ²⁹⁾.

Мицкевичъ началъ писать «Пана Тадеуша» въ Познаніи, которую онъ посѣтилъ осенью 1831, по совершенномъ уже подавленіи польскаго возстанія; кончалъ эту поэму въ 1834 г. въ Парижѣ, гдѣ онъ поселился съ 1833. Немного раньше онъ издалъ въ Авиньонѣ, гдѣ на рукахъ его скончался Гарчинскій, «Книгу польскаго пилигримства», родъ эмигрантскаго

²⁸⁾ Dziś dla nas w świecie nie-proszonych gości,
W całej przeszłości i w całej przyszłości,
Jedna już tylko dziś kraina taka,
W której jest trochę szczęścia dla Polaka:
Kraj lat dziecinnych!... on zawsze zostanie
Święty i czysty, jako pierwsze kochanie.
Niezaburzony błędów przypomnieniem,
Niepodkopany nadziei złudzeniem,
Ani zmieniony wypadków strumieniem,
Te kraje radbym myślami powitał
Gdzie rzadko płakał, a nigdy nie zgrzytał:
Kraje dzieciństwa, gdzie człowiek po świecie
Biegł jak po łące, a znał tylko kwiecie
Małe, i piękne, jadowite rzucił
Ku pożytecznym oka nieodwrócił.

(Вступленіе къ «Пану Тадеушу», въ варшавскомъ изданіи 1860).

²⁹⁾ Kiedyż nam Pan Bóg wrócić z wędrowki dozwoli
I znowu dom zamieszkać na ojczystej roli,
I służyć w jeździe która wojuje szaraki,
Albo w piechocie, która nosi broń na ptaki,
Nieznac innych prócz kopy i sierpa ryzsztunkow
I innych gazet oprócz domowych rachunkow.

profession de foi и евангелія, которая послужила образцомъ для Ламенне въ «Paroles d'un croyant».

Удаленіе изъ отечества оказало свое неизбѣжно-неблагопріятное вліяніе на творчество поэта, лишая его возможности освѣжаться новыми впечатлѣніями и слѣдить за переиѣнами, происходящими въ средѣ польскаго общества на родной почвѣ. Къ тоскѣ по родинѣ присоединились еще семейныя хлопоты. Слыша похвалы дѣвицѣ Солинѣ Шимановской, которую онъ оставилъ ребенкомъ въ Петербургѣ, Мицкевичъ проговорился передъ друзьями, что онъ бы радъ на ней жениться; друзья устроили дѣло, вызвали Солину въ Парижъ; свадьба отпразднована была въ августѣ 1835, за свадьбою пошли дѣти, заботы о насущномъ хлѣбѣ. Въ 1839 Мицкевичъ поступилъ на кафедру латинской словесности въ лозанской академіи, въ 1840 правительство Луи-Филиппа предложило ему преподаваніе славянскихъ литературъ въ Collège de France, которому онъ и посвятилъ себя исключительно съ 1840 по 1844 годъ. Исторія этого курса есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія умственного паденія Мицкевича; тогда-то въ немъ развились и созрѣли тѣ задатки мистицизма, которые существовали изначала и коренились въ особенностяхъ его психической организаціи. У Мицкевича надъ всѣми способностями души преобладало чувство; съ ранней молодости ³⁰⁾ онъ ставилъ истиннѣе сердца выше разума и при выкѣ предаваться ему съ вѣрою въ его всемогущество ³¹⁾. При такомъ настроеніи естественно было, что Мицкевичъ выше всего поставилъ наконецъ вдохновеніе, далъ повѣстическому непосредственному созерцаію истины (intuitio) первенство передъ копотливою работою размышляющаго и методически отвлекающаго разума. Въ то время въ Парижѣ появился нѣкто Товяньскій, полушарлатанъ, мистикъ съ религіознымъ ученіемъ, которое во многомъ отклонялось отъ преданій католической церкви. Мицкевичъ, сдѣлавшись однимъ изъ ревностѣйшихъ послѣдователей Товяньскаго, изъ профессора превратился въ проповѣдника и пророка, изъ кафедры сдѣлалъ орудіе ре-

³⁰⁾ Martwe znasz prawdy nieznane dla ludu,
Widzisz świat w proszku, w każdej gwiazd iskierce
Nie znasz praw żywych, niezobaczysz cudu!
Miej serce i patrzaj w serce!...
(Romantyczność — изд. 1822).

³¹⁾ Człowieku, gdybyś wiedział jaka twoja władza,
Kiedy myśl w twojej głowie, jako iskra wechmurze.
Zabłyśnię niewidzialna, obłoki zgromadza,
I tworzy deszcz rodzący, lub gromy i burze;
Gdybyś wiedział że ledwie j dną myśl rozniecisz,
Już czekają w milczeniu, jak gromu żywioty,
Tak czekają twej myśli Szatan i anioły:
Czy ty w piekło uderzysz, czy w niebie zaświecisz;
A ty jak obłok górny, ale błędny pałasz,
I sam niewiesz gdzie lecisz, sam niewiesz co działaš...
Ludzie! każdy z was mogłby, samotny; więziony,
Myślą i wiarą zwać i podzwigać trony.

(Прологъ 3-й части «Поминчокъ».)

лигивной пропаганды, сталъ предрекать пришествіе новаго Мессіи, котораго предтечею онъ сталъ называть Наполеона I. Прямымъ послѣдствіемъ такого образа дѣйствій была потеря мѣдры въ Collège de France. Династія Наполеонидовъ воцарилась въ самомъ дѣлѣ во Франціи послѣ февральской революціи; когда возгорѣлась крымская война, то всѣ давнишнія надежды, которыми поэтъ возлагалъ на Францію, ожили въ немъ, чего печальнымъ доказательствомъ служитъ «Ode in Borussiaeque carminis ad Napoleonem III Caesarem Augustum», и поѣздка поэта въ Константинополь съ порученіемъ отъ французскаго правительства содѣйствовать образованію польскихъ легионовъ въ Турціи. Труды путешествія и лишенія лагерной жизни ускорили кончину Мицкевича. Онъ умеръ 28 ноября 1855 въ Константинополь, погребенъ въ Монмранси близъ Париза.

На Мицкевичѣ намъ приходится кончить обзоръ польской литературы въ 19-мъ столѣтіи. Мицкевичъ служилъ звѣномъ соединенія этой литературы съ литературою русскою. Послѣ него всякія связи между обѣими литературами прекращаются и каждая идетъ своимъ путемъ, не зная о направленіи и стремленіяхъ оной единоплеменницы. Событія 1831 года сдѣлали надолго всякое общеніе невозможнымъ и произвели еще слѣдующую чрезвычайно важную по своимъ послѣдствіямъ перемѣну. Главный центръ литературной дѣятельности переносится за границу. На родной почвѣ, въ бывшихъ польскихъ владѣніяхъ и въ земляхъ подчиненныхъ русской державѣ, польская литература прозябаетъ слабо и даетъ плоды рѣдкіе и малосочные. За то между эмиграціею польскою во Франціи появляется цѣлая плеяда замѣчательныхъ поэтовъ и прозаиковъ, которые, пользуясь совершенною свободою дѣйствія, даютъ тонъ цѣлой польской литературѣ, не испытывая никакого противодѣйствія, и сообщаютъ ей, начиная съ 1821 и до послѣднихъ временъ, то революціонное направленіе, которымъ были отчасти подготовлены послѣднія событія. Произведенія эмиграціонной печати ускользаютъ отъ нашего анализа по невозможности высказать ихъ оцѣнку съ совершеннымъ безпристрастіемъ. Укажемъ только главнѣйшихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, потомъ перечислимъ писателей не эмигрантовъ, работавшихъ въ Познани, Галиціи, Краковѣ, Варшавѣ, Царствѣ Польскомъ и Россіи.

Эмиграція 1831 года считала въ своихъ рядахъ множество первостепенныхъ талантовъ: по исторіи Делевеля, по политикѣ замѣчательно талантливаго Мавркія Мохнацкаго (1804—1834), который написалъ исторію польскаго движенія 1830 г. (въ 2-хъ томахъ; начатой, но неоконченный трудъ), а еще прежде возстанія, 1830 приобрѣлъ извѣстность сочиненіемъ «о польской литературѣ въ 19-мъ столѣтіи», 1830. Къ группѣ знаменитыхъ поэтовъ, состоящей изъ Мицкевича, Загѣскаго, Гоциньскаго, присоединились новые. между которыми первое мѣсто занимаютъ Красинскій и Словацкій. Сигизмундъ Красинскій (1813—1859), аристократъ и римскій католикъ, сердцемъ былъ привязанъ и къ политическимъ и религиознымъ идеаламъ прошедшаго, но умомъ понималъ, что эти идеалы

разбиты и что выработывающийся новый мир никогда къ нимъ не возвратится. Поэтъ разваливъ, онъ выразилъ свою трагическую скорбь о прошедшемъ и изобразилъ борьбу непривлекательнаго новаго съ великимъ, но омертвѣвшимъ прошлымъ въ цѣломъ рядѣ философско-символическихъ драмъ на манеръ Каульбаховой живописи, изъ которыхъ самыя замѣчательныя двѣ: *Иридіонъ* и *Небожественная комедія*. Въ «Иридіонѣ», драмѣ изъ римской жизни время Геліогабала, тема та же, какъ и въ «Валленродѣ» Мицкевича, но задачѣ дается совсѣмъ иное рѣшеніе. Иридіонъ, сынъ мести, гибнетъ самъ, не успѣвъ разрушить ненавистный ему Римъ; на развалинахъ Рима торжествуетъ не онъ, а христіанство. Въ «Небожественной комедіи» изображается кровавая побѣда черни, совершающей социальную революцію во имя насущнаго хлѣба и устраняющей по своему безъ замковъ и церквей, безъ заботы о другихъ потребностяхъ человѣка кромѣ матеріальныхъ. Страдающій отъ предчувствуемой социальной революціи, поэтъ находитъ успокоеніе въ мистической вѣрѣ въ великое будущее назначеніе своего народа. Этими чувствомъ одушевлены его лирическія поэмы, каковы *Разсвѣтъ* (Przedświt), *Псалмы будущаго* и др.—Юлій Словацкій (1809—1849, сынъ Евсеція Словацкаго, профессора словесности въ вилнскомъ университетѣ) имѣетъ почти такое же значеніе въ литературѣ польской, какое Гейне въ нѣмецкой и Байронъ въ европейской. Онъ одаренъ огненнымъ и въ высшей степени подвижнымъ воображеніемъ, способнымъ создавать идеалы, и ѣдкою чытроуміемъ, либого и ничего нещалящимъ, съ которымъ онъ осмѣливаетъ всѣ идеалы и кумиры, всѣ произведенія собственной фантазіи, а наконецъ и самого себя. Лучшая драма Словацкаго—*Мазепа*, а изъ повѣй—начатый и неоконченный эпосъ *Беньовскій*, въ родѣ байроповскаго Донъ-Жуана. Изъ второстепенныхъ поэтовъ и прозаиковъ эмиграціи, старой и новой, заслуживаютъ быть упомянутыми: легионистъ баснописецъ Антонъ Горецкій, Стефанъ Витвицкій, другъ Краснянскаго, Константинъ Гашиньскій, Эдмундъ Хойецкій, мистикъ секты Товяньскаго Карлъ Балльнскій, Сигизмундъ Милковскій, Киприанъ Норвидъ, Михаилъ Чайковскій, родомъ изъ Украины (отуречившійся въ послѣдствіи и извѣстный нынѣ подъ именемъ Задыгъ-Паши), ополгилъ козачество Украини и ея преданія въ своихъ украинно-польскихъ повѣстяхъ. Изъ современныхъ молодыхъ лириковъ польскихъ за границею больше другихъ славится проживающій во Флоренціи Теофилъ Ленартовичъ; впрочемъ въ его сладенькихъ религіозно-сельскихъ произведеніяхъ нельзя не замѣтить манерность и упадокъ искусства. Эмиграція имѣла своего философа въ лицѣ Бронислава Трентовскаго, жившаго во Фрейбургѣ in Breisgau, который знакомилъ ее съ результатами гегелевой философіи. Пальма литературной критики нынѣ принадлежитъ безспорно талантливому Юліану Клячкѣ (еврею по происхожденію).

Изъ бывшихъ польскихъ земель всего менѣе производительна была Познань. Стефанъ Гарчинскій, общавшій много, умеръ преждевременно въ

1833. Изъ поэтовъ можно назвать только Франца Моравскаго (1785 — 1861). Распространенію гегелевой философіи много содѣйствовали Карлъ Либельтъ, Августъ Цѣшковскій; исторіею занимался Андрей Морачевскій (1802—1855). Вольный городъ Краковъ произвелъ замѣчательнаго по свѣжести лирика Эдмунда Василевскаго. Въ Царствѣ Польскомъ литературная дѣятельность сосредоточилась вокругъ ежемѣсячнаго журнала «Варшавская Библіотека», основаннаго въ 1841 году. Большія услуги по изданію этого органа оказалъ археологъ Владиславъ Казимиръ Войцицкій, собиратель сказокъ, поговорокъ, народныхъ легендъ и пѣсенъ. Здѣсь начали въ сороковыхъ годахъ свое поприще эмигрировавшіе впоследствии Ленартовичъ, Норвидъ, Хойецкій, а изъ оставшихся Романъ Эморскій, Владиміръ Вольскій, Антонъ Чайковскій. Юмористъ Августъ Вильконьскій, родомъ изъ Познани, поселившійся въ Варшавѣ, бичевалъ остроумно общественныя слабости и пороки (*Wamoty i Wamotki*, 4 t.). Въ литовскихъ западныхъ губерніяхъ имперіи работали понемногу послѣ 1830 г. сверстники и товарищи Мицкевича А. Е. Одыяецъ, который сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ создать историческую драму (*Felicyna, Wargata Radziwiłłówna, Jerzy Lubomirski*); Юліанъ Корсакъ (+1860), который перевелъ весьма старательно Божественную комедію Данта; Игнатій Ходзько (+1861), авторъ прелестныхъ «Литовскихъ картинокъ» — цѣлаго ряда разсказовъ и повѣстей, взятыхъ изъ свѣжихъ преданій и изъ собственныхъ воспоминаній разсказчика (*Brzegi Wilji, Pamiętniki Kwestogza, Domek na Antokolu*). Умственная дѣятельность страны пришла послѣ 1831 г. въ застой, изъ котораго старался ее вывести Іосифъ Игнатій Крашевскій (род. въ 1812), публицистъ и историкъ, поэтъ, критикъ и новеллистъ. Крашевскій писалъ за десятилетіе, «Исторію Города Вильно», путешествія, драмы, эпосъ изъ старо-литовскихъ языческихъ преданій *AnaŃieliasz* (въ 3-хъ частяхъ: *Witologauda, Mindows, Witoldowe boje*), издавалъ въ Вильнѣ журналъ «Атеней». Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Крашевскій переселился на Волынь, а въ началѣ шестидесятыхъ въ Варшаву. Онъ издалъ болѣе полтораста повѣстей и романовъ и изобразилъ съ точностью фотографіи множество типовъ современнаго общества. Значительно позднѣе Крашевскаго, въ концѣ сороковыхъ годовъ, появился поэтъ необыкновенно плодовитый, Людвигъ Кондратовичъ, писавшій подъ псевдонимомъ Владислава Сырокомли (1822 — 1862). Кондратовичъ брался за всѣ роды поэзіи, но онъ достигъ до высокаго совершенства только въ одномъ, а именно въ такъ называемыхъ «гавендахъ» или мелкихъ разсказахъ изъ быта бѣдной шляхты и простого народа. Въ эпическомъ родѣ онъ занимаетъ почти такое же мѣсто, какое Ленартовичъ въ лиричѣ религиозной; читая его, удивляешься граціозности картинокъ, но чувствуешь, что у литовскаго поэта вывѣтрилось изъ пѣсни все великое, грандіозное, пропали самородки золота, остались одни крупинки и мишура. Кондратовичъ израсходовалъ свой талантъ по мелочамъ и безпутною живнью ускорилъ

свою кончину. Къ поэтамъ литовскимъ слѣдуетъ причислить Эдуарда Желговскаго, написавшаго подъ псевдонимомъ Антона Сова въ сороковыхъ годахъ драматическую фантазію «Юрданъ»; фантазія эта подавала большія надежды, которыя однако не оправдались впоследствии. Въ южно-русскихъ провинціяхъ зя Принетью, Александръ Грова, одаренный менышимъ талантомъ, нежели Залѣскій и Гоциньскій, собиралъ и давалъ художественную обработку простонароднымъ сказаніямъ и думамъ. Іосифъ Корженёвскій (1797—1862) сдѣлался извѣстенъ какъ талантливый драматургъ (Каграссу *Górale, Zydzi*) и какъ писатель повѣстей и романовъ изъ современнаго быта. Въ Кіевѣ жилъ и собиралъ вокругъ себя литераторовъ Михаилъ Грабовскій; изъ этого шляхетскаго и ультранационаческаго кружка вышелъ Игнатій Головинскій, который былъ ректоромъ духовной академіи въ Петербургѣ и умеръ 1855 въ званіи архіепископа-митрополита римско-католическихъ церквей въ имперіи. Изъ новѣйшихъ писателей заслуживаетъ вниманіе какъ ѣдкой сатирикъ Аполлонъ Налэнчъ-Борженёвскій. Съ переселеніемъ въ Петербургъ Головинскаго и пріѣдомъ туда же Генриха Ржевускаго составилъ здѣсь въ сороковыхъ годахъ цѣлый кружокъ литераторовъ, который имѣя органомъ своимъ *Tygodnik Petersburski*, щеголялъ своими самыми ретроградными тенденціями. Это пренебреженіе къ общественному мнѣнію Ржевускій довелъ до цинизма въ своей «Нравственной всякой всячинѣ» (*Mieszanię obyczajowe Jarosza Bejły*) и въ романахъ каковы «Ноябрь»; «Краковскій замокъ»; онъ казалось поставилъ себѣ задачею дразнить молодое поколѣніе и издѣваться надъ его благороднѣйшими стремленіями, во имя средневѣковой шляхетско-магнатской старины. Польское литературное движеніе сообщилось даже бѣлорусскому краю (губ. могилевской и витебской), въ которыхъ Казиміръ Буйницкій затѣялъ недолго впрочемъ державшееся повременное изданіе «Рубонъ» (такъ называлась у Римлянъ западная Двина).

Въ Галиціи образовалась въ тридцатыхъ годахъ особая школа червоно-русскихъ поэтовъ, которой главнымъ центромъ былъ Львовъ, а родоначальниками братья Дуяины-Борковскіе, Іосифъ (1809—1843) и Александръ (*Leszek*). Эта школа главною задачею поставила себѣ возсозданіе съ помощью науки стариннаго эпоса пястовскаго или даже до-историческаго общеславянскаго. Она тщательно изучала пѣсни всѣхъ славянскихъ народовъ, переводила старинныя эпическія рапсодіи (переводъ слова о Полку Игоревѣ Августомъ Бѣлевскимъ, Краледворской рукописи Люціаномъ Семеньскимъ), пристрастилась къ архаизму и стала поддѣлываться подъ слогъ и складъ древнихъ историческихъ думъ (пѣснь о Генрихѣ Благочестивомъ Бѣлевскаго, многія стихотворенія Семеньскаго). Къ этой школѣ примыкаетъ Доминианъ Магнушевскій (род. въ 1810, поселился съ 1831 г. въ Галиціи, † въ 1845), который имѣлъ сильный драматическій талантъ (*Zesła pani Urszuli. Niewiasta polska*), но испортилъ его излишнею страстью къ архаизму и подражаніемъ размахистой манерѣ В. Гюго и растрепанной

школы французских неоромантиков (*école échevelée*). Галиция менше других частей прежней Польши подверглась измѣненіямъ со времени паденія Рѣчи Посполитой, нравы сохраняли здѣсь множество чрезвычайно характерныхъ особенностей, которыя и послужили готовымъ и весьма обильнымъ матеріаломъ для поэзіи. Этими матеріаломъ воспользовались съ великимъ успѣхомъ два галицкіе писателя. Викентій Польш (род. 1807 г.) и Сигизмундъ Качковскій, — первый для построенія старо-шляхетскаго эпоса, второй для историческаго романа, который оставилъ далеко за собою бѣдныя и водянистыя творенія польскихъ вальтеръ-скоттистовъ, каковы: Берлатовичъ (1786—1836: *Pojata córka Lezdejki, Nałecz*), Брониковскій (1783—1834, писалъ по нѣмцки романы изъ польской исторіи: *Hippolit Boratyński, Zawierzytuce* и др. всего до 30 томовъ), даже Михайлъ Грабовскій (*Koliszczuzna i Stepy, Stanica Hulajpolska* и др.). Польш началъ съ лагерныхъ пѣсенокъ (*pieśni Janusza*), изобразилъ бытъ Карпатскихъ горцевъ (*Obrazy z łucia i podłózu*), сдѣлалъ повѣстическое описаніе всѣхъ бывшихъ польскихъ земель (*Pieśni o ziemi naszej*), наконецъ создалъ цѣлый рядъ произведеній, занимающихъ средину между шляхетскою гавендою и эпопеею (*Przygody Winnickiego, Sejmik w Sądowej Wisni, Senatorska zgoda. Mohort, Hetmańskie rachole*). Эти произведенія обнаруживаютъ — правда — глубокое знаніе народнаго характера и старины, но идеализація этой старины доведена въ нихъ до крайности, разукрашены даже скверныя стороны, пороки и слабости народныя, напримѣръ шляхетскія попойки, буйства и драки на сеймикахъ, отцовская палка, пренебреженіе къ черни. Изъ романовъ Качковскаго лучшими считаются: «Murdelio», «Wracia ślubni», «Wpuszcza» «Dziwołona». Новѣйшіе галицкіе поэты воспитывались все подъ сильнымъ вліяніемъ Словацкаго. Изъ нихъ Корнелій Ужійскій (род. 1823) извѣстенъ своими великодушными религиозно-патріотическими гимнами (*Skargi Jeremiego*); Мечиславъ Романовскій (убитый 1863) подавалъ блестящія надежды драмою «Пясть и Попель»; Захарьясевичъ уважается какъ искусный нувелистъ. Въ львовскомъ университетѣ литературу польскую читаетъ талантливый Антонъ Малецкій (*Malecki*), отличный филологъ, авторъ исторической драмы «Опасная грамота» (*List zelazny*) и вмѣстѣ лучшей грамматики польской, изданной въ 1863 ³²).

³²] Въ нѣмѣнскомъ столѣтіи польская литература стала распространяться и дѣлать успѣхи даже въ такихъ мѣстахъ, которыя считаются сильно обнѣмечеными и даже потерянными для славянскаго міра, какъ напр. въ Силезіи (тамъ издается газета *Owiazdka cieszyńska*) и въ западной — такъ называемой королевской — Пруссіи (*Nadwiślanin*, газета издаваемая въ Кульмѣ). Главными дѣятелями, поддерживавшими польскую литературу въ Пруссіи, были Мронговіусъ и Гизевіусъ. Кристофоръ Целестинъ Мронговіусъ (1764—1855.) — былъ настоятелемъ польской евангелическо-лютеранской общины въ Данцигѣ, собиралъ народныя пѣсни, издавалъ словари и переводы старинныхъ классиковъ на польскій языкъ. Густавъ Гизевіусъ (1810—1848), тоже протестантскій священникъ, получилъ чисто нѣмецкое воспитаніе и пристрастился къ народности польской только тогда, когда женился въ Кеннигсбергѣ на дѣвушкѣ мазурскаго происхожденія; она служила сообщить ему любовь къ родному языку, которой сама была одушевлена. Гизевіусъ жилъ въ мѣстечкѣ Остероде, издавалъ жур-

Польская историография послѣ Лелевели обогатилась многими превосходными сочиненіями, изданіями памятниковъ, комментаріями, отдѣльными монографіями, многотомными и систематическими обработками польской исторіи въ цѣломъ ея составѣ или по періодамъ. Обширный и весьма почтенный трудъ Андрея Морачевскаго: «Исторія Польской республики» (9 томовъ) доведенъ только до отреченія отъ престола короля Яна Казимира. Въ болѣе сжатомъ видѣ стараются представить этотъ же предметъ въ своихъ учебникахъ галицкіе ученые Генрихъ Шмитъ и Юсифъ Шуйскій. Теодоръ Нарбутъ (1864) составилъ обширную девяти-томную исторію (+1864) Литвы, которая грѣшитъ отсутствіемъ исторической критики и научнаго метода, такъ что имѣетъ только значеніе сыраго матеріала. Во главѣ всѣхъ современныхъ историковъ Польши слѣдуетъ поставить Карла Шайноху (род. 1818 около Самбора въ Галиціи), который по живости воображенія, смѣлости гипотезъ и способности живо рисовать лица и событія, не имѣетъ себѣ равнаго. Въ Польшѣ онъ можетъ быть поставленъ въ одномъ ряду съ Огюстомъ Тьерри и съ Маколемъ. Въ своемъ сочиненіи: «Ядвига и Ягелло» онъ изобразилъ начало соединенія Польши съ В. К. Литовскимъ, а въ сочиненіи «Лехитское происхожденіе Польши» старался доказать, что польское государство основано Норманнами. Августъ Бѣлевскій старался дать иное рѣшеніе темному вопросу о происхожденіи Лехитовъ, выводя ихъ съ юга и распутывая сбивчивыя сказанія Кадлуба и его предшественниковъ (Wstęp krytyczny do Dziejów polskich). Нынѣ Бѣлевскій занятъ изданіемъ древнѣйшихъ польскихъ лѣтописцевъ (Monumenta historica Poloniae). Въ Варшавѣ пользовался большимъ авторитетомъ трудолюбивый, но хаотическій писатель Александръ Вацлавъ Мацѣевскій, панславистъ по направленію. Въ Вильнѣ весьма почтенную извѣстность приобрѣли Николай Малиновскій и Михаилъ Балнньскій (+1863)*). Знатокъ польской исторіи и критикъ Юліанъ Бартошевичъ, живущій въ Варшавѣ, оказалъ большія услуги наукѣ разработкою эпохи короля Понятовскаго, времени Сигизмунда Августа и своей «Исторіей польской литературы», которая была бы несравненно лучше, если бы авторъ не стоялъ слишкомъ исключительно на католической, церковной точкѣ зрѣнія. Тою же узкостью возрѣній отличаются сочиненія галицкаго писателя Маврикія Дзѣдушицкаго (Skarga i wiek jego; Zbigniew Oleśnicki); они походятъ скорѣе на богословскіе памфлеты, нежели на историческій разсказъ. Казиміръ Стадницкій, въ Галиціи, издалъ два тома неоконченныхъ еще изслѣдованій, относящихся ко временамъ, когда Великое Княжество Литовское существовало самостоятельно, подъ заглавіемъ: «Сыновья Гедимина».

наль «Другъ лецкаго народа» (Przyjaciel ludu leckiego), и писалъ стихи, провѣнны-
тне въроу въ духовное возрожденіе поморскихъ Маазуровъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПАНСЛАВИЗМЪ.

Было время, еще не очень давно, когда слово «панславизмъ» ¹⁾ без-

¹⁾ Было бы чрезвычайно длинно высчитывать литературу панславизма. Многое, прямо относящееся къ его развитію, указано въ самомъ текстѣ; литературу русскаго славнофильства мы предполагаемъ извѣстною. Здѣсь мы назовемъ еще нѣсколько сочиненій и брошюръ, ближайшимъ образомъ касающихся предмета и изображающихъ разныя его частности со стороны защитниковъ и со стороны враговъ славянскаго возрожденія.

Cyprien Robert, *Le monde gréco-slave* (статья въ *Revue des deux Mondes*, переведенная по нѣмецки въ брошюрѣ: *Die griechisch-slavische Welt*, Leipz. 1845);—*Der zweifache Panlawismus*. Mit Anmerkungen von Dr. J. P. Jordan, Leipz. 1847;—A. Mauritius, *Der Panlawismus*, Leipz. 1848;—*Sprawa o sjezdu slowankém* (изъ *Часоп. Чеш. Муз.*), v Praze 1848;—Count Valerian Krasinski, *Panlawism and Germanism*, London 1848;—Колларъ, *Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation*, 1837 (чешскій перев., v Pr. 1853);—Chr. Ostrowski, *Lettres slaves*, 3-me ed. Paris 1857;—*Ist Oesterreich deutsch? Eine statistische und glossirte Beantwortung dieser Frage*, Leipz. 1843;—*Der Sprachenkampf in Oesterreich* (изъ *Видерманнова Monatschrift* 1844), Leipz. 1845;—A. Tebeidi, *Die Slawen im Kaiserthume Oesterreich*. Wien 1848;—M. Polith, *Die Nationalität und ihre staatsrechtliche Begründung*, Wien 1862;—*Die Rechte der böhmisch-öechischen Sprache an den politischen und Gerichtsämtern, so wie den höheren und niedern Schulen Böhmens, Mährens und Schlesiens*, Leipz. 1846;—Graf J. M. v. Thun, *Der Slawismus in Böhmen*, 1845;—*Worte eines Čechen*, veranlasst durch die Thun'sche-Brochüre, 1845;—*Ein Beitrag zur Charakteristik der Deutschthümlerei in Böhmen*, Leipz. 1846;—*Geschichte des Illyrismus*, nebst einem Vorworte von Dr. W. Wachsmuth, Leipz. 1849;—*Das Verhältniss Croatiens zu Ungarn*, 1846;—*La Croatie et la Confédération italienne, avec une introd. par L. Léouzon Le Duc*, Paris 1859;—S. H****, *Apologie des ungrischen Slawismus*, Leipzig 1843;—*Slawismus und Pseudomagyarismus*, Leipzig 1842;—Ludw. Stúr, *Das neunzehnte Jahrhundert und der Magyarismus*, Wien 1845;—Graf Leo v. Thun, *Die Stellung der Slowaken in Ungarn*, Prag 1843;—D. H., *Sollen wir Magyarern werden? Fünf Briefe geschrieben aus Pesth...* Karlstadt, 1833;—M. M. Hodža v. D. M., *Der Slowak. Beiträge zur Beleuchtung der slawischen Frage in Ungarn*, Prag 1848;—*Pétitionen der Serben und Slowaken vom Jahre 1861*. Wien, 1862;—*Die serbische Bewegung in Südungarn*. Ein Beitrag zur Geschichte der ungarischen Revolution, Berlin 1851;—*Die polnische Sprachfrage in Preussen*, Leipz. 1845—1846, 3 выи;—*Die Russinen in Gallizien*, Leipz. 1846;—*Slow kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości*, Lwów 1848; П. Л., *О литер. языкѣ у Славянъ* (Рус. Вѣстн. 1863, июнь);—В. Ламанскій, *Изъ заясокъ о слав. земляхъ* (От. Зап. 1864, февр).

престанно вертѣлось на языкѣ не только славянскихъ и русскихъ политиковъ и патриотовъ, но даже и европейскихъ политиковъ и дипломатовъ. Панславизмъ представлялся тогда новой силой, почти готовой измѣнить политическій видъ Европы; славянскіе патриоты считали даже эту силу готовой начать новый періодъ европейской цивилизаціи, которая должна была замѣнить цивилизацію отжившаго запада; русскіе славянофилы надѣялись на такую перспективу еще больше, и полагали, что блестящая роль представлена именно русскому племени, — не даромъ сидѣвшему сиднемъ тридцать лѣтъ... Между тѣмъ и въ это время, приписывавшее панславизму такую широкую будущность, панславизмъ былъ понятіемъ крайне неопредѣленнымъ, даже для тѣхъ, кто были самыми усердными его проповѣдниками. Одна общая мысль была повидимому раздѣляема всѣми; это — неминуемое будущее (болѣе или менѣе близкое) соединеніе славянства въ одно великое цѣлое. Но какъ должно было оно совершиться, въ чемъ должна была заключаться сущность будущаго единства, мнѣнія крайне расходились. Одни полагали, что славянство составитъ одинъ великій союзъ равноправныхъ народностей; другіе (польскіе панслависты) ставили во главѣ этого союза Польшу; третьимъ казалось, что «славянскіе ручьи сольются въ русское море», и что средоточіемъ славянскаго міра сдѣлается Москва и т. д. Словомъ, открылось обширное поле для притязаній національнаго самолюбія и кванснаго патриотизма; каждая замѣтная славянская національность рассчитывала составить себѣ славу въ этомъ будущемъ: чехи ожидали, что они будутъ настоящими вождями будущей славянской цивилизаціи, потому что считали себя передовыми людьми современнаго движенія; польскіе панслависты (которыхъ, впрочемъ, было вообще не много) надѣялись вознаградить въ будущемъ союзъ неудачи прежней исторіи; московскіе славянофилы надѣялись, что всѣхъ превозможетъ Русь и возвратитъ на настоящій путь и тѣ славянскіе народы, которые въ древности сошлись съ нею, вступивши въ связь съ «латинствомъ», и т. п.

Съ другой стороны, панславизмъ породилъ самыя разнообразныя мнѣнія въ Европѣ, которая стала интересоваться имъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, и особенно въ той части ея, которой всего ближе касалось развитіе этой идеи — у Нѣмцевъ, особенно Нѣмцевъ австрійскихъ. Такъ какъ въ панславизмѣ одинъ изъ главныхъ вопросовъ былъ вопросъ о самобытности славянскихъ національностей, не только культурной, но и политической, следовательно объ освобожденіи отъ нѣмецкаго вліянія, то для Нѣмцевъ панславизмъ сталъ предметомъ ожесточенной ненависти. Вслѣдъ за ними и въ западной Европѣ многіе стали вѣрить, что панславизмъ грозитъ европейской цивилизаціи тѣмъ-то въ родѣ монгольскаго нашествія; Славяне, до тѣхъ поръ забытые и пренебрегаемые, вдругъ выросли въ глазахъ европейскихъ политиковъ въ громадную силу, грозящую цивилизаціи. Превеличивая славянское единство, эти политики предвидѣли, что славянскіе народы просто прикинутъ по первому знаку къ Россіи, которой такъ

божись въ Европѣ въ сороковыхъ годахъ, и затѣмъ пойдутъ густой массой на Европу. Начали даже думать о спасеніи Европы отъ катастрофы: съ одной стороны Нѣмцы сильнѣе заговорили о нѣмецкомъ единствѣ; съ другой Венгры обѣщали быть оплотомъ Европы отъ славянскаго нашествія; нѣкоторые изъ польскихъ панславистовъ утверждали, что такая роль всего приличнѣе Польшѣ, которая сама можетъ стать во главѣ славянскаго союза и отгнать его отъ Россіи.

Все это кажется немного странно въ настоящую минуту, но обѣ стороны серьезно предавались, одна—надеждамъ, другая—опасеніямъ, и видѣли въ панславизмъ наступающій, или даже наступившій историческій фактъ громаднaго вліянія. Панславянскій вопросъ составилъ цѣлую литературу, въ которой высказывались эти надежды панславизма, предвидѣлись и обсуждались разныя возможности его развитія, обдумывались средства остановить его опасное распространеніе.

Изъ чего же родилась эта тревога, которая кажется намъ теперь такъ преувеличена; въ чемъ заключалось настоящее, реальное значеніе дѣла, изъ котораго выводились подобные результаты?

Панславизмъ принадлежитъ къ числу самыхъ характеристическихъ проявленій національной идеи. На немъ ясно обнаружилось тѣ свойства этой идеи, которыя одинаково могутъ дѣлать національное движеніе и средствомъ общественаго прогресса, и причиной его упадка; панславизмъ соединялъ въ себѣ и примѣры національнаго увлеченія, способнаго дать нравственную энергію ослабѣвшему и запуганному обществу, и тѣ заблужденія и предрассудки, которые вредятъ самымъ существеннымъ его интересамъ, когда общество выше всего ставитъ свою исключительную національность и для нея забываетъ о другихъ необходимыхъ условіяхъ своего нравственнаго существованія.

Панславянская идея есть явленіе новое въ исторіи славянскихъ народностей. Она была результатомъ такъ называемаго славянскаго возрожденія, начало котораго относится къ концу прошедшаго столѣтія, когда славянскія національности, подавленные на западѣ и на югѣ иноземнымъ господствомъ, снова начали обнаруживать признаки жизни. Возрожденіе выразилось въ славянскихъ народностяхъ появленіемъ новой литературы, стремленіемъ вывести народъ изъ его нравственной апатіи и подчиненія иноземнымъ началамъ, усиліями поднять народное образованіе, возстановить забывавшіяся національныя преданія. Но это возрожденіе было еще далеко отъ панславизма. Первые стремленія отдѣльныхъ народностей ограничивались ихъ собственными предѣлами и еще не раскидывались на томъ широкомъ пространствѣ, которое они усиленно заняты впоследствии. Тѣмъ не менѣе панславизмъ, идея о всеславянскомъ національномъ единствѣ, о возрожденіи національной жизни въ цѣломъ составѣ племени, былъ весьма понятнымъ результатомъ этого частнаго движенія отдѣльныхъ народностей. Съ одной стороны національныя стремленія были такимъ новымъ интересомъ въ жизни этихъ

подавленныхъ народностей, что естественно было ожидать самаго крайняго развитія этихъ стремленій, не сдерживаемыхъ опытностью соціальной и политической жизни: національная идея перешла мало по малу отъ частныхъ къ цѣлому, отъ національнаго возстановленія одного отдѣльнаго народа до возстановленія цѣлаго племени. Съ другой стороны панславизмъ ставился необходимымъ потому, что идея о цѣломъ славянствѣ должна была подкрѣплять стремленія отдѣльныхъ народностей, которыя не могли не сознавать своей слабости въ виду такихъ національныхъ враговъ, какими были Нѣмцы, Мадьяры, Итальянцы и пр.

Это сознаніе своей слабости въ самомъ дѣлѣ было такъ настоятельно, что каждая отдѣльная народность необходимо должна была искать себѣ нравственной опоры. Они стали поэтому ссылаться на силы цѣлаго громаднаго племени, и въ большинствѣ народностей панславянскія стремленія и произошли именно изъ этого источника, а не изъ другого. Ревностнѣйшіе изъ панславистовъ увѣряютъ, что эти стремленія имѣли источникъ болѣе глубокой, что чувство племеннаго единства всегда было живо въ славянскихъ народахъ; что оно ожидало только благоприятной минуты, чтобы сказаться во всей своей силѣ; что это было, наконецъ, неизбѣжное историческое явленіе, которое должно было закончить историческую судьбу племени, раздѣленнаго несчастными случайностями прошедшаго.

Мы говорили прежде, почему мы думаемъ иначе. Идея о племенномъ единствѣ въ томъ смыслѣ, какъ ее проповѣдовали крайніе панслависты, была новѣйшимъ изобрѣтеніемъ. Она удалась и имѣла успѣхъ только какъ послѣднее средство общественной борьбы и была вызвана чисто внѣшними условіями, въ особенности иноземнымъ угнетеніемъ.

Славянскія народности стояли въ этомъ отношеніи весьма различно.

Панславянскія тенденціи всего меньше прививались у Поляковъ; за это ихъ не преминули конечно обвинить въ недостатокъ славянскаго патриотизма, въ отступничество отъ началъ племеннаго единства и т. п.; но дѣло объясняется проще: панславизмъ не прививался у нихъ именно потому, что при всемъ недостаткѣ политической самостоятельности Поляки привыкли считать свою *націю* достаточно самобытною, способною собственными силами выдержать свою исторію; въ нихъ было столько національной гордости, что они не опасались за свое національное существованіе; они надѣялись, что имъ нѣтъ нужды прибѣгать для этого къ ресурсамъ цѣлаго славянскаго союза. Наконецъ, у тѣхъ немногихъ польскихъ панславистовъ, которые думали о цѣломъ славянствѣ, панславизмъ болѣею частію является опять только подделкой для той же національной гордости: Польша могла, по ихъ мнѣнію, пристать къ славянскому союзу, но только съ первенствующею ролью, — хотя первенство Польши и не входило въ планы западнаго славянства...

Для другихъ Славянъ, западныхъ и южныхъ, дѣло стояло иначе. Если только ихъ національностямъ предстояла политическая будущность, они со-

знавали, что достиженіе ея невозможно для нихъ безъ чьего нибудь заступничества, или безъ союза съ другими народами, находившимися въ такомъ же положеніи. Эти мысли уже довольно ясно высказывались въ послѣднихъ сороковыхъ годахъ, когда повидимому приближалась эта политическая будущность славянства: западно-славянскіе публицисты особенно значительнымъ тономъ указывали на «славянскаго исполина», протянушагося отъ Камчатки до Адриатическаго моря, и въ частности на русскую имперію.... Случай, что Россія принимала извѣстное участіе въ освобожденіи Сербіи, подтверждалъ ихъ надежды, что подобное вмѣшательство сильныхъ единоплеменниковъ можетъ помочь и ихъ собственному запутанному дѣлу; преувеличенія и хвастливости ихъ русскихъ друзей укрѣпляли ихъ въ этой пріятной надеждѣ.

У насъ панславизмъ имѣлъ мало успѣха: большинство нашего общества, способнаго интересоваться социальными и политическими вопросами, осталось ему совершенно чуждо. Онъ усвоился только въ небольшомъ кружкѣ, славянофильскомъ. Кружокъ ревностно принялся толковать о славянской національности и защитѣ народныхъ началъ: русская публика извѣщена была въ одно прекрасное утро, что у нея есть братья, съ которыми она должна соединиться для поправки гнилаго запада, и т. п. Но эта пропаганда не отличалась особенной ловкостью; надъ ней скоро начали подтрунивать, какъ надъ бесплодной и фантастической затѣей, тѣмъ больше, что защитники ея у насъ были иногда порядочными мистиками и даже обскурантами. Въ самомъ дѣлѣ, хотя русское общество и много говорило тогда о *народности*, заинтересовалось народнымъ бытомъ, литература принялась изображать его, — но общество вовсе не беспокоилось о русской *національности*: обращаясь къ народу, оно руководилось идеей общественнаго прогресса, а не идеей національности, которая стояла на первомъ планѣ у западнаго славянства. Это были двѣ вещи совершенно разныя. Интересъ къ народу выражалъ собой стремленія къ общественной реформѣ, къ общественной равноправности, и особенно къ освобожденію крѣпостныхъ. Объ національности же своей общество могло не заботиться: со временъ Рюрика она стояла цѣлая и невредимая, и только разгоряченными головами могло казаться, что ей грозитъ какая нибудь опасность, что мы можемъ когда нибудь вдругъ превратиться въ Нѣмцевъ. Панславизмъ очевидно не имѣлъ корней въ нашемъ обществѣ, но тѣмъ не менѣе онъ существовалъ: на чемъ же онъ здѣсь основывался? Надобно, кажется, придти къ заключенію, что главнѣйшимъ основаніемъ его были притязанія національнаго самолюбія: мысль о томъ, что славянскіе ручьи сольются въ русское море, была господствующей у нашихъ панславистовъ, хотя они не всегда рѣшались открыто ее высказывать. На этомъ условіи панславизмъ былъ вещь очень пріятной...

Что панславизмъ въ сущности дѣла былъ вызванъ въ большинствѣ славянскихъ племенъ именно этими внѣшними условіями, а не отвлеченной идеей мнимаго врожденнаго единства, ясно уже изъ того, что панславизмъ

далеко не представлялъ одного цѣльнаго движенія, — что было бы необходимо, если бы въ его появленіи въ самомъ дѣлѣ работала сознательная славянская идея.

Дѣйствительно, возрожденіе готовилось и началось у разныхъ племенъ совершенно независимо, и имъ прежде всего руководилъ инстинктъ частнаго народнаго самосохраненія. Періодъ возрожденія простирается съ конца прошлаго столѣтія, когда впервые стали оживать забытыя славянскія націи, и до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда это движеніе появилось и тамъ, куда оно еще не проникало до тѣхъ поръ. Возрожденіе въ настоящемъ смыслѣ слова не простирается на тѣ славянскія націи, которыя сохраняли въ цѣлости свою національную личность: въ такомъ положеніи, какъ мы сказали, находилась Россія и Польша; въ этой послѣдней, даже послѣ раздѣла, национальность хотя и терпѣла извѣстный ущербъ въ провинціяхъ, доставшихся Нѣмцамъ, оставалась господствующей въ областяхъ, принадлежавшихъ Россіи. Здѣсь для нея до послѣдняго времени оставалась возможность національнаго развитія: ея языкъ, нравы, религія, литература оставались польскими.

Въ многъ положеніи находились всѣ другіе Славяне. Ихъ національности, — нѣкогда свободныя, — давно уже потеряли свою независимость: онѣ или подавлены были деспотизмомъ турецкаго владычества, или терпѣли тяжелое подчиненіе нѣмецкому политическому и культурному вліянію, которое, отнимая матеріальную свободу, подрывало и самую національность. Славянскія націи, вслѣдствіе того, или возвращались къ патриархальнымъ правамъ, какіе свойственны народамъ неразвитымъ, или принимали цивилизацію изъ чужихъ рукъ, и платили за нее національностью, или просто принимали чужую національность и безъ этого вознагражденія. Такимъ образомъ Славяне или должны были оставаться въ качествѣ народа подчиненнаго, въ качествѣ низшаго класса, или превращались въ Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Мадьяръ, и даже въ Турокъ, и въ этомъ видѣ становились даже преслѣдователями своихъ единоплеменниковъ. Такую судьбу въ большей или меньшей степени имѣли всѣ западныя славянскія народы. Періодъ этой подчиненности длился очень долго. Народы жили со дня на день, не задавая себѣ никакихъ широкихъ задачъ и слабо сопротивляясь чужимъ культурнымъ началамъ, гдѣ приходилось съ ними встрѣчаться. Существованіе ихъ было почти вполне бессознательно, идея славянской родственности или вовсе не существовала или была крайне смутной.

Пробужденіе славянскихъ національностей произошло не вдругъ; оно заняло продолжительный періодъ съ конца прошлаго столѣтія, и возможность его приведена была вовсе не одной внутренней работой самихъ народовъ, но — въ очень значительной степени — и внѣшними историческими обстоятельствами. Мы достаточно убѣждаемся въ этомъ, наблюдая начало и ходъ новаго появленія славянскихъ національностей на исторической сценѣ.

Прежде всего это пробужденіе обнаружилось у Чеховъ, именно тамъ, гдѣ историческія обстоятельства сложились всего благоприятнѣе. Чехи кончили свою самостоятельную историческую роль въ 17-мъ столѣтіи, когда Чехія, поднятая въ 15-мъ вѣкѣ гусситствомъ, упала политически и стала провинціей Австріи и добычей іезуитства. Но гусситское движеніе слишкомъ глубоко затронуло народное чувство, и память о временахъ независимости оставалась преданьемъ національной славы; объ этомъ преданьи и вспомнили при самыхъ первыхъ попыткахъ новой чешской литературы, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Но было и другое важное обстоятельство, приводившее къ оживленію упавшей національности, — это были освободительныя идеи восемнадцатаго вѣка, проникшія тогда не только въ среду образованнаго общества, но и въ официальныя сферы, и соединившіяся съ патриотическими заботами о народной массѣ и ея просвѣщеніи. Время Іосифа II было именно такимъ временемъ въ Австріи. Въ стремленіяхъ Іосифа была въ то же время и другая черта, враждебная национальнымъ началамъ, и однако сильно способствовавшая ихъ развитію. Іосифъ имѣлъ, относительно своихъ не-нѣмецкихъ подданныхъ, германизаторскія наклонности, но нѣмецкая принудительная школа вызвала реакцію, которая обнаружилась національными стремленіями. Такимъ образомъ, новая литература, которая выразила собой первые шаги возрожденія, началась воспоминаньемъ о старо-чешской жизни и книгами, назначенными для народнаго образованія. Къ этому присоединилась еще одна черта: старая исторія и національность сдѣлались въ то же время предметомъ науки, которая, еще задолго до собственнаго возрожденія, обратилась къ изученію славянской исторіи и стала потомъ сильнымъ орудіемъ въ пробужденіи національнаго чувства. Эта наука, сама по себѣ, опять не была вовсе созданіемъ національнаго чувства: это была историческая и археологическая наука въ той формѣ и съ тѣми тенденціями, съ какими она существовала тогда въ Германіи. Это была наука нѣмецкая, и такую она долго еще оставалась въ рукахъ людей, съ которыхъ обыкновенно начинаютъ періодъ западно-славянскаго возрожденія: не только Добнеръ или кто другой изъ тогдашнихъ ученыхъ, но даже и Добровскій вовсе не думалъ объ основаніи особой національной литературы, въ томъ смыслѣ, какъ стремилось къ этому слѣдовавшее за нимъ поколѣніе. Ясно изъ этого, что развитіе национальныхъ стремленій происходило не исключительно отъ внутреннихъ силъ національностей: для этого развитія нужны были постороннія обстоятельства, отсутствіе или присутствіе которыхъ приближало или отдаляло эпоху національнаго пробужденія. Характеръ этихъ обстоятельствъ опредѣлялъ и характеръ самаго возрожденія. Обращеніе къ народу, стремленіе поднять его изъ того униженія, въ которомъ держали его феодальныя преданья старой Европы, — были несомнѣнно слѣдствіемъ освободительныхъ идей восемнадцатаго столѣтія. Нѣмецкая по происхожденію наука указывала на родство славянскихъ племенъ, изучала славянскую старину, и національ-

ныя стремленія замѣтнымъ образомъ выростали вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ эта наука, постепенно совершенствуясь, разъясняла полнѣе и отчетливѣе это родство и это прошедшее. Новыя открытія науки становились открытіемъ и для національныхъ инстинктовъ.

Это послѣднее всего больше замѣтно на чешской литературѣ, которая вообще рельефнѣе другихъ западно-славянскихъ литературъ выражаетъ эпоху возрожденія. Прежде, чѣмъ явились вполне опредѣлившіеся проповѣдники панславизма, Колларъ, Челяковскій и т. д., въ ней долго шло это przygotowательное изученіе, еще чуждое національному вопросу и разсматривавшее славянскую старину чисто какъ предметъ науки. Съ другой стороны, писатели, заботившіеся о просвѣщеніи народа, Амерлинги, Брамеріусы, и т. д., были вполнѣ преданы интересамъ чешскаго народа и не были вовсе панславистами. Славянское единство стало занимать уже слѣдующія поколѣнія. Самые панслависты, уже сознательно понимавшіе свою идею, также приходили сначала только къ однимъ извѣстнымъ пунктамъ ея, не касаясь другихъ: они хлопотали о литературномъ единствѣ, мечтали о будущей славянской цивилизаціи, но еще не думали, или думали очень мало о политической и соціальной сторонѣ вопроса, которая одна, конечно, и стояла серьезнаго вниманія въ практическомъ приложеніи. Вражда къ нѣмцамъ—преданье старой исторіи—сказалась снова и теперь, но и она оставалась глухой, неясной, хотя и крайней нетерпимостью.

Другіе народы чешскаго племени, Мораване и Словаки, мало отличающіеся отъ Чеховъ по языку и вообще по свойствамъ своей національности, прикнули къ этому движенію, — потому что и въ прежнія времена они пользовались одной литературой и наравнѣ съ Чехами имѣли въ ней своихъ представителей. Мы уже рассказывали, какимъ образомъ національная идея, доведенная до своей крайности, стала здѣсь вполнѣ въ противорѣчіе самой себѣ и привела снова къ раздѣленію.

У Сербовъ восточныхъ или православныхъ возрожденіе шло иными путями и имѣло другой характеръ. Если Чехи, подъ вліяніемъ большаго образованія и развитой по нѣмецкимъ образцамъ науки, раньше пришли къ національному сознанію и дали ему потомъ форму панславизма, у Сербовъ возрожденіе долго оставалось на степени элементарной заботы о просвѣщеніи народа и на степени непосредственнаго наблюденія народности, не задававшего себѣ никакихъ широкихъ задачъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія собственная Сербія была еще подъ турецкимъ владычествомъ и испытывала тяжелую участь современной Босны и Герцеговины. Въ то время не могло быть вопроса и вопроса о какомъ нибудь обширномъ развитіи національныхъ интересовъ: для угнетенныхъ національностей оставался только вопросъ о защитѣ своего матеріальнаго существованія; заботы національности ограничивались ближайшими предѣлами сербскаго племени. Первые попытки народной литературы появляются у тѣхъ Сербовъ, которые жили въ Австріи, куда они переселились въ 17-мъ столѣтіи, избѣгая турецкаго

ига. Здѣсь имъ представлялась нѣкоторая возможность школьнаго образованія, и это въ первое время дало австрійскимъ Сербамъ роль въ маленькой сербской литературѣ. Но существенный успѣхъ возрожденія принесенъ былъ здѣсь политическимъ освобожденіемъ той части сербскихъ земель, которая составила независимое сербское княжество. Литературное образованіе и школы появились и въ свободномъ княжествѣ, но образованіе народа шло не такъ далеко, чтобы у Сербовъ могли появиться ученые панславянскія стремленія. Съ другой стороны, здѣсь не было и не могло быть тѣхъ опасеній подавляющаго культурнаго вліянія чужой народности, которыя произвели у Чеховъ такую нетерпимость къ Нѣмцамъ и такое ревнивое хвастовство своей національностью. Сербамъ не грозили ни Нѣмцы, ни Турки, и національное чувство не дошло до такой щепетильной раздражительности: оно могло быть спокойнѣе, потому что никто не нарушалъ его нравственныхъ права; національнымъ врагомъ и для княжества, и для Сербовъ, Босны и Герцеговины, была сила чисто матеріальная. Безпокойныя волненія панславизма остались мало извѣстны для восточныхъ Сербовъ: для этого они или были достаточно обезпечены политически (въ княжествѣ), или слишкомъ мало учены.

Иначе дѣло возрожденія шло у Сербовъ западныхъ, католическихъ, въ Далмаціи и далматинско-хорватскихъ земляхъ. Славянская Далмація со второй половины 15-го столѣтія стала пріобрѣтать замѣчательное литературное развитіе, совершавшееся подъ сильными итальянскими, вліяніями, и наиболѣе богатое въ 16—17-мъ вѣкахъ. Эта литературная жизнь продолжалась, впрочемъ гораздо слабѣе, въ 18-мъ столѣтіи, такъ что здѣсь почти не прекращалась литературная традиція, и если новое славянское движеніе должно было распространиться и на эту область, то здѣсь для него уже была подготовлена почва, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени: здѣсь, напримѣръ, могло не быть заботы о литературномъ языкѣ, какъ было у Чеховъ и православныхъ Сербовъ, которые должны были потратить на это много времени и труда, потому что новая литература должна была начинать сначала и нуждалась въ новомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе славянское возрожденіе шло у далматинскихъ Сербовъ крайне туго: они слабо откликались на тѣ первые панславянскіе призывы, которые уже слышались у Чеховъ, и доходили даже и къ русскимъ.

Но за то оно произвело здѣсь явленіе весьма оригинальное: съ 30-хъ годовъ дѣло возрожденія почти вдругъ взяло здѣсь на себя небольшое славянское племя (Хорваты или Кроаты собственно), отличное по языку и національности отъ тѣхъ далматскихъ Сербовъ, которымъ принадлежала цвѣтушая литература 16—17-го столѣтій, и само почти не имѣвшее литературныхъ преданій... Немногочисленные Хорваты, лишенные сами по себѣ литературныхъ средствъ, необходимыхъ для защиты національности, просто оставили свое провинціальное нарѣчіе и воспользовались языкомъ и литературой своихъ далматинскихъ сосѣдей; они оставили и свое провинціаль

ное имя и назывались «Иллирами» — общий терминъ, который долженъ былъ соединить въ одно цѣлое всѣ отѣйки сербскаго племени, даже Сербовъ православныхъ. Это національное переодѣванье имѣло почти полный успѣхъ: правда, восточные Сербы не захотѣли вступать въ новую национальность, но Сербы западные, австрійскіе Далматинцы и проч., приняли новый національный терминъ, и такимъ образомъ у раздѣленныхъ до того времени западныхъ Сербовъ явилось общее національное знамя. Имя «Иллировъ», правда, удержалось не долго, но заключенный этимъ именемъ союзъ уцѣлѣлъ. Въ новой хорватской, или иначе «иллирійской», «южно-славянской» литературѣ въ то же время обнаружилась и самая ревностная панславянскія тенденціи... Это оригинальное явленіе объясняется опять тѣми же историческими обстоятельствами, которыхъ дѣйствіе вообще обнаруживается въ славянскомъ возрожденіи. «Иллирійское» движеніе было чисто результатомъ политическихъ отношеній Кроаціи къ Венграмъ; это была національная реакція противъ притязанія Венгровъ — дать преобладаніе мадьярскому элементу въ тѣхъ земляхъ, которыя соединены были подъ венгерской короной. Хорваты были прежде совершенно спокойными зрителями движенія, начинавшагося въ другихъ славянскихъ земляхъ; теперь они вдругъ поднимаютъ національную тревогу, заявляютъ о своихъ славянскихъ симпатіяхъ, становятся въ ряды горячихъ панславистовъ — поводъ былъ въ томъ, что Венгры начали принимать практическія мѣры, чтобы обезпечить преобладаніе своей національности. Въ строгомъ смыслѣ національныя стремленія Хорватовъ были результатомъ обстоятельствъ весьма случайныхъ: Хорватамъ нужно было защищать свой частный вопросъ, и національное движеніе, панславизмъ, были готовы... На сколько этотъ панславизмъ Хорватовъ былъ слѣдствіемъ исконнаго сознанія славянскаго единства, о которомъ говорятъ панслависты, можно видѣть изъ того, что хорватское движеніе — какъ положительно извѣстно — въ значительной степени обязано было австрійскому правительству, которое въ извѣстную минуту нашло нужнымъ раздуть національную интригу, чтобы въ Кроатахъ поставить противодѣйствіе слишкомъ назойливому Венграмъ. Ученныя объясненія славянскаго единства очевидно были излишни для Хорватовъ. Ихъ національныя стремленія руководились ближайшими интересами: народъ довольно первобытный по своимъ нравамъ, поставляющій отличные полки для австрійской арміи, и поднятый искуснымъ образомъ, они явились защищать свою національность съ оружіемъ въ рукахъ — защищать въ интересахъ австрійской имперіи (венгерская война 1848—49 года). Только лучшіе люди говорили о панславизмѣ.

Опять иной видъ принимали національныя стремленія у Болгаръ, наиболѣе забытаго изъ всѣхъ славянскихъ племенъ. Турецкое иго лежало на нихъ такъ тяжело, что собственная Болгарія была не въ состояніи противопоставить ему какое нибудь сопротивленіе, а національность поддерживалась только религіею, но и въ этой нравственной области надъ ними

тяготѣло другое иго—иго греческой іерархіи. Болгары теряли своихъ людей, которымъ удавалось устроить себѣ болѣе независимое общественное положеніе: эти люди всего чаще отказывались отъ своей національности, дѣлались Турками или Греками, выселялись въ сосѣднія земли. Возрожденіе проникло сюда всего позже. Оно было дѣломъ пылкаго панслависта Венелина, и нѣсколькихъ болгарскихъ эмигрантовъ, въ которыхъ его дѣятельность пробудила національный патриотизмъ. Национальное движеніе, сначала весьма слабое и безпомощное, началось здѣсь собственно только съ тридцатыхъ годовъ, когда появились первыя болгарскія школы и первыя болгарскія книги: роль литературы у Болгаръ еще скромнѣе, чѣмъ у Сербовъ. Но въ послѣднее время національное движеніе переходитъ на практическую общественную и опять исключительную почву: болгарскіе патриоты, еще не думающіе пока о политической свободѣ, стремятся къ основанію національной болгарской церкви, которая бы освободила народъ отъ угнетенія со стороны греческой іерархіи...

Такова была почва, на которой подготавливался панславизмъ. Эта идея очевидно шла въ подмогу тому сознанію своей слабости, которое рождалось болѣе или менѣе у всѣхъ представителей юго-западныхъ славянскихъ национальностей: панславизмъ обѣщалъ имъ внѣшнюю помощь цѣлаго племени. Мы увидимъ, кромѣ того, что панславизмъ имѣлъ общественный успѣхъ только тамъ, гдѣ общество владѣло извѣстнымъ образованіемъ, гдѣ оно доступно было влияніямъ ученой литературы, которая участвовала въ образованіи панславянской идеи съ археологической стороны. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что панславизмъ—въ его законченномъ широкомъ видѣ—могъ быть раздѣляемъ только людьми образованнаго класса, которые могли найти въ книгахъ доказательства славянскаго единства; только въ книгахъ можно было познакомиться со всѣми племенными родственниками, раскинутыми отъ Камчатки до Адриатическаго моря,—народная масса не могла и подозревать такого многочисленнаго родства.

Это обстоятельство достаточно доказываетъ само по себѣ, что панславянское единство было прежде всего только ученымъ открытіемъ; оно конечно нашло отголосокъ во всѣхъ славянскихъ племенахъ, но вовсе не имѣло такого глубокаго значенія, которое приписали ему въ свое время и славянскіе, и европейскіе публицисты. Одни увлекались панславизмомъ какъ любопытнымъ результатомъ археологическаго изученія, и преувеличивая—по обыкновенной манерѣ специалистовъ—значеніе этого результата, распространили прошедшій фактъ на настоящее; другіе увлеклись имъ какъ величественной политической комбинаціей, которая въ будущемъ представляла для славянскаго патриота самую завлекательную перспективу,—преувеличенныя опасенія Нѣмцевъ сдѣлали изъ этой комбинаціи пугало, которому повѣрила и Европа, опасавшаяся, что панславизмъ можетъ сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ Россіи. Славянскіе мечтатели также стали вѣрить, что они страшны Европѣ и что они принесутъ новую цивилизацію.

Въ ученое открытіи панславянской идеи всего больше работали чешскіе писатели и археологи. У Чеховъ вообще панславянская идея имѣла всего больше вліятельныхъ представителей, и это очень понятно: они были наиболѣе развиты сравнительно съ другими западными Славянами; непосредственные сосѣди съ Нѣмцами, они всего легче могли усвоить себѣ оружіе нѣмецкой науки и всего скорѣе почувствовали потребность выйти изъ-подъ чужой опеки. Патриоты желали поднять свой народъ, — для этого нужно было провести народный языкъ въ школу; нужно было доказать историческое право чешской народности, ея право современное — такимъ образомъ ученое изслѣдованіе о старинѣ становилось въ прямую связь съ вопросами настоящаго. Эти изслѣдованія ведены были съ замѣчательнымъ успѣхомъ, и въ нихъ явился первый соединительный пунктъ. Та же потребность историческаго доказательства національныхъ правъ сказывалась и у другихъ славянскихъ народовъ, которые собирались теперь снова выступить на историческую сцену; каждый выставялъ прошедшіе подвиги, чтобы исторической заслугой подкрѣпить свои притязанія въ настоящемъ. Болгары съ патриотическимъ самодовольствомъ узнали (отъ другихъ), что ихъ народу принадлежатъ первые памятники славянскаго христіанства. Сербы вспоминали о старинномъ царствѣ, о борьбѣ съ Турками. Чехи съ гордостью указывали на гусситскую эпоху, которая дѣлала ихъ въ свое время передовымъ народомъ Европы, и на древніе памятники своего стараго развитія. Ставши разъ на эту точку, славянскіе патриоты не замедлили придать своей старинѣ больше блеска, чѣмъ она заслуживала. Экстравагантные ученые утверждали, что славянскій языкъ есть прямое продолженіе языка Гомера ²⁾; новозобрѣтенные «Иллиры» считали свою генеалогію со временъ Кадма, за тысячу лѣтъ до Рождества Христова; наши русскіе квасные патриоты отыскивали необычайныя добродѣтели въ древней Руси и за неимѣніемъ другаго восхваляли ея смиренномудріе... Эти наивности любопытны для насъ именно потому, что высказываютъ затаенную мысль славянскихъ патриотовъ, и обнаруживаютъ, какія прорѣхи хотѣли они прикрыть въ своемъ національномъ прошедшемъ и настоящемъ.

Но этимъ прошедшимъ и настоящимъ занялась и истинная наука. Славянская исторія еще въ концѣ прошлаго столѣтія останавливала на себѣ вниманіе ученыхъ, очень часто ученыхъ нѣмецкихъ, которые для нея были почти тѣмъ же, чѣмъ былъ Шлецеръ для русской исторіи; — или иногда и Славяпъ, но съ нѣмецкимъ или латинскимъ образованіемъ и писавшихъ по нѣмецки или по латыни. Таковъ былъ даже Добровскій, непосредственный предшественникъ настоящихъ ученыхъ панславизма. Было бы долго и излишне пересчитывать труды всѣхъ этихъ ученыхъ прошлаго столѣтія, посвящавшихъ свое изученіе славянской исторіи и археологій (напримѣръ Ассемани, Лингартъ, д-ръ Антонъ, Энгель, Гебгарди, Катавичъ,

²⁾ Извѣстная книга: „Homerus Slavizans“.

Мейнертъ, Шнурреръ, Тунманъ, Добнеръ, Дуритъ и ин. друг.). Эти ученые смотрѣли на свой предметъ чисто сціентифическимъ образомъ; это была для нихъ такая же археологія, какъ всякая другая, и національность автора имѣла вліяніе развѣ только на выборъ сюжета. Тѣмъ не менѣе они имѣли свое значеніе въ образованіи панславянской идеи: ихъ изслѣдованія, объяснявшія частную исторію славянства, дали слѣдующему поколѣнію ученыхъ возможность общаго обзора, который указывалъ связь этихъ частныхъ между собою и открывалъ общія черты цѣлаго племени. Труды Добровскаго уже имѣютъ этотъ общеславянскій характеръ: онъ былъ первымъ энциклопедистомъ славянскихъ нарѣчій и славянской исторіи. Труды Добровскаго были еще отрывочны, но съ ними уже начинаютъ опредѣляться вопросы славянскаго изученія: по грамматической системѣ Добровскаго начинаютъ составляться грамматики разныхъ славянскихъ нарѣчій; изученіе, начатое имъ, дало точку отправленія для изслѣдованій другихъ, и эти изслѣдованія стремятся найти взаимную связь. Второе и третье десятилѣтія нынѣшняго вѣка представляютъ уже значительное расширеніе этого славянскаго знанія, хотя оно все еще шло ощупью и только начинало раскрывать картину славянской старины и славянскаго настоящаго. У Чеховъ въ это время открыты были «Судъ Любуши» и «Краледворская рукопись», которые подѣйствовали такъ сильно и на науку и на патріотическое чувство; начинаются труды Шафарика, Палацкаго, Ганки. У Сербовъ появился въ это время сборникъ пѣсень Караджича; сербскій эпосъ, въ первый разъ указанный здѣсь во всей своей патріархальной красотѣ, сталъ новымъ предметомъ славянской національной гордости и новымъ орудіемъ литературнаго возрожденія. У Русскихъ также начинается особенно усердное изслѣдованіе старины, стоящее въ связи съ изученіемъ славянства: это было время трудовъ Востокова, Калайдовича, Строева, Кенпена.

Такимъ образомъ начиналась новая наука и вмѣстѣ начиналось и болѣе близкое знакомство славянскихъ племенъ между собою, потому что серьезное изученіе старины неизбѣжно этого требовало. Тѣмъ не менѣе эта новая наука все еще была неполна и отрывочна; подробности уже связывались, но еще не было одного законченнаго цѣлаго.

Такимъ законченнымъ цѣлымъ изученіе славянскаго міра въ первый разъ является въ трудахъ Шафарика. Знаменитый ученый былъ первымъ и до сихъ поръ почти единственнымъ ученымъ вполне панславянскаго характера. Ему принадлежитъ первый общій обзоръ славянскихъ литературъ, древностей, этнографіи. Все это были труды, исполненные съ замѣчательной ученостью и здравой критикой, и съ нихъ въ первый разъ начинается цѣльный взглядъ на славянскія національности, стремленіе связать ихъ въ единое историческое цѣлое, объяснять ихъ одну другою. Съ тѣхъ поръ частныя изслѣдованія находили себѣ въ этомъ общеславянскомъ изученіи Шафарика точку опоры, какой имъ до тѣхъ поръ не доставало; обще-

славянская идея становилась обязательной и неизбежной для тѣхъ, кто брался теперь за объясненіе вопросовъ славянской жизни.

Въ этомъ смыслѣ совершались труды послѣдующихъ ученыхъ: принадлежа къ разнымъ славянскимъ народностямъ, они имѣли уже одинъ общій интересъ и общую цѣль; ихъ изученіе обнимало уже болѣе или менѣе всѣ отрасли славянскаго племени, и ихъ частныя національныя стремленія принимали на себя оттѣнокъ общеславянской идеи. Ученые современники Шафарика, дѣйствовавшіе въ томъ же смыслѣ, и новое поколѣніе, образовавшееся подъ ихъ прямымъ влияніемъ, уже положительно отличались этимъ общеславянскимъ характеромъ своего изученія, какъ напр. Челяковскій, Палацкій, Эрбенъ, Мацѣевскій, Бодинскій, Срезневскій, Григоровичъ, Милоншичъ и т. д. Это согласіе въ общемъ направленіи соединило ихъ въ касту, которая ревностно распространяла свои идеи въ литературѣ... Ученая каста, сначала немногочисленная, потомъ болѣе и болѣе возрастающая, была соединена довольно тѣсно, даже личными отношеніями, какъ случается впрочемъ между учеными специалистами. Члены ея дѣлались учеными открытіями, помогали другъ другу въ своихъ трудахъ, воспитывали новыхъ адептовъ. Каста имѣла наконецъ значительное влияние, потому что ея панславянскіе интересы совмѣщались съ національными стремленіями отдѣльныхъ племенъ: къ защитѣ своей собственной народности ученые прибавляли указаніе на цѣлую семью племенъ, которая должна быть сильна взаимной симпатіей и согласіемъ въ общемъ дѣлѣ, — одна славянская народность должна была укрѣпляться вмѣстѣ съ тѣми какъ укрѣплялись другія. Въ подмогу этимъ практическимъ соображеніямъ являлась и европейская теорія національнаго фатализма, которая нашла горячихъ послѣдователей между славянскими патриотами. Теоретики панславизма проповѣдывали, что каждому народу отъ начала предопредѣлена извѣстная историческая задача, что каждому на роду написано провести въ своемъ существованіи извѣстную идею, что такую идею, совершенно особую, должны выполнить и славянскіе народы. На эту тему написано было множество трактатовъ, весьма лестныхъ для національнаго славянскаго чувства. Изъ этой теоріи панславизмъ сдѣлалъ наконецъ тотъ выводъ, что западные народы уже совершили свою задачу, что имъ нечего больше дѣлать на свѣтѣ, и что мѣсто ихъ должно занять теперь свѣжее, неиспорченное славянское племя, для котораго наступила пора исполнить свою миссію. Будущее отдавалось теперь «славянскимъ началамъ»... Это была извѣстная теорія Хомякова, Шевырева, Кирѣевскихъ и т. д. и множества западно-славянскихъ патриотовъ. Возрожденіе создало этимъ путемъ одинъ общій образъ мыслей, который болѣе или менѣе согласно повторяли всѣ пропагандисты панславизма, какой бы народности они ни принадлежали.

Такимъ образомъ и эта серьезная литература, начавши съ строгаго фактическаго изученія, кончала увлеченіями, не имѣвшими никакого реальнаго основанія. Патриоты прятались уже видѣть паденіе запада и тор-

жество славянскаго востока, предсказывали будущую славянскую цивилизацию, въ то время, когда славянскій міръ, въ массѣ, только что начиналъ усваивать элементарныя понятія цивилизованной жизни.

Во всемъ этомъ нельзя не видѣть обыкновеннаго увлеченія начинающейся пропаганды. Недостатокъ прямой дѣятельности и непосредственной политической жизни естественно заставляли Славянъ возлагать свои надежды на фантастическое будущее: въ немъ патріотамъ представлялась несомнѣнная побѣда. Ясно, что въ эту эпоху своего развитія панславизмъ былъ скорѣе патріотической поэзіей, чѣмъ политическимъ ученіемъ.

Эта патріотическая поэзія развивалась дѣйствительно съ большою плодотворностью и съ большимъ успѣхомъ. Обстоятельства были вполне благоприятны этому. Съ первыми началами возрожденія со всѣхъ концовъ славянскаго міра слышались заявленія братской любви, вездѣ заговорили о великой славянской будущности, о взаимности и единствѣ и т. д. Вездѣ началось раскапыванье старины, и усилія цѣлой школы ученыхъ достигли, наконецъ, того, что возстановили до извѣстной степени образъ стараго славянства, принимавшій въ отдаленіи поэтическія краски, указали историческія нити, соединявшія настоящее славянскаго племени съ его прошедшимъ, нашли извѣстныя родственныя черты въ характерѣ отдѣльныхъ племенъ, указали дѣйствительныя красоты славянской народной поэзіи. Идея панславизма, развитая школой, была увлекательна по своей фантастической широтѣ и, распространенная въ литературѣ, имѣла успѣхъ вездѣ, гдѣ она или подавала славянскимъ національностямъ надежду поправить свое настоящее, или льстила ихъ самолюбію. Въ славянскомъ обществѣ танцовало какое-то неясное ожиданіе... Поэзія взялась высказать эти ожиданія. Замѣчательнѣйшія проявленія панславянской поэзіи относятся къ тому же самому періоду, которому принадлежитъ научное открытіе панславянской идеи, и одно нерѣдко питалось и поддерживалось другимъ: оттого самая поэзія принимала нерѣдко свой извѣстный археологическій оттѣнокъ. Поэты панславизма явились съ разныхъ сторонъ, но самые ревностные изъ нихъ принадлежали Чехамъ, которыми, мы видѣли, принадлежала и наибольшая доля въ ученоемъ открытіи панславизма. Во главѣ ихъ стоитъ Колларъ, авторъ знаменитой «Дочери Славы». Эта поэма, указывавшая славянскимъ племенамъ принципы ихъ нравственной солидарности, стала поэтическимъ кодексомъ панславизма. Такимъ же повтомъ панславизма былъ Челяковскій: онъ пересаживалъ на чешскую почву народныя ибси другихъ Славянъ, съ панславянской цѣлью показать ихъ родство и познакомить народности между собой. Вражда къ Нѣмцамъ умѣла находить себѣ рѣзкое выраженіе у Челяковского и другихъ поэтовъ юной Чехіи: это былъ одинъ изъ любимыхъ мотивовъ національной поэзіи, юные Чехи вспоминали о старыхъ несправедливостяхъ «враговъ цѣлаго славянства», и пророчили освобожденіе отъ неавиастнаго ига. Панславянская поэзія нашла пмыхъ представителей и въ новой «иллирской» національности. «Иллиры»

готовили свое оружіе на другого врага—на Венгровъ. Пoesія Вукотиновича и другихъ представителей юной Иллирии въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ была вовсе не двусмысленна на этотъ счетъ; но и въ этой поэзіи была обыкновенная панславянская подкладка и мечтательныя надежды на единство. Панславянская поэзія оказалась затѣмъ и въ русской литературѣ. Здѣсь даръ пророчества взялъ на себя Хомяковъ... Нашимъ читателямъ знакома, безъ сомнѣнія, эта поэзія, въ которой панславянскія стремленія, мистицизмъ и реторика складывались въ высокопарныя оды и элегии. Хомяковъ едва ли не самый характеристическій представитель русскаго панславизма: мистическое превознесеніе славянской расы, изъ которой онъ дѣлалъ настоящее «избранное» племя, враждебное пренебреженіе западомъ и его національностямъ, виѣшнее, довольно іезуитское «смирненіе», и подъ его личиною властолюбивыя и самолюбивыя замашки. Хомяковъ очень давно выразилъ эти качества своихъ взглядовъ и своей поэзіи, и его «Орелъ», котораго онъ призываетъ «простереть свои крылья надъ слабой главой младшихъ братьевъ», производилъ въ свое время впечатлѣніе между западнымъ славянствомъ, которое тогда еще не подозрѣвало тенденцій московскаго панславизма. Панславянскіе мотивы послышались наконецъ и въ польской литературѣ, и казалось, что въ самомъ дѣлѣ наступила пора, когда разъединенныя части одной семьи, столько страдавшія въ своемъ раздѣленіи, соединятся наконецъ въ свой прежній тѣсный союзъ и что для нихъ начнется новая жизнь; эту жизнь, повидимому, такъ единодушно встрѣчали вездѣ славянскія племена, что сомнѣніе не приходило въ голову.

Но славянской семьѣ недоставало еще самаго необходимаго орудія всякаго національнаго единства,—единства языка, т. е. простой возможности понимать другъ друга. Колларъ хотѣлъ достигнуть этого единства своей теоріей о «славянской взаимности». Книжка его объ этомъ предметѣ, переведенная на разныя славянскія нарѣчія, имѣла большой успѣхъ: читатели его полагали, что предложенное имъ средство — взаимное изученіе славянскими народами ихъ главнѣйшихъ нарѣчій (Колларъ сравнивалъ ихъ съ діалектами греческаго языка, не мѣшавшими греческому единству) — рѣшаетъ дѣло и соединитъ Славянъ нравственной солидарностью. Имъ не приходило въ голову, во первыхъ, что изученіе нѣсколькихъ нарѣчій никогда не будетъ возможно для большинства, которое въ вопросахъ національности и рѣшаетъ все дѣло; во вторыхъ, что филологическая ученость народовъ, если бы она и была возможна, нисколько не поправила бы ихъ положенія: хотя бы даже славянскіе народы достигли взаимнаго пониманія своихъ литературъ (относительно языка), это еще вовсе не сближало бы ихъ общественныхъ и политическихъ интересовъ и понятій. Русскому или Поляку по прежнему оставались бы чужды и незанимательны дѣла дамитинскаго Серба; Чехъ по прежнему былъ бы безсиленъ помочь Болгарину и т. д., — и ихъ собственнымъ дѣламъ филологическая ученость помогла

бы очень мало. Но въ свое время «литературная взаимность» показала панславистамъ полнѣйшимъ разрѣшеніемъ національнаго затрудненія. Они полагаали, что изучивъ четыре главныя славянскія нарѣчія, можно считать единство совершившимся и національную цѣль достигнутою. Что же по ихъ мнѣнію могло дать разнымъ Славянамъ это изученіе? Взаимность, по мнѣнію касты, должна была главнымъ образомъ направиться на изученіе славянскихъ народностей, — т. е. народной поэзіи, старины, нравовъ и обычаевъ, однимъ словомъ, всего того, что конечно представляло собой «народность», т. е. характеристическіе признаки славянскихъ племенъ, но что *само по себѣ* было еще крайне непроезвительно для общественнаго развитія. Каста состояла преимущественно изъ специалистовъ филологин, археологин и этнографин; самъ Колларъ, пѣвецъ «Дочери Славы» и авторъ «Литературной взаимности», вздумалъ сдѣлаться археологомъ и занялся отыскиваньемъ Славянъ въ Швейцаріи, въ Италіи и проч. Каста имѣла значительное количество послѣдователей, но большинство тѣмъ не менѣе осталось хладнокровно къ придуманной взаимности. Причина этого понятна: «взаимность» сводилась на археологическій интересъ, нисколько не касаясь существенныхъ социальныхъ вопросовъ, которые собственно и требовали улучшенія.

Нѣкоторое неясное понятіе о взаимной связи было впрочемъ и безъ того между новыми славянскими литературами. Ученымъ уже была знакома родственная связь славянскихъ племенъ; были примѣры, что эта родственность была даже ощущаема ими съ извѣстной долей славянскаго патріотизма. Политическая сила Русской имперіи въ восемнадцатомъ столѣтіи возбуждала удивленіе и нѣкоторую неопредѣленную симпатію даже и въ народныхъ западно-славянскихъ массахъ, когда имъ приходилось что нибудь слышать объ этомъ. Первые попытки изученія славянской исторіи пробуждали еще яснѣе эту мысль о славянскомъ родствѣ. Труды Добровскаго казались уже близки русскимъ ученымъ, его современникамъ. Извѣстный защитникъ «старого слога», адмиралъ Шишковъ, перевелъ на русскій языкъ «Краледворскую рукопись», какъ только вышло ея изданіе у Чеховъ... Когда создалась наконецъ каста, эта взаимность конечно усилилась; труды разноплеменныхъ ученыхъ скорѣе становились извѣстны въ славянскомъ мірѣ, мѣна идей стала чаще, но результатомъ этой взаимности, какъ понимала ее каста, было только развитіе ультранаціональныхъ понятій, которыя мы уже указывали, распространеніе разныхъ фантастическихъ ожиданій, лишенныхъ всякаго реального значенія. Съ этими вещами трудно было измѣнить тѣ политическія и общественныя условія, отъ которыхъ главнымъ образомъ страдали національности: Болгарину или турецкому Сербу было вовсе не легче отъ того, что ученые увѣрили его, что въ его народности заключается корень будущей цивилизаціи; Чеху было бы гораздо полезнѣе сколько нибудь поправить свои внѣшнія обстоятельства, чѣмъ поучаться изъ «взаимныхъ» умствованій Хомякова и проч.

Надобно впрочемъ сказать, что панславизмъ приобрѣлъ наконецъ и свою политическую сторону. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ о панславизмѣ заговорили европейскіе журналы: неопредѣленное броженіе, обнаружившееся въ славянскихъ земляхъ, показалось цѣлой политической революціей, готовой измѣнить положеніе Европы. Политическіе элементы и дѣйствительно были въ этомъ національномъ броженіи, но тогдашніе политики слишкомъ преувеличили ихъ значеніе. Недоразумѣіе разсѣялось только послѣ событій 48—49 года.

Политическій смыслъ приданъ былъ панславизму и раньше 30-хъ годовъ. Панславянскія тенденціи были уже, какъ извѣстно, у заговорщиковъ 14-го декабря. Достаточно вспомнить то положеніе, въ которомъ находились тогда славянскія племена, чтобы видѣть, что мечты о славянскомъ союзѣ были слишкомъ преждевременной фантазіей. Въ двадцатыхъ годахъ славянской союзъ не представлялъ никакихъ практически возможныхъ основаній: думать о немъ могли только люди, слишкомъ мало знакомые съ положеніемъ вещей. При всемъ томъ мысль о славянскомъ союзѣ была пущена и находила потомъ ревностныхъ прозелитовъ: туманъ, покрывавшій славянскія дѣла, еще облегчалъ созданіе политическихъ фантазій. И тѣ, кто желалъ, и тѣ, кто боялся славянского союза, считали его дѣломъ возможнымъ, хотя въ то время и наука еще очень немного знала о томъ, насколько славянской міръ представляетъ гарантій единства или союза. Панславизмъ былъ уже названъ въ это время, и хотя съ этимъ словомъ соединялось крайне темное понятіе, оно заняло политическихъ дилеттантовъ,—въ родѣ того, какъ въ прошломъ столѣтіи занимала греческая имперія, задуманная Потемкинымъ. Говоря о панславизмѣ, такіе дилеттанты понимали не правильное политическое развитіе народовъ, а просто только размежеваніе Европы, болѣе или менѣе пріятное для глазъ... Мы считаемъ излишнимъ распространяться о подобныхъ теоріяхъ политическаго панславизма. Достаточно сказать, что этотъ панславизмъ не имѣлъ ничего или мало общаго съ дѣйствительными стремленіями славянскихъ племенъ; онъ даже становился къ нимъ въ прямое противорѣчіе. Для примѣра достаточно указать книжку ревностнаго панслависта этого разряда, графа Гуровскаго ³⁾: по мнѣнію его, славянскія племена юга и запада — ни больше ни меньше, какъ вѣтви, отдѣлившіяся отъ своего корня, и своей порчей вредныя самому корню; эти національности стали бесплодны въ своемъ отдѣленіи, и единственное средство исцѣлить ихъ отъ этого безплодія — привязать ихъ къ здоровому славянскому племени, которое для ихъ же пользы должно абсорбировать ихъ въ одно славянское цѣлое. Подъ здоровымъ племенемъ разумѣется конечно Россія.

Книжка Гуровскаго была далеко не единственнымъ образчикомъ этого абсорбирующаго панславизма: было не мало брошюръ, разнивавшихъ ту же

³⁾ La civilisation et la Russie, St.-Petersb. 1840.

мысль въ поученіе европейскимъ политикамъ. Они производили свой эффектъ, потому что разныя политическія событія подтверждали повидимому общую мысль, которая въ нихъ проповѣдовалась. Это было время, когда Россіи приписывались вообще завоевательныя стремленія, и въ западной Европѣ постоянно выражались опасенія по этому поводу.... Какъ ни противорѣчилъ этотъ абсорбирующий панславизмъ сепаративнымъ національнымъ усиліямъ отдѣльныхъ славянскихъ народностей, намъ совершенно понятна мысль такого единства: Гуровскій весьма естественно приходилъ къ ней, если считалъ славянскія національности «безплодными», а на это послѣднее онъ имѣлъ нѣкоторое право, потому что цѣлыя столѣтія западное и южное славянство оставалось совершенно чужо въ исторіи. Неправъ былъ онъ (и всякіе люди его мнѣній,) только въ томъ, что рѣшалъ судьбу славянства, не спросившись его самого: какъ ни казалась ему самому блестяща перспектива русской націи, усиленной десятками милліоновъ всего остальнаго славянства, — само славянство могло имѣть свои, не совсѣмъ похожіе на это, идеалы, и кто же имѣлъ право навязывать имъ другіе?.... Наше московское славянофильство было, на дѣлѣ, гораздо хуже: въ сущности оно держалось тѣхъ же мнѣній, какъ книжка графа Гуровскаго, хотя вовсе не утверждало, что національности безплодны; въ одно и то же время оно и выказывало заботы объ ихъ развитіи, и свои стремленія къ опекѣ; оно и поощряло ихъ, и старалось втолковать имъ, что они собственного интереса не понимаютъ, и должны исправиться, т. е. слушаться московскихъ наставленій.

Люди болѣе либеральныхъ стремленій находили другія средства дать исходъ развитію славянскихъ національностей: они признавали за этими національностями способность жить и развиваться, и предлагали, что самая естественная форма панславизма есть панславянскій союзъ изъ равноправныхъ народностей, федерація, въ которой и Россія займетъ мѣсто наравнѣ съ другими безъ всякаго первенства; или федерація только изъ однихъ западныхъ и южныхъ Славянъ, съ исключеніемъ Россіи, которая и сама по себѣ достаточно сильна, чтобы обезпечить свою національную самобытность; или федерація изъ австрійскихъ славянскихъ земель, съ присоединеніемъ Польши и т. д. Комбинацій представлялось вообще довольно много, и мысль о федераціи всего чаще кажется привлекала славянскихъ патриотовъ, помышлявшихъ о будущей судьбѣ славянскаго міра. До 1848 года эта мысль росла въ славянскихъ земляхъ Австріи втихомолку и медленно: славянская печать была въ такомъ загонѣ, что ей трудно было говорить прямо объ этихъ предметахъ, да притомъ ученая каста, на то время почти исключительно завѣдывавшая литературой, мало и думала о томъ, что національный вопросъ можетъ потребовать, наконецъ, практическаго разрѣшенія въ политической борьбѣ и революціи. Впослѣдствіи, съ свободной печатью эта мысль смѣлѣе явилась на сцену, но затѣмъ опять заглохла въ министерство Баха. Новая австрійская конституція опять дала возможность

выразиться этимъ федеративнымъ стремленіемъ, конечно въ предѣлахъ преданности австрійскому престолу.

Кромѣ этого наиболѣе распростраеннаго мнѣнія, польскій панславизмъ выставилъ свою теорію, крайнимъ выраженіемъ которой былъ извѣстный «Мессіаниззмъ» Мицкевича. По этой теоріи славянскій міръ представляетъ двѣ стороны, положительную и отрицательную: первая, заключающая въ себѣ начала будущаго славянскаго и человѣческаго прогресса и братства людей и народовъ, и истинное выполненіе христіанства, — представляется Польшей; вторая, деспотическая и разрушительная, представляется Россіей, для которой Мицкевичъ вообще не пощадилъ темныхъ красокъ. Польшѣ предстоитъ, по теоріи Мицкевича, великая роль вести впередъ развитіе человѣчества и дать наконецъ полное выраженіе христіанской идеѣ. Поэтому спасеніе славянскаго міра, отстанишаго болѣе или менѣе вездѣ отъ истинныхъ славянскихъ началъ, заключается въ Польшѣ, которая должна занять первенствующее мѣсто въ союзѣ славянскихъ народностей.

Понятно, что эта теорія, имѣвшая свой успѣхъ въ польской литературѣ и естественно созданная всѣми условіями этой литературы, была слишкомъ далека отъ дѣйствительности. Но такими же фантастическими представленіями изобилуютъ и многія другія теоріи о будущей судьбѣ славянскаго міра: здѣсь выразилось опять и истинное желаніе вознаградить себя за неутѣшительную дѣйствительность и крайность національнаго самолюбія.

Теорія, въ сущности неуступающая «Мессіанизму» своими преувеличеніями, есть наконецъ та теорія, которую началъ нѣкогда развивать кружокъ Хомякова, Кирѣевскихъ и т. д., и которая теперь окончательнo завершена публицистами «Русской Бесѣды» и «Дня». Мы уже упоминали о ней прежде: она, такъ же какъ и другія, пророчитъ славянскому міру великую будущность и торжество славянскихъ началъ надъ западною цивилизаціей; она крѣпко стоитъ за развитіе народности и ея права, рекомендуетъ славянское братство, но въ то же самое время проповѣдуетъ такія вещи, которыя уже никакъ не укладываются въ принципъ національности. Именно, славянофильская теорія начинаетъ съ разными словоизвитіями повторять то же самое, что совершенно откровенно утверждала упомянутая книжка Гуровскаго. Московскіе славянофилы находятъ теперь, что кромѣ насъ, Русскихъ, почти все славянское племя (за исключеніемъ Болгаръ и православныхъ Сербовъ) совратилось съ истиннаго пути, утратило свой настоящій первобытный характеръ и чистоту славянскихъ началъ, и потому погибаетъ въ сѣтяхъ латинскаго запада. Можно было бы замѣтить на это, что въ этомъ совращеніи прошла вся исторія католическаго славянства, что поэтому смѣшно было бы и требовать отъ него иныхъ славянскихъ началъ, кромѣ тѣхъ, какія даны были ему исторической жизнью, — но славянофильская теорія, не смотря на то, утверждаетъ, что истинныя начала скрываются только въ той части славянскаго племени, которая приняла сначала

кирилловскую, а не латинскую азбуку. Это положеніе славянофильская теорія подтверждаетъ съ одной стороны доказательствами чисто-метафизическаго свойства, напр. приписывая Славянамъ кирилловской азбуки разные отвлеченныя нравственныя качества, какихъ не имѣють Славяне западные; съ другой тѣмъ, что будто бы первые вѣрнѣ сохранили чистоту древне-славянскаго быта и славянскій природы, которыя у другихъ были нарушены и подавлены вліяніемъ испорченнаго запада.... Въ настоящемъ случаѣ намъ излишне и неудобно подробно опровергать эти доказательства, тѣмъ больше, что они до сихъ поръ излагаемы были большей частью только въ видѣ патетическихъ восклицаній, а не разумнаго и серьезнаго изслѣдованія..... Достаточно сказать, что изъ нихъ славянофильская теорія выводитъ то заключеніе, что всѣ западные Славяне, уклонившіеся на ложный путь отъ истинно-славянскихъ началъ, могутъ спастись только возвратившись къ этимъ началамъ, т. е. другими словами, они должны отказаться отъ всей прошедшей исторіи, отъ всего тысячелѣтняго существованія, которое и сдало имъ современный характеръ; иначе, они должны отказаться отъ своихъ національностей и поступить въ распоряженіе московскихъ мудрецовъ.

Какое политическое примѣненіе можетъ имѣть подобная теорія, славянофилы не объясняютъ ближайшимъ образомъ. Но ясно, что это примѣненіе было бы очень недалеко отъ абсорбирующаго панславизма, о которомъ мы говорили выше. Рельефное выраженіе тенденцій московскаго панславизма см. въ брошюрѣ «Посланіе къ Сербамъ изъ Москвы».

Итакъ, не смотря на то, что политическій вопросъ, какъ мы сказали, до 1848 года мало могъ появляться въ западно-славянскій литературѣ, онъ уже останавливалъ на себѣ европейское вниманіе. Внутренніе споры Кرواتовъ и Словаковъ съ Венграми, начавшіеся съ тѣхъ поръ, какъ Венгрія взялась за политическое развитіе своей національности, стали предметомъ европейскаго интереса; кرواتскіе публицисты не скрывали своего ожесточенія противъ Мадырѣ, и въ Европѣ стали вѣрить, что панславизмъ дѣйствительно можетъ угрожать европейскому спокойствію. Всего больше боялись этого Нѣмцы, и потому тѣмъ сильнѣ настаивали на германскомъ единствѣ, какъ единственномъ ручательствѣ за господство нѣмецкаго племени: чтобы укрѣпить силы этого единства, нѣмецкіе патриоты считали необходимымъ внести въ него и Австрійскую имперію, какъ бы ни было велико число ея не-нѣмецкихъ обитателей,—на томъ основаніи, что нѣмецкій элементъ былъ тамъ господствующимъ и цивилизующимъ началомъ. Австрійское славянство казалось имъ тѣмъ опаснѣе, что къ его движенію могло примкнуть національное движеніе турецкихъ Славянъ, которые заявляли о своей народной самобытности и могли бы еще болѣе усилить славянскій союзъ. Та же опасность могла явиться и со стороны Польши. Наконецъ въ то время были убѣждены, что панславизмъ составляетъ мечту Россіи, и что Россія стоило выразить свое желаніе, поднять знамя, чтобы всѣ эти народы стали подъ это знамя... Въ 1846 г., одинъ изъ депутатовъ

баденской палаты заявляя открыто свои опасения и указывая на страшное развитие славянской национальности, грозившее нѣмецкому отечеству, — и его слова произвели тогда впечатлѣніе. Естественно ожидать, что нѣмецкіе патріотическіе публицисты смотрѣли недружелюбно на славянское движеніе. Они подозрѣвали его въ соглашеніи съ Россіей, видѣли въ немъ русскую интригу, считали русскими революціонными эмиссарами тѣхъ мирныхъ ученыхъ, которые ѣздили почерпать у Славянъ свою археологическую ученость — и въ самомъ дѣлѣ вромѣ этой археологій ничего отъ нихъ не вывозили.

Наконецъ въ 48-мъ году славянской вопросъ является на открытой политической сценѣ. Австрійское славянство отвергло притязанія франкфуртскаго парламента, настаивавшаго на нѣмецкомъ качествѣ славянскихъ земель Австріи, — но этимъ заявленіемъ о своей національности и ограничилось весь политическій результатъ революціи для славянскаго дѣла. Затѣмъ политическая роль славянства въ это время была самая несчастная: славянской сѣздъ въ Прагѣ доставилъ представителямъ славянскихъ національностей короткое удовольствіе, — при которомъ они успѣли впрочемъ увидѣть, какъ много нужно еще сдѣлать, чтобы возможно стало «единство». Славянскіе представители плохо понимали другъ друга, и разошлись, не сдѣлавши собственно ничего. Торжественный манифестъ разувѣрилъ Европу, что ей совершенно нечего опасаться, что славянство остается такъ же вѣрно какъ прежде габсбургскому дому, и что оно будетъ защищать его интересы... Кроаты успѣли подавить венгерскую революцію; Чехи послали своихъ волонтеровъ; Россія, которой приписывалось столько страшныхъ завоевательныхъ плановъ, очень естественно приняла въ этомъ дѣлѣ сторону порядка... Все это габсбургскому дому было совершенно пріятно.

Такъ это должно было конечно случиться по тѣмъ условіямъ, въ которыхъ находилось въ тѣ времена славянское движеніе. Славяне были слишкомъ мало развиты политически, чтобы сдѣлать что нибудь больше; изъ противодѣйствія франкфуртскому парламенту, они усердно защищали ту самую Австрію, которая стояла на дорогѣ всего славянскаго вопроса. Реакція, послѣдовавшая съ усмиреніемъ Венгріи, поставила ихъ въ то же положеніе, въ какомъ они были до 48 года: оно было даже хуже, потому что австрійское правительство увидѣло, что славянство способно въ спокойному образу мыслей, и съ тѣхъ поръ стало принимать всѣ мѣры къ истребленію такого образа мыслей.

Теперь могли успокоиться тѣ славянскіе патріоты и публицисты, которые еще наканунѣ событій 48 года и въ теченіе этого самаго года утверждали, что единственное спасеніе Австріи — сдѣлаться славянской федераціей, или даже имперіей, но съ преобладающимъ славянскимъ характеромъ. Оказалось, что славянской міръ можетъ еще на нѣкоторое время довольствоваться тѣмъ политическимъ режимомъ, какимъ онъ пользовался;

еще не былъ на уровнѣ тѣхъ политическихъ условій, съ которыми собирався бороться.

Славянское движеніе компрометировало себя и съ другой стороны. Въ австрійской революціи оно встрѣтилось съ нѣмецкимъ либеральнымъ движеніемъ, которое, раздѣляя тенденціи германской національной партіи, требовало либеральныхъ учрежденій, которыя бы избавили страну отъ прежняго угнетенія и произвола. Нѣтъ сомнѣнія, что это движеніе было дѣйствительно прогрессивное, но славянскіе политики видѣли въ его представителяхъ только приверженцевъ ненавистнаго франкфуртскаго парламента: свою вражду къ нимъ славянскіе политикіи простерли и на всѣ ихъ принципы, — естественно, что такимъ образомъ, при всѣхъ своихъ благородныхъ пожеланіяхъ, они должны были очутиться на сторонѣ консерваторовъ и реакціонеровъ... Въ томъ же самомъ положеніи они оказались отчасти и въ послѣдніе годы, въ новой конституціонной палатѣ: національная задняя мысль сдѣлала славянскихъ депутатовъ врагами нѣмецкихъ прогрессистовъ палаты, и это вовсе не внушало къ нимъ довѣрія. Славянскіе депутаты не находили поддержки и своимъ собственнымъ требованіямъ.

Эти обстоятельства сдѣлали славянское движеніе еще менѣ популярнымъ, чѣмъ оно было прежде. Въ немъ не могли искать себѣ союзниковъ люди, стремищіеся къ прочной реформѣ общественныхъ и политическихъ отношеній. Извѣстно, что Венгерцы, по окончаніи войны, смѣялись надъ Кроатами, что они, Венгры, возставшіе противъ Австріи, выиграли отъ нея больше, чѣмъ Кроаты, защищавшіе ее. Это было совершенно справедливо. То же самое можно было сказать и о Чехахъ, и о всѣхъ остальныхъ австрійскихъ Славянахъ, которые приняли тогда программу Палацкаго.

Намъ скажутъ, что программа была доказательствомъ благоразумія. Съ этимъ можно пожалуй согласиться, но въ такомъ случаѣ къ чему было предаваться безбѣрному національному самовосхваленію, въ которомъ такъ сильно упражнялись тогда славянскіе патриоты?

Такимъ образомъ ожиданія обманули: славянской миръ не возсталъ какъ одинъ человекъ, не произвелъ на Европу страшнаго нашествія, котораго боялись отъ него, цивилизація была не тронута. Одна часть славянства (Сербія и турецкіе Славяне), не заинтересованная прямо въ австрійскомъ вопросѣ, осталась совершенно спокойна⁴⁾; другая (Польша) благоразумно уклонилась отъ политическихъ безпокойствъ; третья (Россия) поддержала въ Австріи законный порядокъ, — а разрушеніи европейской цивилизаціи не было конечно и рѣчи. Съ другой стороны обнаружилось также и то обстоятельство, что подъ національнымъ движеніемъ вовсе нельзя подразумѣвать непременно движенія прогрессивнаго, — потому что панславизму

⁴⁾ Экспедицію Сербовъ въ близость къ Венгрію на воюющіе Сербомъ австрійскими надобно считать отдѣльнымъ случаемъ, исключеніемъ.

приходилось именно становиться въ положеніе начала консервативнаго и реакціоннаго.

Послѣ неудачь 48—49 года панславизмъ совершенно исчезъ съ литературной и политической сцены. Мечта, построенная археологами и крайними приверженцами національнаго принципа, потеряла кредитъ, и панславизмъ былъ почти забытъ. Эта неудача панславизма сама по себѣ обнаруживаетъ его реальную слабость. Она показала, что стремленія кружка еще не выработали прочной практической идеи. Чего требовалъ этотъ кружокъ? Прежде, до взрыва революціи, онъ постоянно рекомендовалъ своимъ adeptамъ отвлеченное изученіе славянской народности; выступивши на политическое поприще, онъ рекомендовалъ программу, которая нисколько не разрѣшала вопроса, и въ сущности только поддерживалъ прежній порядокъ, т. е. австрійскую опеку. Народныя массы были слишкомъ мало развиты въ политическомъ отношеніи, и это отозвалось на нерѣшительномъ и срединномъ поведеніи ихъ предводителей. Кружокъ и не приготовилъ народной массы къ подобной дѣятельности. Правда, ему трудно было бы свободно излагать свои теории въ государствѣ, которое держало строгій контроль надъ литературой; но во всякомъ случаѣ кружокъ имѣлъ возможность направлять народную мысль такъ или иначе, по крайней мѣрѣ указывать темы для размышленія. Онъ не дѣлалъ и этого. Всѣ тенденціи панславистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ ограничивались или фантазерствомъ о будущей славянской цивилизаціи, или наставленіями объ изученіи народности. Это изученіе было, конечно, дѣло прекрасное, но знать хорошо тонкости этнографіи еще мало для того, чтобы принести настоящую пользу обществу на этотъ вопросъ.

Какими же явленіями отразилось это время на литературахъ славянскихъ племенъ, и каковы національныя отношенія племенъ въ настоящемъ ихъ положеніи?

Въ нашемъ введеніи мы показали, что задатки единства, на которые ссылались панслависты, далеко не имѣютъ такого обязательнаго значенія, какъ этимъ послѣднимъ казалось. Мы видѣли напротивъ значительное количество элементовъ разъединенія.

Литературная судьба славянскаго возрожденія снова отразила на себѣ это старое историческое разъединеніе. Возрожденіе прежде всего обнаружилось появленіемъ множества отдѣльныхъ литературъ, оправдывавшихъ свое существованіе тѣмъ, что выгоды народнаго развитія требовали необходимо, чтобы съ народомъ говорили на его собственномъ языкѣ, что тогда только можетъ вполне высказаться содержаніе его народной идеи и т. п. Теорія предопредѣленныхъ народностей требовала развитія этой народной идеи, какова бы она ни была, и литература возрожденія, бѣдная и писателями и публикой, бѣдная и по языку и по содержанію, разбилась на множество осколковъ. Въ этихъ новыхъ литературахъ нужно было иногда все начинать сначала, съ азбуки и литературнаго языка, народъ получалъ только элементарныя книги и иногда, какъ бывало у Словаковъ, добровольно лишалъ

себя произведеній другой близко-родственной литературы изъ-за того только, чтобы читать книги на своемъ мѣстномъ нарѣчїи. Изъ чешской выдѣлилась словацкая литература, хотя языкъ Словаковъ отличается отъ чешскаго только самыми незначительными подробностями, и хотя Словаки въ прежнія времена постоянно пользовались чешской литературой и доставили ей многихъ писателей. Литература Сербовъ издавна была раздѣлена на кирилловскую и латинскую: эта разница была удержана и теперь, хотя «единство» и было бы очень возможно, такъ какъ литературы Сербовъ, православныхъ и католическихъ, отличаются только азбукой и почти нисколько не отличаются по языку. Но этого мало: самая литература православныхъ Сербовъ едва не разбилась опять на двѣ части изъ-за орфографїи: Сербы австрїйскіе приняли орфографїю Вука Караджича, Сербы княжества держались своей и даже налагали запретъ на книги съ правописанїемъ Вука. Особая литература была у Хорватовъ, особая у Словинцевъ... Въ тридцатыхъ годахъ стали появляться болгарскія книги. Въ Галиціи русинская литература опять составила особую школу, не принимавшую вполнѣ ни языка русскаго, къ которому хотѣла приближаться, ни своего народнаго, который тогда принять былъ въ начавшейся литературѣ русской Украйны. Маленькое племя Лужичанъ также не могло обойтись безъ своей литературы и даже приобрѣло двѣ: явилась одна литература для нѣсколькихъ десятковъ тысячъ Верхнихъ Лужичанъ, и другая литература для нѣсколькихъ десятковъ тысячъ Нижнихъ Лужичанъ... Были люди, которые радовались этому богатству,—но ему трудно было радоваться, если эти люди желали въ то же время единства: это литературное столпотвореніе могло грозить тѣми же послѣдствїями, какія имѣло столпотвореніе вавилонское; т. е. окончательнымъ разбродомъ. Какой бы общій и согласный энтузіазмъ ни соединялъ всѣ эти литературы подъ одно знамя, для нихъ трудно или даже невозможно ожидать культурной будущности, какую прочли себѣ панславизмъ. Эти литературы, предназначенныя для народа, должны впередъ осудить себя на служебную роль элементарнаго обученїя; онѣ едва будутъ успѣвать питаться чужими трудами, потому что если бы славянское племя и могло представить богатство сильныхъ умовъ и сильныхъ талантовъ, это раздѣленіе роковымъ образомъ ограничиваетъ ихъ дѣятельность предѣлами небольшого племени и потребностями мало развитой массы. Для сильнаго таланта нужно будетъ или стѣснить свою дѣятельность по размѣрамъ своей народной области, или, если этотъ талантъ требуетъ себѣ широкой дѣятельности,—покинуть свою литературу для другой, и въ такомъ случаѣ остаться безполезнымъ для своей собственной народности. Исторїя литературы представляетъ не мало подобныхъ примѣровъ.

Эти народныя литературы могутъ конечно принести свою великую пользу первоначальнымъ развитїемъ народныхъ массъ, особенно въ народностяхяхъ слишкомъ подавленныхъ, какъ напримѣръ болгарская, и въ этомъ

смыслѣ онѣ совершаютъ дѣло весьма почтенное, но такая программа славянскихъ литературъ въ результатѣ слишкомъ мало общается для будущей «панславянской» цивилизаціи. Для подобнаго труда, мы думаемъ, нуженъ болѣе обширный запасъ силы, чѣмъ могутъ представить эти разбросанныя литературы, осужденныя на повтореніе вещей, уже извѣстныхъ. Какъ бы то ни было, панславизмъ не утратился этого затрудненія, и Колларъ, ограничившись четырьмя главными литературами, считалъ возможнымъ соединить ихъ въ искусственное единство, посредствомъ теоріи взаимности. Славянская литература покажется успокоилась на этомъ. — Что же было приобрѣтено положительнаго?

Литературная дѣятельность панславизма, по самой сущности своей, не могла принести большой пользы практическому объясненію дѣла, и даже въ извѣстной степени вредила ему. За отсутствіемъ вопроса политическаго, поэзія осталась почти единственнымъ выраженіемъ панславянскихъ стремленій и поддерживала ихъ постоянно въ той фантастической окраскѣ, которая такъ знакома намъ въ славянофильской поэзіи Хомякова. Въ патріотическихъ воззваніяхъ славянскихъ поэтовъ и ихъ русскихъ сотоварищей говорилось много о братствѣ, о сверженіи иноземнаго ига, о высокомъ подвигѣ славянскаго племени: весь этотъ романтизмъ звучалъ пріятно для уха, годился пожалуй на подготовленіе общественнаго вниманія, но въ заключеніе онъ только бесплодно раздражалъ фантазію, давая очень мало матеріала для серьезной мысли. Послѣ 49-го года поэты панславизма окончательно устарѣли. Прозаическое переложеніе этихъ плей прибавляло имъ мало ясности и дѣйствительнаго смысла. Если западные панслависты и философы московскаго славянофильства и сходились въ своихъ мнѣніяхъ объ искорененіи западной цивилизаціи и въ ненависти къ Нѣмцамъ, то это нисколько не подвигало дѣла и кончалось бесплоднымъ нустословіемъ.

На дѣлѣ, не смотря на всѣ эти проповѣди о взаимности, Славяне знали другъ друга крайне мало, и теперь знаютъ почти также мало, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Правда, спціентифическое знаніе славянства съ тѣхъ поръ значительно усилилось, но это знаніе по прежнему ограничивается кружкомъ специалистовъ. Говоря о собственномъ обществѣ, это знаніе до сихъ поръ крайне ничтожно, и въ этомъ легко убѣдиться, наблюдая тѣ взаимныя личныя встрѣчи и отношенія, какія бывали и бывають между представителями разныхъ славянскихъ пародностей, и взаимное положеніе славянскихъ литературъ въ настоящую минуту.

За исключеніемъ ближайшаго сосѣдства, Славяне начали сознательно знакомиться между собой только со временъ такъ называемаго возрожденія. Сначала это знакомство было только ученое, потомъ оно стало отчасти оказываться и за предѣлами спеціальнаго кружка: славянской вопросъ былъ одно время извѣстной модой. Въ своихъ путешествіяхъ въ западную Европу, наши дилеттанты считали необходимымъ заѣхать въ Прагу и погово-

рять тамъ о своемъ ощущеніи къ славянскому возрожденію и проч. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ славянскія земли послано было нѣсколько ученыхъ, которые заняли потомъ университетскія кафедры и распространили до извѣстной степени интересъ къ своему изученію, едва начинавшемуся. Наконецъ заѣзжали къ Славянамъ и чистые славянофилы, и просто люди, руководившіеся однимъ любопытствомъ. На мѣстѣ всѣ эти путешественники встрѣчались конечно только съ тѣми, кто были передовыми людьми и патриотами славянскаго дѣла; путешественники находили самый любезный и дружескій пріемъ, въ слѣдствіе котораго они всѣ оказывались ревностнѣйшими панславистами. Хотя до тѣхъ поръ большинство ихъ имѣло о Славянахъ весьма слабое понятіе. Въ слѣдствіе взаимныхъ комплиментовъ, въ Прагѣ, — а тамъ былъ всегда центръ славянскаго движенія. — установилось мнѣніе, что въ Россіи славянскій вопросъ пользуется такимъ же сочувствіемъ, какъ у самыхъ ревностныхъ Чеховъ. Въ этомъ особенно увѣряли ихъ славянофилы, всегда имѣвшіе слабость говорить отъ лица всего русскаго народа, и въ настоящемъ случаѣ утверждавшіе, что русскій народъ также имѣетъ желаніе искоренить зловредную западную цивилизацію и основать, въ братствѣ съ остальнымъ славянствомъ, новую цивилизацію на своихъ національныхъ началахъ любви и смиренія. Чехи были увѣрены, что русское образованное общество и не думаетъ иначе. На сколько это было вѣрно, читатель можетъ судить, если припомнить положеніе нашего славянофильства въ сороковыхъ годахъ... Была конечно возможность извлечь совершенно другія понятія объ интересахъ и настроеніи большинства русскаго общества — изъ книгъ, — но къ Славянамъ достигало изъ русской литературы только очень немногое, достигали почти только даровыя книги, которыя присылались имъ русскими послѣдователями школы. Это были почти исключительно или книги научныя, или славянофильскія творенія.

Такимъ образомъ распространялись здѣсь самыя превратныя понятія о существенно-важномъ пунктѣ панславянскаго дѣла: отношенія двухъ главнѣйшихъ народностей, въ немъ заинтересованныхъ, представлялись въ такомъ видѣ, что результатомъ могло быть одно вредное недоразумѣніе. Люди не-славянофильскаго образа мыслей, не нахлывавшіе на себя фальшиваго панславизма, или болѣе осторожныя въ сужденіяхъ — были такъ непривычны для представителей западнаго славянства, что послѣдніе скорѣе готовы были обвинять ихъ въ недостаткѣ патриотизма, чѣмъ допустить возможность скептицизма, который такъ не похожъ былъ на заявленія странствующаго славянофильства. Никто не вѣрилъ, что русское общество имѣетъ свои другіе, болѣе близкіе интересы, что объ нихъ оно думаетъ больше, чѣмъ о панславизмѣ. Съ другой стороны и западные панслависты столько же преувеличивали славянское настроеніе собственного общества и особенно народа ⁵⁾.

⁵⁾ Безпристрастный наблюдатель и тогда могъ бы замѣтить въ этихъ международныхъ отношеніяхъ черты совершенно иного рода. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ.

Намъ возвращать вѣроятно, что мы преувеличиваемъ, что австрійское правительство вѣроятно не даромъ старается по возможности обрывать возможность связей Славянъ съ Русскими и между собою и т. п. Но, во первыхъ, Австрія надѣется (справедливо или нѣтъ, — это другой вопросъ) этими средствами совершенно уничтожить національныя сочувствія славянства, которыя и есть, хотя въ весьма неразвитомъ состояніи; съ другой стороны извѣстно также и то, что подозрительность самой австрійской полиціи очень преувеличиваетъ дѣло, потому что если и было когда нибудь два-три настоящихъ эмиссара, то наши нынѣшніе агитаторы вовсе не могутъ взять на себя такого титула.

Взаимныя сношенія и связи западныхъ Славянъ между собой также были чрезвычайно мало развиты: исключая специалистовъ, слѣдившихъ за литературой, этихъ сношеній почти не существовало. Правда, славянскіе патриоты навѣщали другъ друга; прѣздъ Штура былъ событіемъ для лужицкихъ патриотовъ; въ Вѣнѣ и даже въ Прагѣ собиралось въ университетѣ много славянской молодежи, даже изъ православныхъ Сербовъ и Болгарь.

Въ то время, когда поднялся національный вопросъ въ Венгріи, онъ возбуждѣлъ сильную реакцію со стороны Хорватовъ и Словаковъ, которые не хотѣли признавать надъ собою первенства мадырской народности. Возбужденныя страсти высказывались довольно искренно, когда искренность была полезна для настоящей минуты. Венгерскіе публицисты, желая подорвать кредитъ славянскихъ противниковъ у австрійскаго правительства, бросали подозрѣніе на симпатіи славянства къ Россіи (дѣло было въ 1842 году). Хорватскіе панслависты и не отказывались отъ этой симпатіи; въ интересъ славянской идеи они только просили не смѣшивать ее съ ихъ споромъ противъ Венгріи, — и поступали послѣдовательно. Но одинъ главный защитникъ Словаковъ проболтался. Онъ пришелъ въ негодованіе отъ этихъ подозрѣній и торжественно обличилъ венгерскаго публициста! Онъ утверждаетъ, что если „даже православные австрійскіе Славяне выше всего дѣлать кроткое, родительское правленіе нашихъ (т. е. австрійскихъ) повелителей“, то „католическіе и протестантскіе Славяне привязаны къ любимому австрійскому императорскому дому съ такой же любовью и вѣрностью, какъ православные“. Онъ положительно увѣряетъ, что сомнѣнія и обвиненія въ противномъ можетъ выставлять только нечестность и слѣпой, глупый фанатизмъ (*im Unredlichkeit und ein blinder, stupider Fanatismus*). Въ доказательство этой непоколебимой вѣрности и въ опроверженіе „постыднаго подозрѣнія“ онъ приводитъ наконецъ „однѣ историческія факты, который смѣшишь яснымъ и поразительнымъ образомъ обличаетъ эту недуманную симпатію австрійскихъ Славянъ къ Россіи, и если бы оказалось нужнымъ, — прибавляетъ онъ, — мы могли бы прибавить къ нему еще сотни подобныхъ историческихъ примѣровъ вѣрности Славянъ къ своему монарху“. Дѣло идетъ о хорватскихъ полкахъ, отправившихся съ французской арміей въ походъ 1812 года: „Большое половинъ иллврскаго отряда, отправившагося противъ Русскихъ, состояло изъ нраво славянскихъ, слѣдовательно они были совершенно одной религіи съ новыми противниками; но тѣмъ не менѣе всѣ Иллирійцы, безъ различія религіи, при каждой встрѣчѣ съ врагами, такъ доказали свою старую военную славу и вѣрность своему знамени, что французскіе генералы считали назначеніе этихъ войскъ подъ ихъ команду особенной милостью императора. Ни одинъ иллирійскій солдатъ не перешелъ къ Русскимъ во все продолженіе похода...“ (*Slawismus und Pseudomagayatismus*. Leipzig. 1842). Читатель пойметъ, что мы сдѣлали эту выписку вовсе не за тѣмъ, чтобы онъ осудилъ иллирійскихъ солдатъ за недостатокъ панславянскій любви. Солдаты дѣлали свое дѣло, т. е. то, что было имъ призвано. Мы хотѣли только обратить вниманіе на способъ возрѣній самого защитника славянской національности. Этотъ защитникъ очевидно не вошелъ надлежащимъ образомъ во вкусъ школы, онъ еще не создалъ себѣ фантома всеславянской любви и потому проговаривается правдой: защищая національный славянский интересъ въ Венгріи, онъ довольно хладнокровно относится къ своимъ славянскимъ родственникамъ, и это конечно не было ни притворствомъ, ни случайностью.

но всего этого было мало для широкаго сближенія. Взятая въ цѣломъ, народности остаются чужды одна другой по прежнему: ихъ частные интересы различны, и даже племена австрійскаго славянства, стоящія въ сходныхъ политическихъ условіяхъ, не могли придти въ этомъ отношеніи ни къ какому соглашенію и единству. Южное славянство въ своемъ общественномъ и политическомъ интересѣ не имѣетъ почти ничего общаго съ австрійскимъ; австрійское теряетъ свой патриотизмъ на пустыя мелочи и на фанатическую ненависть къ Нѣмцамъ, нѣмецкому языку и литературѣ, оставаясь въ то же время совершенно преданнымъ Австрійской инженеріи; русское славянство опять занято только своимъ личнымъ вопросомъ; о Польшѣ нечего и говорить.

Естественно, что литературное движеніе должно было оставаться при этомъ раздробленнымъ и что причина раздробленности заключалась въ отсутствіи болѣе тѣсныхъ социальныхъ и политическихъ связей. Самыя требованія «взаимности» показываютъ, что на дѣлѣ взаимность была очень мала и что панславянская идея связывала литературы племенъ слишкомъ неопредѣленнымъ образомъ. Очевидно, что такое положеніе не представляло большихъ надеждъ, если бы ему суждено было остаться такимъ.

Славянскія литературы, большія и маленькія, начатыя возрожденіемъ, существуютъ и теперь отдѣльными разбросанными центрами, но понятія, а съ ними и положеніе дѣла, начинаютъ уже опредѣляться яснѣе. Чего могутъ ждать теперь славянскія литературы отъ прежняго панславизма, можно видѣть изъ послѣднихъ плановъ «единства», придуманныхъ московскими славянофилами.

Московскій панславизмъ, представляемый теперь «Днезъ» и его послѣдователями, въ послѣдніе года высказался наконецъ положительно, и его новѣйшія теоріи не совсѣмъ похожи на то, что онъ говорилъ прежде. Онъ открыто заявилъ тѣ свои тенденціи, которыя прежде закрывались у него туманомъ славянской любви. Московскіе славянскіе братья прямо стали утверждать, что они братья старшіе, что другіе братья обязаны ихъ слушаться, и въ противномъ случаѣ корили ихъ измѣной славянскимъ началамъ и служеніемъ себялюбивому антиславянскому западу. Московскіе братья стали предписывать западнымъ, и южнымъ (напр. Чехамъ и Сербамъ) не только политическія, но даже религіозныя правила. Въ прежнія времена все славянское вызывало въ московскихъ славянофилахъ безусловное сочувствіе и одобреніе; въ послѣднее время славянство не все уже пользовалось его благосклонностью, стали дѣлаться исключенія, даже въ томъ разрядѣ славянскихъ народностей, которыя прежде выставлялись какъ образецъ національнаго патриотизма; иногда грозилъ чуть не разрывъ, какъ недавно съ Чехами... Какковы бы ни были обстоятельства, производившія этотъ раздоръ въ славянскомъ мѣрѣ,—это былъ по крайней мѣрѣ знакъ, что на мѣсто высокопарныхъ фразъ стала наконецъ являться болѣе или менѣе опредѣленная мысль и опредѣленный интересъ. Видѣть съ тѣмъ стали пропадать

и нѣкоторыя прежнія заблужденія. Думали прежде, напримѣръ, что Славяны такъ и тянутся взаимно другъ къ другу, что они жаждутъ изучать другъ друга. Оказалось, что ихъ тянетъ не такъ сильно, и что они въ сущности плохо знаютъ и понимаютъ другъ друга, въ особенности Русскихъ. Оказалось, что какъ бы ни жаловались австрійскіе Славяне на несправедливости Нѣмцевъ, нѣмецкій элементъ, не смотря на свою малочисленность, все таки въ ней самый сильный, какъ своей исторіей, такъ и образованностью, и что Славяне австрійскіе, хотя и выносятся дѣйствительно сильный нѣмецкій гнетъ, должны быть до извѣстной степени осторожны въ своихъ жалобахъ на Нѣмцевъ, которымъ сами Славяне дали всю возможность господства. Разбирая отношенія славянскихъ народностей въ Австріи, московскій панславизмъ понялъ, что ихъ многочисленность, далеко превышающая число самихъ Нѣмцевъ, ровно ничего не значить, такъ какъ 15 или 17 миллионъ австрійскихъ Славянъ распадаются на 7 различныхъ народностей, что эти народности «представляютъ собой организмы больные, нецѣльные», такъ какъ одни изъ нихъ сильно обѣмечены, другіе раздѣлены взаимной непріязнью, которая ослабляетъ окончательно Славянъ, доставляя всѣ выгоды нѣмецкому, австрійскому правительству. Столько же вѣрно было замѣчено, что у славянской интеллигенціи въ Австріи панславизмъ очень мирно уживается съ чувствами глубокой преданности къ габсбургской династіи, которая однако исторически была и есть врагъ славянской народности, потому что эта послѣдняя мѣшаетъ нѣмецкой централизаціи государства. Было замѣчено и то, что славянская интеллигенція имѣетъ совершенно превратное понятіе о своемъ собственномъ положеніи: она желаетъ Австріи успѣха на славянскомъ югѣ въ ожиданіи, что Австрія сдѣлается славянской имперіей, если къ ней прибавятся турецко-славянская Боснія и Герцеговина, и пр., — хотя конечно Австрія останется и тогда такой же, какою была, потому что прибавка нѣсколькихъ лишннихъ миллионъ къ не-нѣмецкому населенію имперіи нисколько не измѣнитъ сущности дѣла и историческихъ преданій габсбургской династіи. Славянскія народности, сами по себѣ, такъ слабы, что онѣ не могутъ составить *націи* съ своей самостоятельной образованностью и литературой, и чтобы не подчиниться неизбѣжно чужимъ подавляющимъ вліяніямъ, онѣ нуждаются въ поддержкѣ обширной нравственной силы. Эту силу, по мнѣнію московскихъ панславистовъ, можетъ доставить имъ только принятіе *русскаго языка*, какъ языка образованія и литературы. Только этимъ способомъ онѣ найдутъ твердый центръ, около котораго онѣ могутъ собрать свои разрозненные силы. Это распространеніе русскаго языка, замѣчали нѣкоторые изъ московскихъ панславистовъ, должно имѣть чисто нравственныя основанія, «свободныя отъ всякихъ политическихъ замысловъ». Прежде всего должны принять русскій языкъ Болгары и Сербы, а за ними и другіе Славяне. Знакомившись съ русскимъ языкомъ, они увидятъ необходимость принять его языкомъ науки и высшей образованности, но могутъ сохранить пожа-

луги свои нарѣчія въ администраціи, въ судѣ, школахъ и въ произведеніяхъ поэтическихъ, особенно мѣстнаго содержанія, въ проповѣдяхъ, календаряхъ, учебникахъ и т. д.

«Надѣяться на то, — говорятъ дальше эта теорія, — что Сербы и Болгары могутъ со временемъ создать свою богатую литературу и образованность на своихъ собственныхъ нарѣчіяхъ, нѣтъ ни малѣйшаго строгаго основанія, ибо малочисленность ихъ и бѣдность ихъ нынѣшней словесности съ одной стороны, а съ другой современное развитіе образованности и нынѣшняя спеціализація наукъ отымаютъ такую надежду даже въ самомъ далекомъ будущемъ. Въ наше время наука стала такою силою, *безъ которой не можетъ удержаться* ни одна народность, и Сербамъ и Болгарамъ, освобожденнымъ и соединеннымъ въ одну державу (конечно не безъ помощи Росіи), предстанетъ выборъ, или утратить мало по малу свою народность и принять органомъ образованности одинъ изъ соплеменныхъ языковъ, или же сохранить свою народную и племенную особенность и принять русскій языкъ, который съ каждымъ, можно сказать, десятилѣтіемъ все болѣе приобретаетъ себѣ характеръ всеобщаго всемірнаго языка (?), подобно англійскому, нѣмецкому и французскому».

Такую же будущность новѣйшая славянофильская теорія предсказываетъ для другихъ западныхъ Славянъ.

«Славяне въ Австріи заслуживаютъ только названіе народностей, и, какъ таковые, *не могутъ не подчиняться Нѣмцамъ*, которые, по всей справедливости, должны быть названы націею, ибо семь народностей: Поляки, Малороссы, Чехи, Словаки, Сербы, Хорваты, Словинцы, составляющія слишкомъ 15 милліоновъ славянскаго народонаселенія Австріи, сами по себѣ такъ слабы и малочисленны, что ни одна изъ нихъ не можетъ теперь образовать независимаго, сильнаго государства и самостоятельной образованности и литературы на своемъ родномъ языкѣ. Если польская и чешская литературы иногда называются богатыми, то это совершенно относительно: онѣ очень бѣдны и ничтожны въ сравненіи съ литературами нѣмецкою, англійскою, французскою, итальянскою и даже испанскою. Не надо забывать, что чешская и польская литературы въ 15, 16, 17 и 18 вѣкахъ обрабатывались на гораздо большемъ пространствѣ, чѣмъ теперь. Что касается до южныхъ Славянъ, то они образуютъ федерацію, общимъ органомъ высшей образованности можетъ быть у нихъ только русскій языкъ. Славяне въ Австріи, изъ чувства патриотизма, не хотятъ сознаться, что они находятся къ Нѣмцамъ въ отношеніи народностей къ національности. Тутъ вводятъ ихъ въ *недоразумѣніе* мысль, что они принадлежатъ къ одному великому 80-ти милліонному племени, но они совсѣмъ, кажется, не обращаютъ вниманія на то, что изъ этихъ 80-ти милліоновъ, 50 принадлежатъ къ одному русскому племени, уже выработавшему себѣ одинъ письменный языкъ, а остальные 30 милліоновъ раздѣлены на 8-мь народностей, имѣющихъ каждая свою особенную литературу, находящуюся въ самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ...»

Это введеніе русскаго языка подвинетъ впередъ и самыя внутренніе вопросы западнаго и южнаго славянства, примиритъ племенную вражду и дастъ возможно боротся съ вліаніемъ другихъ націй, мадарской, итальянской и нѣмецкой, и даже вытѣснить его совсѣмъ. «Если русское образованное общество искренно желаетъ пользы Славянамъ, то оно обязано помогать имъ не только матеріально, но и духовно, ибо русскій народъ отличается отъ своихъ бѣдныхъ и слабыхъ соплеменниковъ не только вѣшною силою, но и нравственною мощью и богатствами духовныхъ силъ»¹⁾.

Переданныя нами разсужденія составляютъ во всякомъ случаѣ большій успѣхъ сравнительно съ прежнимъ мистицизмомъ мекленскаго панславизма. Но вопросъ о будущности славянскаго образованія и народности едва ли рѣшается такимъ простымъ пріемомъ. Во первыхъ, почему необходимо требовать, чтобы славянскія племена непременно составляли большую націю? Извѣстно, что могутъ быть и небольшія націи, какъ напр. шведская, и очень маленькія народности, напр. фламандская, которыя однако продолжаютъ существовать, и послѣдняя не упадаетъ даже подъ французскимъ вліаніемъ, которое въ Бельгіи едва ли не сильнѣе, чѣмъ нѣмецкое въ Австріи или чѣмъ когда нибудь могло бы быть тамъ русское вліаніе. Славянскія племена могутъ до нѣкоторой степени сосредоточиться изъ своего нынѣшняго разброда (напр. Чехи, Мораване, Словаки и даже Лужичане въ одну группу; Сербы, Хорваты, Словинцы, Далматинцы и даже Болгары въ другую; Поляки въ третью) и вести отдѣльную народную жизнь, какъ ведутъ ее Шведы, не сливаясь съ Нѣмцами, или даже Датчане, не сливаясь со Шведами. Отчего бы было невозможно такое отдѣльное существованіе славянскихъ народностей? Какая принудительная сила заставила бы въ особенности западное славянство принять русскій языкъ?

Если южное славянство, т. е. Сербы и Болгары, составятъ когда нибудь свободную федерацію, то при большей близости этихъ нарѣчій къ русскому языку, при единствѣ народной религіи, и наконецъ при близкомъ сосѣдствѣ, русскій языкъ еще имѣетъ вѣроятіе получить здѣсь какое нибудь вліаніе. Но этихъ вѣроятій гораздо меньше, если дѣло идетъ объ австрійскихъ Славянахъ, особенно Чехахъ. Здѣсь въ особенности дѣло будетъ зависѣть отъ устройства политическихъ отношеній: останутся Чехи подданными габсбургской династіи, надъ ними по прежнему будетъ сильно нѣмецкое вліаніе, и введеніе русской образованности будетъ равносильно политической революціи, имѣющей весьма мало шансовъ; распадется Австрійская имперія, и получитъ въ ней роль Венгерія, Славяно, связанныя съ ней, подпадутъ венгерскому вліанію, которое будетъ столько же враждебно введенію русскаго элемента; удастся національный переворотъ и федерація, стремленіе къ которой замѣтно во всей Австрійской имперіи, главныя славянскія племена будутъ еще ревнивѣе заботиться о своей національной автономіи, и

¹⁾ См. В. Ламянскаго, *Сербія и южеслав. пров. Австріи*, в „Дель“, россійск.

дѣло опять скорѣе придетъ къ образованію указанныхъ нами группъ, чѣмъ къ господству чужаго, все таки, русскаго языка.

Если западное славянство отличается и теперь крайнимъ невѣжествомъ относительно Россіи, то не даетъ ли это обстоятельство и въ будущемъ мало надежды на принятіе русскаго языка? Вѣроятно въ русской литературѣ (какова она была до сихъ поръ, и какой можетъ, пожалуй, оставаться недолго) слышатся Славянамъ нѣчто чужое, или же нѣчто недостаточное. Другое дѣло, если бы русскій языкъ явился къ нимъ въ союзѣ съ политическимъ освобожденіемъ и союзомъ: усиліемъ его былъ бы тогда вѣроятнѣе, но возможность подобнаго явленія остается также дѣломъ весьма загадочнымъ.

Какія же выгоды принесетъ русскій языкъ этому западному и южному славянству? Теорія замѣчаетъ, между прочимъ, что русскій языкъ дастъ ему возможность изучить Россію и уважать на возможность сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ, народной словесности, народного быта и т. д. Сравнительное изученіе едва ли можетъ имѣть слишкомъ большее вліяніе на народную судьбу, и этнографія поможетъ ей такъ же мало, какъ мало до сихъ поръ помогала филологія и археологія, которой такъ много занималась славянская интеллигенція. Этнографическая ученость не разрѣшитъ славянскихъ затрудненій: для народовъ и интеллигенціи гораздо важнѣе политическое пониманіе и защита мѣстныхъ народныхъ требованій, а не возвращеніе къ старо-славянскимъ идеаламъ, которые свиваются подъ «сравнительнымъ изученіемъ», рекомендуемымъ теорію. Нынѣшнему Болгарину безъ всякаго сравнительнаго изученія ясно, что ему нужно въ настоящую минуту: угнетеніе отъ фанариотовъ, турецкое иго, недостатокъ школъ совершенно для него понятны, и уничтоженіе этого зла составляетъ его первую потребность; если сербскіе паризіин и поклонники Австріи навязываютъ Сербамъ ненародныя учрежденія, законодательство и т. п., то и здѣсь средство противъ этого зла заключается не въ сравнительномъ изученіи, а въ сознательности народной воли. Для будущей федераціи нужна не этнографическая ученость, а развитіе народной массы, т. е. умѣнье понять и защищать свой собственный интересъ, какъ это успѣлъ нѣсколько сдѣлать сербскій народъ когда освободился отъ турецкаго ига.

Существеннымъ аргументомъ въ пользу принятія западными и южными Славянами русскаго литературнаго языка, служить въ теоріи культурное значеніе его, которое она не усумнилась назвать всемірнымъ, сравнивая русскій языкъ, какъ орудіе «вышей образованности» съ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Получить ли русскій языкъ такое значеніе для западнаго и южнаго Славянства, мы не беремся рѣшить, потому что это значило бы брать на себя роль предсказателя; мы сдѣлаемъ только нѣсколько замѣчаній о томъ, какія условія дѣлаютъ языкъ «всемирнымъ», т. е. даютъ ему возможность обширнаго вліянія и возможность

служить орудіемъ «высшей образованности», даже для тѣхъ народовъ, которые употребляютъ собственно другой языкъ.

Замѣтимъ сначала, что не всѣ славянскія нарѣчія такъ беспомощны, какъ хочется теоріи. Если сербскій языкъ дѣйствительно только теперь начинаетъ примѣняться къ терминологіи науки, т. е. къ высшей образованности, то языки польскій и чешскій мало или нисколько не уступаютъ русскому. Чешскій языкъ приобрѣлъ возможность передавать высшую образованность въ очень короткій недавній періодъ времени, и тѣмъ самымъ уже сильно подрываетъ сомнѣніе теоріи въ способности западныхъ нарѣчій быть орудіемъ высшей образованности. Этотъ недавній трудъ образованія литературнаго языка конечно заставитъ Чеховъ еще болѣе дорожить имъ, и покажетъ онъ еще вовсе не въ томъ положеніи, чтобы русскому языку пришлось въ одно прекрасное утро замѣнить его собой въ произведеніяхъ науки, высшихъ родовъ литературы и поэзіи. Мысль отказаться отъ своего собственного литературнаго языка, конечно, долго не придетъ въ голову не только Чехамъ, но даже и гораздо слабѣйшимъ народностямъ; она была бы возможна для нихъ только тогда, когда бы они потеряли всякую надежду на національное существованіе; и если бы Чехи пришли къ добровольному рѣшенію оставить свой языкъ, то замѣнить его они едва ли бы не приняли скорѣе нѣмецкій, чѣмъ русскій,—точно также какъ и въ настоящее время многіе изъ ученыхъ и даже лучшихъ патриотовъ западнаго славянства выбираютъ иногда исключительно нѣмецкій языкъ, когда идетъ для нихъ вопросъ о болѣе широкомъ интересѣ науки или политики (Шафарикъ, Палацкій, Колларъ, Миллошичъ, Ткалацъ, Утѣшеновичъ, и ин. друг. Наконецъ, для того, чтобы чужой, хотя и родственнѣй языкъ—которому все таки нужно учиться—могъ замѣнить свой народнѣй, нужно, чтобы этотъ чужой языкъ представлялъ много своего внутренняго авторитета.

Если французскій, нѣмецкій, англійскій языки могутъ дѣйствительно назваться языками всемірными, это названіе основывается на слишкомъ важной роли ихъ въ исторіи человѣческаго развитія. Мало того, что ихъ литературы создали множество произведеній, имѣющихъ большое національное значеніе; они имѣютъ множество произведеній, обладающихъ великимъ общечеловѣческимъ значеніемъ. На этихъ языкахъ высказывались существенные вопросы и рѣшенія человѣческой мысли, составлявшіе дѣйствительную задачу человѣческаго развитія и потому важные не только въ средѣ этого самаго народа, но и вездѣ, гдѣ только являлась мысль о божествѣ, природѣ, человѣкѣ, обществѣ, знаніи и т. д. Было время въ древности, когда это такъ называемое общечеловѣческое значеніе принадлежало греческой литературѣ и тогда греческій языкъ былъ языкомъ «высшей образованности»; потомъ эта роль перешла къ латинскому и осталась за нимъ до самаго конца среднихъ вѣковъ, и до нѣкоторой степени даже позже; затѣмъ въ новѣйшія времена это значеніе принадлежитъ языкамъ

французскому, английскому и нѣмецкому, — вовсе не потому, что это языки больших народов и больших странъ (Китай несравненно обширнѣе всѣхъ ихъ вмѣстѣ), а потому, что на этихъ языкахъ выражалось европейское развитіе; т. е. высшее человѣческое знаніе и наиболѣе знаменательныя произведенія поэзіи. Англія шла впередъ европейскаго развитія съ конца 17-го вѣка; въ 18-мъ дѣло английскихъ мыслителей продолжала французская литература, идеи которой стали руководствомъ для цѣлой Европы; съ конца 18-го и особенно въ 19-мъ къ нимъ присоединяется дѣятельность нѣмецкой науки и поэзіи, которая также была орудіемъ и выраженіемъ «высшей образованности». Въ томъ и дѣло, что языкъ и литература, чтобы достигнуть истинно-всемирнаго значенія, должны стать орудіемъ идей и знанія, представляющихъ общечеловѣческой интересъ и ознаменованъ себя великими произведеніями науки и поэзіи, которые только и дадутъ имъ право занять мѣсто между передовыми націями человѣчества. Въ этихъ условіяхъ языкъ не можетъ ни приобрести «всемирнаго» значенія, ни претендовать на изгнаніе дѣйствительно-всемирныхъ языковъ отсюда, гдѣ они уже успѣли утвердиться, благодаря своему культурному значенію.

Мы полагаемъ, что не можетъ быть спора о томъ, имѣетъ ли русскій языкъ указанныя нами культурныя права, и можетъ ли онъ назваться всемирнымъ въ такомъ смыслѣ. До сихъ поръ литература его ограничивалась или только подражаніемъ или, въ послѣднее время, нѣсколько самостоятельнымъ усвоеніемъ и примѣненіемъ европейскаго знанія на своей почвѣ и къ своимъ условіямъ. Если наша литература уже сдѣлала кое-что въ этомъ смыслѣ, то она не сдѣлала ничего такого, что бы имѣло силу въ предѣлахъ русской страны, что бы могло ее сравнить съ господствующими европейскими литературами. Наша наука до сихъ поръ есть только повтореніе европейской науки, не идущее дальше предѣловъ ея; наша поэзія не создала общечеловѣческихъ идеаловъ и живетъ только нашимъ мѣстнымъ содержаніемъ, имѣющимъ для другихъ народовъ одинъ этнографическій интересъ. Вся наша духовная дѣятельность остается еще въ разнѣрахъ крайне скромныхъ, удобныхъ для домашняго употребленія, но не дающихъ никакого авторитета въ нашихъ собственныхъ потребъ и условій. Тотъ, кто захотѣлъ бы искать въ русской литературѣ плоды «высшей образованности», увидѣлъ бы скоро свою ошибку и обратился бы къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ мы сами до сихъ поръ черпаемъ всю мудрость, и притомъ въ этихъ источникахъ онъ нашелъ бы плоды «высшей образованности» болѣе свѣжими и цѣлыми, чѣмъ въ нашемъ невѣрномъ и очень неполномъ переводѣ.

Такимъ образомъ распространеніе русскаго языка, рекомендуемое теоріей нисколько не уничтожитъ нынѣшняго отношенія славянскихъ народностей къ нѣмецкой или другой образованности. До тѣхъ поръ, пока славянскія народности не могли бы находить въ русской литературѣ настоящей

«высшей образованности», онѣ будутъ въ своихъ лучшихъ представителяхъ оставаться подъ вліяніемъ образованности европейской; до тѣхъ поръ Славяне будутъ пренебрегать знакомствомъ съ нашей литературой и языкомъ. Распространеніе русскаго языка можетъ конечно вознаграждать до известной степени ихъ трудъ содержаніемъ русской литературы, но оно нисколько не разрѣшитъ имъ вопросовъ «высшей образованности», которые конечно неизбѣжны для сколько нибудь серьезнаго умственнаго развитія: какъ только будутъ являться эти вопросы передъ мыслью западнаго Славянина, онъ опять невольно долженъ будетъ обратиться къ своимъ нѣмецкимъ, французскимъ или даже итальянскимъ наставникамъ.

Или же—русская литература должна подняться до той степени, гдѣ бы она могла свободно и безъ опасенія отдаваться изученію «высшей образованности».

Такимъ образомъ, дилемма, представляемая теоріей, принимаетъ иной видъ и сводится къ вопросу о внутреннихъ качествахъ самой русской литературы. Каковы бы ни были опасности, грозящія славянскимъ народностямъ на западѣ, русскій языкъ не спасетъ ихъ, если въ его собственной литературѣ не произойдетъ поворота, который бы далъ развиваться въ ней всѣмъ условіямъ «высшей образованности». Когда это случится, есть опять вещь весьма гадательная.

Славянскія литературы продолжаютъ въ настоящее время исполнять ту программу, которую далъ имъ періодъ возрожденія — одни болѣе, другіе менѣе успѣшно, — но есть уже признаки, которые отдѣляютъ современный періодъ отъ предыдущаго періода крайнихъ національныхъ увлеченій. Въ этихъ признакахъ заключается единственная возможность будущаго.

Время дѣлаетъ свое и старыя увлеченія начинаютъ объясняться для новыхъ поколѣній. Они начинаютъ оставлять прежнія метафизическія разсужденія о «національныхъ началахъ» и меньше вѣрять сантиментальнымъ ожиданіямъ, которыя такъ грубо опровергала дѣйствительность фактовъ. Этотъ скептицизмъ, который начинаетъ овладѣвать болѣе свѣжими умами славянскаго общества, можно считать весьма благопріятнымъ оборотомъ для славянскаго сознанія, потому что только онъ можетъ привести къ здравому взгляду на вещи, и разумному веденію славянскаго вопроса.

Эта перемѣна должна была произойти естественно; пора неопредѣленнаго энтузіазма проходила, и сами событія привели мыслящихъ людей къ непосредственно практическимъ вопросамъ. Славяне, восточные и западные, сѣверные и южные стали замѣчать, что расходятся въ понятіяхъ, когда дѣло пошло о вещахъ положительныхъ. Московское славянофильство начало терять свой кредитъ и даже подвергаться насмѣшкамъ, какъ послѣ знаменитаго посланія

къ Сербамъ. Национальныя цѣли стали опредѣляться яснѣе и старая рамка панславизма, въ которую школа хотѣла вставить славянскую жизнь, начала казаться неудовлетворительной.

Скептицизмъ конечно не даетъ еще положительныхъ основаній, но по крайней мѣрѣ онъ отстраняетъ прежнія произвольныя теоріи, приписывавшія національнымъ силамъ славянства больше, чѣмъ онѣ могли сдѣлать, и заставляетъ искать новыхъ болѣе положительныхъ путей для народнаго развитія. Опытъ долженъ научить, что національное начало, и выстроенный на немъ панславизмъ, есть обоюдоострое оружіе, которое можетъ повредить и тому, кто на него полагается; что оно перестаетъ помогать настоящему благосостоянію массъ, какъ скоро переходитъ въ національную и конфессіональную исключительность и нетерпимость, и достиженіе этого исключительнаго интереса ставить выше интереса общественнаго развитія. Опытъ научаетъ понимать и настоящій смыслъ московскаго славянофильства, которое уже достаточно высказалось въ послѣднее время, и то національное единство, какое желательно ему водворить между славянскими народами. Онъ научаетъ понимать этихъ присяжныхъ проповѣдниковъ національности, которые при первомъ серьезномъ вопросѣ ставятъ на первый планъ себялюбивый расчетъ, жертвуя для него самымъ національнымъ принципомъ, которые ради единенія совершали напр. такіе подвиги противъ мнѣческаго сепаратизма и возбуждали религиозную нетерпимость, возстановляя Сербовъ православныхъ противъ Сербовъ католиковъ, и осуждали цѣлыя племена западнаго славянства за то, что они стали въ древности «латинянами». Наконецъ опытъ научилъ друзей народнаго дѣла и главному—что народное развитіе совершается не возстановленіемъ всякаго національнаго старья, а усвоеніемъ тѣхъ результатовъ, какихъ достигло современное европейское знаніе и общественная исторія. Та, исключительно славянская, на старинѣ основанная цивилизація, о которой толковалъ панславизмъ, есть фраза, которая не должна вводить въ заблужденіе мыслящихъ друзей народа: отказываться отъ существующей цивилизаціи и ея выводовъ невозможно безнаказанно, это значило бы осудить себя на подчиненное культурное мѣсто, которое для второстепенныхъ славянскихъ народностей будетъ теперь же равняться окончательному паденію. Если бы національность стала держаться исключительно старины изъ опасенія потерять свою самобытность, то при близкомъ соудствѣ сильной цивилизаціи она тѣмъ скорѣе потеряла бы свое значеніе,—какъ теряютъ дикари передъ европейцами.

Славянскимъ народностямъ предстоитъ еще тяжелая политическая борьба: въ австрійскихъ земляхъ онѣ должны отстаивать себя отъ Нѣмцевъ, Венгровъ, Итальянцевъ; на Балканскомъ полуостровѣ отъ ига Турокъ и отъ притязаній Грековъ и т. д., и по освобожденіи выдержать еще опеку европейскихъ государствъ. Мы не будемъ отгадывать политическихъ возможностей, которыя могутъ быть весьма разнообразны. Но если въ славянствѣ сохранится наклонность къ единству, это единство и солидарность

народностей возможны только при равныхъ правахъ народностей, при ихъ аналогическомъ развитіи, а это послѣднее возможно только тогда, когда основой его будетъ европейская цивилизація, а не странно понимаемыя преданья патріархальныхъ временъ или предрасудки консервативной отсталости и обскурантизма. Въ противномъ случаѣ подвергаются опасности и правильное развитіе отдѣльныхъ народовъ и ихъ общественное благо.

УКАЗАТЕЛЬ.

- Авакумъ, поизъ 183.
 Аксаковы 198.
 Альбертранди 454.
 Амость, „братъ“ 309.
 Амость, см. Коменскій.
 Англичанинъ, Петръ (Eugliis) см. Пэнъ.
 Андричь, Ал. 149.
 Антонъ см. Далматинъ.
 Антоуъ, д-ръ, 353.
 Априловъ В. 50, 84.
 Артемовскій-Гулакъ, П. 222.
 Асть, 354.
 Атанацковичъ, Богобой 149.
 Атанацковичъ, П. 145.
 Бабукичъ 109.
 Базилекъ, Киприанъ 388.
 Байза, I. Игн. 341.
 Бакшичь, Богданъ 82.
 Балиньскій, Мих. 361. 412. 492.
 Балиньскій, Карлъ 488.
 Бальбинъ, Богуславъ 316. 321. 322.
 Банъ, Матей 150—151.
 Барановичъ, Лазарь 215.
 Бартошевичъ, Юл. 413. 492.
 Бартошекъ 296.
 Бартошъ см. Писаръ.
 Батюшковъ 196.
 Башко, Годиславъ 368.
 Безоновъ П. 43. 50. 87. 88.
 Бемеръ 353.
 Бенешовскій, Матушь 312.
 Бергъ, Н. 252.
 Берличъ, А. 109.
 Бернатовичъ 491.
 Бернолакъ, Антонинъ 342.
 Берчичъ, Янъ 115.
 Беровичъ, Петръ 83.
 Бетондичи — Яковъ и Юсифъ 126.
 Бехинка, Янъ 309.
 Бецковскій, Янъ 316.
 Билейовскій, Богуславъ 313.
 Бирковский, Фабианъ 411.
 Бискупецъ см. Пельгржимовскій.
 Благославъ, Янъ 312. 313.
 Богатскій 354.
 Богашиновичева, Лукреція 126.
 Богдановичъ 217.
 Богдановъ, Н. 85.
 Боговичъ, Мирко 158. 158. 161.
 Богоевъ, I. А. 84. 87.
 Богоричъ, Адамъ 136. 136.
 Богуславскій, Войтъхъ 453. 455.
 Бодянскій, О. 34. 43. 224. 239.
 Бончъ 145.
 Боровиковскій 224. 227.
 Боровскій, см. Гавличекъ.
 Боровскій, Левъ 474.
 Восковиць, Югавна 300.
 Бошквлпчева, Аница 126.
 Бранковичъ, Юрїй 103.
 Бранковичъ, К. 148.
 Бранцель, Михайлъ 352.
 Бранцель, Авраамъ 352.—353.
 Браунъ 423.
 Бржезовы (изъ), Лавр. см. Лаврентій.
 Брода (изъ), Андрей 284.
 Бродзинскій, Казиміръ 458—461.
 Брожко, Янъ (Broscius) 406.
 Брониковскій 491.
 Броншъ 369.
 Брунеръ 128.
 Буйницкій, Казиміръ 490.
 Буонаккорси, Фил. (Калламахъ) 368.
 Бургадели 129.
 Буслаевъ, О. 34. 43.
 Бучичъ, Мих. 131.
 Бѣлѣвскій, Августъ 490—492.
 Бѣлянскій, В. 201—203.
 Бѣлостенець, Ян. 109.
 Бѣльскій, Іоакимъ 403.
 Бѣльскій, Мартинъ 402—403.
 Бѣрецкій, Ян. 239.
 Биджовскій, Марекъ 313.
 Ваверъ 353. 354.
 Вавра, Виц. 340.
 Ваглевичъ, Ян. 287. 239.
 Вальвасоръ 186.
 Вановскій, Берватъ 402.
 Василевскій, Эдмундъ 489.
 Вацерадь 258.
 Вацлавъ I, чешскій король, 257.
 Везилчъ, Алекс. 142.
 Велеславина (изъ), Адамъ 268. 313.
 Вельячъ 358.
 Венгерскій, Каэтаъ 430—432.
 Венглинскій, Левъ 237.
 Венелинъ, Юрїй 50. 83—84.
 Венжикъ, Францискъ 455.
 Верковичъ, Ст. 87. 141.
 Ветраничь, Николай 119. 120.
 Видаковичъ, Милованъ 142.
 Викторинъ изъ Вшегордь 301—302.
 Викторинъ (шс. словацкій) 347.
 Вилемъ 291.
 Вилла 356.
 Виллани, Карлъ-Маріа 334.
 Вильконскій, Августъ 449.
 Винцентій, 266.
 Вислицъ (изъ), Янъ 368.
 Витвицкій, Стефанъ 468.
 Витезовичъ, Павелъ (Ригтеръ) 27. 28. 132.
 Вишневскій, Товятъ 387.
 Вишневскій, Мих. 361.
 Водникъ, Валентинъ 137.
 Войцццкій, Каз. Владис. 362. 489.
 Вольный, Юрїй 316.
 Вольскій, Владиміръ 489.

- Вольтиджи 109.
 Ворониць, Янъ Павелъ 455.
 456.
 Ворѣхъ, Вячеславъ (Worigisius) 352.
 Воскоковъ, Ал. 33.
 Воцель, Эразимъ 242. 264.
 331.
 Вразъ, Станко 187. 153.
 158.
 Врамещъ, Антошъ 131.
 Вучъ 145.
 Вуковичъ, Божидаръ 104.
 Вукотиневичъ, Людевитъ
 153. 155. 158.
 Выбицкій, Юсифъ 453.
 Выджга, Янъ Стеф. 422.

 Габделичъ, Юре 172.
 Гавличекъ, Карлъ (Боров-
 скій) 337—338.
 Гаскъ, Вацлавъ, изъ Либочанъ 312.
 Газда, Антоновичъ 341.
 Гай, Людевитъ 182. 153.
 155—156. 158.
 Галашъ, Германъ 323.
 Галекъ, Витеславъ 339.
 Галка, Андрей, изъ Добчина 371.
 Галка, Иеремія см. Костомаровъ.
 Галъ 368.
 Галько, Игнатій 237.
 Галатовскій 215.
 Ганка, Вацлавъ 34. 242. 252.
 267. 323. 325—326.
 Ганушъ, I. 8.
 Гарантъ, Криштофъ 314.
 Гарткнохъ 423.
 Гарчяньскій, Стефанъ 484.
 485. 488.
 Гаттала, Мартинъ 347.
 Гаутманъ 354.
 Гаунтъ 357.
 Гашинскій, Константинъ
 488.
 Гашталъскій, см. Григорій
 Пражскій.
 Гейденштейнъ, Райнгольдъ
 402.
 Гейдукъ 389.
 Гекторовичъ, Петръ 119.
 121.
 Георгій (шпокъ серб.) 103.
 Геровъ, Найдентъ 50. 85.
 Гизелъ, Густавъ 491. 492.
 Гизель, Шинкевнъ 215.
 Гильбердингъ, А. 6. 8. 50.
 91. 343.
 Гинилевичъ, Григ. 237.
 Гледевичъ, Антушъ 125.
 Гловничъ, Янъ 367.
 Гибковскій 323.
 Гивдичъ 217.
 Гоголь 200—201. 217.
 Годжа, Мих. Милославъ 346.
 Голешовскій, Янъ 284.
 Головацкій, Ив. 237.
 Головацкій, Яковъ 232.
 236—239.
 Головинскій, Игнатій 490.
 Голуховскій, Юсифъ 474.
 Голый, Янъ 342.
 Гончаровъ 202.
 Горедкій, Антошъ 488.
 Горчанскій 353.
 Гоциньскій, Северинъ 469—
 473.
 Грабовскій, Михаилъ 478.
 490. 491.
 Гребенка, Евг. 224.
 Грегеръ, Юліи 340.
 Гренъ 136.
 Гривоцьковъ 196.
 Григорій (пресв. болгар.) 55.
 Григорій Пражскій (Гаш-
 тальскій, Castulus) 299.
 Григорій, чешскій „братъ“
 309.
 Григорій изъ Санока 367.
 Григорій, Грубый изъ Еле-
 ни 303.
 Григоровичъ, Викторъ 4. 23.
 84. 50. 87. 91. 98—100.
 214.
 Гроддекъ 474. 477.
 Гроза, Александръ 490.
 Гроховскій, Станиславъ 387.
 Груевъ, I. 85.
 Грувчъ, Н. 148.
 Грушковичъ, Сам. 316.
 Гулакъ-Артемовскій, см.
 Артемовскій.
 Гундуличъ, Иванъ 123—124.
 Гундуличъ, Ив. (другой) 125.
 Гурбанъ, Милославъ Юс.
 345—346.
 Гуриничкій, Лука 403.
 Гуроскій, графъ А. 510.
 Гуска, Мартинъ (Локвизъ)
 291.
 Гусъ, Янъ 243. 247. 267.
 271—281. 282. 288.
 Гушалевичъ, Ив. 236. 237.
 239.
 Давидовичъ, Дмитрій 144.
 Данико 133. 137.
 Далимилъ 266.
 Далматинъ, Антошъ 114. 115.
 135.
 Далматинъ, Юрій 148.
 Даничичъ, Юрій 148.
 Данилъ (архiep. серб.) 103.
 Дантаскъ см. Флаксовичъ.
 Дарничъ, Георгій 120.
 Даржичъ, Маринъ 122.
 Дала-Белла, Арделій 109.
 125. 163.
 Демболовскій, Войтъхъ 422.
 Деметеръ, Д. 158.
 Державинъ 193.
 Децій 402.
 Дздушничкій, Маврикій
 (Рыхлицкій) 397. 492.
 Дивковичъ, Матвій 116.
 Длугошъ, Янъ 367. 368.
 Дмитріевъ 196.
 Дмоховскій, Фр. Ксаверій
 452.
 Добнеръ 322.
 Добровскій, Юсифъ 33. 34.
 242. 322.
 Доланскій, Степанъ 285.
 Дометіанъ 103.
 Доница (изъ), Фридрихъ 314.
 Дошенъ, Владъ 129.
 Джорджичъ, Игнатій 126.
 127.
 Дрезнеръ, Оома 407.
 Дубравскій, Янъ 262.
 Дубы (изъ), Андрей 266.
 Дулякскій пошъ 115.
 Дувины-Борковскіе, I. и A.
 490.
 Дѣдицкій, Богданъ 236. 237.
 238.

 Елевмій (патр. болгар.) 55.
 Епифаній см. Славинецкій.
 Ерличъ, Іоакимъ 422.
 Есеняцъ (изъ), Янъ 283.

 Желиговскій, Эдуардъ 490.
 Жеротина (изъ), Карлъ 313.
 314. 315.
 Жефаровичъ, Степанъ 188.
 Живковичъ 145.
 Жидекъ, Павелъ 298.
 Жижка, Янъ, изъ Троицова
 290. 293. 297.
 Жинзифовъ, Р. 85.
 Житавскій, Петръ 205.
 Жуковскій 194.

 Заблоцкій, Францискъ 453.
 Завиша, Кристофоръ 410. 422.
 Завѣта, Юрій 314.
 Залужанскій 312.
 Залускій, Андрей Христо-
 стомъ 418. 419.
 Залускій, Юсифъ Андрей
 426.
 Залъскій, Юсифъ Богданъ
 465—469.
 Замерскій, Мартинъ 312.
 Запъ, Оома 458. 478.
 Захарысевичъ 491.
 Зборовскій, В. 286.
 Збылатовскій, Петръ 391.
 Зейлеръ, Андрей 356—357.
 Зизаній, Лавр. 214.
 Зиморовичъ, Шимонъ и Ю-
 сифъ Варо. 391.

- Златаричъ, Динко 122.
 Златаричъ, Маринъ 124.
 Змасевичъ, Вишцеитій 114.
 Зиорскій, Романъ 489.
 Знойма (изъ), Станиславъ 284.
 Знойма (изъ), Ольдрихъ 292.
 Зринскій, Петръ 138.
 Зубрицкй, Д. 232.
 Зюзоричева, Флора (Щуцери) 122. 123.
 Зупанъ, Яв. 137.
 Игнатовичъ, Якубъ 149.
 Иларионъ Мелгисскій 60.
 Иларионъ (русскій пис.) 211.
 Илчъ, Юванъ 149.
 Илчъ, Лука 109.
 Илькевичъ, Г. С. 234. 236.
 Ипполитъ (кануцнъ) 136.
 Иречекъ 242. 253.
 Исидоровичъ 148.
 Исмаиловскій, Николай 422.
 Исчъ 358.
 Иер-мія, „инокъ болгарскій“ 72—78.
 Иеронимъ Пражскій 243.
 247. 271. 281—282.
 Иоаннъ, Экзархъ болгар. 54. 59.
 Ивановичъ, Павелъ 149.
 Ивановичъ, Петръ 148.
 Ивановичъ, Хаджи-Пайдень 87.
 Иокушъ 353.
 Иорданъ 4. 242. 357.
 Иосифъ Волоцкій 177.
 Кабатинъ, Мартинъ 310.
 Кадринскій, Феликсъ 315.
 Кадлубо, Вак. 368.
 Кадничъ, Антонъ 114.
 Казначичъ 261.
 Калайдовичъ, Конст. 34.
 Калетецъ, Янъ 309.
 Каллимахъ см. Буонакорси.
 Камаритъ, Иос. Властимиль 334.
 Каминскій, Янъ Пенумукъ 455.
 Кампанъ, Янъ 312.
 Капаневичъ, Петръ 125.
 Канижничъ, Антуъ 128. 129.
 Канишъ 291.
 Кантемиръ 190.
 Каништъ 217.
 Караджичъ, Вукъ Стефановичъ 87. 143. 144. 163.
 Караманъ, Матвѣй 114.
 Карамзинъ 194—196.
 Кардиналъ, Янъ 283.
 Карлсберга (изъ), Карлъ 312.
 Карнинскій, Францискъ 452.
 Кассій 129.
 Кастеличъ, Миха 137.
 Кастеллецъ, Матія 136.
 Катанчичъ, Матія Петръ 109. 129.
 Качичъ-Миошичъ, Андрия 126—128. 163.
 Качковский, Сиг. 491.
 Квятка, Григ. (Основьяненко) 222—224.
 Кёшенъ, Петръ 3.
 Керманъ, Данииль 316.
 Кермпотичъ, Иосифъ 129.
 Керстникъ, Янежъ 136.
 Кзель, Петръ 300.
 Кинскій, Францискъ 322.
 Кирилъ и Меодій 33—34.
 Кирилъ (Туровскій) 172.
 Кирилъ Трапезвицкій 214.
 Кирѣвскіе 198.
 Китовичъ, Андрей 453.
 Кленовичъ, Себастьянъ (Asepius) 369. 392—395. 446.
 Климентій Зѣловичъ 217—218.
 Климентъ 54.
 Клянь, Адольфъ 356.
 Кляцпера, Вацлавъ Клим. 334.
 Клупъ 133.
 Клячко, Юліанъ 488.
 Кнежевичъ, Петръ 128.
 Князичъ, Фр. Діонисій (Княжинъ) 452.
 Ковалевскій, Егоръ 92.
 Козманецкій, Вацлавъ 316.
 Козьма (пресв. болгар.) 55. 60. 68. 73.
 Козьма Пражскій 265.
 Коларжъ, Иосифъ 339.
 Коларъ, І. Ю. 335.
 Коларъ, Янъ 59. 330—332. 343. 344.
 Коллонтай, Гуго 420.
 Коловратъ-Либштейнскій 324.
 Коменскій, Янъ Амось 315. 317. 320.
 Конарскій, Станиславъ 425—426.
 Конать, Николай (Finitor) 303.
 Кондратовичъ, Людвигъ (Сырокомя) 369. 489.
 Консчннй 242.
 Константинъ (еписк. болгар.) 55.
 Константинъ, князь Острожскій 182. 214.
 Консулъ, Степанъ 135.
 Коперникъ, Пик. 367.
 Конитаръ, Бартоломей 33. 34. 133. 134. 137. 329.
 Копчинскій, Андрей 429.
 Коранда, Вацлавъ (старшій) 292—293.
 Коранда, Вацлавъ (младшій) 299.
 Корженевскій, Иосифъ 490.
 Кортичъ 132.
 Кортикъ 137.
 Короновичъ (Врублевскій) 361.
 Корсакъ, Юліанъ 489.
 Корчевскій, Витъ 384.
 Костомаровъ, Н. 43. 224. 228.
 Котларевскій, П. 220—221.
 Котомихинъ 185.
 Коубекъ, Янъ Православъ 334.
 Кохановскій, Янъ 369. 375. 880—387. 408.
 Ковховскій, Веспасіанъ 413. 418.
 Крамеріусъ, В. М. 323.
 Красинскій, Сигизмундъ 487—488.
 Крашицкій, Игнатій 435—443.
 Красовицкій, Лавр. 309.
 Крашевскій, Иосифъ Игнатій 489.
 Крель, Себастьянъ 135.
 Крижикій, Андрей 368.
 Крижаничъ, Юрій 27. 185.
 Крижанвичъ 132.
 Кромеръ, Мартинъ 402.
 Кропнискій, Людвигъ 456.
 Кросна (изъ), Павелъ 368.
 Крыловъ 196.
 Кукулевичъ-Сукципскій, Ив. 109. 118. 153. 159—161.
 Кулишъ, П. 226. 227. 228.
 Кумердей, Влажъ 137.
 Курбскій, князь 181. 185. 214.
 Кутень, Мартинъ 312. 313.
 Кухарскій 105.
 Кудчій 227.
 Кюзьничъ, Степанъ 137.
 Лаврентій изъ Вржесова 267. 296.
 Лавровскій, П. 34.
 Лазаревичъ, Л. 146.
 Лангеръ, Ярославъ 334.
 Лангъ 353.
 Ланп, Эліашъ 316.
 Леваковичъ, Раф. 114.
 Левничкій, Иосифъ 234. 237.
 Лелевель, Иоак. 361. 474—476. 487.
 Лемъ 359.
 Ленартовичъ, Теофилю 488. 489.
 Ленгивхъ 423.

- Лещинскій, Станиславъ 424—425.
 Либельтъ, Карлъ 489.
 Лингартъ, Антонъ 137.
 Липскій, Андрей 413.
 Автомержицкій, Гиларій 298.
 Лобковицъ, Богуславъ 300. 302.
 Лобковицъ, Янъ 300. 314.
 Лозинскій 237.
 Локвясъ см. Гусла.
 Ломницкій, Шимонъ 312.
 Ломоносовъ 192.
 Лукавецъ, Янъ 292.
 Лукашевичъ, П. 228.
 Лукашъ 309.
 Лупачъ, Проклпъ 314.
 Луцій 109.
 Лучичъ, Ганнибалъ 120.
 Лучкай, Мих. 239.
 Любенскій, Андрей 356.
 Магарашевичъ, Юрій 145.
 Магнусевскій, Доминикъ 490. 158.
 Мажураничъ, Антонъ 109. 153. 158.
 Мажураничъ, Ив. 153. 158.
 Майковъ, А. 91.
 Максимовичъ, М. 227. 228.
 Максимъ Грекъ 177. 179. 181.
 Малескій, Францъ 478.
 Малетичъ, Юрій 147. 162.
 Малешевичъ, Ив. 135.
 Малиновскій, М. 237.
 Малиновскій, Николай 492.
 Мальчешскій, Антонъ 461—465.
 Малецкій, Авт. 361. 410. 491.
 Марекъ, Я. И. 335.
 Маринковичъ 143.
 Марко-Вовчокъ 227.
 Марта, чешская панна 300.
 Мартинъ, Григорій 352.
 Маруличъ, Маржо (Марули) 115. 117. 119.
 Матвій изъ Янова 247.
 Матичъ 148.
 Маттея 353. 354.
 Маха, К. Г. 334.
 Махачекъ, С. 335.
 Мацфенскій, А. З. 492.
 Мачай, Ал. 341.
 Медаковичъ, Данилъ 149.
 Медаковичъ, Младорадъ 149.
 Медо-Пучичъ 161. 162.
 Мень 354. 355.
 Мерчеричъ, Леонардъ 135.
 Метелко 133.
 Метлинскій, Амвр. 224. 227. 228.
 Миллошичъ, Фр. 3. 4. 33. 34. 50. 92. 137. 329.
 Миллушичъ, Тома 132.
 Миковецъ, Ферд. 335.
 Миладиновы, братья 87. 88. 89.
 Милаковичъ, М. 150.
 Миличъ, Янъ 247. 270.
 Милковскій, Сигизмундъ 488.
 Милутиновичъ, Сми. 92. 146. 147. 149. 163.
 Минчетичъ, Владиславъ 124. 125.
 Минчетичъ, Шишко 119.
 Митисъ, Томашъ 312.
 Митровицъ (изъ), Вратиславъ 314.
 Михайловичъ-Буничъ, Лука 128.
 Михайловичъ, Дм. 149.
 Мицкевичъ, Адамъ 458. 473. 476—487.
 Младеновицъ (изъ), Петръ 284.
 Могла, Амвр. см. Метлинскій.
 Могила, Петръ 215. 407.
 Модржескій, Андрей Фричъ 383.
 Моллеръ, Альбинъ 352.
 Моравскій, Францъ 489.
 Морачевскій, Андрей 361. 489. 492.
 Морштынь, Андрей 417—418.
 Морштынь, Иеронимъ 417.
 Морштынь, Станиславъ 417.
 Мохлапцъ и, Маврикий 487.
 Мрозинскій, Иос. 361.
 Мронговусъ, Крест. Целестинъ 491.
 Мурко 133.
 Мустяновичъ, Ст. 237.
 Мутевъ, Д. 85.
 Мушницкій, Лукіанъ 144. 145.
 Мучковскій, Иос. 361.
 Мѣховита 402.
 Мясковскій, Касперъ 387.
 Нагловицъ (изъ), Рэй см. Рэй.
 Надеждинъ 201.
 Налешковичъ 122.
 Налэнчъ-Коржяевскій, Аполлонъ 490.
 Нарбутъ, Теодоръ 492.
 Нарушевичъ, Адамъ 430. 443—452.
 Нарѣжний 217.
 Небескій, В. 242. 261.
 Неофитъ (іеромонахъ Рильск. и.) 83. 84.
 Неофитъ (архим. Хилад. и.) 84.
 Неруда, Янъ 339.
 Несецкій, Касперъ 423.
 Несторъ 26. 210. 211.
 Неѣдлы, Войтѣхъ 323.
 Неѣдлы Янъ 323.
 Николаевичъ, Юрій 150.
 Николычъ, А. 146.
 Николычъ, І. 146.
 Нияъ (Сорскій) 177.
 Новиковъ 193. 201.
 Новка 359.
 Норвидъ, Киприанъ 488. 489.
 Нудожерскій, Лавр. Бенед. 312.
 Нѣгошъ, Петръ Петр. (владыка Черногорскій) 146. 149. 150.
 Нѣмецъ, Петръ (Жатецкій) 292.
 Нѣмцевичъ, Ю. У. 453. 454. 455.
 Нѣмцова, Божена 335.
 Обрадовичъ, Досноей 140—142.
 Огняновичъ, К. 85.
 Одынецъ, А. Э. 478. 478. 489.
 Олеска (изъ), Вацлавъ 237. 289.
 Оломуцкій, Августинъ 300.
 Опалинскій, Кристофоръ 413.
 Опатъ, Венешъ 300.
 Орбинъ, Мавро (Mauro U. - bini) 118. 125.
 Оржельскій, Свентославъ 402.
 Осиньскій, Людвигъ 455. 459.
 Осповьяпенко см. Квитка.
 Отвиновскій, Эразмъ 422.
 Отгерсдорфа (изъ), Сикстъ 312.
 Оходкій, Янъ Дувлявъ 473.
 Павловичъ, Теодоръ 146.
 Павянский см. Скарга.
 Пагловицъ 136.
 Палаузовъ, Спир. 34. 50.
 Палацкій, Францъ 91. 242. 252. 267. 327—328. 340.
 Палечъ, Степанъ 284.
 Палицинь, Авр. 182.
 Палковичъ, Юрій 342.
 Палковичъ, Юрій (2-й) 342.
 Пальмотичъ, Юній 124. 125.
 Пальмотичъ, Яковъ 124. 125.
 Панъ 359.
 Папроцкій, Бартошъ 260. 314. 403.
 Парошъ, Янъ 370.
 Парешій, Зографскій 85.
 Пассекъ, Янъ 410. 411. 422—423.

- Пастричъ, Янъ 114.
 Пауля, Жегота 239.
 Пачичъ, Юванъ 146.
 Пелегриновичъ 122.
 Пельгржимовскій, Николай
 (Бискупецъ) 292.
 Пельцель, Фр. 322. 323.
 Пергошичъ, Ив. 131.
 Петровичъ, Теодоръ 150.
 Пехъ 354.
 Пешина, Томашъ 316.
 Пиляржикъ, Степанъ 316.
 Писарскій, Ахатій 413.
 Писаръ, Бартошъ 312.
 Писецкій, Вацлавъ 308.
 Пяцекъ, В. Я. 334.
 Погливъ, Маркъ 136.
 Погодинъ 198.
 Подура, Тимко 237.
 Подборадъ, Гивекъ 212.
 Полакъ, Милоша Здирадъ
 323.
 Полевой, Н. 195. 200. 201.
 Полодкій, Симеонъ 215.
 216.
 Поль, Викентій 491.
 Поповичъ, Евг. 146.
 Поповичъ, Юваль Ст. 146.
 147. 148.
 Поповичъ, Матвѣй 135.
 Поповичъ, Милошъ 148.
 Поповичъ, Райно 84.
 Посошковъ 189.
 Потоцкій, Вацлавъ 413—
 417.
 Пражскій, Григ. см. Григорій.
 Праусъ 158.
 Прахатицкій, Христіанъ
 283.
 Прейсъ, Петръ 34.
 Прелучъ (изъ), Оома 309.
 Преторій 354.
 Прешернъ, Францъ 137.
 Пржибыльскій, Акиней 452.
 Пржилецкій, Станиславъ
 413.
 Прибрамъ, Янъ 285.
 Прокоповичъ, Теофанъ 191.
 Прокко 297.
 Прокошъ, чешскій „братъ“
 309.
 Прокошъ Пильзенскій 283.
 Прохазка, Фаустинъ 266.
 323.
 Пулкава 266.
 Пуркинъ 334.
 Пушкарь, Ант. Ярославъ
 323.
 Пушкинъ 196—168.
 Пфлегеръ 339.
 Пфулъ 358.
 Пэнъ, Петръ (Англичанинъ,
 English) 291.
 Пясецкій, Павелъ 418.
 Равникаръ, Матеужъ 137.
 Радзивиль, Альбрехтъ 422.
 Радневичъ, Бранко 149.
 Радищевъ 194. 201.
 Радлинскій 347.
 Радолинскій, А. 237.
 Радуловъ, С. 85.
 Райковичъ, І. 149.
 Райчъ, І. 50. 91. 139.
 Райчъ, Ст. 139.
 Раковецъ 158.
 Раковский, Г. С. 88.
 Рапнина, Динко 122.
 Рачкій, Франьо 34.
 Релковичи, М. А. и І. Ст.
 128.
 Ржевускій, Генрихъ 484.
 490.
 Ригеръ, Л. 4. 840.
 Ристичъ 92.
 Риттерсбергъ 335.
 Рожитала (изъ), Левъ 314.
 Роза 129.
 Розенберка (панъ, изъ) 266.
 Рокицана 268. 286.
 Романовскій, Мечиславъ 491.
 Ростокъ 358.
 Рубецъ, Фр. Яр. 335.
 Рудавскій, Лаврентій 418.
 Руднай 342.
 Рышницкій см. Дзѣдушицкій.
 Рэй изъ Нагловиць 375—
 380.
 Сабина, Карлъ 242. 385.
 Савва (архіеп. серб.) 102.
 Савчинскій 236.
 Сакцинскій см. Кукулевицъ.
 Салатичъ, Ив. 128.
 Сапуновъ, Петръ 83.
 Сербѣвскій (Sarbevius) 369.
 Светичъ, Милошъ (исевд.)
 см. Хаджичъ.
 Свотлякъ 353.
 Сельякъ 109. 157.
 Семенскій, Люціанъ 490.
 Семъ, Ник. см. Шаржинскій.
 Сильвестръ (поль) 181.
 Скала, Павелъ, изъ Згоржп
 315. 316.
 Скара, Петръ, Павэнзскій
 397—402.
 Скворода, Григорій 218—
 220.
 Скоринна, Фр. 214.
 Славата, Вилемъ 316.
 Славиннецкій, Елифаній 182.
 215. 216.
 Словацкій, Евсевій 474.
 Словацкій, Юлій 488.
 Слопуховскій, Андрей, изъ
 Слупя 371.
 Смилъ изъ Пардубиць (Фляш-
 ка) 262—264.
 Смолеръ, Янъ Эрнестъ 4.
 356—359.
 Снядецкій, Янъ 429. 454.
 Соколовъ 252.
 Соларичъ 142.
 Соркочевичъ 128.
 Спасичъ, М. 148.
 Срезневскій, И. 84. 50. 228.
 348.
 Стадницкій, Казиміръ 492.
 Стаматовичъ, П. 146.
 Станкевичъ 201.
 Старовольскій, Симонъ 410.
 423.
 Сташиць 454.
 Стенавъ (Истриянинъ) 114.
 Стефанъ Первовѣчанний
 (краль серб.) 102.
 Стойковичъ 142.
 Стойшичъ, П. 146.
 Стоядиновичева, Милица 149.
 Стояновичъ-Кипиловскій 83.
 Стоячковичъ, А. 149.
 Стрибрскій, Яковъ 282.
 Стричъ, Юрій 312.
 Стрийковскій, Матвѣй 403.
 Стула 109.
 Субботичъ, В. 148.
 Субботичъ, І. 92. 146. 148.
 162.
 Сукопъ 389.
 Сумарковъ 190.
 Сувдечичъ, Юваль 150.
 Суровецкій 3.
 Сырокомля см. Кондрато-
 вичъ.
 Таблиць, Богуславъ 323.
 Таборскій, Янъ 309.
 Тамъ, Карлъ 321. 322. 323.
 Тараскій, Ив. 155.
 Терланчъ 139.
 Тиверій 353.
 Твалъ, І. К. 335.
 Ткалаць, Имбро 161.
 Толнискій 486.
 Томашичъ, Никола (Nic-
 colo Tommasco) 158.
 Томекъ, В. В. 242. 267.
 Топола, Кирилъ 224.
 Трановскій, Юрій 315.
 Трембецкій, Станиславъ 430.
 432—435.
 Третовскій, Брониславъ
 488.
 Труберъ, Примусъ 135—
 136.
 Тудижевичъ, Мароие 126.
 Тургеневъ 202.
 Турзо, Станиславъ 300.
 Туринскій, Ф. 335.
 Туровскій, Юс. 362.
 Унгаръ 322.
 Унгпадъ 114. 135.

Устѣповичъ 284. 287.
Утѣшовичъ 149. 162.
Уфѣйскій, Корнелій 491.

Фабрицій 853. 854.
Фандли, Юрій 341.
Феланскій, Алоизій 455.
Феричъ, Юрій (Гвозденца)
128.

Филаретъ (еп. рижскій) 34.
Финкъ, Арт. 340.
Флаксбандеръ, Янъ (Дан-
тискъ) 368.

Фойгтъ 322.
Фонъ-Визанъ 191.
Фотановъ, К. 85.
Франтишекъ 265.

Френцель см. Бранцель.
Фредро, Александръ 455.
Фрицъ, Помагай-Богъ 355.
Фрицъ, Янъ 354. 355.

Фричай, Томашъ 328.
Фричъ, Андрей см. Модр-
жевскій.

Фричъ, Иосифъ 339.
Фрушичъ, Ст. 149.

Хаджичъ I. (Светичъ) 145—
147.

Хаджичъ П. 142.
Хвалетичъ (изъ), Вацлавъ
284.

Хельчицкій, Петръ 304—
309.

Хидья, Юрій 128.
Ходаковскій, Зоріанъ До-
ленга 3. 238. 241.

Ходзько, Александръ 478.
Ходзько, Игнатій 489.
Хойецкій Эдм. 242. 488.
489.

Хомяковъ 198.
Храбръ (монахъ) 55.
Христаки-Дунничанинъ 84.

Цамблакъ, Григорій 55. 108.
Цанковъ, Драганъ 50. 86.

Цваръ 859.
Цейнова 8.
Цертелевъ, П. князь 228.
Циборъ изъ Цимбурка 301.
302.

Цуццери, Бернардо 125.
Цуццери, Флора см. Зуво-
ричева.
Цѣшковскій, Августъ 489.

Чайковскій, Антошъ 489.
Чайковскій, Михайлъ 488.
Чанекъ, Янъ 292.
Чарикова (изъ), Янъ 368.

Чепаловичъ, Гергуръ 129.
Чейковскій 339.
Челяковскій, Фр. Лад. 3.
242. 332—333.

Чериниъ, Германъ графъ
316.
Черновичъ, Юрій 104.

Чехъ, Николай 297.
Чечотъ, Иванъ 478.
Чойковичъ, Чубръ (псевд.)
см. Мядутиновичъ.

Чубрановичъ, Андрія 121.
122.
Чуличъ, Матей 128.

Шайноха, 413. 492..
Шаржинскій, Ник. Семъ
387.

Шафарикъ, Павелъ Иосифъ
3. 8. 10. 14. 33. 34. 79.
92. 102. 109. 118. 133.
213. 242. 252. 255. 326
—327. 334. 343. 344.

Шафарикъ, Янко 91. 148.
Шашкевичъ, М. 284. 289.
Шварцъ 194.
Швеаръ 109.

Шевченко, Тарасъ 222. 224.
225—226.

Шейковскій 227.
Шембера, Аловъ 242.
Шенлебенъ, I. Л. 136.
Шеховичъ, Г. С. 236.

Шимоновичъ, Шимонъ 369.
388. 389—391.
Шлядлеръ 359.
Шшкочъ (адмиралъ) 196.
252.

Шлехта, Янъ 300. 303.
Шмигъ, Генрихъ 492.
Шмуцъ 353.
Штемпель 859.

Штернберга (изъ), Игнатій
316.
Штитный, Тома 270. 271. 272.

Штульцъ, Вацлавъ 334.
Штурмъ, Вацлавъ 307.
Штуръ, Людевитъ 43. 344
—345.

Шуйскій, Иосифъ 492.
Шумавскій, Франта 242.
Эрбенъ, Карлъ Яроміръ 242.
270. 334.

Юкичъ, 50. 91. 164.
Юнгманъ, Иос. 242. 328—
329.
Юричичъ, Юрій 135.

Яблоновскій, Янъ 423—424.
Яблонскій, Болеславъ 334.
Якобъ 354.

Якубекъ см. Стрибрскій.
Якубицъ, Михайлъ 352.
Якубъ 358.
Ямбрежичъ 109.

Янежичъ 133.
Яницкій, Климентъ 369.
Янковичъ 139.
Янова (изъ), Маттй 270—
271.

Янъ, I. 339.
Янъ изъ Васлицы, см. Ва-
лицца.

Япель, Юрій 137.
Ярлохъ 265.
Яричъ, Урбанъ 137.
Феодосій 211.